ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

1. ПРИ **1871.**

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей съ пересылкою—семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ

„ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.“

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ.*

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й. статья *М. Ѳ. Шугурова.*

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ“. Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шароградской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ).*

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева.* съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де Лирія,* бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева.*

Густавъ Биронъ, братъ Регента. статья *Хмырова.*

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича.*

Семейство Разумовскихъ.—I. Графъ Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова,* написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка“.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

(1871).

МОСКВА.
Типографія В. Грачева и Кº, у Пречистенскихъ въ д. Шиловой.
1871.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ЗА 1871 ГОДЪ

XIX ВѢКЪ.

КЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

СМѢСЬ.

О ПРЕДИКѢ

Вологодскаго епископа Амвросія (Юшкевича) на бракосочетаніе Принцессы Анны Леопольдовны съ Герцогомъ Антономъ Ульрихомъ 3 іюля 1739 года.

Въ Церемоніальномъ Журналѣ 1739 года, подъ 2-мъ числомъ іюля, записано, что въ этотъ день, послѣ торжественнаго пріема цесарскаго посла, было «объявленіе и обрученіе къ законнобрачному сочетанію Ея Высочества Благовѣрныя Государыни Принцессы Анны съ Его Свѣтлостію Принцомъ Антономъ Ульрихомъ, Герцогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, въ галереѣ». А на другой день совершено и «законнобрачное сочетаніе Ея Высочества Благовѣрныя Государыни Принцессы Анны съ Его Свѣтлостію Принцомъ Антономъ Ульрихомъ, Герцогомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, со учрежденною по церемоніалу церемоніею». Эта церемонія подробно описана въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ того-же года (№ 55, іюля 10), гдѣ, между прочимъ, сказано, что въ церкви пресвятыя Богородицы Казанскія на перспективѣ, «церемонія (sic) брака отправлялъ Его Преосвященство Архіепископъ (д. б. епископъ) Вологодской». Обычай времени требовалъ, чтобы такое торжество ознаменовано было проповѣдью, и преосвященный по этому случаю долженъ былъ сказать предику, которая тогда же была и напечатана съ латинскимъ переводомъ В. Тредіаковскаго, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: »Божіе благословеніе въ природныхъ трехъ сокровищахъ Ея Высочества Государыни Прінцессы Анны и Свѣтлѣйшаго Князя и Государя Антона Улріха Герцога Брауншвейгскаго и Линебургскаго пребывающее, въ день же высочайшаго Ихъ брачнаго сочетанія іюля 3. 1739 года проповѣдію изъясненное и въ незабвенную память отъ усердія вѣрнѣйшаго Ихъ слуги и Богомольца Амвросія Епископа Вологодскаго Ихъ Свѣтлостямъ принесенное. Печатано при Імператорской Академіи Наукъ». Въ латинскомъ переводѣ: «Diuina benedictio existens in tribus peculiaribus dotibus Serenissimae Dominae ac Principis Annae nec non Celsissimi Principis et Domini Antonii Ulrici Ducis Brunsuicensis et Luneburgensis quam fausto tempore nuptiarum concione celebrauit A. D. (т. е. anno Domini) MDCCXXXIX. d. III. Iulii. tandem in perpetuam rei memoriam Conjunctis matrimonio his Principibus dicauit devotissimus seruus et ad Deum precator Ambrosius Episcopus Vologdensis interprete Basilio Trediakoffski. Typis Imperialis Academiae Scientiarum Petropolitanae».

О достоинствѣ этого перевода сочинитель далъ слѣдующій отзывъ, напечатанный въ концѣ предики: «Sermonen hunc, e Ruthena Lingua in Latinam, per Cl. D. *Basilium Trediakofski, Secretarium Akademiae Petropolitanae*, stilo eleganti, versum, ac coram Me perlectum audiui, eumque sensu Meo per omnia accommodatum obseruaui. Quapropter hoc Testimonium dedi. Ambrosius Juszkiewicz, Episcopus Vologdensis et Bialoieserensis M. P. (т. е. manu proprio). Чтò касается до самой предики, то она отличается и остроумною находчивостью, и стройностью въ мысляхъ, и, судя по времени, хорошимъ языкомъ. Три природныя сокровища, о которыхъ упоминаетъ заглавіе предики, проповѣдникъ указываетъ—«первѣе, въ превысочайшей славныхъ Предковъ фа-

миліи; второе, въ августѣйшемъ съ первѣйшими Европейскими Монархами свойствѣ; третіе, въ пресвѣтлыхъ природныхъ гербовъ клейнодахъ» (стр. 7). Въ настоящее время эта предика преосв. Амвросія составляетъ библіографическую рѣдкость, чему причиною было, между прочимъ, и распоряженіе Правительствующаго Сената, изъясненное въ вѣдѣніи Святѣйшему Сѵноду отъ 16 ноября 1743 года. Вотъ это вѣдѣніе: «Понеже по имянному Ея Императорскаго Величества указу, объявленному въ вѣдѣніи изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода въ прошломъ 1742 году въ октябрѣ мѣсяцѣ, опредѣленіемъ Правительствующаго Сената публиковано печатными указами *), дабы всякъ, кто имѣетъ церковныя или гражданскія книги, печатанныя по кончинѣ блаженныя памяти Государыни Императрицѣ Анны Іоанновны, въ правленіе бывшаго герцога Курляндского и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской, для надлежащаго въ титулахъ переправленія, объявили или чрезъ повѣренныхъ своихъ прислали сѵнодальные въ Московскую и Санктпетербурхскую, а Кіевскіе и Черниговскіе въ тамошніе типографіи, гдѣ оныя печатаны; а напечатанныя жъ въ Десіансъ-Академіи во оной Академіи отъ публикованія о томъ указовъ въ полгода. Буде же кто такія книги у себя удержитъ и въ надлежащихъ мѣстахъ не объявитъ, за то каждый безъ всякаго упущенія оштрафованъ будетъ. Ежели жъ кому за дальностію или иныхъ ради какихъ либо невозможностей вскорѣ самому или чрезъ кого другова переслать въ тѣ типографіи будетъ невозможно: то въ губерніяхъ въ губернскія, а въ провинціяхъ и городѣхъ въ воеводскія канцеляріи при доношеніяхъ подавать; а тѣмъ мѣстамъ, собирая, при первыхъ оказіяхъ отправлять куда надлежитъ. А нынѣ Правительствующему Сенату дѣйствительной тайной совѣтникъ, кавалеръ и генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичь Трубецкой предложилъ, что въ Академіи Десіансъ найдена предика, печатанная на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ, которая въ 1739 году іюля 3 дня Амвросіемъ, епископомъ Вологоцкимъ, что нынѣ архіепископомъ Новгороцкимъ, въ день брачнаго торжества принцессы Анны и принца Антона Брауншвейгъ-Люнебургского проповѣдана была; и хотя оная печатана и при жизни блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, но многія въ ней рѣчи находятца касающіяся до принцессы Анны съ ея супругомъ и ожидаемого отъ нихъ наслѣдства, какъ во оной явствуетъ, которая предика предъ Правительствующимъ Сенатомъ и чтена. И притомъ онъ же господинъ генералъ-прокуроръ представлялъ: не соизволитъ ли Правительствующій Сенатъ за благо разсудить и о тѣхъ предикахъ публиковать—у кого оные есть, тѣ бъ немедленно отдали ихъ, а имянно въ Санктпитербурхѣ въ Академію Десіансъ, а въ Москвѣ и въ протчихъ губерніяхъ, провинціяхъ и городѣхъ въ губернскіе и воеводскіе канцеляріи, дабы оны отнюдь нигде ни у кого не остались; а изъ тѣхъ канцелярей оные немедленно жъ прислать въ Десіансъ же Академію. Тако жъ которые предики чинены были и по кончинѣ Ея Величества Государыни Императрипы Анны Іоанновны въ бывшіе правленіи герцога Курлянского и принцессы Анны Брауншвейгъ-

*) Въ Полн. Собр. Зак. этихъ указовъ мы не нашли.

вейгъ-Люнебурхской, и хотя уповаемо, что оные, по вышеписанному о книгахъ публикованному указу, всѣ въ надлежащихъ мѣстахъ объявлены и отданы: однако жъ не соизволитъ ли Правительствующій Сенатъ и о тѣхъ предикахъ въ ту жъ публикацію внесть — ежели оныя у кого есть, какъ печатныя, такъ и письменныя, тѣ бъ по тому жъ, для предписаннаго на нихъ бывшаго принца Іоанна титула, объявили и отдали въ вышеписанныхъ же мѣстахъ. И по указу ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали о вышеписанномъ учинить по тому ево господина генерала-прокурора и кавалера предложенію и, сочиня о томъ публичному указу формуляръ, предложить ко опробаціи; а въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ сообщить о томъ вѣдѣніе, а въ Академію Наукъ послать указъ—велѣть, ежели есть тѣ предики наличныя и которые впредъ въ присылкѣ будутъ, взнесть для положенія въ архивъ въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ. И Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ да благоволитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества указу; а въ Академію Наукъ о томъ же указъ изъ Сената посланъ и въ народъ публиковано будетъ немедленно. Ноября 16 дня 1743 году. (Подписали:) Оберъ-секретарь Матвѣй Козминъ.-Секретарь Семенъ Орловъ.-Канцеляристъ Степанъ Ѳедоровъ». По полученіи такого вѣдѣнія, Святѣйшій Сѵнодъ, въ засѣданіи 7 декабря того же года, постановилъ: «когда опредѣленныя отъ Правительствующаго Сената ко взносу изъ Академіи Наукъ предики въ Святѣйшій Сѵнодъ взнесены будутъ, оныя для положенія въ архивъ принимать сѵнодальному архиваріусу Якову Звѣреву; и сколько когда принято будетъ, о томъ ему, Звѣреву, Святѣйшему Сѵноду репортовать письменно».

Въ доказательство того, что послѣдовавшій за опредѣленіемъ Сената указъ *) былъ исполняемъ, можно привесть слѣдующіе документы **).

I. Промеморія изъ войсковой генеральной канцеляріи в' Десиянсъ Академію.

Въ указѣ Ея Императорскаго Величества іс Правительствующаго Сената, прошлаго 744 года генваря 4 дня въ енералной войсковой канцеляріи полученномъ, между протчіимъ велено предику печатанную на Росискомъ и Латинскомъ языкахъ, которая въ 739 году іюля 3 дня Амвросіемъ, епископомъ Вологодскимъ, что̀ нынѣ архіепископъ Новгородскій, при винчаніи принцессы Анны і принца Онтона Брауншвейгъ-Люнебургского проповиданна была, в кого оние есть, чтобъ ни в кого не остались, немедленно собравъ в городехъ в губернские и воеводские канцеляріи, прислать ихъ в Академию Десиянсъ: и за силу того Ея Імператорскаго Величества височайшого указу посланними во всѣ Малоросиские полки в полковие канцеляріи указами велено — у кого предъявленние предики могли бъ сискаться, собравъ оние, прислать в войсковую генералную канцелярию. А сего априля 12 дня при доношении с полковой Стародубовской канцеляріи предъявленная в ту полковую канцелярию от бунчукового товарища Василия Романовича імѣвшаясь в него означенная предика прислана, которую вісполнение оного Ея Імпе-

*) Онъ напечатанъ въ Полн. Собр. Законовъ.

**) Первый изъ этихъ документовъ полученъ мною отъ покойнаго П. С. Билярскаго, который занимался разборомъ архива И. Академіи Наукъ.

раторскаго Величества височайшого указу, по опредѣленію генералной войсковой канцелярии, повелено отослать во оную Академию Десиянсъ при промемории, которая при семъ и прилагается. И Десиянсъ Академия да благоволитъ о томъ ведать і чинить по Ея Імператорскаго Величества указу. Дано в Глуховѣ, априлѣ 24 дня 1745 году. (Подписали) Иванъ Бибиковъ.-За старшого войсковой канцеляристъ Григорій Багинской.-Канцеляристъ войсковой Иванъ Андрѣевскій.

Помѣта: Получ. въ канц. Ак. Н. 21 мая 1745. Въ журналѣ академической канцеляріи запис. 22 мая; а в іюня отправлено

II. Въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ отъ Академіи Наукъ доношеніе.

Минувшаго маія 21 дня сего 1745 году прислано въ Академію Наукъ изъ войсковой генералной канцеляріи полученная изъ полковой Стародубовской канцеляріи отъ бунчуковаго товарища Василья Романовича предика на свадьбу бывшей принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской, говоренная бывшимъ архіепископомъ Новгородскимъ Амвросіемъ, который былъ тогда Вологоцкимъ епископомъ. А понеже въ указѣ Правительствующаго Сената, данномъ Академіи Наукъ ноября 16 дня прошлаго 1743 году, имянно написано: ежели тѣ предики есть наличныя и которые впредь въ присылкѣ будутъ, оныя взнесть для положенія въ архивъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода; того ради Академія Наукъ, во исполненіе оного Правительствующаго Сената указа, помянутою, изъ войсковой генералной канцеляріи присланную предику для положенія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода въ архивъ при семъ доношеніи покорно взноситъ. Іюня 6 дня 1745 году. (Подписали:).... Шумахеръ.-Секретарь Сергѣй Волчковъ Помѣта: Слушано іюля 10 дня 1745 года.

Между тѣмъ, еще въ началѣ Февраля этого года сѵнодальный архиваріусъ Яковъ Звѣревъ доносилъ Святѣйшему Сѵноду, что, по силѣ упомянутаго выше опредѣленія отъ 7 декабря 1743 года, «вышеозначенныхъ предикъ, говоренныхъ 1739 года іюля 3 дня, принято имъ и въ добропорядочномъ въ сѵнодальномъ архивѣ храненіи имѣется имянно: прошедшаго октября 22 дня 1744 года по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода Канторы изъ Академіи Наукъ при доношеніи *) присланныхъ изъ Вологодской провинціалной канцеляріи печатныхъ пять предикъ, да того жъ года декабря 3 дня изъ помяненной же Академіи Наукъ присланная **) изъ Бѣлоезерской провинціалной канцеляріи одна; и того шесть предикъ». Что̀ сталось съ собранными въ сѵнодальный архивъ предиками преосв. Амвросія—неизвѣстно.

П. Савваитовъ.

---

*) Отъ 9 октября 1744 года.

**) При доношеніи отъ 23 ноября того же года.

ИЗЪ БУМАГЪ ПРОТОІЕРЕЯ ІОАННА ПАМФИЛОВА.

(Духовника императрицы Екатерины II-й) *)

А. СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ КОЗМИНА.

1.

Высокопреподобный отецъ протоіерей милостивый государь мой Иванъ Ивановичь!

Нѣкто Іосифъ Марковскій просилъ ея императорское величество о воспріятіи его въ вѣру Греческаго исповѣданія; почему ея величество повелѣть изволила, чтобъ ваше высокопреподобіе благоволили извѣдать о его состояніи, и естьли не найдется никакого сомнѣнія, то изволили бъ вмѣсто ея величества быть ему воспріемникомъ, о чемъ донесши и приложа подлинное его прошеніе съ копіею съ данного ему отъ жолтаго гусарскаго полка атестата, имѣю честь быть съ должнымъ почтеніемъ вашего высокопреподобія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга.

Сергѣй Козминъ.

10 Августа 1770. Царское Село.

2.

Высокопреподобный отецъ духовникъ милостивый государь мой Иванъ Ивановичь! Ея императорское величество приказать изволила, чтобъ ваше высокопреподобіе потрудились выбрать въ Казенной [2]) двѣ иконы въ окладахъ съ каменьями, кои богаче другихъ, и приказали бъ ихъ вычистить и исправить, ежели какого исправленія требуютъ; а по исправленіи содержать въ готовности, когда ея величество спросить изволитъ. Я, о семъ донеся, имѣю честь быть и пр.

Сергѣй Козминъ.

26 Іюля 1773. Петергофъ.

3.

Высокопреподобный отецъ духовникъ, милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Ея императорское величество приказать изволила, чтобъ ваше высокопреподобіе заказали написать два образа въ листъ: первый пророка Елисея и Адріана и Наталіи, а другой апостоловъ Петра и Павла и Евстафія, и приказали бы обложить ихъ золотомъ, ежели оные образа отъ Ивана Михайловича Морсочникова [3]) уже не заказаны, о чемъ благоволите у него спросить. Я имѣю честь быть съ должнымъ почтеніемъ и пр.

Сергѣй Козминъ.

4 Августа 1773. Царское Село.

4.

Высокопреподобный отецъ духовникъ, милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Ея императорское величество изволила читать письмо вашего преподобія, ко мнѣ писанное, и повелѣть мнѣ изволила засвидѣтельствовать свое всемилостивѣйшее сожалѣніе о болѣзни дочери вашей и при томъ посовѣтовала вамъ, чтобъ изволили призвать кого нибудь изъ

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся у В. С. Карсакова. *П. Б.*

[2]) Т. е. въ казенной дворцовой палатѣ или кладовой.

[3]) Статсъ-секретаря Екатерины, біографія и служба котораго намъ почти вовсе не извѣстны. Онъ разбиралъ бумаги Брауншвейгскаго семейства (см. Чтенія въ общ. Исторіи и др. 1861, кн. 2-я)

придворныхъ докторовъ для пользованія ея, а что впрочемъ и кромѣ сей законной причины ея величество всегда изволила отдавать на волю вашу пріѣзжать сюда, когда вамъ угодно. Я имѣю честь быть и пр.

Сергѣй Козминъ.

16 Апрѣля. (безъ года) Царское Село.

5.

Высокопреподобный отецъ духовникъ, милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Имѣю честь вашему высокопреподобію донести, что ея императорское величество приказать изволила: 1) недоплаченные по порученной вамъ коммисіи 649 руб. 55 коп. выдать вамъ изъ Кабинета. 2) Отцу Саввѣ [4]) изъ Кабинета же выдать, на уплату долговъ, тысячу рублей, о чемъ отъ меня къ Адаму Васильевичу и писано. 3) Господину Морсочникову приказано сдѣлать для Грузинскаго архіерея, по представленію вашему, сакосъ. Сверхъ того я объявилъ, какъ ему, такъ и господину Шкурину, о сдѣланіи извѣстныхъ подрясниковъ. О чемъ донеся, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Сергѣй Козминъ.

17 Декабря. 1773 г.

Б. КНИГИНИ ШАХОВСКОЙ.

Ваше высокопреподобіе, свѣщеннѣйшій протоіерей Іоаннъ Іоанновичъ!

Прежнія вашего высокопреподобія ко мнѣ благосклонности и знаемость составляютъ мнѣ надежду продолженіемъ оныхъ и нынѣ пользоваться, въ разсужденіи коихъ и осмѣливаюсь я чрезъ сіе о благосклонномъ принятіи изъясненія моего утруждать особу вашего высокопреподобія покорнѣйшею моею просьбою, которая, какъ то изъ послѣдующаго усмотрѣть изизволите, и для васъ необходимою почитаться можетъ. Извѣстно мнѣ, что покойная дочь моя, находившись въ Петербургѣ принятіемъ въ духовенство ваше была удостоена, и по смерти тѣло ея чрезъ особу вашего высокопреподобія землѣ предано, и письмо отъ ней подъ видомъ извиненія съ коварствомъ въ самый день исповѣди ея было ко мнѣ писано, въ которомъ и отъ вашего высокопреподобія о разрѣшеніи ей моей клятвы и о дачѣ благословенія увѣщаніе предписано; но какъ оное письмо дошло до меня послѣ извѣстія уже о ея смерти, то тѣмъ осталось безъ дѣйствія, и распря ея со мной не развязана, что̀ самое составляетъ нынѣ мою прискорбность и о душѣ ея безъ пользы сожалѣніе. А какъ уповательно вашему высокопреподобію о подробностяхъ огорченія моего, чрезъ дочь мою мнѣ наведенныхъ, еще неизвѣстно, то сокращенно оныя при семъ донести имѣю. Я, по долгу матери, старалася надѣлить дочь свою имѣніемъ, купила на имя ея въ Москвѣ домъ, дала во владѣніе до сорока душъ деревню, опредѣлила сыну своему дать ей двѣ тысячи рублевъ денегъ; и такъ на деревню дала вѣрящее о продажѣ и закладу письмо, а на деньги сынъ мой далъ ей вексель. Отъ сего къ ней благодѣянія моего послѣдовало претерпѣваемое мною нынѣ огорченіе, ибо если бъ не имѣла она имѣнія, себѣ достовѣрно ввѣреннаго, то бъ не было причины изъ интересу никому ее обманывать. Во время отлучки моей въ деревню, пригласила она жить къ себѣ подлѣйшаго и бѣглаго

[4]) Придворный священникъ, впослѣдствіи замѣстившій отца Памфилова; онъ соборовалъ умиравшую Екатерину (см. XVIII-й вѣкъ, кн. 2-я, стр. 638).

купца Высоцкаго, который, какъ сдѣлался страсти ея и дому повелителемъ, то дошедшій незапно объ ономъ мнѣ слухъ (какъ и вашему высокопреподобію вѣроятно быть можетъ) гораздо былъ для меня чувствителенъ; почему я всячески старалась зло это прекратить призываніемъ ея къ себѣ въ деревню; но когда она была въ требованіи моемъ упорна, принужденною нашлася сама ѣхать въ Москву; но по пріѣздѣ тамъ, къ несчастію своему, отъ сообщниковъ купца Высоцкаго, состоящихъ по большой части изъ купцовъ же и господскихъ слугъ, встрѣчена наибольшимъ еще огорченіемъ, кои до пятнадцати человѣкъ числомъ въ домѣ у ней были, съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ къ свиданію моему съ ней пресѣчь дорогу, а чрезъ то воспользоваться имѣвшимся у ней моимъ интересомъ, что̀ и произвели такимъ образомъ. Деревню мою, подъ видомъ, будто бъ для ея безопасности, перекрѣпили безденежно, а ей за то обѣщали дать въ руки вексель, въ такой суммѣ, чего деревня стоитъ. Вексель же сыновній у ней выманили, чтобъ на оборотѣ съ поручительствомъ такой же дать. Вы сами изволите судить, сколь много страсть ослѣплять можетъ. Дочь моя, при всей своей болѣзни, вѣрила обо мнѣ и братѣ своемъ дѣлаемымъ смущеніямъ и отдала себя, миновавъ родныхъ, матери и брата, чужому купцу Высоцкому и его сообщникомъ въ покровительство. Я, о всемъ томъ узнавши, для пресѣченія сего надъ дочерью моей несчастія и возврату имѣнія, принужденною нашлася просить помощи у Московскаго полицимейстера, графа Василья Ивановича Толстова, который сжалился на мое состояніе и приказалъ капитану той части, гдѣ дочери моей домъ былъ, оную шайку забрать и дочь мою, изъ ватаги ихъ отдѣля, ко мнѣ возвратить. Но тою просьбою я опоздала: ибо между тѣмъ знали они, что имъ дочь мою, покамѣстъ мои люди при ней бывшіе въ услуженіи въ домѣ находилися, укрыть было невозможно; почему для согнанія ихъ всѣхъ съ двора выдумали средство написать письмо на съѣзжую, что люди будто хотятъ убить помѣщицу до смерти, затѣмъ требована была скорая помощь, почему оные мои люди и забраны были на съѣзжую; а во время небытности ихъ, тѣ подлецы одну только съ сундуками дочь мою увезли изъ дому ея. Я же старалась увозъ тотъ пресѣчь данною отъ полицимейстера командою, которая и пришла въ домъ, но не прежде какъ ужъ было все разграблено; и тутъ оставленъ былъ родственникъ мой, старикъ лѣтъ шестидесяти, въ ихъ же ватагу лукавствомъ плутовъ заведенный, на имя котораго деревня моя перекрѣплена. Онъ, видя такую разстройку, пріѣхавши ко мнѣ, всѣ подробности умысловъ разсказалъ и потомъ для возвращенія имѣнія моего далъ было вексель за мою деревню, покамѣстъ крѣпостьми оная ко мнѣ не возвратится. Но тѣ обманщики, видя успѣхи свои подорваны, старалися онаго старика увести, и въ самомъ дѣлѣ въ крѣпостной конторѣ, множественнымъ числомъ собравшися, въ ватагу свою закружа его, увели съ собою и во испроверженіе векселя, имъ даннаго, научили его на меня и на сына моего подать въ Сенатъ челобитную, что будто бъ тотъ вексель былъ вымученъ, и бездѣльническими происками сдѣлали то, что Сенатъ велѣлъ меня и сына моего слѣдовать. Представьте батюшка, каково мнѣ при старости

моей видѣть сей ударъ, что не только дочь, имѣніе, но и у самой меня честь отнять плуты старались; однакожъ Богъ—всякой неправды запинатель, и напрасно затѣянное мошенничество само по себѣ обличилося, и къ возврату деревни моей далъ послѣ этотъ старикъ вексель самъ дочери моей во время ея отъ меня укрытія, тихонько отъ всѣхъ прочихъ ватаги своей служителей. И когда наконецъ дочь моя сыскана мною была, то оной вексель и былъ въ рукахъ у того хозяина, въ чьемъ домѣ она жила. Я несказанно была обрадована возвращеніемъ ко мнѣ погибающей дочери моей, однакожъ та радость превратилась мнѣ въ наипущее огорченіе: ибо вмѣсто добраго сердца, прежде у ней бывшаго, я нашла въ ней отъ худаго сообщества все сборище гнусныхъ пороковъ и послѣ произведеніемъ на свѣтъ незаконно мнѣ внука чуть не привела и меня къ смерти. И отъ того просила она меня, чтобъ, въ отведеніе огласки, вывесть изъ дому къ ея пріятельницѣ поручицѣ Кропотовой. Я, не знавъ, что эта Кропотова другъ купца Высоцкаго, обманулася просьбою дочери моей, отвезла ее на нѣсколько дней, гдѣ она, бывши недолго, отъ меня на вѣкъ скрылася и съ Высоцкимъ въ Петербургъ уѣхала.

Я подробность сего со мною приключенія вашему высокопреподобію сообщила за тѣмъ, что вамъ, можетъ быть, совсѣмъ другое было пересказано; а я, какъ нынѣ узнала отъ пріѣхавшаго человѣка моего, что и духовная отъ дочери моей оставлена, которую мнѣ по долгу матери знать долженствуетъ, и на оное принимаю смѣлость вашему высокопреподобію донести, что дочери моей справедливо завѣщать было нечего: ибо она въ винѣ своей противъ меня признаться, можетъ быть, и желала, да будучи одна въ рукахъ Высоцкаго и зятя его секретаря Максимова, въ томъ чрезъ ихъ наставленіе и всегдашнее смущеніе была воспрепятствована; ибо и добродѣтельнаго человѣка худое сообщество портитъ, кольми же паче отдавшагося страстямъ человѣка приводитъ оно въ ровъ погибели, что̀ самое съ дочерью моей и послѣдовало отъ обхожденія ея съ людьми безбожными. Почему, есть ли возможно къ облегченію хоть мало прискорбности моей, милость вашего высокопреподобія мнѣ оказать, нижайше прошу копію съ оставленной духовной отъ дочери моей мнѣ сообщить. Впрочемъ, въ ожиданіи милостиваго неоставленія, пребуду вашего высокопреподобія покорнѣйшая по услугамъ

Княгиня Прасковья Шаховская.

1770 году
Іюля 23 дня
Кашинскаго уѣзда
село Рылово.

В. АРХИМАНДРИТА ЗОСИМЫ.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ, высокомонаршій духовникъ, милостивонадежнѣйшій благодѣтель мой!

Указомъ святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода повелѣно, чтобъ въ Лаврской типографіи печатаемы были книги, сходственно съ книгами Московской типографіи, наблюдательство имѣть Кіевской академіи префекту, а свидѣтельство имѣть кому онъ отъ себя въ томъ повѣритъ. Отъ Лавры Кіевопечерской, предвидя съ того наичувствительнѣйшую себѣ обиду, отправлено въ святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ доношеніе съ прошеніемъ, чтобы по примѣру, какъ въ наблюдательствѣ печатанія и исправленія книгъ довѣренность

возвращена преосвященному Черниговскому, такъ и Лавры того не лишая, такову жъ довѣренность возвращено. Въ слѣдствіе чего вашего высокопреподобія нижайше прошу для Лавры святой милостиво не оставить просимою резолюціею; ежели жъ зачѣмъ того Лаврѣ получить невозможно, то попрежнему повелѣно бъ было отсылать книги въ Контору святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода; а чтобы трудящимся въ чтеніи тѣхъ книгъ не было тягостно, Лавра награжденіе чинить имъ будетъ; въ чемъ на милость вашего высокопреподобія благонадеженъ будучи, пребываю Кіевопечерской Лавры архимандритъ *Зосима*.

1775 г. Іюля 12 дня.
Съ Лавры Кіево-Печерской.

Г. ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ духовникъ ея императорскаго величества, милостивый отецъ и благодѣтель мой! Доношенія мои, а нужнѣйшее о томъ, чтобъ дозволено было принимать мнѣ желающихъ отъ Уніи возвратиться къ Церкви нашей православной, посылая въ святѣйшій Правительствующій Синодъ, по особливому высокопреподобія вашего о Церквѣ святой попеченію, крѣпко уповаю, что въ такомъ дѣлѣ споспѣшествовать не оставите, о что и прошу всепокорнѣйше. При томъ, за обновленіемъ года, желая вашему высокопреподобію укрѣпленія здравія вашего и продолженія жизни при вожделеннѣйшемъ состояніи, съ тѣмъ усердіемъ и почитаніемъ достодолжнымъ пребыть имѣю всегда покорнѣшій слуга и богомолецъ епископъ Могилевскій

Георгій.

Посылаемые при семъ малиннику и заѣдокъ четыри, есть ли въ цѣлости довезутся, милостиво принять прошу покорнѣйше.

Февраля 24-го, 1775 г.
Могилевъ.

Д. АРХИТЕКТОРА КНЯЗЯ МАКУЛОВА.

Высокопреподобный отецъ протопресвитеръ, милостивый государь мой! Простите мнѣ мое дерзновеніе, что вторично васъ утруждаю. Ничто иное одобряетъ въ моемъ изъясненіи, какъ вашего высокопреподобія ко мнѣ отеческая милость. Первое, приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность за доставленіе ко мнѣ милости его высокопревосходительства Ивана Ивановича [5]): не иной кто какъ вы сіе первое мнѣ исходатайствовали. Я сегодня получилъ письмо, которое позволяетъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ; но еще покорнѣйше прошу, въ случаѣ разговоровъ, защитите меня отъ приготовленныхъ для меня розныхъ родовъ осужденій. Надѣюсь, вамъ извѣстно, что посланъ изъ Конторы Строенія указъ князю Тюфякину, чтобъ стѣны дворца, также и на заводахъ кирпичь, освидѣтельствовать, которое исполнено, и собраны архитекторы тѣ, которые имъ были надобны; первой Бажановъ, второй Бланкъ, какъ тотъ самъ тщится оное мѣсто занять, а прочіе три человѣка такіе люди, которые имъ подлаживаютъ. Въ смотрѣ сказали въ стѣнахъ дворца трещины и будто кирпичь на оное строеніе негоденъ, а годенъ на другое строеніе. Изъ оныхъ отвѣтовъ, надѣюсь, изволите усмотрѣть, что какое пристрастіе! О чемъ удивясь, персонально вамъ доложу пространнѣе мое намѣреніе, какъ я вамъ

[5]) Бецкаго.

и въ Москвѣ докладывалъ, чтобъ уступить сіе мѣсто желающимъ: видно, что удержать мнѣ его нельзя. Я, можетъ, имъ въ желаемыхъ ими успѣхахъ мѣшать буду. Только бъ, милостивый государь, отойтн съ хорошимъ поведеніемъ, а злодѣи мои и того меня лишить стараются.

Князь Петръ Макуловъ.
Генваря 27 дня 1776 года.
Москва.

Е. ПРОТОІЕРЕЯ АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА ПЕТРА АЛѢКСѢЕВА.

I.

Высокопреподобнѣйшій отецъ протопресвитеръ, милосердый отецъ и благодѣтель! За милостивой вашъ обо мнѣ отзывъ, въ Петергофѣ брату моему сказанной, покорнѣйшую приношу благодарность, нижайше прося ваше высокопреподобіе о неоставленіи и впредь меня, вашего слугу, драгоцѣнною для меня милостію, которую на себѣ носить почитаю за отмѣнное въ жизни счастіе. А что до сего времени умедлилъ я благодареніемъ, тому причиною, кромѣ другихъ недосуговъ по собору, духовенству и учебнымъ дѣламъ, печаль, которою Богу угодно посѣтить меня 23-го Іюня: ибо въ крестномъ ходу публично обругалъ меня отецъ протоіерей Успенскій [6]) безъ всякой съ моей стороны причины. На Ивановской площади кричалъ во все свое громогласіе: *поди, плѣшивой, отсюда прочь; я терпѣть тебя не могу.* Потомъ приказывалъ своимъ сторожамъ, чтобъ толкали меня по шеѣ; того не довольно, тупинками меня потчивалъ и какъ я, обратяся къ нему, просилъ его, дабы оставилъ меня съ покоемъ и не дѣлалъ бы больше народу соблазна, то онъ, паче разсвирипѣвъ, грозилъ мнѣ большою своею палкою, чего убояся принужденъ я выступить вонъ изъ ряду и, протестовавши Самуилу преосвященному, тогда за крестами шествовавшему, удалиться отъ него подалѣе.

На письмо мое преосвященный Московскій отозвался о томъ дѣлѣ милостиво и увѣрялъ, что онъ ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ участія не возметъ по сему дѣлу; судить же его, яко не Московской епархіи протопопа [7]), не можетъ; притомъ апробовалъ заочно, что я шелъ тогда въ своемъ мѣстѣ, то есть по лѣвую сторону игумена.

Однако протоіерей Успенскій, обидѣвши меня безвинно, подалъ въ Конторѣ Синодальной представленіе, чтобъ закрыть свой азартный поступокъ, и заутра уповательно позовутъ меня ко отвѣту. *На зачинающаго Богъ!* Есть ли дойдетъ дѣло до святѣйшаго Сvнода, покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе защитить меня въ моей невинности, яко беззащитнаго человѣка, за что́ долженъ вѣчно благодарить единственнаго моего милостивца и просить Бога о продолженіи дражайшей вашей жизни и благоденствія. Впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ пребуду вашего высокопреподобія милосердаго отца покорнѣйшій слуга и богомолецъ *Петръ протоіерей Архангельскій.* (1778)

---

[6]) Александръ Левшинъ, братъ митрополита Платона. Желающимъ ближе ознакомиться съ замѣчательною личностью Петра Алексѣева, указываемъ на статью о немъ Н. П. Розанова въ первой книгѣ Душеполезнаго Чтенія за 1869 г.

[7]) Т. е. находящагося подъ прямымъ начальствомъ Сvнода.

II.

Высокопреподобнѣйшій отецъ протопресвитеръ, милостивый государь! Во удовольствіе любопытства имѣю честь донести вашему высокопреподобію росписаніе Московскихъ церквей, изъ собранныхъ мною отъ здѣшняго духовенства въ 773-мъ году вѣдомостей сочиненное. При семъ покорно прошу замолвить за меня безпомощнаго слово великодушному моему архипастырю, преосвященному Платону архіепископу. По доносу ключаря Архангельскаго, а по резолюціи его преосвященства, мучитъ меня здѣшняя Консисторія строжайшимъ слѣдствіемъ, якобы за оскорбленіе святительства присѣдѣніемъ на архіерейской каѳедрѣ. Но какъ сіе учинилося не во время службы церковной, притомъ не отъ презорства власти архіерейской, а истинно невзначай, свидѣтельствующей моей совѣсти. Когда, затворившися въ соборѣ, примѣривали и прибивали къ каменному церковному столпу фигурной крепъ для повѣшенія новой лампады предъ ракою Черниговскихъ чудотворцевъ, я пристально смотрѣлъ за тою работою, стоя на облачальномъ амвонѣ. И по случаю сору и пыли, сверху посыпавшихся, отступая назадъ и не догадавшися, на покрытую сукномъ каѳедру присѣлъ, съ которой тотчасъ всталъ, не подавши никому постороннимъ соблазна. Вотъ все мое преступленіе!

Но какъ преосвященный на меня гнѣвенъ, особливо по причинѣ азартнаго братомъ его со мною поступка, въ крестномъ ходѣ 23 Іюня бывшаго, и дошедшаго до высочайшихъ слуховъ, то и ключарь, во угодность его преосвященства, сдѣлался доносителемъ и Консисторія уважаетъ сіе дѣло аки криминальное. Не принявши еще отъ меня оправданія, выписываетъ изъ военнаго процесса строжайшіе законы къ оштрафованію невинности, оставя новоблагодатную инструкцію Матѳ. 6,14 и глав. 18,21 и стих. 35, такъ же 1 Петр. 5. 3. Хотя сей неумышленный поступокъ ни противъ Бога, ни противъ церкви Его, но истецъ есть самъ главный судія, то и считаютъ меня уже погибшимъ вовсе. Если преосвященный проговоритъ о семъ дѣлѣ въ святѣйшимъ Сѵнодѣ, то покорно прошу что нибудь сказать въ мое защищеніе. Я же пребуду вашего высокопреподобія нижайшій слуга

Петръ протоіерей Архангельскій.

III.

Всечестнѣйшій отецъ протопресвитеръ, милостивый государь! Сими строками хотѣлъ бы я изъяснить вашей пречестности то усердіе, которымъ наполненъ мой духъ къ вашей отличной по всему особѣ; но сіе превосходитъ мѣру возможности. Для того, вмѣсто обыкновеннаго поздравленія съ праздникомъ праздниковъ, отъ почитателей благодѣтелямъ чинимаго, прилежно прошу воскресшаго за оправданіе наше Христа, да соблюдетъ васъ съ присными вашими цѣлыхъ, здравыхъ, честныхъ и благоденственныхъ навсегда.

По приказанію вашея пречестности, я развѣдывалъ о соборянѣхъ Благовѣщенскихъ, для чего они долговременное имѣли молчаніе письмами къ своему настоятелю и никакой причины не нахожу, какъ только, что отецъ ключарь былъ боленъ. Напредъ же сего онъ мнѣ проговаривалъ, что на нужнѣйшія неоднократно чинимыя вамъ отъ собора представленія, яко бы не получалъ отъ

вашея пречестности резолюціи, чему однакожъ я не вѣрилъ. А нынѣ уповательно, что уже объ яснился онъ письмомъ съ вашею пречестностію, также и прочіе вашего собора пресвитеры и діаконы цѣліохоньки. Впрочемъ, покорнѣйше прося о продолженіи вашего ко мнѣ нижайшему благоволенія, пребываю съ истиннымъ почитаніемъ вашея пречестности милостиваго государя и отца покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій*

P. S. О жемчужной перенизкѣ, вашимъ ключаремъ производимой, вы сами знаете. А меня ключарь Архангельской испугалъ было продажею цѣлаго фунта жемчугу, да нѣсколько фунтовъ серебра, объявленною въ прибавленіи Московскихъ Вѣдомостей № 17, есть ли бы я вскорѣ чрезъ него не узналъ, что стоящій въ газетахъ иностранецъ по жительству его у ключаря продаетъ жемчугъ и проч., а сына отдаетъ въ наслѣдники богатому Россійскому дворянину, кто взять пожелаетъ.

P. S. О напечатаніи краткихъ катихизисовъ послано отъ г. Гончарова доношеніе въ святѣйшій Сѵнодъ; не знаю, какое выдетъ рѣшеніе, а за присланной отъ вашея пречестности катихизисъ съ азбукою много благодарствую; точію онъ не соглашается купленныя книги изъ типографіи за деньги раздавать бѣднымъ безденежно.

IV.

Высокопреподобнѣйшій отецъ протоіерей, милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я прежде по нѣкоторому малодушію утруждалъ ваше высокопреподобіе ненужною просьбою. А теперь по несчастію моему лишившися брата Ивана Алексѣевича [8]), всепокорнѣйше прошу о сиротахъ двухъ его дочеряхъ, дабы, въ силу плана сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса, исходатайствовать имъ отъ Ивана Ивановича Бецкаго за долговременную отца ихъ службу, пенсіонъ. Я бы большую, яко по вашему примѣчанію на меня похожую, могъ взять къ себѣ въ домъ; а меньшую бы пятилѣтнюю опредѣлить въ число воспитываемыхъ изъ высочайшаго ея императорскаго величества милосердія благородныхъ дѣвицъ. Отецъ ихъ и мать оставили, но ваше высокопреподобіе не презри толь бѣдное ихъ сиротство, за что всеобщій сирыхъ Отецъ призритъ на васъ особенною милостію Своею. Оссмъ я, хотя и писалъ на сей же почтѣ къ его высокопревосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу, однако все по Богѣ упованіе на ваше ходатайство возлагая, пребуду съ непремѣннымъ имени вашего почитаніемъ вашего высокопреподобія милостиваго государя и отца покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій*.

14 Генваря
1780 года.

V.

Москва отъ 21 Марта 1784 года.

Всечестнѣйшій отецъ протопресвитеръ Іоаннъ Іоанновичъ, милостивый государь. Иностранная есть пословица, что отсутствующій всегда виноватъ бываетъ. Такимъ образомъ я за 700 верстъ провинился по причинѣ вышедшаго изъ печати въ Спб. перевода: *о благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*. Онъ найденъ въ письмахъ послѣ брата покойнаго и для одной куріозности переслалъ мною прошлаго года к. Е. Р. Д. [9]), не

[8]) Составителя перваго на Русскомъ языкѣ энциклопедическаго словаря; см. Р. Архивъ 1870, стр. 1938 статью о томъ С. А. Соболевскаго.

[9]) Дашковой.

только безъ одобренія моего, но еще со внушеніемъ о имѣющихся въ самомъ оригиналѣ онаго нелѣпостяхъ. Слѣдовательно я и не воображалъ, чтобъ могъ кто нибудь напечатать такое сочиненіе, кольми паче, чтобъ отъ команды получить незаслуженный выговоръ. Отъ сего Богъ меня избавилъ вашимъ предстательствомъ, какъ я слышалъ чрезъ письмо вашего сочлена С. М. Кор. и отъ пріѣхавшаго сюда недавно госп. Баженова, за что приношу мою чувствительную благодарность и покамѣстъ духъ жизни во мнѣ пребудетъ, благодарить не престану толь милостиваго защитника; впрочемъ съ достодолжнымъ почитаніемъ есть вашея пречестности милостиваго государя и отца покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій.*

VI.

Москва отъ 17 Февраля 1785 года.

Всепречестнѣйшій отецъ протоіерей, милосердый благодѣтель. Для любопытства хочу васъ увѣдомить о случаѣ, въ нашемъ Благовѣщенскомъ соборѣ на прошлой седмицѣ происшедшемъ, а имянно: неизвѣстной человѣкъ, пришедъ во алтарь, и служащему священнику Ѳомѣ Ѳедор. подалъ на проскомидію сребренную табакерку съ табакомъ, дабы помянулъ Михайла. Потомъ, вышедъ изъ алтаря, просилъ солдата, которой свѣчи продаетъ, чтобъ поставилъ онъ нѣсколько свѣчь, за которыя отдалъ ему другую табакерку, и абіе изыде изъ соборнаго храма. Сему происшествію иные смѣются, считая богомольца того сумашедшимъ, а иные негодуютъ, думая, что табакеркоподатель есть или самъ старообрядецъ и насмѣшникъ, или отъ таковыхъ въ ругательство подосланъ. Я съ мнѣніемъ первыхъ согласенъ, слышавъ послѣ о братѣ безумнаго маіорѣ. Какъ то ни есть, точію небывалая вещь куріозна для всѣхъ видящихъ и слышащихъ.

При семъ сообщаю вамъ малую книжку подъ названіемъ: *Братскія увѣщанія къ нѣкоторымъ братіямъ свободнымъ каменщикамъ*, по которой можете разсудить и о прочихъ сего рода сочиненіяхъ, здѣсь печатаемыхъ къ соблазну немощныхъ совѣстей, и тѣмъ самымъ, кому бы запрещать надлежало, одобряемыхъ[10]). Что жъ касается до славной той свадьбы, чрезъ кою бѣсозаклинательный чернецъ Мельхиседекъ сдѣлался сватомъ здѣшнему преосвященному, уповаю, изволили слышать отъ другихъ[11]).

Жаль, что всего того на бумагу положить не льзя, о чемъ бы я откровенно на словахъ васъ увѣдомилъ; впрочемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію пребуду вашея высокопречестности покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій.*

VII.

Москва, отъ 28 Августа 1785 года.

Всепречестнѣйшій отецъ протопресвитеръ, мой милостивецъ! Не угодно ли вашей пречестности нашихъ вѣдомостей прочесть.

Сего Августа 27 числа у насъ въ соборѣ отправлялъ царскую панихиду преосвященный Московскій и по отправленіи оной, при выходѣ его преосвященства изъ алтаря, подошелъ я, наклоняся, къ принятію отъ своего архипастыря благословенія. Но онъ, державъ въ шуицѣ трость, дес-

[10]) Т. е. митр. Платонотъ (тогда еще архіепископъ).

[11]) О продѣлкахъ этого Мильхиседика есть большое письмо Петра Алексѣева къ кн. Потемкину.

ницею же ухватя за лѣвой рукавъ моей рясы, и обратя меня лицомъ къ сѣвернымъ алтарнымъ дверемъ, толкнулъ, сказавъ: *вотъ твоя должность —идти предо мною.* Чему удивилися не только находящіеся тогда въ алтарѣ знатнѣйшіе, но и стоящіе противъ сѣверныхъ алтарныхъ дверей мірскіе люди. И такъ я, едва оправяся отъ толь невоображаемаго того посрамленія, пошелъ предъ его преосвященствомъ вмѣстѣ со иподіаконами за церковь. Однако его преосвященство, тѣмъ будучи не доволенъ, еще на паперти остановяся, при возслѣдующемъ за нимъ народѣ, кричалъ на меня, выговаривая такимъ образомъ: *меня-де консистористы вездѣ встрѣчаютъ, а ты для чего не встрѣтилъ меня давеча?* На что я съ подобающимъ благоговѣніемъ отвѣчалъ: «Не было доселѣ такого обычая, чтобъ встрѣчать не служащаго архіерея, а ежели угодно вашему преосвященству и то учредить, я буду повиноваться.» Тѣмъ кончилося сіе срамное приключеніе, а побѣдитель сѣлъ въ торжественную колесницу и отправился, куда ему надобно. Въ соборѣ же остался служить обѣдню Григорій епископъ Грузинскій.

Вотъ, милостивый мой отецъ, до чего нашъ братъ дожить можетъ! Семь лѣтъ только что минуло отъ того случая, какъ любезной братъ его преосвященства азартно поступилъ со мною въ крестномъ ходѣ, однако тотъ на Ивановской площади, а сей внутри святилища. 33 года я въ главныхъ здѣшнихъ соборахъ священнослужителемъ, но не видывалъ, чтобъ протопопы встрѣчали архіерея неслужащаго предъ церковію; ибо на то имѣются тамъ ключари. Да и самъ нашъ владыка насланною въ Архангельскій соборъ 776 года инструкціею въ 3-мъ пунктѣ между прочимъ предписалъ, чтобъ протоіерею съ ключаремъ встрѣчать его преосвященство, идущаго къ служенію, что̀ я и исполнялъ, встрѣчая его со крестомъ по обычаю. Вступитеся, милостивой государь мой и отецъ, за такого человѣка, которой издавна привыкъ почитать ваши добродѣтели, и съ симъ почитаніемъ вѣчно пребудетъ вашъ покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій.*

P. S. Я писалъ о томъ же къ преосвященному Новгородскому, но знаю, что къ преосвященному на преосвященнаго писать, что̀ значитъ; на васъ я больше надѣюся. Мнѣ грозитъ владыка отрѣшеніемъ отъ мѣста. Ахъ, какъ это страшно! За то, что не показался человѣкъ человѣку, идти отцу съ дѣтьми по міру, разориться домомъ и межу дворъ скитаться; гораздо легче архіерею идти на обѣщаніе, оставя по своенравію епархію свою; ибо онъ, накопя денегъ, безбѣдно проживетъ въ монастырѣ вѣкъ свой, якоже Пахоміи и прочіе. Простите за откровенность.

VIII.

Сего дня было здѣсь необыкновенное священнику умершему отпѣваніе въ церкви великомученицы Варвары что̀ на Варварскомъ крестцѣ; необыкновенное потому, что чинъ погребенія священническаго, церковію издревле принятый и утвержденный, былъ тутъ искаженъ. Искаженъ же не отъ неразумѣнія погребателей, но точно по приказу архіерейскому. А именно выключены за штрафъ изъ того чина два апостола и два евангелія и не пѣли нѣкоторыхъ антифоновъ и стиховъ, по уставу изображенныхъ; притомъ не допущены благочиннымъ облачиться священники, желающіе быть

при погребеніи. И на вопросъ имъ сказано: архіерей-де на покойника гнѣвенъ, для того именно запретилъ, чтобъ больше двухъ священниковъ со мною къ тому отпѣванію другимъ не облачаться и кое-что велѣлъ выкинуть изъ церемоніи церковной, даже что и перезванивать не приказалъ. А какъ благочинный того сорока есть ключарь Архангельскаго собора, то онъ предварительно тожъ самое разсказалъ и всѣмъ соборянамъ тамошнимъ. Сей странной надъ мертвымъ учиненной штрафъ тронулъ не только бѣлое священство, но и мірскихъ людей весьма соблазнилъ. Особливо несказаннымъ образомъ огорчилъ оставшихъ послѣ того покойника дѣтей и сродниковъ, а всѣхъ меньше чувствовалъ то наказаніе покойникъ: ибо онъ, яко неизверженъ правильно отъ пресвитерскаго сана, съ христіанскимъ пріуготовленіемъ спокойно умиралъ, и не воображалъ себѣ, чтобъ по смерти, облаченъ будучи во всю священническую одежду и принесенъ во святую церковь къ погребенію, отказано было отъ полнаго священническаго отпѣванія. Что жъ скажутъ на сіе старообрядцы, которые и дѣльныхъ перемѣнъ въ церкви не терпятъ, не только такихъ самовольныхъ? Что касается до сына покойникова, находящагося при и. Московскомъ университетѣ учителемъ, я думаю, что онъ не преминетъ формальное святѣйшему Сѵноду подать прошеніе о такомъ безпримѣрномъ ругательствѣ, отцу его по кончинѣ учиненномъ. А въ Москвѣ теперь только и рѣчей, что о семъ священническомъ чудномъ погребеніи.

X.

Москва, отъ 27 Іюля 1788 года.

Высокопречестнѣйшій отецъ духовникъ, мой милостивецъ! Цѣлой годъ, по возложеніи на меня креста, ожидалъ я милости отъ Московскаго митрополита, дабы позволилъ мнѣ, въ церковныхъ процессіяхъ и священнослуженіяхъ, стоять подлѣ своего крестоноснаго брата и чрезъ то избыть насмѣшекъ отъ неученыхъ здѣшнихъ игуменовъ, но его преосвященство по сіе время не догадается самъ. Для того принужденъ я буду подать ему о томъ прошеніе, съ котораго здѣсь прилагаю копію на апробацію вашея высокопречестности, опасаяся, чтобъ владыка святый не представилъ онаго въ святѣйшій Сѵнодъ и не подвелъ бы меня подъ выговоръ. Ежели позволите вы, я подамъ ему, а не позволите—оставлю. О семъ покорно прошу, достопочитаемый мною отецъ, хотя на словахъ чрезъ Ѳеодора Петровича Ремезова приказать мнѣ вашему послушнику. Такожъ о двухъ письмахъ моихъ: 1) отъ 8 Маія, о сборѣ денегъ на бурсаковъ съ бѣлаго священства ежегодно учрежденныхъ по милости здѣшняго митрополита, а всемилостивѣйшею государынею нашею по имянному указу отмѣненномъ 2) отъ 19 Іюня сего жъ года о имянномъ же ея императорскаго величества указѣ къ главнокомандующему здѣшнему г. Еропкину присланномъ, съ препорученіемъ меня въ особенное его защищеніе отъ могущихъ случиться Московскимъ митрополитомъ мнѣ притѣсненій; а чего онъ не въ силахъ отвратить, о томъ представлять къ самой монархинѣ. Въ томъ же письмѣ просьба моя къ вашей высокопречестности о протодіаконѣ нашего собора Кореневѣ, дабы переведенъ онъ былъ въ большой Успенскій соборъ симъ же чиномъ и не остался бы посрамленъ передъ тѣмъ діакономъ младшимъ, который протопопу тамошнему посулилъ (какъ

я слышалъ недавно) 500 р., что Кореневъ не обинуяся объявлялъ прокурору госп. Гурьеву и доказать свидѣтельми можетъ. Дошли ли оба тѣ письма до рукъ вашихъ, нахожусь въ невѣдѣніи и всепокорно прошу о томъ вашего слугу увѣдомить чрезъ него же Ремезова, давнишняго моего пріятеля, такъ же и впредь что случится къ свѣдѣнію моему нужное, за что я вѣчно пребуду съ наичувствительнѣйшею благодарностію вашея высокопречестности покорнѣйшій слуга и почитатель *Петръ протоіерей Архангельскій.*

Приложеніе.

ПИСЬМО ПЕТРА АЛЕКСѢЕВА КЪ МИТРОПОЛИТУ ПЛАТОНУ.

Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода члену, преосвященнѣйшему митрополиту Московскому и Калужскому и свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандриту Платону

Московскаго Архангельскаго собора протоіерея *Петра Алексѣева* о нижеслѣдующемъ покорнѣйшее прошеніе.

Произведенъ онъ Петръ во оной соборъ 1752 года изъ окончавшихъ богословское ученіе студентовъ во діакона, а чрезъ пять лѣтъ и во пресвитера. 762 года по особенному избранію святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода за исправное въ должности своей состояніе переведенъ въ большой Успенской соборъ ключаремъ предпочтительно предъ велико-соборными Успенскими священниками, гдѣ удостоился при всерадостной ея императорскаго величества коронаціи и священнѣйшемъ мѵропомазаніи быть церковнымъ чиноисполнителемъ и хранилъ тамошнюю утварь и ризницу 9 лѣтъ безутратно. 759 года по указу жъ святѣйшаго Сѵнода опредѣленъ къ преподованію катихизиса при императорскомъ Московскомъ университетѣ, которое ученіе доселѣ продолжаетъ съ пользою обучающагося тамъ юношества и со удовольствіемъ господъ кураторовъ. Съ 1771 года находится протопресвѵтеромъ при каѳедральномъ вашемъ соборѣ. Между тѣмъ чрезъ 35 лѣтъ нелѣпостно проповѣдывалъ слово Божіе. Сочинилъ и превелъ книги въ пользу святыя церкве; многія по указамъ отъ команды насланнымъ отправлялъ комисіи, въ томъ числѣ и по секрету. Нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Московской Духовной Консисторіи, и въ знакъ отличности отъ прочихъ протоіереевъ 774 года получилъ отъ двора ея императорскаго величества набедренникъ, именуемый палица. Сверхъ сего по высочайшему ея императорскаго величества имянному повелѣнію пожалованъ крестомъ драгоцѣннымъ на лентѣ, которой и возложенъ на него вашимъ высокопреосвященствомъ для всегдашняго ношенія въ прошломъ Іюлѣ 3-го числа 1787-го года.

Въ разсужденіи таковыхъ отличныхъ достоинства знаковъ, не благоволено ли будетъ ему Алексѣеву во всякихъ церковныхъ процессіяхъ и чинодѣйствіяхъ имѣть приличное мѣсто по крестоносномъ духовенствѣ непосредственно? О чемъ покорнѣйше проситъ ваше высокопреосвященство учинить архипастырское благоразсмотрѣніе и, въ силу апостольскаго предписанія въ первомъ посланіи къ Тимоѳею, глав. 5, стих. 17 и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, глав. 14 стих. 40, такожъ въ Духовномъ Регламентѣ изображеннаго, благосклонную резолюцію.

дня 1788 года.

Прошеніе писалъ и подписалъ *Петръ протоіерей Архангельскій.*

X.

Москва, отъ 8 Мая 1788 года.

Высоковсепречестнѣйшій протопресвитеръ! Милостивый отецъ! Я хочу сообщить вашей высокопречестности о недавно случившемся здѣсь чудномъ происшествіи: минувшаго Апрѣля, святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода членъ, *великій господинъ*, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій и Калужскій и Свято-Троицкія Сергіевы лавры священноархимандритъ Платонъ, сдѣлалъ новое положеніе и указы чрезъ Консисторію къ благочиннымъ Московскимъ и уѣзднымъ, тако жъ въ духовныя свои правленія разослалъ, чтобъ собирали они съ священноцерковнослужителей деньги, подъ видомъ добровольнаго подаянія, на содержаніе бурсаковъ, отнынѣ и впредь ежегодно, и кто сколько дастъ, самъ бы датчикъ записываль въ особыя тетради и вносили бы благочинные собранную сумму въ Московскую Академію съ полученіемъ оттуда росписокъ, что̀ здѣшніе на прошедшей страстной седмицѣ и исполнили дѣйствительно. А сего Маія 4 ч.пронесся здѣсь слухъ, что главнокомандующій въ Москвѣ П. Д. Еропкинъ получилъ имянное повелѣніе касательно до сего новозатѣяннаго съ бѣлаго священства побора и сообщилъ Московскому митрополиту, требуя отъ него отвѣта, съ какимъ намѣреніемъ онъ уставилъ съ клира церковнаго сію подать. Есть ли бы подлинно оказался недостатокъ въ содержаніи бѣдныхъ учениковъ, то бы онъ долженъ представить о томъ ея императорскому величеству съ требованіемъ нужной на то суммы; и такъ чтобъ непремѣнно приказалъ возвратить собранныя съ бѣлаго священства деньги. А сего жъ Маія 7 числа,во исполненіе высочайшаго сего повелѣнія, явилися у благочинныхъ другіе указы, изъ Консисторіи насланные, съ тѣмъ, чтобы они обратно взяли внесенныя въ Академію деньги и роздали бы тѣмъ, отъ кого сколько получено, точно по ихъ своеручнымъ подпискамъ. Изъ таковыхъ вторичныхъ указовъ одинъ мнѣ самому читать удалося вчерась съ великимъ удивленіемъ, чрезъ кого бъ ея величество свѣдали о налогѣ, бѣлому священству учиненномъ отъ ихъ архипастыря. Ежели подъ колоколами такое происходитъ своеволіе, то чего уже лучше ожидать отъ прочихъ удаленныхъ отъ столицы епархій? Однако Московскій владыка, по причинѣ случившейся ему осадки, теперь, кажется, изъ одной крайности прошелъ въ другую, то есть подобную папской пышность монашескимъ прикрылъ смиреніемъ. А что̀ впредъ будетъ, время окажетъ. При семъ на мысль пришло мнѣ оное утѣшительное для бѣднаго священства Христово слово: *начинающимъ симъ бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленіе ваше*. Впрочемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ пребуду вашея высокопречестности, милостиваго отца, покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій*. P. S. Сіе извѣстіепосвящая единственно вашей особѣ, яко отличному моему благодѣтелю, и покорнѣйше прошу сокрыть оное отъ призора очей вредныхъ [12]).

XI.

Москва, отъ Генваря 1789 года.

Всечестнѣйшій отецъ духовникъ, господинъ протопресвитеръ, милостивый государь! Какъ издавна я привыкъ

[12]) Сл. Зап. Храповицкаго, 27 Апр. 1788: „онъ блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ“. Такъ отозвалась по этому поводу Екатерина о Платонѣ. *П. Б.*

почитать вашу особу, для того и осмѣливаюся увѣдомить вашу пречестность о здѣшнихъ происшествіяхъ. А имянно, 23 числа сего мѣсяца подалъ я своему митрополиту о уничтоженіи имени протопоповъ прошеніе, съ котораго при семъ сообщаю копію. Онъ, прочитавъ, сказалъ: «это старинное обыкновеніе; однако я прикажу о томъ Консисторіи».

Вторая просьба моя тогда жъ состояла на словахъ, что обижаютъ меня въ священнодѣйствіяхъ и прочихъ церковныхъ процессіяхъ монастырскіе игумены, не допуская стоять въ подобающемъ мнѣ мѣстѣ, то есть на ряду съ крестоноснымъ духовенствомъ. На сіе сказано: «я этого не могу сдѣлать безъ представленія святѣйшему Сѵноду». А представитъ ли или нѣтъ, того не знаю. Точію, по благоразумному вашему совѣту, не оставлю я на сихъ дняхъ попросить письменно опекуна моего, здѣшняго главнокомандующаго, о защищеніи меня по сему дѣлу; уже приготовлены ему и пункты послужнаго моего списка, съ коихъ также прилагаю здѣсь копію. Пребывая съ отличнымъ почитаніемъ вашея пречестности, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга. *Петръ протопресвитеръ Архангельскій.*

Ежели по представленію Московскаго митрополита будетъ разсужденіе въ святѣйшемъ Сѵнодѣ о мѣстахъ протопресвитерскихъ въ публичныхъ собраніяхъ церковныхъ, я бы желалъ становиться по Успенскомъ протопресвѵтирѣ на правой странѣ вмѣстѣ съ священнослужителями главныхъ здѣшнихъ соборовъ. А игумены бы благоволили занимать лѣвую сторону по своимъ степенямъ, какъ водится у васъ на молебнахъ, въ присутствіи ея императорскаго величества отправляемыхъ.

Знаю, что архіереи всѣ силы напрягутъ къ воспрепятствованію успѣха по сему дѣлу, вмѣсто резоновъ утверждаяся на древнемъ обыкновеніи, что игумены напередъ сего стояли выше протоіереевъ соборныхъ. Но старинной обычай безрезонной ничто иное есть, какъ давнишнее заблужденіе. Это правда, что игуменъ въ своей обители есть староста надъ чернцами, а во всеобщемъ собраніи великія церкве, особливо при такихъ протоіереяхъ, которые по высочайшему монархини благоволенію удостоены носить отличные достоинства знаки, притомъ имѣютъ старшинство по священству и ученію, игуменъ кажется простымъ іеромонахомъ. Какъ то ни есть, однако дѣло начато съ Божіею помощію. А успѣхъ зависитъ отъ пастыреначальника Христа, отъ Его великія помазанницы и отъ васъ, яко попечителей бѣлаго священства, прямаго священства и почитаемаго въ первенствующей

церкви священства По титулѣ архіерейскомъ. Копія.

Насылаемыми изъ Московской духовной Консисторіи въ разные годы, мѣсяцы и числы въ Архангельскій соборъ указами приписано мнѣ прозваное *протопопъ*, которое сложное рѣченіе по предшествующей своей частицѣ *прото* съ Греческаго языка значитъ первый, а вторая часть *попъ* мнѣ не вразумительна; ибо при произведеніи меня въ Московскій Архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ меня протопресвѵтеромъ, и всѣ чины церковные, начавъ отъ епископа и до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, какими они произведены. Напримѣръ, никто не осмѣливался архіерея именовать

архипопъ; Понеже *попъ* есть рѣченіе варварское, въ грубыя времена сюда вошедшее, ничего приличнаго къ христіанскому пресвѵтеру въ себѣ не заключающее и въ священномъ Писаніи не употребительное. Того ради ваше преосвященство покорнѣйше прошу, дабы благоволено было сіе гнусное прозваніе *протопопъ* вовсе уничтожить и законнопроизведенныхъ протопресвѵтеровъ приказать писать и называть свойственными ихъ званію именами.

Генваря 23 дня
1789-го года.

P. S. Покорно прошу рекомендовать меня его пречестности свѣтѣйшаго правительствующаго Сѵнода члену лейбъ-гвардіи преображенскаго собора протопресвитеру отцу Лукіану.

Здѣсь у меня невзначай брызнули изъ глазъ слезы, отъ напоминанія благодѣтеля моего покойнаго отца Симеона (ему же да будетъ вѣчная память).

ПУНКТЫ,

На которыхъ основывается просьба Архангельскаго протопресвитера Петра Алексѣева.

Произведенъ онъ Петръ въ Московскій Архангельскій соборъ 1752-го года изъ окончавшихъ богословское ученіе студентовъ во діакона, а чрезъ 5 лѣтъ и во пресвитера. Съ 759-го года по указу святѣйшаго правительствующаго Сѵнода опредѣленъ къ преподаванію Катихизиса при императорскомъ Московскомъ университетѣ, которое ученіе доселѣ продолжаетъ съ пользою обучающагося тамъ юношества и со удовольствіемъ господъ кураторовъ. 762-го года, по особенному избранію святѣйшаго Сѵнода за исправное его въ должности своей состояніе, переведенъ онъ въ большой Успенской соборъ ключаремъ, предпочтительно предъ великособорными Успенскими священниками, гдѣ удостоился при торжественной ея императорскаго величества коронаціи и священномъ мѵропомазаніи быть церковнымъ чиноисполнителемъ и хранилъ тамошнюю драгоцѣнную утварь и ризницу 9 лѣтъ безутратно. Съ 771-го года находится протопресвитеромъ при Московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Между тѣмъ чрезъ 37 лѣтъ не лѣностно проповѣдывалъ Слово Божіе христіаномъ. Сочинилъ и превелъ книги въ пользу святыя церкве. Многіе по указамъ отъ команды насланнымъ отправлялъ коммиссіи, въ томъ числѣ нѣкоторыя и по секрету. Нѣсколько лѣтъ присутствовалъ въ Московской духовной Консисторіи безмездно. Въ знакъ отличности отъ прочихъ епархіальныхъ протоіереевъ 774-го года получилъ отъ двора ея императорскаго величества эпигонатій, или настоящій набедренникъ, именуемый палйца. Напослѣдокъ, по всевысочайшему ея Императорскаго величества повелѣнію, пожалованъ драгоцѣннымъ крестомъ на лентѣ, который и возложенъ на него преосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ для всегдашняго ношенія Іюля 3-го дня прошлаго 787-го года, хотя преосвященный и не исполнилъ доселѣ своего обѣщанія, чтобъ извѣстить Архангельской соборъ о томъ пожалованіи протопресвѵтеру креста чрезъ Консисторію. Сверхъ сего игуменство надъ монахами, въ чинѣ покаянія состоящими, которыхъ первенствующая церковь не считала въ священномъ клирѣ, ограничивается оградою монастырскою и не даетъ права надъ настоятельми соборными, имѣющими у себя въ надсмотрѣніи ученыхъ пресвѵтеровъ, Слово Божіе проповѣдающихъ, кольми паче

въ собраніяхъ великіе церкве. Къ тому жъ напредь сего и простые монахи бывали игумнами, какъ видно въ церковной исторіи.

XII

Москва, отъ 12-го Ноября 1789 года.

Всечестнѣйшій отецъ протопресвутеръ, милостивый государь! Здѣсь бѣлому священству житья нѣтъ отъ ханжей монаховъ; они мірскихъ людей, не выключая женскаго пола, переманиваютъ отъ законныхъ ихъ духовниковъ къ себѣ на исповѣдь. Аособливо сватъ здѣшняго митрополита суевѣрный старецъ Мелхиседекъ страннымъ своимъ ученіемъ развратилъ великое число даже и благородныхъ людей, а паче малоумныхъ женщинъ. У меня изъ духовенства отвелъ прежде сего маіоршу Павлову, не давно жъ и генеральшу Яковлеву, двадцатилѣтнюю дочь мою духовную, нарочно пріѣхавъ изъ Екатерининской пустыни въ Москву не только исповѣдовалъ, но и причащалъ не знаемо какими дарами и освящалъ елеемъ съ монахами, тайно отъ приходскаго священника и отъ меня, правильнаго ея духовника. Почему я и принужденъ подать сего числа его преосвященству донесеніе, съ котораго прилагаю здѣсь копію [13]) и уповаю всѣ онаго пункты доказать совершенно. Преосвященный, прочитавъ оное, кричалъ, по обыкновенію своему, на меня, приговаривая: «Кто запретилъ монашествующимъ принимать на исповѣдь мірскихъ людей? Вить они также посвящаются въ іеромонахи, какъ ты посвященъ во іерея; да иные-де изъ нихъ бывали духовники и у самыхъ великихъ государей, назнаменуя тѣмъ архимандрита Троицкаго Варлаама» [14]). Я сдѣлалъ наиобщую оговорку, что которые священники были до постриженія въ монашество духовниками мірскихъ людей, тѣмъ простительно имѣть оныхъ же дѣтей духовныхъ у себя и по постриженіи, какъ то и Варлааму удалося; а сватъ вашъ до монашества нигдѣ не былъ священникомъ, слѣдовательно, іеромонахомъ ставши, набралъ къ себѣ вновь дѣтей духовныхъ, особливо женскаго пола. Послѣ того грозилъ мнѣ владыка таскатнею по Консисторіи года три и порицалъ гнуснымъ названіемъ доносчика. Но я, положася на Промыслъ Всемогущаго, не отстану отъ сего дѣла. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Велика власть архіерейская, но больше ея власть высокомонаршая! Впрочемъ, опасаяся утрудить ваше вниманіе, съ достодолжнымъ почитаніемъ и преданностію есмь, донжеде есмь, вашея высокопречестности, милостиваго отца и благодѣтеля, покорный слуга.

Петръ протоіерей Архангельскій.

XIII.

Милостивый государь и отецъ! Вмѣсто новостей Московскихъ хочу представить вашему высокопреподобію всечестнаго отца» игумена Высоцкаго монастыря что̀ въ Серпуховѣ, Стефана, котораго недавно прислали сюда изъ Нижняго за стражею, не въ ангельскомъ уже образѣ, но въ свѣтскомъ платьѣ безъ бороды и съ прическою на головѣ вмѣстѣ съ прелюбодѣйцею его маіоршою Сальковою. На сіе позорище стеклося въ губернское правленіе множество зрителей, особливо изъ купечества, которые напредъ сего съ удовольствіемъ слушивали въ Иконоспасскомъ монастырѣ Стефановы нра-

[13]) Для прочтенія вашего и для показанія благоразумнымъ людямъ.

[14]) Духовникъ Анны Іоанновны. *П. Б.*

воучительныя предики, когда онъ былъ тамъ похвальнымъ проповѣдникомъ; дивилися толь странному его превращенію и судили о семъ по различію вкуса, понятія и набожности; но приказные болѣе уважали резоны маіоршины, нежели игуменскіе. Она объявила, что онъ ее обольстилъ и, свергнувъ съ себя черанеческую маску, преобразился въ секретаря; а Декабря прошлаго году, взявъ ее съ собою, бѣжалъ изъ монастыря; сказываютъ, что не забылъ взять и деньжонки. Ѣздили они новожены въ разные городы, наконецъ, въ Нижнемъ Новѣградѣ будучи, размолвилися; размолвка была хоть не большая, но пощечины маіоршѣ не понравилися, и такъ она донесла тамошнему губернатору, что называвшійся мужемъ ея есть бѣглый игуменъ, притомъ что онъ написалъ себѣ подорожную, а меня-де принудилъ подписаться губернаторомъ, которая подорожная здѣсь и свидѣтельствована. Стефана отправили въ Серпуховъ для сужденія, а маіорша оставлена въ губернскомъ замкѣ, хотя и просилъ ея мужъ (здѣшняго баталіона маіоръ) Сальковъ на росписку впредъ съ поставкою. *Вотъ прославляемая ханжами чистота монашеская*! Впрочемъ испрашивая вашего благословенія и продолженія ко мнѣ милости, съ должнымъ почитаніемъ пребываю вашего высокопреподобія, милостиваго государя и отца, покорнѣйшій слуга *Петръ протоіерей Архангельскій*.

Москва Іюня 28 дня
1792.

P. S. Всѣ законы, провосходящіе силы человѣка, отнюдь не служатъ для него обязательствомъ. и притомъ требовать отъ людей того, чего они исполнять или наблюдать не могутъ, *не претворясь въ ангеловъ*, есть не иное что, какъ ласкаться суетнымъ ожиданіемъ, дѣлающимъ законы вовсе безполезными и напрасными. Юстій, основ. царств. част. 4 Спб. 778 года.

Такого рода правило о безбрачіи монашествующихъ: не вси слово сіе вмѣщаютъ.

Ж. КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКИ.

I.

По отзывамъ ея императорскаго величества я замѣчаю, что она желаетъ почтить ваше высокопреподобіе знакомъ отличнымъ ея милости. А для сего совѣтую вашему высокопреподобію завтрашную обѣдню служить особою вашею, разумѣя просто безъ собора; ибо, кажется, такъ положено, чтобъ послѣ обѣдни васъ удостоить той почести. Прошу принять сіе за доказательство моего особливаго къ вамъ почтенія и, оставя при себѣ, никому не сказывать.

А. Безбородко.

Суббота 28 Ноября.

II.

Высокопреподобнѣйшій господинъ духовникъ ея императорскаго величества, милостивый государь мой! Ея императорское величество о кончинѣ Ѳедора Михайловича увѣдомилася съ великимъ сожалѣніемъ. Чтобъ тѣло сего вѣрнаго и заслуженнаго старика съ пристойностію погребено было, о томъ по высочайшей ея волѣ писано отъ меня къ Адаму Васильевичу, но какъ оставшаяся послѣ него вдова кромѣ сея печали увѣчнымъ своимъ состояніемъ требуетъ помощи, то и угодно ея величеству, чтобъ ваше высокопреподобіе благоволили принять ее и домъ ея въ свое призрѣніе до дальнѣйшей воли ея величества, и дали бы ей для помощи надежнаго человѣка изъ родни ихъ или дру-

гаго кого по вашему выбору. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ пребуду впрочемъ вашего высокопреподобія всепокорнымъ слугою.

А. Безбородко.

III.

По высочайшему повелѣнію ея императорскаго величества, ваше высокопреподобіе получите тысячу рублей. Ея величество желаетъ, чтобы вы нашли такого человѣка, которому бы сія сумма прямое избавленіе отъ нищеты принести и нужное пропитаніе составить могла, ибо ея величество положила такое оной сдѣлать употребленіе, почему и благоволите ему тѣ деньги отдать. Пребываю и пр.

А. Безбородко.

Въ Спб.
Февраля 22.
1780.

IV

Имѣю честь сообщить вашему высокопреподобію, что какъ государыня завтра изволитъ быть на обѣдѣ въ магистратѣ здѣшняго города, то и почитаетъ ея величество приличнѣе и для себя покойнѣе слушать службу Божію въ монастырѣ бывшемъ Братскомъ, или, лучше сказать, академической большой церкви; тѣмъ паче, что ея величество думаетъ, что и посвященіе архіерейское, за болѣзнію преосвященнаго митрополита, отложенодо другаго дня. Службу завтрашную пожелаетъ государыня отправить или кому либо изъ архіеревъ и особливо естли производство архимандрита Нѣжинскаго Ѳеофана завтра же будетъ; или есть ли онаго не можно учинить, то хотя и ректоръ можетъ отслужить.

А. Безбородко.

Пятница.
1-й часъ пополудни.
(Кіевъ. 1787).

V

Высокопреподобнѣйшій господинъ духовникъ, милостивый государь мой! Ея императорское величество, соболѣзнуя о бѣдныхъ, вчера отъ пожара потерпѣвшихъ разорѣніе, повелѣть изволила Адаму Васильевичу изъ Кабинета отослать къ вашему высокопреподобію пять тысячь рублей для раздачи по вашему разсмотрѣнію, а мнѣ указала написать къ вамъ, что ея величеству угодно, дабы ваше высокопреподобіе ту раздачу произвели безъ всякой огласки противъ того, какъ подобная сдѣлана была по случаю наводненія, и что ежели усмотрите, что сумма сія, на первое время даваемая, будетъ недостаточна, въ такомъ случаѣ увѣдомили ея величество, дабы къ ней можно было прибавить. Есмь съ совершеннымъ почтеніемъ вашего высокопреподобія покорный слуга

Александръ Безбородко.

Царское село.
17 Мая 1788.

3. Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Милостивый государь мой Іоаннъ Іоанновичъ! Придворный священникъ Сергій Ливотовъ, объясняя недостаточное свое состояніе и что онъ обремененъ многочисленною семьею и долгами, подалъ на всевысочайшее ея императорскаго величества имя прошеніе, въ которомъ всеподданнѣйше испрашиваетъ всемилостивѣйшаго награжденія, дабы могъ онъ вести жизнь безбѣдную. Я, не докладывая сего его прошенія, обязаннымъ себя нахожу прежде дать знать вамъ, милостивый государь мой, поелику состоитъ онъ въ вашемъ вѣдомствѣ, и при томъ покорнѣйше просить вашего увѣдомленія о его состояніи и за-

служиваетъ ли оное того, чтобы довесть до высочайшаго свѣдѣнія, о чемъ онъ нынѣ проситъ. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію пребываю вамъ, милостивому государю моему, покорнѣйшій слуга

Гавріилъ Державинъ.

Февраля 12 дня.
1793 года.
С. Петербургъ.

I ПИСЬМА ВЕНІАМИНА, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО КЪ АРХИМАНДРИТУ ПЛАТОНУ ЛЮБАРСКОМУ.

(На особыхъ лоскуткахъ, находятся въ бумагахъ отца Іоанна Памфилова.)

I.

Вчерась явились ко мнѣ Сергіевскаго заказа [15]) селъ Биляръ-озера и Вишневой. Поляны діакòны и объявили, что отъ злодѣевъ шайки вора Пугачева великія священникомъ происходятъ тиранства; ибо, пріѣхавъ въ село Биляръ-озеро, злодѣйская шайка тутошнихъ поповъ съ согласія обывателей-новокрещенъ, которые совсѣмъ поповъ у себя имѣть не желаютъ, одного повѣсила, а другаго тирански мучила: три разъ былъ подыманъ петлею на висилицу, а потомъ сброшенъ на землю безъ дыханія и лежалъ на оной часа съ два мертвъ; но какъ напослѣдокъ изъ гортани пошла у него кровь и сталъ по немногу дышать, то подошедъ къ нему одинъ злодѣй, билъ сапогомъ его въ голову, чтобъ онъ скорѣе всталъ и просилъ у прихожанъ своихъ тѣхъ новокрещенъ не вѣмъ какого прощенія и помилованія. А потомъ сказали имъ новокрещеномъ, что пусть-де онъ погребетъ прежде повѣшаннаго попа, а мы-де опять будемъ къ вамъ черезъ недѣлю и его такимъ же образомъ умертвимъ; почему онъ, хотя и живъ остался, но въ великой состоитъ опасности. Они же злодѣи набираютъ людей съ дву дворовъ человѣка, которыхъ новокрещены отдаютъ имъ съ великою охотою; да и въ другія жительства, какъ лишь скоро пріѣдутъ, то во первыхъ испрашиваютъ обывателей, что надо ли имъ попы, и не дѣлаютъ ли какихъ обидъ; а потомъ бьютъ, вѣшаютъ и съ собой увозятъ, и теперь весьма много поповъ перерубили; да извѣстно мнѣ только о тѣхъ попахъ, которые побиты и увезены около Казани и Вятки и другихъ ближнихъ заказовъ. А о состоящихъ Оренбургской губерніи въ селахъ и крѣпостяхъ священниковъ никакого извѣстія я не имѣю, а думаю, что всѣ они истреблены.

Подалъ мнѣ Казанскаго уѣзда села Ялани священникъ на прихожанъ своихъ, помѣщика Мельгунова крестьянъ, доношеніе, касающееся до важности, которое я, какъ оно принадлежитъ до секрета, отослалъ въ Секретную Коммисію, которая, спустя послѣ того недѣлю, прислала ко мнѣ сообщеніе, требуя о учиненіи ему священнику, якобы за ложный доносъ, примѣрнаго штрафа. Я, призвавъ тотъ часъ того священника, велѣлъ ему сообщеніе прочесть, который, оное выслушавъ, сказалъ, что онъ тѣмъ судомъ не доволенъ, потому что-де его въ Коммисію не призывали и очной ставки съ тѣми крестьянами не давали; да и подлинно съ духовной стороны депутата нѣтъ, и чтò хотятъ съ попами, то и дѣлаютъ. Да онъ же попъ представляетъ и другой резонъ,

[15]) Заказы въ старину соотвѣтствовали нынѣшнимъ благочиніямъ; закащикъ — благочинный.

что будто бъ изъ коммисіонеровъ кто-то Мельгунову свой человѣкъ.

II.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ Платонъ, мнѣ о Христѣ Господѣ возлюбленный братъ! Я къ вашему высокопреподобію недавно предъ симъ писалъ о здѣшнихъ обстоятельствахъ, что злодѣйскою вора Пугачева шайкою побито и увезено много поповъ, да и нынѣ все тожъ происходитъ и чѣмъ кончится неизвѣстно. Его высокопревосходительство Александръ Ильичъ *) теперь учредилъ изъ здѣшнихъ дворянъ набрать съ двухъ сотъ человѣкъ одного улана, которые обмундированы на подобіе гусаръ и чтобъ каждый былъ снабденъ лошадью и всѣми военными доспѣхами, то есть, саблею, пистолетами и дротикомъ, и впередъ на мѣсяцъ или на два провіантомъ и фуражемъ; и сіе весьма похоже на то, какъ вы посыланы были отъ меня къ здѣшнему господину губернатору Якову Ларіоновичу. Впрочемъ желаю вашему высокопреподобію счастливаго и благополучнаго въ Казань возвращенія и остаюсь вашего высокопреподобія мнѣ о Христѣ Господѣ возлюбленнаго брата всѣхъ благъ усердный желатель и богомолецъ смиренный *Веніаминъ архіепископъ Казанскій.*

7 Января 1774 г.
Казань.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ КЪ БРАТУ И РОДНЫМЪ.

I.

Отецъ Евфимій! Возлюбленный по плоти и о Христѣ братъ!

Радоватися тебѣ желаю и спастися. Почто ты, братъ, гнѣваешися на меня напрасно? Я писалъ къ тебѣ, но конечно письма не доходили. Ты гнѣваешься, что я тебя съ женою неласково принялъ и мало наградилъ. Я съ тобою поступилъ какъ монахъ. Когда я и мать свою по лѣту не принялъ, то жену твою принимать и впредь не буду. И игуменій, и княгинь, и графинь, и генеральшъ я не принимаю, то какъ могу твою жену принять? Она токмо въ прихожей кельи была, и то тяжко было мнѣ. О! Какъ ты мало духовенъ и худо знаешь монашество! Знаешь ли, что единый взглядъ можетъ монаху вредить. Что̀ же касается подарковъ, то прошедшую зиму около поста я тебѣ подарокъ послалъ въ 500 рубл. Но Богу не угодно было, и діаволъ его похитилъ изъ рукъ твоего отца. Отъ того я познал, что гнѣвается Господь на меня, что я чуждые подарки вамъ посылаю. Я хотѣлъ токмо переслать, что̀ мнѣ было поручено, но Богъ погубилъ. Буди, братъ, доволенъ чѣмъ тебя Богъ надѣлилъ. Когда ты меня бранишь въ письмахъ, то вспомни, что я по-старше тебя. Я игуменъ: меня и злодѣи не бранятъ; а ты, братъ кровной, меня бранишь. Жаль, отецъ Евфимій, что ты напрасно гнѣваешися. Когда тебѣ я противенъ, я могу переѣхать въ Москву отъ тебя по-далѣе и тебѣ тогда не буду докучать. Я хотѣлъ отцемъ

*) Бибиковъ.

быть твоего дѣтища, имѣющаго родиться, и писалъ уже о томъ, а нынѣ не хочется, ибо ты меня оскорбилъ. Твоя жена была безплодна. Я далъ ей благословеніе, кое ты самъ слышалъ, и Богъ тебѣ даетъ чадо. Довольно тебѣ сего подарка. Я по силѣ подарилъ.

Конечно ты мало читаешь Божественныя книги. Читай житія святыхъ, вина не пей никакого, со всѣми живи мирно. Я былъ нынѣшнее лѣто боленъ, и три раза разрѣзалъ мнѣ грудь докторъ; и слава Богу, здравъ теперь; но уже четыре мѣсяца, какъ моя рана на груди не вся зажила. Ахъ! братъ Евфимій! Ты менѣе меня жалѣешь, нежели я о тебѣ. Болѣзни и раны меня тяготятъ. Я радъ тебя видѣть нынѣ. Хощешь — пріѣзжай, а не хощешь, то сиди дома. Я всегда былъ и буду строгъ. Отца съ зимы не видалъ. Кто родится, повѣсти мнѣ. Посылаю тебѣ мое сцѣлованіе и съ старцемъ отцемъ Симеономъ.

Игуменъ Фотій.

1821
Октября 15 дня.

Адресъ:

Честнѣйшему отцу іерею Евфимію Никитичу Спасскому, любезному брату, въ Шегринъ.

II.

Любезный братъ отецъ Евфимій!

Поздравляю тебя съ прошедшимъ днемъ Ангела твоего, коего былъ день 11 Марта. Я не зналъ, что ты очень болѣнъ: я бы поспѣшилъ къ тебѣ на помощь; браню тебя за то, что ты ранѣе не далъ мнѣ знать. Помни, что у меня одинъ родной братъ токмо Евфимій. Мнѣ пріѣхать нельзя ни на коняхъ, ни на лодкѣ, ни пѣшкомъ придти въ городъ; но поелику крайняя нужда твоя требуетъ, дабы я видѣлъ тебя лично, то буду стараться пріѣхать днесь или завтра, какъ нибудь. Мой докторъ будетъ къ тебѣ: ты его во всемъ послушай. Я, слава Богу, здравъ и спокоенъ; надѣюсь и тебя видѣть здрава и спокойна вскорѣ. Жалѣю, что ты о дѣтяхъ скучаешь: будто ты одинъ и отецъ имъ? Нѣтъ: 1-е, единый твой и мой и всѣхъ *Отецъ* есть милосердый Богъ, — отецъ сиротъ; 2-е, братъ твой, а 3-е, уже ты по плоти. Бѣденъ ли ты? Чтò прикажешь, все будетъ тебѣ: я послѣднюю ряску продамъ и тебѣ помогу, естьли бы мнѣ было нужно тебѣ помочь. Фотій грубъ монахъ, но не глупъ и не скупъ. Посылаю тебѣ бездѣлицу при семъ. Да еще спирту муравейнаго, ежели докторъ позволитъ вытираться. Я 13 Марта также въ С.ПБ. въ погребеніе жестоко простудился и, уже по пріѣздѣ въ монастырь, совсѣмъ поправился. По крови и по духу тебя любящій братъ твой всегдашній слуга

А. Фотій.

1826 года
Апрѣля 4.

Вчера былъ день ангела нашего отца. Отцу протоіерею отъ меня кланяйся. Ты не долженъ выходить даже и въ Пасху, а потерпи, сидя дома. Доктору моему не плати.

III.

Посылаю, любезный братъ, тебѣ лимоновъ и апельсиновъ: лимона можешь въ кашицу положить, нажавши соку, а апельсины ѣсть спроси у доктора. *Воду святую ты долженъ* пить, хотя и аппетиту нѣтъ; *а кашицы сладкой ѣсть*. Не лучше ли оставить спиртомъ ноги терѣть на время? Ежели жаръ есть въ головѣ, то лучше

уксусомъ натерѣть ренскимъ голову: мнѣ всегда бываетъ легче. Ивана оставь у себя: я очень буду доволенъ его услугами. Ябы совѣтовалъ образъ Матери Б. поднять тебѣ хотя завтра. Все лучше, нежели ничего. Будь спокоенъ: я мой обѣтъ исполню вѣрно касательно твоихъ нуждъ, какъ будешь здравъ; а ноги у тебя болятъ отъ хины, ибо отъ ней всегда боль бываетъ въ ногахъ послѣ. Напиши мнѣ имена твоихъ дочерей. Я кромѣ одной не знаю; я аще живъ буду и здравъ, то въ самую Пасху надѣюсь быть у тебя непремѣнно; а теперь до Св. Пасхи быть не могу. Я живъ и здравъ. Еще разъ тебѣ повторяю *пьщь кашицу* и въ чай можешь класть лимонъ. Желаю тебѣ здравія. Братъ твой

Фотій.

1826 года
Апрѣля 14 дня.

Вотъ мой тебѣ совѣтъ: завтра въ великій четвертокъ ты поднять попроси св. икону Б. Матери, — да и самаго Христа къ себѣ прими: т. е. въ одно же время и св. таинъ пріобщися. Вотъ мое всегдашнее лекарство.

IV.

Любезный братъ отецъ Евфимій!

Посылаю къ тебѣ человѣка узнать, есть-ли тебѣ лучше, или нѣтъ. Будь спокоенъ и ни о чемъ не заботься; думай токмо о здравіи. *Мое все* твое и *твоимъ* дѣтямъ принадлежитъ. Если бы нужда была, я бы сейчасъ для дѣтей твоихъ прислалъ тебѣ *5 000.* Я желаю, дабы ты былъ здравъ; да и утѣшай жену, дабы она не тужила; ибо при мнѣ она очень горевала о тебѣ. Будь спокоенъ. У тебя есть братъ Фотій: онъ послѣднюю копѣйку тебѣ отдастъ и рубашку, равно какъ и дѣтямъ твоимъ съ матерію ихъ. Будь спокоенъ и обвесели меня чѣмъ нибудь хотя. Нужно-ли тебѣ, то къ тебѣ пріѣду? Братъ твой

Фотій.

1826 года
Апр. 15 дня.

V.

Любезный братъ, отецъ Евфимій!

Прошеніе твое я отослалъ къ митрополиту. Бывъ вчера въ твоихъ комнатахъ; такъ мнѣ не полюбились, что лишь оправишься, ищи себѣ домъ, каменной или деревянной, а благодѣтельница сряду желаетъ купить тебѣ. И тебѣ съ дѣтями будетъ свой уголъ, и свой подъ старость кусокъ. Я, какъ погода будетъ по-лучше, завтра посѣщу тебя. Оправляйся и будь въ мирѣ. Твой братъ

Фотій.

1830 года
Іюля 29.

Посылаю тебѣ на нужды 500 р.

VI.

ПИСЬМО ГРАФИНИ ОРЛОВОЙ.

С. Петербургъ 2-го Февраля 1831.

Почтеннѣйшій отецъ Евфимій.

Препоручаю въ ваше покровительство милую мою Машиньку и увѣрена, что вы и милая моя кума не оставите ея своею любовію. Прилагаю при семъ *тысячу рублей*, изъ которыхъ вы возьмите все что̀ вамъ стоило ея пребываніе во время сговору, а остальныя, ежели останутся, употребите на свадьбу, и сколько не достанетъ на сіи издержки сверхъ сей суммы, увѣдомьте меня пожалоста: я съ моей благодарностію вамъ ихъ доставлю. Почтеннѣйшій отецъ Евфимій. Дай Господи! дабы вы были здоровы и покойны и чтобы наша свадь-

ба счастливо бы кончилась. Прошу сказать мое усердное почтеніе всей вашей семьѣ. Цѣлую вашихъ любезныхъ дѣточекъ. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ и благословенія. Остаюсь навсегда васъ искренно многопочитающая

Г. А. Орлова-Чесменская.

P. S. Я желаю, дабы сія свадьба никому бы не стоила ни копѣйки, а все бы были мои издержки. Увѣрена, что вы меня симъ утѣшите, почтенной отецъ Еѵфимій, и увѣдомите что̀ не достанетъ.

Еще прошу васъ, Господа ради, поберегите мою Машиньку и не вѣнчайте ее въ холодномъ соборѣ: она не такъ-то бѣдняжка здорова, то и надо ее поберечь. А простудиться не долго. Уповаю, что вы и сію мою просьбу исполните въ точности, почтенный отецъ Еѵфимій.

VII.

Братъ, отецъ Еѵфимій! Радуйся!

Не вѣрь слухамъ, что будто ядъ гдѣ либо полагается. Никому не вѣруй. Это діавольская клевета. Холера болѣзнь есть повальная, но не заразительная, а кто къ ней имѣетъ наклонность. Парное молоко тотчасъ можетъ уврачевать—врачуетъ, и всякаго уврачуетъ. Вотъ мой тебѣ совѣтъ. Ибо молоко истребляетъ заразительныя причины нездоровья внутри; я самъ сіе испыталъ. Радуйся, радуйся, и всѣмъ скажи, что Господь можетъ тотчасъ уврачевать однимъ млекомъ, симъ питіемъ младенческимъ; съ Б. благословеніемъ пусть пріиметъ всякъ. Радуйся.

Фотій

✝

Вотъ мое врачевство! И Божья помощь для васъ! Изъ заболѣвшихъ двухъ ни одинъ не умеръ, а тотчасъ получили облегченіе и здравіе. Радуйся.

✝

VIII.

Вселюбезнѣйшій братъ отецъ Еѵфимій!

Миръ тебѣ, спасися и радуйся. Слава Богу, я живъ, здравъ и миренъ. Владыка и отецъ принялъ меня паче роднаго сына, и я живу по прежнему въ его комнатахъ, въ одну связь, т. е. близь зала. Тебѣ 37 лѣтъ. Право, пора тебѣ голову закрыть въ церкви и въ случаѣ отъ холоду. Стыдно мнѣ было всегда, и нынѣ, и впредь о тебѣ слово сказать; думалъ, что догадаются, что ты мнѣ братъ родный. Авось либо Богъ тебѣ и прикроетъ главу, дабы отъ простуды защититься. Люби меня брата твоего, какъ и я тебя. Береги здравіе. Держи комнаты тепло и хорошо. Носи платье теплѣе и лучше; а особенно большіе сапоги себѣ достань. Я постараюсь тебѣ привести для зимы. Молися о мнѣ. Всему твоему благословеніе посылаю. Радуйся, твой братъ родный

Фотій.

1831 года
Окт. 2 дня.

IX.

Любезнѣйшая моя тетушка родная Татіана!

Пріобщися Святыхъ Таинъ Христовыхъ тѣла и крови, и съ Богомъ совсѣмъ готовая иди къ своимъ роднымъ на вѣчный покой. Господь съ тобою буди. Ангелъ-Хранитель да будетъ съ тобою въ пути до Царствія небеснаго. Ты много мнѣ послужила въ дѣтствѣ, Бога ради, при моемъ бѣдномъ сирочествѣ. Иди и, отъ

Господа пріявъ прощеніе грѣховъ на землѣ, прими награду на небесахъ. Ты была добрая, добро тебѣ и будетъ отъ Бога. Благословляю тебя въ путь Божій. Прости, моя родная, до свиданія предъ Богомъ. Теперь ты на передъ меня идешь, а я буду о тебѣ молиться...... Пріиду ко Господу въ свое время. Ей, не замедлю и я отъити ко Господу, ибо весьма желаю поскорѣе съ Господомъ видѣться и поклониться престолу величествія небесныя Царицы и владычицы Приснодѣвы Богородицы Маріи,—моей крѣпкой Заступницы. Надѣйся, что Она и тебѣ дастъ милость Свою, и да получишь милость отъ Сына Ея и Бога Іисуса Христа, къ Нему же ты, яко ко благосердому и всемилостивому, смѣло иди и бѣсовъ па пути не бойся: ничего не могутъ тебѣ сдѣлать. Благодать Божія да заступитъ тебя. Разлучайся съ міромъ отъ тѣла. Прощай. И я тебя погребу въ обители подлѣ родителя моего, а твоего брата. Онъ уже теперь въ милости Божіей обрѣтается, и тебѣ будетъ отраднѣе съ нимъ почивать до общаго воскресенія. Благословляю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа на отшествіе въ животъ вѣчный. Миръ тебѣ отъ Господа. Радуйся. Твой родный.

1832 года
Маія 19 дня, 3-й часъ
по полудни.

X

Радуюсь азъ, твой по плоти братъ, когда въ болѣзняхъ и скорбяхъ и страданіяхъ бываю. Скажу тебѣ, что я почти непрестанно болѣзную и истощенъ; но какъ питаться не могу отъ трапезы въ кельяхъ, ибо противно все, то и стараюсь питаться отъ святыя вечери Спасовы вседневно. И, слава Богу, живу и такъ веселъ и такъ радуюсь въ немощахъ, что яко вранъ живу съ Богомъ.

Слышу, что ты болѣнъ. Что дѣлать! Это милость къ тебѣ Божія, что ты болѣнъ. Старайся пить простую воду горячую, и весьма, весьма мало краснаго вина класть въ чашку, такъ какъ ложки чайныя три-четыре или пять, но не болѣе; и можно съ сахаромъ и безъ сахару пить. Но чаю не пей: тебѣ вреденъ, ибо мнѣ вреденъ, а мы съ тобою отъ единаго отца и единыя матери. Въ болѣзняхъ лучше старайся питаться постной пищей, простыми щами и кашицей, и довольно тебѣ будетъ, и живъ будешь и здравѣе будешь. Не скорби въ скорбяхъ, не кричи, не плачь въ болѣзняхъ, а терпи, Бога благодаря; не ропщи ни на что, не осуждай, не гнѣвайся. Будь въ мирѣ и тишинѣ. Живи съ Богомъ. Правь часы въ кельѣ, хотя лежа, когда не можешь къ службѣ ходитъ. Ты—іерей, читай-же такъ: по полудни въ два часа, въ третьемъ читай часъ третій, въ 6-мъ шестый, и въ 9-мъ девятый, и въ полнощь, полунощницу и въ часъ 1-й по полунощи читай часъ первый, и читай похвалу Богородицѣ: *Богородице, Дѣво, радуйся* и прочее 12 разъ послѣ 3-го, 6-го и 9-го часовъ. Ежели не можешь часовъ править самъ и читать, заставляй дочь свою при себѣ у кровати читать, а ежели и сего не можно тебѣ дѣлать, похвалу Богородицѣ можешь лежа и тайно 12-ть читать разовъ, каждый разъ крестясь, а когда можешь съ поклонами, полагая 12 поклоновъ. Миръ тебѣ, радуйся. Братъ твой А. отецъ Фотій.

1833 года
Генв. 10 дня

XI.

За тетку Татьяну, сохранительницу жизни моея, плачу:

1, За выносъ, погребеніе и прочіе труды отцу протоіерею Захарію 200 р.
2, Отцу Θеодору за тоже . . . 100 р.
3, За тоже отцу Стефану . . . 100 р.
4, Діакону отцу Димитрію . . 50 р.
5, ... Георгію . . 50 р.
6, За тоже причту: Егору Ефимову 25 р.
7, ... Нилу . . . . 25 р.
8, ... Ивану Яковлеву 25 р.
8, Звонарю Стефанову . . . 11 р. 40.

600 р.

Поминайте.

2 Марта
1833 года

На оборотѣ:
600 р. сейчасъ раздать.

XII.

Ты пишешь мнѣ въ отвѣтъ какъ за то, что я тебѣ въ день имянинъ твоихъ, въ день памяти Святаго Евфимія архіепископа, прислалъ списокъ съ образа родительницы нашея, которой у меня образъ подлинный Знаменія Пресвятыя Богородицы; но пишешь весьма много пустаго и лжи и радуешься, самъ не смыслишь, объ чемъ: пишешь, что на сей день рожденія твоего я прислалъ. Нѣтъ, день имянинъ твоихъ не былъ и не есть день рожденія: ты пишешь, день ангела твоего есть сей день Евфимія II Марта. Неправда. Евфимій архіепископъ не былъ и не есть ангелъ безплотный: въ 11 Марта нѣтъ ангеламъ никакимъ праздника. Общій день ангеловъ всѣхъ небесныхъ и архангеловъ, и день ангела каждаго хранителя, есть Соборъ св. арх. Михаила и прочихъ всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ; всякъ долженъ тотъ день для себя праздновать, яко день его ангела: ибо гдѣ и образъ соборъ Михаила, тамъ и всякаго человѣка ангелъ Б. разумѣется и, когда кто имѣетъ образъ соименный, не значитъ, что тотъ имѣетъ уже ангела-хранителя, а святаго имѣетъ образъ. А почему необходимо нужно весьма имѣть какъ въ церкви каждой, такъ и всякому православному, образъ Соборъ Архангела Михаила. Хотя какой человѣкъ и не видалъ и не знаетъ, какой есть его ангелъ-хранитель, а потому и написать не можетъ, но съ образомъ Собора Архангела Михаила будетъ и ангелъ-хранитель; ибо гдѣ воевода всѣхъ ангеловъ, тамъ вѣрно и стражи его всѣ слуги и воины, ангелы Господни и хранители жизней человѣческихъ. Ты прислалъ мнѣ лакомство мірское: стыдно тебѣ, брату, меня не знать и въ постъ такъ безумно дѣлать; ты знаешь, что я не употребляю таковыхъ снѣдей; ты бъ, желая отъ души принять благословеніе братне, образъ прислалъ святый какой нибудь. Кто мнѣ образъ приноситъ въ праздникъ великій, тотъ мнѣ приноситъ истинное приношеніе, а прочее я въ нѣчто земное ставлю, и бросаю изъ моихъ келій, какъ для меня непотребное.

Пишешь ты, чтобы я къ тебѣ намѣстника отпустилъ обѣдать. Безумный! Нынѣ постъ святый и великій! По правиламъ монашествующихъ монастырь отворять нельзя для входу богомольцамъ до пятка 6-ой недѣли. Такъ святые дѣлали. Посмотри оглашеніе Θеодора Студита на таковые случаи, гдѣ сказано отверзать врата мірскимъ. Какъ же можно монаху выходить изъ монастыря? А если ты зовешь на обѣдъ къ себѣ въ постъ, и радуешься, что кто къ тебѣ пріидетъ разрушить постъ святый, ты бъ милостыню бѣднымъ собиралъ и

нищихъ напиталъ въ постъ, а друзей не звалъ и никого. Вотъ тебѣ что пишу, и истинну пишу. Пора тебѣ быть іереемъ, а не свиньею. Ясти и пить и другихъ кормить въ тѣ дни, когда Христосъ ни ѣлъ и не пилъ и Собою далъ образъ однаго говѣнія и воздержанія! Празднуй свято день имянинъ и въ разумѣ о Христѣ, а не по плоти и крови. Не время никому вѣрному, а особливо пресвитеру, лакомства чинить и пировать въ святую и великую четыредесятницу. Вотъ тебѣ мое благословеніе. Внемли и спаси душу твою. Братъ твой монахъ

Фотій

1833 года
11 Марта 1-й часъ дня

XIII.

Не могу не дивиться безпечности о кончинѣ и царствіи небесномъ многихъ: иные изъ числа священныхъ особъ, протоіереи и священники, люди небѣдные живутъ, а когда умираютъ, то ихъ погребсти нѣтъ ризъ, собственно отъ нихъ для себя заготовленныхъ; и по необходимости погребаются многіе и почти всѣ въ раздранныхъ, вѣтхихъ, измаранныхъ рубищахъ священныхъ. При жизни на все доставало имѣнія, а приготовить себѣ одѣяніе священное на случай смерти никто не думаетъ. Жалкое есть нерадѣніе таковыхъ.

Думаю, что и братъ мой Евфимій священникъ изъ числа таковыхъ, красящихся по вся дни и не пекущихся о нужномъ при смерти. Не знаю, кто изъ насъ кого переживетъ, а я рѣшился ему простое облаченіе священническое пріуготовить на день смерти изъ подаренныхъ и своихъ останковъ разныхъ. Сшить велѣлъ фелонь, епитрахиль, поручи, а изъ своего хитона, обшивъ лентіями, также сдѣлалъ ему подризникъ; и посылаю въ подарокъ ему на праздникъ и память смертнаго часа. Кажется, ежели будетъ тщателенъ, то не сгніетъ одѣяніе у него; прошу же не носить даже въ служеніи никогда; развѣ когда восхощетъ собороваться, то въ ономъ можетъ послѣ отслужить, пріобщиться, снять и хранить, и токмо благословляю новое, чистое все облаченіе блюсти на погребеніе. Что я сіе тебѣ сдѣлалъ, не смертно есть, а душеполезно тебѣ будетъ: я вѣру имѣю, что ежели ты до конца добрѣ поживешь, увижду тебя тамъ въ будущей жизни. Мнѣ желательно, дабы ты былъ погребенъ въ Юрьевѣ близъ отца своего, или гдѣ ты заранѣе восхощешь. Я заранѣе куплю могилу для тебя и деньги заплачу, дабы тебя съ кѣмъ хощешь погребсти вмѣстѣ. Я же не могу съ тобою вмѣстѣ и даже близъ быть погребену: довольно будетъ тебѣ, когда ты въ моей обители будешь погребенъ, и то будетъ для тебя добро и велико.

И такъ фелонь, епитрахиль, поручи розовыя полубархатныя, а хитонъ или подризникъ бѣлый шелковый пріими отъ меня въ благословеніе Божіе и молися о мнѣ. Миръ тебѣ. Желаю тебѣ здравствовать и памятовать часъ послѣдній. Миновать его никому не можно. Радуйся ✝ родной твой братъ

Ю. архимандритъ Фотій.

1835 года
Марта 30 дня
Субота Лазарева
вечеръ.

XIV.

Дѣти, освященныя Богу дѣвы, сестры родныя, сродницы мои честнѣйшія, Анна и Марія!

Нынѣ Введеніе Пресвятыя Дѣвы въ храмъ Господень, во святыя Святыхъ! Пріимите у матери святыя своея обители благословеніе. Поспѣшите въ церковь Господню ко отцу вашему крестному, принять днесь благословеніе Божіе, ежели угодно и можно! Господь съ вами! Будите вы святы тѣломъ и душею до конца дней вашихъ, живите во святой обители, и Святыхъ Тайнъ Христовыхъ чаще пріобщайтесь: тѣмъ вы болѣе и скорѣе святи будете, и спасетесь, и внидете въ небеса. Тамъ мы другъ друга узримъ и порадуемся, будемъ вмѣстѣ у Бога. Радуйтеся. ✝✝✝.

Отецъ вашъ Фотій

1835 года
21 дня
Ноября
Введенія Богородицы
праздникъ.

XV.

Миръ тебѣ отъ Господа, брате іерею Божій Еѵфиміе. Еще ли ты, родной мой, себя чувствуешь получше отъ болѣзни? Напиши слово мнѣ твоему возлюбленному брату Фотію, каково твое здравіе и ходишь ли ты въ соборъ на службу, или еще не ходишь?—У меня весь міръ въ мысляхъ пропалъ, а токмо ты одинъ на умъ пришелъ, и я пишу словъ немного тебѣ родному, сладчайшему и многоболѣзненному брату. Я нынѣ тебя болѣе всѣхъ люблю и болѣе прежняго, ибо вижду, что какъ мы съ тобой по плоти братья, такъ и по болѣзнямъ своимъ истинные братья: одинъ другому невыдаемъ въ болѣзняхъ. Божія воля святая! Когда потерпимъ въ семъ вѣкѣ грѣхъ ради нашихъ, въ будущемъ терпѣть не будемъ. Потерпимъ Христа ради все, милый брате Еѵфиміе, а болѣе всего скорби отъ міра, отъ плоти и отъ діавола, и побѣдимъ благимъ злое. Я о себѣ не безпокоюсь никогда. Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ! На сіе зрю, не трепещу. Никому зла за зло не воздаю. Все врагъ дѣлаетъ намъ, а не люди злое.—Скажи, каковъ къ тебѣ архіерей? Я не знаю его, а отъ знающихъ его слышалъ, что сердце предоброе у него. А прочее съ кѣмъ по человѣчеству не бываетъ? Какъ я ни живу, а все не ангелъ, а человѣкъ, не духъ, а плоть и кровь, яко грѣхолюбивъ сый. Болѣзнь моя отъ обстоятельствъ мнѣ извѣстныхъ крайне усилилася; я скрывать старался, когда на болѣзнь болѣзнь мнѣ налетала, но свалился и лежу. На одрѣ болѣзни моея немоществуя лежу, дабы не растравить на смерть язвы сердечныя. Ты знаешь, что у меня уже 18 лѣтъ какъ по средѣ груди были три страшныя операціи, и все изгнило до кости, и нѣтъ ниже мяса, ниже кожи на кости, ниже перепонки. При малѣйшемъ случаѣ изрѣзанная язва, и грудь, и правый сосецъ, всегда есть смерть на каждый часъ. Вотъ о чемъ *я тайно* скажу тебѣ родному, говоря: се гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ. Не смерть ли я 18 лѣтъ въ пазухѣ ношу? А посему мнѣ уже всякая скорбь и болѣзнь и рѣзаніе, операція душевная и тѣлесная, есть ничто вновь. Одна бѣда, что усиливается при случаяхъ скорбныхъ. Вотъ *тайна*, почему я болѣзнь неисцѣльную имѣю. А она нажита отъ власяницы и веригъ крестовыхъ еще съ 1817 года въ С. П. Б.—Вотъ уже болѣе 20 лѣтъ. Вотъ почему я, негоденъ, будучи во архіерейство, волею отказался. Я архіереемъ очень доволенъ. Я смотрю на то что̀ вижу, а въ тайное не вхожу. Весьма утѣшенъ, что слышу будто онъ благоволитъ къ о. Анатолію.

Дай Господи! Анатолій святъ мужъ и Ангелъ Божій. Пока не оправлюся, двери не отопру никому, дабы отъ слуха міра боль не усилилася. Радуйся. ††† Твой родной братъ

Фотій. †

1837 года
Ноября 23 дня

Не умру, но живъ буду и повѣмъ дѣла Господня.

(Сообщено въ подлинникахъ Евфиміею Евфиміевною Добронравовою, племянницею Фотія).

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА ЖОМИНИ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

A son Excellence Monsieur de Joukofsky, conseiller d'état actuel gouverneur de son Altesse Impérial.

Mon cher Monsieur Joukofsky.

Un de mes amis de Paris, ultra-bibliophile et surtoût jaloux de posseder des autographes des hommes de lettre distingués, désire ardemment quelques lignes de *Vous* et de *M. Karamsin.* Vous seriez bien aimable de me procurer l'un et l'autre, ou les unes et les autres, si vous trouvez la phrase plus correcte.

Vous devez bien posseder quelques billets du fameux historien, ou il Vous sera facile de trouver deux lignes de ses manuscripts.

Quant à Vous, votre reponse à la présente suffira à rendre le *caractère de Votre écriture immortel en France.*

Je suis en guerre litteraire avec Vous, car j'ai fait un traité offensif et défensif avec la peau de chagrin que Vous attaquez avec tant de sévérité.

Mille complimens affectueux.

Général Jomini.

Si vous aviez quelques billets de Ms. Krilof et Pouchkin, Vous me rendriez ainsi un service en m'en sacrifiant un.

Переводъ.

Его превосходительству г-ну Жуковскому, дѣйствительному статскому совѣтнику наставнику Его Императорскаго Высочества.

Любезный мой Жуковской.

Одинъ изъ моихъ Парижскихъ друзей ультра-библіофилъ, ревностно собирающій автографы извѣстныхъ литераторовъ, страстно желаетъ имѣть нѣсколько строчекъ вашего почерка и почерка Карамзина. Вы очень одолжите, доставивши мнѣ то и другое, или тѣ и другіе, если найдете, что такимъ образомъ фраза будетъ правильнѣе.

У васъ конечно есть нѣсколько записокъ отъ знаменитаго историка, или вамъ легко будетъ достать строчки двѣ изъ его рукописей.

Что́ до васъ касается, то отвѣта на это письмо будетъ достаточно, чтобы *характеръ вашего почерка сдѣлался безсмертнымъ во Франціи.*

Я нахожусь съ вами въ литературной войнѣ: вѣдь я заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ шагреновой кожей, на которую вы такъ жестоко нападаете.

Тысячу дружескихъ привѣтствій.

Генералъ Жомини.

Если имѣются у васъ записочки отъ Крылова и Пушкина, то крѣпко обяжете, пожертвовавъ мнѣ по одной.

ОТВѢТЪ ЖУКОВСКАГО.

Mon général!

Vous voulez à toute force me procurer un peu d'immortalité; je Vous remercie de tout mon coeur pour cette aimable sollicitude, d'autant plus, que la couronne que Vous m'offrez ne peut que couter aucune peine: elle n'éffraye pas ma paresse et certainement ne reveillera pas l'envie. Il ne s'agit pour moi que de Vous écrire quelques lignes en mauvais français: les voici tout écrites. Sans prétendre à la gloire d'entrer dans le sanctuaire du temple où Vous voulez bien me conduire, je veux au moint m'assurer le droit de me tenir à sa porte, ou même dans la loge du portier; je m'empresse donc d'associer mon nom au Votre, et je déclare ici, pour que la postérité le sache un jour, que j'ai eu l'honneur

d'être connu du général Jomini, et que même il a eu pour moi un peu de bienveillance.

Joukoffsky.

A son excellence
Monsieur le baron de Jomini.

Переводъ.

Генералъ!

Вы силою хотите доставить мнѣ немного безсмертія; благодарю васъ за такое любезное попеченіе, тѣмъ болѣе, что вѣнецъ вами предлагаемый не стоитъ мнѣ ни малѣйшаго труда; онъ не пугаетъ лѣни моей и конечно не возбудитъ зависти: мнѣ слѣдуетъ написать вамъ нѣсколько строчекъ не совсѣмъ правильно по французски; вотъ онѣ и написаны. — Не домогаясь славы войти въ святилище храма, куда вамъ угодно меня ввести, хочу по крайней мѣрѣ усвоить за собой право стоять въ дверяхъ его, или хотя въ будкѣ привратника; потому спѣшу соединить мое имя съ вашимъ и объявляю здѣсь для свѣдѣнія дальнему потомству, что имѣлъ честь быть извѣстнымъ генералу Жомини, и что даже онъ былъ ко мнѣ нѣсколько благосклоненъ.

Жуковской.

Его превосходительству
Г-ну барону Жомини.

БУНТЪ ЧЕРНИГОВСКАГО ПОЛКА.

Помѣщаемые ниже подлинные документы о бунтѣ Черниговскаго пѣхотнаго полка имѣютъ важное историческое значеніе: это оффиціальныя донесенія лицъ, которыя или сами были главными дѣятелями въ описываемомъ событіи (какъ командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Ротъ) или же на мѣстахъ собирали объ немъ достовѣрныя свѣдѣнія (какъ напр. подполковники де-Юнкеръ и Бакуревичъ и поручикъ Лишинъ). Кромѣ документовъ объ этомъ возмущеніи, подписанныхъ только-что названными лицами, кромѣ двухъ рапортовъ объ немъ начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіора князя Горчакова, и донесенія Волынскаго гражданскаго губернатора Андржейковича, мы помѣщаемъ здѣсь еще одинъ документъ: это черновая, на простой зеленой бумагѣ, неизвѣстно кѣмъ составленная, современная записка, въ которой обстоятельно разсказано все дѣло объ арестѣ Сергѣя Муравьева - Апостола, объ открытомъ нападеніи офицеровъ (соумышленниковъ арестованнаго) на производившаго арестъ командира Черниговскаго полка, подполковника Гебеля, и о самомъ началѣ бунта шести ротъ этого полка. Записка любопытная. Составленіе ея, по всей вѣроятности, принадлежитъ или самому Гебелю, или же кому-нибудь изъ бывшихъ при немъ лицъ.

Копіи этихъ бумагъ, адресованныхъ къ начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Ѳ. Г. Гогелю, тотчасъ по полученіи (какъ видно изъ собственно-ручныхъ помѣтъ его) отправлялись къ великому князю Константину Павловичу въ Варшаву. Цесаревичъ велъ дѣятельную секретную переписку съ Гогелемъ по поводу печальныхъ событій, ознаменовавшихъ конецъ 1825 и начало 1826 годовъ, и этому-то обстоятельству мы обязаны происхожденіемъ печатаемыхъ теперь документовъ.

Считаемъ не лишнимъ предпослать имъ общій очеркъ Черниговскаго возмущенія изъ Записокъ М. А. Фонъ-Визина, изданныхъ (довольно впрочемъ безобразно) въ 1861 году въ Лейпцигѣ.

Разсказавъ о событіяхъ 14-го декабря на Сенатской площади, ФонъВизинъ, продолжаетъ: „Вовремя этихъ происшествій въ Петербургѣ, и на югѣ было подобное возстаніе. По доносу лазутчиковъ императору Александру въ Таганрогѣ, предъ его кончиною, о тайномъ союзѣ, начальникъ главнаго штаба генералъ Дибичъ и генералъ-адъютантъ Чернышевъ, немедленно (по повелѣнію ли императора или сами собой) распорядились объ аресто-

ваніи въ Тульчинѣ и въ 3-мъ корпусѣ всѣхъ членовъ тайнаго союза, поименованныхъ въ доносѣ лазутчиковъ. Чернышевъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, главную квартиру 2-ой арміи, и потребовалъ того же отъ главнокомандующаго, генерала графа Витгенштейна, который долго не соглашался, но наконецъ уступилъ его убѣжденіямъ. Пестель и его единомышленники, арестованные, отправлены въ С. Петербургъ. Такія же мѣры приняты и начальникомъ 3-го корпуса, по настоянію Чернышева.

„Арестовали Черниговскаго полка подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который съ поручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ были главными дѣйствователями въ управѣ 3-го пѣхотнаго корпуса и присоединеннаго къ ней общества соединенныхъ Славянъ.

„Возвышенный и чистый характеръ Сергѣя Муравьева-Апостола, его свѣтлый умъ, глубокая религіозность, прекрасныя душевныя качества, пріобрѣли ему всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ знавшихъ его. Черниговскіе однополчане, офицеры и солдаты, были ему безпредѣльно преданы. Узнавъ объ его арестованіи, всѣ шесть ротъ этого полка собрались въ Васильковѣ; поднялись, освободили его изъ подъ ареста, при чемъ былъ раненъ противившійся тому начальникъ полка [1]). Офицеры и солдаты поклялись Муравьеву слѣдовать за нимъ, куда бы онъ ни повелъ, и повиноваться ему безусловно.

„Сергѣй Муравьевъ принялъ начальство надъ шестью ротами, бывшими въ сборѣ въ Васильковѣ, и повелъ ихъ къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться тамъ съ другими полками 3-го корпуса, въ которомъ начальники и многіе офицеры были члены тайнаго общества. Онъ надѣялся увлечь ихъ и дѣйствовать по обстоятельствамъ въ духѣ тайнаго союза.

[1]) Дѣло впрочемъ происходило нѣсколько иначе, какъ читатели увидятъ изъ нашихъ документовъ.

„Начальникъ 3-го корпуса, генералъ Ротъ, извѣщенный о происшедшемъ въ Васильковѣ и о движеніи Муравьева къ Бѣлой Церкви, послалъ противъ него отрядъ гусаръ Ахтырскаго полка [2]), подъ начальствомъ генерала Гейсмара, который скоро настигъ Черниговскія роты. Муравьевъ построилъ ихъ въ колонну и приказалъ безъ выстрѣла броситься на пушки. Овладѣвъ ими, онъ надѣялся не только устоять противъ гусаръ, но и ихъ присоединить къ себѣ, потому что въ конномъ отрядѣ были члены тайнаго общества. Черниговцы бросились смѣло на пушки за неустрашимымъ начальникомъ, но первый картечный выстрѣлъ съ батарей сразилъ Муравьева: онъ, раненный въ голову, упалъ безъ чувствъ и черезъ часъ, когда пришелъ въ себя, увидѣлъ отрядъ свой разсѣявшимся и солдатъ забранными въ плѣнъ [3]).

„Съ Сергѣемъ Муравьевымъ захвачены родные его братья, Матвѣй и меньшой Ипполитъ, который, предвидя участь, его ожидающую, застрѣлился. Съ ними взято нѣсколько офицеровъ Черниговскаго полка; изъ нихъ поручикъ Кузьминъ тоже застрѣлился, будучи посаженъ подъ арестъ съ братьями Муравьевыми. Всѣ члены тайнаго союза и общества соединенныхъ Славянъ въ 3-мъ корпусѣ были арестованы и съ фельдъегерями и жандармами отправлены въ Петербургъ“.

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ документахъ встрѣчаются иногда неточности и невѣрности въ показаніяхъ; такъ напримѣръ, у де-Юнкера говорится, будто Матвѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ застрѣлились, генералъ Орловъ

[2]) Изъ данныхъ, сообщаемыхъ нашими документами, видно, что противъ Черниговцевъ были употреблены въ дѣло четыре эскадрона гусаръ (Маріупольскаго полка 1, принца Оранскаго 2 и Ахтырскаго 1) третьей дивизіи, и два конныхъ орудія.

[3]) О числѣ плѣнныхъ наши источники разногласятъ; генералъ Ротъ насчитываетъ ихъ до 900 человѣкъ.

(М. Ѳ.) называется графомъ: у Лишина сказано, будто въ дѣлѣ подъ Устиновкой противъ мятежниковъ было только три эскадрона гусарскаго принца Оранскаго полка и пр. Всѣ эти ошибочныя показанія легко замѣтить и исправить по сличеніи съ другими болѣе достовѣрными данными въ нашихъ же документахъ. Нѣкоторыя извѣстія, сообщаемыя ими, требуютъ болѣе серьезной критической провѣрки, въ которую мы не можемъ входить здѣсь, во-первыхъ потому, что это лежитъ внѣ нашей задачи; во-вторыхъ потому, что для этого мы обладаемъ еще слишкомъ малымъ запасомъ историческихъ фактовъ о томъ смутномъ времени. Что касается до личнаго характера Сергѣя Муравьева-Апостола, то сужденіе, произнесенное объ немъ Фонъ-Визинымъ, находитъ себѣ полное оправданіе и въ нашихъ документахъ. „Всѣ знающіе лично Муравьева—писалъ Бакуревичъ—многіе помѣщики отзываются о немъ съ необыкновенными похвалами со стороны его способности, ума и ласковыхъ пріемовъ". Обвиненіе, взводимое на него Лишинымъ, въ томъ, будто онъ имѣлъ намѣреніе, занявъ Бѣлую Церковь, ограбить графиню Браницкую, въ чемъ-де обнадеживалъ своихъ солдатъ и позволялъ имъ всякое самовольство, едва ли справедливо, по крайней мѣрѣ его трудно согласить съ слѣдующимъ извѣстіемь объ немъ де-Юнкера: „Въ мѣстечкѣ Васильковѣ просили (солдаты) позволенія пограбить, но подполковникъ Муравьевъ оное запретилъ, *а были шалости по питейнымъ домамъ*; говорено было, что повѣтовое казначейство въ ономъ мѣстечкѣ ими взято, но по удостовѣренію узнано, что сіе несправедливо" *).

М. Шугуровъ.

*) Удивительная судьба тяготѣла надъ этимъ человѣкомъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ офицеровъ л. гвардіи Семеновскаго полка, онъ участвовалъ въ славныхъ событіяхъ 1812—1815 годовъ. Во Франціи, съ однимъ изъ товарищей своихъ, пошелъ онъ гадать къ извѣстной Ленорманшѣ, и обоимъ она предвѣщала насильственную смерть. „Вы будете повѣшены", сказала она Муравьеву. „Вѣрно вы меня считаете за Англичанина, замѣтилъ ей Муравьевъ: у насъ въ Россіи отмѣнена смертная казнь". Можно бы, пожалуй, считать это за вымыселъ, еслибъ не существовало объ этомъ предвѣщаніи записки, составленной Е. Ѳ. Муравьевою со словъ самаго С. И. Муравьева по возвращеніи его въ Россію. Товарищъ его застрѣлился вслѣдствіе какого-то несчастія.—Въ жилахъ Муравьева текла южная кровь: его мать была Сербскаго или Черногорскаго происхожденія, изъ славнаго рода Черноевичей. *П. Б.*

I.

Командиру 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю.

Начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіора князя Горчакова 3-го.

Рапортъ.

Рапортъ вашего превосходительства за № 13-мъ къ командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, за отсутствіемъ его, я распечаталъ и на оной имѣю честь донести, что при арестованіи, по высочайшему повелѣнію, Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковника Муравьева-Апостола, офицеры, при немъ бывшіе, до того не допустили и ранили полковаго командира. Послѣ того Муравьевъ-Апостолъ взбунтовалъ пять или шесть ротъ онаго полка, и по послѣднимъ полученнымъ извѣстіямъ находится еще въ окрестности г. Василькова, гдѣ полкъ былъ расположенъ. Господинъ корпусный командиръ, лично съ войсками туда сблизившійся, принялъ уже всѣ мѣры для прекращенія сего возмущенія, въ коемъ не участвовала 1-ая гренадерская рота Черниговскаго полка, которая находится при немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что мятежъ сей не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій, и по всѣмъ вѣроятіямъ сего числа или завтра будетъ прекращенъ тѣми вой-

сками, кои уже выступили, и для чего не признано нужнымъ собирать даже и 8-ую пѣхотную дивизію. Впрочемъ, въ случаѣ особенной важности, не премину донести вашему превосходительству съ нарочнымъ.

Бывшій въ Черниговскомъ полку во время начатія сего бунту 17-го егерскаго полка подпоручикъ Вадковскій, который находится здѣсь арестованнымъ, подтвердилъ въ своихъ показаніяхъ помянутое дѣйствіе Муравьева-Апостола, но впрочемъ не открылъ ничего заслуживающаго вниманія.

Генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3.

№ 11. Генваря 3-го дня, 1826-го года.

Г. Житомиръ.

II.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю.

Начальника штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіора князя Горчакова 3-го

Рапортъ.

Въ дополненіе рапорта моего къ вашему превосходительству за № имѣю честь донести, что роты Черниговскаго пѣхотнаго полка, вышедшія изъ послушанія, настигнуты были близь селенія Устиновки отрядомъ 3-ей гусарской дивизіи, и что не только мятежъ прекращенъ, но всѣ офицеры и нижніе чины взяты помянутымъ отрядомъ.

Генералъ-маіоръ князь Горчаковъ 3.

№ 10. 4 генваря, 1825-го года.

Г. Житомиръ.

III.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю.

Командира 3-го пѣхотнаго корпуса.

На почтеннѣйшее отношеніе вашего превосходительства отъ 8-го сего генваря, за № 31-мъ, коимъ, въ слѣдствіе воли его императорскаго высочества Цесаревича, просите моего увѣдомленія относительно случившагося возмущенія въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, я имѣю честь объяснить слѣдующее.

Командиръ полка, подполковникъ Гебель, отправившись для арестованія, по высочайшему повелѣнію, того полка командира 2-го баталіона, подполковника Муравьева-Апостола, нашелъ его въ ночь съ 29-го на 30-ое число декабря въ с. Трилѣсахъ на квартирѣ командира стоявшей тамъ 5-ой мушкатерской роты, поручика Кузьмина, который, какъ оказалось, былъ съ Муравьевымъ членомъ открытаго нынѣ тайнаго общества. Когда подполковникъ Гебель приступилъ къ арестованію Муравьева, сей послѣдній не только тому воспротивился, но вмѣстѣ съ офицерами тяжело его изранили. А какъ по полку приказано было собраться въ тоже время для учиненія присяги на вѣрноподданство его величеству государю императору Николаю Павловичу, то Муравьевъ, пользуясь властію, которую доставляло ему званіе старшаго по полковомъ командирѣ штабъ-офицера, съ помощію преданныхъ ему офицеровъ, объявилъ нижнимъ членамъ, что его императорское высочество Цесаревичъ не согласенъ на отреченіе отъ престола и что, для вспомоществованія по сему случаю, 3-й пѣхотный корпусъ собирается подъ Житомиромъ, — чѣмъ и успѣлъ привлечь къ себѣ часть офицеровъ и полка, въ коемъ служилъ.

Узнавъ въ ночь съ 30-го на 31-ое число о началѣ сего происшествія, я

тотчасъ отправился въ м. Бѣлую Церковь, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ ближайше расположеннымъ къ Василькову девяти эскадронамъ 3-ей гусарской дивизіи съ конною ротою № 5-го выступить и слѣдовать на назначенные мною сборные пункты. Между тѣмъ получено было извѣстіе, что Муравьевъ-Апостолъ 31-го числа вышелъ съ шестью ротами къ Паволочу или Брусилову. Почему 1-го генваря, съ разсвѣтомъ дня, я двинулъ изъ Бѣлой Церкви противъ него двѣнадцать ротъ пѣхоты и четыре пѣшихъ орудія; но видя, что съ пѣхотою трудно будетъ достигнуть мятежниковъ, кои безпрестанно перемѣняли направленіе, я оставилъ оную и, взявъ вышепомянутые девять эскадроновъ гусаръ съ конною ротою, успѣлъ 3-го числа окружить ихъ съ трехъ сторонъ. Въ часъ по полудни средній отрядъ, состоявшій изъ четырехъ эскадроновъ и двухъ конныхъ орудій, настигъ мятежниковъ на Устиновской высотѣ близь с. Пологовъ. Тогда Муравьевъ построилъ каре изъ бывшихъ у него шести ротъ, кои, взявъ на руку, пошли прямо на орудія; но, бывъ встрѣчены картечными выстрѣлами, смѣшались, и два эскадрона гусаръ пошли на нихъ въ атаку, но въ тоже время нижніе чины, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, побросали оружіе. Взято ихъ около 900 человѣкъ, также зачинщикъ бунта, Муравьевъ-Апостолъ (который раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову) братъ его, отставной подполковникъ, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій и Полтавскаго полка подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Убиты: поручики Кузьминъ и Щепилла и квартирмейстерской части прапорщикъ Муравьевъ - Апостолъ, тоже братъ первыхъ двухъ. Равно убито и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Всѣ они отправлены въ м. Бѣлую Церковь, гдѣ нижніе чины содержатся подъ строгимъ присмотромъ, а офицеры, закованные въ кандалы, отправятся въ главную квартиру арміи. Надъ ними производится строжайшее изслѣдованіе.

Войска, бывшія употребленными для прекращенія сего бунта, другъ предъ другомъ ревнствовали стремиться къ каранію возмутителей и съ радостнымъ духомъ совершали большіе переходы въ самое холодное время. 1-я гренадерская рота Черниговскаго полка, окруженная бунтовщиками, не только не послѣдовала ихъ примѣру, но, отклонившись отъ нихъ, примкнула ко мнѣ съ капитаномъ своимъ, Козловымъ, и находилась въ рядахъ карателей мятежниковъ.

Впрочемъ мятежъ сей не имѣлъ болѣе никакихъ послѣдствій и, кромѣ помянутой части Черниговскаго полка, всѣ прочія войска 3-го пѣхотнаго корпуса сохранили совершенный порядокъ и гнушались подобнымъ поступкомъ.

Равномѣрно въ томъ мѣстѣ, гдѣ произошло возмущеніе, и въ окружности обыватели не приняли въ ономъ никакого участія, и крестьяне не вышли изъ повиновенія. Теперь всѣ уже части войскъ, бывшихъ при усмиреніи мятежа, возвратились на свои квартиры, исключая тѣхъ, кои оставлены въ Бѣлой Церкви для надзора.

Генералъ-лейтенантъ Ротъ.

№ 59. 10-го генваря, 1826 года

Корпуская квартира въ г. Житомирѣ

IV.

Командиру 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю.

Волынскаго гражданскаго губернатора.

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что въ сію минуту получено въ Житомирѣ корпуснымъ штабомъ 3-го пѣхотнаго корпуса оффиціальное увѣдомленіе о совершенномъ усмиреніи взбунтованныхъ ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка. Вчерашняго числа командующій авангардомъ, генералъ-маіоръ Гейсмаръ атаковалъ заблужденныхъ на возвышенностяхъ селенія Устиновки, въ 22-хъ верстахъ отъ Бѣлой Церкви, имѣвъ съ собою не болѣе двухъ эскадроновъ гусарскихъ полковъ—Маріупольскаго и принца Оранскаго, а также нѣсколько пушекъ артиллеріи конной. По нѣсколькихъ выстрѣлахъ картечью, сдались. Взято 700 человѣкъ солдатъ, всѣхъ офицеровъ, между коими и трехъ Муравьевыхъ. Одинъ изъ нихъ раненъ, но не самъ предводитель бунту. Со стороны атакующихъ никто не убитъ и даже не раненъ. Такимъ образомъ спокойствіе совершенно возстановлено.

(Рукою губернатора приписано): «О семъ донесено мною и его императорскому высочеству государю Цесаревичу».

Губернаторъ Андржейковичъ.

№ 7. 4-го генваря, 1826.

На поляхъ подлинника его же рукою помѣчено: «секретно», а рукою Гогеля: «донесено 5 генваря его высочеству».

V.

Декабря съ 25 на 26 ночью прибыли въ г. Васильковъ два жандармскаго полка офицера изъ С. Петербурга, по именному повелѣнію, къ командиру Черниговскаго п. полка, полковнику Гебелю, дабы онъ, арестовавъ подполковника Муравьева съ находившимся при немъ роднымъ его братомъ, отправился съ сими же офицерами въ столицу, съ опечатанными бумагами, которыя при нихъ найдены будутъ. Полковникъ Гебель, получа сіе, тотчасъ съ присланными офицерами отправился до мѣста квартированія подполковника Муравьева, а не заставъ его дома (ибо, съ позволенія г. дивизіоннаго начальника, уѣхалъ въ Житомиръ для поздравленія съ праздникомъ г. корпуснаго командира) опечатавъ его бумаги и вручивъ жандармскимъ офицерамъ, поѣхалъ съ ними въ Житомиръ для отысканія п. Муравьева. Прибывъ туды и явясь къ г. корпусному командиру, узналъ отъ него, что п. Муравьевъ былъ въ Житомирѣ и 25-го числа обѣдалъ у него и якобы имѣлъ на другой день ѣхать въ полкъ; но, по забраннымъ справкамъ оказалось, что онъ поѣхалъ по дорогѣ къ Любару, на деревню (кажется) Трояново, проселочною дорогою (Въ томъ селеніи живетъ помѣщикъ Муравьевъ). Отправившись по той дорогѣ, п. Гебель узналъ отъ помѣщика, что дѣйствительно оба Муравьевы были у него на короткое время и поѣхали въ Любаръ, куда въ слѣдъ за ними поѣхалъ и п. Гебель. Прибывъ къ командующему тамъ гусарскимъ полкомъ, полковнику Муравьеву, объявилъ о порученности и спрашивалъ, куда дѣвались подполковникъ Муравьевъ съ братомъ. Гусарскій полковникъ отвѣчалъ, что были у него часа на два и уѣхали, но куда—не знаетъ (такъ какъ озабоченъ болѣзнію жены своей). По разспросамъ

Евреевъ узнавши, что они на наемныхъ и очень спѣшно поѣхали въ Бердичевъ,—отправились по той же дорогѣ, но въ Бердичевѣ потерявши совершенно ихъ слѣды (и) полагая, не поѣхали ли на свои квартиры, отправились по той дорогѣ, и съ 28-го на 29-ое, передъ разсвѣтомъ, прибыли въ мѣсто расположенія Черниговскаго полка, въ мѣстечко Трилѣсы, гдѣ ротный дворъ 5-ой мушкетерской роты. Остановившись въ корчмѣ, намѣрены были напиться чаю, и затѣмъ пошли къ ротному командиру, не узнаютъ ли о Муравьевѣ; увидѣли сквозь окошко огонь и, войдя въ комнату, нашли одного подп. Муравьева, одѣтаго во всей формѣ, а ротнаго командира не было. Первое привѣтствіе: «Здравствуйте, что̀ вы здѣсь дѣлаете?» Отвѣтъ: «Здравствуйте, а вы что?»—«Гдѣ вашъ братъ?»—«Не знаю». Удивленъ таковою встрѣчею, полковникъ вышелъ и, велѣвъ нарядить караулъ, поставилъ двухъ часовыхъ у дверей и четырехъ кругомъ дому, а самъ, войдя въ середину и увидѣвъ, что п. Муравьевъ вышелъ изъ коморки въ первую комнату, пошелъ туда, гдѣ нашелъ его брата, лежащаго на постели, и возлѣ него два заряженные пистолета; взявъ сейчасъ тѣ пистолеты, разрядилъ ихъ и объявилъ п. Муравьеву, что онъ по высочайшему повелѣнію арестуется, —на что онъ отвѣчалъ: «Ну и что жъ?» Въ то самое время вошли три ротные командира 2-го баталіона и, чуть поклонившись полковнику, приступили къ Муравьеву, поздоровавшись съ нимъ пожатіемъ рукъ; а когда ихъ полковникъ спросилъ, зачѣмъ они отъ своихъ мѣстъ сюда прибыли, отвѣчали, что по нужнымъ дѣламъ, — входили въ коморку, что-то тихо переговаривали и вышли въ сѣни. Полковникъ, желая удостовѣриться, есть ли караулъ и что̀ все сіе значитъ, вышелъ въ сѣнцы и, увидя пять или шесть офицеровъ въ кухнѣ, что-то переговаривающихъ, входитъ и говоритъ имъ: «Господа, что̀ все сіе значитъ?» Они отвѣчаютъ: «Это значитъ, что вы подлецъ; вы нашего подполковника хотѣли погубить». И тутъ сейчасъ схватили его, а когда онъ оборонялся, то, схвативъ у часовыхъ ружья, нанесли ему штыкомъ удары въ грудь, въ руки и въ голову, а одинъ прикладомъ переломилъ ему правую руку (всѣхъ имѣетъ семь ранъ). Часовые или оробѣли отъ ужаса, или были въ заговорѣ, только изъ нижнихъ чиновъ никто не участвовалъ. Въ томъ смятеніи полковникъ Гебель, не чувствуя ранъ, оборонялся отъ нападенія; а самый безпорядокъ и тѣснота мѣста (ибо еще присоединились и другіе офицеры и оба Муравьевы) не дозволили задать глубокихъ ранъ, а растворенная дверь дала ему средство выбѣжать на дворъ, побѣжать къ корчмѣ и, найдя около оной какую-то подводу, свалился на нее, и лошади сами помчались къ эконому на дворъ (это были его лошади). Тутъ его сняли, экономша начала отирать кровь и трезвить, ибо часто дѣлалось ему дурно. Офицеры искали его по деревнѣ, и двое прискакали на экономію, но полковника спрятали и сказали, что у нихъ никого не было. Рядовой 5-ой мушкетерской роты, Максимъ Ивановъ (видно, видѣвшій все происходившее), прійдя на экономію, говорилъ, что вѣрно офицеры побѣсились, что онъ очень жалѣетъ полковника и хотѣлъ бы его спасти; и когда сказали полковнику о томъ, то онъ просилъ, чтобы дали лошадей перевезть его въ I-ую гренадерскую роту, на коман-

дира которой, капитана Козлова, и на нее самую могъ надѣяться; и тотъ рядовой глухими дорогами привезъ его въ с. Снидинки, на ротный дворъ, благополучно. Рота приняла его съ изъявленіемъ живѣйшаго участія. Тутъ онъ переночевалъ; на другой день, то есть 30-го, отправился съ конвоемъ въ г. Васильковъ. Присланные изъ С. Петербурга жандармскіе офицеры тамъ въ Трилѣсахъ задержаны; всѣ бумаги отъ нихъ отобраны, и они посажены подъ стражу. Соучастники Муравьевымъ въ семъ происшествіи были: штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручики Щупиловъ (Щепилла), Кузьминъ, Сухиновъ, Рюминъ-Бестужевъ.

30-го числа, около полудня, подполковъ. Муравьевъ со многими офицерами Черниговскаго полка, всѣ вооруженные пистолетами, пріѣхали въ Васильковъ. Шесть ротъ вступило въ городъ, заняли гаупвахту, распустили изъ оной арестантовъ, маіора Трухина (который хотѣлъ противиться) разругали, порвали на немъ мундиръ, оборвали эполеты и отобрали шпагу; прислали къ полковнику взять знамена и полковой ящикъ, что исполнено безъ всякаго супротивленія; а на другой день, то есть 31-го, велѣли полковому священнику служить молебствіе, послѣ коего закричали: «Да здравствуетъ государь Константинъ и вольность!» и выступили съ распущенными знаменами изъ города; остановились въ деревнѣ Мотовиловкѣ, за семь верстъ; какъ говорятъ, что 1-го числа имѣютъ тамъ дневку, но куды затѣмъ пойдутъ и какія ихъ намѣренія — неизвѣстно. 31-го числа освободили жандармскихъ офицеровъ, забравъ у нихъ 700 рублей денегъ. Во время нахожденія ихъ въ Васильковѣ, всѣхъ проѣзжающихъ останавливали, разсматривали бумаги и курьеровъ не пропускали. За отбытіемъ ихъ 31-го числа, полковникъ Гебель привезенъ въ Кіевъ для пользованья.

Г. корпусный командиръ, генер.-лейт. Ротъ находился съ 31-го числа въ Бѣлой Церкви, гдѣ собранъ 17-ый егерскій полкъ, 18-ый изъ Богуслава туда же слѣдуетъ, и другіе полки получили повелѣніе двигаться для укрощенія. Алексопольскій полкъ изъ Радомысла выступилъ 2-го сего мѣсяца и слѣдуетъ въ Житомиръ; бывшій сего полка полковой командиръ, полковникъ Швейковскій, съ 31-го на 1-ое взятъ по именному повелѣнію. 1-го числа прибыла въ Бѣлую Церковь къ г. генер. л. Роту 1-ая гренадерская рота Черниговскаго п. полка съ своимъ командиромъ, которые не хотѣли присоединиться къ возмутившимся.

(На этой запискѣ рукою Гогеля помѣчено: «Донесено его высочеству 1-го генваря»).

VI.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, господину генералъ-лейтенанту и кавалеру, Гогелю 2-му

Волынскаго пѣхотнаго полка под полковника де-Юнкера

Рапортъ.

Во исполненіе повелѣнія вашего превосходительства, послѣдовавшаго ко мнѣ отъ 8-го числа сего мѣсяца за № 33, честь имѣю донести. Командиръ Черниговскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Гебель получилъ съ нарочнымъ изъ главной квартиры 1-ой арміи повелѣніе о арестованіи баталіоннаго командира подполковника Муравьева, когда полкъ сбирался въ м. Васильковъ для присяги на вѣрность подданства его император-

скому величеству Николаю Павловичу. Препоручивъ старшему по себѣ привесть ввѣренный ему полкъ на вѣрность подданства къ присягѣ, отправился самъ на его квартиру. Не заставъ его дома, освѣдомился, что онъ поѣхалъ въ г. Житомиръ, куда и онъ поѣхалъ. Прибывъ въ оной, узналъ, что его нѣту, а былъ на обѣдѣ у корпуснаго командира. По справкамъ съ полиціею узнано, что онъ квартировалъ въ трактирѣ Добровольскаго и нанялъ фурмана до с. Тростенца, гдѣ квартируетъ братъ его, служащій въ Александрійскомъ полку; между тѣмъ подполковникъ Муравьевъ, выѣхавши изъ Житомира, заставилъ фурмана ѣхать въ м. Любаръ. Полковникъ Гебель, взявши изъ корпусной квартиры жандарма, пріѣхалъ въ м. Любаръ, его не засталъ и поѣхалъ за нимъ въ м. Бердичевъ, гдѣ также его не нашедши, поѣхалъ обратно. Доѣхавши до перваго расположенія его полка, заѣхалъ погрѣться и, увидѣвъ на той же квартирѣ подполковника Муравьева съ братомъ (который въ отставкѣ и пріѣхалъ къ нему съ 100,000 рублями денегъ) объявилъ ему, что онъ арестованъ, и взялъ шпагу и остался еще нѣсколько времени для обогрѣнія. Между тѣмъ полкъ былъ распущенъ по выполненіи присяги; куда пріѣхали изъ полковаго штаба два офицера и еще одинъ проѣздомъ. Узнавши, что подполковника Муравьева арестовали и берутъ, тотчасъ послали за солдатами извѣстныхъ имъ по привязанности, въ коемъ числѣ были переведенные изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Тогда уже подполковникъ Муравьевъ сказалъ одному изъ нихъ: «Это измѣнникъ, коли его»! — который и нанесъ ему рану штыкомъ въ бокъ, и послѣ получилъ нѣсколько таковыхъ, болѣе или менѣе важныхъ; ровно и офицеры кололи его штыками. Считаютъ, что онъ получилъ 9 ранъ. Жандармъ, бывшій съ полковникомъ Гебелемъ, началъ уговаривать солдатъ при первомъ началѣ, чтобъ не забыли, что онъ ихъ полковой командиръ и что подполковникъ Муравьевъ арестовывается съ воли вышняго начальства, на что̀ одинъ рядовой хотѣлъ также заколоть его штыкомъ; но онъ, бывши здороваго и крѣпкаго сложенія, схватилъ за штыкъ и сдернулъ его долой, послѣ чего били его прикладомъ. Полковника выбросили изъ комнаты, а самъ подполковникъ Муравьевъ съ офицерами тотчасъ распорядились о сборѣ полка. Которые не успѣли еще совершенно разойтиться по квартирамъ, тотчасъ были собраны и пошли въ полковой штабъ въ м. Васильковъ, гдѣ забрали знамена и казенный ящикъ. Въ м. Васильковѣ просили позволенія пограбить, но подполковникъ Муравьевъ оное запретилъ, а были шалости по питейнымъ домамъ; говорено было, что повѣтовое казначейство въ ономъ мѣстечкѣ ими взято, но по удостовѣренію узнано, что сіе несправедливо, а взяли у городничаго два подорожныхъ бланкета, № (номера) коихъ извѣстны, и разосланы секретныя предписанія о удержаніи того, кто по онымъ будетъ ѣхать. Между тѣмъ посланъ былъ отъ подполковника Муравьева офицеръ Вадковскій, переодѣтый во фракъ, въ г. Житомиръ, для узнанія, какія предпринимаются противъ его мѣры, который за Житомиромъ схваченъ, привезенъ въ корпусную квартиру и въ кандалахъ находится подъ арестомъ. Полковникъ Гебель, оставшись въ деревнѣ, съ помощію жандарма и крестьянъ отвезенъ во дворъ, откуда

отправился въ г. Кіевъ для излѣченія, гдѣ и теперь находится. 1-ая гренадерская рота, подъ командою капитана Козлова, рѣшительно, за всѣми угрозами, отказалась слѣдовать за подполковникомъ Муравьевымъ и прибыла въ Бѣлую Церковъ къ дивизіонному командиру. 1-ая мушкатерская рота, шедши на сборный пунктъ, взяла другую дорогу и прибыла къ корпусному командиру, которая и содержала караулъ въ той деревнѣ, гдѣ онъ находился.

Корпусный командиръ, получивъ извѣстіе о случившемся съ полковникомъ Гебелемъ, тотчасъ поѣхалъ въ Бердичевъ и на дорогѣ получилъ извѣстіе о возмутившихся, почему, прибывъ въ оное, тотчасъ приказалъ собрать полки гусарской дивизіи и съ четырьмя орудіями конной артиллеріи форсированнымъ маршемъ велѣлъ идти къ м. Василькову, а самъ поѣхалъ впередъ; сближаясь туда, собранъ 17-ой егерской полкъ, а полки, стоявшіе въ смежности и близи, отдалилъ къ Житомиру.

Подполковникъ Муравьевъ, собравши шесть ротъ, отошелъ за 18 верстъ и расположился въ деревнѣ. Когда узналъ онъ, что противъ его идутъ войска, вышелъ изъ деревни, построившись въ колонну; увидѣвъ кавалерію и конную артиллерію, построился въ каре и шелъ прямо къ орудіямъ. Тогда нижніе спросили его: «Что сіе значитъ?» — на что̀ онъ отвѣчалъ, «что отнимаютъ престолъ у государя Константина и что сіи войска идутъ съ ними соединиться». Корпусный командиръ приказалъ зарядить два орудія картечью и выстрѣлить мимо ихъ; но какъ таковое ихъ не остановило, то, зарядивши опять картечью, выстрѣлили въ нихъ, а гусары бросились на нихъ, то они бросили ружья. Адъютантъ дивизіоннаго командира, генералъ-маіора Ридигера, Энгельгардтъ, командуя, по препорученію корпуснаго командира, эскадрономъ Ахтырскаго гусарскаго полка (котораго начальникъ былъ посланъ съ приказаніями въ другое мѣсто) наскакалъ на каре и, увидѣвъ подполковника Муравьева верхомъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, закричалъ ему: «Брось пистолетъ»! — который, вмѣсто того, сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ, но пистолетъ осѣкся; тогда Энгельгардтъ приказалъ гусару въ него выстрѣлить, который попалъ въ лошадь, — почему Муравьевъ спѣшился; а вахмистръ того эскадрона, наскакавъ на него, разбранивши за измѣну и попрекнувши, что чрезъ него измучили лошадей и что четыре дня не ѣли, нанесъ ему саблей ударъ по плечу. Самъ Муравьевъ былъ раненъ картечью по затылку; братъ его (отставной) и Бестужевъ застрѣлились; другой братъ, служащій въ свитѣ, всѣ офицеры и нижніе отведены въ Бѣлую Церковь, куда поѣхалъ начальникъ штаба, князь Горчаковъ, съ корпуснымъ оберъ-аудиторомъ, для учиненія слѣдствія, гдѣ и теперь находится. Офицеры подъ арестомъ и въ кандалахъ. Корпусный командиръ тѣхъ офицеровъ не хотѣлъ видѣть, а съ солдатами говорилъ, которые ему объявили, что они были обмануты. Офицеровъ считаютъ въ соучастникахъ въ томъ полку 12 человѣкъ, прочіе во время сего происшествія прибѣжали къ корпусному командиру, какъ кто могъ, иные даже въ шлафрокахъ. Изъ тѣхъ офицеровъ, которые отняли у полковника Гебеля Муравьева, убиты 2, а нижнихъ чиновъ около 12 человѣкъ.

Во время возмущенія сего въ г. Житомирѣ содержалъ караулъ 1-ый баталіонъ Тамбовскаго полка съ заряженными ружьями, и въ одну ночь три раза смѣнялись роты на гауптвахтѣ; болѣе жь прочихъ содержала караулъ 1-ая гренадерская рота. Нижніе чины онаго баталіона требовали отъ хозяевъ лучшей пищи и сказывали, что имъ говорили, что будутъ грабить Житомиръ, вмѣсто того имъ велятъ защищать. Баталіонъ внутренней стражи также былъ въ то время собранъ въ городѣ.

Подполковникъ Муравьевъ ожидалъ присоединенія къ нему Харьковскаго драгунскаго полка; но корпусный командиръ пресѣкъ сообщеніе. Намѣреніе его было, по прибытіи секурса, овладѣть тотчасъ квартировавшею не въ дальнемъ разстояніи артиллеріею. 17-ый егерскій полкъ также былъ въ сомнѣніи, почему былъ въ резервѣ съ оставшеюся кавалеріею, коей было назначено въ дѣло только 4 эскадрона: Маріупольскаго 1, принца Оранскаго 2 и Ахтырскаго 1.

Въ бытность мою въ корпусной квартирѣ, арестованъ, по повелѣнію главнокомандующаго 1-ой арміи, корпусный оберъ-квартермистръ, свиты полковникъ Враницкій, и провезли на пяти перекладныхъ повозкахъ неизвѣстно какихъ офицеровъ въ Петербургъ. Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Муравьевъ отвезенъ въ Могилевъ, но его не считаютъ прикосновеннымъ къ дѣлу сему, и самъ онъ бранилъ двоюроднаго брата своего, подполковника Муравьева. Отвезли въ Петербургъ генерала Раевскаго и сыновей его, генерала графа Орлова, графа Олизара, полковниковъ Пестеля и Швейковскаго. Изъ 2-ой арміи очень много штабъ и оберъ-офицеровъ повезли также въ Петербургъ. Въ г. Житомирѣ находятся болѣе 20 человѣкъ офицеровъ подъ арестомъ, по квартирамъ, порознь разсаженныхъ, а нѣкоторые въ кандалахъ. Начальникъ штаба 1-ой арміи, генералъ-маіоръ Кисилевъ, до сего происшествія, поѣхалъ въ Петербургъ и до сихъ поръ не возвращался. Ожидаютъ также проѣздъ графа Витгенштейна. Губернаторъ сдѣлалъ предложеніе казенной палатѣ о укладкѣ и вывозѣ денегъ на случай большей опасности. Также разосланы приказанія по всѣмъ деревнямъ ловить рядовыхъ Черниговскаго полка, на случай если бы они разбѣжались. Въ семъ случаѣ былъ настращенъ генералъ Ридигеръ, который въ однѣхъ саняхъ съ адъютантомъ, а въ другихъ имѣя писаря и человѣка, ѣхалъ ночью отыскивать корпуснаго командира; въѣзжая въ селеніе, мужики закричали: «Стой!» —а онъ, вообразя, что это солдаты, приказалъ ударить по лошадямъ и ускакалъ, а писаря и человѣка задержали; когда сотскій увидѣлъ, что не пѣхотинцы, то отпустилъ ихъ.

Послѣдствій отъ сего возмущенія никакихъ не ожидаютъ, и утверждаютъ, что все симъ кончилось. Сборъ ввѣренной вашему превосходительству дивизіи и артиллеріи считаютъ за предосторожность, и нѣкоторые жители сбирались, если дѣло сіе разширится, ѣхать въ Дубно.

Произведеніе въ дѣйствіе всего заговора было назначено 1-го генваря сего года; завладѣвъ обѣими главными квартирами 1-ой и 2-ой арміи, пресѣчь сообщеніе съ столицею и тогда возвѣстить конституцію, которая была уже написана и отобрана. По назначенію ихъ, подполковникъ Муравьевъ долженъ былъ быть корпуснымъ командиромъ, а Бестужевъ на-

чальникомъ штаба. 4-го ноября прошлаго года государь узналъ о семъ заговорѣ.

Подполковникъ Муравьевъ не щадилъ денегъ, чѣмъ много привязалъ къ себѣ сообщниковъ и нижнихъ чиновъ; деньги же, бывшія въ казенномъ ящикѣ, цѣлы.

Болѣе и подробнѣе секретнымъ образомъ въ бытность мою въ корпусной квартирѣ ничего не могъ узнать, потому что въ корпусномъ штабу все находится подъ большимъ секретомъ; жители основательно ничего не знаютъ, даже и губернаторъ обо всемъ въ точности и съ подробностями неизвѣстенъ, — болѣе потому, что начальникъ штаба, князь Горчаковъ, не возвратился изъ Бѣлой Церкви, и слѣдствіе не окончено.

Подполковникъ де-Юнкеръ.

№ 3-ій. Генваря 13 дня 1826
Г. Дубно.

(На подлинномъ надписано рукою Гогеля: «Донесено его императорскому высочеству 23-го генваря.»)

VII.

Секретныя дознанія, по предписанію вашего превосходительства 11-го генваря сего года, № 36.

Прибывъ въ Кіевъ, въ самые контракты, дознaлъ, что происшествіе, случившееся въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, произвело тамъ между жителей и съѣхавшихся помѣщиковъ видную тишину, опаску въ разговорахъ и во всякихъ сходбищахъ, тѣмъ болѣе, что изъ числа тамошнихъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ схвачены и увезены въ С. Петербургъ графъ Ржевускій (сынъ сенатора), графъ Олизаръ, бывшій губернскій маршалъ, и Проскура, бывшій предсѣдатель главнаго суда. Въ Кіевскомъ контрактовомъ домѣ учиненъ караулъ однимъ взводомъ пѣхоты съ офицеромъ, однимъ полувзводомъ жандармовъ съ офицеромъ же (и) извѣстнымъ числомъ полицейскихъ чиновъ. Сей домъ ежедневно навѣщаетъ по нѣскольку разъ самъ корпусной командиръ, князь Щербатовъ и губернаторъ Ковалевъ.

Изъ слуховъ, которые подъ рукою между жителей и квартирующихъ войскъ могъ собрать, важнѣйшіе: 1) Что комплотъ Муравьева есть только одно отдѣленіе петербургскихъ возмутителей. 2) Каждый изъ сихъ заговорщиковъ имѣлъ право вербовать только три члена. 3) Сей заговоръ съ 1818 года образовался въ числѣ уже 15,000 человѣкъ разныхъ лицъ. 4) Для возмущенія черни и нижнихъ чиновъ составленъ былъ катихизецъ, который, со всею трудностію доставши, оригиналомъ у сего прилагаю, ибо взяты полицейскія строгія мѣры брать подъ стражу, кто имѣетъ таковой катихизецъ, и дѣлать о томъ разысканіе. 5) Бунтовщикъ Муравьевъ имѣлъ 200,000 рублей денегъ, кои на счетъ общества своего разсыпалъ между солдатъ и неимущихъ офицеровъ, дабы привлечь ихъ на свою сторону. 6) Помѣщикъ Проскура, на вспоможеніе бунтовщикамъ въ С. Петербургѣ, послалъ 100,000 рублей, которые съ письмомъ правительствомъ переняты. 7) Генералъ Раевскій изъ Кіева выѣхалъ и живетъ въ Москвѣ, гдѣ — по громкимъ слухамъ въ Кіевѣ — удостоенъ отъ государя императора письмомъ, въ коемъ его величество изволитъ его увѣдомлять, что взятые по происшествію его сыновья найдены невинными, скоро возвратятся къ нему, и одинъ изъ нихъ заболѣлъ, и будто бы въ томъ письмѣ его величество обнадеживаетъ Раевскаго порученi-

емъ его командованію 1-ой арміи. 8) Зять Раевскаго, генералъ Орловъ, какъ гласно говорятъ многіе его кредиторы въ Кіевѣ, найденъ невиннымъ и ожидается въ Кіевѣ. 9) Между помѣщиковъ въ разговорахъ не устала рѣчь, что они болѣе бы желали имѣть на тронѣ цесаревича Константина, чѣмъ государя императора. 10) Крестьяне помѣщицы, графини Браницкой, Васильковскаго уѣзда въ селѣ Тимберщинѣ, сойдясь два, и одинъ изъ нихъ подкололъ другаго за то, что послѣдній объявилъ первому о своей присягѣ государю императору Николаю Павловичу, и сказалъ ему, что «надобно присягать Константину Павловичу, ибо онъ старше»,—сіе внушеніе въ черни произведено Муравьевымъ. 11) Изъ числа Черниговскаго полка штабъ и оберъ-офицеровъ, взятыхъ съ Муравьевымъ и отосланныхъ въ желѣзахъ въ С. Петербургъ, слѣдующіе: два Муравьева, штабсъ-капитанъ Соловьевъ, подпоручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и 17-го егерскаго Вадковскій, а переведенный изъ Черниговскаго пѣхотнаго въ Александрійскій гусарскій и обмундированный при переводѣ Муравьевымъ поручикъ Сухиновъ бѣжалъ. 12) Изъ числа нижнихъ чиновъ Черниговскаго пѣхотнаго полка найдены въ дѣйствительномъ заговорѣ только 40 человѣкъ, а прочіе хотя невинными, но содержатся подъ присмотромъ въ Бѣлой Церкви. 13) Офицеры Черниговскаго пѣхотнаго полка, которые разбѣжались при возмущеніи и отставали на дорогѣ отъ Муравьева, всѣ содержатся въ Кіевской крѣпости порознь, подъ крѣпкимъ карауломъ. 14) Генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ изъ войскъ 1-ой и 2-ой арміи схватываютъ и везутъ чрезъ Кіевъ въ С. Петербургъ по пяти и по шести человѣкъ ежедневно; но фамиліи ихъ при провозѣ сокрыты, и въ подорожныхъ значутся только тѣ, которые ихъ везутъ. 15) По достовѣрнымъ слухамъ изъ квартиры 1-ой арміи, взяты два адъютанта главнокомандующаго, два адъютанта начальника штаба, генерала Толя, и множество штабъ и оберъ по квартирмейстерской части; взятъ также адъютантъ корпуснаго командира, князя Щербатова. 16) Главнокомандующій графъ Витгейнштейнъ, сенаторъ Бороздинъ и 19-ой дивизіи начальникъ, генералъ-лейтенантъ Корниловъ, находятся въ Кіевѣ, куда ожидаютъ генералъ-адъютанта, по прозванію никому неизвѣстнаго. 17) Съѣздъ въ Кіевъ помѣщиковъ на контракты противу прежняго очень малъ, и въ контрактовомъ залѣ бываютъ только тѣ, которые имѣютъ дѣла въ судѣ, а сдѣлки и уговоры дѣлаютъ на кватирахъ и сейчасъ по окончаніи выѣзжаютъ. 18) При выходѣ изъ Василькова съ полкомъ, Муравьевъ въ ночи на своей квартирѣ сжегъ большія кипы своихъ бумагъ; оставшіеся и не догорѣвшіе лоскутки, подобранные полиціею, по слѣдствію оказались сношеніями между масоновъ. 19) Когда за день до возмущенія полка въ Васильковѣ наказывано кнутомъ двухъ солдатъ, Муравьевъ, въ виду всѣхъ нижнихъ чиновъ, послалъ палачу чрезъ унтеръ-офицера 25 рублей, чтобъ билъ ихъ легче. 20) Генералъ Ротъ бунтовщитовщика Муравьева, расположившагося въ селеніяхъ Княгининѣ и Мотовиловкѣ, выманилъ въ поле съ развернутыми знаменами и общимъ крикомъ — ура! — подославши къ нему Александрійскаго гусарскаго полка надежнаго вахмистра съ донесеніемъ, что два эскадрона того полка уже

пришли соединиться съ нимъ и ожидаютъ его за горою, и симъ генералъ Ротъ пресѣкъ сообщеніе съ нимъ того полка, который дѣйствительно былъ съ нимъ въ заговорѣ, а Муравьевъ, въ радости, обманувшись, далъ тому унтеръ-офицеру 25 рублей и цѣловалъ его. 21) Всѣ знающіе лично Муравьева многіе помѣщики отзываются объ немъ съ необыкновенными похвалами со стороны его способности, ума и ласковыхъ пріемовъ. 22) Между гусаръ въ Бердичевѣ и въ окружности онаго, по расположенію гусарской дивизіи, виденъ явной духъ сожалѣнія и участія въ неудачѣ Муравьева; но командиръ Александрійскаго гусарскаго полка, полковникъ Муравьевъ же, хотя былъ взятъ, но оправданъ, возвратился и командуетъ полкомъ. 23) Въ городѣ Кіевѣ полиція дѣйствуетъ весьма сильно, берутъ каждаго подъ стражу за одно неумѣстное слово, распечатываютъ на почтѣ всѣ письма, а потому и я чрезъ почту дѣлать донесеній не рѣшился. 24) Ремонтныя польскія кавалерійскія команды, расположенныя около Ружина въ м. Бѣликовкѣ и въ другихъ мѣстахъ, весьма спокойны, явно смѣются надъ затѣями бунтовщиковъ, и только изъ рѣчей ихъ видно одно сожалѣніе, что его императорское высочество Цесаревичъ не принялъ престола. 25) Въ городѣ Кіевѣ и вездѣ по дорогѣ, въ расположеніи войскъ 1-ой арміи, ко всѣмъ проѣзжающимъ и прибывающимъ изъ Литовскаго отдѣльнаго корпуса штабъ и оберъ-офицерамъ и адъютантамъ всѣ вообще состоянія имѣютъ крайнюю недовѣренность и обращаются со всею осторожностію до того, что мнѣ въ городѣ Кіевѣ, когда я былъ переодѣтъ въ партикулярное платье, одинъ незнакомой, подойдя, между прочимъ разговоромъ, сказалъ, что большое количество Литовскаго корпуса офицеровъ распущено по Россіи для собранія секретныхъ свѣдѣній.

Подполковникъ Бакуревичъ.

Генваря 24-го дня, 1826 года.

VIII.

Начальнику 25-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Гогелю 2-му.

Поручика Лишина.

Рапортъ.

Бывъ командированъ въ разныя мѣста для исполненія предписанія вашего превосходительства отъ 12-го генваря сего года за № 37, по возвращеніи моемъ, собранныя свѣдѣнія сообщить честь имѣю.

Стараясь всячески развѣдывать о помѣщикѣ Муравьевѣ, живущемъ будто бы возлѣ м. Троянова, узналъ, что ни въ самомъ мѣстечкѣ, ни въ окрестностяхъ онаго, равно и возлѣ м. Любара, не находится и никогда не имѣлъ жительства помѣщикъ Муравьевъ. Для удостовѣренія списаны мною всѣ окрестныя деревни и живущіе въ нихъ помѣщики. Въ самомъ мѣстечкѣ Трояновѣ находится полковой штабъ Александрійскаго гусарскаго полка, котораго командиръ, полковникъ Муравьевъ, былъ взятъ 7-го числа сего мѣсяца пріѣхавшимъ за нимъ офицеромъ и двумя жандармами въ главную квартиру—г. Могилевъ, на мѣсто коего и былъ прикомандированъ изъ принцъ-Оранскаго гусарскаго полка подполковникъ Левенштернъ; но 13-го числа сего мѣсяца оный полковникъ возвращенъ и принялъ вновь полкъ въ командованіе. Слѣдуя оттуда мѣстомъ происшествія, случившагося въ Кіевской губерніи, узналъ, что Черниговскаго

полка подполковникъ Муравьевъ сдѣлалъ бунтъ 29-го числа декабря мѣсяца, 30-го собралъ полкъ и выступилъ въ Васильковъ, 31-го занялъ деревню Мотовиловъ, 1-го генваря имѣлъ въ оной дневку, 2-го ночевалъ въ д. Пологахъ, откуда имѣлъ намѣреніе идти на Бѣлую Церковь, ограбить графиню Браницкую, чѣмъ и обнадеживалъ своихъ подчиненныхъ, увѣряя, что въ скоромъ времени болѣе войскъ къ нимъ присоединится, позволяя имъ всякое самовольство. Получа извѣстіе чрезъ своихъ шпіоновъ, что 18-ый егерскій полкъ съ двумя орудіями слѣдуетъ ему на встрѣчу, обратился на селеніе Устиновку, гдѣ завтракалъ съ офицерами у эконома Піотровскаго. Спустя нѣсколько времени дано ему знать, что видны кавалерійскіе пикеты; при семъ извѣстіи онъ сжегъ въ каминѣ находившіяся при немъ бумаги и воротился на деревню Трилѣсы. Отойдя версты три къ селенію Ковалевкѣ, встрѣченъ былъ тремя эскадронами принцъ-Оранскаго гусарскаго полка, подъ командою генералъ-маіора Гейсмара, и двухъ орудій, что̀ увидя, сказалъ своей командѣ: «Ребята! вы видите предъ собою войска, которыя съ нами соединятся, — и въ то время наше намѣреніе исполнится». Уже онъ выстроилъ два взвода, спѣша сдѣлать маневръ для сопротивленія кавалеріи, видѣвши, что оная приближается; но солдаты вдругъ остановились и всѣ закричали: «Стой, не стрѣляй никто, ружья съ плеча!» Сихъ словъ не возможно было слышать противной сторонѣ по причинѣ отдаленности; сдѣланы были два выстрѣла картечью, вторымъ ранило подполковника Муравьева въ голову навскользь, отчего онъ упалъ на землю. Поручикъ Бестужевъ-Рюминъ поспѣшилъ ему дать свою лошадь; уже нога его была въ стремени, какъ вдругъ солдатъ его же команды вонзилъ штыкъ въ переднія ляшки лошади, стащилъ его съ ней и сказалъ: «Вы насъ обманули, отвѣчайте одни, ни съ мѣста!» И въ тоже время закричали: «Бросайте ружья! По насъ не будутъ стрѣлять, когда увидятъ насъ обезоруженными,» и разбѣжались врозь. Кавалерія бросилась въ атаку, и всѣ 900 человѣкъ забраны. При нихъ взятъ отставной подполковникъ Муравьевъ (который пріѣхалъ изъ Петербурга дать знать своему брату о случившемся въономъ происшествіи, чтобы ускорить имъ предпринятое и, вѣроятно, онъ самый былъ принятъ за помѣщика, живущаго въ Трояновѣ). Равно взяты штабъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, подпоручикъ Быстрицкій и подпор. Бестужевъ-Рюминъ; убиты же: поручикъ Щепилла и прапорщикъ свиты его императорскаго величества Муравьевъ; по взятіи же, поручикъ Кузьминъ самовольно застрѣлился. Всѣ оные пять человѣкъ отправлены въ главную квартиру—г. Могилевъ закованными въ желѣзахъ, каждый порознь, при одномъ офицерѣ и двухъ нижнихъ чинахъ, въ разное время, чрезъ 12 и чрезъ 24 часа. Прочіе офицеры хотя и были принуждены насиліемъ слѣдовать за Муравьевымъ, но постепенно отставали и являлись къ ближайшему начальству; оные всѣ находятся въ Кіевѣ, въ дежурствѣ 4-го корпуса, подъ присмотромъ.

Между жителями оное происшествіе никакого волненія не сдѣлало; напротивъ они старались ловить шпіоновъ, и квартирьеровъ и доставляли начальству.

Муравьевъ имѣлъ свои катихизисы, наполненные вредными поученіями

для жителей, гдѣ онъ, совершенно маскируясь религіей, утверждалъ, что, кромѣ Іисуса Христа, нѣтъ и не должно быть царя, что всѣ служатъ никому болѣе, какъ Ему одному. При выходѣ крестьянъ изъ церкви, онъ имъ неоднократно читалъ упомянутые катихизисы, стараясь въ нихъ внушить свои вредныя правила, на что жители ему отвѣчали: «Мы ничего не понимаемъ, намъ ничего не нужно». Оные катихизисы были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ посылаемыми имъ шпіонами, изъ коихъ одинъ Черниговскаго полка прапорщикъ Мазолевскій пойманъ и взятъ въ главную квартиру.

Нижніе чины Черниговскаго пѣхотнаго полка, взятые въ плѣнъ, находятся теперь въ Бѣлой Церкви — всѣ подъ присмотромъ, дѣлаютъ имъ допросы, и участниковъ въ замыслѣ Муравьева никого изъ нихъ не открылось; они были обмануты, имъ совершенно была неизвѣстна его цѣль. Для присмотра за ними выходитъ ежедневно батальонъ въ караулъ; кавалерія же дѣлаетъ ночью разъѣзды. Оные солдаты совершенно спокойны и раскаеваются въ томъ, что дали себя обмануть.

Проѣзжая мѣста, гдѣ расположены полки 1-ой арміи, узналъ о взятыхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, по подозрѣнію, въ Петербургъ, а именно: свиты его императорскаго величества полковникъ Враницкій, командиръ конно-артиллерійской бригады и 6-ой роты подполковникъ Фроловъ, командиръ 2-ой конной № 5-го роты капитанъ Лихачевъ, командиръ Полтавскаго пѣхотнаго полка полковникъ Тизенгаузенъ, принцъ-Оранскаго гусарскаго полка ротмистръ Жуковъ, Александрійскаго гусарскаго полка поручикъ Милорадовичъ, Пермскаго пѣхотнаго полка полковникъ Леманъ. Изъ означенныхъ мѣстъ отправился въ главную квартиру 2-ой арміи, м. Тульчинъ, откуда также взяты: генералъ-интендантъ 2-ой арміи, генералъ-маіоръ Юшневскій, свитской полковникъ Фалленбергъ, генералъ-квартирмейстеръ Хоментовскій; бригадные командиры 19-ой пѣхотной дивизіи генералъ-маіоры (князь) Волконскій и Кальмъ, свитской полковникъ Руге, командиръ Казанскаго полка полковникъ Абрамовъ, 38-го егерскаго полковникъ Гессе, свиты его императорскаго величества поручики: баронъ Черкасовъ, два Пушкиныхъ, два Крюковыхъ, Загорѣцкій, адъютантъ главнокомандующаго поручикъ князь Барятинскій, адъютантъ генералъ-лейтенанта Левенштерна поручикъ Биль, Вятскаго полка поручикъ Старосельскій и прапорщикъ Ледуховскій. Изъ помѣщиковъ—бывшій презусъ Кіевскаго суда Проскура, живущій возлѣ Бѣлой Церкви въ д. Разалевкѣ отставной подполковникъ Платинъ, князь Яблоновскій, живущій въ Ганнополѣ, и Ганьскій.

При извѣстіи о происшествіи въ Черниговскомъ полку, по приказанію главнокомандующаго, ближайшіе полки 2-ой арміи были собраны и тронулись было съ мѣста для усмиренія бунтовщиковъ; квартирьеры отъ нихъ были присланы въ то время, когда все уже было конечно.

Поручикъ Лишинъ.*)

№ 18. Генваря 20-го дня, 1826 года.
Г. Дубно.

(На подлинномъ рукою Гогеля написано: «Донесено его высочеству отъ 24-го генваря.»)

---

*) Подлинники рапортовъ де-юнкера, Бакуревича и Лишина собственноручны.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ГЛАФИРЫ ИВАНОВНЫ РЖЕВСКОЙ *).

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не радостно было встрѣчено мое появленіе на свѣтъ. Дитя, родившееся по смерти отца, я вступала въ жизнь съ зловѣщими предзнаменованіями ожидавшей меня несчастной участи. Огорченная мать не могла выносить присутствія своего бѣднаго 19-го ребенка и удалила съ глазъ мою колыбель,—а отцовская нѣжность не могла отвѣчать на мои первые крики. О моемъ рожденіи, грустномъ происшествіи, запрещено было разглашать. Добрая монахиня взяла меня подъ свое покровительство и была моею воспріемницею. Меня крестили какъ бы украдкой. По прошествіи года, съ трудомъ уговорили мать взглянуть на меня. Она обняла меня въ присутствіи родныхъ и друзей, собравшихся для этого важнаго случая. День этого событія былъ днемъ горести и слезъ. Отецъ благословилъ меня еще до моего рожденія и завѣщалъ дать мнѣ имя, которое я ношу. Это обстоятельство часто служило мнѣ утѣшеніемъ среди горестнаго моего сиротства. Мнѣ постоянно твердили о нерасположеніи ко мнѣ матери моей. Пока я жила возлѣ нея, я нисколько этого не замѣчала и не страдала отъ этого: напротивъ, хотя я была ребенокъ, но видѣла, что строгость, которой придерживались въ отношеніи къ моимъ братьямъ и сестрамъ, не простиралась на меня; причины этого я не понимала. Я нисколько не боялась матери, но всячески старалась ей угодить. Она меня ласкала не болѣе другихъ дѣтей, но чаще улыбалась мнѣ и всегда со слезами на глазахъ. — Когда, семи лѣтъ, меня разлучили съ нею, чтобы помѣстить въ Смольный монастырь, я начала огорчаться всѣмъ, что приходилось мнѣ слышать до этой поры. Чувствительность моя развилась при видѣ ласокъ, которыми осыпали родители моихъ подругъ. Изъ 50-ти дѣвушекъ, я была почти единственная, не видѣвшая родительской нѣжности. Нѣкотораго рода обожаніе, предметомъ котораго служила я для всѣхъ окружающихъ, не могло замѣнить чувства недостававшаго для моего счастія. Я имѣла поводъ сомнѣваться въ любви моей матери. Наконецъ, черезъ 7 лѣтъ, дождалась я желаемаго свиданія съ нею. Въ ми-

*) Сообщеніемъ этихъ Записокъ въ Р. Архивъ мы обязаны внуку Г. И. Ржевской, Петру Николаевичу Свистунову. Записки написаны по французски, и подлинная рукопись ихъ сохранилась въ Калугѣ у Варвары Александровны Зыбиной (получившей воспитаніе у Г. И. Ржевской).—Глафира Ивановна, урожд. Алымова, была первая по успѣхамъ и по времени выпуска воспитанница „Общества благородныхъ дѣвицъ“ или Смольнаго монастыря. Въ понятіяхъ своихъ и сужденіяхъ, въ образѣ мыслей и дѣйствій она представляетъ собою замѣчательный типъ такъ называемой „монастырки“ добраго стараго времени. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя подробности въ ея разсказѣ (кромѣ чисто семейныхъ) пришлось опустить въ печати. Глафира Ивановна во второмъ бракѣ была за Савойцемъ Ипполитомъ Ивановичемъ Маскле (переводчикомъ на франц. языкъ басенъ Хемницера и Крылова и въ послѣдствіи Русскимъ консуломъ въ Ниццѣ). Она скончалась въ 1826 г. въ Москвѣ, 67 лѣтъ отъ роду и похоронена на Ваганьковомъ кладбищѣ. Портретъ ея, тотчасъ по выходѣ изъ Смольнаго, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ кисти знаменитаго Левицкаго и хранится въ Петергофскомъ дворцѣ; Глафира Ивановна изображена играющею на арфѣ. Портретъ этотъ находился на Петербургской прошлогодней выставкѣ историческихъ портретовъ (по каталогу П. П. Петрова, изд. 2-е, № 480). Сл. Р. Арх. 1870, стр. 0689--0694. *П. Б.*

нуту, доброта ея изгладила всѣ внѣшнія впечатлѣнія, а довѣріе ея развернуло передо мной трогательную картину добродѣтели, борящейся съ несчастіемъ. Горе моей матери еще сильнѣе привязало меня къ ней; я дрожала при видѣ страданій, исказившихъ ея благородныя черты. Степенный видъ ея внушалъ почтеніе, придавая вѣсъ ея рѣчамъ, изъ которыхъ почерпнула я познаніе священныхъ обязанностей супруговъ, родителей и дѣтей; вся жизнь ея была образцомъ самого совершеннаго исполненія правилъ евангельскихъ. Ея совѣты глубоко вкоренились въ моемъ сердцѣ. Смотря на нее и слушая ее, я не переставала оплакивать несчастную судьбу, которая такъ долго удаляла меня отъ нея, и скоро должна была разлучить насъ на вѣки. Я вскорѣ имѣла несчастіе лишиться ея.

Чувство мое къ матери, слабое въ началѣ и какъ бы призрачное подъ конецъ, искусственно мной поддерживаемое, безъ поощренія, исчезло въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.

Я не знала другихъ моихъ родныхъ. У меня осталось пять братьевъ*) и семь сестеръ; изъ нихъ всѣхъ одинъ Д. былъ моимъ другомъ до конца жизни. Нѣжность его ко мнѣ доходила до слабости: онъ только возлѣ меня былъ счастливъ.

Теперь бы слѣдовало поговорить о мужѣ и дѣтяхъ, на которыхъ сосредоточились мои чувства. Но предварительно разскажу объ эпохѣ, предшествовавшей моей свадьбѣ. Не повторю сказаннаго о вліяніи на меня воспитанія; по моему, оно не перерождаетъ человѣка, а лишь развиваетъ его природныя склонности и даетъ имъ или хорошее или дурное направленіе.

*) Одинъ изъ нихъ Григорій Ивановичъ Алымовъ, служившій въ Сибири, женатъ былъ на единокровной сестрѣ В. А. Жуковскаго. *П. Б.*

II.

ОДИНАДЦАТИЛѢТНЕЕ ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ВЪ СМОЛЬНОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Прелестныя воспоминанія! Счастливыя времена! Пріютъ невинности и мира! Вы были для меня источникомъ самыхъ чистыхъ наслажденій. Благоговѣю передъ вами!

Августѣйшая и великодушная государыня, положившая первыя основанія заведенія достойнаго тебя, прими здѣсь выраженіе столь заслуженной тобою благодарности. Память о тебѣ не изгладится въ самые отдаленные вѣка!

Обширнѣйшее государство въ мірѣ провозглашаетъ имя Екатерины II й. Исторія сохраняетъ славныя событія самаго великаго царствованія, цѣлое поколѣніе свидѣтельствуетъ о ея благодѣяніяхъ; но ее можно вполнѣ оцѣнить, лишь узнавъ, какъ она была ласкова къ тѣмъ, кого называла своими дѣтьми, какъ была доступна для нихъ.

Сироты, бѣдныя и богатыя, имѣли одинаковое право пользоваться прекраснымъ воспитаніемъ, основою которому служило совершенное равенство. Это была община сестеръ, подчиненныхъ однимъ правиламъ. Единственнымъ отличіемъ служили достоинства и таланты. Скрывая всегда разстояніе, отдѣляющее подданныхъ отъ государыни, мать и покровительница заведенія не могла лишь скрыть отъ воспитанницъ великихъ качествъ, ее отличавшихъ. Дозволяя дѣтямъ

короткое обращеніе съ собою, она никогда не роняла своего величія.

Первый выпускъ, къ которому я принадлежала, наиболѣе воспользовался всѣми выгодами заведенія.

Плоды хорошаго воспитанія проявляются во всякомъ положеніи: я это испытала какъ въ счастіи, такъ и въ горѣ. Теперь же, въ преклонныхъ лѣтахъ, я съ признательностію вспоминаю объ этой счастливой порѣ моей жизни. Проживъ долго въ свѣтѣ и при Дворѣ, среди вражды и страстей людскихъ, я вполнѣ могу оцѣнить прелесть этого мирнаго пріюта.

Образчикомъ тамошняго воспитанія могу служить я. Поставивъ себѣ цѣлью перебрать всѣ мои привязанности, я въ тоже время постараюсь доказать мудрость Основательницы заведенія. Она съ намѣреніемъ помѣстила его внѣ города, дабы удалить воспитанницъ отъ сношенія съ свѣтомъ до той поры, когда вполнѣ развитый разумъ и твердо вкоренившіяся въ сердце нравственныя начала способны будутъ охранить ихъ отъ дурныхъ примѣровъ. Какъ многихъ другихъ, природа одарила меня счастливыми наклонностями, основательнымъ же развитіемъ ихъ я преимущественно и единственно обязана воспитанію. Въ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго; обычай беретъ верхъ надъ правилами. Видишь лишь обезъянъ и попугаевъ, а не встрѣтишь самобытнаго характера, отличающаго человѣка отъ другихъ, какъ отличается онъ чертами лица; но, при всеобщемъ однообразіи, рѣзко выдаются характеры дѣвушекъ, воспитанныхъ въ нашихъ заведеніяхъ: изъ нихъ каждая имѣетъ свой личный характеръ. Такъ называемая оригинальность ихъ, которую осмѣивали многіе, имѣла весьма хорошія стороны. Изъ нихъ вышли прекрасныя супруги. Имъ приходилось бороться противъ существовавшихъ предубѣжденій на счетъ институтскаго воспитанія, встрѣчаемыхъ даже въ собственной семьѣ, и противъ общаго нерасположенія. Во всѣхъ испытаніяхъ онѣ дѣйствовали прямо, энергично защищая свои правила. Лишь немногія изъ нихъ отступили отъ даннаго имъ хорошаго направленія.

Не считаю эти разсужденія неумѣстными, потому что для обсужденія дѣйствій необходимо ознакомиться съ обстоятельствами жизни, ихъ вызвавшими. Впрочемъ въ моихъ воспоминаніяхъ я не держусь никакого плана: я лишь самой себѣ отдаю отчетъ въ томъ, что̀ видѣла, чувствовала и испытала.

Нельзя вообразить себѣ болѣе счастливаго положенія какъ то, въ которомъ я находилась въ теченіи 11 лѣтъ въ Смольномъ. Счастіе, которымъ я пользовалась, нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ положеніемъ свѣтскимъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся. Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя намъ невинныя радости, насъ пріучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ. Увѣренная въ покровительствѣ Божіемъ, я не вѣдала о могуществѣ людей и навѣки бы въ немъ сомнѣвалась, если бы опытъ не доказалъ мнѣ, что упованіе на Бога не охраняетъ насъ отъ ихъ злобы.

Первая наша начальница была княгиня Анна Сергѣевна Долгорукова, титулованная дама, пожалованная портретомъ императрицы. Судить ее я не позволю себѣ, потому что была тогда слишкомъ молода. Помню случай лично относившійся ко мнѣ,

который обнаружилъ ея неспособность занимать это важное мѣсто, вслѣдствіе чего ее осыпали милостями, чтобы склонить отказаться отъ должности. Она кичилась богатствомъ, знатностью рода и притомъ была ханжа и суевѣрна. Будучи остроумна, она не имѣла достаточно ума для того, чтобы быть выше предразсудковъ, которыя рѣшено было изгнать изъ нашего мирнаго пріюта. Гордая повелительница, она хотѣла, чтобы все склонялось предъ нею и не продержалась на своемъ мѣстѣ болѣе 8-ми мѣсяцевъ.

Княгиня присутствовала при молитвахъ воспитанницъ. Однажды, во время вечерней молитвы, кто-то вошелъ въ комнату, и мы всѣ обернулись. Каково же было мое удивленіе, когда въ этой общей винѣ одна я признана была виноватою: меня поставили на колѣни и сдѣлали мнѣ строгій выговоръ. Я очень была огорчена своимъ проступкомъ; мнѣ не приходило въ голову разбирать, виновны ли были и другія; я плакала цѣлые сутки и даже на другой день, когда стало извѣстно, что наказаніе мое было лишь предлогомъ, чтобы сдѣлать непріятность г-жѣ Л. и г-ну Б. *), начальница нисколько не скрыла этого, прямо сказавъ мнѣ, что наказала ихъ любимицу, и потомъ, чтобы вознаградить меня, начала нѣжно ласкать. Правда, что я была общею любимицею въ заведеніи и осталась ею до конца; но въ ту пору я была 8-ми лѣтнимъ ребенкомъ, не имѣвшимъ ни родныхъ, ни протекціи и лишь хорошимъ поведеніемъ старалась заслужить общее расположеніе.

Около этой же поры я дѣйствительно провинилась, и проступокъ мой былъ такого рода, что обличалъ необыкновенную гордость и упрямство; но онъ же послужилъ мнѣ урокомъ, и потому я стала недовѣрчиво смотрѣть на самыя качества свои. Случилось это вслѣдствіе наказанія, которому подвергся весь классъ, исключая 5 или 6 учиницъ, въ числѣ которыхъ была и я. Ихъ поставили на колѣни во время обѣдни, а послѣ службы простили и всѣмъ позволили играть по обыкновенію. Сама не знаю почему, я имѣла превосходство надъ подругами; онѣ всегда собирались вокругъ меня, во всемъ спрашивали моего совѣта и спорили изъ-за дружбы со мной. Надо замѣтить, что въ это время всѣ мы были одногодки, отъ 8 до 9 лѣтъ. На этотъ разъ я вздумала сторожиться ото всѣхъ, которыя были подъ наказаніемъ, и вмѣстѣ съ остальными держалась въ сторонѣ, не позволяя виновнымъ подходить къ намъ. Одна изъ нихъ, отъ которой я въ особенности сторожилась, обиженная оскорбительными словами, сказанными ей съ презрѣніемъ, пожаловалась гувернанткѣ. Этой выходки я не ожидала, такъ какъ я привыкла, чтобы подчинялись моему приговору. Въ этомъ же случаѣ я увѣрена была, что поступила вполнѣ съ достоинствомъ. Когда мнѣ доказали громадность моего проступка, онъ мнѣ показался до того отвратительнымъ, что отъ стыда я не хотѣла въ немъ признаться. Свидѣтельство и улика еще болѣе смутили меня; сознавая свою вину и каясь въ ней внутренно, я не рѣшилась сознаться во лжи при подругахъ, которыя меня считали своимъ оракуломъ. Но, преслѣдуемая угрызеніями совѣсти и страхомъ прогнѣвать Бога, въ горести, я на колѣняхъ умоляла Его о помощи, обѣщая впередъ не впадать

*) Лафоншѣ и Бецкому.

въ эту вину, лишь бы Онъ далъ мнѣ выпутаться изъ бѣды на этотъ разъ. Но мнѣ не уступали; я продолжала отпираться, и меня строго наказали.

Это обстоятельство сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе. Образцовымъ поведеніемъ старалась я загладить случившееся. Старанія мои увѣнчались такимъ успѣхомъ, что въ послѣдствіи ко мнѣ стали требовательнѣе, чѣмъ къ кому либо. Я начала сомнѣваться въ успѣхѣ своихъ усилій; самая большая похвала могла лишь разочаровывать меня. Благодаря стараніямъ и размышленіямъ, я стала до того строга къ себѣ, что, чѣмъ болѣе меня отличали, тѣмъ старательнѣе становилась я, желая усовершенствоваться и сохранить общее расположеніе.

Между нами царило согласіе: общій приговоръ полагалъ конецъ малѣйшимъ ссорамъ. Обоюдное уваженіе мы цѣнили болѣе милостей начальницъ, никогда не прибѣгали къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами. Въ числѣ насъ были нѣкоторыя, отличавшіяся такими качествами, что ихъ слова служили закономъ для подругъ. Вообще большею частію были дѣвушки благонравныя и очень мало дурныхъ, и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства. О порокахъ же мы и понятія не имѣли.

Г-жа Лафонъ (Lafond), съ рѣдкимъ умомъ управлявшая заведеніемъ въ теченіе 30 лѣтъ, утвердила на прочныхъ основахъ принятую систему воспитанія. Она всецѣло предалась дѣлу. Съ дальновидностію наблюдавшая за общимъ порядкомъ, она выказывала большую дѣятельность въ частныхъ распоряженіяхъ. Съ свойственною ей предусмотрительностью она предупреждала злоупотребленія. Твердо и бдительно слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ лица, которыя должны были содѣйствовать успѣху ея предпріятія, добросовѣстно исполняли свои обязанности, она какъ бы воспитывала ихъ прежде; нежели удостоить своимъ довѣріемъ. Туже заботливость выказывала она при выборѣ прислуги, что̀ такъ важно въ заведеніи, гдѣ чистота нравовъ почитается залогомъ всѣхъ добродѣтелей. Г-жа Л. принадлежала къ доброму семейству, которое вслѣдствіе религіозныхъ раздоровъ принуждено были покинуть Францію и искать убѣжища въ Россіи. Поселившись въ Петербургѣ, родители ея продолжали свою торговлю виномъ и открыли первую въ городѣ гостинницу, которую стали посѣщать знатныя особы. Наживъ состояніе, они позаботились дать хорошее образованіе своей единственной дочери, которая родилась у нихъ на старости лѣтъ; мать родила ее, будучи 50 лѣтъ. Красивая и богатая, она имѣла много жениховъ и 15 лѣтъ вышла замужъ за Француза, генералъ-майора въ Русской службѣ. Она была несчастлива въ замужествѣ, все свое состояніе и спокойствіе принесла въ жертву мужу, который подъ конецъ совершенно сошелъ съ ума и угрожалъ не разъ убить ее и двухъ дочерей. Разстроивъ женино состояніе, онъ требовалъ, въ припадкѣ сумашествія, чтобы она и дѣти приняли католическую вѣру, къ которой самъ онъ не принадлежалъ, но считалъ это необходимымъ для полученія наслѣдства отъ своихъ родителей, находившихся во Франціи. Онъ непремѣнно хотѣлъ вернуться на родину; жена возила его за границу на воды, истративъ на леченіе

его послѣднія средства. Ничто не помогло; онъ умеръ, и г-жа Л. съ двумя дѣтьми осталась въ крайней нуждѣ, безъ помощи, на чужой сторонѣ. Она желала вернуться въ Россію, чтобы собрать деньги, данныя ея отцемъ въ займы нѣсколькимъ лицамъ, и обратилась за помощью къ нашему посланнику въ Парижѣ. Тутъ-то познакомился съ нею г. Бецкій и сталъ расчитывать на нее какъ на особу, способную исполнить задуманный имъ планъ.

Возвратясь въ Россію, г-жа Л. продолжала видѣться съ своими прежними друзьями и знакомыми, находилась въ лучшемъ обществѣ, всѣми была любима и уважаема. Въ особенности привязался къ ней г-нъ Б.; онъ цѣнилъ общество этой женщины, извлекшей столько пользы изъ своихъ несчастій, притомъ умной, веселой и заслужившей общее уваженіе своимъ примѣрнымъ поведеніемъ. Познанія ея были нужны для его любимаго предмета; онъ часто совѣтовался съ ней, такъ что она уже вполнѣ была подготовлена, когда ей поручено было заведеніе, и ей оставалось лишь привести въ исполненіе глубоко обдуманный планъ. На ея долю палъ весь трудъ. Сначала, находясь при заведеніи въ качествѣ директрисы, она на каждомъ шагу встрѣчала противодѣйствіе главной начальницы; замѣнивъ ее, она ввела надлежащій порядокъ. Подъ ея рукою заведеніе вполнѣ процвѣтало. Ему можно было уподобить лишь Сенъ-Сирское учрежденіе во Франціи. Чтобы внушить болѣе довѣрія къ этому новому учрежденію, во главѣ его поставили знатную особу, пожаловали ее портретомъ Императрицы, съ цѣлью придать ей еще болѣе вѣсу. Но выборъ этотъ удовлетворилъ лишь тѣхъ, которые прельщаются внѣшностію, не заботясь о сущности дѣла. Люди же разумные, принимавшіе къ сердцу общественную пользу учрежденія, ясно видѣли превосходство г-жи Л. и считали знатность рода излишнею. Вполнѣ достойная вознагражденій за свои услуги, г-жа Л. лишь не за долго передъ смертью своей получила портретъ вмѣстѣ съ орденомъ Св. Екатерины. Умерла она въ бѣдности, ровно ничего не оставивъ своей дочери. Общее уваженіе къ ея личнымъ достоинствамъ вознаграждало ее за недостатокъ отличій, которыхъ старались ее лишать съ помощію интригъ. Прежде нежели сказать, какъ дорога она была для меня лично, я должна была высказать, какъ цѣнима она была вообще. Она была предметомъ моей первой привязанности. Никто впослѣдствіи не могъ мнѣ замѣнить ее: она служила мнѣ матерью, руководительницею, другомъ и была покровительницей и благодѣтельницей моей. Я вполнѣ поняла это, будучи въ такихъ лѣтахъ, когда могла отдать себѣ отчетъ въ различныхъ чувствахъ моихъ къ ней. Любить, почитать и уважать ее было для меня необходимостью. Мое чувство въ ту пору походило на сильную страсть: я бы отказалась отъ пищи ради ея ласокъ. Однажды я рѣшилась притвориться будто я не въ духѣ, разсердить ее, чтобы потомъ получить ея прощеніе: она такъ трогательно умѣла прощать, возвращая свое расположеніе виновнымъ. Это замѣтила я въ ея отношеніяхъ къ другимъ и пожелала испытать всю прелесть примиренія. Видя ее удивленною и огорченною моимъ поведеніемъ, я откровенно призналась ей въ своей хитрости. Съ свойственною ей кротостію она совѣтовала мнѣ умѣрять мою излишнюю

чувствительность, которая будетъ возмущать мое спокойствіе, если я ей предамся безъ мѣры. Она говорила, что предпочитаетъ меня другимъ, но не должна этого высказывать, чтобы не возбудить зависти. «Дитя мое, сказала она мнѣ, вы заслуживаете общую любовь въ заведеніи, но не надѣйтесь встрѣтить въ свѣтѣ тоже расположеніе и бойтесь, чтобы привычка къ отличію и предпочтенію не сдѣлала бы васъ гордою и требовательною».

Такимъ образомъ эта умная наставница не пропускала случая дать мнѣ добрый совѣтъ. Я же старалась чаще подавать ей поводъ къ этому, сообщая ей самыя тайныя мысли свои и намѣренія. Я не могла наслушаться ея и извлекала изъ ея совѣтовъ и увѣщаній правила, съ которыми согласовала свое поведеніе. По окончаніи уроковъ я бѣжала къ ней, чтобы пользоваться ея бесѣдою или чтеніемъ. Иногда меня выпроваживали, я угадывала почему и возвращалась въ сопровожденіи подругъ. Наконецъ, благодаря моей настойчивости и похвальной цѣли моихъ посѣщеній, г. Л. не стала противиться тому, чтобы я находилась возлѣ нея, и сама не могла обойтись безъ меня. Я стала ея другомъ; мнѣ повѣряла она свое горе, я же была ея сидѣлкою (въ послѣднее время она часто хворала).

Изъ другихъ моихъ привязанностей въ Смольномъ, одна лишь дружба съ г-жей Рубановской была серіознымъ чувствомъ. Она осталась моимъ единственнымъ, искреннимъ другомъ до послѣдней минуты своей жизни. Съ обѣихъ сторонъ чувство доходило до совершенной преданности. По смерти ея я имѣла счастіе оказать услуги ея семейству, дѣтямъ и тѣмъ исполнила священный долгъ, заплативъ за ея дружбу, которая до того времени не требовала отъ меня ни малѣйшаго пожертвованія. Искусное перо могло бы написать цѣлую книгу о ея добродѣтеляхъ, несчастіяхъ и твердости духа, которая послужила бы къ назиданію многихъ.

Остается мнѣ поговорить о И. И. Бецкомъ, игравшемъ столь важную роль въ моей жизни съ самаго дѣтства моего и до замужества. Затрудняюсь опредѣлить его характеръ. Чѣмъ болѣе я о немъ думаю, тѣмъ смутнѣе становится онъ для меня. Было время, когда вліяніе его на меня походило на очарованіе. Имѣя возможность дѣлать изъ меня, что̀ ему вздумается, онъ по своей же ошибкѣ лишился этого права. Съ сожалѣніемъ высказываю это, но отъ истины отступать не хочу. Факты докажутъ, что мы, не смотря на свободную волю, не можемъ избѣжать своей судьбы.

И. И. Бецкій своимъ усердіемъ, безкорыстіемъ и патріотизмомъ отличался во всѣхъ отрасляхъ ввѣряемаго ему управленія. Своими заслугами онъ достигъ высшихъ должностей, всеобщаго уваженія и полнаго довѣрія великой Екатерины. Полезныя заведенія, основанныя имъ для общественнаго блага, были его величайшими заслугами. О значеніи, какое онъ имѣлъ, забыли; но заслуги его останутся всѣмъ памятны. Воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ и два заведенія при Смольномъ монастырѣ, одно для дворянскихъ дочерей, другое для мѣщанокъ, послужатъ незабвенными памятниками его трудовъ. Уставъ этихъ заведеній, имъ составленный, свидѣтельствуетъ о качествахъ его ума и сердца.

Императрица, опредѣлившая значительныя суммы на содержаніе этихъ заведеній, поручила ихъ Бецкому, которому принадлежитъ честь составленія плана и исполненія его. Будучи единственнымъ распорядителемъ въ этомъ предпріятіи, онъ не упустилъ изъ виду ни малѣйшей подробности, побѣдилъ величайшія затрудненія. Онъ удачно выбиралъ лицъ, которыя должны были помочь ему въ дѣлѣ. Они являлись со всѣхъ сторонъ; каждаго допускалъ онъ къ себѣ и въ выборѣ своемъ рѣдко ошибался, что̀ могутъ засвидѣтельствовать даже самые враги его. Этого удивительнаго человѣка, этого почтеннаго старца пріучили насъ уважать какъ отца и защитника.

Таковъ онъ былъ до послѣдней минуту нашего пребыванія въ Смольномъ для всѣхъ воспитанницъ; достойнѣйшимъ старался доставить самыя большія преимущества и былъ въ этомъ случаѣ справедливъ безъ малѣйшаго лицепріятія. Отношенія его ко мнѣ были иного рода. Съ перваго взгляда я стала его любимѣйшимъ ребенкомъ, его сокровищемъ. Чувство его дошло до такой степени, что я стала предметомъ его нѣжнѣйшихъ чувствъ, цѣлью всѣхъ его мыслей. Это предпочтеніе нисколько не вредило другимъ, такъ какъ я имъ пользовалась для блага другихъ: ничего не прося для себя, я всего добивалась для своихъ подругъ, которыя благодарны мнѣ были за мое безкорыстіе и вслѣдствіе этого еще болѣе любили меня. Я не переставала просить его за всѣхъ, кто нуждался въ его покровителствѣ, и не тщетно. Онъ всегда исполнялъ мои просьбы. Имѣя намѣреніе доставить какое либо удовольствіе воспитанницамъ, онъ сообщалъ мнѣ объ этомъ заранѣе и приводилъ свою мысль въ исполненіе лишь по настоятельной моей просьбѣ, такъ что за доставленную имъ радость честь приписывалась мнѣ. Я любила Ивана Ивановича съ дѣтскою довѣрчивостію, какъ нѣжнаго и снисходительнаго отца, въ которомъ я не подозрѣвала ни единаго недостатка, и о достоинствахъ котораго мнѣ постоянно твердили. Я безсознательно чувствовала, что онъ мнѣ подчинялся, но не злоупотребляла этимъ, предупреждая малѣйшія желанія его. Исполненная уваженія къ его почтенному возрасту, я не только была стыдлива передъ нимъ, но даже застѣнчива. Всѣ мы были очень скромны, не смотря на полную свободу, въ которой насъ воспитывали. Впрочемъ теперь не объ этомъ идетъ рѣчь. Я говорила о привязанности моей къ Бецкому; безграничное чувство мое не имѣло особенной цѣны: съ его стороны были всѣ жертвы, я же лишь поддавалась упоительному чувству, составлявшему мое счастіе. Но онъ мнѣ не внушалъ такого довѣрія, какъ г-жа Лафонъ: передъ нею я изливала свои чувства, а при немъ радовалась не высказываясь. Г-жу Лафонъ спрашивала я, хорошо или дурно я поступала. Она такъ умѣла направить мои мысли, что поведеніе мое всегда согласовалось съ ея совѣтами. Вскорѣ г-нъ Б. пересталъ скрывать свои чувства ко мнѣ, и во всеуслышаніе объявилъ, что я его любимѣйшее дитя, что онъ беретъ меня на свое попеченіе и торжественно поклялся въ этомъ моей матери, затепливъ лампаду передъ образомъ Спасителя. Онъ передъ свѣтомъ удочерилъ меня. Три года пролетѣли какъ одинъ день, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласокъ, нѣжныхъ заботъ, которыя окончательно околдова-

ли меня. Тогда бы я охотно посвятила ему свою жизнь. Я желала лишь его счастія; любить и быть такъ всецѣло любимою, казалось мнѣ верхомъ блаженства. Я ровно ничего не смыслила въ денежныхъ расчетахъ и не обращала вниманія на нашептываніе о его богатствѣ; меня пугала мысль о перемѣнѣ, а между тѣмъ пора ея настала, и участь моя должна была рѣшиться.

Г-нъ Б. сталъ внимательнѣе чѣмъ когда либо; ни холодъ, ни дурная погода не удерживали его; ежедневно являлся онъ ко мнѣ, подъ конецъ даже по два раза на день. Только мной и занимался, бесѣдовалъ со мной о моей будущности. Видя, что я ничего не понимаю и что разговоръ этотъ мнѣ надоѣдалъ, онъ рѣшился дѣйствовать какъ бы согласно съ моимъ характеромъ и склонностями; на самомъ же дѣлѣ, онъ управлялъ мной по своему. Стараясь удалить меня отъ всѣхъ, кто пользовался моимъ довѣріемъ и самому вполнѣ овладѣть имъ, онъ такъ ловко устроилъ, что никто не смѣлъ открыть мнѣ его намѣреній, а они были такъ ясны, что когда я припоминаю его поведеніе, то удивляюсь своей глупости. Сначала онъ попробовалъ ослѣпить меня драгоцѣнными подарками; я отказалась отъ нихъ какъ излишнихъ для меня. Потомъ шутя, при всѣхъ спросилъ меня, что́ я предпочитаю: быть его женой или дочерью. — «Дочерью», отвѣчала я, «потому что одинаково могу жить возлѣ васъ, и никто не подумаетъ, чтобы я любила васъ изъ интереса, а не ради васъ самихъ; говорятъ, что вы очень богаты». — Но у васъ ничего нѣтъ. — «Да развѣ мнѣ чего либо недостаетъ?» Онъ смѣялся до слезъ, перемѣнялъ разговоръ, а я на все это не обращала вниманія, какъ будто дѣло шло не обо мнѣ.

При выпускѣ, надо меня было одѣть; родителей у меня не было, и Бецкій взялся позаботиться о моемъ гардеробѣ, приносилъ мнѣ образчики разныхъ матерій и удивлялся, что я выбирала самыя простыя: и хорошо дѣлала, потому что на другой день свадьбы мужу моему пришлось заплатить за нихъ. Я была такъ неопытна, что воображала, что мнѣ доставляютъ лишь должное. Между тѣмъ Императрица щедро помогала моему экипированію. Назначивъ меня для встрѣчи будущей супруги Наслѣдника на Русской границѣ, она ничего для меня не жалѣла. Меня всѣмъ снабдили на дорогу; къ тому же у меня было 100 рублей, которые подарилъ мнѣ братъ Д. Не зная цѣны деньгамъ, я истратила ихъ въ Ригѣ, накупивъ подарковъ, которые я послала своимъ пріятельницамъ. Разлука моя съ Бецкимъ огорчила его, но онъ въ этой поѣздкѣ находилъ ту выгоду, что, удаляясь отъ подругъ и сближаясь со Дворомъ, я нуждалась въ его покровительствѣ. Несчастный старецъ, душа моя принадлежала тебѣ; одно слово, и я была бы твоею на всю жизнь. Къ чему были тонкости интриги въ отношеніи къ самому нѣжному и довѣрчивому существу?... Тебя одного я любила и безъ всякихъ разсужденій вышла бы за тебя замужъ. Значитъ, ты обманывалъ меня, говоря, что мужъ мой будетъ твоимъ сыномъ. И точно, онъ часто говорилъ со мной о блестящей участи, которую онъ мнѣ готовилъ, и требовалъ отъ меня одного условія: выбрать того, кто согласится, подчинясь ему, жить въ домѣ, который онъ хотѣлъ мнѣ подарить. Всякая бы другая замѣтила, что его поведеніе не согла-

совалось съ его рѣчами; я же о томъ догадалась, когда уже было поздно: поведеніе его сбило меня совершенно съ толку. Покамѣстъ онъ все былъ ласковъ и выражалъ страсть свою, не называя ее. Потомъ, изъ ревности, началъ удалять отъ меня даже женщинъ меня полюбившихъ. Я ничего не скрывала отъ него и лишь находила его менѣе любезнымъ, потому что онъ дурно отзывался о тѣхъ, кто меня любилъ. Я, ничего не подозрѣвая, простодушно на то сердилась.

Видя, что я не знаю свѣта и что даже подозрѣніе о злѣ возмущаетъ меня, онъ всячески старался убѣдить меня, что всѣ хотятъ меня обманывать, чтобы тѣмъ удалить меня отъ свѣта. Онъ не выходилъ изъ моей комнаты и даже когда меня не было дома, ожидалъ моего возвращенія. Просыпаясь, я видѣла его около себя. Между тѣмъ онъ не объяснялся. Стараясь отвратить меня отъ замужества съ кѣмъ либо другимъ, онъ хотѣлъ, чтобы я рѣшилась выйдти за него, какъ бы по собственному желанію, безъ всякаго принужденія съ его стороны. Страсть его дошла до крайнихъ предѣловъ и не была ни для кого тайною, хотя онъ скрывалъ ее подъ видомъ отцовской нѣжности. Я и не подозрѣвала этого. Въ 75 лѣтъ онъ краснѣлъ, признаваясь, что жить безъ меня не можетъ. Ему казалось весьма естественнымъ, чтобы 18 лѣтняя дѣвушка, не имѣющая понятія о любви, отдалась человѣку, который пользуется ея расположеніемъ. Разсуждалъ онъ правильно, но ошибался въ способахъ достигнуть своей цѣли. Повторяю, будь онъ откровеннѣе, я бы охотно сдѣлалась его женою. Между тѣмъ многіе искали мнѣ нравиться. Изъ нихъ лишь одинъ, мой покойный мужъ *), обратилъ на себя мое вниманіе. Сдержанный, почтительный, онъ пользовался расположеніемъ людей достойныхъ уваженія и довѣрія и желавшихъ мнѣ добра, между которыми былъ князь Орловъ. Онъ серіезно бесѣдовалъ со мной объ этомъ и говорилъ, что Императрица довольна бы была этимъ замужествомъ.

Г-нъ Ржевскій сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Я ничего не обѣщала ему, сказавъ, что завишу отъ Ив. Ив. Б., къ которому пусть онъ и обратится. Онъ захотѣлъ знать, имѣю ли я къ нему расположеніе и приму ли его предложеніе. Я отвѣчала, что не иначе какъ съ согласія того, кто замѣняетъ мнѣ отца, а что безъ его одобренія я не отдамъ никому ни руки, ни сердца.

Я поспѣшила разсказать Ив. Ив. обо всемъ случившемся. Къ моему величайшему удивленію, этотъ человѣкъ, обыкновенно столь кроткій и сговорчивый, разгнѣвался и пришелъ въ отчаяніе. Я растерялась, вообразивъ, что сдѣлала большую неловкость; но хотѣла однако узнать, въ чемъ именно. Успокоившись, онъ объяснилъ мнѣ свою вспышку тѣмъ, что я огорчила его, необдуманно связавъ себя тѣмъ, что дала слово человѣку, котораго не знаю. При этомъ онъ мрачными красками описалъ, какъ меня поддѣли, употребивъ во зло имя Императрицы и наконецъ сказалъ, что умретъ съ горя, если я буду несчастна. Всего этого достаточно было, чтобы внушить мнѣ отвращеніе отъ всякаго замужества. Я увѣрила его, что вовсе не стою за эту партію, совершен-

*) Алексѣй Андреевичъ Ржевскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того вѣка. Онъ былъ въ первомъ бракѣ женатъ на Александрѣ Ѳедотовнѣ Каменской, сестрѣ фельдмаршала. Скончался онъ въ 1804 г.

но отъ нея отказываюсь и подчиняюсь его волѣ во всемъ, что̀ касается моей судьбы. Успокоенный сверхъ ожиданій, онъ старался всячески изгладить сдѣланное на меня непріятное впечатлѣніе, оправдывалъ свою вспышку самою чувствительною нѣжностію ко мнѣ, на колѣняхъ просилъ у меня прощенія, предлагая мнѣ требовать отъ него всевозможныхъ жертвъ. Я стала просить за дочь г-жи Лафонъ; тотчасъ же онъ позволилъ мнѣ объявить ей, что назначаетъ ей 40.000 руб. Эта была счастливѣйшая минута моей жизни. (Сло̀ва своего онъ не сдержалъ подъ предлогомъ, будто бы поставилъ мнѣ въ условіе не выходить замужъ. Однако онъ мнѣ не осмѣлился предложить онаго). Съ этой поры начались непріятности. Онъ меня опутывалъ интригами, причинялъ мнѣ горести и заботы, внушалъ мнѣ неразумные поступки, самъ держась въ сторонѣ, и все это съ цѣлію лишить меня покровительства августѣйшихъ особъ, которыя разоблачали его хитрости. Онъ все это дѣлалъ не для того, чтобы меня губить, а чтобы заставить съ отчаянія выйдти за него замужъ. Желая вооружить меня противъ разныхъ лицъ, онъ выдумывалъ на нихъ небылицы и раздражалъ меня до того, что я готова была забыться передъ ними. Онъ едва не одурачилъ меня. Но невидимая рука указывала мнѣ правый путь въ этомъ лабиринтѣ интригъ, и я выпуталась изъ сѣтей, разставленныхъ передъ моей невинностію и чистосердечіемъ. Богъ сохранилъ меня невредимою. Это отнесли къ моей чести, я же убѣждена была, что спасло меня Провидѣніе. Книги не достанетъ, чтобы описать всѣ западни, которыя разставлялъ для меня человѣкъ, долгомъ котораго было охранять мою молодость. Но страсть не разсуждаетъ. Если никто не любилъ меня болѣе Ивана Ивановича, за то никто не сдѣлалъ мнѣ столько зла какъ онъ. Господь заботился о моей участи.

Разберемъ обстоятельства, сдѣлавшія невозможнымъ примиреніе, между тѣмъ какъ спору не должно было и существовать. Я болѣе не думала о предложеніи Ржевскаго. Ив. Ив. принялъ его прекрасно, разыгравъ какъ нельзя лучше роль нѣжнаго отца. Онъ составилъ планъ своего поведенія и непремѣнно достигъ бы своихъ цѣлей, если бы не случилось происшествія, разстроившаго его намѣренія. Вопервыхъ въ разговорѣ съ г. Р. онъ увѣрилъ его, что препятствія были съ моей стороны, что я противилась его желанію выдать меня замужъ, увѣщевалъ его быть терпѣливымъ, обѣщая дѣйствовать въ его пользу. Къ несчастію онъ напалъ на человѣка, который былъ хитрѣе его. Между тѣмъ какъ онъ по своему училъ меня, кн. Орловъ старался разъяснить мнѣ въ чемъ дѣло; но меня такъ пріучили быть недовѣрчивою, что нельзя было подорвать вліянія Ив. Ив-а. Орловъ не щадилъ его въ моихъ глазахъ, а меня сердило, что подвергали сомнѣнію чистоту его намѣреній. Съ своей стороны Ив. Ив. сообщалъ мнѣ невыгодные отзывы о моемъ женихѣ. Между тѣмъ явился новый претендентъ, графъ Брюль, которому покровительствовалъ Великій Князь. Онъ былъ пріятный молодой человѣкъ; я видала его въ Смольномъ, при Дворѣ, у гр. Салтыковой, гдѣ мы вмѣстѣ занимались музыкою. Онъ пѣлъ и игралъ на мандолинѣ. Этого человѣка я могла бы сердечно любить, не будь я предупреждена, что дѣвушка должна беречь свое сердце для человѣка который за нее посватается. Я не

могла понять намѣреній графа, приписывая его вниманіе ко мнѣ обыкновенной свѣтской любезности, которою я была окружена. Распускали слухи о скорой его тайной женитьбѣ на одной изъ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго. Я вѣрила этимъ слухамъ, не смѣя вдумываться въ слышанное, тѣмъ менѣе расспрашивать его самого. Обратись онъ съ предложеніемъ прямо ко мнѣ, дѣло бы вышло иначе; но мнѣ не разъяснили его чувствъ, а вмѣшательство Великаго Князя, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, казалось мнѣ подозрительнымъ. Видя, что борьба ему не подъ силу, Ив. Ив. выдумалъ хитрость, вслѣдствіе которой я почувствовала отвращеніе къ ухаживанію графа и къ участію Великаго Князя. Онъ представилъ мнѣ дерзость ихъ намѣреній. Я пришла въ негодованіе, отказала на отрѣзъ и не велѣла мнѣ поминать объ этомъ. Великій Князь, замѣтившій мое расположеніе къ графу, котораго онъ очень любилъ, весьма удивленъ былъ моимъ отказомъ, причиной котораго я выставляла слухи о скорой женитьбѣ графа; но такъ какъ это были лишь сплетни, Великій Князь не терялъ надежды побѣдить мое упрямство и всѣми силами старался объ этомъ. Настойчивость его еще болѣе убѣждала меня въ истинѣ всего слышаннаго о немъ. Ив. Ив. рѣшился, во что бы то ни стало, прекратить эти преслѣдованія. Призвавъ на помощь всю свою хитрость, онъ сталъ увѣрять меня, что его обманули въ отзывахъ о Ржевскомъ, что, собравъ болѣе точныя свѣдѣнія, онъ нашелъ эту партію выгодною и что мнѣ слѣдуетъ дать свое согласіе, но никому не говорить объ этомъ кромѣ Императрицы. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Великій Князь не унывалъ. Онъ открыто противился этому замужеству, дружески совѣтовалъ мнѣ имѣть довѣріе къ нему въ томъ, что̀ касается моего счастія и говорилъ, что придетъ время, и онъ докажетъ мнѣ искренность своихъ словъ, обогативъ человѣка, который пока не имѣетъ состоянія. Я была непоколебима въ своемъ отказѣ и, признаюсь, вопреки своей склонности. Ив. Ив. надъ всѣмъ восторжествовалъ. Надо знать, что̀ дѣлалъ онъ въ это время. Отвлекая меня отъ человѣка, котораго я бы охотно избрала, онъ запутывалъ меня въ новыя сѣти. Ему нельзя было унижать передо мной того, кого онъ только-что возстановилъ въ моемъ уваженіи, и потому онъ сталъ стараться возбуждать въ немъ виновность и ревность ко мнѣ, заставлялъ его играть самую глупую роль, поощряя мои невинныя ласки въ его присутствіи. Онъ выходилъ изъ терпѣнія и готовъ былъ отказаться, если я не освобожу его отъ даннаго имъ обѣщанія жить въ одномъ домѣ съ Б. Мнѣ было тяжело огорчить старика, которому я считала себя обязанною посвятить всю жизнь. Я слегка противилась, а между тѣмъ серіозно размышляла о послѣдствіяхъ разрыва съ Ржевскимъ и о далеко непріятной зависимости отъ Ив. Ив-а, которая удерживала меня при Дворѣ, откуда я рвалась. Ив. Ив. не терялъ меня изъ виду и едва не достигъ своей цѣли. Но мнѣ на помощь явился князь Орловъ, который началъ слѣдить за каждымъ шагомъ Бецкаго и открылъ мнѣ всѣ его происки. Заслуживъ мое довѣріе, онъ добился того, что я рѣшилась впредь слѣпо не поддаваться человѣку, искавшему ввести меня въ заблужденіе. Съ помощью двоюродной сестры князя Орлова *)

*) Графини Анны Степановны Протасовой.

жившей при Дворѣ, я ближе познакомилась съ Ржевскимъ и понемногу привязалась къ нему. Этого не ожидали. Я стала тверда и послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ. Тогда Бецкій сталъ еще дѣятельнѣе и рѣшился ввести меня въ немилость при Дворѣ Великой Княгини, выставивъ меня неблагодарною, предъ Императрицей и предъ женихомъ двуличною, а ихъ всѣхъ представилъ мнѣ несправедливыми и достойными презрѣнія. Я терпѣть не могла придворную жизнь, желала распроститься съ нею и выйти за Ржевскаго. Все это происходило весной передъ отъѣздомъ въ Царское Село, гдѣ Ржевскій, съ моего согласія, нашелъ помѣщеніе для себя, чтобы видаться со мной ежедневно. Императрица открыто покровительствовала моей свадьбѣ, хотя, посредствомъ преслѣдованій, Бецкій вынуждалъ меня скрывать мое намѣреніе и даже отложить свадьбу на два года. Будучи не въ состояніи разстроить дѣло, онъ надѣялся на время и на могущество интриги. И точно, въ тотъ день, когда я укладывалась въ дорогу, а Бецкій расхаживалъ взадъ и впередъ, за мной прислала Великая Княгиня. Она встрѣтила меня въ слезахъ и объявила мнѣ, что Императрица приказала мнѣ остаться въ городѣ. Я просила Великаго Князя постараться объ отмѣнѣ этого приказанія. Онъ два раза ходилъ къ Императрицѣ и объявилъ намъ, что тутъ кроется какая-то тайна. Императрица не хотѣла высказаться, а лишь сказала ему, что не желаетъ стѣснять меня и, согласно моему желанію, позволяетъ мнѣ подышать на свободѣ и отдохнуть отъ ревности его жены; прибавилъ, что напрасно я настаиваю, и что онъ ничему этому не вѣритъ, зная мою правдивость и неспособность сочинить непростительную ложь. Великая Княгиня сильно вспылила, я разсердилась и внезапно ушла. Бецкій ждалъ меня, все устроивъ по своему. Онъ увѣрилъ меня, что сейчасъ вернулся отъ Императрицы, которая сказала ему, что, по настоятельной просьбѣ Великой Княгини, оставляетъ меня въ городѣ безъ вѣдома ея мужа, чтобы удалить меня отъ него. Мнѣ разсказъ показался правдоподобнымъ. Императрица, желая семейнаго согласія, могла потакать капризамъ невѣстки. Но послѣдней я не могла простить ея поведенія въ отношеніи ко мнѣ, въ случаѣ, въ которомъ она одна была виновата. Я не сдерживала своего негодованія. Вмѣсто того чтобы успокоить меня, Бецкій приходилъ въ ярость, говоря, что эта немилость окончательно испортитъ мою репутацію, о которой и безъ того ходятъ невыгодные слухи. Я клялась, что не хочу болѣе оставаться при Дворѣ, гдѣ служу яблокомъ раздора. Этого онъ только и ждалъ. Сейчасъ представилъ онъ мнѣ самыя привлекательныя картины жизни посреди дружбы, подъ отцовскимъ кровомъ; хотѣлъ тотчасъ же перевести свой домъ на мое имя, окружить всѣми лицами, къ которымъ я была привязана въ Смольномъ, выписать оркестръ изъ Германіи, инструменты изъ Англіи, дать мнѣ способъ усовершенствоваться въ музыкѣ и живописи, задавать балы, играть комедіи и т. д. Горесть моя смѣнилась радостію; я поддалась уму и благосклонности моего защитника. Ему необходимо было поддерживать во мнѣ это настроеніе, поспѣшить исполненіемъ своихъ намѣреній. Все бы было потеряно, если бы кто либо открылъ мнѣ истину. Онъ не далъ мнѣ даже проститься съ Ихъ Императорскими Высочествами и повезъ меня обѣдать къ г-жѣ Лафонъ. Ей онъ

насказалъ, чтò хотѣлъ и расположилъ въ свою пользу, такъ что, обманутая подобно мнѣ, она убѣждала меня слѣдовать впредь лишь совѣтамъ Ив. Ив-ча. Мнѣ не пришлось побыть съ нею на единѣ; я лишь замѣтила, что она была чѣмъ-то стѣснена и безпокойна: будучи подвластна Бецкому, она считала себя обязанною во всемъ помогать ему; но грусть проглядывала на ея лицѣ. Привыкши угадывать ея мысли, я поняла, что мнѣ грозитъ опасность. Я была грустна и задумчива во весь вечеръ проведенный у Ив. Ив-ча. Мнѣ хотѣлось повидаться съ женихомъ; послали пригласить его на слѣдующій день, но онъ отказался подъ предлогомъ нездоровья. Тогда его начали бранить, представили его низкимъ, подлымъ куртизаномъ, котораго влекла ко мнѣ лишь выгода и который покидалъ меня при кажущейся немилости. Я стала его защищать: такія неосновательныя обвиненія не согласовались съ чистотой моего сердца и возвышенностію чувствъ; я съ презрѣніемъ отвергала ихъ. Г-жа Рибасъ *) фурія, дьяволъ воплощенный, заклятой врагъ, отравила мое чистосердечіе. Ядовито отзывалась она о Дворѣ, о всемъ человѣчествѣ, о глупой слѣпотѣ моей въ отношеніи ко злу. Я попала точно въ адъ, и впервыя зло показалось мнѣ возможнымъ. Я считала ее самымъ злѣйшимъ существомъ, и въ ея-то обществѣ мнѣ пришлось бы провести всю жизнь. Я испытывала дотолѣ невѣдомую мнѣ грусть, которой я вовсе не скрывала и, не стѣсняясь, упрекала ее. Повидимому, она, стараясь помочь Бецкому, перешла границы. У нея были собственные планы: для нея необходимо было внушить мнѣ отвращеніе къ дому, въ которомъ она была хозяйкою. Бецкій, испугавшись впечатлѣнія, сдѣланнаго на меня ея рѣчами, присоединился ко мнѣ, осыпая ее упреками. Чтобы развлечь меня, онъ повезъ меня кататься, и какъ нарочно мы встрѣтили Ржевскаго, который сказывался больнымъ. Старикъ подхватилъ этотъ случай и началъ мнѣ доказывать, что Рибасъ отчасти права и въ свою очередь описывалъ Ржевскаго самыми черными красками. Грусть овладѣла мной, но гордость оживила мою потрясенную душу. Проѣзжая мимо Ржевскаго, я примѣтила знакъ радости, обѣщавшій мнѣ разъясненіе всего. Возвратясь во Дворецъ въ сопровожденіи сестры, я получила черезъ горничную записку отъ Ржевскаго, который просилъ у меня свиданія въ тайнѣ отъ старика, имѣя сообщить мнѣ нѣчто весьма важное. И точно, въ присутствіи сестры моей, онъ разоблачилъ передо мной тайны, которыми меня окружали, чтобы поставить непредолимыя преграды между нами. Онъ признался, что самъ былъ обманутъ, подозрѣвая, что я измѣнила ему, и всячески старался добиться истины; передалъ мнѣ, что Императрица сказала князю Орлову, что Бецкій весь день не давалъ ей покою, отъ моего имени прося ее оставить меня въ городѣ для приготовленія приданаго. Съ моей стороны я разсказала ему, какъ произошло все вышеописанное. Все разъяснилось, и объясненіе это привело къ желанной развязкѣ.

Будучи увѣрена въ чувствахъ Ржевскаго, я все простила Ив. Ив. и, чтобы не сконфузить его окончательно, скрыла отъ него, какъ извѣстны мнѣ были всѣ его продѣлки.

*) Настасія Ивановна, дочь Бецкаго, прижитая имъ, когда еще онъ былъ молодъ; ибо по нѣкоторымъ извѣстіямъ, еще въ день 28 Іюня 1762 г. она сопровождала Екатерину изъ Петергофа въ Петербургъ.

Онъ же до конца продолжалъ свои интриги; но, совершенно проигравъ дѣло, такъ какъ хитрость его была обнаружена, онъ долженъ былъ охотно согласиться на нашъ бракъ. Изъ уваженія я подчинялась его власти. Какъ отецъ, онъ необходимъ былъ для моего счастія, единственное же его желаніе было сдѣлаться моимъ мужемъ. Я начала примиреніемъ съ Великой Княгиней, которая считала себя обиженной моимъ обращеніемъ съ нею при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она не была нисколько виновата. Я написала ей безъ вѣдома своего опекуна. Мы объяснились, и прошлое было забыто. Я вернулась ко Двору, гдѣ всѣ принимали живое участіе въ моемъ замужествѣ. Всѣ насъ восхваляли, порицая моего гонителя и уговаривая меня скорѣе окончить дѣло, чтобы избавиться новыхъ преслѣдованій. Императрица ожидала лишь моего рѣшенія, готовая насъ благословить; но я въ этомъ случаѣ не хотѣла обойти старика, замѣнявшаго мнѣ отца и желая получить высочайшее разрѣшеніе по его ходатайству. Онъ совсѣмъ потерялся и полагалъ, что, отсрочивая доложить объ этомъ Императрицѣ, онъ въ состояніи будетъ разстроить дѣло. Онъ употребилъ все свое вліяніе на меня: соблазнительныя обѣщанія, горесть его и отчаяніе, котораго я не могла выносить. Ласки его смѣнялись угрозами. Наконецъ онъ заставилъ г-жу Лафонъ написать письмо исполненное упрековъ, въ которомъ она мнѣ доказывала, что я буду самая неблагодарная дѣвушка, если откажусь выйти за Бецкаго. Напрасно увѣряла я Ив. Ив–ча, что все это ни къ чему не ведетъ, что я люблю Ржевскаго. Онъ по своему объяснялъ вещи, полагая, что я должна отказать Ржевскому, потому что я привязалась къ нему лишь вслѣдствіе его собственныхъ стараній объ этомъ и что онъ могъ требовать отъ меня измѣненія рѣшенія моего. Легко было опровергнуть эти софизмы, тѣмъ болѣе, что я вслѣдствіе имъ же данныхъ уроковъ привыкла думать и разсуждать. Онъ приставалъ ко мнѣ и мучилъ меня съ утра до вечера. Его продѣлки лишь ускорили развязку дѣла. Я устала отъ страданія и объявила, что ежели онъ будетъ продолжать мучить меня, я обойдусь и безъ его вмѣшательства въ дѣлѣ, въ которомъ онъ играетъ роль вслѣдствіе моей же собственной воли. Ему пришлось покончить. Тогда онъ вывелъ на сцену давно забытое условіе, а именно: обѣщаніе поселиться у него въ домѣ, которое прежде пугало Ржевскаго и на которое онъ расчитывалъ, чтобы растроить свадьбу. Онъ унижался до мольбы передо мной, представляя необходимымъ, для нашей репутаціи, чтобы мы хотя на нѣсколько мѣсяцевъ поселились въ домѣ, который онъ устроилъ для насъ. Я окончательно уговорила Ржевскаго согласиться. Тогда интриги прекратились, но Ив. Ив-чъ все таки надѣялся поколебать мою рѣшимость и добиться моей руки съ помощію своего настойчиваго постоянства. Передъ алтаремъ, будучи посаженымъ отцемъ, онъ представлялъ мнѣ примѣры замужествъ расходившихся во время самаго обряда вѣнчанія, и подстрекалъ меня поступить такимъ же образомъ. Замужество мое положило конецъ всѣмъ спорамъ. Съ дочернею нѣжностію старалась я утѣшить Ив. Ив-ча, но усилія мои были безполезны: дружба не могла удовлетворить его страсти. Мое положеніе становилось невыносимымъ посреди

любви мужа и дружбы Ив. Ив-ча. Оба они считали себя обиженными мною и мучили меня. Удовлетворить ихъ притязаніямъ не было возможности; надо было дать предпочтеніе одному изъ нихъ. Бецкій старался поссорить меня съ мужемъ, по прежнему возбуждая его ревность и увѣряя его, что онъ не можетъ расчитывать на исключительную привязанность ребенка, который ему, старику, измѣнилъ безсовѣстно. Мнѣ онъ представлялъ ожидающее меня несчастіе — жить съ мужемъ при его подозрительномъ и вспыльчивомъ характерѣ. Когда я упрекала его за все что̀ онъ насказывалъ обо мнѣ мужу моему, онъ начиналъ ругать его, говоря, что онъ обращаетъ въ мрачную сторону его рѣчи, убѣждалъ меня не довѣрять человѣку неспособному оцѣнить меня и который во зло употребилъ мое довѣріе. Въ поведеніи Ив. Ив-ча я ясно видѣла намѣреніе поссорить меня съ мужемъ, отталкивая его отъ меня оскорбленіями, а нѣжностію и обѣщаніями богатства завладѣть мною. Онъ искалъ случая захватить меня въ свои руки, не заботясь добиться на то моего согласія. Я во̀ время остановила его. Доказавъ ему громадность его вины, предложивъ всѣ способы примиренія, я объявила ему, что я и мужъ болѣе не должны оставаться въ его домѣ; говорила, что отъ этого зависитъ его собственное спокойствіе и обѣщала во всю жизнь мою доказывать ему мою привязанность. Онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ и, видя, что всѣ настоянія безполезны, поклялся отмстить мнѣ. На другой день я уѣхала. Онъ заболѣлъ, и г-жа Рибасъ распустила слухъ, что я убила его. Съ этого времени я навѣщала его, когда онъ этого желалъ, а его влекло ко мнѣ неугасавшее чувство. Сначала онъ попробовалъ очернить меня въ общественномъ мнѣніи съ помощію г-жи Рибасъ, а также и въ глазахъ Императрицы, но поведеніе мое противорѣчило его словамъ. Впослѣдствіи, поуспокоившись, онъ желалъ примириться со мною, но аргусъ его противился этому. Онъ жаловался мнѣ на обхожденіе съ нимъ г-жи Рибасъ, тайно посылалъ ко мнѣ своего довѣреннаго камердинера, умоляя о помощи и прося оградить его отъ преслѣдованій г-жи Р., которую онъ уже не въ силахъ былъ унять. Я пріѣзжала и находила дверь запертою для меня: его увѣряли, что меня нѣтъ въ Петербургѣ. Въ эту пору онъ ослѣпъ и почти терялъ разсудокъ. Прежде онъ мнѣ говорилъ о своихъ распоряженіяхъ, которыя желалъ привести въ исполненіе передъ смертію, но его заставили измѣнить ихъ. Это меня ни чуть не заботило, но мнѣ больно было видѣть его въ зависимости отъ самаго неблагодарнаго созданія, между тѣмъ какъ я не могла за нимъ ухаживать. Даже въ послѣдніе дни его жизни меня не было при немъ.

И. И. Бецкій могъ мнѣ сдѣлать много добра, а между тѣмъ, имѣя самыя благія намѣренія, онъ принесъ мнѣ много вреда. Никто въ мірѣ не любилъ меня такъ сильно и съ такимъ постоянствомъ. Онъ могъ сдѣлаться моимъ мужемъ, служить мнѣ отцомъ, благодѣтелемъ; но, по собственной винѣ не достигнувъ своихъ цѣлей, онъ сталъ играть роль моего преслѣдователя. Будучи предметомъ моей первой привязанности, онъ могъ легко жениться на мнѣ, безъ огласки, послужившей лишь къ его стыду. Можно отчасти извинить скрытность и лукавство въ свѣтѣ, потому что

они необходимы для преодолѣнія встрѣчаемыхъ препятствій къ достиженію цѣли. Честолюбіе и другія страсти, нуждаясь въ нѣкотораго рода оправданіи, скрываются подъ благовидными предлогами; но чувства сердечныя не имѣютъ надобности въ притворствѣ. Оба мы были свободны; отчета намъ не кому было отдавать; я была покорна и привязана къ нему, онъ могъ прямымъ путемъ достигнуть цѣли. Къ чему было стараться увѣрить свѣтъ, что страсть была съ моей стороны, а что онъ женится на мнѣ изъ желанія осчастливить меня? Вотъ чего онъ добивался и почему принужденъ былъ прибѣгать къ хитрости

III. ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МОИХЪ КО ДВОРУ.

При Дворѣ и рѣчи не бываетъ о глубокихъ и прочныхъ чувствахъ; тутъ все поверхностно и подчиняется условнымъ законамъ, которые безпрестанно измѣняются; тутъ за свои личныя качества столько же можно отвѣчать, сколько за царскую милость и за отличія, ею доставляемыя.

Я говорила, съ какимъ отвращеніемъ поступила я ко Двору; разскажу теперь, какъ тяжело мнѣ было пробыть при немъ около года. Потому страннымъ могутъ показаться сношенія мои со Дворомъ, продолжавшіяся 26 лѣтъ и прекращенныя вслѣдствіе немилости, ничѣмъ не заслуженной. Разсмотримъ обстоятельства дѣла лично меня касавшагося, но о которомъ до сихъ поръ мнѣ не пришлось серіозно подумать; за то праздные умы находили въ немъ пищу. Пора и мнѣ поговорить объ этомъ и доказать, что не все то золото что̀ блеститъ.

Не всѣ тщеславны, суетны и низкопоклонны. Я имѣю счастіе принадлежать къ исключеніямъ этого рода. Имѣя нѣкоторую гордость душевную, я не поддавалась превратностямъ судьбы и, посреди рабства, сохраняла независимость, хотя и носила цѣпи имъ налагаемыя, но только до тѣхъ поръ, пока положеніе это могло быть полезно дѣтямъ моимъ; когда же они перестали въ немъ нуждаться, я покинула Дворъ.

Посмотримъ, насколько каждый способенъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ; буду разсуждать по своему. У меня всегда былъ свой образъ мыслей, хотя я не отвергала чужого мнѣнія, когда признавала его разумнѣе своего. Выскажу всю правду. Пожалуй, разсказъ мой покажется длиннымъ, но все же можетъ принести пользу неопытному.

Скажу лишь нѣсколько словъ объ императрицѣ Екатеринѣ II-й. Она была великодушна и добра. Въ моемъ дѣтствѣ она облагодѣтельствовала меня, давъ мнѣ прекрасное образованіе. Впослѣдствіи она заботилась о моей судьбѣ, взяла меня ко Двору, гдѣ защищала отъ интригъ, которыми я была окружена. Обращеніе ея со мной было дружески-ласковое и внушающее почтеніе. Какъ нѣжная и снисходительная мать, она поощряла меня въ развитіи моихъ способностей, выставляла мое чистосердечіе и ту долю природнаго ума, которымъ наградила меня природа, помогая мнѣ и поддерживая меня въ весьма трудномъ моемъ положеніи. Со времени моего замужества, ей старались представить подозрительными мои сношенія со Дворомъ Великой Княгини, но она не обращала на это вниманія и при всякомъ удобномъ случаѣ выражала мнѣ свое благоволеніе. Вообще трудно перечислить, сколько я ей обязана. Всею моею лю-

бовію и почтеніемъ не могу я заплатить за ея благодѣянія.

Хочу разсказать одно обстоятельство, случившееся за долго до всего разсказаннаго; оно доказываетъ, что нельзя миновать своей участи.

Еще въ бытность мою въ Смольномъ, Наталья Алексѣевна, первая супруга Великаго Князя, очень полюбила меня и всячески доказывала мнѣ свою дружбу. По два и по три раза въ недѣлю пріѣзжала она въ монастырь и проводила со мной по нѣскольку часовъ. Мы разговаривали и занимались музыкой. Она обѣщала взять меня къ себѣ по окончаніи курса, въ качествѣ друга, выпросивъ согласіе у Императрицы. Когда я была нездорова, она навѣщала меня. Въ послѣднее время своей беременности, будучи не въ состояніи пріѣхать въ монастырь, она прислала ко мнѣ гр. Разумовскаго, которому поручила передать мнѣ цвѣты и конфеты въ доказательство, что она не забываетъ обо мнѣ. Не за долго передъ смертію, лежа въ постели, она написала мнѣ записку и прислала букетъ съ гр. Разумовскимъ по случаю раздачи наградъ передъ нашимъ выпускомъ изъ Смольнаго. Къ несчастію я затеряла эту записку, но у меня хранится письмо ея, писанное изъ Москвы и переданное мнѣ братомъ ея принцемъ Дармштадскимъ. Мнѣ болѣе не суждено было увидать ее; но мѣсто, которое она мнѣ назначала, заняла я при той, которая замѣнила ее. Великій Князь, обожавшій ее, раздѣлялъ ея предпочтеніе ко мнѣ. Съ этой поры началось расположеніе его ко мнѣ, бывшее причиной стольких непріятностей. Она была очень умна, любезна, пріятна; вотъ все что̀ я могу сказать объ ней. Я любила ее, жалѣла о ней и искренно оплакивала ея кончину.

Вскорѣ Великій князь уѣхалъ въ Берлинъ, чтобы увидать принцессу, которую ему назначали въ супруги. Получивъ ея согласіе, поспѣшили послать къ ней на встрѣчу лицъ, назначенныхъ для ея придворнаго штата, въ числѣ которыхъ была я. Мы встрѣтились съ Великимъ Княземъ за Митавою. Это было мое первое свиданіе съ нимъ послѣ его горестной потери. Я не могла удержать слезъ; онъ былъ тронутъ, хвалилъ мнѣ свою невѣсту, былъ любезенъ и уѣхалъ. Въ Мемелѣ представили насъ будущей Великой Княгинѣ. Меня поразила ея красота, молодость и простота въ обращеніи. Когда дошла до меня очередь, она, съ улыбкой обращаясь ко мнѣ, сказала, что Великій Князь особенно бранилъ меня. Во всю дорогу она оказывала мнѣ предпочтеніе; какъ казалось, она была предубѣждена противъ супруги фельдмаршала Румянцева и почти не обращала на нее вниманія. По пріѣздѣ въ Петербургъ и до самой свадьбы, происходили представленія ко Двору, давались праздники, балы, и мнѣ почти не приходилось видѣть Великую Княгиню на единѣ. Это было самое пріятное время въ моей придворной жизни. Впослѣдствіи меня назначили компаньонкою къ Великой Княгинѣ: я должна была читать ей въ слухъ, присутствовать при урокахъ, которые она брала, сопровождать ее всюду, ко Двору Императрицы, въ концерты, на балы, въ собранія, въ церковь, на прогулки и т. д. У меня не было свободной минуты. Я отдыхала только во время своего туалета или въ тѣ дни, когда подъ предлогомъ нездоровья обѣдала у себя въ комнатѣ или оставалась дома, чтобы толь-

ко избавиться отъ докучливыхъ выѣздовъ.

Одно время Великая Княгиня была расположена ко мнѣ, но это продолжалось не долго. Она постепенно стала охладѣвать, стала сдержанна, потомъ начала холодно обращаться со мной. Къ великому удивленію моему я узнала, что ревность была причиной этой перемѣны. Мнѣ твердили это со всѣхъ сторонъ. Но я знала, что не за что было упрекнуть меня, что напротивъ любезность моя доходила до того, что я жертвовала свободными минутами, стѣсняя себя, и потому нетерпѣливо выносила нападки Великой Княгини. Когда же мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, неудовольствіе мое смѣнилось состраданіемъ; я стала къ ней еще внимательнѣе и разувѣрила ее на мой счетъ; но къ мужу она оставалась попрежнему недовѣрчивою, передавала мнѣ свои горести, сомнѣнія, и мнѣ рѣдко удавалось успокоить ее. Сначала она необдуманно поддалась обиднымъ для меня подозрѣніямъ, жаловалась первому встрѣчному и обращала общее вниманіе на мое поведеніе, которое объясняла по своему. Но все это послужило въ мою пользу, выказавъ мою невинность... Видно, что она мало заслуживала мою любовь; но, по свойственной мнѣ чувствительности, я извиняла ея заблужденія и оказывала ей болѣе уваженія и признательности нежели мужу ея, котораго я имѣла основаніе любить и уважать. Всегда любезный и почтительный, онъ старался самою нѣжною внимательностію вознаградить меня за непріятности, которыя мнѣ приходилось переносить изъ-за него. Чтобы не подтвердить ложныхъ слуховъ, онъ не измѣнялъ своего обращенія со мною. На него обижались, а онъ въ присутствіи жены и всѣхъ вообще только мною и занимался и былъ любезенъ до нельзя. Когда я его предостерегала, онъ отвѣчалъ, что ему надоѣли всѣ сплетни, что онъ знать ихъ не хочетъ, и по прежнему былъ ко мнѣ внимателенъ. Это продолжалось до моего замужства. Я надѣялась, что свадьба моя положитъ конецъ этому ухаживанію. Ни чуть не бывало: оно еще усилилось. Великая Княгиня присоединилась къ мужу; оба упрашивали меня принимать участіе во всѣхъ ихъ удовольствіяхъ. Между нами завязалась дружба, продолжавшаяся десять лѣтъ. Мнѣ нужно было съѣдить въ Москву. Во время моего отсутствія Великій Князь привязался къ Нелидовой. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, посмотримъ, что могло быть для меня привлекательнаго въ дружбѣ, отнимавшей у меня время, которое я могла бы проводить въ семейномъ кругу и имѣвшей въ глазахъ свѣта видъ необыкновенной милости. Великій Князь искренно любилъ меня и старался быть полезнымъ всѣмъ моимъ близкимъ. Довѣріе его было безгранично, равно и постоянство въ дружбѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ съ мужемъ, какъ на своихъ вѣрныхъ друзей. Сознавая, что мы жертвовали своими выгодами ради его, онъ былъ вполнѣ благодаренъ.

Великая Княгиня старалась превзойти мужа въ любезности къ намъ, но такъ какъ она дѣйствовала неискренно, у нея выходили противорѣчія на каждомъ шагу. Ревность въ ней боролась съ уваженіемъ, котораго я заслуживала. Своимъ обхожденіемъ она даже теряла право на благодарность съ моей стороны... На то, что Ихъ Высочества ѣздили къ намъ, смотрѣли недоброжелательно. Живя весьма скромно, мы не могли доставить

имъ ни малѣйшаго развлеченія. Имѣя возможность постоянно видѣть насъ у себя, они непремѣнно хотѣли бывать у насъ въ домѣ: пріѣзжали то завтракать, то обѣдать. Все это возбуждало толки. Дружба наша была самаго невиннаго свойства. Между тѣмъ милость эта обходилась мнѣ весьма дорого, причиняя мнѣ много непріятностей. До сихъ поръ Великая Княгиня дѣйствовала лишь изъ подражанія мужу. Но Великій Князь не упускалъ случая доказать намъ свое уваженіе. Не любя шумныхъ удовольствій, онъ искалъ общества близкихъ ему людей и въ бесѣдѣ съ ними былъ откровененъ и довѣрчивъ. Я замѣчала въ немъ лишь хорошія свойства: чистоту намѣреній, прямоту, благородство души, великодушіе, весьма пріятный умъ и особенную способность убѣждать людей. Когда онъ хотѣлъ нравиться, нельзя было противиться его обаянію. Его некрасивая наружность и рѣзкія манеры въ обществѣ становились непримѣтными въ дружескомъ кругу. Въ эту пору онъ былъ хорошимъ мужемъ, сыномъ и отцомъ. Необходимо было окружать его честными людьми: онъ легко поддавался вліянію лицъ, искавшихъ его довѣрія, и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Будучи довѣрчивъ по природѣ, онъ сталъ подозрительнымъ вслѣдствіе обмановъ, которымъ подвергался. Что̀ касается до меня, я всегда говорила ему правду. Онъ такъ привыкъ вѣрить мнѣ, что даже, когда былъ мной недоволенъ, не переставалъ оказывать мнѣ уваженіе. Не хвастаясь могу сказать, что я удерживала его въ предѣлахъ долга въ отношеніи къ его супругѣ, восхваляя ея достоинства. Не такъ дѣйствовала Нелидова, когда она попала въ милость *).

По возвращеніи моемъ изъ Москвы, гдѣ я провела два года, я нашла большія перемѣны въ образѣ жизни Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Они принимали только особъ, составлявшихъ ихъ придворный штатъ. Великая Княгиня тотчасъ пріѣхала ко мнѣ, но одна. Великаго Князя я встрѣтила на балѣ; онъ обрадовался моему возвращенію, упрекалъ за то, что я по прежнему не навѣщаю ихъ, былъ любезенъ во весь вечеръ и только со мною танцовалъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ домашнихъ непріятностяхъ, причиной которыхъ была г-жа Бенкендорфъ, любимица его жены. Великая Княгиня и ея наперсница пришли въ негодованіе и всячески старались выказать свое неудовольствіе. Г-жа Бенкендорфъ начала осуждать мой нарядъ, который находила слишкомъ небрежнымъ. Я объясняла ей, что я только что съ дороги, что вещи мои еще не получены и потому я всячески отговаривалась отъ бала. Она продолжала упрекать меня. Наконецъ я отъ нея отдѣлалась. Она отошла надувшись, и мнѣ самой было неловко. Великій Князь издали наблюдалъ за нами; лишь только она ушла, онъ подошелъ ко мнѣ, пригласилъ меня на польскій и настойчиво добивался узнать причину моего неудовольствія. Я сказала, что мнѣ неловко быть въ шляпѣ, когда всѣ въ нарядныхъ чепцахъ, и хотѣла удалиться; но онъ не пустилъ меня, говоря, что я прекрасно одѣта и что всѣ завидуютъ моей красотѣ, въ простомъ нарядѣ въ Англійскомъ вкусѣ. Во весь вечеръ онъ не отходилъ отъ

*) Читатели, знакомые съ перепиской Е. И. Нелидовой (напечатанной въ 3-й книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка)" съ трудомъ повѣрятъ этому. Впрочемъ такого рода толки долго держались; но извѣстно, что императрица Марія Ѳедоровна впослѣдствіи сдѣлалась и до конца жизни осталась другомъ Нелидовой. Ср. также Записки, А. С. Шишкова. Берлинъ 1870. I, 31 и 32. *П. Б.*

меня и прислуживалъ мнѣ за ужиномъ. Съ Великою Княгинею мнѣ не было времени поздороваться. А Великій Князь приглашалъ одну меня, давая понять, что безъ меня не явится на праздникъ. Когда я ему замѣтила, что оказываемое мнѣ предпочтеніе могутъ истолковать въ дурную сторону, увеселенія вдругъ прекратились, и Ихъ Императорское Высочества начали жить уединенно. До меня дошли слухи о частыхъ размолвкахъ, происходившихъ въ ихъ домашней жизни. Причиной этого была г-жа Нелидова, овладѣвшая умомъ Великаго Князя. Весьма умная, она была отвратительно нехороша собою. Великій Князь прежде не могъ ее терпѣть, считалъ ее страшно злою, и мнѣ не разъ приходилось защищать ее. Живя вдалекѣ отъ Двора, я не хотѣла вѣрить этимъ сплетнямъ. Мой заклятой врагъ г-жа Бенкендорфъ (у которой я не бывала и которая не ѣздила ко мнѣ) подтвердила мнѣ вѣрность всего слышаннаго мной. Она явилась ко мнѣ съ порученіемъ передать мнѣ обо всемъ, завербовать меня въ приверженницы Великой Княгини и заставить противодѣйствовать ея врагамъ. Я неспособна была къ интригамъ и со свойственной мнѣ прямотой искренно пожалѣла о Великой Княгинѣ, обѣщая быть ей преданнѣе чѣмъ когда либо. Любя Великаго Князя, я сначала не хотѣла мѣшаться въ это дѣло. Однако я поговорила откровенно съ г-жой Нелидовой, высказавъ ей свой образъ мыслей. Она нисколько не разсердилась на меня, а Великій Князь, съ которымъ я встрѣчалась лишь въ обществѣ, продолжалъ оказывать мнѣ величайшее вниманіе. Великая Княгиня начала хвалить меня, сравнивая мое поведеніе съ поведеніемъ Нелидовой. Восхваляя мою добродѣтель, она думала заслужить расположеніе мужа; но этимъ лишь возстановила его противъ себя, окончательно повредивъ мнѣ безъ моего вѣдома. Во время моихъ послѣднихъ родовъ, она у меня назначала свиданія г-жѣ Бенкендорфъ, которую Великій Князь выслалъ изъ города, о чемъ я и не знала. Это дошло до свѣдѣнія Великаго Князя, и съ этихъ поръ онъ не переставалъ сердиться на меня. Однако, сдѣлавшись Императоромъ, онъ не мстилъ мнѣ, а ограничился лишь тѣмъ, что болѣе не оказывалъ мнѣ милости; но при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ свое выгодное мнѣніе о моемъ характерѣ и изъявлялъ свое уваженіе ко мнѣ. Со времени вступленія его на престолъ, мы стали рѣже видаться. Супруга его сдѣлала фрейлиною дочь мою и пожаловала мнѣ малый орденъ Св. Екатерины. Въ обществѣ она отличала меня; въ частной же жизни стала неприступною; а я съ своей стороны не заискивала ея расположенія.

Не желая уронить своего достоинства, я держалась въ сторонѣ. Возвращаясь съ аудіенціи, я встрѣтила знаменитаго Кутайсова. Онъ радостно схватилъ мои руки, говоря: «Я надѣюсь, что мы заживемъ по прежнему». — «Какъ бы не такъ», думала я про себя.

Такъ произошло наше первое свиданіе. Но надо отдать справедливость Великой Княгинѣ. Сдѣлавшись Императрицею, она не только оказывала мнѣ свое расположеніе, но и ходатайствовала передъ супругомъ своимъ за мужа моего и за дѣтей. Видно было ея желаніе вознаградить меня за все, что приходилось мнѣ терпѣть до той поры. Не смотря на это, она полагала нужнымъ, для сохраненія досто-

инства своего высокаго сана, принимать меня стоя. Во все царствованіе она одинакова была въ отношеніи ко мнѣ. Но сама она не была счастлива. Каждый разъ, когда она выражала мнѣ свое расположеніе, Императоръ сердился. А когда онъ занимался мною и Императрица хотѣла принять участіе въ нашей бесѣдѣ, онъ повертывался и уходилъ.

Не смотря на недоброжелательство и козни завистниковъ, обращеніе его со мною было иное чѣмъ съ другими. Всѣ замѣчали, что онъ расположенъ былъ возвратить мнѣ прежнюю милость; но я не желала этого, и нехотя являлась ко Двору, сопровождая дочь мою. Послѣ же ея замужества я перестала бывать при Дворѣ.

По случаю этой свадьбы Императоръ былъ очень въ духѣ, желалъ присутствовать при одѣваніи невѣсты и велѣлъ сдѣлать роскошныя приготовленія. Свадьба должна была происходитъ въ Павловскѣ. Фавориты Императора, Кутайсовъ и княгиня Гагарина, были не довольны всѣмъ этимъ. Чтобы досадить мнѣ, Кутайсовъ, бывшій въ должности оберъ-штальмейстера, замедлилъ прислать къ намъ въ Царское Село придворные экипажи. Зная, что Императоръ терпѣть не можетъ, чтобы опаздывали, мы сѣли въ свои кареты и отправились, найдя придворные экипажи около дворца. Мы прибыли ко Двору двумя часами позднѣе назначеннаго времени и нашли всѣхъ въ тревогѣ. Императрица, будучи въ отчаяніи, всячески старалась скрыть отъ меня причину тревоги, а между тѣмъ всѣ бѣгали, шептались, и туалетъ невѣсты не подвигался. Деликатность Императрицы въ этомъ случаѣ не изгладится изъ моей памяти. Дѣло было въ томъ, что Императоръ приказалъ отрѣшить отъ должности моего мужа, жениха и его отца*). Тщетно старались умилостивить разгнѣваннаго Императора. Ни императоръ ни императрица не присутствовали на свадьбѣ, и былъ отданъ строгій приказъ, чтобы никто не смѣлъ на ней присутствовать кромѣ необходимыхъ свидѣтелей. По прибытіи въ церковь, не начинали службы, надѣясь, что удастся укротить гнѣвъ императора. Я не вѣдала причины всей этой суматохи, думала лишь о рѣшавшейся участи моей дочери, молилась о ея счастіи и ждала вмѣстѣ съ другими прибытія Ихъ Величествъ. Наконецъ вбѣжалъ запыхавшись Нарышкинъ и объявилъ, что Ихъ Императорскія Величества не будутъ. Я, какъ бы проснувшись при этомъ извѣстіи, обратилась къ нему, спрашивая, что все это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что ему очень прискорбно, но что Государь ужасно разсерженъ. Я сказала ему, что такъ какъ онъ отчасти виноватъ въ этомъ, то долженъ немедленно объявить императору о нашей невинности. Потомъ я въ первый разъ въ жизни заговорила съ кн. Гагариной, настойчиво требуя, чтобы она отправилась къ императору и объявила ему, что я не выйду изъ церкви, если не будетъ имъ признана наша невинность, что все это вредитъ репутаціи моей дочери и что наконецъ сама я заслуживаю болѣе уваженія;

*) Камергера Николая Петровича Свистунова. Онъ и отецъ его Петръ Семеновичъ (сенаторъ, александровскій кавалеръ, мальтійскій командоръ и членъ главнаго правленія училищъ) были любимцами императора Павла. Н. П. Свистуновъ долго не могъ примириться съ воцареніемъ Александра, тотчасъ вышелъ въ отставку и лишь въ 1812 году, по настоянію своего пріятеля С. К. Вязмитинова, поступилъ директоромъ департамента въ министерство полиціи. Онъ скончался въ 1815 г., а супруга его въ 1868 г. (близъ Парижа).

словомъ, я высказала ей все, что было у меня на душѣ. Напрасно увѣряла она меня, что не имѣетъ свободнаго доступа къ императору. На это я сказала ей, что въ подобныхъ только случаяхъ свободный доступъ ея къ царю можетъ принести ей честь, и что я знаю, что императоръ всегда охотно выслушаетъ истину. Наконецъ она рѣшилась написать государю изъ церкви, карандашомъ, на клочкѣ бумаги. Записку тотчасъ отправили; вѣнчаніе не кончилось, когда прибылъ Кутайсовъ, умоляя меня во имя Бога не выражать своего неудовольствія передъ императоромъ, который успокоился и приглашаетъ меня со всѣмъ семействомъ къ себѣ въ кабинетъ: такой милости онъ никому доселѣ не оказывалъ. Онъ обошелся съ нами какъ нельзя лучше, осыпалъ насъ любезностями, и всѣ мы остались весьма довольны его пріемомъ.

Послѣ этого происшествія я прекратила всякое сношеніе со Дворомъ. Тамъ становилось не безопасно. До меня доходили слухи о буряхъ, происходившихъ при Дворѣ, гдѣ громовые удары сыпались безъ различія на большихъ и на малыхъ. Отдаленіе мое отъ Двора не оградило меня отъ опалы. Мужъ мой со многими другими сенаторами, столь же пожилыми и честными какъ онъ, безъ всякой вины отрѣшенъ былъ отъ должности. Но ему назначили пенсіонъ за 50-лѣтнюю службу.

Съ 16 лѣтнимъ сыномъ моимъ Павломъ поступили недостойнымъ образомъ. Прямо изъ маскарада его повезли въ крѣпость, гдѣ онъ провелъ ночь въ сыромъ и душномъ казематѣ, изъ за того только, что онъ въ польскомъ осмѣлился пройти близко къ императору. Впрочемъ не стану разсказывать дѣло въ подробностяхъ, потому что императоръ старался вполнѣ загладить этотъ поступокъ, какъ бы извиняясь въ немъ передъ моимъ мужемъ. Онъ не зналъ сына моего и весьма сожалѣлъ объ огорченіи, которое причинилъ намъ. Черезъ четыре недѣли государя не стало. Послѣдній разъ я его видѣла за годъ до кончины.

Такимъ образомъ, зло, которое мнѣ дѣлалъ Павелъ I, всегда было не обдумано. Снисходительность его ко мнѣ считаю за особенную милость, потому что онъ никого не щадилъ. Но между тѣмъ ни одинъ государь не можетъ сравняться съ нимъ въ расточительности касательно наградъ. Онъ обогащалъ, подъ часъ и возводилъ въ важныя должности, лицъ не имѣвшихъ ни заслугъ, ни особенныхъ достоинствъ, являвшихся неизвѣстно откуда. При возшествіи на престолъ, онъ во всѣ стороны раздавалъ громадныя состоянія и не знаю почему онъ обдѣлилъ мою семью. Я имѣла немало правъ на его милость. Это всѣ сознавали, даже обогащенныя имъ лица осуждали его несправедливость ко мнѣ. Я никогда не искала его милостей, не желала ихъ и не сокрушалась, будучи лишена ихъ. Быть можетъ, въ душѣ я даже слишкомъ презирала ихъ. Кн. Безбородко помѣстилъ мое имя въ спискѣ лицъ, представленныхъ къ наградѣ. Императоръ вычеркнулъ его, и мнѣ передали слова сказанныя, имъ по этому поводу: «она черезъ чуръ горда». Онъ заслуживаетъ упрекъ съ моей стороны. Императоръ не обязанъ оказывать милости подданнымъ, но долженъ быть къ нимъ справедливымъ. А онъ былъ несправедливъ въ отношеніи къ моему мужу въ одномъ процессѣ съ казною. Тяжба была давно окончена въ нашу пользу, оставалось вознаградить насъ за понесен-

ный ущербъ. Мы очень нуждались въ вознагражденіи, такъ какъ состояніе наше было незначительно; кромѣ того мы имѣли долги. Государь не хотѣлъ отвѣчать на многократныя просьбы наши. Это былъ единственный случай, въ которомъ я была огорчена его поведеніемъ, потому что мужу моему это было очень прискорбно. Вообще же я никогда не разбирала причинъ его поступковъ.

Мнѣ было легче чѣмъ кому либо узнать Дворъ, еслибъ я желала изучить его. Но я говорила, что моимъ единственнымъ желаніемъ было избавиться отъ придворной жизни. Я пользовалась малѣйшимъ неудовольствіемъ, чтобы удалиться; но меня постоянно вызывали обратно. Невольно сравнивала я свое положеніе съ положеніемъ придворныхъ вообще, которые, имѣя титулы, богатство, знатность, льнутъ ко Двору, подвергая себя униженіямъ, лишь бы добиться снисходительнаго взгляда монарха. Но меня удивляло, что моему положенію при Дворѣ приписывали какую-то прочность. Не будучи тщеславна, я оставалась чужда и радостямъ и безпокойствамъ. Я какъ бы поставлена была выше всѣхъ почестей, пользуясь непрочнымъ титуломъ друга. При Дворѣ дружба—своего рода должность, требующая постояннаго подчиненія. Считая васъ вполнѣ вознагражденными отличіемъ, котораго васъ удостоиваютъ, вамъ отказываютъ въ услугахъ, даже когда вы крайне въ нихъ нуждаетесь. Мнѣ вмѣнялось въ обязанность быть всегда любезною. Оно не трудно, когда всѣ расположены признавать васъ любезною: при Дворѣ тѣхъ, кто пользуется милостію, восхваляютъ не по заслугамъ. Положеніе мое, заслуживая мнѣ уваженіе и вниманіе, не приносило никакихъ существенныхъ выгодъ, и потому у меня не было и завистниковъ. Но мнѣ въ тягость было придворное рабство при любви моей къ домашней жизни, и я болѣе дѣлала усилій, чтобы выйти изъ моего положенія, нежели сколько нужно было для сохраненія его, о чемъ я не заботилась. Всякій разъ, возвращаясь домой изъ дворца, я позабывала о всемъ тамъ происходившемъ и лишь жалѣла о потерянномъ времени. Я оставалась всегда покойна. На поприщѣ, гдѣ всякій подвигается ощупью, я съ безпечностію отдавалась на волю судьбы. Среди развращенія я сохранила чистоту нрава и всегда дѣйствовала прямо, никого не вооружая противъ себя. Все это истинная правда.

Перечисляя вкратцѣ всѣ происшествія царствованія императора Павла, относящіяся ко мнѣ лично, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній, дающихъ поводъ къ размышленіямъ. Во первыхъ исторія г-жи Нелидовой потребовала бы цѣлые томы, если бы описать ее подробно. Такъ какъ она происходила въ моемъ отсутствіи, разскажу лишь ея важныя черты. Павелъ сблизился съ Нелидовой, еще будучи Великимъ Княземъ, что̀ было причиной измѣненій въ домашней жизни его, не свидѣтельствовавшихъ въ пользу Нелидовой. Произошла размолвка между супругами. Ихъ явныя ссоры повліяли на множество лицъ какъ придворныхъ, такъ и не принадлежащихъ ко Двору. Могу основательно говорить о всемъ происходившемъ въ эту пору, будучи единственной повѣренной Великой Княгини во время нерасположенія къ ней супруга ея, такъ какъ изъ всѣхъ ея друзей я одна отваживалась навѣщать ее попрежнему, не подвергаясь личнымъ

оскорбленіямъ подобно другимъ ея друзьямъ. За то при возвращеніи монаршей милости одну меня лишили вознагражденія за незаслуженную опалу.

При восшествіи на престолъ императора Павла всѣ милости оказывались черезъ посредничество Нелидовой. Я обращалась къ ней съ просьбой за двухъ сестеръ моихъ, которымъ она оказала большія услуги, за что я ей благодарна. Вообще же она ко мнѣ не благоволила. Но что̀ казалось страннымъ для всѣхъ, это расположеніе императрицы къ Нелидовой. Она доставляла ей всѣ почести и отличія зависящія исключительно отъ благоволенія императрицы; это можно было приписать волѣ императора; но необъяснимо было то, что она сдѣлала ее своимъ другомъ и защищала во время немилости, которой она вскорѣ подверглась; а по смерти государя она стала съ ней неразлучна.

Упомяну о низости людской, отъ которой мнѣ пришлось пострадать по смерти императрицы Екатерины.

Первой милостію императора Павла при вступленіи его на престолъ было пожалованіе въ фрейлины дочери моей, изъ чего всѣ заключили, что мнѣ придется играть важную роль при Дворѣ, вслѣдствіе чего, въ теченіи нѣскольких дней, ко мнѣ нахлынуло множество друзей, принимавшихъ участіе въ моей судьбѣ. Будучи опытна, я не стала раздѣлять ихъ надеждъ. Къ счастію я вскорѣ отъ нихъ избавилась. Впослѣдствіи я узнавала, не выходя изъ дому, кто въ милости при Дворѣ и кто нѣтъ. Тѣ, кому не везло, постоянно вертѣлись у меня въ домѣ; чуть лишь судьба имъ улыбалась, они переставали ѣздить ко мнѣ. Изъ этого я заключила, что меня не жаловали при Дворѣ. О суета суетъ, до чего ты доводишь людей!

Я еще не упоминала о нашемъ юномъ императорѣ Александрѣ I. Посвящаю ему особую главу въ моихъ воспоминаніяхъ въ знакъ моей признательности.

Онъ выросъ на моихъ глазахъ и въ дѣтствѣ игралъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми. Во время отрочества его, обстоятельства отвлекли меня отъ Двора, и намъ не суждено было сблизиться.

Когда, вслѣдствіе измѣненій при Дворѣ Великаго Князя, я стала рѣже посѣщать его, я видала Великаго Князя Александра лишь вскользь. При жизни императрицы Екатерины мнѣ не приходилось имѣть сношеній съ молодымъ Великимъ Княземъ, и я не думала въ ту пору, что въ послѣдствіи онъ будетъ имѣть вліяніе на мою участь.

Моему возлюбленному, достойному и добродѣтельному старшему сыну Александру пришлось поступить въ Семеновскій полкъ въ ту пору, когда Великій Князь былъ назначенъ его шефомъ. Расположеніе В. Князя къ моему сыну отозвалось на всемъ семействѣ нашемъ. Онъ отличилъ его, удостоилъ своей дружбы, довѣрія, уваженія и началъ оказывать мнѣ самое лестное вниманіе, какъ матери своего любимца. Мы оба, сынъ мой и я, были отъ него въ восторгѣ.

Встрѣчаясь со мной, онъ постоянно говорилъ мнѣ объ Александрѣ, не могъ нахвалиться имъ. Слова его радовали меня болѣе, чѣмъ нѣкогда дружба его августѣйшихъ родителей. Онъ окончательно очаровалъ меня своимъ поведеніемъ во время несчастія, случившагося съ моимъ вторымъ сыномъ. Оно предсказывало, что подданные найдутъ въ немъ нѣжнаго отца. Сочувствіе къ нашимъ страданіямъ служило залогомъ для счастія

нашихъ дѣтей въ будущемъ. Изъ тысячи случаевъ приведу одинъ ко мнѣ относящійся и свидѣтельствующій о добромъ его сердцѣ. Угадавъ нашу горесть при арестованіи сына моего Павла и не осмѣливаясь открыто дѣйствовать, онъ дождался времени, когда императоръ заснулъ и отправилъ къ намъ въ 1-мъ часу ночи князя Петра Михайловича Волконскаго и г-на Ѳедора Петровича Уварова утѣшать насъ, обѣщая на слѣдующій день всячески ходатайствовать за сына нашего. Онъ сдержалъ свое слово. Въ послѣдствіи я узнала, что, заступаясь за несчастныя жертвы произвола, онъ подвергалъ самаго себя отцовскому гнѣву. Во вѣкъ не забуду, какъ онъ порадовалъ насъ своимъ участіемъ.

По смерти мужа моего Императоръ назначилъ мнѣ 4000 рублей пенсіи и соизволилъ пожаловать мнѣ 63,000 на уплату долговъ. Кромѣ того онъ исполнилъ мою просьбу объ одномъ бѣдномъ семействѣ и вывелъ его изъ бѣдственнаго положенія, также оказалъ помощь и другому семейству.

По мнѣнію вдовствующей императрицы, я была виновата передъ ней въ томъ, что, не посовѣтывавшись съ нею на счетъ моего замужества *), обратилась прямо къ императору. Она еще болѣе разсердилась, узнавъ, что императоръ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Я вовсе этого не добивалась, а случилось это вотъ какимъ образомъ. Я просила аудіенціи у императора чрезъ гр. Толстаго. Послѣдній вернулся черезъ полчаса и объявилъ мнѣ, что Императоръ проситъ позволенія пріѣхать ко мнѣ. Я приняла его, внутренно недовольная оказанною мнѣ честью, предвидя гнѣвъ вдовствующей императрицы. Когда я ему изложила всѣ причины принятаго мною рѣшенія, вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ мнѣ отвѣчалъ: «Никто не въ правѣ разбирать, сообразуется ли такое замужество съ вашими лѣтами и положеніемъ въ свѣтѣ. Вы имѣете полное право располагать собою и, по моему, прекрасно дѣлаете, стараясь освятить таинствомъ брака чувство, не воспрещаемое ни рилигіей ни закономъ чести. Такъ должно всегда поступать, если это только возможно. Я понимаю, что одиночество вамъ въ тягость; дѣти, будучи на службѣ, не могутъ оказывать вамъ должнаго ухода. Вамъ нуженъ другъ. По уваженію, которое вы внушаете, въ достоинствѣ вашего выбора нельзя сомнѣваться». Единственнымъ его вопросомъ было, предупредила ли я дѣтей моихъ и его мать о принятомъ мною рѣшеніи. Я отвѣчала, что предупредила дѣтей моихъ, а касательно вдовствующей императрицы намекнула, что не миновать мнѣ грозы, когда до нея дойдетъ о томъ слухъ; сказала, что равно и со стороны свѣта ожидаю осужденій и прибавила, что въ поведеніи моемъ я обязана отдать отчетъ Богу да моему государю, которымъ я облагодѣльствована; что, получивъ его одобреніе, я смѣло могу надѣяться на его покровительство, буде окажется въ немъ нужда....

*) Вторичнаго.

ПОВЕЛѢНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

Его Императорскаго Высочества, Высокоповелительнаго Генералъ-Адмирала

Предложеніе
Государственной Адмиралтейской Коллегіи.

Я не могу не изъяснить Государственной Адмиралтейской Коллегіи чрезмѣрнаго моего удивленія и сожалѣнія вмѣстѣ о сдѣланномъ мнѣ ею нынѣшній день чудномъ представленіи о опредѣленіи въ кронверкскую гавань отставнаго лейтенанта Полянскаго, о дурномъ поведеніи котораго, о дурной рекомендаціи бывшихъ его командировъ и о пьянствѣ его не токмо Коллегія свѣдома, но еще, при представленіи его къ опредѣленію, всѣ его дурныя качества изсчисляетъ. Таковое Государственной Адмиралтейской Коллегіи неразсмотрѣніе и съ самой собой противурѣчіе побуждаетъ меня совѣтовать ей впредь остерегаться и подобныхъ мнѣ представленій не чинить.

Павелъ.

ч. 22 Октября 1774.

(Сообщено Ег. Ив. Подтягинымъ, изъ архива Морскаго министерства).

СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАМѢТКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

(на клочкѣ бумажки, чернилами).

«Ежели умру въ городѣ, положите меня въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ соборной церкви мною построенной. Ежели въ Царскомъ Селѣ, на Софейскомъ кладбищѣ у Казанской Богородицы. Буде въ Петергофѣ, въ Сергіевской пустынѣ. Ежели на Москвѣ, въ Успенскомъ монастырѣ (?).»

ПИСЬМА ИЗЪ ЭПОХИ 1812—1815 ГОДОВЪ.

(Печатаются съ подлинниковъ)

I. ПИСЬМО КНЯЗЯ Ю. В. ДОЛГОРУКАГО КЪ КНЯЗЮ А. И. ГОРЧАКОВУ.

По дошедшимъ здѣсь слухамъ, любезный другъ князь Алексѣй Ивановичъ, Твороговъ при тебѣ не будетъ и если точно отъ тебя зависитъ имѣть при себѣ надежнаго человѣка для установленія порядка по твоему департаменту, я дружески могу подать тебѣ совѣтъ—взять Алексѣя Михайловича Пушкина, сколько я ему добра желаю, столько и для твоего облегченія, и увѣренъ, если ты его въ дѣлахъ столько узнаешь, сколько я

[1] См. Записки Храповицкаго, подъ 28 Апрѣля 1792. Храповицкій прочелъ эту замѣтку на письменномъ столѣ Государыни. Мрачныя мысли эти находились въ связи съ полученнымъ не задолго передъ тѣмъ извѣстіемъ о насильственной кончинѣ Густава III и съ умысломъ Бассевича на жизнь Екатерины, о чемъ Храповицкій разсказываетъ подъ 5-мъ и 7-мъ числами Апрѣля того же года. *П. Б.*

его знаю, ты будешь симъ выборомъ доволенъ.

О нашемъ житьѣ коротко могу сказать, что мы его ведемъ прескучно и горестно, занимаясь безпрестанно разными больными и въ большомъ невѣдѣніи о всемъ свѣтѣ.

Прости, любезный другъ, и я твой на вѣки преданный князь Юрій Долгорукій.

11-го Августа
(1812)

II. ПИСЬМО КЪ НЕМУ ЖЕ ЕГОРА ЖУКОВА.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь.

Сей часъ былъ я здѣсь въ Можайскѣ у нашего героя князя Андрея Ивановича *). Я нашелъ его на постелѣ. Онъ раненъ но я клянусь вашему сіятельству, что рана его въ плечо не опасна. Онъ уже къ вамъ писалъ съ эстафетою, которое письмо вручитъ вамъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, что̀ уже служитъ доказательствомъ, что онъ въ состояніи писать. Онъ хотѣлъ было писать и теперь; но я ему отсовѣтовалъ: я взялъ обязанность сію на себя. Обрадовалъ я князя, и чѣмъ же? Я досталъ три яблока и сей часъ послалъ къ нему. Посланный взвратился и не можетъ мнѣ описать, какъ онъ симъ доволенъ. О положеніи братца вашего не премину васъ извѣщать. Какъ скоро онъ оправится, то хочетъ опять летѣть на поле славы. Прощайте, ваше сіятельство! Мое почитаніе графу и графинѣ. Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою.

Егоръ Жуковъ.

*) Горчакова, брата того, къ которому писано письмо и который былъ военнымъ министромъ.

III. ДВА ПИСЬМА КЪ НЕМУ ЖЕ ГРАФА РАСТОПЧИНА.

I.

Отъ 17 Іюля (1812).

Возвращая обратно къ вамъ, почтенный князь, вашего курьера, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы вамъ кое что сказать о Москвѣ. Вы знаете, что она одушевлена всегда была горячею любовію къ отечеству, а теперь въ восхищеніи отъ Государя. Намѣреніе его столицы въ то время, когда потребны силы непремѣнныя и всегда возобновляемыя для преграды врагу и сокрушенія его, обращеніе его къ дворянству и всѣмъ сословіямъ произвели, чтобы долго не толковать, $^{50}/_{т.}$ человѣкъ вооруженныхъ и милліоны денегъ. Если не опредѣлено Промысломъ Всевышняго паденіе Россіи, то она или храбростію воиновъ скоро, или силою и рѣшимостію, возстанетъ съ новою славою и, погубя врага своего, освободитъ цѣлый міръ отъ ига его.

Государь такъ занятъ, что едва находитъ время на одинъ часъ проѣхаться въ коляскѣ по городу. Касательно до вооруженій, пожертвованій и мѣръ по теперешнимъ обстоятельствамъ, занимается комитетъ, составленный изъ меня, гр. Аракчеева, министра полиціи и гос. секретаря. Впрочемъ все тихо, смирно; кромѣ усердія, вѣрности и Русскаго духа ничего нѣтъ.

Князь Андрей Ивановичъ, отъѣхавъ къ арміи, остановился, встрѣтя Государя на второй почтѣ, и испрашивалъ чрезъ меня повелѣніе, кое воспослѣдовало лестнымъ образомъ, чтобы отъѣхать къ арміи кн. Багратіона. Меньшой братъ полетѣлъ, а большаго обнимаетъ отъ души

Графъ Ф. Растопчинъ.

II.

Отъ 22 Мая 1813.

Я теперь, какъ стряпчій, буду говорить, судя за обгорѣлую Москву. Хотя она и въ жалкомъ положеніи, но всегда останется настоящею столицею Россіи, и отъ бывшихъ происшествій сдѣлалась гордѣй прежняго, полагая, что сю куплено спасеніе Имперіи. Не знаю, какъ сіе случилось, но офиціальныя извѣстія очень поздно сюда доставляются, а купцы чрезъ ихъ переписки и пріѣзжіе чрезъ вѣсти наполняютъ головы нелѣпостями и вздоромъ. Прибавьте къ сему большое число дурно намѣренныхъ, перепуганныхъ и сплетчиковъ, и вы не удивитесь, что одна неизвѣстность обращается въ несчастныя происшествія и самыя пагубныя послѣдствія; а хуже то, что купцы и простой народъ заключаютъ: *Теперь какъ Москву ограбили, да обругали, такъ до ней и дѣла нѣтъ.* Прошу васъ, почтеннѣйшій князь Алексѣй Ивановичъ, если вамъ не будетъ времени, то прикажите одному изъ вашихъ чиновниковъ сообщать мнѣ главныя извѣстія, дабы я могъ или ими радовать, или уничтожать лишнія лжи. Здѣсь и безъ того тошно. Богъ съ вами. Будьте здоровы. Сего вамъ желаетъ вашъ преданный

Графъ Ф. Растопчинъ.

IV. ДВА ПИСЬМА КЪ НЕМУ ЖЕ ГРАФА ПЛАТОВА.

1.

Милостивый государь князь Алексѣй Ивановичъ!

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 8-го числа сего мѣсяца, какъ отъ истиннаго друга, я получилъ съ душевнымъ удовольствіемъ; — искреннѣйше и покорнѣйше благодарю васъ за соучаствованіе ваше въ потерѣ жены моей *). Правда, что потеря велика для меня и горесть большая, но согласенъ съ христіанскимъ правиломъ и съ вашимъ дружескимъ мнѣніемъ отъ священнаго писанія: *Безъ воли Божеской и власъ съ главы не спадаетъ!* Сколько прискорбно и тягостно переносить мнѣ горесть мою, но польза и надобность государя и отечества заставляетъ бодрствовать и бороться противъ моей чувствительной горести.

Дружескія ваши изъясненія касательно нашихъ военныхъ подвиговъ весьма лестны и справедливы; свѣтъ нынѣшній вамъ довольно извѣстенъ, слѣдовательно во временнѣмъ житіи спокойствіе духа быть не можетъ; искоренить пристрастныхъ завистниковъ не возможно, что̀ меня также трогаетъ и дѣлаетъ неудовольствіе при всѣхъ моихъ неусыпныхъ трудахъ. О проклятая интрига, когда она исчезнетъ? Я исполнялъ долгъ вѣры, обязанность къ государю и усердіе къ любезному нашему отечеству, — вотъ единственные предметы, къ коимъ всегда мои желанія стремятся.

Съ непоколебимостію уповаю на правосудіе Всевышняго Создателя, Который единый принцаетъ души и

*) Мареа Дмитр. урожд. Кирсанова.

открываетъ справедливость дѣлъ нашихъ! Могу отъ него надѣяться въ будущей вѣчности блаженства!

Теперь съ твердостію духа и съ помощью Божіей охотно посвящаю себя на пользу царя и соотечественниковъ нашихъ, къ продолженію истреблять враговъ, не смотря на слабость моего здоровья.

Съ сердечными чувствами искреннѣйшаго почитанія и совершенной преданности, съ каковою на всегда и непремѣнно имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

«*Графъ Платовъ*»

Февраля, 26 дня 1813-го года
Городъ Калишъ.

2.

Милостивый государь, князь Алексѣй Ивановичъ!

Имѣю удовольствіе при семъ случаѣ свидѣтельствовать вашему сіятельству истинное почтеніе мое и увѣдомить, что военныя дѣла наши идутъ, благодареніе Богу, хорошо, и сегодня повстрѣчавшаяся непріятельская партія изъ корпуса маршала Виктора, изъ города Вокулёръ, разбита моими казаками при деревнѣ Ерѣ. Начальникъ оной и болѣе двадцати драгунъ взяты въ плѣнъ, много побито, и изъ всей партіи спаслись только двое Французовъ бѣгствомъ. Я пишу вамъ изъ селенія донъ-Реми, что̀ на рѣкѣ Мёзѣ. Селеніе сіе извѣстно въ исторіи Французской рожденіемъ славной дѣвицы Жанъ-Даркъ, избавительницы Франціи.

Отъ сюда завтрашній день съ корпусомъ моимъ послѣдую чрезъ города: Жуанвиль, Баръ-сюръ-Объ, къ городу Баръ-сюръ-Сенъ, что̀ на Дижонской дорогѣ, дабы отрѣзать непріятеля, въ Дижонѣ находящагося, и дѣйствовать по дорогѣ къ Парижу.

Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть всегда, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

«*Графъ Платовъ.*»

Генваря, 9 дня 1814 года.
Селеніе Донреми".

ПИСЬМО ГР. АРАКЧЕЕВА КЪ ГР. РАСТОПЧИНУ.

Милостивый государь графъ Федоръ Васильевичъ.

По старому нашему знакомству беспокою вашего сіятельства первою моею прозьбою, то и надѣюсь, что вы, милостивый государь, сдѣлаете по оной ваше снисхожденіе. Тетка моя родная, вдова Настасья Никитишна Жеребцова потеряла въ Москвѣ домъ во время пребыванія непріятельскаго пожаромъ; то и проситъ она вознаградить ее по правиламъ, для сего установленнымъ,—чемъ обяжите меня навсегда благодарностію.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію навсегда вашего сіятельства покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

Парижъ 15 Апрѣля
1814.

ТРИ ПИСЬМА БАРКЛАЯ ДЕ ТОЛЛИ КЪ ГРАФУ РАСТОПЧИНУ. *)

1.

Парижъ 26 Апр. (8 Мая) 1814.

Я имѣлъ удовольствіе получить всѣ письма, которыми вашему сіятельству угодно было почтить меня въ

*) Подлинники, хранящіеся въ Чертковской библіотекѣ, писаны по французски.

разное время, но неимѣніе вѣрной оказіи не позволило мнѣ до сихъ поръ благодарить васъ за нихъ. Надпись вверху этого письма покажетъ вамъ, графъ, что всѣ ваши патріотическія желанія исполнились.

Мы въ Парижѣ; Наполеонъ уже болѣе не на тронѣ Французовъ, но онъ еще въ числѣ живыхъ, и я бы желалъ, чтобы онъ уже лучше не существовалъ; все надѣюсь, что во время его переѣзда найдется какой нибудь герой, который изгладитъ съ лица земли этого бича человѣчества.

Но меня успокоиваетъ то, что Англичане будутъ хорошо стеречь его на его островѣ Эльбѣ, чтобы отнять у него всякую охоту выбраться оттуда. Уже нѣсколько дней какъ Парижъ видитъ въ стѣнахъ своихъ своего законнаго Государя короля Людовика XVIII. Хотя таковымъ съ радостію признаетъ его большая часть Франціи и выражаетъ тѣ чувства, которыхъ можно было ожидать,— тѣмъ не менѣе довольно значительная партія еще держится Наполеона; она состоитъ болѣе всего изъ военныхъ, такъ привыкшихъ обогащаться на счетъ своихъ сосѣдей, что они жалѣютъ вождя, который доселѣ имъ давалъ къ тому средства и льстилъ всѣмъ ихъ страстямъ. Хотя король показываетъ много мудрости и даже твердости, но это заставляетъ меня опасаться если не революціи, то еще многихъ волненій, такъ что я не завидую его порфирѣ. Что̀ же касается до насъ, то, обрѣзавъ такъ хорошо крылья Наполеону и его друзьямъ, мы можемъ спокойно отдыхать на нашихъ лаврахъ и обратить все наше вниманіе на внутреннее устройство нашего отечества, которое требуетъ многихъ заботъ.

Вашъ сынъ вручитъ вамъ это письмо. Онъ служилъ на моихъ глазахъ во всю эту кампанію съ большимъ отличіемъ, что̀ доказываютъ знаки отличія, мною ему данные. Желательно только, чтобы этотъ молодой человѣкъ имѣлъ больше твердости характера и не увлекался иногда дурными примѣрами. Вотъ причина, почему я согласился на его желаніе увидѣться съ вами, чтобы удалить его поскорѣе отъ арміи и отъ такого мѣста какъ Парижъ. Самъ слишкомъ занятый приведеніемъ въ порядокъ всего что̀ было упущено въ продолженіи этой длинной и тягостной кампаніи, я не могъ бы сколько нибудь наблюдать за нимъ, пользуясь правами отца, которыя вы мнѣ надъ нимъ предоставили. Но если по моемъ возвращеніи въ Россію вамъ угодно будетъ мнѣ опять его довѣрить, я буду очень радъ имѣть его при себѣ и тѣмъ доказать вамъ, что я съ истиннымъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностію честь имѣю быть вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Г. Барклай де Толли.

2.

Мои поѣздки внутри Польши причиною, что я не могъ имѣть удовольствія немедленно отвѣчать на ваше письмо изъ Петербурга отъ 10 Сентября, и благодарить васъ за все что̀ въ немъ заключается для меня лестнаго. Такія слова могутъ мнѣ быть пріятны только отъ васъ, такъ какъ я вижу въ нихъ выраженіе той дружбы, которую я столько цѣню. Отъ всего сердца поздравляю васъ съ вашимъ столь желаннымъ разводомъ со старою Москвою и съ вашей новою должностью въ Совѣтѣ. Вы выигрываете на обмѣнѣ, но все таки менѣе

нежели Совѣтъ, который пріобрѣтаетъ такого члена, какихъ въ немъ мало.

Я не былъ на столько счастливъ какъ вы, и не успѣлъ въ своемъ намѣреніи оставить мой трудный постъ и удалиться отъ постояннаго множества моихъ различныхъ занятій.

Я всегда съ величайшею точностью слѣдилъ за службой, всегда исполнялъ свои обязанности, часто очень трудныя, и принесъ моему отечеству немаловажныя жертвы; я думалъ тѣмъ пріобрѣсти право насладиться спокойно плодами своей трудовой жизни. Но благосклонность, съ которою Его Величество меня принялъ и пригласилъ остаться дѣйствующимъ лицомъ, не позволила мнѣ сбросить мое иго.

Такъ какъ Императоръ хочетъ, чтобъ я остался въ Петербургѣ, когда празднества кончатся во всѣхъ столицахъ и дѣла Польши будутъ устроены, то вашъ сынъ хорошо сдѣлаетъ, если дождется меня тамъ. Къ тому же я надѣюсь скоро передать ему такое извѣстіе, которое заставитъ его остаться тамъ постоянно.

Я тоже прошу васъ передать ему, что такъ какъ я получилъ отъ Его Величества Короля Людовика XVIII патенты на знакъ ордена Лилій, — я не преминулъ поставить его въ числѣ тѣхъ, которыхъ я представилъ Императору съ прозьбою дозволить носить этотъ орденъ. Я впрочемъ не знаю, будетъ ли это дозволено, а также захотятъ ли Русскіе подданные носить этотъ орденъ, потому что граммоты писаны въ такихъ выраженіяхъ, которыя могутъ развѣ примѣнить къ себѣ одни только Французы: въ нихъ только говорится объ вѣрности королю и объ услугахъ ему оказанныхъ. Я надѣюсь быть въ Петербургѣ въ началѣ будущаго года и радуюсь уже заранѣе, что буду въ состояніи самъ лично выразить вамъ, сколь велико уваженіе и дружба, съ которою я всегда буду вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Г. Б. де Толли.

Варшава 24 Октября
(5 Ноября) 1814.

3.

Я былъ очень радъ прочесть письмо вашего сіятельства, отмѣченное изъ С. Петербурга; думаю, что настоящее ваше мѣстопребываніе будетъ вамъ болѣе пріятнымъ, нежели городъ, который не съумѣлъ ни отдать вамъ справедливости, ни признать великія заслуги, которыя вы черезъ него оказали всему отечеству.

До сихъ поръ обстоятельства мнѣ препятствовали имѣть при себѣ вашего сына; намѣреніе мое было предложить его Государю во флигель-адъютанты при первомъ моемъ свиданіи съ Его Величествомъ, и я увѣренъ, что онъ бы мнѣ былъ благодаренъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія Вѣнскаго конгресса, думая наконецъ увидить миръ и порядокъ возстановленными на свѣтѣ и желая удалиться, чтобы наслаждаться спокойствіемъ и тишиною, которыхъ я былъ лишенъ въ продолженіи всей моей жизни; но появленіе Наполеона во Франціи вновь нарушило счастіе народовъ и разстроиваетъ мои планы. Моя обязанность опять призываетъ меня для командованія арміей, что̀ такъ бы охотно я уступилъ кому другому. Я нисколько не сомнѣваюсь, что Его Величество будетъ находиться при арміи, потому что его главная квартира вмѣстѣ съ моею черезъ нѣсколько дней оставляетъ Варшаву. Но я расчитываю видѣть Его Величество только въ Силезіи или въ Дрез-

денѣ. Будьте увѣрены, ваше сіятельство, что я не премину поговорить съ нимъ на счетъ вашего сына и, если противъ моего ожиданія Его Величество не оставитъ его при своей особѣ, я буду очень радъ имѣть его при себѣ въ продолженіе всей кампаніи.

Пользуюсь этимъ случаемъ, графъ, чтобы повторить вамъ увѣренія въ моей неизмѣнной дружбѣ и высокомъ уваженіи, съ коими имѣю честь быть, графъ, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Графъ Барклай де-Толли.

Варшава
$\frac{18}{30}$ Марта 1815.

ПИСЬМО КУТУЗОВА КЪ КАЛУЖСКОМУ ГРАДСКОМУ ГОЛОВѢ.

Государь мой Иванъ Викуличъ.

Похвальное усердіе, сопряженное съ предосторожностію (при настоящихъ обстоятельствахъ необходимою) поставило меня въ пріятный долгъ изъявить вамъ мою признательность, съ чемъ вмѣстѣ прошу я васъ успокоить жителей города Калуги и увѣрить, что состояніе арміи нашей какъ было, такъ и есть въ благонадежномъ положеніи. Силы наши не только сохранены, но и увеличены, и надежда на вѣрное пораженіе врага нашего насъ никогда не оставляла. Гражданинъ вашъ г-нъ Муромцовъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ невыгодъ непріятеля, какія онъ встрѣчаетъ на каждомъ шагу, и истребленія силъ его, и недостатка въ продовольствіи; и совершенная гибель предстоитъ ему неизбѣжно, а за тѣмъ лѣта мои и любовь къ Отечеству даютъ мнѣ право требовать вашей довѣренности, силою коей увѣряю васъ, что городъ Калуга есть и будетъ безопасна. Теплыя молитвы ваши ко Всевышнему, храбрость войска нашего будутъ слѣдствіемъ того удовольствія, каковаго надѣюсь и которое къ общему обрадованію послѣдуетъ вслѣдъ за кампаніею, въ непродолжительное время прекратиться долженствующею. Имѣю честь быть, государь мой, вашъ усердный слуга

князь Михайло Голенищевъ-Кутузовъ.

Сентября 22 дня
1812 года
С. Тарутино.

(Списано съ подлинника и сообщено С. Д. Полторацкимъ)

ПЕРВАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ МОЯ ВСТРѢЧА СЪ А. С. ШИШКОВЫМЪ.

(Изъ Записокъ Д. Н. Свербеева).

...Семейные мои читатели изъ этихъ откровенныхъ очерковъ дѣтства и юности замѣтили раннюю степенность моего характера и ту разсудочную способность, которая обуздывала во мнѣ всѣ возможныя увлеченія юности; но духъ времени ни могъ не имѣть и на меня нѣкотораго вліянія. По умиротвореніи Европы Императоромъ Александромъ, вездѣ въ Россіи, частью въ Москвѣ и особливо въ Петербургѣ, либеральныя идеи пустили свои корни; болѣе или менѣе такими идеями заразился и я. Одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей и друзей П. А. Н., изучая любимаго своего автора Жанъ-Жака Руссо, предался всецѣло его утопіямъ и, передъ отъѣздомъ моимъ на службу въ Петербургъ въ 1818 г., подъ страхомъ тайны, вручилъ мнѣ небольшую тетрадку своихъ юношескихъ мечтаній объ освобожденіи крестьянъ. Я ему въ этомъ сочувствовалъ и явился къ тогдашнему журналисту Гречу съ этой тетрадкой, прося, если можно, ее напечатать, но не называя автора. Съ великимъ ужасомъ пробѣжалъ ее при мнѣ издатель „Сына

Отечества“ и взялъ съ меня клятву въ томъ, что я никогда и никому не буду сообщать о существованіи подобныхъ опасныхъ мыслей. Добрый и осторожный Брусиловъ [1]) какъ-то разъ наединѣ безъ всякихъ объясненій дружески совѣтывалъ мнѣ вести себя потише и не слишкомъ завираться (обыкновенное тогдашнее выраженіе о молодыхъ людяхъ, позволявшихъ себѣ либеральничать). Нѣсколько времени спустя, дошла и до меня только что написанная Пушкинымъ и ходившая по рукамъ ода его подъ названіемъ „Вольность“, гдѣ упоминается о кончинѣ Павла. Считая себя мастеромъ декламировать и желая похвастаться чтеніемъ передъ моими сослуживцами, я передъ выходомъ всѣхъ изъ канцеляріи удержалъ на полчаса любителей Россійскаго стихотворства и торжественно прочелъ имъ это новое великолѣпное произведеніе отчаянно тогда либеральной Музы Пушкина. И самая эта ода, и распространеніе ея въ Петербурскомъ обществѣ, и наконецъ мое торжественное чтеніе не тайкомъ, а въ самой канцеляріи десятку служащихъ въ ней чиновниковъ, достаточно объясняютъ, что́ это было за время, что́ за безнаказанная распущенность вмѣстѣ съ тогдашней крайней подозрительностью правительства, во главѣ котораго стоялъ злодѣй Аракчеевъ. Кто-то изъ бывшихъ при чтеніи сообщилъ объ немъ тому же Брусилову, который, призвавъ меня къ себѣ на домъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ, не столько начальническій сколько дружескій, пригрозивъ мнѣ, что если я не уймусь, то о послѣдующихъ моихъ продѣлкахъ въ этомъ родѣ онъ будетъ въ необходимости доложить П. А. Кикину. Тѣмъ все и кончилось. Еслибы десять лѣтъ спустя повторилось кѣмъ нибудь подобное чтеніе въ казенномъ мѣстѣ, то послѣдствія были бы очень непріятны чтецу и даже слушателямъ.

[1]) Начальникъ канцеляріи ст. секретаря Кикина у принятія прошеній. *И. Б.*

Либеральничанье мое обнаруживалось впрочемъ рѣдко; но, сколько про себя помню, я по молодости не отставалъ отъ моды и, довольно равнодушный къ тогдашнимъ идеямъ свободы, равенства и братства, любилъ въ рѣдкихъ случаяхъ ими похвастаться. Консервативныя убѣжденія, что крѣпостные наши происходили отъ Хама, а мы бары отъ двухъ старшихъ его братцевъ и т. д., были однако мнѣ противнѣе либеральныхъ.

Все изложенное выше повѣствовалъ я, приводя моихъ читателей къ разсказу о случившемся со мною въ домѣ Кикиныхъ.

Весна начиналась, день прибавился. Послѣ обѣда часу въ пятомъ разошлись по своимъ угламъ хозяйки-дамы, и въ гостинной оставались обскурантъ дѣдушка Шишковъ, богатый и расчетливый графъ Головинъ, да хозяинъ. Они разсѣлись на покойномъ диванѣ и разговаривали. Безмолвный сидѣлъ я у окна въ той же нижней гостинной, сонно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ широкую Неву и на Петропавловскую за нею крѣпость, внимательнѣе смотрѣлъ на проходящихъ по набережной, скучалъ и зѣвалъ, не имѣя права удалиться, потому что былъ въ этотъ день не гостемъ, а дежурнымъ. Важные собесѣдники вели свой разговоръ о различныхъ правахъ всѣхъ возможныхъ состояній въ Россіи и пустились въ самыя мельчайшія подробности безчисленныхъ разрядовъ обитателей пространнаго нашего отечества. Слушалъ я ихъ разсѣянно и съ досадой замѣчалъ про себя, что всѣ трое не довольно ясно понимаютъ предметъ своего разговора и въ немъ грубо сбиваются. Благодаря Сандунову, я, казалось мнѣ, лучше этихъ государственныхъ мужей зналъ права и обязанности каждаго изъ нашихъ сословій. Мудрая бесѣда продолжалась часъ или больше и, какъ видно, самихъ ихъ утомила. Престарѣлый Шишковъ начиналъ уже дремать, всталъ первый съ своего сѣдалища и тихими шагами подошелъ

ко мнѣ. Я тотчасъ вытянулся во весь ростъ передъ такой знатной особой, которая, милостиво потрепавъ меня по плечу, предложила слѣдующій вопросъ: „Ну, а ты, юноша, знаешь ли, сколько у насъ состояній?“ „Знаю, ваше высокопревосходительство.“—„Ну-ка сколько, скажи?“ Тутъ мое раздраженное терпѣніе лопнуло, и я громко выговорилъ: „Два“. —„Какъ два?“—„Да-съ ваше вы-пр-дительство, два“.—„Только?“—„Только“.—„Какія же?“—„Деспотъ и рабы“.—Какъ бы несолоно похлебавши, отскочилъ отъ меня Шишковъ и значительно взглянулъ на Кикина; потомъ всѣ они переглянулись. Грозно воззрился на меня Кикинъ и сказалъ: „Ступай домой“. Я ушелъ предовольный, въ торжествѣ и радости дошелъ до Прачешнаго моста на Фонтанкѣ; но мысли мои начали тоже перевертываться, и на сердцѣ стали скрести кошки [1]). „Скверно!“ подумалъ я; не заходя домой, взялъ извощика и отправился въ театръ. Въ моемъ абонированномъ креслѣ сидѣлось мнѣ тамъ неловко весь вечеръ, и проклятыя кошки продолжали скрести. Ночь провелъ я тревожно, не говоря однако ни слова о моемъ смущеніи Никольскому [2]). Часовъ около восьми докладываетъ мнѣ, еще лежачему, Французъ мой Charles, что нашъ канцелярскій фельдъегерь Завитаевъ желаетъ меня видѣть. Это случалось и прежде. Кикинъ посылалъ его ко мнѣ съ бумагами для переписки, но никогда не бывало посылки такой ранней. Посланный сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ какъ можно скорѣе, къ П. А-чу. «Скажите, что сейчасъ буду, только напьюсь чаю“.—„Нѣтъ ужъ пожалуйте со мной, приказано васъ привезти немедленно“. Ну, думаю, бѣда! Робкими шагами вхожу я въ маленькій кабинетъ Кикина, котораго нахожу въ халатѣ, но уже одѣтаго въ своемъ черномъ торжественномъ костюмѣ, въ штанахъ и штиблетахъ. Онъ затворилъ за мною дверь на ключь и несвойственнымъ ему вѣжливымъ тономъ началъ: „Я, сударь, сейчасъ ѣду просить милости у его величества посадить васъ за вчерашнія слова въ Петропавловскую крѣпость и надѣюсь, что мнѣ отказа въ этомъ будетъ, а вы покуда посидите до моего возвращенія въ заперти въ этой комнатѣ“. Я тотчасъ понялъ, да и теперь въ томъ увѣренъ, что это была не комедія и что Кикинъ, экипажъ котораго былъ поданъ къ крыльцу, а мундиръ и шпага лежали готовые на диванѣ, непремѣнно поѣдетъ въ дворецъ и будетъ просить у императора себѣ милости посадить за дерзкія слова въ крѣпость его родственника и подчиненнаго. Еще болѣе увѣренъ я былъ въ томъ, что такая царская милость ему будетъ оказана. Александръ I, вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ сердца, не оставлялъ безъ преслѣдованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ привычку отрезвлять иногда очень долгимъ заточеніемъ или ссылкой тѣхъ, которыхъ считалъ противниками своей верховной власти. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ раскаяться передъ Кикинымъ въ моихъ дерзкихъ словахъ и обѣщать ему впередъ не поддаваться вольнолюбивымъ искушеніямъ. За тѣмъ послѣдовали совѣты и внушенія растроганнаго до слезъ Кикина. Требуя отъ меня повторенія обѣщаній, онъ нѣжно меня обнялъ и увѣщевалъ не губить себя, не компрометировать его самаго и не вредить Московскому университету, мѣсту моего окончательнаго образованія, на которое начинали уже смотрѣть косо.

[1]) Удерживаемъ въ печати заносчивый отзывъ 18-лѣтняго юноши, единственно какъ яркую черту той эпохи. Образъ мыслей многоуважаемаго автора слишкомъ извѣстенъ, чтобы понадобились какія либо объясненія. Къ нему по справедливости можно бы отнести извѣстные стихи Попа:

In moderation placing all my glory,
While tories call me whig, and whigs a tory!

Т. е. я поставляю всю свою славу въ уклоненіи отъ крайностей, а между тѣмъ торіи зовутъ меня вигомъ, а виги торіемъ. *П. Б.*

[2]) Наставникъ молодаго Д. Н. Свербеева. *П. Б.*

„Теперь слава Богу все кончилось, „сказалъ онъ мнѣ, будь спокоенъ и молчи, молчи непремѣнно; а я сейчасъ „вмѣсто дворца поѣду къ графу Головину и Шишкову, которыхъ, особливо Шишкова, да послѣдней степени „раздражилъ и напугалъ твой дерзкій „отвѣтъ. Я и вчера съ нихъ взялъ „слово никому про это не говорить и „надѣюсь, что они сдержатъ свое обѣщаніе послѣ твоего. Ты не можешь „знать, въ какое время мы живемъ и „какія послѣдствія могли бы выйти изъ „вчерашняго случая, если бы слухъ объ „немъ дошелъ до государя или, что еще „хуже, до Аракчеева".

Все здѣсь разсказанное случилось со мною въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ вслѣдъ по выходѣ моемъ изъ университета и по вступленіи въ службу. Продиктовалъ я этотъ эпизодъ для моихъ Записокъ осенью 1870-го года, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ позднѣе, и вслѣдъ за тѣмъ съ жадностью началъ читать изданную въ томъ же году книгу въ двухъ томахъ на Русскомъ языкѣ: „Записки, мнѣнія и переписка адмирала Александра Семеновича Шишкова". Легко представить, какъ оживили онѣ во мнѣ воспоминанія юности, перенесли въ прошедшее, и многое тогда для меня ничѣмъ необъяснимое и забытое теперь, черезъ 50 лѣтъ, пояснили мнѣ до возможнаго уразумѣнія той эпохи, въ которую я только что начиналъ и жить и мыслить. Вотъ почему считаю не лишнимъ остановиться на этихъ Запискахъ Шишкова и дополнить мои собственныя выписками изъ оныхъ. Дѣлаю я это потому, что послѣдніе пять лѣтъ царствованія Александра I-го провелъ я заграницей въ совершенномъ невѣдѣніи подробностей этихъ временъ, тѣхъ закулисныхъ причинъ всего что тогда происходило и что съ недавняго времени становится всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ. Между прочимъ, прочитавъ сочиненія Шишкова, убѣдился я теперь и въ томъ, какъ должна была тогда испугать Кикина моя выходка, мой отвѣтъ Шишкову.

Въ самый день кончины Императрицы Екатерины встрѣчаемъ мы во дворцѣ у ея гроба А. С. Шишкова, который искренно ее оплакивалъ. Предвидя всю капризную суровость новаго царствованія, онъ, слабый здоровьемъ, робкій по характеру, сначала избѣгалъ дѣятельной службы; но благопріятныя обстоятельства выводятъ его, флотскаго офицера, на видное и въ тоже время опасное служебное поприще сначала майоромъ отъ эскадры и вскорѣ потомъ генералъ-адъютантомъ, и онъ почти нехотя становится приближеннымъ государя [1].

Записки Шишкова объ этомъ времени чрезвычайно любопытны по ихъ безъискуственной и добродушной искренности. На каждой страницѣ видимъ его страхъ не навесть на себя царскаго гнѣва, не погибнуть, и въ тоже время видно, что при всемъ томъ велъ онъ себя какъ честный и вѣрный слуга царскій, оберегая однако собственное достоинство. Никогда не встрѣчалось мнѣ такого живаго и цѣльнаго описанія Павловскаго крутаго времени.

Вмѣстѣ съ цѣлой Россіей радуется онъ восшествію на престолъ императора Александра, но по связямъ своимъ съ вліятельными лицами Екатерининскаго времени, не сочувствовавшими новымъ молодымъ дѣятелямъ, свободолюбивымъ друзьямъ императора Александра, — Шишковъ сблизился съ ихъ консервативными противниками: былъ друженъ съ Державинымъ по литературнымъ своимъ занятіямъ, близокъ съ Трощинскимъ по политическому образу

---

[1]) Императоръ Павелъ еще до этого назначенія, при раздачѣ деревень многимъ за одинъ разъ лицамъ, пожаловалъ Шишкову 250 душъ въ Новгородской губерніи. Сколько извѣстно, Шишковъ другихъ помѣстій не имѣлъ и всегда жилъ однимъ жалованьемъ. По назначеніи его государственнымъ секретаремъ получалъ онъ 12/т. рубл. годоваго содержанія.

мыслей, а по морской своей службѣ находился, какъ видно, подъ вліяніемъ адмирала Голенищева Кутузова, сравненнаго по правамъ съ фельдмаршаломъ и также стоявшаго за старые порядки. Какъ старшій членъ Адмиралтейской Коллегіи, имѣлъ онъ докладъ у государя; но другимъ младшимъ членомъ былъ Чичаговъ, сынъ Екатерининскаго побѣдоноснаго адмирала. Чичаговъ, сдружившись съ Кочубеемъ, Сперанскимъ, Новосильцевымъ и Чарторыжскимъ, успѣлъ, отстранивъ Шишкова, стать на его мѣсто докладчикомъ по морскому вѣдомству. Этотъ Чичаговъ пользовался тогда уваженіемъ молодаго поколѣнія замѣчательныхъ при Государѣ людей за свой смѣлый поступокъ съ Павломъ, о чемъ слегка упоминаетъ и Шишковъ въ своихъ Запискахъ [1]).

Менѣе замѣченный на службѣ, терпѣливо перенося удаленіе отъ государя, Шишковъ предался литературнымъ словопреніямъ въ Россійской Академіи съ духовными сочленами и уже тогда проявилъ преувеличенную свою православную набожность и ревность къ церковнославянскому языку. Помнится мнѣ, тогдашнія упорныя занятія его Славянскимъ языкомъ называли въ насмѣшку *корнерытіемъ*. Въ тоже время вмѣстѣ съ Державинымъ Шишковъ основалъ Бесѣду любителей Россійскаго слова.

Не знаю самъ, покажется ли достаточно убѣдительнымъ для другихъ такое наше предположеніе: кажется, что личная вражда къ Шишкову товарища его по службѣ Чичагова не благопріятно подѣйствовала на развитіе его характера. Чичаговъ былъ воспитанъ и долго служилъ въ Англіи и отдавалъ ей безусловно преимущество надъ Россіей. Онъ, приставъ къ молодой партіи, окружавшей Александра, могъ повредить Шишкову и по службѣ. Поэтому-то ежедневно встрѣчавшемуся ему Шишкову сталъ онъ казаться ненавистникомъ Россіи и всегдашнимъ ея во всемъ поругателемъ. Все это, по естественному противодѣйствію, сближало Шишкова съ тогдашними консерваторами и отдѣляло отъ ихъ противниковъ.

Простодушно набожный и всецѣло преданный вѣрѣ отцовъ, глубоко изучившій богослужебный Славянскій языкъ и въ немъ искусный, не менѣе преданный прямодушно и искренно самодержавному у насъ престолу, ревностный почитатель всѣхъ нашихъ народныхъ преданій и нечуждый коренныхъ нашихъ предразсудковъ противъ всего иновѣрнаго и чужеземнаго, опасливый и по временамъ ярый борецъ съ наплывомъ западныхъ Европейскихъ идей, прямой, добродушный, честный и скорѣе кроткій человѣкъ чѣмъ страстный, когда на житейскомъ его морѣ господствовалъ штиль и не было на немъ бурь,— Шишковъ не сопоставлялъ для себя трехъ главныхъ идей всей своей жизни, тѣмъ еще менѣе не опредѣлялъ ихъ никакими словами и, не взирая на то, онъ, такъ сказать безсознательно первый воплотилъ въ себѣ тричастный Русскій символъ „православія, самодержавія и народности“, который потомъ сдѣлался въ одно и тоже время программою царствованія императора Николая, девизомъ графа Уварова и наконецъ надписью на знамени позднѣйшихъ Славянофиловъ. Исповѣдуя внутри своего сердца и повсюду проповѣдуя эти три Русскія добродѣтели, написалъ онъ свое „Разсужденіе о любви къ отечеству“. Сперанскій, прежній редакторъ всѣхъ манифестовъ, былъ уже тогда сосланъ, и государь, которому понравилось Разсужденіе Шишкова о любви къ отечеству, поручилъ ему написать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ въ Мартѣ 1812-го года. Передъ началомъ отечественной войны понадобилось другое перо, болѣе народное, болѣе Русское. Составитель манифеста о наборѣ назначенъ государственнымъ секретаремъ и поѣхалъ въ Вильну. Близкими къ Шишкову изъ другихъ спутниковъ государя

[1]) Сличи въ Запискахъ Саблукова. Р. Арх. 1869, стр. 1925.

были тогда графъ Аракчеевъ и Балашевъ; всѣ три составляли они при императорѣ особенный, единодушный, Русскій тріумвиратъ, ни въ чемъ не похожій на прежнихъ любимцевъ Александра. Послѣдніе поблѣднѣли и какъ бы попрятались со времени ссылки Сперанскаго. Въ Вильнѣ 13-го Іюня подписаны были рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову и приказъ арміямъ, возвѣщавшіе вторженіе непріятеля въ наши предѣлы. Несмотря на присутствіе государя въ главной квартирѣ дѣйствующей арміи, по отзывамъ самаго императора, главнымъ и полновластнымъ начальникомъ оной былъ Барклай де Толли; но этотъ военачальникъ съ своей стороны, въ откровенныхъ разговорахъ съ графомъ Аракчеевымъ, Балашевымъ и Шишковымъ, не скрывался, что онъ, главнокомандующій, хотя и облеченный всею властью, не можетъ однако дѣйствовать безотчетно, а уступаетъ направленіямъ самаго государя, хотя бы они приходили къ нему и въ видѣ совѣтовъ. Изъ сего Шишковъ могъ заключить, что пребываніе государя при арміи скорѣе вредно, нежели полезно. Надо прибавить, что многіе изъ государевой свиты и особливо люди пожилые, въ особенности же этотъ вполнѣ Русскій при немъ тріумвиратъ, постоянно находились подъ вліяніемъ страха быть побѣжденными величайшимъ полководцемъ эпохи и вынужденными просить у него какого бы то ни было мира. Въ Шишковѣ родилась мысль удалить отъ арміи государя, который подвергалъ себя нравственной отвѣтственности и личной опасности, и убѣдить его отправиться, какъ выразился Шишковъ въ самую грудь Россіи (по нынѣшнему въ ея сердце) т. е. въ Москву и оттуда воззвать къ народу и собирать новое ополченіе. Мысль эту сообщилъ онъ сперва Балашеву, а потомъ чрезъ него и графу Аракчееву. Послѣдній согласился подписать составленную по этому поводу пространную записку Шишкова лишь только тогда, когда его убѣдили, что государь, оставаясь при арміи, подвергаетъ себя личной опасности. Въ Запискахъ Шишкова читаетъ мы собственныя при этомъ слова Аракчеева: „Мнѣ до вашего отечества дѣла нѣтъ, я знаю одного государя“. Записку эту Аракчеевъ положилъ государю на письменный столъ. На другой день государь сказалъ Аракчееву: „Я читалъ вашу бумагу“, и только; на слѣдующій поѣхалъ онъ верхомъ къ Барклаю, который стоялъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры, а обергофмаршалъ графъ Толстой шепнулъ Шишкову на ухо: „Къ ночи велѣно приготовить коляски ѣхать въ Москву“. Тутъ Шишковъ получилъ приказаніе написать воззваніе къ первопрестольной столицѣ, которое было отправлено туда прямо съ генералъ-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ. Вскорѣ отправился туда же государь, и съ нимъ Шишковъ. Кромѣ двухъ словъ, сказанныхъ государемъ Аракчееву, что онъ читалъ подписанную ими тремя бумагу, государь никогда о ней не упоминалъ. Съ своей стороны Шишковъ, не смотря на свою пламенную любовь къ самодержавному государю, который съ начала 1812 года до конца 1813-го безпрекословно, почти безъ поправокъ, подписывалъ всѣ разновидныя Шишковскія бумаги (писанныя послѣднимъ большей частью по иниціативѣ самаго государя, а иногда и придуманныя самимъ Шишковымъ) долго сохранялъ въ тайнѣ изложенный имъ совѣтъ государю удалиться изъ арміи; но не устоялъ противъ искушенія открыть свою тайну великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Она упросила его позволить ей переписать копію съ черновой знаменитой бумаги, оставленной Шишковымъ у себя. Оле! (какъ сказалъ бы самъ Шишковъ) грѣховнаго въ человѣкѣ самомнѣнія и, прибавимъ, вотъ что значитъ авторское самолюбіе! Онъ не устоялъ: пропалъ въ немъ и благоразумный страхъ, и твердость гражданскаго мужества, требующая отъ истин-

но вѣрноподданнаго и безпредѣльно преданнаго своему государю—ни единому смертному не открывать *тайны царевой*. Допустимъ, что и въ этомъ твердомъ какъ адамантъ государственномъ мужѣ не достало духу отказаться отъ славы совершеннаго имъ подвига; но прибавимъ, что у него не достало въ этомъ случаѣ и здраваго смысла или разсчета. Александръ узналъ наконецъ, отъ самой ли сестры или послѣ ея кончины, непростительную нескромность своего государственнаго секретаря, который болѣе всѣхъ обязанъ былъ хранить государственныя тайны. Вѣроятно все это было причиною охлажденія императора къ Шишкову и удаленія его отъ секретарской должности. Къ сожалѣнію, въ Запискахъ есть промежутокъ между увольненіемъ Шишкова отъ этой должности и назначеніемъ его черезъ нѣсколько потомъ лѣтъ министромъ просвѣщенія.

Особенно любопытны слѣдующія собственные разсказы Шишкова. Разговоръ его съ фельдмаршаломъ княземъ Смоленскимъ о томъ, что лучше бы было на выгодныхъ условіяхъ помириться съ Наполеономъ, чѣмъ подвергаться новымъ опасностямъ войны для освобожденія Европы. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій, князь Кутузовъ отвѣчалъ ему, „что онъ и самъ такъ думаетъ, но государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе,“ прибавивъ: „когда императоръ доказательствъ моихъ не принимаетъ, то обниметъ меня и поцалуетъ, тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ“ (стр. 168 т. I.) Далѣе въ той же книгѣ страницъ черезъ десять (стр. 176) Шишковъ сообщаетъ слышанное имъ за обѣдомъ у государя въ Вильнѣ мнѣніе князя Смоленскаго о томъ, что не должно, не смотря на военныя обстоятельства, уничтожать въ Петербургѣ Французскій театръ и что мы не должны бросать Французскій языкъ, чтобы не впасть въ прежнее невѣжество и неуклюжество. Разсказывая о тяжеломъ впечатлѣніи, произведенномъ на него такою рѣчью фельдмаршала и видимымъ сочувствіемъ къ его мнѣніямъ императора, онъ продолжаетъ въ яркихъ краскахъ выражать все свое негодованіе, весь свой ужасъ при такихъ рѣчахъ, на которыя онъ возражать не могъ изъ уваженія къ царской застольной бесѣдѣ.

Когда войска, а съ ними и государь, перешли Русскую границу, Шишковъ не могъ долго слѣдовать за главной квартирой. Онъ еще при Павлѣ при назначеніи въ генералъ-адъютанты заявилъ, что не умѣетъ ѣздить верхомъ, и потому послѣ неудачнаго сраженія подъ Дрезденомъ, когда пришлось нашей арміи отступать и заключить перемиріе, Шишковъ вынужденъ былъ, и не одинъ разъ, отставать, путешествовать на казенныхъ лошадяхъ съ Русскими кучерами по непроходимымъ тогда еще Нѣмецкимъ проселочнымъ дорогамъ, проводить ночи гдѣ и какъ попало, а иногда и проживать въ маленькихъ деревняхъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было ни только Русскаго, но и никакого общества. Такое странствованіе хилаго старика, сопряженное съ опасностью быть захваченнымъ въ плѣнъ непріятелемъ, разстроило его здоровье и наводило на него тоску по родинѣ. Въ Франкфуртѣ на Майнѣ, при свиданіи съ государемъ, послѣ долгаго отъ главной квартиры отсутствія, Шишковъ просился домой, либо въ Дрезденъ или Берлинъ, чтобы быть поближе къ Петербургу; императоръ на это не соглашался, предполагая, что Шишковъ можетъ быть ему нуженъ поближе, не смотря на то, что Шишковъ, по собственнымъ его разсказамъ, начиналъ уже надоѣдать государю своими патріотическими вопіяніями (любимое его выраженіе) и страхами встрѣтить какія либо военныя неудачи въ борьбѣ съ Наполеономъ на жизнь и на смерть въ самой Франціи. Робкій старикъ находилъ и въ это время лучшимъ прекратить войну миромъ. Наконецъ рѣшено было отправить Шишкова въ Карлсруэ, гдѣ въ то время

императрица Елизавета Алексѣевна жила съ матерью своей маркъ-графиней, при Баденскомъ дворѣ. Тамъ оставался Шишковъ до возвращенія государя изъ Парижа. Какъ ни ухаживали за Шишковымъ при этомъ дворѣ, онъ все таки тосковалъ по родинѣ и вмѣсто того, чтобы торжествовать нашу побѣду и нашу славу, предался прежней боязни, что симпатія государя къ Французамъ и обратно ихъ къ нему не воротили бы насъ на ненавистный ему путь подражанія всему иноземному, и особливо Французскому.—Въ разсказахъ своихъ Шишковъ описалъ очень искренно всѣ злочастныя свои странствованія и кратковременный отдыхъ въ Прагѣ, гдѣ посчастливилось ему встрѣтить пріятеля своего Кикина и насладиться вполнѣ учеными бесѣдами филолога Добровскаго и другихъ тамошнихъ Славянскихъ ученыхъ.

Въ то самое время, когда Шишковъ, находясь противъ воли на чужбинѣ, все болѣе и болѣе предавался своимъ набожнымъ убѣжденіямъ и развивалъ ихъ въ себѣ, искренно относя спасеніе отечества къ Божіему Промыслу, въ то именно время, когда задушевною его мыслью была одна, что мы только всецѣлою преданностью къ отечественной вѣрѣ и церковному языку, къ исконному у насъ самодержавію и къ простымъ народнымъ нравамъ и обычаямъ можемъ замолить Русской землѣ продолженіе особенной милости Божіей, столь чудесно надъ нами проявленной: въ то же время императоръ Александръ, не менѣе искренно носившій въ сердцѣ своемъ глубокую благодарность къ Провидѣнью, даровавшему намъ чудесное спасеніе и освободившему чрезъ насъ всю Европу отъ угнетавшаго всѣхъ ига, начиналъ довольно открыто исповѣдывать другія болѣе широкія въ христіанскомъ смыслѣ религіозныя убѣжденія. Знаменитая мадамъ Крюднеръ, вмѣстѣ съ другими встрѣченными имъ Германскими католическими, а паче протестантскими теозофами и мистиками, возродила въ немъ сочувствіе къ преобладавшему тогда иному религіозному стремленію, мечтательному и неопредѣленному. Александръ, воспитанный Лагарпомъ, начитавшійся, на сколько у него было досуга, энциклопедистовъ 18-го вѣка и другихъ позднѣйшихъ писателей, окруженный индиферентными въ религіозномъ отношеніи своими юными совѣтниками, изъ коихъ одинъ только Сперанскій былъ убѣжденнымъ мистикомъ, признавая во всѣхъ разнородныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ, единство вѣры въ Искупителя, искалъ церкви внутренней, идея которой господствовала въ то время, какъ главная и единственная, въ сердцахъ современнаго просвѣщеннаго поколѣнія. А между тѣмъ должно сознаться, что религіозность православная, въ которой, если по недостатку въ ней истиннаго просвѣщенія и могла преобладать одна внѣшность, находилась въ явномъ противорѣчіи съ тою внутреннею церковью, которая отвергала или покрайней мѣрѣ оставляла безъ должнаго вниманья всю обрядовую сторону восточной церкви.

Впрочемъ еще гораздо прежде отечественной войны и личнаго знакомства съ мадамъ Крюднеръ и другими теозофами, Александръ уже предавался мистицизму, и Сперанскій въ апологіи своей изъ Перми напоминалъ государю ихъ бесѣды о предметахъ сего рода и особенно о мистической ихъ части. И могъ ли прекраснодушный императоръ не подчиняться вліянію подобныхъ идей, когда самъ Сперанскій, образованнѣйшій между современниками и передовой изъ передовыхъ сановниковъ и тогдашнихъ дѣятелей, въ письмѣ 1817 г. къ Цейеру [1]) о мистическомъ созерцаніи, рекомендуетъ своему другу способъ добыванія ѳаворскаго свѣта устремленіемъ взоровъ на пупокъ при ноздренномъ дыханіи? Въ книгѣ о Паисіи Величковскомъ, архимандритѣ Молдавскаго монастыря, изданной въ

[1]) Р. Архивъ 1870, стр. 194.

40-хъ годахъ И. В. Кирѣевскимъ, читалъ я о подобномъ способѣ и слышалъ случайно отъ извѣстнаго Ѳ. Голубинскаго, что такой именно способъ знакомъ былъ восточнымъ аскетамъ и что онъ былъ описанъ Св. Григоріемъ Паламой, однимъ изъ уважаемыхъ отцевъ Церкви V-го вѣка.

По возвращеніи государя въ Петербургъ, мистическое движеніе умовъ все болѣе и болѣе усиливалось. Объ немъ было такъ много уже написано въ послѣднее десятилѣтіе, что я не вижу нужды распространяться. Замѣчу только, что къ религіознымъ исканіямъ внутренней церкви присоединилось либеральное направленіе, которое скоро почтено было за опасное и вредное самимъ государемъ и что вслѣдствіе этого самъ вліятельный мистикъ князь Голицынъ съ своими единомышлениками и особливо Магницкимъ заподозрили въ мистическихъ направленіяхъ зловредное свободомысліе. Начались политическія преслѣдованія. Усиливали ихъ событія извнѣ и тяготѣніе надъ императоромъ Александромъ Вѣнскаго и другихъ кабинетовъ (кромѣ Англійскаго), которымъ дѣйствительно грозили со всѣхъ сторонъ революціей. Не смотря на это, мистики продолжали свою дѣятельность. Съ своей стороны менѣе вліятельная партія защитниковъ нашей старины въ удаленіи отъ двора скорбѣла о гибнущемъ, по ихъ мнѣнію, отечествѣ, объ упадкѣ вѣры, о растлѣніи нравовъ. Настоящей борьбы среди раздвоеннаго общества еще не было; но Шишковъ, болѣе чѣмъ другіе, упорствовалъ въ сопротивленіи своемъ враждебной партіи. Въ обѣихъ крайности были неизбѣжны; онѣ доходили до такихъ размѣровъ, которые и доселѣ остались бы для насъ непонятными, еслибы мы не узнали всѣхъ мелочныхъ ихъ подробностей. Шишковъ, подобно Голицыну въ другомъ лагерѣ, былъ въ своемъ Русскомъ станѣ представителемъ старорусскаго образа мыслей. Онъ, судя по его собственнымъ словамъ, не смотря на всю свою Европейскую образованность, какъ бы увѣровалъ и исповѣдывалъ, что все Св. Писаніе, наша литургія и весь церковный нашъ уставъ были написаны издревле не на иномъ какомъ языкѣ какъ на Славянскомъ. Отъ вѣрованія въ боговдохновенность Св. Писанія перешелъ онъ такимъ образомъ къ увѣренности въ боговдохновенности самаго церковнославянскаго языка; отсюда и его литературная ересь, состоящая въ томъ, что церковнославянскій языкъ и нашъ Русскій суть безразлично одно и тоже: что языкъ, употребляемый нами въ печати, письмѣ и разговорѣ, есть только простонародное нарѣчіе перваго; что потому дерзать на переводъ съ Славянскаго на Русскій Св. Писанія, а равно отеческихъ и богослужебныхъ книгъ, значитъ, по его мнѣнію, касаться рукою скверною къ Божію кивоту, значитъ уничтожать святость предками завѣщаннаго намъ слова, низводить его до уничиженнаго, ежедневнаго, простонароднаго употребленія. Выработавъ въ себѣ такое глубокое убѣжденіе о церкви православной и всю совокупность этихъ религіозныхъ убѣжденій, Шишковъ логическимъ путемъ мышленія дошелъ къ сознательному убѣжденію, что самодержавіе есть божественное право, даруемое Промысломъ всѣмъ монархамъ, а кольми паче Богомъ вѣнчанному и помазанному Государю Всероссійскому. Народъ Русскій признавалъ онъ, вслѣдствіе всѣхъ своихъ вѣрованій, избранникомъ Божіимъ, сосудомъ Его благодати.

Все младшее въ сравненіе съ нимъ поколѣніе литераторовъ, начиная съ Карамзина, почиталъ онъ безбожнымъ, и во всѣхъ отношеніяхъ вреднымъ. Мы уже объ этомъ говорили, но вотъ примѣръ. Карамзинъ былъ для него революціонеромъ, хотя впослѣдствіи предложилъ онъ его самъ въ члены Академіи. Послѣ войны 1812-го года Шишковъ убѣдился, что не одни политическіе его противники, но и литературные дѣйствительно вели отечество къ погибели. Вотъ что писалъ онъ къ од-

ному пріятелю въ 1813-мъ году: „Вы знаете, какъ гг. Вѣстникъ и Меркурій противъ меня возставали; тогда они могли такъ вопіять, но теперь я бы ткнулъ ихъ въ пепелъ Москвы и громко имъ сказалъ: „Вотъ чего вы хотѣли". Издателями выше названныхъ журналовъ были Каченовскій и Макаровъ, и ихъ-то Шишковъ обвинялъ въ желаніи обратить Москву въ пепелъ.

Кстати прибавимъ здѣсь, что Шишковъ во всѣхъ своихъ оффиціальныхъ реляціяхъ приписывалъ сожженіе Москвы непріятельскимъ полчищамъ и чуть ли не самому Наполеону. Еслибы онъ раздѣлялъ другое противное (пришлое къ намъ изъ за границы)мнѣніе о томъ, что Москву сожгли мы сами Русскіе, то можно себѣ представить, какимъ фениксомъ, возникшимъ по манію его пера изъ жертвы самосожженія, летала бы идея Москвы по Русскому поднебесью!

Наконецъ скрытное сперва негодованіе противъ мистиковъ и вражда къ нимъ всѣхъ сторонниковъ Шишкова перешли въ явную кратковременную борьбу, и Шишковская партія сдѣлалась орудіемъ интриги. Аракчеевъ взялъ ихъ подъ свое покровительство. Этому временщику, суровому, одностороннему мизантропу, имѣвшему одну цѣль въ жизни господствовать надъ людьми, надо было погубить другаго любимца императора Александра князя Голицина, который одинъ не подчинялся Аракчеевскому вліянію. Всѣмъ извѣстна исторія Госнера, переводъ его книги, похищеніе изъ типографіи корректурныхъ листовъ, поправленныхъ Поповымъ и т. д. Я позволю себѣ разсказать подробно сцену Фотія съ Голицынымъ, потому что, какъ мнѣ кажется, нигдѣ не была она въ повторяемыхъ о ней разсказахъ оцѣнена какъ должно.

Въ домъ камеръ-фрейлины графини Орловой-Чесменской, всѣми уважаемой и вполнѣ достойной общаго уваженія и по знаменитости рода, и по огромному богатству, и по личнымъ ея нравственнымъ и умственнымъ качествамъ, приглашается въ извѣстный часъ одинъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ имперіи и сверхъ того одно изъ самыхъ близкихъ лицъ къ государю. И чтоже тамъ происходитъ? Сдѣланное этою дамою приглашеніе министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія было guet-apens, западня, заранѣе обдуманное, приготовленное ему неслыханное поруганіе. Тамъ встрѣчаетъ его фанатикъ священно-инокъ Фотій, настоятель монастыря совсѣмъ другой эпархіи, человѣкъ не только не имѣющій надъ нимъ никакой духовной власти, но скорѣе отъ него зависимый, и этотъ человѣкъ съ перваго слова требуетъ отъ министра клятвы или какой-то присяги передъ налоемъ съ крестомъ и Евангеліемъ въ томъ, что кн. Голицынъ отрицается отъ книги мистическаго сочинителя Госнера (туманнаго, но ни въ чемъ не преступнаго содержанія) и когда послѣдній, ошеломленный неслыханнымъ требованіемъ, съ большимъ смущеніемъ отъ него отказывался, тогда Фотій, провожая его по ряду комнатъ, предалъ его проклятію, ни дать ни взять тѣми же самыми пустозвонными словами, коими ругаются между собою на базарѣ какія нибудь торговки: „будь ты анаѳема, проклятъ." Анаѳема, —*отлученіе*, простонароднымъ плеоназмомъ выраженное безъ изслѣдованія вины, безъ испытанія обвиняемаго, безъ должныхъ кроткихъ ему увѣщаній, выраженное сверхъ того властью ничѣмъ на то не узаконенною, выраженное паче всего надъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи, надъ тѣмъ самымъ „окомъ" самодержавія, коему вручалось наблюденіе за исполненіемъ строгаго порядка въ высшемъ судѣ церковномъ и стройнымъ ходомъ всего духовнаго управленія, есть съ точки зрѣнія каноническаго права ничто иное какъ кощунство, съ точки зрѣнія юридическаго ничто иное какъ неслыханное оскорбленіе самодержавной власти и вмѣстѣ поруганіе ея органа.

И подобныя сцена, происходившая въ высшей сферѣ Европейской столицы Рос-

сіи, безобразная, отвратительная, гнусная, имѣла своими послѣдствіями смѣну Голицына, замѣну его Шишковымъ, запрещеніе распространять Св. Писаніе на Славянскомъ, Русскомъ и другихъ языкахъ, пріостановленіе библейскихъ нашихъ обществъ, уничтоженіе Ланкастерскихъ школъ, гоненіе и преслѣдованіе противъ святителя нашей церкви Филарета, сожженіе книги Госнера, его изгнаніе изъ Россіи, слѣдствіе и знаменитый судъ въ Сенатѣ и потомъ Совѣтѣ надъ директоромъ Департамента Просвѣщенія Поповымъ и пр. и пр. и пр.

Не знаешь, чему болѣе удивляться: возмутительнымъ ли событіямъ времени, тогдашнему ли всеобщему равнодушію или наконецъ тому, что и наше время до сихъ поръ, предавая гласности все тогда происшедшее, однако еще не оцѣнило и не произнесло надъ поступкомъ Фотія суда историческаго. Изъ всѣхъ современныхъ тогдашнихъ официально-обязанныхъ судей этого дѣла только ученый эллинистъ сенаторъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ взглянулъ на него какъ слѣдуетъ; онъ одинъ увидалъ, что игра не стоитъ свѣчъ. Оправдывая Попова въ вымышленномъ на него государственномъ преступленіи, онъ присудилъ его однако къ удаленію отъ мѣста весьма важнаго по министерству просвѣщенія за исправленіе перевода такой книги, какова есть мистическая книга Госнера.

И все таки Шишковъ представляется мнѣ и многимъ моимъ читателямъ человѣкомъ искренно набожнымъ, глубоко образованнымъ, робкимъ, опасливымъ, но въ важныхъ случаяхъ своей жизни твердымъ и смѣлымъ. Онъ былъ человѣкъ стараго построенія, какого теперь поискать. Говоря это, я не впадаю въ противорѣчіе, хотя и осуждаю безпристрастно его страстный фанатизмъ и тѣ горькія послѣдствія, которыхъ былъ онъ главнымъ виновникомъ...

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ нѣкоторыхъ кружкахъ, при чтеніи IV главы Записокъ *о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 г.* (Р. Арх. 1870.) возникло убѣжденіе, что Намѣстникъ Царства Польскаго, разрѣшившій печатаніе этихъ Записокъ (сочиненія въ нѣсколько томовъ) солидаренъ съ авторомъ во взглядахъ рѣшительно на всѣ изображаемыя такъ или иначе дѣйствія и лица. Какъ ни странно и ни оригинально такое мнѣніе хоть-бы и немногочисленныхъ читателей, авторъ, руководимый чувствомъ глубочайшаго уваженія къ Намѣстнику, желая устранить всякія недоразумѣнія и мнѣніе толпы по этому поводу въ настоящемъ и въ будущемъ, считаетъ долгомъ объяснить, что графъ Бергъ, выслушивая текстъ рукописи, гораздо прежде появленія ея въ печати (что происходило нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по мѣрѣ оконченія главъ) весьма нерѣдко радикально расходился съ авторомъ въ воззрѣніи на то или другое событіе или изображаемое лицо (какъ напримѣръ на князя Горчакова, на котораго смотрѣлъ иначе и котораго заслуги и качества ставилъ весьма высоко); но, вслѣдствіе извѣстной всему свѣту необыкновенной своей деликатности, большею частію не дѣлалъ во время чтеній никакихъ замѣчаній, или дѣлалъ ихъ такимъ образомъ, что онѣ не имѣли вліянія на самостоятельность труда. Трудъ вышелъ вполнѣ самостоятельнымъ. О минутахъ, проведенныхъ авторомъ въ Замкѣ передъ лицемъ Намѣстника, будетъ разсказано впослѣдствіи со всею свойственною автору откровенностью. Покамѣстъ-же авторъ заявляетъ, что время этихъ чтеній въ Замкѣ онъ считаетъ вторымъ своимъ университетомъ въ жизни.

(*Сообщено.*)

ВЫПИСКА ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Въ 1821 году, извѣстный генералъ А. П. Ермоловъ, главнокомандующій на Кавказѣ, вызванъ былъ Высочайшею волею въ Петербургъ съ предназначеніемъ его въ главнокомандующіе такъ названною Неаполитанскою арміею въ Италіи противъ Карбонарскаго движенія. Онъ прибылъ въ Петербургъ, когда Государь Императоръ Александръ Благословенный изволилъ уже выѣхать въ Лайбахъ, повелѣвъ приготовить армію къ походу въ полномъ боевомъ составѣ.

Въ ожиданіи дальнѣйшаго повелѣнія Его Императорскаго Величества, дежурный генералъ Закревскій представилъ предназначенному главнокомандующему всѣ свѣдѣнія о составѣ и состояніи готовой къ бою арміи и— между прочимъ—желая показать ему подвижную военнопоходную типографію въ ея дѣйствіи на просторѣ, пригласилъ его въ Чесму *), гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, на коемъ присутствовали бывшій тогда начальникъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса Илларіонъ Васильевичь Васильчиковъ, начальникъ его штаба Бенкендорфъ, генералы Левашевъ, Балабинъ и проч. Тутъ же участвовалъ и я, какъ дежурный штабъ-офицеръ Гвардейскаго Корпуса.

Начальнику типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Быкову поручено отъ г. Закревскаго выбрать изъ архива бывшей Военной Коллегіи два или три документа стараго времени, позамѣчательнѣе. Быковъ выбралъ Письмо Суворова и Приказъ Петра Великаго предъ Полтавскою битвою.

*) Недалеко отъ Петербурга.

Послѣ обѣда, г-лъ Закревскій пригласилъ главнаго гостя съ прочими гостями къ Чесменскому Дворцу. Едва всѣ вступили на поляну предъ Дворцомъ, какъ увидѣли скачущую типографію со всѣми принадлежностями. На всемъ скаку она остановилась и открыла готовность къ дѣйствію. Быковъ, представляя вышеупомянутые два документа, спросилъ, какой изъ нихъ приказано будетъ печатать? Алексѣй Петровичь Ермоловъ пожелалъ сперва, чтобы оба прочтены были вслухъ. Прочли прежде своеобразное и замѣчательное письмо славнаго Суворова. Одно имя его уже заставило присутствующихъ вскрикнуть: Суворова! Но Ермоловъ потребовалъ прочтенія приказа Петра Великаго. Прочли, и общій голосъ раздался: печатать приказъ! Мгновенно до 200 экземпляровъ напечатано и роздано гостямъ. Чтеніе напечатаннаго повторялось съ увлеченіемъ. Не у одного генерала Васильчикова навернулись слезы при чтеніи задушевныхъ словъ Великаго: «Вы не должны «помышлять, что сражаетесь за Пет«ра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, Отечество, за «Православную нашу вѣру и Цер«ковь! Имѣйте въ сраженіи предъ «очами вашими правду и Бога, по«борающаго по васъ»! Наконецъ въ заключеніи: *А о Петрѣ вѣдайте, «что ему жизнь его не дорога, толь«ко бы Россія жила въ блажен«ствѣ и въ славѣ для благосостоя«нія вашего».*

Эти знаменательныя и назидательныя выраженія великой души, подумалъ я, должны бы быть начертаны золотыми буквами на стѣнахъ царскаго дворца!

Изъ напечатанныхъ тутъ экземпляровъ обаятельнаго приказа достались

и на мою долю два. Этотъ незабвенный приказъ произвелъ на меня столь сильное и умилительное впечатлѣніе, что я, по пріѣздѣ въ свое дежурство, рѣшился тиснуть его въ подчиненной мнѣ типографіи Гвардейскаго Штаба до 500 экземпляровъ, дабы надежнѣе сохранить драгоцѣнный документъ и памятникъ Петра Великаго.

Какъ ни скупъ я былъ въ раздачѣ напечатанныхъ мною экземпляровъ, но, въ походѣ съ гвардіею къ границамъ, осталось ихъ у меня только пять. Изъ нихъ одинъ выпросила у меня жена моя, пріѣхавшая ко мнѣ въ Вильну съ груднымъ сыномъ, когда уже велѣно было остановить движеніе войскъ.

Въ слѣдствіе перемѣщенія меня, по Высочайшему соизволенію, въ разныя должности, всѣ мои памятныя записки и любопытныя бумаги перетаскивались съ сѣвера на югъ, изъ Одессы въ Таврію, потомъ въ Москву, и многія изъ нихъ утратились, особенно во время Севастопольской войны. Домъ, гдѣ я жилъ въ Симферополѣ и гдѣ оставались мои вещи съ библіотекою, взятъ былъ подъ госпиталь и, при всемъ моемъ стараніи, не оказалось возможности отыскать многаго изчезнувшаго. Нельзя было не вспомнить о Приказѣ, но я не нашелъ его въ оставшемся хламѣ и очень горевалъ о томъ.

Въ 1859 году, имѣлъ я несчастіе потерять жену и, разбирая ея письма и бумаги, неожиданно нашелъ тотъ самый экземпляръ, который я далъ ей въ 1821 году, въ Вильнѣ. Теперь не выпускаю его изъ рукъ; нерѣдко перечитываю съ наслажденіемъ и другимъ читаю; даже даю списывать копіи, неиначе однакоже, какъ въ моемъ присутствіи, съ возвращеніемъ его изъ рукъ въ руки.

Вотъ какое сокровище сто лѣтъ лежало въ архивѣ и оставалось въ безъизвѣстности! Какъ-будто судьбою опредѣлено было достойному генералу Ермолову вызвать Царскую рѣчь съ того свѣта на сей свѣтъ.

А. Казначеевъ.

ПРИКАЗЪ,

Отданный Е. В. Царемъ Петромъ I воинству своему, въ день Полтавскаго сраженія Іюня 27 дня 1709 года.

Воины! Вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу Отечества. — И такъ не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за Православную нашу вѣру и церковь. — Не должна васъ также смущать слава непріятеля, будто-бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ.—А о Петрѣ вѣдайте, что Ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего.

5-Е МАРТА 1861 ГОДА.

ТОБОЙ свершилося желанное вѣками,
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ..... молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда.

Русскій дворянинъ.

(Изъ рукописей покойнаго князя В. Ѳ. Одоевскаго)

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Некрологъ С. А. Соболевскаго, въ Русскомъ Архивѣ 1870 года, навелъ меня на мысль, что если бы собрать знавшимъ Сергѣя Александровича все, что̀ онъ разсказывалъ, частію изъ видѣннаго и испытаннаго имъ лично, частію изъ слышаннаго отъ многихъ людей съ Европейскою извѣстностію: сколько любопытнаго, поучительнаго, даже можно-сказать, иногда исторически-важнаго было-бы такимъ образомъ сохранено для потомства! Онъ видѣлъ многое, любя сталкиваться съ людьми замѣчательными. Гдѣ все-то, что̀ ими переговорилось, переиспыталось?... Я счелъ не лишнимъ записать теперь то, что̀ мнѣ случилось лично слышать отъ покойнаго, записать такъ какъ сохранила моя память. Можетъ быть, иначе это никакъ не будетъ записано.

Первый разсказъ касается одного лица, бывшаго свидѣтелемъ смерти Грибоѣдова въ Тегеранѣ и, къ удивленію, оставшагося въ живыхъ. Только этотъ человѣкъ и уцѣлѣлъ отъ рѣзни.

Когда Грибоѣдовъ назначенъ былъ посланникомъ въ Персію и собирался туда выѣхать, то предложилъ Соболевскому отправиться вмѣстѣ съ нимъ; но онъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, отказался и присовѣтовалъ пріятелю взять съ собою И. С. М., имъ обоимъ хорошо извѣстнаго за умнаго, ловкаго, веселаго и практическаго человѣка. Грибоѣдовъ просилъ Соболевскаго предложить М-ву то, что̀ онъ предлагалъ ему самому. Соболевскій предложилъ, и М. согласился. Уже въ Петербургѣ (или въ Москвѣ) передъ отбытіемъ посольства къ мѣсту назначенія, М. выучился немного по-персидски и запасся всѣмъ необходимымъ, въ особенности-же спасительнымъ, въ крайнихъ случаяхъ, на Востокѣ, „презрѣннымъ металломъ". У него всегда было довольно много золота, въ большихъ и малыхъ мѣшочкахъ и отдѣльными монетами, въ карманахъ платья.

Исторія, погубившая Грибоѣдова, заключалась, по словамъ Соболевскаго, главнѣйшимъ образомъ въ неловкости и заносчивости молодаго посла, который, просто-запросто, былъ не на своемъ мѣстѣ, былъ черезъ-чуръ мало подготовленъ къ посту, который довольно нечаянно занялъ, по представленію Паскевича. Множество лицъ въ Тегеранѣ было раздражено противъ посла, такъ-сказать, ни тѣмъ-ни-сѣмъ. Настроить противъ него дикое населеніе столицы было не трудно въ ту минуту, вслѣдствіе потерь, понесенныхъ Персіею отъ нашего оружія. Каждый Русскій былъ какъ-бы виноватъ противъ каждаго Персіянина тѣмъ, что Персія поплатилась намъ своими землями. Стало, какъ же не виноватъ такой Русскій, какъ посланникъ, всякій день смущающій Шаха разными совѣтами? Ничтожное происшествіе освобожденіе Грибоѣдовымъ какихъ-то, „рыжихъ, толстыхъ Нѣмокъ" (какъ выражался разсказчикъ Соболевскій) изъ гаремовъ именитыхъ лицъ Тегерана, произвело взрывъ. Чернь окружила наше посольство, стала рубить и стрѣлять всѣхъ, кто только попадался подъ руку...

Почуявъ опасность, И. С. М-въ бросился къ какому-то пріятелю Армянину, далъ ему нѣсколько червонцевъ и записку въ Тифлисъ, сказавъ, что если онъ спасетъ его и доставитъ записку по назначенію, то получитъ вдвое столько-же. Армянинъ запряталъ М-ва на какой-то чердакъ, въ халатѣ, какъ М. былъ, и велѣлъ сидѣть смирно, а самъ на коня—и вскорѣ очутился передъ Тифлисскимъ губернаторомъ, съ запискою М-ва, котораго онъ извѣщалъ о близившейся грозѣ и просилъ помощи. Помощь тутъ-же была отправлена, какъ и въ какомъ видѣ, этого не припомню. Армянинъ, разумѣется, получилъ обѣщанное.

Между тѣмъ М., сидя на своемъ чердакѣ, рѣшился сквозь какую-то щелочку взглянуть, что̀ дѣлается на дворѣ Русскаго посольства, который былъ оттуда видѣнъ. Казаки, числомъ 36, защища

лись кое-какъ, но были всѣ до одного изрублены въ самое короткое время. Грибоѣдовъ вскочилъ на крышу невысокаго строенія и махалъ саблей. Выстрѣлъ изъ ружья, почти въ упоръ, положилъ его. Чернь схватила его трупъ и нѣсколько другихъ и волочила по улицамъ...

Когда волненіе утихло, и небольшіе Европейскіе отряды отъ другихъ посольствъ явились на дворѣ нашего посольства, кажется поддержанные гвардіею Шаха,—М-въ слѣзъ съ чердака и былъ представленъ Шаху, который оказался весьма недоволенъ тѣмъ, что уцѣлѣлъ свидѣтель безпорядка, и уже солгать передъ Русскими властями будетъ по этому нельзя. Это положеніе свидѣтеля среди восточныхъ дикарей и изувѣровъ было, конечно, весьма опасное, хотя его окружили всѣми попеченіями и ухаживали за нимъ, какъ за милымъ и любезнымъ гостемъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Въ Высокомъ Совѣтѣ было разсуждаемо, какимъ образомъ лучше, приличнѣе и чище избавиться отъ этого человѣка, т. е. какъ его известь: толи отравить, толи придушить? Презрѣнный металлъ открылъ М-ву козни враговъ. Онъ ѣлъ все время только одни плоды да яйца и тѣ внимательно осматривалъ. На третій, кажется, день позвали его къ Шаху, или онъ самъ потребовалъ свиданія, и тутъ онъ разсказалъ, что замыслы извести его болѣе или менѣе ему извѣстны; что конечно съ нимъ можно сдѣлать все, но это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ въ Тифлисѣ уже знаютъ о несчастномъ происшествіи и скоро должна прибыть миссія; что онъ съумѣлъ принять мѣры передъ опасностью и отправилъ гонца. М-ва посадили въ какую-то коморку и стали ждать вѣстей изъ Тифлиса. Миссія лично прибыла съ Русскимъ отрядомъ, который взялъ М-ва и немедленно отправился обратно. На дорогѣ было устроено нападеніе Туркменцевъ съ цѣлію перебить всѣхъ Русскихъ, но почему-то не состоялось... М-въ прибылъ на мѣсто благополучно и бережетъ (или берегъ) всю жизнь красный халатъ, въ которомъ сидѣлъ на чердакѣ во время бунта Тегеранской черни.

*

Другой разсказъ относится ко времени пребыванія Соболевскаго въ Римѣ, около половины 1831 года, въ Польскую войну. Вмѣстѣ съ нимъ жили тамъ-же Мицкевичъ и графъ Гейнрихъ Ржевускій *). Всѣ они въ троемъ безпрестанно сходились и толковали о разныхъ разностяхъ. Мицкевичъ не раздѣлялъ фантазій своихъ соотечественниковъ и прямо говорилъ, что они дѣлаютъ ужасныя глупости. Въ Августѣ или около того времени пришло изъ Варшавы предписаніе Мицкевичу отъ временнаго правительства явиться въ ратный станъ для одушевленія воиновъ. Такъ или иначе, его требовали на мѣсто дѣйствій, ожидая чудесъ отъ его вдохновенныхъ пѣсенъ, отъ его присутствія между воинами, знавшими и почитавшими его, какъ великаго патріотическаго пѣвца Польши. Скрѣпя сердце, Мицкевичъ сталъ готовиться къ отъѣзду. Онъ былъ человѣкъ непрактическій, неладившій съ жизнію, неумѣвшій считать денегъ и заниматься подобной скучной прозой. Все это обыкновенно дѣлалъ за него Соболевскій, когда они бывали вмѣстѣ. И на этотъ разъ Соболевскій-же принялся улаживать его денежные интересы, бѣгалъ по банковымъ конторамъ, писалъ куда слѣдуетъ, распутывалъ разные узлы, которые поэтъ навязалъ по своей неловкости и небрежности. Это заняло довольно дней. Когда Мицкевичъ поѣхалъ, Варшава была взята, и его пѣсни уже были ненужны въ растроенномъ войскѣ, которое массами переходило границу и наводняло Европу...

По словамъ Соболевскаго, Мицкевичъ всю жизнь любилъ Русскій народъ и отзывался о немъ сочувственно. Между

*) См. о немъ кое-какія подробности въ Р. Арх. 1870, стр. 1838—1839.

тѣмъ политическія страсти заставили великаго поэта изобразить Русскаго человѣка весьма-несимпатичными чертами въ 3-й части Дзядовъ... О нашемъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, онъ ни разу не сказалъ симпатичнаго, безпристрастнаго слова. На такое безпристрастіе Полякъ менѣе способенъ, чѣмъ Русскій.

Вотъ между прочимъ то мѣсто въ Дзядахъ (Лейпцигское изданіе сочиненій Мицкевича, 1862 года, ч. 3-я, стр. 217) гдѣ онъ говорилъ о нашемъ народѣ:

Spotykam ludzi z rozrosłemi barki,
Z piersią szeroką, z otyłemi karki;
Jako zwierzęta i drzewa północy.
Pełni czerstwości i zdrowia i mocy;
Lecz twazz każdego jest jak ich kraina
Pusta, otwarta i dzika równina;
Iz ich serc jako z wutkanów podziemnych
Jeszce nie przeszedł ogien aż do twarzy.
Ani się w ustach rosogniony żarzy...

Куда ни поглядишь, одни и тѣже встрѣчи:
Затылки жирные, Атлета грудь и плечи:
Какъ звѣри Сѣвера, чтó ихъ на свѣтъ родилъ, —
Тѣ люди крѣпкіе полны здоровья, силъ
И дикости: ихъ взглядъ, суровый ликъ и мина, —
Пустая, дикая, открытая равнина;
Сердца ихъ чтó вулканъ: огня живой родникъ
Наружу, въ очи ихъ, покамѣстъ не проникъ
И устъ не оживилъ еще кипучей рѣчью...*)

*

Нелишнимъ считаю присоединить здѣсь разсказъ о портретѣ Пушкина, написанномъ извѣстнымъ художникомъ Тропининымъ по заказу Соболевскаго. Это слышалъ я отъ самого Тропинина и тоже передаю въ такомъ видѣ, какъ сохранила память.

Соболевскій былъ недоволенъ приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какіе тогда появлялись. Ему хотѣлось сохранить изображеніе поэта, какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, и онъ просилъ Тропинина, одного изъ лучшихъ тогдашнихъ (двадцатыхъ годовъ этого столѣтія) портретистовъ Москвы, если только не Россіи, нарисовать ему Пушкина въ домашнемъ его халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ одной руки, — перстнемъ, которому поэтъ придавалъ особенное значеніе. Кажись дѣло шло также и объ изображеніи какого-то ногтя на рукѣ Пушкина, особенно отрощеннаго. Тропининъ согласился, только съ тѣмъ, чтобы Пушкинъ ходилъ къ нему на квартиру, въ домъ Писарева, на улицѣ Лѣнивкѣ, близь Каменнаго моста, гдѣ Тропининъ жилъ до смерти и гдѣ писались у него очень многіе Москвичи, между прочимъ изъ поэтовъ графиня Ростопчина, помнится. въ 1852 году. Тутъ, на двери, хранилъ художникъ, какъ святыню, надпись Брюлова, который былъ у него и не засталъ его дома.

Пушкинъ сталъ ходить, и портретъ скоро былъ оконченъ. Соболевскій странствовалъ тогда по Европѣ. Тропининъ велѣлъ уложить портретъ и отправить по адресу къ закащику. Укупоркою занялся одинъ бѣдный живописецъ Смирновъ, надъ которымъ Соболевскій позволилъ себѣ нѣсколько-неосторожно подтрунивать. Изъ мести или ради другихъ какихъ причинъ, Смирновъ сыгралъ надъ Соболевскимъ такую шутку: скопировалъ портретъ довольно-недурно. и спрятавъ оригиналъ, уложилъ копію и она полетѣла отыскивать хозяина, который. получивъ портретъ, кажется невдругъ узналъ подлогъ. Вѣрно только то, что эта копія не брошена и очутилась опять въ Москвѣ, гдѣ, впослѣдствіи, пріобрѣтена за ничтожную цѣну Н. И. Ш-вымъ. А подлинникъ лежалъ себѣ да лежалъ у Смирнова, подвергаясь разнымъ приключеніямъ, во время скитаній хозяина по

*) Мицкевичъ далѣе говоритъ: „Огонь этотъ еще не застылъ въ темныхъ морщинахъ чела, какъ въ лицахъ людей Востока и Запада, по которымъ поочередно прошло столько преданій и событій, скорбей и надеждъ, что каждое лицо есть какъ бы памятникъ народа

недорогимъ квартирамъ. Ничего не знали объ немъ до пятидесятыхъ годовъ. Вдругъ Смирновъ умеръ, и его имущество продано съ аукціону. Портретъ Пушкина, съ разными другими картинами, попалъ къ извѣстному мѣнялѣ Волкову, имѣвшему тогда свой магазинъ на Волхонкѣ какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ начинается Лѣнивка, — въ трехъ шагахъ отъ квартиры Тропинина. Заходитъ въ магазинъ князь М. А. О-ій и видитъ портретъ. „Что это? Никакъ Пушкинъ?" —Волковъ разсказалъ всю исторію. „Да чѣмъ-же вы докажете, что это Тропининъ, что это писано съ самаго Пушкина?" спросилъ князь. „Это подтвердитъ безъ сомнѣнія самъ Тропининъ, живущій отсюда въ двухъ шагахъ" — отвѣчалъ Волковъ. Пошли къ Тропинину. Встрѣча художника съ его произведеніемъ черезъ столько лѣтъ была трогательна. „Судите, что́ взглянуло на меня этими глазами, чѣмъ пахнуло на меня изъ ветхихъ рамъ!"... говорилъ мнѣ Тропининъ: „какія минуты я провелъ, разсматривая черты, мною-же самимъ когда-то положенныя"! Князь просилъ поправить портретъ, если можно. Честный художникъ сказалъ: „Нѣтъ! на это рука моя не подымется! Это будетъ святотатствомъ. Это писано здѣсь съ самаго Пушкина... Я могу только почистить." —Такъ и сдѣлали. Портретъ пріобрѣтенъ княземъ за сто съ чѣмъ-то рублей*).

Какъ-то при мнѣ заговорили обо всей этой исторіи у Соболевскаго. Онъ сказалъ: „Деликатность требовала доставить этотъ портретъ ко мнѣ. Такъ бы и поступилъ князь О.; но онъ сердитъ на меня за то, что я не далъ ему одного восточнаго бубна".

Тутъ онъ показалъ намъ этотъ бубенъ, состоявшій изъ серебряной или вообще металлической чаши, бѣлаго цвѣта, въ которую били такою-же палкою съ мягкимъ набалдашникомъ, какъ у всякаго бубна или барабана. Звукъ, усиливающійся съ каждымъ ударомъ, достигалъ такихъ размѣровъ, что могъ выгнать изъ комнаты.

*

Соболевскій хвалился полнотою своей библіотеки по части путешествій. Мнѣ вздумалось однажды спросить: „а есть-ли у васъ путешествіе въ полярныя страны Геденстрома?" — Онъ въ туже минуту снялъ съ полки очень извѣстную для меня книгу, которую я видалъ въ библіотекѣ моего отца и которая довольно рѣдка. Геденштромъ, по имени Матвѣй Матвѣевичъ, человѣкъ Русскій, коренастый и плотный, на видъ лѣтъ подъ пятьдесятъ (въ 1832 — 1833), бывалъ въ нашемъ домѣ, въ городѣ Томскѣ. Съ отцемъ моимъ онъ былъ очень друженъ, на ты; звали они другъ друга по именамъ: Матвѣй, Василій. Отецъ мой разсказывалъ, что Гедештромъ—ссыльный, и что былъ въ молодости большой шалунъ и дошалился до Сибирскихъ снѣговъ. Ему предложили поѣздку на Сѣверъ въ неоткрытыя еще земли, съ цѣлію отличиться какой-нибудь заслугой передъ правительствомъ. Онъ прокатилъ на собакахъ верстъ, кажется, съ 3 тысячи, по льдамъ и снѣгамъ, на сѣверъ, не помню въ какой именно пунктъ Сибири. Недостатокъ дровъ и провизіи, которой взять на *нарты* (сани, съ собачьей упряжью) много было невозможно, заставилъ его вернуться. Разсказывая иной разъ при мнѣ объ этой поѣздкѣ, Матвѣй Матвѣевичъ говорилъ, что подъ-конецъ ничто не грѣло кромѣ рому, никакая *даха* (оленья шуба шерстью вверхъ, какихъ онъ имѣлъ чуть-ли не двѣ) „Хватишь стакана два, и живъ кое-какъ;

---

*) Упомянутая выше копія съ Тропининскаго портрета Пушкина была подарена Соболевскому Елагиными, и мы пользуемся здѣсь случаемъ заявить, что многократно въ нашемъ присутствіи покойный Соболевскій выражалъ желаніе, чтобы по смерти его этотъ портретъ былъ возвращенъ въ дружескій ему домъ Елагиныхъ.—Всѣ бумаги свои (кромѣ тѣхъ на которыхъ написано *сжечь*) Соболевскій предоставлялъ М. Н Лонгинову, о чемъ и было заявлено немедленно по его кончинѣ наслѣдницѣ Соболевскаго, которая тогда же дала обѣщаніе свято исполнить эту волю покойника. *П. Б.*

а сталъ снова морозъ допекать — опять за фляжку!“ Необычайное здоровье Геденштрома было конечно первымъ необходимымъ условіемъ для такой поѣздки. Немногіе такъ легко могли вливать въ себя то и-дѣло по стакану и по два рому.—Замѣчателенъ разсказъ моего отца о честномъ поступкѣ Геденштрома. Когда они разставались, послѣ первой встрѣчи въ Сибири, въ царствованіе государя Александра Павловича, отецъ мой далъ своему сильно-нуждавшемуся пріятелю, чисто по пріятельски, тысячу рублей ассигнаціями, никакъ не разсчитывая ихъ когда либо получить обратно. Вдругъ, по прибытіи вторично отца моего на службу въ Томскъ, въ 1830 году,—входитъ однажды Геденштромъ и подаетъ деньги... „Вотъ, братецъ, учися, говорилъ мнѣ отецъ: какіе въ наше время люди бывали; тутъ не одно вливанье рому“!....

Н. Бергъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О „ВЫЗОВѢ“ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

(Русск. Арх. 1870 г., вып. XI, стр. 1960—1966)

По увѣренію современниковъ (L'année la plus remarquable de ma vie, par Aug. Kotzbuë*). Paris, 1802, t. II, p. 151), „Вызовъ“ императора Павла надѣлалъ въ свое время много шуму. Простая шутка была принята за чистую монету, и иностранные разскащики, съ легкой руки Коцебу, не переставали передавать ее какъ эксцентрическую черту рыцарскаго чувства, дѣйствительно характеризовавшаго императора Павла. На самомъ же дѣлѣ, такъ называемый „Вызовъ“ никогда даже и не облекался въ форму обращенія Русскаго царя къ Европейскимъ государямъ. Императору захотѣлось посмѣяться, помистифировать неразборчивыхъ журналистовъ и легковѣрныхъ читателей газетъ. Мистификація, какъ видно, удалась вполнѣ, ибо и теперь, черезъ 70 лѣтъ, нѣсколько уже устарѣлая журнальная утка пытается занять неподобающее ей мѣсто въ Русской исторической литературѣ.

Да гдѣ же вызовъ? Неужели вызовомъ можно назвать газетное извѣстіе, начинающееся словами: *намъ пишутъ*, или *сообщаютъ изъ Петербурга?* И напрасно Коцебу старается представить дѣло не въ настоящемъ свѣтѣ; изъ его же разсказа ясно видно, что государь, въ веселомъ расположеніи духа, затѣялъ не вызовъ, не поединокъ, не турниръ, а забавную шутку. Она ему полюбилась; онъ ищетъ участниковъ въ своей забавѣ, но не находитъ, потому что его не понимаютъ, боятся оскорбить его достоинство. Наконецъ, видя, что никто кромѣ него не способенъ осуществить затѣю, онъ берется за перо самъ и, чтобы придать нѣкоторую достовѣрность своему извѣстію, заканчиваетъ его такъ: on ne sait si on doit y ajouter foi; toutefois la chose ne parait pas destituée de fondement, *en portant l'empreinte de ce dont il a souvent été taxé* *).

Переводъ сочиненнаго имъ извѣстія государь проситъ Коцебу послать, для напечатанія, въ Гамбургскую газету и въ другіе Нѣмецкіе повременные листки,—что̀ имѣло смыслъ; но что́ не имѣетъ его, это болѣе чѣмъ сомнительное свидѣтельство Коцебу, что будто два дня спустя, т. е. *18-го Декабря 1800 г.*, „вызовъ“ появился въ какой-то неизвѣстной придворной газетѣ. Что́ въ самомъ дѣлѣ значили бы въ газетѣ, издаваемой въ Петербургѣ, слова — *намъ пишутъ*

---

*) Сочиненіе это, съ пропусками, было переведено съ Нѣмецкаго подлинника на Русскій языкъ Василіемъ Кряжевымъ, подъ заглавіемъ: „Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу, или заточеніе его въ Сибирь и возвращеніе его оттуда, описанное имъ самимъ“. Изд. 2-е. Москва. 1816.

*) Т. е. не знаютъ, вѣрить ли этому; однакожъ этотъ предметъ, повидимому, не лишенъ основанія, ибо носитъ отпечатокъ того, въ чемъ его часто обвиняли.

изъ Петербурга? Поэтому совершенно напрасно потерянный трудъ разыскивать это извѣстіе въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1800 года: оно въ нихъ могло разумно появиться лишь какъ перепечатка изъ иностранныхъ газетъ, если изъ Гамбургской, то, по указанію Коцебу, изъ № 9, отъ 4/16 Января 1801 г., гдѣ оно помѣчено: Петербургъ, 18/30 *Декабря 1800 г.* Такъ оно и есть: въ № 16 Петербургскихъ Вѣдомостей, отъ 19 Февраля 1801 г., на стр. 575—576, и въ Московскихъ Вѣдом., отъ 27 Февраля 1801 года, на стр. 409, подъ рубрикою *Лондонъ, отъ 30-го Генваря*, было напечатано слѣдующее извѣстіе: „Наконецъ „открылось, что̀ означаетъ извѣстіе, по„мѣщенное 30 числа минувшаго Декабря „въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, „№ 24 и 34 *). Загадка разрѣшена: Въ „Россійскомъ Императорскомъ Кабине„тѣ никакой не произошло перемѣны, „и политическія дѣла остались въ преж„немъ положеніи. Статья сія, которой „никто понять не могъ, извлечена изъ „нѣкотораго письма, писаннаго въ Ко„пенгагенъ бывшимъ Датскимъ при Рос„сійскомъ Императорскомъ Дворѣ ми„нистромъ Розенкранцомъ. Говорятъ, „якобы Его Императорское Величество, „во время стола, въ день Рождества „Христова сказалъ: „Что весьма бы хо„рошо было, естьли бы государи рѣши„лись прекратить взаимныя ихъ несогла„сія, по примѣру древнихъ рыцарей, „на опредѣленномъ для подвиговъ полѣ“. „На сей-то шуткѣ помянутый Датскій „министръ основалъ извѣстіе, которое „онъ посылалъ въ Копенгагенъ. Оста„новленное на почтѣ письмо его было „распечатано и представлено Его Вели„честву Императору. Его Величеству „благоугодно было приказать напечатать „въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ „краткую изъ онаго выписку и разо„слать оную по всѣмъ своимъ мини„страмъ, при иностранныхъ дворахъ „находящимся. Въ то самое время Его „Императорское Величество приказать „соизволилъ всему Датскому посольству „выѣхать изъ Петербурга. Въ нѣкото„рыхъ письмахъ утверждаютъ, будто-бы „г. Розенкранцъ предупредилъ сіе пове„лѣніе и будто-бы императорскіе драгу„ны не могли его догнать. Впрочемъ, „произшествіе сіе, по видимому, ника„кой не произвело перемѣны въ добромъ „согласіи между сими двумя дворами. „Изъ Копенгагена пишутъ, что неу„тральный трактатъ ратификованъ Его „Величествомъ Королемъ Датскимъ, 16-го „числа сего мѣсяца, т. е. спустя мѣсяцъ „послѣ подписанія онаго. *(Изъ Аглин„скаго журнала.)*“

Извѣстіе это, какъ оказывается, заимствовано изъ Лондонскаго Вѣстника *(Courrier de Londres,* Janvier 1801) на что дѣлаетъ указаніе нашъ трудолюбивый библіографъ С. Д. П-кій въ статьѣ, помѣщенной въ Bulletin du Bibliophile belge 1848, t. V, p. 408, подъ заглавіемъ Bibliographie des journaux et recueils périodiques, publiés en langue française dans les différents pays du globe, за подписью: un Bibliophile Russe. Впрочемъ не однимъ этимъ указаніемъ ограничиваются свѣдѣнія, сообщаемыя „Русскимъ Библіофиломъ“, о библіографіи „Вызова“. Изъ его статьи видно, что „Вызовъ„ появился на Французскомъ языкѣ въ Нижне—Рейнскомъ Вѣстникѣ (*Courrier du Bas-Rhin*, Французскомъ журналѣ, издававшемся въ Везелѣ), въ № 7, отъ 24 Января 1801, и затѣмъ былъ еще напечатанъ, безъ сохраненія орѳографіи Павловскаго подлинника, въ Biographie universelle de Michaud, 1841, t. 69, p. 89, въ біографическомъ извѣстіи о Коцебу, составленномъ Паризо (Parisot). Что̀ же касается до извѣстія, сообщеннаго Лондонскимъ Вѣстникомъ, то оно было перепечатано въ Нижне-Рейнскомъ Вѣстникѣ, въ № 12, отъ 11 Февраля 1801, стр. 91 — 92. Много лѣтъ

*) Ссылка совершенно спутанная: въ концѣ года не могло быть такихъ нумеровъ Вѣдомостей; кромѣ того въ одинъ и тотъ же день не могли появиться заразъ и № 24 и № 34: наконецъ 30 Декабря 1800 г. Петербургскія Вѣдомости вышли за № 104.

спустя, извѣстіе о „Вызовѣ“ появилось снова въ Англійскомъ романѣ Matheus, въ переводѣ на Французскій языкъ Іосифа Бернье, помѣщенномъ въ фельетонѣ Парижской газеты *Estafette*, 1848 года. Вотъ это извѣстіе въ томъ видѣ, какъ оно извлечено „Русскимъ Библіофиломъ“ изъ нумера послѣдненазванной газеты, отъ 6 Сентября, стр. 1, столб. 3:

Paul 1-er se leva un matin avec la pensée que, puisque les querelles des nations prenaient naissance dans l' ambition des princes et dans les intrigues de leurs ministres, il était injuste que les sujets versâssent leur sang et leurs trésors pour des guerres qui ne les regardaient pas: en conséquence de quoi, il proposa sur-le-champ aux souverains qui lui étaient hostiles de se présenter, chacun, en champ clos, avec leur premier ministre pour second, et que lui et son ministre leur feraient tête.

Т. е. Однажды утромъ Павлу I-му, только что проснувшемуся, пришла такая мысль: такъ какъ международныя ссоры родятся отъ честолюбія государей и интригъ министровъ, то несправедливо допускать, чтобы подданные расточали свою кровь и свои богатства въ войнахъ, въ которыхъ имъ нечего выиграть. Вслѣдствіе чего онъ немедленно предложилъ враждовавшимъ съ нимъ государямъ собраться для поединка, каждый съ своимъ первымъ министромъ вмѣсто секунданта, обѣщая встрѣтить ихъ съ своимъ министромъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Если кромѣ разсказа Коцебу и приведенныхъ газетныхъ извѣстій нѣтъ другихъ данныхъ, на которыхъ основывается повѣствованіе о предложенномъ императоромъ Павломъ иностраннымъ государямъ поединкѣ, то пресловутый „Вызовъ“ долженъ остаться тѣмъ чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—удавшеюся мистификаціею.

Н. Киселевъ.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. П. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра І-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й*, или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла І-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ І-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла І-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу І-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева,* на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. ПРИ 1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей съ пересылкою—семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ

„ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ."

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ)*.

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*. съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графъ Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка".

ПРАВДА О СУСАНИНѢ.

I. ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

Протоіерей церкви села Домнина, Алексѣй Домнинскій, потомокъ отца Евсевія, священствовавшаго въ селѣ томъ во время спасенія царя Михаила Ѳеодоровича крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ, доставилъ мнѣ прилагаемыя двѣ записки, введеніе къ нимъ и планъ мѣстности, разъясняющіе это событіе по мѣстнымъ преданіямъ. Вы признаете, быть можетъ, умѣстнымъ напечатать въ „Русскомъ Архивѣ" эти собранныя на мѣстѣ сказанія о томъ, какъ положилъ Сусанинъ жизнь за Царя. Хранятся они преемственно въ священническомъ родѣ, послѣдній представитель котораго и есть авторъ посылаемыхъ рукописей. Ему уже теперь болѣе 80 лѣтъ, и 4 года тому назадъ отпраздновалъ онъ пятидесятилѣтній юбилей своего священства въ Домнинѣ. Отецъ Алексѣй теперь хвораетъ, но былъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Г-ъ Костомаровъ, въ статьѣ своей „Иванъ Сусанинъ" (Истор. Моногр. т. I стр. 504) утверждаетъ: 1-е) что „преданіе о Сусанинѣ пришло къ Домнинцамъ отъ тѣхъ, которые почерпнули его изъ книгъ, а не обратнымъ путемъ отъ нихъ зашло оно въ книги"; 2-е), (тамъ же, стр. 485): „до XIX вѣка, сколько извѣстно, никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя Царской Особы"; — и 3-е) (стр. 504) „то, что *выдумали* про Сусанина книжники наши въ XIX вѣкѣ"... и т. д.

Кто же такіе были эти лукавые книжники, водившіе за собою мѣстный людъ по „Чистому Болоту" и научавшіе ихъ, что вотъ тутъ-то, подъ Красною Сосною,—перемерзли Поляки, а здѣсь, у Исупова, убили Сусанина?

Прежде всего о мѣстныхъ людяхъ. Г. Костомаровъ (стр. 504) говоритъ: „Знаютъ Сусанина только его праправнуки, которые, благодаря одному изъ своихъ предковъ, Богдану Собинину, пользуются правомъ не нести общихъ государственныхъ повинностей. Правда, они готовы показать въ лѣсу даже мѣсто, гдѣ жилъ Сусанинъ, когда отводилъ Поляковъ въ Домнино." Нѣтъ, они не покажутъ, потому что нынѣшніе обитатели Домнина—не праправнуки Сусанина; тѣ засѣли въ Коробовѣ (60 верстъ отъ Домнина еще съ 1633 года и переселились туда изъ разныхъ мѣстъ, наиболѣе изъ деревни Перевоза) послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ казенное вѣдомство; прежде же сего перехода, какъ говоритъ отецъ Алексѣй, въ селѣ Домнинѣ „крестьянъ не было". На дняхъ, въ отвѣтномъ на запросы мои письмѣ, онъ объясняетъ это вотъ какъ: „Когда подъ владѣніемъ монастыря Новоспасскаго была Домнинская вотчина, тогда въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ, и пахотныя поля обработывались по селу крестьянами на монастырь. Кудаже дѣвались крестьяне, современники Сусанина? Этотъ вопросъ затруднителенъ. Пахотныя поля по селу Домнину не обширны; они сжаты съ сѣвера и востока рѣчькою Корбою, съ юга рѣкою Шачею, а съ запада деревнями Мауринымъ, Артемовымъ и Голодаевымъ; по сему думаю, что и при Сусанинѣ въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ*), и поля

*) Вотъ и отвѣтъ на слова г. Костомарова (стр. 487): „Если Поляки пришли въ село Домнино, гдѣ находился въ то время Царь, то ужь конечно нашли въ этомъ селѣ не одного Сусанина, который былъ при томъ житель не самаго села, но выселка. Въ такомъ случаѣ они пытали бы и мучили не одно лицо, а многихъ". Отчегоже не допустить, принимая толкованіе отца Алексѣя, что, въ моментъ подвига, Домнино было не село съ десятками или сотнями жильцовъ, а просто помѣщичья усадьба, приказанная одному приказщику Сусанину? *В. Д.*

пахотныя всѣ безъ остатка обработывались на помѣщиковъ; а что въ общеизвѣстной жалованной грамотѣ 1631 г. показано въ селѣ восемь дворовъ бобыльскихъ, то полагаю, что они переселены послѣ. Въ 1619 году Великая Старица съ сыномъ своимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, ѣдучи къ преподобному Макарію Желтоводскому, заѣзжала и въ село Домнино; въ это-то время она, усмотря, что ея вотчина бѣдна угодіями, наипаче сѣнокосными, взяла на себя у сына своего четырнадцать пустошей, соприкосновенныхъ съ сѣверной стороны къ ея вотчинѣ и испосажала на нихъ своихъ крестьянъ; объ этомъ она упомянула въ своей жалованной грамотѣ. А какъ по селу Домнину хлѣбопашество ненужно ей стало, то въ этоже время поселила, полагаю, въ село изъ разныхъ деревень самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ и отдала имъ всѣ по селу угодья. Когдаже крестьяне перешли во власть монастыря, то со временемъ начальство онаго заблаго разсудило всѣ поля по селу Домнину обработывать на монастырь, и крестьянъ изъ села выселить по деревнямъ. По сему въ духовной исповѣдной за 1728 годъ росписи по селу и не значится ни одного крестьянина". – Итакъ крестьянъ въ Домнинѣ не было. Зато священники въ немъ были „тутошные всѣ урожденцы", и притомъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода, а потому неудивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ. Вотъ эти-то „тутошніе" священники и должны быть тѣ книжники XIX вѣка, которые выдумали Сусанина!

Отецъ Алексѣй не даромъ указываетъ на „тутошныхъ". Ему, какъ побывавшему въ трясинахъ „Чистаго Болота", и въ голову не придетъ, что не тутошній, а наѣзжій — будь онъ чиновникъ, помѣщикъ, купецъ или одинъ изъ эмиссаровъ Щекатова, Глинки или самъ князь Козловскій *) наконецъ, станетъ водить крестьянъ по „Чистому Болоту", да закрѣплять въ памяти ихъ эпизоды Сусанинской трагедіи названіемъ живыхъ урочищъ. Такая попытка зимою невозможна, за сугробами и безлюдьемъ; а лѣтомъ—неимовѣрна, по опасностямъ отъ топей и оконъ и по утомительности подобнаго подвига, несовмѣстнаго съ Русскою лѣнью; не говорю уже еще объ одной, и едва-ли не главной, невозможности: такимъ „господамъ" косари не дали бы вѣры. А кромѣ косарей, которыхъ нужда гонитъ за сѣномъ, кто-же станетъ тамъ гулять! Домнино отстоитъ отъ ближайшаго торговаго тракта изъ Молвитина въ Буй, на 8 верстъ весьма дурной дороги; отъ ближайшаго-же почтоваго—болѣе чѣмъ на 20. Туда не многіе ѣдутъ, но никто не заѣзжаетъ, сельцо захолустное; ни торговаго, ни промышленнаго, ни административнаго значенія оно не имѣетъ; помѣщиковъ въ немъ нѣтъ; нѣтъ также въ приходѣ ничего выдающагося изъ ряда другихъ приходовъ Комстромской губерніи, отличающейся благолѣпіемъ сельскихъ церквей. Археологи-же наши на подъемъ тяжелы. Кому-же туда ѣхать для передачи народу книжныхъ измышленій?

Перехожу къ „тутошнымъ" книжникамъ XIX вѣка. — Ихъ двое: отецъ Алексѣй, священствующій съ 1818-го года по настоящее время, и отецъ его священникъ Даніилъ, рукоположенный еще при Павлѣ 1-мъ.

Въ вопросѣ о дѣйствительности событія, совершившагося 258 лѣтъ тому назадъ, за недостаткомъ объективныхъ доказательствъ, человѣку, дорожащему народною доблестью, не приходится обходить и субъективной стороны дѣла, т. е. критической оцѣнки той степени достовѣрности, какой заслуживаютъ передатчики преданія, признающіе правду его. Пусть за противниками ихъ, двигателями науки, стоитъ и обаяніе таланта, и заслуженно-громкая извѣстность; пусть мѣстные люди мысли дружно молчатъ, оставляя, вотъ уже 8 лѣтъ, безъ отвѣта статью г. Костомарова;—доводы ея все-

*) Авторъ исторіи города Костромы. *П. Б.*

же не на столько убѣдительны, чтобы должно было теперь-же вычеркнуть имя Сусанина изъ золотыхъ преданій Русскаго народа.

„Сохрани меня, Боже, лгать при концѣ жизни", говоритъ отецъ Алексѣй, и слова эти вполнѣ подтверждаются и всею его личностью, и искренностью тона его рукописей. Онъ воплощаетъ собою типъ Русскаго сельскаго священника въ хорошемъ смыслѣ слова: ростомъ великъ, сложенъ кряжемъ; руки, освоившіяся болѣе съ топоромъ и косою, чѣмъ съ перомъ, дрожатъ уже отъ старости; сѣдина — синеватая, здоровая; спокойныя линіи загорѣлаго лица говорятъ о жизни трудовой, но безъ лишеній, безъ страстей, безъ эксцессовъ; смотритъ прямо; ни въ поклонѣ, ни въ жестахъ, ни въ говорѣ ничего заискивающаго; уменъ просто, про свой обиходъ, не для показу; въ словахъ — ничего изысканнаго, даже немного книжнаго и кастоваго, за то очень много мѣстныхъ народныхъ оборотовъ рѣчи и произвольныхъ удареній. Однимъ словомъ, Макферсона изъ него не выкроешь. Но за то онъ не мало читалъ и къ вычитанному умѣетъ относиться критически, не принимая на вѣру словъ Глинки напр., или князя Козловскаго, а сопоставляя ихъ съ другими книгами, отвергая одно и соглашаясь съ другимъ въ томъ случаѣ, если это другое, по соображеніямъ съ мѣстностью и преданіемъ, кажется ему имовѣрнѣе и ближе подходитъ къ его личнымъ догадкамъ. Каждую изъ такихъ догадокъ онъ оговариваетъ, никогда не смѣшивая ихъ съ тѣмъ, что́ выслушалъ отъ народа. Трудъ его — конечно не трудъ ученаго, а лишь правдиваго и любознательнаго *мѣстнаго* человѣка, который передъ смертью попытался записать все, что́ довелось ему узнать про подвигъ Сусанина, и даже свести всѣ отрывочно ходящія о томъ въ народѣ преданія — въ связный разсказъ, т. е., онъ попытался сдѣлать то что́ лѣнь было сдѣлать восьми или девяти предкамъ его, жившимъ отъ Евсевія до автора рукописей. Оставь они послѣ себя что либо писанное про Сусанина, — отецъ Алексѣй не могъ бы не знать объ этомъ. Что авторство — дѣло непривычное и для него, это видно на каждой страницѣ посылаемой рукописи. За то правдивости его не заподозрить. Такой человѣкъ и самъ — не „книжникъ", да не податливъ на передачу и чужихъ книжныхъ измышленій въ народъ.

Отъ современнаго намъ сына перехожу къ отцу, священнику Даніилу. Этотъ еще ставленникъ Павловскаго времени. Свѣдѣній про него уцѣлѣло не много; знаютъ только, что утопили его раскольники около 1814 года. Способенъ-ли онъ былъ проводить въ народъ вымыслы Щекатова, или даже ему передавать мѣстныя преданія о Сусанинѣ, легко заключить изъ того, что родной сынъ его записываетъ такія преданія не со словъ отца, а со словъ стариковъ изъ народа, „кои", говоритъ от. Алексѣй, „содружны были съ моимъ родителемъ". „Родитель", надо полагать, относился довольно безучастно къ подвигу Сусанина: спросили у него крестьяне — онъ разсказалъ имъ что зналъ; не спрашивалъ сынъ смолоду, пока живъ былъ отецъ, послѣдній не счелъ и нужнымъ по собственному побужденію говорить ему объ этомъ. Да наконецъ, глядя на современныхъ намъ стариковъ изъ духовенства по деревнямъ, легко представить себѣ, какъ узко кругозоромъ и бѣдно научными интересами должно было быть развитіе заурядныхъ сельскихъ священниковъ въ концѣ минувшаго столѣтія. Г. Костомаровъ недаромъ предѣлами XIX вѣка ограничиваетъ догадку свою о „книжныхъ" Сусанинскихъ вымыслахъ: раньше этого времени на такія штуки нельзя найдти въ Домнинѣ и дѣльца. А безъ мѣстнаго разскащика, издавна излюбленнаго крестьянами и твердящаго заказанный урокъ двумъ-тремъ ихъ поколѣніямъ сряду, придуманнаго значенія живыхъ на Чистомъ Болотѣ урочищъ въ народъ не проведешь.

Еще одно замѣчаніе. На стр. 486 своей статьи г. Костомаровъ говоритъ: „въ грамотѣ царской говорится, что Царь былъ тогда *въ* Костромѣ, а у Щекатова онъ не въ Костромѣ, а въ Домнинѣ"; межъ тѣмъ какъ въ приводимой имъ-же на стр. 483-й подлинной грамотѣ сказано: „какъ мы, Великій Государь, въ 121-мъ году были *на* „Костромѣ". Предлоги *„въ"* и *„на"* не могутъ быть безпристрастнымъ изслѣдователемъ приводимы безразлично: смыслъ предлога *„въ"* при опредѣленіи мѣстности несравненно тѣснѣе и точнѣе предлога *„на"*: идетъ-ли рѣчь о Костромѣ, слова́ „въ Костромѣ" ясно выражаютъ пребываніе только въ *городѣ* Костромѣ; межъ тѣмъ какъ выраженіе *„на* Костромѣ" гораздо неопредѣлительнѣе и шире. Костромою называется не городъ только, но и рѣка, и вся область, орошенная ея притоками, на одномъ изъ которыхъ лежитъ и Домнино. А что Великая Инокиня, напуганная всѣмъ, что́ видѣла въ Октябрѣ въ Кремлѣ и слышала на Москвѣ или изъ Москвы о крамолахъ родовитыхъ соискателей незанятаго престола, — прибывъ въ Кострому, не считала здѣсь сына вполнѣ безопаснымъ и, въ видахъ охраны его отъ подкупленныхъ убійцъ, могла отправить его съ вѣрнымъ слугою, Сусанинымъ, въ Домнино, какъ мѣсто откинутое и глухое,—это опять очень имовѣрно.

Записка отца Алексѣя доказываетъ, что теперешнее Домнинское населеніе, засѣвшее тамъ около вѣка тому назадъ, повторяетъ преданіе о Сусанинѣ со словъ отца и дѣда ея автора. Если отецъ его—еще современникъ Щекатова, одного изъ первыхъ проводниковъ (по мысли г. Костомарова) „книжнаго" о Сусанинѣ преданія въ народъ; то дѣдъ и его разсказы Домнинцамъ относятся уже къ тому XVIII вѣку, съ переходомъ въ который „книжные" вымыслы прекращаются, какъ говоритъ г. Костомаровъ-же. Съ чьихъ-же *словъ* (книгъ вѣдь объ этомъ предметѣ нѣтъ уже) ведетъ свои разсказы этотъ Иванъ Ѳедоровъ, дѣдъ автора? Со *словъ* своего отца и своихъ двухъ дѣдовъ, Матѳея Стефанова и Василья (1700 г.), отвѣчаетъ отецъ Алексѣй, также со словъ стариковъ, мѣстныхъ крестьянъ, прибавляя и свою догадку:— тѣхъ крестьянъ, которые были потомками если не Домнинскихъ современниковъ Сусанина, такъ его современниковъ-же изъ Исупова, Перевоза, Деревнища и другихъ ближайшихъ къ мѣсту событія деревень тамошней довольно густо-населенной уже и тогда мѣстности. Это все былъ народъ „тутошній", а не тѣ переселенцы кто откуда, которыми вѣкъ тому назадъ населено Домнино и которымъ доводилось быть только *слушателями* дьячка Ивана и священниковъ Даніила и Алексѣя.

Откуда-же ведетъ свое начало преданіе: изъ народа-ли къ Щекатову, Глинкѣ, Орлову и пр., какъ это ясно для всякаго безъ предвзятой мысли читателя записки отца Алексѣя, или изъ „книжныхъ вымысловъ въ народъ", какъ утверждаетъ г. Костомаровъ?

Не придется-ли усомниться и во второмъ его положеніи, что „до XIX вѣка „никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ „спасителя Царской Особы?"

На покушеніе отнять у народа кровную заслугу его, ему можно отвѣчать: „оставьте намъ пока нашу вѣру въ Сусанина и оставайтесь при своей учености, избирающей эпиграфомъ къ „Историческому Изслѣдованію" безпощадныя слова: „въ житіи семъ не мало, „но много писано неправды, и того ради *аще-бы отъ части нѣчто было и „праведно писано, ни въ чесомъ-же ему „вѣрити подобаетъ"*.

Сердцемъ вѣруется въ правду.

Примите и пр.

Владиміръ Дорогобужиновъ.

15 Декабря 1870.

II. ВВЕДЕНІЕ.

Любителямъ отечественной древности историко-статистическая моя записка о селѣ Домнинѣ съ приложе-

ніемъ обстоятельствъ смерти Ивана Сусанина можетъ показаться несогласною съ изданными исторіями, а потому и невѣроятною. Это заставило меня выразить причины, по которымъ я такъ, а неиначе написалъ сію записку.

1. Историки говорятъ, что смерть Сусанина за жизнь Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича случилась въ Февралѣ или въ Мартѣ 1612-го года; а мнѣ думается, что это событіе случилось осенью 1612-го года, потому что въ нашей мѣстности зимою, въ Февралѣ или въ Мартѣ мѣсяцахъ, никакъ не возможно ни пройти ни проѣхать кромѣ проложенной дороги. Въ нашей мѣстности къ огородамъ и лѣсамъ наноситъ высокіе бугры снѣга въ сіи мѣсяцы, какъ составляющіе средину зимы; а историки между тѣмъ говорятъ, что Сусанинъ велъ Поляковъ все лѣсами и не путемъ и не дорогою. Впрочемъ и не одинъ же я такъ думаю; а есть нѣкто литераторъ, который прямо говоритъ, что 27-е Ноября, день достопамятный въ исторіи Русской: это день смерти Сусанина [1]).

2. Что Сусанинъ былъ старостою вотчиннымъ, это я считаю достовѣрнымъ потому, что слышалъ объ этомъ отъ двоюроднаго дѣда моего, престарѣлаго священника села Станковъ Михаила Ѳеодорова, воспитаннаго, вмѣстѣ съ роднымъ моимъ дѣдомъ, у дѣда ихъ, а моего прапрадѣда, Домнинскаго священника Матѳея Стефанова, урожденца Домнинскаго и умершаго около 1760-го года, а сей былъ внукъ Домнинскаго священника Фотія Евсевіева — самовидца упомянутаго событія. Сей въ дарственной грамотѣ отъ Великой Старицы Марѳы Іоанновны въ 1631-мъ году записанъ дьячкомъ при отцѣ своемъ священникѣ Евсевіѣ. Прибавлю къ этому, что во «Взглядѣ на Исторію Костромы» князя Козловскаго (примѣчаніе 71-е на страницѣ 157-й,) сказано, что въ одной древней рукописи, находящейся у издателя Отечественныхъ Записокъ, которая получена имъ въ Костромѣ отъ коллежскаго совѣтника И. Н. Назарова, говорится, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнище, и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня предъ тѣмъ горѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами. Эти два обстоятельства привели меня къ заключенію, что Сусанинъ зналъ уже заранѣе о прибытіи враговъ въ село Домнино. Да и подлинно, если они ѣхали отъ Костромы большою Вологодскою дорогою, пролегавшею тогда чрезъ деревню Перевозъ въ одной верстѣ отъ Домнина, то не трудно было имъ найти оное село.

3. Что касается могилы, найденной мною въ 1831 году подъ церковію, то совершенно не лгу и сохрани меня, Боже, лгать при концѣ жизни на истинну, хотя на историческую. Впрочемъ есть этому и свидѣтель, который еще живъ, — бывшій тогда причетникомъ при нашей церкви, а нынѣ заштатный священникъ села Спасскаго, въ Буйскомъ уѣздѣ, Василій Алексѣевъ.

4. Все сіе заканчивая и прилагая исторію сего важнаго въ Исторіи Россійской событія, мною составленную, въ смыслѣ означенной записки, прошу публику мои недостатки покрыть своею благосклонностію.

Протоіерей села Домнина Успенской церкви *Алексѣй Доминскій.*

1870-го года Сентября 30-го дня.
Село Домнино.

[1]) Моск. Наблюд. Часть IX. 1836 года, стр. 375-я, статья не Я. М. Невѣрова ли? *И. Б.*

III. ИСТОРИЧЕСКО - СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЯХЪ СЕЛА ДОМНИНА И ЦЕРКВИ ВЪ НЕМЪ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ.

Приступая къ составленію записки о достопримѣчательностяхъ села Домнина, извѣстныхъ мнѣ по преданію и другимъ источникамъ, и къ точному описанію мѣстности, куда Сусанинъ завелъ Поляковъ въ 1612 году, за нужное считаю прежде всего благоразумію любителей отечественной древности предложить тѣ народныя преданія, кои въ продолженіи моего 48-ми лѣтняго *) служенія въ Домнинской церкви доходили до моего слуха, дабы вѣроятнѣе могло быть слѣдующее за тѣмъ описаніе.

Народныя Преданія.

1) Въ село Домнино пріѣзжали (1) паны съ собаками погубить Царя Михаила Ѳеодоровича.

2) Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими (2).

3) Крестьянинъ Иванъ Сусанинъ былъ старостою въ господскомъ домѣ лѣтъ 30-ть (3).

4) Паны его мучили и кроили изъ спины ремни, чтобы онъ сказалъ имъ про царя Михаила Ѳеодоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову (4).

5) Тамъ его изрубили непріятели на мелкія части.

6) Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ самъ складывалъ въ гробъ изрубленныя его части.

7) Сусанинъ погребенъ подъ церковію, и туда каждаго дня ходили въ старину пѣть панихиды (5).

8) Дочь Сусанина Антонида (6) каждогодно ѣздила въ г. Москву въ гости.

9) Крестьянамъ тогда житье было самое хорошее.

10) Мать Царя Михаила Ѳедоровича наказывала Молвитинскимъ крестьянамъ не обижать ея крестьянъ (7).

---

*) Писано въ 1867-году.

1, Пріѣзжали не на саняхъ и не въ телѣгахъ, но на лошадяхъ-верхомъ (такъ разумѣетъ молва народная) съ собаками такими, кои по обонянію могутъ отыскивать слѣдъ человѣческій.

2, На господскомъ дворѣ и можно думать, въ сдѣланномъ заблаговременно подъ яслями коровьими секретномъ глубокомъ подвалѣ для сокрытія, на случай непріятельскихъ набѣговъ, господскаго имѣнія, жизненныхъ продовольствій и самыхъ даже семействъ. Таковыя секретныя мѣста, думаю, были въ тѣ времена во всѣхъ господскихъ домахъ и даже у самыхъ крестьянъ.

3, Что Сусанинъ былъ старостою, это полагаю справедливо, потому что первоначально о семъ слышалъ я отъ престарѣлаго села Станкова священника, который родился и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда Домнинскаго священника Матѳея Стефанова, а сей былъ внукъ Домнинскому же священнику *Фотію Евсевьеву*, *самовидцу* описываемаго событія. Онъ въ жалованной грамотѣ значится дьячькомъ и наименованъ Фторомъ. Это я знаю потому, что отъ того же родоначальника происхожу, и имѣю на то документы. Домнинскіе старые крестьяне тоже говорили, что Сусанинъ былъ старостою.

4, То есть не въ другую какую либо сторону, а въ ту, гдѣ село Исупово, и не въ другое какое мѣсто, но именно на Чистое Болото.

5, Это слышалъ я отъ Домнинскихъ крестьянъ, кои содружны были съ моимъ родителемъ.

6. Вмѣсто Антониды молва ошибочно называетъ Степанидою.

7, Великая Старица, по воцареніи сына ея, можетъ быть, посѣщала когда нужна Домнино, и ей можетъ быть принесена было жалоба въ какой нибудь обидѣ на Молвитинскихъ крестьянъ, смежныхъ съ Домнинскими, и это сохранилось въ памяти.

11) Ахъ матушка наша была Оксинья Ивановна! (8).

12) Царя Михаила Θеодоровича провожали крестьяне изъ Домнина въ обозѣ съ сѣномъ (9).

13) Много припасено было Сусанинымъ про царя Михаила Θеодоровича ямъ, т. е. тайныхъ мѣстъ въ землѣ.

14) Царь Михаилъ Θеодоровичъ закрытъ былъ отъ пановъ въ сгорѣвшемъ овинѣ (10).

15) Сусанинъ, по прибытіи пановъ въ Домнино, угощалъ ихъ хлѣбомъ-солью.

8, Въ мірѣ Ксенія, а въ монашествѣ Марθа Ивановна извѣстна была въ народѣ потому, что можетъ быть она была урожденка Домнинская, и что можетъ быть при родителяхъ воспитывалась въ селѣ Домнинѣ.

9, Изъ опасенія, чтобы на дорогѣ не случилось ему такой же смертной опасности, какъ и въ Домнинѣ.

10, Должно быть и у зятя Сусанина въ деревнѣ Деревнищѣ приготовлено было мѣсто въ землѣ для укрывательства отъ набѣговъ непріятельскихъ. Въ исторіи о Костромѣ князя Козловскаго (1840 г. стр. 157) напечатано: „Въ одной древней рукописи, находящей-„ся у издателя Отечественныхъ Записокъ, „сказано, что Сусанинъ увезъ Михаила въ „свою деревню Деревнище и тамъ скрылъ его „въ ямѣ овина за два дня передъ тѣмъ сгорѣв-„шаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами“; а по моему за два дни передъ тѣмъ сгорѣлъ овинъ не случайно, а нарочно зазженъ; увезъ въ свою деревню Деревнище, по моему, Сусанинъ, явившійся къ Великой Старицѣ, вскорѣ по прибытіи ея изъ Москвы въ Кострому съ отчетами вотчинными; нашедъ ее въ смертельномъ страхѣ, по случаю прибывшихъ въ Кострому Поляковъ и узнавши всѣ ея тѣсныя обстоятельства, самъ выпросилъ Михайла Θеодоровича къ себѣ въ Домнино съ клятвою сохранить его, во что бы то ни стало; а, привезя въ Домнино, наказалъ зятю своему перевесть его, когда откроется удобный случай, изъ Домнина въ Деревнище. „За два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго„ это кажется означаетъ, что Сусанинъ привезъ Михайла Θеодоровича только за два дня до прибытія Поляковъ и при томъ такъ скрытно, что никто про него не зналъ кромѣ зятя и дочери.

16) Сверхъ того недавно слышалъ я отъ одного старика слѣдующій разсказъ. Хотѣли было убить Царя Михаила Θеодоровича паны и гнались за нимъ отъ Москвы до Костромы; «тамъ, сказали ему, кромѣ Ивана Сусанина, никто тебя спасти не можетъ». И пріѣхали было паны въ село Домнино съ собаками, спрашивали Сусанина про Царя Михаила Θеодоровича, мучили его и кроили изъ спины ремни; но онъ имъ не сказалъ про него и увелъ ихъ въ лѣсъ, да въ овраги, а оттуда на Чистое Болото; тамъ бросился было онъ черезъ рѣку, но враги схватили его и изрубили на мелкія части.

Всѣ сіи преданія извѣстны мнѣ большею частію отъ крестьянъ села Домнина, наипаче такихъ, кои близки были расположеніемъ своимъ къ моему родителю (11) и его предмѣстнику священнику Ивану Стефанову. Впрочемъ неизлишнимъ дѣломъ считаю сказать, что крестьяне села Домнина всѣ суть недавніе жильцы онаго; они всѣ переселились въ него изъ разныхъ селеній послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ государственное вѣдомство, а прежде сего перехода въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было; за то священники въ немъ были тутошніе всѣ урожденцы, и при томъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода; а потому не удивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ.

11, Родитель мой и его предмѣстникъ происходили отъ двухъ братьевъ, священствовавшихъ въ Домнинѣ около 1700 года, Матθея и Василья Стефановыхъ, изъ коихъ первой Матθей первому (родителю автора) былъ прадѣдъ, а второй Василій предмѣстнику родителя автора былъ дѣдъ; а оныхъ священниковъ дѣдъ, тоже Домнинскій священникъ, Фотій Евсевьевъ былъ самовидцемъ описываемаго событія.

Село Домнино.

Изъ жалованной грамоты (12) данной Великою Старицею Инокинею Мареою Ивановною Новоспасскому Московскому монастырю въ 1631 году видно, что село оное въ древности принадлежало гг. Шестовымъ: Василью Михаилову и Ивану Васильевичу, дѣду и отцу Великой Старицы, и въ немъ былъ домъ ихъ, а потому можно думать и жительство.

Во время же заточенія Великой Старицы и мужа ея Өеодора Никитича Романова (въ послѣдствіи Всероссійскаго патріарха Филарета) и вообще во все время смутъ государственныхъ, Домнино съ деревнями къ нему принадлежавшими было, по преданію, подъ управленіемъ крестьянина Ивана Сусанина (13), который постоянно жилъ въ селѣ Домнинѣ и который по сему въ грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной, именованъ Домнинскимъ крестьяниномъ. По восшествіи на Всероссійскій престолъ Царя и Великаго Князя Михайла Өеодоровича и по смерти Сусанина, до 1631 года, оно состояло въ собственномъ владѣніи Великой Старицы и было подъ особеннымъ управленіемъ князей Волконскихъ, а потому называлось дворцовымъ. Здѣсь-то было начало разнообразныхъ страданій Сусанина за безопасность Михайла Өеодоровича, невиннаго отрока, коему вся Россія предлагала и за тѣмъ вскорѣ предложила Царскій вѣнецъ. Враги отечества, поймавъ его въ лѣсу недалеко отъ Домнина, возвратили его въ домъ господскій и, за предложеннымъ отъ Сусанина угощеніемъ, предлагали ему и деньги и почести, чтобы сказалъ имъ, гдѣ находится Михайлъ; но Сусанинъ, знавши всѣ ихъ коварные противъ отечества замыслы, твердо и рѣшительно сказалъ имъ: «Михаилъ остался въ лѣсу». Побои, бичеванія и наконецъ мучительныя пытки не могли измѣнить его слова. Утружденные непоколебимымъ его терпѣніемъ, враги рѣшились за нимъ ѣхать въ лѣсъ и тамъ искать Михаила (14).

Чрезъ Домнино въ древности пролегала (какъ видно изъ межевой книги (15) составленной въ 1630 году княземъ Васильемъ Романовичемъ Волконскимъ) отъ г. Костромы въ гг. Галичь и Вологду большая дорога

12, Копіи съ грамоты жалованной и съ книгъ, межевой и землемѣрской, о коихъ упомянуто будетъ ниже сего, находятся у меня. Изъ нихъ первая и послѣдняя засвидѣтельствованы въ 1765 году Марта 29 дня у межевыхъ дѣлъ городовъ Судиславля и Буя, и подписаны инженеръ-поручикомъ Сергѣемъ Рожновымъ, а вторая безъ конца. Впрочемъ подобная ей копія съ окончаніемъ, писанная въ 1663 году, засвидѣтельствована тѣмъ же инженеръ-поручикомъ Рожновымъ. Всѣ сіи три копіи, равно и прочіе того же времени документы въ копіяхъ, какъто послушная государственная грамота, выпись на Костромское монастырское подворье, купчая Александра Аѳонасьева Полозова, Государева грамата на Кострому къ писцу князю Василью Волконскому въ спорномъ межевомъ дѣлѣ, жалованная грамота отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича на село Домнино и проч., были представляемы въ 1850 году въ Костромскую Палату Государственныхъ Имуществъ для снятія съ нихъ копій.

13, Преданіе говоритъ, что Сусанинъ былъ старостою.

14, Это было осенью; сочинитель письма о новой оперѣ „Жизнь за Царя," къ Московскому Наблюдателю изъ С. Пбурга отъ 10 Декабря 1836 года подъ литерами Я. Н., напечатаннаго въ этомъ энциклопидическомъ журналѣ того же 1836 г. (части IX, стр. 375) пишетъ: 27 Ноября день достопамятный въ исторіи Русской; это день смерти Сусанина, и обстоятельства сего событія и мѣстность села Домнина не позволяютъ думать, чтобы произшествіе сіе случилось зимою, а не осенью.

15, Копія съ оной у меня хранится, какъ сказано выше сего, и въ ней тамъ, гдѣ ме-

въ память коей существуетъ поныне на краю Домнинской вотчины къ сѣверу за рѣчькою Водышемъ пустошь Ямъ, которая вмѣстѣ съ деревнею Сѣдельники была за ямскими охотниками, какъ сказано въ землемѣрной книгѣ, тѣмъ же княземъ Волконскимъ въ 1636 году составленной. Съ 1631 года, по силѣ вышеозначенной жалованной грамоты, село Домнино съ деревнями состояло во владѣніи Новоспасскаго Московскаго монастыря и было управляемо особыми монастырскими прикащиками; по переходѣ же монастырскихъ всѣхъ вообще въ государствѣ вотчинъ въ собственность государственную, перешло и оно въ вѣдомство сперва Костромской Казенной Палаты, а потомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Нынѣ село Домнино состоитъ въ Буйскомъ уѣздѣ на правой сторонѣ рѣки Шачи. Съ сѣвера оно заслонено горою, и тамъ къ сѣверо-западу, за пахатными полями, версты полторы отъ него, была пустошь Коршуны, одною стороною соприкосновенная къ рѣчькѣ Корбѣ, гдѣ съ вѣроятностію думать можно, Поляки въ 1612 году изымали (16) Сусанина, какъ изображено въ грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной. Огромный лѣсъ на сей пустоши истребленъ уже въ наше время; съ сѣверо-востока вдали, за пахатными полями, окружаетъ его помянутая рѣчька Корба, начало свое берущая не далеко за деревнею Деревеньки (а попрежнему Деревнище) гдѣ жилъ зять Сусанина Богданъ Собининъ. Сія рѣчька времянно течетъ мимо многихъ селеній, сначала неглубокимъ и неширокимъ издоломъ, а потомъ (начиная съ деревни Коростелей) по глубочайшему и обширному суходолу, по обѣимъ сторонамъ коего множество овраговъ, т. е. глубокихъ и обширныхъ проточинъ. Сіи овраги и вообще вся рѣчька въ древности окружены были дремучими лѣсами, и по симъ то лѣсамъ и оврагамъ достопамятный Сусанинъ водилъ враговъ отечества Поляковъ, алкавшихъ крови Богоизбраннаго на Всероссійскій престолъ отрока Михаила Ѳеодоровича Романова.

Къ югу, востоку и западу видъ села Домнина такъ открытъ, что на дальнемъ разстояніи взору представляется множество селъ и деревень, изрѣдка развѣ только видны нѣкоторые перелѣски; а къ западу сверхъ того видны торговое село Молвитино и пролегающая чрезъ него изъ г. Костромы въ г. Буй большая торговая дорога; къ востоку же видно и то болото, гдѣ доблестный Сусанинъ геройски положилъ жизнь свою за жизнь Царя и Великаго князя Михайла Ѳеодоровича.

Скажемъ еще нѣчто о рѣчькѣ Корбѣ. Она втекаетъ въ рѣку Шачу подъ деревнею Перевозомъ (17) разстояніемъ отъ села Домнина не болѣе

жа проходила чрезъ сіи дороги, онѣ много разъ упомянуты.

16, Скрывши Михаила Ѳеодоровича на дворѣ въ секретномъ мѣстѣ, Сусанинъ вѣрно удалился въ лѣсъ не изъ страха предстоявшихъ пытокъ, но для того, чтобы враги, не найдя никого въ домѣ, скорѣе удалились изъ Домнина, и чтобы вѣроятнѣе показать имъ, что нѣтъ Михаила Ѳеодоровича въ домѣ; а какъ пустошь Коршуны недалеко отъ Домнина, то не трудно было найти его.

17, Памятникъ событій въ церкви и отечествѣ 1816 года, издан. Якова Орлова подъ 20 числомъ Марта мѣсяца стр. 333, говоритъ, что Поляки вмѣстѣ съ Сусанинымъ ночевали на постоялномъ дворѣ, а г. Глинка (Рус. Истор.) говоритъ, что враги въ тотъ же день къ полуночи очутились въ непроходимомъ лѣсу. Считая послѣднее справедливымъ, полагаю, что они остановились въ деревнѣ Перевозѣ, которая тогда существовала и которой миновать было нельзя.

одной версты. Въ сей деревнѣ, по наступленіи ночи, казалось бы, надлежало Полякамъ прекратить свой поискъ; но злодѣи нетерпѣливы, имъ несвойственно медлить. Возобновя жестокія пытки надъ Сусанинымъ и видя великодушное его терпѣніе, подумали они, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, Михаилъ Ѳеодоровичъ, избѣгая ихъ поиска, уже сдѣлавшагося довольно гласнымъ, ушелъ далѣе. Они рѣшились спуститься подъ гору и съѣхали на болото, надѣясь на чуткость собакъ съ ними бывшихъ, въ томъ чаяніи, что темнота ночная не помѣшаетъ симъ животнымъ отыскать ими искомаго. Между тѣмъ они и не замѣтили, что симъ самымъ они сдѣлали свободнымъ сообщеніе между Домнинымъ и дерев. Деревнищемъ и дали удобный случай зятю Сусанина перемѣстить Михаила Ѳеодоровича изъ Домнина въ свою деревню, и тамъ подъ сгорѣвшимъ за два передъ тѣмъ временемъ дни овиномъ, въ приготовленной заранѣе ямѣ, закрыть его обгорѣвшими бревнами.

Чистое Болото.

Оно носитъ издревле сіе имя потому, что орошено страдальческою кровію незабвеннаго Сусанина и окружено со всѣхъ сторонъ высокими горами. Начинаясь подъ деревнею Перевозомъ, простирается вверхъ по рѣкѣ Шачѣ къ востоку не менѣе какъ на пять верстъ; а на срединѣ сего разстоянія, тамъ гдѣ впадаютъ въ сію рѣку рѣчьки: съ сѣвера Водышъ, а съ юга Пичежъ, отклоняется еще на югъ не менѣе какъ на пяти-верстное же разстояніе. Идучи отъ деревни Перевоза, видишь по ту и по другую сторону рѣки Шачи сѣнокосные луга, а у сѣвернаго подгорья по топному и грязному мѣсту кочья съ мелкимъ кустарникомъ вплоть до того мѣста, гдѣ бываетъ по зимамъ съ сѣверной на южную сторону къ селу Исупову дорога. За сею-то дорогою вверхъ по рѣкѣ до устья, гдѣ рѣчьки соединяются съ оною, издали видишь какъ бы хорошіе и гладкіе луга, но это столь зыбкія и топныя мѣста, что съ трудомъ и опасностію крестьяне-владѣльцы оныхъ въ лѣтнее время и только сухое косятъ растущую тамъ осоку, мечутъ оную на высокіе подмостки и перевозятъ домой зимой только во время морозовъ; а вдоль луговъ сихъ по нагорной сѣверной сторонѣ по топному же грунту видишь высокія въ ростъ человѣческій кочья съ мелкимъ то березникомъ, то ивнякомъ. Между сими кочьями впрочемъ противъ деревни Анфёрова на болото есть тропа, по которой идучи видишь безпрестанно сосновые пни и коренья, — признакъ, что въ древности тутъ былъ строевой лѣсъ (18); а подъ самою горою обширное, пустое и продолговатое мѣсто, на подобіе поляны, безъ травы, безъ лѣсу и безъ кочьевъ, но топное, зыбкое, и чтобы пройти по нему опасно, наипаче осенью и послѣ дожжей. Это по народному нарѣчію «Бѣль», на коей только къ западу есть небольшое возвышенное мѣсто съ высокою, но уже подсохшею сосною. Болото сіе во всемъ своемъ обширномъ объемѣ окружено, какъ сказано, высокими горами, и сіи горы всѣ почти заселены многолюдными селеніями, дачи которыхъ, на болотѣ семъ состоящія, имѣютъ каждая свое названіе, и только одна та дача, которая за зимнею дорогою вверхъ по

18, Въ означенной землемѣрной книгѣ объ ней много разъ упоминается.

рѣкѣ Шачѣ, какъ сказано, версты на полторы носитъ названіе Чистаго Болота. Здѣсь то, думаю, постигла мученическая смерть Сусанина, память котораго нынѣ съ благоговѣніемъ чтитъ вся Россія. Иначе нѣтъ причины, почему ей называться чистою (19).

На страшныя сіи мѣста впрочемъ пріятно смотрѣть весною съ горы; лишь только появится оттепель, и вода начнетъ выливаться изъ береговъ, прилетаетъ сюда множество разнаго рода птицъ для вывода дѣтей; тогда услышишь вечеромъ, какъ они играютъ, плещутся, кричатъ и поютъ, всякая своимъ голосомъ и тономъ.

19, Въ прошлое лѣто я ходилъ по симъ мѣстамъ и хотѣлъ было ближе подойти къ устью, гдѣ рѣчька Водышъ соединяется съ рѣкою; но проводникъ мой сказалъ мнѣ: неподходите, тутъ зыбкое мѣсто. Избѣгая опасности, я пошелъ было внизъ по рѣкѣ, но чуть-чуть не попалъ въ наполненную водою и заросшую осокою яму (каковыхъ, на подобіе полыней на рѣкѣ Волгѣ, зимою по всему болоту много). Тутъ родился во мнѣ какой-то страхъ, и воображенію моему представилось: вѣрно здѣсь доблественнаго Сусанина постигла мученическая смерть. Недаромъ же молва народная говоритъ: „что и поганые Поляки губители, сами тутъ же погибли". Въ самомъ дѣлѣ, насытя злобу свою жертвою имъ въ руки попавшею и столь хитро ихъ обманувшею, должны же были они подумать и о своей безопасности. Но куда же ѣхать? Назадъ тѣми же мѣстами! Но въ деревнѣ Перевозѣ могли они встрѣтить толпу крестьянъ вооруженныхъ, крикъ коихъ можетъ быть доходилъ до ихъ ушей. Далеко вверхъ по рѣкѣ? Но этому гибельному пространству еще и конца не видно. Чрезъ рѣку? Но она непроходима, вся заросла высокимъ на подобіе лѣса тростникомъ и еще не замерзла. На сѣверъ къ ближайшему на горѣ видимому селенію? Но густой и огромной лѣсъ непроходимъ. Нашли же однако тропу, обрадовались въ надеждѣ найти тамъ пріютъ и отдохновеніе; пробираясь чрезъ пни и коренья и безпрестанно погружаясь въ грязь еще не совсемъ замерзшую, какъ обрадовались было они, увидя подъ горою обширную поляну; съ радостью и стремительно бросились къ ней, но попали въ грязь и въ грязь необыкновенную и обширную. Тутъ-то обмокшихъ и въ грязи утомившихся отъ напряженія силъ постигла ихъ осенняя продолжительная ночь; а сильный холодъ довершилъ ихъ погибель. Не даромъ же въ народѣ красная подсохшая сосна на сей гибельной полянѣ слыветъ проклятою: быть можетъ подъ нею, или около нея они за смѣлый и дерзновенный свой подвигъ нашли себѣ достойную награду—могилу!

Церковь въ селѣ Домнинѣ

въ историческомъ ея отношеніи.

Изъ вышеписанной жалованной грамоты и изъ землемѣрной книги, составленной въ 1636 году княземъ Васильемъ Романовичемъ Волконскимъ, видно, что церковь сія въ древности была во имя Воскресенія Христова и была устроена тщаніемъ и иждивеніемъ Василья Михайловича и Ивана Васильевича гг. Шестовыхъ (20), дѣда и отца Великой Старицы Инокины Марѳы Іоанновны. Была она деревянная, шатровая, но какой фигуры, неизвѣстно. Снабжена была иконами, ризами, книгами и колоколами. Изъ иконъ доселѣ имѣются въ церкви: образъ Воскресенія Христова на празелетіи, бывшій тогда мѣстнымъ, и другой образъ Воскресенія Христова же, малаго размѣра, да образъ Одигитріи Божіей Матери; всѣ сіи иконы и прочая утварь упомянуты въ означенной грамотѣ. Характеръ письма первой изъ сихъ иконъ заставляетъ думать и о другихъ многихъ иконахъ, что онѣ писаны въ одно время и однимъ иконописцемъ. Изъ книгъ того времени есть только двѣ: Евангеліе съ средникомъ и евангелистами серебряными (позолота отъ древности стерлась) и требникъ,—обѣ печатаны при свят. патріархѣ Филаретѣ Ники-

20, Въ означенной землемѣрной книгѣ между прочимъ сказано о церкви Домнинской: „и всякое церковное строеніе прежнихъ вотчинниковъ и мірское", а о Хрипилевской только: „и всякое церковное строеніе мірское".

тичѣ. Изъ утвари — крестъ напрестольный, обложенный по дереву тонкимъ серебромъ и потиръ оловянный—оба ветхіе; полагаю, относятся къ тому же времени. Изъ колоколовъ —два малые, зазвонные, по преданію, заведены гг. Шестовыми; но колоколъ, пожалованный Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, разшибенъ и перелитъ около 1800 года. Старшіе жители села Домнина увѣряютъ, что на немъ было изображено Воскресеніе Христово, и по краямъ высѣчены слова: «отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича въ церковь села Домнина». Церковь сія, построенная гг. Шестовыми, была передѣлана въ 1649 году при Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ ней были два престола, одинъ къ югу, а другой къ сѣверу; первой во имя Успенія Божіей Матери, а второй во имя святителя и чудотворца Николая. Иконостасы устроены были рядомъ въ одну линію и позолочены, а надъ ними подъ потолкомъ утверждена была неширокая доска съ словами, показывавшими время построенія храма, царствовавшаго тогда государя и патріаршествовавшаго іерарха Іосифа. Сія церковь уже въ наше время въ 1831 году по ветхости разобрана и употреблена, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, на обжигъ кирпича для ограды. О непрерывномъ ея существованіи сначала построенія свидѣтельствуютъ, кромѣ вышесказанныхъ книгъ и иконъ, многія богослужебныя книги, печатанныя при Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и находящіяся понынѣ въ цѣлости. Съ южной стороны подъ предѣлъ Успенія Божіей Матери устроенъ былъ входъ, дверь коего отъ долговременности такъ была угружена въ землю, что при сломкѣ церкви виденъ былъ только верхній косякъ. Преданіе же говоритъ, что туда подъ церковь ходили пѣть панихиды. И въ самомъ дѣлѣ послѣ разборки церкви подъ придѣломъ Успенія Божіей Матери въ томъ же 1831 году при взрытіи могилы для одного умершаго младенца въ глубинѣ земли открытъ былъ гробъ, и въ немъ останки мужескаго тѣла: черепъ и волосы были цѣлы, а въ изголовьѣ была найдена фарфоровая чайная чашка съ яркими на выпуклости цвѣтами. Думать можно, что тѣло сіе было похоронено у самой стѣны церковной; при распространеніи же церкви закрыто было предѣломъ Успенія Божіей Матери. На всемъ пространствѣ, какое занимала церковь своимъ зданіемъ, кромѣ означенной, ни одной могилы болѣе не открыто. Церковь сія, снаружи великолѣпная, внутреннее благолѣпіе тоже имѣла отличное; искусно устроенный иконостасъ искусно былъ и вызолоченъ; нѣкоторыя части онаго есть въ каменной церкви. Посему, представляя въ умѣ своемъ приходъ оной церкви не болѣе, можетъ быть, полутораста душъ крестьянскихъ, или еще и менѣе, по соображенію съ духовною 1728 года вѣдомостью, при церкви хранящеюся, думать себѣ позволяю, что или Новоспасскій монастырь отъ своихъ доходовъ за богатую вотчинную отъ Великой Старицы вкладу, или по его же ходатайству Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ своими щедротами, восполнилъ недостатокъ прихожанъ въ возобновленіи храма, еще не забытаго какъ по отношенію храмоздателей его предковъ гг. Шестовыхъ, такъ и по мѣсту погребенія крестьянина, не подорожившаго своею жизнію за жизнь

отца его Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича.—Если то правда, какъ говоритъ преданіе, что Сусанинъ погребенъ подъ церковію, то думать можно, что по сей самой причинѣ на мѣсто одного священника Евсевія, упомянутаго въ означенной грамотѣ, опредѣлены были два—и оба дѣти Евсевія, какъ видно изъ упомянутой землемѣрной книги. Впослѣдствіи же времени, какъ видно изъ означенной 1728 года вѣдомости, были уже не два при ней, а три священника; и по сей-то, полагаю, причинѣ Новоспасскій монастырь, не смотря на скудость вотчинныхъ угодій, къ церковнымъ дачамъ сдѣлалъ очень значительную изъ своихъ угодій прибавку. Сія прибавочная дача и по нынѣ носитъ названіе—«приданница».

Къ сему не лишнимъ считаю прибавить и то, что Великая Старица Инокиня Марѳа Ивановна для распространенія благочестія въ своей вотчинѣ, дозволивъ отдаленнымъ отъ Домнина крестьянамъ устроить другой храмъ для богослуженія на той рѣкѣ Шачѣ близъ деревни Шипилова, и устроенной ими въ скоромъ времени за поспѣшностію изъ стараго строенія, повелѣла ознаменовать именемъ Архистратига Михаила изъ благоговѣнія къ нему, какъ грозному воеводѣ силъ небесныхъ, почитая его своимъ и всей Россіи избавителемъ отъ всѣхъ вражескихъ нахожденій. А какъ крестьяне оные вскорѣ за тѣмъ соорудили еще храмъ новый, то сей повелѣла она ознаменовать именемъ боголѣпнаго Преображенія Господа и Бога Спаса нашего Іисуса Христа, въ знакъ своей Господу благодарности за воззваніе сына ея изъ состоянія крайняго истощенія во славу Царя всея Россіи. Село сіе Хрипили, какъ ново-возникшее и какъ мало приходное, въ грамотѣ ея названо сельцомъ, и приходскими деревнями онаго были только седьмь селеній.

Сверхъ того, заботливо помышляя о безбѣдномъ продовольствіи своихъ крестьянъ, она изъ государевыхъ пустошей сына своего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича взяла на себя (21) пустошь что̀ бывалъ Водошскій Ямъ и къ нему четырнадцать пустошей; испосажала на нихъ своихъ крестьянъ и приходомъ причислила ихъ къ той же Хрипилевской церкви, а потому при ней опредѣлила двухъ священниковъ.—Впрочемъ сіи на пустошахъ водворенные крестьяне за дальностію отъ Хрипилевской церкви въ послѣдствіи времени въ Водошскомъ Яму соорудили свою, во имя Введенія Божіей Матери, церковь, которая однакожъ существовала недолго; послѣ нея нынѣ видимо одно кладбище, да въ Домнинской церкви хранится толковое Евангеліе. Нынѣ существующая въ селѣ Домнинѣ церковь каменная во имя Успенія Божіей Матери съ двумя предѣлами: во имя Тихвинской Божіей Матери и Святителя Чудотворца Николая; началась строиться тщаніемъ и иждивеніемъ прихожанъ въ 1810 году и окончена построеніемъ въ 1817 году; по сему въ слѣдующемъ 1818 году и освящены оба предѣла. Въ настоящемъ же храмѣ богослуженіе началось съ 1827 года. Она устроена на томъ самомъ мѣстѣ, по преданію, гдѣ стоялъ домъ Великой Старицы, и гдѣ она съ сыномъ своимъ, послѣ бывымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, повремянно жила, и устроена по внушенію священника тогда бывшаго, единст-

---

21, О семъ сказано въ концѣ жалованной грамоты.

венно съ тою цѣлію, чтобы тамъ, гдѣ Промыслу угодно было сохранить отъ поисковъ Польскихъ жизнь родоначальника нынѣ благополучно и со славою царствующихъ Императоровъ, всегда возносима была безкровная жертва. Сія-то нынѣ церковь красуется, какъ вѣнцемъ радужнымъ, многими щедротами въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Онъ, усмотрѣвъ изъ частной записки, поданной Ему однимъ свѣтскимъ чиновникомъ, урожденцемъ Домнинскимъ, что церковь въ прежде бывомъ дворцовомъ селѣ Домнинѣ имѣетъ многіе недостатки и по бѣдности прихожанъ бѣдствуетъ въ своемъ благолѣпіи, благоволилъ въ 1850 году изъ Царскихъ Своихъ сокровищъ выслать 2,625 рублей серебромъ, на каковую сумму всѣ значительныя по построенію ветхости и недостатки исправлены подъ распоряженіемъ Костромской Палаты Государственныхъ Имуществъ; при томъ высланы: новое Евангеліе, обложенное серебромъ, крестъ напрестольный, потиръ съ принадлежностями, ковчегъ, дароносица и ковчегъ для теплоты, всѣ серебрянные съ позолотами, съ финифтяными на приличныхъ мѣстахъ изображеніями и со стразами. Высланы еще священно и церковно-служительскія вдвойнѣ облаченія; на всѣ три престола и на всѣ жертвенники одежды, а къ царскимъ вратамъ занавѣсы и прочее. За расходомъ же оной суммы на всѣ сіи предметы остатокъ, 243 рубли серебромъ, употребленъ въ прошедшемъ 1856 году на устройство новаго въ лѣвомъ предѣлѣ и богатаго по благолѣпію иконостаса.

Деревня Деревенька (а попрежнему Деревнище)

Она принадлежитъ къ той же, что̀ и село Домнино, вотчинѣ; лежитъ на сѣверо-западъ отъ Домнина неболѣе трехъ верстъ разстояніемъ на рѣчькѣ Корбѣ. Въ ней жилъ зять Сусанина Богданъ Собининъ и дѣти его—Данило и Константинъ, а можетъ быть въ молодости въ ней жилъ и самъ Сусанинъ до того времени, какъ взятъ былъ во дворъ господскій для управленія вотчиною. При жизни Великой Старицы половина оной деревни была обѣлена, т. е. освобождена отъ всѣхъ податей, пошлинъ и налоговъ, а въ ней тогда было только два двора. Замѣчательно при семъ то, что въ вышеозначенной жалованной грамотѣ они, дѣти Богдановы, записаны наряду съ прочими крестьянами, и объ обѣленной, то есть безоброчной землѣ ни сколько не упомянуто. Архимадритъ Ново-спаскаго монастыря, какъ изображено во второй грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной, ихъ бѣлопашцевъ очернилъ, т. е. сталъ брать на монастырскіе доходы наравнѣ съ прочими крестьянами; по сему-то мать ихъ вдова Антонида, дочь Сусанина, и обратилась о семъ съ жалобою къ Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, а по сему то и дана имъ, вмѣсто половины деревни Деревнища, цѣлая пустошь Коробово близь села Краснаго, верстахъ въ 60-ти отъ Домнина.

Село Исупово.

Оно лежитъ на юго-востокъ отъ села Домнина по прямой линіи въ 8-ми верстахъ, на ровномъ скатѣ невысокой горы, съ восточной стороны при болотѣ, посреди коего течетъ рѣчька Пичежъ, соединяющаяся ниже деревни Митюрева съ рѣкою Шачею; по обѣимъ сторонамъ сей рѣчьки мѣста столь же зыбкія, какъ и на Чистомъ Болотѣ. Съ прочихъ трехъ сторонъ село Исупово окружено пахотными полями

и разными деревнями. Къ ясному и точному понятію описываемаго мною событія, т е. того достославнаго подвига, коимъ Сусанинъ пріобрѣлъ себѣ столь громкое въ потомствѣ имя, считаю за нужное прибавить и то, что изъ деревни Деревеньки въ село Исупово зимняя дорога бываетъ чрезъ деревни: Павлово или Голодаево, черезъ село Домнино, чрезъ деревню Перевозъ, черезъ Чистое Болото, и наконецъ чрезъ деревню Митюрево; а если нужно туда ѣхать, миновавъ Домнино, то не иначе какъ чрезъ деревни Павлово же, Коростели, Антипово, Перевозъ, или Холмъ и наконецъ Митюрево же. Деревни сіи во время Сусанина существовали; какъ показываетъ означенная жалованная грамота; лѣтомъ чрезъ Чистое Болото вовсе не бываетъ дороги, даже и для пешеходовъ.

IV. ЗАПИСКА ИЛИ СВОДЪ ПРЕДАНІЙ.

По очищеніи Москвы отъ Поляковъ въ 1612-мъ году, когда начались собранія всѣхъ чиновъ — воинскихъ, гражданскихъ и духовныхъ. для совѣщанія объ избраніи главы государства, и когда на сихъ собраніяхъ, по мнѣнію бывшаго патріарха-мученика Гермогена, упоминаемо было, преимущественно предъ прочими, имя Михаила Өеодоровича изъ роду Романовыхъ, какъ единственной, хотя то и по женской линіи, отрасли пресѣкшагося Рюрикова дома, то мать Михаила Өеодоровича Инока Марөа Іоанновна, напуганная несчастною кончиною Годунова и Шуйскаго, позорною смертію самозванцевъ, звѣрскими и безчеловѣчными поступками Поляковъ въ время осады въ Кремлѣ, притомъ зная стремленіе Польскаго Владислава завладѣть Россійскимъ царствомъ, рѣшилась для уклоненія отъ царской, высокой и вмѣстѣ опасной, почести, уѣхать съ сыномъ своимъ Михаиломъ изъ Москвы въ Кострому. Здѣсь она думала жизнь свою провести покойно, предполагая, что за отбытіемъ ихъ изъ Москвы изберутъ на царскій Всероссійскій престолъ кого нибудь изъ опытныхъ мужей, помимо ея еще юнаго и неопытнаго сына. Но въ Москвѣ было не то, что́ она думала: тамъ всѣ чины, какъ бы огорчась самовольнымъ ея отбытіемъ, всѣ даже тѣ, коимъ хотѣлось сей почести, соединились въ одну думу: быть Царемъ Михаилу Өеодоровичу Романову, отъ племени праведнаго Государя и Великаго Князя Өеодора Іоанновича.

Въ Костромѣ остановилась она въ своемъ домѣ у самаго Воздвиженскаго женскаго монастыря. — Вѣсть сія о предназначеніи Михаила Өеодоровича на царство скоро донеслась въ непріятельскую армію. Не опуская изъ вида главной цѣли: покорить Россію Польской державѣ, тамъ, въ воинскомъ совѣтѣ, положили послать отрядъ смѣлыхъ охотниковъ въ Кострому для погубленія Михаила Өеодоровича, дабы продолжить междуцарствіе и тѣмъ легче достигнуть своей цѣли.

Вѣсть о посланныхъ въ Кострому изъ непріятельской арміи тоже скоро донеслась въ Москву; по сему, какъ о назначеніи Михаила Өеодоровича на царство, такъ и о посланныхъ Польскихъ злодѣяхъ для погубленія его, извѣстили Иноку Марөу Ивановну; но извѣстіе сіе дошло до нея въ то самое время, когда враги царства Русскаго прибыли уже въ предмѣстіе Костромы и чрезъ своихъ доброхо-

товъ изыскивали средства къ исполненію своего намѣренія.

Извѣстіе сіе о назначеніи сына ея на царство и о прибытіи враговъ къ Костромѣ съ какими она приняла чувствами, можетъ выразить только тотъ кому сказано: готовься къ смерти.

И въ это-то самое время — въ минуты отчаянія, прибылъ къ ней управитель-староста Домнинской вотчины Иванъ Сусанинъ. Отъ домашнихъ ея узналъ онъ, что сынъ ея Михаилъ преднареченъ на Всероссійскій царскій престолъ и что по сему Поляки, исконные враги царства Русскаго, уже близь Костромы съ тою цѣлію, дабы погубить его и опять Святую Русь ввергнуть въ пагубное безначаліе.

Исполненный совершенно-безусловною преданностію къ своимъ благочестивымъ господамъ и праведною местію къ врагамъ своего отечества за буйства ихъ, Сусанинъ какъ огнемъ воспламенился ревностію за новоизбираемаго Царя и, явясь предъ лицо Инокини Марѳы Ивановны, съ клятвою сказалъ: Отдай мнѣ Михаила Ѳеодоровича, я сохраню его для Святой Россіи, скрою его; и пусть враги его рѣжутъ меня, пусть терзаютъ, ломаютъ, не скажу про него. Крестьянская голова недорога, а дорога царская; а скрыть его есть гдѣ у меня.

Отрадныя сіи слова такъ подѣйствовали на сердце Инокини Марѳы Іоанновны, что она тотъ же разъ, не выжидая, что можетъ быть явились бы ревнители православной Россіи и изъ гражданъ Костромы, согласилась отпустить съ Сусанинымъ своего сына въ Домнино; и Михаилъ Ѳеодоровичь, напутствованный молитвою и благословеніемъ матери, ночью въ крестьянской одеждѣ выѣхалъ изъ города и прибылъ въ Домнино ночью же безъ всякой о себѣ огласки. Здѣсь онъ тотчасъ скрылся на дворѣ въ подземномъ тайникѣ и закрытъ былъ коровьими яслями; а Сусанинъ каждый день съ самаго ранняго утра до поздняго вечера уходилъ въ лѣсъ рубить дрова.

Поляки, выжидая случая достигнуть своей злокозненной цѣли, наконецъ узнали, что Михаила нѣтъ въ Костромѣ, и что онъ выбылъ не иначе какъ въ Домнино съ Сусанинымъ, многими замѣченнымъ тогда въ Костромѣ. И поспѣшно погнались они за ними, думая догнать на дорогѣ и тутъ же совершить свое злодѣйство.

Но Михаилъ прибылъ въ Домнино за двои сутки до своихъ злодѣевъ; а Сусанинъ тогда же приказалъ зятю своему въ деревнѣ Деревнищѣ Богдашкѣ Собинину зажечь овинъ съ разглашеніемъ въ народѣ, что овинъ сгорѣлъ отъ сушки хлѣба, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы при набѣгѣ непріятелей перемѣстить туда Михаила и закрыть обгорѣлыми головнями,—дабы и собаки, находящіяся съ Поляками, не могли по обонянію узнать сокрытаго.

Чрезъ двои сутки Поляки дѣйствительно прибыли въ Домнино; обыскавши весь домъ господскій, все дворовое строеніе и всѣ дома въ селѣ и не найдя ни Михаила, ни Сусанина, обратились было въ деревню Деревнище, на мѣсто жительства зятя Сусанина; но на дорогѣ въ лѣсу нашли кого надобно было, спросили о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ гдѣ онъ и, услыша отвѣтъ, что онъ ушелъ въ лѣсъ за охотою, не повѣрили, воротились въ Домнино, потребовали угощенія и за угощеніемъ предлагали ему и деньги и все, что̀ ему угодно и почести; но, слыша отъ Сусанина одно: «Михаилъ остался въ лѣсу», взя-

лись за крутыя мѣры. Мѣры сіи открылись во всѣхъ родахъ пытокъ, какія только были извѣстны католическому изувѣрству. Чудное дѣло! И подъ пытками сердце Сусанина, напитанное св. вѣрою и любовію къ св. Руси, не дрогнуло, не измѣнило своей клятвѣ—спасти Михаила.

Не успѣвши побѣдить терпѣніе его, они приказали ему вести ихъ въ лѣсъ; прибывши туда, откуда взятъ, они возобновили надъ нимъ пытки, но и здѣсь геройское его мужество не ослабѣло, онъ все тоже говорилъ: «Михаилъ ушелъ въ лѣсъ».

Враги, удивляясь его терпѣнію, подумали, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Михаилъ остался въ лѣсу, приказали вести ихъ туда, и Сусанинъ повелъ ихъ по теченію рѣчьки Корбы, текущей временно по глубочайшему и обширному суходолу, на крутыхъ окраинахъ коего по обѣимъ сторонамъ множество тоже глубокихъ овраговъ, заросшихъ дремучими лѣсами. Здѣсь онъ заранѣе сдѣлалъ слѣды въ разныя стороны, дабы враги съ своими собаками, блуждая по симъ слѣдамъ и кидаясь то въ ту, то въ другую сторону, то на тотъ, то на другой берегъ рѣчьки, могли утомиться; поискъ ихъ продолжался до самой ночи, а между тѣмъ Сусанинъ безпрестанно громкимъ крестьянскимъ голосомъ кричалъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ! Михаилъ Ѳеодоровичъ! давая врагамъ знать, что онъ ихъ якобы не обманываетъ. Наконецъ достигли деревни Перевоза въ одной верстѣ отъ Домнина. Свечеряло. Враги отъ труднаго и продолжительнаго поиска въ самомъ дѣлѣ утомились и пожелали отдохнуть; остановясь въ крестьянской избѣ и пресытившись водкою, они, пьяные, связавши вожака своего, положили среди себя; скоро заснули (ихъ стражами были собаки) заснули, не замѣтя, что они отклонились къ востоку, сдѣлали свободное сообщеніе между Домнинымъ и деревнею Деревнищемъ, и тѣмъ дали удобный случай зятю Сусанина по предварительному приказанію его перемѣстить Михаила въ свою деревню и тамъ подъ сгорѣвшимъ овиномъ въ ямѣ закрыть его головнями. Злодѣи скоро проснулись, и казалось бы, въ осеннюю, продолжительную ночь, надлежало прекратить поискъ, но злодѣи нетерпѣливы, имъ несвойственно медлить. Возобновя надъ Сусанинымъ пытки, дабы еще испытать его правду и видя безпримѣрное его терпѣніе, подумали, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, Михаилъ, избѣгая ихъ преслѣдованія, уже сдѣлавшагося гласнымъ, ушелъ далѣе, рѣшились тоюже ночью спуститься подъ гору и съѣхали на болото, надѣясь на чуткость собакъ съ ними бывшихъ, въ томъ чаяніи, что темнота ночная не помѣшаетъ симъ животнымъ отыскать искомаго. Подъ горою между раменнымъ лѣсомъ и рѣкою сперва ѣхали они за Сусанинымъ по замерзшему твердому лугу; но, отъѣхавши не болѣе версты, земля подъ ногами ихъ начала мѣстами гнуться, и наконецъ достигли до такихъ мѣстъ, гдѣ частыя полыньи и мало замерзшая земля далѣе ни идти, ни ѣхать не позволяли. Сусанинъ бросился было за рѣку, но ледъ подогнулся, затрещалъ. Тутъ-то враги узнали обманъ, схватили его и изрубили на части. Собаки бросились было терзать части, но враги запретили имъ: имъ не до того было; имъ надлежало спасать жизнь свою. Конецъ извѣстенъ (*).

(*) Сличи превосходное возраженіе Костомарову С. М. Соловьева въ № 76 газеты „Наше Время“ 1862 г. *П. Б.*

ДѢЛО О КНЯЗѢ ЧЕРКАССКОМЪ.

1733—1734.

Въ №№ 7-9 журнала „Заря" прошедшаго года помѣщено очень любопытное и доселѣ мало извѣстное дѣло князя Александра Андреевича Черкасскаго, бывшаго Смоленскимъ губернаторомъ при Аннѣ Ивановнѣ. Но въ „Зарѣ" оно напечатано не вполнѣ; нѣкоторыя весьма важныя дополнительныя бумаги по этому дѣлу принесены въ даръ Чертковской Библіотекѣ *Николаемъ Семеновичемъ Стромиловымъ*, получившимъ ихъ отъ одного изъ помѣщиковъ Александровскаго уѣзда, Московской губерніи. Бумаги эти суть современные подлинники, писанные знаменитымъ Остерманомъ, подписанные императрицею Анною. Для лучшаго уразумѣнія этихъ драгоцѣнныхъ автографовъ, предпосылается нижеслѣдующее связное изложеніе всего дѣла о князѣ Черкасскомъ. *П. Б.*

*

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1733 г. императрица Анна получила писанное въ Гамбургѣ донесеніе, что у нея въ государствѣ не все покойно: что дворяне-помѣщики и административныя лица Смоленской губерніи (тогдашней западной окраины Россіи) замышляютъ втихомолку свергнуть съ себя иго Русскаго подданства; что заговоръ не ограничивается однимъ Смоленскомъ, но связанъ съ броженіемъ въ Польшѣ, съ Малороссіей и даже съ Турціей. — Все это пополнилось впослѣдствіи увѣреніями доносчика, будто бы Смоленскіе тузы при всякомъ удобномъ случаѣ пьютъ за здоровье Голштинскаго принца, становясь при этомъ на колѣна; будто въ Смоленскѣ существуетъ цѣлое тайное общество, члены котораго узнаютъ другъ друга по особымъ знакамъ, которые носятъ въ видѣ бантовъ или пучковъ изъ лентъ; наконецъ будто бы Русскіе подданные зовутъ себя слугами Голштинскаго герцога и чаютъ отъ него всякихъ милостей. Въ подтверженіе сказаннаго, къ доносу прилагались письма: кн. Черкасскаго къ герцогу, генерала Александра Потемкина (мож. быть отца Потемкина-Таврическаго) къ Станиславу Лещинскому и другія не менѣе важныя письменныя улики.

Чтобы понять, какъ подобное извѣстіе должно было подѣйствовать на Анну и ея правительство въ лицѣ Бирона, надобно только вспомнить обстоятельства того времени. Анна была выбрана на престолъ Русскій совершенно случайно и тотчасъ по пріѣздѣ встрѣтилась съ попыткою сдѣлать ее орудіемъ въ рукахъ знатныхъ фамилій. Правда, съ Долгорукими она раздѣлалась счастливо, посадивъ ихъ въ крѣпкія тюрьмы „за важныя государственныя преступленія"; но и послѣ этого нельзя было оставаться въ покоѣ: въ Голштиніи жилъ опасный совмѣстникъ, внукъ Петра Великаго, а по мнѣнію многихъ воцареніе этого принца было бы счастіемъ для Россіи; въ Польшѣ работали іезуиты и Станиславъ Лещинскій; Малороссія казалась также опасною по сосѣдству съ враждебной Турціей. Внутри народъ Русскій былъ раздраженъ и озлобленъ какъ противъ личности временщика, такъ и противъ системы управленія, — постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, доимочныхъ указовъ и правежа, не щадившаго ни крестьянъ, ни дворянства, ни духовенства. Неудачи Русской партіи при дворѣ и успѣхи Нѣмцевъ [1]) сердили большинство народа, а

[1]) Въ этомъ отношеніи характеристичны приписываемыя Черкасскому слова: „овладѣли черти святымъ мѣстомъ, а именно Нѣмцы; за то и хлѣбъ не родится." (Заря, Сент. Приложенія, стр. 284).

еще больше высшій кругъ знати, которая принуждена была раззоряться для удовлетворенія страшныхъ требованій безумно-роскошнаго двора.

Минуты переживались тяжелыя, и въ одну-то изъ нихъ явилось донесеніе, написанное человѣкомъ, который самъ былъ дѣятельнымъ членомъ заговора. Приходилось вѣрить и принимать сильныя мѣры. Тотчасъ извѣстный Ушаковъ получаетъ приказъ отправиться въ Смоленскъ съ отрядомъ войска и неограниченнымъ полномочіемъ въ дѣйствіяхъ: ему предоставлено забирать себѣ въ подмогу солдатъ и арестовывать всѣхъ невозбранно. Впрочемъ — отправка сильной военной команды не могла въ то время возбудить подозрѣнія: тогда много Русскихъ войскъ шло въ Польшу для утвержденія Августа на спорномъ престолѣ.

Семену Нарышкину въ Глуховъ былъ также посланъ приказъ содѣйствовать въ розыскѣ Ушакову. Но потомъ сообразили, что и самъ Нарышкинъ можетъ оказаться причастнымъ заговору; а потому Ушаковъ получилъ наставленіе остерегаться его и, въ случаѣ нужды, взять подъ арестъ [2]). — Такъ какъ въ приложенномъ къ донесенію письмѣ Смольянъ на имя Лещинскаго обѣщалась ему помощь въ количествѣ 2500 человѣкъ, то Ушакову рекомендовано было слѣдить за „подвигами Смоленскихъ обывателей“ и расположить въ окрестностяхъ Смоленска побольше военной силы.

Ушаковъ немедленно отправился, взявъ съ собою генералъ-майора Бахметева и полковника Шамердина. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, онъ арестовалъ обвиняемыхъ: губернатора Черкасскаго со всѣмъ его домомъ, генерала Потемкина съ семействомъ, Корсаковъ и другихъ. Начался розыскъ, и заговоръ принялъ если не бо́льшіе размѣры, то по крайней мѣрѣ большую опредѣленность. Доносчикъ Милашевичъ привлекъ къ дѣлу Бѣльскаго старосту Потоцкаго и его приближенныхъ, а это не могло казаться пустяками: Бѣльскъ былъ гнѣздомъ іезуитовъ и сторонниковъ Лещинскаго.

Пошли допросы, очныя ставки и пытки въ застѣнкахъ. Начались въ показаніяхъ доносчика противорѣчія, и противорѣчія немаленькія. Дѣло было перенесено въ Петербургъ, и 22 Мая 1734 года у Милашевича выпытано окончательное показаніе, которымъ уничтожалась вся грандіозность первыхъ доносовъ, и дѣло сводилось къ измѣннической попыткѣ двухъ лицъ, — попыткѣ далеко недоведенной до конца и легко объяснившейся отчасти общимъ чувствомъ раздраженія Русскихъ противъ Нѣмецкаго правительства, отчасти личною злобою заговорщиковъ на Петербургскій дворъ.

Сообразно съ производившимся цѣлый годъ розыскомъ мы прослѣдимъ предшествовавшія событія 1732 и 1733 годовъ, давая конечно не столько вѣры доносчику, сколько повиннымъ самого Черкасскаго и другихъ причастныхъ лицъ. Въ разсказъ нашъ будутъ по возможности занесены лишь тѣ факты, которые подтверждаются согласными показаніями обвиненныхъ и не противорѣчатъ общему смыслу дѣла.

При дворѣ Екатерины Ивановны Мекленбургской [3]) служилъ камеръ-пажемъ Смольянинъ-юноша Ѳедоръ Ивановъ Красный - Милашевичъ. Долго ли онъ былъ въ этой должности, изъ дѣла не видно. Причина увольненія въ точности также неизвѣстна; можетъ быть виною тому былъ докт. Блументростъ, которому не нравились частыя появленія Милашевича въ домѣ цесаревны Елизаветы Петровны [4]), или помощь, которую Милашевичъ оказывалъ Потоцкому при свиданіяхъ этого послѣдняго съ цесаревною въ одномъ изъ укромныхъ доми-

[2]) Слова инструкціи Ушакову: „до кого бы ни дошло, *не смотря ни на чье лице*, за караулъ взять“. (Заря, Іюль, стр 214)

[3]) Дочь Ивана V Алексѣевича и Прасковьи Ѳедоровны. Умерла 14 Іюня 1733 года. (См. Энцикл. Словарь Русскихъ учен. и литер. Отд. II, т. I-й, стр 513)

[4]) Заря. Августъ, Истор. мат. стр. 237.

ковъ Греческой слободы [5]), или же камеръ-пажъ былъ уличенъ въ какихъ-то непозволительныхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ купцомъ Баро, у котораго бывалъ и Потоцкій [6]) — рѣшить трудно, да и не особенно важно въ настоящемъ случаѣ. Важно то, что пажа прогнали. Обиженный этимъ, озлобленный на дворъ и на правительство, посвященный въ закулисныя тайны двора — въ родѣ того, что всевластный Биронъ ведетъ тайкомъ, чрезъ купца Фермана, выгодную для себя и убыточную для другихъ торговлю, молодой человѣкъ отправился на родину, въ Смоленскъ, не видя возможности поправить испорченную карьеру.

Пріѣхавъ въ деревню къ отцу, Ивану Михаиловичу, Ѳедоръ вскорѣ посѣтилъ Смоленскъ и тамъ представился мѣстному начальнику губерніи, князю Александру Алексѣевичу Черкасскому, дальнему родственнику сидѣвшаго тогда въ кабинетѣ Анны дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черкасскаго [7]). Отцу Милашевичъ не сказалъ ничего о своемъ невольномъ отъѣздѣ изъ Петербурга, во первыхъ потому, что не хотѣлъ огорчить его, во-вторыхъ не ожидалъ отъ него существенной помощи въ своемъ горѣ. Дѣло другое — губернаторъ. Ѳедоръ зналъ, что Черкасскій извѣстенъ герцогу Голштинскому съ хорошей стороны; что онъ, отправленный изъ Петербурга по милости Бирона въ Смоленскъ [8]), также имѣетъ свои причины обижаться на правительство, — значитъ, съ этой стороны можно было разсчитывать и на сочувствіе и на помощь.

Милашевичъ не ошибся. Бывши однажды въ гостяхъ у Семена Корсака, впослѣдствіи припутаннаго имъ къ дѣлу, онъ заинтересовалъ губератора своимъ печальнымъ видомъ и получилъ отъ него приглашеніе посѣтить его домъ, не ради однаго приличія, а чтобъ имѣть возможность поговорить откровенно [9]). — Вслѣдъ за этимъ Милашевичъ приходитъ къ Черкасскому. Разговоръ ихъ естественно склонился на дурныя стороны тогдашняго царствованія, на жадность Бирона, на переходъ всей власти въ руки его и его клевретовъ, на Долгорукихъ и на ихъ бѣдственное положеніе, на выгоды республиканскаго порядка, хоть такого напримѣръ, какъ въ Польшѣ и т. д. и т. д. Губернаторъ, отчасти искренне, а отчасти и для ободренія уволеннаго камеръ-пажа, обвинялъ правительство въ неумѣньи и нехотѣньи выбирать и беречь достойныхъ людей, въ покровительствѣ глупцамъ и въ гоненіи на мало-мальски смыслящихъ [10]). Затѣмъ собесѣдники перешли къ „конъюктурамъ будущаго“, т. е. къ наслѣдію престола послѣ недолговѣчной (по мнѣнію губернатора) Анны. Обоимъ имъ пришелъ прежде всего въ голову внукъ Петра I, Голштинскій принцъ. Воцареніе его легко могло быть для иныхъ возвращеніемъ добраго стараго времени и старой чести, а тѣмъ болѣе могъ такъ думать Черкасскій, который пользовался прежде милостью Голштинскаго герцога и былъ имъ приглашаемъ на службу въ Голштинію [11]). Всѣми этими соображеніями и воспользовался губернаторъ, чтобы ослѣпить неопытнаго пажа перспективою выгодъ службы герцогу и принцу, будущему императору Всероссійскому. Въ самомъ дѣлѣ, — на родинѣ Милашевичъ не видѣлъ для себя въ переди ничего особенно утѣшительнаго: Нѣмцы дѣйствительно всѣмъ завладѣли. Были у него, правда, рекомендательныя письма отъ Потоцкаго въ Польшу; но ѣхать туда

[5]) Слобода эта не существуетъ, какъ должно полагать, уже съ 1738 года (См. Планы Петербурга. Цылова. Спб. 1858.)

[6]) Заря, Іюль, Истор. мат., стр 214 и 215.

[7]) Былъ сначала Тобольскимъ губернаторомъ (см. Родословную Книгу кн. Долгорукаго стр 42)

[8]) Заря, Августъ, Истор мат., стр. 237.

[9]) Тамъ-же.

[10]) Заря, Авг., Истор. мат. стр. 238, 239, 259, 261, 263 и др.

[11]) Тамъ же, стр 238, 259, 266.

значитъ вполнѣ надѣяться на авось, — между тѣмъ какъ Голштинія должна была казаться ему чѣмъ-то близкимъ, почти роднымъ, а тутъ еще Черкасскій божится, что и самъ бы туда отправился, да семейныя обстоятельства не позволяютъ! Разсчетъ прямой—подслужиться герцогу теперь, чтобы имѣть право на милость его дома въ лучшія времена. Но какъ это сдѣлать? Предложить къ услугамъ только свою особу, —это еще не много; по крайней мѣрѣ Черкасскому хотѣлось большаго. И вотъ онъ, взявъ съ Милашевича слово быть скромнымъ, сообщаетъ ему свой проэктъ — заявить герцогу и принцу, что не они одни готовы служить имъ вѣрою и правдою; что за ними стоитъ еще цѣлая толпа недовольныхъ дворянъ, стольже преданныхъ Голштинскому дому [12]). Для правдоподобія стóитъ только сочинить подложное письмо отъ какого-нибудь именитаго лица, напримѣръ отъ генерала Потемкина, да пріобрѣсти какимъ бы то ни было путемъ рядъ шляхетскихъ подписей къ присягѣ въ вѣрности. Можно кромѣ того подать надежду на содѣйствіе Малороссіи, и дѣло будетъ сдѣлано,—дѣло вѣроятное, если принять во вниманіе общее недовольство Анною, и дѣло выгодное, если принять во вниманіе ея „недолговѣчность“ и права принца на дѣдовскій престолъ [13]).

Ѳедоръ вышелъ отъ губернатора смущенный рискомъ предпріятія, но въ то же время сильно обольщаемый надеждою создать себѣ видное положенія въ свѣтѣ. Отъ такого состоянія духа не далеко было до полной рѣшимости.—Какъ же тутъ поступить? Безъ отцовскаго благословенія ѣхать нельзя, но и разсказать ему о задуманномъ дѣлѣ опасно. Милашевичъ выбираетъ средній путь: онъ сообщаетъ отцу о своемъ желаніи ѣхать за границу„ учиться“.

— Не съ нашей сумой ѣздить въ чужіе краи, отвѣчаетъ ему разсудительный и ничего особеннаго не подозрѣвающій старикъ.

— Вы только благословите, а я ужь надѣюсь сыскать для этого средства, проситъ сынъ, имѣя въ виду обѣщанное губернаторомъ вознагражденіе [14]) и зная притомъ, что отецъ не рѣшится отпустить его въ дорогу съ пустыми руками.

Старикъ согласился. Послѣ этого Ѳедоръ отправляется снова къ Черкасскому, чтобы порѣшить дѣло и условиться въ подробностяхъ.

Черкасскіи не сталъ колебаться („дѣйствовалъ безъ умыслу и въ затмѣніи“, какъ явствуетъ изъ его повинныхъ): онъ написалъ отъ себя къ герцогу [15]) рекомендательное письмо посланцу своему Милашевичу; сочинилъ подложную эпистолу отъ имени Потемкина такого содержанія, что онъ, Потемкинъ, вмѣстѣ съ другими дворянами—шляхтою Смоленской губерніи, пребываетъ въ вѣрности къ герцогу и даетъ присягу принцу въ своей вѣрной службѣ. Подъ присягой надо было набрать именъ: губернаторъ велѣлъ Ѳедору воспользоваться для этого перепискою отца и выставить подъ формулою присяги набранныя оттуда фамиліи. Сочинилъ онъ также инструкцію Милашевичу, какъ гдѣ поступать, настоятельно совѣтуя во время свиданія съ принцемъ поцѣловать ему руку [16]). Затѣмъ оставалось найти средство пробраться въ Польшу, а оттуда въ Голштинію тайкомъ, помимо пограничной стражи. Отпустить Милашевича черезъ Петербургъ, давъ ему для этого паспортъ, Черкасскій не рѣшался: раздумаетъ и донесетъ, пожалуй! Положимъ, если вѣрить уликамъ, являющимся по дѣлу, Чер-

---

[12]) Тамъ же стр 238.

[13]) Заря, Августъ, Ист. мат., стр 238 и др.

[14]) Пекарскій въ статьѣ своей „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ“ прямо говоритъ, что губернаторъ *далъ* Милашевичу 300 рублей. Это очень вѣроятно, но подлинными бумагами, напечатанными въ Зарѣ и ниже въ Р. Архивѣ, не подтверждается.

[15]) Доживавшему тогда вѣкъ свой отцу Петра III-го.

[16]) Заря, Іюль. Ист. мат., стр 229, Сент. стр. 227, 267 и 282.

касскій не боялся доноса, разсчитывая на заступничество родственнаго ему кабинетъ-министра, но во всякомъ случаѣ это повредило бы его замысламъ. Милашевичъ, съ своей стороны, боялся попасть въ Петербургѣ въ руки того же министра. Вотъ почему рѣшено было пробраться ему черезъ Польшу, выбравъ для этого время, когда отца не будетъ въ деревнѣ, чтобы тотъ впослѣдствіи могъ съ бо́льшимъ правдоподобіемъ отозваться невѣдѣніемъ о „самовольномъ" отъѣздѣ сына и подать объ этомъ явочную челобитную въ губернскую канцелярію.

Послѣ этого рѣшительнаго свиданія, сынъ счелъ нужнымъ разсказать все происшедшее отцу своему. Старикъ испугался оборота, какой принимали дѣла и лишь съ трудомъ согласился на подачу явки о „пропажѣ" сына.

— Такъ если вы боитесь, лучше донесемъ! предложилъ ему сынъ.

Новая тревога старику! Доносить опасно и невыгодно, и сына жаль. Авось дѣло и такъ обойдется.

— Что́ доносить?! Никто намъ не повѣритъ и пропадемъ на-вѣки безъ всякаго толку, — таковъ былъ его отвѣтъ.

Но, соглашаясь молчать, онъ тѣмъ самыхъ соглашался помогать сыну въ его предпріятіи. И дѣйствительно, онъ уговорилъ начальника пограничнаго форпоста [17]) пропустить сына на нѣсколько дней заграницу для продажи разныхъ продуктовъ деревенскаго хозяйства. Начальникъ форпоста повѣрилъ выставленному предлогу и далъ свое согласіе.

Ночью, взявъ съ собой трехъ человѣкъ изъ прислуги отца, Өедоръ Милашевичъ пробрался чрезъ форпостъ и очутился такимъ образомъ внѣ Русскихъ предѣловъ. А чрезъ нѣсколько дней отецъ его подалъ явку о неожиданномъ самовольномъ отъѣздѣ сына, умоляя, чтобъ его не сочли причастнымъ такому противозаконію. Оказалось, что ему нечего было пугаться: челобитная, по приказу ли губернатора положенная „подъ спудъ" (выраженіе, равносильное позднѣйшему „подъ сукно") или просто затерявшаяся въ другихъ бумагахъ [18]) пролежала въ канцеляріи цѣлый годъ, и только 17 Октября 1733 года объ ней рапортовали въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Польшѣ Милашевичъ замѣшкался. Задержала ли его болѣзнь, или сношенія съ Потоцкимъ и его секретаремъ (сношенія, не касающіяся настоящаго дѣла), или, что́ вѣроятнѣе, его задержала тамъ женитьба [19]) — какъ бы то ни было, лишь чрезъ семь мѣсяцевъ попалъ онъ въ Голштинію. Въ Килѣ онъ не засталъ герцога, но за то, если вѣрить ему, встрѣтилъ дочь извѣстнаго Орлика. Эта особа, пользовавшаяся фаворомъ у герцога, сообщила земляку, что Станиславъ Лещинскій, въ случаѣ своего восшествія на Польскій престолъ, обѣщаетъ сдѣлать Орлика гетманомъ Малороссіи, и что на встрѣчу Лещинскому посланъ генералъ Штейнфлихтъ (въ замужствѣ за которымъ была другая дочь Орлика) съ какимъ-то важнымъ порученіемъ отъ герцога.

Въ Килѣ встрѣтилъ еще Өедоръ Русскаго дворянина Вельяминова, который посовѣтовалъ ему письменно обратиться къ герцогу, находившемуся тогда въ Нейштадтѣ. Мишалевичъ такъ и сдѣлалъ, написалъ письмо герцогу и отдалъ его каммергеру Штарку, при чемъ былъ и гофъ-юнкеръ Дивьеръ.

Послѣ этого пріѣзжій имѣлъ аудіенцію у принца и сообщилъ ему, что онъ присланъ отъ Черкасскаго, не объяснивъ однако настоящей цѣли своего пріѣзда. Руку у принца онъ поцѣловалъ, какъ ему и приказывалъ губернаторъ.

Начавъ такимъ образомъ дѣло, онъ счелъ нужнымъ извѣстить соумышленника своего Черкасскаго и письмо къ

[17]) Капитана Буйна, а не капитана Булку, какъ значится въ напечатанныхъ при журналѣ „Заря" бумагахъ.

[18]) Заря, Сент. Ист. мат., стр. 302.

[19]) Пекарскій прибавляетъ, въ вышепомянутой статьѣ, что Милашевичъ принялъ католичество въ Польшѣ.

нему отправилъ съ привезеннымъ изъ Россіи человѣкомъ. пославъ его однако не прямо къ губернатору, а къ отцу, котораго онъ также извѣщалъ при этомъ случаѣ о мѣстѣ своего пребыванія. Письма дошли благополучно до старика Милашевича, напомнивъ ему еще живѣе то, что, по всей вѣроятности, и такъ не выходило у него изъ головы. Тотчасъ по полученіи роковыхъ писемъ, онъ бросился къ губернатору, передалъ адресованное ему и тутъ же, при свидѣтеляхъ, сталъ торжественно увѣрять въ своей невинности.

— Желаю тому висѣть на Покровской горѣ, кто зналъ про отъѣздъ сына моего въ Голштинію; а я ничего не вѣдаю и готовъ съ этими письмами въ оковахъ въ Петербургъ [20]) ѣхать, лишь бы только невинность свою доказать!

Впослѣдствіи увидимъ, что вся энергія такого заявленія пропала даромъ, а теперь воротимся къ нашему путешественнику.

Скрывъ отъ принца и его приближенныхъ настоящую причину своей поѣздки, онъ естественно долженъ былъ возложить всѣ свои надежды на бывшія съ нимъ фальшивыя и нефальшивыя письма и на герцога. Чтобы увидать послѣдняго, онъ отправляется въ Нейштадтъ и—на дорогѣ теряетъ драгоцѣнные документы! Легко можно представить себѣ его затруднительное положеніе: безъ денегъ, безъ паспорта, безъ рекомендацій, онъ становился простымъ бродягою. Кто повѣритъ его разсказамъ о расположеніи къ герцогу Смоленскаго дворянства? Кто приметъ въ немъ участіе?—Положеніе скверное, но не безъисходное. Ему былъ уже знакомъ процессъ сочиненія подложныхъ бумагъ,— не трудно рѣшиться на новую, самостоятельную попытку. Руку Черкасскаго герцогъ легко могъ позабыть, а руки Потемкина совсѣмъ не знаетъ, также какъ и остальныхъ Смольянъ,—рискъ не казался особенно большимъ.

Присѣлъ Милашевичъ и сочинилъ, вопервыхъ, письмо къ герцогу отъ Черкасскаго, потомъ къ нему же отъ Потемкина, и вновь составилъ себѣ инструкцію отъ имени губернатора. А память у него, какъ видно, была хорошая: на допросахъ губернаторъ призналъ инструкцію за свою собственную [21]). Затѣмъ Милашевичъ, уже совершенно самостоятельно, составилъ письмо къ Дивьеру отъ Черкасскаго. Но и это еще не все. Соображая тогдашнія „конъюнктуры" въ Польшѣ и отношенія герцога Голштинскаго къ Станиславу (при чемъ, разумѣется, вспомнились и разсказы Орликовой дочери), Милашевичъ довольно основательно заключилъ, что Польскій вопросъ можетъ сильно помочь ему. Съ такими мыслями и съ намѣреніемъ покрѣпче запутать въ сѣтяхъ заговора Потемкина, онъ принимается за составленіе письма къ Лещинскому отъ Потемкина и шифрованныхъ пунктовъ присяги Смольянъ въ вѣрности тому же Станиславу. Естественно было съ его стороны внести подъ эту присягу наиболѣе извѣстныя ему фамиліи, не щадя ни родичей, ни отца. Въ первоначальномъ донесеніи онъ хитро упиралъ на послѣднее, какъ на сильнѣйшее доказательство своей искренности [22]).

Конечно, здѣсь всюду замѣтенъ рискъ; но и самъ Милашевичъ объясняетъ, что онъ дѣлалъ это по простотѣ своей, малому разуму и несовершеннолѣтію. Принявъ во вниманіе столь облегчающія вину обстоятельства и безпомощное положеніе на чужой сторонѣ, мы не станемъ удивляться его смѣлости.

И такъ, письма сочинены. Ѳедоръ отправляется съ ними въ Нейштадтъ, но не находитъ герцога и тамъ. Съ Дивьеромъ же дѣлъ подобнаго рода производить не слѣдовало, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ Милашевичу о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Россію. Зна-

---

[20]) Въ бумагахъ ошибочно: „въ Гамбургъ". Заря, Августъ, Ист. мат., стр. 255.

[21]) Заря, Сент., Ист. мат., стр. 297.

[22]) Заря, Іюль, Ист. мат. стр. 208,

читъ, и новый подлогъ не улучшилъ обстоятельствъ отставнаго камеръ-пажа, причинивъ новое „затмѣніе“ его бѣдной головѣ. Слѣдствіемъ этого затмѣнія и является первый доносъ изъ Гамбурга, куда онъ явился къ Русскому чрезвычайному посланнику Бестужеву въ концѣ Сентября 1733 года. Въ этомъ доносѣ Милашевичъ увѣряетъ, что затѣянное дѣло было „противъ его ума“ и, стремясь выгородить изъ будущаго слѣдствія отца своего, всячески чернитъ Смоленскаго губернатора, обвиняя его между прочимъ въ пьянствѣ и спаиваньи, которое тотъ употреблялъ, будто бы, какъ одно изъ средствъ склонить на свою сторону неопытнаго юношу.

Бестужевъ привезъ въ Петербургъ и доносчика, и его доносъ. Оттуда Милашевичъ, подъ надзоромъ Ушакова, былъ отправленъ въ Смоленскъ, гдѣ и началось слѣдствіе, оконченное уже въ Петербургѣ, коммиссіею изъ 6-ти членовъ: Г. Головкина, А. Остермана, А. Ушакова, П. Шафирофа, А. Бестужева и Бахметева.

Послѣ первой очной ставки съ Черкасскимъ, доносчикъ увидѣлъ ясно, что поддерживать обвиненіе въ прежнемъ тонѣ и направленіи неудобно; что сочиненныя имъ самимъ бумаги приписать губернатору въ Смоленскѣ не такъ легко, какъ въ Голштиніи. И вотъ онъ стремится затянуть, запутать и усложнить дѣло, тѣмъ самымъ невольно доказывая свою молодость и простоту. Начиная второй доносъ противнымъ истинѣ увѣреніемъ, что онъ вовсе не „ложный доноситель“, не хочетъ „оскорбить несовершенную самую правду“ и, въ случаѣ лжи (какою и оказались слѣдующія его сообщенія) готовъ подвергнуться соборному проклятію, онъ переноситъ главный узелъ интриги въ Польшу и именно въ Бѣльскъ, притонъ іезуитовъ, желавшихъ, подобно другимъ Полякамъ, вырвать изъ рукъ Россіи Смоленскъ, эту давнюю собственность Польши.

Съ Потоцкимъ, какъ уже сказано, Милашевичъ былъ знакóмъ еще въ Петербургѣ; тамъ же онъ получилъ отъ него и рекомендательныя письма въ Польшу. Это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ его близость съ секретаремъ примаса, Магельницкимъ,—близость, которую нельзя не усмотрѣть изъ третьяго донесенія. Начинается оно картиннымъ сравненіемъ доносчика съ овцою между волковъ и отличается отъ втораго главнымъ образомъ измѣненіями въ частностяхъ: Ѳедоръ видитъ невозможность далѣе скрывать активное участіе отца въ заговорѣ; а старикъ полагалъ, что совершенно обезпечилъ себя, пообѣщавъ сыну проклясть его, если тотъ будетъ откровененъ. Застѣнокъ оказался сильнѣе сыновней любви и страха Божія.

Въ четвертомъ доносѣ и въ распросахъ, произведенныхъ слѣдственною коммиссіею, тоже сплетеніе лживыхъ уликъ на Черкасскаго и Поляковъ поддерживается Милашевичемъ съ такимъ упорствомъ, что коммиссія находитъ нужнымъ подвергнуть Черкасскаго пыткѣ, то есть употребить относительно его то средство, съ которымъ гораздо резоннѣе было бы обратиться къ доносчику.

Застѣнокъ не принесъ пользы. Черкасскій то отрекался отъ своихъ прежнихъ повинныхъ, то снова винился, а новаго ничего не узнали. Дѣло пріостановилось или, вѣрнѣе, коммиссія взялась за второстепенныхъ обвиняемыхъ. Черезъ два мѣсяца послѣ пытки Черкасскаго, Милашевичъ пишетъ пятое и послѣднее донесеніе, подходящее, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, близко къ правдѣ. Польская интрига стушевывается, о Малороссіи также ни слова, и на сценѣ остается двое актеровъ: Черкасскій—соблазнитель юноши и заговорщикъ безъ партіи, а сбоку его—Милашевичъ, неопытный человѣкъ, увлеченный на проступокъ подстрекательствами Черкасскаго и неопредѣленными выгодами въ будущемъ,—человѣкъ, оказывающійся значительнымъ лгуномъ и сплетникомъ. Страшный заговоръ умалился и сократился...

Тѣмъ не менѣе надъ Черкасскимъ висѣло еще много обвиненій: кромѣ несомнѣнной симпатіи его къ Голштиніи, онъ уличался въ оскорбленіи особы государыни и ея семейства; онъ предрекалъ Аннѣ скорую смерть; онъ бранилъ ея любимца и осуждалъ правительственныя распоряженія, между прочимъ (по свидѣтельству Семена Корсака) и посылку Русскихъ войскъ въ Польшу, говоря, что „когда-де мы государыню выбирали, намъ никто не мѣшалъ“ [23]). Наконецъ онъ оказывался сторонникомъ республиканскаго правленія. За все это по законамъ ему грозила смертная казнь; коммисія такъ и доложила государынѣ. Милашевича предполагалось сослать.

Окончательная резолюція по первому докладу послѣдовала чрезъ полгода, а между тѣмъ коммисія подала къ утвержденію другой—о второстепенныхъ участникахъ заговора, какъ содѣйствовавшихъ ему, такъ и не донесшихъ вовремя. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Черкасскій часто выражалъ свою преданность къ Голштинскому дому и ненависть къ тогдашнему Русскому правительству въ разговорахъ съ Корсакомъ и его женою [24]); тотъ и другая за недоносъ сосланы въ Сибирь.

Секретарь губернатора Пребышевскій, слышавшій отъ него стольже непозволительныя рѣчи, сосланъ въ Сибирь.

Поручикъ Аршеневскій, видѣвшій какъ уничтожался постскриптумъ (о цѣлованіи руки у принца) и сжигалось Черкасскимъ письмо Милашевича, сосланъ въ Сибирь.

Братъ доносчика, ѣздившій въ Польшу разузнавать о немъ, былъ мало причастенъ дѣлу; его отправили въ Ярославль на безвыѣздное житье.

Николай Потемкинъ, обвиненный въ близкихъ, хотя и не относящихся къ настоящему дѣлу, сношеніяхъ съ Потоцкимъ, отправленъ въ Сибирь на службу.

Княгиня Розалія Соколинская обвиняема была въ ношеніи упомянутыхъ уже нами пучковъ лентъ, какъ знака тайнаго общества, къ которому принадлежали будто бы, кромѣ нея, Черкасскій и другіе Смоленскіе дворяне. Однако существованіе такого общества не подтвердилось слѣдствіемъ, и княгинѣ зачли годовой арестъ ея.

Изъ остальныхъ, одни были освобождены подъ условіемъ молчанія о всемъ случившемся, а иные даже повысились въ чинахъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ манифестъ Анны [25])

Отцу доносчика грозила сначала ссылка въ Сибирь, но послѣдовавшимъ чрезъ полгода указомъ онъ и сынъ были посланы на житье въ ихъ Ярославскія деревни. Тотъ же указъ смягчилъ и участь Черкасскаго: вмѣсто казни онъ, лишенный имѣній и чиновъ, былъ сосланъ въ Сибирь, на Джиганское зимовье [26]), пожизненно, подъ строжайшій караулъ. Онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ. Смерть Анны, регентство Бирона и воцареніе Елизаветы дали ему возможность возвратиться въ Россію, возвратить потерянное камергерство и даже достигнуть повышенія: онъ получилъ орденъ Александра Невскаго, чинъ генералъ-поручика и впослѣдствіи былъ гофмаршаломъ у того самаго принца, которому онъ когда-то былъ такъ преданъ.

Кто свѣритъ наше изложеніе съ матеріалами, послужившими для него источникомъ, тотъ согласится, что за насъ стоитъ немало историческихъ и психологическихъ данныхъ; тѣмъ не менѣе мы далеки отъ мысли, что все случилось *непремѣнно* такъ, какъ мы передали: описанныя событія на столько далеки отъ насъ, что возстановить ихъ съ полною достовѣрностью едва ли возможно.

[23]) Заря, Сент., Истор. мат., стр. 283.

[24]) Сестра Семена Корсака, Анна, была замужемъ за Черкасскимъ.

[25]) Полное Собр. Зак. т. IX. № 6647.

[26]) Жиганская слобода, въ 1071 в. отъ Якутска (см. Геогр. Словарь Рос. Имп. т. II-й, вып. I-й, стр. 226).

С. М. Соловьевъ въ XX томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 406 и 407) передаетъ это самое дѣло совершенно иначе. Основываясь на показаніяхъ Милашевича, оказавшагося въ 1739 году въ какихъ-то другихъ провинностяхъ, С. М. Соловьевъ сообщаетъ, что Черкасскій былъ кругомъ оклеветанъ Милашевичемъ, что онъ и не думалъ заводить сношеній съ Голштиніей и совѣтовалъ Милашевичу ѣхать туда, имѣя своею цѣлью удалить его (какъ опаснаго соперника въ дѣлѣ любви) отъ дѣвицы Корсакъ. За неудобствомъ провѣрки разсказаннаго С. М. Соловьевымъ, мы можемъ лишь повторить, что внимательное чтеніе бывшихъ у насъ въ рукахъ матеріаловъ, даетъ нашему мнѣнію бóльшую вѣроятность, уничтожить которую можетъ лишь подробное изложеніе фактовъ противорѣчащихъ.

Для полноты библіографической прибавимъ, что о дѣлѣ кн. Черкасскаго были еще статьи: М. Волкова, „День“ 1864 г. № 42, и М. Лонгинова, № 49.

А. Курепинъ.

НОВЫЯ БУМАГИ ПО ДѢЛУ КНЯЗЯ ЧЕРКАССКАГО.

I.

На особомъ лоскуткѣ рукою Остермана исчислены члены коммиссіи:

«Гаврила Головкинъ
Остерманъ
Ушаковъ
Шафировъ
Бестужевъ
Бохметевъ».

II.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичъ.

При семъ посылаю къ вашему превосходительству: 1) Инструкцію за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества. 2) Собственноручное Ея В-ва письмо къ вамъ. 3) Указъ къ генералу графу фонъ Вейсбаху, дабы онъ по вашимъ требованіямъ все исполнялъ. 4) Указъ Ея Величества съ прочетомъ, чтобъ какъ военные, такъ и гражданскіе управители вамъ во всемъ послушны были. 5) Указъ къ генералу маеору Бахметеву о бытности его при вашей коммиссіи. 6) Черное письмо Малешевича, писанное къ извѣстному губернатору; но понеже съ сего послѣдняго чернаго письма копія здѣсь не оставлена, того ради изволите ваше превосходительство приказать оное списать, черное оригинальное у себя оставить, а копію чрезъ вручителя сего къ намъ прислать.

Впрочемъ дай Боже вашему превосходительству Свою милость въ сей вашей нужнѣйшей коммиссіи, а я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
12-го Ноября
1733.

III.

Божіею милостію мы Анна императрица и самодержица всея Россіи. И протчая, и протчая, и протчая.

Понеже мы нашему генералу Андрею Ушакову нѣкоторую до государственныхъ нашихъ интересовъ касающую коммиссію вручили, того ради повелѣваемъ чрезъ сіе всѣмъ нашимъ воинскимъ командиромъ, верхнимъ и нижнимъ, какова бъ чину ни были, такожде въ городахъ комендантомъ, губернаторомъ и протчимъ гражданскимъ управителемъ, кото-

рымъ или сей нашъ указъ кому показанъ и объявленъ будетъ, чтобъ помянутому нашему генералу во всемъ были послушны и все то безъ всякой отговорки исполняли, что́ имъ отъ него повелѣно будетъ, подъ опасеніемъ не токмо нашего императорскаго гнѣву, но и подъ смертною казнію.

Данъ въ Санктъ-Питербурхѣ, Ноября 12-го 1733.

«Анна».

IV.

Указъ нашему генералу фонъ Вейсбаху.

Ежели отъ нашего генерала Ушакова о чемъ къ вамъ писано будетъ, то исполнять вамъ по его предложеніямъ неотмѣнно и со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ.

«Анна».

С. Петеребурхъ.
Ноября 12-го 1733.

V.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

По отправленіи вашемъ сыскано здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ доношеніе отъ губернатора Смоленскаго, въ которомъ онъ доноситъ объ извѣстномъ съ вами отправленномъ доносителѣ Милашевичѣ, будто онъ безъ всякаго вѣдома ушолъ и что онъ, по полученнымъ отъ него Милашевича изъ Гамбурха письмамъ, тамо явился у нашего камергера и чрезвычайнаго посланника Бестужева, и съ которыхъ писемъ и съ разныхъ допросовъ онъ губернаторъ при своемъ доношеніи копіи прислалъ, которое его губернатора доношеніе, такожде подлинные допросы и письма, можете тамо изъ Губернской Канцеляріи къ себѣ взять для обстоятельнаго и лутчего себѣ извѣстія.

По сему его губернаторскому доношенію можно усмотрѣть, что онъ, получа вѣдомость, что онъ Милашевичъ явился у нашего министра Бестужева, и опасаясь, чтобъ онъ тому министру о его губернаторскомъ злодѣйскомъ намѣреніи не открылъ, тѣмъ доношеніемъ хотѣлъ забѣжать, и его будто дизертера оклеветать, дабы потомъ его Милашевича какимъ доношеніямъ толь менше повѣрено было. И сіе явно изъ того видно, что онъ губернаторъ только нынѣ доносилъ, какъ когда онъ вѣдомость получилъ, какъ онъ у нашего министра Бестужева явился, а не прежде сего, когда онъ Ѳедоръ Милашевичъ оттуда пропалъ и отецъ его о побѣгѣ доношеніе принесъ, какъ было ему учинить надлежало. И для того повелѣваемъ вамъ, что ежелибъ онъ губернаторъ вышеписанное свое отправленное доношеніе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ себѣ въ какое оправданіе принесть хотѣлъ, то отнюдь то не принимать: ибо ему оное не токмо въ какое оправданіе, но болѣе къ его обличенію и уликѣ служитъ; понеже, какъ выше объявлено, надобно ему было сначала, какъ онъ Ѳедоръ Милашевичъ ушолъ, и отецъ о побѣгѣ его сына своего явочную челобитну подалъ, тотчасъ доносить, а не упустя время, какъ нынѣ учинено. И для того имѣете вы, не смотря на вышеписанное доношеніе и ни на какія его губернаторскія тѣмъ приносимыя отговорки и оправданія, поступать во всемъ, какъ данная вамъ наша инструкція повелѣваетъ, и черезъ всякіе способы и образы трудиться до сущего кореня сего злодѣйскаго намѣренія доходить и намъ не-

медленно доносить, въ чемъ мы на вашу вѣрность несумнѣнно надѣемся.

«Анна».

Ст. Питербурхъ
Ноября 16-го
1733

Адресъ указа:

«Нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу-адетанту Андрею Ушакову».

VI.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичь.

Послѣднее отъ вашего превосходительства полученное извѣстіе было изъ Великихъ Лугъ, а потому о прибытіи вашемъ въ Смоленскъ и что̀ во врученной извѣстной коммиссіи происходило, никакого извѣстія не имѣли. И для того Ея Императорское Вел-во всемилостивѣйше указала чрезъ сего нарочно отправленнаго къ вашему превосходительству отписать, чтобъ какъ возможно часто свои доношенія прислать изволили. Сей куріеръ чрезъ Москву отправленъ, понеже надѣемся, что тѣмъ путемъ скорѣе и лучше поспѣть могутъ. Впрочемъ вашему превосходительству доношу, что слава Богу все здѣсь благополучно обстоитъ, и въ домѣ вашемъ все здорово; только я еще въ силу приходить не могу и только вчерашняго числа въ первыя изъ двора выѣхалъ. Я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
5-го Декабря
1733.

VII.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичь.

Оригинальное къ Лещинскому отправленное письмо при семъ въ приложенномъ отъ Ея Императорскаго Величества собственноручно подписанномъ пакетѣ посылается, и за скорымъ отправленіемъ сего куріера на милостивое вашего превосходительства писаніе отъ 29 Ноября отвѣтствовать не могу, но кратко доношу, что Ея Императорское Величество поступками вашими весьма довольна, и особливо хорошо, что такъ незапно пріѣхали, и главные тотчасъ поиманы. Пребышевскаго здѣсь искать будемъ, и ежели найдется, того часу вамъ о томъ сообщено будетъ. Въ письмахъ Нѣмецкихъ, отъ васъ присланныхъ, важнаго ничего не находится. Въ домѣ вашего превосходительства все благополучно, а я пребываю съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
6-го Декабря
1733.

VIII.

Андрей Ивановичь. Доношеніе ваше изъ Смоленска отъ 29-го Ноября мы сего часу исправно получили, и понеже изъ оного усмотрѣли, что оригинальное отъ Потемкина къ Лещинскому отправленное письмо вами не получено, о которомъ однакожъ чаяли, что съ вами отправлено: того ради оное здѣсь сыскавъ, при семъ къ вамъ оригинальное посылаемъ и впротчемъ будемъ немедленно ожидать дальнѣйшихъ вашихъ доношеній и подтверждаемъ вамъ накрѣпко, чтобъ чрезъ всякіе способы стараться подлинную правду вывѣдать, къ чему потребно, чтобъ прочіе приличные (*) немедленно сысканы, и особливо також де извѣстный Милаше-

(*) Т. е. приличенные или уличенные.

вичевъ человѣкъ, чрезъ котораго оныя письма отъ Черкаскаго посланы были.

«*Анна*».

Можетъ быть, что и чрезъ Ивана Корсака сыновія (sic) Семенова жену что̀ вяще провѣдать мочно ласкою или угрозами.

Въ С. Петербурхѣ.
6-го Декабря
(1733.)

На пакетѣ, запечатанномъ двумя государственными печатьми, надпись: «Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу адъютанту Андрею Ушакову». Помѣта Ушакова: «Полученъ чрезъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полку капитана поручика Рославлева. Декабря противъ 20 числа пополуночи въ 5-мъ часу».

IX.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Вамъ извѣстно, что въ посланной отъ Черкаскаго инструкціи къ Милашевичу упомянуто, что онъ Черкаскій по письму герцога Голштинскаго въ Украину писалъ; и понеже извѣстный Пребышевскій въ допросѣ своемъ сказалъ, что онъ Черкаскій съ генераломъ Семеномъ Нарышкинымъ переписывался и свои письма чрезъ одного своего человѣка нарочно къ нему Нарышкину пересылывалъ: того ради надлежитъ вамъ по полученіи тего немедленно отправить полковника Шамердина нарочно въ Глуховъ и велѣть его генерала Нарышкина письма, хотя онъ въ присутствіи или по посланному къ нему указу уже сюды поѣхалъ, всѣ забрать и тотчасъ пересмотрѣть, не найдутся ли между ими что̀ къ сему дѣлу касающееся, и особливо къ нему отъ Черкаскаго отправленныя письма, и нѣтъ ли изъ тамошнихъ Украинскихъ обывателей, или какіе другіе въ семъ дѣлѣ съ ними согласны или приличны. И ежели такіе найдутся, то того часу, ктобъ ни былъ, ихъ арестовать и письма ихъ отобрать и привезть немедленно въ Смоленскъ; а оттуда въ которыхъ арестантахъ есть нужда, со всѣми письмами, сколько найдены ни будутъ, привезть вамъ съ протчими арестанты съ собою сюда въ С. Питербурхъ.

И понеже онъ Пребышевскій объявилъ, что онъ Черкаскій къ Нѣжинскому полковнику Хрущеву писывалъ, того ради велѣть ему полковнику Шамердину и у него всѣ письма собрать и потомъ разсмотрѣть, какъ выше сего о письмахъ генерала Нарышкина изображено; а ему полковнику Шамердину велѣть сію коммиссію со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ отправить, дабы онъ васъ съ привозимыми иногда съ собою арестанты и письмами застать могъ, чтобъ вы, какъ выше сего упомянуто, съ собою взять могли.

«*Анна*».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 9-го
1733.

X.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

По отправленіи нашего послѣдняго, сысканъ здѣсь извѣстный Пребышевскій, котораго обстоятельно допрашивали, и еще допрашиванъ будетъ, съ которого его перваго допросу, такожде и что̀ онъ противъ того сказалъ, посылается при семъ къ вамъ копія. Изъ оного допросу усмотрите, что онъ Пребышевскій про себя объявляетъ, будто онъ за секретаря у Черкаского

не бывалъ и никакихъ писемъ отъ него не писывалъ, но писывали у него Черкаского всякія тайныя дѣла Петръ Яковлевъ сынъ Куксинъ, да Александръ Васильевъ сынъ Курда, которые оба будто ему крѣпостные, да третій тамошній Смоленской подъячей Алексѣй Силинъ сынъ Посниковъ; а Французскія всякія письма внѣ государства писывалъ у него учитель дѣтей его Французъ, которой прежде сего учителемъ же былъ у дѣтей графа Александра Ѳедорова сына Головина, и еще донынѣ и по отъѣздъ его Пребышевскаго при немъ Черкаскомъ жилъ и обрѣтался; а Польскіе всякіе письма и пакеты на почтѣ или чрезъ нарочныхъ приходящіе принимывалъ и переваживалъ и отправливалъ обрѣтающійся при немъ Черкаскомъ за адютанта Иванъ Захаровъ сынъ Аршеневскій, Смолянинъ. И по сему его Пребышевскаго объявленію, ежели вышепомянутыя персоны у васъ еще за караулъ не взяты, то надлежитъ ихъ немедленно каждого порознь за караулъ взять и всѣ ихъ письма забрать, каковы бы они ни были, и взять сверхъ того у нихъ подъ смертною казнію сказку, что у нихъ больше писемъ не имѣется и нигдѣ не спрятаны; такую жь сказку надлежитъ вамъ взять у губернатора и у генерала Потемкина, у Семена Корсакова и у жены его, и у всѣхъ протчихъ въ тѣхъ дѣлахъ приличныхъ и причинныхъ людей безъ всякаго изъятія. У Куксина и у Француза учителя надлежитъ тотчасъ довѣдать о азбукѣ цыфирной, которая у Черкаского была и которою онъ къ герцогу писалъ или къ другимъ, и гдѣ она находится, дабы подъ смертною казнію прямо они объявили, и какъ ежели она въ Смоленскѣ спрятана нашлась, а ежели сожжена или изодрана, чтобъ объявили, въ которое время то учинилось и для чего. Да у подъячего Посникова надлежитъ взять вѣдомость всѣмъ паспортомъ, которые во всю бытность его Черкаского въ Смоленскѣ за рубежъ даны, съ означеніемъ имянъ тѣхъ, которымъ паспорты даны, и въ которое время и числѣхъ. Съ Иваномъ Аршеневскимъ надлежитъ во всемъ противъ того же поступать. Тоже надобно учинить съ Михаиломъ Швайковскимъ, понеже по сказкѣ того Пребышевского онъ всегда въ такой же конфиденціи съ нимъ Черкаскимъ былъ. А дабы сіе злостное дѣло толь наискоряе открыто и изслѣдовано быть могло, того ради за потребно разсуждаемъ оное дѣло взять сюды въ Санктъ-Петербурхъ, и для того повелѣваемъ вамъ, дабы вы по полученіи сего указа сами и съ доносителемъ Ѳедоромъ Милашевичемъ купно съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ сюды какъ возможно скоряе пріѣхали и съ собою привезли въ началѣ губернатора Черкаского и генерала маэора Потемкина, Семена Корсакова съ женою, Михаила Швайковскаго, вышеупомянутыхъ Аршеневскаго, Куксина, Курду, Посникова и учителя Француза, такожде сверхъ генерала маэора Потемкина изъ другихъ его Потемкина свойственниковъ или только прозванія Потемкиныхъ, въ которыхъ наипущая нужда и притчина есть, такожде и другихъ, которые къ сему дѣлу главнѣйше нужны быть могутъ, по своему разсмотрѣнію, и всѣ ихъ письма помянуто-означенныхъ персонъ сохранно съ собою привезть. Для сохранного привезенія всѣхъ тѣхъ арестантовъ сюда мнится намъ, что лутче, чтобъ вы сами съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ при нихъ ѣхали, дабы дорогою смотрѣть, чтобъ не токмо они между со.

бою сношеніе имѣть и разговаривать не могли, но и въ цѣлости и сохранно сюды довезены были; а для караулу и для провожанія въ дорогѣ можете взять изъ тамошнихъ гарнизонскихъ или изъ Санктпетербурхского баталіона солдатъ съ надлежащими добрыми обер-и ундер-офицеры, сколько по вашему разсужденію потребно будетъ. А ежелибъ за подводами, или за какими другими неудобностями ихъ всѣхъ вмѣстѣ взять будетъ невозможно, то можете хотя съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ роздѣлиться, и при одной половинѣ вы сами ѣхать, а при другой половинѣ помянутой Бахметевъ, или какъ вы сами по тамошнему состоянію за лутче разсудите, только бъ тѣ всѣ арестанты въ сохранности и какъ наискоряе сюды при васъ довезены были, въ чемъ мы полагаемся на вашу вѣрность и радѣніе. А передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Смоленска надлежитъ вамъ тамо публиковать указомъ нашимъ, что ежели кто за нимъ губернаторомъ Черкаскимъ или за генераломъ маэоромъ Потемкинымъ и за всѣми вышеозначенными арестанты какое важное дѣло вѣдаетъ, и тѣ бъ безъ всякого опасенія приходили и доношенія свои подали или намъ самимъ здѣсь въ Санктъ-Петербурхѣ, или хотя въ Смоленскѣ полковнику Шамардину, въ самомъ немедленномъ времени, которымъ не токмо милостивый доступъ до насъ самихъ позволенъ, но еще за праведный ихъ доносъ Императорскою нашею милостію награждены будутъ. А ежели кто за ними какое важное дѣло вѣдаетъ и нынѣ заблаговременно о томъ не донесетъ, а послѣ сыщется, что онъ о томъ вѣдалъ, то безъ всякія пощады смертію кажненъ будетъ. И для того надлежитъ вамъ полковника Шамардина оставить въ Смоленску, какъ для смотрѣнія и надзиранія надъ оставшими тамо арестантами, такъ и для вящаго изслѣдованія того дѣла, которое въ Смоленску потребно будетъ, оставя ему въ томъ надлежащую инструкцію.

«Анна».

Санктпетербурхъ.
Декабря 9-го
1733.

XI.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Понеже вамъ, по посланному вчера указу, съ нужнѣйшими тамошними арестантами велѣно ѣхать сюды, и тако въ доносителѣ Өедорѣ Милашевичѣ больше нужды тамо не будетъ, а онъ тѣмъ времянемъ, и пока вы сюды пріѣдете, здѣсь наискоряе потребенъ для очной ставки съ извѣстнымъ Пребышевскимъ, и для его улики и въ протчемъ: того ради вручитель сего Измаиловскаго полку капитанъ-порутчикъ Богданъ Расловлевъ нарочно къ вамъ отправленъ, дабы оного доносителя Өедора Милашевича, взявъ у васъ, привезть сюды немедленно. И для того имѣете вы оного Милашевича ему капитану-порутчику отдать, и для прокормленія его на дорогу отпустить съ нимъ пристойное число денегъ, и велѣть ему сюды ѣхать со всякимъ поспѣшеніемъ. А какимъ образомъ ему капитану-порутчику съ нимъ Милашевичемъ въ дорогѣ поступать, о томъ посылается при семъ инструкція ему капитану-порутчику за нашею собственною рукою, которую вы при отправленіи его Милашевича ему капитану-порутчику отдать имѣете, а вамъ самимъ надлежитъ обождать возвращенія пол-

ковника Шамардина, и между тѣмъ до прибытія его съ тѣми, которые у васъ, и о чемъ въ протчемъ надлежитъ и до того дѣла касается, надлежаще изслѣдовать, а по возвращеніи его полковника Шамардина самимъ ѣхать безумедленно, какъ уже въ указѣ объявлено обстоятельно.

«Анна».

Санктъпетербургъ
въ 11 д. Декабря 1733.

XII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Извѣстный Пребышевскій въ другомъ допросѣ въ прибавокъ объявилъ, что генерала маеора Потемкина племянникъ, имянемъ Доминикъ Денисовъ сынъ Потемкинъ, публично называлъ себя герцога Голштинскаго генераломъ маеоромъ; да еще, что весною нынѣшняго году Черкаскій отправилъ своего лакея имянемъ Александра Форстмана будто въ Ригу, и съ нимъ два великіе пакеты письма́ послалъ, и что онъ лакей по отъѣздъ Пребышевскаго еще туда не возвратился. Да еще онъ Пребышевскій объявилъ о нѣкоторыхъ Черкаского непристойныхъ словахъ и въ томъ свидѣтелей представляетъ Степана ротмистра Корсакова жену Катерину Борисову дочь, да дочь ея Софью, да помянутаго ротмистра Степана Богданова сына Корсакова. И для того надлежитъ вамъ всѣхъ вышеписанныхъ пять персонъ такожде порознь за караулъ взять, отобравъ такожде у нихъ письма, и съ собою привезть съ протчими, о которыхъ въ прежнихъ нашихъ указѣхъ объявлено.

«Анна».

Санктъпетербурхъ
въ 12 д. Декабря 1733.

(Эта инструкція, какъ и двѣ слѣдующія за ней, находится въ конвертѣ съ адресомъ:

«Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу-адъютанту Андрею Ушакову».

Помѣта Ушакова: «Получено чрезъ куриэра Бартенева, Декабря противъ 22 дня, пополуночи въ 5-мъ часу»).

XIII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Въ посланномъ вамъ указѣ повелѣли вамъ по отъѣздѣ вашемъ изъ Смоленска тамо для надлежащаго дальнѣйшаго изслѣдованія извѣстнаго дѣла оставить полковника Шамердина; но понеже ему одному отправить того невозможно, того ради указали мы съ нимъ полковникомъ Шамердинымъ при тѣхъ дѣлѣхъ Смоленскому вицегубернатору князю Козловскому быть, и обще съ нимъ Шамердинымъ отправлять, которому вы при объявленіи сего нашего указу о томъ объявите, и притомъ накрѣпко приказать имѣете, дабы онъ князь Козловской по присяжной своей должности со всякимъ вѣрнымъ раденіемъ во всемъ томъ поступалъ и оное дѣло весьма тайно у себя держалъ, и отнюдь ни къ кому, кто-бъ ни былъ, о томъ не писалъ; а что̀ имъ обоимъ по отъѣздѣ вашемъ исполнять, о томъ имъ дать вамъ отъ себя обстоятельную инструкцію. Въ одномъ приложенномъ указѣ повелѣно вамъ Доминика Денисова сына Потемкина, взявъ за караулъ, привезть съ собою, и ежели бъ сей Доминикъ Потемкинъ тотъ, которой отправленъ въ Горыгорки для взятія по прежнему въ наше правленіе, то надлежитъ послать по него добраго офицера, которой бы его къ вамъ за

карауломъ привелъ, а на его мѣсто для управленія тѣхъ маетностей опредѣлить вамъ отъ себя одного добраго и вѣрнаго офицера, или изъ тамошнихъ обывателей по вашему разсмотрѣнію вѣрнаго и добраго человѣка, какъ мы въ томъ на вашу вѣрность надѣемся.

«*Анна*».

Санктъпетербурхъ.
въ 12 день Декабря 1733.

XIV.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Ежели да полковникъ Шамердинъ для отобранія писемъ генерала Нарышкина и полковника Хрущова въ Глуховъ до полученія сего нашего указу еще не поѣхалъ, то отправить съ нимъ къ той же коммисіи и вицъ-губернатора князя Козловскаго, дабы обще съ нимъ Шамердинымъ помянутыя отбиралъ, какъ тебѣ прежде въ указѣ нашемъ объявлено.

«*Анна*».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 12-го 1733.

XV.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Доношеніе ваше отъ 9-го Декабря исправно получено; съ первымъ вашимъ доношеніемъ солдата мы того жь времени къ вамъ назадъ отпустили и съ нимъ послали оригинальное къ Станиславу отправленное письмо. Мы надѣемся, что не токмо оный солдатъ уже давно къ вамъ назадъ возвратился, но что и другіе потомъ къ вамъ отправленные наши указы чрезъ нарочныхъ до васъ дошли, на которые во всемъ здѣсь ссылаемся и всемилостивѣйше подтверждаемъ, дабы вы сами съ генераломъ-маэромъ Бахметевымъ со всѣми тѣми арестантами, о которыхъ въ тѣхъ нашихъ указахъ имянно упомянуто, и со всѣми ихъ письмами сюда пріѣхали со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ, оставя протчихъ арестантовъ у вицъ-губернатора князя Козловскаго и полковника Шамердина, во всемъ какъ въ тѣхъ нашихъ указахъ обстоятельно изображено, и пока дѣло изслѣдовано будетъ, никого изъ тѣхъ арестантовъ освободить не надобно, по чему вамъ неотмѣнно поступать и для того помянутому вицъ-губернатору и полковнику Шамердину потребную инструкцію, по которой имъ по отъѣздѣ вашемъ поступать, оставить надлежитъ, въ чемъ на вашу къ намъ извѣстную вѣрность несумнѣнную надежду имѣемъ.

«*Анна*».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 17, 1733-году

(Адресъ: «Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу адютанту Андрею Ушакову».

Помѣта Ушакова: «Получено Декабря 24 дня 1733, по полуночи въ 11-мъ часу чрезъ кабинетскаго куріера князя Енгалычева»).

XVI.

Милостивой государь мой Андрей Ивановичъ! Ничего особливаго къ доношенію не имѣя, посылаю только при семъ письмо изъ дому вашего, въ которомъ, слава Богу, все благополучно состоитъ.

Поздравляю нынѣшнимъ торжественнымъ праздникомъ, желая отъ Господа Бога всякое самопожелаемое благополучіе; и притомъ, ссылаясь на вложенной указъ, вашего скорѣйшаго прибытія съ нетерпѣливостію ожидать будемъ. Я пребываю со вся-

кимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ Ст. Петербурха
26 Декабря 1733

XVII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Доношеніе ваше отъ 20-го Декабря мы сего часу исправно получили, и понеже по тому уже никакой нужды въ томъ не находится, чтобы вы возвращенія полковника Шамердина обождали, того ради повелѣваемъ вамъ по прежнимъ къ вамъ посланнымъ нашимъ указамъ со всякимъ поспѣшеніемъ купно съ генераломъ-маэоромъ Бахметевымъ ѣхать сюда и извѣстныхъ въ прежнихъ нашихъ означенныхъ арестантовъ всѣхъ привезть съ собою за крѣпкимъ смотрѣніемъ сохранно, а смотрѣніе надъ остающимися тамо въ Смоленскѣ арестантами вручить вице-губернатору князю Козловскому, придавъ ему тѣхъ офицеровъ, о которыхъ въ вашемъ доношеніи упомянуто, до возвращенія полковника Шамердина, оставя имъ инструкцію надлежащую, по которой имъ по отъѣздѣ вашемъ для дальнѣйшаго потребнаго изслѣдованія поступать. Мы во всемъ томъ на васъ полагаемся.

Анна.

Изъ С. Петербурха.
26 Декабря 1733.

(Адресъ прежній. Помѣта Ушакова: Полученъ въ Петербурхѣ 4-го Генваря чрезъ Юшкова»).

XVIII.

Копія.

Указъ нашему камеръ-геру Алексью Безстужеву-Рюмину.

Мы всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ объявить князю Александру Черкаскому, которой въ нѣкоторыхъ тяжкихъ преступленіяхъ явился, дабы онъ въ чемъ виновенъ написалъ бы повинную со обстоятельствы, безъ всякія утайки, не укрывая никого и не смотря ни на какое лицо, а особливо кто изъ здѣшнихъ тому причастенъ и о томъ вѣдалъ. И ежели сіе учинитъ, то во всѣхъ его преступленіяхъ милость показана будетъ, чего ради во увѣреніе ему сіе объявить. Буде же въ томъ теперь не признается и сущей правды не покажетъ, а при розыскѣ имъ отъ многихъ изобличенъ будетъ, которые сильныя на него доказательства имѣютъ, то потомъ никакой милости ему не будетъ, но яко измѣннику учинена будетъ жестокая смертная казнь.

(У подлиннаго подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако):

«Анна».

Генваря въ 12-й день 1734 году

(Помѣта Бестужева: «Оригиналъ сего всемилостивѣйшего указу изъ коммисіи 6-го Декабря 1733 году принялъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ»).

XIX.

Божіею милостью мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская. И протчая, и протчая, и протчая.

Понеже князь Александръ Андреевъ сынъ Черкаской со многими Смоленскими шляхты явился въ нѣкоторыхъ измѣнническихъ государственныхъ важнѣйшихъ преступленіяхъ, того ради всемилостивѣйше учредили коммиссію, которая имѣется состоять въ шести персонахъ, а именно: нашего канцлера графа Головкина, нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Остермана, генерала Ушакова, тайнаго совѣтника барона Ша-

фирова, чрезвычайнаго посланника Безстужева, генерала маэора Бахметева, которымъ всѣ дѣла къ тому касающіяся сообщить повелѣли, и онымъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ оное дѣло подробно изслѣдовать, которымъ надлежитъ, не смотря и не щадя никого, розыскивать, дабы всѣхъ причастниковъ того злоумышленнаго и измѣнническаго дѣла сыскать, и до самаго кореня онаго достигнуть, и во всемъ томъ съ такимъ крайнѣйшимъ радѣніемъ и вѣрностью поступать, какъ они предъ судомъ Божіимъ и предъ нами своею самодержавнѣйшею Императрицею и Государынею по присяжной своей должности отвѣтъ дать могутъ. А сидѣть вамъ за тѣмъ дѣломъ повсядневно отъ седьмаго часу утра до полудня, и отъ третьяго до седьмаго часу по полудни неотмѣнно, чтобъ сіе дѣло скоряе окончать. Данъ въ Санктъ-Петербурхѣ Генваря 13 дня 1734 году.

«*Анна*».

XX.

Ея Императорскому Величеству Самодержицѣ Всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій Докладъ.

По слѣдственнымъ во оной коммиссіи дѣламъ, по доношеніямъ Ѳедора Милашевича, якобы генералъ маэоръ Алексѣй (sic) Потемкинъ съ протчею Смоленскою шляхтою въ вѣрности въ наслѣдствѣ Россійской Имперіи принцу Голштинскому присягали, изъ которыхъ содержится подъ арестомъ въ Санктпитербурхѣ 23, въ Смоленскѣ 8 человѣкъ, а по изслѣдованію во учрежденной коммиссіи и по повиннымъ Черкаскаго и Милашевича явилось, что они такой присяги не чинили и не подписывались, а тое присягу и роспись имянамъ подъ оною сочиняли они Черкаской и Милашевичъ только двое, а вымышлялъ Черкаской самъ собою одинъ, а другіе никто про то не знали, и коммиссія признаваетъ ихъ неповинныхъ, которые нѣсколько мѣсяцовъ неповинно содержатся въ арестѣ.

Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество повелѣть оныхъ людей изъ подъ ареста свободить съ показаніемъ нѣкоторой Вашего Императорскаго Величества высокой милости, и по окончаніи сего дѣла о ихъ невинности публиковать указомъ; а генерала маэора Потемкина за безвинное его въ арестѣ содержаніе не соизволите ль Ваше Императорское Величество пожаловать, для показанія въ публикѣ его невинности и возбужденія Смоленской шляхтѣ постоянной вѣрности, въ генералы лейтнанты, понеже онъ безъ жалованья служитъ; а паче всего коммиссія всеподданнѣйше приноситъ во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

Андрей Остерманъ, Андрей Ушаковъ, Баронъ Петръ Шафировъ, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. «По сему учинить.

Анна».

Резолюція подписана.
21 дня Сентября.
1734 года.
Подана Маія 30-го дня

Копія съ сего отдана къ дѣлу.

Манифестъ 16 Ноября 1734 (П. С. Зак № 6647) не говоритъ о передачѣ дѣтямъ сосланнаго въ Сибирь кн. Черкасскаго его имѣній; между тѣмъ въ подлинномъ указѣ отъ того же числа, за подписью Анны, находящемся въ Чертковской библиотекѣ (и напечатанномъ въ „Зарѣ“) прямо предписано: „движимое и недвижимое его имѣніе жалуемъ дѣтямъ его“. Надо думать, что этому указу не дано было силы, такъ какъ потомки кн. Черкасскаго уже не имѣли его богатствъ. *П. Б.*

ПИСЬМА В. П. ПЕТРОВА (¹) КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ.

I.

Милостивый Государь!

Никита Акинфьичь (²) дѣлаетъ мнѣ повѣренность въ дѣлахъ своихъ, какъ человѣку знакомому вашей свѣтлости и умѣющему услужить ему въ сочиненіи его завѣщанія, которое для вознесенія на аппробацію Государынѣ мы будемъ имѣть честь представить вамъ, моему и его покровителю. Домъ ево на Мойкѣ, которой понравился вамъ, упалъ было на часть ево дочери; но хозяинъ, получа отъ васъ письмо, въ коемъ вы изобразили желаніе купить ево, уступаетъ вамъ. И уступаетъ охотно. Цѣните ево, во что хотите. Какъ онъ заключилъ уже контрактъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ Пушкинымъ о наймѣ онаго на годъ: вы сами изволите объявить г. Пушкину, что домъ вашъ, и я чаю, сила контракта уничтожится. Такъ мы вамъ домъ уступаемъ. Вы, милостивый государь, съ вашей стороны удостойте насъ вашего покровительства и высокой помощи въ то время, когда мы къ вамъ прибѣгнемъ; въ чемъ я, зная вашу благодѣтельную десницу, Никиту Акинфьича сильно и увѣряю. Въ прочемъ поручая себя вашему благоволенію и высокой милости, есьмъ и буду вашей свѣтлости милостиваго государя нижайшій слуга

В. Петровъ.

1782. 29 Авг.
Москва.

P. S. Василей Алексѣевичъ Чертковъ пишетъ ко мнѣ предлинное письмо въ защищеніе Алексѣева, губернаторскаго товарища въ Азовской губерніи. Онъ ево превозноситъ до небесъ, похваляя ево честь, безкорыстіе, умѣнье править дѣлами. Бога ради разпрострите надъ нимъ ваше покровительство. Я вашу свѣтлость о немъ просилъ, и вы обѣщали приказать разсмотрѣть ево дѣло Канцеляріи. Ваше обѣщаніе я беру за исполненіе, и такъ я и писалъ къ Вас. Алексѣевичу.

II.

(Получ.) 4 Марта 1789.

Милостивый Государь!

Вручителя сего письма (³) прошу поблагодарить за его ко мнѣ дружество и ласки. Онъ удостоилъ меня посѣщеніемъ, разсказалъ мнѣ всѣ происшествія при взятьѣ Очакова; говорилъ просто, живо, какъ герой, великой въ дѣлѣ участникъ. По истиннѣ я его душой люблю. Онъ полонъ богомъ Марсомъ, своимъ дядей. Любитъ ружье, любитъ Музъ. При словѣ *Музы* смѣю вамъ напомнить о Гомерѣ. Въ Нѣмецкомъ переводѣ книжка вамъ поднесена какимъ-то секретаремъ посольства. Коли она у васъ утратилась, она вѣрно есть у Сичкарева (⁴).

(¹) Извѣстный поэтъ времени Екатерины II-й. Сочиненія его изданы въ 1782 и въ 1811 годахъ въ С. Петербургѣ, см. „Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина." Спб. 1828, стр. 516, № 6634. Будучи въ молодости товарищемъ Потемкина, впослѣдствіи онъ состоялъ при кабинетѣ Екатерины II-й.

(²) Демидовъ, извѣстный Московскій богачь. См. Словарь достоп. люд. Русск. земли, т. II, стр. 193.

(³) А. Н. Самойлова? *П. Б.*

(⁴) Лука Ивановичъ, въ походной канцеляріи свѣтлѣйшаго въ качествѣ переводчика съ Польскаго, Латинскаго, Греческаго и Англійскаго языковъ. Его труды см. въ „Рос-

Прошу приказать ее переслать ко мнѣ. Вашей свѣтлости милостиваго государя нижайшій слуга

Петровъ.

27 Февр. 1789.
Москва.

III.

9 Марта 1791.

Милостивой Государь!

Представляю вашей свѣтлости оду, которую я сдѣлать покусился сквозь старость и болѣзнь. Признаюсь необиновенно, что мнѣ труднѣе было оную сочинить, нежели предводимымъ вашей свѣтлостью воинамъ взять Измаилъ. Они въ шесть часовъ все дѣло рѣшили; я сотней на силу расплатился. Но сколь я ни слабъ, почитаю за священный долгъ, пока дышу, прославлять вашу къ отечеству любовь и на ней основанныя ваши добродѣтели, ваши высокіе таланты зависть угнѣтающіе, ваше къ наукамъ усердіе и благоволеніе, ко мнѣ отеческія ласки и покровительство, коему навсегда поручая мою изнемогающую Музу, пребываю съ искреннимъ къ вашей особѣ, прямому и единственному въ Россіи Меценату, почтеніемъ, вашей свѣтлости, милостиваго государя, всенижайшій

Петровъ.

(Получено) 31 Марта.

ПИСЬМО Н. СТРУЙСКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ ТАВРИЧЕСКОМУ.

16 Апрѣля 1791.

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ, милостивый государь!

Кто меня можетъ увѣрить, чтобъ не воспріяли вы письмо сіе отъ меня милостиво, когда я самъ былъ самовидецъ и благости вашей ко мнѣ и уваженію слабымъ моимъ дарованіямъ? Научи меня, свѣтлѣйшая Муза, просвѣщаться лутче нежели Камоенсъ, воспѣвая нѣкогда своихъ героевъ на берегахъ рѣки Тага, зрѣлъ труды свои низверженными отъ нихъ. Пускай онъ оставался до смерти неуважаемымъ; но вы, свѣтлѣйшій князь, въ единый мигъ болѣе для меня сдѣлали, нежели многіе другіе въ моемъ отечествѣ когда либо столь благосклонно воспринимать въ подобныхъ мнѣ трудахъ кого удостоивали. И такъ я могу похвалиться, что довершили вы крайнюю ступень моей поэзіи, удостоевая меня вашего снисхожденія и сдѣлали, какъ и другіе, предъ симъ участникомъ меня быстрыя своея славы.

На берегахъ Невы, рука премудрыя Екатерины возвела мой духъ до Геликона, щедрота Ея Монаршая обяла весь мой духъ, радость вѣчную посѣяла въ моемъ сердцѣ. Представьте, любезный князь, сколь лестно и восхитительно быть внимаему превозшедшею Соломона, Ликурга и всѣхъ Августовъ въ свѣтѣ и ободряему быть отъ толь мудраго Героя, каковы суть вы, свѣтлѣйшій князь. Сіе скажу не ложно, что безсмертный Вольтеръ праведно произрекъ: Что естьли Петръ Россіи людей содѣлать могъ, Екатерина сдѣлала Героевъ:— но храбрость, онъ сказалъ и сказалъ праведно, что храбрость состоитъ лишь въ разумѣ единомъ.

Блаженъ, кто воспріялъ изъ рукъ Ея иль перстень, или Ея Божественнаго Лица изображеніе, за свои дарованія (*) Единаго изъ сихъ уча-

писи Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирнова.“ Сп.бургъ, 1828.

(*) Намекъ автора на пожалованные Князю портретъ Императрицы „и яхонтовый дорогой перстень“ на его имянины (30-го Сен-

стникомъ и я здѣсь сталъ, а тѣмъ и счастливъ изъ всѣхъ смертныхъ. Удостой меня, свѣтлѣйшій князь, милостиваго твоего на всегда благопріятства и покажи невѣжеству, котороро рое насъ повсюду окружаетъ, что единые таланты удобны снискать на себя приверженность вельможъ, ощущать ихъ къ себѣ благосоизволеніе и находить въ нихъ необоримыя подпоры, предстательствуя у трона Милосердой Матери Отечества; единое просвѣщеніе, со сладостію мысли ихъ объемля, водитъ ихъ по стопамъ истинны и творитъ блаженными и благополучными ихъ дни.

Я предаю себя здѣсь въ моемъ уединеніи всѣмъ симъ восхищеніямъ, радости и благополучію моей жизни, благодаря васъ, свѣтлѣйшій князь! за сдѣланную мнѣ честь. Медаль ваша (*) услаждаетъ мое зрѣніе. Побѣды вашей звукъ умножить мнѣ нельзя, ей вся Европа уже плещетъ.

Свѣтлѣйшій князь, я пребываю, съ безконечною моею къ вамъ почтительностію, вѣрнымъ къ моей Монархинѣ до конца дней моихъ, и паки къ вамъ съ неложнымъ сердцемъ и душею. Во всемъ вѣрный, покорный, послушный и обязанный вами слуга

Николай Струйскій.

Ч. 27 Марта
1791.
Г. Саранскъ
Село Рузаевка.

(*Съ сохраненіемъ правописанія, сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ*)

тября) въ 1790 году. См. Записки Одесск. Общ. истор. и древностей, т. IV, стр. 372.

(*) Князь Потемкинъ доставилъ вѣроятно Струйскому одну изъ золотыхъ медалей (выченанныхъ Императрицею въ честь его) за поднесенную имъ книгу его „Сочиненій,“ изданныхъ въ 1790 году. См. „Росп. Росс. книгамъ А. Смирдина“, стр. 484, № 6158.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Э. М. АРНДТА О 1812 ГОДѢ.

Лѣтомъ 1812 года, извѣстный Германскій поэтъ-патріотъ Эрнстъ Морицъ Арндтъ былъ вызванъ въ Петербургъ барономъ Штейномъ, въ качествѣ помощника по дѣламъ Нѣмецкаго легіона и прочимъ мѣрамъ, имѣвшимъ отношеніе къ освобожденію Германіи. Извлекаемъ изъ воспоминаній Арндта (Erinnerungen aus dem äusseren Leben, Leipzig 1840) разсказъ о шестимѣсячномъ пребываніи его въ Россіи. Разсказъ этотъ, несмотря на его старческую небрежность, нелишенъ живости, и въ немъ встрѣчаются интересныя черты и сужденія, дополняющія картину событій и настроеній этого знаменательнаго времени. Мы начинаемъ наше извлеченіе съ прибытія Арндта въ Броды.

...На другой день рано утромъ, прибылъ поѣздъ, къ коему я долженъ былъ присоединиться. Прибылъ онъ въ двухъ нарядныхъ экипажахъ и, повидимому, везъ съ собою и вещи, принадлежавшія Русскому послу. Состоялъ онъ изъ трехъ должностныхъ лицъ и нѣсколькихъ слугъ. Первымъ лицомъ былъ маленькій, весьма подвижной, привѣтливый и разговорчивый человѣкъ, совѣтникъ посольства, графъ Рамзей де Бальменъ; вторымъ Французъ, le marquis de Favars, молодой изжившійся вертопрахъ; третьимъ капитанъ Русскаго флота, по рожденію Грекъ, красивый мужчина, но къ сожалѣнію, повидимому, развратникъ худшаго разряда. Этотъ послѣдній провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, при князѣ Куракинѣ. Съ этими тремя лицами пустился я въ путь черезъ нѣсколько часовъ.

Я присосѣдился къ маленькому графу и, проѣхавъ съ нимъ нѣсколь-

ко станцій, убѣдился въ томъ, что выборъ мой былъ удаченъ. Этотъ маленькій человѣчикъ впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ одного изъ приставовъ при Наполеонѣ, на островѣ Св. Елены. Онъ былъ изъ стариннаго Шотландскаго семейства, католикъ и воспитанъ Іезуитами въ Могилевѣ, не былъ лишенъ ума и живости, а также разнообразныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній и отличался неистощимою, смѣшною, но весьма добродушною болтливостію. Обществомъ этого юноши, которое при бо̀льшей продолжительности нашего пребыванія вдвоемъ могло-бы сдѣлаться весьма тягостнымъ, я удачно воспользовался, что-бы извлечь изъ него все то, что̀ онъ могъ передать мнѣ полезнаго. А именно я навелъ его на разсказъ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ областей Россіи, въ коихъ онъ преимущественно жилъ и вращался; и такимъ образомъ его рѣчи, часто слишкомъ обильныя, становились для меня и забавными, и поучительными. Въ немъ не было замѣтно ничего мужественнаго и воинственнаго, и по этому я не мало удивился, когда онъ объявилъ мнѣ, что у него есть братъ генералъ-майоръ арміи, и что и онъ въ скоромъ времени думаетъ взяться за оружіе на защиту отечества. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль, я прочелъ въ газетахъ, что онъ производится въ полковники.

Мы поѣхали черезъ Волынь, прекрасную, богатую страну. Тутъ живутъ Червоннорусы. Эти люди показались мнѣ серьезнѣе и смышленѣе видѣнныхъ мною до тѣхъ поръ Поляковъ; къ тому-же, по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали далѣе, поля, луга и даже жилища принимали все болѣе опрятный и лучшій видъ: мѣстами они быти почти не хуже, чѣмъ въ сѣверной Германіи. Мы видѣли лошадей прекрасной породы и тучныя пастбища, покрытыя серебристо-сѣрымъ рогатымъ скотомъ той породы, какой пригоняютъ его тысячами изъ Венгріи въ Вѣну. Тутъ-же были видны признаки обширнаго пчеловодства, встрѣчались колоды въ полтора человѣческихъ роста, выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ, встрѣчались деревья съ еще зеленою макушкою, просверленныя на высотѣ десяти-пятнадцати локтей надъ землею, населенныя пчелами и запертыя дверцами и клапанами. Тамъ и сямъ подъ деревьями стояли также колья, полагаю для того, чтобы пронзать лѣзущихъ на деревья медвѣдей.

Въ Житомірѣ мы видѣли прелестное зрѣлище. Мы обѣдали въ Жидовской гостинницѣ, какъ вдругъ раздался такой трескъ и гулъ отъ играющихъ одновременно инструментовъ, и такой говоръ людской толпы, что мы всѣ тотчасъ побѣжали къ окнамъ. И что̀-же мы увидѣли? Это было божественное зрѣлище: великолѣпная Жидовская свадьба или точнѣе, свадебный хороводъ. Вокругъ площади этого конечно грязноватаго города танцовало нѣсколько сотенъ Жидовъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, дѣвицъ и юношей вокругъ всей площади, вдоль самыхъ домовъ, ее окружающихъ, съ волынками и скрипками впереди, съ шумомъ и звономъ. Это былъ поистинѣ великолѣпный сумбуръ, и мы не могли на него насмотрѣться. Все блистало пышными нарядами, и тутъ поистинѣ не было недостатка въ жемчугѣ, золотѣ и серебрѣ; не было недостатка и въ красивыхъ фигурахъ. Ибо съ перваго взгляда бросается въ глаза, что въ Польшѣ, между мужчинами и

женщинами, встрѣчаются Еврейскіе типы гораздо болѣе благородные, чѣмъ въ Германіи, и что тутъ въ пріемахъ и нравахъ встрѣтимъ гораздо болѣе спокойствія и достоинства, чѣмъ можно найдти его у нашихъ суетливыхъ, любопытныхъ, все выпытывающихъ, подо все подкапывающихся Евреевъ. Это отчасти можетъ происходить отъ того, что Жиды здѣсь во многихъ мѣстахъ живутъ большими кучами, а также отъ того, что многіе изъ нихъ здѣсь предаются болѣе спокойнымъ и тихимъ занятіямъ, земледѣлію и скотоводству.

Мы наконецъ достигли Кіева на Днѣпрѣ: это нѣкогда была величавая столица возникающаго Русскаго государства и до сихъ поръ представляетъ слѣды своего былаго великолѣпія. Мы подъѣхали къ нему прекраснымъ лѣтнимъ утромъ, и насъ иностранцевъ издали поразилъ дивный блескъ этого города. Тутъ на меня впервыя повѣяло востокомъ отъ всѣхъ этихъ позлащенныхъ колоколень и куполовъ, церквей и монастырей. Кое гдѣ стояли отдѣльные величественные дома. Но весь городъ, когда мы въѣхали въ него, показался мнѣ, съ его обширными пустырями, чѣмъ-то покинутымъ, прекрасною развалиною прошлаго. Мѣстоположеніе этого города на холмахъ и между холмами на Днѣпрѣ, поистинѣ царственное. Мы опять остановились въ видномъ Жидовскомъ дворцѣ, въ которомъ мы видѣли прекрасивое семейство, мать съ нѣсколькими дочерьми, и мы говорили, какъ нѣкогда Олофернъ: «поистинѣ у Евреевъ прекрасныя жены».

За Кіевомъ все еще тянулась страна богатая и тучная, но съ прежде видѣнными нами пажитями она не выдерживала сравненія. Жидовъ становилось все меньше, хотя нѣкоторые изъ нихъ и живутъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Мы вскорѣ въѣхали въ настоящую Россію. Тутъ все стало опрятнѣе и чище, дома лучшей постройки, деревни расположены правильнѣе, люди добрѣе на видъ и лучше одѣты. Но дни стояли очень жаркіе, а въ домахъ насъ преслѣдовала страшная напасть, которой мы дотолѣ въ такой мѣрѣ не ощущали, хотя и въ Польшѣ ни одинъ смертный не можетъ оградить себя отъ извѣстныхъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что въ домѣ кишѣли блохи, хотя и некрупной Италіянской породы, но при всей своей малости достаточно злыя, что-бы доводить насъ до отчаянія. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ мы забирали съ собою столько этихъ мучительницъ, что приходилось останавливаться у перваго попавшагося лѣска или кустарника, раздѣваться почти до нага и нѣсколько минутъ сряду вытряхивать и выколачивать на вѣтру наше платье, что-бы избавиться отъ этихъ кусакъ. Мы тутъ встрѣтили деревни, населенныя раскольниками, старовѣрческою Русскою сектою, и къ удивленію нашему мы видѣли, что женщины разбивали лохани, въ которыхъ мы умыли руки: ибо то, чего слишкомъ близко коснулся иновѣрецъ, считается у нихъ нечистымъ. Сосуды, изъ которыхъ они ѣли ложками и коихъ они не касались руками, не считаются въ такой мѣрѣ оскверненными.

Мы въ эти дни видѣли нѣсколько образчиковъ того, какимъ способомъ, при фельдъегерѣ, можно въ Россіи поступать съ почтовыми лошадьми, или точнѣе, какъ поступать нельзя, но однако поступаютъ. Когда лошади на бѣгу уставали или вообще казались фельдъегерю недостаточно сильными, и онъ примѣчалъ недалеко отъ доро-

ги табунъ пасущихся лошадей, онъ стрѣлою налеталъ на нихъ, выбиралъ изъ нихъ лучшихъ, отпрягалъ усталыхъ лошадей, впрягалъ пойманныхъ, и пошелъ! Но я также видалъ не разъ, какъ пастухи, увидавъ издали почтовую тройку, съ быстротою молніи уносились въ даль съ своими лошадьми и не давали фельдъегерю догнать себя. Обыкновенно также, что, при остановкѣ, ямщикъ вынимаетъ свой серпъ и нарѣзаетъ въ поляхъ клеверу, горошку, овса, сколько ему нужно для его лошадей. Это напоминаетъ описаніе путешествій по Молдавіи и Валахіи.....

...Вокругъ насъ кипѣла военная суматоха, или точнѣе суматоха военныхъ сборовъ и военнаго хозяйства. Тысячи подводъ съ провіантомъ, а также съ рекрутами для войска, десятки тысячъ быковъ и лошадей, которыхъ гнали туда-же отдѣльные поѣзды улановъ и казаковъ, а также конвои отдѣльныхъ лицъ, препровождаемыхъ пѣшкомъ и въ телѣгахъ, (они казались не военноплѣнными, а политическими преступниками) ночью безчисленные огни у солдатовъ и пастуховъ, въ перемежку, шумъ и пестрота, и кое-гдѣ при этомъ пѣсни и пляска. Странно и весело было смотрѣть, при свѣтѣ луны и звѣздъ, на толпы прыгающихъ, совершенно нагихъ людей, которые у огней своихъ, на коихъ въ то-же время варилась и жарилась ихъ пища, махали своими рубашками, штанами и вытряхали изъ нихъ насѣкомыхъ въ трескучее пламя. Я дивился этому; однакоже и мы были вынуждены, среди бѣла дня, дѣлать почти тоже самое. Все-же это казалось мнѣ нѣсколько Татарскимъ и варварскимъ пріемомъ. Такимъ образомъ, среди этихъ развлеченій, становились сносными и докучное, невеселое общество, и жаръ, и пыль, и дурная пища, и долгое ожиданіе лошадей (по этому тракту ѣхало много путешественниковъ по экстренной надобности, а намъ каждый разъ нужно было двѣнадцать лошадей), и даже кровожадная назойливость Русскихъ мухъ и блохъ, не говоря уже объ оводахъ, привлеченныхъ множествомъ лошадей.

Я упомянулъ о дурной пищѣ. Въ деревняхъ насъ почти постоянно принимали привѣтливо и съ полною готовностію исполнять наши желанія; но во многихъ изъ нихъ все было отобрано до чиста: не оставалось и живой курицы; и мы были, рады когда могли достать немного молока, хлѣба и водки. За то въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Черниговѣ, мы устроились отлично, и повсюду насъ встрѣчали съ сѣвернымъ гостепріимствомъ. Русскіе купцы въ городахъ и мѣстечкахъ съ радушнымъ насиліемъ зазывали насъ въ свои дома и подчивали насъ превосходнымъ чаемъ и бутербротами; Русскіе дворяне съ почтовыхъ станцій приглашали насъ съ патріархальнымъ гостепріимствомъ въ свои изящныя залы и подкрѣпляли насъ пищею и питьемъ. Жидовъ по деревнямъ болѣе не было видно, развѣ между ямщиками и погоньщиками скота, также на почтовыхъ станціяхъ, въ качествѣ переводчиковъ и факторовъ сопровождавшихъ иностранцевъ (Нѣмцевъ и Англичанъ) часто весьма издалека, изъ Яссъ, Пешта, даже изъ Константинополя. Замѣчательно, что всѣ Польскіе Жиды понимаютъ и говорятъ по нѣмецки: это наводитъ на мысль, что они нѣкогда переселились изъ Германіи на востокъ, въ Польшу, Литву и прикарпатскія страны. Надежность ихъ и честность въ этихъ дѣлахъ восхва-

ляются всѣми. Но особенно радовали меня Русскіе ямщики, ихъ веселость и живость. Даже когда грубые фельдъегери, какъ казалось мнѣ, безъ малѣйшаго повода колотили бѣдныхъ ямщиковъ по спинѣ, какъ по деревянной доскѣ, они лишь встряхивались, вскакивали на своихъ лошадокъ, и снова принимались пѣть, свистать и щелкать. Съ своими лошадьми эти дѣти природы, пѣснями, свистомъ и прибаутками, повидимому вели рѣчь, вполнѣ понятную для обѣихъ сторонъ: ибо лошадь, снабженная весьма недостаточною сбруею и руководимая по бо́льшей части лишь длинною, одностороннею вождею, выражаетъ своими движеніями полное повиновеніе всякому знаку, клику и свистку возницы. Я также тутъ замѣтилъ величайшую нѣжность со стороны людей къ этимъ животнымъ, сколь-бы притомъ они ни обращались грубо и жестоко съ своими ближними.

Большая часть моего дневника была у меня украдена въ Польшѣ, вмѣстѣ съ другими цѣнными вещами, и я не могу въ точности опредѣлить дня нашего прибытія въ знаменитый городъ Смоленскъ. Но должно быть это было въ первыхъ числахъ Августа. Было ясное утро, солнце уже пекло, и мы ѣхали медленно (причемъ подчасъ бывали вынуждены останавливаться минутъ на пять и на десять) сквозь дикій военный станъ, среди поѣздовъ кирассировъ, казаковъ и артиллеріи и были засыпаны и напомажены страшною пылью. Говоритъ-же нашъ Мёзеръ, что пыль — помада героевъ. Наконецъ мы проникли въ городъ и очутились въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ рекомендованной намъ гостинницы, которую содержалъ Симонъ Джіампа, честный Нѣмецъ изъ Италіянцевъ. Было около десяти часовъ утра, и наши желудки и гортани давно алкали этой вождѣленной цѣли.

Наконецъ мы продрались сквозь толкотню людей и лошадей на дворъ Джіампы. Я тутъ нашелъ Нѣмца-офицера, честнаго Саксонца, майора фонъ Бозе, котораго я въ послѣдствіи еще лучше узналъ въ Петербургѣ; онъ сидѣлъ на лѣстницѣ, и на наши требованія хлѣба и вина онъ отвѣчалъ: «Терпѣніе! терпѣніе! господа; я послалъ своего человѣка, и вотъ уже болѣе часа сижу въ ожиданіи подкрѣпленія. Здѣсь рѣшительно ничего нельзя достать, ни комнаты, ни пищи; вы видите, уланскіе и казацкіе офицеры заняли весь дворъ и домъ, и мышь едва въ него влѣзетъ». И такъ, мы терпѣливо усѣлись возлѣ него; но нашъ маленькій графъ куда-то побѣжалъ. Онъ вернулся черезъ часъ съ бутылкою плохаго Донскаго вина и съ хлѣбомъ, и воскликнулъ: «Это стоитъ червонецъ: подѣлимся!» Мы такъ и сдѣлали, добыли еще бутылку воды, угостили и Саксонца. Лишь къ вечеру отхлынулъ потокъ, и мы наконецъ добыли двѣ комнаты и нѣсколько жареныхъ куръ. Уже шла война, и весь городъ, и поле кругомъ были однимъ обширнымъ лагеремъ, въ который ежедневно стекались новыя войска, такъ какъ Барклай де Толли и князь Багратіонъ соединились.

Но и тутъ мнѣ улыбнулось особенное счастіе. Тутъ было много офицеровъ Нѣмцевъ, отчасти уже поступившихъ въ Русскую армію, отчасти собиравшихся вступить въ нее, Саксонцевъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ, наточившихъ свои мечи и ожесточившихся противъ Французовъ. Вскорѣ я встрѣтилъ дорогихъ, старинныхъ знакомыхъ моихъ графа Шазо́, храбраго Испанца, Льва Лют-

цова моего земляка, Густава Барнекова съ острова Рюгена и т. д. Шазо заботился тутъ, гдѣ едва можно было добыть чего-либо за деньги, о моемъ прокормленіи. Онъ былъ старшимъ адъютантомъ въ бригадѣ принца Ольденбургскаго старшаго (нынѣ царствующаго герцога) и ежедневно обѣдалъ за столомъ дивизіоннаго генерала, герцога Александра Виртембургскаго. Тутъ-же пристроилъ онъ и меня, за большой обѣденный столъ; случилось мнѣ также ночью спать съ нимъ на соломѣ въ большой залѣ, въ которой храпѣло на полу до полусотни офицеровъ.

Четыре-пять дней, пролетѣвшіе тутъ, среди военной суматохи, были для меня и забавны, и поучительны.

Тутъ мимо меня проходили и проносились въ скачь разнообразные представители многочисленныхъ народовъ Россіи отъ Ледовитаго океана и Урала до Волги и Чернаго моря, красивые Татары изъ Кабарды и изъ Крыма, статные казаки съ Дону, Калмыки съ плоскими носами, плоскимъ станомъ, косыми ногами и косыми глазами, какъ за полторы тысячи лѣтъ описалъ Амміанъ своихъ Гунновъ, и безобразные коварнаго вида Башкиры съ лукомъ и стрѣлами. Но всего красивѣе былъ взводъ конныхъ Черкесовъ, въ стальныхъ кольчугахъ и стальныхъ шлемахъ съ развѣвающимися перьями -- красивѣйшіе, стройные мужчины на красивѣйшихъ лошадяхъ.

Я поѣхалъ въ Москву съ молодымъ офицеромъ Нѣмцемъ изъ Нѣмецко-русскаго легіона, посланнымъ въ лагерь и возвращавшимся въ Петербургъ, отчасти и въ обществѣ полковника Теттенборна, съ которымъ я съѣхался въ Вязьмѣ на другой день по выѣздѣ моемъ изъ Смоленска. Тутъ именно въ то время находилась часть императорскаго кабинета, гр. Нессельродъ, б. Анстетъ и многіе другіе, съ коими вмѣстѣ я обѣдалъ у полицеймейстера въ огромной залѣ, въ которой сидѣло за столомъ не менѣе полутораста гостей. Тутъ было собрано почти все мѣстное дворянство, а около города стояли становъ тысячи молодыхъ крестьянъ, набранныхъ въ войско и сопровождаемыхъ матерями, сестрами, невѣстами. Тутъ-же стояло множество повозокъ, на которыхъ увозили раненыхъ во внутренность страны, и за столомъ съ нами сидѣло нѣсколько храбрыхъ раненыхъ офицеровъ. Тутъ звенѣли чаши, все ликовало и гремѣло восторгомъ; а послѣ круговыхъ чашъ, когда всѣ поднялись изъ за стола, удостоились награды и иностранцы, о которыхъ прошла молва, что они прибыли въ Россію не для того, что-бы помогать Наполеону. Объятія, рукожатія, поцѣлуи отъ прелестныхъ женщинъ и дѣвъ, одушевленныхъ любовью къ отечеству. Во всемъ народѣ, до самыхъ низшихъ его классовъ, господствовало необыкновенное оживленіе и возбужденіе: всѣ называли Французовъ рабами за ихъ несвободу, и все это было не напускное, не поддѣльное чувство; нѣтъ, оно било ключомъ живой воды изъ глубины сердецъ. Такія милости отъ прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ доставались на мою долю не разъ и въ послѣдствіи, въ Петербургѣ, даже въ дворцахъ у Орловыхъ и Ливеновъ, въ дни, когда приходили или праздновались извѣстія о побѣдахъ. Таковъ обычай страны, нѣсколько сходный съ Англійскимъ. Женщины дѣлаютъ починъ, и имъ предоставляется невинное право цѣ-

ловать мужчинъ послѣ обѣда. Что городъ, то норовъ.

Мы лишь на слѣдующее утро выѣхали изъ Вязьмы и среди дня остановились на нѣсколько часовъ въ чистенькомъ привѣтливомъ городкѣ Гжатскѣ, потому что экипажъ моего полковника нуждался въ починкѣ. Я вышелъ изъ города и легъ на стогъ сѣна на зеленомъ лугу, на которомъ мирно паслись стада, какъ будто-бы войны и не бывало; надо мною повисла густая береза, и я въ раздумьи глядѣлъ на летучія облака. Вдругъ раздалась музыка, стала звучать все ближе и ближе, и вскорѣ мимо меня пронеслись длинные ряды повозокъ, съ ополченцами; впереди скрипки и дудки, тутъ же и родители, и братья, и невѣсты. Такъ весело пронеслись они мимо меня, съ цвѣтами и пѣснями, на бой и на смерть, словно фантастическій свадебный поѣздъ! Тутъ разстался я съ моимъ полковникомъ. Онъ изъ Гжатска поѣхалъ прямо въ Петербургъ, я-же съ моимъ офицеромъ въ маленькой Русской телѣгѣ объѣздомъ въ Москву.

Этотъ городъ-чудо я видѣлъ только два дня. Мнѣ сдавалось, что я въ Азіи. Нищета и великолѣпіе, хижины и сараи не только въ предмѣстьяхъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ города; при этомъ роскошь дворцовъ и садовъ, позлащенные куполы и башни церквей и монастырей, Кремль съ его золотыми воротами, теремками и башнями. Къ тому-же необычайное движеніе и многолюдность въ это чрезвычайное, тревожное время. Въ два дни я не могъ осмотрѣть ничего, я могъ только дивиться. И тутъ я встрѣтилъ радушный пріемъ, сперва у коменданта Кремля, генерала Гессе, Нѣмца, который въ Россіи повидимому не утратилъ ничего изъ своей Нѣмецкой прямоты и добродушія, и который, въ то время какъ онъ разсматривалъ и прописывалъ наши паспорты, угостилъ меня и моего офицера хорошимъ завтракомъ, и самъ повезъ насъ въ своемъ экипажѣ къ губернатору, говоря, что ему нужно къ нему по дѣлу. И такъ мы увидѣли этого губернатора, генерала графа Ростопчина, который черезъ мѣсяцъ такъ прославился сожженіемъ древней столицы царей. Въ сущности я его уже видѣлъ, въ Смоленскѣ, въ лицѣ раненаго майора, который лежалъ у Джіампы на диванѣ, съ перевязанною ногою, въ комнатѣ рядомъ съ нашею, и вечеромъ не разъ собиралъ насъ къ себѣ на чай: совершенно тотъ-же складъ, тѣ-же глаза, тотъ-же лобъ, та-же рѣзкая и благодушная прямота, среднiй, плотный ростъ, широкое лицо, короткiй правильный носъ, большіе голубые глаза, быстрыя движенія.

Таковъ на видъ былъ Растопчинъ, таковыми нашелъ я впослѣдствіи въ разныхъ мѣстахъ многихъ Русскихъ офицеровъ: то-же выраженіе лица, тотъ-же типъ. Типъ этотъ едва-ли встрѣчается часто въ древнихъ знатныхъ семействахъ, слишкомъ объевропеившихся, слишкомъ опридворившихся, слишкомъ отшлифованныхъ и даже сшлифованныхъ, но за то распространенъ въ хорошемъ среднемъ дворянствѣ. Мы были приглашены имъ къ обѣду, присутствовали при большомъ торжествѣ, при молебствіи по поводу побѣды Витгенштейна надъ маршаломъ Удино, въ церкви св. Іоанна (?) у Кремля, и участвовали за столомъ во всеобщемъ, восторженномъ ликованіи.

Дорога отсюда въ Петербургъ идетъ на Тверь и Новгородъ, между Москвою и Тверью, по красивой, богатой

и хорошо обработанной мѣстности. Я видѣлъ большія хорошенькія деревни и красивыя избы, многія изъ нихъ въ два этажа, съ свѣтлыми окнами, раскрашенными фасадами и съ изящною рѣзьбою и пестрыми узорами внутри и снаружи. Какъ дома, такъ и внутренняя облицовка стѣнъ состояли почти исключительно изъ дерева. Это напомнило мнѣ обычай въ Гельзингландѣ, Даларнѣ и Норландѣ въ Швеціи, гдѣ крестьяне украшаютъ свои повозки, сбрую, дома и церкви подобною искусною рѣзьбою. Относительно-же расположенія деревень можно было подумать, что имѣлись въ виду воззрѣнія Гиппократа или Бюксбургскаго доктора Фауста на солнце, воздухъ и воду. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя деревни построены рѣшительно въ формѣ круга, большинство-же изъ нихъ полумѣсяцомъ, такъ чтобы онѣ могли по возможности пользоваться солнечнымъ тепломъ отъ юго-востока до юго-запада и по возможности быть защищены отъ злыхъ холодныхъ вѣтровъ, съ сѣверо-востока до сѣверо-запада. Точно такое расположеніе крестьянскихъ дворовъ встрѣчается и въ Швеціи. Вообще, какая разница въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, между Русскими и несчастными Польскими крестьянами!

Въ деревняхъ по дорогѣ до самаго Новгорода все еще встрѣчались крестьяне, обучавшіеся обращенію съ оружіемъ, и отдѣльные отряды войска. Проходили мимо насъ иногда печальныя кучки плѣнныхъ, между ними даже Испанцы и Португальцы. Погода днемъ стояла по большей части очень жаркая, и короткія сѣверныя ночи не успѣвали охлаждать воздуха. Конечно въ болѣе чистоплотной Россіи не такъ страдаешь отъ насѣкомыхъ, какъ въ Польшѣ, но злые черные прыгуны не умалялись въ многочисленности. Для того, что-бы избавиться отъ нихъ, я по возможности избѣгалъ комнатъ, и когда остановка изъ за лошадей (что́ впрочемъ между Тверью и Петербургомъ случалось рѣдко) доставляла намъ часъ-другой отдыха, то я заворачивался въ плащъ и ложился, когда шелъ дождь, подъ телѣгу, подложивъ себѣ подъ голову самую цѣнную часть моего имущества, напѣвалъ: hoc tibi proderit olim, и засыпалъ богатырскимъ сномъ.

У меня не было съ собою слуги, и по этому я долженъ былъ самъ стеречь мои вещи, и уже раза два убѣждался въ необходимости быть на сторожѣ, въ первый разъ въ Смоленскѣ у Джіампы, гдѣ, за недосмотромъ слугъ, у насъ кое что стащили, а во второй въ Вязьмѣ, гдѣ во время шумнаго обѣда у насъ украли нѣкоторыя вещи изъ самой передней полиціймейстера. Въ этомъ отношеніи, Россія — та-же Аравія, и Русскіе простолюдины, какъ и Арабы, тароваты въ шатрѣ, вороваты на улицѣ.

Наконецъ я проѣхалъ знаменитый Новгородъ, о коемъ Ганзейская поговорка нѣкогда гласила: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Но этотъ Новгородъ, въ теперешнемъ его положеніи, не произвелъ на меня столь сильнаго впечатлѣнія и лишь въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ обширности своихъ стѣнъ (въ чемъ можетъ поспорить съ Кіевомъ) представляетъ слѣды своего величія. Иванъ Васильевичъ Грозный попралъ ногами свободу и независимость этого пышнаго города и его гордыхъ гражданъ и его пригородовъ, вывелъ многія тысячи его храбрыхъ жителей въ южныя части государства, и

замѣнилъ ихъ другими поселенцами, привыкшими къ слѣпому повиновенію.

На четвертый день по выѣздѣ моемъ изъ Москвы, я промчался мимо миловиднаго Царскаго Села, и вскорѣ моимъ удивленнымъ взорамъ представились Нева и расположенная на ея берегахъ новая Пальмира. Итакъ я въ четыре дни проѣхалъ болѣе ста Нѣмецкихъ миль. Вся дорога отъ Твери до Петербурга крайне однообразная; вся страна ничто иное, какъ плоская равнина: множество болотъ и трясинъ, съ отдѣльными группами березъ и елокъ, мало деревень, лишь кое-гдѣ одинокая, красивая почтовая станція или гостинница, обыкновенно съ хозяиномъ-Итальянцемъ. Дорога впрочемъ почти столь-же хороша, какъ прочія большія дороги великаго государства. Мекленбургскихъ и Голштинскихъ или Бельгійскихъ каменныхъ плотинъ тутъ, слава Богу, нѣтъ; но за то множество деревянныхъ гатей, преимущество по болотамъ и трясинамъ, сложенныхъ изъ цѣльныхъ еловыхъ стволовъ, дрожащихъ и подпрыгивающихъ подъ колесами. Отъ этихъ дрожащихъ бревенъ толчки непосредственно передавались телѣгою сѣдоку. Да и разболѣлись же у меня бока послѣ этой солдатской ѣзды, въ которой я въ теченіи четырехъ дней едва успѣвалъ засыпать на мгновенія; ибо мнѣ не только не давала засыпать людская толкотня и тряска на гатяхъ, но я и самъ съ намѣреніемъ не давалъ себѣ заснуть, а лежалъ какъ собака на своемъ добрѣ, чтобы не доѣхать до Петербурга совершенно обобраннымъ. Я называю эту ѣзду солдатскою, имѣя въ виду то, чѣмъ должны бы быть солдаты, а не то, чѣмъ они есть. Ибо *мои* солдаты, люди несомнѣнно храбрые и бодрые, полковникъ Теттенборнъ и мой легіонный офицеръ, на другой день послѣ нашего пріѣзда лежали, полубольные, на кровати и на диванѣ; я же остался на ногахъ, и подумалъ: «Твоя грудь и твои легкія, съ помощію Божіею, еще продержатся годъ-другой».

Въ концѣ Августа 1812 года въѣхалъ я въ Петербургъ и прямо направился къ зàмку г. министра барона фонъ Штейна. Замокъ этотъ носитъ названіе Демута, отъ имени хозяина гостинницы, въ которой министръ проживалъ нѣсколько мѣсяцовъ, покамѣстъ онъ не переѣхалъ въ предоставленный ему домъ дворцовыхъ размѣровъ. Я тотчасъ отъискалъ себѣ у Демута двѣ комнаты и нанялъ себѣ лакея-Нѣмца, по рожденію Эстляндца; безъ этого тутъ нельзя обойтись. Я тотчасъ поступилъ въ должность къ г. министру, состоя пока какъ-бы на Русской службѣ: ибо я получалъ жалованіе изъ Русскаго казначейства, даже еще во время пребыванія моего въ Пруссіи; впослѣдствіи, конечно, изъ кассы центральнаго управленія по дѣламъ Германіи. Мнѣ также возвратили деньги, истраченныя мною во время моего опаснаго путешествія отъ Праги до Петербурга. Министръ поручалъ мнѣ разныя мелкія письменныя дѣла, переписку и разборъ писемъ и депешъ, составленіе мелкихъ брошюръ, а также дѣла по устройству такъ-называемаго Нѣмецкаго легіона. Также задавалъ мнѣ работы одинъ старый Русскій адмиралъ: работа была то веселая, то докучная, смотря по тому, чтò взойдетъ на умъ старику. Это былъ адмиралъ Шишковъ, великій оригиналъ, истый Русскій и, какъ сдается мнѣ, самаго лучшаго закала. Въ немъ выразился основ-

ной типъ его народа—веселость, шутливость и неописанная ловкость и живость какъ въ тѣлодвиженіяхъ, такъ и въ игрѣ физіономіи. Въ немъ, должно быть, было нѣчто суворовское. Шестидесятипятилѣтній старецъ, скорѣе худощавый чѣмъ полный, съ лицомъ весьма характернымъ, чертами ироническими и притомъ крайне добродушными, безпрестанно измѣняющимися, съ быстротою, невиданною мною ни на какомъ другомъ лицѣ. Притомъ онъ имѣлъ привычку, повидимому, вполнѣ Русскую, выражать не словами, а жестами вспыхивающія въ его умѣ догадки и мысли; старику вообще было трудно облекать словами свои мысли, въ коихъ конечно у него не было недостатка, или точнѣе сковывать свою мысль тѣсными узами слова. При этомъ замѣчу кстати, что Русскіе въ пантомимѣ и въ характерныхъ роляхъ и пляскахъ забавны до нельзя. Съ величайшимъ удовольствіемъ просиживалъ я въ Русскомъ театрѣ цѣлые часы, не понимая ни слова: до того занималъ меня языкъ тѣлодвиженій и жестовъ. Этотъ достойный старый адмиралъ, лишь весьма мало понимавшій по нѣмецки, либо слыхалъ обо мнѣ, либо имѣлъ подъ глазами одну изъ моихъ мелкихъ статей или ихъ переводы. Онъ въ то время, послѣ того какъ Румянцевъ свергъ министра внутреннихъ дѣлъ Сперанскаго, какъ бы заступилъ его мѣсто, и между прочимъ писалъ воззванія и манифесты къ народу. При этомъ онъ искалъ энергическихъ и величавыхъ выраженій и оборотовъ и переводилъ мнѣ свои фразы на плохой Французскій языкъ. Я же долженъ былъ изложить ихъ на Нѣмецкомъ языкѣ; затѣмъ, по возможности, съ усиленіемъ выразительности и паѳоса, перевести на Французскій языкъ, вѣроятно еще болѣе плохой; онъ же пытался воспользоваться этою версіею для усиленія своего Русскаго текста. Помню только, что при всемъ удовольствіи, которое доставляло мнѣ общество славнаго старика, работа эта была невыносимая, и такъ какъ я не понималъ по-русски, то я не могъ даже вкусить ея плодовъ....

Битва подъ Бородинымъ 7 Сентября, вступленіе въ Москву 14 и пожаръ древней столицы 15 и 16 составили въ этой кампаніи первый и большой поворотъ, возбудили въ Петербургѣ бурное столкновеніе самыхъ противуположныхъ мнѣній, но наконецъ привели къ побѣдѣ, укрѣпивъ мужество и настойчивость царя и народа. И въ Петербургѣ сначала были раздѣлены мнѣнія на счетъ того, кто сжегъ Москву, Растопчинъ или Французы. Люди, знавшіе Растопчина, говорили, что это онъ, и большинство проклинало его дѣло, какъ ужасную жестокость. Но когда принялись проклинать его и Французы и выставлять Растопчина образцомъ крайняго варварства, то въ Русскихъ произошелъ поворотъ, и тутъ только догадались они, какую побѣду одержали они надъ врагомъ этою пламенною жертвою. Имя Растопчина вдругъ сдѣлалось великимъ и славнымъ, и пошли разсказы и легенды о разныхъ приготовленіяхъ и мѣрахъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ. Тутъ же стала разсказываться басня о громадномъ шарѣ, извергающемъ пламя и пули, который будто соорудилъ Растопчинъ, съ помощію нѣсколькихъ фейерверкеровъ и воздухоплавателей, и который предполагалось спустить въ самую середину Французскаго войска. Эта басня была повторена Французами въ ихъ газетахъ. Растопчинъ

былъ истый Русскій человѣкъ, понимавшій свой народъ, умѣвшій говорить съ нимъ—это доказываютъ его воззванія къ Москвѣ; онъ же, въ случаѣ нужды, былъ человѣкомъ отчаяннаго мужества. Прежде онъ былъ генералъ-адъютантомъ при Павлѣ, и императоръ могъ спать покойно, во всѣхъ своихъ дворцахъ, пока возлѣ него былъ этотъ страшный человѣкъ. Лишь удаливши Растопчина подъ предлогомъ должностей, которыхъ онъ никогда не желалъ, заговорщики могли приступить къ осуществленію своего замысла. Наполеонъ черезъ сожженіе Москвы проигралъ свою кампанію. Какъ больно это пламя обожгло Французовъ, видно изъ статьи, помѣщенной въ Journal de l'Empire. Вотъ она:

«Если-бы можно было сомнѣваться въ ужасномъ варварствѣ Русскихъ, то ихъ образъ дѣйствія въ собственной ихъ странѣ лучше убѣдилъ-бы насъ въ ономъ, чѣмъ все до сихъ поръ напечатанное о ихъ нравахъ. Побѣжденные нашимъ оружіемъ, они мстятъ намъ тѣмъ, что сжигаютъ города, коихъ они защищать не могутъ. Женщины, дѣти, старики, даже собственные раненные ихъ, дѣлаются жертвами ихъ безумной ярости или грубой гордости. Мы словно преслѣдуемъ ихъ лишь для того, чтобы защищать ихъ отъ собственной ихъ злобы, и наше войско, которому въ опьяненіи побѣды можно было-бы простить нѣкоторые безпорядки, наступаетъ лишь для того, что-бы спасать народъ отъ неистовствъ того войска, которое должно было-бы его защищать. Что̀ сталось-бы съ образованною Европою, если бы въ нее могли вторгнуться эти полчища грабителей? На это даютъ отвѣтъ развалины Рима и Италіи. Варвары и нынѣ все тѣ-же, какъ и во время оно. Если когда-либо была война народная, то такова конечно война, имѣющая цѣлью ниспровержeніе этого кровожаднаго колосса, который уже въ теченіи ста лѣтъ, при громѣ цѣпей, коими онъ угрожаетъ свободѣ Европы, и при свѣтѣ факеловъ, коими онъ хочетъ озарить ея развалины, наступаетъ на насъ. При осадѣ Вѣны, Европа единожды была спасена отъ наводненія варварами, но спокойствіе ея еще оставалось безъ ручательства. Нужно было возникнуть могучему генію. Нужно было ему ввести всѣ военныя силы образованнаго міра въ самое средоточіе варварства, для того чтобы поразить его въ сердце. Такова величавая картина, развертывающаяся передъ глазами удивленнаго міра, въ коей занятіе Москвы одинъ изъ главныхъ эпизодовъ. Можно было подумать, что врагъ пощадитъ свою древнюю столицу. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что по письмамъ, заслуживающимъ довѣрія, Русскій главнокомандующій послалъ въ главную квартиру Французовъ парламентера, чтобы поручить Москву милости побѣдителя. Но до того великъ безпорядокъ въ Россіи, что намѣстникъ дерзаетъ собственною властію устроивать шайки разбойниковъ и злодѣевъ и надѣется защитить городъ, въ коемъ не могла удержаться цѣлая армія съ ватагою преступниковъ. Никогда безумнѣйшая жестокость не изобрѣтала болѣе ужаснаго дѣла: имя человѣка, совершившаго его, должно вызвать проклятія современниковъ и отвращеніе потомства. Однакоже, несмотря на ужасную предосторожность намѣстника, который распорядился увозомъ или уничтоженіемъ пожарныхъ трубъ, есть надежда, что нѣкоторые кварталы, отдѣленные отъ

прочихъ обширными пустырями, будутъ спасены отъ пламени. По лежащему передъ нашими глазами письму, спасены большіе запасы риса, водки и муки, и ежедневно открываются новые. Отступленіе Русскихъ совершилось такъ поспѣшно, что они даже не имѣли времени заклепать многочисленныя орудія, хранящіяся въ арсеналѣ. Но ужаснѣе всего то, что Татаринъ, намѣстникъ Москвы— отъ этого дѣла содрогнулись-бы и людоѣды—прежде всего велѣлъ зажечь ту часть города, въ которой находились больницы, и что 30,000 раненныхъ и больныхъ (?), спасшихся отъ смерти въ битвѣ 7 Сентября, нашли ее въ пламени, зажженномъ ихъ соотечественниками. Можно-ли называть народомъ безумцевъ, сожигающихъ своихъ раненныхъ? Нѣтъ, Европа съ гнѣвомъ призываетъ на нихъ презрѣніе всѣхъ образованныхъ націй и проклятія грядущихъ столѣтій».

Такъ тяжко ощущали Французы, что Аустерлицкое солнце потухло въ дымѣ этого пожарища.. . Но и Императоръ Александръ не имѣлъ духа рѣшительно осудить или одобрить страшное дѣло, погубившее столько имущества и богатствъ, которыми впрочемъ воспользовались-бы лишь Французы, такъ что заслуга Ростопчина не была признана, и онъ вскорѣ послѣ того въ нѣкоторой опалѣ оставилъ свою родину. Но это напоминало Нуманцію и Сарагоссу, а при одномъ воспоминаніи о Сарагоссѣ у Французовъ волосы становились дыбомъ. Въ пламени-же Москвы сіяло десять Сарагоссъ. И Европа не произнесла проклятія надъ этимъ пожаромъ и не ощутила отвращенія, но то удивленіе, тотъ страхъ, какіе внушаетъ неспособность къ столь великимъ жертвамъ.

Я упомянулъ выше о Русско-нѣмецкомъ легіонѣ. Многіе офицеры, Нѣмцы, и не изъ самыхъ незначительныхъ, покинули свою родину и поспѣшили на востокъ. Ими руководило темное предчувствіе, что Господь наконецъ сокрушитъ счастливца, съумѣвшаго волею, искусствомъ и хитростію содѣлаться громадною силою, передъ коею малодушная толпа преклонялася какъ передъ судьбою. Начало этого крушенія уже виднѣлось имъ въ Испаніи. Они надѣялись, что Наполеонъ, гордость и властолюбіе котораго уже понесли значительныя уязвленія въ Иберіи, окончательно погибнетъ въ Скиѳіи. Эти бѣглецы, по большей части Прусаки, люди храбрые и честные, намѣревались сражаться тутъ не противъ своего короля и повелителя, но за него. Многіе изъ нихъ сражались въ рядахъ войска; другіе жили въ Петербургѣ, чтобы изъ Нѣмецкихъ плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и волонтеровъ составить Нѣмецкій легіонъ, который поднялъ-бы мечъ и знамя, какъ только побѣда съ востока подвинется къ западу, къ предѣламъ отчизны.

Во главѣ комитета по устройству этого легіона стояли царствующій герцогъ Ольденбургскій (также бѣглецъ), графъ Ливенъ, еще недавно посланникъ въ Берлинѣ, и министръ Штейнъ, люди самые неравные, что̀ подавало поводъ ко многимъ мелкимъ дрязгамъ. Герцогъ, человѣкъ прекрасный и достойный, былъ торжественъ, сдержанъ и холоденъ, и конечно созданъ не для того, чтобы въ военныхъ обстоятельствахъ внушать пылъ и отвагу. Быстрый Штейнъ бывалъ въ отчаяніи, когда ему приходилось съ нимъ совѣщаться: «Стоитъ онъ предо мною, словно древне-германскій процессъ и учитъ меня два часа сряду

stans pede in uno, говаривалъ онъ. Когда я въ первый разъ отправился поклониться герцогу, Штейнъ предъупредилъ меня, что-бы я, не прерывая, выслушалъ его рѣчи, что онъ станетъ учить меня исторіи Германской имперіи и ея князей. Такъ и случилось. Съ Ливеномъ имѣть дѣло было удобно: онъ охотно подчинялъ свою дѣятельность по этому и по прочимъ Германскимъ дѣламъ сужденію и волѣ Штейна. По этимъ дѣламъ и мнѣ иногда давались маленькія порученія, и мнѣ случилось бывать посредникомъ между офицерами и моимъ начальникомъ. Медлительность и педантство герцога часто доводили бѣдныхъ офицеровъ до отчаянія, такъ что самые пылкіе изъ нихъ часто бывали близки къ тому, чтобы вовсе отказаться отъ нашего плана и потеряться въ рядахъ Русской арміи, гдѣ конечно имъ не предстояло видной дѣятельности, такъ какъ Русскіе, когда дѣла ихъ стали поправляться, сдѣлались невыносимо надменными и насмѣшливыми съ иностранцами. Это было тяжелое испытаніе для терпѣнія многихъ отличныхъ людей, но Богъ далъ имъ въ 1813 году обагрить свой мечь за отечество во Французской крови. Посреди всѣхъ этихъ мелкихъ дрязгъ и непріятностей не мало было и радости, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пламя Москвы возжгло безконечныя надежды.

Таковъ былъ прекрасный кругъ, въ коемъ я ежедневно вращался. Но не хочу умолчать и о другомъ, который также имѣлъ свою прелесть. Я нашелъ въ Петербургѣ большіе торговые дома, во главѣ коихъ стояли мои соотечественники, и вскорѣ сблизился и съ другими Нѣмецкими домами, съ учеными и съ нѣкоторыми академиками. Тутъ сѣверное гостепріимство выказывалось въ полномъ своемъ блескѣ. Встрѣтилъ я также старинныхъ знакомыхъ изъ Швеціи, между ними генерала графа Армфельта, въ то время намѣстника въ Финляндіи. Едва можно было отбиться отъ приглашеній и пировъ. Жизнь была ночная, къ чему естественно ведетъ зима на дальнемъ сѣверѣ, и еще болѣе ведетъ столичный обычай: до полуночи почти никогда не кончались вечернія собратія, а часто тянулись часовъ до двухъ, до трехъ. По утру-же нельзя было надѣяться, что-бы кто либо васъ принялъ часовъ до двѣнадцати.

Въ числѣ многихъ значительныхъ людей познакомился я съ астрономомъ Шубертомъ, съ поэтомъ Клингеромъ и съ мореплавателемъ Крузенштерномъ: всѣ трое были Нѣмцы, послѣдній происходилъ изъ Шведской фамиліи. Съ Шубертомъ меня познакомили, какъ съ моимъ землякомъ. Это былъ человѣкъ рослый, красивый и умный, но испорченный гордынею. Онъ былъ поклонникъ Наполеона, не вѣрилъ, что-бы надъ нимъ можно было одержать какой-либо успѣхъ, вообще благоговѣлъ лишь предъ умомъ и счастіемъ, былъ исполненъ холодной насмѣшливости и презрѣнія къ людямъ. Быть можетъ, онъ тутъ сталъ таковымъ; но для этого все таки была нужна прирожденная склонность. Онъ давалъ мнѣ поученія слѣдующаго рода: «человѣкъ есть служебная и вьючная тварь, любезный землякъ; тутъ онъ тварь вдвойнѣ коварная; привыкайте держать себя здѣсь понадменнѣе и погрубѣе, если вы хотите, что-бы васъ во что нибудь ставили.» Такія возмутительныя правила, быть можетъ, и въ другихъ странахъ имѣютъ свою долю практическаго значенія. Я былъ ра-

за два у этого надменнаго, чваннаго ученаго и болѣе къ нему не возвращался. Клингеръ былъ высокій, величавый старецъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ тѣломъ, словно вылитымъ изъ металла, съ глубокимъ, горделивымъ взоромъ, съ могучимъ голосомъ. Но и этотъ Франкфуртецъ здѣсь сложился, сшлифовался и застылъ въ нестерпимо-свѣтскаго человѣка. Его постигло горе: въ Бородинскомъ сраженіи онъ лишился единственнаго своего сына, офицера Русской арміи; это глубоко сразило его. Крузенштернъ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, хотя и родился на суровомъ сѣверѣ, на берегахъ Эстляндіи: то былъ человѣчнѣйшій, безпритязательнѣйшій, любезнѣйшій изъ смертныхъ, съ которымъ всякому становилось на душѣ хорошо; онъ вынесъ изъ своихъ путешествій лишь добродушную простоту моряка, а не суровость стихіи, съ которою ему приходилось бороться. Но любимцемъ моимъ былъ академикъ Триніусъ, лейбъ-медикъ герцогини Виртембергской, рожденной принцессы Саксенъ-Кобургской, поэтъ, ботаникъ и—человѣкъ.

У него по ночамъ и полуночамъ собирались лучшіе и живѣйшіе представители Петербургской ученой гильдіи. Тутъ кипѣла жизнь, тутъ отъ всего сердца сочувствовали великому дѣлу освобожденія Нѣмецкой родины и Европы.

Герцогинѣ я былъ представленъ Триніусомъ и б. фонъ Штейномъ. Это была чудесная женщина, красивая и стройная, какъ вся ея семья, и исполненная Германскаго патріотизма. Она была восторженная сторонница Штейна и вполнѣ Нѣмка, и за ея чайнымъ столомъ старикъ возсѣдалъ въ полномъ блаженствѣ, а за нимъ сиживали и люди помельче. Эта благородная принцесса собирала у себя все, чтó еще питало Германскую любовь и надежду. Она, ближайшій другъ царствующей императрицы Елисаветы, несла вмѣстѣ съ нею Штейновское знамя мужества и чести; и часто случалось, что она, ожидая къ себѣ какую нибудь странную, неуклюжую личность (въ такихъ случаяхъ придворные кавалеры и дамы не приглашались) давала о томъ знать Императрицѣ, и эта послѣдняя пріѣзжала incognito, садилась въ сторонѣ или позади фрейлинъ, что-бы провести время по человѣчески. Вотъ тому примѣръ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, куда въ это время, словно къ Великой Пятидесятницѣ восторга и избавленія, собирались языки и люди всѣхъ народовъ, явилось и нѣсколько только что пріѣхавшихъ изъ Англіи Тирольцевъ, между ними великолѣпный мужчина съ Форарльберга, Францъ Фиделисъ Юбилэ, лѣтъ сорока, истинный образецъ статнаго и свободнаго Германца. Этого человѣка, который провелъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Петербургѣ, наперерывъ приглашали на всѣ вечера, заставляли его разсказывать подвиги и страданія Тирольской войны, его аудіенціи у императора Франца и Англійскаго принца-регента, его разговоры съ ними; заставляли его пѣть Тирольскія пѣсни, народныя и военныя, чтò онъ и исполнялъ самымъ звучнымъ голосомъ и съ самою неподдѣльною веселостію. Онъ уже нѣсколько разъ побывалъ у герцогини, которая любила наигрывать на фортепіано мелодіи его пѣсенъ; уже онъ совершенно освоился и приручился въ ея домѣ и, какъ это бываетъ съ Альпійскими жителями, сдѣлался довѣрчивымъ и болтливымъ.

Герцогиня разсказала Императрицѣ объ этой забавной заморской птицѣ. Императрица пожелала его увидѣть и послушать. Герцогиня поручила графу Армфельту привезти его въ назначенный вечеръ. Графъ-же пригласилъ его въ этотъ день къ себѣ обѣдать и возбудилъ его бодрость прекраснымъ виномъ. Юбилэ пріѣхалъ, болталъ, разсказывалъ, пѣлъ — все это съ чисто-тирольскимъ увлеченіемъ и веселостію. Когда дѣло стало подходить къ полуночи, и герцогиня поднялась, а за нею встали всѣ присутствовавшіе, Императрица выступила изъ-за фрейлины, привѣтливо подошла къ Тирольцу, заговорила съ нимъ о Швабіи и о Рейнѣ, разсказала ему, что она прирейнская Нѣмка, и попросила его, что-бы, если Тирольцы и онъ въ ихъ числѣ вскорѣ снова подымутся и Богъ дастъ имъ побѣду, онъ вспомнилъ о ея заступничествѣ и не слишкомъ по военному хозяйничалъ въ Баваріи и Швабіи. Онъ-же, находясь уже въ ударѣ, отвѣчалъ ей смѣло и рѣзко, съ Тирольскою запыльчивостію отозвался о короляхъ Баварскомъ и Виртембергскомъ и о ея братѣ, великомъ герцогѣ Баденскомъ, при чемъ не скупился на сильныя выраженія. Послѣ того, какъ Императрица все это выслушала съ улыбкою и повторила свою просьбу, выступилъ впередъ спутникъ Армфельтъ и сказалъ: «Знаете ли вы, любезный Юбилэ, съ кѣмъ вы говорите? Это Императрица.» При этихъ словахъ, бѣднякъ поблѣднѣлъ, весь опустился отъ страха и произнесъ заикаясь: «Ваше Величество, будьте милосерды! На то была ваша воля: я не зналъ, что вы тутъ; я считалъ васъ лишь придворною дѣвкою». Тутъ она принялась милостиво его успокоивать, но онъ ушелъ дрожа всѣмъ тѣломъ. Когда я на другое утро посѣтилъ его—это былъ день, назначенный для его отъѣзда—онъ лежалъ въ постели и охалъ: оказалось, что онъ принялъ рвотное. На мой удивленный вопросъ, какъ это онъ такъ быстро ослабѣлъ и расхворался, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ вчера было хуже чѣмъ отъ пули изъ штуцера: Императрица вотъ гдѣ у меня сидитъ.»

О, то было время знаменій и прорицаній пророка Исаіи; равность настроеній равняла всѣ народы; горы прижались къ долинамъ, и долины воздвигались горами.

Пріѣзжали въ это лѣто въ Петербургъ многія и другія, прекрасныя и знаменитыя, личности, ниспускавшіяся до доступныхъ мнѣ сферъ. Также появились тутъ, бѣжавшія изъ Вѣны, двѣ Европейскія знаменитости, г-жа Сталь и Августъ Вильгельмъ фонъ Шлегель. Ихъ я также лицезрѣлъ. Что̀ сказать мнѣ объ этой великой, столь часто изображенной и прославленной женщинѣ? Наружностію она не была красива, для женщины сложена почти слишкомъ сильно и мужественно. Но какая голова вѣнчала это тѣло! Лобъ, глаза и носъ были прекрасны и сіяли блескомъ генія; ротъ и подбородокъ были менѣе привлекательны. При блистательномъ остроуміи, сверкавшемъ въ ея глазахъ, въ каждомъ ея словѣ, слышалось чарующее выраженіе разума и доброты. Она по лицу всякого встрѣчнаго угадывала, въ какомъ тонѣ съ нимъ говорить — царственный даръ, коего лишены многіе цари. Было весело смотрѣть, какъ она обходилась со Штейномъ и какъ эти двѣ живѣйшія личности, сидя на одномъ диванѣ, спорили между собою. — Слѣдующій случай съ г-жею Сталь далъ почувствовать намъ,

столь часто слишкомъ равнодушнымъ, какъ живо Французы любятъ свою родину и все родное и какъ часто у нихъ слишкомъ много того, чего у насъ слишкомъ мало.

Французскіе актеры въ Петербургѣ давали Федру. Рокка (другъ г-жи Сталь) и ея сынъ пошли въ театръ, мы-же и прочіе приглашенные къ знаменитой женщинѣ еще сидѣли за столомъ,—вдругъ они оба вернулись нѣсколько взволнованные и разсказали, что съ самаго начала представленія въ театрѣ поднялись такой шумъ и гамъ, такая брань на Французовъ и Французскій театръ, что представленіе должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было послѣднее представленіе Французской труппы въ это лѣто въ Петербургѣ, и народная ненависть и гнѣвъ выразились столь рѣзко и жестко, что въ началѣ слѣдующей зимы актеры должны были оставить Петербургъ. А г-жа Сталь? Она забыла о времени и мѣстѣ, она помнила лишь себя и свой народъ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула. «Варвары! не хотятъ видѣть Расинову Федру!»

А Русскіе? Не владѣя языкомъ, я могъ вступать въ сношеніе лишь съ тѣми изъ нихъ, которые, говоря по нѣмецки или по французски, были причастны къ общеевропейскому образованію, и у которыхъ Европейская отдѣлка и лоскъ отчасти уже стерли народныя особенности. Но истинные Русскіе, солдаты, крестьяне и мелкіе торговцы, ямщики и кучера, мимы и танцовщики Русскаго театра, этихъ я не упускалъ случая наблюдать и узнавать. Такія антропологическія забавы были для меня потребностію, и удовлетворять этой потребности мнѣ тутъ представлялась богатая возможность.

Гуляя съ моимъ почтеннымъ покровителемъ, что въ первый мой мѣсяцъ въ Петербургѣ случалось часто, я предавался этой забавѣ. Когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ шли прохожіе, мы угадывали и бились объ закладъ, который изъ нихъ Нѣмецъ, Англичанинъ, Русскій. Пріемы послѣднихъ я вскорѣ изучилъ, также ихъ складъ и походку, такъ что я уже на значительномъ разстояніи узнавалъ ихъ навѣрняка. Тогда мой старикъ говаривалъ шутя, что меня, должно быть, въ колыбели подмѣнила какая нибудь колдунья, что я очевидно принадлежу къ какому нибудь племени дикихъ Американцевъ и что у меня собачье чутье на иноплеменную кровь. Русскіе — чудный народъ. Можно сказать безъ ошибки, что въ ихъ чертахъ и во всемъ ихъ физическомъ и нравственномъ складѣ, Азія соединяется съ Европою; мало того, васъ поражаютъ и многія другія, необъяснимыя сходства; несомнѣнны примѣси Скандинавскаго, Татарскаго, Финскаго элементовъ. Какъ близокъ языкъ къ Польскому, и какъ несхожи люди обѣихъ націй! Легкость и веселость, общая всему Славянскому племени, но притомъ гораздо болѣе сознательной игривости, чѣмъ у Поляковъ, гораздо болѣе выраженія насмѣшливой разумности и упорной воли, при всей подвижности и гибкости членовъ и жестовъ. И когда дѣло касается чего либо важнаго, какое выраженіе упорства и твердости, какое терпѣніе и трудолюбіе, какая стойкость, словно Азіатская! Притомъ религіозность столь же глубокая, какъ она поверхностна у сосѣдей. Я поистинѣ дивился лицамъ молящихся въ церквахъ и на улицахъ, когда раздавался утренній или вечерній звонъ. Какъ все останавли-

валось и складывало руки (?), какъ все смотрѣло глубоко, словно заглядывало въ небо и въ самого себя, словно внезапно переносилось изъ веселости предъидущей минуты, изъ суэты житейской въ иной міръ, словно ударилъ громъ и приковалъ всѣхъ къ мѣсту, гдѣ только что всѣ беззаботно двигались и шумѣли! Тутъ чувствуешь, что въ этомъ народѣ есть нутро, есть твердая, неразрушимая сущность. У послѣдняго крестьянина написано на лицѣ: я также нѣчто; выражается великая, несокрушимая общность, нѣчто похожее на гордость, о чемъ смиренный Нѣмецъ не имѣетъ и понятія. Я говорю это не въ качествѣ человѣка, который-бы ихъ особенно любилъ и ими восхищался; но таково именно впечатлѣніе, которое они на меня произвели. Они не любятъ Нѣмцевъ, они даже презираютъ ихъ. Я не плачу́ имъ тѣмъ же, но любить ихъ я также-бы не могъ, а жить между ними я не хотѣлъ-бы ни за что́ въ мірѣ. Имъ пришлось испытать великую и тяжкую судьбину, и они честно испытали ее. Я не думаю, что-бы имъ было суждено произвести въ мірѣ переворотъ, я и не желаю увидѣть ихъ въ моемъ отечествѣ въ качествѣ исправителей міра; но и чужіе не такъ легко сдвинутъ съ пути этихъ твердыхъ богатырей.

А между Русскими высшихъ сословій, какія величавыя отдѣльныя лица, какіе образцы, сказалъ-бы я, для живописца и скульптора! Страхъ и удивленіе внушаетъ эта самоувѣренная сила — не назову ея величіемъ, выраженіе это слишкомъ высоко, но эта рѣшительность и непоколебимость, даже независимость. Какъ? *Независимость* въ такихъ странахъ, какъ Россія и Турція, гдѣ случай и произволъ почти всегда сильнѣе, чѣмъ справедливость? Именно *независимость*. Отчасти это объусловливается конечно народнымъ характеромъ, но еще болѣе способомъ правленія. Люди кажутся несокрушимыми и непоколебимыми, какъ желѣзная судьба. Я понимаю, какимъ образомъ могутъ слагаться такія личности въ Россіи и въ Турціи. Кто въ этихъ странахъ имѣетъ достаточно силы и мужества, наконецъ побѣждаетъ всякій страхъ, который въ сущности можетъ внушать ему лишь одно лицо; все остальное прахъ и ничтожество, попираемое имъ ногами. Ему нужно только держаться своей твердой рѣшимости и не забывать, что Царь — также смертный человѣкъ. Какая разница тамъ, гдѣ дѣйствуютъ болѣе свободныя силы! Какъ въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, даже самый энергическій характеръ, самая могучая воля должны дробиться и размѣниваться въ своей дѣятельности! Со сколькими лицами и вещами приходится считаться, съ какою уступчивостію и гибкостію обходить осторожно всякую позицію! Какъ рѣдко можно штурмовать ее прямо! Въ странахъ, гдѣ поклоняются лишь одному Богу и одному самодержавному Государю, гдѣ до Бога высоко, до Царя далеко, всегда можно идти прямо на проломъ. Ибо тамъ, гдѣ господствуетъ рабство, отдѣльныя лица всегда наиболѣе независимы. Тутъ кстати два анекдота о великомъ Суворовѣ.

Когда его единственному сыну минуло семнадцать лѣтъ, онъ захотѣлъ представить его Императрицѣ Екатеринѣ. Онъ вошелъ съ нимъ въ прихожую, наполненную ожидающими и прислужниками. Всѣхъ поразилъ костюмъ юноши. Отецъ одѣлъ его такъ, какъ одѣвали пажей во времена Петра Перваго. Старикъ, имѣвшій всегда сво-

бодный доступъ къ Императрицѣ, по привычкѣ своей болѣе бѣгать чѣмъ ходить, проскочилъ сквозь разступающуюся толпу вмѣстѣ съ сыномъ, и схватился за ручку двери, какъ будто хотѣлъ войти къ Государынѣ. Но вдругъ онъ столь-же быстро побѣжалъ назадъ на середину залы, простоялъ тамъ нѣсколько мгновеній, какъ будто въ раздумьи, и затѣмъ цѣлый часъ водилъ своего сына вокругъ комнаты, заставляя его кланяться всѣмъ присутствовавшимъ. Онъ началъ съ самыхъ знатныхъ, причемъ собственноручно, и лишь весьма немного, наклонялъ голову сына; онъ все увеличивалъ поклоны, по мѣрѣ того, какъ переходилъ къ лицамъ менѣе чиновнымъ и, дошедши наконецъ до истопника, разводившаго огонь въ каминѣ, онъ наклонилъ голову юноши до самой земли. Затѣмъ онъ поднялъ его и сказалъ торжественно и громко, такъ что это было слышно во всей залѣ: «Сынъ мой, ты сегодня начинаешь жить самостоятельно; не забывай великаго урока, который я пожелалъ тебѣ дать. Смотри! эти господа (указывая на знатнѣйшихъ) уже стали всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли сдѣлаться; тѣ-же еще могутъ всего достигнуть!» Вспомнимъ при этомъ карьеры Разумовскихъ, Орловыхъ, Потемкина, Зубовыхъ и т. д.

Въ царствованіе Павла, когда старый фельдмаршалъ былъ уже очень дряхлъ, Императоръ, не вполнѣ ему довѣрявшій, учредилъ за нимъ присмотръ. Однажды онъ послалъ къ нему своего любимца Кутайсова, подъ предлогомъ освѣдомленія о его здоровьи. Этотъ Кутайсовъ изъ должности брадобрѣя возвысился до чина генералъ-лейтенанта. Когда о немъ доложили, фельдмаршалъ, лежавшій больной въ постели, велѣлъ себя одѣть въ мундиръ и обуть въ сапоги съ шпорами, сѣлъ въ большія кресла, и въ этомъ нарядѣ онъ допустилъ къ себѣ Кутайсова. Этого послѣдняго, хотя и видѣлъ его часто, Суворовъ принялъ какъ человѣка, совершенно незнакомаго. Прикидываясь впавшимъ въ дѣтство и потерявшимъ память и соображеніе, онъ принудилъ его неумолкаемыми ребячливыми вопросами и ссылками на свою старость и безпамятство (при чемъ онъ вычислялъ всѣ тѣ походы, въ коихъ могли-бы они вмѣстѣ участвовать) къ мучительному признанью, что онъ никогда не бывалъ подъ огнемъ, и что онъ, не совершивши ни единаго подвига, не видѣвши никакой опасности, милостію Государя достигъ генеральскаго чина. Вдоволь натѣшившись надъ своею жертвою, Суворовъ притворился, что къ нему вдругъ вернулись полное сознаніе и память, привѣтливо усадилъ гостя около себя и затѣмъ принялся звонить изо всей мочи. Когда на этотъ звонъ вбѣжалъ рослый гайдукъ, онъ велѣлъ ему подать себѣ стоявшую въ углу трость и стать передъ нимъ, и затѣмъ принялся колотить его тростью по спинѣ, приговаривая: «Подлецъ ты, сколько лѣтъ учу я тебя, и ничего путнаго изъ тебя не сдѣлаешь. Взгляни вотъ на этого барина, онъ былъ тѣмъ же, что̀ ты; стыдись мерзавецъ: изъ тебя что̀ вышло?»

*

Наполеонъ просидѣлъ въ Москвѣ драгоцѣнное время, все еще надѣясь вовлечь Русскаго Императора въ мирные переговоры, какъ это удавалось ему въ Вѣнѣ и въ другихъ столицахъ. Но на этотъ разъ онъ промахнулся. Мира онъ не дождался, но за то дождался зимы, и наконецъ нужно было подумать объ отступле-

ніи. 20 Октября было предписано отступать, а 23-го Французы, на зло Русскимъ, которыхъ они называли варварами, взорвали Кремль, прекрасный историческій памятникъ, построенный въ стилѣ полу-итальянскомъ, полу-азіатскомъ. То было однимъ изъ тѣхъ ненужныхъ варварствъ, какія эти самозванные цари образованности совершали и въ Германіи надъ сотнями священныхъ памятниковъ. Кремль не былъ крѣпостью, не былъ построенъ для войны, но составлялъ словно особый, дивный городокъ среди большаго города. Отступленіе-же Французовъ, благодаря зимѣ и казакамъ, ускорявшимъ ихъ движенія своими пиками, сдѣлалось ужасающимъ бѣгствомъ, такою гибелью людей и коней, какой не запомнятъ въ теченіи тысячелѣтій. Русскіе двинулись за ними на западъ. Императоръ собирался вскорѣ выѣхать изъ Петербурга, и г. Штейнъ долженъ былъ предшествовать ему въ Пруссіи. Онъ взялъ меня въ свою повозку, въ который мы сидѣли, словно медвѣди, завернутые въ мѣха. Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ 5-го Января 1813 года, и на слѣдующій вечеръ были въ Псковѣ, городѣ нѣкогда свободномъ и богатомъ, какъ Новгородъ, теперь заглохшемъ и опустѣломъ. Тутъ мы услышали печальную вѣсть, что графъ Шазò при смерти боленъ нервною горячкою. Онъ переѣхалъ сюда по дѣламъ Нѣмецкаго легіона, ибо здѣсь былъ сборный пунктъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Эти-же послѣдніе принесли сюда съ собою лагерную горячку. Большинство несчастныхъ юношей, истощенные усиліями громаднаго похода, умирали какъ мухи въ Ноябрѣ, распространяя вокругъ себя заразу. Такъ заразился и мой благородный Шазò. Мы видѣли его на смертномъ одрѣ. За нимъ ходилъ землякъ—полковникъ Тидеманнъ; онъ лежалъ въ бреду и насъ не узналъ. Свидѣться намъ не было суждено. Пока министръ и я проводили у него часокъ, наши слуги не досмотрѣли за нашими повозками, и многія вещи были украдены, между прочимъ большой чемоданъ, въ который я, при поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу, уложилъ бóльшую часть моихъ бумагъ и почти все мое бѣлье. Я лишился весьма важныхъ для меня бумагъ, коихъ я по памяти возстановить не могъ, и многихъ дорогихъ мнѣ подарковъ и воспоминаній отъ Петербургскихъ друзей и, по недостатку въ бѣльѣ, вдвойнѣ страдалъ въ Польшѣ отъ неизбѣжныхъ насѣкомыхъ. Шазó, любезный мой Шазó, храбрый и веселый герой, носился передъ моими мысленными взорами среди густой мятели; мой старикъ также былъ печаленъ, ибо онъ очень любилъ графа Шазò, созданнаго для того, что-бы быть любимымъ всѣми. Онъ унаслѣдовалъ мужественную красоту и силу своего отца, но притомъ былъ истымъ Нѣмцемъ и пылалъ ненавистью къ хвастливымъ побѣдителямъ. Въ Берлинѣ онъ убилъ на дуэли Французскаго коменданта, позволившаго себѣ неприличныя выраженія о его королѣ. Его отецъ, графъ Шазò де Флоранкуръ, родомъ Французъ, отличался красотою, исполинскою силою и остроуміемъ. Наслѣдный принцъ Фридрихъ Прусскій познакомился съ нимъ на Рейнѣ во время кампаніи 1735 года, а король Фридрихъ пригласилъ его къ себѣ на службу. Этотъ графъ-богатырь имѣлъ несчастіе на дуэли отрубить голову своему противнику (какъ при подобный встрѣчѣ подъ Ростокомъ поступилъ съ старшимъ сыномъ г-жи Сталь одинъ казацкій

офицеръ), а такъ какъ король выразился въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ имѣть у себя на службѣ офицеровъ, а не палачей, то графъ Шазò потребовалъ отставки, сдѣлался комендантомъ имперскаго города Любека, вступилъ въ бракъ съ графинею Шметтау и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей, которыхъ въ послѣдствіи охотно приняли на Прусскую службу. Такимъ образомъ нашъ покойный другъ былъ по крови Французъ, но по духу въ немъ ничего Французскаго не было.

Изъ Пскова мы поѣхали на Друю, тутъ чрезъ замерзшую Двину, а оттуда черезъ Видзы и Свенцяны на Вильну. Бѣдная, несчастная, малонаселенная мѣстность, лишь около Вильны становится плодороднѣе. Мы видѣли живую картину войны, мы даже двигались въ ней, погружались въ нее все глубже, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Вильнѣ. Множество разбитыхъ, растоптанныхъ, раскрытыхъ домовъ, безъ людей и животныхъ, даже ни единой кошки въ нихъ; запустѣлыя пожарища и обломки стѣнъ, худыя почтовыя лошади, загнанныя до того, что мы у каждаго холмика должны были останавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть, а наши повозки были на полозьяхъ, и въ нихъ запрягали отъ шести до осьми лошадей. Ахъ! Было намъ время, на этомъ медленномъ пути по снѣжнымъ пустынямъ, размышлять объ ужасахъ, произведенныхъ этимъ неслыханнымъ походомъ. Чтò видѣли мы! О если-бы гордый завоеватель могъ плакать, какъ заставляетъ онъ плакать матерей сотенъ тысячь людей! На второй, третій и четвертый день нашего путешествія, намъ безпрестанно встрѣчались отдѣльныя толпы плѣнныхъ, которыхъ вели назадъ, на востокъ. Какое зрѣлище! Оборванные, обмерзлые, посинѣвшіе, они едва походили на людей. Передъ нашими глазами умирали они въ деревняхъ и на почтовыхъ станціяхъ. Больные одинъ на другомъ лежали въ саняхъ, покрытые соломою. Какъ только одинъ изъ нихъ умиралъ, его сбрасывали съ саней въ снѣгъ. На улицахъ трупы лежали, словно падаль, непокрытые и непохороненные; ни одна человѣческая слеза не пролилась надъ ихъ предсмертною мукою. Нѣкоторые изъ нихъ представляли окровавленные члены, ибо и убитые были приставлены къ деревьямъ, какъ страшное предостереженіе. Они и павшія лошади обозначали дорогу къ Вильнѣ. И незнакомый съ этою дорогою не могъ-бы съ нея сбиться. Наши лошади часто ржали и становились на дыбы отъ труповъ, между и даже черезъ которыхъ имъ приходилось скакать. Но это былъ не только испугъ отъ труповъ, но онѣ чуяли волковъ, которыхъ мы тамъ и сямъ видѣли стаями отъ десяти до пятнадцати головъ, занятыхъ глоданіемъ своей добычи, и которые вѣроятно прокрадывались въ немногихъ шагахъ отъ насъ.

11-го Января поздно вечеромъ мы въѣхали въ Вильну. Нашъ главный возокъ увязъ въ сугробѣ. Слуги наши пошли за людьми, что-бы помочь его вытащить; министръ пошелъ въ ближайшую гостинницу. Я остался въ возкѣ. Послѣ того какъ мы съ большимъ трудомъ и при моей личной помощи наконецъ вытащили его изъ снѣгу, на насъ вдругъ съ шумомъ налетѣли большія сани и вновь столкнули насъ въ тотъ-же сугробъ. Я разразился проклятіями, но вдругъ сѣдокъ тѣхъ саней, которыя зацѣпились за нашъ экипажъ, выскочилъ изъ нихъ и вцѣпился въ меня, и все это

окончилось смѣхомъ, ибо то былъ мой другъ, майоръ Фуль, только что пріѣхавшій изъ главной крартиры, чтобы забрать провіанта. Онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, помогъ намъ съ своими людьми тронуться съ мѣста, и мы вскорѣ догнали министра въ гостинницѣ Мюллера, на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ мы наконецъ, послѣ шести скучныхъ ночей, провели веселый вечеръ. Но, увы, о покоѣ нельзя было и думать. Въ первую ночь усталость взяла свое, но затѣмъ пошли и Польскія мученія, и Польская скука; ибо на второй день министръ оставилъ насъ за собою: мы должны были дожидаться саней съ поклажею изъ Петербурга, затѣмъ медленно потянулись вслѣдъ за нимъ на Гродну и вновь соединились съ нимъ недалеко отъ Польской границы.

И такъ о моихъ Польскихъ мученіяхъ. Я помѣщался въ великолѣпной залѣ, обтянутой шелкомъ, украшенной большими зеркалами и гравюрами Моргена съ Рафаэля. Свою постель я устроилъ на мягкомъ диванѣ; но, о неописанный ужасъ! Всѣ стѣны были покрыты отвратительными желтыми насѣкомыми. Впрочемъ, всего было вдоволь; даже со времени бѣгства Французовъ, не было недостатка въ хорошемъ винѣ, Венгерскомъ и Французскомъ.

На другой день послѣ обѣда, когда министръ уѣхалъ, я вышелъ осматривать городъ. Онъ показался мнѣ Татарскомъ адомъ Повсюду ужасная грязь и вонь; испачканные Жиды кое гдѣ едва бродили по улицамъ; несчастные плѣнные по большой части раненные или полувыздоровѣвшіе; всѣ улицы были наполненны смраднымъ дымомъ, ибо почти передъ каждымъ домомъ были зажжены разные горючіе матеріалы, даже просто навозныя кучи, для того чтобы разсѣять заразу отъ множества лазаретовъ, и эти кучи дымили день и ночь. На улицахъ валялись кое-гдѣ Французскія кокарды, испачканные плюмажи, разорванныя шляпы и раздавленные кивера, напоминая о гордынѣ тѣхъ, которые за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ щеголяли ими въ Вильнѣ. Я вышелъ изъ воротъ, и въ продолженіи двухъ страшныхъ часовъ бродилъ по предмѣстьямъ, Вилькомирскому и Ковенскому. Какіе ужасы! Всѣ слѣды разрушенія, видѣнные мною въ городѣ, попадались тутъ чаще и чаще, повсюду валялись совершенно нагіе трупы: дохлыя лошади, быки, собаки, вѣрные и несчастные спутники погибшихъ. Многіе дома совершенно опустѣлые безъ половъ, оконъ и печей; отъ многихъ остались лишь пожарища; между этими страшными памятниками раззоренія бродили, какъ тѣни, отдѣльные плѣнные и выздоравающіе, и кое-гдѣ у развалившейся стѣны несчастная брошенная лошадь, озяблая и сгорбленная, подбирающая клочки сѣна. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ порядочно одѣтаго юношу, къ которому я обратился съ какимъ-то вопросомъ; онъ оказался Брабантцемъ и старшимъ хирургомъ при лазаретѣ Французскихъ плѣнныхъ, помѣщавшемся въ монастырѣ. Я прошелъ съ нимъ до входа въ это жилище горя, увидѣлъ кладбище монастыря, все заваленное трупами, и вернулся. Онъ сказалъ мнѣ, что въ лазаретѣ изъ двухъ тысячъ человѣкъ умираетъ ежедневно отъ пятидесяти до осьмидести. Это облегчитъ ему работу. Подходя къ городскимъ воротамъ, я встрѣтилъ пятьдесять-шестьдесять саней, всѣ заваленныя трупами, подобранными въ гошпиталяхъ и на площадяхъ. Ихъ вез-

ли, какъ везутъ дрова; они окоченѣли и высохли отъ холода, какъ бревна, и доставили плохую пищу червямъ и рыбамъ (ибо многіе изъ нихъ бросались въ проруби). Всего отвратительнѣе для меня было то, что на кожѣ этихъ несчастныхъ виднѣлись слѣды выѣденные вшами, подобные слѣдамъ муравьевъ около муравейника. Ужасно было видѣть эти тѣла человѣческія, нѣкогда, при вступленіи въ жизнь, привѣтствованныя любовью и радостью, съ любовью взращенныя и вскормленныя, затѣмъ во цвѣтѣ лѣтъ оторванныя отъ семьи и друзей дикимъ завоевателемъ, и теперь влекомыя, какъ падаль, безъ всякаго вниманія, съ головами свѣсившимися до земли, съ ногами поднятыми къ верху, безъ прикрытія даже того, что̀ предписываютъ скрывать стыдливость и человѣчность.

13-го Января была ясная и неслишкомъ холодная погода; яркое солнце опять выманило меня на прогулку, и я вышелъ въ другіе ворота и пошелъ вдоль рѣчки Виліи, на которой расположенъ городъ. Передъ воротами множество разбитыхъ Французскихъ повозокъ и лафетовъ, запустѣлые, ограбленные дома; у дороги шляпы, шапки, кокарды, трупы и павшія лошади. Трупы по большей части были убраны, но за большими камнями, подъ мостами и за кустами, ихъ было забыто немало, а волки повидимому уже принимались ихъ грызть. Меня поразилъ раненый плѣнный, блѣдный и согнутый, который хромая шелъ передо мною, и казалось только что вышелъ изъ лазарета или собирается въ него поступить: онъ остановился передъ однимъ изъ труповъ, разсматривалъ его, даже коснулся его палкою. Такъ человѣкъ наконецъ равнодушно и безучастно глядитъ въ лицо своей судьбѣ. Между тѣмъ какъ плѣнный стоялъ у трупа своего товарища, а я смотрѣлъ на него, съ горы раздалось пѣніе и показался гробъ, сопровождаемый священникомъ и людьми въ траурѣ, по христіянски несомый въ могилу. Подъ нами, по рѣкѣ, тянулись сани съ нагими трупами и всякою нечистотою. Я невольно забрелъ на дворъ большаго строенія, коего службы и комнаты съ остатками изящныхъ печей и обоевъ указывали, что его недавно занимали знатные жильцы. Все внутри было изодрано и разбито, многіе полы подожжены, повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниціи, шляпъ, шапокъ, плюмажей, наконецъ, въ отдаленной комнатѣ у камина, полуизжаренный трупъ. Несчастный, быть можетъ, поползъ къ теплу, какъ червяки къ свѣту, и тутъ и умеръ у огня.

Точно также у многихъ сторожевыхъ огней найдены трупы людей, которые, желая согрѣться, въ предсмертномъ полузабытьѣ, слишкомъ приблизились къ огню и сгорѣли. Меня объялъ ужасъ, словно я среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и я бѣжалъ изъ этихъ запустѣлыхъ залъ. Но самое ужасное зрѣлище видѣлъ я вечеромъ это дня. Я вышелъ изъ дому, для того что-бы посмотрѣть на толпу проходившихъ мимо Русскихъ ополченцевъ, а также на Польскихъ крестьянъ и Жидовъ. Вдругъ я услышалъ пѣніе, раздававшееся отъ Минскихъ воротъ, надъ которыми совершалось торжественное богослуженіе. Я нѣсколько минутъ прислушивался къ нему и, возвращаясь оттуда, забрелъ на кладбище, недалеко отъ воротъ. Я сперва увидѣлъ лишь церковь, за тѣмъ верхнія окна (или точнѣе оконницы безъ рамъ) строенія, расположеннаго вокругъ кладбища, похожаго на монастырь или келіи. Но,

подошедши ближе, что̀ я увидѣлъ! Трупы, нагроможденные на трупы, въ иныхъ мѣстахъ такъ высоко, что они доходили до оконъ втораго этажа: тутъ конечно было труповъ тысяча; цѣлый вымершій гошпиталь. Во всемъ обширномъ строеніи ни однаго цѣлаго окна, ни живой души—лишь у дверей собака, обнюхивающая стѣны. Къ счастію сильный морозъ сковывалъ зловонныя испаренія, которыя безъ того отняли бы возможность подойти къ этимъ жилищамъ ужаса. Подобныя груды труповъ могли образоваться также во Франціи и въ Германіи послѣ кровавыхъ битвъ, но нужны были Польская безурядица и такой годъ, какъ 1812-ый, для того, чтобы они въ такомъ безобразіи оставались выставленными напоказъ. Но могъ-ли я удивляться тому, что тутъ нагромождены эти груды труповъ? Не стояли-ли наши сани подъ навѣсомъ въ гостинницѣ Мюллера на трупѣ Француза, въ полной амуниціи, втоптанномъ въ навозъ и солому? Столь велико было общественное бѣдствіе, столь жестоки грязь и безпорядокъ.

Въ Вильнѣ такъ и кишѣло Жидами. Я долженъ былъ закупить нѣкоторыя мелочи, по случаю кражи, которой подвергся во Псковѣ, и былъ вынужденъ таскаться по ихъ лавкамъ. Я нашелъ, что они въ Литвѣ складомъ и лицомъ менѣе красивы, чѣмъ въ южной Польшѣ. Жиды во время этой войны повсюду выказали преданность Россіи: они сердцемъ не отпали отъ нея какъ Поляки; ибо хваленая Польская свобода не доставляла имъ того обезпеченія собственности, коимъ пользуются они подъ Русскимъ скипетромъ. Повидимому, у нихъ было вѣрное политическое чутье, ибо они съ самого начала отнеслись враждебно къ Французамъ и, несмотря на денежныя приманки, въ большинствѣ случаевъ не соглашались быть шпіонами и измѣнниками. Въ Вильнѣ они даже, при вступленіи Русскихъ, храбро сражались противъ Французовъ и такъ усердно, съ воинственными криками, преслѣдовали ихъ, что нѣсколько сотенъ изъ нихъ убили и взяли въ плѣнъ. Добыча, которую они тутъ отняли у всемірныхъ грабителей, и золото, и товары, которые они намѣняли и скупили у казаковъ, какъ говорятъ, представляли огромную цѣнность.

14-го Января къ вечеру я выѣхалъ въ Минскіе ворота по дорогѣ въ Гродну. И здѣсь луна озаряла поле, покрытое трупами. Тутъ опять на протяженіи полумили лежали замерзлые и убитые кучами въ тридцать и въ пятьдесятъ человѣкъ: тамъ около каждой дохлой лошади лежало по два по три трупа. Вотъ наши сани скользнули по человѣческимъ костямъ. Тутъ же въ лѣсахъ я видѣлъ огромное количество волковъ. Это было пять недѣль послѣ занятія Вильны Русскими. Таково страшное воспоминаніе, вынесенное мною изъ Вильны.

Мѣстность между Вильною и Гродною показалась мнѣ гораздо болѣе плодородною и лучше обработанною, чѣмъ мѣстность между Псковомъ и Вильною. И война оставила здѣсь слѣды не столь тяжкіе. Гродна хорошенькій городокъ. Я остался тамъ лишь нѣсколько часовъ и ночью доѣхалъ до главной квартиры Императора, гдѣ нашелъ своего начальника и богатырски выспался на двухъ стульяхъ, въ нетопленной крестьянской хатѣ.

17-го Января мы доѣхали до Прусскаго городка Лыка.

ДОНЕСЕНІЯ ГРАФА М. А. ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Это тотъ самый графъ Мамоновъ, который столько лѣтъ влачилъ печальное существованіе въ нашей Москвѣ и надъ прахомъ котораго недавно воздвигнутъ изящный памятникъ въ Донскомъ монастырѣ. См. подробности о немъ въ Р. Арх. 1868, стр. 87, 91 и 962. Историческое безпристрастіе требуетъ напомнить читателямъ, что молодой гр. Мамоновъ, по недостатку воинской опытности, не умѣлъ держать строгаго порядка въ своемъ полку, и его ополченцы, еще стоя въ Ярославской губерніи, получили прозваніе Мамаевцевъ. Сл. Р. Арх. 1866, стр. 232. *П. Б.*

I.

Его Императорскому Величеству
Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

Поставляя священнѣйшею обязанностію вѣрноподданнаго не скрывать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ничего того что̀ можетъ наносить ущербъ Высочайшимъ выгодамъ Вашимъ, народа и славныхъ войскъ Промысломъ Вамъ ввѣренныхъ, я поспѣшаю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что въ краю, гдѣ расположенъ нынѣ ввѣренный мнѣ полкъ, непріязненныя или, лучше сказать, вражія расположенія жителей и правительства до того возрасли, что всякая маленькая Русская команда, отдѣльно идущая, подвергается обидамъ и оскорбленіямъ, которыя хладнокровно могутъ сноситься одними Нѣмцами, прикрывающими личиною Русскаго мундира ненависть свою къ Русскому и любовь къ природнымъ врагамъ нашимъ. Въ здѣшнемъ краю большая часть офицеровъ, командующихъ Русскими солдатами, Нѣмцы же, изъ коихъ иные не знаютъ ни слова порусски, служа въ Русской службѣ. Всѣ отношенія Русскихъ войскъ къ здѣшнимъ жителямъ, правильность, долженствующая господствовать между ими по Высочайшимъ Вашего же Императорскаго Величества предначертаніямъ, сими чиновниками искажается, какъ то легко вообразить можно. Высочайшее имя Ваше, правительство Русское и все Русское въ присутствіи ихъ здѣшними гражданскими чиновниками ругаемы. Всякому Нѣмцу предоставлено оскорблять Русскаго солдата наиоскорбительнѣйшимъ для глазъ Русскаго образомъ, а Русскому преграждаются самые пути отыскивать на Нѣмцѣ, такъ что Нѣмецъ первенствуетъ здѣсь надъ Русскими, пріобрѣтшими толико правъ первенствовать надъ ними. Русскій солдатъ, удаленный отъ родины своей и ими притѣсненный, не теряетъ однако же свойственной народу Русскому вѣрности и огорченъ симъ несказанно.

Вѣрноподданническая моя приверженность къ Государю моему и любовь моя къ землѣ меня родшей заставляютъ описать Вашему Императорскому Величеству положеніе здѣшняго края и войскъ здѣсь расположенныхъ тѣми красками, коими они здѣсь описаны. Положеніе сіе толико несносно зрѣть Русскому, что я умоляю Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволить мнѣ не быть въ здѣшнемъ краю, дабы не быть свидѣтелемъ всего того что̀ претерпѣваютъ завоеватели Европы, Русскіе, народъ Вашъ, отъ народа, пріобыкшаго рабствовать и возвышающагося надъ подданными Вашими потому только, что Вашему Императорскому Величеству, озабоченному великимъ дѣломъ правительства стольких царствъ, неизвѣстно то, что̀ иноземцы, Русскими называющіеся, поз-

воляютъ тѣмъ иноземцамъ, кои ненавидятъ Россію и алчатъ ея гибели, что̀ доказано тѣми мятежами, коихъ я былъ очевидный свидѣтель, и подобные сему, вѣроятно скрываемы отъ Вашего Императорскаго Величества.

Генералъ-маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№ 328.
Апрѣля 21 дня 1814 года.
Нейштатъ.

II.

Его Императорскому Величеству.

Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

28 числа Апрѣля въ мѣстечкѣ Билингенѣ, Баденскаго владѣнія, гдѣ встрѣтило меня открытое предписаніе, остановляющее все войско, случилось въ 9-мъ часу вечера слѣдующее происшествіе.

Изъ одного дома сего мѣстечка были выкиданы бревна и каменья въ офицеровъ Высочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ввѣреннаго мнѣ полка, Бодиску и Румянцова, весьма тяжело ушибенныхъ, и въ егерьскаго офицера Башмакова, ходившихъ по улицѣ. Деньщики ихъ и казаки, захотѣвшіе узнать, кѣмъ кидаются бревна и каменья, были биты безъ пощады столкнувшимся народомъ. Вскорѣ изъ многихъ домовъ стали летать на сходившихся на шумъ офицеровъ и рядовыхъ — каменья, бревна, желѣзные молотки и прочая, чѣмъ многіе рядовые ранены, и иные тяжело.—Шумъ двухъ буйныхъ шаекъ жителей мѣстечка Вилингена, предводительствуемыхъ квартировавшими тутъ нѣкоторыми Австрійскими саперами (вооруженными какъ бываютъ солдаты въ строю и въ дѣлѣ) до того усилился, что я вынужденнымъ нашелъ себя, пославъ за полицейскими чиновниками мѣстечка, сѣсть на лошадь, что-бы прекратить мятежъ. Полицейскіе чиновники не являлись близь двухъ часовъ, въ теченіи каковаго времени не переставали летать по улицамъ, по коимъ я ходилъ и ѣздилъ, кирпичи, бревна и желѣзо. Я намѣревался нѣкоторое время вывесть эскадронъ изъ города; но, сочтя оное несовмѣстнымъ съ достоинствомъ войскъ Вашего Императорскаго Величества, рѣшился собрать часть онаго на площади и учредить рундъ, грозя принять строгія мѣры. Два Австрійскіе сапера, убившіе казака до полусмерти на квартирѣ (который и умираетъ) были схвачены рундомъ и подверглись бы неминуемо участи сего казака отъ разсерженныхъ Русскихъ солдатъ, естли бы не приказано было мною выпустить ихъ. Одинъ изъ нихъ, назвавшій себя офицеровъ, набѣжалъ на меня съ кортикомъ, но былъ схваченъ находящимися при мнѣ Русскими офицерами. Другой, бѣжавъ на квартиры свои, вызывалъ товарищей своихъ зарядить находившіяся у нихъ ружья. Я отвратилъ сіе строгимъ карауломъ, приставленнымъ къ ихъ квартирѣ, и вынужденнымъ нашелъ себя приказать тутъ же схватить одного изъ самыхъ бунтующихъ и наказать его, какъ наказываютъ виноватыхъ солдатъ въ Россійской арміи. Я счелъ сіе тѣмъ необходимѣе къ укрощенію всего, что командовавшій Австрійцами офицеръ, неоднократно мною требованный на помощь, не находился въ городѣ съ самого утра. Наконецъ въ невозможности предупредить кровопролитіе, принужденъ я былъ обратиться къ метающимъ каменья бунтовщикамъ и требовалъ отъ нихъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества имя-

немъ, чтобъ они разошлись по домамъ; но сіе не подѣйствовало, доколѣ не учредился большой конный рундъ по улицамъ, отчего большія ихъ толпы мало по малу стали расходиться, и въ 12-мъ часу все утихло безъ малѣйшаго содѣйствія ихъ чиновниковъ и безъ кровопролитія.

Приносимыя здѣшними чиновниками словесныя и письменныя извиненія и изъявленія желанія ихъ не доводить происшествія сего до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества послужили мнѣ бо̀льшимъ поводомъ къ тому, чтобы поспѣшить симъ всеподаннѣйшимъ донесеніемъ.

Причиною сего происшествія не могли быть квартировавшіе въ Вилингенѣ Русскія войска потому, что оно воспріяло начало свое не по неудовольствію на одно какое либо лицо, а вдругъ во всѣхъ частяхъ города и даже на тѣхъ квартирахъ, гдѣ были спящіе казаки, изъ коихъ одного удушили. Въ туже ночь получилъ я рапортъ командующаго 2-мъ эскадрономъ ротмистра Зыбина, что въ деревнѣ, гдѣ расположенъ былъ сказанный эскадронъ, произошло тожъ самое что̀ и въ Вилингенѣ и въ тотъ же самый часъ, съ тою разницею, что тамъ укрощено оно скорѣе явившимися тотъ часъ Нѣмецкими чиновниками, а въ Вилингенѣ продолжалось долѣе. Я пріемлю смѣлость донести Вашему Императорскому Величеству, что въ Вилингенѣ укрощено оно было съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что къ укрощенію сего не было мною употреблено никакое крайнее средство.

Генералъ-Маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№336.
Апрѣля 19 дня 1814 года.
м. Вилингенъ.

III.

Его Императорскому Величеству Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

Отправляя къ Вашему Императорскому Величеству курьера со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ за №336, получилъ я отъ командира 3-го эскадрона рапортъ, что подобное происшествіе случившемуся вчерашняго числа въ мѣстечкѣ Вилингенѣ происходитъ въ селеніяхъ, гдѣ квартируетъ 3 эскадронъ. Рапортъ сей заключается въ томъ, что многіе казаки оного эскадрона тяжело ранены. Селеніе сіе отстоитъ за три часа отъ моей квартиры, почему я отправилъ туда моего адъютанта, а по отправленіи курьера корнета Полянскаго съ донесеніями къ Вашему Императорскому Величеству, не замедлю самъ поспѣшить туда къ принятію самыхъ скорыхъ и кроткихъ мѣръ.

Генералъ-маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№ 337.
Апрѣля 19 дня 1814 года.
м. Вилингенъ.

(*Сообщено съ подлинниковъ А. Н. Поповымъ.*)

БАРОНЪ ШТЕЙНЪ О РОССІИ.

Перцъ въ своей біографіи Штейна, кн. IV, гл. V. [1]) приводитъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ, касающихся разныхъ отраслей государственной науки и современнаго положенія Европейскихъ державъ и набросанныхъ Штейномъ во время втораго пребыванія его въ Брюннѣ (Ноябрь 1809—Мартъ 1810). Помѣ-

[1]) *G. H. Pertz* Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. Bd. II. Berlin. 1850. стр. 468—470.

щаемъ ниже двѣ изъ этихъ замѣтокъ, касающіяся Россіи.

*

Хорошо-ли поступила Россія, поощривъ вторженіе чужеземныхъ обычаевъ?

Не слѣдовало-бы ли ей положить преграду дальнѣйшему ихъ распространенію?

Россія своими завоеваніями, своею торговлею, уже съ шестнадцатаго вѣка принявшею значительные размѣры, своими войнами, вступила въ тѣсныя сношенія съ своими сосѣдями Шведами и Поляками, которые познакомили ее съ произведеніями Европы и принудили ее выучиться Европейскому военному искусству. Заимствованіе Европейскихъ общеполезныхъ знаній и учрежденій было тутъ для того, что-бы доставить націи выгоды, сопряженныя съ научнымъ образованіемъ и разумнымъ управленіемъ; но она могла-бы сохранить свои первоначальные нравы, образъ жизни, одежду, и т. д., а не подкапывать и не портить своей самобытности, измѣняя все это. Ей не нужно было ни Французской одежды, ни Французской кухни, ни иностраннаго общественнаго типа; она могла изъ собственнаго исключить все грубое, не отказываясь отъ всѣхъ его особенностей. Положеніе ея столицы, примѣръ правителей, естественная склонность націи къ подражанію и недостатокъ въ ней самостоятельности способствовали пристращенію къ иностраннымъ обычаямъ, и Русскіе выбрали себѣ въ образецъ изо всѣхъ Европейскихъ націй самую изнѣженную и испорченную, а именно Французовъ. — Языкъ этихъ послѣднихъ, ихъ словесность, ихъ способъ воспитанія сдѣлались въ высшихъ сословіяхъ господствующими, и это имѣло для нравственности и народнаго образованія самыя гибельныя послѣдствія.

Быть можетъ еще не поздно умѣрить вторженіе иностранныхъ обычаевъ и придать ему направленіе, болѣе цѣлесообразное.

1) Можно было-бы ввести снова столь цѣлесообразную и удобную національную одежду—кафтанъ.

2) Двору слѣдовало-бы проводить большую часть года въ Москвѣ.

3) Слѣдовало-бы затруднить сношенія Русскихъ уроженцевъ съ иностранными послами.

—

Отношеніе помѣщиковъ къ земледѣльцамъ въ Россіи не столько отяготительно, сколько стѣснительно для развитія силъ.—Земледѣлецъ платитъ условленную денежную ренту и за то пользуется землею и совершенною свободою въ употребленіи своихъ силъ и своего времени. Но онъ при томъ подчиненъ многимъ тягостнымъ личнымъ стѣсненіямъ; онъ зависитъ отъ произвола своего помѣщика, онъ не обезпеченъ въ своемъ имуществѣ, причемъ изо всего этого для помѣщика не проистекаетъ значительной или даже сколько-нибудь соразмѣрной пользы. Для развитія умственныхъ силъ и народнаго богатства было бы полезно предоставить крестьянину полное обладаніе землею, обложивъ ее возрастающею рентою, взимаемою продуктами,—хотя бы третью или даже половиною оныхъ, предоставить земледѣльцу личную свободу и подчинить его полицейскому и судебному надзору помѣщика. Чрезъ это возникло-бы почтенное крестьянское сословіе, и среднее сословіе разрослось-бы на столько, что могло бы наполнить весь кругъ свойственной ему дѣятельности.

ПИСЬМО (ГРАФА) СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА КЪ БАРОНУ ШТЕЙНУ.

Петербургъ 18 Ноября 1813.

Пользуюсь отъѣздомъ Жерве (просившаго меня о письмѣ къ Вамъ) чтобы увѣдомить Васъ, что жена моя 15-го сего мѣсяца благополучно разрѣшилась дочерью, которую я назвалъ Александрою въ честь нашего добраго Императора. Мать и дочь совершенно здоровы.

Жерве, податель этого письма, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ вѣрный. Въ немъ болѣе таланта и менѣе педатства, чѣмъ можно было ожидать по долголѣтней его привычкѣ къ канцелярской работѣ. Онъ хорошо владѣетъ тремя языками, и я могу смѣло рекомендовать его Вашему вниманію.

Гдѣ бы ни нашло Васъ это письмо, оно несетъ Вамъ выраженіе нѣжной и искренней моей къ Вамъ привязанности; не теряю надежду когда нибудь выразить Вамъ эти чувства изустно, на берегахъ Дуная или Рейна. Все, повидимому, предвѣщаетъ, что Германія вскорѣ займетъ подобающее ей мѣсто между державами Европы, а я не скрою отъ Васъ, что путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣемая мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и между прочимъ дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями [1]).

Нѣтъ ничего *неблагодарнѣе*, или точнѣе *невозможнѣе* ихъ. Я не мечтатель, какъ Вы знаете; я люблю дѣла и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства; Вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; несмотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ, и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что̀ мнѣ всего дороже на свѣтѣ, честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ.—Не думайте, что-бы въ моихъ словахъ было хотябы малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ *просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который-бы не жегъ*; другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу *Наполеона и Монтескье*, Французскія арміи и Французскія книги, *Моро̀* и *Розенкамфа*, бредни Ш.... и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: *религія въ опасности*, *потрясеніе нравственности*, *поборникъ иностранныхъ идей*, *иллюминатъ*, *философъ*, *франъ-масонъ*, *фанатикъ* и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться испол-

---

[1]) Три министра Николаевскаго времени, Уваровъ, Дашковъ и Блудовъ, въ молодости своей, заявили таланты свои на службѣ дипломатической. Въ исходѣ 1809 года Уваровъ получилъ назначеніе изъ секретарей посольства въ Вѣнѣ старшимъ секретаремъ въ Парижъ. Уже все было готово къ его отъѣзду въ тогдашній центръ политическаго міра. Женитьба на дочери министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго удержала его въ Россіи. Онъ сдѣланъ попечителемъ Спб. учебнаго округа, а Парижское его мѣсто при князѣ Куракинѣ получилъ гр. Нессельроде. *П. Б.*

нительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какого глубокаго невѣжества находишься вынужденнымъ работать надъ зданіемъ, подкопаннымъ у основанія и со всѣхъ сторонъ близкимъ къ паденію. Это, соглашаюсь въ томъ, печальное и тягостное признаніе; повѣрьте, что все сказанное мною совершенная правда. Мнѣ нужно отвести душу, и я могъ-бы на этотъ счетъ написать цѣлую книгу. На дняхъ у насъ было пререканіе, самое соблазнительное, между архіепископомъ и ректоромъ Духовной Академіи, въ коемъ оба были неправы; и это изъ-за плохой книги Ансильона. Право было-бы нужно, что-бы этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ истинномъ его свѣтѣ; ибо я увѣренъ, что Императоръ, если и узнаетъ объ этомъ, то весьма отрывочно. Наконецъ все разсказать было-бы слишкомъ длинно. *Animus meminisse horret*. Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ. Мнѣ нужны болѣе чистый воздухъ и покой. Здоровье мое страдаетъ; самыя нравственныя мои способности слабѣютъ. Никто не скажетъ, что-бы я слишкомъ легко предался унынію. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но ихъ разрушили *три года* опыта.

Прошу у Васъ извиненія въ томъ, что такъ подробно говорю о себѣ, но я знаю Вашу дружбу и увѣренъ въ Вашемъ участіи. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, возбуждаютъ во мнѣ живѣйшее желаніе предпринять путешествіе какъ только будетъ заключенъ миръ; и конечно, желаніе мое свидѣться съ Вами опредѣлитъ планъ этого путешествія.

Я не знаю въ исторіи ни одного событія, которое могло-бы сравниться по важности съ совѣщаніемъ, которое должно было произойти на берегахъ Рейна. Никогда не взвѣшивались столь великіе, и въ то-же время столь сложные интересы. Результаты этого совѣщанія не замедлятъ обнаружиться. Нѣтъ ничего сравнимаго съ паденіемъ Н. Тутъ очевидны начертанія перста Божія. Призракъ всемірной монархіи разсѣялся. Политика, надѣюсь, перестанетъ расходиться съ нравственностію, какъ то утверждали презрѣнные софисты; и нѣтъ сомнѣнія, что въ духѣ человѣчества произойдетъ переворотъ, благодѣтельный во всѣхъ его послѣдствіяхъ.

Я читалъ на дняхъ переписку І. Мюллера. Какая жалость, что такой человѣкъ палъ. Какъ постыдно было его паденіе! Какой прекрасный талантъ, а рядомъ съ нимъ какая слабость, шаткость въ приложеніи общихъ началъ! Въ такихъ катастрофахъ большую роль играетъ несчастный духъ временъ.

Моя жена посылаетъ Вамъ тысячу привѣтовъ и рекомендуетъ Вамъ свою малютку. Потрудитесь передать влагаемое письмо нашему Арндту. Нашъ канцлеръ раздѣлилъ самымъ причудливымъ образомъ редакцію *Conservateur* между Фаберомъ и аббатомъ Мангенемъ. Это и отозвалось на журналѣ[1]).

Въ минуты досуга, Вы конечно читаете нашихъ общихъ друзей, Тацита и Ѳукидида. Пріѣду читать ихъ съ Вами въ замкѣ Штейнъ, и мы присоединимъ къ нимъ Гомера и Эсхила.

---

[1]) Этотъ журналъ, нынѣшній Journal de St. Pétersbourg, былъ основанъ въ исходѣ 1812 г. для противодѣйствія лживымъ бюллетенямъ Наполеона и извѣстіямъ тогдашнихъ Французскихъ изданій. Уварову принадлежала мысль Журнала, а первымъ издателемъ былъ аббатъ Мангенъ, бывшій его наставникъ. *П. Б*

Прощайте, г. баронъ; извините эту длинную рапсодію; но сердце по природѣ своей болтливо, и что̀ исходитъ изъ моего, навѣрное дойдетъ до Вашего. Vale et me ama. *Уваровъ*.

P. S. Вы-ли тотъ Штейнъ, Прусскій министръ въ Ашаффенбургѣ, о которомъ говоритъ Мюллеръ? Мой братъ, только что оправившійся отъ весьма упорной лихорадки, собирается въ армію [1]). Если онъ Васъ гдѣ-либо встрѣтитъ, рекомендую его Вашей благосклонности. Его карьера находится приблизительно въ томъ-же положеніи, какъ и моя. Ни ему, ни мнѣ не суждено пойти здѣсь далеко.

(Переведено съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ 3-й части извѣстнаго сочиненія Прусскаго государственнаго исторіографа Перца: «Жизнь барона Штейна»)

[1]) Федоръ Семеновичъ, храбрый генералъ и прямодушнѣйшій человѣкъ. Тѣсная дружба соединяла двухъ братьевъ. *П. Б.*

ПИСЬМА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

I. АЛЕКСѢЯ ѲЕДОРОВИЧА МЕРЗЛЯКОВА.

Знаменитый профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ (1778 — 1830), сынъ бѣднаго купца изъ Пермскаго городка Далматова, подобно Жуковскому, сдѣлался извѣстенъ, благодаря превосходнымъ своимъ дарованіямъ, въ началѣ стихотворческому, впослѣдствіи ораторскому и критическому. Онъ былъ пятью годами старше Жуковскаго, и во время ихъ сближенія служилъ баккалавромъ въ Московскомъ университетѣ. *П. Б.*

1.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Вы конечно не долго будете сердиться за то, что меня вчера не застали. Былъ на гуляньѣ. Чортъ кѣмъ не играетъ! За то что послушался чорта, наказалъ меня Богъ, слишкомъ благодатною росою, т. е. дождемъ. Весь вымокъ, пришелъ домой въ полночь; но этимъ я все еще не удовлетворилъ праведному мщенію. Богъ наказалъ за Себя; за любезнѣйшаго моего друга Василія Андреевича отмститъ Онъ Самъ. Когда же? Все въ Его волѣ. Но преступникъ столько чувствуетъ вину свою, что желаетъ этого какъ можно скорѣе. И такъ придите ко мнѣ хоть завтра часовъ въ шесть. Для лучшаго спокойствія буду дожидаться васъ у Андрея Ивановича въ комнатѣ. Между тѣмъ вотъ вамъ новая радость, письмо отъ Андрея Ивановича, полученное мною въ сію минуту [1]). Извините, я его распечаталъ. Причиною тому то, что я отъ радости не посмотрѣлъ на послѣднія строки надписи; разорвалъ какъ бѣшеный. Божусь, что не читалъ. Въ поруку моя совѣсть вѣрная. Прощайте.

Вашъ вѣрный другъ *Мерзляковъ*.

Письмо къ Померанцеву Андрей Ивановичъ просилъ вамъ доставить.

2.

Любезный другъ Василій Андреевичъ! Письмо твое есть предисловіе слиш-

[1]) Андрей Ивановичъ Тургеневъ, поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, поѣхалъ въ Петербургъ и оттуда посланъ въ Вѣну съ депешами.—Есть люди, которые дѣйствовали мало, жили не долго, но которыхъ воспоминаніе остается для друзей ихъ на всю жизнь свѣтлою, путеводною звѣздою. Таковы были гр. Іосифъ Вельегорскій, Станкевичъ и др. Такимъ былъ для своихъ братьевъ, для Мерзлякова, для Жуковскаго Андрей Тургеневъ, 19 лѣтъ скончавшійся въ 1803 г. въ Петербургѣ. *П. Б.*

комъ сокращенное къ цѣлой моей жизни, къ цѣлой твоей жизни, къ цѣлой нашей жизни, т. е. насъ троихъ. Повѣрь, любезный, что я пишу; это слишкомъ старое въ моемъ сердцѣ; о старомъ обыкновенно говорятъ и пишутъ мало, и такъ скажу въ трехъ словахъ: я твой вѣрный, вѣчный другъ

Ал. Мерзляковъ.

Изъ писемъ Андрея Ивановича надобны тебѣ, я думаю, тѣ, которыя получилъ я вчера. Вотъ онѣ. Только пожалуста пришли ихъ завтра; нѣтъ, что я говорю, сегодня непремѣнно, потому что я завтра самъ буду на нихъ отвѣчать. Помилуй! Ты успѣешь сегодня прочесть и припомнить до завтрешняго дня на что отвѣчать. Сегодня ввечеру непремѣнно пришли, *Коцебу*! — Охъ этотъ Коцебу! Что мнѣ съ нимъ дѣлать. Только три книжки дома, прочія Ал. Ив. роздалъ и не знаю, какъ ихъ взять. Это три Schauspiele. И такъ подожди, мой любезный; какъ скоро возьму, то и доставлю.

Твой вѣрный *А. Мерз.*

Два письма къ Ан. Ив. пришли ко мнѣ. Я вмѣстѣ съ своими отправлю.

3.

13 Окт. (1802)

Здравствуй, любезный мой другъ Василій Андреевичь! Скажи, братецъ, для чего ты оставляешь своихъ друзей въ тоскѣ и скукѣ? Сколько мѣсяцевъ прошло, какъ о тебѣ ни слуху, ни духу. Мнѣ, право, приходитъ часто мучительный апетитъ писать къ тебѣ, да что дѣлать,— ты такъ много скромничаешь, что твои товарищи не знаютъ, подъ которымъ небомъ тихое твое обиталище и куда ими отправить почтоваго голубка съ дружескою цидулкою и съ братскимъ поцѣлуемъ. Теперь, слава Богу, я кое-что извѣдалъ о тебѣ и не хочу пропустить случая. Съ этимъ письмомъ передаю тебѣ поклоны и добрыя желанія милыхъ нашихъ странниковъ [1]), которые хотя очень, очень отъ меня далеко, однако умѣютъ услаждать разлуку подружески. Они скоро будутъ моими антиподами, однако пишутъ ко мнѣ. А ты живешь подлѣ меня и не сказываешься. Полно объ этомъ.

Я посылаю къ тебѣ нѣкоторыя письма Андрея Ивановича, тѣ, кои писаны на имя твое и мое. Я сказалъ нѣкоторыя, потому что всѣхъ послать къ тебѣ боюсь. Между ими есть цидулка къ извѣстнымъ тебѣ особамъ. Я не знаю, что̀ дѣлать. Ал. Ив. велѣлъ ихъ отдать тебѣ изъ руки въ руки. Когда же ты будешь въ Москвѣ? Научи меня въ этомъ случаѣ, какъ поступить. Я бы ихъ послалъ къ тебѣ, да, еще повторю, боюсь. На слѣдующей почтѣ ожидаю отъ тебя отвѣта. — Что̀ дѣлать съ потретами Шиллера и Шекспира, которые присланы изъ Вѣны?

Худо, братъ, ты помнишь нашу старую дружбу. И чтобы, кажется, за удовольствіе жить столь долго въ деревнѣ? Нынѣ время самое шумное, перемѣны за перемѣнами. Когда бѣсятся большія рыбы, тогда нашему брату пискарямъ надобно ловить случай и счастіе. У насъ въ университетѣ все замираетъ отъ ужасныхъ ожиданій. Можетъ быть, мы лишимся своего добраго Ивана Петровича. Это, говорятъ, на вѣрное. Горе намъ грѣшнымъ.

Ты нуженъ *собственно для меня и для Воейкова.* Тебя только недо-

[1]) Андрея и Александра Ивановича Тургеневыхъ.

стаетъ, чтобъ намъ сдѣлать славное дѣло. Поздравь себя и насъ съ новорожденнымъ, который сдѣлаетъ честь тѣмъ, кои примутъ на себя его воспитаніе. Этотъ новорожденный есть журналъ литературный. Ты долженъ раздѣлить отцовское съ нами право. Будь увѣренъ, что эта не мечта; пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Къ тебѣ улыбаются на встрѣчу деньги и слава. Что̀ ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Богатѣетъ ли ученый кабинетъ твой новыми произведеніями печально-нѣжной твоей Музы? Есть ли что нибудь у тебя для злобно-ѣдкой моей критики!!!

Прости, милый другъ. Некогда писать больше и лучше. Новостей у насъ пропасть; но ты отъ нихъ прячешься. Что я люблю тебя, это кажется не новость, и такъ по крайней мѣрѣ будь ко мнѣ поближе, сколько можно поближе. Твой вѣрный *Мерзляковъ.*

4.

(Изъ Рязанской деревни, весною 1803).

Милой, чувствительной, доброй, милой и доброй другъ мой Василій Андреевичь! Я виноватъ передъ тобой, а больше передъ твоимъ Максимомъ. Съ тобою не простился, а ему не заплатилъ денегъ за шитье. Товарищъ мой[1]) привыкъ дѣлать сюрпризы; онъ также скоръ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ бывало скоръ былъ на брань въ нашемъ собраніи[2]). Онъ укралъ меня изъ объятій Москвы такъ хорошо, что я и самъ того не примѣтилъ. Зная, что ты самой смирной и кроткой изо всѣхъ моихъ друзей, не безпокоюсь о твоемъ гнѣвѣ, но прошу тебя помирить меня съ Максимомъ. Онъ имѣлъ полное право задержать мое платье, но этого не сдѣлалъ, а поступилъ такъ, какъ только можетъ поступить доброй слуга моего искренняго друга. Спроси, сколько ему надобно за работу и отпиши ко мнѣ: я пришлю деньги. Не забудь написать также, когда ты выѣдешь изъ Москвы. Это мнѣ нужно: хоть я и знаю, что ты лѣнивъ отвѣчать на письма, однако хочу непремѣнно писать къ тебѣ. Черезъ это я хочу быть правымъ не столько передъ тобою, сколько предъ самимъ собою. Для меня долгъ дружбы святъ и тогда, когда небреженіе и вѣтренность моего друга позволяютъ нарушать его.

Три дня моего здѣсь житья не даютъ никакой путной матеріи для неутомимаго пера моего. Я еще не оглядѣлся, я еще не жилъ по деревенски и потому ничего не пишу къ тебѣ о своемъ состояніи.

Деревня прекрасная, но не смѣю обрисовывать ее для того, что смотрѣлъ на все въ худую погоду. Свѣтлый день даетъ всему другую краску и другой видъ; подожду этаго времени. Когда солнце освѣтитъ и согрѣетъ всѣ сіи задумчивые предметы, тогда сочиню подробную реляцію и не устыжусь представить ее тому, кто любитъ и чувствуетъ Делиля. Хотѣлось бы мнѣ знать, что̀ ты дѣлаешь? Нѣтъ ли писемъ отъ Андрея Ивановича? Пожалуста, братъ, пришли, если есть и скажи, если что̀ знаешь объ этихъ двухъ братьяхъ и друзьяхъ нашихъ. Деревня можетъ привесть въ забвеніе все, но она усиливаетъ и оживляетъ сладкія чувства дружбы и истинной любви. Я и въ Сибири бы, въ своей родинѣ, среди всѣхъ семейственныхъ радостей, былъ

[1]) Воейковъ?
[2]) Говорится о литературномъ обществѣ молодыхъ людей. *П. Б.*

голоденъ и печаленъ, когда бы не зналъ что̀ со всѣми Вами дѣлается.

На слѣдующей недѣлѣ стану пить Майскіе соки и писать опытъ о Поэзіи. Майскіе соки и Поэзія должны быть очень питательны, и я надѣюсь возвратиться въ Москву здоровымъ. Прощай. Ожидаю твоего письма. Пиши въ Рязань, на имя А. Ѳ. Воейкова. Отдай приложенное здѣсь письмо Рахманову[1]), который будетъ тоже у Марса, что̀ былъ Меркурій у Юпитера. Прощай. Твой вѣрный Мерзляковъ.

Любовь и дружба, вотъ чѣмъ можно себя подъ солнцемъ утѣшать.

5.

Вотъ Ильдигерда. Дни четыре какъ она у меня,—но съ кѣмъ послать къ тебѣ? Ты знаешь, что у меня нѣтъ челяди.

Я уже за тебя условился съ Зеленниковымъ о деньгахъ по 5 р. за листъ: больше не даетъ. Это придется 80 р. и есть ли это не разойдется. Что-то я его подозрѣваю. Черезъ сколько вѣковъ приду къ тебѣ? Есть ли глаза мои будутъ болѣть вѣки, то и вѣки не увижу я любезнаго Василія Андреевича. Но для чего онъ не придетъ ко мнѣ?

Сколько хлопотъ за книгами! За переписку деньги, за пересылку деньги (Посылать по почтѣ надобно на легкой почтѣ, слѣдовательно столь же дорого, такъ какъ и съ писемъ). За то, чтобы они выслали, тоже деньги. Ну! Сердись же за меня, что я черепаха и тихо дѣлаю.

Можетъ быть, буду хуже черепахи — и ничего не сдѣлаю.

[1]) Рахмановъ, впослѣдствіи издатель Военнаго Журнала. *П. Б.*

6.

Переводи, переводи скорѣе и будь увѣренъ, что все съ рукъ сойдетъ; а для лучшаго успѣха пожалуста на время отложи многія работы и примись за одну. Завтра увижусь я съ Зеленниковымъ и скажу ему послѣднее слово, если хочешь побранюсь. Ты всегда за многое берешься. Это бы все было лучше не при теперешнихъ твоихъ обстоятельствахъ.

Я все еще болѣнъ глазами. Дѣла пропасть. Что мнѣ дѣлать! Съ ума схожу.

7.

1803. VIII. 24.

Извини меня, милой другъ мой, что я пропустилъ прошедшую почту. Не знаю, какъ это случилось, но случилось, и я виноватъ. Повѣрь мнѣ, я тебя люблю и помню; и еще больше начинаю любить, узнавъ людей. Но это въ сторону! Говоря съ тобою, должно забывать объ этихъ людяхъ.

Чувства твои совершенно гармонируютъ съ моими чувствами. Ты очень ошибся, когда сказалъ въ письмѣ твоемъ, что я буду имъ смѣяться. Другъ мой, ты и прежде ошибался, почитая меня Зоиломъ прекрасныхъ вашихъ плановъ! Смѣхъ мой былъ всегда самый горькой, мучительной для меня самаго. Я горько смѣялся не этимъ планамъ, а тому, что жестокая судьба смѣется надъ нами и не позволяетъ намъ произвести ихъ въ дѣйство. Эти строки обнаруживаютъ передъ тобою мое бѣдное сердце, и я надѣюсь, что ты впредъ будешь со мною откровеннѣе. Памятникъ другу нашему прекрасная мысль. На что намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно

живому духу нашего друга. Памятникъ этотъ долженъ быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи чтó онъ будетъ стоить, и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно простѣе; надобно, чтобы онъ былъ даже не мраченъ, чтобъ онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобъ мы иногда съ нимъ также весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ.

Ивану Петровичу стало гораздо лучше. Я у него былъ дни три тому назадъ. Онъ говорилъ со мною объ Андреѣ Ивановичѣ очень трогательно, сказывалъ, что отъ тебя получилъ письмо, но не знаетъ, когда ты сюда пріидешь. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты такъ долго медлишь въ деревнѣ? Можно ли такъ долго съ нами разставаться!

Ты зовешь меня къ себѣ въ Бѣлевъ. Хорошо, очень хорошо. Житье съ тобою конечно почитаю я выше, нежели житье съ чинами и хлопотами; но, другъ мой, у меня есть отецъ и мать; они не могутъ быть довольны однимъ романическимъ моимъ житьемъ. Они давно уже спрашиваютъ, имѣю ли я чинъ и состояніе. И такъ судьба заставляетъ меня искать, искать и мучиться. По крайней мѣрѣ не отвергнешь меня тогда, когда утомленный своимъ донкишотствомъ, наскучившій всѣмъ, обманутый всѣми, возвращусь я въ твой маленькой домикъ укрыться отъ бурь и несчастій, возвращусь на досугѣ посмѣяться надъ своимъ дурачествомъ вмѣстѣ съ тобою и съ памятникомъ друга нашего, который тогда будетъ уже въ твоемъ кабинетѣ.

Андрей Ивановичъ помнилъ насъ безъ сомнѣнія въ послѣднія свои минуты. Ахъ, онъ умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дни все совершилось. Онъ первоначально простудился, бывъ вымоченъ дождемъ. Пришедши домой, уснулъ въ мокромъ мундирѣ, котораго поутру на другой день не могли уже снять. Этого мало: въ полдень ѣлъ онъ мороженое и въ добавокъ не позвалъ къ себѣ хорошаго доктора съ начала; послѣ это уже было поздно; горячка съ пятнами окончила жизнь такого человѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ... За мѣсяцъ безпокоился онъ обо мнѣ, когда я былъ боленъ, а изъ насъ никто не зналъ, что онъ страждетъ. Его попеченіями выздоровѣлъ я для того, чтобъ плакать надъ его могилой.

Университетъ, согласно съ твоимъ желаніемъ, не хочетъ отпустить меня теперь въ Петербургъ. На тебя не могу сердиться за это желаніе, но университету долго не забуду этого. Сегодня ѣду въ первый разъ учить класъ Антонскаго.

Соковниныхъ здѣсь нѣтъ, потому письмо тебѣ возвращается. Не можешь ли ты написать въ деревню? Надобно поберечь бѣдную. Къ Александру писалъ письмо на прошедшей почтѣ, просилъ его отъ твоего и моего имени, чтобъ не сокрушался.

Я къ тебѣ въ Бѣлевъ буду ѣздить часто, до тѣхъ поръ, когда намъ можно будетъ жить вмѣстѣ. Иногда на недѣлю, иногда на двѣ, на три и такъ далѣе; ни одна ваканція не будетъ пропущена, буду доволенъ этимъ, когда больше сдѣлать не въ моихъ силахъ.

Прощай, милой мой другъ. Готовлюсь къ лекціи и потому писать некогда. На слѣдующей почтѣ напишу лучше. Прости, пиши и будь здоровъ.

На слѣдующей почтѣ, можетъ быть, пришлю какую нибудь свою новость.

Твой Мерзляковъ.

Кутузовъ перевелъ и издалъ всего Грея. О бѣдный Грей!

8.

22 Сентября (1803)

Милой, сердечной мой другъ Жуковскій! Комиссію твою я окончилъ, такъ какъ должно. Не писалъ къ тебѣ такъ долго отъ глупой своей лѣности; но за это сердиться ты не долженъ и не можешь, потому что самъ тоже дѣлаешь. Отъ Александра получены письма. Слава Богу, онъ здоровъ и столько кажется спокоенъ, сколько можно быть спокойну въ его обстоятельствахъ.

Про К. М-ну[1]) можно сказать тоже. На сихъ дняхъ, совсѣмъ нечаянно обѣдалъ я въ Свирловѣ, говорилъ объ тебѣ съ хозяиномъ, и вообще познакомился я съ нимъ[2]) очень хорошо. Писалъ ли я къ тебѣ о томъ, что Кутузовъ[3]) въ мѣсяцъ перевелъ *всего Грея*? О бѣдной Грей! Этого мало: въ полторы недѣли онъ же перевелъ 14 одъ Пиндаровыхъ. Страшное беззаконіе, за которое наказываютъ его перстнями.

Пишу къ тебѣ на скорую руку и хочу сказать все. Что можно ожидать хорошаго? Но слушай: послѣ Андрея ты мнѣ остался одинъ, и этотъ одинъ ни на кого не промѣняется въ свѣтѣ. Утѣшь жалкое одиночество и пріѣзжай ко мнѣ въ Москву хоть на время. Мнѣ ужасно хочется съ тобою увидѣться. Это такое же принесетъ мнѣ удовольствіе и радость, какъ бы я увидѣлъ воскресшаго Андрея. Подумаемъ о своихъ будущихъ планахъ, подумаемъ о своей будущей жизни, *но подумаемъ вмѣстѣ*. Вотъ что дорого для моего сердца.

Я покуда все еще не то, ни се, но скоро надѣюсь утвердиться на чемъ нибудь постоянно. Теперь же нѣтъ ничего для меня постояннѣе твоей дружбы. Прощай. Пиши больше и заставь писать меня самого также больше. *Твой Мерзляковъ.*

Жду тебя къ себѣ и потому ничего не посылаю.

P. S. При тебѣ ли вышли мои стихи къ Демидову[4]). Что ты объ нихъ мнѣ ничего не скажешь? Отъ кого же мнѣ услышать чистосердечное сужденіе?

9.

(Осенью 1803).

Сердечно благодарю тебя, любезный другъ Василій Андреевичъ, за милое письмо твое. Жаль, что не могу и не умѣю отвѣчать тебѣ такимъ же; не отъ лѣности братъ, повѣрь! Дѣла пропасть! Я пустился во всѣ ученыя мытарства. У меня на рукахъ класъ Антонскаго и часть класа Чеботарева. Я для этой каторги еще новичёкъ. Пишу, перевожу, выписываю, составляю, привожу въ порядокъ, однимъ словомъ хочу быть со временемъ путнымъ профессоромъ. Очень мало времени остается, для того даже

[1]) Екатерина Михайловна Соковнина, сестра Сергѣя Михайловича, бывшаго товарищемъ по воспитанію и пріятелемъ Тургеневыхъ и Жуковскаго. Она окончила жизнь въ дѣвицахъ. *П. Б.*

[2]) Т. е. съ Карамзинымъ? *П. Б.*

[3]) Одинъ изъ кураторовъ Московскаго университета, извѣстный доносчикъ на Карамзина. *П. Б.*

[4]) Павлу Григорьевичу, основателю Лицея въ Ярославлѣ. *П. Б.*

чтобъ заняться моими друзьями. Тебя самаго представляю я себѣ всегда почти въ соединеніи или съ Анакреономъ или съ Овидіемъ, изъ которыхъ кое-что перевожу для моихъ учениковъ. Ты, безъ сомнѣнія, это простишь мнѣ. Когда заведется машина, тогда я буду гораздо свободнѣе т. е. буду твоимъ военно-плѣннымъ. Съ мѣсяцъ уже не принимался за *свою* поэзію и живу теперь *чужою*. По этой причинѣ не могъ прислать тебѣ моихъ бездѣлокъ, которыя конечно не должны отъ тебя прятаться. На этихъ дняхъ окончилъ свой переводъ Гораціевой Піитики. Не знаю, какъ достало у меня терпѣнія. Скоро надѣюсь отправить ее къ тебѣ съ другими піэсами; теперь довольствуйся *Греемъ*. Что писать тебѣ о Карамзинѣ? Ты его знаешь больше, нежели я. Онъ показался мнѣ *почти* такимъ, какъ объ немъ говорятъ. За новость скажу, что онъ сдѣланъ почетнымъ членомъ нашего университета и что онъ не будетъ уже на слѣдующій годъ издавать Вѣстника. Книгопродавцы, опасаясь остаться безъ журнала, хотятъ поручить многимъ то, что онъ дѣлалъ одинъ. Они уговаривали меня взяться за это. Но мои обстоятельства совсѣмъ не такія, чтобы всегда быть въ струнѣ, какъ говорится.—Не хочешь ли ты? Мнѣ поручено тебя спросить объ этомъ. Отвѣчай поскорѣе, или пріѣзжай самъ. Сверхъ того при типографіи заводится общество, куда приглашаютъ насъ обоихъ. Члены все почти извѣстные люди. Отъ Александра Ивановича посылаю тебѣ письмо. Отвѣтъ къ нему пришли ко мнѣ, отправимъ вмѣстѣ. Скоро ли твой домъ? Хотѣлъ бы посмотрѣть на него, хотѣлъ бы посмотрѣть на тебя, какъ на хозяина. Иванъ Петровичъ здоровъ и спокоенъ, но это спокойствіе весьма опасно. Что думаетъ и чувствуетъ Катерина Михайовна. Боже мой! Для чего намъ досталось пережить это прекрасное время, когда всѣ *имъ* радовались вмѣстѣ съ нами. Минута— и все для насъ знакомое, все для насъ пріятное, все къ намъ близкое покрылось печальною тмою. Его не стало.

Прости, милый другъ мой. Гнѣвное Небо долго для насъ не прояснится, но мы найдемъ утѣшеніе въ самихъ себѣ. Конечно мы для Андрея Ивановича ничего не сдѣлали, но погрузимся въ свои чувства, спросимъ у своей совѣсти, развѣ мы его недостойны? Развѣ не любили его? Развѣ забудемъ когда нибудь? Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ,—онъ живъ въ нашемъ соединеніи, которое разорвется только тогда, когда Небо захочетъ соединить всѣхъ насъ троихъ.

Прощай, твой *Мерзляковъ*.

10.

(1804 года, 7 Іюля)

Я получилъ милое письмо твое, мой безцѣнный Василій Андреевичъ. Благодарю тебя сердечно за сладкія чувства, которыя оно во мнѣ возбудило. Конечно, братъ, я не лихоимецъ и не честолюбъ; я могу ото всего отказаться для спокойной и тихой жизни. Нынѣшнее мое состояніе приближаетъ меня къ твоему плану больше, нежели ты думаешь. Ученые Московскіе живутъ точно такъ, какъ ты,—и переходъ въ деревню изъ университета очень недалеко. Я ограничилъ себя въ разсужденіи времени, которое должно мнѣ пробыть въ университетѣ; года два, не больше, и я вольная птаха. Между тѣмъ развѣ нельзя быть у тебя въ деревнѣ? И нынѣшній годъ загуляемъ къ

тебѣ съ Воейковымъ, къ которому сегодня ѣдемъ въ Рязань мѣсяца на полтора. Дожидайся, братъ. Намъ не надобно твоего дома, если онъ не отстроенъ: мы проживемъ въ палаткѣ. Стихи твои будутъ нагрѣвать сердца наши; а твоя ласковая, простая дружба украситъ самые прекрасные виды, представляющіеся съ крутаго берега Оки, гдѣ строится твоя храмина[1]).

Будемъ жить вмѣстѣ; будемъ, и это вѣрно. Только для чего ты меня такъ много хвалишь? Это заставляетъ мня подозрѣвать, что мы съ тобою не уживемся. Теперь же нельзя оставить мнѣ университетъ потому, что меня не отпустятъ; потому, что я самъ долженъ быть благодаренъ и потому, что я еще не кончилъ курса моихъ лекцій. Я не говорю другихъ причинъ, удерживающихъ меня въ Москвѣ, но ты безъ сомнѣнія на это согласишься. Нынѣшнія мои занятія университетскія полезны для меня самаго. Можетъ быть, никогда не принудилъ бы я себя столько прочесть, сколько прочиталъ въ эти четыре мѣсяца.

Вотъ, братъ, короткой и рѣшительный мой отвѣтъ; пріѣдемъ съ Воейковымъ въ Бѣлевъ и поговоримъ обстоятельнѣе. *Черезъ годъ или немного больше начнемъ трудиться вмѣстѣ* и до того времени можемъ видѣться часто и производить прелиминарные договоры. Вотъ сумма всего.

Новостей у насъ никакихъ. Державинъ выдалъ Анакреонтическія пѣсни. Эта книга содержитъ 157 страницъ и продается по 4 р. экземпляръ. Піэсы многія старыя, на прим. Хариты, На рожденіе Порфиророднаго Отрока, Граціи и проч. Новаго немного, и почти все не хорошо. Этотъ Анакреонъ пѣлъ при Павловомъ дворѣ и Павла самаго, иногда подъ именемъ Ѳеба, иногда Амура, иногда....[2]) Языка нѣтъ. Золота и серебра кучи; остроты не видно; неблагопристойности много, а naif—которое должно быть душею такого рода твореній, не найдешь почти нигдѣ. Вотъ тебѣ критика послѣ перваго моего чтенія. Прошу тебя ей не вѣрить. Въ другой разъ покажется безъ сомнѣнія мнѣ все лучше, и я буду имѣть удовольствіе поздравить тебя съ новымъ пріобрѣтеніемъ нашего Парнаса.

Иванъ Петровичъ былъ отчаянно болѣнъ; но теперь совсѣмъ почти здоровъ. Алекс. Иван. будетъ къ намъ зимою. Какая радость!

Пишешь ли ты къ Дмитріеву?

Онъ одинъ разъ былъ у меня на лекціи. Макарова[3]) узналъ я короче и къ нещастію своему увидалъ въ немъ то, чего не хотѣлъ бы видѣть. Онъ гордецъ—и позволишь ли ты мнѣ это слово, невѣжа. Это сказано безо всякой личности. Мы съ нимъ ни одинъ разъ не ссорились

Прощай, мой милой другъ. Пиши, будь здоровъ и люби твоего вѣрнаго

Мерзлякова.

Адресъ ко мнѣ: Милостивому государю Василью Николаевичу, г-ну купцу Курганскому въ Рязани, а его прошу доставить въ домъ Александра Ѳедоровича Воейкова, Алексѣю Мерзлякову.

---

[1]) Это тотъ самый домъ (въ Бѣлевѣ на Казачьей улицѣ, съ очаровательнымъ видомъ на Оку и дальнюю окрестность), который нынѣ пріобрѣтенъ по подпискѣ почитателями Жуковскаго и переданъ въ министерство народнаго просвѣщенія для устроенія въ немъ училища. Покамѣстъ, къ сожалѣнію, эта мысль князя П. А. Вяземскаго осуществилась еще не вполнѣ, и училища не имѣется. *П. Б.*

[2]) Такъ въ подлинникѣ. *П. Б.*

[3]) Михаилъ Николаевичъ, извѣстный тогда журналистъ? *П. Б.*

Буринской въ деревнѣ, потому нѣтъ тебѣ отъ него поклона. 7 Іюля (1804)

* *
*

11.

Я не знаю, что отвѣчать тебѣ, любезный и почтенный другъ Василій Андреевичь? Какъ мнѣ назначить цѣну или количество денегъ за напечатаніе Тасса? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, обыкновенное правило; но этаго правила я никогда не держался, да и не удавалось. И такъ самъ суди и хлопочи въ мою пользу. Таковая милость, если случится, будетъ мнѣ въ первый разъ въ жизни и по всей вѣроятности въ послѣдній. Для другихъ надежды, и ходатаи, и связи, и благодѣтели, для меня ихъ нѣтъ и не было.—Если ты рѣшился сдѣлать для меня добро, то дѣлай и замѣни всѣхъ, кои обязаны бы были дѣлать да не дѣлали. Тасса я намѣренъ печатать въ двухъ частяхъ; можно и въ трехъ, можно и въ четырехъ; это было бы благовиднѣе, съ присоединеніемъ жизни и критическихъ замѣчаній по этому лучшихъ писателей, особливо Сизмонди.—Бумагу и нѣкоторыя картинки, если можно, должно заказать въ Петербургѣ и выписать; ибо здѣсь нѣтъ порядочной, не только хорошей. Все это дорого. При томъ, не одинъ Тассъ у меня въ виду. При этой помощи хотѣлъ бы я выдать и прозаическія мои сочиненія по ученой части. И такъ должно, кажется, просить какъ дѣйствительнаго вспоможенія мнѣ и въ награду за многолѣтніе труды по университету. Я думаю, можно положить для хорошаго изданія Тасса по крайней мѣрѣ тысячь пять, если это не устрашитъ.

Глинкѣ дали 9 тысячь на заплату типографіи нашей долговъ, которыхъ онъ не заплатилъ и теперь, по своей скудости. Я не въ лучшемъ состояніи, но въ бо̀льшемъ правѣ, какъ служащій. Хорошо, еслибы и мнѣ столько же дали, сколько ему, но во всемъ воля Божія. Государь милосердъ. Надобно только, чтобъ хорошо было представлено. Предоставляю все твоему попеченію и дружеской любви ко мнѣ. Сдѣлай какъ можешь и какъ можно. Вотъ весь мой отвѣтъ.

Поклонъ мой почтеннѣйшему Александру Ивановичу и почтеннѣйшему Сергѣю Ивановичу. Если они не уѣхали, дай Богъ имъ путь благополучный и сколько возможно пріятный. Прощай, добрый человѣкъ и поэтъ славной! Помни, что ты трудишься для Мерзлякова и его семейства, у котораго ничего нѣтъ кромѣ работы и здоровья отцовскаго—покуда.

13 Іюля
1824. Москва.

12.

Сердечное спасибо старому и вѣрному другу за его охотное, доброе участіе и стараніе въ обстоятельствахъ человѣка, болѣе двадцати лѣтъ трудящагося для университета и пансіона, награждаемаго *словесно*, когда онъ имѣетъ нужду въ *дѣйствительной* помощи.—Антонъ Антоновичъ и теперь выговаривалъ мнѣ, почему я не чрезъ нихъ началъ это дѣло, а стороною, то есть чрезъ добрыхъ людей, чрезъ Александра Ивановича и чрезъ тебя. Мой отвѣтъ былъ: *Что же вы для меня сдѣлали? И что бы вы сдѣлали?* — Точно! Они бы нашли тысячи препятствій и сомнѣній, и все бы кончилось ничѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ въ разсужденіи всѣхъ

университетскихъ нашихъ тружениковъ.—Можетъ быть, книги[1]) посылаются поздно; но что мнѣ было дѣлать съ тѣми людьми, которые хотятъ, чтобы я работалъ для нихъ, а не для себя?—Едва могъ управиться съ тяжелою типографіею и съ тяжелыми невѣжами переплетчиками. Это идетъ не такъ совсѣмъ, какъ у васъ въ Петербургѣ. — Наконецъ посылаются сіи книги, адресованныя по твоему приказанію на имя К. Я. Булгакова.—Можетъ быть не такъ щеголевато одѣты, да что дѣлать? Здѣсь нельзя лучше!

Прежде всего позволь поблагодарить тебя душевно (охъ, какъ поздно!) за присылку твоихъ сочиненій, и упрекнуть вмѣстѣ за то, что ты сказалъ въ письмѣ къ Антонскому, будто я въ балладахъ твоихъ не нахожу толку.—Удивляюсь, какъ ты могъ повѣрить клеветникамъ весьма глупымъ. Причины: 1) не могъ я сказать этого въ классѣ, потому что предъ студентами баллады не читаются *по закону*; 2) по осторожности слишкомъ робкой (ибо знаю самаго себя) весьма рѣдко читаю съ критикой сочиненія живыхъ писателей, кои всегда щекотливы, а читаю мертвыхъ. 3) въ примѣръ слога дѣйствительно читалъ твои сочиненія, но *въ примѣръ*, какъ и должно быть. Жуковскому стыдно слушать людей, которые, сами не умѣя плавать по водѣ, сидятъ на берегу и палочкой мутятъ воду.

Къ дѣлу: I. Посылается 18 экс.: три для Государя Императора и Государынь Императрицъ, въ зеленомъ сафьянѣ; четыре или пять для Великихъ Князей и Княгинь и для министра.— Потомъ: для Карамзина, для А. Ивановича, для Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, также для Лонгинова и Вилламова, для князя А. Н. Голицына и Дмитрія Михайловича Голицына, нашего генералъ-губернатора,—которымъ очень много я одолженъ. Рекомендуй меня всѣмъ какъ стараго, вѣрнаго пса на Парнасѣ.— Прочіе оставь *для своего употребленія*!!—На слѣдующей почтѣ еще будетъ транспортъ для нашей братьи пріятелей — авторовъ и журналистовъ. Впрочемъ располагай этими экземплярами такъ, какъ знаешь.

II. На вопросъ твой весьма разумной и доброй о томъ, чтò я писалъ и чтò у меня готово къ печатанію — отвѣчаю: 1) Подражанія и переводы изъ древнихъ писателей, изъ которыхъ предлагается теперь первая часть, но ихъ кромѣ обѣщанной и печатающейся уже второй, можетъ быть еще третья и четвертая, ибо матеріалы достаточны. 2) Мой давно лежачій Тассъ, которой не даетъ мнѣ ни сна, ни покою. 3) Мой курсъ лекцій литературныхъ, читанныхъ для публики въ домѣ князя Б. Голицына и Кокошкина; изъ нихъ нѣкоторыя напечатаны,—всѣ же вмѣстѣ составятъ шесть добрыхъ томовъ. 4) Критическій разборъ всѣхъ лучшихъ драматическихъ нашихъ писателей; также нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы и пр. и пр. 5) Мои собственныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ—многія, напечатанныя повсюду и увядающія уже въ тискахъ безчеловѣчныхъ тирановъ, извѣстныхъ подъ именемъ издателей образцовыхъ сочиненій.- За этотъ соблазнъ отдашь ты *Богу* отвѣтъ!....

Изъ всего этого на сердцѣ моемъ лежитъ самое главное: Тассъ и Курсъ лекцій, составляющій два года.

III и послѣднее: важнѣйшая претензія моя:—не будучи самъ въ силахъ

[1]) Подражанія и переводы Мерзлякова. М. 1825. Часть 1-я.

издать накопившееся въ продолженіи многихъ лѣтъ и не надѣясь на невѣрную благосклонность публики, желалъ бы я *вспомоществованія*, по крайней мѣрѣ въ изданіи Тасса; это было бы наградою за многолѣтные труды мои по службѣ,—впрочемъ все въ руцѣ Бога и Царя добраго!

Право, братъ, старѣюсь и слабѣю въ здоровьѣ; уже не работается такъ, какъ прежде, и кромѣ того отягощенъ многими должностями по университету: время у меня все отнято или должностію, или частными лекціями, безъ которыхъ нашему брату бѣдняку обойтись не можно; а дѣти растутъ и требуютъ воспитанія. Кто послѣ меня издать можетъ мои работы, и будутъ ли онѣ полезны для нихъ, ничего не имѣющихъ?

Вотъ, кажется, все я сказалъ, чего ты отъ меня требовалъ!—*Добръ* началъ, продолжай и кончи съ А. Ивановичемъ; тебѣ благодарность дружбы. — Въ канцеляріи министра безъ сомнѣнія есть мой послужной списокъ, если онъ понадобится.

Письмо слишкомъ длинно и для тебя, и для меня, потому что оба никогда не любили говорить о самихъ себѣ.—Посылаю при семъ письмо къ министру, если нужно; запечатать надобно; ты объяснишь ему все прочее, чего я не могъ сказать. Поговори также за меня съ Муравьевымъ и Карамзинымъ: сей послѣдній особливо знаетъ нужды нашей братьи и знаетъ средства помогать имъ.

Цѣлую тебя въ великій праздникъ. Желаю всего, что̀ самъ себѣ желаешь и чего отъ тебя желаетъ благонамѣренная публика.—Кланяйся Ал. Иван., Сергѣю Ивановичу, Алек. Ѳедоровичу и поздравь ихъ съ свѣтлымъ воскресеньемъ! — Гнѣдичу мой поклонъ усердной. — Пришлю къ нему экземпляръ на слѣдующей почтѣ.

Прощай, твой вѣчно преданный

А. Мерзляковъ.

22 Марта 1825. Москва.

13.

При семъ посылаю, почтенный и любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ, и послужной мой списокъ, скрѣпленный по формѣ. — Не писалъ долго отъ того, что онъ былъ боленъ и не на шутку: у насъ въ Москвѣ весна была очень болезнѣнная и перебрала весьма, весьма многихъ.

Изъ послужнаго моего списка видно, что я профессорствую болѣе уже двадцати лѣтъ; шесть лѣтъ исправляю деканскую должность и въ комитетѣ испытанія служу пятнадцать лѣтъ; не говорю о другихъ моихъ службахъ и порученіяхъ. Наши господа начальники не любятъ насъ представлять, и потому нѣтъ мѣста въ цѣлой Россіи по службѣ болѣе несчастнаго, кахъ нашъ университетъ. — За Владимірскій крестъ свой я обязанъ вдовствующей Императрицѣ, а не своимъ, ибо ихъ силой заставили представить обо мнѣ. — Съ тѣхъ поръ ничего не получалъ, кромѣ чиновъ, кои шли своимъ чередомъ. Стыдно мнѣ, статскому совѣтнику, предъ своими учениками, которые, служа по воспитательному дому или въ другихъ мѣстахъ, увѣшаны знаками отличія.—Впрочемъ, признаюсь, я уже охолодѣлъ ко всему этому: я желалъ бы гораздо болѣе, если бы могъ получить какое-либо пособіе для напечатанія моего Тасса и другихъ трудовъ моихъ по ученой части. Не имѣя никакого состоянія, я убиваю себя и время на скучные уроки, ко-

торые достовляютъ только насущное — и ничего не даютъ въ прокъ. Это весьма грустно и тягостно въ мои лѣта.

И такъ, если можно, какъ и прежде я писалъ, болѣе на это обратить бы вниманіе и исходатайствовать мнѣ что-либо, дабы могъ я издать мои работы. Если министру угодно будетъ войти, то, кажется, довольно и достаточно служба моя — могу сказать, долговременная и извѣстная — представитъ ему матеріалу, къ чему бы привязаться. — Впрочемъ посовѣтуйтесь съ Александромъ Ивановичемъ.— Всякой признается, что я поставилъ классъ Россійскаго краснорѣчія на настоящую ногу послѣ Чеботарева, при которомъ онъ былъ хуже грамматическаго; я ввелъ и критику, и новой способъ преподаванія, которому всѣ теперь слѣдуютъ; я первый началъ учить ему философски, какъ изящному искусству, а прежде меня далѣе Бургіевой Риторики никто не простирался. — Въ сихъ словахъ нѣтъ ни одного слова хвастливаго, но я стыжусь уже, что говорю о себѣ и потому перестану....

Ради Бога, не пропустите времени; напомните Шишкову, которой писалъ ко мнѣ, что непремѣнно представитъ; но напомнить и постараться все лучше. Попросить также и князя Шихматова и, если нужно, Карамзина.

Вторая часть началась печататься. Жаль, что я былъ боленъ! вездѣ мнѣ несчастіе и неудача! — я извѣрился ко всему....

Благодарю тебя душевно за твои старанія..... Оставить тѣхъ, которые меня не любятъ: имъ не хочется сдѣлать добра, когда дѣлаютъ для какого-нибудь Каменецкаго! — Боюсь, дойдетъ ли это письмо до тебя надлежащимъ образомъ: вы всѣ на дачахъ, — но я адресую обыкновенно *на авось*!

Поклонись, любезной другъ, Александру Ивановичу и всѣмъ, которые принимаютъ во мнѣ участіе.

totius tuus Merzljakow.

4 Іюня
1825
Москва

PS. Теперь у насъ ексамены, — хлопотъ премножество. — Сказываютъ, что Государь Императоръ будетъ къ 9 числу, — правда ли?

14.

Сердечно благодарю тебя, любезный и почтенный другъ Василій Андреевичъ, за всѣ твои хлопоты по моему дѣлу. Только на прошедшей недѣлѣ получилъ я деньги, и то не сполна,—вмѣсто 5 т. только 4500..... вычли 10 процентовъ на Инвалидовъ, хотя бы собственно этого не слѣдовало дѣлать, ибо я просилъ деньги не въ видѣ подарка, но на изданіе книги — столько, сколько оно будетъ стоить.... Такъ и быть! — За все благодаренъ: все принимаю съ должною признательностію. — Впередъ побережемъ себя отъ хлопотъ и безпокойствъ отдаленныхъ.

Теперь обращаюсь къ тебѣ съ другою просьбою: — не пугайся: она не столь хлопотлива и зависитъ собственно отъ тебя одного. — Одинъ изъ нашихъ магистровъ, господинъ Погодинъ, юноша весьма достойный и извѣстный уже по своимъ литературнымъ и историческимъ трудамъ, намѣренъ къ будущему году издать *Альманахъ*, состоящій изъ стиховъ и прозы. — Піесы у него уже готовы, но не достаетъ важнѣйшаго. — Онъ проситъ меня, чтобъ я умолилъ тебя

прислать къ нему что-либо изъ своихъ сочиненій и тѣмъ благословить его первородное дитя, вступающее въ новой свѣтъ, въ которомъ голосъ твой важенъ, и приманчивъ, и силенъ. — Охотно исполняю его прошеніе, присоединяя свои просьбы къ его. — Ободри почтеннаго и добраго Погодина, утѣшь его двумя или тремя (или даже и одной) піесами; онъ человѣкъ небогатой: а твой даръ будетъ ему въ прокъ. — Ты разсыпаешь свой бисеръ повсюду: Погодинъ болѣе другихъ стóитъ таковой чести. — Попроси что-нибудь и у твоего Козлова: это все много и много обрадуетъ моего магистра. Только не замедлять присылкою; ибо онъ готовъ уже къ начатію дѣла. — Піесы прислать на мое имя въ университетъ. — Пожалуйста одолжи.

Прощай, будь здоровъ, не забывай насъ, и, если будешь писать къ Александру Ивановичу, поклонись ему отъ меня.

Твой душевно преданный слуга

А. Мерзляковъ.

29 Октября
1825 года.

II. (ГРАФА) СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА.

1.

С. Петербургъ 21 Апрѣля 1811.

Давно ужъ собираюсь я къ Вамъ написать и возобновить себя въ памяти Вашей, но разныя дѣла помѣшали мнѣ до сихъ поръ взяться за перо. Я, въ полномъ увѣреніи, что Вы, помѣстивъ меня въ число друзей вашихъ, тѣмъ самымъ дали мнѣ право считать на ваше расположеніе, покорно прошу васъ дозволить перепечатать здѣсь вновь прекрасный переводъ вашъ *Проэкта Азіатской Академіи* [1]). Ноты и дополненія, которыя вамъ помѣстить нельзя было, постараемся мы вмѣстѣ съ Тургеневымъ прибавить. Многіе изъявили желаніе имѣть полный переводъ на Русскомъ языкѣ, и я не могу лутче отвѣчать требованію ихъ, какъ познакомить съ переводомъ вашимъ. Едиція будетъ хорошая, и я надѣюсь, что вы оною довольны будете. Я послалъ Н. М. Карамзину *Шлегеля* книгу *о Индіи*, которую я вамъ совѣтую прочитать. Скажите Николаю Михайловичу, что Шлегель пишетъ мнѣ, что онъ напечаталъ послѣднее сочиненіе о *Новѣйшей Исторіи*. Какъ скоро сія книга дойдетъ до рукъ моихъ, то я доставлю ее вамъ въ Москву.— Тургеневъ влюбился въ одну даму и за тѣмъ не имѣетъ время нами заниматься.—Въ скоромъ времени надѣюсь я напомнить вамъ обѣщаніе ваше, сдѣланное мнѣ вами въ бытность мою въ Москвѣ. – Здѣшняя Бесѣда бесѣдовала только одинъ разъ еще, въ которой Шишковъ читалъ проповѣдь о словесности. — На дняхъ сбирается Державинъ доказать намъ послѣдними своими сочиненіями, какъ превосходна теорія Шишкова.—За тѣмъ, прощайте, будьте здоровы и меня любите.

Сергій Уваровъ.

В. Л. Пушкину скажите мой дружеской поклонъ.

2.

15 Мая 1811 года.

Я спѣшу отвѣчать на ваше письмо отъ 4 Мая. Я васъ сердечно бла-

[1]) Извѣстное сочиненіе Уварова на Французскомъ языкѣ; Русскій переводъ его, сдѣланный, какъ отсюда видно, Жуковскимъ, помѣщенъ въ Вѣстн. Европы 1811, кн. 1-я.

годарю за позволенiе перепечатать переводъ вашъ и за предложенiе взять на себя то, что̀ вы называете переправку онаго.—Доставленiемъ экземпляра переправленнаго совершенно меня обяжете; срока за тѣмъ не назначаю, что я на ваше ко мнѣ дружеское расположенiе считаю.

Тургеневу поручилъ я доказать вамъ, что ваше желанiе не согласно ни съ ходомъ вещей, ни съ вашими выгодами, ни съ моими.—Я надѣюсь, что онъ васъ убѣдитъ. Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно. Что̀ же касается до занятiй вашихъ, то не только вы будете имѣть нужное на оныя время, но еще всѣ способы болѣе и болѣе распространять опытность и свѣдѣнiя ваши.—Видно, что вы давно въ Петербургѣ не бывали, если вы полагаете, что черезъ два года я буду еще имѣть возможность дѣлать вамъ прiятное.

Я васъ покорно прошу узнать, получилъ ли Николай Михайловичь письмо мое при Шлегелевой книгѣ о *Индiи*.

Въ скоромъ времени получите вы мои стихи: Sur l'avantage de mourir jeune. — Не судите строго о ихъ достоинствѣ; не иначе какъ о излiянiи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились. — Развѣ смерть г. Каменскаго и к. Суворова не дѣйствуетъ надъ Музой вашей? Вотъ прекрасной случай употребить въ нашей поэзiи нѣсколько тѣхъ мыслей, которыя Шиллеръ представилъ въ одномъ стихѣ:

«Es ist das Loos des Schönen auf der Erde.

За тѣмъ прощайте; будьте увѣрены въ истинной моей дружбѣ къ вамъ, не лѣтами прiобрѣтенной, но согласiемъ мыслей и чувствъ. Весь вашъ *С. У.*

3.

С. Петербургъ. 6 Iюня 1813.

Я мысленно слѣдовалъ за вами, когда вы, повинуясь общему примѣру, оставили мирное жилище ваше и предстали на поле чести. Сiе новое зрѣлище обогатило конечно вашу фантазiю новыми, дивными цвѣтами. Нынѣ, узнавъ, что вы возвратились въ свое уединенiе, радуюсь, что вы будете имѣть время бесѣдовать съ Поэзiею и съ друзьями. Я радовался душевно на *Пѣвца въ станѣ*, и на другiя произведенiя ваши. Вы имѣете большой, оригинальный талантъ, которой влечетъ васъ къ идеальной поэзiи. Повѣрьте, что никто здѣсь, исключая А. И. Тургенева, не беретъ болѣе душевнаго участiя въ вашемъ превосходномъ талантѣ, какъ я. Ничто посредственное не должно отнынѣ выходить изъ вашего пера. Каждое произведенiе должно быть новое разширенiе сферы нашего языка и словесности. Вотъ мое желанiе, и вмѣстѣ надежда, полагаемая на васъ всѣми любителями изящной поэзiи.

Между тѣмъ какъ вы возлетаете на Пиндъ, я хожу шагомъ по землѣ: вмѣсто блистательной Поэзiи, занимаюсь сухой *Педагогикой*[1]). — Вотъ опытъ моихъ по ней трудовъ! Прочтите и скажите ваше мнѣнiе; я также написалъ разсужденiе о *стопосложенiи*, которое было читано въ здѣшней Бесѣдѣ; когда же оно будетъ напечатано, то представлю вамъ.

Я не могу положить пера, не изъяснивъ вамъ общее наше съ Тургеневымъ давнишнее желанiе: пересе-

[1]) О преподаванiи Исторiи, относительно къ народному воспитанiю. Спб. 1813.—Рѣдкая книжка. *П. Б.*

лить васъ сюды. Нынѣ Петербургъ сталъ единственно приличнымъ для васъ мѣстопребываніемъ. Если наше желаніе сбудется, то мнѣ пріятно будетъ подтвердить вамъ на словахъ, а можетъ быть и на дѣлѣ, увѣреніе истинной моей преданности и дружбы.

Ув.

4.

С. Петербургъ. 17 Августа 1813.

Я получилъ ваше обязательное и пріятельское письмо отъ 15 Іюля, за которое приношу вамъ мою благодарность. Вы хвалите мои труды, или лутче сказать, мои намѣренія: *pia desideria*! Но вы налагаете при томъ на меня весьма тяжелое бремя, съ моими силами не слишкомъ соразмѣрное. *Вѣрить возможности лучшаго* есть уже въ нашемъ положеніи *напряженіе* фантазіи, *идеалъ*; но приступить къ исполненію, истинно Геркулесовъ трудъ. — Но какъ бы то ни было, я умѣю цѣнить вашу пріязнь и ваше участіе въ моихъ мечтахъ и прошу о продолженіи того и другаго.

При семъ посылаю я вамъ письмо мое къ Гнѣдичу о стопосложеніи; не думайте однакожъ, чтобъ я и отъ васъ требовалъ строгаго наблюденія *древнихъ* метрическихъ формъ. Вы въ числѣ тѣхъ, которымъ предназначено произвольно *избирать*, или лучше сказать *изобрѣтать* формы стопосложенія; но кто хочетъ переводить древнихъ, тотъ долженъ непремѣнно слѣдовать ихъ формамъ. Не всѣмъ мое мнѣніе здѣсь полюбилось. Не многіе занялись разборомъ моихъ предположеній. Это сухо и трудно; а наша публика свыше Крылова басни ничего не хочетъ.

Я получилъ на дняхъ кипу Англинскихъ книгъ; между прочимъ всѣ поэмы Сира *Вальтера Скота*. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes. Когда я окончу чтеніе ихъ, то къ вамъ препровожу лутчія. Вы познакомитесь съ большимъ, оригинальнымъ, съ вашимъ талантомъ свойственнымъ талантомъ. Какъ я ни влюбленъ въ Греческую поэзію, но признаться долженъ, что Шотландскіе отголоски меня плѣняютъ. Это зависитъ конечно отъ того, что я самъ *сынъ Сѣвера*; блистательная поэзія Грековъ не такъ къ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ. Сиръ *Скоттъ* мнѣ очень полюбился, и я весьма бы желалъ, чтобъ вы когда нибудь занялись поэмою въ его родѣ. Когда вы прочтете его творенія, то вы конечно согласитесь со мною. Двѣ *эпохи* можно назвать піитическими: *Классическую*, т. е. эпоху Грековъ, и *Романтическую*, т. е. эпоху среднихъ вѣковъ, des Mittel-Alters. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ.

Душевно желаю, чтобъ вы рѣшились пріѣхать къ намъ, будучи увѣренъ, что Петербургъ единственное нынѣ для васъ мѣсто пребыванія. Право, пріѣзжайте!

Извините, что я не вспомнилъ поздравить васъ съ полученнымъ орденомъ. Сердечно радуюсь и поздравляю васъ. Тургенева я бранилъ, но безуспѣшно. Затѣмъ, будьте здоровы, счастливы, и меня любите.

Ув.

Напишите мнѣ чистосердечно, какъ вамъ кажутся экзаметры Гнѣдича?— Также о письмѣ Филарета.

5.

С. Пбургъ. 20 Декабря 1814.

Jo, triumphe!—

Прекрасно! Прекрасно! — Чувства возвышенныя, мысли глубокія и сильныя; похвала благородная и смѣлая; языкъ поэта. Еще разъ: прекрасно!— Примите, любезный Василій Андреевичь, истинную мою благодарность за тѣ пріятныя минуты, которыми я вамъ одолженъ. Мы читали ваше Посланіе *) съ предубѣжденіемъ, но вмѣстѣ и съ разборчивостью дружбы, и кромѣ малаго числа словъ и двухъ или трехъ незначущихъ стиховъ, мы все одобрили. Мы съ Тургеневымъ подумаемъ о лучшемъ способѣ представить ваше прекрасное произведеніе Госуд. Императрицѣ. Онъ васъ обстоятельно о семъ увѣдомитъ.

Послѣ вашего прелестнаго Посланія, ничто не могло меня болѣе обрадовать какъ извѣстіе, что я васъ здѣсь, хотя на короткое время, увижу. Хорошо въ жизни иногда встрѣчаться, дабы возобновлять тѣ дружескія сношенія и то сердечное сознаніе, безъ которыхъ дружба — пустое слово.

Надѣясь на будущее съ вами свиданіе, нынѣ книгъ вамъ не посылаю. *Southey's Thalaba* у меня нѣтъ; но я его читалъ, и онъ очень посредственный поэтъ, или лучше сказать, совсѣмъ не поэтъ. Теперь у Англичанъ ихъ только *два*: *Walter Scott* и *Lord Byron*. Послѣдній превышаетъ, можетъ быть, перваго. Въ стихахъ Байрона находилъ я нѣкоторое сходство съ вами; но онъ одушевленъ Геніемъ зла; а вы — Геніемъ добра. — Весь вашъ. *Ув.*

*) Посланіе къ Императору Александру.

6.

Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, приняла очень милостиво изъ рукъ Катерины Алексѣевны *) первой томъ вашъ. Между прочими пріятностями *Она* приказала сказать, что *Она* пригласитъ васъ къ себѣ и *назначитъ день пріѣзда со мною послѣ 6-го Января*. Будьте благонадежны и сдѣлайте такъ свое расположеніе, чтобъ быть здѣсь, а не въ Дерптѣ. Весь вашъ

Ув.

Всѣ экз. кромѣ экз. для Г. Императора отданы кому слѣдуетъ.

7.

С. Петербургъ. 15 Марта 1815.

Давно у меня хранившійся Высочайшій рескриптъ на ваше имя, наконецъ, по порученію Государыни Императрицы къ вамъ нынѣ въ Дерптъ препровождаю.

Прекрасной вашъ переводъ *Аббадоны* съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ; въ формѣ стиха нашелъ я нѣсколько вольности; но стихи прелестны. Я не надѣюсь впрочемъ, чтобъ можно было похитить у Грековъ ихъ *экзаметръ* со всею строгостью правилъ, ими наблюдаемыхъ. Тутъ и эхо пріятно.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я васъ сюда! Не забудьте, что вы обѣщали торжественно не пробывать болѣе недѣли въ Дерптѣ. Въ ожиданіи скораго свиданія, остаюсь навсегда вашъ душевно преданный

Ув.

*) Супруга Уварова.

P. S. При семъ посылается къ вамъ 500 р. вырученныхъ продажею вашего Посланія. Я надѣюсь на еще столько же, а можетъ быть и болѣе.

8.

На письмо ваше отъ 18 Іюля спѣшу сказать, что, будучи вчерась въ Павловскомъ, Госуд. Императрица говорила долго объ васъ со мною. Она изъявила сперва, сколько ей прискорбно, что вы уѣхали. Ея намѣреніе было пригласить васъ на нѣкоторое время въ Павловскъ, и она только ожидала вакаціи для Ю. А. Нелединскаго, дабы вамъ было пріятнѣе быть вмѣстѣ съ нимъ. Она еще прибавила: J'avais de grands projets sur M. Joukoffsky. Dites le lui, et engagez le en mon nom à hater son retour ici [1]).

При семъ случаѣ, я ей говорилъ о вашемъ положеніи очень откровенно; я представилъ ей, сколько независимость необходима для поэта; что мѣсто и должность только повредятъ вашему таланту; что для чести нашей вы должны быть обезпечены и освобождены отъ всѣхъ суетъ; и наконецъ, что при возвращеніи Государя мы будемъ имѣть удобной случай васъ совершенно пристроить и пр. На все сіе она отвѣчала мнѣ, что она еще разъ обѣщаетъ сдѣлать все что̀ ей возможно будетъ, и прибавила еще много для васъ и для меня лестныхъ выраженій (все сіе между нами).

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ весьма было бы хорошо, еслибъ вы рѣшились возвратиться прежде назначаемаго срока.. *Лови день*, Гораціево слово, и здѣсь хорошій совѣтъ. Когда мы успѣемъ васъ порядочно пристроить, тогда зависитъ отъ васъ по Пейпусу странствовать. Вотъ мои мысли, вотъ мысли Тургенева и Блудова. Вы знаете, что они внушены дружбою. Я говорилъ съ Голубевымъ.

Весь вашъ *Ув.*

29 Іюля 1815.

Вѣроятно, что сѣдому дѣду недостанется *ценсоровать* Владиміра [2]).

Приписка А. И. Тургенева:

Мое письмо, на прошедшей почтѣ къ тебѣ посланное, должно тебѣ служить объясненіемъ письма Ув.—Пріѣзжай, всѣ истинные друзья твои и даже пріятели встрѣтятъ тебя съ прежнимъ восхищеніемъ. Но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; *лови день* тамъ, гдѣ *твое солнце*. Здѣсь въ потемкахъ, мы за тебя ловить будемъ. Мы привыкли играть въ жмурки. Будь увѣренъ, что я и за тебя и для тебя ловить буду, этотъ разъ постараюсь быть проворнѣе. Но безъ сомнѣнія твой пріѣздъ могъ бы быть весьма полезенъ.

Государь будетъ если не къ 30-му Авг., то конечно въ началѣ Сентября. Увѣдомь меня, на что ты рѣшишься.

Дашковъ увѣряетъ тебя въ чувствахъ истинной дружбы.

Тург.

9.

С. Пбургъ, 16 Мая 1816.

Любезный Василій Андреевичь. Зная васъ коротко, и образъ мыслей,

[1]) У меня были большія предположенія относительно г. Жуковскаго. Скажите ему это и пригласите его поспѣшить возвращеніемъ сюда.

[2]) Предполагаемую поэму Жуковскаго. Сѣдой дѣдъ конечно Шишковъ.

и душу, не могу избрать другаго, лутчаго посредника, а вотъ именно въ какомъ дѣлѣ. *Феслеръ*, шестидесятилѣтній ученой, съ женою и дѣтьми, жилъ и писалъ на берегахъ Волги; жалованье, получаемое изъ *Комиссіи Законовъ*, пресѣклось, и онъ остался въ совершенной *нищетѣ*, безъ пріятелей, безъ отечества, безъ надежды. Единственная надежда его—быть избраннымъ къ профессорскому званію въ Дерптскомъ университетѣ. Мы здѣсь о томъ уже много говорили и смягчили неумолимаго *Клингера* *). Съ его стороны препятствія не будетъ, какъ мнѣ кажется; все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Университетъ его избралъ.—Историческая каѳедра не занята. Онъ эту часть знаетъ прекрасно. Нельзя ли по вашимъ связямъ съ профессорами узнать объ ихъ расположеніи къ сему дѣлу? Я не могу тутъ иначе дѣйствовать какъ *приватно*; но мнѣ бы весьма было пріятно, еслибъ участь этаго несчастнаго старика смягчилась. Мы не даромъ *Арзамазцы*.

Утѣха—скорби; прозьбѣ—дань! **)

Вотъ, любезный другъ, о чемъ я васъ прошу похлопотать. Увѣдомьте меня объ успѣхѣ. Впрочемъ, будьте счастливы и *Арзамасъ* не забывайте. Прекрасный портретъ, писанный Кипренскимъ, стоитъ передъ моимъ столомъ. God bless you! *Старушка*.

Жена вамъ дружески кланяется. Саша также.

Его высокоблагородію, милостивому моему государю Василью Андреевичу Жуковскому. Herrn v. Joukoffsky in Dorpat.

*) Попечителя Дерптскаго университета.
**) Стихъ изъ Пѣвца въ станѣ Р. войновъ.

10

С. Петербургъ. 11 Августа 1838.

Милостивое вниманіе Его Высочества Наслѣдника къ студенту Вознесенскому, о коемъ этотъ послѣдній доноситъ мнѣ, побуждаетъ меня написать къ вамъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, покорнѣйше прося изъявить мою глубочайшую благодарность Его Высочеству. Съ радостью узнали мы наконецъ, что Его здоровье, столь драгоцѣнное, столь необходимое для государства, начинаетъ поправляться. Дай Ему Богъ сохранить себя на славу и честь Россіи: это сердечное желаніе всѣхъ тѣхъ, которые любятъ отечество, слѣдовательно любятъ въ Великомъ Князѣ будущность отечества. Развѣ онъ не altera spes Romae? А этотъ Римъ—Россія, т. е. міръ.

Прилагаю при семъ экземпляръ моего Отчета за 1837 годъ, которой до васъ вѣроятно еще не доходилъ; также и два экземпляра Французской выписки, сдѣланной для заграничныхъ читателей. Во всякомъ случаѣ это лутчій отвѣтъ на клеветы ненавистниковъ нашихъ. О Государѣ можно сказать, что Pompignan сказалъ о солнцѣ:

Et lui, poursuivant sa carrière,
Versait des torrens de lumière
Sur ses obscurs blasphémateurs.

Завтра я отправляюсь для осмотра учебныхъ заведеній Бѣлорусскаго учебнаго округа; буду и въ Дерптѣ. —На дняхъ былъ въ Ораніенбаумѣ у В. Княгини рядъ картинъ (живыхъ), взятыхъ изъ Свѣтланы; всѣ вспомнили о поэтѣ, и я не въ послѣднихъ.—Увидимся ли зимою? Не вѣдаю. Какъ бы то ни было, будьте

здоровы, наслаждайтесь Рейномъ и Тибромъ, но не забывайте жителей Невскихъ береговъ.

Весь вашъ *Уваровъ.*

11.

Любезнѣйшая Кассандра *). Ваше дружеское, истинно-арзамазское письмо отъ $^{18}/_{30}$ Іюня, возбудило во мнѣ и память прошедшихъ дней, и память неизмѣнной дружбы. Въ дѣлѣ Гоголя я поступилъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я считаю себя орудіемъ Государя, Коего высокія чувства вамъ вполнѣ извѣстны; не скрою отъ васъ, что я счастливымъ себя сочту, если въ обширной лѣтописи Его царствованія будетъ внесена мною скромная строчка, свидѣтельствующая, что я Его понималъ. Вотъ все что̀ я могу принять изъ Вашей радушной похвалы, но Ему *и чашу первую и первой гимнъ* **).

Ваше обѣщаніе доставить сюда переводъ дивной Одиссеи, порадовало меня истинно. Обломки Арзамаса, т. е. Блудовъ и Вяземскій, соберутся со мною въ кружокъ и если въ насъ не совсѣмъ погасло чувство Арзамазское, то передадимъ Вамъ наши чистосердечныя впечатлѣнія. Хорошо если самъ Его П-во г. Переводчикъ изволилъ бы присоединиться лично къ нашему кружку.

О себѣ донесу, что черезъ нѣсколько дней сбираюсь по дѣламъ въ Варшаву; а оттоль взгляну минутно на равнины Германіи, не имѣя возможности проникнуть на сей разъ за Альпы и Апенины — куда все зоветъ меня. God bless you.

Старушка.

$^{12}/_{24}$ Іюля 1845. СПБ.

P. S. Черный сургучь свидѣтельствуетъ, что я имѣлъ несчастіе лишиться брата, котораго и вы знали.—Этотъ ударъ считаю я однимъ изъ живѣйшихъ понесенныхъ въ жизни.

*) Очевидно Старушкѣ измѣнила память: Жуковскаго звалъ не Кассандрой, а Свѣтланой.

**) Это стихъ Жуковскаго изъ Посланія къ имп. Александру.

III. ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1.

Село Закупъ, 1823-го года Февр. 17 го.

Милостивый государь Василій Андреевичъ.

Шиллеръ говоритъ, что Муза для иныхъ божественная, небесная дѣва, а для другихъ корова, снабжающая ихъ молокомъ и масломъ. Признаюсь вамъ искренно, что (разумѣется на минуту) — я охотно бы промѣнялъ небесную дѣву на земную корову. Деньги! деньги! Жить воздухомъ не можетъ даже самый эфирный поэтъ. Извините, милостивый государь, мое странное предисловіе, но оно сопровождается небольшою поэмою, которую, по вашей никогда неизмѣнившейся ко мнѣ благосклонности, вы примите снисходительно. Она посвящена вамъ и Бейрону! — Возмите на себя трудъ въ тоже время быть и ея издателемъ, или поручить оное кому нибудь, на кого совершенно полагаетесь. Въ непродолжительномъ времени перешлю къ вамъ также небольшой романъ, который, быть можетъ, напомнитъ вамъ наши былыя бесѣды. —Смѣю надѣяться, что труды сіи заставятъ васъ простить мнѣ, что не

перевожу ничего изъ Вальтера: я для этого слишкомъ мало знаю по англински, и сверхъ того, въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что не могу даже выписать романы его.

Изволили вы получить мою трагедію?—Не сдѣлаете ли вы мнѣ милость, не напишите ли вы мнѣ свое о ней сужденіе?—Буду ждать отъ васъ съ нетерпѣніемъ отвѣта на просьбу мою; ибо увѣренъ что вы охотно исполните ее, зная, какъ дорожу вашимъ сужденіемъ,—Прилагаю при семъ бездѣлку, которую написалъ къ Пушкину, прочитавъ его Кавказкаго Плѣнника, и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и нелицемѣрною, сердечною привязанностью, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Вильгельмъ.

N. B. Мой адресъ: Ея высокор. м. г. Юстинѣ Карловнѣ Глинкиной. Смоленской губерніи, Духов. уѣзда, въ село Закупъ. Если мое имя воспрепятствуетъ изданію Кассандры, напечатайте безъ онаго.

N. B. Недостатки моей поэмы я очень самъ чувствую и вѣрно исправлю ихъ; но нынѣ долженъ уже пожертвовать для *хлѣба насущнаго* авторскою славою; переводить же, или заняться чѣмъ инымъ, а не поэзіею—не могу, еслибъ и пришлось мнѣ умереть съ голоду! Подобное признаніе не удивитъ поэта! Вас. Анд. попроситъ моихъ пріятелей, чтобъ они избавили меня отъ излишнихъ совѣтовъ, если не хотятъ помочь мнѣ.

КЪ ПУШКИНУ.

Мой образъ, другъ минувшихъ лѣтъ,
Да оживетъ передъ тобою!
Тебя привѣтствую, Поэтъ!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тотъ свѣтъ,
Гдѣ мы равно терзались оба,
Гдѣ клевета, любовь и злоба
Размучили обоихъ насъ!
И не далекъ, быть можетъ, часъ,
Когда при черномъ входѣ гроба,
Изсякнетъ нашей жизни ключь;
Когда погаснетъ свѣтъ денницы,
Крылатый, блѣдный блескъ зарницы,
Въ осеннемъ небѣ хладный лучъ!
Но се—въ душѣ моей унылой
Твой чудный Плѣнникъ повторилъ
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь нѣмую пробудилъ!
Увы! какъ онъ, я былъ изгнанникъ.
Изринутъ изъ страны родной
И рано, безотрадный странникъ,
Вкушать былъ долженъ хлѣбъ чужой!
Куда, преслѣдованъ врагами,
Куда, обманутъ отъ друзей
Я не носилъ главы своей,
И гдѣ веселыми очами
Я зрѣлъ свѣтило ясныхъ дней?
Вотще въ пучинахъ тихоструйныхъ
Я въ ночь, безмолвенъ и унылъ,
Съ убійцей-гондольеромъ плылъ *);
Вотще на поединкахъ бурныхъ
Я вызывалъ слѣпой свинецъ:
Онъ мимо горестныхъ сердецъ
Разитъ сердца однихъ счастливыхъ!
Кавказскій конь топталъ меня,
И живъ въ скалахъ тѣхъ молчаливыхъ
Я всталъ изъ подъ копытъ коня!
Воскресъ на новыя страданья,
Сталъ снова вѣрить въ упованье,
И снова дикая любовь
Огнемъ свирѣпымъ сладострастья
Зажгла въ увядшихъ жилахъ кровь
И чашу мнѣ дала несчастья!
На Рейнскихъ, пышныхъ берегахъ,
Въ Лютеціи, въ столицѣ міра,
Въ Гесперскихъ радостныхъ садахъ,
На смѣжныхъ небесамъ горахъ,
О коихъ сладостная лира
Поетъ въ златыхъ твоихъ стихахъ,
Близь древнихъ рубежей Персиды,
Средь томныхъ сѣверныхъ степей—

*) Отправясь изъ Виллафранки въ Ниццу моремъ, въ глухую ночь, я подвергся было опасности быть брошеннымъ въ воды.

Я былъ добычей Немезиды,
Я былъ игралищемъ страстей!
Но не ропщу на Провидѣнье:
Пусть кроюсь ранней сѣдиной,
Я молодъ пламенной душой;
Во мнѣ не гаснетъ вдохновенье,
И по нему, товарищъ мой,
Когда средь бурь мятежной жизни,
Въ святой мы встрѣтимся отчизнѣ,
Пусть буду узнанъ я тобой.

Считаю необходимымъ прибавить къ просьбѣ моей объ изданіи Кассандры, что на сей разъ, т. е. при первомъ появленіи, не буду въ состояніи воспользоваться никакими критическими замѣчаніями, потому что мои обстоятельства требуютъ, чтобы я напечаталъ ее.

2.

Любезнѣйшій Василій Андреевичь.

До сихъ поръ не знаю я, чѣмъ рѣшится судьба моя. Вы можете себѣ представить, что безпрестанное волненіе, неизвѣстность и безпокойство— состояніе не слишкомъ пріятное. Одно мое желаніе, чтобы все это кончилось d' une ou de l'autre manière. Тѣмъ болѣе, что надежда отправиться въ Дерптъ удерживаетъ меня искать другихъ средствъ вырваться изъ несноснаго для меня Петербурга. Петербургъ для меня несноснѣе, чѣмъ когда-нибудь: я въ немъ не нахожу никакихъ наслажденій, а на каждомъ шагу встрѣчаю непріятности и огорченія. Утѣшенія, которыя я до сихъ поръ еще встрѣчалъ въ моей здѣшней жизни, оставили меня. Молодые люди, которые выросли на моихъ глазахъ, которыхъ научилъ я чувствовать и мыслить, оставили мой классъ и перешли въ высшій; къ ихъ преемникамъ мнѣ должно еще привыкать. Мои занятія литературныя также для меня не имѣютъ уже прежней прелести: меня не понимаютъ и не любятъ. Воейковъ вездѣ оказывается моимъ явнымъ врагомъ: онъ сердитъ на мою рецензію. Но Богъ съ нимъ! Я знаю, о комъ къ вамъ пишу; вы съ нимъ опять сблизились, но вы знаете его и умѣете молчать. Pour revenir à nos moutons: какъ получить мнѣ извѣстіе изъ Дерпта? Что мнѣ дѣлать? Когда возвратится Ливенъ? Отвѣчайте или письменно, или черезъ Плетнева, если онъ будетъ у васъ.

Вашъ *Кюхельбекеръ.*

PS. Я пишу къ вамъ просто, безъ высокопарности: я совершенно разучился говорить де-Робертьевскія фразы.

3.

Милостивый государь Василій Андреевичъ! «Дойдутъ ли эти строки?» вотъ вопросъ, съ котораго начинаю всѣ письма не къ самымъ близкимъ своимъ родственникамъ; вопросъ мучительный, особенно въ теперешнемъ случаѣ, когда пишу къ вамъ, почтенный Василій Андреевичъ; потому что изо всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня, — юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто. Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что, и безъ всякой другой причины, это обстоятельство для меня очень важно: не дорожить расположеніемъ Жуковскаго было бы не только неблагодарно, было бы просто глупо. И такъ горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1817 года. Вы ободрили меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ мо-

его поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцемъ. И теперь отрадно мнѣ говорить самому себѣ (здѣсь другому этого не разскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ; Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: *Для немногихъ*; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его граматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю......... Потомъ обстоятельства, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; но и въ 25-мъ году я нашелъ въ васъ тоже сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Искупилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними?

Пусть сблизятъ насъ, почтенный Василій Андреевичъ, хоть общія утраты: тотъ, чью смерть изобразили вы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, кто былъ вашимъ другомъ, былъ другомъ и мнѣ и подъ конецъ жизни своей чуть ли не единственнымъ; нынѣ кто (особенно изъ пишущей братіи) приметъ во мнѣ такое живое, сердечное, дѣятельное участіе, какое Пушкинъ принималъ во мнѣ— узникѣ, а потомъ изгнанникѣ? Если не вы, такъ вѣрно ужъ никто. А между тѣмъ невольно призадумаешься при мысли о будущемъ.

Я женатъ, у меня будутъ дѣти, кромѣ того семейство брата; пріобрѣтать хлѣбъ трудами рукъ своихъ я совершенно не въ состояніи; десять лѣтъ заточенія прошло мнѣ не даромъ; я тѣлесными силами слабѣе ребенка; кромѣ того не владѣю лѣвою рукою; въ добавокъ здѣсь и способы всѣ отняты, и отъ безпрерывной засухи три года съ ряду неурожаи; Петербургскія же пособія едва ли не вовсе истощились. — Нужда, милостивый государь, заставляетъ меня повторить просьбу, съ которою я обращался уже къ кое-кому безъ успѣха; исходатайствуйте мнѣ позволеніе выработывать хлѣбъ насущный литературными, безъименными трудами. Вы близки къ Его Высочеству Наслѣднику: не сомнѣваюсь, что удастся, если *Онъ* замолвитъ за меня слово. Теперь рѣчь не о славѣ, о которой хлопоталъ я, когда переслалъ вамъ — помните ли? изъ Смоленской губ. своихъ *Аргивянъ*; а, повторяю, о хлѣбѣ насущномъ, и не для меня, а для безвиннаго моего семейства. — «Отчего я женился?» — Если бы писалъ я не къ Василію Андреевичу, я не сталъ бы и отвѣчать на этотъ вопросъ: но вы меня поймете. Я женился, потому что я Христіанинъ, потому что въ жилахъ моихъ кровь горячая, потому что не понадѣялся я на себя; а спотыкнуться послѣ 10 лѣтъ затворничества было бы уже изъ рукъ вонъ. Повторяю — вы меня поймете и не назовете, надѣюсь, безуміемъ то, къ чему приступилъ я съ надеждою на Бога. — О, если бы не посрамилась хоть эта надежда!

Написано у меня много; быть можетъ, кое-что ужь вамъ извѣстно по отрывкамъ. Если получу отъ васъ благопріятный отзывъ, перешлю вамъ кое-что. — Простите! — Не забывайте меня вовсе, а я васъ любить и почитать не перестану до гроба.

В. Кюхельбекеръ.

Баргузинъ.
Маія 24 дня
1838 года.

4.

Милостивый Государь Василій Андреевичъ!

Хотя я и всегда ожидалъ отъ васъ всего прекраснаго и высокаго, однa-

ко, признаюсь, долго не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда подъ однимъ изъ писемъ, которыя получилъ вчера, увидѣлъ ваше драгоцѣнное мнѣ имя. И что это за письмо! Какая душа отсвѣчиваетъ тутъ на каждой строкѣ!— Благородный, единственный Василій Андреевичь! Я зналъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ, высказанной вами же, что Поэзія есть добродѣтель!

Ваше письмо стану хранить вмѣстѣ съ портретомъ матушки, съ единственною дожившею до меня рукописью моего покойнаго отца, съ послѣднимъ письмомъ и манишною застежкою, наслѣдіемъ Пушкина, и съ померанцевымъ листкомъ, сорваннымъ для меня сестрицей Julie во Флоренціи съ гроба Корсакова: вотъ реликвіи, которыя, когда прилетитъ за мною мой Ангелъ, передамъ своему Мишѣ: по нимъ узнаютъ мои друзья, что онъ сынъ мой. — Счастливый это младенецъ! Не задолго до его рожденія, я былъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ: онъ родился, — и вдругъ отдало. Ему минулъ годъ — что же? въ самый день его рожденія, Богъ обрадовалъ меня самыми утѣшительными извѣстіями отъ моихъ кровныхъ. Теперь, какъ я взглянулъ на подпись вашего письма, вижу, что и вы вспомнили обо мнѣ, изгнанникѣ, въ этотъ самый день, 29-го Іюля. Дошло же письмо ваше 9 Ноября, а 8-ое посвящено Архангелу, хранителю моего дитяти. Есть разныя повѣрья: иныя мрачныя, давятъ, стѣсняютъ душу. Есть другія, которыя хотя и не освящены церковью, однако, мнѣ кажется, безвредны; а если и нѣтъ имъ прочной, истинной основы въ Откровеніи, по кр. мѣрѣ тѣмъ хороши, что хоть тѣшатъ страждущее сердце. Рѣшите сами: таково ли вѣрованье нашихъ Сибирскихъ учениковъ Шигимуни, будто иногда Небо рожденіемъ дитяти возвѣщаетъ помилованіе его отцу и матери? Приношу вамъ сердечную благодарность и за вашъ дорогой подарокъ. Ваши сочиненія воскресили для меня все мое былое: при Ахиллесѣ я вспомнилъ, что я первый, еще въ Лицеѣ, познакомилъ съ нимъ Пушкина, который, прочитавъ *два раза*, уже зналъ его наизусть; Вадима читалъ мнѣ въ вашемъ присутствіи Д. Н. Блудовъ, по строфамъ, въ той квартирѣ, которую занимали вы оба въ 17-мъ году, близъ Аничковскаго мосту, и гдѣ увидѣлъ я васъ, въ первый разъ въ жизни; піэсы, отпечатанныя съ начала въ тетрадяхъ *Для немногихъ*, перенесли меня въ скромное жилище Плетнева, куда бывало спѣшу, какъ только получу ихъ изъ Москвы, чтобы похвастать ими передъ хозяиномъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ и подѣлиться съ товарищами наслажденіемъ, какое онѣ проливали мнѣ въ душу. — Изъ новыхъ піэсъ я уже успѣлъ прочесть нѣкоторыя; особенно поразили меня: геніальная передѣлка начала Ватроміомахіи, мощная Ленора, превосходная сказка о царѣ Берендеѣ и прекрасныя баллады: Судъ надъ епископомъ и Роландъ Оруженосецъ; а изъ лирическихъ: Русская слава, которая въ своемъ родѣ chef d'oeuvre. Не говорю уже о милой, прелестной Ундинѣ: я уже ее зналъ прежде и просто въ нее влюбился. Не полагаю, почтенный другъ (позвольте мнѣ, изгнаннику, и теперь еще такъ называть васъ!) что вы совершенно равнодушно прочтете и эти строки: въ нихъ говоритъ о твореніяхъ Жуковскаго un rimeur de la vieille école, одинъ изъ тѣхъ, которые у Жуковскаго учи-

лися не пренебрегать чистотой языка и стихосложенія, предметомъ по видимому слишкомъ ничтожнымъ для геніальныхъ неряхъ нынѣшняго поколѣнія.

Что сказать мнѣ о своихъ занятіяхъ? Въ свое 10-ти-лѣтнее заточеніе, особенно въ послѣдніе 4 года, я написалъ много, можетъ быть слишкомъ много. Потомъ наступили года безплодные съ 36-го по 40-ый. Заботы, нужда, тяжкія огорченія семейственныя, мѣшали мнѣ приниматься за перо: я было ужъ подумалъ, что моя пора прошла безвозвратно, и какъ вашъ Шильонской узникъ:

«Я о тюрьмѣ моей вздохнулъ!»

Въ Акшѣ я нѣсколько ожилъ: пересмотрѣлъ, сократилъ, выправилъ старое и принялся оканчивать кое-что недовершенное. Теперь пишу 3-ью часть Ижорскаго. Если ее кончу и если, *паче чаянья*, ваши старанія будутъ не безъ успѣха, позвольте, безцѣнный другъ, приписать этотъ трудъ вамъ. Не вы ли у меня остались одни, послѣ утратъ столь многихъ и тяжкихъ? — Въ добавокъ я васъ знаю и увѣренъ, что вы не истолкуете превратно благой, смѣю сказать, цѣли моей мистеріи, которая, если и не лучшее мое созданіе, по кр. мѣрѣ яснѣе другихъ высказываетъ то, что̀ считалъ я обязанностью высказать, какъ человѣкъ и Христіанинъ.

Удастся ли или нѣтъ то, что̀ хотите вы для меня сдѣлать, но вѣрьте, Василій Андреевичъ, что ваше письмо пролило мнѣ въ грудь богатый источникъ утѣшенія. — Вотъ что я въ вчерашнюю безсонную, но не мучительную, ночь отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ неоцѣненномъ мнѣ письмѣ: «Кюхельбекеръ въ Акшѣ, получилъ письмо отъ Жуковскаго изъ Дармштадта и письмо, которое показываетъ высокую, благородную душу писавшаго. — Есть же, Боже мой, на Твоемъ свѣтѣ, люди!» — Мой отвѣтъ могъ быть подготовленъ, могъ быть плодомъ расчета и видовъ не совсѣмъ безкорыстныхъ. Вы этого конечно не подумаете, но все же это могло бы быть. Но простая отмѣтка въ дневникѣ случайно теперь попалась сюда же, потому что дневникъ лежалъ у меня передъ глазами. Простите!

В. Кюхельбекеръ.

Иркутской губерніи Нерчинской округи. Крѣпость Акша.

Ноября 10-аго дня.
1840-го году.

IV. АЛЕКСѢЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЬЦОВА.

1.

Москва.

Ваше превосходительство, добрый вельможа и любезный поэтъ Василій Андреевичъ.

Снова нарушаю вашъ покой; снова, можетъ быть, въ эту минуту я прерываю священныхъ вашихъ трудовъ любимыя мечты, которыми съ давнишнихъ поръ воспламенялъ и теперь воспламеняю мою холодную душу. Не нарушать — молиться бы мнѣ, молиться бы мнѣ за нихъ должно.. Думалъ ли я когда-нибудь дѣлать такъ, какъ дѣлаю теперь?... Люди! До чего вы меня довели? Что не принудили сдѣлать? Куда направите еще?.. На все готовы вы, на все безъ исключенія; вамъ все равно, что будь ни будь — лишь было бы смѣшно; чужое жь горе не упадетъ на вашу грудь горячей сталью, и искра Божьей мысли не доищется въ ней чувства... Богъ съ ними! Пущай

тѣснятъ, — я ихъ люблю, хоть эта любовь для свѣта и небольшая важность. Бывало, въ тѣсной моей комнаткѣ, поздно вечеромъ сидѣлъ одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнію жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда ни уносился я мечтою! Гдѣ ни былъ я тогда? Бывало, скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! Какъ хороши! Гдѣ жь живутъ они?.. Небось, въ Москвѣ да Питерѣ. Гдѣ эта Москва да Питеръ? Охъ естлибъ мнѣ удалось побыть въ нихъ! Ужь какъ нибудь, а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть одного. Пришло время, былъ я на Москвѣ и на Питерѣ, видѣлъ всѣхъ милыхъ мнѣ людей издавна, былъ у васъ, благоговѣлъ предъ вашею святынею... Въ самую счастливую пору моей жизни, что̀ жь сдѣлала со мною судьба? Наваливши на меня груды дрянныхъ дѣлъ, заставила прибѣгнуть подъ ваше покровительство; тяжело мнѣ было приходить къ вамъ съ моею нуждою; тяжело мнѣ было говорить о ней; тяжело мнѣ было просить васъ, — особенно въ послѣдній бытъ мой въ Петербургѣ, — просить, и въ туже пору знать почти, что вамъ не до меня; знать, что вы заняты больше обыкновеннаго и какъ это нужно.... И въ эту-то пору необходимость меня заставила ходить къ вамъ, мѣшать, просить васъ, — проклятая судьба! До чего ты не доведешь человѣка?! Одно только утѣшало меня въ это время: что не дьявольской умыселъ, а крайность такъ велѣла дѣлать, — старость отца, дурныя его дѣла, въ которыхъ онъ запутанъ, его честное имя, — все мое настоящее, а можетъ быть и будущее богатство. Скажутъ: «плати!» А денегъ нѣтъ. А гдѣ взять? Негдѣ... Пуще всего еще страшитъ меня одна мысль: естли лишатъ всего и естли случай приведетъ явиться къ вамъ того человѣка, котораго вы такъ много обласкали, которому покровительствовали; придетъ къ вамъ, измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ.. О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи...

Простите меня, ваше превосходительство; не новая бѣда говоритъ вамъ въ первый разъ все чистосердечно, но душевная моя благодарность. Признаюсь, я всѣмъ теперь такъ бѣденъ, что кромѣ чувства души благодарить васъ не могу ничѣмъ больше... Данное вами письмо къ О.... и письмо князя Вяземскаго имѣли полное вліяніе на мое дѣло, О... П... и М... [1]), прочитавши дѣло. сказали, что сдѣлавши одинъ разъ мы не можемъ перемѣнить нашего рѣшенія, вслѣдствіе пристрастнаго заключенія М..., которымъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Они утвердили первое заключеніе Министра и свое рѣшеніе, и чрезъ двѣ недѣли пошлютъ его опять къ двуличному и неприступному для меня Гамалѣю. Богъ вѣдаетъ, что̀ будетъ, но я надѣялся и надѣюсь на однихъ васъ, и естли вамъ доступна моя просьба— не оставьте ее; поговорите, ради Бога, Гамалѣю утвердить представленіе Сената. — Литературныя мои занятія немного остановились. Въ цѣлый мѣсяцъ написалъ только три пьески, да и въ тѣ, кажется, слиш-

[1]) Такъ въ подлинномъ письмѣ.

комъ много подлилъ горя.—Любящій васъ всею силою души вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

1838. 2 Маія.

2.

Воронежъ, Декабря 1-го 1839.

Ваше превосходительство! Милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичь.

Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечь моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода, и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня, и все семейство, и старика отца, это проклятое дѣло. Семь лѣтъ и день, и ночь, исторія одна, и если бы не вы, что̀ бы съ нами было? И все значенье цыфры смело бъ до нуля. Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя всѣхъ васъ, думалъ ли я въ ту пору, что придетъ время: увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ, и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матеріальныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту, и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, выведетъ изъ мрака моего забвенія, укрѣпитъ доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь; думалъ ли я когда нибудь?—Даже до этихъ поръ, часто, въ сладкомъ воспоминаніи воскрешая прожитое время въ Петербургѣ, ваши ласки, вниманіе, покровительство, ваше посѣщеніе Воронежа, оживляя васъ самихъ у себя дома, въ своемъ городѣ, — думаешь, и самъ не знаешь, что̀ это было: сонъ—или быль? волшебная сказка, или святая истина? — Выше всѣхъ понятій возвысили вы меня, и что же я?— Чѣмъ заплатилъ вамъ за все это и чѣмъ заплачу за все, что̀ сдѣлано вами для меня? Ничѣмъ, — равнехонько ничѣмъ... Тяжело быть должнымъ и не имѣть никакой возможности заплатить долга; одной же искренней душевной благодарности, горячаго чувства, весьма недостаточно; мало, чтобъ уничтожить всю силу моихъ желаній. Надѣяться на будущее? Но что же будущее мнѣ дастъ? Кругомъ туманъ и тьма; какой, откуда лучь засвѣтитъ мнѣ? Возможно ли для самой мощной воли олицетворить себя до невозможности? Есть чудеса, и будутъ, но для меня они ужъ исключенье; ужасное сознаніе робкой думы: «будь то, что̀ будетъ!» До тѣхъ поръ, примите вновь отъ меня за сдѣланное добро, одну искреннюю, чистую, горячую благодарность отъ моей души. — Больше, ей—я ничего не могу вамъ ни сдѣлать, ни сказать; нѣтъ жизни у меня для васъ кромѣ этой жизни.—Чувствую, что лутше было мнѣ пріѣхать нарочно въ Питеръ и благодарить васъ лично; но этаго я не могу сдѣлать теперь; прежде иначе: я гадалъ даже переселиться совсѣмъ, жить въ Петербургѣ; теперь пошло все иначе; въ одинъ день съ разныхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ; а у меня нынче другой уже дуетъ вѣтръ. Андрею Александровичу Краевскому про этотъ вѣтеръ я ужъ говорилъ; осталось мнѣ издали смотрѣть, какъ міръ въ своихъ страстяхъ воюетъ самъ съ собой. Можетъ было бы еще хуже жить, но ясный лучь вашего свѣта освѣщаетъ меня до этихъ поръ. Губернаторъ нашъ, его превосходительство Николай Ивановичь Ладыгинъ, не даетъ съѣсть ме-

ня людямъ. Чуть они задумаютъ запутать въ своихъ сѣтяхъ, я къ нему тотчасъ, и вновь дышу свободно.— Боже мой! Чего хочутъ отъ меня эти честные люди? За что скрыпятъ зубами? Что надо имъ? Не знаю. Если я съ ними не пьянствую, не играю въ карты, не просиживаю ночей праздно, то кажется за это имъ сердится даже не должно; а кромѣ, божусь вамъ! другихъ грѣховъ за мной нѣтъ. Теперь тянутъ они меня, по дѣлу отца моего, опять въ Москву, въ Сенатъ, въ 7-й департаментъ; нужды нѣтъ, пусть тянутъ; такъ и быть, поѣду; поклонюсь вновь добрымъ людямъ, побьюсь съ нуждою, ужъ съ горемъ мы давно свои; съ нуждой живемъ за панибрата, а все таки, быть можетъ, своей свободы въ руки имъ не дамъ.... Угодно ли будетъ вамъ спросить: занимаюсь я словесностью, или нѣтъ? Все свободное время посвящено постоянно ей одной; выше этаго дѣла я ничего не знаю. Но что мало пишу? Это отъ того, что мало время есть у меня, которое могу я отложить отъ дѣлъ житейскихъ на святое дѣло духа. — А что пишу? Чтобы не наскучить вамъ *многимъ*, посылаю одну піеску, которую, если вамъ понравится, хотѣлъ бы посвятить вашему имени.. Вы милый нашъ поэтъ, поэтъ народной жизни Русскаго духа и человѣкъ государственный! Соединить эти двѣ крайности довольно трудно и тяжело, а вы соединили ихъ. По этому, каждый часъ вамъ, кромѣ моихъ бездѣлокъ, необходимо дорогъ, для дѣлъ великихъ и святыхъ.—..... Вновь, за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ, приношу вамъ не ту благодарность, которая холоднó выговаривается въ холодной буквѣ, но ту благодарность, которая долго и глубоко живетъ въ теплой груди сознательнаго человѣка; которая меньше выговаривается, но въ тысячу разъ больше чувствуется на каждомъ шагу нашей жизни. Весь преданный вамъ и всей силой души моей любящій и почитающій васъ, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

ЛѢСЪ *).

(Дума.)

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ чернѣютъ думы?
Ужель въ его суровомъ царствѣ
Затаена живая мысль?
Коня скорѣй! Какъ соколъ ясный,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я.
Вездѣ глубокой сонъ, — шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ!
Когда нибудь, его стихія
Хотѣла землю всю обнять...
Но въ сонъ невольно погрузившись,—
Въ одномъ движеніи стоитъ.
Порой, во тмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины своей выходятъ —
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня, уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ.. Лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ; да въ темной грусти
Печаль глубокая лежитъ....
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье душу погружаетъ
И воскрешаетъ чувства въ ней?! —
Ужели въ насъ живая воля
Такой свободою живетъ,
Что нужно ей, въ предѣлахъ смерти,
Свое величье сознавать?...

А. Кольцовъ.

*) Напечатано съ измѣненіями въ Стихотв. Кольцова. М. 1857, стр. 178.

V. ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Любезный другъ Василій Андреевичъ.

У меня есть экземпляръ сочиненій твоихъ самаго перваго изданія, подаренный мнѣ тобою и съ надписью твоей руки. Я бы могъ купить экземпляръ новаго, послѣдняго изданія, но онъ будетъ не отъ тебя и безъ твоей надписи. Пришли же мнѣ такой, какого мнѣ хочется и тѣмъ одолжишь стариннаго друга очень и очень.

Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи, что мой бѣлый локонъ дыбомъ станетъ отъ восторга. Ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія этаго журнала. И мое дѣтище должно быть тамъ, если попутный ветеръ пронесетъ его между шкеръ и таможенныхъ заставъ Петербургской Цензуры.

Я не могу забыть пріятнѣйшаго вечера и утра, проведенныхъ у тебя и вообще краткаго, но веселаго пребыванія моего въ Петербургѣ. Я какъ будто снова отскочилъ въ прошедшее, встрѣтясь съ тобою и съ Вяземскимъ, товарищами лучшихъ дней моей жизни. Если Богъ приведетъ, я скоро опять увижусь съ Вами и не на короткій уже срокъ. Будущую весну везу старшихъ двухъ сыновей, одного въ Институтъ Путей Сообщенія, а другаго въ Училище Правовѣденія, и слѣдственно пока помѣщу ихъ, пока увижу какъ они за дѣло принимаются, поживу съ вами, а тамъ буду ежегодно раза два производить партизанскіе наскоки для надзора за ними. Смотрите-же, прошу не старѣть до того времени и брать примѣръ съ меня; а если вздумаете старѣть, то чуръ вмѣстѣ. Охъ тяжелое это дѣло! Какъ я ни храбрюсь, а все чувствую, что не тотъ уже, что̀ былъ. Прошедшую войну въ Польшѣ сталъ уже укрываться отъ непогоды. Дай уже шалашъ! тогда какъ прежде весь шалашъ состоялъ въ чаркѣ водки. Сталъ кряхтѣть на сѣдлѣ, при усиленномъ переходѣ, чего я никогда не дѣлалъ и не понималъ, какъ можно это дѣлать. Однако недавно сломалъ два важные похода: одинъ изъ Москвы сюда въ самую ужасную ростополь, а другой на волка, за которымъ по приволожскимъ степямъ моимъ гнался во весь скокъ около 20 верстъ и котораго наконецъ побѣдилъ. Впрочемъ, послѣдній подвигъ не стоилъ перваго. Путь изъ Москвы сюда былъ гораздо труднѣе. Я плылъ, топился, ползъ по голой землѣ, обрывался въ зажоры и часто ночевалъ въ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ, что̀ не такъ-то покойно въ перекладной, открытой повозкѣ. За то пріѣхалъ домой, какъ голубь Лафонтена, тоща крыло и хромая.

Прости, другъ любезный, и вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга

Дениса.

1836
14 Апрѣля.

Симбир. губ. Сызранскаго уѣзда С. Маза.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ И. Д. ЯКУШКИНА И СТАТЬИ О НИХЪ П. Н. СВИСТУНОВА.

I.

Отвѣтъ на статью, помѣщенную въ Русскомъ Архивѣ 1870 г. подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14 Декабря и о Декабристахъ».

Замѣчанія и замѣтки эти относительно новой книги, напечатанной въ Лейпцигѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ „Записки Декабриста", не вызвали-бы никакихъ возраженій со стороны автора, по той простой причинѣ, что читатель самъ легко найдетъ въ этой книгѣ объясненія, доводы, выводы, основанные на фактахъ. Но какъ не отвѣчать старому почтенному соузнику, честно раздѣлявшему и переносившему трудное время прошедшихъ испытаній? И какъ не уважить читающую публику, которая можетъ спросить: Что это такое? Объ одномъ и томъ-же предметѣ одинъ пишетъ такъ, другой иначе; кому-же вѣрить? Положительно отвѣчаю: тому и другому, но только строжайше соображаясь со взглядами авторовъ и съ указанными фактами и документами.

Новая книга съ легкой руки вызвала печатные толки: они-то и необходимы, особенно пока еще въ живыхъ нѣсколько лицъ дѣйствовавшихъ, и свидѣтелей, и зрителей дѣйствія.

Не вступая въ подробную полемику со старымъ моимъ товарищемъ (каждому изъ насъ за семьдесять лѣтъ отъ роду) коснусь только главныхъ его замѣчаній.

На стр. 1636 Русскаго Архива П. Н. Свистуновъ выразилъ сожалѣніе, что въ повѣствованіи о тайныхъ обществахъ упоминается о Масонахъ, Мартинистахъ, объ Арзамаскомъ литературномъ кружкѣ (вовсе не тайномъ). Въ Запискахъ Декабриста въ III главѣ этотъ кружекъ названъ литературнымъ; въ упомянутыхъ религіозныхъ и литературныхъ обществахъ въ Россіи, авторъ Записокъ признаетъ связь постепенную, переходную, съ тайными политическими обществами. Для поясненія этого достаточно вспомнить извѣстнаго Новикова, и добавить, что нѣсколько членовъ Арзамазскаго кружка вступили въ Тайное Общество. Читатель найдетъ въ Запискахъ и другія важнѣйшія причины къ составленію и основанію Тайнаго Общества, и что авторъ коснулся вліянія походовъ Русскихъ войскъ по Германіи и Франціи въ томъ отношеніи, что большинство изъ основателей Общества и большинство членовъ Общества принадлежали къ сословію военному. См. стр. Записокъ 64—79 и главы VI и VII.

На стр. 1637 Архива сдѣлано замѣчаніе на фразу: „пересадить Францію въ Россію." Тутъ взгляды наши расходятся совершенно. П. Н. Свистуновъ припоминаетъ Францію несчастную, о коей кажется Беранже пѣлъ въ то время: T'en souviens-tu qu'un jour notre patrie, vivant encore, descendit au cercueil? *) Авторъ Записокъ упоминаетъ о Франціи, когда съ Наполеономъ I, прибывшимъ въ концѣ 1815 г. на островъ Св. Елены, рухнули его централизація и военное державство, когда Русскія войска (не одни гвардейскіе офицеры) подъ начальствомъ гр. Воронцова находились во Франціи слишкомъ три года, были свидѣтелями перерожденія государства, очевидцами муниципальныхъ и земскихъ выборовъ, когда Бенжаменъ Констанъ уже былъ представителемъ и написалъ: des motifs qui ont dicté le nouveau projet de

---

*) Помнишь ли ты, какъ нѣкогда наша родина, еще живьемъ, нисходила въ могилу?

loi sur les élections *), когда, короче сказать, въ глазахъ нашихъ офицеровъ совершился мирный оборотъ отъ милитаризма къ полному гражданскому устройству. См. Зап. стр. 77 и 78.

На той же стр. 1637 Архива наши взгляды діаметрально противуположны относительно переговоровъ П. И. Пестеля. П. Н. Свистуновъ, въ своемъ сужденіи по этому предмету, имѣетъ взглядъ настоящаго времени на Польшу тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Въ Запискахъ-же говорится о Польшѣ, какъ она была на самомъ дѣлѣ до 1825 г. — тѣсно соединенною съ Россіей, но по внутреннему своему правленію независимою, вслѣдствіе дарованной ей конституціи Александромъ I....

На стр. 1640 Архива, въ выпискѣ, означенной кавычками, почтенный критикъ начинаетъ отъ запятой, пропуская десять строчекъ, поясняющихъ и дополняющихъ смыслъ предложенія. Смотри стр. 74.

На стр. 1641, П. Н. Свистуновъ сообщаетъ, что въ 1824 г. пришлось ему провести нѣсколько вечеровъ съ П. И. Пестелемъ, и что по вышеупомянутому предмету не было и помину. Это очень вѣрно и естественно, потому что только въ 1825 г. состоялись эти переговоры и кончились, какъ описано на стр. 71—75 и 187, и не могли имѣть никакой силы; положено было вторично съѣхаться въ 1826, а тогда Пестель былъ въ казематѣ. Пестель говорилъ о Польшѣ, какъ о странѣ, которая пользовалась тогда фактически конституціею, дарованною по державной волѣ, и имѣла свое особенное управленіе.

На стр. 1637 Архива П. Н. Свистуновъ укоряетъ автора Записокъ слѣдующимъ образомъ: „Хотя авторъ до десятаго Декабря 1825 г. былъ въ полномъ невѣдѣніи о существованіи Тайнаго Союза, но во все время многолѣтняго пребыванія его въ тюрьмѣ и на поселеніи, онъ имѣлъ случай собрать самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія объ Обществѣ, съ членами коего находился въ ежедневномъ прикосновеніи, и я не могу себѣ объяснить, почему пренебрегъ онъ этимъ живымъ преданіемъ и не воспользовался такимъ рѣдкимъ случаемъ изучить подробно предметъ, о которомъ предполагалъ, вѣроятно тогда-же, издать впослѣдствіи цѣлую книгу. Наконецъ до напечатанія ея, уже въ Россіи, имѣлъ онъ случай видѣться съ людьми, вступившими въ Тайный Союзъ при самомъ его основаніи. Почему-же онъ не только не позаботился освѣдомиться у нихъ о томъ, чтò должно было его такъ интересовать; но даже не сообщилъ имъ о составленіи Записокъ и о намѣреніи издать ихъ въ свѣтъ?“

Этотъ благой и полезный совѣтъ былъ буквально выполненъ авторомъ Записокъ въ Читѣ, въ Петровскомъ, въ Курганѣ, на Кавказѣ, за границею и вездѣ, при благопріятныхъ встрѣчахъ. Упомянутый укоръ, настойчиво повторяемый три раза, и на стр. 1643, и на стр. 1645 Архива, вызываетъ и вынуждаетъ къ отвѣту и вмѣстѣ съ тѣмъ печально напоминаетъ автору Записокъ и глубокую старость товарища, и неразлучное со старостью ослабленіе памяти и слуха. Въ 1869 г. авторъ имѣлъ удовольствіе доставить П. Н. Свистунову Нѣмецкую книжку, содержащую свѣдѣнія исключительно только о Тайномъ Обществѣ, о 14 Декабрѣ, о слѣдствіяхъ. Въ томъ же году осенью, до напечатанія Русской книги, все касавшееся означенныхъ событій, было лично авторомъ прочтено ему и передано печати.

На стр. 1645 Архива, П. Н. Свистуновъ замѣчаетъ, что заглавіе книги „Записки Декабриста“, не оправдывается ея содержаніемъ. Авторъ Записокъ не видитъ никакой необходимости, по коей напримѣръ „Записки Охотника“ непремѣнно должны заключать въ себѣ повѣствованія только о зайцахъ, о собакахъ, или „Записки Кавалериста“ ис-

*) Поводы къ составленію новаго проэкта закона объ избирателяхъ.

ключительно о лошадяхъ и о манежахъ. Авторъ дорожилъ преимущественно доброю памятью товарищей и радъ постоять за нее до послѣдней минуты жизни. Эта память, чувство преданности къ нимъ и уваженія къ правдѣ, принуждаютъ меня, по прочтеніи стр. 1664 –1667 Русскаго Архива за 1870 г., высказаться кратко, что П. Н. Свистуновъ своими отзывами относительно главныхъ дѣйствователей Кондратія, Рылѣева, Евгенія Оболенскаго и Ивана Пущина, прямо ставитъ самъ себя въ категорію тѣхъ товарищей, которые (по указанію автора Записокъ Декабриста на стр. 102) упрекали другихъ товарищей за возстаніе и говорили: „Ce sont nos chers amis du quatorze, которые удружили намъ ссылкою" что̀ впрочемъ нисколько не отнимаетъ у укорителей ни высокихъ ихъ достоинствъ, ни хорошихъ и благихъ намѣреній.

Наконецъ, въ заключеніе, остается еще упомянуть, что П. Н. Свистуновъ, въ воспоминаніяхъ своихъ о 14 Декабрѣ на стр. 1665 Архива причислилъ себя къ Южному Обществу: во всѣхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ автора Записокъ, онъ причисленъ къ Сѣверному. Можетъ статься, подразумѣвается 1821 г., когда Сѣверное Общество почти перестало существоваться, или время слiянія всѣхъ обществъ; въ этомъ нисколько неважномъ разногласіи, ссылаюсь смѣло на свидѣтельство одного изъ древнѣйшихъ передовыхъ членовъ Южнаго Общества, еще слава Богу здравствующаго *) по сей день, котораго и П. Н. Свистуновъ пригласилъ въ свидѣтели на стр. 1641 Арх. противъ показанія автора Записокъ Декабриста. Признаюсь, крайне жалкое вышло бы описаніе дѣйствій обществъ и происшествій 14 Декабря, если бы всѣ повѣствовали о нихъ, заранѣе условясь что̀ писать и что̀ пропустить; напротивъ „du choc des opinions jaillit la vérité".

Авторъ Записокъ Декабриста.
Викнина. 13 Ноября 1870.

*) Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола.

II.

ОТВѢТЪ С. В. МАКСИМОВА.

По вызову бездоказательныхъ и крайне несправедливыхъ обвиненій, направленныхъ въ Р. Архивѣ 1870 г. противъ статьи моей о государственныхъ преступникахъ и именно о Декабристахъ (помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ 1869 г.) считаю необходимымъ заявить нижеслѣдующее.

На возвратномъ пути изъ поѣздки на Амуръ снова черезъ Сибирь, я задался исключительно мыслію изслѣдовать бытъ ссыльныхъ и выяснить степень вліянія ихъ на страну изгнанія по возможности во всей полнотѣ и разнообразіи этого любопытнаго вопроса. Наибольшій интересъ возбудили тѣ средства, съ помощію которыхъ узники борятся съ тяжестями неволи и затѣмъ (по полученіи ими относительной свободы) тѣ связи, какія устраиваются ссыльными съ туземнымъ старожилымъ Сибирскимъ населеніемъ. Въ первомъ случаѣ для ссыльныхъ изъ низшихъ классовъ — тюремная община, артель; во второмъ случаѣ съ ихъ же стороны—безконечные побѣги и непосѣдливое бродяжество были тѣми счастливыми находками въ моихъ поискахъ, которыя легли въ основаніе моихъ работъ и привели потомъ къ знакомству съ о́гуломъ въ средѣ ссыльныхъ Поляковъ и большой артели, выродившей маленькія, въ средѣ Декабристовъ. Вотъ тѣ главные поводы и причины, вызвавшія большой рядъ статей и между прочими статью о Декабристахъ, въ основаніе которой легла развивавшаяся до Читы и въ Читѣ товарищеская община, развившаяся въ Петровскомъ заводѣ въ самостоятельное регламентированное учрежденіе. Читателямъ ясны тѣ средства, какими достигалась цѣль, и очевидны причины, почему личный трудъ подписанъ тѣмъ

лицомъ, которому этотъ трудъ принадлежитъ *).

Не такъ поступилъ П. Н. Свистуновъ, рецензентъ Рускаго Архива, забывшій, что при многописаніи всякому автору всегда довольно личной отвѣтственности за написанное самимъ, чтобы давать еще на прокатъ свое имя. Онъ не сообразилъ также и того, что существуютъ люди, въ глазахъ которыхъ всякія покупныя средства ничтожны для пріобрѣтенія у нихъ подобнаго права. Статья его впрочемъ очевидно доказываетъ, что подобное подозрѣніе лишь неудачный литературный пріемъ для отвода автора, чтобы удобнѣе свести старые неконченные счеты съ лицомъ, заподозрѣннымъ въ помощи и содѣйствіи нижеподписавшемуся. Мнѣ на этотъ разъ остается лишь сожалѣть о томъ, что статья моя послужила къ тому поводомъ, и доказать всю несостоятельность обвиненія и подозрѣній. Трижды повторенное подозрѣніе еще не составляетъ доказательствъ. Слова рецензіи: „кто бы ни писалъ статью, подписанную г. Максимовымъ, она составлена кѣмъ либо изъ Читинскихъ или Петровскихъ узниковъ и безъ сомнѣнія однимъ имъ неимущихъ и къ тому же завидующимъ богатству, доставшемуся другимъ“ —слова эти крайне - несправедливы и несостоятельны. Статья написана мною лишь по тѣмъ источникамъ, которые остались единственными свидѣтельствами въ сказаніяхъ *девяти* заключенниковъ, и дополнена и пояснена по тѣмъ даннымъ, которыя я добылъ личнымъ трудомъ во время разъѣзда по Сибирскимъ городамъ и заводамъ. Вотъ тому осязательныя доказательства.

Уставъ артелей, какъ основная часть всей работы съ разборомъ и поясненіями, занимаетъ $^1/_6$ часть всей моей статьи (7 стр.), сверхъ $^2/_6$ предъидущихъ, излагающихъ тѣ подготовительныя внутреннія работы, которыя производились общиною узниковъ для взаимодѣйствія, выразившагося созданіемъ артелей. За уставомъ слѣдуютъ остальныя $^2/_3$ статьи —разсказъ о послѣдующей судьбѣ Декабристовъ, когда плоды совмѣстнаго общиннаго житія, при взаимномъ обмѣнѣ знаній, могли осуществиться на практикѣ въ значеніи результатовъ самовоспитанія.

Артельный уставъ полученъ мною изъ трехъ рукъ въ трехъ спискахъ, изъ которыхъ ни одинъ не представляется въ окончательномъ видѣ, но за то въ дополненіе и поясненіе его мнѣ сообщены были подлинныя записки на лоскуткахъ и на листахъ. Изъ нихъ на всѣхъ почти я встрѣчалъ подлинную подпись лица, подписавшаго статью Архива. Желая представить артельный уставъ въ окончательно - выработанной формѣ, я занялся трудомъ подбора и сличенія по отрывкамъ, по лоскуткамъ, тѣхъ параграфовъ, которые были измѣнены впослѣдствіи, когда возникли новые вопросы, не предусмотренные теоретическими усмотрѣніями первыхъ составителей. Туже повѣрку при достаточномъ числѣ подлинныхъ матеріаловъ, я могъ произвести и надъ уставомъ маленькой артели. Обиліе матеріаловъ, при замѣчательной хлопотливости узниковъ, слѣды которой сохраняются на матеріалахъ, ясно убѣждаютъ въ томъ, что созданіе артели было дѣломъ нешуточнымъ, а весьма серьознымъ. Участвовали совѣтомъ и подписями всѣ холостые; всѣ женатые жертвовали большія деньги на поддержку благодѣтельнаго учрежденія. Остается лишь удивляться тому, что П. Н. Свистуновъ легко отнесся къ этому учрежденію, не придавая ему цѣны и даже какъ бы не замѣчая его существованія, потому ли что слишкомъ близко стоялъ, не имѣя возможности осмотрѣть предмета со всѣхъ сторонъ, или потому, что просто просмотрѣлъ то, что совершилось самаго важнаго въ казематѣ. Мы впрочемъ имѣемъ два документа собственной

*) Напомнимъ читателямъ, что П. Н. Свистуновъ въ напечатанной въ Р. Архивѣ 1870 г. статьѣ своей, указываетъ на лицо, такъ сказать продиктовавшее г. Максимову его показанія о Декабристахъ. *П. Б.*

руки П. Н. Свистунова: одинъ относящійся къ первой попыткѣ раціональнаго устройства артели, другой къ устроенной уже артели.

Свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ созданію артели въ Петровскѣ, собранныя мною въ Читѣ, въ Благодатскѣ, на Иркутскихъ заводахъ и въ самомъ Петровскомъ Заводѣ, могли быть провѣрены и представлены въ подробномъ разсказѣ, по счастливому обстоятельству моей встрѣчи и знакомства съ Записками нѣкоторыхъ заключенниковъ. Такимъ образомъ на первыхъ пяти страницахъ я воспользовался свидѣтельствами: И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина (Записки которыхъ мнѣ были извѣстны въ рукописи) и записками „Декабриста" (извѣстными мнѣ въ Нѣмецкомъ печатномъ подлинникѣ). О времени до Читы, о пребываніи первыхъ восьми (стр. 551, 552, 553, 554, 555, 556) я узналъ изъ разсказа кн. Е. П. Оболенскаго—единственнаго, какъ извѣстно, лица изъ восьми, оставившаго свѣдѣнія объ этомъ мало извѣстномъ времени, когда при замѣчательной строгости заточенія объ нихъ не могли знать и сообщать современники, видавшіе ихъ на заводахъ. Далѣе (с. 556—597) довелось мнѣ основываться въ одно и тоже время и объ однѣхъ и тѣхъ же фактахъ на свидѣтельствахъ *девяти* Декабристовъ. Такимъ образомъ подробности житья въ Читѣ и Петровскѣ выяснены по свѣдѣніямъ: И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина, „Декабриста," И. И. Горбачевскаго, М. А. Бестужева, Д. И. Завалишина, Штейнгеля, Соловьева, Н. А. Бестужева. Записки десятаго (ген. губ. Броневскаго) указаны въ своемъ мѣстѣ; не указаны источники остальныхъ, изъ неудобства пестрить статью; но въ существенно - серьозныхъ мѣстахъ выписки обозначены курзивомъ. Такъ напр. поступилъ я въ сужденіяхъ о Лепарскомъ (стр. 556, 557 и 558), пользуясь отзывомъ четырехъ и имѣя одинъ отзывъ (отъ Д. И. Завалишина) не согласный съ первыми, но основанный на довольно вѣскихъ доказательствахъ. Я уступилъ мнѣнію большинства извѣстныхъ мнѣ свидѣтелей. Слѣдующія страницы, посвященныя описанію житья въ Читѣ, провѣрены согласными между собою показаніями всѣхъ вышеуказанныхъ лицъ (стр. 560 — 565) съ дополненіями, сообщенными Д. И. Завалишинымъ, прожившимъ въ Читѣ десятки лѣтъ послѣ товарищей и болѣе другихъ въ этомъ отношеніи компетентнымъ. Затѣмъ дѣло о Сухиновѣ (стр. 565—568) разсказано по запискѣ его товарища и друга Соловьева и дополнено извлеченіями изъ судебнаго дѣла, найденнаго мною въ архивѣ Нерчинскаго большаго завода (стр. 568 и 569). Далѣе (съ 569—587) мои личныя свѣдѣнія значительно подкрѣпили „Декабристъ", Басаргинъ и Якушкинъ (за исключеніемъ стр. 582, 583 и 584, содержащихъ буквальную выписку изъ правилъ для женъ). На переходѣ изъ Читы (стр. 587 — 592) я слѣдилъ за обѣими путешествующими отдѣльно партіями по свѣдѣніямъ И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина, „Декабриста" и Штейнгеля, счастливо пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ четверо не шли въ одной партіи и подъ одинаковыми впечатлѣніями. Описаніе Петровскаго Завода и каземата съ объясненіемъ внѣшнихъ подробностей житья въ немъ (стр. 591 — 595) главнымъ образомъ основано также на лично добытыхъ мною свѣдѣніяхъ подъ руководствомъ и при указаніяхъ И. И. Горбачевскаго.—Этотъ судья также компетентенъ потому, что по выходѣ изъ тюрьмы до конца своей жизни, онъ оставался въ Петровскомъ Заводѣ, при полной возможности сохраненія въ памяти всѣхъ мелочныхъ обстоятельствъ житья въ томъ казематѣ, который, разрушаясь, стоялъ передъ его глазами, превращеннымъ въ каторжную тюрьму для ссыльно-рабочихъ Завода. Затѣмъ остальныя страницы моей статьи посвящены ознакомленію читателей съ артельнымъ учрежденіемъ до стр. 617, съ которой до конца слѣдуетъ разсказъ о житьѣ Декабристовъ на поселеніи. Въ нѣкоторыхъ,

7*

немногихъ впрочемъ, случаяхъ, мнѣ удалось прислушаться къ подсказамъ самихъ поселенцовъ и дать свѣдѣній больше о тѣхъ — само собою разумѣется — о которыхъ я узналъ и собралъ свѣдѣній и свидѣтельствъ больше. Здѣсь между прочимъ имѣя въ рукахъ (подлинныя и снятыя въ точныхъ копіяхъ) письма Н. А. Бестужева, я съ наибольшою подробностію говорилъ объ немъ,--этомъ замѣчательно - даровитомъ человѣкѣ, поразительно выдающемся изъ ряда многихъ. Безпристрастный читатель увидитъ, что ему отдано больше мѣста, чѣмъ тому лицу, которе не пользуется расположеніемъ рецензента Русскаго Архива, увѣряющаго, что и самая статья моя предпринята для восхваленія этого лица. Искусственно и произвольно поставивъ его передъ собою, онъ заслонилъ себѣ возможность видѣть изъ за него другихъ лицъ, иныхъ свидѣтелей дѣла и безрасчетно и непослѣдовательно произнесъ такой жесткій и несправедливый упрекъ „въ несообразности *вымышленныхъ фактовъ*, въ явномъ искаженіи истины,“ въ то время, когда пишущій эти строки искалъ ея въ сопоставленіи свидѣтельствъ девяти товарищей рецензента. Страничка выписокъ въ рецензіи Архива съ добавленіемъ нѣкоторыхъ указаній и исправленій сдѣланныхъ въ моей статьѣ этимъ „извѣстнымъ лицамъ“—равно *сорокъ вторая* часть моей работы: вотъ все, что вызвало статью рецензента къ такому жесткому и безосновному обвиненію! На первый случай могу объяснить появленіе огульнаго обвиненія (приправленнаго немного высокомѣрнымъ тономъ) за двѣ недоказанныхъ странички всей большой статьи, въ пять печатныхъ листовъ, со стороны моего рецензента лишь тѣмъ, что по собственному его сознанію (стр. Архива 1664) ему привелось читать Записки только Якушкина, Трубецкаго и Пущина. Но послѣдніе два — какъ извѣстно—о своемъ Сибирскомъ житьѣ ничего не писали, а противорѣчій съ Якушкинымъ безпристрастный читатель не найдетъ въ моей статьѣ ни одной іоты, теперь, когда эти Записки у всѣхъ передъ глазами въ печати. Понятно, что, не читавши Записокъ товарищей, П. Н. Свистуновъ не могъ провѣрить своихъ воспоминаній.

Не могу скрыть слѣдующаго весьма серьознаго обстоятельства: при группировкѣ и повѣркѣ данныхъ изъ девяти свидѣтельствъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надо было ограничиваться лишь двумя и тремя разскащиками, мнѣ не одинъ разъ доводилось наталкиваться на протирѣчія, убѣждаться въ томъ, что многимъ изъ нихъ измѣнила память (отчасти это доказываетъ и г. П. Свистуновъ по отношенію къ разбираемому имъ автору книги: Мемуары одного Декабриста, и убѣждаетъ въ томъ самимъ собою, — о чемъ доказательства ниже). Какъ извѣстно, большая часть Записокъ составлена десятки лѣтъ спустя послѣ событій, по вызовамъ и просьбамъ друзей и родныхъ и по настояніямъ въ необходимости высказаться самимъ въ то время, когда наступала пора говорить и судить другимъ, взвѣшивать обстоятельства дѣла, сдѣлавшагося достояніемъ Исторіи и требовавшаго безпристрастнаго сужденія холодныхъ и безразличныхъ судей. А предательская память, измѣняетъ сильно: изъ противорѣчій можно составить отдѣльный трактатъ. Г. П. Свистуновъ, выговорившій, что въ статьѣ моей „столько невѣрностей и путаницы, что всѣхъ не перечтешь“ и за тѣмъ, послѣ такого сердитаго вступленія сдѣлавшій только *четыре* указанія, испытываетъ на себѣ упомянутое явленіе и доказываетъ фактами: 1-е (стр. 1651 Архива) онъ увѣряетъ, что въ казематѣ изъ постороннихъ помѣщенъ былъ лишь майоръ Кучевскій и братъ восхваляемаго лица, а между тѣмъ за 12 страницъ выше Записки Якушкина подробно разсказываютъ еще о Сосиновичѣ, пребываніе коего сдѣлалось для меня несомнѣннымъ по подкрѣпленію сви-

дѣтельствами Басаргина и Завалишина *). Басаргинъ говоритъ: „Ихъ (Сосиновича, Кучевскаго и брата восхваляемаго лица) не спросили, кто они и приняли въ артель". Между тѣмъ П. Н. Свистуновъ увѣряетъ далѣе, что „сей послѣдній не состоялъ въ артели", тогда какъ на общемъ собраніи, которое констатировало фактъ принадлежности къ артели этого лица тѣмъ, что разсуждали объ его исключеніи, самъ онъ подписалъ категорическое согласіе на исключеніе. Только Н. А. Бестужевъ вошелъ съ братомъ (М. А.) особымъ мнѣніемъ, которое списываю съ подлинника (гдѣ я собственными глазами видѣлъ и автографъ г. Свистунова): „*На исключеніе изъ артели* согласенъ, съ тѣмъ однакожъ, что если ему нужно пособіе, то не оставить безъ онаго. Это пособіе можно сдѣлать не участкомъ изъ артели, но какимъ-нибудь вычетомъ съ каждаго, чтобы оное не имѣло вида общаго артельскаго участка". Иду далѣе къ исправленіямъ. 2-е, Батенковъ (говоритъ г. Свистуновъ) содержался не 12, а 20 лѣтъ въ крѣпости; но 12 принято мною по причинѣ подкрѣпленія тѣмъ аргументомъ, что его привезли въ Сибирь тогда, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, выведенъ былъ изъ каземата на поселеніе. Придирка къ слову „цыганская жизнь," которую велъ Батенковъ въ Томскѣ, когда его никуда не пускали на квартиру до отысканія сердобольнаго семейства, служитъ для меня новымъ доказательствомъ забывчивости моего рецензента: разсказъ этотъ я слышалъ отъ него самаго въ томъ видѣ, въ какомъ и напечаталъ. Я могъ бы указать еще на одну и послѣднюю ошибку, въ которую ввелъ меня самъ г. Свистуновъ, но она такъ ничтожна, что при исправленіи статьи своей вновь я ее совсѣмъ исключаю. Причина вторичной ссылки (3-е) М. С. Лунина слишкомъ извѣстна читателямъ, знакомымъ съ тѣми источниками, о которыхъ, по видимому, не знаетъ рецензентъ Архива *) и мною основана на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, какъ и допущена мною возможность страданія отъ общей тюремной болѣзни, скорбута. Существуетъ извѣстный анекдотъ объ единственномъ оставшемся у него зубѣ во время житья въ Урюкѣ подъ Иркутскомъ, когда г. П. Свистуновъ жилъ далеко на противоположномъ краю Сибири. По свидѣтельству И. Д. Якушкина, даже такія крѣпкія молодыя натуры какъ Бестужевъ (Марлинскій), Муравьевъ и Арбузовъ (трое изъ пяти) могли очень скоро заболѣть даже не тюремною болѣзнію, каковы солитеры. Затѣмъ слѣдуетъ 4-е и послѣднее замѣчаніе о невѣрности разсказа Дубининской исторіи, взятаго много цѣликомъ изъ Записокъ Н. В. Басаргина. Стало быть зарядъ пущенный въ „восхваляемое мною лицо", попалъ не туда, куда адресованъ. Говоря серьозно, въ сущности важна не подробность оскорбленія той или другой женщины пьянымъ офицеромъ, важны послѣдствія этого столкновенія, ради которыхъ предпринятъ и разсказъ этотъ и которыя не встрѣтили опроверженій г. П. Свистунова, не смотря на то, что часть ихъ сообщена мнѣ Д. И. Завалишинымъ. Впрочемъ всѣ опроверженія и заключаются только въ этихъ несостоятельныхъ и весьма мелкихъ замѣчаніяхъ, безъ нужды и права пересыпанныхъ достаточнымъ числомъ сердитыхъ фразъ, изъ которыхъ послѣднюю, отличающуюся избитымъ общимъ мѣстомъ газетныхъ бранчивыхъ рецензій, я возвращаю назадъ, какъ фактически опровергнутую. Уваженіе къ читающей публикѣ я старался доказать собираніемъ свѣдѣній въ самыхъ источникахъ, при чемъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, столь обильно разсыпанными передъ всякимъ путешественникомъ. На этотъ разъ я ѣздилъ за ними за шесть тысячъ верстъ. Такъ на-

*) О томъ же говоритъ и М. А. Бестужевъ (Русская Старина, Августъ).

*) И о которыхъ свидѣтельствуетъ между прочимъ М. А. Бестужевъ въ своихъ Запискахъ

зываемыя небылицы—все это данныя, цѣликомъ почерпнутыя изъ разсказовъ товарищей г. П. Свистунова. Имѣя запасы еще на такую же статью въ моихъ матеріалахъ, я только по тому сдержалъ въ рукописяхъ и не напечаталъ всего, что не нашелъ возможности свидѣтельствамъ дать очныя ставки. Чтó доказано многими, строго провѣрено мною, въ чемъ я глубоко убѣдился, только то и напечатано; всѣмъ тѣмъ я не побоялся подѣлиться съ читателями. Нѣтъ, говорятъ, огня безъ дыма, нѣтъ дѣла общественнаго, гдѣ бы къ хорошимъ побужденіямъ однихъ людей не присоединялись другіе съ дурными. Истина эта могла быть примѣнима и къ дѣятельности Петровскихъ узниковъ, а потому тамъ, гдѣ было ей мѣсто, она указана для возстановленія правды, не изъ какихъ-либо злыхъ побужденій мнѣ чуждыхъ и неизвѣстныхъ. Объ образованіи кружка недовольныхъ свидѣтельствуетъ Н. В. Басаргинъ и И. Д. Якушкинъ (см. 1619 стр. Архива). Изъ Записокъ Басаргина приведены въ подлинникѣ и тѣ слова, въ которыхъ подозрѣвается восхваляемое мною лицо: „артель нравственно уровняла тѣхъ, которые имѣли средства съ неимѣвшими таковыхъ“, и проч. Вѣроятно вскорѣ имѣющія выдти въ свѣтъ эти Записки подтвердятъ и другія мои замѣтки, не понравившіяся П. Н. Свистунову. Деньги, получаемыя богатыми, были сосчитаны не подозрѣваемымъ составителемъ записки (т. е. моей статьи) а тѣмъ же Н. В. Басаргинымъ, „Декабристомъ“ (котораго прочолъ П. Н. Свистуновъ), артелью и начальствомъ для ограниченія, тѣмъ болѣе въ тюрьмѣ, коль скоро послѣднее по свидѣтельству уже г. Свистунова признало нужнымъ ограничить выдачу денегъ на поселеніи. Объ ограниченіи въ тюрьмѣ мы имѣемъ свѣдѣніе и изъ сочиненія „Декабриста“. Къ чему же эти опроверженія, безъ справокъ, безъ доказательствъ, въ противорѣчіе самимъ себѣ? „Указаніе на 6 тыс. ежегодно получавшихся Муравьевыми, взято изъ Записокъ „Декабриста“ чтó г. Свистуновъ читалъ, но забылъ ради подозрѣваемаго имъ лица.

Чтó же касается до стараніи ослабить свидѣтельства этого „извѣстнаго лица“, то не говоря уже о странности ссылаться на источникъ, для критическаго изслѣдованія котораго нѣтъ еще необходимыхъ историческихъ условій, не говоря уже о еще болѣе удивительномъ восхваленіи угрозъ произвола,—какъ-то трудно согласить въ одной статьѣ всѣ эти многочисленныя противорѣчія. Литературѣ памятны заслуги этого лица по разъясненію вопроса о колонизаціи Амура. Нахожу лишнимъ повторять доказанное. Все, чтó далѣе сказано мною на стр. 629 и 630—истины слишкомъ извѣстныя въ Восточной Сибири. Пишущій эти строки повѣрялъ на берегахъ Амура все то, объ чемъ свидѣтельствовалъ до него авторъ статей о колонизаціи Амурскаго края, и въ сочиненіи своемъ „На Востокѣ“, которое вотъ уже скоро девять лѣтъ не встрѣтило себѣ никакихъ опроверженій, ни въ чемъ не противорѣчитъ правдивымъ сказаніямъ этого лица, которому на этотъ случай готовъ воздать самую искреннюю благодарность. Здѣсь источникъ моего довѣрія къ его убѣжденіямъ, укрѣпившагося еще болѣе во мнѣ при личномъ знакомствѣ, которое дало случай убѣдиться еще сверхъ того въ необыкновенной памяти этого человѣка. Въ послѣднемъ согласятся со мною всѣ знающіе его; не откажутъ въ томъ, по всему вѣроятію, и безпристрастные товарищи, какъ напр. не отказалъ ему въ этомъ, „Декабристъ“. Живя вдалекѣ, П. Н. Свистуновъ, среди интересовъ Западной Сибири, имѣлъ полное право не знать, чтó дѣлается на самомъ отдаленномъ краю Восточной. Но у меня, по мимо личныхъ наблюденій, имѣются на то доказательства въ письмахъ къ этому лицу его товарищей (напр. Н. А. Бестужева), въ Запискахъ путешественниковъ (напр. Гиллера), въ статьяхъ возвратившихся на родину Поляковъ (напр. въ Дневникѣ Познанскомъ 1866 № 16, 10 Stycznia), и проч.

Не сомнѣваясь въ томъ, что лицо это, не пользующееся расположеніемъ г. Свистунова, въ свою очередь подѣлится своими воспоминаніями, серьозно отдѣланными, не отрывочными, не по вызову случайной статьи, а по нравственному обязательству, пользуюсь здѣсь случаемъ принести ему искреннюю благодарность за тѣ исправленія, указанія и дополненія, которыми охотно подѣлился онъ изъ запасовъ своей обширной памяти при просмотрѣ моей статьи, въ корректурныхъ листахъ, приготовленной для печати. Степень дѣятельнаго участія его въ общинѣ Петровской по подлиннымъ документамъ артелей, не замедлю доказать въ дополненной статьѣ о государственныхъ преступникахъ въ печатаемомъ мною сочиненіи: "О ссыльныхъ и тюрьмахъ".

С. Максимовъ.

III.

Отповѣдь П. Н. Свистунова.

Въ томъ и другомъ возраженіи на мои замѣчанія, къ сожалѣнію, нисколько не проглядываетъ желаніе доискаться истины, а высказывается лишь оскорбленное авторское самолюбіе, genus irritabile vatum. Поэтому, потерявъ надежду убѣдить автора Записакъ Декабриста и г-на Максимова въ томъ, что они по невѣдѣнію во многомъ ошиблись, могъ-бы я отказаться отъ дальнѣйшей безполезной полемики съ ними; но, попытавшись уже разъ возстановить истину касательно фактовъ близко мнѣ знакомыхъ, считаю обязанностью подтвердить и доводами и новыми фактами все сказанное мною.

Обращаюсь сперва къ возраженію за подписью автора Записокъ Декабриста. Я уже говорилъ, что предпринятый имъ трудъ, какъ по обширности и многосложности своей, такъ и по недостатку данныхъ, оказался ему не подъ силу, несмотря на его трудолюбіе и усидчивость.

Я согласенъ съ нимъ, что въ книгѣ подъ заглавіемъ примѣрно: „Записки Охотника" нельзя требовать, чтобы авторъ говорилъ исключительно о зайцахъ и собакахъ; но если подъ этимъ заглавіемъ онъ вздумаетъ, помимо охоты, писать исторію всѣхъ тайныхъ и литературныхъ обществъ въ Россіи, исторію Эстляндіи своей родины, исторію тридцатилѣтія Россіи и наконецъ свою собственную исторію отъ колыбели до преклонныхъ лѣтъ, невольно напомнишь такому охотнику, что „за двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь", тѣмъ болѣе если погонишься за многими.

Записки и Исторія суть два рода сочиненій, разнствующія во многомъ. Записки суть ничто иное какъ воспоминанія частнаго лица или государственнаго мужа о событіяхъ близко его касающихся, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или въ которыхъ участвовалъ. Исторія-же есть трудъ ученый, требующій собранія многихъ документовъ и тщательнаго изученія ихъ. При недостаткѣ такихъ документовъ, авторъ Записокъ не могъ писать Исторіи. Я уже замѣтилъ прежде, что все то, чему авторъ былъ свидѣтелемъ, передано имъ вѣрно; но гдѣ основывается на однихъ слухахъ или предположеніяхъ, онъ безъ своего вѣдома отступаетъ далеко отъ истины.

Онъ отстаиваетъ высказанное имъ, будто молодежь вздумала пересадить Францію на берега Невы: и на замѣчаніе мое, что такое стремленіе не согласуется съ составленіемъ (по его увѣренію) федеральныхъ конституцій на подобіе Сѣверо-Американской, будучи изобличенъ въ явномъ противорѣчіи, онъ ни словомъ не отвѣчаетъ.

Возникновеніе Тайнаго Общества онъ объясняетъ вліяніемъ на молодыхъ людей походовъ, совершенныхъ Русскими войсками по Германіи и Франціи, и сочиненій Беранже и Б. Констана, изъ которыхъ приводитъ цитаты, не имѣющія связи съ разбираемымъ вопросомъ. Рѣзкая противуположность этихъ двухъ

писателей не допускаетъ мысли о совокупномъ ихъ вліяніи на однихъ и тѣхъ же людей: кто сочувствовалъ возрѣніямъ одного изъ нихъ, неизбѣжно порицалъ направленіе принятое другимъ. Беранжѐ, неизлѣчимый восторженникъ Наполеона, воспѣвалъ воинскую славу Франціи подъ управленіемъ деспота, тогда какъ Констанъ, преслѣдуемый во время Имперіи, выступилъ на сцену при паденіи ея и отстаивалъ въ палатѣ представителей ненарушимость правъ, дарованныхъ Франціи хартіею Людовика XVIII-го.

Что́ касается до Арзамазскаго общества, вліяніе, какое ему приписываетъ авторъ Записокъ, изобличаетъ, на сколько поверхностно знакомство его съ той эпохой. Тутъ собирались литераторы и свѣтскіе люди въ веселыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ, безъ всякой серьозной цѣли, имѣя лишь въ виду пріятное препровожденіе времени; къ тому-же оно образовалось гораздо позже Тайнаго Союза. Никита М. Муравьевъ и Михаилъ Ѳедор. Орловъ, принадлежавшіе уже Т. Союзу, бывали на Арзамазскихъ вечерахъ, о чемъ поминаетъ Вигель въ своихъ Запискахъ; сожалѣя о ихъ пустотѣ, они пытались направить занятія Арзамазцевъ къ серьозной цѣли. Не встрѣтивъ сочувствія съ ихъ стороны, Муравьевъ и Орловъ перестали посѣщать этотъ литературный кружокъ, недолго впрочемъ существовавшій. Трудно также признать какую либо связь между Масонами или Иллюминатами и Т. Обществомъ. Извѣстно, что масонскія ложи составляли въ послѣднее время родъ клубовъ, въ которые вступали отъ нечего дѣлать. Иллюминаты составляли общество чисто религіозное. Мнѣ кажется, что по случаю Арзамазскаго Общества авторъ неумѣстно поминаетъ о Новиковѣ: послѣдній жилъ и трудился съ цѣлью просвѣтить Россію; у Арзамазцевъ-же никакой цѣли не было.

Не вдаваясь въ ученыя историческія изслѣдованія, не имѣющія тутъ мѣста, стоитъ вспомнить о громадныхъ событіяхъ 1812 и послѣдующихъ годовъ, въ коихъ участвовала вся Европа. Извѣстно, что при всякомъ народномъ бѣдствіи, общественное мнѣніе, пробуждаясь отъ усыпленія, домагается отъискать виновниковъ страданій народныхъ, обращается къ изслѣдованію дѣйствій правительства и, разбирая недостатки существующаго порядка, мечтаетъ о замѣненіи его другимъ. Къ тому же надъ правительствами и надъ народами ровно тяготѣла Наполеонова свинцовая рука. И тѣ и другія стремились къ низверженію ненавистнаго ига. Общее бѣдствіе послужило поводомъ къ сближенію правительствъ съ народами. Освобожденіе сдѣлалось общимъ лозунгомъ въ Европѣ. Вездѣ проповѣдывали о любви къ отечеству, о свободѣ, о гражданскихъ доблестяхъ, о достоинствѣ человѣка. Воззваніе Императора Александра I-го къ Германскимъ народамъ въ 1813 году, нѣсколько тысячъ экземпляровъ коего разосланы были всюду, составляетъ драгоцѣнный историческій памятникъ для характеристики того времени. Прусское правительство (quantum mutatus ab illo!) отличалось тогда своими либеральными стремленіями. Государь Александръ I-й, во главѣ союзныхъ народовъ, послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, выказалъ великодушіе, стяжавшее ему всеобщую любовь. Извѣстно, что слово libéral употребила первая г-жа Де-Сталь, въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ нынѣ, и примѣнила его къ возвеличенію Освободителя Европы.

Посреди такого всеобщаго увлеченія, мыслящая часть нашей молодежи воспламенилась надеждою на свѣтлую будущность и, лишь въ послѣдующемъ разочарованіи своемъ, прибѣгла къ Тайному Союзу одномыслящихъ людей.

Вспоминаю случай, надѣлавшій много шуму въ высшемъ кругу Московскаго общества и свидѣтельствующій о душевномъ настроеніи молодежи въ годину испытаній, посѣтившихъ Россію. Никита Михаиловичъ Муравьевъ, 17 лѣтній студентъ Моск. Университета, не-

отступно просилъ у матушки своей Екатерины Θеодоровны позволенія вступить въ ряды защитниковъ отечества. Нѣжно его любившая мать не могла рѣшиться на такое пожертвованіе. Однажды докладываютъ ей, что сынъ ея, отлучившись изъ дому на разсвѣтѣ, не возвращался. Посылаютъ всюду его искать и не находятъ. Это было вскорѣ послѣ взятія Смоленска. Онъ, въ легкомъ платьѣ, съ топографической картой въ карманѣ, отправился пѣшкомъ по Смоленской дорогѣ, въ надеждѣ добраться до какого-либо отряда нашего войска. Усталость и голодъ заставили его зайти въ деревню отдохнуть. Онъ попросилъ хлѣба и молока, за которые по неопытности вздумалъ расплатиться золотою монетою, что́ возбудило подозрѣнія крестьянъ. Найденная у него карта какъ бы обличала его. Признали его за шпіона, связали ему руки и привезли въ Москву. Въ городѣ толпа народа сопровождала его, осыпая ругательствами и угрозами. Оберъ-полицеймейстеръ, найдя у него списокъ Французскихъ маршаловъ съ ихъ новами титулами, не усомнился въ его измѣнѣ и, не выслушавъ, безпощадно укорялъ и посадилъ въ яму. Когда его привезли къ графу Растопчину, тотъ съ первыхъ его словъ, призналъ въ немъ восторженнаго юношу и, радуясь такому порыву любви къ отечеству, отослалъ его въ родительскій домъ и, въ письмѣ къ обрадованной матери, сказалъ ей, что она такимъ сыномъ въ правѣ гордиться. Мнѣ разсказывали другой случай, изобличающій ненависть, которую питали тогда у насъ противъ Французовъ. Въ 1812 году въ Семеновскомъ полку, стоявшемъ на бивакахъ подъ Тарутинымъ, въ то время какъ маршалъ Лористонъ неоднократно навѣщалъ въ Леташовкѣ князя Кутузова, для переговоровъ о мирѣ, оказавшихся въ послѣдствіи удачною хитростью Русскаго главнокомандующаго, мысль о готовившемся будто-бы унизительномъ для России мирѣ до того взволновала молодыхъ офицеровъ, что они дали себѣ слово не прекращать борьбы съ врагомъ, образовать партизанскіе отряды и, съ помощью крестьянъ, преслѣдовать непріятеля, пока онъ не покинетъ Русской земли. Патріотическій восторгъ былъ таковъ, что полковникъ Александръ Александровичъ Писаревъ, командиръ третьяго батальона, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ полку, увлекся наравнѣ съ молодыми офицерами благородною, хотя и несбыточною, мечтою и подалъ имъ руку въ знакъ сочувствія. Впослѣдствіи, по возращеніи гвардіи въ Петербургъ, въ томъ же кружкѣ офицеровъ, надежды коихъ не сбылись, и посреди огорченія возбужденнаго строгими репрессивными мѣрами той реакціонной эпохи, родилась первая мысль объ образованіи Тайнаго Союза, и тутъ же положено было ему начало. – Въ подтвержденіе того, что учрежденіе Т. Общества было будто послѣдствіемъ походовъ въ Францію и Германію, авторъ Записокъ ссылается на тотъ фактъ, что всѣ почти члены Общества находились въ военной службѣ. Составъ общества изъ военныхъ людей объясняется тѣмъ, что, предвидя въ послѣдствіи нужду въ матеріальной силѣ, оно искало ея въ войскѣ.

Предположенные будто бы переговоры П. И. Пестеля съ Поляками въ 1826 нисколько не служатъ доказательствомъ приписываемаго ему воззрѣнія на будущую судьбу Польши. Онъ отъ нихъ добивался не содѣйствія, а только невмѣшательства со стороны Варшавскаго корпуса, за какую услугу сулилъ имъ въ будущемъ пользованіе политической свободой, наравнѣ съ Россіею и нераздѣльно съ нею, а никакъ не возстановленіе прежней Польши въ ущербъ Россіи. Наконецъ эти ожидаемые переговоры въ 1826 году служатъ ли опроверженіемъ тому, что въ бесѣдахъ съ Пестелемъ не было, какъ я говорилъ, никогда помину о федеративномъ началѣ? Онъ говаривалъ: “Какъ Богъ одинъ, такъ и Россія одна и нераздѣльна.“

Сказанное мною о томъ, что авторъ Записокъ, до напечатанія, держалъ ихъ въ тайнѣ, могу подтвердить слѣдующими фактами. Въ 1869 г. онъ, возвращаясь изъ за границы и проѣзжая черезъ Москву, при свиданіи со мной, сообщилъ мнѣ, что Записки его, о существованіи которыхъ до того времени я не слыхалъ, напечатаны имъ въ Лейпцигѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, и что онъ желалъ-бы Русскій переводъ или подлинникъ (вѣроятнѣе переводъ) напечатать въ Москвѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ, или отдѣльною книгою. Мы отправились съ нимъ къ М. Н. Каткову. Проживши съ авторомъ нѣсколько лѣтъ подъ одной кровлей, я имѣлъ случай убѣдиться во многихъ его прекрасныхъ качествахъ. Вслѣдствіе же, не скажу скрытности, но скорѣе сдержанности его характера, образъ его мыслей былъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Предполагая ошибочно, что, женившись на Русской, проживши свой вѣкъ посреди Русскихъ товарищей, съ нѣкоторыми изъ которыхъ былъ въ тѣсной дружбѣ, онъ сродился съ Россіею, я, при свиданіи съ М. Н. Катковымъ, рекомендовалъ его какъ Русскаго по сердцу, хотя и Нѣмецкаго происхожденія. Рукопись свою оставилъ онъ у Михаила Никифоровича, къ которому мы чрезъ три дня опять явились, чтобы узнать о его рѣшеніи. Онъ призналъ непечатаніе книги неудобнымъ; но при этомъ, къ великому моему удивленію, обращаясь къ автору, сталъ излагать свое мнѣніе о Балтійскихъ губерніяхъ и доказывать ему, что статьи, помѣщаемыя въ его журналѣ объ этомъ предметѣ, авторъ понялъ въ превратномъ смыслѣ. Я вполнѣ сочувствовалъ воззрѣнію М. Н. Каткова и любовался строгою логичностью его рѣчи, равно и убѣдительностью его доводовъ. Тутъ только узналъ я, что авторъ Записокъ расходится въ своихъ воззрѣніяхъ съ патріотическимъ взглядомъ Михаила Никифоровича, хотя онъ послѣдняго выслушалъ, не выронивъ ни одного слова въ защиту своего мнѣнія. Вспомнилъ я тогда о своей неоправдавшейся рекомендаціи и подосадовалъ на себя за свою опрометчивость. Въ тотъ-же день собрались ко мнѣ двое другихъ моихъ товарищей, и авторъ читалъ намъ выдержки изъ своего сочиненія, а именно V, VI и VII главы т. е. именно тѣ, противъ которыхъ не представилъ я въ своей статьѣ никакого возраженія. Мало того, мы выслушали его чтеніе съ большимъ удовольствіемъ и отозвались о его трудѣ съ искреннею похвалою. Должно полагать, что онъ то же самое читалъ, какъ онъ говоритъ, нѣкоторымъ изъ своихъ соузниковъ въ Петровскомъ, на Кавказѣ и т. д.; но вѣроятно сообщеніе это облекалось тайною и было конфиденціальное, потому что ни я, ни тѣ изъ товарищей, съ которыми я встрѣчался въ теченіи многихъ лѣтъ, не слыхали о существованіи этихъ Записокъ. Я ждалъ, что авторъ ознакомитъ насъ съ главой, служившей поводомъ къ возраженію М. Н. Каткова; но объ ней онъ не помянулъ, равно и не коснулся тѣхъ фактовъ, противъ которыхъ пришлось мнѣ возражать. Спустя нѣсколько времени, получилъ я отъ него небольшую Нѣмецкую брошюру, заключающую въ себѣ краткое извлеченіе изъ его книги. При послѣдующемъ свиданіи съ нимъ, на вопросъ его о мнѣніи моемъ касательно доставленной мнѣ брошюры, я ему замѣтилъ, что при заглавіи „Извлеченіе изъ Записокъ Русскаго Декабриста", онъ отзывается на Нѣмецкомъ языкѣ о Россіи, не какъ Русскій, а какъ иностранецъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, говоритъ: „у Русскихъ существуетъ такой-то обычай"; потомъ, поминая о крестинахъ сына, отзывается о нашемъ духовенствѣ въ выраженіяхъ, доставившихъ вѣроятно удовольствіе Нѣмецкимъ пасторомъ, но не радующихъ православнаго Русскаго. Въ 1870 г. имѣлъ я случай ознакомиться съ полнымъ его сочиненіемъ, изданнымъ уже порусски и съ духомъ, въ какомъ оно писано.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что

до напечатанія его книги, товарищи его не имѣли случая высказать о ней свое мнѣніе и доставить ему точныя свѣдѣнія о тѣхъ фактахъ и обстоятельствахъ, которыя, будучи ему мало извѣстны, переданы имъ ошибочно и въ искаженномъ видѣ. Для провѣрки фактовъ выслушивать людей близко съ оными знакомыхъ, есть обязанность всякаго повѣствователя событій. Напрасно намекаетъ авторъ, будто покушаются посягнуть на его свободу мнѣній. Мнѣнія съ фактами мѣшать не слѣдуетъ. Первыя воленъ всякій измѣнять по своему убѣжденію, факты-же суть неприкосновенное достояніе Исторіи: не дозволяется ихъ ни утаевать, ни искажать, будь это по невѣдѣнію, тѣмъ болѣе умышленно.

Могу увѣрить автора, что грустное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія нѣкоторыхъ главъ его книги, испытали также всѣ тѣ изъ моихъ товарищей, съ которыми пришлось о нихъ говорить. Лучшимъ доказательствомъ тому, что онъ имъ сообщалъ лишь нѣкоторыя мѣста не вызывающія возраженія, а не полныя Записки, можетъ послужить тотъ фактъ, что онъ ихъ въ этомъ видѣ напечаталъ. Ни Балтійскій, ни Польской вопросы не мыслимы были посреди Декабристовъ.

Я готовъ допустить, что все касающееся до исторіи Тайнаго Союза малоизвѣстно автору Записокъ; ровно и полемику съ Моск. Вѣдомостями онъ имѣлъ причины не сообщать товарищамъ, предвидя взрывъ протестовъ и пререканій, вслѣдствіе коихъ пришлось-бы ему заново приняться за работу; но много есть такихъ невѣрностей, которыя легко было-бы исправить при пособіи людей ближе знакомыхъ съ фактами и лицами, о коихъ онъ упоминáетъ. По возстановленіи многихъ фактовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, книга его, заключающая въ себѣ столько занимательныхъ разсказовъ, пріобрѣла-бы несомнѣнно бóльшій авторитетъ. Въ доказательство приведу нѣсколько примѣровъ на выдержку.

Авторъ говоритъ (стр. 259), что „Ф. „Б. Вольфъ по смерти оставилъ небольшой капиталъ, собранный самымъ без„корыстнымъ, постояннымъ трудомъ, „своему бѣдному товарищу“. Свѣдѣніе это не согласуется съ тѣмъ, что̀ было всѣмъ извѣстно, а именно, что Вольфъ ни отъ кого не бралъ денегъ за леченіе; потому многіе богатые люди тяготились его услугами и приписывали гордости его безсребренничество. Онъ жилъ съ Муравьевыми въ Урикѣ, а потомъ въ Тобольскѣ и не имѣлъ никогда денегъ. За то они не только снабжали его всѣмъ нужнымъ, но предугадывали самыя прихотливыя его желанія, такъ что не приходилось ему никогда о чемъ либо просить ихъ. Александръ Михаиловичъ Муравьевъ оставилъ ему по духовной небольшой капиталъ, который потомъ Вольфъ, при кончинѣ своей, завѣщалъ не одному, а тремъ изъ своихъ товарищей по ровну.

Не знаю, почему авторъ Записокъ (стр. 256) переноситъ дѣятельность комисара Лоскутова въ царствованіе Екатерины II и Павла I. Въ 1836 г., когда я поселился недалеко отъ Иркутска, память о немъ была такъ свѣжа между жителями, что можно было навѣдаться о немъ у перваго встрѣчнаго. И точно, его служебное поприще прекратилось лишь въ 1818 г., когда М. М. Сперанскій прибылъ на ревизію въ Сибирь. Онъ арестовалъ его, какъ только тотъ явился къ нему на границѣ своего уѣзда. Лоскутовъ былъ довѣренное лицо губернатора Трескина, поручившаго ему водворить поселенцевъ въ тѣ именно селенія, о которыхъ говоритъ авторъ Записокъ, и устройство которыхъ предпринято было въ царствованіе Александра I. Лоскутовъ вмѣстѣ съ своимъ патрономъ подверглись суду за вопіющія употребленія власти и не избѣжали кары законовъ. Это была личность, напоминающая страшнаго въ свое время другаго организатора, гр. Аракчеева.

Правда, что онъ ввелъ въ этихъ поселеніяхъ дисциплину, не уступающую въ строгости военной; но избави насъ Богъ отъ порядка, добытаго жестокими мѣрами. О безплодности подобныхъ административныхъ пріемовъ не свидѣтельствуетъ-ли опустошеніе селъ, поразившее автора Записокъ?

О довольствѣ, въ какомъ живутъ раскольники, призванные Семейскими (стр. 279) нѣтъ спора; но мнѣ кажется, не заслуживаютъ они идиллическаго описанія, посвященнаго имъ авторомъ. Если они уподобляются Евреямъ въ трудолюбіи и трезвости, то не уступаютъ имъ и въ корыстолюбіи, а въ ненависти къ православнымъ далеко превзошли ихъ. Разскажу случай, изъ котораго можно заключить о разпущенности нравовъ въ ихъ средѣ. Прасковья Егоровна Анненкова, ѣхавши изъ Россіи въ Читу, остановилась ночевать въ Тарбагатаѣ у богатаго Чебунина. Хозяинъ дома зашелъ къ ней въ комнату, увидѣлъ часы съ цѣпочкою и, узнавъ отъ нея, что они золотые, посовѣтывалъ ихъ припрятать. (При ней былъ человѣкъ, служившій ей переводчикомъ). Она, удивившись такому предостереженію, замѣтила ему, что у него въ домѣ она считала себя огражденною отъ воровства. „Все таки лучше, матушка“, возразилъ хозяинъ. Потомъ взошла къ ней огромнаго роста дѣва, которая, поклонившись ей въ поясъ, стала у дверей и молча не спускала съ нея глазъ. Оказалось, что хозяинъ дома, отецъ ея, приказалъ ей на ночь лечь у порога, и хотя увѣряла П. Е. Анненкова, что она не нуждается въ такой собесѣдницѣ, но должна была уступить настойчивости этого женскаго великана. На другой день узнала она, что у Чебунина четверо взрослыхъ сыновей, занимающихся воровствомъ и грабежомъ, и что отецъ, опасаясь ихъ, приставилъ дочь свою для стражи. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, одинъ изъ нихъ, участвовавшій въ ограбленіи на большой дорогѣ комисаріатскаго чиновника, былъ осужденъ (смѣшно сказать) на поселеніе за нѣсколько станцій отъ Тарбагатая. Проѣздомъ изъ Петровскаго въ Иркутскъ, въ 1836 г. на станціи намъ указали на него, и мы отъ него-же слышали, что онъ терпитъ будто напраслину. Передамъ слухъ носившійся о Семейскихъ и подтверждаемый многими, хотя за достовѣрность его не ручаюсь. Эти раскольники выписываютъ себѣ изъ Россіи бѣглыхъ поповъ, которыхъ тщательно скрываютъ. Попы эти въ короткое время наживаются и, разбогатѣвши, обратно отправляются въ Россію. Но случалось не съ однимъ изъ нихъ, что на возвратномъ пути, его убьютъ и ограбятъ тѣ-же, которые обогатили.

Мимоходомъ замѣчу, что авторъ Записокъ не разъ поминаетъ о выраженіи *дошлый*, какъ бы употребляемомъ въ Сибири въ укоризну Бурятамъ, питающимся всякою падалью. Слово это въ ходу и въ Западной Сибири, гдѣ нѣтъ Бурятъ и населеніе чисто Русское. Это то-же что́ до́ка, происходитъ отъ глагола доходить и значитъ смышленый; поэтому выраженіе это нисколько не укоризненное, а одобрительное [1]).

При переборкѣ столькихъ именъ съ приложеніемъ къ нимъ или анекдота или одобрительнаго отзыва, не встрѣчаешь въ книгѣ автора Записокъ ни одного полнаго очертанія лица, ни одной хотя-бы краткой характеристики, способной ознакомить читателя съ упоминаемою личностью. Между тѣмъ, нѣкоторые характеры носили печать весьма рельефной и вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекательной индивидуальности. Изъ числа таковыхъ особенно отличался Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ [2]). Авторъ охотно передаетъ разные ходившіе о немъ анекдоты; но мнѣ кажется, что слѣдовало-бы ему, не довольствуясь

---

[1]) *Дошлый*,—синонимъ дотóчный, т. е. такой, который до всего дотыкается, во все входитъ и все узнаётъ съ точностью. *П. Б.*

[2]) Племянникъ Михаила Никитича Муравьева, сынъ нѣжно любимой сестры его Ѳедосьи Никитичны. *П. Б.*

голосомъ стоустой молвы, понавѣдаться о немъ у людей коротко и давно его знавшихъ.

Ему было 18 лѣтъ, когда онъ произведенъ былъ въ офицеры, въ 1805 г. подъ Аустерлицомъ. Итакъ въ 1845 г. (годъ его смерти) ему никакъ не могло быть подъ 70 лѣтъ, а всего 58. Не понимаю также, почему авторъ Записокъ обрекъ его на лишеніе дневнаго свѣта, во все время заключенія его въ Петровской тюрьмѣ (стр. 261, 262). Въ стѣнѣ противопожной дверямъ, точно, нельзя было прорубить окна; но такъ какъ номеръ его былъ крайнимъ, то прорубили его въ боковой стѣнѣ, обращенной къ большому двору, гдѣ устроены были наши ледяныя горы. Кстати объ окнахъ: что за неслыханный размѣръ придаетъ имъ авторъ (стр. 265)—сажень длины и четыре вершка вышины; кого не поразитъ такая архитектурная несообразность? Я, признаться, аршина къ нимъ не прикладывалъ; но помню, что они заключали въ себѣ два оконныхъ стекла обыкновенной средней величины.

Отецъ М. С. Лунина любилъ его и вовсе не былъ скупъ. Михаилъ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе послѣдней своей дуэли съ какимъ-то Полякомъ. Извѣстно, что по возвращеніи гвардіи въ 1815 г. стали строго взыскивать за дуэли, которыя были до тѣхъ поръ терпимы, и къ тому-же въ большой модѣ. Отецъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ снова вступилъ въ службу, но тутъ нашла коса на камень. Отцовская воля была непреклонна, а сынокъ, видно, въ него родился. Послѣдній рѣшился ѣхать за границу и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, добывая свой хлѣбъ въ потѣ лица, не обращаясь къ отцу за пособіемъ. Онъ давалъ тамъ уроки Французскаго языка, Англійскаго, математики и музыки; но адвокатомъ никакъ не могъ быть, по той причинѣ, что не получилъ юридическаго образованія, и законовъ Французскихъ не имѣлъ ни случая, ни времени изучить. Находясь одно время въ крайности, онъ, имѣя красивый почеркъ, нанялся на время у écrivain public, вмѣсто котораго сочинялъ и писалъ прошенія, письма, поздравительные стихи и тому подобное для всякаго безграмотнаго люда. Вотъ, вѣроятно, занятіе, которое авторъ Записокъ смѣшалъ съ адвокатской профессіей.

По возвращеніи Лунина изъ за границы, Великій Князь Константинъ Павловичъ уговорилъ его вступить на службу въ Волынскій уланскій полкъ, состоявшій въ Литовскомъ корпусѣ, откуда вскорѣ перешелъ онъ въ Варшаву въ Гродненскій гусарскій. Константинъ Павловичъ его точно любилъ за его остроумную веселость, откровенность и безстрашіе, но мало кто повѣритъ, будто „онъ хотѣлъ доставить ему случай спастись бѣгствомъ за границу“. Вотъ какъ было дѣло. По полученіи изъ Петербурга допросныхъ пунктовъ, начальникъ штаба, генералъ Курута, заключая по нимъ о важности обвиненія, доложилъ Великому Князю о томъ, что домашній арестъ, наложенный до того на Лунина, слѣдовало бы замѣнить содержаніемъ на гаубтвахтѣ, на что̀ Великій Князь ему сказалъ: „Я-бы съ Лунинымъ не рѣшился спать въ одной комнатѣ; но что̀ касается до побѣга, опасаться нечего: давши слово, онъ не бѣжитъ; я за это поручусь.“

Я помянулъ о его безстрашіи, хотя слово это не вполнѣ выражаетъ того свойства души, которымъ надѣлила его природа. Въ немъ проявлялась та особенность, что ощущеніе опасности было для него наслажденіемъ. Напримѣръ, походомъ въ 1812 г. онъ, въ своемъ кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ, слѣзалъ съ коня, бралъ солдатское ружье и, изъ одного удовольствія, становился въ цѣпь застрѣльщиковъ. Много шума надѣлалъ въ свое время странный поединокъ его съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. Въ Стрѣльнѣ стояла лагеремъ І-я гвард. кирасирская бригада. Офицеры кавалергардскаго и конно-гвар-

дейскаго полковъ, по какому-то случаю, обѣдали за общимъ столомъ. Кто-то изъ молодежи замѣтилъ шуткой Михаилу Сергѣевичу, что А. Ѳ. Орловъ ни съ кѣмъ еще не дрался на дуэли. Лунинъ тотчасъ-же предложилъ Орлову доставить ему случай испытать новое для него ощущеніе. А. Ѳ. былъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, отличавшихся степеннымъ поведеніемъ и дорожилъ мнѣніемъ о немъ начальства; но отъ вызова, хотя и шутливой формою прикрытаго, нельзя было отказаться. Орловъ досадовалъ. Лунинъ сохранялъ свою безпечную веселость и, какъ испытанный въ поединкахъ, наставлялъ своего противника и проповѣдывалъ ему хладнокровіе. А. Ѳ. Орловъ далъ промахъ. М. С. выстрѣлилъ на воздухъ, предлагая А. Ѳ. попытаться другой разъ, поощряя и обнадеживая его, указывая притомъ прицѣливаться то выше, то ниже. Вторая пуля прострѣлила М. С. шляпу; онъ опять выстрѣлилъ на воздухъ, продолжая шутить и ручаясь за полный успѣхъ при третьемъ выстрѣлѣ. Тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ, секундантъ своего брата, уговорилъ его прекратить неравный бой съ человѣкомъ безоружнымъ, чтобы не запятнать совѣсти убійствомъ. Впослѣдствіи, будучи въ Сибири на поселеніи, Лунинъ одинъ отправлялся въ лѣсъ на волковъ, то съ ружьемъ, то съ однимъ кинжаломъ, и съ утра до поздней ночи наслаждался ощущеніемъ опасности, заключающейся въ недоброй встрѣчѣ, или съ медвѣдемъ или съ бѣглыми каторжными.

Люди такого закала бываютъ обыкновенно суроваго нрава. Онъ-же, не говоря о его неизмѣнной веселости, былъ добръ и сострадателенъ. Разъ въ Петербургѣ, прогуливался онъ съ пріятелемъ на дачѣ. Къ нему подошелъ человѣкъ, прилично одѣтый, прося у него на бѣдность. Онъ тотчасъ ему отдалъ свой бумажникъ, сказавъ своему спутнику, удивившемуся его неразборчивой щедрости, что человѣкъ съ виду порядочный, доведенный до того, чтобы протягивать руку, несомнѣнно вынесъ страшное горе. Можетъ, это былъ и мошенникъ, но не всякому дано поддаваться такому обману. Несмотря на его благодушіе, рѣдко кому случалось замѣтить въ немъ какое-либо проявленіе сердечнаго движенія или душевнаго настроенія. Онъ не выказывалъ ни печали, ни гнѣва, ни любви, и даже осмѣявалъ заявленіе нѣжныхъ чувствъ, признавая ихъ малодушіемъ или притворствомъ. Его же твердость души высказывалась неподдѣльною веселостью, неизмѣнявшею ему въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Веселость его была тѣмъ плѣнительнѣе, что остроумныя его шутки никогда не отзывались желчью.

Нельзя умолчать о его религіозномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что оно обнаруживало самую странную и загадочную черту его характера. Авторъ Записокъ ошибается, приписывая его обращеніе въ католичество Сардинскому посланнику графу де-Местру, выѣхавшему изъ Петербурга послѣ низверженія Наполеона I въ 1815 году. М. С. Лунинъ-же до отъѣзда своего за границу въ 1816 г. нисколько не занимался религіозными вопросами и, встрѣчая гр. де-Местра въ Петербургскихъ гостиныхъ, соперничалъ съ знаменитымъ старикомъ въ остроуміи и свѣтской любезности. По смерти отца своего, въ 1819 г., воротился онъ изъ Парижа ревностнымъ католикомъ.

Должно полагать, что быстрый переходъ изъ великосвѣтскаго Петербургскаго омута въ то одиночество, въ коемъ очутился онъ въ Парижѣ, имѣлъ на него отрезвляющее дѣйствіе. Въ душѣ его, пресытившейся мірскою суетностью, возникли неизбѣжные вопросы о призваніи человѣка и о загробной жизни. Онъ почувствовалъ недостатокъ вѣрованія и, убѣдившись въ необходимости его восполнить, съ свойственною ему рѣшимостью тотчасъ приступилъ къ дѣлу и обратился за помощью къ пресловутымъ іезуитамъ Розавену и Гри-

велю, о которыхъ въ Сибири говаривалъ часто со мною, потому что и я ихъ зналъ. По свойству ума своего, Лунинъ быстро обхватывалъ предметъ, но не способенъ былъ углубляться въ него и не охотникъ былъ до отвлеченныхъ умозрѣній. Іезуиты, отличающіеся умѣніемъ распознавать людей и пользующіеся этою способностью, чтобы ихъ привязывать къ себѣ, приспособляютъ религію къ характеру лица, жаждущаго духовной пищи, на томъ основаніи, что легче исказить ученіе, чѣмъ измѣнить человѣка; поэтому они надѣляютъ всякаго по мѣрѣ предполагаемой въ немъ потребности. Лунину, какъ человѣку практическому, жившему больше умомъ чѣмъ сердцемъ, они признали болѣе удобнымъ сообщить правила, выраженныя въ сокращенной формулѣ, не допускающей никакого мудрованія, и вотъ въ какомъ видѣ упростили для его употребленія христіанское ученіе: „Спасеніе души должно быть цѣлью нашей жизни, а для стяжанія его необходимы лишь молитва и подаяніе“. Что такимъ сухимъ ученіемъ могъ довольствоваться человѣкъ замѣчательно умный и развитой, не легко себѣ объяснить. Довѣрившись этимъ іезуитамъ, слывшимъ за людей умныхъ и ученыхъ и (по выраженію его) спеціалистовъ по части религіи, онъ, должно быть, заранѣе рѣшился положиться на нихъ безусловно, отказавшись навсегда отъ всякаго мышленія о предметѣ, превышающемъ, по его убѣжденію, нашъ разумъ. Но чтобы слѣпо подчиниться такому вѣрованію и не допустить до себя тлетворнаго сомнѣнія, нужна та сила воли, какою онъ обладалъ. Поэтому онъ держался правила ни въ какія разсужденія и въ пренія о религіозныхъ предметахъ не вступать, даже съ людьми вѣрующими. Онъ щедро помогалъ ближнему, но и въ этомъ поступалъ по своему. Напримѣръ, узнавъ, что кто-либо нуждается въ пособіи, онъ попроситъ кого нибудь изъ близко ему знакомыхъ передать деньги нуждающемуся, но съ непремѣннымъ условіемъ никому о томъ не говорить, ссылаясь на Евангельское изрѣченіе: „да не увѣсть шуйца твоя, чтó творитъ десница твоя,“ и присовокупляя къ тому, что онъ никому ничего не даритъ, а лишь отпускаетъ въ долгъ Богу, Который воздастъ ему сторицею, но въ такомъ только случаѣ, если ссуда не огласится. Вслѣдствіе этого, онъ никогда не подписывался на добровольныя пожертвованія, и многіе были увѣрены, что онъ никогда никому не помогалъ. Правило о посильной молитвѣ онъ соблюдалъ такъ усердно, что большую часть дня проводилъ въ чтеніи Римскаго требника (Breviarium romanum); но такъ-какъ на это упражненіе было у него времени съ избыткомъ, то онъ всегда былъ радъ посѣтителямъ. Однажды въ Урикѣ, мы въ двоемъ съ А. М. Муравьевымъ зашли къ нему и, услыша его громко молящагося, остановились въ сосѣдней комнатѣ, ожидая конца его молитвеннаго служенія. Услыша нашъ говоръ, онъ выбѣжалъ къ намъ и, узнавъ, что мы совѣстились прервать его молитву: Съ чего-вы это взяли? сказалъ онъ, я своими молитвами такъ надоѣлъ Богу, что Онъ радъ будетъ отдохнуть (J'embête tellement le bon Dieu avec mes prières, qu'Il ne sera pas fâché d'avoir un moment de répit). Въ тюрьмѣ, кромѣ католическихъ книгъ духовнаго содержанія, онъ ничего не читалъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни вновь появлявшихся сочиненій; но постоянно освѣдомлялся о новостяхъ политическихъ и литературныхъ. Въ немъ была рѣдкая способность, путемъ распросовъ, быстро ознакомиться съ предметомъ, такъ что, бывало, онъ вѣрнѣе судилъ о новой книгѣ, чѣмъ оцѣнивалъ ее читавшій ее.

Будучи на поселеніи, онъ отвѣчалъ на еженедѣльныя письма своей сестры Екатерины Сергѣевны Уваровой, политическими размышленіями, въ которыхъ свободно заявлялъ свой образъ мыслей. Вслѣдствіе того воспретили ему, изъ Петербурга, срокомъ на одинъ годъ, переписываться съ сестрою. На замѣчаніе Никиты Михайловича Муравьева,

что онъ своею откровенностью лишаетъ сестру радости получать отъ него вѣсти, онъ отвѣчалъ, что намъ слово дано для проповѣданія истины, и что онъ обязанъ пользоваться предоставленнымъ ему способомъ высказывать свои убѣжденія. Онъ былъ того мнѣнія, что настоящее житейское поприще наше началось со вступленіемъ нашимъ въ Сибирь, гдѣ мы призваны, словомъ и примѣромъ, служить дѣлу, которому себя посвятили. Лунинъ переведенъ въ Акатуйскій рудникъ, въ тамошнюю обнесенную частоколомъ тюрьму, въ полной безлюдной глуши, куда ссылались дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій и самые закоснѣлые преступники, изъ коихъ нѣкоторыхъ держали прикованными къ стѣнѣ. Лунинъ содержался тамъ въ особомъ номерѣ. Не задолго до его кончины, пробрался въ Акатуй Н. И. Пущинъ, ѣздившій тогда по Сибири по порученію министра юстиціи для обревизованія судебной части. Когда онъ спросилъ у Лунина, чѣмъ онъ можетъ облегчить его участь: „Лучше позаботьтесь о тѣхъ, которые прикованы къ стѣнѣ, отвѣчалъ Лунинъ; ихъ положеніе только ожесточаетъ, а не даетъ возможности нравственнаго улучшенія". Я увлекся въ разсказѣ своемъ о М. С. Лунинѣ, хотя сознаюсь, что все сказанное мною недостаточно обрисовываетъ его загадочный характеръ, весь сложенный изъ противоположностей; но я и тѣмъ буду доволенъ, если удалось мнѣ доказать, что, помимо его странностей, неразлучныхъ спутницъ необычайно-стойкихъ характеровъ, онъ одаренъ былъ рѣдкими качествами ума и сердца. Остается мнѣ опровергнуть еще нѣсколько невѣрностей касательно М. С. Лунина. Ни отъ него, ни отъ кого изъ близкихъ ему я не слыхалъ, чтобы онъ замышлялъ о побѣгѣ (стр. 237), а если намѣревался бѣжать, то кому-же объ этомъ знать? Онъ вѣрно никому бы въ томъ не открылся. Когда читали намъ сентенцію (стр. 139), онъ ни слова ни возражалъ. Я, стоявши возлѣ него, могу въ томъ поручиться. (И. И. Пущинъ просилъ позволенія говорить; но Лобановъ, министръ юстиціи, зашикалъ и приказалъ увести весь первый разрядъ, въ коемъ онъ находился). Къ тому же, не могъ-же Лунинъ сказать, что ему за 50 лѣтъ отъ роду, когда ему не было и 40 лѣтъ. Католическихъ постовъ онъ не держалъ (261 стр), а постоянно употреблялъ самую грубую пищу, отказывая себѣ даже въ томъ, что вслѣдствіе привычки почитается необходимостью. Многіе приписывали это скупости, я-же полагаю, что онъ руководствовался убѣжденіемъ, что лишь закаленный въ лишеніяхъ достигаетъ полной свободы духа.

Авторъ ставитъ мнѣ въ укоръ, что выписанное мною мѣсто изъ его книги началъ я отъ запятой. Я справлялся съ стр. 74, на которую онъ указываетъ и убѣдился, что поясненія и дополненія, тамъ будто находящіяся, нисколько не умаляютъ силы возраженія.

Въ опроверженіе моихъ словъ, онъ прибѣгаетъ къ способу, замѣняющему самые сильные аргументы. Онъ представляетъ меня лишившимся памяти и соболѣзнуетъ о недугахъ, постигшихъ меня, вслѣдствіе глубокой старости. Но, называя меня своимъ сверстникомъ, онъ даетъ всякому поводъ недоумѣвать, почему, будучи однолѣтками, одинъ изъ насъ сохранилъ всю свѣжесть памяти, а другой ея лишился. Тѣмъ болѣе удивятся моей преждевременной дряхлости, когда узнаютъ, что я нѣсколькими годами моложе автора. Онъ себѣ считаетъ за 70 лѣтъ; я-же произведенъ въ офицеры въ началѣ 1823 г., будучи 19-ти лѣтъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать мои однополчане; слѣдовательно удобнѣе было-бы мнѣ сослаться на его преклонныя лѣта, еслибы я въ такомъ аргументѣ нуждался. Между неразлучными со старостью недугами онъ поминаетъ и о глухотѣ; но я съ этимъ весьма сноснымъ недугомъ уживаюсь, вотъ уже болѣе 35 лѣтъ. Недугъ этотъ посѣтилъ меня еще въ Читинской тюрь-

нѣ, гдѣ, по свидѣтельству автора, не мѣшалъ мнѣ заниматься съ успѣхомъ музыкою, которой я до сихъ поръ не покидаю. Такая наивная военная хитрость, употребленная авторомъ, неоспоримо свидѣтельствуетъ о скудости его боевыхъ снарядовъ; потому я никакъ не думаю ставить ее въ укоръ ему.

Не знаю, почему не дозволяетъ онъ мнѣ причислить себя къ Южному Обществу, и почему сомнѣвается въ истинѣ моего показанія. Въ опровержeніе, ссылается онъ на какіе-то списки, кѣмъ-то ему доставленные и на авторитетъ „одного изъ древнѣйшихъ передовыхъ „членовъ Южн. Общества, еще слава „Богу здравствующаго по сей день.„ Питая искреннее уваженіе къ автору, мнѣ никогда не приходило на мысль заподозрить его въ умышленномъ отступленіи отъ истины, о чемъ свидѣтельствуетъ замѣтка моя по случаю вышедшей изъ печати его книги. Мнѣ кажется, что я имѣлъ право на такой-же знакъ уваженія съ его стороны. Впрочемъ заявленіе недовѣрія онъ смягчилъ тѣмъ, что облёкъ его въ форму недоумѣнія.

Постараюсь возникшее недоумѣніе уяснить. Начну съ того, что выставленные авторомъ списки членовъ трехъ отдѣльныхъ Обществъ вводятъ читателя въ заблужденіе и доказываютъ, что, не бывши членомъ Общества, онъ многаго и по сію пору не знаетъ.

Помимо Славянскаго Общества, о существованіи коего случайно узналъ Бестужевъ-Рюминъ въ 1824 г., мы признавали одинъ только Т. Союзъ, основавшійся въ Петербургѣ и, вслѣдствіе распространенія его и особенно послѣ разсѣянія Семеновскаго полка, раздѣлившійся на двѣ вѣтви, подъ двумя управами, Сѣверною и Южною. Эти два географическіе термина и сбили съ толку автора. Онъ распредѣлилъ имена членовъ по мѣсту ихъ жительства и потому меня и другихъ помѣстилъ въ списокъ членовъ Сѣвернаго Общества на томъ основаніи, что мы находились на службѣ въ Петербургѣ. Онъ вѣроятно причислилъ бы меня къ Южному, еслибы я случайно переселился въ Южную Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство лицъ, жившихъ въ Петербургѣ, подчинялись Сѣверной управѣ, а жившіе на югѣ Южной; но никакъ не всѣ, по той причинѣ, что, при вступленіи въ Т. Союзъ, никто не отрекался отъ свободы мнѣнія и совѣсти; и поэтому, не только причислялся къ той управѣ, направленію которой болѣе сочувствовалъ, но и сохранялъ за собой право вовсе отстать отъ Общества, чѣмъ нѣкоторые и воспользовались. По установленіи двухъ управъ и при затрудненіи часто сообщаться между собою, воззрѣнія ихъ стали расходиться, о чемъ свидѣтельствуютъ проэкты Уложенія, составленные П. И. Пестелемъ и Н. М. Муравьевымъ. Первый изъ нихъ усерднѣе занимался пропагандою, и во время пребыванія его въ Петербургѣ, 1824 г., нѣсколько членовъ, подъ обаяніемъ его ума и краснорѣчія, усвоивъ себѣ его образъ мыслей, перешли въ кружокъ Южной управы, во главѣ которой онъ находился. Изъ числа таковыхъ назову М. И. Муравьева-Апостола, Ѳ. Ѳ. Вадковскаго и себя. Члены, уже принятые или принимаемые впослѣдствіи нами, поступали естественно въ кругъ Южной управы, хотя и предоставлялась имъ полная свобода перейти въ Сѣверный отдѣлъ. Для примѣра назову Н. П. Рѣпина, который, будучи принятъ мною въ Южный отдѣлъ и сблизившись потомъ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, присталъ къ Сѣверному. У насъ-же въ полку, кромѣ Александра Муравьева, всѣ остальные восемь человѣкъ принадлежали къ югу, а именно: поручики Анненковъ и Васильчиковъ, корнеты Горожанскій, Депрерадовичь и Арцыбашевъ, ротмистръ графъ Чернышевъ, полковникъ Кологривовъ и я. Въ конной-гвардіи изъ южанъ былъ А. А. Плещеевъ, въ конной-артилеріи С. И. Кривцовъ, въ Измаиловскомъ полку поручикъ Гангебловъ и Лапа, въ Финляндскомъ поручикъ Добрынскій.

Никто изъ насъ не участвовалъ въ дѣлѣ 14 Декабря, потому-что мы оспаривали своевременность возстанія, хотя всѣ были арестованы и многіе подверглись суду. Но изъ того, что мы, не одобряя 14 Декабря, отказались въ немъ участвовать, никакъ не слѣдуетъ заключить, что мы кого-либо изъ товарищей упрекали въ томъ, что они будто-бы „удружили намъ ссылкою". Не знаю, на кого намекаетъ авторъ этими словами. Я этого упрека не слыхахъ. Что до меня касается, я считаю безразсуднымъ малодушіемъ винить кого-либо, кромѣ самихъ себя, въ постигшей насъ участи. Вступая въ Т. Союзъ, всякій зналъ на что онъ себя обрекаетъ, и постигнувшій насъ разгромъ, рано или поздно, былъ неизбѣженъ. Что касается до ссылки на свидѣтельство одного изъ *древнѣйшихъ* передовыхъ членовъ Южнаго Общества (какъ онъ его величаетъ) я могу увѣрить автора, что указываемое имъ лицо, прочитавши его книгу и его возраженія на мои замѣчанія, вполнѣ согласно со мною и все сказанное мною готово подтвердить. Скажу больше: я вполнѣ увѣренъ, что всѣ оставшіеся въ живыхъ изъ бывшихъ членовъ Т. Союза не только не будутъ оспаривать моихъ показаній, но пожалѣютъ о томъ, что, не коснувшись всѣхъ подробностей, я оставилъ много фактовъ нетронутыми, хотя и вызывающихъ возраженія. Таково мнѣніе тѣхъ изъ нихъ, съ которыми я имѣлъ случай видѣться.

***

Читая возраженіе г. Максимова, я немало удивился ожесточенію, съ какимъ онъ на меня нападаетъ, по случаю сказаннаго мною о статьѣ его, помѣщенной въ 10 кн. От. Записокъ 1869 г. Я говорилъ, что отвѣтственность за всѣ вымыслы и небылицы, въ ней появившіеся, легко было ему отстранить отъ себя, указавъ на источникъ, изъ котораго онъ ихъ почерпнулъ. Въ настоящей статьѣ, присланной имъ въ Русскій Архивъ, онъ послѣдовалъ моему совѣту, указавъ на лицо, просмотрѣвшее его статью въ коректурныхъ листахъ и дополнившее ее отъ себя. Это то самое лицо, о которомъ разсказываются чудеса. Этимъ указаніемъ г. Максимовъ сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, и тѣмъ слѣдовало-бы ему довольствоваться. Онъ говоритъ, что добавленіе, доставленное ему г. коректоромъ, составляетъ лишь сорокъ вторую часть его труда; что ему-же, какъ человѣку компетентному, предоставлено было авторомъ исправленіе статьи: я полагаю не одныхъ опечатокъ, а самыхъ фактовъ, слѣдовательно и тутъ авторъ неповиненъ въ неисправленныхъ погрѣшностяхъ. Къ несчастью, г. Максимовъ посвятилъ на эту статью и много времени и много труда; онъ даже ѣздилъ, какъ говоритъ, за шесть тысячъ верстъ для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ. Понятно, что не легко тутъ помириться съ постигшей его неудачей, и потому всѣми способами силится онъ отстоять свой трудъ. Зная, сколь бываетъ скорбно всякое разочарованіе, не буду сѣтовать на автора за нападки и обвиненія, посыпавшіяся на меня, а постараюсь исправить ошибки, вкравшіяся въ его статью, безъ всякаго пристрастія и предвзятой мысли, а единственно съ цѣлью возстановить дѣло въ настоящемъ его видѣ.

Авторъ статьи, поплатившись уже разъ за свою опреметчивую довѣрчивость, вдается, мнѣ кажется, въ противоположную крайность. Онъ подозрѣваетъ меня въ лицепріятіи и обвиняетъ въ томъ, что я-де искалъ лишь случая свести старые недоконченные счеты съ его коректоромъ. Могу его увѣрить, что никогда не было между нами никакихъ столкновеній. Нисколько не отвергаю способностей, приписываемыхъ ему авторомъ, но не легко вѣрю чудесамъ и, любя правду, я считалъ нужнымъ заявить, что онъ не принадлежалъ къ кругу Декабристовъ и, въ доказательство тому, привелъ на память обстоятельства, побудившія причислить его

къ государственнымъ преступникамъ и вмѣстѣ съ ними предать его суду. Это было необходимо, чтобы уяснить его отношенія къ соузникамъ его, и достаточно поясняетъ, почему взглядъ его на вещи и на людей во многомъ расходился съ господствовавшимъ посреди Декабристовъ. Мой возражатель могъ-бы самъ убѣдиться въ томъ, когдабъ сличилъ его отзывъ о комендантѣ Лепарскомъ съ мнѣніемъ, не то-что большинства, какъ онъ говоритъ, но съ мнѣніемъ единогласно раздѣляемымъ всѣми о неспоримомъ достоинствѣ этого благодушнаго стараго воина.

Возражатель мой ставитъ мнѣ въ укоръ ссылку мою на источникъ, для критическаго изслѣдованія котораго нѣтъ еще необходимыхъ историческихъ условій, какъ онъ выражается; но я прошу его замѣтить, что я выписалъ лишь собственныя слова помянутаго имъ лица, подлинность которыхъ для всѣхъ насъ несомнѣнна.

Тутъ же дамъ отвѣтъ и на другое обвиненіе. Оппонентъ мой приписываетъ мнѣ восхваленіе угрозъ произвола. Кстати при этомъ замолвить слово о графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. Какъ всѣ люди прогремѣвшіе славою и пользовавшіеся довѣріемъ и милостью Царя, онъ нажилъ себѣ враговъ и завистниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ много друзей, также и безпристрастныхъ цѣнителей его заслугъ на пользу обширнаго края, коимъ столько лѣтъ онъ управлялъ. Понятно, почему отзывы о его административной дѣятельности столь разнорѣчивы; но нельзя не признать, что онъ, какъ и графъ М. М. Сперанскій, рѣзко отличается отъ всѣхъ бывшихъ до него Сибирскихъ правителей. Пылкость ума обыкновенно сопровождается пылкостью нрава, въ которой нѣкоторые изъ подчиненныхъ его укоряли; но за то и неоспоримо его благодушіе: къ участи всѣхъ ссыльныхъ онъ всегда оказывалъ состраданіе, а ко всѣмъ политическимъ преступникамъ, безъ изъятія, былъ до того снисходителенъ и сердоболенъ, что едва за то самъ не пострадалъ, вслѣдствіе поданнаго на него доноса. Доказательствомъ его благодушія можетъ послужить его-же ходатайство о помилованіи лживаго извѣтчика, которое и было уважено по благосклонности къ ходатаю Государя Николая. Надо сознаться, что если онъ былъ вынужденъ предостеречь одного изъ политическихъ ссыльныхъ, то, вѣрно, не безъ уважительной причины.

Пусть не думаетъ господинъ Максимовъ, что кто либо изъ насъ домогается подвергнуть покровительствуемое имъ лицо жестокому закону остракизма, жертвой коего былъ нѣкогда правдивый Аристидъ. Нѣтъ, отчужденіе его отъ круга Декабристовъ было не вынужденное, а добровольное; и до сихъ поръ, живя въ одномъ городѣ съ людьми, съ которыми провелъ столько лѣтъ подъ одной кровлей и въ одной артели, онъ съ ними не знается и не видится, хотя они ему не дали никакого повода чуждаться ихъ. Не ставлю ему этого въ укоръ: онъ имѣетъ вѣроятно уважительныя причины такъ дѣйствовать; тѣмъ не менѣе это обстоятельство можетъ убѣдить моего возражателя, что при всѣхъ достоинствахъ, признаваемыхъ имъ въ лицѣ своего коректора, послѣдній, ни по убѣжденіямъ, ни по чувствамъ, не принадлежалъ къ кругу членовъ Т. Общества; и поэтому не въ такой степени компетентенъ (по выраженію автора) въ сужденіи о Декабристахъ, какъ полагаетъ г. Максимовъ. Впрочемъ, понятія его о компетентности (ради благозвучія скажу порусски полноправности) такъ странны, что врядъ-ли кто ихъ раздѣляетъ. Онъ эту полноправность признаетъ за двумя лицами, на томъ основаніи, что по выходѣ изъ тюрьмы, одинъ изъ нихъ поселился въ Читѣ, а другой въ Петровскомъ Заводѣ. Авторитетъ Ив. Ив. Горбачевскаго я безспорно признаю, но никакъ не потому, что онъ жилъ вблизи опустѣвшей нашей тюрьмы, а по соображеніямъ совершенно иного свойства.

Состязатель мой крѣпко опирается на добытые имъ документы. Посмотримъ, на сколько онъ ими пользовался. Приступлю къ разбору спорныхъ пунктовъ. Авторъ признаетъ всего четыре неточности, проскользнувшія въ его статьѣ, я же ихъ выставилъ болѣе двадцати пяти. Чтобы убѣдиться ему въ томъ, что онъ обчелся, стоитъ ему еще разъ просмотрѣть мои замѣтки. Къ тому-же, могу завѣрить автора, что если я сказалъ, что всѣхъ невѣрностей не перечтешь, я, не ради гиперболы такъ выразился, а точно, многое пропустилъ молчаніемъ, чтобы не утомить читателей. Впрочемъ, по отвѣтамъ моимъ, легко усмотрѣть, что опонентъ мой отстаиваетъ не четыре спорные пункта, а гораздо больше.

1) На стр. 157—158 кн. 10 От. Зап. 1869 г. онъ говоритъ: „Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читу *всѣхъ* кто былъ „въ Заводѣ изъ дворянъ, хотя-бы и не „былъ политическимъ преступникомъ“ и дальше: „этотъ наплывъ съумѣлъ не „разъ вредить доброй славѣ каземата“. Я категорически опровергнулъ это, указывая, что помѣщены были въ нашу тюрьму лишь двое изъ дворянъ по преступленію неполитическому: маіоръ Кучевскій и младшій братъ Завалишинъ. На это возражаетъ г. Максимовъ, что онъ отыскалъ въ Запискахъ И. Д. Якушкина третье лицо, котораго я не помянулъ, именно Поляка Сосиновича, котораго я будто проглядѣлъ или утаилъ. Да какъ-же не прочелъ состязатель мой, въ тѣхъ же Запискахъ (стр. 1625), что Сосиновичъ судился въ Гроднѣ, по дѣлу Воловича и другихъ эмисаровъ, слѣдовательно, былъ политическимъ преступникомъ? Такими-же считались Игельстромъ и Вигелинъ, служившіе саперами въ Литовскомъ корпусѣ, не принадлежавшіе никакому Т. Обществу, но отказавшіеся отъ второй присяги. Мнѣ кажется, г. Максимовъ черезъ чуръ небрежно обходится съ своими матеріалами, да и въ полемикѣ своей мало разборчивъ по пріисканію доводовъ. Наконецъ, если-бы даже я ошибкой, вмѣсто трехъ лицъ, назвалъ двухъ, неужели-же этимъ оправдалось-бы увѣреніе г. Максимова, будто всѣ дворяне, бывшіе въ Заводѣ, хотя и не политическіе преступники, помѣщались въ нашей тюрьмѣ? И гдѣ же тутъ наплывъ? По случаю открытія третьяго лица Сосиновича, не торжествовалъ-бы авторъ, если-бы внимательнѣе прочелъ документы, на которые ссылается.

2) Что Сосиновичъ состоялъ въ артели, нѣтъ слѣдовательно никакого сомнѣнія; но несомнѣнно также и то, что маіоръ Кучевскій и младшій Завалишинъ не были членами артели. По преобразованіи ея, на основаніи писаннаго устава, я, на первый-же годъ, былъ выбранъ казначеемъ; поэтому, говорю о предметѣ мнѣ близко знакомомъ. Документы, добытые моимъ состязателемъ, въ смыслъ которыхъ онъ недостаточно вникнулъ, ввели его въ заблужденіе. Приходится мнѣ разъяснять его недоразумѣнія, хотя эта обязаниость лежала на коректерѣ, которому онъ довѣрился. Членами артели числились только тѣ, которые пользовались правомъ голоса и могли быть избираемы въ хозяйственныя должности. Всякій легко уразумѣетъ, почему эти права не могли быть предоставлены двумъ вышепомянутымъ лицамъ. Но такъ какъ они были безъ средствъ, то артель постановила удѣлить на каждаго изъ нихъ долю равную той, какая причиталась каждому изъ членовъ артели; и вотъ по какому случаю г. Максимовъ отыскалъ въ спискахъ имя младшаго Завалишина. Кучевскій-же, не соглашаясь, при лишеніи права голоса, пользоваться матеріальными выгодами, представляемыми артелью, отказался отъ назначаемой ему доли и просилъ не вносить его въ списокъ лицъ, получающихъ артельное содержаніе: онъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи тѣхъ немногихъ, которые принимали въ немъ особенное участіе.— Далѣе г. Максимовъ поминаетъ объ исключеніи младшаго Завалишина изъ

артели и выставляетъ это въ неоспоримое доказательство тому, что онъ къ ней принадлежалъ. Теперь должно быть ясно для него, въ какомъ значеніи слѣдуетъ понимать его участіе въ артели, равно и объясняются слова Басаргина: „не спросили, кто они, и приняли въ артель“, т. е. предоставили имъ содержаніе артельное, а не право голоса, коимъ пользовались одни члены. Самыя слова „не спросили, кто они“ достаточно показываютъ, что Басаргинъ понимаетъ пособіе, въ которомъ никому нуждающемуся не отказывали, а никакъ не право голоса и право на избраніе въ должность. Спрашиваю автора, мыслимо-ли, чтобы какое бы то ни было общество приняло бы въ свои члены всякаго встрѣчнаго, кто бы онъ ни былъ и предоставило-бы ему право голоса совѣщательнаго и избирательнаго? Еслибы авторъ потрудился вникнуть въ смыслъ приведеннаго имъ мѣста, онъ избавилъ-бы меня и читателя отъ докучливой аргументаціи для доказательства того, что ясно само по себѣ. Помощь дается каждому; но солидарность, связующая членовъ общества, требуетъ разборчивости въ принятіи кого-либо въ свой кругъ. Тутъ простая логика убѣдительнѣе всякихъ документовъ. Что Басаргинъ къ двумъ наименованнымъ лицамъ пріобщилъ и Сосиновича, объясняется тѣмъ, что, по вступленіи послѣдняго въ казематъ, артель тотчасъ-же отчислила долю и на него, не успѣвъ даже узнать, по политическому-ли или по другому дѣлу онъ осужденъ. Освѣдомившись впослѣдствіи, кто онъ и за что сосланъ, его причислили къ членамъ артели. Предоставленнымъ-же ему правомъ голоса онъ не пользовался по той причинѣ, что, будучи старъ и слѣпъ, онъ съ немногими изъ насъ былъ знакомъ. При немъ находился для прислуги ухаживавшій за нимъ Полякъ, пользовавшійся также артельнымъ пособіемъ. Неужели г. Максимовъ и его причтетъ къ членамъ артели? Что при исключеніи изъ артели младшаго Завалишина оговорено было нѣкоторыми „чтобы не лишать его пособія, лишь-бы оно не имѣло вида общаго артельнаго участка“, значило: выключить его изъ списка лицъ, получающихъ артельную долю, не лишая его пособія, а не изъ списка членовъ, къ которымъ онъ не могъ принадлежать.

3) Про Г. С. Батенкова я сказалъ, что онъ провелъ 20 лѣтъ въ крѣпости, а не 12, какъ утверждаетъ авторъ статьи; онъ же продолжаетъ увѣрять, что Батенковъ выпущенъ былъ изъ крѣпости въ то время, какъ разрядъ, въ которомъ онъ числился, поступилъ на поселеніе, т. е. по его мнѣнію послѣ 12 лѣтняго заточенія. Тутъ что слово, то обмолвка. Въ третьемъ разрядѣ всего было двое, Г. С. Батенковъ и В. И. Штенгель. Этотъ разрядъ, осужденный на вѣчную работу, получилъ, по случаю коронаціи, то облегченіе, что вѣчная работа замѣнена 20 лѣтнею. Тоже самое облегченіе получилъ и второй разрядъ, въ которомъ я находился. Потомъ была опять сбавка сроковъ, но положительно утверждаю, что эти два разряда выѣхали изъ каземата на поселеніе въ Іюнѣ 1836 г.; слѣдовательно пробыли въ казематѣ не 12, а 10 лѣтъ. Какъ ни измѣняетъ намъ старикамъ предательская память, по увѣренію моего опонента, авось не усомнится онъ въ томъ, что сохранились, по крайней мѣрѣ, у меня въ памяти и годъ моего осужденія и годъ освобожденія изъ тюрьмы. Гавріилъ-же Степановичъ Батенковъ (а не Семеновичъ, какъ величаетъ его по своему авторъ въ своей статьѣ) выпущенъ изъ Петропавловской крѣпости и прибылъ въ городъ Томскъ въ 1846 году; слѣдовательно, пробылъ въ крѣпости цѣлыхъ 20 лѣтъ. Авторъ статьи этого и не подозрѣвалъ; пожалуй и не повѣритъ, на томъ основаніи, что обстоятельство это не упомянуто у него въ документахъ. Онъ тѣмъ болѣе не повѣритъ, когда узнаетъ, что В. К. Кюхельбекеръ, поселенный сначала въ Баргузинѣ, и Осипъ Викторовичъ Под-

жіо, поселенный въ Усть-Кудѣ, въ 28 верстахъ отъ Иркутска, и содержавшіеся до того первый въ Динабургѣ, второй въ Шлюссельбургѣ, отправлены были въ Сибирь въ то время, какъ вышли изъ тюрьмы тѣ разряды, къ которымъ они принадлежали, т. е. I и IV. Если мой состязатель, усомнившись въ подлинности факта, потребуетъ отъ меня объясненія, почему Г. С. Батенковъ не пользовался, наравнѣ съ другими, милостивой сбавкой сроковъ: я предоставлю ему самому доискиваться причины. Онъ же, къ тому, занимается историческими изслѣдованіями. Разскажу ему другой фактъ довольно любопытный, въ которомъ онъ вѣроятно также усомнится, по недовѣрію къ моей памяти. За нѣсколько лѣтъ до прибытія въ Сибирь Г. С. Батенкова, предписано было освѣдомиться по Тобольской губерніи (его родинѣ) о наслѣдникахъ его; но какъ таковыхъ не оказалось, доставленная изъ Петербурга въ Тобольское Губернское Правленіе шкатулка его съ нѣкоторыми цѣнными вещами продана была съ аукціоннаго торга, какъ выморочное имущество. Мы не усумнились въ его кончинѣ и, какъ разумѣется, искренно о немъ пожалѣли. Мѣстные чиновники раскупили его вещи. Самая шкатулка досталась совѣтнику Губернскаго Правленія, который случайно отъискалъ въ ней двойное дно и хранившійся подъ нимъ ломбардный имянной билетъ. Онъ его препроводилъ въ Петербургъ. По прибытіи въ Томскъ узналъ о томъ Г. С. Батенковъ, но отложилъ всякую заботу о вознагражденіи за такое отчужденіе его собственности. Впослѣдствіи, по возвращеніи его въ Россію, обстоятельсто это дошло до свѣдѣнія нынѣ царствующаго Государя Императора, всемилостивѣйше повелѣвшаго вознаградить Батенкова за весь понесенный имъ убытокъ и возвратить ему значившійся на билетѣ капиталъ съ наросшими въ теченіи 30 лѣтъ процентами.

4) Замѣчаніе мое о выраженіи „Цыганская жизнь“ нисколько не придирка. Я не могъ его пройти молчаніемъ потому, что оно даетъ ложное понятіе о житьѣ-бытьѣ Батенкова въ Томскѣ. Онъ, можетъ быть, и сказалъ шуткою, что ему пришлось-бы скитаться какъ Цыгану, если бы не встрѣтилъ сердобольныхъ людей. Но къ его счастью, пока онъ, находясь въ гостинницѣ, тужилъ о затрудненіи пріискать себѣ квартиру, вслѣдствіе недоброжелательства домохозяевъ, молодой человѣкъ, сынъ казачьяго офицера Лучшаго, узнавъ о его затруднительномъ положеніи, предложилъ ему занять порожній флигель въ домѣ своего отца, съ семействомъ котораго, онъ уже не разлучался; слѣдовательно не пришлось ему нисколько скитаться. Такое нерасположеніе жителей къ нему тѣмъ болѣе его удивило, что, служивши тамъ до 20-тыхъ годовъ, по инженерному вѣдомству, а потомъ, при ревизовавшемъ Сибирь М. М. Сперанскомъ, онъ оставилъ по себѣ такую добрую память, что, при проѣздѣ моемъ съ товарищами черезъ Томскъ въ Читу, въ началѣ 1827 г., полиціймейстеръ, по просьбѣ многихъ изъ жителей, освѣдомлялся у насъ о Г. С. Батенковѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали. Въ 1846 г. въ надеждѣ отъискать въ Томскѣ хотя нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ друзей, онъ воспользовался сдѣланнымъ ему предложеніемъ избрать себѣ мѣстожительство въ Сибири и просился въ этотъ городъ, гдѣ старое поколѣніе замѣнилось уже новымъ. Спрошу г. Максимова, кстати-ли тутъ говорить: „велъ онъ Цыганскую жизнь“; и такой способъ выражаться не собьетъ-ли съ толку всякаго относительно и личности Г. С. Батенкова и положенія его въ Томскѣ?

Въ слѣдъ за тѣмъ, опровергатель мой говоритъ про какую то послѣднюю ошибку, въ которую будто-бы я его ввелъ. Рѣшительно не понимаю, какимъ таинственнымъ способомъ могъ я ввести въ заблужденіе человѣка, котораго никогда не встрѣчалъ. На загадочныя обвиненія не берусь отвѣчать.

5) Возражатель мой, нѣсколько разъ въ своей статьѣ, упрекаетъ меня въ безпамятствѣ, въ забывчивости; наконецъ, говоря о М. С. Лунинѣ, удивляется, что я не знаю того что всѣмъ извѣстно. Такой немудреный, хотя ловкій способъ опроверженія, можетъ въ крайнемъ случаѣ пригодиться; но мнѣ сдается, что г. Максимовъ имъ злоупотребляетъ. Онъ ссылается предпочтительно на авторитетъ людей, коихъ сознаетъ обладателями обширной памяти. Понятно, что, признавъ меня безпамятнымъ, нерасположенъ мнѣ вѣрить ни въ чемъ. Память безцѣнный даръ, нѣтъ спора; но да позволитъ мнѣ мой прекословъ замѣтить ему, что память свидѣтельствующаго не представляетъ еще достаточнаго ручательства въ правдивости показаній. Положимъ даже, что по преклонности лѣтъ, память мнѣ дѣйствительно измѣняетъ; но если я только изъ ума не выжилъ и сохранилъ сознаніе, я всегда могу себѣ отдать отчетъ въ томъ что́ помню и что́ запамятовалъ. И тогда, если я сколько нибудь цѣню правду, буду говорить лишь о томъ, что́ помню, объ остальномъ буду молчать. Я журнальныхъ статей не пишу, ни историческихъ, ни беллетрическихъ, это не моя профессія; и поэтому соперничества между возражателемъ и мною не можетъ быть. Но онъ печатно коснулся предмета близкаго мнѣ по сердцу, по убѣжденіямъ и по воспоминаніямъ юныхъ лѣтъ. Для меня это святыня, на его-же взглядъ—лишь матеріалъ для журнальной статьи.

Меня поразила самоувѣренность повѣствователя въ изложеніи фактовъ, дошедшихъ до него по слухамъ, схваченныхъ на лету и нисколько не провѣренныхъ, несмотря на богатое собраніе записокъ и документовъ, коимъ онъ хвалится. Я берусь ему это доказать. Наконецъ смутила меня и небрежность, съ какою онъ обходится съ именами лицъ, коихъ дѣлается біографомъ. Я укажу въ своемъ мѣстѣ, какая выходитъ отъ этого путаница. Ему ни по чемъ кого убить, напримѣръ А. И. Черкасова въ Енисейской губ., тогда какъ онъ цѣлъ и невредимъ, изъ подъ Черкескихъ пуль, воротился съ Кавказа на родину; кого сумасшедшимъ похоронить въ Сибири, напримѣръ П. С. Пушкина, прожившаго много лѣтъ по возвращеніи въ Россію въ полномъ разумѣ. Воскресивши А. И. Одоевскаго, скончавшагося на Кавказѣ, онъ возвращаетъ его въ полномъ здравіи во свояси. Всего не перечтешь.

Но возвращусь къ разсказу о М. С. Лунинѣ и предварительно замѣчу моему прекослову (чтобъ успокоить его на счетъ моей памяти) что старики забывающіе то, что́ случилось наканунѣ, твердо помнятъ событія давно минувшихъ лѣтъ. Это психическое проявленіе не новость. Но если придется мнѣ говорить о самомъ себѣ и, увлекаясь самообольщеніемъ, выставлять свои достоинства и подвиги и заслуги, заранѣе прошу его не вѣрить мнѣ безусловно, а справиться съ хранящимися у него документами и съ устнымъ преданіемъ, подвергая послѣднее строгой критикѣ.

На показаніе автора статьи, будто М. С. Лунинъ содержался въ Шлюссельбургской крѣпости и тамъ заболѣлъ цынгою, я замѣтилъ ему, что М. С. никогда не былъ въ Шлюссельбургѣ, а содержался послѣ сентенціи въ Выборгѣ, откуда прибылъ въ Читу, безъ всякихъ признаковъ цынги. Возражатель мой, въ подтвержденіе своего показанія, ссылается на Записки И. Д. Якушкина, гдѣ сказано, что изъ пяти узниковъ въ Фортѣ Славѣ, трое заболѣли, впослѣдствіи, солитеромъ. Признаюсь, въ подобномъ аргументѣ не отъискиваю логической связи между посылкой и заключеніемъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, прибавлю слышанное мною отъ самаго Лунина, съ которымъ прожилъ, безъ малаго, десять лѣтъ въ тюрьмѣ и котораго потомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, видѣлъ часто на поселеніи, живя во ста верстахъ отъ него. Онъ утверждалъ, что пребываніе въ Выборгѣ считаетъ

онъ самою счастливою эпохою въ жизни. Случайная обстановка его была ему такъ по вкусу и въ духовномъ и въ матеріальномъ отношеніи, что онъ не безъ горести разстался съ своей тюрьмой. Извѣстнаго будто-бы анекдота о какомъ то единственномъ зубѣ я не слыхалъ, да и не жалѣю, потому-что о такой занимательной личности какъ М. С. Лунинъ столько можно разсказать любопытнаго, что анекдотъ о зубѣ покажется пошлымъ. Я полагаю, что г. собиратель біографическихъ свѣдѣній путаетъ фамиліи лицъ, ему незнакомыхъ, подобно тому какъ онъ запутался въ именахъ и отчествахъ. Если-же ему необходимо нужно выставить пострадавшихъ отъ скорбута, я могу ему послужить и назову П. А. Муханова и О. В. Поджіо. Послѣдній, пробывши 8 лѣтъ въ крѣпости, выпущенъ былъ на поселеніе вовсе безъ зубовъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ и сохранилъ юношескую свѣжесть и бодрость. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ существенный недостатокъ нисколько его не безобразилъ, что не мало удивляло всѣхъ насъ.

6) Опонентъ мой, тяготясь моими опроверженіями, пользуется правомъ отводить меня какъ свидѣтеля, на томъ основаніи, что я жилъ далеко на Западѣ и не зналъ, что̀ твориться въ Восточной Сибири. На это я ему скажу, что пробывши два года въ 120 верстахъ отъ Иркутска въ селѣ Каменкѣ, я переведенъ былъ въ г. Курганъ, а оттуда въ Тобольскъ. Перемѣщенія эти изъ Восточной Сибири въ Западную случались со многими изъ насъ. Кромѣ того, по временамъ разрѣшалось ѣздить изъ Западной Сибири въ Восточную на Тункинскія цѣлебныя воды, чѣмъ и воспользовались И. И. Пущинъ и И. Д. Якушкинъ; наконецъ намъ не воспрещалось переписываться между собою. Итакъ воздвигнутая моимъ опонентомъ Китайская стѣна, между Востокомъ и Западомъ, для насъ не существовала. Эти частыя перемѣщенія сбили-бы хоть кого съ толку; но г. собиратель свѣдѣній, не обременяя себя безполезнымъ трудомъ распутывать этотъ мотокъ, размѣстилъ насъ на поселеніи какъ попало. Напримѣръ (стр. 620) сказано въ его статьѣ, что „братья Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы, Вольфъ и И. Д. Якушкинъ согласились жить вмѣстѣ, но ихъ „раздѣлили“: дальше: „Ал. Муравьевъ „остался съ братомъ. Вольфъ съ товарищами въ Заводѣ, для врачебныхъ пособій.... — И. Д. Якушкинъ и Муравьевы „поселились въ Ялуторовскѣ.... М. С. „Лунинъ подъ Иркутскомъ въ деревушкѣ.“ Поневолѣ вспомнишь пословицу про звонъ. Хотя и мало кого интересуетъ знать, гдѣ кто изъ насъ былъ поселенъ и куда перемѣщенъ впослѣдствіи; но по моему, слѣдовало или умолчать о томъ, или свѣдѣнія передать точныя и вѣрныя. Въ 1836 г. отправились на поселеніе II и III разряды. За первымъ поѣздомъ, спустя недѣли двѣ, выѣхали С. Г. Волконской съ женой и дѣтьми, И. А. Анненковъ тоже съ женой и дѣтьми, Ник. М. Муравьевъ съ малолѣтнею дочерью и съ братомъ Александромъ; съ ними-же вмѣстѣ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Имя и отчество послѣдняго могъ-бы г. собиратель легко узнать въ Иркутскѣ отъ перваго встрѣчнаго: онъ тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, пользовалъ всѣхъ безвозмездно, и ген. губ. Броневскаго, и мелкаго чиновника, и простаго рабочаго; за то и гремѣлъ славой. Вышепоименованные С. Г. Волконской, Н. и А. М. Муравьевы, Ф. Б. Вольфъ поселились въ селѣ Урикѣ, а не въ деревушкѣ Урюкѣ, гдѣ нашли М. С. Лунина, поселившагося тамъ до нихъ. И. А. Анненковъ поселенъ былъ въ село Бѣльское, Иркутскаго уѣзда, откуда въ 1838 г. переведенъ въ г. Туринскъ, Тобольской губ., а въ 1841 въ самый Тобольскъ. Впослѣдствіи, М. С. Лунинъ сосланъ былъ въ Акатуй въ 1842 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Четвергъ на страстной недѣлѣ. По смерти Ник. М. Муравьева, братъ его Александръ, съ женой и дѣтьми, переѣхалъ на житель-

ство въ Тобольскъ въ 1846 г. вмѣстѣ съ Ф. Б. Вольфомъ. Матвѣй Ив. Муравьевъ не былъ ни въ Читѣ, ни въ Петровскомъ, ни въ Урикѣ, а прямо изъ крѣпости Фортъ-Слава, отправленъ въ Вилюйскъ на Вилюѣ, притокѣ Лены, въ 800 верстахъ отъ Иркутска, оттуда въ пограничную крѣпостцу Бухтарму, и наконецъ въ г. Ялуторовскъ, гдѣ сошелся съ И. Д. Якушкинымъ. Встрѣтить тутъ, между поселенными въ Сибири, имя Сергѣя Ивановича Муравьева, брата Матвѣя Ивановича, поразитъ всякаго, кто кое-что слышалъ о Декабрьскомъ дѣлѣ. Положимъ, что по этому дѣлу, осуждены были шесть Муравьевыхъ, и что стороннему человѣку легко ошибиться и перепутать ихъ имена, но г. собирателю историческихъ матеріаловъ такая небрежность неизвинительна. Предлагаю ему сличить мой подробный отчетъ съ своимъ разсказомъ, и по числу невѣрностей, оказавшихся въ нѣсколькихъ строкахъ, убѣдиться въ томъ, что статья его не могла не возбудить опроверженія со стороны людей близко знакомыхъ съ дѣломъ. Въ ней встрѣчаются такія разительныя небылицы, что невольно подумаешь: полно, читалъ-ли его коректурные листы тотъ, на кого возложена была эта обуза? Вѣроятно, почуя тутъ Египетскую работу и притомъ, мало интересуясь подробностями, до него лично не касающимися, онъ предпочелъ обогатить эту статью своими добавленіями.

7) Я точно былъ уже въ Тобольскѣ, когда послѣдовали арестъ М. С. Лунина и заточеніе его въ Акатуйскую тюрьму. Всѣ подробности этого печальнаго происшествія сообщены мнѣ были А. М. Муравьевымъ (его двоюроднымъ братомъ по отцу) находившимся тогда въ Урикѣ, и переѣхавшимъ послѣ того въ Тобольскъ. Мнѣ извѣстно лицо, переписывавшее на бѣло черновой автографъ, и то лицо, чрезъ которое узнали о существованіи этой записки. Могла-ли эта записка быть напечатана въ Лондонѣ, когда самая рукопись, не переписанная, была отобрана? Подозрѣвали М. С. Лунина въ намѣреніи переслать свое сочиненіе въ Лондонъ, для напечатанія; а изъ родившагося подозрѣнія распространился ложный слухъ, будто оно уже было туда переслано. Я говорилъ о томъ на дняхъ съ М. А. Бестужевымъ, на авторитетъ котораго ссылается г. Максимовъ, и онъ признался мнѣ, что онъ объ этомъ писалъ въ Петербургъ къ г. С. только какъ о дошедшемъ до него слухѣ, въ достовѣрности котораго онъ нисколько не ручался, не полагая притомъ, что письма его поступятъ въ печать. Впослѣдствіи, будучи въ Иркутскѣ, онъ, узнавъ обстоятельно объ этомъ дѣлѣ, убѣдился въ ложности слуха, дошедшаго до Селенгинска, гдѣ не было возможности его провѣрить. Легко пойметъ мой возражатель, что никакого личнаго интереса я не имѣю представлять этотъ фактъ, коему я нисколько не причастенъ, въ томъ или въ другомъ видѣ. Но узнавъ изъ достовѣрнаго источника о дѣлѣ со всѣми его подробностями, излагать которыя не считаю своевременнымъ, могъ-ли я не опровергнуть слуха, перешедшаго въ печатное слово?

8) Относительно Дубининской исторіи, разсказанной такъ, что ничего нельзя понять, и гдѣ представлена дама преслѣдуемая выпившимъ офицеромъ, кричавшимъ „бунтъ“ (да кто-же бунтуетъ? женщина въ истерикѣ что ли?) мой возражатель ссылается на Записки Н. В. Басаргина, изъ коихъ разсказъ будто взятъ цѣликомъ. Я не читалъ Записокъ Н. В. Басаргина, но если, по напечатаніи ихъ, прочту разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ представленъ онъ моимъ опровержцемъ, искренно сожалѣть буду о томъ, что товарищъ мой, не бывши вѣроятно очевидцемъ, передалъ фактъ, дошедшій до него въ искаженномъ видѣ. Но что̀ меня крайне удивитъ это то, что онъ, знавши каждую изъ дамъ, послѣдовавшую за своимъ мужемъ, могъ безразлично принять одну изъ нихъ за другую. Да позволитъ мнѣ мой опонентъ усумниться въ томъ. О небрежномъ употребленіи

имъ документовъ приведу дальше нѣсколько примѣровъ. Когда г. собиратель матеріаловъ говоритъ, что все равно, та-ли или другая женщина была оскорблена, и что дѣло не въ оскорбленіи, а въ послѣдствіи, я тутъ еще болѣе убѣждаюсь въ его черезчуръ свободномъ обращеніи съ исторической достовѣрностью, обращеніи, о коемъ достаточно свидѣтельствуетъ вся его статья. Но для насъ, дамы не были просто какія-то женщины: мы къ нимъ питали глубокое уваженіе и сердечную признательность. Огорченіе, испытанное одною изъ нихъ, отзывалось въ сердцѣ у всѣхъ насъ; и поэтому, можно-ли допустить, чтобъ, провѣдавъ объ нанесенномъ оскорбленіи одной изъ нихъ, не позаботился каждый изъ насъ освѣдомиться, которая именно изъ нихъ пострадала, и узнать всѣ обстоятельства сопровождавшія печальное происшествіе? Недоразумѣніе мое разъяснится лишь по появленіи въ печати упомянутыхъ Записокъ. Какъ бы то ни было, мнѣ не нужно провѣрять свои воспоминанія относительно случая, коего былъ очевидцемъ и оставившаго неизгладимый слѣдъ въ моей памяти, вслѣдствіе впечатлительности молодыхъ лѣтъ.

При этомъ, коснусь одного замѣчанія, сдѣланнаго моимъ оппонентомъ, смысла котораго не могу доискаться. Похвалившись обиліемъ матеріаловъ имъ собранныхъ, онъ замѣчаетъ „что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что изъ Записокъ Декабристовъ я прочелъ всего три“, полагая тѣмъ ослабить авторитетъ моихъ показаній. Не понимаю г-на Максимова. Да съ чего-же онъ взялъ, что я doctus cum libro? Еслибъ я затѣялъ писать статью о цѣломъ рядѣ событій, хотя и знакомыхъ мнѣ, пришлось-бы, ради надлежащей связи и полноты, справляться съ документами, допрашивать очевидцевъ о подробностяхъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, или изгладившихся у меня въ памяти. Но я не пишу ни статьи, ни книги, а передаю факты присущіе моей памяти, по сохранившимся отъ нихъ впечатлѣніямъ; или, лучше сказать самыя впечатлѣнія волновавшія нѣкогда душу и, при случаѣ, снова оживающія. Для предпринятаго авторомъ труда, необходима нѣкотораго рода эрудиція или спеціальное изученіе предмета, коимъ онъ повидимому и хвалится. Я-же говорю о томъ только что видѣлъ, или о томъ, что знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Свѣдѣнія, добытыя мною путемъ распросовъ, признаются мною достойными довѣрія лишь въ томъ случаѣ, когда подтверждаемыя многими свидѣтельствами, никѣмъ не были опровергнуты, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Поэтому чего не помню или не знаю, о томъ нѣтъ мнѣ нужны и говорить.

Я того мнѣнія, что еслибы г. Максимовъ серіозно пожелалъ добиться исторической достовѣрности и менѣе заботился отстаивать непогрѣшимость своихъ путевыхъ записокъ, ему бы слѣдовало не гнѣваться на меня за мои замѣтки, а воспользоваться ими. Сущность моихъ замѣтокъ такова, что ему легко убѣдиться въ отсутствіи всякаго личнаго интереса съ моей стороны, чѣмъ и устраняется подозрѣніе, будто я преднамѣренно искажаю или утаиваю истину.

9) Нѣтъ сомнѣнія, что Записки И. Д. Якушкина и даже Записки Н. В. Басаргина (послѣднихъ я впрочемъ не читалъ), моглибы ему послужить на пользу, если бы потрудился онъ прочесть ихъ со вниманіемъ, въ чемъ я имѣю право сомнѣваться, вотъ на какомъ основаніи. Онъ говоритъ: „противорѣчія съ Якушкинымъ безпристрастный читатель не найдетъ въ моей статьѣ, ни одной іоты“.

Посмотримъ же, насколько разсказъ г. Максимова согласуется съ показаніями И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина и автора Записокъ Декабриста.

Въ статьѣ г. Максимова сказано: (отъ стр. 597 до 602): „образовался кружокъ „протестовавшихъ, видѣвшихъ, что об„щинному устройству, съ равномѣрны„ми правилами для каждаго, грозитъ „опасность подчиненія небольшому кру-

„жку аристократовъ, ихъ произволу.... „Образовались кружки около привилеги„рованныхъ личностей.... Когда можно „было уже и не видѣть товарищей и „имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ „нуждъ... Раздраженіе, между богатыми „и неимѣвшими ничего, дошло до край„ней степени.... Артель не дозволила „имѣвшимъ средства смотрѣть на това„рищей, какъ на людей низшихъ.“ Затѣмъ слѣдуетъ подробный отчетъ о всепожирающей дѣятельности г. коректора, объ услугахъ имъ оказанныхъ и о довѣріи къ нему его соузниковъ: „пришли къ не„му съ просьбою отложить на время „свои ученыя занятія и, взявъ общест„венное дѣло въ свои руки.... и прочее.“ Потомъ говорится подробно о какихъ-то публичныхъ засѣданіяхъ комиссіи, во главѣ которой выдвигается опять то-же всеобъемлющее лицо.

Затѣмъ, вотъ какъ объ томъ отзывается И. Д. Якушкинъ (стр. 1619 Русскаго Арх.): „Нѣкоторые изъ неимѣв„шихъ собственныхъ средствъ для су„ществованія и *получавшіе все нужное „отъ другихъ*, тяготились такою зави„симостью отъ своихъ товарищей.... „Образовался кружокъ недовольныхъ.... „Они обратились къ коменданту, прося „его исходатайствовать имъ денежное „пособіе отъ правительства. Такой по„ступокъ очень огорчилъ старика Ле„парскаго: онъ смотрѣлъ на насъ, какъ „на людей порядочныхъ и всегда от„зывался съ похвалою о нашемъ со„гласіи и устройствѣ... Онъ отправилъ „плацъ-моіора навести справки о тѣхъ, „которые желали получить вспомоще„ствованіе отъ правительства. Между „тѣмъ это происшествіе въ казематахъ „произвело тревогу. Всѣ были въ него„дованіи противъ просившихъ пособія „отъ правительства; съ ними вступили „въ переговоры и успѣли отклонить ихъ „отъ намѣренія *отдѣлиться отъ артели*, „и когда пришелъ плацъ-маіоръ въ ка„зематы съ допросомъ, все уже было „улажено, и ему поручили просить ко„менданта не давать дальнѣйшаго хо„да этому дѣлу“. Значитъ, артель существовала до писаннаго устава. „Тотчасъ „потомъ Поджіо, Вадковскій и Пущинъ „занялись составленіемъ письменнаго уч„режденія для артели“. Не мѣшаетъ замѣтить, что Якушкинъ и не упоминаетъ о лицѣ, которое у г. Максимова является какъ главный дѣятель.

Затѣмъ выписываю слова автора Записокъ Декабриста (стр. 228): „Чрезъ „каждые три мѣсяца, при выборѣ но„ваго хозяина (до введенія писаннаго „устава) каждый изъ артели назначалъ „сколько могъ дать по своимъ сред„ствамъ въ общую артельную сумму, „которою распоряжался хозяинъ на пи„щу, чай, сахаръ, мытье бѣлья. Одежду „и бѣлье носили мы всѣ собственныя; „имущіе покупали и дѣлились съ неиму„щими. Рѣшительно, всѣ дѣлили между „собою и горе и копѣйку. Когда свя„щенникъ Казанскаго собора П. Н. Мы„словскій узналъ этѣ подробности на„шей жизни отъ А. О. Корниловича, „то поспѣшилъ сообщить женѣ моей и „замѣтилъ ей, что въ Читѣ въ острогѣ, „ведутъ жизнь истинно-апостольскую.“

Здѣсь же помѣщаю, для сличенія, слова выписанныя моимъ возраженіемъ изъ Записокъ Н. В. Басаргина. „Артель нра„вственно уравняла тѣхъ, которые имѣ„ли средства съ неимѣющими таковыхъ.“ Развѣ этими словами подверждается разсказъ г. Максимова о существованіи двухъ враждебныхъ партій? Предоставлю всякому судить, на сколько разсказъ моего опонента согласуется съ Записками Декабристовъ, и правъ ли онъ, говоря, что его разсказъ не отступаетъ ни на іоту отъ словъ Якушкина?

10) Въ замѣчаніяхъ своихъ, я счелъ долгомъ опровергнуть другое ложное показаніе, бросающее также позорную тѣнь на Читинскихъ и Петровскихъ узниковъ. Обвинивъ всѣхъ имущихъ въ безчеловѣчномъ равнодушіи къ лишеніямъ ихъ товарищей и раздѣливъ все общество на два враждебные лагеря, авторъ статьи силится потомъ доказать, что вспомоществованіе, оказанное

нуждающимся товарищамъ, было со стороны богатыхъ не добровольное, а вынужденное. Поэтому, я не безъ основанія замѣтилъ, что въ этомъ разсказѣ проглядываетъ нѣкоторая зависть комунистическаго свойства. Въ злыхъ побужденіяхъ нисколько не думаю подозрѣвать автора статьи; но въ опрометчивой довѣрчивости своей пора бы и ему убѣдиться

У него говорится (стр. 600): „Такъ „какъ, по общему правилу, правитель„ствомъ допускается получать одиноч„ному только 500 рублей, а женатымъ „только 2000, сверхъ-же этого, позво„ляется получать болѣе, только подъ „условіемъ, что это назначается для вспо„моженія товарищамъ... то это вспомо„женіе является уже обязательнымъ, и „нѣтъ никакого посягательства на соб„ственность въ требованіи обязательна„го взноса... Потому, въ случаѣ отказа „ихъ, неимѣющіе ничего имѣютъ право „объявить коменданту, что не получа„ютъ вспоможенія отъ товарищей и „требовать казенное содержаніе (стр. „601) Комендантъ до такой степени *ис„пугался* доведенія до правительства тре„бованія казеннаго содержанія и допу„щенной имъ неправильности въ полу„ченіи излишнихъ денегъ на пособіе...“

Я въ своей замѣткѣ опровергнулъ тотъ фактъ, будто въ тюрьмѣ ограничивалась сумма денегъ, получаемая нами отъ родныхъ, и доказалъ, почему эта мѣра предосторожности, прилагаемая къ поселенцамъ, не имѣла смысла въ отношеніи къ заключеннымъ въ тюрьмѣ, которымъ не давались деньги на руки. Чтò касается до вымышленнаго испуга коменданта, вслѣдствіе допущенія имъ неправильнаго полученія денегъ, онъ тутъ обвиняется въ отступленіи отъ данной ему свыше инструкціи и въ превышеніи власти. Для опроверженія подобнаго наговора, я сошлюсь на всѣхъ, кто зналъ его. Если въ чемъ можно укорить этого добраго человѣка, такъ именно въ томъ, что буквальное исполненіе данной ему инструкціи онъ доводилъ до крайности, до педантизма. Также точно немыслимо, чтобы, какъ показано на стр 584, онъ отважился „отпу„стить на минеральныя Забайкальскія „воды кн. Трубецкую и Волконскую, за „чтò получилъ, будто, строгій выговоръ“. Онъ не выговоръ получилъ, а запросъ, вслѣдствіе злостнаго доноса, легко имъ опровергнутаго.

Противъ этого мой возражатель говоритъ: „Объ ограниченіи денегъ въ тюрь„мѣ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ сочиненія „*Декабриста*“, и потомъ восклицаетъ: „къ чему же эти опроверженія безъ спра„вокъ, безъ доказательствъ, въ противо„рѣчіе самимъ себѣ?“ Что же мы находимъ въ Запискахъ ***Декабриста***? Выписываю дословно (стр. 293): „Въ быт„ность нашу въ тюрьмѣ и въ каторж„ной работѣ, въ Читѣ и въ Петровскомъ, „не ограничивали суммы денегъ высы„лаемыхъ нашими родными; но на посе„леніи, гдѣ каждый самъ могъ распола„гать своими деньгами и самъ расходо„валъ ихъ, дозволено было получать еже„годно холостому не болѣе тысячи руб„лей ассигнаціями, а женатому не болѣе „двухъ тысячъ“.

Послѣ цѣлаго ряда выставляемыхъ мною уликъ, не въ правѣ ли всякій заключить, что г. опонентъ не потрудился даже и прочитать какъ слѣдуетъ Записки, на авторитетъ которыхъ ссылается, и что всѣми этими собранными матеріалами, обладаніемъ коихъ хвалится, онъ нисколько не пользовался? Любопытно-бы знать, въ какихъ именно Запискахъ или официальныхъ бумагахъ отъискалъ онъ, напримѣръ, слѣдующія свѣдѣнія, будто „болѣе даровитые и спо„собные люди поселены были въ Восточ„ной Сибири (стр. 623)“. Или это просто его собственное мнѣніе, коимъ думалъ онъ польстить поселеннымъ въ Восточной Сибири, съ которыми имѣлъ случай видѣться? Но какъ ни лестенъ для нихъ такой отзывъ, они, освѣдомившись, что онъ въ Западной Сибири никого не видалъ изъ Декабристовъ, невольно спросятъ его: почему вы знаете что мы, на Востокѣ, даровитѣе по-

селившихся на Западѣ? Онъ утверждаетъ, что Записки противорѣчатъ однѣ другимъ. Ему слѣдовало-бы доказать это. Я вижу только, что его разсказъ діаметрально противоположенъ отзывамъ Декабристовъ по ихъ Запискамъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о мнимомъ ограниченіи денегъ, получаемыхъ нами въ тюрьмѣ, не оставлю безъ отвѣта одинъ изъ доводовъ, приводимыхъ г. возражателемъ, въ подтвержденіе своего показанія. Онъ указываетъ на буквальную выписку, сдѣланную имъ изъ правилъ для женъ (стр. 582, 583, 584). Тамъ значится, что „дѣти, прижитыя въ „Сибири, поступаютъ въ число казен„ныхъ заводскихъ крестьянъ"; затѣмъ: „допускается каждой получать не свы„ше 1000 рублей ежегоднаго содержанія „наравнѣ съ мужемъ". Эти условія объявлены имъ были въ Иркутскѣ; послѣ, по прибытіи ихъ въ Читу, комендантъ предъявилъ имъ другія правила, которымъ они должны были подчиниться, въ чемъ взялъ съ нихъ подписку. Развѣ не замѣтилъ г. собиратель документовъ, что въ этихъ послѣднихъ правилахъ, изъ коихъ онъ выписалъ нѣсколько пунктовъ, не заключаются условія, помянутыя въ первыхъ, изъ чего легко было бы ему убѣдиться, что они тогдаже были отмѣнены, или что первыя тяжелыя условія имѣли лишь цѣлью отклонить ихъ отъ сожительства съ мужьями? Въ его же статьѣ поминается о непомѣрно-строгихъ правилахъ, предъявленныхъ кн. Трубецкой Иркутскимъ губернаторомъ, коими думалъ онъ ее застращать, въ надеждѣ, что она откажется отъ слѣдованія за мужемъ въ Нерчинскіе рудники. Дѣло въ томъ, что ни дѣти ихъ не поступили въ число заводскихъ крестьянъ, ни сумма денегъ, получаемая ими изъ Россіи на годовое содержаніе, не подверглась ограниченію ни для нихъ, ни для мужей, ни для холостыхъ, во все время заключенія нашего въ Читѣ и въ Петровскомъ.

Авторъ настойчиво добивается цифры дохода, получаемаго Муравьевыми въ Петровскомъ. Въ статьѣ его (стр. 575) выставлено 60 тысячъ. Онъ утверждаетъ, что цифру эту почерпнулъ изъ *Записокъ Декабриста*. Я справился съ книгою и прочелъ 40 тысячъ (стр. 228). Въ настоящей его статьѣ выставлено 6 тысячъ. На какой цыфрѣ остановится авторъ, и какой прикажетъ онъ намъ держаться? Положимъ, что предметъ этотъ такъ не важенъ, что объ немъ не стоило-бы и говорить; но при обнаружившейся рѣдкой любознательности автора статьи, удивляешься его страннымъ пріемамъ для ознакомленія себя съ изучаемымъ предметомъ. Онъ съ жадностью собираетъ всякаго рода документы, даже писанные лоскутки бумаги (какъ сообщаетъ намъ). Невольно задаешься вопросомъ, на что могутъ ему служить эти матеріалы, добытые, по его отзыву, съ такимъ трудомъ, если пишетъ онъ вовсе не то, что̀ въ нихъ прочелъ? Не будь сказано въ обиду моему возражателю, мнѣ разсказывали про одного владѣльца богатой библіотеки, которою онъ очень гордился. Ему случилось у себя, въ бесѣдѣ съ друзьями, заявлять, по части исторіи и наукъ, факты столь несбыточные и невѣроятные, что подымался тотчасъ хохотъ, и сыпались возраженія. Но онъ, нимало не смущаясь и не пускаясь ни въ какія пренія, указывалъ только на шкафы съ книгами, увѣряя, что все сказанное имъ они тамъ найдутъ. Страннѣе всего то, что онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвался.

Я недавно прочелъ въ газетахъ объявленіе о поступившемъ въ продажу сочиненіи въ трехъ томахъ г. Максимова о Сибири, о ссыльныхъ и пр. Желаю ему всякаго успѣха. Самое заглавіе уже заманчиво. Но при всемъ литературномъ достоинствѣ и занимательности разсказа, которыя, охотно вѣрю, признаютъ за этой книгой, я долженъ сказать, что по части исторіи и статистики того края, она настольной справочной книгой никакъ не можетъ послужить. Въ статьѣ его о Декабристахъ мы имѣемъ обращикъ легкаго способа

имъ принятаго, для употребленія въ дѣло самыхъ цѣнныхъ, по его мнѣнію, матеріаловъ. Возраженія, какія слѣдовало ему ожидать отъ Декабристовъ, нисколько не стѣсняли его фантазіи. Можно ожидать отъ него тѣмъ болѣе развязности въ разсказѣ относительно безграмотныхъ и безгласныхъ ссыльныхъ, или политическихъ преступниковъ минувшихъ вѣковъ.

Я понимаю, что, проскакавъ нѣсколько тысячъ верстъ по обширной Сибири и „изъ дальнихъ странствій возвратясь", охота всякому подѣлиться съ пріятелями и даже съ читающей публикой своими путевыми впечатлѣніями, налетными взглядами на вещи и людей и кое-какими добытыми свѣдѣніями. Такіе безпритязательные очерки доставляютъ обыкновенно невинное удовольствіе и повѣствователю и слушателю. Но писать Исторію требуетъ другихъ условій; тутъ не только-что дальняя ѣзда, но и усидчивый трудъ оказываются часто безполезными, особенно какъ примешься за изслѣдованіе современныхъ событій. Послѣдній трудъ самый неблагодарный. Несравненно безопаснѣе писать хоть Римскую исторію чѣмъ современную, а то неминуемо наткнеться на какого-нибудь непрошеннаго и негаданнаго очевидца, который обдастъ словно варомъ скороспѣлаго историка. Почему-бы автору трехъ-томнаго сочиненія о Сибири не потерпѣть лѣтъ хоть десятокъ и не дать покойно умереть оставшимся въ живыхъ Декабристамъ? Дорогіе свои историческіе матеріалы бережно-бы сохранилъ, а тамъ открылся-бы ему полный просторъ лѣтописать на свободѣ, не встрѣчая докучливыхъ опроверженій.

Давъ отвѣтъ по пунктамъ на всѣ сдѣланныя мнѣ возраженія и разставаясь вѣроятно навсегда съ моимъ опонентомъ, воспользуюсь случаемъ признать вполнѣ заслуженнымъ хвалебный его отзывъ о Н. А. Бестужевѣ. Напрасно онъ полагаетъ, что при чтеніи его статьи отзывъ этотъ ускользнулъ отъ моего вниманія; но, раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе рецензента относительно свѣдѣній Н. А. Бестужева по части прикладныхъ наукъ, также изобрѣтательности его ума и художественныхъ способностей, я не имѣлъ повода къ возраженію[1]).

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Сочиненія И. С. Тургенева (1844—1868). Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Семь томовъ. Москва. Типографія Грачева 1868—1869 г. 8°. (При первомъ томѣ приложенъ портретъ автора, гравированный въ Лондонѣ).

Настоящее собраніе сочиненій нашего романиста, по возможности, самое полное, заключаетъ въ себѣ всѣ болѣе или менѣе капитальныя произведенія г. Тургенева, написанныя имъ въ продолженіи его славной двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности, съ 1844 по 1868 г. Сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, дающемъ возможность слѣдить постепенное развитіе таланта дорогаго писателя, котораго произведенія такъ близки сердцу каждаго образованнаго Русскаго человѣка. Оно перепечатано съ Карлсруйскаго изданія, со включеніемъ послѣдующихъ произведеній г. Тургенева: „Собака", „Дымъ", „Лейтенантъ Ергуновъ", „Бригадиръ", и „Несчастная", что составляетъ шестой томъ настоящаго изданія. Кромѣ того, въ седьмомъ томѣ помѣщены драматическія сочиненія, изъ которыхъ комедія „Мѣсяцъ въ деревнѣ" является въ первоначальномъ своемъ видѣ, недопущенномъ прежнею цензурою. Конецъ повѣсти „Два пріятеля" измѣненъ. Въ первомъ томѣ

[1]) Весьма вѣроятно, что гг. авторъ Записокъ Декабриста (скрывающій почему-то имя свое) и С. В. Максимовъ снова предъявятъ возраженія и отвѣты свои. Если такое предположеніе сбудется, то заранѣе просимъ ихъ покорнѣйше обратиться въ какое либо другое изданіе, а не въ Русскій Архивъ, въ которомъ едва достаетъ мѣста и для статей содержанія фактическаго. *П. Б.*

помѣщены „Литературныя воспоминанія“ являющіяся въ первый разъ въ печати *) и ярко рисующія то время, въ которое началась литературная дѣятельность нашего романиста. Въ типографскомъ отношеніи это послѣднее собраніе сочиненій г. Тургенева весьма изящно; приложенный портретъ автора, гравированный на стали, весьма схожъ. Вообще изданіе это удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы не слишкомъ высокая цѣна (8 р. сер.). Кажется, мы никогда не дождемся дешеваго изданія нашихъ первокласныхъ писателей.

Для полноты нашей библіографической замѣтки о послѣднемъ собраніи сочиненій г. Тургенева, не лишнимъ считаю привести, въ хронологическомъ порядкѣ, перечень всѣхъ отдѣльныхъ, прежде изданныхъ, сочиненій г. Тургенева.

1) Параша. Разсказъ въ стихахъ. Т. Л. Спб. 1843 г. 8°.

2) Разговоръ. Стихотвореніе Ив. Тургенева (Т. Л). Спб. 1845 г. 8°.

Эти двѣ раннія поэмы г. Тургенева, не лишенныя поэтическаго достоинства, въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость.

3) Записки Охотника. Сочиненіе Ивана Тургенева. Двѣ части. Москва. 1852 г. 8°.

Первое отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника, какъ извѣстно, встрѣтило большія затрудненія и причинило большія непріятности и цензору, кн. Львову, и автору, который былъ сосланъ въ деревню на два года.

Первое изданіе „Записокъ Охотника“ въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

4) Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева. Съ 1844 г. по 1856. Три части. Спб. 1856 г. 8°.

5) Записки Охотника. Сочиненіе Ивана Тургенева. Двѣ части, безъ перемѣнъ. Спб. 1859 г. 8°.

6) Украинскіе народные разсказы Марки Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. 12°.

7) Дворянское гнѣздо. Романъ И. С. Тургенева. Изд. А. И. Глазунова. Москва. 1859 г. 8°.

8) Провинціалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ив. Тургенева. Спб. 1860 г. 8°.

9) Холостякъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1860 г. 8°.

10) Сочиненія И. С. Тургенева. Исправленныя и дополненныя. Изданіе Н. А. Основскаго. 4 т. Москва 1860—1861 г. 8°.

11) Отцы и Дѣти. Ив. Тургенева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва 1862 г. 8°.

12) Сочиненія И. С. Тургенева. 1844—1864. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 5 т. Карлсруэ. 1865 г. 8°.

13) Собака. Соч. Ив. Тургенева. Оттискъ изъ 85 № „Спб. Вѣдомостей“. 1866 г. Безъ заглавнаго листа и означенія мѣста и года печатанія. 12°.

Этотъ оттискъ въ продажу не поступалъ.

14) Волшебныя сказки Перро. Переводъ Ив. Тургенева. Рисунки Густава Дорэ. Изданіе М. О. Вольфа. Спб. 1866. 4°.

15) Дымъ. Ив. Тургенева. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1868 г. 8°.

За границей въ Лейпцигѣ, изданы: „Отцы и дѣти“, „Дымъ“, „Несчастная“ и „Дворянское гнѣздо“.

Взаключеніе остается прибавить, что большая часть сочиненій г. Тургенева переведены на языки Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Испанскій („Записки Охотника“) Голландскій, Шведскій, Чешскій, Сербскій и Венгерскій *).

Довольно полный библіографическій перечень сочиненій г. Тургенева, пере-

*) Исключая двухъ отрывковъ „Воспоминаніе о Бѣлинскомъ“ и Литературный вечеръ у Плетнева“ напечатанныхъ, первый въ „Вѣстникѣ Европы“, а второй въ “Русскомъ Архивѣ“.

*) Это свѣдѣніе о переводахъ сообщено намъ самимъ авторомъ въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена отъ $\frac{5}{17}$ Іюня 1869 г.

веденныхъ на иностранные языки, помѣщенъ въ каталогѣ Базунова, составленномъ г. Межевымъ на стр. 901 и 902.

П. Библіографъ.

16-го Октября 1870 г. Казань.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ИРКУТСКА ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Какъ громомъ пораженъ я былъ, прочтя на заглавномъ листѣ Русскаго Архива (1870, тетрадь XI): Некрологъ С. А. Соболевскаго! И такъ предсказаніе его, при проѣздѣ моемъ чрезъ Москву весною 1868-го года, сбылось! Не увидимся мы болѣе, сказалъ онъ мнѣ при прощаніи. Не стало сего рѣдчайшаго и удивительнѣйшаго человѣка; смолкли на вѣки умнѣйшія уста. Сердце еще слишкомъ болитъ при мысли объ его кончинѣ, чтобъ я въ состояніи былъ распространяться въ похвалахъ его личности, про которую (на оборотъ общаго правила) при жизни слишкомъ мало говорили, а послѣ смерти заговорятъ многіе. Но вотъ причина, почему я берусь за перо: въ некрологѣ Русскаго Архива сказано, что Соболевскій родился въ 1804-мъ году. Но ошибка-ли это? По моему, онъ родился въ 1801-мъ году, и вотъ на чемъ я основываюсь.

Покойникъ часто подшучивалъ надъ моею женою, называя ее ровесницею себѣ по годамъ, т. е., прибавлялъ онъ, я старѣе васъ однимъ десяткомъ, но это пусть останется между нами; жена-же моя родилась въ 1811 году.

Другое доказательство: въ прошломъ году я ему послалъ, для пересмотра, написанную мною краткую его біографію, которую я намѣренъ помѣстить въ составляемомъ мною словарѣ о Россіи, и въ ней я означилъ, что онъ родился въ 1801-мъ году. На это онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого возраженія въ бывшей между нами перепискѣ. Послѣднее его ко мнѣ письмо получено мною около мѣсяца тому назадъ, стало-быть написано за нѣсколько только дней до его кончины; оно содержитъ нѣсколько библіографическихъ справокъ, по обыкновенію его двѣ-три шутки, и весь тонъ его показывалъ самое спокойное настроеніе духа.

Вѣчная память нашему другу: онъ ея вполнѣ заслужилъ. Могила его не многими посѣтится, лицемѣрію и любопытству не за-чѣмъ къ ней подходить; но придутъ поклониться праху усопшаго искренніе друзья, вѣрные цѣнители его высокой души, рѣдкихъ и многостороннихъ его качествъ.

Графъ А. Растопчинъ.

Иркутскъ. 26 Ноября 1870.

ПОПРАВКА.

Къ стр. 177, св. отецъ Григорій Палама жилъ не въ V-мъ, а въ XIV вѣкѣ.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле,* написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й,* или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова,* съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу*.

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

3. 1871.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Ф. Іогансонъ у Мясницкихъ воротъ, д. Воейковой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ „ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ."

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ*).

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію. *Дюка де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка".

ПИСЬМА ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ИЗМАИЛА 1790 ГОДА.

ОТЪ ГРАФА Г. И. ЧЕРНЫШЕВА КЪ КНЯЗЮ С. Ѳ. ГОЛИЦЫНУ.*)

I.

Среда, 20 Ноября 1790.

Желаю здравствовать, любезный братецъ, такъ какъ вамъ безъ сомнѣнія приходилось хоть разъ чихнуть съ той поры, какъ я васъ видѣлъ. У меня такъ много вамъ разсказывать, что не знаю, съ чего мнѣ начать. По прибытіи въ лагерь, я весьма удивился, не нашедъ его; мнѣ сказали, что онъ передвинутъ ближе къ Измаилу, такъ что я долженъ былъ продолжать путь мой и достигъ лагеря въ 5-ти верстахъ отъ города. Увидавъ задніе ряды нашей колонны, я сѣлъ на лошадь и, отыскавъ Лачинова и Талызина, отправился вмѣстѣ съ ними розыскивать Потемкина, который находился впереди и былъ верхомъ (въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ начальствуетъ отрядомъ). Насъ встрѣтило пущенное изъ города ядро: оно упало шагахъ въ 10 отъ насъ. За тѣмъ мы однако нашли Потемкина, который очень вѣжливо принялъ меня и спрашивалъ о васъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій мы отправились назадъ къ отряду и расположились на разстояніи немного дальше пушечнаго выстрѣла. Всю ночь Турки не переставали кричать и стрѣлять изъ пушекъ. Никакъ не ожидалъ я встрѣтить здѣсь генерала Львова [1]). Онъ пріѣхалъ сюда съ Бендерскою почтою на нѣсколько дней; съ нимъ рѣшительно ничего нѣтъ, и онъ принялъ команду надъ четырьмя батальонами стрѣлковъ, коихъ онъ начальникъ. — Чтò касается до Измаила, то князь [2]) приказалъ его обстрѣливать и бросать въ него зажигательныя бомбы, чтобы испытать, не сдастся ли онъ; но больше ничего не предпринимаютъ, такъ что я думаю (и не я одинъ, а всѣ) что войско наше ничего здѣсь не сдѣлаетъ, какъ въ прошломъ году князь Репнинъ, и напослѣдокъ мы отступимъ: ибо князь положительно запретилъ предпринимать осаду, по причинѣ поздняго времени года. Между тѣмъ нынѣшнюю ночь прибыла флотилія. Завтра напишу вамъ, чтò изъ этого выйдетъ.... Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два или по три раза, у князя

1) Сергѣя Лаврентьевича, о которомъ новыя и любопытныя подробности находятся въ недавно изданныхъ (вполнѣ) Запискахъ А. С. Шишкова.

2) Потемкинъ.

*) Письма эти получены нами изъ семейнаго архива князей Голицыныхъ при обязательномъ посредствѣ М. Н. Лонгинова.— Гр. Григорій Ивановичъ Чернышевъ (родной дѣдъ владѣльца Чертковской библіотеки Г. А. Черткова) приходился двоюроднымъ братомъ славному генералу князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну, коего мать была гр. Анна Григорьевна Чернышева, сестра столь извѣстныхъ въ 18 столѣтіи троихъ братьевъ графовъ Чернышовыхъ Петра, Захара и Ивана. Подлинники писаны по французски. *П. Б.*

каждый день собирается немноголюдное общество, въ двухъ маленькихъ комнатахъ, великолѣпно убранныхъ: въ нихъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя въ это время не могутъ засѣдать въ пріемной: до такой степени важно это святилище. Впрочемъ, Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится, ибо ждутъ Браницкую, и уже посланъ офицеръ встрѣчать ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 15 или 16, прелестную какъ амуръ. Говорятъ, что это П., но не знаю которая; не П. ли это, жившая при Дворѣ вмѣстѣ съ М? Какъ бы то не было, князю готовятъ жертву, которую добылъ генералъ Львовъ. Онъ въ большой милости. Но ужъ довольно новостей на этотъ разъ. Буду продолжать завтра. Теперь смертъ спать хочется, иду въ постель. Добрый вечеръ, любезный братецъ, цалую ваши ручки.

II.

Четвергъ. 1790. Ноября 21.

Флотилія, приблизившись на разсвѣтѣ къ городу, открыла канонаду въ одно и тоже время, какъ и баттарея, построенная *Рибасомъ* на одномъ изъ острововъ. Рибасъ сперва посылалъ къ Пашѣ узнать, не согласится ли онъ на сдачу; но получилъ въ отвѣтъ, что *Паша не видитъ, чего бы ему бояться*. Ядра и бомбы съ обѣихъ сторонъ бросались слишкомъ пять часовъ сряду съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ, почти безъ всякаго вреда для города, но къ несчастію со вредомъ для флотиліи: хотя мы у нихъ и сожгли три судна, но и сами лишились столько же, а именно одинъ корабль взорванъ, при чемъ на немъ уцѣлѣло только 9 человѣкъ, 2 пробиты; при томъ многіе изъ остальныхъ кораблей повреждены, потому что вся флотилія держалась на разстояніи картечнаго выстрѣла. Но всего страннѣе и печальнѣе, что на этихъ двухъ пробитыхъ корабляхъ оставалось 15 гренадеровъ, которые тщетно просили, чтобъ ихъ перевезли на другіе суда и наконецъ были плѣнены 3-мя Турками, которые подъѣхали на небольшой шлюбкѣ и увезли гренадеровъ въ виду всей флотиліи, ставшей внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Однимъ словомъ, милый братъ, начало кампаніи очень неудачно; всѣ пріуныли, никто не знаетъ, что дѣлать, и Турки торжествуютъ.

Здѣсь подъ ружьемъ одинъ только *Потемкинъ* [3]) съ своею арміею, въ которой не болѣе 4,000 человѣкъ; *Кутузовъ* въ 12 или 14 верстахъ отсюда и не имѣетъ приказа присоединиться къ намъ; *Арсеньевъ* также остается празднымъ; между тѣмъ гарнизонъ крѣпости, какъ меня увѣрялъ Потемкинъ, превышаетъ 20 тысячъ, а другіе говорятъ, что онъ простирается до 40 тысячъ. Мы постоянно на сторожѣ, на случай вылазки, и на ночь не раздѣваемся; но къ несчастью нашъ лагерь помѣщенъ такъ плохо, что въ случаѣ вылазки мы можемъ погибнуть. Представьте, что отъ нашего праваго фланга до самаго Дуная, почти на цѣлую версту, идутъ камыши, ничѣмъ не защищаемые; такимъ образомъ какія нибудь двѣ сотни Ту-

3) Павелъ Сергѣевичъ, не князь.

рокъ могутъ насъ отрѣзать и напасть сзади, какъ имъ угодно, тѣмъ болѣе, что каждый корпусъ здѣсь расположенъ баталіонами въ каре и такъ близко одинъ отъ другаго, что въ случаѣ тревоги мы будемъ выстрѣлами убивать другъ друга. Потемкинъ не знаетъ, что̀ дѣлать; сейчасъ онъ послалъ курьера извѣстить князя, что все идетъ дурно и проситъ его приказаній. Думаютъ, что *Самойловъ* и *Кутузовъ* присоединятся къ намъ, и дѣло кончится приступомъ, потому что иначе мы конечно никогда не возмемъ Измаила.

Кстати, я забылъ вамъ сказать: знаменитый полученный вами *циркулярный приказъ* о дѣятельномъ продолженіи войны вышелъ наканунѣ дня, въ которой князь Долгорукій (Василій) просилъ отставки.

Здѣсь во всемъ крайній недостатокъ. Представьте, что мой небольшой дорожный запасъ провизіи служилъ обѣдомъ Львову и всѣмъ офицерамъ изъ баталіона Лачинова, у котораго я живу, и который проситъ васъ прислать мнѣ въ особенности дичи, анисовой водки и хлѣба, чтобъ я могъ подѣлиться съ нимъ: вы меня этимъ очень и очень обяжете. Но пожалуста поскорѣе, такъ какъ я рѣшительно умираю съ голоду. Я не только не обѣдалъ у Потемкина, но даже почти его не видалъ, ибо онъ никого не принимаетъ, и сегодня, послѣ отступленія, когда я вошелъ къ нему, всѣ были удивлены моею дерзостію. Мадамъ уѣхала сегодня утромъ въ прежній лагерь, и я ее видѣлъ вчера только одну минуту.

Львовъ поручилъ мнѣ кланяться вамъ и благодаритъ за какого-то адъютанта, но кого именно, я забылъ. Онъ привезъ съ собою *Чаплица* и *Томатиса* въ качествѣ волонтеровъ; отъ послѣдняго-то я и узналъ всѣ Бендерскія новости.

Флотилія наполнена иностранными волонтерами; тутъ герцогъ *де Фронсакъ*, *Буамильонъ*, *Дамасъ*. *Князь Шарль де Линь* также здѣсь и еще много другихъ. Завтра я самъ поѣду на флотилію.

Я забылъ вамъ разсказать слѣдующій случай. Отправившись сегодня утромъ на рекогносцировку города, мы подошли къ нему такъ близко, что не только могли различать въ немъ людей, но даже были приняты нашими за Турокъ: въ насъ пустили съ флотиліи два ядра, изъ которыхъ одно подпрыгнуло къ самой моей лошади и упало между мной и бригадиромъ *Вестфаленомъ*, который былъ съ нами. Вы можете сообразить, что мы оттуда возвращались во весь галопъ.

Принцъ Гессенскій также здѣсь; онъ меня спрашивалъ, получилъ ли я письмо, посланное имъ ко мнѣ изъ Киліи. Я сказалъ, что получилъ и увѣрилъ его, что я отвѣчалъ ему, ровно какъ и генералъ Спатъ, такъ что Гессенъ убѣжденъ теперь, что наши письма не дошли. Усердно кланяюсь длинному генералу (Спату); скажите ему, что я его столько же люблю, сколько уважаю, а это много. Тысячу привѣтствій всѣмъ. Сегодня вечеромъ пріѣхалъ Гудовичъ.

Прощайте, милый братецъ; помните обо мнѣ, любите меня, если-жъ я умру, забудьте меня поскорѣе и не го-

ворите объ этомъ никому ни слова. Жду съ нетерпѣніемъ съѣстныхъ припасовъ и остаюсь на всегда преданный вамъ братъ и, если позволите, другъ.

Сожгите мое письмо.

Лѣнивъ я или нѣтъ?

III.

Ноября 22.

Здравствуйте, братецъ; надѣюсь, на этотъ разъ вы не скажете, что я лѣнюсь писать вамъ. Я не знаю, пріятно ли вамъ читать мои письма, но увѣряю честью, что мнѣ очень пріятно писать ихъ.

Однако учтивости въ сторону: я люблю васъ ото всего сердца и лучше этого ничего не умѣю сказать. Обращаюсь къ повѣствованію о нашихъ дѣлахъ.

Канонада съ нашихъ баттарей продолжалась всю ночь и даже часть слѣдующаго утра; городъ намъ отвѣчалъ слабо. Сегодня около полудня я поѣхалъ съ генераломъ Львовымъ на флотилію, которая стоитъ почти внѣ пушечныхъ выстрѣловъ; но однакожъ ѣхать туда очень опасно, потому что должно проѣзжать садами и камышами, лежащими на разстояніи картечнаго выстрѣла, а одно мѣсто, именно гдѣ пристають къ берегу, удалено лишь на ружейный выстрѣлъ отъ городскихъ воротъ. Съ нами было 12 казаковъ для прикрытія, и мы совершили путь благополучно, не смотря на свистъ ядеръ, пуль и картечь.

Рибасъ очень плохъ; *Ираклій Марковъ* командуютъ полевою баттареею. Когда Львовъ былъ вмѣстѣ съ Рибасомъ, они согласились перевести всѣ большія пушки на островъ и устроить изъ нихъ сбивальную баттарею въ 80 пушекъ. Какъ бы то ни было, но городъ навѣрно не думаетъ о сдачѣ; жители рѣшительно намѣрены сражаться и очень гордятся поврежденіями, которыя они сдѣлали нашей флотиліи, состоящими въ истребленіи нѣсколькихъ сотенъ людей и трехъ судовъ, о чемъ здѣсь разговариваютъ тихонько.

Возвратившись съ флотиліи, мы нашли курьера изъ Бендеръ, который извѣстилъ, что князь (Потемкинъ) приказалъ тяжелой осадной артилеріи прибыть сюда и взять городъ непремѣнно, во что бы то ни стало; и такъ мы должны ожидать втораго изданія *Очакова* и оставаться здѣсь по крайней мѣрѣ до Января. Что дѣлать? Вооружиться терпѣніемъ.

Прощайте, милый братецъ; передайте прилагаемое письмо по адресу и не забывайте преданнаго на всегда брата.

IV.

Ноября 23.

Милый братецъ! Хотя вы играете роль нѣмаго въ нашей перепискѣ, но я на васъ не сержусь; пришлите однакожъ назадъ моихъ казаковъ, потому что у меня ихъ остается только 4, а это помѣшало мнѣ отослать вамъ мое вчерашнее посьмо, которое вы получите вмѣстѣ съ этимъ и которыя я отправляю оба, какъ только одинъ изъ моихъ казаковъ вернется.

Нынѣшній день прошелъ очень спокойно. Почти не было выстрѣловъ ни съ той, ни съ другой стороны. Но рѣшено, что намъ пришлютъ изъ подъ Бендеръ тяжелую артилерію, и что *Гудовичъ* въ скоромъ времени долженъ прибыть сюда съ своимъ корпусомъ, такъ что мы останемся здѣсь по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, ибо тя-

желая артилерія не пріѣдетъ раньше 12—15 дней; стало быть надо здѣсь устраиваться. Поэтому, если вы находите удобнымъ оставить меня здѣсь, непремѣнно нужно прислать мнѣ еще нѣкоторые изъ моихъ экипажей, а именно, фургонъ съ палаткой и домикомъ и еще кибитку. Ибо маленькій домикъ, который у меня есть, годился на нѣсколькихъ дней; но надолгое время онъ невыносимъ: когда цѣлый день никуда не выходишь, нужно у себя имѣть хоть столько мѣста, чтобы лечь удобно, а у меня и это невозможно теперь. Я обѣдаю почти всегда дома, и мой обѣдъ состоитъ изъ чаю съ хлѣбомъ, потому что у генерала Потемкина обѣдъ накрывается на 8 приборовъ, а кушаньевъ едва достанетъ, чтобы наѣсться двоимъ, и замѣтьте, тамъ никогда не подаютъ кофею. И такъ если вы находите для меня удобнымъ оставаться здѣсь, вотъ что я попрошу васъ прислать мнѣ. Впрочемъ я объ этомъ пишу въ при семъ прилагаемомъ письмѣ къ Миллеру, котораго также не оставьте прислать ко мнѣ, если вы можете безъ него обойтись; онъ просился ѣхать сюда со мною, и я его не взялъ въ надеждѣ остаться здѣсь лишь нѣсколько дней; но какъ я здѣсь пробуду по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, то Миллеру. будетъ непріятно жить со мною врознь. Ну, а какъ намъ быть съ поваромъ? Онъ вѣдь нуженъ вамъ, и поэтому не можете ли прислать мнѣ одного изъ вашихъ поваренковъ? Я не желаю лишать васъ моего повара. И такъ, я пишу въ письмѣ къ Миллеру, что̀ нужно мнѣ прислать. Но и васъ, братецъ, я попрошу прибавить къ этому небольшой возъ, въ который вы прикажете положить двухъ барановъ, полдюжины птицъ, боченокъ Молдавскаго вина, нѣсколько кочней капусты, нѣсколько мѣшковъ муки и рису, и пр., однимъ словомъ, маленькій возъ провизіи, не забывая и масла. Ибо, клянусь вамъ, здѣсь мы умираемъ съ голоду, и ничего нельзя достать, кромѣ говядины. Когда вы пришлете все это, я, поблагодаривъ васъ тысячекратно, вещи оставлю у себя, а лошадей отошлю вамъ назадъ; удержу лишь одну пару здѣсь и одну пару въ Яльпушѣ для нашихъ тамошнихъ казаковъ, чтобъ они могли установить маленькую торговлю между нами, перевѣсъ которой будетъ навѣрно на моей сторонѣ.

Будьте же добры, милый братецъ, какъ вы бываете всегда, и постарайтесь выслать мнѣ все это какъ можно скорѣе. Цѣлую ваши ручки и благодарю васъ заранѣе.

Всѣ волонтеры флотиліи сегодня приходили навѣстить меня, именно принцъ *де Линь*, герцогъ *де Фронсакъ*, *Ланжеронъ*, *Ламбертъ*, и пр. они всѣ, какъ настоящіе Французы, любезные, но легкомысленные люди, шалуны и вѣтренники.

Прощайте, милый братецъ; я жду моего казака, который еще не возвращается, что̀ меня заставляетъ думать, что вы получите вдругъ три моихъ письма. Прощайте. Тысячу поклоновъ и привѣтствій генералу Спату; я его очень, очень люблю; скажите ему, что здѣсь, къ сожалѣнію, дѣлается много глупостей.

V.

(Безъ числа, вѣроятно 23 или 24 Ноября).

Чортъ меня побери, милый братецъ, за то, что я вздумалъ пріѣхать сюда.

Гудовичъ и я мы въ этомъ раскаеваемся ежеминутно и даемъ себѣ слово не дѣлаться другой разъ жертвою нашего любопытства.

Представьте себѣ, что мы живемъ здѣсь безъ надежды что либо сдѣлать, что либо увидать, умирая отъ скуки, жажды и голода. Извините на маломъ, но за то это буквально вѣрно. Хотя сегодня мы имѣли высшую честь обѣдать у его пр-ва г. генерала, но я бы умеръ съ голоду, еслибъ не догадался приказать Ильѣ купить и изжарить мнѣ кусокъ говядины, потому что здѣсь рѣшительно ничего нельзя найти кромѣ говядины, да и та достается съ трудомъ.

Вообразите, когда приходятъ къ г. Потемкину, всѣ собираются на открытомъ воздухѣ вокругъ костра, и тутъ проводятъ утро въ ожиданіи, пока его пр-во выйдетъ въ большой шубѣ и удостоитъ обратиться къ вамъ съ разговоромъ. Тамъ остаются до времени обѣда, какая бы ни была погода, и потомъ все остальное время дня; это называютъ генеральскою квартирою. Согласитесь, что это плохая квартира, и что ее лучше бы назвать *генеральская поляна*, тѣмъ болѣе, что у насъ идутъ безпрестанно дожди. По всему этому я думаю, что завтра или послѣ завтра мы съ Гудовичемъ оставимъ этотъ корпусъ и перейдемъ къ Кутузову, гдѣ больше дѣла, въ особенности для волонтера; но еще прежде я хочу съѣздить на флотилію, для чего потребуется четыре-пять часовъ.

Сегодня мы не двинулись впередъ. Пушечные выстрѣлы раздаются по временамъ. Флотилія немного отступила; наша центральная батарея еще не готова; дѣйствуютъ только батарея Арсеньева и первая Рибаса, и то по временамъ. Что̀ касается до города, онъ дѣлаетъ каждыя 5 минутъ по выстрѣлу, которые не вредятъ никому. Прошлую ночь казаки сожгли нѣсколько мельницъ предъ городомъ.

Турки попробовали сдѣлать нѣсколько вылазокъ противъ батареи Арсеньева, безпокоящей ихъ болѣе всего; но не имѣли успѣха.

Несчастье наше въ томъ, что всѣ три генерала, Потемкинъ, Кутузовъ и Рибасъ, не только не зависятъ другъ отъ друга, но дѣйствуютъ вовсе недружно и не хотятъ даже помогать другъ другу, а Львовъ смѣется надъ всѣми троими, и не безъ основанія.

Я попрошу васъ, милый братецъ, написать письмо Кутузову о бѣдномъ капитанѣ *Лиліенфельдѣ*, гдѣ вы объясните, что хотя онъ записанъ въ стрѣлковый корпусъ, но желалъ бы окончить эту кампанію волонтеромъ, и что вы за него просите. Вы этимъ очень меня обяжете.

Прилагаю *записку* отъ Гудовича, которую прошу доставить въ его полкъ.

Прощайте, милый братецъ; посылаю назадъ вашу лошадь, потому что боюсь испортить ее такимъ дурнымъ кормомъ; да притомъ съ меня довольно одной; впрочемъ Потемкинъ, по особой милости, далъ мнѣ сѣна. Прощайте, цѣлую ваши руки.

VI.

Ноября 27, въ 7 ч. утра.

Здравствуйте, милый братецъ; я сейчасъ получилъ ваше письмо. Ваше безпокойство обо мнѣ вѣроятно уже прошло, и благодаря Бога я здоровъ.

Наконецъ, милый братецъ, все кон-

чено—мы не получимъ Измаила и побѣдныхъ лавровъ; мы уже отступили на десять верстъ отъ города и ожидаемъ приказа стать на зимнія квартиры. Но буду разсказывать по порядку.

Ноября 25 я вамъ не писалъ, потому что цѣлый день былъ занятъ рисованіемъ плана Измаила съ ситуаціею нашихъ войскъ и батарей; къ несчастью этотъ планъ вышелъ такъ удаченъ, что г. Потемкинъ у меня его попросилъ, и я не могъ отказать; впрочемъ я постараюсь вамъ сдѣлать другой вчернѣ. Въ этотъ же день Рибасъ былъ у Гудовича, и тамъ происходилъ совѣтъ о томъ, что̀ мы должны дѣлать, самый смѣшной, какой только можно себѣ представить. Какъ будто дѣло шло о томъ, кто скажетъ самую крупную нелѣпость. 1) Рибасъ предложилъ придвинуть всю артиллерію всѣхъ нашихъ корпусовъ на разстояніе картечнаго выстрѣла, — но чтобы каждая пушка была запряжена 60 быками: ибо Килійскій паша, который теперь въ Измаилѣ, говорилъ Измаильскому пашѣ, что у насъ есть такія тяжелыя пушки, въ которыя нужно запрягать 60 быковъ и что ничто не можетъ противиться такимъ пушкамъ. 2) Рибасъ предложилъ сдѣлать брешъ со стороны Дуная, бросая бомбы съ кораблей, которые онъ хотѣлъ поставить въ 30 шагахъ отъ города. Вамъ это покажется новостью дѣлать бреши 1) бомбами и 2) бросаемыми съ кораблей. Словомъ, послѣ тысячи подобныхъ глупостей, было рѣшено, что на слѣдующій день, 26 Ноября, въ день Св. Георгія, всѣ войска придвинутся къ городу и сдѣлаютъ демонстрацію, между тѣмъ какъ наши батареи произведутъ адскую канонаду, и тогда потребуютъ сдачи города; въ случаѣ же отказа, флотилія отступитъ, и мы всѣ сдѣлаемъ тоже самое ночью. Это случилось и въ самомъ дѣлѣ. Ноября 26 около часу по полудни мы отослали нашъ обозъ назадъ, и около $5^1/_2$ часовъ нашъ корпусъ подошелъ на 80 туазовъ ближе къ городу, однакожъ далѣе пушечнаго выстрѣла; впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобъ изъ города видѣли наше движеніе, потому что уже совсѣмъ наступала ночь. Наши батареи начали стрѣлять; но думаю, что немногія бомбы и ядра даже и долетали, ибо во все время канонады мы убили у Турокъ только одну женщину, 7 дѣтей и 2 мужчинъ. Коротко сказать, во время канонады батарей, флотилія отступила, корпусъ Гудовича тоже, и мы получили такое же приказаніе. Въ 7 часовъ вечера мы тронулись въ путь, а въ 9 пришли въ новый лагерь, отстоящій на 8 верстъ отъ прежняго. Во время пути ночь была отвратительная, вѣтеръ и снѣгъ чертовскіе; такъ кончилась комедія. Признаюсь, я, отправляясь сюда, не надѣялся пріѣхать за тѣмъ, чтобы присутствовать при отступленіи. Все это происходитъ: 1) отъ малочисленности нашихъ войскъ, тогда какъ въ городѣ ихъ 20 тысячъ, кромѣ жителей; 2) отъ большаго разногласія между нашими генералами. Въ самомъ дѣлѣ: Потемкинымъ управляетъ Львовъ, открытый врагъ Рибаса, котораго однако Потемкинъ не хочетъ удалить. И такъ съ одной стороны Львовъ и Рибасъ терпѣть не могутъ, однакожъ и боятся другъ друга, и слѣдователь

но не смѣютъ мѣшать другъ другу, потому что оба фавориты; съ другой стороны Потемкинъ и Гудовичъ—въ подобныхъ же обстоятельствахъ кромѣ только фаворитства. Эти личныя интриги и составляютъ главную причину всѣхъ золъ.

Что̀ касается до меня, милый братецъ, я расчитываю возвратиться къ вамъ завтра или послѣ завтра; не отвѣчайте на мои письма; я проведу одинъ день у Гудовича, котораго я еще не видалъ. Прикажите пожалуста съ полученіемъ этого письма заготовить мнѣ смѣнную четверню лошадей въ Кагулѣ и другую на мосту и чтобы взяли съ собою немного овса.

VII.

Ноября 29.

Я сейчасъ только получилъ, милый братецъ, отъ г. Потемкина вашу записку, въ которой вы меня спрашиваете, нуженъ ли мнѣ экипажъ. Да, милый братецъ, прошу васъ прислать его и какъ можно скорѣе. Мы все еще стоимъ лагеремъ здѣсь, въ 9 верстахъ отъ Измаила и въ отвратительную погоду. Съ минуты на минуту ждутъ Суворова. Вчера около полудня мы вдругъ получили приказъ, чтобы корпусъ сегодня отправился въ *Яльпугъ*, и что слѣдовательно должно немедленно отправить туда нашъ обозъ. Это въ самомъ дѣлѣ и исполнили; но вслѣдъ за тѣмъ, около 6 часовъ, полученъ контръ-ордеръ, чтобы воротить нашъ обозъ и быть готовыми возвратиться къ Измаилу. Однимъ словомъ, сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, и взятіе Измаила становится проблематическимъ. Впрочемъ всѣ того мнѣнія, что какъ только Суворовъ прибудетъ, городъ возьмутъ нечаяннымъ нападеніемъ, сразу, приступомъ. Продолжаютъ говорить, что вы идете сюда съ вашимъ корпусомъ. Флотилія совсѣмъ ретировалась.

Прощайте, милый братецъ: не можете ли вы прислать мнѣ съ экипажемъ три или четыре *тулупа* для моихъ людей, у которыхъ нѣтъ ихъ: ибо на этихъ людей жалость посмотрѣть, а у насъ снѣгъ и зима по горло. Прощайте. Иду пить ваше здоровье водою съ уксусомъ, ибо вода скверная, а вина здѣсь нѣтъ нигдѣ.

VIII.

Декабря 3.

Здравствуйте, милый братецъ: наконецъ Миллеръ пріѣхалъ нынѣшнее утро съ моимъ экипажемъ. Благодарю васъ за все: но только забыли привезти мнѣ сахару и хлѣба; если вы могли бы ихъ мнѣ прислать, также какъ свѣчей, то очень бы обязали.

О здѣшнихъ новостяхъ, милый братецъ, скажу вамъ, что Суворовъ прибылъ вчера, что приступъ почти рѣшенъ, что городъ возьмутъ со стороны рѣки, съ которой онъ только и доступенъ; но однако планъ атаки вполнѣ еще неопредѣленъ. Завтра, надѣюсь, можно будетъ сообщить вамъ подробныя распоряженія.

Что̀ касается лично до меня, то хотя смерть не заключаетъ въ себѣ ничего для меня страшнаго; но вѣрьте, милый братецъ, что я не буду нарочно искать ея. Я только поручилъ сказать графу Суворову, что *я прошу его пр-во вспомнить, что я нахожусь здѣсь въ качествѣ волонтера и что я отдаюсь*

вполнѣ въ его распоряженіе. На это онъ приказалъ мнѣ отвѣчать, что онъ обо мнѣ позаботится и дастъ мнѣ назначеніе, т. е. поручитъ вести два баталіона своего полка на приступъ. Что бы ни случилось, завтра вы будете знать все; на нынѣшній день довольно. Прощайте, братецъ. Всѣ утверждаютъ, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Россія, никогда еще не видывали такого горячаго дѣла, какое намъ предстоитъ: ибо это не бездѣлица взять однимъ разомъ городъ такъ хорошо укрѣпленный, какъ Измаилъ, гдѣ около 30 тысячъ гарнизону, не устраивая ни траншей, ни батарей, однимъ словомъ начинать тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончаютъ—приступомъ.

IX.

Декабря 4.

Здравствуйте, милый братецъ. Наши дѣла весьма странны, и ничего еще не рѣшено. Планъ аттаки еще не составленъ. Въ эту полночь мы перемѣнимъ лагерь; мы всѣ станемъ линіею вокругъ города и будемъ на флангѣ корпуса *Самойлова*. Завтра построятъ нѣсколько батарей, неизвѣстно какъ и неизвѣстно гдѣ; но онѣ должны быть готовы къ субботѣ 7 числа. Тогда Суворовъ объѣдетъ лагерь, и изъ каждой пушки съ земли и съ воды сдѣлаютъ по три выстрѣла; послѣ этого отъ города потребуютъ сдачи; если онъ откажется, въ ту же ночь будетъ приступъ. И такъ, какимъ бы то ни было способомъ, живые или мертвые, въ воскресенье (8 числа) мы будемъ въ Измаилѣ. Между тѣмъ графъ (Суворовъ) продолжаетъ дурачиться и назначаетъ упражненія для репетиціи предстоящаго приступа. Прощайте, милый братецъ; я все жду плана атаки, чтобы написать вамъ длинное письмо. Прощайте.

X.

Безъ числа (5 Декабря).

Здравствуйте, милый братецъ; я вамъ пишу теперь только одну строчку, но вечеромъ вы получите мою обыкновенную реляцію. Эту записку пишу за тѣмъ только, чтобы рекомендовать вамъ ея подателя, сына нашего г. Грубе. Впрочемъ посылаю вамъ маленькій очеркъ, по которому вы можете судить о нашихъ военныхъ распоряженіяхъ. *Ширяй*, служащій волонтеромъ у Кутузова, пріѣхалъ сегодня къ намъ и разсказалъ: 1) что у нихъ 17 тысячъ казаковъ, которые каждый день имѣютъ стычки съ непріятелемъ подъ самыми стѣнами, 2) что Запорожцы вчера попробовали сдѣлать приступъ, при чемъ потеряли 30 человѣкъ; 3) что городъ въ тревогѣ. Что странно, такъ это то, что корпусъ Кутузова заставляетъ ихъ дрожать, а мы сами дрожимъ отъ страха или по крайней мѣрѣ похожи на испуганныхъ. Прощайте, братецъ; до длиннаго письма сегодня вечеромъ.

XI.

Декабря 6.

Здравствуйте, милый братецъ. Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Графъ Суворовъ былъ такъ добръ, что предоставилъ мнѣ самому выбрать мѣсто, гдѣ я желаю быть; и какъ скоро сдѣлаю выборъ, онъ прикажетъ полковому командиру дать мнѣ отрядъ въ команду; но къ несчастію

я старше всѣхъ полковыхъ командировъ, за исключеніемъ Кутузова, а Кутузовъ имѣетъ всего 5 баталіоновъ, и у него подъ командою состоятъ *кн. Волконскій* камергеръ и *Рибопьеръ* бригадиръ, такъ что на мою долю едва останется командованіе лишь однимъ баталіономъ, и я опасаюсь, что буду униженъ въ сравненіи съ этою ... Волконскимъ. Впрочемъ войска такъ мало, что ни въ какомъ полку я не могу получить въ команду болѣе одного баталіона, и повсюду я буду самый старшій. Всѣ говорятъ мнѣ, и Потемкинъ первый, что—моя воля, но мнѣ не прилично идти на приступъ ни съ батальономъ, ни въ числѣ охотниковъ, а что напротивъ я долженъ сохранить роль волонтера и оставаться возлѣ графа Суворова, который можетъ поручать мнѣ то или другое. Но, милый братецъ, если я это сдѣлаю, что̀ обо мнѣ скажутъ? Мнѣ кажется, я ужъ слышу кругомъ себя такія рѣчи: вотъ онъ, этотъ волонтеръ который сдѣлалъ два похода, не видавъ непріятеля, и который не идетъ даже на приступъ, когда къ этому представляется случай. Ради Бога, рѣшите мою участь; отвѣчайте чистосердечно, совѣтуйтесь только съ моею честью, а не съ вашею дружбою; принимайте за правило, что жизнь ничего не значитъ въ сравненіи съ честью и отвѣчайте мнѣ безъ замедленія: ибо я дрожу отъ опасенія, что я не пойду на приступъ съ отрядомъ, между тѣмъ какъ я былъ совершенно спокоенъ, когда думалъ, что навѣрно пойду; однимъ словомъ, я рѣшительно не знаю, что̀ дѣлать, ибо по несчастью мой чинъ и старшинство мѣшаютъ мнѣ во всѣхъ моихъ предположеніяхъ. Рѣшите и отвѣчайте; клянусь, я прихожу въ отчаяніе, какъ ребенокъ. Я никогда не думалъ, чтобы предразсудки чести были такъ сильны; я боюсь сдѣлаться смѣшнымъ, пойдя на приступъ, и еще больше боюсь вовсе не идти. Прощайте.

Никакихъ плановъ военныхъ дѣйствій еще не объявлено. Надъ этимъ трудятся усиленно, и завтра все объявится.

XII.

Декабря 7.

Наконецъ, милый братецъ, моя участь рѣшена. Графъ (Суворовъ) былъ такъ добръ, что создалъ для меня мѣсто, которое считаютъ очень важнымъ, но которое къ несчастью лишаетъ меня чести идти на приступъ; онъ меня наименовалъ генералъ-инспекторомъ всѣхъ аттакъ и колоннъ. которыя тамъ будутъ; у меня подъ командою состоятъ 2 лейтенантъ-полковника, 4 маіора и столько же оберъ-офицеровъ, 12 вѣстовыхъ и 24 казака. Я долженъ все разузнавать, говорить мои мнѣнія, направлять аттаки и обо всемъ доносить. Чтобы доказать вамъ, что я не теряю времени и работаю, какъ лошадь, я посылаю планъ нашей аттаки; онъ набросанъ наскоро, но вѣренъ и можетъ дать вамъ понятіе обо всемъ, что̀ мы станемъ дѣлать; а завтра вы получите описаніе диспозиціи. До сихъ поръ еще некогда переписать ее. Вы увидите на планѣ всѣ колонны и наши 4 полевыя баттареи.

Что̀ касается до меня, братецъ, повѣрьте, что, не смотря на мою долж-

ность, я брошу все и замѣшаюсь въ какую нибудь колонну, чтобъ быть въ городѣ одному изъ первыхъ. Но я крѣпко боюсь, что плутъ не сдастся; вы объ этомъ можете судить по тому, что̀ случилось сегодня. Нынѣшнее утро мы сдѣлали по три вытрѣла изъ всѣхъ пушекъ на морѣ и на землѣ и закричали *ура,* какъ будто бы Суворовъ сейчасъ только пріѣхалъ; вслѣдъ за тѣмъ графъ послалъ офицера съ двумя трубачами и письмомъ къ *пашѣ-сераксиру,* гдѣ онъ требуетъ сдачи на Бендерскихъ условіяхъ. Турки приняли нашего посланнаго очень вѣжливо, предлагали ему, если угодно, войти въ городъ и отдать письмо лично; но когда нашъ офицеръ отвѣчалъ, что на счетъ этого онъ не имѣетъ никакого приказа, они взяли письмо и попросили подождать отвѣта. Наши ждали его очень долго; но, видя, что отвѣта нѣтъ, а между тѣмъ ужъ наступаетъ ночь, возвратились. Немного спустя, два Турка въ свою очередь вышли изъ крѣпости и объявили казачьему полковнику, командующему нашими аванпостами, что паша получилъ письмо отъ нашего сераскира, что онъ усердно ему кланяется и пришлетъ отвѣтъ завтра, въ 9 часу по восхожденіи солнца, такъ какъ нужно время собрать совѣтъ. Все это похоже на робость. Между тѣмъ наши работы сегодня продолжались; батареи будутъ готовы завтра, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, Турки стрѣляютъ по нашимъ рабочимъ.

Г. Миллеръ пишетъ вамъ о нашихъ нуждахъ, потому что мы нуждаемся во всемъ. Я изъ экономіи не обѣдаю дома, почему часто остаюсь безъ обѣда; а вечеромъ мнѣ всегда приходится кормить человѣкъ 5, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ начальство: ибо мои подчиненные приходятъ ко мнѣ съ работы окоченѣвшіе, и надобно имъ дать по крайней мѣрѣ стаканъ вина и немного хлѣба. Прощайте, милый братецъ; я совершенно изнемогаю отъ усталости: я проѣхалъ сегодня по крайней мѣрѣ 30 верстъ верхомъ и сдѣлалъ 7 плановъ. Посылаю вамъ цѣлую кучу писемъ отъ Гудовича; я не могъ прежде вамъ прислать ихъ, потому что не имѣлъ козаковъ; мои всѣ были въ разъѣздѣ. Кстати, взыщите хорошенько съ казаковъ нашего поста: они употребляютъ лошадей Богъ знаетъ куда, и мои письма остаются безконечное время въ дорогѣ, также и ваши. Прощайте, цѣлую васъ, равно какъ и Миллера, по обычаю.

Г. Золотухинъ, который ночуетъ у меня, проситъ напомнить вамъ о немъ.

XIII.

Декабря 9.

Здравствуйте, милый братецъ. Отвѣтъ, который намъ прислали Турки, очень замѣчателенъ. 1) Они насъ спрашиваютъ, зачѣмъ наша флотилія и армія подошли къ городу, между тѣмъ какъ у насъ заключено перемиріе. 2) Они прибавляютъ, что при первой канонадѣ съ нашей флотиліи, мы потеряли три корабля, при второй шесть кораблей и много людей; поэтому они очень удивлены, что послѣ такого неудачнаго начала мы осмѣливаемся предвѣщать имъ участь Очакова; что впрочемъ и при Очаковѣ мы поте-

ряли много людей. 3) Что нечестно съ нашей стороны писать имъ письмо, давать 24 часа на отвѣтъ и между тѣмъ строить въ ту же ночь четыре батареи. 4) Что, не смотря на все это, они пошлютъ, если мы позволимъ, двухъ человѣкъ къ Великому Визирю, который находится на 32 часовомъ разстояніи, чтобы получить рѣшительный отвѣтъ и что чрезъ 10 дней они могутъ его передать намъ. 5) Что въ случаѣ, если мы не согласимся дать имъ эту отсрочку, они готовы защищаться на водѣ и на сушѣ, и тогда Богъ рѣшитъ ихъ участь. 6) Они впрочемъ надѣются, что мы дадимъ имъ желаемые 10 дней.

Вотъ, братецъ, ихъ письмо. Мы будемъ отвѣчать завтра, чтобы они сдавались немедленно, либо готовились биться на смерть, и что все будетъ предано огню и мечу.

Все это предвѣщаетъ сдачу, но мы не знаемъ, чего ожидать; впрочемъ только Паша и Татары желаютъ защищаться, а остальные на нашей сторонѣ.

Наши 4 батареи окончены; Турки эту ночь не сдѣлали ни одного выстрѣла и оставили нашихъ рабочихъ въ покоѣ; но въ первую ночь они убили троихъ изъ нихъ.

Я выписалъ изъ инструкціи генераламъ параграфъ, который до меня относится; вы можете знать теперь мою обязанность.

Гренадерскій полкъ прибылъ нынѣшнее утро.

Я думаю, что приступъ будетъ завтра или послѣ завтра.

Не можете ли вы мнѣ прислать нѣсколько сотъ рублей, чтобъ накупить подешевле Турецкихъ вещей, когда городъ будетъ взятъ; вы очень меня обяжете.

Прикажите пожалуста сдѣлать большое блюдо бифштексу и пришлите мнѣ: мы будемъ здѣсь его разогрѣвать.

Поклонъ Спату. Прощайте, милый братецъ; обнимаю васъ дружески. Прощайте.

(На оборотѣ приписка) Пришлите мнѣ мои математическіе инструменты и карандашей.

XIV.

Декабря 9.

Посылаю вамъ, милый братецъ, проэктъ всѣхъ нашихъ дѣйствій; вамъ остается только читать его и подумать надъ нимъ.

Приступъ будетъ навѣрно завтра или послѣ завтра ночью. Турки не хотятъ сдаваться; они сказали это *Соболевскому*, который отвозилъ имъ нашъ отвѣтъ; завтра они намъ дадутъ окончательный отвѣтъ; но какой онъ ни будетъ, развѣ только они пришлютъ ключи крѣпости, наша канонада откроется завтра послѣ обѣда и продолжится до минуты приступа. Пожелайте намъ успхха.

Г. *Асташовъ*, списавшій копію проэкта, который я вамъ посылаю, проситъ васъ изъ любви ко мнѣ прислать ему фунтъ пудры и немного помады, чтобы защитить свой парикъ отъ бомбы. Прощайте, милый братецъ; я васъ люблю столько же, какъ и уважаю, а это много. Поклонъ Спату.

NB. Измаилъ взятъ Суворовымъ 11 Декабря 1790 года. См. подробности въ Запискахъ гр. Самойлова о кн. Потемкинѣ. Р. Арх. 1866, стр. 1549 и слѣд.

ПИСЬМА И. И. ДМИТРІЕВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

I.

Милостивый государь.

Спѣшу изъявить вамъ чувствительную благодарность мою за обязательное ваше писаніе. Я не хочу повторять того, что̀ говорено было съ Н. М. Но могу васъ увѣрить, что люблю и по крайней мѣрѣ желаю быть всегда искреннимъ и безпристрастнымъ въ моихъ сужденіяхъ.

Ваша актриса Колосова утѣшила всю Москву прекрасною своей игрою. Она играла въ Мизантропѣ, въ Танкредѣ; завтра будетъ играть въ одной изъ комедій Мариво, а 4 Октября декламировать одну сцену изъ Андромахи въ какой-то интермедіи, подъ названіемъ «Маскерадъ или вечеринка артистовъ».— Лучше бы услышать ее въ цѣлой трагедіи.

II.

Благодарю васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, за вашъ подарокъ; только я не прежде приму его, пока мы не сдѣлаемъ нѣкоторыхъ условій. На именинахъ я непремѣнно буду; а Ник-Мих-чу я не давалъ знать, потому что вчера на него осердился. Какъ мнѣ жаль было, что вчера васъ у меня не было. Были стихотворцы, было чтеніе, были блины. К. Шал. читалъ свою комедію.

III.

Вотъ все, что̀ вы хотѣли получить отъ меня, Василій Андрѣевичъ; примите съ этимъ вмѣстѣ и благодарность мою за пріятное ваше письмо, за переводъ Шиллеровой оды, который я прочиталъ два раза сряду съ великимъ удовольствіемъ, и за назначеніе ваше моихъ бездѣлокъ въ собраніе чего-то. Радуюсь, что вы здоровы, спокойны и продолжаете упражняться въ поэзіи. Копите къ будущему журналу; пользуйтесь спокойною жизнію и лѣтомъ, этимъ благопріятнѣйшимъ временемъ года для умнаго мечтателя! А осенью пріѣзжайте въ Москву съ своимъ запасомъ. Старый трутень почтитъ труды молодой пчелы и докажетъ, что не всѣ трутни бываютъ злы и завистливы. Простите, искренно любящій васъ Дмитріевъ.

Москва 1805. Іюля 8.

NB. Отвѣчаю вамъ поздно потому, что я не умѣю скоро переписывать, да и грудь моя не позволяетъ мнѣ долго писать.

Она подъ стражей, а пѣвецъ
И день и ночь на томной лирѣ
Брящетъ: «Нѣтъ мнѣ счастья въ мірѣ!
Насталъ отрадамъ всѣмъ конецъ!
Увижусь ли еще я съ милой?
Внемли, о небо! вопль унылой:
Отдай ее, иль смерть пошли!»
Поетъ онъ день, поетъ другой,
На третій — утреннее свѣтило
Несчастну жертву озарило;
Отецъ изводитъ дочь съ собой;
Она едва на трупъ взглянула,
Увы!... въ послѣдній разъ вздрогнула.
Красавицы! Пѣснь эта быль.

IV.

Виноватъ я передъ вами, любезный Василій Андрѣевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на письмо ваше; вы мо-

жете легко отгадать, какая была тому причина: *недосугъ отъ бездѣлья*, и сверхъ того я право думалъ, что вы сами скоро пріѣдите. Радуюсь, что вы не даромъ живете въ Бѣлевѣ и нетерпѣливо желаю видѣть ваши произведенія. Безъ васъ я получилъ 10 томовъ *Petite Encyclopédie Poétique*, въ которой собраны лучшія стихотворенія отъ поэмы до дистиха. При каждомъ родѣ наставленіе, которое бы не худо вамъ перевести для вашей христоматіи. Антонъ Антоновичъ хотѣлъ купить эту книгу для васъ, но опоздалъ. Чтò мнѣ сказать о вашемъ вояжѣ? Еслибъ я умѣлъ рисовать, то представилъ бы юношу, точь въ точь Василія Андрѣевича, лежащимъ на недоконченномъ фундаментѣ дома; онъ одною рукою оперся на лиру, а другою протираетъ глаза, смотритъ на почтовую карту и зѣвая говоритъ: *успѣю*! Это будетъ надписью подъ картиною. Въ ногахъ нѣсколько проектовъ для будущихъ сочиненій, планъ цвѣтнику и песошные часы, перевитые розовою гирляндою.

Я говорю часто объ васъ съ милымъ Тургеневымъ; онъ искренно васъ любитъ и не меньше моего желаетъ вашего возвращенія. Сколько вы найдете здѣсь новаго, разумѣю въ нашей словесности. Лирикъ нашъ или протодіаконъ Хвостовъ безпрестанно кадитъ Гомеру и Пиндару и печетъ оду за одою. Друзья просвѣщенія присоединили къ тричисленному своему лику оберъ-секретаря Сандунова и съ первою рыжею книжкою на будущій годъ пустятъ громъ на Русскихъ путешественниковъ, и на все, гдѣ только встрѣтятъ слезу и милое. По всему кажется, что не уйти и мнѣ отъ ихъ перуновъ, хотя я ни до слезъ, ни до сладкаго не охотникъ. Съ другой стороны князь Шаликовъ возлагаетъ на надежный свой носъ зеленые очки и объявляетъ себя *Московскимъ Зрителемъ*. Жаль, что нѣтъ у него помощниковъ. Впрочемъ я увѣренъ по крайней мѣрѣ, что въ журналѣ его не будетъ варварскихъ піесъ, какія въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, въ Куріерѣ и въ другихъ пр.— А любезный нашъ Карамзинъ терпѣливо сноситъ жужжаніе вкругъ себя шершней и продолжаетъ свою Исторію. Онъ уже дошелъ до Владиміра. Вотъ вамъ всѣ здѣшнія новости! Грудь моя не дозволяетъ мнѣ больше писать, и такъ оканчиваю стариною, что искренно люблю васъ и желаю вамъ совершеннаго благополучія. Прощайте до свиданія.

Москва 1805, Ноября 15.

V.

Благодарю васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, за письмо ваше; я вижу изъ него, что вы еще и не думаете о возвращеніи вашемъ въ Москву, и очень о томъ сожалѣю; право, говорю искренно, я желалъ бы, чтобъ вы скорѣе оставили ваше уединеніе, которое способно только питать вашу наклонность къ меланхоліи. Впрочемъ дѣлайте чтò хотите, только продолжайте меня любить и вѣрить, чтò я искренній вашъ почитатель и доброхотъ.

И. Дмитріевъ.

P. S. Поздравляю васъ съ наступающимъ годомъ. Н. М. и Ѳ. И. *) кланяются вамъ и благодарятъ за ваши объ нихъ отзывы.

Москва 1805. Декабря 27.

*) Карамзинъ и Ѳеодоръ Ильичъ Козлятевъ.

VI.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за пріятное ваше письмо и за участіе, пріемлемое вами во всемъ томъ, что̀ до меня касается. Коммисію вашу я исполнилъ на другой же день по полученіи письма вашего. Бекетовъ сказалъ, что охотно пришлетъ къ вамъ всѣ деньги, когда вы ни потребуете. Может быть вы уже ихъ и получили, ибо онъ тогда же хотѣлъ писать вамъ, и это уже давно было. Долго ли вамъ жить въ деревнѣ? Долговременное уединеніе едвали не столь же вредно для автора, какъ неумѣренное разсѣяніе. По крайней мѣрѣ доставьте мнѣ удовольствіе сообщеніемъ вашихъ произведеній. Объ этомъ проситъ васъ тотъ, который, право, искренно любитъ и сердце ваше и умъ всегда пребудетъ къ вамъ съ совершеннымъ почтеніемъ покорнѣйшимъ слугою.

Москва 1806. Апрѣля 14.

И. Дмитріевъ.

VII.

Простите меня, Василій Андрѣевичъ, что я такъ поздно вамъ отвѣчаю: право не за лѣностью, а за недосугомъ. Платонъ Петровичъ извиняется предъ вами, что такъ долго не посылалъ къ вамъ денегъ: онъ самъ имѣлъ въ нихъ недостатокъ, и къ тому же не могъ угадать, сколько прислать, не зная, въ какой форматъ былъ оригиналъ, съ котораго вы переводили. И такъ поспѣшите о послѣднемъ увѣдомить меня, и вы конечно скоро получите. Читали ли вы рецензію г. Каченовскаго? *) Что же вы скажите теперь о вашемъ рыцарѣ, т. е. обо мнѣ бѣдномъ? Гдѣ теперь хваленый вами баснописецъ? Гдѣ его чистота и гармонія въ стихотворствѣ, гдѣ его слава? Увы! Увы! одно слово Каченовскаго, и прощай моя девятилѣтняя славишка! Самому за себя вступаться не ловко, а другимъ какая нужда! Шутки въ сторону, могли ли вы подозрѣвать, чтобъ Каченовской могъ такъ скоро перемѣнить свое мнѣніе о моемъ талантѣ? Вы узнаете о томъ послѣ, а теперь знайте только, что я подозрѣваю и вашего Мерзлякова соучастникомъ въ этой критикѣ; по крайней мѣрѣ увѣренъ, что изъясненіе характера Гораціевой оды есть точно Мерзлякова. Знайте же и о томъ, что и тотъ и другой во всю зиму были у меня по одному разу въ недѣлю, и вѣрно никто ихъ не принималъ съ большею ласкою. Но теперь я буду гораздо осторожнѣе; я ставлю себя выше того, чтобъ оскорбляться критикою какого нибудь Каченовскаго, который хочетъ судить другихъ, а самъ въ тоже время пишетъ «ѣхалъ на кораблѣ», «заложилъ фабрику», «заложилъ магазинъ», вмѣсто завелъ и учредилъ, и думаетъ вмѣсто галлицизмовъ обогащать насъ малороссисмами. Но пусть Каченовскій видитъ въ Мерзляковѣ единственнаго поэта, а этотъ въ немъ Лагарпа; пусть досточтимые цензоры запрещаютъ критику на Хвостова и позволяютъ на щетъ мой говорить самыя личности: я, право, равнодушенъ, и можетъ быть еще сыщутся

*) Сличи въ приложеніяхъ къ книгѣ «Мелочи изъ запаса моей памяти», статью (гр.) Д. Н. Блудова въ оборону славы И. И. Дмитріева. П. Б.

добрые люди, которые будутъ читать меня. Прощайте, любезный Василій Андрѣевичъ; пишите ко мнѣ, не смотря на медленность моихъ отвѣтовъ и продолжайте любить меня.

Москва 1806. Мая 25 дня.

VIII.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Спѣшу препроводить къ вамъ при семъ отъ брата Платона Петровича Бекетова въ особливомъ пакетѣ сто рублей ассигнаціями. Онъ посылаетъ къ вамъ еще два вырѣзка изъ каталога: увѣдомьте, съ котораго изъ означенныхъ изданій вы переводили; чтобъ вѣрнѣе ему знать, сколько слѣдуетъ вамъ получить денегъ. Не привыкши писать о такихъ расчетахъ, чувствую самъ, что написалъ все письмо не по авторски, а по подъяческии. Скоро вы пріѣдете? Право совѣтую. По крайней мѣрѣ позволительно желать того искренно любящему васъ

Дмитріеву.

Москва 1806. Мая 30.

Адресъ: «Въ Бѣлевъ. Его благородію, милостивому государю моему Василію Андрѣевичу Жуковскому».

IX.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Благодарю васъ отъ сердца за два пріятныя письма ваши и за стихотворное, весьма лестное для меня, привѣтствіе. Я недавно возвратился въ Москву, и потому только такъ поздно вамъ отвѣтствую. О планѣ вашемъ христоматіи скажу, что нельзя сдѣлать выбора съ большею разборчивостію; что̀ же по моему мнѣнію прибавить или убавить, это вы увидите отмѣченнымъ на вашемъ листочкѣ, который при семъ возвращаю. Сверхъ того желалъ бы, чтобъ вы не передумали пріобщить къ каждому роду и наставленія по примѣру издателей Стих. Энциклопедіи. О поступкѣ Кач. я не скажу ни слова, ибо мнѣ и не ловко и неприлично быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. Пусть судятъ о томъ тѣ, которые довольно опытны, довольно знаютъ приличность и умѣютъ отличать здравомыслeнную критику отъ натяжекъ Малороссійскаго школьника, желавшаго болѣе мнѣ мстить, нежели отдать справедливость.

Журналисты: Храповицкіе, Богдановичи, Новиковы конечно могли также находить нѣкоторыя ошибки въ Херасковѣ, Петровѣ и пр., но они останавливались только на красотахъ ихъ. За чѣмъ же? Для того, что хорошихъ поэтовъ у насъ еще не много; для того, что сами были свѣтскіе люди, а не бурсаки, слѣдственно умѣли наблюдать деликатность. Но оставимъ это. Скажите лучше, когда вы возвратитесь въ Москву, скоро ли мы увидимъ что нибудь вашего произведенія, не зародился ли какой нибудь внучекъ Маρѳы Посадницы? Но я лучше бы желалъ увидѣть колдунью въ Марьиной рощѣ или, въ родѣ идилліи, возвращающагося со службы воина въ свою отчизну, или Барда на полѣ битвы послѣ ночнаго сраженія или оду: пѣснопѣвецъ, или четыре время дня, но мало ли что̀ приходитъ въ голову на досугѣ! Простите, вѣрьте искренней привязанности къ вамъ

Покорнаго вамъ слуги
И. Дмитріева.

X.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я ваше изданіе Русскихъ поэтовъ и спѣшу принести вамъ искреннюю благодарность мою и за подарокъ и за честь, мнѣ сдѣланную. Вы столь хорошо ко мнѣ расположены, что даже прибавили мнѣ и звѣзду на моемъ портретѣ, и потомство по этой прибавкѣ будетъ больше обо мнѣ думать, нежели что̀ я былъ въ самомъ дѣлѣ. Вотъ вамъ и критическое замѣчаніе, чтобъ не показать, что вы усыпили мое безпристрастіе вашимъ подаркомъ. Надѣюсь, что издатель спокойно передастъ его Московскому граверу.

А. И. Тург. польстилъ меня, что вы будете въ Пб. Искренно желалъ бы васъ видѣть. Впрочемъ, гдѣ бы вы ни были, всегда будете близки къ сердцу, исполненному къ вамъ почтенія и пріязни.

Иванъ Дмитріевъ.

Спб. 1811. Апрѣля 18.

XI.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Чувствительно благодарю васъ за подарокъ вашъ собраніемъ Русскихъ стихотворцевъ; хотя вы не слишкомъ разборчивы были въ выборѣ піесъ, но тѣмъ не менѣе оказали конечно услугу любителямъ Русской словесности. Сколько я ни отдаленъ отъ васъ, но повѣрьте, что вездѣ и всегда васъ помню. Искренное бралъ участіе въ вашей горести *), и хвалю васъ теперь, что пріобрѣли убѣжище для отдыха отъ суетъ житейскихъ. До свиданія, любезный Василій Андрѣевичъ. Будьте здоровы, спокойны духомъ, наслаждайтесь мирною жизнію въ объятіяхъ дружбы, подъ покровительствомъ Музъ и Минервы. Я желаю вамъ того, чѣмъ и самъ всегда прельщался, чего бы ни на что не промѣнялъ

Искренній вашъ почитатель

Дмитріевъ.

Спб. 1811. Ноября 20.

XII.

Любезный Василій Андрѣевичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я ваши послѣднія произведенія; съ удовольствіемъ, какое сродно имѣть только тому, кто самъ знаетъ цѣну искусства и не завидуетъ, но сорадуется чужимъ талантамъ. Жаль только, что въ Пѣвцѣ въ станѣ Рус. В. въ строфѣ «О старецъ, да услышимъ твой» и т. д. вѣроятно есть ошибки переписчиковъ; напримѣръ въ слѣдующихъ 4-хъ стихахъ:

Не тщетной славы предъ тобой,
Не мщенія дружины,
Простерли не къ добычамъ длань,
Бѣгутъ не за вѣнками!

я не понимаю смысла; кажется, что тутъ какой нибудь глаголъ пропущенъ. Также и въ слѣдующемъ:

Пой, лебедь! Свергнутъ ихъ мечемъ,
Съ племенъ порабощенье—

Но это не помѣшало всѣмъ отдать справедливость изяществу вашей поэзіи. Вчера Государыня вдовствующая Императрица, можно сказать, съ восторгомъ изволила хвалить ее и препоручила мнѣ просить васъ, чтобъ вы прислали ко мнѣ вашу піесу, переписанную собственной вашей рукою. Она желаетъ сама сдѣлать ей второе изданіе, а я къ этому присовокупляю

*) Кончина матери? П. Б.

и мою просьбу, чтобъ вы позволили мнѣ препоручить кому либо изъ моихъ знакомцевъ припечатать въ концѣ піесы легкія историческія примѣчанія, иныя даже необходимыя.

Надѣюсь, Василій Андрѣевичъ, что вы примите за благо мои негоціаціи и дозволите мнѣ гордиться успѣхомъ. Я не пеняю, что вы перестали ко мнѣ писать; чувствую самъ, что некогда; но желаю, однакожъ, чтобъ вы съ присылкою вашей піесы увѣдомили меня по авторски, и кратко и подробно, о всѣхъ вашихъ воинскихъ подвигахъ.

Карамзинъ все еще въ Нижнемъ; и В. Пушкинъ тамъ же; а я все еще здѣсь, но часто мысленно гляжу на собственное пепелище, гдѣ нѣкогда надѣялся

Что солнце дней моихъ въ безмолвіи зайдетъ,
И мой послѣдній взоръ на друга устремя....

Прощайте, любезный Василій Андрѣевичъ, да хранитъ васъ благость Небесная и возвратитъ тѣмъ, кои васъ искренно любятъ.

Иванъ Дмитріевъ.

Спб. 1813. Февраля 20.

P. S. Молитва моя сбылась, о чемъ я уже узналъ по написаніи письма, которое приготовлено было въ армію.

XIII.

Милостивый государь мой Василій Андрѣевичъ.

Получивъ выправленный экземпляръ прекраснаго вашего сочиненія, имѣлъ я щастіе поднести оный Ея Императорскому Величеству, которая, удостоивъ особенною милостію приношеніе ваше, соизволила приказать мнѣ доставить вамъ, милостивый государь мой, прилагаемый у сего перстень, какъ знакъ ея благоволенія. Изъ копіи съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго по сему случаю на мое имя, изволите Вы усмотрѣть лестный отзывъ Государыни Императрицы о чувствахъ и дарованіяхъ вашихъ. Ей угодно было поручить мнѣ изданіе въ свѣтъ вашего творенія, и вы можете судить, сколь пріятно для меня быть исполнителемъ Ея воли. Примите, милостивый государь мой, чувствительную мою благодарность за письмо ваше. Оно доставило мнѣ истинное удовольствіе, показавъ, что вы еще меня любите; оно живо напомнило мнѣ Москву, друзей моихъ и пріятные часы, проведенные съ ними. Къ тому жъ оно подало мнѣ извѣстіе о здоровьи вашемъ, и я сердечно радуюсь, узнавъ, что вы опять наслаждаетесь спокойствіемъ въ любимомъ вашемъ уединеніи.

Впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый государь мой
«Покорнѣйшій вашъ слуга

Иванъ Дмитріевъ.

12 Мая 1813.

Его Благородію
В. А. Жуковскому.

P. S. «Сердечно благодарю васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, и за дань, которую вы вмѣсто меня заплатили незабвенному Козлятеву. Вы знаете, какъ я любилъ его и чего мнѣ стоитъ эта потеря! Но она была не послѣдняя. Въ концѣ минувшаго года я потерялъ брата, а на дняхъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ матушки.»

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Императрицы Маріи Θеодоровны къ Дмитріеву.

Иванъ Ивановичъ! Я съ великимъ удовольствіемъ прочитала вновь Пѣвца въ станѣ Русскихъ войновъ и, благодаря сочинителя за поднесеніе мнѣ сего изящнаго творенія, коего достоинство доказывается уже покровительствомъ вручившаго мнѣ оное знатока, я прошу васъ изъявить ему признательность мою и за посвященіе,— новый опытъ отличнаго его стихотворческаго дара показывающее и тронувшее меня чувствительнымъ своимъ выраженіемъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе доставить г. Жуковскому приложенный при семъ знакъ моего благоволенія, который да напомянетъ ему иногда о справедливости отдаваемой мною его дарованіямъ. Пользуясь притомъ изъявленною вами готовностію пещися о напечатаніи сочиненія его, я прошу васъ принять на себя трудъ приказать напечатать на моемъ иждивеніи 300 экземпляровъ Лирической пѣсни, изъ нихъ десять прислать ко мнѣ, принять для себя сколько заблагоразсудите, а достальные предоставить Сочинителю. Что̀ же касается до посвященія, то при всей красотѣ стихотворенія, дѣлающаго честь автору, предметъ и содержаніе онаго не позволяютъ мнѣ дать согласіе мое на изданіе его въ свѣтъ; я тѣмъ не менѣе обязана ему за чувствованія столь выразительно имъ изображенныя, о чемъ и прошу васъ его увѣрить и съ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ изъявить вамъ совершенное уваженіе, съ каковымъ пребываю вамъ благосклонною.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Марія.

Въ С. Петербургѣ.
Мая 8 дня 1813 года.
№ 1366.

XIV.

Милостивый государь и любезный Василій Андрѣевичъ.

Искренно благодарю васъ за дружеское письмо и доставленіе прекрасной вашей дедикаціи. Желаю и совѣтую вамъ напечатать ее въ Вѣстникѣ. Государыня не благоволила позволить ее напечатать при вашемъ сочиненіи, единственно изъ скромности, будучи сама издательницею онаго. Новое же изданіе дѣлать не совѣтую: это было бы не прилично и заставило бы подумать, что вы не довольны послѣднимъ изданіемъ. Другое дѣло, когда оно все разойдется. Вы, можетъ быть, скажите, что о новомъ изданіи не дошло бы до свѣдѣнія Государыни —ошибетесь, ибо она всѣ книжныя объявленія имѣетъ любопытство читать, какъ ни глупо оныя у насъ пишутъ. Я надѣюсь еще долго пробыть въ Москвѣ, уже и купилъ садъ (получше прежняго, но только сомнѣваюсь, счастливѣе ли въ немъ буду прежняго), съ обгорѣлою кухнею. Для Діогена было бы этого довольно; но развращенный сынъ природы, не смотря на 55 лѣтъ, замышляетъ еще строить опять домъ; желаетъ, боится и наконецъ ободряетъ себя Лафонтеновымъ стихомъ, имъ же испорченнымъ:

Не мнѣ, такъ дѣтямъ пригодится.

Послѣ этого стиха прошу не напоминать мнѣ *старика* и *смерть,* или я заткну уши. Нетерпѣливо желаю съ вами увидаться, между тѣмъ заочно васъ цѣлую и съ искреннимъ почтеніемъ пребуду. Преданный вамъ

И. Дмитріевъ.

Москва 1813. Октября 22.

XV.

Поспѣшаю увѣдомить любезнѣйшаго Василья Андрѣйвича, что г. Астраковой еще 4 Сентября назначено 125 руб. Она получить ихъ въ то время, когда послѣдуетъ на то Высочайшее утвержденіе. Въ пятницу располагаю обѣдать дома. Очень радъ буду раздѣлить съ вами мою трапезу и насладиться бесѣдою умнаго и добросердечнаго поэта; между тѣмъ прочту вамъ сейчасъ полученную оду, которую почтилъ меня графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ.

Середа.

XVI.

Милостивый государь Василій Андрѣевичъ.

Истинно порадовали вы меня дорогимъ вашимъ подаркомъ, и я спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать послѣдующихъ частей. Между тѣмъ покорнѣйше прошу васъ, любезный Василій Андрѣевичъ, принять и отъ меня послѣднее изданіе моихъ басень. Парнасскому Инвалиду нечѣмъ отдаривать, какъ старыми пожитками. Впрочемъ экземпляръ давно былъ для васъ приготовленъ, но по смутнымъ обстоятельствамъ, не зная вашего мѣстопребыванія, я отлагалъ доставленіе онаго до надежнаго случая.

Заключаю привѣтствіемъ васъ съ новымъ годомъ, душевнымъ желаніемъ вамъ возможнаго благополучія и искреннымъ увѣреніемъ васъ въ отличномъ уваженіи преданнаго вамъ навсегда *И. Дмитріева.*

Москва 1816. Января 8.

XVII.

Москва 1817. Февраля 10.

Примите, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, искреннюю мою признательность за вашъ подарокъ. Естьли бъ я и безчувственъ былъ къ прелестямъ вашей поэзіи, то и тогда не могъ бы равнодушно читать вашей пѣсни *), будучи патріотъ и обыватель Московскій.

Повѣрьте, что не меньшее взялъ участіе въ улучшеніи вашего положенія и съ умиленіемъ читалъ то мѣсто въ письмѣ вашемъ къ Вяземскому, гдѣ вы говорите о вашихъ чувствахъ къ благодѣтельной дружбѣ и о планѣ будущихъ вашихъ занятій. Слава въ вышнихъ Фебу! Будьте тверды въ предпріятіи вашемъ и признательны къ щедрой для васъ природѣ; будьте здоровы и вспоминайте иногда дряхлаго и сиротствующаго старика на берегу Патріаршихъ Прудовъ. За тѣмъ въ мысляхъ васъ обнимаетъ

Покорнѣйшій вашъ слуга
Иванъ Дмитріевъ.

XVIII.

Отъ сердца благодарю васъ, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, за подарокъ новымъ изданіемъ большой вашей баллады. Я, презря всѣ страхи, бросился читать въ постелѣ на сонъ грядущій, и съ прежними впечатлѣніями дочитался до возникшихъ стѣнъ вокругъ обители дѣвъ усопшихъ. Нетерпѣливо хочу ознакомиться съ Вадимомъ и узнать развязку.

Между тѣмъ съ тою же искренностью поздравляю васъ съ новымъ Монаршимъ благоволеніемъ. Этотъ случай принесъ мнѣ сугубую радость: ибо я ласкаю себя надеждою скоро увидѣть въ моемъ кабинетѣ любезнаго

*) Пѣвецъ на Кремлѣ. П. Б.

поэта. И такъ до свиданія; заочно васъ цѣлуетъ преданнѣйшій вамъ

Дмитріевъ.

Москва 1817. Сентября 6.

XIX.

Хотите ли, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, сего дня отобѣдать со мною въ двоемъ, и тотъ часъ потомъ ѣхать на мѣсто закладки храма, а на возвратномъ пути поклониться и Пожарскому съ Мининымъ. Есть ли такъ, то я хотѣлъ бы, чтобъ вы пріѣхали ко мнѣ въ половинѣ втораго. Скорѣе отобѣдаемъ и засвѣтло будемъ любоваться Москвою.

(1817).

XX.

Лучше поздно, нежели никогда, почтенный и любезный Василій Андрѣевичъ. Тысячу благодарностей вамъ за оба письма, изъ коихъ старшее растрогало меня подобно писанному изъ Дерпта. Очень радъ, что миновалась ваша болѣзнь, въ которой бралъ живое участіе. Я постоянно люблю васъ и за вашъ талантъ, и за ваше непорочное сердце. Отъ того и говаривалъ вамъ иногда не по васъ въ бытность вашу въ Москвѣ. Зная мѣру вашихъ способностей и ревнуя по славѣ вашей поэзіи, я все желаю, чтобы вы не засиживались; чтобъ вы, не упуская золотаго времени, когда умъ и талантъ вашъ въ полномъ созрѣніи, болѣе и болѣе мужались, возвышались и сіяли на поприщѣ, предопредѣленномъ вамъ природою. Вы можете подозрѣвать, что я нечувствительно впалъ въ тонъ панегириста, написавъ, можетъ быть, нѣсколько писемъ поздравительныхъ съ новымъ годомъ: нѣтъ, я право хотѣлъ говорить отъ души. Прошу и васъ принять отъ того же источника привѣтствіе съ наступающимъ годомъ, или лучше сказать мое желаніе, чтобъ вы въ теченіи онаго были щастливы и любили меня по прежнему.

Охотно бы повиновался вашему совѣту; но старость облѣнила меня; къ тому же, не сдѣлавъ авторскаго навыка въ прозѣ, я боюсь ученаго шпынства Петра Мих. Дружинина. Нынѣ М. професс. стали взыскательны. Вѣроятно вы замѣтили въ Вѣстникѣ намеки объ оппозиціи всѣмъ тѣмъ, которые доселѣ отдѣлялись отъ стада Вадіусовъ и Кондратовичей и пр. и пр. Къ чему же мнѣ на послѣднихъ дняхъ обвѣтшалой жизни накликать досаду? Спокойствіе духа и любовь добрыхъ и благородныхъ душъ: вотъ единственная отрада, которую мнѣ остается желать. Простите, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ; мысленно обнимаетъ васъ преданный вамъ

И. Дмитріевъ.

Москва 1818. Декабря 30.

Лучше присылайте мнѣ новыя ваши произведенія. Имѣя *прекрасное* ваше изданіе, на что мнѣ желать дурнаго и неисправнаго? Довольно стражду, глядя и на собственное мое изданіе; отъ роду не видалъ безобразнѣйшаго.

XXI.

Благодарю васъ очень искренно, любезный Василій Андрѣевичъ, за принятую вами заботу о моихъ сочиненіяхъ. Это можетъ быть послѣднее изданіе, такъ я желалъ бы видѣть его сколько можно исправнѣйшимъ со стороны корректуры. Довольно грѣховъ

и самаго автора. Соглашаюсь на ваши поправки, и прошу вас сноситься со мною и впредь о тѣхъ мѣстахъ, которыя почтете нужнымъ поправить. Простите, молодой счастливецъ во всѣхъ отношеніяхъ. Будьте здоровы и увѣрены въ искренной моей къ вамъ привязанности. Кланяйтесь Антону Антоновичу.

Спб. Февраля 23.

XXII.

Не знаю, чему я болѣе обрадовался, любезнѣйшій Василій Андрѣевичъ, портрету ли Гете, или вашему письму, такъ давно не получая отъ васъ ни строчки; но искренно увѣряю васъ, что и портретъ и письмо подарили меня прекраснымъ днемъ, и я спѣшу принести вамъ за нихъ благодарность мою отъ всего сердца:—теперь кстати повторить вамъ тоже чувство и за ваши гравюры видовъ Павловска. Они, право, для меня драгоцѣнны, и какъ пріятный отдыхъ таланта, и какъ залогъ давней нашей пріязни. Желательно, чтобъ вы не полѣнились выгравировать и виды вашего альбума.

Напрасно, милый поэтъ, хотите оживить самолюбіе въ старикѣ, который, право, и въ лучшую пору жизни не много думалъ о своей поэзіи. Можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ механизмѣ стиха, въ живости разсказа; можетъ быть, пользовался въ свое время нѣкоторымъ преимуществомъ предъ водяными стихотворцами, но истинно и тогда былъ недоволенъ собою, чувствуя самъ скудость въ глубокихъ идеяхъ, чувствахъ и воображеніи.

Не искушайте же моей слабости и оставьте меня дочитывать чужое и легко наслаждаться. Пускай неугомонный Х. гуляетъ на своемъ пароходѣ по ледовитому океану и коптитъ Аполлона.

Что же касается до Записокъ, я часто и самъ помышляю о нихъ, и въ тоже время робѣю. Карамзинъ давно отчаялъ меня сочинять въ прозѣ; однакожъ, не во гнѣвъ его таланту, можетъ быть и примусь за прозу, если удастся мнѣ пожить на просторѣ въ деревнѣ.—Увы! я вспомнилъ, что Шаховской дописалъ свои Записки въ подмосковной, а мнѣ уже за 60 лѣтъ, и нѣтъ еще начала.

Наконецъ всею душою обнимаетъ васъ искренній вашъ почитатель и преданный вамъ *И. Дмитріевъ.*

P. S. Долго ли мнѣ желать и не имѣть вашего портрета, который, какъ сказывалъ мнѣ А. И. Тургеневъ, не знаю почему заарестованъ Уваровымъ? Убѣдительно прошу васъ, подарите мнѣ.

Москва 1823. Февраля 18.

XXIII.

Письмо къ А. И. Тургеневу.

Спѣшу изъявить вамъ, любезный и почтенный землякъ, чувствительную благодарность и за второе письмо и за доставленіе мнѣ хрустальныхъ хлопушекъ. Они довольно забавляли меня, особенно же подъ № 1 и послѣднимъ (свистокъ и *ex nihil nihil*). Со всѣмъ тѣмъ, признаюсь, Литтературные Листки я почитаю лучшимъ изъ нашихъ журналовъ. Въ нихъ по крайней мѣрѣ журналистъ самъ дѣйствуетъ, непрестанно въ виду, часто импровизуетъ, и всегда готовъ къ отраженію партизанскихъ набѣговъ. Я люблю эту живость.

Послѣдніе стихи молодаго Пушкина очень милы. Въ нихъ легко узнаешь черты милаго и добраго Жуковскаго. Они далеко лучше прежнихъ отрывковъ изъ Онѣгина.

Когда увидите Ивана Матвѣевича *), прошу васъ ему отъ меня поклониться, но вмѣстѣ и попенять: за что вздумалось ему смутить спокойствіе дряхлаго инвалида и заставить его опять ломать голову? Но инвалидъ не измѣнилъ своему характеру. Сообщаемая при семъ копія да послужитъ вамъ тому доказательствомъ. Прошу только не пускать ее въ огласку.— Не только прошу, но и *чуръ*.

Карніолинъ-Пинскій разтрогался вашимъ къ нему благорасположеніемъ и поручилъ мнѣ увѣрить васъ въ благодарности его безпредѣльной.

Затѣмъ мысленно васъ обнимаю, и съ душевнымъ почтеніемъ навсегда имѣю честь быть

Вашего превосходительства
милостивый государь
покорнѣйшій слуга
Иванъ Дмитріевъ.

P. S. На дняхъ я получилъ безъ письма нѣсколько номеровъ Инвалида, прибавленія къ нему, и 2 книжки Литер. Новостей. Увѣренный, что это даръ Александра Ѳедоровича, творящаго по христіянски: да не увѣдаетъ шуица и пр., прошу васъ увѣрить его въ искренней моей признательности, равно и почтеніи.

Москва 1824. Октября 30.

---

*) Муравьева-Апостола.

XXIV.

Милостивый государь Василій Андрѣевичъ.

Спѣшу принести вамъ чувствительную благодарность мою за ваше дружеское письмо и безцѣнный подарокъ. Съ какимъ удовольствіемъ я занимался имъ цѣлыя два утра! Я васъ штудировалъ. Нельзя быть разнообразнѣе въ поэтическихъ вымыслахъ; нельзя лучше сдружить важности содержанія съ простотою разсказа и живописи съ музыкою. Властелинъ всѣхъ метровъ, вы играете легко всякимъ напѣвомъ, и каждый для насъ равно сладкозвученъ.

Заключаю строки мои искреннимъ привѣтствіемъ васъ съ благополучнымъ совершеніемъ года и пожеланіемъ встрѣтить и новый спокойно и весело; я же, на порогѣ нашей юдоли, какъ говорятъ, слегъ. Благодарю между прочимъ Промыслъ и за то, что еще съ вами увидѣлся, и пока дышу, буду за многое, многое,—довольно и за одного Карамзина—любить и уважать васъ всею душею. Съ сими чувствами обнимаетъ васъ

Преданный вамъ
Дмитріевъ.

Москва 1831. Декабря 29.

P. S. Посылку вашу отослалъ къ Антонинѣ Ивановнѣ тотчасъ по полученіи, васъ же прошу сказать мой поклонъ Н. Я. и князю П. А. Вяземскому.

(Съ подлинниковъ, хранящихся у П. В. Жуковскаго.)

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО КЪ А. А. СТОЛЫПИНУ. (¹)

I.

Пенза. 10 Апрѣля 1818.

Письмо сіе дойдетъ къ вамъ съ нарочнымъ вмѣсто почты, отъ Марцынкевича отправляемымъ. Предметъ отправленія—деньги за вино, коихъ выслано къ нему и мало, и поздно; остальныя ассигнованы въ палатѣ, въ коей нѣтъ ни наличныхъ, ни ожидаемыхъ: ибо всѣ почти уже предназначены на другіе предметы. Тутъ есть какая-нибудь ошибка въ экспедиціяхъ или департаментахъ. Между тѣмъ здѣсь платежи остановились, хотя вино принято и севодни или завтра уже отправляется. — Вы довольно знаете здѣшнихъ людей и ихъ нужды. Всѣ сроки хлѣбныхъ поставокъ обыкновенно берутся до воды. Отсюда толпа требованій и множество шуму; но какъ я шуму не люблю, да и дѣло не мое, — то и пишу къ министру правду, но безъ настоянія и пишу какъ о предметѣ для меня постороннемъ. Собственный же мой предметъ есть донести ему, что здѣсь появились кучи серебра; что при сборѣ податей во многихъ селеніяхъ ассигнацій нѣтъ, а серебра не берутъ, хотя поселяне рады платить его и по курсу, то есть по 380, и слѣд. съ потерею 5 коп. на рубль. Предметъ сей заслуживаетъ уваженія ,естли не теперь, то на будущее время: ибо съ новаго года должно предвидѣть еще болѣе затрудненій. Серебро большею частію входитъ чрезъ питейные сборы и оттуда чрезъ заводы за хлѣбъ льется въ народъ. Я не представляю никакого мнѣнія, вопервыхъ потому, что и самъ дѣйствительно ничего твердаго и положительнаго не имѣю, а во-вторыхъ не хочу выставляться и, сверхъ того, полагаю, что въ министерствѣ предметъ сей уже обдуманъ и опредѣленъ; настою только, что опредѣлить его тѣмъ или другимъ образомъ нужно. Впрочемъ и сіе настояніе основано на формальныхъ донесеніяхъ, ко мнѣ вошедшихъ. Увѣренъ, что и по другимъ губерніямъ встрѣтится тоже. Сравнительный тарифъ внутренняго обращенія серебра съ ассигнаціями необходимо нуженъ.

Безъ сего и взысканіе податей будетъ крайне затруднительно, и въ питейныхъ сборахъ съ будущаго года казна не дочтется знатныхъ суммъ. Я всегда твердилъ, что въ Россіи много серебра, подавленнаго ассигнаціями. Лишь только приподняли сію тяжесть, оно и появилось. И не думайте, чтобъ оно пролилось сюда съ биржи или отъ таможенъ. Вы знаете связь здѣшней торговли, она ничего почти общаго не имѣетъ съ внѣшнею. Истинныя причины суть три: 1) возвышеніе ассигнацій въ настоящемъ, 2) увѣренность возвышенія въ будущемъ и 3) приливъ фальшивыхъ ассигнацій (гнѣздо ихъ должно быть въ Казани и Оренбургѣ). Поселяне всѣхъ бѣленькихъ бумажекъ боятся, какъ огня не потому, чтобъ слѣдствія были безразсудно строги; но все слѣдствія, и потеря почти неминуемая, внезапная и для поселянина разорительная:

(¹) См. Р. Архивъ 1869, стр. 1682 и 1966, и Р. Архивъ 1870, стр. 880.

посему-то они охотнѣе принимаютъ съ вѣрною потерею 3-ти на сто серебро, нежели ассигнаціи.

II.

Пенза. 30 Апрѣля 1818.

Проситься въ отпускъ при настоящемъ кипѣніи умовъ считаю я крайне неосторожнымъ. Подробнѣе о семъ поговорю послѣ.

Знаете ли, что Д. Александровичъ *) распоряжаетъ уже въ письмѣ своемъ ко мнѣ о Бриловскомъ заводѣ, съ нарочнымъ полученномъ, кому занять въ комитетѣ о постройкѣ сего завода мое мѣсто во время моего отсутствія! — Я вхожу и охотно войду во всѣ его предположенія, бывъ увѣренъ не только въ истинной пользѣ ихъ, но и въ необходимости. Тѣмъ хуже для неумѣренныхъ и притязательныхъ либералистовъ. Нужно поставить напору ихъ твердый оплотъ.

Не заботьтесь о вашемъ винѣ (какой странный переходъ!): оно будетъ помѣщено самымъ выгоднымъ образомъ. Въ здѣшнюю губернскую поставку мы его не включили потому, что цѣны были низки: 2,60 коп. Сего требовали разныя мѣстныя соображенія; но и тѣ, кои доселѣ вошли въ сію поставку, сожалѣютъ уже о дешевизнѣ. Не достаетъ въ пропорцію еще около 200 т. ведръ; а Нижегородская еще и не начиналась здѣсь. Словомъ, прошу быть спокойнымъ. — О сплавѣ вашего вина вы вѣроятно имѣете уже донесеніе: все и частное, и казенное вышло изъ нашей губерніи преблагополучно, хотя воды весьма были малы; точность распорядка одна могла замѣнить сей недостатокъ. Смѣю въ семъ случаѣ похвалиться полиціею.

Магницкой на сихъ дняхъ, и именно 3-го Мая, отправляется въ Москву. Онъ простился со мною заочно, находя неудобнымъ по болѣзни его жены заѣзжать въ Пензу. Я снабдилъ его всѣми отеческими наставленіями скромности и молчаливости въ эпоху столь шумную и можно сказать деликатную. Не знаю, будутъ-ли уважены мои советы: не надѣюсь. Постарайтесь и съ вашей стороны, естьли встрѣтится случай, его воздерживать. Сердце его исполнено добра и страха Божія; но языкъ все тотъ же.

P. S. Съ сею почтою отвѣчаю Д. А. на письмо его о Бриловскомъ заводѣ, ограничиваясь только настоящимъ и слегка упоминая только о предположеніи его о моемъ отсутствіи.—Строеніе завода идетъ прекрасно. Смѣю ручаться, что это можетъ быть первое огромное казенное зданіе, при строеніи коего никто не поживится ни копѣйкою; тутъ и *пушку на рыльцѣ нѣтъ*.

III.

Пенза. 7 Мая 1818.

Ожидаю съ часу на часъ графа Нессельрода и надѣюсь въ сладость съ нимъ побесѣдовать.

Пусть Карамзинъ меня бранитъ, сколько угодно; а я хвалить Исторію его не престану. Разность между нами та, что онъ бранитъ меня не зная; а я хвалю его съ основаніемъ. Исторія его есть монументъ, воздвигнутый въ честь нашему вѣку и словесности.

И вы, я думаю, собираетесь на дачу; а у насъ прекрасная весна уже почти прошла, и мы наслаждаемся лѣ-

*) Гурьевъ, министръ финансовъ.

томъ. Для чего вы не въ Пензѣ или для чего Пензенской климатъ не въ Петербургѣ!

IV.

Пенза. 21 Мая 1818.

Наконецъ видѣлся я съ графомъ Нессельродомъ и нашелъ въ немъ того же любезнаго и умнаго человѣка, тотъ же твердый и кроткій характеръ, какой всегда въ немъ находилъ. Словомъ, онъ не перемѣнился со мною ни на волосъ. Ожидаю на возвратномъ его пути изъ Саратовскихъ его деревень. Чрезъ него я буду имѣть случай изъявить Дмитрію Александровичу всю мою признательность *).

Московскія вѣсти, о коихъ къ вамъ писалъ, здѣсь еще не утихли. Жалкой и смѣшной анекдотъ: на сихъ дняхъ явилась здѣсь княгиня Максютова, которую, думаю, вы знаете. Испуганная слухами и послѣдуя примѣру или словамъ сосѣдей, она уклала все въ сундуки, чтобъ по первому слову бѣжать въ Пензу со всѣмъ своимъ имуществомъ **). Мы насилу могли ее здѣсь успокоить.

Здѣсь одинъ умный человѣкъ вопрошалъ: для чего бы генералъ-губернаторамъ или вице-губернаторамъ, коихъ опредѣлить предполагаютъ, не дать прежде всего порученія, обозрѣвъ ввѣряемыя имъ губерніи на правѣ сенаторовъ, вникнуть въ дѣйствительныя потребности управленія и въ мѣстныя народныя нужды, истребовать мнѣнія лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей, сообразить свѣдѣнія и потомъ собраться въ Петербургъ для представленія всѣхъ сихъ соображеній министерству и потомъ Государю. Сіе было бы средствомъ начать исправленіе съ истинныхъ его основаній. Въ полгода симъ образомъ болѣе можно бы было сдѣлать истиннаго добра, нежели въ цѣлый вѣкъ работы отрывочной и случайной; изъ сего можно бы было вывести самыя благотворныя и обширныя учрежденія. Для чего бы сего не сдѣлать? Не мнѣ конечно и не вамъ на сіе отвѣчать.

V.

Пенза. 27 Мая 1818.

Вчера проводилъ я графа Нессельрода. Мы разстались, какъ повстрѣчались, то есть добрыми друзьями.... Онъ самыхъ вѣрныхъ и положительныхъ правилъ; человѣкъ чуждый всѣхъ фантазій легкомысленныхъ и невмѣстныхъ; словомъ *excellente tête*. — Пріѣздъ его и примѣръ его земледѣльческихъ предположеній принесъ уже намъ ту пользу, что содѣйствовалъ къ разсѣянію и утоленію страховъ. Вамъ безъ сомнѣнія уже извѣстно путешествіе всего Двора съ Сентября мѣсяца въ чужіе края; къ тому времени вѣроятно что нибудь сдѣлаютъ положительное, чтобъ пресѣчь возникшія недоумѣнія. По истиннѣ недоумѣнія сіи на каждомъ почти шагу встрѣчаются съ большимъ или меньшимъ безпокойствомъ. Благородный и возвышенный образъ мыслей Государя одинъ составляетъ всю надежду, и все ручательство.

Вчера мы сдѣлали путешествіе въ Ханеневку. Хлѣбы у насъ прекрасные, и все бы было хорошо, естьли бъ мы менѣе боялись перемѣнъ.

*) Нессельродъ—зять Д. А. Гурьева.

**) По поводу слуховъ о свободѣ крестьянъ.

VI.

Пенза. 26 Іюня 1818.

Пользуясь отправленіемъ нарочнаго по дѣламъ Бриловскаго завода, хочу побесѣдовать съ вами, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, о дѣлахъ общихъ.

Здѣсь во время ярмонки при стеченіи дворянства разнесся слухъ, что въ Саратовской губерніи двѣ большія деревни, одна С. С. Уварова, а другая Злобина, отложились отъ повиновенія. Къ сему прибавляютъ, что крестьяне сихъ деревень, люди острые и промышленные, жалуются не на отягощеніе оброка или работы, какъ то прежде при таковыхъ случаяхъ обыкновенно бывало, но имянно утверждаютъ, что, бывъ вольные, они готовы нанимать землю, естьли докажутъ еще имъ, что сами они не имѣютъ на нее права. Вы можете себѣ представить толки отъ сего произшедшіе. Я не могъ еще дойти до истинны; но въ смѣшеніи ложныхъ или истинныхъ страховъ и дойти до сего трудно. Въ нашей губерніи, слава Богу, еще все спокойно; хотя и есть нѣкоторое частное броженіе; но степень его еще по счастью маловаженъ.

Должно-ли утѣшаться тѣмъ, что не нашу сотню рубятъ!

Цейеръ сообщилъ мнѣ исторію кадетскаго іеромонаха*) и заключенія отъ нея къ Лабзину произшедшія. Вы знаете, что съ Лабзинымъ я совсѣмъ, почти не знакомъ; но по общему правилу не вѣрить злымъ слухамъ безъ очевидности, не вѣрю я и ему.

Хотя не уважаю и никогда не уважалъ ни пророчествъ его, ни системъ ему свойственныхъ; но не могу представить себѣ, чтобъ онъ здѣлался иконоборцомъ. Естьли все сіе справедливо: то что же мы оставимъ злословію человѣческому обыкновенно двѣ трети прибавляющему? Его еще и при мнѣ подозрѣвали въ какихъ-то сокровенностяхъ, но я думалъ и теперь еще думаю, что онъ самъ разпустилъ о себѣ сіи слухи по свойственному ему самолюбію и чванливости.—Люди, и особливо люди слабые, любятъ, чтобы ихъ почитали чудными и необыкновенными. Какъ бы то ни было, вообще нельзя не желать, чтобъ менѣе было мистицизма и болѣе приверженности къ истинной вѣрѣ и любви къ человѣкамъ: ибо въ семъ одномъ состоитъ по моему мнѣнію вся тайна нашей религіи: въ вѣрѣ и любви.

VII.

Пенза. 23 Іюля 1818.

Между тѣмъ, какъ всѣ безъ сомнѣнія докучаютъ вамъ, чтобъ мнѣнія и представленія ихъ въ сенатъ были утверждены, я прошу вашего пособія въ томъ, чтобъ пріостановить утвержденіе моего мнѣнія по дѣлу, въ запискѣ при семъ прилагаемой изображенному. Любя Пензу, вы не поскучаете сими подробностями. Сура немного выше города имѣетъ заливъ *Калашнымъ затономъ* имянуемый. Сей заливъ посредствомъ низкихъ и болотистыхъ мѣстъ нѣкогда имѣлъ сообщеніе съ рѣкою Пензою, но потомъ сообщеніе сіе по общей обсушкѣ болотистыхъ мѣстъ прервалось; въ дождливые только годы оно иногда возобновляется. Очкинъ, а по немъ Арaповъ устроили извѣстную вамъ на

*) Фотія.

рѣкѣ Сурѣ мельницу, въ прочемъ важнаго дохода имъ не приносящую; въ концѣ сего залива сдѣлали они плотину, дабы преградить еще болѣе теченіе воды изъ Суры въ Пензу и усилить ее на мельницѣ. Чирыковъ въ 1813-мъ или 1815-мъ году вошелъ въ протестъ и доказывалъ, что сею плотиною осушилась рѣка Пенза. Слѣдствіе, произведенное губернскимъ правленіемъ, опровергло сіе показаніе. Сенатъ однакоже слѣдствію сему не повѣрилъ и приказалъ мнѣ сіе пересмотрѣть и повѣрить на мѣстѣ. Не бывъ предупрежденъ ни чьими просьбами, я разсматривалъ дѣло сіе со всѣмъ безпристрастіемъ и утвердилъ заключеніе губ. правленія до меня бывшее: то есть, что плотина, поставленная на заливѣ Суры, не есть причиною уменьшенія воды въ Пензѣ. Минувшее лѣто было сухое, а нынѣшнее дождливое. Опытъ нынѣшняго лѣта показалъ, что вода дѣйствительно прибыла въ Пензѣ, и рѣчка наша сдѣлалась рѣкою. Я приказалъ переслѣдовать и открылъ, что плотина прорвалась, и Сура пошла въ Пензу. Остается теперь разсмотрѣть, можетъ-ли сіе быть для города полезно и не затопитъ ли низкихъ мѣстъ. Изслѣдованіемъ сего вопроса теперь я занимаюсь и естьли найду полезнымъ для города, то никакъ не усомнюсь войти въ сенатъ съ повинною, что въ первомъ моемъ заключеніи я ошибся, что въ прочемъ мнѣ, какъ не гидравлику, и весьма естественно, и потому просьба моя на сей разъ состоитъ только въ томъ, чтобъ на нѣкоторое время пріостановить разрѣшеніе сената на мое первое представленіе. Дѣло сіе въ прочемъ по существу своему и не настоятельно и не требуетъ поспѣшности.

P. S. Весьма благодаренъ вамъ за совѣты и помощь вашу П. Г. Мосальскому въ продажѣ Великополья. Бога ради ударьте во всѣ колокола, чтобъ не пропустить сего золотаго и можетъ быть послѣдняго случая къ продажѣ въ казну.

Полная довѣренность на продажу дана Хр. Я. Лазареву, а отъ него передана *меньшому его брату*. Подробности же дѣлопроизводства поручены повѣренному его живущему въ его домѣ *Алексѣю Егорову Клопову*. Не жалѣйте естафетъ, естьли бъ сіе было нужно. Поповъ долженъ быть уже въ Петербургѣ.

VIII.

Пенза. 8 Августа 1818.

Дружескому попеченію вашему, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, ввѣряю слѣдующую мою просьбу.

Давно уже намѣренъ я былъ просить Государя украсить и усладить пребываніе мое здѣсь званіемъ сенатора, оставивъ въ прочемъ меня при настоящемъ мѣстѣ. Положеніе мое и смыслъ указа, коимъ я былъ сюда опредѣленъ, предписывали мнѣ искать сего необходимаго дополненія; а милости Е. В. указывали мнѣ къ сему надежный путь. Просьбу мою о семъ полагалъ я обратить прямо по почтѣ въ собственныя руки чрезъ Сергѣя Кузмича, яко непосредственнаго моего начальника, который и по справедливости и по благорасположенію могъ ее подкрѣпить своимъ словомъ. Васъ хотѣлъ я о семъ увѣдомить за извѣстіе.

Между тѣмъ съ тѣмъ же нарочнымъ, съ коимъ получилъ я письмо ваше, дошло ко мнѣ изъ вѣрныхъ рукъ и имянно отъ того, кого вы называете *extremement boutonné*, положительное свѣдѣніе, что при образованіи генералъ-губернаторовъ есть намѣреніе и меня причислить къ ихъ лику. Сіе свѣдѣніе не перемѣнило вовсе прежняго моего намѣренія, но перемѣнило образъ его направленія, — Естьли въ то время, какъ получите вы сіе письмо, мысль о генералъ-губернаторствѣ будетъ уже довольно созрѣлою и положительно вѣроятною: тогда очевидно, что просьба моя о сенаторствѣ будетъ уже шагъ совершенно излишній, коего никакъ не хотѣлъ бы я сдѣлать. Но естьли генералъ-губернаторство есть только предположеніе, можетъ быть отложенное до возврата изъ за границы: тогда не хотѣлъ бы я, увлекаясь надеждою можетъ быть и тщетною, къ большему, потерять случай получить благовременно хотя и меньшее, но для меня здѣсь весьма выгодное и желательное. Вотъ линія довольно тонкая, но дружба ваша легко можетъ различить ее и на ней удержаться. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: какъ узнать, совершится ли предположеніе о генералъ-губернаторахъ?—Къ разрѣшенію его можно, кажется, употребить слѣдующія средства: 1) письмо при семъ прилагаемое къ графу Нессельроду доставитъ вамъ случай узнать подробнѣе его мнѣніе (не объявляя однако же ему, что я отъ него знаю; слухъ о семъ былъ и есть общій). Я пишу къ нему откровенно и прошу его дать вамъ въ семъ случаѣ совѣтъ. 2) Около 15-го Августа, предъ самымъ почти совершеніемъ сего дѣла, естьли оно должно совершиться, быть не можетъ, чтобы не знали о немъ люди хотя нѣсколько приближенные: ибо не одного меня тутъ имѣютъ въ виду, а многихъ, а по многимъ и обо мнѣ судить будетъ можно.

Естьли по всѣмъ симъ соображеніямъ вы найдете, что первое намѣреніе довольно имѣетъ твердости: тогда прошу васъ оставить приложенное при семъ письмо къ Сергѣю Кузмичу безъ всякаго дѣйствія. Естьли же напротивъ найдется, что намѣреніе сіе или вовсе или на долго отсрочено: то я прошу васъ, избравъ время, представить письмо мое С. Кузмичу лично и повторить ему словесно, что я ввѣряю его совершенно въ его распоряженіе такъ, что ежели бы паче чаянія не имѣлъ онъ надежды успѣха, то я прошу его и не заботиться. Нѣтъ нужды, естьли въ соображеніяхъ и изысканіяхъ вашихъ пройдетъ нѣсколько времени. Довольно, естьли письмо подано будетъ за два или за три дни до отбытія Е. В.: ибо къ рѣшенію дѣла довлѣетъ одно Его слово.

Графъ В. П. Кочубей *) долженъ быть уже въ Петербургѣ. Увидясь съ нимъ, вы можете откровенно ему все сказать и попросите его совѣта.

Въ заключеніе скажу: нѣтъ бѣды, естьли просьба моя встрѣтится съ другимъ намѣреніемъ уже опредѣленнымъ; но мнѣ чрезмѣрно не хотѣлось бы сдѣлать лишній шагъ. Прощайте, мой любезный, душевно васъ обнимаю.

---

*) Онъ всегда лучше всѣхъ знаетъ положеніе дѣлъ. *Прим. Сперанскаго.*

P. S. Занявши васъ столь много своимъ дѣломъ, я молчу о вашемъ; но тутъ говорить нечего. Естьли вино и спиртъ не запродадите вы въ Петербургѣ, то мы продадимъ его здѣсь, какъ скоро коммиссіонеръ явится или какъ скоро дѣло сіе будетъ поручено здѣшнимъ. На винокуреніе же перваго мѣсяца у меня готовы уже способы. Араповъ уступаетъ т. е. передаетъ до 7 тыс. своей собственной поставки.

Проэктъ письма къ Государю.

В. Г.

Два года почти протекли съ тѣхъ поръ, какъ в. в. благоугодно было опредѣлить меня въ настоящее званіе. Въ теченіи сего времени я всемѣрно старался достигнуть цѣли, которая мнѣ въ особенности была предназначена.

Свидѣтельствомъ совѣсти моей, паче же свидѣтельствомъ начальства, ободряюсь въ той мысли, что старанія мои были не безуспѣшны.

Всякій знакъ вниманія, отъ васъ, в. г., исходящій, для каждаго изъ подданныхъ вашихъ есть драгоцѣненъ; но для меня въ особенности онъ превышаетъ всякую цѣну.

Примѣры губернаторовъ, кои, оставаясь при отправленіи ихъ должностей, не рѣдко отличаемы были званіемъ сенаторовъ, даютъ мнѣ смѣлость испрашивать равной милости.

Милости по истинѣ, а не награды; ибо въ кругѣ дѣйствія мнѣ опредѣленномъ, я не сдѣлалъ, можетъ быть и не могъ сдѣлать, ничего отличнаго.

Естьли въ семъ желаніи в. в. изволите найти что-либо несовмѣстное: я прошу мнѣ его простить и покрыть свойственнымъ вамъ великодушіемъ.

В. И. В.

С.

Письмо къ С. К. почти такаго же содержанія съ нѣкоторымъ только указаніемъ яснѣйшимъ на указъ, коимъ я былъ опредѣленъ.

IX.

Пенза. 13 Августа 1818.

Чрезъ два дни пускаюсь я въ Саранскъ, а оттуда на Бриловскій заводъ и въ нѣкоторые уѣзды всемилостивѣйше ввѣренной мнѣ губерніи. Я привыкъ, не увлекаясь никакими надеждами, сколько на сей разъ ни кажутся они мнѣ положительны, жить въ настоящемъ и пасти ввѣренное мнѣ малое стадо со всею бодростію и терпѣніемъ, какое только имѣть я могу.... Въ Сентябрѣ, и сіе во всѣхъ предположеніяхъ, полагаю отправить въ Петербургъ Лизу и Марью Карловну на зиму. Лизѣ остаться здѣсь одной никакъ не возможно; а Марьѣ Карловнѣ необходимо видѣться съ ея дѣтьми. Прошу принять паки подъ ваше могучее крыло; но о семъ еще успѣемъ подробнѣе побесѣдовать

Здѣсь городъ наполненъ слухами объ учрежденіи областей. Дай Богъ къ лучшему.— Что дѣлается съ Магницкимъ? Онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Весьма жалко будетъ, естьли принудятъ его возвратиться на прежнее его мѣсто. Ему почти не возможно тамъ справиться. Такъ всѣ предубѣждены во вредъ его. По крайней мѣрѣ перемѣнили бы его губернію. Пишу вамъ о семъ откровенно въ томъ предположеніи, что можетъ быть онъ еще послушаетъ вашихъ совѣ-

товъ; моихъ же онъ давно и не слушаетъ и слышать не желаетъ. Я поистиннѣ не понимаю, какъ онъ можетъ управиться въ Симбирскѣ. Управленіе губерніи и безъ ненависти общей и даже при доброхотствѣ представляетъ такъ много затрудненій! Ради Бога старайтесь всемѣрно его отвлечь отъ сего края. Можетъ быть все сіе уже поздно; въ семъ случаѣ сохраните только сіе про себя.

X.

Пенза. 10-го Сентября 1818.

Графъ Сергѣй Козмичъ извѣстилъ меня съ сею почтою, что Государь принялъ просьбу мою весьма милостиво и оставилъ у себя. Слѣдовательно есть надежда въ исполненіи. Это все чего я желалъ и весьма благодаренъ вамъ, мой любезный Аркадій Алексѣевичъ, что вы все сіе распорядили и благовременно и точно по моему предположенію. Подробностей ожидаю отъ васъ съ обратнымъ нарочнымъ и сему одному приписываю ваше продолжительное молчаніе.

XI.

Пенза. 12-го Сентября 1818.

Излишнимъ считаю поручать вамъ и любезной вашей Вѣрѣ Николаевнѣ мою Лизу. Она видѣла уже столько опытовъ вашей любви, что сама должна заслуживать ея продолженіе и, надѣюсь, въ семъ успѣетъ. Оставить ее здѣсь одну безъ Марьи Карловны, я не имѣлъ никакой возможности, ни приличія; надѣюсь, что будущею зимою волей или неволей увижусь съ нею у васъ.

Не жалѣйте, что предположеніе моего сенаторства не сбылось. Дѣло начадось; я увѣренъ, что будетъ и окончено; а мнѣ и нужно только сіе увѣреніе: ибо впрочемъ нѣтъ мнѣ нужды торопиться. Доколѣ не будетъ проданъ домъ и деревня, дотолѣ мнѣ службы оставить нельзя; но послѣ сего не останусь ни минуты: ибо въ независимомъ состояніи, я знаю всю цѣну свободы и ни на что на свѣтѣ собственною моею волею ея не промѣняю.

Пишу къ графу В. П. Кочубею во первыхъ, чтобъ припомянуть себя, а во вторыхъ, чтобъ означить ему, что я совсѣмъ не восхищенъ предположеніемъ о областныхъ начальникахъ и съ моей стороны нынѣ же заявляю, что едва-ли можно ожидать какой либо пользы отъ сего учрежденія, естьли оно не будетъ пріуготовлено другими предшествующими учрежденіями и появится одно.

XII.

Пенза. 15 Октября 1818.

Я думаю, что съ лѣтами приходитъ къ намъ какое-то малодушіе. Я, напримѣръ, начинаю уже тяжко безпокоиться о вашей продолжительной болѣзни. Жду и не могу дождаться почты; къ сожалѣнію она не можетъ придти, какъ развѣ севодни вечеромъ.

У насъ въ Декабрѣ выборы. Партіи начинаютъ уже дѣйствовать или по крайней мѣрѣ точатъ свои орудія. Кишинскому хочется быть губернскимъ предводителемъ. Вы знаете, каковы губернскія интриги. Право тутъ столько же тонкости, по крайней мѣрѣ столько же сплетней, какъ и въ столицахъ. Я совершенно равнодушенъ и по нраву моему, и по положенію. Предводитель ничего не можетъ значить, есть-

ли губернаторъ не беретъ взятокъ и немного разумѣетъ свое дѣло. Вы, я думаю, часто смѣетесь губернскимъ моимъ вѣстямъ и разсужденіямъ; но мѣсто обыкновенно почти болѣе или менѣе опредѣляетъ образъ мыслей.

XIII.

Пенза. 12 Ноября 1818.

Пожалѣйте о мнѣ: я въ рекрутскомъ наборѣ. Нѣтъ работы ни чернѣе, ни отвратительнѣе, ни прискорбнѣе, ни обиднѣе, ни вреднѣе для здоровья. Это можно назвать адскимъ чистилищемъ. Я всегда почти плачу двумя или тремя недѣлями болѣзни. И теперь уже голова моя начинаетъ мѣшаться. Прощайте и не ропщите на Провидѣніе!

XIV.

Пенза. 3 Декабря 1818.

Гдѣ взяли вы столько досугу, столько свѣжести мыслей и даже слога, чтобъ написать ко мнѣ длинное и прекрасное письмо ваше о Магницкомъ? Я знаю, какъ вы заняты, загромождены дѣлами, и какъ трудно среди служебныхъ хлопотъ имѣть время и мысли свободныя. — Весьма благоразумно опредѣлили вы все, чего я могъ желать въ отношеніи къ Мих. Леонт. Сдѣлать болѣе сего было бы повредить ему, а я никогда не могу ни хотѣть сего, ни мыслить. Въ прочемъ, чтобъ разъ навсегда окончить сей скучный предметъ, для него самого будетъ въ послѣдствіи полезнѣе, естьли каждый изъ насъ пойдетъ своею тропинкою.

Мы здѣсь раззоряемся дешевизною хлѣба, а особливо гречи и овса, коего здѣсь родилось нынѣ такое обиліе, что цѣны овса напр. стоятъ и теперь еще въ полтора и въ два рубля, а на крупу даже и требованій нѣтъ. Правда ваша, что есть ли бы не заводы, мы бы здѣсь при великомъ обиліи жили въ крайней бѣдности.

XV.

Пенза. 14 Января 1819.

Выборы наши кончились; губернскимъ предводителемъ остался почти по единогласному избранію Григорій Даниловичъ *).

У васъ въ Городищахъ уѣзднымъ предводителемъ Дмитрій Ал. Бекетовъ, коего очень хвалятъ. Въ прочемъ выборы наши были весьма тихи. Я чрезмѣрно доволенъ; за всѣ знаки вниманія не могу и возблагодарить въ соразмѣрности. Третьяго дни я угощалъ все почти дворянство обѣдомъ; а севодни они меня угощаютъ баломъ. Не довольны Х..... и А......; но надлежало положить конецъ притязаніямъ, къ коимъ, въ обиду и въ укоризну всему сословію, они были пріучены слабостію или корыстолюбіемъ. Въ прочемъ и съ ними соблюдаются всѣ возможныя пристойности. Выборы наши кончились; но когда же кончатся ваши? — Предваряю васъ, что чрезъ двѣ недѣли я начну проситься въ отпускъ; къ сему побуждаюсь я какъ совѣтами, такъ и тѣмъ, что мнѣ почти здѣсь дѣлать нечего. Губернія такъ поставлена, что можетъ идти и безъ меня. Дѣлъ кромѣ текущихъ почти нѣтъ; дѣйствительно всѣ очищены. Не думаю, чтобъ мнѣ отказали въ отпускѣ; а естьли откажутъ, то я подамъ въ чистую. Это почти и дѣйст-

*) Столыпинъ.

вительно цѣль моя; ибо всѣ дѣла мои пришли или приходятъ къ развязкѣ. Пора и давно уже пора!

XVI.

Пенза. 4 Февраля 1819.

Съ сею почтою посылаю письмо къ Государю Императору въ Собственныя руки съ прозьбою объ увольненіи меня въ отпускъ на четыре мѣсяца, чрезъ графа Сергѣя Кузмича.— Причиною поставляю то, что̀ есть и дѣйствительно, а именно желаніе и необходимость устроить участь моей дочери продажею дома въ Петербургѣ и деревни въ Новѣ-Городѣ.—Постарайтесь узнать подробности, какими дѣло сіе можетъ сопровождаться и меня увѣдомить въ случаѣ отказа. Въ прочемъ я буду просить неотступно и кончу прошеніемъ въ отставку. Я знаю, что симъ никому не угрожу, но обстоятельства мои дѣйствительно сего требуютъ; ибо оставаться долго губернаторомъ значитъ давать себѣ видъ корыстолюбія, коего я не имѣю и имѣть не могу.

XVII.

Пенза. 18 Февраля 1819.

Балы, спектакли, маскерады—какъ я радъ, что вся эта несносная суматоха кончилась. Жизнь губернаторская тѣмъ между прочимъ несносна, что вездѣ и во всемъ надобно быть на сценѣ и болѣе или менѣе дѣйствующимъ лицомъ.

У насъ въ суботу на масленицѣ, ночью, случилось жестокое происшествіе. Двое засѣдателей дворянскихъ, возвращаясь изъ уѣзда, вѣроятно пьяные, встрѣтились недалеко отъ города съ проѣзжающимъ. Остановили. Сочтя ихъ разбойниками, онъ началъ стрѣлять изъ пистолета; пистолетъ осѣкся. Онъ за саблю; саблю вырвали и такъ его изранили, что онъ вскорѣ умеръ. Пьяные буяны не умѣли даже и смягчить сего происшествія тѣмъ, чтобъ представить его въ городъ; думали, что ночь все покроетъ; оставили его на мѣстѣ и возвратились въ городъ. Въ туже ночь извощикъ все обнаружилъ, и они въ тюрьмѣ. Нашлось, что сей неизвѣстный былъ прикащикъ Армянина Калантарова, отправленный изъ Саратова во Владиміръ. Пожитки его найдены цѣлыми.

Пишу къ вамъ для того во первыхъ, что вѣроятно слухъ о семъ дойдетъ и къ вамъ и дойдетъ въ увеличенномъ видѣ; а во вторыхъ, чтобъ дать вамъ или, лучше сказать, возобновить понятія ваши о дворянскихъ выборахъ. Засѣдатели сіи съ иголочки только выбраны и двѣ недѣли, какъ вступили въ отправленіе ихъ должности. Я нарядилъ особенную коммиссію, чтобъ дать слѣдствію надлежащую гласность.

XVIII.

Пенза. 11 Марта 1819.

Отъ васъ давно уже ни слова, а мнѣ на просьбу мою объ отпускѣ грозятъ отказомъ. Я ничего еще не получилъ въ отвѣтъ; но готовъ перенести и отказъ въ молчаніи, не изъ мщенія (ибо мщеніе вообще означаетъ слабость, а въ безсильномъ даже смѣшно;) но по сущей необходимости я долженъ буду просить отставки.— Не опасайтесь однакоже; я не сдѣлаю сего шага не обдумавъ и не испытавъ напередъ всего.

Меня стращают такъ же отказомъ и въ покупкѣ Великополья. Не можете-ли вы узнать о семъ чего нибудь положительно отъ Н. Н. Муравьева и меня увѣдомить? По отзыву его я намѣренъ просить всемилостивѣйшаго Государя, чтобъ въ милость мнѣ взяли сіе имѣніе въ казну по оцѣнкѣ, за что будетъ угодно. Не думаю, чтобъ захотѣли взять его за безцѣнокъ.

У насъ другую недѣлю живетъ братецъ вашъ Николай Алексѣевичъ:— образецъ военнаго ума, твердости и самаго здраваго разсудка? Для меня сущая находка; и по счастью онъ проживетъ съ нами до самаго послѣдняго зимняго пути. Я никакъ не воображалъ столько свѣдѣній даже и въ тѣхъ предметахъ, кои съ родомъ службы его не имѣютъ близкаго свойства. Настоящій генералъ [1]).

Письмо къ Тургеневу есть отвѣтъ на присланные отъ него первые листы перевода моего о подражаніи. Печать прекрасная.

XIX.

Пенза. 17 Марта 1819.

Сколько минувшая почта была прискорбна, столько нынѣ обрадованъ я письмомъ вашимъ, чрезъ Алексѣя полученнымъ. Надобно, чтобъ всѣ пріятныя извѣстія приходили мнѣ чрезъ васъ. Я вижу берегъ и конецъ всѣмъ моимъ заботамъ. Тогда останутся у меня одни обязанности, одно чувство: любить друзей моихъ и бесѣдовать съ ними о прошедшемъ, и болѣе еще о будущемъ.

Графа Аракчеева вмѣстѣ съ симъ благодарю особеннымъ письмомъ. Николаю же Назарьевичу прошу нарочно и именно сказать, что я съ лиш-

1) По смерти Н. А. Столыпина осталось нѣсколько записокъ, касающихся военной части. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, другія остались въ рукописи. Большая часть перемѣнъ которыя онъ предлагалъ, въ настоящее время введены въ нашихъ войскахъ. Есть записки противъ учрежденія военныхъ поселеній. Въ книгѣ, изданной въ память столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія, въ спискѣ кавалеровъ значится, что Н. А., 31 Іюля 1811 г., въ чинѣ полковника получилъ Георгія 4-й степени; въ сущности же, какъ видно изъ рапорта его къ генералу Граббе, дѣло, въ которомъ онъ заслужилъ это отличіе, происходило 16 Октября 1811 г., въ 11 верстахъ отъ Витебска. Командуя въ чинѣ подполковника отдѣльнымъ отрядомъ, онъ съ бою взялъ два орудія, при чемъ взяты въ плѣнъ бригадный генералъ Пуже и нѣсколько офицеровъ въ числѣ многихъ плѣнныхъ изъ нижнихъ чиновъ. Какъ памятникъ этого славнаго дѣла и теперь хранится въ деревнѣ, оставшейся послѣ Н. А., сѣдло покрытое малиновымъ бархатомъ и принадлежавшее ген. Пуже. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ изъ начальниковъ кавалерійской дивизіи военнымъ губернаторомъ въ Севастополь, гдѣ открылась чума, и во время происшедшаго тамъ возмущенія былъ убитъ. Въ одной напечатанной статьѣ, изображая эти происшествія, упрекали его въ слабости дѣйствій за это время, но чтобы понять трудность положенія, въ которомъ онъ находился, нужно замѣтить, что онъ былъ назначенъ на эту должность изъ полевыхъ войскъ, помимо морскихъ начальниковъ, въ городъ, который состоялъ исключительно изъ моряковъ и во 1-хъ, такъ какъ впереди возмутителей стояли всегда женщины и дѣти, то согласно сказанному имъ тогдашнему Таврическому губернатору А. И. Казначееву, обязательно симъ послѣднимъ мнѣ переданному, ему приходилось (по случаю чумы воспрещающей всякое ближайшее столкновеніе съ оцѣпленными) дѣйствовать огнемъ противъ женщинъ и дѣтей. Оставивъ вопросъ о послабленіи въ сторонѣ, и по закону это воспрещается прежде, чѣмъ всѣ другія мѣры истощены *Дм. Столыпинъ*. См. Р. Арх. 1866, стр. 275.

комъ много имѣю опыта въ дѣлахъ, чтобъ не умѣть распознать каждое благотворное движеніе, каждую мысль и слово въ мою пользу. Не пишу къ нему, потому единственно, что не потерялъ еще надежды лично его благодарить.

Вопросъ о деньгахъ:..... Первой и самый святой долгъ Краузе, въ слѣдъ за тѣмъ Дазеру чрезъ Цейера до 4-хъ или 5-ти тысячъ, остальные за тѣмъ я просилъ бы васъ положить въ банкъ до моего пріѣзда. Естьли же я не получу отпуска, то пришлю вамъ росписаніе. Изъ всей этой кучи денегъ не достанется мнѣ увидѣть у себя въ карманѣ ни одной копѣйки. Къ Попову я пишу, чтобъ сдалъ все въ наилучшемъ порядкѣ и не прикасался бы ни къ мебелямъ и ни къ чему, что̀ осталось въ Великопольѣ. Тутъ стыдно имѣть какіе-либо мелкіе расчеты. Признаюсь, что я почти не ожидалъ столько великодушія или снисхожденія. Это весьма много меня ободряетъ. Мнѣ кажется, судя по сему поступку, что не откажутъ мнѣ и въ отпускѣ, хотя дадутъ его и позже, нежели я думалъ. Но я такъ почти и расчитывалъ, и отлагательство сіе находилъ весьма естественнымъ.

Распорядокъ вашъ о домѣ моемъ совершенно согласенъ съ моими мыслями. Дубенскій здѣсь уже заговаривалъ мнѣ о покупкѣ его; я ему со временемъ представлю такія удобности, что онъ не можетъ отказаться отъ покупки. Дѣло сіе я также считаю конченнымъ.

И такъ до свиданія, любезнѣйшій; не уже-ли это правда, что двери радости не навсегда еще для насъ затворены? Я едва могу сему вѣрить: такъ боюсь обмануться; такъ привыкъ я быть готовымъ къ однимъ неудачамъ. Великополье одно могло оживить мои увядшія надежды.

XX.

Пенза. 1 Апрѣля 1819.

Другой уже день, какъ знакомлюсь я съ новымъ своимъ положеніемъ и никакъ еще не могу ознакомиться. Не могу привести въ порядокъ идей моихъ, чтобъ писать къ вамъ вразумительно.

Что̀ я ни дѣлалъ, чтобъ избѣжать Сибири, и никакъ не избѣжалъ. Мысль сія, какъ ужасное ночное привидѣніе, преслѣдовала меня всегда, начиная съ 17-го Марта 1812 года, и наконецъ постигла. Странное предчувствіе! Въ судьбѣ моей есть нѣчто суевѣрное.

Чувство, кажется, имѣетъ извѣстную только степень гибкости. Не понимаю, какъ легко перенесъ я двѣ первыя ссылки; несравненно легче, нежели сію третью; хотя формы первыхъ были страшнѣе, но за то тамъ была внезапность и необходимость, а здѣсь долженъ я самъ рѣшиться и чувствовать, какъ тлѣю на маломъ, постепенномъ огнѣ.

Ропотъ-ли сіе?—Совсѣмъ нѣтъ; тутъ перстъ Провидѣнія такъ очевиденъ, что безумно было бы роптать. И сверхъ того назначеніе сіе сопровождено такими милостями, такими вѣроятностями лучшаго, что я долженъ быть еще благодаренъ въ то самое время, какъ сердце мое растерзано.

Постараюсь однакоже скрѣпясь написать вамъ съ нѣкоторою ясностію послѣднее мое завѣщаніе; это настоя-

щая духовная: ибо, мнѣ кажется, я отправляюсь прямо на тотъ свѣтъ [1])...

Я предлагаю Цейеру отправиться на тотъ свѣтъ со мною. Думаю, что сіе полезно ему будетъ въ двухъ отношеніяхъ: *первое* послужитъ ему лучшимъ лекарствомъ въ родѣ его болѣзни; *второе* дастъ ему въ послѣдствіи заслугу и право просить увольненія съ пенсіею, право, коего нынѣ онъ никакъ имѣть не можетъ. Для сего даю ему письмо къ графу А. Андреичу; онъ же будетъ мнѣ и полезенъ.—Къ нему присоединяю я и Жоржа Вейкарта. Надѣюсь, что практика скорѣе его научитъ, нежели пустая ихъ школа [2]). Мать сего желала, и я не могу сей отказать, да и надѣюсь въ прочемъ, что молодой человѣкъ, начавъ съ Сибири, не кончитъ ею.

Я полагаю отсюда выѣхать, какъ скоро путь и рѣки дозволятъ, такъ что въ первыхъ числахъ Мая я буду уже въ Казани, гдѣ и съѣдусь съ канцеляріею, изъ Петербурга отправляемою, и съ Цейеромъ, естьли онъ рѣшится. Посему съ 15-го Апрѣля пишите ко мнѣ въ Казань; а съ 1 Мая уже въ Тобольскъ; ибо я въ Казани болѣе 10-ти дней не останусь. Мое намѣреніе есть нынѣшнимъ же лѣтомъ быть въ Иркутскѣ, пробыть тамъ всю осень и зиму и съ весною возвратиться въ Тобольскъ, откуда, судя по обстоятельствамъ, пуститься въ Петербургъ; такимъ образомъ весь кругъ сей и всѣ предназначенныя мнѣ работы надѣюсь совершить въ опредѣленный и предписанный мнѣ срокъ, почти въ полтора года.—Странно! Я говорю о Тобольскѣ и Иркутскѣ точно, какъ у васъ говорятъ о загородней прогулкѣ или по большей мѣрѣ о поѣздкѣ въ Новгородъ и въ Москву.

Неужели не будете вы ко мнѣ писать въ Сибирь?—Вамъ будетъ это грѣшно. Естьли письма ваши были для меня сущимъ утѣшеніемъ въ Пензѣ, то въ Сибири они будутъ истинное сокровище. Не извиняйтесь недосугами; всегда досугъ написать къ

---

[1]) Не знаю, извѣстно-ли вамъ, что назначеніе мое собственно есть: изслѣдовать злоупотребленія, составить на мѣстѣ новый планъ управленія Сибири и планъ сей привести съ собою въ Петербургъ. Это между нами. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

[2]) Нельзя полагать, чтобъ это были слова, вырвавшіяся такъ сказать изъ подъ пера; не сталъ бы Сперанскій отымать молодаго человѣка отъ ученія, еслибъ онъ полагалъ, что ученіе это будетъ служить подготовкой къ жизни. Что же это была за пустая школа?—Основанія тогдашнихъ и теперешнихъ школъ одинаковы. Не есть ли это указаніе, что уже въ то время общественное образованіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно преподавалось, считалось недостаточнымъ, или пожалуй пустымъ по выраженію Сперанскаго,—общественное образованіе, которое составляетъ предметъ столькихъ споровъ и въ настоящемъ. Казалось бы весь споръ сводится къ слѣдующему: упрекаютъ старое воззрѣніе на образованіе въ томъ, что оно ведетъ къ риторикѣ, резонерству, абсолютнымъ и предвзятымъ идеямъ. Желательно бы дать учащимся полное и широкое познаніе основныхъ законовъ, правящихъ міромъ. Незнающій оныхъ будетъ вездѣ искать абсолютное, а такъ какъ абсолютнаго въ жизни нѣтъ, то онъ создаетъ себѣ произвольные абсолютные принципы. Въ мірѣ вѣчно измѣняемомъ, не зная законовъ измѣненій, онъ непремѣнно теряется. Все это ведетъ къ предвзятымъ идеямъ и нѣкоторому упрямству въ жизни. Тяжелой практикой приходится измѣнять эти воззрѣнія, и это еще удается только самымъ даровитымъ. *Примѣчаніе Д. А. Столыпина.*

другу нѣсколько словъ; подумайте, что за 6,000 верстъ и то уже находка, чтобъ знать, что тому мѣсяцъ назадъ такого то числа вы были живы и здоровы.

Теперь обращаюсь собственно къ дѣламъ вашимъ. То, что̀ вы называете блистательными глупостями (въ двухъ письмахъ съ учителемъ Никольскимъ, весьма поздно полученныхъ) я бы не смѣлъ назвать симъ именемъ; но назвалъ бы *великими ошибками*. Такъ-то вы слушаетесь моихъ отеческихъ наставленій? — Поймите наконецъ изъ опытовъ, что служба *порывистая* есть лотерея, сущая азартная игра. Молодымъ людямъ можно ее простить; но намъ съ вами, по истинѣ, не простительно. Должно служить искренно, усердно, но всегда держать себя въ мѣрѣ. Выигрыши любочестія тутъ не столь велики, но за то вѣрны и въ концѣ счета несравненно лучше и даже для самой службы полезнѣе, нежели порывы воображенія. Вы имѣете сердце львиное, а по сіе время не обладаете еще вашимъ воображеніемъ. Первый залогъ всякаго успѣха есть желать только возможнаго и съ обстоятельствами сообразнаго. Развѣ вы не знаете школы эгоизма? Въ сей школѣ первая и послѣдняя буква *я*. Какимъ же образомъ хотите вы себя вмѣстить въ сію азбуку? Тутъ нѣтъ другихъ буквъ. Въ прочемъ желать возможнаго есть желать быть сенаторомъ; а для сего вамъ не нужно ничего болѣе, кромѣ постоянной работы и терпѣнія. О, сколь много краснорѣчиваго и убѣдительнаго сказалъ бы я вамъ о семъ прекрасномъ, блаженномъ званіи: быть сенаторомъ. Это верхъ моихъ желаній, вся прелесть моего воображенія, цѣль и конецъ трудовъ Сибирскихъ. Какъ пристало бы сіе къ вашей подагрѣ и къ моей сѣдой головѣ!

XXI.

3 Апрѣля.

Сейчасъ (пол.) письмо ваше отъ 15-го Марта чрезъ коммисіонера Арапова. Вамъ еще не извѣстна была судьба моя и естьлибъ она оставалась въ сей неизвѣстности, то безъ сомнѣнія привела бы меня къ вашему заключенію; но теперь выбирать уже мнѣ нечего. Осталось предаться влекущей меня силѣ.

Въ прочемъ участь моя въ Петербургѣ представится мрачнѣе, нежели она есть въ самомъ дѣлѣ. Я уже вамъ намѣтилъ, въ чемъ состоитъ именно мое назначеніе и что срокъ моему путешествію есть самый большій полтора года; но сіе сообщаю вамъ за тайну; публично же вы должны увѣрять, что я отправляюсь въ Сибирь просто какъ генералъ - губернаторъ, безъ всякаго опредѣленнаго срока; подкрѣпите сіе и тѣмъ предположеніемъ, что дочь моя вѣроятно отправится ко мнѣ по первому зимнему пути въ Тобольскъ. Я къ ней пишу, чтобъ она точно сіе утверждала, хотя въ прочемъ и не должна о семъ думать. Симъ увѣреніемъ, можетъ быть, скорѣе успѣете вы обрадовать и успокоить враговъ моихъ; въ прочемъ, правду сказать, я имѣю всѣ причины думать, что тутъ никто изъ нихъ не участвовалъ. Это прямо перстъ Божій и воля Государева, и слѣдовательно предметъ не ропота, но благоговѣнія и покорности.

Изъ Москвы получилъ я вчера извѣстіе, что на мое мѣсто назначается Ф. П. Лубяновскій. Какъ бы я сему былъ радъ и для него, и для себя, и для васъ, и для губерніи.—Естьли это еще не кончено, то поддержите сіе назначеніе у м. финансовъ при случаѣ. Ему нужно здѣсь имѣть добраго и умнаго губернатора; а таковъ и будетъ Лубяновскій; онъ будетъ искренно и усердно исполнять его порученія по службѣ; а это не бездѣлица въ настоящемъ положеніи винной части.

XXII.

Пенза. 15 Апрѣля 1819.

Къ чему нельзя привыкнуть? — Я привыкаю и къ своему новому положенію. Главная его выгода состоитъ въ томъ, что я надѣюсь вопервыхъ дѣйствительно сдѣлать нѣчто полезное для сего края и исполнить благія намѣренія правительства; а во вторыхъ положить и моимъ похожденіямъ довольно благовидный и приличный конецъ.

Въ прочемъ наилучшая часть успокоенія моего отъ васъ зависитъ. Естьли вы приведете долговыя мои дѣла въ порядокъ мною предназначенный, то снимете съ меня самое тяжелое бремя и Сибирь сдѣлаете сносною.

Весьма обрадованъ я былъ опредѣленіемъ сюда Ф. П. Лубяновскаго [1]). Надѣюсь, что онъ поддержитъ и даже усовершитъ все, что̀ для блага губерніи мною было сдѣлано и предположено. Смѣю думать, что онъ найдетъ губернію въ устройствѣ не въ совершенномъ, но въ лучшемъ, какое по недостатку способовъ быть можетъ. Ваша правда, надобно имѣть много смѣлости, чтобъ рѣшиться быть гдѣ либо губернаторомъ. Безъ вины всегда можно быть виноватымъ. Требованія правительства и средства исполненія никакой не имѣютъ соразмѣрности.

У меня въ услуженіи было нѣсколько вашихъ инвалидовъ; а именно Антошка, что̀ реветъ медвѣдемъ; Федоръ лакей; кучеръ Григорій; всѣхъ ихъ возвращаю вмѣстѣ и съ старою Діаною и съ сѣдломъ ея въ Столыпино. Беру съ собою одного мальчика, которой у меня служитъ жокеемъ (Ванюшка взятый съ конюшни) и теперь помогаетъ моему Лаврентью. Онъ не пропадетъ и не испортится. Былъ у меня на кухнѣ также одинъ вашъ мальчикъ поваренкомъ; когда я перестaлъ здѣсь жить домомъ, то разсудилъ отдать его для васъ въ науку къ Н. А. Арапову. Чрезъ годъ изъ него выдетъ для васъ весьма порядочный поваръ добраго поведенія; вы можете его потребовать, когда разсудите. Кучера Григорья можете такъ же къ себѣ потребовать; онъ научился у меня ѣздить и править порядочно; малый изъ себя весьма видный и силы необыкновенной.

Нѣсколько словъ о Масальскомъ. Я знаю почти все, что̀ противъ него сказать можно; но сведя общій счетъ мнѣ кажется, все еще онъ достоинъ вашего покровительства. Я знаю, что сіе имѣетъ свои неудобства; но взгляните на его непріятелей и вы найдете

[1]) На сихъ дняхъ сюда его ожидаю и надѣюсь лично ему сдать губернію. Между тѣмъ симъ добромъ правитъ теперь Тарасовъ. *Примѣчаніе Сперанскаго.*

его почти святымъ человѣкомъ въ сравненіи съ ними. Не отвергайте его отъ себя; разумѣется, сколько приличія и общее мнѣніе позволить могутъ; я говорю не отвергайте въ существенномъ, а не во внѣшнемъ съ нимъ обращеніи, которое можно распоряжать по обстоятельствамъ. — Вы знаете, что я никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ интересныхъ и даже въ домашнихъ дѣлахъ рѣдко я ему, а всегда онъ мнѣ былъ долженъ. Тысячу огорченій имѣлъ я отъ его медленности и запутанности; но никогда отъ его пристрастія или неправды. Привычка къ его усердію, привычка къ самымъ его недостаткамъ заставляетъ меня въ немъ участвовать. Присоедините къ сему кучу дѣтей, трудность его положенія, свойства его враговъ, — все сіе вмѣстѣ громко говоритъ предъ вами въ его пользу. Не отриньте его.

XXIII.

Пенза. 22 Апрѣля 1819.

Еще одно письмо изъ Пензы къ любезному моему Аркадію Алексѣевичу; но это уже послѣднее. Дни чрезъ два или три, какъ скоро дозволитъ Сура, я отправляюсь. Первое мое письмо вы получите уже изъ Казани. Не могу миновать, чтобъ не провесть одинъ день въ Симбирскѣ съ Александромъ Алексѣевичемъ, который ко мнѣ уже о семъ писалъ.

Доставляю такъ же въ вамъ письмо мое къ П. П. Попову. Вы вручите ему его вмѣстѣ съ аттестатомъ его тогда, какъ онъ къ вамъ явится по окончаніи сдачи, или отошлите и прежде, естьли разсудите. Люди изъ надежды болѣе дѣлаютъ, нежели изъ благодарности. По счету, при семъ письмѣ прилагаемому, нужнобы было съ нимъ разсчесться—щедро, широко, но безъ послабленія.

Разстаюсь съ Пензою, какъ съ моею родиною. Лучшіе чиновники просятся со мною; но не хочу Лубяновскаго оставить одного между волками.

XXIV.

Казань. 13 Мая 1819.

Различіе нашихъ понятій о предлежащемъ мнѣ подвигѣ происходитъ отъ того, что я не могъ вамъ въ письмѣ всего изъяснить. Вы считаете меня генералъ-губернаторомъ и умствуете справедливо, хотя и съ лишкомъ мрачно; а инструкціи мои гласятъ, что я только ревизоръ, облеченный властію генералъ-губернатора на время моего посланія и единственно для того, чтобъ дать сему посланію надлежащую и опредѣлительную силу. Отсюда происходитъ, что одна часть совѣтовъ вашихъ сама собою исполнена, а другая невозможна, потому что относится къ званію постоянному, а не къ посланію временному. Какъ могли вы себѣ представить, что я пущусь управлять Сибирью, коею никто и никогда управить не могъ? Правда, что меня могутъ туда сослать; но нѣтъ власти на землѣ, которая бы могла меня заставить тамъ быть дѣйствительно и постоянно ни генералъ-губернаторомъ, ни намѣстникомъ, ни папою. Сослать же всякаго и изъ Пензы, и изъ Петербурга, даже изъ Парижа и изъ Лондона туда могутъ. Людей, коихъ вы называете моими врагами, я не боюсь. Естьли и

въ самомъ дѣлѣ они мои враги (въ чемъ однако же я всѣ причины имѣю сомнѣваться) то они давно уже процессъ свой противъ меня потеряли, а теперь еще и болѣе потеряютъ. — Естьли вы порядочно разберете связи, то вы найдете, что не я у нихъ, но они у меня въ рукахъ, естьли только захочу я воспользоваться слабымъ ихъ положеніемъ. Переписка моя на сей годъ и на все время пребыванія моего въ Сибири ограничится можетъ быть двумя или тремя текущими донесеніями; а существенное я представлю или въ Петербургъ, или пришлю изъ Ханеневки. Въ чемъ же будетъ состоять сіе существенное: того ни я теперь не знаю, ни они никогда не узнаютъ прежде, нежели я совершенно буду свободенъ. На прибытіе мое въ Петербургъ мнѣ нѣтъ причины просить дозволенія; я могу и даже обязанъ тамъ быть, какъ скоро предметы посланія моего окончу. Вотъ вамъ изъясненіе и отвѣтъ. Но это между нами. Въ обыкновенномъ же сношеніи пусть я останусь просто Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ; мнѣ весьма мало нужды, какъ будутъ о томъ думать другіе, лишь бы друзья мои были спокойны и не тревожили бы себя страхами пустыми.

Устройте денежныя дѣла мои и въ прочемъ, мой любезный, вѣрьте, что есть предѣлъ и гоненіямъ и злобѣ человѣческой. Я стою на послѣднемъ степени и увѣренъ, что естьли Богъ дастъ мнѣ здоровье, окончу возвратный путь мою къ покою и жизни безмятежной.

Не знаю, какъ пойдетъ далѣе; а путь мой начался прекрасно: слезами и горестію Пензы. Погода была прекрасная; весь городъ былъ на берегу Суры, когда меня переправляли. Я самъ плакалъ какъ ребенокъ. Въ Симбирскѣ нашелъ себя среди моей родни въ домѣ Столыпиныхъ. — Казань для меня чужая. Скучные обѣды, посѣщенія и обычные обряды. Завтра отсюда отправляюсь. Изъ Тобольска буду къ вамъ писать болѣе. А здѣсь отъ утра до вечера люди.

XXV.

Тобольскъ. 30 Маія 1819.

И здѣсь, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, тоже небо, тотъ же солнечный свѣтъ, тотъ же Государь, страхъ злымъ, Ангелъ-хранитель всѣмъ добрымъ. Изъ сего вы видите, что я приступаю къ дѣлу съ сердцемъ твердымъ и безстрашнымъ.—Но приступъ мой тѣмъ различенъ отъ моего предмѣстника, что онъ хотѣлъ всѣхъ устрашить и все покорить единой своей власти; а я хочу сперва все видѣть, во всемъ удостовѣриться и потомъ сію массу добра и зла представить творческой силѣ Государя. Онъ одинъ здѣсь можетъ сказать: да будетъ свѣтъ и будетъ.

Я прибылъ въ Тобольскъ 24-го Маія на канунѣ Троицына дня. Къ покою, къ счастію нельзя болѣе спѣшить, какъ я спѣшилъ въ Сибирь. И теперь еще не понимаю, какимъ вихремъ насъ сюда несло. Рѣки всѣ въ разлитіи; на каждой почти станціи перевозъ, а на нѣкоторыхъ пять и шесть. Со всѣмъ тѣмъ, изъ Казани сюда 1500 верстъ мы сдѣлали въ 8-мь дней. Въ Перми пробыли сутки; вообразите противоположность моихъ чувствъ и ра-

дость тамошнихъ друзей моихъ.—Чудо быхъ многимъ. Въ Тобольскѣ принятъ я вообще хорошо. Это естественно: всѣ почти были удручены, одни страхомъ страшнаго суда, другіе долголѣтнимъ терпѣніемъ. Съ 27 вступилъ я въ должность и начинаю только раздѣлять толпу бумагъ, кои преслѣдовали и встрѣчали меня начиная отъ Казани. Въ три дни ничего еще видѣть съ подробностію не возможно; но много пособляютъ мнѣ прежнія мои Пермскія свѣдѣнія.

Между тѣмъ проскакалъ курьеръ сенатскій съ указомъ объ ассигнаціяхъ и привезъ мнѣ письмо ваше. Чрезъ мѣсяцъ, вѣроятно, онъ возвратится. Вы спрашиваете: что вамъ дѣлать? Ничего, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, любить меня цѣлый годъ или два въ отсутствіи, платить и распутывать долги мои, окончить продажу дома и вотъ все; прочее все въ руцѣ Божіей и въ милостяхъ Государя. Онъ не оставитъ меня безъ куска хлѣба и не попуститъ, чтобъ въ угоду врагамъ моимъ, управленіе цѣлою частію свѣта было или имяновалось ссылкою.

Старые кости Цейера довезены сюда благополучно; онъ здоровъ и вамъ кланяется всею длиною своего корпуса и всею прекрасною его душею.

XXVI.

Тобольскъ. 20-го Іюня 1819.

Естьлибъ вы знали, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, какъ пріятно получать письма отъ друзей въ Сибири, то конечно писали бы ко мнѣ чаще; на примѣръ письмо ваше отъ 30-го Маія въ коемъ ничего почти нѣтъ, кромѣ переѣзда вашего на дачу, принесло уже мнѣ великое удовольствіе.

Что сказать вамъ о Сибири? Бездна зла и очень мало способовъ къ добру; въ прочемъ я вѣренъ своему правилу, чтобъ не дѣлать ничего существеннаго отрывками и все приводить въ одинъ составъ, который не иначе можетъ быть представленъ и рѣшенъ, какъ въ Петербургѣ. Изъ Тобольска на сихъ дняхъ отправляюсь въ Иркутскъ, куда настоятельно призываютъ меня дѣла и самыя худыя вѣсти.

Прилагаю представленіе въ Сенатъ о чинѣ новымъ моимъ рекрутамъ; оно въ двухъ экземплярахъ, выберите лучшее. Сомнѣніе въ томъ, что Вильде хотя и названъ въ данномъ ему свидѣтельствѣ кандидатомъ университета, но свидѣтельство сіе выдано ему не отъ университета, но отъ Дерптскаго магистрата; а я не желаю допустить не только подлога, но и малѣйшей натяжки.

Едва успѣлъ я написать сіе, какъ и передумалъ и рѣшился просто послать представленіе, наимяновавъ обоихъ моихъ служивыхъ канцеляристами, что̀ они и въ самомъ дѣлѣ: ибо я принялъ ихъ въ канцелярію сими чинами и потому прошу о произведеніи ихъ просто въ коллежскіе регистраторы на общемъ основаніи.

XXVII.

Томскъ. 24-го Іюля 1819 г.

Что̀ сказать вамъ о дѣлахъ здѣшнихъ?—Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла и зла почти нетерпимаго. Измученъ

жалобами, доносами, ябедою, едва нахожу я столько терпѣнія, чтобъ окончить дѣло мнѣ порученное. Слухи ничего не увеличивали, и дѣла хуже еще слуховъ. Есть способы къ исправленію; но они предполагаютъ совсѣмъ другой образъ управленія, совсѣмъ другой и полной наборъ чиновниковъ. Я ничего другаго не дѣлаю, какъ только отрѣшаю; но кѣмъ замѣнить отрѣшаемыхъ?

Въ прочемъ, держась во всемъ главнаго моего правила обозрѣнія, а не управленія, я ни очемъ еще не представлялъ, и не буду представлять, кромѣ дѣлъ текущихъ, доколѣ всего не окончу.

Прощайте, любезнѣйшій; никогда не бывалъ я ни болѣе занятъ, ни болѣе измученъ дѣлами. Мое-ли дѣло преслѣдовать, уличать и разыскивать преступниковъ?

Отправится-ли Магницкій къ новому своему мѣсту въ Казань?

XXVIII.

Иркутскъ. 23 Октября 1819 г.

Препровождаю при семъ къ вашему превосходительству рапортъ мой Пр. Сенату объ увольненіи г. Трескина; въ порядкѣ мнѣ надлежало бы внести и списокъ съ самаго рескрипта; но теперь я сдѣлать сего еще не могу, ибо въ томъ же рескриптѣ предоставлено мнѣ устранить и Томскаго губернатора, естьли найду сіе нужнымъ. Но какъ слѣдствія тамъ еще не окончены и отвѣты губернатора на данные ему вопросные пункты еще не получены: то и должно подождать и между тѣмъ не оглашать сея мѣры. Самый рескриптъ данъ по моему представленію и съ полною свободою употребить сіе полномочіе по моему усмотрѣнію.

Полномочіе сіе пришло весьма къ стати; безъ него мнѣ было бы несравненно болѣе труда обнаружить здѣшнія непотребства и болѣе нужно было бы времяни. Сверхъ сего вообразите непріятность быть въ ежедневномъ сношеніи съ человѣкомъ, которой уже обличенъ и недостаетъ только нѣкоторыхъ формъ къ его осужденію. Теперь я почти увѣренъ, что къ Генварю все здѣсь будетъ окончено. И вообще все, что̀ мнѣ по Сибири поручено, къ Марту будетъ готово. Послѣ сего мнѣ останется только думать о о возвратномъ пути. Совершится ли онъ и когда имянно, не знаю; но то достовѣрно, что съ Марта я здѣсь буду совершенно лишній: ибо нельзя и помыслить управлять симъ краемъ безъ новыхъ правилъ и новыхъ людей. Никто за сіе не возмется.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный мой Аркадій Алексѣевичъ, за рѣдкія, но всегда любезныя ваши письма. Благодаренъ за бѣднаго моего племянника Ильина, коего жребій я считаю совершенно по милости вашей устроеннымъ. Благодаренъ и за Смирнова. Мнѣ кажется и конца не будетъ, когда за все я начну васъ благодарить; но я надѣюсь со времянемъ вдругъ однимъ пріемомъ съ вами расплатиться, тѣмъ, что на старости лѣтъ буду учить дѣтей вашихъ по латынѣ. Жаль дѣйствительно, естьли они безъ меня постарѣютъ. Лиза часто мнѣ о нихъ пишетъ и не можетъ нахвалиться.

Не ожидайте въ письмахъ моихъ подробностей о Сибири Я веду жур-

налъ моего странствованія и со временемъ на досугѣ будемъ вмѣстѣ его читать, чтобъ вспомнить старину.

Не знаю, что думать о Пестелѣ. Естьли онъ дѣйствительно не корыстовался здѣшними злоупотребленіями, то нельзя по крайней мѣрѣ не признать, что это самая слабая голова, которая не способна управлять и Олонецкою губерніею. Столько-то справедливо, любезный другъ, старое мое правило, что хитрость не есть умъ и что она даже противна здравому уму. Правда, что Трескинъ есть человѣкъ необыкновенной тонкости въ мелочахъ и изворотахъ: со всѣмъ тѣмъ однакоже, съ здравымъ умомъ, даже и посредственнымъ, въ 13 лѣтъ можно бы было его разгадать и удостовѣриться въ истинномъ положеніи дѣлъ. Особливо когда со всѣхъ сторонъ доходили и слухи, и свѣдѣнія, кои вообще называли они ябедами и доносами. Въ прочемъ это не наше дѣло: пусть они расчитываются, какъ хотятъ; а наше дѣло представить только вещи въ томъ точно видѣ, какъ они есть или суть.

Не вѣрьте, естьли будутъ вамъ разказывать о какихъ либо донесеніяхъ или отчетахъ по обозрѣнію губерніи. Я ничего не писалъ и ни очемъ существенномъ не доносилъ еще Государю и считаю даже не возможнымъ и службѣ его вреднымъ доносить отрывками и за шесть тысячъ верстъ. Я сдѣлалъ во все время одно только представленіе и имянно объ устраненіи губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго, и сіе точно къ тому времяни, какъ я ожидалъ, исполнено самымъ милостивымъ образомъ. Вы спросите о Тобольскомъ Фонъ-Бринѣ; но это совсѣмъ отдѣльный человѣкъ—врагъ, хотя и близкой родня Пестелю и въ прочемъ ведетъ губернію, какъ только лѣта его преклонныя и слабое здоровье дозволяютъ; тутъ нѣтъ ничего, кромѣ обыкновенной слабости и маловажныхъ упущеній.

XXIX.

Иркутскъ. 19 Ноября 1819 г.

Съ минувшею почтою получилъ и письмо ваше отъ 2-го Октября, и имѣю утѣшеніе изъ него видѣть, что ровно 40 дней тому назадъ вы были живы и здоровы. Пишу къ вамъ рѣдко потому имянно, что писать нечего. Сказавъ вамъ, что я живу въ доносахъ, ябедахъ и сыскѣ злоупотребленій, я сказалъ вамъ въ двухъ словахъ всѣ мои упражненія, все провожденіе моего времяни. По свойствамъ моимъ вы можете судить, какова жизнь моя; всѣ письма мои къ вамъ должны бы были содержать одну исторію моихъ страданій. Я стою между закономъ и совѣстію. По совѣсти я никого бы не обвинилъ кромѣ тѣхъ, кои попускали злоупотребленія; но по закону всѣ безъ разбора виноваты, и списокъ ихъ по сіе время по всѣмъ тремъ губерніямъ составляетъ уже около 150 человѣкъ. Взятки обличенныя по Иркутской губерніи простираются уже почти до миліона; а что̀ будетъ, еще не извѣстно. Но вопросъ разорена-ли губернія? Совсѣмъ нѣтъ: она есть одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи; самыя злоупотребленія даже способствовали къ ея обогащенію, и существенный ихъ вредъ есть болѣе нравственный, нежели экономической. Вредъ конечно

весьма важный; но изслѣдуйте начала и вы найдете, что законъ, подвергающій и начальника и безгласнаго подчиненнаго, за тысячи и за рубли одному и тому же сужденію, здѣсь не можетъ быть приложенъ безъ явной несправедливости. Потому-то кромѣ самыхъ рѣшительныхъ и вопіющихъ случаевъ удерживаюсь я обвиняемыхъ отдавать подъ судъ, ограничиваясь ихъ удаленіемъ, да и то тогда только, когда есть возможность ихъ замѣнить. Но возможность сія весьма рѣдка; ибо здѣсь вопросъ не въ выборѣ людей честныхъ или способныхъ, но въ положительномъ и совершенномъ недостаткѣ даже и посредственныхъ, даже и людей неспособныхъ. Въ прочемъ предать суду двѣсти человѣкъ никогда не поздно; но я на сіе не могу рѣшиться прежде общаго моего отчета и не испытавъ всѣхъ средствъ, чтобъ согласить законъ съ совѣстію. Заключу сіе повѣствованіе тѣмъ, что къ Генварю мѣсяцу надѣюсь всѣ слѣдствія здѣсь окончить и тогда донесу коротко, что мнѣ здѣсь дѣлать болѣе нечего, и точно нечего, и буду ожидать дальнѣйшихъ повелѣній, приготовляясь между тѣмъ въ обратный путь.

Посылаю вамъ обязательство на 4 т. рублей на Англинскомъ языкѣ. Здѣсь, то есть еще 600 верстъ далѣе Иркутска, живутъ два Англинскіе миссіонера библейскаго общества, Сталибрасъ и Ромъ. Послѣдній изъ нихъ теперь въ Петербургѣ. Сталибрасъ нуждался въ деньгахъ на постройку дома и не зная, какъ достать ихъ въ сей дали, обратился ко мнѣ. Странно бы было отказать человѣку въ его положеніи. Я его ссудилъ, а онъ далъ мнѣ обязательство по предъявленію на Сарептскую Петербургскую контору подъ имянемъ: *Asmus Simonsen et compagnie*. Прошу васъ, предъявивъ имъ сіе обязательство, получить деньги и отдать ихъ моей Елисаветѣ; ей они нужны. Къ стати вы можетъ быть спросите, что же здѣсь въ Селенгинскѣ дѣлаютъ сіи миссіонеры? Ничего, учатся по монгольски и по русски и предполагаютъ со времянемъ завести школу. Дай имъ Богъ болѣе успѣха, нежели сколько Шотландцы имѣли въ Кабардѣ; какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ я бы желалъ видѣть другихъ миссіонеровъ, а имянно тѣхъ, кои бы христіанъ учили и убѣждали къ христіянству.

Я уже писалъ къ вамъ, помнится, о Словцовѣ. Онъ сталъ еще лучше и умнѣе, нежели былъ. Уединеніе освѣжило его мысли и успокоило его душу до того, что кажется онъ ничего не желаетъ и готовится умереть спокойно; въ свое время я буду о немъ сильно ходатайствовать; но кажется, естьли бы предложили ему мѣсто канцлера, онъ не двинулся бы никуда отсюда. Такъ же бѣденъ, такъ же студентъ, какъ и прежде, но еще менѣе желаетъ и менѣе заботится о житейскомъ; въ прочемъ бѣдность его есть почти произвольная: въ званіи совѣстнаго судьи и директора гимназіи онъ получаетъ 2000 рублей и не понимаетъ, куда ему здѣсь дѣвать сіе богатство; вообще онъ здѣсь всѣми уваженъ и въ истинномъ смыслѣ есть судья совѣстный. Гимназія его есть можетъ быть одна въ Россіи, которая идетъ весьма правильно и съ успѣ-

хомъ; онъ каждый день въ ней бываетъ.

Францъ Ивановичъ *) председательствуетъ здѣсь въ слѣдственной коммисіи, весьма прилеженъ и очень занятъ. Онъ дѣйствительно моя правая рука; ибо естественно могу я положиться на него какъ на себя.

PS. Не понимаю, какъ предмѣстникъ мой, ослѣпленный Трескинымъ, по сіе время глазъ раскрыть не хочетъ. Онъ пишетъ къ нему каждую почту. Тутъ мнѣ кажется есть та смѣтка, что на случай, естьли бы письма ихъ на почтѣ раскрывались, увидѣли бы умилительныя и благочестивыя ихъ чувства, коими они другъ друга ублажаютъ. Не знаю, удастся-ли имъ сей новый родъ ухищренія. Въ прочемъ не наше дѣло судить совѣсти.

XXX.

Иркутскъ. 3 Декабря 1819.

Сибирскія вѣсти такъ вообще непріятны и единообразны, что мнѣ и писать объ нихъ къ вамъ стыдно. — Это есть одно и тоже продолженіе мерзостей и злоупотребленій.—Естли бы мнѣ можно было утѣшаться успѣхами сихъ открытій, то конечно было бы чемъ утѣшиться. Францъ Ивановичъ, правая моя рука, въ сихъ дѣлахъ переступилъ уже на другой миліонъ, разумѣется однихъ доказанныхъ и слѣдствіемъ обнаруженныхъ.

Небольшой образчикъ бывшаго здѣсь управленія вы усмотрите изъ правилъ о торговлѣ при семъ прилагаемыхъ. Каждая статья въ нихъ означаетъ и исправляетъ бывшія злоупотребленія и каждая основана или на вѣрной жалобѣ или на произшествіи, слѣдствіемъ обнаруженномъ. Сіи частные случаи я собралъ воедино и предложилъ губернскимъ правленіямъ для законнаго подтвержденія. Таковые же экземпляры препровождаю нынѣ къ М. Финансовъ и внутреннихъ дѣлъ для свѣдѣнія. Къ Дмитрію Александровичу посылаю такъ же нѣсколько представленій по соляной части, по повинностямъ и проч. Надѣюсь, онъ ими будетъ доволенъ, по крайней мѣрѣ я стараюсь поправить все, что̀ можно, частно и независимо отъ общаго образованія, исправить и что̀ считаю вреднымъ отлагать вдаль. Симъ я нѣсколько отхожу отъ правила моего, чтобъ не дѣлать ничего отрывками; но нужда и законы перемѣняетъ; и въ прочемъ все это я считаю еще бездѣлками, и какъ Неву нельзя исчерпать ситомъ, такъ нельзя ничего и здѣсь существеннаго сдѣлать сими частными разпорядками.

Зима наша есть 25" каждый день морозу и всѣ увѣряютъ, что это зима весьма легкая; въ самомъ дѣлѣ въ полдень отъ солнца бываетъ довольно сносно. Я, слава Богу, здоровъ, и духъ мой еще не упалъ, хотя униженъ родомъ дѣлъ, и склонностямъ моимъ и привычкамъ противнымъ. Въ прочемъ утѣшаю себя мыслію, что къ Февралю или по крайней мѣрѣ къ Марту все будетъ кончено, и дѣлать мнѣ здѣсь совершенно будетъ нечего. Въ Мартѣ, или покрайней мѣмѣрѣ въ Апрѣлѣ, пущусь въ обратный путь и въ Маіѣ надѣюсь быть

---

*) Цейеръ.

въ Тобольскѣ, то есть тремя тысячами верстъ, цѣлою половиною, къ вамъ ближе.

XXXI.

Иркутскъ. 18 Декабря 1819.

Дѣла наши здѣсь подвигаются къ окончанію. Къ Марту всѣ слѣдствія будутъ окончены, предположенія мои готовы, и мнѣ останется думать о обратномъ пути.

Купецъ Трапезниковъ, съ коимъ сіе пишу, возвратится сюда; прошу непремѣнно съ нимъ писать; онъ саный вѣрный человѣкъ.

Съ нимъ пишу и къ графу Кочубею. Даю краткое понятіе о здѣшнихъ дѣлахъ. Будущее мое располагаю слѣдующимъ образомъ. Въ Генварѣ отправлю краткій отчетъ къ Всемилостивѣйшему Государю въ Собственныя руки чрезъ к. Голицына. Означу въ немъ, что къ Марту мѣсяцу всѣ порученія мои здѣсь окончатся ; опишу, что дальнѣйшее мое пребываніе здѣсь было бы не только безполезно, но и вредно по многимъ отношеніямъ ; буду испрашивать дальнѣйшихъ его повелѣній. Отвѣтъ на сіе можетъ придти сюда въ концѣ Марта. Если угодно будетъ дозволить мнѣ возвратиться въ Петербургъ, то я тотчасъ отправлюсь и найду средства такъ расположить мое путешествіе, что въ концѣ Маія или въ началѣ Іюня я буду уже васъ обнимать.—Естьли нѣтъ: то всѣ дѣла и бумаги отправлю съ Цейеромъ; пошлю прошеніе въ отставку и буду ожидать ея въ Тобольскѣ; въ семъ случай естьли и увижусь съ вами, то развѣ уже глубокою осенью. Все сіе пишу только къ вамъ и частію къ графу Кочубею; болѣе же не пишу ни къ кому.

XXXII.

Иркутскъ. 1-го Февраля 1820 года.

Какъ жалѣю я, что болѣзни ваши умножаются и кажется годъ отъ году дѣлаются жесточѣе; вамъ должно внимательно о семъ подумать. Въ ваши лѣта и съ вашимъ сложеніемъ можно еще многое поправить и издалека возвратиться. Строгость жизни въ вашей болѣзни особливо необходима. По счастью сенаторъ можетъ себѣ дозволить болѣе строгости и единообразія, нежели дѣловый и по необходимости связями окованный оберъ-прокуроръ. Можетъ быть не худо было бы провести вамъ нѣсколько времени въ теплыхъ климатахъ или и заграницею. Сіе впрочемъ было бы и самымъ удобнымъ средствомъ перемѣнить образъ жизни и разорвать связи часто тягостныя, но поддерживаемыя приличіемъ и любезностію вашихъ свойствъ общежительныхъ. Не дивитесь, что изъ Иркутска даю вамъ совѣты. Хотя вы и подагрикъ и сенаторъ, но я васъ зналъ 17-ти лѣтнимъ вертопрахомъ, и любовь моя къ вамъ не можетъ измѣниться не только въ существѣ ея, но и во внѣшней ея формѣ.

Письмо ваше съ фельдъ-егеремъ я получилъ, и оно тѣмъ для меня драгоцѣннѣе, что вы писали его въ жестокой боли. — Мое здоровье здѣсь, слава Богу, держится; но я хожу по ниточкѣ и всего берегусь. Здѣшній климатъ можетъ или убить, или сдѣлать осторожнымъ.—Участь мою предаю совершенно Богу и Государю. Окончивъ здѣсь дѣла, съ весною отправлюсь въ

Тобольскъ и буду тамъ ожидать рѣшенія. — Впрочемъ дѣла мои здѣсь идутъ успѣшно, т.-е. все обнаружено, изслѣдовано, и всѣ свѣдѣнія собраны; надѣюсь, что Сибирь представится совсѣмъ въ другомъ и можетъ быть новомъ, по крайней мѣрѣ, въ истинномъ ея видѣ. Естьли не сдѣлалъ я много добра, по крайней мѣрѣ знаю, какъ должно его сдѣлать и возвращусь отсюда съ утѣшеніемъ, что прожилъ я здѣсь полтора года не напрасно. Много зла пресѣчено, и по крайней мѣрѣ возбуждены надежды и довѣріе къ лучшему. — Впрочемъ о положеніи моемъ какъ настоящемъ, такъ и будущемъ, пишу подробно къ графу Кочубею, къ к. Голицыну и частію къ Гурьеву.

XXXIII.

Иркутскъ. 20-го Маія 1820 года.

Письмо ваше съ фельдъ-егеремъ я получилъ; вы вѣроятно знаете или безъ сомнѣнія узнаете, какъ надежда свиданія съ вами, показавшись въ близи, чрезъ двѣ недѣли потомъ вдругъ удалилась и даже, по мнѣнію моему, совсѣмъ исчезла. Уставъ надѣяться и непрестанно обольщаться, я рѣшился отринуть самую надежду и жить одними надеждами высшаго рода, кои никогда обмануть не могутъ. Сдѣлаю еще одинъ шагъ и все кончу. Самое здоровье мое, дѣйствительно разстроенное, приводитъ меня къ сему заключенію. И стоитъ-ли труда столь много хлопотать и заботиться въ мои лѣта! Еще пять, шесть лѣтъ, и предчувствіе мое исполнится. Мы увидимся съ вами въ другомъ отечествѣ, въ другой столицѣ. Жаль, что не увижу дѣтей вашихъ; но благословляю ихъ издалека всѣми благословеніями любви и дружбы.

XXXIV.

Иркутскъ. 13-го Іюня 1820 года.

Елисавета мнѣ пишетъ, что представляется ей случай къ продажѣ дома. Вы знаете, что это всегда было мое намѣреніе, и я далъ ей въ томъ полную волю. Посылаю и довѣренность, естьли нужно. Увѣренъ, что она большой ошибки не сдѣлаетъ. Но при семъ надобно подумать о разсчетѣ съ Баташевою...... Такимъ образомъ я останусь долженъ Баташевой 50 т. р., и это послѣдній мой долгъ. Будущимъ годомъ я имѣю всю надежду заплатить его. Есть-ли бы Баташева или ея племянникъ, управляющій дѣлами, стали требовать нынѣ уплаты сихъ остальныхъ: я прошу войти въ посредство и защиту. Они не смѣютъ васъ не послушаться. Уплата 10 т., 15 т., или даже и 20 т. для нихъ была бы маловажна; а для меня тягостна, потому что я останусь безъ запасу, а запасъ мнѣ имѣть въ Петербургѣ всегда нужно.—Какъ прискорбно мнѣ заниматься всѣми сими дѣлами и разсчетами! Но по счастью конецъ видѣнъ, и я надѣюсь оставить Елисаветѣ дѣла мои въ ясности и порядкѣ; о себѣ же лично стыжусь и думать, и по истинѣ и не думаю.

Я пробуду здѣсь до половины Іюля и пробуду для того только, что спѣшить мнѣ некуда. Въ теченіи лѣта окружу еще разъ полуденную часть Сибири, а на осень и зиму погребу себя въ Тобольскѣ. Что̀ будетъ далѣе, не знаю. Впрочемъ здоровье мое столь плохо, что можетъ быть и ничего бо-

лѣе не будетъ; а кости мои столь же покойно могутъ лежать въ Тобольскѣ, какъ и въ Пензѣ. Пишу къ вамъ сіе къ одному: ибо не желаю разжалобить никого.

XXXV.

Тобольскъ. 17 Ноября 1820.

Кажется, мы бились съ вами объ закладъ, кто кого перемолчитъ. Я проигралъ и первый прерываю молчаніе.

Тому три или четыре дни, какъ я получилъ письмо ваше съ докторомъ Бутицомъ, посланное въ Іюлѣ; онъ долго прожилъ въ Москвѣ. Вы можете быть увѣрены, что оно все осталось въ моей памяти, и только въ памяти. Совѣты ваши совершенно сходны съ моими мыслями; тѣмъ удобнѣе мнѣ имъ слѣдовать. Убѣдитесь въ одной истиннѣ, что я ни къ кому почти не пишу, кромѣ Елисаветы. Я расположу путь мой отсюда точно такъ, какъ вы предвидѣли и имянно не ранѣе послѣднихъ числъ Января или первыхъ Февраля. Мнѣ необходимо нужно побывать въ Пензѣ, какъ для разпорядка по деревнѣ, такъ и для того, чтобъ не явиться у васъ въ видѣ нищаго. Такимъ образомъ естьли бы я даже и спѣшилъ, то ранѣе исхода Марта путешествіе мое не окончится. Дай Богъ, чтобъ оно когда-нибудь окончилось и было бы послѣднее. По крайней мѣрѣ я ничего болѣе не желаю, ни на что никакихъ ни въ чемъ не имѣю притязаній, какъ только окончить.

Не могу довольно благодарить васъ за продажу дома: въ теченіи одного года заплатить 215 т. долгу—не бездѣлица. Я разумѣю тутъ продажу дома и Великополья.

XXXVI.

Тобольскъ. 7-го Декабря 1820.

На сихъ дняхъ прибылъ сюда П. А. Словцовъ; онъ отправился изъ Иркутска для обозрѣнія училищъ и продолжитъ путь свой на Пермь и Вятку до Казани, гдѣ надѣется узрѣть лицомъ къ лицу попечителя и поблагодарить его за всѣ знаки его вниманія. Здоровье его плохо, какъ и прежде, но умъ свѣжъ; жаль только, что никакими дѣлами онъ не хочетъ заниматься; весь въ благочестіи, чего однако же не жаль: ибо благочестіе стоитъ дѣлъ, что̀ бы у васъ ни говорили.

XXXVII.

Мнѣ назначено сево-дни *) въ 5-ть часовъ быть у Государя съ Сибирскими дѣлами. Слѣдовательно мы съ вами не увидимся. Напишите, естьли есть что нибудь значительное въ положеніи Елисаветы. Естьли же все идетъ по прежнему: то щадя вашу лѣность освобождаю отъ писанія. Останетесь ли вы завтра на дачѣ? Я полагаю у васъ тамъ быть завтра къ обѣду или тотчасъ послѣ обѣда. Въ прочемъ сіе зависѣть будетъ отъ сего днишней работы. Корабль спускается—добрый путь.

Четвертокъ.

XXXVIII.

Все идетъ съ успѣхомъ, въ больной моей я нашелъ сево-дни болѣе нравственныхъ и физическихъ силъ,

---

*) Государь находился въ Царскомъ Селѣ (Августъ 1821 г.)

нежели найти чаялъ. Завтра къ обѣду надѣюсь ее самъ перевести и рѣшительно переселить къ вамъ на дачу. Не разсудите-ли сего-дни же предупредить о семъ хозяйку, благодѣтельницу ея и мою? Прочее все само собою устроится, и на все приняты мѣры.

Вторникъ.

Учрежденіе по Россіи генералъ-губернаторствъ не имѣло сочувствія Сперанскаго, что̀ видно изъ вышеприведеннаго письма его отъ 12 Сент. 1818. Онъ не полагалъ, чтобъ можно было ожидать пользы отъ этого учрежденія, если оно не будетъ пріуготовлено другими учрежденіями и появится одно. На самомъ дѣлѣ, учрежденіе генералъ-губернаторствъ было только предварительное распоряженіе одного общаго проэкта, заключавшаго, извѣстныхъ размѣровъ и степени, реформы: законодательную, административную, а также и судебную. По принятому, какъ извѣстно, въ то время обычаю, проэкты не объявлялись къ исполненію въ цѣломъ, а только частями. Главная мысль Государя Александра Павловича, часто и публично имъ высказываемая, заключалась въ томъ, чтобъ законностью замѣнить произволъ. Но такъ какъ не объявлялись въ цѣломъ предпринимаемыя для этой цѣли мѣры, то неизвѣстность порождала недоумѣнія и даже страхъ въ обществѣ.

Здѣсь, можетъ быть, къ стати сказать нѣсколько словъ о гласности въ дѣлахъ и о печати. Часто изъявлялось опасеніе отъ вреда, который можетъ причинить появленіе въ печати разрушительныхъ для общества систем. Опасеніе совершенно справедливое, такъ какъ отличительныя черты нашего времени: крайность понятій, доктринерство и абсолютность идей—печальная метафизика, которая часто влекла общество къ самымъ крайнимъ выводамъ и абсурдамъ *). Ошибочно однако полагаютъ, что цензурный произволъ достаточенъ, чтобъ поправить дѣло и что онъ можетъ замѣнить правильный законъ. Эгоистическія и исключительныя понятія всегда имѣютъ преобладаніе въ безмолвствующемъ обществѣ; одними полицейскими цензурными мѣрами ихъ искоренить нельзя. Тутъ нужны другія мѣры. Цензура можетъ помѣшать

*) Принципы свободы и порядка, каждый изъ коихъ составляетъ только половину одного цѣлаго, понятые исключительно, доводились иногда до смѣшнаго и жалкаго. Извѣстны разныя продѣлки на Западѣ, во имя свободы; въ сходство можно привести что дѣлалось у насъ, въ военныхъ поселеніяхъ, во имя порядка. Напримѣръ выставлялись обязательно на домахъ въ Чугуевѣ различныя вывѣски офицерскихъ вещей, колбасника, а также орлы для означенія аптеки, когда ничего подобнаго въ этихъ домахъ не было. Говорилось, что все это для порядка. Но спрашивается, удобно ли это было для заболѣвшаго,— случай, который былъ съ дивизіоннымъ генераломъ, камердинеръ коего пришелъ обратно съ пустыми руками изъ мнимой аптеки; или для Чеха, капельмейстера Радецкаго гусарскаго полка, который былъ помѣщенъ именно въ домъ съ вывѣскою „разныхъ съѣстныхъ припасовъ", по поводу чего проѣзжающіе останавливались у его квартиры для покупки этихъ вещей. Также первый дивизіонъ помѣщенъ былъ на площадкѣ, на которой стоялъ верхъ колодезнаго прибора, но самый колодезь не былъ вырытъ, чрезъ что людямъ приходилось далеко ходить до воды. Все это было въ 1856 г., но вѣроятно и прежде дѣлалось. Любопытно было бы знать, какъ именно оправдывалось это во имя порядка. Д. С.

гласности, но не можетъ помѣшать мыслить; а извѣстно, что нельзя опредѣлить—до какой степени извращенія и до какихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ дойти мысль человѣческая, не имѣющая способовъ выразиться и питаемая въ одиночествѣ или тѣсномъ кружкѣ. Одновременно съ этимъ падаетъ духъ общественный, распространяется деморализація и когда общество призывается дѣйствовать, то, въ виду угрожающей опасности, оказывается, что оно состоитъ изъ людей необыкшихъ ни дѣйствовать, ни мыслить. Законы о печати, замѣняющіе цензурный произволъ, довольно сильны, чтобъ оградить отъ зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ оградить благотворные ростки общественнаго мнѣнія, безъ коего никакое общество не мыслимо, а остается только толпа.

Учрежденія социальныя и политическія имѣютъ огромное дѣйствіе на людей. Намѣренія Государя Александра Павловича были весьма благотворны и широки по его времени. Различные проэкты, составленные въ его царствованіе, если были бы преданы гласности, то чрезъ гласность же были бы очищены отъ всего ошибочнаго и могли бы получить практическое примѣненіе. Но именно недостатокъ гласности и былъ причиною, что они остались одними намѣреніями, одновременно возбуждая сильныя предубѣжденія и даже страхъ въ обществѣ. Сперанскій высказывался всегда противъ этого способа ведѣнія дѣлъ.

Д. Столыпинъ.

21 Іюня 1870.
Саратовъ.

СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ УМЕРШИХЪ ВЪ 1869 Г.

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, сост. Г. Н. Геннади.)

Бабинъ, Иванъ Александровичъ, помѣщикъ данковскаго уѣзда, занимавшійся съ усердіемъ и успѣхомъ введеніемъ у насъ правильнаго скотоводства и разведеніемъ прочной и доходной породы скота, для чего образовалъ даже мѣстное «общество любителей скотоводства» и имѣлъ ферму. На петерб. выставкѣ 1869 г. онъ получилъ золотую медаль отъ Государя Императора. Ум. 18 ноября 1869 въ скопинскомъ имѣніи княгини Мещерской.

N. Ѳ. Рюмина, въ Биржев. Вѣдом. № 335.

Боткинъ, Василій Петровичъ, сынъ купца. Ум. 10 октября 1869 въ Петербургѣ (Голосъ № 281).

Любитель и знатокъ искусствъ и литературы, участвовавшій въ Отеч. Запискахъ и въ Современникѣ, особенно извѣстный своими занимательными и дѣльными «Письмами объ Испаніи», появившимся въ Современникѣ 1847, потомъ отд. книгою въ томъ же году, и критическими статьями.

Онъ завѣщалъ 70,000 р., оставленныхъ разнымъ учрежденіямъ на поощреніе наукъ и искусствъ. Объ этомъ см. въ воспоминаніи о немъ въ Моск. Вѣдом. 1869, № 227.

Бутаковъ, Алексѣй Ивановичъ, контръ-адмиралъ, гидрографъ. Ум. въ Швальбахѣ 28 іюня 1869 г. (Всем. Илл. № 34, стр. 115). Печаталъ статьи по морской части.

Вейссе, И. Г., т. сов., сконч. лѣтомъ 1869 въ Ревелѣ (Илл. Газета 1869, № 33, некрологи).

Онъ былъ основатель первой дѣтской больницы въ Петербургѣ.

Воскресенскій, Александръ Григорьевичъ, сынъ священника села Козловки, ардатовскаго уѣзда (род. 30 марта 1835), учился въ симбирской семинаріи, кончилъ курсъ въ казанской академіи въ 1858, былъ потомъ учителемъ въ пермской семинаріи до 1861, когда поступилъ въ гражданскую службу и съ 1864 жилъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ сконч. 6 февраля 1869.

Онъ посылалъ корреспонденціи и статьи въ Спб. Вѣдомости, Правосл. Собесѣдникъ, Прав. Обозрѣніе, Журналъ Мин. Н. Пр., Моск. Вѣстникъ и разныя газеты, большею частію безъ подписи имени и былъ нѣкоторое время редакторомъ «Ирбитскаго Ярмарочнаго Листка».

N. П. В. въ Спб. Вѣдом. № 102.

Голубевъ, Моисей Александровичъ, род. въ Петербургѣ въ 1824 г., учился въ Александровскомъ дух. училищѣ и въ спб. академіи, въ которой по окончаніи курса остался баккалавромъ (1847) и былъ съ 1853 экстр., а съ 1857 орд. профессоромъ и преподавалъ священную герменевтику, съ объясненіемъ книгъ св. писанія. Ум. 22 авг. 1869.

Онъ участвовалъ съ Хвольсономъ и Ловягинымъ въ переводѣ священныхъ книгъ, издаваемыхъ съ 1868 г. Синодомъ. Статьи его, помѣщенныя въ Христ. Чтеніи, указаны въ Исторіи спб. дух. академіи *Чистовича*, стр. 312. Отдѣльно издано:

Обозрѣніе посланій св. апостола Павла къ Коринѳянамъ. Т. I. Спб. 1861.

N. Бирж. Вѣдом. 1869, № 228.—Голосъ № 239.

Гумилевскій, Александръ Васильевичъ, священникъ, сынъ дьякона царскосельскаго уѣзда, род. 1833, учился въ спб. семинаріи, кончилъ курсъ въ спб. академіи въ 1855 году магистромъ, былъ профессоромъ въ спб. семинаріи, потомъ священникомъ христорождественской церкви въ Петербургѣ (на Пескахъ), при которой учредилъ братство (см. лѣтопись этого братства. Спб. 1864). Онъ былъ секретаремъ комитета историко-статистическаго описанія петербургской епархіи. Въ 1866 г. его перевели въ Нарву священникомъ въ соборъ, а съ 1867 онъ снова служилъ въ Петербургѣ, при церкви обуховской больницы. Ум. 20 мая 1869, оставивъ добрую память своею усердною службою и даромъ проповѣди.

Онъ издавалъ съ I. Флеровымъ журналъ: Духъ Христіанина, 1861—1865. Его же: 1) Анастасья. Разсказъ приходскаго священника. Спб. 1862. 2) Житіе препод. Алексѣя, человѣка божія. 2-е изд. 1869. 3) На память православнымъ жителямъ г. Нарвы, нѣсколько словъ и рѣчей. Спб. 1868.

Біографія, съ портретомъ, во Всем. Иллюстраціи 1869, № 27 и 49, Н. С-овъ (здѣсь изложены причины его перемѣщенія въ Нарву. Объ его участіи въ съѣздахъ депутатовъ духовенства въ Петербургѣ см. газету «Москва» 1868, № 125.)

Дуровъ, Сергѣй Ѳедоровичъ. Ум. въ Полтавѣ 6 дек. 1869 (Бирж. Вѣдом. № 335).

Онъ помѣщалъ стихотворенія, большею частію переводныя, въ Современникѣ, Отеч. Запискахъ и другихъ журналахъ и напечаталъ нѣсколько разсказовъ и повѣстей.

Дютакъ, Юлій Ивановичъ, педагогъ. Окончивъ университетскій курсъ въ 1848 г., онъ былъ преподавателемъ исторіи въ пажескомъ корпусѣ, маріинскомъ и павловскомъ институтахъ, маріинской, рождественской и литейной женской гимназіяхъ. Въ послѣднихъ трехъ заведеніяхъ онъ былъ, съ 1862 г., инспекторомъ. Ум. 31 марта 1869.

N. Бар. Мих. Косинскаго, въ Спб. Вѣдом. № 97.

Ершовъ, Петръ Павловичъ, сибирскій уроженецъ, ученикъ тобольской семинаріи и студентъ спб. университета, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ послѣдствіи былъ учите-

лемъ, потомъ инспекторомъ и наконецъ директоромъ тобольской гимназіи. Прослуживъ 25 лѣтъ, онъ лѣтъ за шесть до кончины своей вышелъ въ отставку по болѣзни, которая свела его въ могилу въ августѣ 1869 г. (См. Моск. Вѣдом. № 189).

Онъ печаталъ стихотворенія въ Библіотекѣ для чтенія Смирдина и Сынѣ Отечества и особенно извѣстенъ своею сказкою въ стихахъ:

Конекъ Горбунокъ. Русская сказка, въ 3 ч. Спб. 1834.—2-е и 3-е изд. М. 1840 и 1843. 12°. Изданія Крашенинникова 5-е, 6-е и 7-е съ 7 картинками. Спб. 1861, 1865 и 1868.

Завадскій - Краснопольскій. Степанъ Павловичъ, д. с. с. докторъ медиц. ум. въ іюнѣ 1869 (Биржевыя Вѣд. № 151).

Заржецкій, Іосифъ Альбертовичъ, инженеръ-генералъ-лейтенантъ. Ум. 29 января 1869, въ Петербургѣ.

Въ Кронштадтскомъ Вѣстникѣ при извѣстіи о его кончинѣ сказано, что онъ былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ инженеровъ нашего времени, соединявшій со многими теоретическими познаніями по строительной и гидротехнической частямъ обширныя практическія свѣдѣнія. Въ Кронштадтѣ Николаевскій докъ, батарея Князь Меншиковъ, Николаевская батарея на Кроншлотѣ и другія важныя сооруженія—строились подъ непосредственнымъ его руководствомъ.

Ивановъ, Николай Алексѣевичъ. Воспитанникъ нижегородской гимназіи, онъ окончилъ курсъ кандидатомъ въ казанскомъ университетѣ въ 1833 и отправленъ былъ для приготовленія себя къ профессурѣ въ дерптскій профессорскій институтъ. Здѣсь онъ занялся составленіемъ книги изданной въ послѣдствіи подъ именемъ Булгарина: Россія въ историч., статистич., географич. и литературномъ отношеніи, 3 ч. — Выдержавъ экзаменъ на степень доктора философіи, онъ въ 1839 г. защитилъ диссертацію: *Cultus popularis in Rossia originis ac progressus adumbratio* (напеч. въ Дерптѣ) и затѣмъ назначенъ профессоромъ исторіи въ Казань. Въ Уч. Запискахъ университета 1843 ч. II и III онъ помѣстилъ изслѣдованія, вышедшія и отдѣльно: Краткій обзоръ русскихъ временниковъ, находящихся въ Москвѣ и Петербургѣ и Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ. Въ 1856 онъ перешелъ на каѳедру русской же исторіи въ Дерптъ, черезъ три года вышелъ въ отставку и въ послѣдствіи былъ преподавателемъ русскаго языка и рус. исторіи въ митавской гимназіи. По порученію начальства онъ составилъ програму русской исторіи для гимназій. Онъ умеръ 30 марта 1869, въ Дерптѣ, куда незадолго до кончины былъ приглашенъ для поступленія доцентомъ русскаго языка въ тамошній университетъ.

N. А. Котляревскаго, Голосъ, 1869, № 103 — См. также Справ. Энц. Словарь, VI, ч. 1-я стр. 10.

Иннокентій (Александровъ), епископъ. Сынъ протоіерея г. Астрахани, гдѣ род. въ 1790 г. По окончаніи курса въ астраханской семинаріи поступилъ въ спб. дух. академію, по выходѣ изъ коей (1819) былъ инспекторомъ семинарій тверской и новгородской и ректоромъ смоленской. Въ 1832 назначенъ былъ епископомъ въ Екатеринославль и послѣ 16-лѣтняго управленія епархіею уволенъ на покой въ куряжскій монастырь близъ Харькова, гдѣ ум. 31 марта 1869 г. (Иллюстр. Газ. 1869 г., стр. 255).

N. Харьк. Губ. Вѣдом. 1869, № 39.

Иноземцевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, медикъ д. с. с.— Сынъ чиновника, р. 1802, февраля 12, въ деревнѣ Бѣлкинѣ, боровскаго уѣзда, учился въ Харьковѣ въ уѣзд. училищѣ и въ университетѣ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ унив-тѣ, онъ былъ назначенъ учителемъ историческихъ наукъ въ льговское уѣздное училище (курской губ.,

но по пріѣздѣ его на мѣсто оказалось, что исторія была поручена другому. Тогда И. сталъ преподавать математику до 1825, когда оставилъ по болѣзни службу, а въ 1826 опять вступилъ въ университетъ на медиц. факультетъ и особенно усердно занялся хирургiею. Въ 1828 г. онъ поступилъ въ дерптскій профессорскій институтъ, гдѣ получилъ степень доктора медицины въ 1833 г. и затѣмъ отправленъ за границу для изученія хирургіи въ германскихъ унив-тахъ. По возвращеніи изъ за границы и по прочтеніи въ академіи наукъ пробной лекціи о камнераздробленіи (напеч. въ Военно-мед. журналѣ), онъ въ 1835 назначенъ былъ экстр. профессоромъ въ моск. университетъ для преподаванія практической хирургіи и въ 1837 утвержденъ орд. профессоромъ. Въ 1839 и 1840 онъ обозрѣвалъ госпитали и клиническіе институты за границею и въ Петербургѣ и составилъ трактатъ о практическомъ преподаваніи медицины въ Россіи. Преподаваніемъ съ каѳедры, въ клиникѣ и на дому, гдѣ ученики его присутствовали при постоянныхъ пріемахъ больныхъ, И. образовалъ многихъ молодыхъ хирурговъ. При усердныхъ занятіяхъ для университета, онъ имѣлъ огромную практику въ Москвѣ и извѣстность какъ отличный операторъ и глазной врачъ.

Въ 1859 г. онъ оставилъ каѳедру, и 6 сентября его слушатели и товарищи дали ему обѣдъ, описанный въ Моск. Вѣдомостяхъ № 218 и 219. См. также письмо къ нему *Погодина* въ Русс. Газетѣ № 39 и тамъ же замѣтку *С. Маслова*.- Онъ скон. въ Москвѣ 6 авг. 1869.

1) *De lithotomiae methodo bilaterali. Dorpat* 1833. (Диссертація).— 2) О заслугахъ Хр. Ив. Лодера въ хирургіи. М. 1837. 8°.—3) Замѣчаніе на два случая грибовидныхъ наростовъ (*fungus medularis*) Спб. 1845. 4) *De scirrhi et cancri genuini fonte et progressu, commentatio physiologica - pathologica*. М. 1845.-5) Нѣкоторыя критико-практич. замѣчанія относительно леченія водяной болѣзни сывороточною оболочкою яичка по способу Траверсе и Китта. Спб. 1846.-6) Нѣсколько словъ о назначеніи операціи для вскрытія дыхательнаго горла. М. 1847.-7) О переносѣ грибовидной матеріи. М. 1848.-8) Объ анатомическо-патологическомъ значеніи холеры. Спб. 1847.-9) Подлинный составъ Воронежскаго эликсира и его употребленіе. М. 1849.-10) О брюшномъ раздраженіи. М. 1852.-11) О леченіи холернаго процесса сложною ревенною настойкою. М. 1853.-12) Терапевтическій опытъ. М. 1851.—13) О вліяніи раздражительности на образованіе грыжъ. Спб. 1853. 14) О вліяніи мутной мочи *Urina Rimentosa* народъ и заживленіе ранъ, послѣ хирургическихъ операцій остающихся. М. 1854.

Иноземцевъ былъ секретаремъ физико-медиц. общества и предпринялъ изданіе еженедѣльной: „Московской Медицинской Газеты" съ 1858, съ С. Смирновымъ.—

Біографич. Словарь моск. професс. I, 353—359.— Некрологъ въ Соврем. Лѣтописи 1869, № 30.— Рѣчь въ память о немъ Н. Беркута въ засѣданіи Общества рус. врачей 18 авг. въ особомъ Приложеніи при Моск. Медиц. Газетѣ 1869 г.- Воспоминаніе о немъ Полунина, въ Моск. Унив. Извѣстіяхъ 1870. № 1, стр. 52—54.—. и портретъ въ Крестномъ Календарѣ на 1870.

Іоаннъ (Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ) сынъ москов. священника, учился въ моск. дух. семинаріи и въ моск. дух. академіи (1838-1842), въ которой былъ потомъ баккалавромъ по нравственному богословію и въ 1843 г. получилъ степень магистра. Въ дек. 1844 онъ перемѣщенъ былъ баккалавромъ въ спб. дух. академію на каѳедру церковнаго законовѣдѣнія, въ 1848 назначенъ членомъ спб. академической конференціи, возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ членомъ спб. духовно-цензурнаго ко-

митета, а въ 1851 утвержденъ въ должности инспектора академіи и возведенъ въ званіе экстр., а въ 1852 орд. профессора. Въ 1853 за сочиненіе: Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія получилъ степень докт. богословія. Въ 1855 его опредѣлили ректоромъ и профессоромъ спб. семинаріи. Въ 1857 онъ былъ переведенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ казанскую дух. академію и редакторомъ Православнаго Собесѣдника, въ 1864 перемѣщенъ на должность ректора спб. дух. академіи, въ 1865 хиротонисанъ во епископа выборскаго, викарія с.петербурскаго, въ 1866 епископомъ смоленской епархіи, въ которой прослужилъ до кончины своей 17 марта 1869 г.

—Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Спб. 1851. Продолженіе этого труда появилось отрывками въ Православномъ Собесѣдникѣ 1858-1863 и въ Христ. Чтеніи 1863-1866.

Нѣсколько статей и проповѣдей его въ Правосл. Собесѣдникѣ и въ Христ. Чтеніи (между прочимъ о преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ, 1866, февраль).

Чистовича, Исторія спб. дух. академіи, стр. 340 и 398. — N П. Нечаева, въ Странникѣ т. 38 (1869, № 4), хроника, 43-49.— Газета Голосъ 1869, № 79.— Бирж. Вѣдом. 1869, № 78 и письмо по поводу некролога, № 80.— Соврем. Извѣстія № 83.— Соврем. Листокъ № 23 и 24.— Смол. Епарх. Вѣдом. 1869, № 6 и 7, статья М. Духонина.— Газета Донъ, № 35.—Статья о немъ въ Правосл. Собесѣдникѣ 1869, № 4, стр. 377-386.

Кашинъ, Александръ Петровичъ, лекарь, ум. въ Павловскѣ въ 1869 г. 50 лѣтъ. Онъ десять лѣтъ былъ помощникомъ редактора Военно-мед. журнала и съ 1865 сотрудникомъ Архива суд. медицины.

N. Илл. Газета 1869, № 36

Колоколовъ, Иванъ Дмитріевичъ, магистръ и преподаватель по богословскому классу въ Спб. дух. академіи, протоіерей морскаго богоявленскаго собора, потомъ протоіерей и настоятель спб. Исаакіевскаго собора. Ум. 6 дек. 1869 (Бирж. Вѣдом. № 338).

Въ Реэстрѣ Ольхина показана вѣроятно его книга: Св. Іоанна Златоустаго слово о священствѣ. Пер. съ греч. свящ. Іоаннъ Колоколовъ. Спб. 1836.8°—См. Чистовичъ, Исторія спб. Академіи, стр. 334.

Колошинъ, Сергѣй Павловичъ, воспитанникъ Александровскаго лицея, служилъ въ кавалеріи, потомъ въ Восточной Сибири, а съ 1857 жилъ въ Москвѣ. Ум. въ 1869.

Онъ началъ печатать въ Москвитянинѣ (Записки празднoшатающагося), писалъ фельетоны съ рѣдкимъ у насъ остроуміемъ и живостью, для Пантеона и Сѣв. Пчелы, а съ 1859 въ Развлеченіи Ѳ. Миллера, подъ псевдонимомъ: *не я*.

Въ сборникѣ ,,Утро" 1858 помѣщенъ его романъ: ,,свѣтскія язвы". Въ 1862 онъ началъ издавать литерат. иллюстрированный журналъ: Зритель, продолжавшійся полтора года.

Послѣдніе годы онъ прожилъ въ Италіи, откуда посылалъ кореспонденціи въ Голосъ и въ Русс. Инвалидъ и описалъ свою поѣздку въ Соврем. Лѣтописи, изъ которой отпечатана книжка: Европа и Европейцы, зигзаги и арабески русс. туриста. Вып. 1-й М. 1866. 4-°.— Прежде еще изъ его фельетоновъ составилась книжка: Наша деревня изо дня въ день. Дневникъ фельетониста ,,Развлеченія". М. 1860. 8°.

N. въ фельетонѣ Голоса 1869, № 63.

Крыловъ, Иванъ Захаровичъ, ум. 12 дек. 1869 г. въ Москвѣ на 54 году. Онъ былъ сынъ почетнаго гражданина и получилъ образованіе въ моск. практич. академіи.

1) Юрій послѣдній Вел. Князь Смоленскій. Русская быль лѣта 1406. 2 ч. М. 1840. 12°.

2) Достопамятныя могилы въ Моск. Вышне-Петровскомъ монастырѣ. М. 1841.

3) Преданіе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго отъ смерти. М. 1843. 12°.

4) Странныя и чудныя приключенія отставнаго солдата Архипа Сергѣича. Старинное русское преданіе. М. 1844. 12°. 2-е изд. 1864.°

5) Жизнь честнаго и славнаго пророка и крестителя Іоанна изъ св. Евангелія и житія святыхъ. Съ 4 картинками. М. 1848. 5-е изд. М 1852. 16°. 6-е изд. М. 1858.

6) Очеркъ жизни и литературныхъ трудовъ Н. А. Полеваго. М. 1849. 12°.

7) Исторія креста, на которомъ былъ распятъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Изд. 4° испр. и доп. М. 1855. Съ карт.

8) Историческое описаніе всѣхъ коронацій Вел. Князей и Царей Россійскихъ. М. 1856.

9) Чудныя видѣнія, бывшія нѣкот. благочестивымъ людямъ въ Москвѣ на день 21 мая 1521 при Князѣ Василіѣ Іоанновичѣ предъ угрожавшимъ Москвѣ нашествіемъ крымскаго хана Магометъ-Гирея. М. 1862.

10) Убіеніе Димитрія Царевича въ Угличѣ. Полная историч. повѣсть. Изд. 3-е. М. 1863.

11) Житія славныхъ и всехвальныхъ двѣнадцати апостоловъ Христовыхъ и сказаніе о прочихъ семидесяти апостолахъ и житія ихъ. 2 ч. М. 1863-1864.

Кажется, ему же принадлежатъ слѣд. романы: Влюбленный въ самаго себя или приключенія съ красавцемъ 2 ч. М. 1852.— Для чего женился человѣкъ, романъ. М. 1852.— Тюфякъ, романъ. 2 ч. Изд. 2-е М. 1862.

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ. Р. 14 сент. 1794 г. въ помѣстіи отца, въ коломенскомъ у. Воспитанный гувернеромъ-французомъ, онъ еще мальчикомъ началъ писать по французски, а въ 1811 уже была напечатана его статья „о безпечности" въ Вѣстникѣ Европы. Записанный въ архивъ мин. ин. дѣлъ въ Москвѣ, онъ въ 1812 г. вступилъ на военное поприще, состоялъ въ моск. гренадерскомъ полку, былъ адъютантомъ принца Карла Мекленбургскаго, потомъ Полуехтова и участвовалъ въ заграничныхъ походахъ, о коихъ напечаталъ письма. Въ 1817 вышли его „первые опыты", которые доставили ему доступъ въ петерб. литературное общество. Въ 1818 онъ поступилъ въ адъютанты къ начальнику гренадерскаго корпуса гр. Остерману-Толстому, въ томъ же году переведенъ въ лейбъ-гвардіи павловскій полкъ, а въ 1819 вышелъ въ отставку. Потомъ онъ служилъ директоромъ училищъ пензенской губерніи (1823-1826), казанской гимназіи и казанскихъ училищъ до 1831., когда получилъ мѣсто директора училищъ тверской губерніи Успѣхъ его романа, „Послѣдній Новикъ", написаннаго еще въ Казани, поощрилъ его посвятить свой талантъ историческому роману и вскорѣ появились Ледяной домъ и Бусурманъ, долго остававшіеся лучшими представителями этого рода литературы у насъ. Въ 1837 г. Л. вышелъ въ отставку, продолжая жить въ Твери, гдѣ въ 1843 г. получилъ мѣсто вице-губернатора, въ 1853 перемѣщенъ въ Витебскъ, а въ 1854 вышелъ въ отставку. Съ 1856 до 1858 онъ снова служилъ въ петерб. цензурномъ комитетѣ цензоромъ. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ сконч. 26 іюня 1869 г.—Л. написалъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя были менѣе удачны, нежели его первые романы, и напечаталъ отрывки изъ своихъ воспоминаній (Новобранецъ) 1812 г. (о Магницкомъ, о Пушкинѣ, о Бѣлинскомъ и „Бѣленькіе, черненькіе и сѣренькіе»).

1). Первые опыты въ прозѣ и стихахъ. М. 1817. 8°.—2) Походныя записки русскаго офицера. Спб. 1820. 8° съ картинкою, и М. 1836. 8°.—3) Послѣдній Новикъ, 4 ч. Спб. 1832. М. 1833. Спб. 1839. 12°. *Die Eroberung Livlands*. 4 ч. 1852.38. 8°.—4) Ледяной домъ,

4 ч. Спб. 1835 и М. 1837. 12°—*Der Eispalast.* 2 ч. *Leipzig.* 1838. 8° *La maison de glace, trad. par A. Dumas.* 4 ч. *Leipzig.* 1859. *Der Eispalast, von A. Dumas. Pest, Wien u. Leipzig.* 3 ч. 1859. 8°. — *Kejsarinnan Annas Gunstlinga, Stokh.* 4 ч. 1840. 12°—5) Бусурманъ 4 ч. М. 1838.—4-е изд. М. 1847—1850. 18°. *The heretic and the maid of Moscow. Transl. by B. Schaw.* 3 ч. *London, new ed.* 1849. 8°.—6) Христіернъ и Густавъ Ваза, драматич. очеркъ въ 4 актахъ. Спб. 1842. 8°.—7) Опричникъ. Трагедія въ 5 д. въ стихахъ. М. 1867.—8) Собраніе сочиненій съ портр. 8 т. Спб. 1858 (отдѣльно выпущены Драматич. Сочиненія).-9) Немного лѣтъ спустя. Романъ. 4 ч. М. 1858.-10). Горбунъ, драма. Спб. 1858. 8°. 11). Внучка панцырнаго боярина, романъ изъ временъ послѣдняго польскаго мятежа. Спб. 1868.

Б. Худож. Листокъ 1858., № 7.—Празднованіе юбилея пятидесятилѣтней литерат. дѣятельности И. И. Лажечникова, 4 мая 1869. М. 1869. И. И. Лажечниковъ, *Л. Нелюбова*, въ Рус. Вѣстникѣ т. 83, (1869, № 10), 560—601.—По поводу его юбилея *П. Щ.* въ Моск. Вѣдом. 1869, № 97 и 93.—Б. Илл. Газета 1869 № 20 (съ портретомъ).

Лашкаревъ, Сергѣй Сергѣевичъ. По окончаніи курса въ спб. университетѣ въ 1838 г. Л. поступилъ въ министерство ин. дѣлъ, въ которомъ состоялъ недолго, занялся хозяйствомъ въ имѣніи отца и напечаталъ въ 1843 г. въ Журналѣ мин. гос. им. нѣсколько хозяйственныхъ статей, въ слѣдствіе чего былъ избранъ въ члены корреспонденты уч. комитета этого министерства, въ которомъ съ 1844 служилъ по деп-ту сельскаго хозяйства. Исполняя разныя порученія и состоя членомъ нѣсколькихъ ученыхъ комиссій, онъ между прочимъ составилъ проэктъ сельскаго страхованія и пожарную инструкцію, составлялъ отчеты по деп-ту и напечаталъ въ 1849 г. пятилѣтній Обзоръ дѣйствій деп-та. Въ 1849 г. онъ былъ посланъ на ревизію въ Самару, гдѣ остался служить начальникомъ управленія казенныхъ земель. Между прочими трудами онъ составилъ административную карту новой самарской губерніи. Памятниками его пребыванія въ Самарѣ остались церковь въ тюремномъ замкѣ, скверъ и городская библіотека. Въ 1855 г. онъ былъ назначенъ чиновникомъ 5-го класса при мин. госуд. имущ. и совершилъ множество поѣздокъ по разнымъ порученіямъ. Въ 1861 г. осуществилась мысль его объ учрежденіи комитета грамотности при вольно-экономич. обществѣ, и онъ избранъ былъ предсѣдателемъ и былъ главнымъ его дѣятелемъ. Ему же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ основанія общества объ устройствѣ торговаго флота. Состоя въ послѣдніе годы членомъ управы петербургскаго уѣзда, онъ въ 1869 г. по болѣзни долженъ былъ отказаться отъ этой должности, а 1 іюня скончался.

Б. и портретъ во Всемірной Иллюстраціи 1869, № 28.

Лашкевичъ, Иванъ Николаевичъ, любитель театра, написавшій для сцены нѣсколько водевилей, ум. въ Москвѣ въ Февралѣ 1869. (Голосъ № 63, фельетонъ *С. П*).

Лашнюковъ, Иванъ Васильевичъ, профессоръ. Получивъ первоначальное образованіе въ черниговской семинаріи, онъ вступилъ въ 1844 г. въ лицей Князя Безбородко; окончивъ въ немъ курсъ перешелъ на историко-филологич. факультетъ кіевскаго унив—та и особенно занимался историческими науками. Потомъ, послѣ 2-хъ лѣтняго преподаванія русской словесности во 2-й кіевской гимназіи, онъ въ 1853 поступилъ исправляющимъ должность профессора русской исторіи и статистики въ лицей князя Безбородко и, выдержавъ въ 1854 г. экзаменъ на степень магистра, оставался въ этой должности до 1868 г., когда избранъ былъ доцен-

томъ исторіи въ кіевскій университетъ. Ум. 25 окт. 1869 г. въ г. Борзнѣ.

N. въ Голосѣ, № 323.-Илл. Газета, № 48 стр. 367.

Ловцовъ, Мартынъ Леонтьевичъ, протоіерей церкви неопалимыя купины въ Зубовѣ, въ Москвѣ, законоучитель мос. Екатерининскаго института. Ум. въ Янв. 1869 г. (Русс. Вѣдом. № 27).

Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ, д. т. сов., сенаторъ. Сынъ священника, изъ дворянъ полтавской губерніи, учился въ харьковскомъ коллегіумѣ и въ моск. университетѣ. Въ 1796 г. онъ поступилъ адъютантомъ къ князю Н. В. Репнину, въ послѣдствіи былъ секретаремъ министра вн. дѣлъ, статсъ-секретаремъ, управляющимъ дѣлами принца Георгія Ольденбургскаго (1809), губернаторомъ пензенскимъ (1819—1830) и подольскимъ (1831—1833) и съ 1833 сенаторомъ. Ум. 2 февраля 1869 г. въ глубокой старости (см. Спб. Вѣдом. № 34).

1). Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 гг, 3 ч. Спб. 1805. 8°.—2) Приключенія Телемака, *Фенелона,* съ франц. 2 ч. М. 1805, съ картинками.—У Сопикова подъ № 8996 показано такъ: Приключенія Телемака сына Улисова, соч. Фенелона съ прибавленіемъ краткаго описанія свойствъ высокой добродѣтели и изящныхъ сочиненій великаго Фенелона и нѣсколько о немъ анекдотовъ и проч. Вновь переведено съ подлинника Ѳ. Лубяновскимъ. 2 ч. съ карт. М. 1800; 2-е изд. М. 1805 и 3-е М. 1810. 8°. Въ каталогѣ Селивановскаго переводъ Лубяновскаго указанъ вышедшимъ въ Москвѣ въ 1784 г.; въ другихъ каталогахъ не нашлось точныхъ указаній на изданія этого перевода. Онъ въ послѣдствіи перевелъ его вновь и издалъ подъ заглавіемъ: Телемакъ, соч. Фенелона, новый переводъ, 2 ч. Спб. 1839. 8°. Въ предисловіи сказано, что прежнія изданія 1797 и 1814 вышли въ Москвѣ безъ его вѣдома. 3) Тоска по отчизнѣ, Генриха Штиллинга. Съ нѣм. 2 ч. 1806. 8° (у Сопикова сказано, что обѣщано было 5 частей, а вышло только двѣ; оригиналъ въ 5 ч. Въ росписи Плавильщикова указано изданіе 1816 г). 4) Ѳеобальдъ, или мечтатели, истинная повѣсть *Юнга Штиллинга.* Съ нѣм. 4 ч. М. 1819. 12°. 5) Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 г. Ф. П. Л. Спб. 1845. 8°.

Въ газетѣ Голосъ 1869, № 38 въ некрологѣ его, сказано, что онъ оставилъ Записки.

N. Вѣсть 1869, № 40 и Суд. Вѣстникъ, № 30.

Никкельсъ, Александръ Андреевичъ, инженеръ-технологъ. Кончивъ курсъ съ золотой медалью въ технологическомъ институтѣ 1837 г. онъ служилъ на сахарныхъ и винокуренныхъ заводахъ, участвовалъ въ работахъ по постройкѣ бобруйской крѣпости, былъ однимъ изъ дѣятелей по проэктированію водопроводовъ и устройству ихъ въ Петербургѣ. Послѣдняя практическая дѣятельность его была постройка по собственной системѣ желѣзныхъ домовъ и церквей (между прочимъ трехъ большихъ корпусовъ лавокъ на Апраксиномъ дворѣ въ Петербургѣ.) Живя въ Варшавѣ, куда вызванъ былъ для устройства образцоваго для солдатъ желѣзнаго дома, онъ заболѣлъ и едва переѣхавъ въ Гатчину сконч. 21 іюля 1809 г. на 53 году.

Его брошюрка: Нѣск. словъ о Спб. водопроводахъ. Спб. 1862. 8°.

N. Сѣв. Пчела 1869, № 38 (Изъ Спб. Вѣдом).

Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ, академикъ.—Сынъ помѣщика, р. 1796 г., въ молодости служилъ въ военной службѣ и 26 авг. 1812 подъ Бородинымъ былъ раненъ въ ногу, въ слѣдствіе чего у него была отнята нога. Въ 1823 онъ былъ уволенъ изъ военной службы въ статскую и состоялъ съ 1827 г. по министерству вн. дѣлъ. Въ 1834—1835 г. онъ совершилъ поѣздку на востокъ. Въ 1839 онъ былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи

статсъ-секретаря у принятія прошеній, а вскорѣ потомъ членомъ комиссіи прошеній. Съ 1849 онъ присутствовалъ въ сенатѣ и былъ членомъ человѣколюбиваго общества, въ 1850 назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и въ слѣдующемъ предсѣдателемъ археографич. комиссіи, 7 апр. 1853 исправляющимъ должность министра нар. просв., а съ 1854 г. апр. 11 по 23 марта 1858 былъ министромъ. Его управленіе памятно просвѣщеннымъ взглядомъ на науку и литературу, первыми опытами преобразованія цензуры. Покинувъ министерство, Норовъ оставался членомъ госуд. совѣта съ сохраненіемъ прочихъ званій.

Въ молодости Н. печаталъ стихотворенія въ журналахъ и альманахахъ, между прочимъ переводы съ итальянскаго.—Запасшись нужными свѣдѣніями, онъ совершилъученое путешествіе на Востокъ и далъ русской литературѣ до сихъ поръ лучшее въ ней сочиненіе о Палестинѣ, прекрасно изложенное, и занялъ почетное мѣсто между лучшими нашими писателями. По его вчинанію и заботамъ археографич. комиссія издала Путешествіе Даніила Паломника и предприняла изданіе Четьихъ-Миней. Какъ ревностный библіофилъ Норовъ собралъ значительную библіотеку, особенно богатую изданіями классиковъ и сочиненіями о Востокѣ; она поступила въ московскій музей, и начало ея описи напечатано также тщательно какъ всѣ соч. Норова.—Востоковъ описалъ его славянскія рукописи и книги въ Журналѣ М. Н. Пр. ч. IX и XII (1836).

1) Путешествіе по Сициліи въ 1822 г. 2 ч. Спб. 1828. Съ картинами и планами.—2) Путешествіе по Святой Землѣ въ 1835 г. 2 ч. Спб. 1838. 8° съ грав. картинами, планами и картою. Изд. 2-е дополненное, 2 ч. Спб. 1844. 8°. Съ тѣми же карт.—3) Путешествіе по Египту и Нубіи, въ 1834—1835 годахъ, служащее дополненіемъ къ путеш. по святой землѣ. 2 ч. Спб. 1840. Съ рисунками и планами.—4) Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Спб. 1847. Съ рис. и планами.—Эти сочиненія составили 5 томовъ „Путешествій Норова", изд. въ 1853—1854) Смирдинымъ.—5) Изслѣдованіе объ Атлантидѣ. Спб. 1854. (Изъ записокъ II отд. Академіи).—6) Нѣсколько мыслей стараго паломника. Спб. 1858.—7) Окружное посланіе, назидательныя мысли, предсмертное завѣщаніе Георгію Схоларію и предсмертныя слова Георгія Схоларія. Марка Ефесскаго. Отвѣтъ на предсмертное завѣщаніе Марка Ефесскаго. Надгробное слово Марку Ефесскому, эпитафія Марку Ефесскому. Издалъ А. Норовъ. Парижъ. 1860 (Каталогъ Базунова № 141).—8) Защита синайской рукописи Библіи отъ нападеній архимандрита Порфирія Успенскаго. Спб. 1863.—9). Путешествіе игумена Даніила по святой землѣ, въ началѣ XII в. (1113—1115). Изд. Арх. комиссіею подъ редакціею А. Норова, съ его критич. замѣчаніями. Спб. 1864. 4°. Съ картою, планомъ и снимками.—10) Библіотека А. С. Норова—*Bibliothèque de M. Ab.de Noroff*. Ч. I. Спб. 1868. 8°.—11) *Notice bibliographique sur un manuscrit autographe des oeuvres inédites de Giordano Bruno Nolano, tiré du catalogue de M. A. Noroff. St. Pet.* 1868. Съ факсимиле.—12) Война и Миръ. 1805—1812 гг. съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника. (По поводу соч. Гр. Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ») Спб. 1868. 8.° (Изъ Военнаго Сборника № 11).

Б. съ потретомъ (изъ Правит. Вѣстника) Всем. Иллюстрація 1869, № 6.—Голосъ № 26 (*Никитенко*). По поводу кончины его, *П. Щебальскаго*, въ Соврем. Лѣтописи 1869, № 6. (Здѣсь говорится о его министерствѣ). Біографія, читанная въ торж. собраніи Академіи 29 дек. *А. Никитенко*, въ Спб. Вѣдом. 1870, № 22 и въ Запискахъ Академіи, т. XVII, кн. 1.

Обуховъ, Павелъ Матвѣевичъ, д. с.

с. По окончаніи курса въ горномъ институтѣ въ 1843 г. поступилъ на службу на казенные уральскіе заводы и будучи назначенъ въ 1855 г. управителемъ златоустовской оружейной фабрики, занялся опытами литья стали и довелъ это дѣло до такого совершенства, что его способъ превзошелъ всѣ прочіе прочностью выдѣлки, такъ что сталь эта получила именованіе „обуховской.“ Ум. 1 янв. въ г. Піетро, въ Молдавіи.

N. *В. Полетики* въ Спб. Вѣдом. 1869 г. № 39. N. Князя *Всев. Долгорукаго*, въ Голосѣ, № 41.

Одоевскій, князь Владиміръ Ѳеодоровичъ, гофмейстеръ, т. сов., р. въ 1803 г. и учился въ благородномъ пансіонѣ при моск. унив-тѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1821 г. съ золотою медалью. Службу началъ онъ въ 1826 г., поступивъ въ моск. дворянское депутатское собраніе и въ томъ же году опредѣленъ въ цензурный комитетъ министерства вн. дѣлъ, а въ 1827 назначенъ секретаремъ его общаго собранія. Съ 1828 по 1846 онъ служилъ при гр. Блудовѣ, сначала въ министерствѣ вн. дѣлъ, потомъ съ 1840, во II отд. собственной Его И. В. канцеляріи. Сверхъ того участвовалъ въ нѣсколькихъ комитетахъ и съ 1835 былъ членомъ уч. комитета госуд. имуществъ и правителемъ дѣлъ комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ. Съ 1846 по 1861 онъ былъ помощникомъ директора публичной библіотеки и завѣдующимъ румянцовскимъ музеумомъ, а 1861 г. 13 окт. съ переводомъ музеума въ Москву назначенъ присутствующимъ въ 1 отд. 6-го деп-та сената, съ увольненіемъ отъ должности завѣдывающаго музеумомъ, а въ 1862 присутствующимъ въ 8-мъ деп-тѣ сената, и затѣмъ въ 1864 первоприсутствующимъ въ немъ. Ум. 27 февраля 1869 г.—Къ служебнымъ его занятіямъ должна быть отнесена и филантропическая дѣятельность князя. Онъ составилъ уставъ дѣтскихъ пріютовъ и усердно содѣйствовалъ организаціи ихъ; былъ учредителемъ Елисаветинской дѣтской больницы, и учредителемъ и предсѣдателемъ общества посѣщенія бѣдныхъ; по его мысли учреждена лечебница герцога лейхтенбергскаго («Максимиліановская»); онъ былъ предсѣдатемъ комитета правленія крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія.

Съ ранней молодости занялся онъ литературою. Первые его печ. опыты находятся въ рѣчахъ, произнесенныхъ на публичныхъ актахъ И. М. Благ. Пансіона М. 1821 и 1822. (Разговоръ о томъ, какъ опасно быть тщеславнымъ и Рѣчь о томъ, что всѣ знанія и науки тогда только доставляютъ намъ истинную пользу, когда они соединены съ чистою нравственностью и благочестіемъ). Потомъ онъ помѣстилъ нѣск. статей въ Вѣстникѣ Европы 1822 г. Въ 1824—1825 онъ издалъ съ В. Кюхельбекеромъ 4 книжки лит. сборника: „Мнемозина“ съ литографіями и нотами, въ которомъ кромѣ издателей участвовали Пушкинъ, Давыдовъ, Языковъ, Полевой и друг. Онъ тогда вращался въ кругу лучшихъ литераторовъ, усердно занимался философіею Шеллинга и естеств. науками. Потомъ онъ писалъ повѣсти, особенно удачно въ фантастическомъ родѣ. Когда онѣ стали появляться въ Отеч. Запискахъ съ 1839 г., то поставили его на ряду съ первоклассными нашими писателями и вскорѣ (1844) вышли отдѣльно. Его домъ въ эту эпоху былъ одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ въ Петербургѣ, и на его литературныхъ вечерахъ вмѣстѣ съ свѣтскими людьми и иностранцами сходились артисты, литераторы и ученые (См. Записки И. Панаева). Страстно любя музыку и будучи знатокомъ ея, князь писалъ о ней какъ спеціалистъ. Онъ изобрѣлъ особаго рода органъ и переѣхавъ въ Москву усердно забо-

тился о воспроизведеніи нашего древняго пѣнія и облегченіи методы обученія пѣнію. (См. его письмо о исконной великорусской музыкѣ въ 5-мъ выпускѣ Калѣкъ Перехожихъ Безсонова и статьи въ Днѣ 1864, № 4, —17 и 46). При крайней любознательности и начитанности, кн. О. обладалъ энциклопедическимъ образованіемъ и имѣлъ самыя разнообразныя свѣдѣнія; такъ между прочимъ онъ напечаталъ остроумныя и полезныя „Лекціи доктора Пуфа" о кухнѣ и занимался химіею. По педагогіи есть его статья: „О педагогич. способахъ при первонач. образованіи" (въ Отеч. Запискахъ, т. 43 *) нѣсколько дѣтскихъ сказокъ и статей для народа въ изданномъ имъ съ А. Заблоцкимъ «Сельскомъ чтеніи» (1-я книжка. Спб. 1843 (два изданія) 3-е изд. 2 книжки Спб. 1844.—3-я книжка 1845.—1-я книжка 4-мъ изданіемъ 1845, и 5-мъ въ 1845 и 8-мъ 1851. Кн. 2-я изд. 5-е 1851; 3-я изд. 4-е 1852; 4-я изд. 2-е 1851. — Изданіе 4-е (?) 4 книги Спб. 1863. Съ Врасскимъ онъ издалъ Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней, издан. В. и О. Спб. 1833. 8°, и тоже на 1835, изд. Б. В. и К. О. Съ картинками.

1) Четыре аполога. М. 1824. 12°. 2) Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, изданныя В. Безгласнымъ. Спб. 1833. 12°. 3) Опытъ о музыкальномъ языкѣ, или телеграфѣ, могущемъ посредствомъ музыкальныхъ звуковъ выражать все то, что выражается словами и служить пособіемъ для различныхъ сигналовъ на морѣ и на сухомъ пути. Спб. 1833. 8°. Съ таблицею нотъ.—4) Городокъ въ табакеркѣ. Дѣтская сказка дѣдушки Иринея. Спб. 1834 и вторично 1847, миніатюрная книжка въ 64 д. л.—5) Сказки и повѣсти для дѣтей дѣдушки Иринея, собр. Кн. В. Одоевскимъ. Спб. 1841. 16°.—6) Прошедшее въ настоящемъ. Отрывокъ изъ русскихъ ночей. Спб. 1844. 12°.—7) Собраніе сочиненій. 3 ч. Спб. 1844. 8°.—8) Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ съ нотами дѣдушки Иринея. Спб. 1847. 8°.—9) Морозъ Ивановичъ, дѣтская сказка дѣдушки Иринея. Спб. 1847. 64 д. л.—10) Отрывокъ изъ записокъ Иринея Модестовича Гомозейки, Безгласнаго. Спб. 1855. 24° (Въ Библіотекѣ для дачъ).—11) Воспоминаніе о 28-мъ іюля 1856. Спб. 1856. 8°.—12) *Lettre et plaidoyer en faveur de l'abonné russe (reponse à M. Alphonse Karr) par Pr. W. Odoewsky (V. l'Avenir de Nice de* 1857), брошюра по поводу газетныхъ статеекъ о Россіи.—13) Хорное пѣніе въ Исаакіевскомъ соборѣ 1858. 8°. (Изъ Спб. Вѣдом. № 95).—14) Замѣтки о пѣніи въ приходскихъ церквахъ. 1864. 16° (День, № 4).—15) Безплатный классъ простаго хороваго пѣнія Русскаго музыкальнаго общества въ Москвѣ. 1864. 12°. (Изъ газеты. День, № 46).—16) Русская и такъ называемая общая музыка М. 1867. 12° съ примѣч. Погодина.—17) Недовольно. М. 1867. 8°. (Въ 1 ч. Бесѣдъ Общ. любит. росс. словесности. Отвѣтъ на статью Тургенева).—18) Музыкальная грамота для немузыкантовъ. Изд. Я. О. Орлова. М. 1868. 4°.—19) Публичныя лекціи профессора Любимова. М. 1868. 12.°—20) О пѣніи въ приходскихъ церквахъ. М. 1868. 8°.

Извѣстіе о кончинѣ его въ Моск. Вѣд. 1869, № 47; некрологъ № 50 и въ извлеченіи въ Голосѣ, № 67: Еще на память о немъ *К. Побѣдоносцева.* — Воспоминаніе читанное въ Обществѣ любит. р. слов. 13 апр. 1869 *М. Погодинымъ*, въ Голосѣ № 171. — Біогр., портретъ, послужной списокъ (изъ Правит. Вѣстника) и списокъ сочиненій во Всемірн. Иллюстраціи 1869, № 12; Иллюстрир. Газета 1869, № 62 (Съ портретомъ).

Павловскій, Иванъ, учитель въ Ригѣ, потомъ съ 1837 по 1858 лекторъ русскаго языка въ дерптскомъ унив-тѣ. Ум. 31 іюля 1869 въ Дерп-

(*) Отрывокъ большаго предпринятаго имъ труда о первоначальномъ обученіи подъ названіемъ: Наука до Науки.

тѣ (Илл. Газета 1869, № 33, стр. 128) 1)*Russische Sprachlehre für Deutsche, Dorpat* 1838. 2) Начертаніе Географіи Росс. Имперіи (для уѣздныхъ учил.) Дерптъ, 1841. 8°.—4) Географія Росс. Имперіи 2 ч. Дерптъ, 1843. 8°.—3) Русская Хрестоматія, Митава, 1842. 8°.— 5)*Teoretisch - practischer Cursus der Russ. Sprache für Deutsche 2-e Aufl. Mitau*, 1843. 8°. (Это пополненное изданіе книги № 1).—6) Пространная Географія Росс. Имперіи. Изд. 2-е 2 ч. Спб. 1846. 7) Руководство къ Географіи Росс. Имперіи 2 ч. Изд. 5-е Спб. 1858. (1-я ч. вышла въ Дерптѣ, въ 1844.)— 8) Полный русско-нѣмецкій словарь 2 ч. Рига, 1859.—9) Полный нѣмецко-русскій Словарь 2 ч. Рига, 1856. 8° и новое изд. Рига, 1867.

Плаксинъ, Василій Петровичъ, ст. сов. ✝ 6 фев. 1869. (Голосъ, № 39). Онъ былъ студентъ спб. университета и преподаватель русской словесности во многихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

1) Краткій курсъ словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ. Спб. 1832 и 1835. 8°—2) Руководство къ познанію исторіи литературы. Спб. 1833. 8°.—3) Лѣтопись факультетовъ на 1835. 2 книжки. Спб. 8°. (Сборникъ уч. статей, изданный вмѣстѣ съ Галичемъ). — 4) Учебный курсъ словесности съ присовокупленіемъ предварительныхъ понятій о человѣкѣ вообще, о его познавательныхъ силахъ, о свойствахъ и связи мыслей, краткой теоріи изящныхъ искусствъ и примѣровъ во всѣхъ родахъ прозаическихъ и поэтическихъ сочиненій. 2 ч. Спб. 1843-44. 8°.

Пузановъ, Михаилъ Александровичъ, агрономъ, помѣщикъ щигровскаго уѣзда † 1869. (Илл. Календарь 1870 г. стр. 144).—

1). О земледѣліи и скотоводствѣ въ Россіи. Спб. 1862.—2) О сельско-хозяйственныхъ выставкахъ въ Россіи, какъ о могущественномъ рычагѣ общественнаго преуспѣянія. Спб. 1864. 3) О скотоводствѣ въ Россіи. Изъ изслѣдованій и наблюденій М. Пузанова. Спб. 1864.

Путятинъ, Родіонъ Тимофѣевичъ, извѣстный проповѣдникъ, протоіерей рыбинскаго спасопреображенскаго собора, ум. 4 Ноября 1869 г. на 62 г. въ Рыбинскѣ. (Биржевыя Вѣдомости, № 309).

Краткія поученія. М. 1842, 1843, 1844 (съ прибавленіями, вышедшими также отдѣльно: Девять поученій...); 3-е изд. 1845, съ прибавленіемъ 10 поученій; 4-е сходно съ 3-мъ М. 1845; 5-е, 6-е и 7-е 1847; 8-е, 9-е изданіе 1851; 10-е—1853; 11-е 1856.—XVI новыхъ краткихъ поученій. М. 1854.— XVI новыхъ поученій. М. 1858.—VIII краткихъ поученій. М. 1859.—XV и VIII краткихъ поученій. М. 1861.— Катихизич Бесѣды. Рыбинскъ. 1862. —Краткихъ поученій XX. М. 1863.— Полное собраніе поученій, Рыбинскъ, 1864, 8°. — Полное собраніе поученій изд. 14-е М. 1865.—Въ отчетѣ И. Публ. Библіотеки за 1865, стр. 29., указанъ болгарскій переводъ поученій Путятина, вышедшій въ Царьградѣ, въ 1861 г.

Не сличивъ этихъ изданій, нельзя указать связь и послѣдовательность ихъ: указанія наши взяты изъ каталоговъ и изъ хроники Отеч. Записокъ. Есть его поученія въ Душеп. Чтеніи и Страннпкѣ и вѣроятно, имѣя въ виду общедоступность и извѣстность словъ Путятина, можно ожидать полнаго ихъ изданія.

Памяти Путятина, свящ. *І. В-въ;* въ Москов. Епарх. Вѣдомостяхъ 1869, № 47, стр. 10.

Рабиновичъ, Осипъ Аароновичъ, ум. въ Меранѣ, въ Тиролѣ 16 окт. 1869 г. на 83 г. (Мос. Вѣдом. № 244 и Сѣв. Пчелу № 64). Обладая знаніемъ и литературнымъ талантомъ, онъ писалъ на русскомъ языкѣ въ защиту евреевъ и для этого началъ издавать газету: Разсвѣтъ. Его повѣсти и статьи находятся во множествѣ русскихъ журналовъ. Изъ отд. издан-

ныхъ мнѣ извѣстна повѣсть: Гакрабъ (битва). Пер. съ еврейскаго. Одесса, 1847 г.

Роки, Павелъ Егоровичъ, инженеръ-генералъ-майоръ, профессоръ инженерной академіи, ум. 2 іюля 1869. (Голосъ, № 182).

Соколовъ, Константинъ Матвѣевичъ, докторъ медицины, р. 1826 г. въ семьѣ священника рязанской губ. По выходѣ изъ рязанской гимназіи поступилъ онъ въ рязанскую уголовную палату, откуда, перейдя на служб. въ Москву, поступилъ въ 1846 г. въ медиц. факультетъ, и въ 1858 получилъ степень доктора медицины. Врачебную службу онъ началъ съ 1851 г. въ Екатерининской больницѣ, состоя также при канцеляріи моск. генералъ-губернатора. По представленію князя В. А. Долгорукова онъ назначенъ былъ инспекторомъ московскихъ больницъ гражданскаго вѣдомства. Онъ усердно способствовалъ устройству и поддержкѣ лечебницы общества русскихъ врачей и заботился объ улучшеніи больницы для чернорабочихъ. Кругъ его практики въ Москвѣ былъ весьма обширный. Ум. 26 мая 1869.

N В. Ельцинскаго, въ Моск.[1] Вѣдом.[2] 1869, № 118.

Цертелевъ, князь Николай Андреевичъ, р. въ г. Хоролѣ въ 1790 и происходилъ изъ древняго рода имеретинскихъ князей Церетели, вѣтвь коихъ поселилась въ Россіи въ 1739 г.—Онъ учился въ моск. университетѣ; переѣхавъ въ Петербургъ, занялся словесностью, помѣщалъ статьи въ Сынѣ Отечества и былъ членомъ спб. лит. обществъ. Въ 1823 г. онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ сперва Тамбовской, потомъ Полтавской губерніи, а съ 1838 по мартъ 1859 былъ помощникомъ попечителя харьковскаго уч. округа, послѣ того состоялъ членомъ главнаго правленія училищъ. Вышедъ въ отставку въ 1861 г., онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ сконч. 8 сент. 1869.

1) Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ. Спб. 1819. 8°.—2) О произведеніяхъ древней русской поэзіи. Спб. 1820. 8°—3) Опытъ общихъ правилъ стихотворства. Спб. 1820. 8°.—4) Взглядъ на русскія сказки и пѣсни, и повѣсть въ духѣ старинныхъ русскихъ стихотвореній. Спб. 1820. 8°.

N. Соврем. Лѣтопись 1869, № 41.

Шишковъ, Николай Петровичъ, агрономъ и свеклосахарный заводчикъ. Воспитанный въ московскомъ университетѣ, онъ служилъ въ военной службѣ, потомъ былъ смотрителемъ училища въ г. Данковѣ, въ уѣздѣ коего было его помѣстье, гдѣ онъ дѣятельно и успѣшно занимался хозяйствомъ и завелъ свеклосахарный заводъ (Обзоръ его въ Журналѣ Сельскаго Хоз. 1846. № 1). Онъ былъ нѣкоторое время президентомъ лебедянскаго общества сельскаго хозяйства. Будучи съ 1832 г. членомъ моск. общества сельскаго хоз., онъ помѣстилъ въ Земледѣльческомъ Журналѣ (съ 1832) много статей по свеклосах. производству и къ 50—лѣтнему юбилею общества приготовилъ историч. обзоръ свеклос. производства въ Россіи. (См. Моск. Вѣдом. 1869, № 66).

1) Опытъ учета работъ при свеклосахарномъ производствѣ. М. 1842 и 1854. 8°.—2) Обозрѣніе свеклосахарнаго производства. Отд. I. М. 1842. 8°.—3) Описаніе усовершенствованнаго способа горячей вымочки свекловицы. М. 1842. 8°.—4) Химическія изысканія о вліяніи разныхъ дѣятелей въ сахарномъ производствѣ и явленіяхъ отъ того происходящихъ, г. Гахштеттера. Пер. съ нѣм. съ доп. М. 1845. 8°.—5) О сушкѣ хлѣба и описаніе зерносушилки. М. 1857. 8°. (Изъ Записокъ лебед. общества).

Б. Земледѣльческая Газета 1854, № 11 и 12.

Щербина, Николай Ѳедоровичъ, поэтъ, р. 2 дек. 1821, близъ Таганрога.

Отецъ его былъ дворянинъ харьковской губ. Учился онъ въ таганрогской гимназіи и въ харьк. университетѣ. Будучи внукомъ гречанки, онъ изучилъ греческій языкъ, а потомъ и древнюю литературу грековъ, и это отразилось въ его произведеніяхъ. Первое его стихотвореніе: «Къ Морю» было напечатано въ Сынѣ Отечества 1838 № 10; въ Молодикѣ на 1844 г. появились его «Греческія Мелодіи», послѣ того его стихи появлялись въ столичныхъ журналахъ. Въ 1850 г. онъ переселился въ Москву на службу и участвовалъ въ Москвитянинѣ. Съ 1855 онъ жилъ въ Петербургѣ и служилъ при деп-тѣ мин. нар. просвѣщенія. Не за долго до кончины, онъ поступилъ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Ум. въ Спб. 10 апрѣля 1869 г.

1) Греческія стихотворенія. Спб. 8°.—2) Стихотворенія Н. Щербины, 2 т. Спб. 1857. 8°. — 3) Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи. Спб. 1858. 8°.—4) Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Спб. 1865, 1866 и 1869. Съ политипажами. —5) Йово и Мара. Сербская народная поэма. Переводъ. М. 1860.—8°. (Изъ Рус. Вѣстника).

Біографич. очеркъ съ портретомъ въ Худож. Листкѣ Тимма 1858, № 7.—N. *Г. Данилевскаго* въ Голосѣ 1869, № 106; Пет. Газетѣ № 53. Всемірная Иллюстрація № 18 (съ портретомъ).—Иллюстр. Газета 1869, № 21.

Ѳеофилактъ (Праведниковъ). По окончаніи курса въ кіевской академіи служилъ учителемъ и инспекторомъ павловскаго духовнаго училища и воронежской семинаріи. Въ 1845 г. онъ постригся, а въ 1852 возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ тамбовской семинаріи, въ 1857 перемѣщенъ въ херсонскую семинарію, 1868 назначенъ епископомъ новгородъ-сѣверскимъ, викаріемъ черниговскимъ. Ум. 12 янв. 1869 г., 58 лѣтъ.

N. Черниг. Епарх. Вѣдомости 1869, № 2 прибавленія, здѣсь же и надгробныя слово ему *А. Е.* и *Г. Діаконова.* — Литовскія Епарх. Вѣдом. № 4 и Воронежскія, № 4.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОСЛѢДНЕМЪ ПОЛЬСКОМЪ ЗАГОВОРѢ.

(Печатается съ разрѣшенія Его Сіятельства г. Намѣстника Царства Польскаго.)

ГЛАВА V (*).

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ.—Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятія Делегатовъ. — Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Велепольскій. —Упраздненіе Делегаціи.

Сильно шумѣла купеческая Ресурса послѣ паденія пяти жертвъ, но едвали менѣе было шуму на другой день въ Земледѣльческомъ Обществѣ, на экстренномъ засѣданіи всѣхъ находившихся въ Варшавѣ его членовъ (какъ полагаютъ, около двухъ тысячъ).

Обдумывался вопросъ: что имъ дѣлать,—имъ, бѣлымъ? Если они устранятъ себя отъ движенія и передадутъ «книги въ руки» младшимъ, хотя-бы эти младшіе выступили подъ предводительствомъ Делегатовъ, утвержденныхъ намѣстникомъ, дѣло будетъ немедля проиграно. Делегація, этотъ новый, невѣроятный Народный Сенатъ, на который были обращены теперь всѣ очи и отъ котораго стра-

*) Первыя четыре главы напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1870 года. *П. Б.*

на ожидала какихъ-то чудесъ, конечно въ красномъ духѣ,—Делегація, несмотря на почтенныя лѣта, сѣдину и лысину иныхъ ея членовъ, была въ сущности тѣмъ-же краснымъ лагеремъ, какъ и безусые мечтатели и крикуны Академіи. Бо́льшая половина Делегатовъ, если только не всѣ, были знакомы и дружны съ Юргенсомъ, Годлевскимъ и прочими главами Красныхъ. Надо было бѣлымъ, настоящимъ бѣлымъ, овладѣть, во что-бы то ни стало, всѣмъ движеніемъ, забрать въ руки и Новаковскихъ, которые кричали, что если имъ дадутъ волю, то́ они сейчасъ-же возмутъ Цитадель и За́мокъ; и Делегатовъ, которые покамѣстъ еще ничего особенно-дикаго не кричали, но... какъ-бы собирались крикнуть, да было совѣстно. Все нужно было забрать, но для этого слѣдовало предварительно обратить хотя немного глаза толпы въ другую сторону, хоть немного измѣниться въ глазахъ Варшавы и Польши. Варшава и Польша смотрѣли на бѣлыхъ недружелюбно, отчасти какъ на людей, соединенныхъ такъ или иначе съ правительствомъ, зачастую помогавшихъ правительству тормозить заговоры, парализовать дѣйствія всего того, что̀ считалось въ краѣ живымъ и спасительнымъ; отчасти какъ на людей, думавшихъ только о своихъ интересахъ и привиллегіяхъ и не хотѣвшихъ дѣлиться этимъ добромъ съ низшею братіею, дѣлать уступки, приносить жертвы, тѣмъ менѣе становиться въ рядахъ защитниковъ отечества въ критическую минуту. Варшава и Польша знали хорошо, кого бѣлые суютъ обыкновенно въ такіе опасные ряды, запрягаютъ въ черную работу, а сами, когда дѣло кончится благополучно, норовятъ только захватить власть и командовать, но командуютъ очень плохо.

Понятно теперь, почему Варшава, въ минуту нами изображаемую, устремила свои глаза вовсе не туда, гдѣ стоялъ грандіозный Намѣстниковскій палацъ [1]), огромный трехъ-этажный домина, съ двумя по обѣимъ сторонамъ его, неменѣе огромными, флигелями,—этотъ когда-то пышный дворецъ Радзивилла, съ комнатами, гдѣ подписана была конституція 1815 года и гдѣ позже диктаторствовалъ Круковецкій. Не туда смотрѣла Варшава послѣ событій 27 Февраля, а на сѣрый, неказистый домикъ близъ Римарской улицы, уже извѣстный читателямъ,—домикъ, гдѣ устроилась Делегація [2]).

Про бѣлыхъ, про Земледѣльческое Общество тогда никто и не думалъ, какъ будто они вовсе не существовали въ Польшѣ. Ихъ превращенія въ красныхъ къ вечеру 27 Февраля никто не замѣтилъ, какъ не замѣтили и ихъ торжественнаго поѣзда въ Замокъ и не слыхали заносчивыхъ патріотическихъ криковъ графа Ѳомы Потоцкаго передъ намѣстникомъ; тогда какъ про выходку сапожника Гишпанскаго говорили всѣ и его карточки покупали на расхватъ, такъ-что Байеръ едва успѣвалъ ихъ стряпать. Бѣлые совершенно по напрасну вдругъ поглупѣли и перешли въ младшій возрастъ. Выстрѣлъ пропалъ даромъ.

Какъ же было теперь поправить дѣло? Гдѣ скрывались такія силы, которыя могли-бы заставить Варшаву снова вспомнить о Земледѣльческомъ Обществѣ, объ его заслугахъ краю, объ несомнѣнныхъ патріотическихъ завоеваніяхъ? Какъ было сдѣлать, чтобы голоса бѣлыхъ стали хоть немного слышны среди этой невѣроятной сумятицы и хаоса?

Часть членовъ заявила, что только «немедленное постановленіе о надѣлѣ крестьянъ землею и скорѣйшее приведеніе этого въ исполне-

---

[1]) Мѣсто засѣданій Земледѣльческаго Общества.

[2]) Изображеніе его можно видѣть въ № 151 *Tygodnika Illustr.* за 1870, с. 245.

ніе» могло бы вновь разогрѣть охлажденіе массы къ Обществу, отозвалось-бы въ городѣ благопріятно. Въ пользу этой мѣры были всѣ не такъ богатые, но не въ ихъ власти было рѣшеніе. Рѣшалъ Комитетъ, состоявшій, само собою ризумѣется, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ было неудобно разставаться съ вѣковѣчными привиллегіями своего сословія, самимъ занести на нихъ руку. Какъ ни опасна была минута, но барская закоснѣлость, шляхетство одержали верхъ надъ всѣми другими соображеніями. Комитетъ Земледѣльческаго Общества нашелъ, что надѣлъ хлопа землею потребовалъ-бы въ скоромъ времени совершеннаго освобожденія его отъ рабства, но къ этому еще не сдѣлано надлежащихъ подготовленій; а потому, вмѣсто надѣла, учредить пока наслѣдственныя аренды (Systemę wieczystych dzierżaw) на образецъ Англійскій, что̀ и было принято.

Когда городъ узналъ о такомъ рѣшеніи Земледѣльческимъ Обществомъ вопроса, всѣхъ тогда естественно занимавшаго,—все поднялось противъ Комитета Общества, противъ его вождей. Положеніе бѣлыхъ стало еще хуже. До этой минуты объ нихъ не говорили просто ничего; теперь-же называли ихъ отсталыми, мертвецами, дикими людьми, неспособными ни на какую патріотическую жертву [3]).

Комитетъ растерялся и не нашелъ другаго выхода, какъ—слиться съ Ресурсою и помогать ей искренно во всемъ, что̀ бы такое она ни затѣяла.

Ресурса писала Адресъ: бѣлые предложили тутъ не только свои соображенія, но даже и перья, не отказывась потомъ и подписать то что̀ будетъ составлено и одобрено общими силами. Это конечно для противуположной стороны было дѣломъ очень важнымъ. Она соединилась отъ всего сердца въ этихъ работахъ со своими антагонистами. Вся Варшава представила на ту пору истинно едино тѣло, единъ духъ. Даже, кто повѣритъ? Не любимый никѣмъ, антипатичный маркизъ Велепольскій суетился тутъ-же и въ началѣ, правда нѣсколько мгновеній, не нарушалъ гармоніи. Бѣлые вообще такъ хлопотали, что за ними даже осталось поле дѣйствій, какъ-будтобы они одни, безъ красныхъ, сочиняли Адресъ.

Авейде говоритъ, что партіи писавшихъ раздѣлились на два главные лагеря: «одни, болѣе всего маркизъ Велепольскій, рекомендовали проэктъ адреса опредѣленнаго (adresu okreslonego) т. е. адреса, который-бы ясно обнималъ желанія народа относительно возвращенія Конституціи 1815 года, съ соотвѣтственными конечно настоящему времени измѣненіями и съ тою, какъ кажется, разницею, чтобы о своемъ Польскомъ войскѣ не упоминать вовсе».

«Другіе, во главѣ которыхъ стоялъ всѣми уважаемый помѣщикъ Ставискій, предлагали проэктъ адреса съ неопредѣленными условіями (adresu nieokreslonego), т. е. слѣдовало только сказать, что намъ-де не хорошо; что нами управляютъ несогласно съ нашими потребностями, а потому мы желаемъ, дабы въ будущемъ всѣ наши дѣла пользовались бо́льшимъ покровительствомъ законовъ, нежели это было до сихъ поръ» [4]).

---

[3]) Такъ разказываетъ объ этомъ фактѣ Авейде, II, 10, *примѣч*. Другихъ источниковъ для того мы не имѣли.

[4]) Авейде II, 16.—Онъ добавляетъ къ этому еще слѣдующее: «Мнѣ говорили, что въ этомъ адресѣ (т. е. *неопредѣленномъ*) принимаемы были во вниманіе два совершенно противурѣчащія одно другому соображенія и цѣли; вопервыхъ, чтобы, не зная еще вполнѣ настроенія Монарха, не возстановить его какъ нибудь противъ насъ и не оскорбить заявленіемъ опредѣленныхъ

Этотъ послѣдній адресъ восторжествовалъ; иные думаютъ, отчасти потому, что на другой сторонѣ стояла непріятная для всѣхъ фигура Велепольскаго. Спрячься Велепольскій тогда за другія плечи, дѣло, можетъ быть, пошло-бы иначе.

Ставискій, при помощи нѣсколькихъ другихъ бѣлыхъ и небѣлыхъ, написалъ слѣдующее:

«Горестныя событія, недавно случившіяся въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшая за ними глубокая скорбь, которая проникла всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ Вашего Величества, отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что Ваше благородное сердце, Государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа».

«Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями какихъ-либо отдѣльныхъ классовъ населенія; напротивъ того, онѣ составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ непризнанныхъ. Болѣе полустолѣтія страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіи вѣковъ учрежденіями либеральными, народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія Монарху жалобъ и для выраженія общественныхъ нуждъ: все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе подать свой голосъ, какъ только стономъ жертвъ, а потому и не перестаетъ приносить эти жертвы».

«Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями. Несчастія не только не ослабили, напротивъ еще болѣе укрѣпили его. Все, что его оскорбляетъ, или неосторожно относится къ нему,— волнуетъ умы. Край видитъ съ грустію, что если эти нужды останутся неудовлетворенными, это подорветъ всякое довѣріе между правителями и управляемыми. Довѣрія не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственныя, принудительныя мѣры, не ведущія ни къ чему. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію со своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матерьяльно, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій».

«Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной Европейской семьѣ онъ одинъ, въ настоящее время, лишенъ необходимыхъ условій къ существованію, безъ которыхъ ника-

---

желаній. Во вторыхъ, чтобы опредѣленныхъ адресомъ не связать себя передъ правительствомъ никакими, такъ сказать, условіями и имѣть чрезъ то, на будущее время, въ резервѣ открытую дорогу просить о чемъ-либо болѣе важномъ, нежели Конституція 1815 года безъ войска, напр хоть объ этомъ войскѣ и о присоединеніи къ Польшѣ Литвы и Руси. Кромѣ того, въ неопредѣленномъ адресѣ не говорилось, *чѣмъ именно мы будемъ окончательно довольны*, но молчаливо, однако для всѣхъ вразумительно, допускалась всегдашняя возможность обратиться къ желаніямъ о возстановленіи самобытной Польши, въ прежнихъ ея границахъ, а слѣдовательно и къ мысли о революціи. Адресомъ-же съ точно-опредѣленными условіями, утвержденнымъ нашими подписями, мы сами закрывали добровольно дорогу всѣмъ своимъ планамъ и стремленіямъ къ самобытной Польшѣ. Такъ покрайней мѣрѣ въ то время разсуждали, разрѣшая вопросъ объ адресѣ».

кое общество не можетъ слѣдовать путемъ развитія до цѣлей, указанныхъ ему Провидѣніемъ».

«Повергая къ стопамъ Трона выраженія нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе Вашего Императорскаго Величества, мы осмѣливаемся, Государь, взывать къ Вашему великодушію».

«Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные.»

«Варшава 27 Февраля 1861 года».

Адресъ этотъ, переведенный на Французскій языкъ графомъ Андреемъ Замойскимъ, былъ подписанъ прежде всего архіепископомъ Фіалковскимъ и затѣмъ 180-ю лицами первыхъ дворянскихъ фамилій Царства Польскаго, представленъ Намѣстнику и посланъ имъ немедля въ Петербургъ.

Потомъ подписи продолжали собираться по всему городу разными способами и въ разныхъ пунктахъ, между прочимъ въ кондитерской Конти (что нынѣ Чернера, на углу Европейской гостинницы) куда народъ сзывали съ улицы неопредѣленными кучками, въ 20, 30, 40 и болѣе человѣкъ. Чтецъ становился на мраморныя ступени, которыми подымаются въ билльярдную и читалъ Адресъ собравшимся, послѣ чего ихъ заставляли подписываться, выпускали на улицу и кликали новую кучку.

Дня въ два набралось такимъ образомъ 18 тысячъ подписей. Затѣмъ Намѣстникъ приказалъ прекратить подписыванье.

А странный и упрямый Велепольскій носился въ это время со своимъ адресомъ и собиралъ для него подписи!..

Конечно, на него никто не смотрѣлъ и никто его не слушалъ. Массы помѣщиковъ толклись, вмѣстѣ со всякимъ другимъ народомъ, кто только считалъ себя вправѣ подавать голосъ,—то въ Купеческомъ клубѣ, то въ Европейской гостинницѣ, и обдумывали теперь вопросъ погребенія убитыхъ. А нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ чиновникъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги Лейя, съ помѣщикомъ Пётровскимъ, выставивъ въ окно шляпы, собирали всякія пожертвованія. Народъ, толпившійся напротивъ, на площадкѣ, что между Европейской гостинницей и Ордонансъ-Гаузомъ, долго стоялъ въ раздумьи: давать или не давать; но когда кто-то опустилъ въ шляпу первую монету,—деньги и цѣнныя вещи посыпались довольно щедро.

Можно было дѣлать что угодно. Варшава представляла тогда видъ исключительный: города безъ полиціи и войскъ; даже... почти безъ правительства.

Около 10 часовъ дня (28 Февраля н. ст.) явился въ залу Европейской гостинницы генералъ Паулуччи и, какъ увѣряютъ, спросилъ у присутствующихъ: «Желаютъ-ли они имѣть его въ званіи главнаго начальника полиціи?» Всѣ прокричали: ура! Коегдѣ раздалось: и Гарибальди Итальянецъ и это Итальянецъ! Да здравствуютъ Итальянцы! Да здравствуетъ Гарибальди! Да здравствуетъ Паулуччи!» [5]).

Какъ это именно было—добраться трудно. Несомнѣнно только, что Паулуччи являлся къ помѣщикамъ въ Европейскую гостинницу и выслушалъ отъ нихъ разные привѣтственные крики. Что-то дѣйствительно кричали о Гарибальди и объ Итальянцахъ. Подобные же крики раздались тогда и у входа въ гостинницу, гдѣ толпилась вѣчно куча народу.

Побесѣдовавъ любезно съ помѣщиками въ залѣ, маркизъ Паулуччи отправился въ 64 номеръ, для присутствованія при форменномъ осмотрѣ тѣлъ вторымъ отдѣленіемъ Варшавскаго полицейскаго суда, прибывшимъ въ узаконенномъ комплектѣ съ реен-

[5]) Авейде, II, 12, 13, *примѣчаніе.*

томъ и 12-ю помѣщиками, въ качествѣ свидѣтелей».

Кромѣ того набилось туда-же много всякаго любопытнаго народу; успѣлъ побывать и фотографъ Байеръ, съ фотографическимъ аппаратомъ, для снятія убитыхъ во всей красѣ: съ отверзтыми въ сторону зрителей ранами—и скоро эти карточки полетѣли по всей Польшѣ.

Второе отдѣленіе полицейскаго суда, сообразивъ по тогдашнему всѣ обстоятельства дѣла, составило такой протоколъ:

«Такъ-какъ по имѣющимся свѣдѣніямъ оказывается несомнѣннымъ, что смерть лицъ, подлежащихъ нынѣ судебно-медицинскому изслѣдованію, произошла отъ ранъ, нанесенныхъ воинскими чинами изъ огнестрѣльнаго оружія, за что виновные могутъ впослѣдствіи подвергнуться законной отвѣтственности, то необходимо, для присутствованія при таковомъ изслѣдованіи, потребовать военнаго депутата».

Онъ потребованъ и явился въ 64-й номеръ того-же числа, въ 2 часа пополудни.

Началось скрытіе тѣлъ, и составленъ новый протоколъ, названный «слѣдственнымъ дѣломъ о разысканіи причины смерти господъ: Рутковскаго, Карчевскаго, Бренделя и Адамкевича».

Дѣло объ Арцыхевичѣ, лежавшемъ въ домѣ Замойскихъ, составлено особо тѣмъ-же вторымъ отдѣленіемъ Варшавскаго полицейскаго суда.

Оба эти дѣла очень любопытны и хорошо рисуютъ минуту. Мало того, что пресерьезно описано положеніе тѣлъ — на матрасахъ, въ номерѣ гостинницы, послѣ того какъ онѣ объѣхали нѣсколько улицъ, были кидаемы и перекидываемы и наконецъ уложены въ фотографическихъ позахъ, — въ протоколъ помѣстили даже слѣды нечистотъ на ягодицахъ одной жертвы, несовсѣмъ переваренный картофель въ желудкѣ другаго трупа и наиточнѣйшее описаніе пули, найденной въ третьей жертвѣ.

Словомъ, дѣлалось не дѣло, а шалили непристойнымъ образомъ дѣти, спущенныя не во́ время съ помочей; и эту шалость, эту иронію надъ властями долженъ былъ нисколько не шутя подписать Русскій военный депутатъ!

Естественно, что въ Русскихъ кружкахъ Варшавы, особенно между военными, которымъ было приказано какъможно менѣе показываться на улицахъ, поднялся ропотъ. Иные говорили прямо, что «Горчаковъ сдалъ Полякамъ Варшаву!»...

По окончаніи медицинско-судебнаго изслѣдованія, тѣла̀ были сложены въ приготовленные заранѣ особые черные гроба, убитые бѣлыми гвоздями, и снесены ночью въ верхній храмъ Свенто-Кршискаго костела, въ видѣ исключенія, по торжественности случая (обыкновенно-же покойниковъ ставятъ въ нижнемъ храмѣ, въ такъназываемыхъ Катакомбахъ).

Вокругъ гробовъ, поставленныхъ такъ, что одинъ приходился въ серединѣ, а четыре по угламъ, явилось къ утру, 1 Марта н. ст., множество цвѣтовъ и деревьевъ изъ лучшихъ оранжерей города. Весь храмъ обитъ изнутри чернымъ сукномъ, пожертвованнымъ разными суконными фабрикантами. Особые народные констабли, изъ учащейся и другой городской молодежи, съ бѣлой перевязью на лѣвой рукѣ, заботились о сохраненіи порядка при входѣ и выходѣ, впуская народъ дверями каплицы, что́ подлѣ аптеки, а выпуская въ главныя двери, гдѣ статуя Спасителя. Давка была неимовѣрная. Все знатное и незнатное, всѣхъ возрастовъ, отъ преклонныхъ стариковъ и старухъ до дѣтей десятидвѣнадцати лѣтъ, или немного старше, протискивалось къ гробамъ, помолиться, потрепетать и поплакать, призывая на Москалей всевозможные пе-

руны. Все, разумѣется, было въ глубочайшемъ траурѣ.

Тутъ, въ этихъ черныхъ, траурныхъ волнахъ двигавшагося взадъ и впередъ народа, замѣтны были болѣе всего легкія, юркія, одушевленныя существа, которыхъ во всякое время довольно въ Варшавѣ, но тогда ихъ какъ-будто еще откуда-то прибыло чуть не вдвое. Эти легкія, прелестныя существа играютъ важную роль въ жизни Поляковъ вообще и особенно ревностно, можно сказать храбро и отчаянно, служатъ возстаніямъ. Мы должны ими немного заняться. Пусть Народный Сенатъ Ресурсы разрѣшаетъ заданныя ему необычайными обстоятельствами задачи, какъ угодить и своимъ, и правительству въ одно и тоже время; какъ устроить эффектныя, внушительныя похороны, которыхъ-бы Русскія власти не забыли, — устроить такія похороны и вмѣстѣ сдержать въ извѣстныхъ границахъ черезъ-чуръ нетерпѣливые порывы красныхъ. Пусть все это улаживается и устроивается, пусть городъ и правительство отыскиваютъ различныя квадратуры круга: мы скажемъ въ это время нѣсколько словъ о кипучемъ элементѣ, который выступилъ теперь наружу, тараторилъ, помогалъ мущинамъ, проникалъ туда, куда, казалось, никакъ нельзя проникнуть, молился и плакалъ и готовъ былъ на все.

Немного странъ на свѣтѣ, гдѣ-бы этотъ элементъ выдвигался на столько впередъ, столько значилъ для своего народа, какъ въ Польшѣ. Въ мужскомъ населеніи Польши происходятъ разныя перемѣны, смотря по тому, каковъ политическій воздухъ, каковы правители. Мужское населеніе можетъ иногда попятиться назадъ, уступить, перекраситься въ другой цвѣтъ, просто-за-просто утомиться въ борьбѣ и впасть въ апатію, даже не конспирировать (хотя Мохнацкій и говоритъ, что конспирація вѣчно живетъ въ Польскомъ народѣ). Женское населеніе Польши никогда не измѣняется. На немъ лежитъ постоянно одна и тоже окраска. Женщина въ Польшѣ — вѣчная, неугомонная, неизлѣчимая повстанка. Мущина-Полякъ можетъ быть бѣлый, красный, коричневый — мало-ли какихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, Полька можетъ быть только красная. Всѣ Польки — красныя. Всѣ онѣ кипятъ и клокочутъ. Это маленькіе, движущіеся вулканчики. Чуть притронулся — ужь и полетѣли искры! Воображенія ихъ нельзя сдержать ничѣмъ. Оно летитъ Богъ знаетъ куда. Польская женщина вся — воображеніе, пламень и молитва. Въ иныя минуты, правда, на нее дѣйствуетъ немного ксендзъ, вооруженный распятіемъ, отпущеніемъ грѣховъ и пекломъ. Другаго начальства она не признаетъ. Напротивъ, у нея самой есть постоянное стремленіе подобрать къ своимъ рукамъ — къ своимъ хорошенькимъ ручкамъ — рѣшительно все, и она подбираетъ. Она характерна, она молодецъ, эта Польская женщина, нечего сказать; въ ней есть что-то мужественное, удалое. Разсматривая ее внимательно, вы вспомните Зарему Бахчисарая, разныхъ Венеціанокъ, Испанокъ: Югъ, а не Сѣверъ. Типическій гербъ Варшавы недаромъ представляетъ Сирену съ саблей. Это вѣрно какъ нельзя больше, вѣрно исторически. Мы-бы, для полноты картины, вложили въ другую руку Сирены молитвенникъ, Ołtarzyk Złoty, который точно также ея никогда не оставляетъ. Она тотъ-же инокъ-рыцарь, что̀, по словамъ Мицкевича, Oczy utkwiwszy w nieprzyjacioł szaniec,
Nabija strzelbę i liczy różaniec *).

Мало всего этого: она даже не безъ жестокости. Изъ нея вышелъ-бы, въ

*) „Устремивъ глаза въ станъ непріятеля, заряжаетъ ружье и перебираетъ четки.“

случаѣ надобности, весьма хорошій женскій Торквемада. О, еслибъ вы могли иногда подслушать, какія вещи очень свободно и легко слетаютъ съ ея удивительныхъ розовыхъ устъ, созданныхъ, повидимому, для однихъ только поцалуевъ и ни для чего больше; какъ сверкаетъ ея взоръ, назначенный, повидимому, только внушать любовь! Не шутите съ нею, съ Польской женщиной; она не всегда годится для шутокъ...

Таковъ характеръ Польской женщины во всѣхъ слояхъ общества. Всѣ онѣ бѣгутъ на встрѣчу всякому бурному движенію, всѣ исполнены однимъ и тѣмъ-же духомъ. Но болѣе всего служитъ и полезенъ возстаніямъ средній классъ женскаго населенія, даже и не средній: эти дочери управляющихъ домами, не то—«принципаловъ» разныхъ ремесленныхъ заведеній (не то мелкихъ чиновниковъ); наконецъ, дочери Богъ ихъ вѣдаетъ чьи; эти барышни, не-барышни, горничныя, не-горничныя, гризетки, не-гризетки, которыхъ выгоняютъ изъ ихъ мудреныхъ жилищъ, съ третьихъ и четвертыхъ этажей, на Варшавскіе тротуары утренніе лучи, особенно въ ясный хорошій день, — и онѣ бѣгутъ, разсыпаются въ разныя стороны, сами подобныя яркимъ, игривымъ лучамъ, и стрѣляютъ въ васъ и въ магазины своими быстрыми, газельими глазками.

Онѣ всегда одѣты очень мило; иной разъ хоть куда. Но не судите по этому блеску обо всемъ остальномъ. Вы не можете представить, мой скромный читатель, по какимъ лѣстницамъ, мимо какихъ кадокъ съ разнымъ добромъ, пролетаютъ зачастую эти обворожительныя, уму непостижимыя ножки, обутыя въ изящнѣйшій башмачекъ, всегда какъ-бы сейчасъ только что сшитый; вы не можете представить, на какой комодъ кладутся эти дорогія серьги и кольца; въ какой шкапъ запираются эти пышныя пальто и бурнусы и какіе, въ заключеніе всего, супы и жаркія проглатываетъ храбрый, повстанскій желудокъ разоблачившейся Сирены!

Да и на что вамъ это представлять! Зачѣмъ знать всѣ секреты! Было-бы дурно, очень дурно для человѣка, для поэзіи, если-бъ приподнялись рѣшительно всѣ занавѣсы...

Вечеромъ многія изъ Сиренъ въ театрѣ, но никогда не платятъ за это денегъ. Какъ и откуда являются къ нимъ билеты на всякія удовольствія —разъясненіе этого вопроса завлекло-бы насъ далеко въ сторону, а мы и такъ заговорились... Сирены смертельно любятъ театръ, маскарады, танцы, въ особенности танцы. За лишній часъ танца, за маскарадъ иная Сирена поставитъ на карту все: жизнь, будущее, спасеніе души. Въ этомъ она совершенная женщина, слабое, безсильное существо. Скажите ей въ иную минуту, что если еще одинъ туръ вальса—и все кончено: грянутъ громы, земля разверзнется подъ ея ногами; она легко пропуститъ все это мимо ушей и помчится вальсировать, съ отчаяніемъ, съ упоеніемъ, какого мы съ вами, скромный читатель, ни отъ чего не знаемъ.

Вотъ этихъ-то легкихъ существъ, этихъ-то смиренницъ съ затаеннымъ кинжаломъ, Сиренъ, не менѣе опасныхъ, чѣмъ тѣ, которыя едва не погубили хитроумнаго Одиссея,—прибыло откуда-то внезапно въ улицахъ Варшавы послѣ 27-го Февраля. Онѣ были видны вездѣ. Онѣ пробивались сквозь всѣ преграды въ храмъ Св. Креста, измятыя, съ оттоптанными ножками, розовыя, дышащія пламенемъ, со слезами на глазахъ; онѣ жужжали точно черныя мухи, какъ-бы стараясь показать, что и онѣ члены этой огромной патріотической семьи, вѣрныя дочери пробудившейся, встающей изъ гроба отчизны, не менѣе кого инаго способныя приносить жертвы. И въ самомъ дѣлѣ: не

одна пара послѣднихъ, дорогихъ сердцу серегъ опустилась въ шляпу Лейя, выставленную въ окно Европейской гостинницы; передана секретно въ руку ксендза, или другаго кого, собиравшаго «складки» на дѣло отчизны.

До́ма, на третьихъ и четвертыхъ этажахъ, проворныя ручки Сиренъ шили въ это время траурныя платья для бѣдныхъ людей, по заказу высшаго общества; приготовляли черные ковры съ бѣлыми крестами—на балконы болѣе видныхъ домовъ. Кто-бы иной нашилъ всякаго трауру на цѣлую Варшаву, и все это въ одни сутки и совершенно даромъ,—еслибъ не такая масса усердныхъ патріотическихъ ручекъ! На этотъ разъ повелительныя ручки подчинились странному начальству изъ молодежи, обыкновенно покорной, падающей Сиренамъ до ногъ; начальству изъ академиковъ, которыхъ Сирены, тараторя между собою, не удостоиваютъ даже называть полнымъ именемъ, а даютъ имъ, на своемъ сиреньемъ жаргонѣ, только отрывокъ ихъ имени: мики, что̀ значитъ академики. Впрочемъ мики (говоря въ скобкахъ) на это не въ претензіи, потому что Сирены, несмотря на такое, повидимому, пренебреженіе къ микамъ, предоставляютъ иногда ихъ бурнымъ поцѣлуямъ и ручки, и ножки, и все что̀ дорого, ухъ какъ иногда дорого, достается не-микамъ; ножки конечно безъ всякихъ *обцасовъ* и *корковъ*, которые, какъ извѣстно, необходимы Польскому женскому башмаку

Теперь роль миковъ измѣнилась. Они командовали и довольно стро-

*) Сужденіе автора о Польскихъ женщинахъ принадлежитъ къ числу его личныхъ воззрѣній, съ которыми едва ли согласятся многіе, особенно тѣ, кому приходилось самому хоть разъ въ жизни столкнуться съ этою частью Польскаго населенія. Авторъ не хочетъ видѣть въ Полькѣ почти ничего кромѣ красиваго личика, изящной одежды, оригинальной обуви, легкой походки, юркости и вертлявости; эти качества оказываются въ глазахъ его на столько важными, что онъ не безъ сочувствія смотритъ и на тѣ проявленія, которыя относятся къ нравственной области и которыя своими непривлекательными особенностями способны въ понятіяхъ другаго наблюдателя, на оборотъ, охладить впечатлѣніе и отъ наружныхъ прелестей Польской женщины изъ того слоя, какой избранъ предметомъ характеристики въ предлагаемыхъ запискахъ. Идея, мысль, еще болѣе причины, почему развились въ Полькѣ такія, а не иныя свойства, не остановили вниманія автора, и перо его нарисовало скорѣе портретъ какихъ-то куколъ, нежели живыхъ существъ; самыя наблюденія его отзываются больше уличнымъ осмотромъ и случайнымъ столкновеніемъ съ Польскими женщинами въ темныхъ углахъ очерченныхъ имъ жилищъ, чѣмъ трезвымъ и внимательнымъ изученіемъ дѣйствительнаго ихъ характера и значенія въ общественной жизни. А между тѣмъ дѣло не такъ трудно и вопросъ не такъ новъ, чтобы не найти достаточно основательнаго отвѣта даже среди Польскихъ писателей. Сто́ило только присмотрѣться къ превратности и извращенности господствовавшаго до послѣднихъ лѣтъ воспитанія Полекъ, подъ вліяніемъ фанатическихъ ксендзовъ и не менѣе фанатическихъ монахинь, чтобы дѣйствительно въ куклообразныхъ фигурахъ женской Польской молодежи видѣть образованному человѣку не предметъ, способный удовлетворить страстности чувства мужчины, а горькій плодъ испорченности цѣлаго поколѣнія, произведенной систематическимъ гнётомъ шляхетскаго Польскаго духовенства, принявшаго на себя роль проводниковъ политическихъ шляхетскихъ цѣлей, и избравшаго для этого удобнѣйшимъ орудіемъ Польскую женщину. *Ред.*

го, а тѣ слушались безпрекословно, безъ малѣйшаго ропота.

Ко 2-му Марта все было готово для торжественныхъ похоронъ жертвъ. Умы значительно успокоены. Труднѣе всего было угомонить Наваковскаго съ братіей, который заявлялъ очень громко въ Ресурсѣ и вездѣ, гдѣ только могъ быть услышанъ хоть немного его голосъ, что ему мѣшаютъ завершить патріотическіе подвиги его товарищей взятіемъ Цитатели, или хоть Зáмка, посредствомъ огромной манифестаціи, гдѣ-бы участвовалъ весь городъ; что лучшаго момента для этого нѣтъ и не будетъ.

Вслѣдствіе такихъ криковъ Новаковскаго и его единомышленниковъ, распространились по городу слухи, что во время похоронъ вспыхнетъ революція, и что вся торжественная обстановка погребальнаго обряда клонится единственно къ тому, чтобы собрать поболѣе народа. Для этого рѣзники Сольца и другихъ захолустныхъ мѣстъ Варшавы хотѣли явиться на похороны съ топорами и съ ножами. Князь Горчаковъ до того серьезно отнесся ко всѣмъ этимъ угрозамъ и до того боялся за свой Зáмокъ, что призвалъ къ себѣ одного офицера и вручилъ ему двѣ шкатулки, для передачи коменданту Цитадели, на храненіе впредь до востребованія; при этомъ сказалъ офицеру, чтò именно заключается въ шкатулкахъ. Начальникъ штаба тоже что-то передалъ тому-же лицу. А генералъ-губернаторъ Панютинъ, еще прежде, послалъ на храненіе въ Цитадель два большихъ сундука. Кромѣ того, около 20 человѣкъ высшихъ чиновъ отправили туда-же разныя вещи [7]). Валы Цитадели приказано было одно время уставить солдатами и зарядить орудія [8]).

Делегаты говорили Русскимъ властямъ, что отвѣчаютъ за спокойствіе города; между тѣмъ сами побаивались своихъ шалуновъ, и одинъ делегатъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ во всѣхъ слояхъ населенія, ходилъ пресерьезно уговаривать мясниковъ оставить всѣмъ непріятныя затѣи. Кромѣ того, въ разныхъ газетахъ явились два такихъ воззванія:

«Въ субботу, 2 Марта, въ 10 часовъ утра, произойдетъ погребеніе жертвъ, погибшихъ 27 Февраля. Во имя любви къ отечеству, во имя самыхъ священныхъ и дорогихъ для каждаго изъ насъ обязанностей, заклинаемъ жителей города, чтобы честь, отдаваемая жертвамъ въ минуту погребенія ихъ тѣлъ, сопровождалась возможно-бóльшимъ порядкомъ и спокойствіемъ. Жители Варшавы, послушайтесь братьевъ вашихъ!»

(Слѣдуютъ подписи делегатовъ [9]).

Второе воззваніе, отъ 1 Марта, было таково:

«Мы, нижеподписавшіеся, делегаты города Варшавы, объявляемъ, что если кто-либо изъ жителей будетъ замѣченъ завтра съ о р у ж і е м ъ [10]) въ рукахъ, того сочтутъ измѣнникомъ отечеству».

Наступило 2-е Марта. Съ ранняго утра Варшава облеклась въ глубокій трауръ, исполнясь необычайной тишиной и торжественностью, какъ-будто бы дѣло шло о погребеніи нѣсколькихъ королей, умершихъ разомъ.

Изъ оконъ улицъ, по которымъ должно было тянуться шествіе, и съ балконовъ нѣкоторыхъ домовъ, какъ напримѣръ Европейской гостинницы,

---

[7]) Сообщено автору тѣмъ самымъ офицеромъ, который принялъ отъ князя Горчакова шкатулки.

[8]) Сообщ. разн. офицерами, очевидцами.

[9]) Ксендзъ I. Вышинскій, ксендзъ I. Стецкій, Ксаверій Шленкеръ, Яковъ Пётровскій, Іосифъ Левинскій, Теофилъ Пётровскій, А. Тршетршевинскій, I. I. Крашевскій, Іосифъ Кёнигъ, Карлъ Байеръ, С. Гишпанскій, докт. Халубинскій, Л. Кронебергъ, Матвѣй Розенъ.

[10]) Крупно въ подлинникѣ.

свѣшено черное сукно, съ бѣлою каймою по краямъ и такими-же крестами посрединѣ. Вездѣ разставлены народные констабли съ особеннымъ знакомъ на шляпѣ и бѣлой перевязью на рукѣ. Нашей полиціи не было и тѣни. Даже всѣ военные вообще, офицеры и солдаты, вслѣдствіе секретнаго, строжайшаго предписанія, не смѣли выглянуть на улицу. Только небольшая кучка солдатъ забралась на крышу Ратуши и Арсенала и глядѣла оттуда на запретный спектакль. Народъ показывалъ на нихъ пальцами и смѣялся.

Погода вполнѣ благопріятствовала торжеству.

Въ 10-мъ часу, послѣ того, какъ ученики музыкальнаго института, подъ дирекціей А. Контскаго, исполнили Requiem сочиненія І. Стефани, причемъ партіи solo исполнялись лучшими артистами Польской оперы [11], — процессія тронулась изъ храма Св. Креста по Краковскому предмѣстью, на лѣво.

Вмѣсто войскъ, въ видѣ какъ-бы необходимаго воинскаго украшенія, ѣхало впереди нѣсколько человѣкъ любимой городомъ пожарной команды, съ брандмейстеромъ во главѣ.

Потомъ ѣхалъ, верхомъ-же, начальникъ полиціи, генералъ Паулуччи, въ полной парадной формѣ; иные говорили даже: снявши каску.

Далѣе шли сироты и старцы Варшавскаго благотворительнаго общества; воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній; всевозможные цѣхи, со своимя знаменами, убранными въ траурныя ленты. Тутъ-же было, какъ увѣряютъ иные, знамя съ гербомъ Литвы и Польши.

Затѣмъ: католическое духовенство. Тѣла убитыхъ, несомыя на рукахъ почетнѣйшими гражданами. Еврейское духовенство, въ своемъ національномъ платьѣ и, согласно требованію ихъ обряда,—съ покрытыми головами.

Въ заключеніе шли такъ называемые друцяжи, въ своихъ оборванныхъ гуняхъ и со своими широкими шляпами въ рукахъ [12].

Словомъ, не было забыто ни одно сословіе Варшавы.

Комитетъ Земледѣльческаго Общества рисовался у всѣхъ на виду: подлѣ гробовъ. О графѣ Андреѣ Замойскомъ говорили, что онъ шелъ подъ руку съ крестьяниномъ. Современный литографическій листокъ, изображающій похороны, представляетъ Замойскаго рядомъ съ крестьяниномъ и какъ-бы разговаривающаго съ нимъ. У крестьянина подвязанная рука: значитъ, это одинъ изъ раненныхъ въ свалкѣ 25 или 27 Февр.

Многія дамы просили позволенія возложить на плечи хотя одинъ гробъ, но имъ поручили нести большой терновый вѣнецъ — «символъ торжества и невинности» — godło zwycięstwa i niewinności — какъ выразилась потомъ одна газета [13].

Вся масса участвовавшихъ въ погребеніи простиралась, по газетамъ, до ста тысячъ человѣкъ [14]. Иные считаютъ до ста шестидесяти.

---

[11]) *Gazeta Warszawska* 1861, № 60.

[12]) *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

Друцяжи (*Dróciarze*, проволочники, отъ *drót*—проволока) бѣдная ребятежь Карпатскихъ горъ. Они бродятъ по всѣмъ городамъ Польши, лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платьѣ: въ коричневой *гунѣ* (родъ пальто-сака) накинутой на грязную рубашку, увѣшанные пучками проволоки, мышеловками и тому-подобными проволочными издѣльями. Шляпы на нихъ тоже коричневыя, съ большими полями. Нерѣдко друцяжи обращаются къ прохожимъ, какъ нищіе, прося милостыни, и имъ подаютъ, какъ и всякимъ другимъ нищимъ.

[13]) *Gazeta Codzienna* 1861, № 60.

[14]) *Kurjer Warszawski* 1861, № 58.

Дойдя до Европейской гостинницы, процессія поворотила на лѣво, черезъ Саксонскую площадь, а за тѣмъ слѣдовала обыкновеннымъ путемъ по Вержбовой, Бѣлянской и Пршеязду—на Повонзки [15]).

На Повонзкахъ гробà жертвъ опущены въ могилу одинъ подлѣ другаго, и надъ каждымъ возведена особая насыпь. Всѣ эти насыпи тотчасъ покрылись вѣнками и цвѣтами, а потомъ обозначены крестиками [16]).

Ксендзы на кладбищѣ произносили патріотическія рѣчи, а студенты раздавали присутствующимъ фотографіи убитыхъ, части терновыхъ вѣнковъ, лежавшихъ на гробахъ, и по пяти клочковъ полотна, омоченнаго въ неповинной крови [17]).

Артисты оперы, съ учениками музыкальнаго института, при участіи, сверхъ того, нѣсколькихъ сотъ человѣкъ изъ публики, спѣли маршъ Нидецкаго [18]).

По возвращаніи толпы въ городъ, замѣченныя на Вержбовой улицѣ театральныя афишки были сорваны. Тоже самое послѣдовало и на другой день [19]). Начинался трауръ, воздержаніе отъ всѣхъ удовольствій. По городу ходилъ циркуляръ (okolnik) будто-бы архіепископа Фіалковскаго, которымъ предписывалось всѣмъ жителямъ Польши, названной Присносущею (odwieczna Polska) наложить на себя трауръ и носить его въ теченіе неопредѣленнаго срока. Женщинамъ позволялось имѣть бѣлое платье только въ день свадьбы [20]).

Всѣ послушались этого циркуляра.

Теперь, съ погребеніемъ убитыхъ, должно-бы, казалось, окончиться все необычайное и наступить прежняя, обыкновенная жизнь города. Желанный спектакль сыгранъ; публика удовольствована; предметъ, раздражавшій болѣе или менѣе умы, убранъ прочь, лежитъ въ могилѣ. Чтó мѣшало выступившей изъ береговъ рѣкѣ войти въ обычное русло? Энергическіе люди совѣтовали Намѣстнику разрубить узелъ, связавшійся какъ-то такъ, роковымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, отчасти какъ-бы минуя все то, чтó можно назвать собственными нашими промахами и потворствомъ либеральному движенію. Совѣтовали: туже минуту огласить военное положеніе, которое было уже написано [21]); закрыть Делегацію; ввести въ Купеческій клубъ войска (какъ это сдѣлано позже съ Малымъ театромъ, при несравненно меньшей опасности), пустить по городу патрули, и подъ впечатлѣніемъ всего этого рѣшать вопросъ о томъ, чтó дѣлать далѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что все бы присмирѣло и явилось скорѣе на сторонѣ силы, чѣмъ тогда, когда сила перестала быть силою. Даже красный повстанецъ Авейде говоритъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ нѣчто подобное: «Правительство обязано было уничтожить Делегацію, клубъ и делегаціонную полицію, тотчасъ послѣ погребенія пяти жертвъ. Не сдѣлавъ этого, оно неизбѣжно должно раздѣлить съ Поляками отвѣтственность за

---

[15]) Главное Варшавское Кладбище.

[16]) Въ такомъ видѣ эти насыпи оставались до 1866 года, если только не позже. Но теперь ихъ уже нѣтъ.

[17]) Записка полковника Добродѣева.

[18]) *Gazeta Warszawska*, 1861, № 60.

[19]) Представленіе въ день похоронъ было отмѣнено. На другой день, 3-го Марта н. с., шли піесы: въ Большомъ театрѣ—два акта *Сомнамбулы* и два акта *Эсмеральды;* въ Маломъ: Klara; Dzivadla, *czyli odrodzony*. Были только Русскіе.

[20]) Любопытные могутъ видѣть этотъ циркуляръ въ брошюрѣ: Wiadomości z *kraju z lat* 1861—1861, *Lipsk*, 1863, стр. 5.—Въ Русскомъ переводѣ—*Библ. для Чтенія* 1864, *Генв.* стр. 27.

[21]) Объ этомъ сказывалъ автору бывшій тогда директоромъ канцеляріи Намѣстника, т. е. Казачковскій.

послѣдствія сорокодневнаго безначалія... Народъ, избалованный такимъ положеніемъ вещей, привыкъ въ безпорядочной жизни и началъ считать ее нормальною и естественною».

Но мало-ли что хорошо совѣтуется правителямъ въ иныя трудныя минуты; мало-ли что̀ еще лучше пишется и выводится послѣ заднимъ числомъ, изъ совершившихся уже событій, когда громъ грянулъ, когда, какъ говорится по-просту, «изъ боку уже не вынешь». Исторія идетъ своимъ неотразимымъ путемъ; въ ней есть что-то неоспоримо-роковое, есть даже, какъ замѣтилъ кто-то,—своя иронія.

Слабость-ли и нерѣшительность властей, или ужь такіе міазмы, носившіеся въ воздухѣ и парализовавшіе обычный ходъ дѣлъ, — что̀ бы тамъ ни было, только разрубить узелъ Александра Македонскаго въ тогдашней Варшавѣ никого не нашлось. Узлу предоставили развязываться медленно, мало-по-малу, какъ онъ захочетъ самъ. Нашло на всѣхъ какое-то затмѣніе; отнято пониманіе самыхъ простыхъ вещей. Кажется, Заболоцкій достаточно-ясно показалъ описаннымъ выше «фокусомъ Пинетти» [22]) что̀ такое эти яко бы опасныя уличныя массы; а всетаки ихъ продолжали какъ-бы бояться. Вообще, боялись неизвѣстно чего, какого-то сочиненнаго призрака. Такимъ образомъ энергическіе голоса раздались въ пространствѣ напрасно. Военное положеніе убрано подъ сукно; бараки для войскъ, начавшіе было строиться на разныхъ площадяхъ, сняты; Народный Сенатъ Купеческой Ресурсы оставленъ заниматься своими дѣлами.

Конечно никто не явился помогать слабости и испугу, какими ознаменовала себя въ то время власть. Напротивъ, каждый Полякъ только и думалъ, какъ-бы побольше выиграть изъ такого неожиданнаго и невѣроятнаго оборота вещей. Всѣ бѣлые и не-бѣлые точно стакнулись между собою — успокоивать правительство фразами, а подъ шумокъ вести патріотическіе подкопы. Куда правительство ни обращалось, — вездѣ встрѣчало оппозицію, если не явную, то тайную; совершенное отсутствіе готовности идти съ нимъ объ руку, какъ это весьма недавно дѣлали многіе изъ бѣлыхъ—почти всѣ делегаты, отъ которыхъ мы прежде всего могли ожидать успокоительныхъ мѣръ, кому для этого и были вручены бразды правленія. Делегаты выпустили, послѣ погребенія пяти жертвъ, такое воззваніе:

«Вчера совершилось погребеніе жертвъ, павшихъ въ Середу. Вчера народъ доказалъ, что понимаетъ значеніе обязанностей въ отношеніи къ отечеству. Всѣ безъ изъятія, соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, мы прощались съ погибшими. Братья! Пусть это чувство обязанности правитъ нами и впредь во всякую минуту!»

Кажется, ничего особеннаго не написано, но въ то напряженное время, когда у каждаго Поляка были совсѣмъ особыя «уши слышати» — въ этихъ строкахъ было сказано очень довольно. Слова: «соединенные однимъ и тѣмъ-же чувствомъ» стали типическою фразою многихъ подобныхъ публикацій.

Чтобы не отстать отъ Ресурсы, Земледѣльческое Общество выпустило въ свѣтъ такой-же одобрительный плакатъ, относившійся собственно къ учащейся молодежи:

«Именемъ всѣхъ членовъ Земледѣльческаго Общества, Комитетъ онаго благодаритъ васъ, благородное юношество Академіи и школъ, за оказанную вами помощь къ сохраненію порядка въ минуту столь печальнаго и вмѣстѣ торжественнаго обряда погребенія жертвъ, павшихъ 27 Февраля, между коими было также нѣ-

---

[22]) См. Р. Арх. 1870, стр. 1910.

сколько членовъ Земледѣльческаго Общества». [22]).

«Примѣрнымъ поведеніемъ своимъ вы дали доказательство того, что обладаете всѣми качествами, кои въ будущемъ сдѣлаютъ изъ васъ достойныхъ и полезныхъ сыновъ отечества, которое мы вмѣстѣ съ вами всѣмъ сердцемъ любимъ и которому служить есть священная обязанность каждаго».

Затѣмъ первымъ дѣломъ Делегаціи было учредить особый «Комитетъ для поставленія памятника павшимъ 27 Февраля, также и для оказанія помощи оставшимся послѣ нихъ семействамъ, равно и вспомоществованія раненнымъ 25 и 27 Февраля».

Кратко называли его: «Памятниковспомогательнымъ Комитетомъ». [23]).

Онъ засѣдалъ въ той-же Купеческой Ресурсѣ, гдѣ и Делагація. Сверхъ того тамъ-же засѣдала «Дирекція блюстителей безопасности и общественнаго спокойствія», подъ предсѣдательствомъ купца Осипа Квятковскаго.

Одного такого факта, какъ учрежденіе Комитета для постановленія памятника жертвамъ, о которыхъ надо было поскорѣе забыть, достаточно, чтобы показать, по какой дорогѣ пошла Делегація. Нѣсколько недѣль сряду Комитетъ печаталъ свои воззванія и отчеты во всѣхъ газетахъ Варшавы и собиралъ приношенія. Допустившее такія чудеса правительство все смотрѣло и какъ-бы ждало поворота дѣлъ въ другую сторону.

Но делегаты шли дальше. Въ числѣ вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, стоялъ прежде всего вопросъ Еврейскій. Мы видѣли выше, что еще въ 1859 году была почувствована Польскимъ обществомъ Варшавы необходимость сблизиться съ Евреями. Читатели помнятъ исторію Кёнига[24]). Но тогда дѣло кончилось ничѣмъ. Евреи могли еще оставаться для Поляковъ «народомъ въ народѣ» и даже, пожалуй, ласкаться къ правительству и считать свои Еврейскіе интересы чѣмъ-то другимъ отъ интересовъ края. Теперь настали иныя минуты. Особенно нельзя было шутить съ Евреями, которыхъ въ одной Варшавѣ, на 200 тысячъ населенія, почти половина и которые поставили христіанскую половину (во всѣхъ городахъ Польши) въ такую отъ себя зависимость, что когда они запираютъ, въ субботній шабашъ, свои лавки,—христіанамъ это весьма чувствительно. Теперь необходимо было знать, куда именно тянетъ Еврей и его капиталы? Симпатизируетъ онъ или нѣтъ Польскому движенію? Словомъ: якъ бида, то до Жида—какъ говоритъ пословица.

Никто конечно не сомнѣвался, что Польскій Еврей, особенно образованный,—въ душѣ Полякъ, а не Русскій, что онъ не промѣняетъ Польши ни на какую страну въ мірѣ; что онъ, также какъ и Полякъ, считаетъ Москаля варваромъ и притѣснителемъ. Но тѣмъ не менѣе, было что-то такое, разъединявшее тѣхъ и другихъ: лежалъ постоянно между тѣми и другими какой-то непереступаемый порогъ. Еврей-Полякъ все-таки назывался у Поляковъ проклятымъ именемъ Жида и никогда не игралъ, ме-

---

[23]) Собственно двое: Рутковскій и Карчевскій.

Лица, его составлявшія, по Маевскому: Предсѣдатель каноникъ Іосифъ Вышинскій; члены: Карлъ Байеръ, Карлъ Маевскій; акціонеръ Европейской гостиницы Вамбахъ; редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ и генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ І. Левинскій. Позже, по случаю увеличившихъ занятій, приглашены еще студентъ Мед. Хируг. Академіи Шанявскій и Фохтъ. Сумма всѣхъ пожертвованій, по Маевскому, простиралась до 260 тыс. злотыхъ.

[24]) См. Р. Арх. 1870, стр. 1855.

жду настоящими Поляками, роли Поляка, какъ бываютъ Поляки вообще, русое Славянское племя, съ русымъ молодецкимъ усомъ, котораго Жиду не отростить, какъ онъ ни бейся. Мало того, что Жиды съ Жидовскими фамиліями не шли въ гармонію съ Поляками: народъ помнилъ даже фамиліи Жидовъ, перешедшихъ въ католичество еще при Якубѣ-Франкѣ, [25])—фамиліи, по звуку совершенно Польскія. Всякій мальчикъ, всякая дѣвочка пересчитаютъ вамъ эти фамиліи по пальцамъ. Даже, когда рѣчь зайдетъ о Воловскомъ или Маевскомъ, иной Полякъ, или Полька, позволяютъ себѣ замѣтить съ пренебреженіемъ: «а, Волòскесъ, Маèскесъ!» И всякій понимаетъ, что̀ это значитъ. Случается, что такихъ Поляковъ честятъ Мехèсами, что̀ значитъ собственно выкрестъ: слово обидное, произносимое негромко. Вслѣдствіе всего этого, въ общемъ, конечномъ результатѣ выходило, что Жиды Польши оставались ничѣмъ инымъ, какъ Жидами, отъ Поляковъ отдѣльно, хотя въ сущности тоже были Поляки, а никто другой.

Делегація рѣшилась теперь сгладить какъ нибудь эти шероховатости, произвести хотя искусственное, хотя вреиенное, повстанское сближеніе двухъ разныхъ элементовъ.

По давнимъ законоположеніямъ страны, Евреи Польши не пользовались одинаковыми правами съ коренными жителями Польскаго происхожденія. Въ Варшавѣ они, между-прочимъ, не принадлежали къ мѣстному купеческому обществу, а составляли свою особую купеческую корпорацію. Равно ихъ нельзя было выбирать въ судьи Коммерческаго Трибунала и въ нѣкоторыя другія должности.

Это было указано прежде всего—и, по инціативѣ делегата Шленкера, состоявшаго главою Варшавскихъ купцовъ, Варшавское купеческое общество приняло купцовъ-Евреевъ въ свое лоно, и одинъ банкиръ Еврейскаго происхожденія сдѣланъ ихъ старшиною.

Когда такимъ образомъ рѣшили вопросъ о Евреяхъ, вопросъ Мехесовъ рѣшался самъ-собою. Одинъ изъ Мехесовъ, человѣкъ уважаемый всѣмъ городомъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ дирекціи кредитнаго общества Варшавской губерніи.

Правительство утвердило и то и другое назначеніе. А Евреи, въ благодарность за вниманіе къ нимъ Польскаго общества, выдали вскорѣ «циркуляръ Евреевъ города Варшавы къ Евреямъ всего края», исполненный дружескихъ чувствъ къ Полякамъ и приглашавшій всѣхъ Евреевъ Польши помогать, чѣмъ и какъ случится, христіанамъ-католикамъ. Всѣ несчастія при этомъ сваливались, разумѣется, на правительство. Одно высшее лицо, весьма близкое къ Намѣстнику, названо въ этомъ цыркулярѣ Сатанинскимъ врагомъ—Szatańskim wrogiem [26]).

Болѣе ничего неизвѣстно о занятіяхъ делегатовъ между 1 и 6 Марта н. стиля. Мы слышали что всѣ свои протоколы за это время они отправляли въ Познань, къ Владиславу Неголевскому и однажды, вмѣстѣ съ протоколомъ, отослали какую-то бумагу, полученную отъ Намѣстника. Такъ-

[25]) Молдавскій Еврей Яковъ Лейбовичъ, прозваніемъ *Франкъ*, склонилъ, во второй половинѣ XVIII-го столѣтія, многихъ изъ своего племени перейти наружно въ христіанскую вѣру, для пріобрѣтенія общихъ всѣмъ христіанамъ привиллегій. Эти перешедшіе приняли въ Польшѣ даже и фамиліи Поляковъ.—Подробности о жизни и дѣйствіяхъ Франка можно узнать въ брошюрѣ Скимборовича, изданной въ Варшавѣ въ 1866 году: *Żywot i nauka Jakóba Józefa Franka.*

[26]) Авейде, II, 39.

какъ Горчаковъ любилъ всѣ свои бумаги передѣлывать по нѣскольку разъ, онъ потребовалъ и эту, для пересмотра и передѣлки. Отвѣчали, что она «затеряна»; а чего затеряна: она мчалась къ Неголевскому!

6 Марта н. ст. засѣданія Делегатовъ перенесены, по распоряженію Намѣстника, въ Ратушу, и къ нимъ приставленъ наблюдатель, генералъ Паулуччи, въ званіи предсѣдателя. Помощникомъ ему назначенъ генералъ бывшихъ Польскихъ войскъ Левинскій. Чтò до числа членовъ, делегатамъ предоставлено выбрать хоть еще столько же. Предѣлъ службы ихъ въ Ратушѣ обусловливался временемъ полученія отвѣта на поданный Адресъ.

Сущность дѣла, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вслѣдствіе оставленія всего прочаго на прежнихъ мѣстахъ,—нисколько не измѣнилась. Делегаты, окончивъ засѣданіе въ Ратушѣ съ генераломъ, отправлялись въ Ресурсу и тамъ имѣли новое засѣданіе, гдѣ досказывалось то, чтò было скрыто въ Ратушѣ, писался новый протоколъ и летѣлъ по желѣзной къ Неголевскому. А тѣ протоколы, которые составлялись въ Ратушѣ, были секретно литографируемы въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разлетались по городу, въ видѣ какъ-бы отчетовъ, подаваемыхъ Делегацію всему обществу и народу о томъ, чтò такое она дѣлаетъ въ Ратушѣ, какъ хлопочетъ изо всѣхъ силъ, отстаивая то или другое въ отечественныхъ интересахъ. При этомъ факты не рѣдко сильно искажались, такъ-что присутствовавшій на засѣданіи генералъ не узнавалъ иной разъ этого засѣданія въ прочитанномъ имъ печатномъ протоколѣ.

На это печатаніе правительство смотрѣло сквозь пальцы, какъ и на многое другое, какъ и на все чтò дѣлалось кругомъ Поляками. Делегату Байеру, съ нѣсколькими другими фотографами, дозволялось распространять въ публикѣ тысячи, десятки тысячъ карточекъ пяти жертвъ, въ разныхъ форматахъ. Говорятъ, что учебныя заведенія края выписывали эти карточки изъ Варшавы по числу учащихъ и учащихся, съ уступкою противъ Варшавской цѣны нѣсколькихъ процентовъ: именно по 30 коп. вмѣсто 50. Въ это-то время, какъ увѣряютъ весьма многіе, закладывался фундаментъ одного четырехъ-этажнаго дома на Краковскомъ предмѣстьи...

Одновремено съ фотографіями были распространяемы, съ вѣдома делегатовъ, особыя медали, съ изображеніемъ, на одной сторонѣ Богоматери, а на другой сломаннаго креста, вокругъ котораго была надпись: «Спаси Господи!» (Ratuj Ojcze!) и стояли цыфры 25 и 27.

Тѣже цыфры писались и вырѣзывались ножемъ на деревянныхъ скамьяхъ Саксонскаго, Красинскаго и Ботаническаго садовъ, даже на иныхъ деревьяхъ, стоявшихъ на видныхъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что кое-гдѣ сохранились онѣ и до сихъ поръ.

Внутри края, по дорогамъ, воздвигались большіе деревянные кресты, подобные тѣмъ, какіе вообще разсѣяны по Польшѣ и Малороссіи, и на нихъ выставлялись тѣже знаменательныя цыфры 25 и 27, иной разъ сопровождаемыя объясняющими дѣло надписями. Такъ стояли они по крайней мѣрѣ до 1866 года, а мѣстами, вѣрно, стоятъ и до сихъ поръ.

Легко понять, что все это сильно дѣйствовало на воображеніе массы, подымало духъ народа, какъ тогда выражались руководители движенія; подготовляло тотъ воздухъ который потребенъ настоящему заговору.

Во многихъ городахъ Царства Польскаго образовались самовольно провинціальныя Делегаціи, на подобіе Варшавской, съ тою-же обстановкой народной стражи и сборщиковъ пожертвованій; но такъ-какъ это не было утверждено правительствомъ и да-

же мѣстами преслѣдовалось, то провинціальныя Делегаціи не имѣли большой силы, и стража ихъ вовсе не пошла въ ходъ. Что-же до Варшавской городской стражи,—она ходила по улицамъ какъ-бы законные, правительственные патрули, производила аресты, вмѣшивалась въ порядокъ на базарахъ и гдѣ случится. Само-собою разумѣется, что при этомъ происходили весьма комическія сцены...

Правительство, допустивъ эти патрули, хотѣло, повидимому, дать какую-нибудь работу горячимъ головамъ, занять дѣтей игрушками на то время, покамѣстъ вопросъ рѣшится такъ или иначе,—и тогда снова усадить за школьныя лавки. Узелъ и тутъ развязывался медленно. Между тѣмъ ребята, бродя по улицамъ денно и нощно, цѣлый мѣсяцъ или около того, конечно пріобрѣли заговору кое-какіе сподручные матерьялы. Авейде выражается объ этомъ такъ: «Манифестаторы, усмирявшіе манифестаторовъ, дѣти, сдѣлавшіяся преждевременно совершеннолѣтними, сближались съ народомъ, становились оракулами толпы и командовали ею не по приказу тѣхъ, отъ кого получили власть, а по приказу особыхъ революціонныхъ вождей».

О самой Делегаціи, постоянно внушавшей правительству, что только одними мягкими мѣрами можно дойти до лучшаго и прочнѣйшаго разрѣшенія вопроса,—Авейде говоритъ такъ: «Несмотря на достойный уваженія характеръ ея членовъ, на ихъ разсудительность и житейскую опытность, Делегація, въ отношеніи сердца, не различалась ничѣмъ отъ самыхъ юныхъ манифестаторовъ; она, какъ и всѣ мы, терялась въ облакахъ неопредѣленныхъ чувствъ; какъ и всѣ, прельщалась этимъ приливомъ религіозно-патріотическихъ восторговъ; не только боялась успокоивать взволнованные умы, не только не заботилась объ этомъ и за это не принималась; напротивъ того, продолженіе волненія ей очевидно нравилось, и она его поддерживала... вполнѣ одобряла хаотическія собранія разнаго рода политиковъ въ Купеческой Ресурсѣ; являлась въ эти собранія съ рапортами, кокетничала съ ними.... А вѣдь было ясно какъ день, что Клубъ представлялъ въ то время пристанище и центръ агитаціи, мастерскую будущихъ манифестацій и заговоровъ».

«Я не допускаю, говоритъ онъ далѣе, чтобы мысль о заговорѣ могла родиться въ умахъ консервативныхъ членовъ Делегаціи. Они дѣйствовали, въ отношеніи правительства, съ добрыми намѣреніями, но ничуть не хуже, если только не лучше, хорошо-устроеннаго и сознательно идущаго къ своей цѣли заговора [27])».

Разрѣшенная правительствомъ октава [28]) по убитымъ конечно пріобрѣла новыхъ ратниковъ революціонному движенію. Это была тоже манифестація, точнѣе: нѣсколько манифестацій вдругъ. По разнымъ костеламъ служились торжественныя панихиды. У Св. Креста былъ исполненъ новый Requiem, подъ управленіемъ А. Контскаго. Дамы высшаго круга собирали квесту. Начала княгиня Любомирская, урожденная графиня Замойская. Собрано, кромѣ денегъ, много разныхъ цѣнныхъ вещей: серегъ, колецъ, браслетовъ, брошекъ... Одушевленіе доходило до послѣдней степени. Женщины плакали навзрыдъ.

У реформатовъ, при такой-же торжественной обстановкѣ панихиды, управлялъ хорами оперный композиторъ Монюшко. Въ числѣ пѣвцовъ находился первый теноръ Варшавской оперы, Добрскій, который спѣлъ подъконецъ особый патріотическій гимнъ.

Правительство знало всѣ подробности этихъ манифестацій, имѣло въ рукахъ списки всѣхъ гимновъ и рѣ-

---

[27]) II, 23—26.

[28]) Панихида на 8-й день.

чей. Оно, какъ уже было замѣчено, рѣшилось идти до конца мягкою, терпѣливою дорогою всевозможныхъ уступокъ: оно нарядило Коммисiю для изслѣдованiя дѣла о выстрѣлахъ.

11 Марта н. ст. Коммиссiя эта, состоявшая изъ Варшавскаго коменданта генералъ-майора Мельникова, предсѣдателя уголовнаго суда Вечорковскаго и юрисконсульта коммисiи финансовъ, «защитника» 9 и 10 департаментовъ правительствующаго сената, Коисевича, подъ предсѣдательствомъ командира 2-го пѣхотнаго корпуса, генер.-отъ-инфантерiи Липранди,—открыла свои засѣданiя въ намѣстниковскомъ дворцѣ.

Подобныя коммиссiи служатъ полнымъ отголоскомъ того, что̀ думаютъ о разбираемомъ происшествiя высшiя власти. Такъ и настоящая Коммиссiя взглянула на дѣло глазами князя Горчакова и кое-кого изъ вторившихъ ему лицъ въ За̀мкѣ,—лицъ крупнаго чина, и трудно сказать, что̀ было-бы съ несчастнымъ генераломъ Заболоцкимъ, еслибъ слѣдователи обратились въ судей. Замѣтимъ читателямъ, что двое изъ членовъ были къ тому-же Поляки.

Коммиссiя видѣла передъ собою только букву происшествiя: что Заболоцкiй «не имѣлъ никакого приказанiя вывести роту,»—въ чѣмъ онъ и не запирался; напротивъ, выразился въ рапортѣ командиру 2-го корпуса, отъ 26 Февраля ст. ст. 1861, за № 18, съ прямотою и смѣлостью солдата такъ: «чтобъ взять 7-ю роту Низовскаго пѣхотнаго полка изъ манежа примасовскаго дома, я не имѣлъ ни чьего приказанiя.»—Коммиссiя видѣла эту букву происшествiя, но не видѣла его сокровеннаго смысла. О снисхожденiи къ человѣку, растерявшемуся въ тѣ роковыя минуты, точно также, какъ растерялись всѣ, раненному, а потому взволнованному, главное-же, увѣренному, что онъ дѣйствуетъ правильно, не могло быть и помину. Для изслѣдователей не существовалъ обще-европейскiй законъ, говорящiй, что бываютъ заблужденiя. которыя способны измѣнить все, представить событiе въ обратномъ видѣ. Довольно, что Намѣстникъ и Варшава были убѣждены, что Заболоцкiй виноватъ: стало быть онъ и былъ виноватъ. Зачѣмъ тутъ разсуждать и призывать на помощь мудреные и таинственные процессы человѣческой души!

Изъ такого предвзятаго взгляда на предметъ вытекли и соотвѣтственные прiемы въ изслѣдованiи. Коммиссiя не довѣряла самымъ простымъ объясненiямъ генерала и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Когда напр. Заболоцкiй и старшiе адъютанты главнаго дежурства 1-й армiи, подполковникъ Гришинъ и капитанъ Роткирхъ, замѣтили, въ одинъ голосъ, что «около почты подъэжалъ къ ротѣ какой-то Кубанскiй казакъ, который сказалъ то-то и то-то»: *Sancta Simplicitas,* храбрый казачина Заваровъ, «изъ перерусскихъ Русскiй», приглашенный Комиссiей въ свидѣтели, возразилъ (будучи, самъ не зная какъ, проникнутъ тѣмъ-же моднымъ и общимъ въ то время преслѣдованiемъ Зоболоцкаго) что «никакого казака генералъ не могъ встрѣтить у почты, потому-что всѣ казаки были у Бернардинскаго костела и на За̀мковой площади, а въ другiе пункты онъ, Заваровъ, казаковъ не посылалъ.»

Это показалось Коммиссiи до такой степени важнымъ, что она предложила Заварову выстроить на За̀мковой площади всѣхъ казаковъ, а Заболоцкаго, стараго, сѣдаго генералъ-лейтенанта, просила пройтиться по ихъ рядамъ и отыскать казака, котораго онъ видѣлъ у почты. Генералъ прошелся и, на бѣду свою, не отыскалъ казака! [29]) Заваровъ торжест-

[29]) Цитированное выше дѣло «о происшествiи въ городѣ Варшавѣ 15 (27) Февраля 1861 года», стр. 82.

вовалъ, не видя, вмѣстѣ со всѣми другими, какой страшный соблазнъ производитъ въ городѣ эта сцена, въ ущербъ нашему дѣлу и успокоенію края.

Въ числѣ странныхъ пріемовъ, допущенныхъ Коммиссіей, было, между-прочимъ, совершенно-невѣроятное «свидѣтельствованіе Ветеринарнымъ Факультетомъ казацкихъ лошадей, раненныхъ въ свалкѣ 27 Февраля, чѣмъ-то острымъ, въ родѣ ножа». Составлены акты на нѣсколькихъ листахъ, гдѣ величина раны (черезъ двѣ недѣли послѣ происшествія!) описывается не только въ дюймахъ, но даже въ линіяхъ. Описаніе раны одного коня занимаетъ поллиста.

Такимъ усердіемъ къ дѣлу пылали члены Коммиссіи съ мѣсяцъ; потомъ охладѣли. Засѣданія ихъ изъ Намѣстниковскаго дворца перенеслись на квартиру предсѣдателя и приняли небрежный, халатный характеръ. Можетъ-статься, было почувствовано и то, что къ дѣлу подошли не съ той стороны....

14—26 Мая, за четыре дни до смерти князя Горчакова, когда онъ уже нисколько не управлялъ Варшавой, Коммиссія, неизвѣстно по чьему приказанію, закрыта, и все велѣно предать забвенію. Однако исписано 329 листовъ.

Межъ-тѣмъ какъ узелъ развязывался такимъ образомъ, межъ-тѣмъ какъ «Мастерская манифестацій» хаотически разсуждала о своихъ Польскихъ дѣлахъ, при чемъ Новаковскій съ пріятелями постоянно вызывался взять Цитадель и Замокъ, лишь-бы только ему не мѣшали; межъ-тѣмъ какъ народные констабли пресерьезно маршировали по улицамъ, воображая, что несутъ важную службу отечеству, и дѣлалось еще много страннаго и невѣроятнаго въ разныхъ пунктахъ Варшавы: въ это время Замокъ придумывалъ выходъ изъ такого положенія вещей, ожидая вмѣстѣ съ тѣмъ и поворота кое-кого изъ консерваторовъ на прежнюю дорогу; ожидая и отъ Делегаціи, что она, пококетничавъ съ ребятами и занявъ ихъ какими-нибудь пустяками, обратится къ правительству и подастъ ему искренно и честно руку помощи. Но не тутъ-то было. Никто не шелъ. Напротивъ, казалось, что все краснѣетъ съ каждымъ часомъ больше и больше; пламень разливается шире и шире. Надо было забѣжать впередъ и преградить ему дорогу; надо было образовать какъ-можно скорѣе консервативную среду изъ Поляковъ-же; отыскать, во что-бы то ни стало, лицо, около котораго, по вѣсу и вліянію его въ обществѣ, собралась-бы масса людей, способная направить ходъ всей машины, пожалуй, хоть и по польски, но только не радикально во вредъ Русскимъ правительственнымъ интересамъ. Но среди того волненія, въ какое было приведено все въ краѣ и въ Варшавѣ, среди волненія, которое поддерживалось самимъ правительствомъ, когда самые спокойные и умѣренные имѣли положительное право сбиться съ толку, трудно, очень трудно было найти Поляка, который-бы отважился надѣть на себя Русскій мундиръ и принять градъ стрѣлъ. Никто изъ вліятельныхъ Поляковъ, сколько-нибудь дорожившихъ своимъ общественнымъ положеніемъ, не подумалъ-бы итти въ такую службу, садиться на такое шаткое, опасное кресло. Даже и старыя зданія разшатывались и грозили паденіемъ. Главный директоръ коммиссіи финансовъ (по нашему министръ) Ленскій, воспитанный въ Петербургѣ, считавшійся почти-русскимъ, подалъ въ отставку. Директоръ коммиссіи юстиціи, Воловскій, тоже сбирался подать въ отставку, а потомъ и подалъ... Было что-то уже въ родѣ заговора. Взять Русскаго, онъ-бы, казалось, не сладилъ. О Русскомъ не было тогда и рѣчи *). Вниманіе пра-

*) А. Николай Алексѣевичъ Милютинъ? П. Б.

вительства сосредоточилось на одномъ Польскомъ аристократѣ изъ самыхъ крупныхъ, поставленномъ разными обстоятельствами отдѣльно отъ всѣхъ и уже довольно давно искавшемъ въ Русскихъ. Это былъ маркизъ Александръ Велепольскій.

Этому лицу, до сихъ поръ несовсѣмъ выясненному событіями, о коемъ судятъ вкривь и вкось и какъ придется, выпала на долю видная и серьезная роль въ Польскомъ возстаніи; потому мы считаемъ нелишнимъ обрисовать его читателю со всѣхъ сторонъ, какія только намъ извѣстны, коснувшись нѣсколько и его родословной.

Въ половинѣ XVI столѣтія былъ Плоцкимъ, а позже Краковскимъ епископомъ нѣкто Петръ Мышковскій, князь Сѣверскій, извѣстный по своему высокому уму и любви къ наукамъ и искусствамъ, который оставилъ племянникамъ, Сигизмунду и Петру Мышковскимъ, огромное наслѣдство, заключавшееся въ капиталахъ на сумму (тогда весьма большую) 8.000.000 злотыхъ [30]) и въ имѣніяхъ: Хробежъ, Пинчовъ, Ксёнжъ и Мировъ—въ Краковскомъ воеводствѣ; Орышовъ и Шимановъ—въ Мазовецкомъ; Вепржъ въ Силезіи, и еще коекакихъ мелкихъ деревняхъ въ разныхъ пунктахъ Польши.

Черезъ пять лѣтъ по смерти дяди (1596) Сигизмундъ Мышковскій получилъ отъ папы Климента VIII маркграфское достоинство, а князь Мантуанскій, Викентій Гонзага, передалъ ему свой гербъ и титулъ.

Новый маркграфъ, иначе маркизъ, основалъ, совокупно съ братомъ своимъ Петромъ, въ 1601 году, одну изъ пяти Польскихъ ординацій, извѣстную подъ именемъ «ординаціи Мышковскихъ» [31]).

Въ концѣ XVII вѣка одинъ изъ Мышковскихъ оставилъ дочь (которая вышла замужъ за нѣкоего Іордана) и внучку по сынѣ, котораго пережилъ. Эта внучка была выдана за Велепольскаго.

Іорданъ и Велепольскій затѣяли процессъ изъ-за Мышковской ординаціи. Послѣ многихъ схватокъ въ судахъ и въ полѣ (тогда уже входили въ моду такъ-называемые наѣзды, въ родѣ того, что̀ описанъ Мицкевичемъ въ поэмѣ Панъ-Тадеушъ) Велепольскій (чуть-ли не пращуръ нашего) одержалъ верхъ: Мышковская ординація, съ титуломъ маркиза, перешла въ эту фамилію.

Во дни Станислава-Августа, маркизъ Іосифъ Велепольскій, женатый на сестрѣ великаго маршала Бѣлинскаго, выхлопоталъ себѣ, при помощи послѣдняго, позволеніе у Австрійскаго правительства продать часть маргграфства. Король Саксонскій, герцогъ Варшавскій, Фридрихъ-Августъ, позже подтвердилъ это. Такимъ образомъ ординація Мышковскихъ распалась на двѣ половины: одну изъ нихъ, оцѣненную въ 20 милліоновъ злотыхъ, пріобрѣлъ нѣкто Іоаннъ Ольрихъ, меценасъ Варшавскаго суда, за 8 милліоновъ злотыхъ, изъ коихъ 6 пошло на уплату долговъ, а 2 назначено въ приданое маргграфини Христины, единственной дочери маркиза.

Въ настоящее время въ Польшѣ находятся только три ординаціи: Замойскихъ, Красинскихъ и Велепольскихъ.

Русскихъ маіоратовъ въ царствѣ около 200.

---

[30]) Милліонъ двѣсти тысячъ рублей.

[31]) Остальныя четыре ординаціи бывшаго Польскаго королевства суть слѣдующія: 1) Ординація Замойскихъ на Замостьѣ и Щебржешинѣ (1589); 2) Князей Радзивилловъ—на Ольщѣ и Несвижѣ (1589); 3) Острогскихъ на Острогѣ (1609) и наконецъ 4) Сулковскихъ на Радзынѣ (1775). Земли этихъ пяти ординацій составили бы нынѣ, еслибъ существовали въ первоначальномъ видѣ (говоритъ Крыжановскій, авторъ сочиненія *Dawna Polska*), почти половину теперешняго Царства Польскаго.

ственной дочери вышеупомянутаго Іосифа Велепольскаго, вышедшей замужъ за нѣкоего Бонтани.

Изъ оставшейся части, цѣнимой въ 12 милл. злотыхъ, образована новая ординація на Мышковѣ, которая досталась въ наслѣдство двоюродному брату Іосифа Велепольскаго, также Іосифу [32]).

Это былъ отецъ маркиза Александра.

Родители не щадили ничего, чтобы дать сыну, единственному въ родѣ, сколь-возможно полнѣйшее классическое образованіе. Его учили всему: разнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ; исторіи, географіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ и, какъ увѣряютъ иные, даже юридическимъ наукамъ, якобы съ тѣмъ, чтобы онъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, съумѣлъ возстановить свой Мышковскій майоратъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ устроенъ знаменитымъ предкомъ его, Сигизмундомъ Мышковскимъ, великимъ коронымъ маршаломъ короля Сигизмунда III.

Объ этомъ цѣльномъ майоратѣ сталъ дѣйствительно очень-рано слышать молодой маркизъ. Очень рано снилась ему возможность сдѣлаться обладателемъ всѣхъ тѣхъ земель, гдѣ пышно маргграфствовали его предки. Громкія имена этихъ предковъ, какъ по мужескому, такъ и по женскому колѣну, po mieczu i po kądzieli [33]) стали тоже ему очень рано знакомы, пуще Отче-нашъ и Вѣрую, особенно имя Петра на Мировѣ—Мышковскаго, который гремѣлъ по всей Польшѣ еще въ XVI вѣкѣ, въ счастливые дни Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, какъ ученый и высокихъ талантовъ мужъ, чья слава достигала и до чужихъ краевъ, о комъ упоминаетъ въ своихъ безсмертныхъ пѣсняхъ самъ князь Польскихъ пѣвцовъ, Кохановскій.

Затвердилъ онъ не менѣе того, что мѣстечко Пинчовъ, гдѣ жили Велепольскіе, называлось, еще при Олесницкихъ [34]), **Польскими Аѳинами.** Все это онъ затвердилъ и воображалъ, что въ Польшѣ нѣтъ другихъ такихъ магнатовъ, какъ они и ихъ родъ. Такія понятія, пышная, истинно-аристократическая обстановка жизни, эти княжескіе пріемы, звонки, швейцары, доклады, гербы, куда ни сунься; это мелкое шляхетство, а иногда и не очень мелкое, падавшее до ногъ на огромномъ пространствѣ вокругъ; баловство и нѣжность родителей, не чаявшихъ, что̀ называется, въ сынѣ и души, родителей гордыхъ и важныхъ: все это имѣло сильное вліяніе на молодаго Велепольскаго. Онъ выросъ надменнымъ, холоднымъ аристократомъ, съ ухватками феодальныхъ временъ. Его высокомѣріе не знало границъ. Онъ только и думалъ о томъ, какъ-бы выставиться ярче, грандіознѣе, забрать въ свои руки все, рѣшительно все, вездѣ и во всемъ первенствовать. По образованію, которое было окончено въ Берлинскомъ университетѣ, ему дѣйствительно не представлялось соперниковъ въ гуляющей, кутящей съ юныхъ лѣтъ аристократіи Польши. Но по значенію, по богатству былъ соперникъ, и не одинъ. Прежде всего стояли поперекъ горла Замойскіе, съ ихъ необъятными имѣніями. Одинъ Замойскій, какъ уже извѣстно читателямъ, былъ владѣлецъ **ординаціи**, самой древней въ Польшѣ, ординаціи не знавшей потрясеній и захватывавшей чуть не цѣлый уѣздъ. Было чему позавидовать! Предокъ этого

---

[32]) Брошюра: *Margrabia Alexander Wielopolski, Paryż,* 1861.

[33]) По мечу и веретену.

[34]) Для образованнаго Поляка сказать: «еще при Олесницкихъ»—довольно, чтобы опредѣлить эпоху. Олесницкіе жили въ началѣ XVI столѣтія. Одинъ изъ нихъ былъ примасомъ, и онъ-то собственно прославилъ эту фамилію.

Замойскаго даже пустилъ въ ходъ самое слово ординація, начавъ имъ свое «завѣщаніе» относительно земель, полученныхъ ихъ родомъ отъ короля Владислава-Локетка.

Богъ вѣдаетъ, съ какихъ поръ столкнулись между собою эти два туза Польши, Замойскіе и Велепольскіе, и образовалось двѣ партіи, питавшія другъ ко другу родовое, наслѣдственное нерасположеніе. Мы употребляемъ самое мягкое слово. А что̀ собственно кипѣло и клокотало въ груди тѣхъ и другихъ, при ихъ взаимныхъ встрѣчахъ,—этого не выскажешь никакимъ словомъ. Это становится понятно безъ всякихъ словъ только тогда, когда немного поживешь въ Польшѣ и вглядишься въ бытъ Поляковъ, въ эти соприкосновенія партій.

Конечно, значительныя средства играютъ важную роль въ жизни. Ставши какъ слѣдуетъ на ноги, маркизъ Александръ Велепольскій бросился возстановлять свой разрушенный разными историческими обстоятельствами майоратъ; бросился ретиво, горячо. Силъ было очень много—самыхъ свѣжихъ, необыкновенныхъ силъ. Надо было куда-нибудь ихъ дѣвать, тратить; а другой дѣятельности не представлялось.

Права свои на цѣлость майората маркизъ основывалъ на томъ, что продажа половины была совершена незаконно, при помощи кривыхъ путей и интригъ.

Другая сторона, владѣвшая отошедшею частью ординаціи Мышковскихъ, утверждала, что продажа совершилась правильно: ибо въ то время дѣйствовалъ въ странѣ кодексъ Наполеона, не допускающій ординацій или майоратовъ.

Маркизъ Александръ проигралъ первый процессъ въ уѣздномъ городѣ Кельцахъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Но такъ какъ маркизъ принадлежалъ къ личностямъ, которыя не смущаются отъ встрѣчаемыхъ препятствій, напротивъ, пріобрѣтаютъ новую энергію и силу, подобно тому, какъ ядро, катившееся тихо, ударясь о камень, подпрыгиваетъ и опять летитъ, и реветъ, и разрушаетъ все по дорогѣ: маркизъ перенесъ процессъ въ Варшавскій кассаціонный судъ.

Странное дѣло: уже въ это время образовалось въ массѣ какое-то раздраженіе противъ маркиза, кажется ничего особеннаго не сдѣлавшаго никому, даже мало извѣстнаго. Но существуютъ люди, которыхъ не любятъ съ пеленъ; такъ точно какъ существуютъ другіе, которыхъ всѣ любятъ, такъ-вотъ, ни съ того, ни съ сего, а любятъ. Маркиза не любили. И онъ не только не думалъ о томъ, какъ-бы исправить это, установить лучшія отношенія къ обществу, — онъ, что̀ ни дальше, облекался пущей броней необщительности и презрѣнія ко всему окружающему; пуще морозилъ взглядомъ и пріемами всѣхъ, кто хотя мало приближался къ этимъ арктическимъ странамъ, гдѣ кромѣ вьюгъ и вѣковѣчныхъ льдовъ никогда ничего не видали.

Уже его называли сутягой и крючкомъ, и гдѣ-же? въ землѣ сутягъ, гдѣ всякая муха знаетъ-перезнаетъ, какимъ образомъ заводится тяжба и что̀ такое за чинъ реентъ; гдѣ всякій, разговаривая съ вами, такъ и смотритъ, чтобъ вы его какъ-нибудь не спроцессовали. Не два-три процесса, даже и не двадцать и не тридцать, веденные маркизомъ съ разными лицами, а что̀-то другое не прощали ему его соотечественники, и это другое лежало для него непереступаемымъ порогомъ, во всю его жизнь, куда-бы онъ ни шелъ, что̀-бы ни предпринималъ и какъ-бы чистъ предъ всѣми, повидимому, ни былъ.... А насъ это другое избавило отъ многихъ бѣдъ.

Зала Варшавскаго кассаціоннаго

суда, въ послѣднее, заключительное засѣданіе, когда дѣло тяжущихся сторонъ должно было рѣшиться такъ или иначе, — одѣлась (по свидѣтельству бывшихъ тамъ) какимъ-то гробовымъ сумракомъ; всѣ притихли какъ въ могилѣ, лишь-только сталъ говорить маркизъ, и показалось, что онъ выиграетъ. Ни звука, ни взгляда сочувствія! Напротивъ, когда повелъ рѣчь его противникъ, приходившійся ему какимъ-то родственникомъ, старикъ довольно преклонныхъ лѣтъ—всѣ оживились. Каждое обыкновенное слово производило выгодное для говорившаго впечатлѣніе. Подъ-конецъ старикъ, можетъ быть, просто отъ слабости нервовъ, заплакалъ: это обстоятельство было его побѣдой. Судьи и публика были потрясены неимовѣрно. Велепольскій опять проигралъ — и хотѣлъ-было перенести дѣло въ Сенатъ, но что-то воспрепятствовало: кажется, неспокойное состояніе края, минута, въ которую, болѣе или менѣе, было почувствовано всѣми и каждымъ, что теперь надо отложить частные ссоры и процессы и начать процессъ общій, крупный, такого рода, гдѣ всѣ Поляки должны представить одну тяжущуюся единицу, а правительство другую. Маркизъ Александръ никогда не былъ прочь отъ такихъ процессовъ.

Грянулъ **1830** годъ. Когда альфа аристократическаго круга Польши, графъ Андрей Замойскій, былъ отправленъ революціоннымъ правительствомъ съ извѣстнымъ уже читателю дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну [35]), — омега того-же кружка, противуположный полюсъ, маркизъ Александръ Велепольскій поѣхалъ съ такимъ-же порученіемъ въ Лондонъ. Это случилось нѣсколько поздно. Порученіе не имѣло успѣха по той простой причинѣ, что мы — взяли Варшаву.

---

[35]) Русскій Архивъ **1870**, стр. **1834**.

Нестолько неосторожный, какъ его соперникъ, явившійся сейчасъ-же послѣ революціи, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Варшавскихъ салонахъ,— Велепольскій перебрался изъ Лондона сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ свое Радомское имѣніе, гдѣ, въ тишинѣ, предался наукамъ. Говорили даже, будто-бы онъ употребилъ всѣ мѣры, чтобы уничтожить слѣды ноты, поданной имъ Лондонскому кабинету. Въ самомъ дѣлѣ, эта нота стала теперь очень рѣдкимъ экземпляромъ.

Тяжелая пышность пріемовъ, совершенно-городскіе порядки сельскаго палаца Велепольскихъ и сорокаградусный морозъ, окружавшій особу хозяина, неслишкомъ располагали сосѣдей къ посѣщеніямъ. Въ палацѣ было очень тихо. Работать никто не мѣшалъ.

Въ числѣ избранниковъ, безъ страха переступавшихъ высокіе пороги маркиза, былъ одинъ его сосѣдъ, Константинъ Свидзинскій, человѣкъ рѣдкаго ума и образованія, посвятившій всю свою жизнь на собираніе отечественныхъ древностей всякаго рода. Велепольскій называлъ его даже другомъ. На сколько это было искренно, Богъ знаетъ. По крайней мѣрѣ немногіе слыхали отъ Велепольскаго и такъ произносимое имя друга, какъ оно произносилось для Свидзинскаго.

На берегу Ниды, въ виду бывшихъ «Польскихъ Аѳинъ», друзья прислушивались съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ «военная диктатура» ломала кости недавнимъ либеральнымъ учрежденіямъ края. Фактъ паденія республики, располагавшей превосходною стотысячною арміею и большими капиталами, владѣвшей всѣми крѣпостями — былъ очень ярокъ и не могъ не говорить умнымъ людямъ, хотя и горячимъ, но бѣлой, консервативной закваски, не могъ не говорить имъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ о тщетѣ всѣхъ будущихъ вооруженныхъ сопротивленій. Если проигранъ

такой бой, такой моментъ, какого ужь не будетъ,—чтожь всѣ другіе, съ мизерными арміями изъ косарей, сшитыми на живую нитку? Спокойное благоразуміе требовало иныхъ пріемовъ отъ Польскаго патріота, веденія инаго заговора, гдѣ всякая мысль о столкновеніи въ ратномъ полѣ должна быть отвергнута, какъ утопическая, безумная. Чтò такое выработалось изъ бесѣдъ друзей на берегу Ниды и выработалось-ли чтó, этого мы не знаемъ. Все, чтò можетъ быть видно глазамъ историка сквозь туманъ минувшаго, это-усиленное собираніе друзьями всего замѣчательнаго по части отечественныхъ древностей, чтó могло вліять на воспитаніе народа и поддержку его духа въ грядущемъ. Больше ничего нельзя было тогда дѣлать и замышлять. Грозная фигура, въ Георгіевской звѣздѣ, шагала и по тихимъ берегамъ Ниды, заглядывая во всѣ ущелья....

Собранное друзьями и ихъ отцами они разсчитывали сложить въ какомъ нибудь безопасномъ пунктѣ, куда-бы ученые всей Польши могли, впослѣдствіи, съѣзжаться для разныхъ работъ и бесѣдъ.

Богъ вѣсть, какія развѣтвленія принимала иногда эта мысль о «безопасномъ пунктѣ для съѣздовъ и бесѣдъ ученыхъ со всей Польши»—въ головахъ друзей, разгоряченныхъ подчасъ *струей, какъ жиръ густою,* и въ чьихъ ушахъ еще рокотали трубы легіоновъ....

Свидзинскій, какъ «хозяинъ дѣла», ибо на его долю выпалъ лучшій и богатѣйшій сборъ древностей, полагалъ основать такой пріютъ наукъ въ Краковѣ, тогда еще вольномъ городѣ [36]). Галицiйское возстаніе 1846 года перевернуло планы друзей. Да и вообще пятнадцать лѣтъ, прожитыя послѣ революціи, вліяли болѣе или менѣе на ходъ мыслей обоихъ отшельниковъ. Дѣтскіе пріемы возстанія, диктаторская комедія, разыгранная Тисовскимъ въ Краковѣ, рѣзня Шели [37]), а съ другой стороны неослабно идущій къ своей цѣли фельдмаршалъ и побѣдоносное, безъ всякой битвы, вступленіе нашихъ войскъ въ древнюю столицу Ягеллоновъ, когда Австрійцы куда-то попрятались: все это вмѣстѣ произвело родъ революціи въ душѣ маркиза, а можетъ быть и его друга Свидзинскаго. Маркизъ сталъ въ ряды Русскихъ и написалъ извѣстную брошюру: *Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich,* въ которой разстается съ Австрійскимъ правительствомъ навсегда. Мысль «устроить пунктъ, гдѣ-бы собирались ученые», передѣлывается у друзей въ «возстановленіе маркграфства Велепольскихъ, въ видѣ центра Старопольщизны, гдѣ и соединить собранныя сокровища.»

Такимъ образомъ опять показался на сценѣ забытый было и задвинутый разными событіями цѣльный майоратъ.

Въ 1848 и 1849 г. маркизъ Александръ — въ Русскомъ военномъ станѣ. Онъ что-то совѣтуетъ графу Ридигеру.... а въ 1853 г. при открытіи военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, отдаетъ старшаго сына, Сигизмунда, въ Смоленскій уланскій полкъ, правда переполненный Поляками [38]), но все-таки отдаетъ. Родня Велеполь-

[36]) *Biblioteka Ordynacyi Myszkowskiej, rok* 1859, *w Krakowie,* стр. 29.—На стр. 50 приведено письмо Свидзинскаго, свидѣтельствующее тоже самое.

[37]) Русскій Архивъ 1870, стр. 449 и слѣд.

[38]) Въ Іюнѣ 1861 года въ этомъ полку находилось на 6 эскадронныхъ командировъ 5 Польскаго происхожденія. Полковой командиръ, полковой адъютантъ и казначей тоже были Поляки. Вообще на 17 офицеровъ Польскаго происхожденія было только семь человѣкъ Русскихъ и Нѣмцевъ. (Сообщено однимъ изъ офицеровъ полка).

скаго, слѣдуя примѣру патрона, сдѣлала тоже: нѣсколько Потоцкихъ и Островскихъ очутилось въ разныхъ высокихъ канцеляріяхъ Варшавы.

Шумные года, 54-й и 55-й, пронеслись для Польши безъ всякихъ особенныхъ результатовъ. Между Поляками и Русскими (какъ уже неразъ было замѣчено) выработались въ это время довольно-приличныя отношенія, родъ слитія, какое только возможно. Роковая необходимость зависимости, необходимость принимать молча то, что̀ даютъ, что выхлопатывается съ помощью разныхъ силъ и ловкости,—чувствовалась какъ никогда каждымъ благоразумнымъ Полякомъ; и такихъ благоразумныхъ Поляковъ было тогда какъ-то болѣе всего. Маркизъ Александръ еще придвинулся къ Россіи. Его голову, какъ и многія другія умѣренныя головы въ Польшѣ, занималъ вопросъ: какимъ образомъ, примирясь съ этимъ слитіемъ двухъ какъ-бы несливаемыхъ элементовъ, повести дѣла̀ такъ, чтобы въ конечномъ, хотя-бы и довольно-отдаленномъ, результатѣ, всетаки выдвинуть впередъ,—спасти родную землю. Можетъ статься, именно тутъ возникла у иныхъ бѣлыхъ Поляковъ мысль о Славянской Федераціи, подъ управленіемъ Россіи, гдѣ послѣдней, на первыхъ порахъ, предоставлялась главная роль, роль полнаго хозяина; а потомъ, разными искусными интригами, хозяинъ спустился-бы на степень гостя (какъ это бываетъ иногда на общихъ съѣздахъ Поляковъ съ Русскими, обѣдахъ, пирушкахъ и тому подобномъ)[39]—и Россія очутилась-бы только стражемъ обширныхъ границъ новаго политическаго тѣла; ей поручили-бы черную, штыковую работу; а бѣлая работа, направленіе нравственныхъ силъ Федераціи, науки, искусства,—все высшее, лежало-бы на отвѣтственности самой образованной изъ всѣхъ Славянскихъ земель, къ тому же прошедшей чрезъ горнило бѣдствій — Польши. Въ концѣ концовъ видѣлось всеобщее ополяченіе. Польша была-бы спасена.

Такая мысль въ нѣсколькихъ бѣлыхъ той эпохи была однако не совсѣмъ оригинальною мыслью. Она была отраженіемъ извѣстной стороны ученія Демократическаго Общества.

Еще въ тридцатыхъ годахъ демократы между прочимъ учили: «Какъ нѣкогда призваніемъ Славянъ было защищать христіанскую цивилизацію отъ всеунижающаго прилива Азіатскаго варварства, такъ и теперь тѣже самые Славяне призваны: съ одной стороны привить пріобрѣтенную вѣками и очищенную цивилизацію Запада, облагороженную силою и качествами ихъ духа, къ тому-же варварскому Востоку, платя ему, такимъ-образомъ, самымъ бо̀льшимъ добромъ за самое бо̀льшее зло. Съ другой стороны Славяне призваны возродить и оживить сказанными качествами своего духа старую, гніющую, обомлѣвшую и доведенную до крайней слабости вѣковыми своими трудами Западную Европу. Однимъ словомъ: Славянскому племени суждено имѣть историческую иниціативу и руководить судьбами свѣта въ будущей жизни человѣчества. Натуральною, историческою главою этого новаго, спасительнаго міра, по духу прошедшей, настоящей и будущей своей миссіи, есть Польша». [40])

Насколько Велепольскій усвоилъ себѣ такіе взгляды, и усвоилъ ли,—это неизвѣстно. Извѣстно только, что нѣчто подобное заключалось, между прочимъ, въ принципахъ партіи, къ которой онъ принадлежалъ.

Въ концѣ 1855 года умеръ Свидзин-

[39]) Одинъ такой обѣдъ описанъ былъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1863 г.

[40]) Авейде.

скій, оставя своему другу, по духовному завѣщанію, все благопріобрѣтенное имущество: капиталы, книги, древности и даже самую ту деревню, гдѣ хранилась библіотека, съ предоставленіемъ ему права помѣстить все это, для общаго пользованія публики, гдѣ заблагоразсудитъ [41]).

Велепольскій, по разнымъ соображеніямъ, держалъ библіотеку Свидзинскаго и все къ ней принадлежащее покамѣстъ въ имѣніи. Нерасположеніе къ нему общества сейчасъ нашло возможнымъ обвинить маркиза въ нарушеніи духовнаго завѣщанія, котораго близко никто не видалъ. Кричали, что Свидзинскій передалъ библіотеку Велепольскому съ тѣмъ, чтобы она непремѣнно была помѣщена въ Варшавѣ. На бѣду явились еще, какъ-бы съ того свѣта, изъ Эмиграціи (въ силу амнистіи 1856 года) всѣми забытые два брата Свидзинскаго и предъявили права на Сульгостовъ. Они опирались на такъ-называемую въ юридическомъ мірѣ субституцію духовнаго завѣщанія, на выраженіе «и потомкамъ его» — которое, по силѣ одной статьи Наполеонова кодекса, лишало, въ глазахъ крючковъ, духовное завѣщаніе всего его значенія. Эти крючки, при помощи раздраженія общества противъ маркиза, раздраженія, которое росло съ каждымъ часомъ,—повели процессъ въ Радомѣ такъ искусно, что маркизъ проигралъ; но, перенеся его тотчасъ въ Варшаву, безъ всякаго труда, выигралъ, такъ-какъ дѣло было очень просто и чисто. Мы нарочно привели текстъ 3-го параграфа завѣщанія, въ самомъ точномъ переводѣ, дабы читатель могъ убѣдиться, какъ иногда бываютъ праздны и лицепріятны крики массы.

Выигрышъ процесса породилъ новыя обвиненія противъ маркиза, дошедшія позже до того, что Русскія власти, желавшія Велепольскому успѣха между Поляками, чисто въ Русскихъ правительственныхъ интересахъ, присовѣтовали ему разстаться съ библіотекой Свидзинскаго, передавъ ее какому-нибудь надежному по средствамъ магнату. Велепольскій передалъ все графу Красинскому, въ домѣ котораго, въ Варшавѣ, и помѣщаются теперь всѣ рѣдкости, собранныя Свидзинскимъ. Но и тутъ нашлись люди, говорившіе, что маркизъ лучшую часть все таки оттягалъ у публики, оставя въ своемъ имѣніи, Пинчовѣ...

Мы подошли такимъ-образомъ къ эпохѣ, съ которой начали главу.

Велепольскій стоялъ отдѣльно. Говорятъ, когда Земледѣльческое Общество балотировало его въ члены,— онъ былъ будто забалотированъ. Такъ говорятъ. Намъ не случилось повѣрить этого факта. Быть можетъ, онъ, при точномъ изслѣдованіи, ока-

---

[41]) «§ 3. Вышеупомянутую сумму 36.100 рублей серебромъ, а равно и библіотеку, нумизматическій кабинетъ, картины, рисунки, рѣзныя вещи, древніе документы, рукописи и прочія библіографическія и археологическія рѣдкости, оцѣненныя мною выше въ 30.000 р. серебромъ, безъ малѣйшаго исключенія; также: имѣніе мое въ царствѣ Польскомъ, Ключъ Сульгостовскій, состоящій нынѣ за мною въ актуальномъ владѣніи и оцѣненный по совѣсти въ 45.000 рублей серебромъ, отказываю и на вѣчныя времена дарю (zapisuję i wieczyście daruję) Александру сыну Іосифа маркизу Мышковскому, графу Велепольскому и потомкамъ его, въ полное неограниченное владѣніе; причемъ желаніемъ моимъ есть и о томъ легатарія моего убѣдительно прошу, чтобы онъ купилъ или построилъ соотвѣтствующій для помѣщенія библіотеки и принадлежащихъ къ ней рѣдкостей домъ, не то въ завѣщанномъ ему отъ меня имѣніи Сульгостовѣ, не то въ Варшавѣ, или гдѣ найдетъ удобнѣе и лучше для достиженія моихъ цѣлей.

(Выписка изъ Духовнаго Завѣщанія Свидзинскаго.)

жется тѣмъ-же, что̀ и крики толпы по поводу процесса маркиза съ братьями Свидзинскими. Но имѣютъ несомнѣнную, историческую силу и такіе крики и говоръ. Они иной разъ историчнѣе самой исторіи. И донынѣ Велепольскій рисуется въ воображеніи Поляковъ и Русскихъ вовсе не тѣмъ, какимъ вывели бы его разные документы и бумаги; онъ рисуется, какимъ его нарисовала роковая кисть общественнаго мнѣнія, вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ и условій, которыя не находятся въ документахъ. Такимъ онъ выступилъ и дѣйствовалъ. Такимъ онъ намъ нуженъ.

Въ дѣлѣ подачи Адреса онъ опять умѣлъ стать отдѣльно, да еще какъ отдѣльно!

Когда въ минуту неслыханной сумятицы и замѣшательства, среди которыхъ не то что князя Горчакова, но и многихъ весьма-характерныхъ и неслабыхъ Русскихъ людей, просто за-просто всю Россію, обошелъ какой-то лѣшій (ужасный, историческій лѣшій, который давно странствуетъ по свѣту и накуралесилъ на свой пай немало), когда въ это непостижимое время пришла кому-то изъ высшихъ правительственныхъ лицъ мысль поручить приведеніе хаоса въ порядокъ Польскому вліятельному магнату,— маркизъ Вельпольскій, самъ собою, почти безъ всякихъ указаній, бросился въ глаза, остановилъ на себѣ вниманіе Намѣстника и лицъ, къ нему близкихъ. Говорили, пожалуй, будто-бы на него указала князю какая-то дама, сосѣдка маркиза по имѣнію. Запишемъ и этотъ анекдотъ въ pendant ко всему остальному, что̀ дѣлалось тогда не помужски, а по дамски...

Всѣмъ показалось, что ничего лучше, спасительнѣе и быть не можетъ, какъ сдѣлать соправителемъ Намѣстнику этого гордаго магната, забаллотированнаго, нелюбимаго своими соотечественниками, стало быть, естественно желающаго отмстить и ужь конечно неспособнаго никоимъ образомъ допустить торжества Замойскаго, съ его Земледѣльческимъ Обществомъ. Припомнили движеніе маркиза къ Русскому правительству въ 1846 и 1853 г. Юридическое образованіе его, иначе сказать, знаніе гражданской части управленія, не подлежало никакому сомнѣнію. Анекдотическая цифра: 70 процессовъ, будто-бы веденныхъ Велепольскимъ, изъ которыхъ онъ большую половину выигралъ,—чего нибудь да стоила. Необыкновенный умъ маркиза, его начитанность, образованность были тоже всѣмъ извѣстны. Что до его фигуры, и она говорила за себя немало: будущій соправитель Намѣстника смотрѣлъ бастіономъ, полнымъ самыми солидными орудіями. Вся посадка была твердая, неподатливая, надежная. Когда онъ шелъ, нельзя было не посторониться. Изъ не очень-большихъ глазъ его, осѣненныхъ густыми бровями, въ родѣ навѣса надъ крыльцомъ, не то (поэтичнѣе) черныхъ, надвинувшихся тучъ,—сверкали молніи Зевеса; да и весь онъ, когда переставалъ походить на медвѣдя, походилъ на Юпитера. Фотографъ Байеръ,— мы можемъ сказать: историческій фотографъ Байеръ—нѣсколько позже, уловилъ именно такую, Юпитеровскую минуту, снявъ Велепольскаго, уже какъ начальника гражданскаго управленія Польши, Rządu Cywilnego (какъ писалось по-польски) — въ креслахъ, съ орломъ на спинкѣ, хоть и не Олимпійскимъ... Рукѣ министра, стиснувшей крѣпко, характерно, ручку креселъ, не достаетъ пучка перуновъ.

Во время, нами изображаемое, въ началѣ 1861 года, Байеръ (замѣтимъ въ скобкахъ) ни за что на свѣтѣ не сталъ-бы дѣлать его портрета. Куда-бы онъ годился, этотъ типическій, популярный делегатъ, пустивъ тогда въ ходъ такія запрещенныя публикой черты!

Такъ, мы снова заносили руку на собственные интересы. Мы забывали прошедшее: повторяли то, чему, никакъ-бы, казалось, не должно повторяться. Мы забывали еще разъ, что нѣтъ такого Поляка, какъ-бы онъ обставленъ ни былъ, въ какихъ-бы условіяхъ ни дѣйствовалъ, — нѣтъ такого Поляка, который-бы разрѣшилъ намъ Польскій вопросъ порусски. Мы сами еще разъ отточили на себя мечъ — и подали его новому Адаму Чарторыскому!

Минута была страшная, кто съумѣетъ въ нее вглядѣться. По счастію, геній, хранящій Россію, тѣ невидимыя силы, которыя какъ-то удивительно исправляютъ потомъ всякія наши ошибки, нашъ сонъ, простодушіе и прочее,—эти силы не дремали.

Маркизъ Велепольскій, нося въ себѣ ядъ, который могъ дѣйствительно отравить надолго наше существованіе, носилъ въ себѣ и кучу противуядій. Какія именно — мы увидимъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, если Горчаковъ, поговоривъ съ Велепольскимъ, — что называется, какъ-бы меду напился. Маркизъ давилъ въ бесѣдахъ какъ мухъ и нетакихъ людей. Французскій языкъ его былъ безукоризненъ и блестящъ, — если не безукоризненнѣе, то огнистѣе во сто разъ языка Замойскаго.

Маркиза, для бо́льшаго удобства совѣщаній съ Намѣстникомъ, а частію и для личной его безопасности, помѣстили въ Замкѣ, гдѣ онъ, какъ говорятъ, довелъ простоту отношеній къ Намѣстнику очень скоро до того, что принималъ его въ халатѣ и туфляхъ. Можетъ быть и это анекдотъ....

Русскіе генералы, кто зналъ секретъ, пока еще не оглашенный, встрѣчаясь съ другими, незнавшими секрета, говорили: «Слава Богу, согласился! но сказалъ, что не отступитъ ни на волосъ отъ своихъ убѣжденій, т. е. что Польшѣ должна быть дарована полная автономія».

Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ съ Намѣстникомъ и другими высшими правительственными лицами края, причемъ разсматривались проекты первыхъ насущныхъ преобразованій: учрежденіе муниципальныхъ совѣтовъ по выборамъ, учрежденіе Государственнаго Совѣта изъ лицъ Польскаго происхожденія; радикальная реформа школъ,—грузная фигура маркиза перенеслась въ Петербургъ и произвела тамъ очень-выгодное для себя впечатлѣніе. Его разглядывали въ разныхъ высшихъ салонахъ не безъ любопытства. Не мало было толковъ о томъ, что, явясь на выходъ ко двору, маркизъ сталъ съ дипломатическимъ корпусомъ, какъ бы чей посолъ или делегатъ. Ходилъ еще полубаснословный разсказъ, будто бы маркизъ, на томъ же или другомъ выходѣ, позволилъ себѣ сѣсть, и когда ему замѣтили, что «тутъ сидѣть нельзя» онъ отвѣчалъ: «это вамъ нельзя, потому-что вы здѣсь у вашего Императора, а я — у своего Короля».

Вообще маркизъ велъ себя въ Петербургѣ развязно и съ достоинствомъ. Относительно взглядовъ своихъ на Польскій вопросъ, онъ былъ довольно прямъ и безцеремоненъ. Одинъ изъ дипломатовъ спросилъ его: «а что вы думаете о Литвѣ?»—Я думаю, отвѣчалъ Велепольскій, что это вопросъ времени.

Вопросъ о Литвѣ не былъ для него, какъ для насъ, вопросомъ давно и окончательно-рѣшеннымъ: онъ былъ для него вопросомъ будущаго!

Такой, по видимому, знаменательный отвѣтъ, гдѣ для настоящаго знатока дѣла этотъ человѣкъ обрисовывался весь съ головы до ногъ и нечего было прибавлять, «какой у тебя носъ или губы» — такой отвѣтъ и еще нѣсколько подобныхъ были пропущены мимо ушей, безъ всякаго вниманія. Никто не призадумался ни на минуту. Роковой историческій фактъ

совершался тихо. Общество глядѣло во всѣ глаза и ничего не видало. Неслыханная апатія убійственное равнодушіе ко всему лежало тогда на всѣхъ нашихъ пространствахъ. Московскія Вѣдомости такъ обрисовываютъ это время: ... «Не было никакой гласности, ничего похожаго на печать, въ Европейскомъ смыслѣ этого слова; ни тѣни общественнаго мнѣнія... Нигдѣ не обнаруживалось никакого участія въ дѣлахъ, по вопросамъ, имѣющимъ самое жизненное для Россіи значеніе; никто ни о чемъ не вѣдалъ, никто ни о чемъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія и серьознаго сужденія [42])».

Такъ и тутъ: взоры скользили по массивной фигурѣ (и то весьма не многіе) а «опредѣленнаго понятія и серьознаго сужденія объ ней никто не имѣлъ». Москва почти ничего не знала о томъ, что́ дѣлалъ Петербургъ. Когда нѣсколько позже явился въ заграничныхъ иллюстраціяхъ портретъ маркиза — Русская публика, можно сказать всѣ до единаго, кто только просматриваетъ, если не читаетъ журналы,—взглянула на этотъ портретъ совершенно-равнодушно и легко перевернула страницу, какъ перевернула ее потомъ, увидя физіономію Малабарскаго короля и Китайскій городъ Нейхо.... А стоила-бы и очень стоила эта фигура (похожая на тяжелое артиллерійское орудіе, готовое вскатиться на пригорокъ, чтобы стрѣлять) очень стоила эта фигура, чтобы мы къ ней приглядѣлись внимательнѣе. Мы рекомендуемъ читателямъ отыскать въ хламѣ недосмотрѣннаго ими прошедшаго этотъ листокъ и взглянуть: нѣтъ сомнѣнія, что они найдутъ указанное нами сходство.

Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,
Но.... Байеръ далъ ему такое выраженье.

[42]) 1867 года, № 22.

Чтобы обрисовать тогдашнее состояніе Варшавы и Петербурга, какъ всѣ были чѣмъ-то ошеломлены и до какой степени висѣлъ надо всѣмъ роковой облакъ, достаточно будетъ разсказать слѣдующій случай. Не за долго передъ тѣмъ временемъ, о которомъ повѣствуется, пріѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву одинъ полковникъ, флигель-адъютантъ: его поразило состояніе города, эта безпрерывная манифестація, куда ни погляди; эти странные народные сенаторы; фотографіи убитыхъ, продаваемыя открыто по всему краю тысячами; неслыханныя, чисто-революціонныя сборища въ Купеческомъ Клубѣ.... Встрѣтясь кое съ кѣмъ изъ своихъ военныхъ друзей, онъ сказалъ: «У васъ, господа, революція, а вы не видите! Въ Петербургѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ здѣсь творится». Друзья, услышавшіе это, или молчали, по принятому тогда обыкновенію, или улыбались.

Посмотрѣвъ еще на разныя разности, полковникъ не счелъ возможнымъ оставаться долѣе празднымъ зрителемъ такихъ безпорядковъ, грозившихъ потрясти обычный ходъ дѣлъ, — воротился въ Петербургъ и доложилъ обо всемъ, что̀ видѣлъ и что̀ узналъ. Одно высшее военное лицо призвало его и, сдѣлавъ строгій выговоръ, велѣло отправиться вновь въ Варшаву и сидѣть смирно....

Видимо было, что правительство, отыскавъ Велепольскаго, думало, что вопросъ рѣшенъ довольно-хорошо; что вотъ еще недѣля, другая,—и все пойдетъ какъ слѣдуетъ. Кто-бы что ни говорилъ и ни замѣчалъ, всѣмъ былъ одинъ отвѣтъ: «погодите немного, все это скоро кончится: Делегаціи и хаосу Ресурсы дни сочтены; все это, такъ сказать, дышетъ на ладонъ»...

13 Марта н. ст. Намѣстникъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фіалковскаго, графовъ: Андрея Замойскаго

и Владислава Малаховскаго; делегатовъ: Кронеберга и Шленкера, и прочелъ имъ письмо Государя Императора, въ которомъ говорилось о преобразованіяхъ, ожидающихъ край. Намѣстникъ надѣялся произвести на приглашенныхъ самое выгодное впечатлѣніе. Не тутъ-то было. Эти бѣлые были уже не бѣлые. Замойскій, не тотъ Замойскій, который, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, изображалъ въ Замкѣ надежнѣйшаго консерватора, не тотъ Замойскій, который утромъ 27 Февраля требовалъ у правительства войскъ противъ своихъ же соотечественниковъ, а Замойскій, уже значительно протянувшій руку движенію, у кого бывали кой-какія сборища, къ кому заглядывала подчасъ и молодежь всякаго свойства; *этотъ* Замойскій сказалъ, что «для нихъ, для партіи умѣренной, это все, чтò нужно; что они и того не ждали; но что противуположная сторона этимъ не удовлетворится»....

На другой день, 14-го, полученъ былъ отвѣтъ Государя Императора на Адресъ,—тоже въ видѣ письма къ Намѣстнику и также сообщенъ нѣсколькимъ вліятельнымъ Полякамъ.

«Я прочиталъ просьбу, которую вы Мнѣ прислали. Долженъ бы счесть ее за несуществующую, такъ какъ нѣсколько человѣкъ, пользуясь безпорядками въ улицахъ, взяли на себя самовольное право пренебрегать всѣми распоряженіями Правительства, но Я не вижу въ этомъ покамѣстъ ничего, кромѣ увлеченія».

«Я устремляю всѣ Мои мысли къ изготовленію реформъ, какихъ требуетъ время и развитіе нуждъ Государства. Подданные Мои въ Царствѣ составляютъ также предметъ Моихъ попеченій. Все, чтò можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находитъ и не найдетъ Меня никогда равнодушнымъ».

«Я уже далъ имъ доказательство того, что желаю сдѣлать ихъ соучастниками въ предпринимаемыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ Государства. Остаюсь нынѣ все въ тѣхъ же намѣреніяхъ и чувствахъ. Имѣю право разсчитывать на то, что таковыя чувства встрѣтятъ съ ихъ стороны полный отвѣтъ и не будутъ задержаны на пути желаніями чего либо несвоевременнаго и неумѣреннаго, чего бы Я не могъ имъ дать, не нанеся ущерба интересамъ моихъ подданныхъ въ Имперіи. Исполню всѣ Мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ потакать безпорядкамъ не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требованія, которыя захотѣли-бы на нихъ опереться, сами-бы себя тѣмъ самымъ подкопали, уничтожили-бы всякую довѣренность и встрѣтили-бы съ Моей стороны суровый отпоръ, какъ нѣчто такое, чтò можетъ совратить Государство съ правильнаго пути, коему Я хочу неуклонно слѣдовать» [43]).

Съ прибытіемъ этого отвѣта, Делегація оканчивала свое существованіе. Это стояло въ условіяхъ ея учрежденія. Само собой разумѣется, бѣлой партіи и тѣмъ изъ красныхъ, которые смотрѣли на дѣло умѣренными глазами, хотѣлось, на сколько возможно, продлить ея существованіе. Въ ея спорахъ, въ ея торгахъ и переторжкахъ съ правительствомъ, какими бы они кому ни казались, былъ всетаки толкъ и нѣкоторая польза. Делегаты, такъ-ли не такъ-ли, были дѣйствительнымъ проводникомъ многихъ мыслей общества въ Замокъ, обыкновенно не очень доступный. Они заявляли о разныхъ нуждахъ и потребностяхъ города и края, и голосъ ихъ бывалъ не разъ услышанъ. Они освободили даже нѣсколько арестантовъ, которымъ-бы сидѣть, можетъ статься,

[43]) Напечатано въ Русскихъ газетахъ между прочимъ въ Московскихъ Вѣдом. 1861, № 51, въ особомъ прибавленіи.

долго въ Цитадели и неизвѣстно куда выдти. Делегаты рѣшительно сослужили отечеству службу, и не видѣть этого могъ лишь такой Полякъ, у котораго на глазахъ была красная повязка, кто ничего не видѣлъ, чьи фантазіи рвались за всѣ границы. И потому, все умѣренное старалось охранить Делегацію отъ предстоящей опасности, предстательствовать за нее у Намѣстника, насколько хватитъ силъ; просить оставить это учрежденіе и на будущее время, хотя бы въ измѣненной формѣ, въ видѣ обыкновенныхъ членовъ Магистрата, пока дѣла придутъ въ окончательный порядокъ.

Другая сторона, чисто-красная, революціонная, шумѣвшая по домамъ и въ Ресурсѣ, ничего не видала въ Делегаціи, кромѣ чиновниковъ, посаженныхъ правительствомъ и требовала отъ нихъ невозможнаго: учрежденія манифестацій, постоянной борьбы съ правительствомъ, заявленій самыхъ неслыханныхъ и неестественныхъ. Слышались не рѣдко вопросы: «Кѣмъ Делегація выбрана? почему она величаетъ себя народной! Если имѣется въ виду возстаніе,—за чѣмъ эти странные торги съ правительствомъ, эти констабли, которые иногда помогаютъ правительству хватать агитаторовъ, иначе сказать, истинныхъ слугъ дѣлу и отчизнѣ» [44]).

Были ораторы, которые вскакивали на столы, что-бы лучше быть услышанными, но ихъ тутъ-же, за частую, стаскивали за ноги, при общемъ хохотѣ всей залы.

Крики недовольныхъ Делегаціей въ Ресурсѣ доходили иногда до того, что делегаты высылали изъ среды своей кого нибудь объясняться съ публикой. Этотъ высылаемый бо́льшею частію лгалъ безъ всякой совѣсти, что-бы только успокоить крикуновъ — хоть на тотъ вечеръ. Напримѣръ говорили, что часть членовъ Делегаціи находится на секретномъ совѣщаніи у Намѣстника, обсуждая вмѣстѣ съ нимъ наиважнѣйшіе вопросы—о результатѣ узнаютъ завтра. Въ другой разъ говорили, что все идетъ какъ надо, безпокоиться нечего; заведены сношенія съ Европейскими дѣятелями; средства готовятся.... [45])

По городу, для успокоенія красныхъ, былъ пущенъ между-прочимъ слухъ, что «конституція уже пишется, что этимъ занятъ адвокатъ Августъ Тршетршевинскій».

Такъ хитрили делегаты передъ своими и правительствомъ, чтобы только держаться день за день; такъ невѣрно было ихъ положеніе.

Крайніе безумцы, въ родѣ шайки агитаторовъ Художественной Школы, съ Новаковскимъ и Шахо́вскимъ во главѣ, уставъ воевать съ делегатами на словахъ, вознамѣрились-было распорядиться съ ними по-старопольски, какъ дѣлывалъ блаженной памяти Володковичъ [46]) съ членами трибуна-

[44]) Былъ одинъ такой случай. Умѣренная партія, боясь торжества красныхъ, или вообще вреднаго ихъ вліянія на ходъ заговора, рѣшилась принять противъ иныхъ крайнихъ самыя рѣзкія мѣры. Народнымъ констаблямъ было приказано арестовать одного изъ такихъ безпокойныхъ, Крыжановскаго. Его взяли ночью и привели въ Ресурсу къ делегатамъ. Делегаты, опасаясь отвѣтственности передъ публикой, отправили арестованнаго въ Ратушу, гдѣ онъ былъ судимъ по всей строгости законовъ и сосланъ въ Сибирь. Это всѣхъ взволновало, и подобные аресты уже не повторялись.

[45]) Показанія Ляндовскаго, Янчевскаго и другихъ, а также частные разсказы знакомыхъ автору Поляковъ, бывшихъ тогда въ Купеческой Ресурсѣ.

[46]) Историческій буянъ послѣднихъ дней самостоятельной Польши, другъ Радзивила—Пане-Коханку. Шалости его и неповиновеніе властямъ достигли до такой степени, что онъ былъ

ловъ: разогнать палками. Такъ какъ Ресурса была одно время предоставлена въ полное вѣдѣніе Поляковъ и они дѣлали тамъ что хотѣли, то разумѣется всякое насиліе съ делегатами было возможно. Шахо́вскій, съ кучей разнаго отчаяннаго народа, вооруженнаго палками, ворвался однажды туда и приступилъ къ делегатамъ съ угрозами, называя ихъ прямо «измѣнниками»—zdrajcami kraju,—слово, которое легко срывается съ языка всѣхъ Поляковъ, чуть дойдетъ до патріотическихъ объясненій. Делегаты были въ опасности, но какой-то ораторъ довольно рѣзкаго свойства спасъ ихъ, поведя дѣло круто и тоже назвавъ нападающихъ измѣнниками.

Послѣ этой исторіи Делегація придумала билеты для входа въ Ресурсу и поставила у дверей нѣсколько стражей изъ умѣренныхъ школьниковъ, которые вели себя какъ слѣдуетъ и безъ билета никого не пропускали. [47])

Тогда красные устроили рядъ мелкихъ манифестацій: разбитіе стеколъ, кошачьи музыки, пѣніе гимновъ. Намѣстникъ, уже готовившійся покончить со всей этой комедіей, выпустилъ 16 Марта н. ст. такой приказъ:

«Съ цѣлію положить предѣлъ подстреканіямъ злоумышленниковъ, собирающихъ партіи для устройства манифестацій, въ какомъ бы то ни было видѣ, такъ-какъ манифестаціи сіи неумѣстны и наносятъ вредъ общественному порядку: возбраняются отъ нынѣ всякія сборища на площадяхъ и на улицахъ, имѣющія предметомъ устройство какихъ-либо манифестацій, а равно запрещаются и процессіи, не установленныя обрядами Католической церкви».

«Жители Варшавы! Послушайтесь моего предостереженія; не принуждайте меня употребить прискорбныя мѣры для водворенія порядка вооруженной силой».

«Вмѣстѣ съ симъ полицейскія власти обязуются сообщить таковое предостереженіе всѣмъ жителямъ города, дабы никто не могъ отговариться незнаніемъ».

Делегаты, прочитавъ это, изумились и сочли себя оскорбленными въ томъ смыслѣ, что правительство огласило такой приказъ, не войдя съ ними въ соглашеніе, не посовѣтовавшись.

На другой день, 17 Марта н. ст., встрѣтясь съ генераломъ Паулуччи въ Ресурсѣ (куда онъ ходилъ иногда по приказанію Намѣстника) они спросили его: что́ значитъ вчерашній приказъ о сборищахъ, которыхъ собственно нѣтъ, и которыя правительство силится вызвать провокативными мѣрами?

Сверхъ того было предложено еще нѣсколько вопросовъ; въ особенности делегаты выражали неудовольствіе, что имъ не было дано никакихъ объясненій на замѣчанія, изложенныя въ протоколѣ отъ 7 Марта.

Генералъ объяснилъ что не можетъ дать на это никакого отвѣта въ Ресурсѣ [48]), а проситъ господъ делегатовъ пожаловать завтра въ Ратушу, гдѣ будетъ имъ сообщенъ устный, или пожалуй письменный отвѣтъ.

Вечеромъ того-же дня вице-предсѣдатель Левинскій получилъ отъ генерала Паулуччи такую записку.

«Любезный генералъ!

Что́ касается вчерашняго приказа, честь имѣю увѣдомить васъ, что его сіятельство Намѣстникъ нашелъ нужнымъ огласить оный потому, что до него дошли слухи о существованіи въ городѣ революціонныхъ агентовъ,

---

схваченъ въ Минскѣ и разстрѣлянъ. Мицкевичъ вспоминаетъ объ немъ въ поэмѣ *Панъ Тадеушъ* подъ именемъ Диндолета.

[47]) Показанія Янчевскаго.

[48]) Делегаты, съ полученія Намѣстникомъ втораго письма отъ Государя, не ходили на засѣданія въ Ратушу.

которые стараются тревожить народъ и правительство посредствомъ манифестацій. Кромѣ того, многіе изъ призванныхъ къ отвѣту послѣ грустныхъ событій 25 и 27 Февраля, увѣряли Князя, что имъ вовсе не извѣстно о запрещеніи подобныхъ манифестацій. Касательно же муниципальныхъ учрежденій его сіятельство выразился, что это дѣло уже совсѣмъ окончено».

Левинскій прочелъ эту записку делегатамъ, собравшимся въ Ратушу Паулуччи былъ тутъ же. Они спросили у него: «неужели тутъ все, что́ имъ хотятъ отвѣтить на вопросъ о приказѣ и на другіе вопросы, ими предложенные еще 7 Марта?»

Паулуччи отвѣчалъ, что *тутъ все*,— что́ касается приказа отъ 16 Марта; а завтра они получатъ объясненіе по вопросу о судахъ надъ политическими преступниками.

Въ самомъ дѣлѣ 19 Марта н. ст. имъ было сообщено что-то по этому поводу, но въ какой формѣ, неизвѣстно; протоколъ этого засѣданія представляетъ дѣло явно-искаженнымъ,— въ томъ видѣ, какъ делегатамъ хотѣлось показать его читающей протоколы публикѣ.

Въ заключеніе засѣданія, делегаты просили вновь сообщить Намѣстнику протоколъ ихъ отъ 13 Марта, гдѣ высказаны замѣчанія объ управленіи городомъ. Генералъ обѣщалъ.

Между-тѣмъ мелкія манифестаціи продолжались; кое-кто изъ жителей получилъ анонимныя письма, исполненныя ругательствъ, и кромѣ того былъ распространенъ повсюду печатный *списокъ подозрительныхъ лицъ,* которымъ народныя власти совѣтовали уѣзжать, по добру - по здорову, за границу.

Намѣстникъ приказалъ спросить у делегатовъ: кто это шалитъ? Они, конечно, знали, кто; но отвѣчали, какъ и надо было предвидѣть, что не знаютъ, что принимали мѣры къ отысканію виновныхъ, но никого не найдено.

Болѣе другихъ умѣренный, редакторъ Варшавскаго Курьера Кучъ, имя котораго нѣсколько времени стояло въ спискѣ делегатовъ, боясь, чтобы всѣ эти шалости не вызвали какого-либо суроваго распоряженія со стороны правительства въ минуту, когда оно дѣйствительно готовило реформы, рѣшился помѣстить на своихъ столбцахъ увѣщательную статью, но возбудилъ ею почти всеобщее противъ себя негодованіе и насилу поправилъ потомъ свою репутацію.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, изъ городскихъ манифестацій, изъ поведенія делегатовъ, ясно было настроеніе массы. Надѣяться ни на кого было нельзя. Въ виду катастрофы, могущей быть при появленіи на политической сценѣ маркиза Велепольскаго (прибывшаго въ Варшаву около 20 Марта), изъ Петербурга вызванъ генералъ съ извѣстнымъ боевымъ именемъ. Варшава раздѣлена на четыре военныхъ *отдѣла,* съ особымъ военнымъ начальникомъ въ каждомъ.

1-мъ отдѣломъ (цыркула: 1-й, 2-й-до эспланады Цитадели и 11-й до Трембацкой и Беднарской улицъ со включеніемъ Примасовскаго палаца, театральной площади и Ратуши)—назначенъ завѣдывать генералъ—лейтенантъ Хрулевъ.

2-мъ отдѣломъ (цыркула: 3-й, 4-й, 5 и 6-й, со включеніемъ зданій и площади Банка, изъ 7-го цыркула)— генералъ-лейтенантъ Веселицкій.

3-мъ отдѣломъ (цыркула: 7-й, 10-й и 11-й, за исключеніемъ изъ 7-го и 11-го того, что́ отходило къ 1-му и 2-му отдѣламъ)-генералъ-лейтенантъ Мельниковъ.

4-мъ отдѣломъ (цыркула: 8-й и 9-й) генералъ-адъютантъ Мерхелевичъ.

Сверхъ того, по распоряженію главнаго директора Коммисіи Внутреннихъ дѣлъ, разосланы ко всѣмъ граж-

данскимъ губернаторамъ особые циркуляры о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ, какъ административныхъ, такъ и полицейскихъ.

Генералъ-маіоръ князь Бебутовъ, бывшій командиръ Мусульманскаго полка, отправленъ внутрь края, закрывать возникшія въ разныхъ пунктахъ провинціальныя делегаціи.

Нечего говорить, что делегаты гор. Варшавы встревожились всѣмъ этимъ еще больше, нежели приказомъ Намѣстника отъ 16 Марта. Они высказали, на засѣданіяхъ 20 и 21 Марта н. ст., много разныхъ замѣчаній своему предсѣдателю, но онъ ихъ уже плохо слушалъ.

А 22-го Намѣстникъ, пригласивъ къ себѣ господъ: Левинскаго, Кронеберга, Шленкера и Розена, отблагодарилъ, въ лицѣ ихъ, Делегацію за службу и объявилъ, что она въ томъ видѣ, какъ существовала до сихъ поръ, существовать уже не будетъ, а замѣнится временнымъ учрежденіемъ особаго *отдѣла делегатовъ изъ восьми членовъ*, которые будутъ засѣдать при городскомъ магистратѣ, съ тѣми самыми аттрибутами, какими пользовалась Делегація изъ 24 членовъ.

Выслушавъ это, приглашенные отправились въ Ресурсу объявить товарищамъ волю Намѣстника, а за тѣмъ, всѣмъ составомъ, собрались въ Ратушѣ, гдѣ написали проектъ, какимъ образомъ слѣдуетъ управлять въ странѣ, которую они знаютъ лучше, нежели Русскіе. Это была какъ-бы диктовка удаляющагося со сцены народнаго правительства новому правительству, съ Велепольскимъ во главѣ: какъ оно должно себя вести, за какіе порядки прежде всего ухватиться. Это былъ послѣдній вздохъ умирающей Делегаціи. Имя Велепольскаго уже раздавалось всюду.

На другой день, 23 Марта н. ст., Варшава прочла въ разныхъ газетахъ, что Делегація упраздняется, а на мѣсто бывшаго Варшавскаго учебнаго Округа и Духовнаго Отдѣла при Коммисіи Внутреннихъ дѣлъ учреждается Коммиссія Вѣроисповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, гдѣ Главнымъ Предсѣдательствующимъ Директоромъ будетъ графъ Александръ Велепольскій маркизъ Гонзага Мышковскій.

ТРЕТЬЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. П. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. П. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ, съ предис. *Ев. Ев. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА
ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (15) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*):

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле*, написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й* или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова*, съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги—«Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой—2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой—по 3 р. Пересылка каждой—за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ первыя восемъ лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, составляютъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства—*въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ и нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи—**2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

4 и 5. 1871.

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей, выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія, съ пересылкою — семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ „ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ."

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ*).

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*, съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *М. Д. Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графъ Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка".

ЖИЗНЬ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА

(имъ самимъ писанная).

Записки эти, представляющія правдивый и умный разсказъ одного изъ младшихъ „птенцовъ Петра Великаго" о его многополезной жизни, писаны по большой части уже въ старости. Но очевидно, что въ основу ихъ легли замѣтки, сдѣланныя Неплюевымъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ описываемыхъ событій; такъ напримѣръ, все пребываніе его за границей и непродолжительная служба его во флотѣ изложены имъ въ формѣ почти поденнаго журнала, который и былъ веденъ имъ въ свое время (см. ниже, стр. 590); напротивъ того, дипломатическая служба Неплюева разсказана съ краткостью, заставляющею предполагать, что эта часть автобіографіи обработана имъ лишь по истеченіи многихъ лѣтъ послѣ описываемыхъ событій. Слѣды такой позднѣйшей обработки прямо указываются нѣкоторыми выраженіями; такъ напримѣръ, разсказавъ подъ 1730 годомъ о рожденіи своей дочери Анны и подъ 1731 г. о рожденіи сына Николая, Иванъ Ивановичъ прибавляетъ, что дочь его находится замужемъ за президентомъ коммерцъ-коллегіи Лунинымъ, а сынъ состоитъ сержантомъ въ кадетскомъ корпусѣ, и за тѣмъ поясняетъ, что эти указанія внесены въ Записки въ 1750 году.

Неплюевъ довёлъ Записки свои до послѣдняго года жизни и заключилъ ихъ трогательнымъ прощальнымъ предъ смертью письмомъ къ сыну. Затѣмъ, кто-то изъ лицъ, близкихъ къ Ивану Ивановичу и присутствовавшихъ при его послѣднихъ дняхъ, присовокупилъ къ его автобіографіи извѣстіе объ его кончинѣ. Можетъ быть, авторъ этой приписки былъ извѣстный И. И. Голиковъ, жившій при Неплюевѣ въ послѣдніе годы его жизни. Въ XVII томѣ своихъ „Дополненій къ Дѣяніямъ Петра Великаго" Голиковъ же привелъ и нѣсколько разсказовъ о Петрѣ, слышанныхъ имъ отъ Неплюева, сообщивъ извлеченіе изъ его автобіографіи, и наконецъ, помѣстилъ нѣсколько собственныхъ воспоминаній о почтенномъ старикѣ [1]). Эти воспоминанія мы сочли небезполезными перепечатать въ приложеніи къ автобіографіи Неплюева.

Послѣ извлеченія Голикова, вышедшаго въ свѣтъ въ 1796 г., болѣе полное (и единственное доселѣ) изданіе Записокъ Неплюева появилось въ „Отечественныхъ Запискахъ" П. П. Свиньина [2]). Но и въ этомъ изданіи текстъ Записокъ подвергся сокращеніямъ частію со стороны цензуры, частію по волѣ самаго издателя. Притомъ же, не смотря на увѣреніе издателя, что онъ не сдѣлалъ „ни малѣйшей перемѣны въ семъ образчикѣ стариннаго повѣствовательнаго слога", извѣстная издательская небрежность Свиньина внушала сомнѣніе въ точномъ воспроизведеніи имъ подлиннаго текста автобіографіи. Сличивъ изданіе Свиньина съ рукописью Записокъ, мы имѣли возможность убѣдиться до нѣкоторой степени въ справедливости этого опасенія, а также и въ томъ, что въ „Отечественныхъ Запискахъ" пропущено нѣсколько любопытныхъ мѣстъ противъ рукописнаго текста. Настоящее изданіе представляетъ текстъ Записокъ во всей его полнотѣ.

Рукопись, которою мы пользовались, принадлежитъ Императорской Академіи Наукъ, куда поступила изъ Академіи

---

[1]) Доп. къ Дѣян. П. В. XVII стр. 74—79, 204—208, 293-294, 311—312, 352—353, 375—382, 397—399 и 416—447.

[2]) 1823 ч. XVI, № 43, стр. 169—197 и № 44, стр. 436—446; 1824 ч. XIX, № 51, стр. 101—108 и № 52, стр. 226—250: ч. XX, № 54, стр. 105—126; 1825 г. ч. XXI, № 59, стр. 428 443; ч. XXII, № 64, стр. 189—203 и № 65, стр. 347—365; ч. XXIV, № 67, стр. 263—293; 1826 г., ч. XXV, № 71, стр. 468—496.

Россійской [1]). Едва ли это не та самая рукопись, которою пользовался и Свиньинъ; такъ по крайней мѣрѣ можно думать потому, что нѣкоторыя очевидныя описки академической рукописи воспроизведены и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Рукопись Академіи составляетъ переплетенную тетрадь, форматомъ въ листъ; она писана почеркомъ конца прошлаго вѣка, одною рукою, со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ. Другимъ почеркомъ и другими чернилами сдѣланы въ ней, какъ бы вслѣдствіе сличеній съ оригиналомъ, поправки, которыя однако не устраняютъ всѣхъ недоразумѣній, причиненныхъ невѣжествомъ перваго писца. Этою же позднѣйшею рукою надписано и заглавіе автобіографіи; оно было принято Свиньинымъ и удержано нами, хотя и не принадлежитъ самому Неплюеву. Намъ пришлось поправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очевидныя ошибки писца и вообще установить въ текстѣ правописаніе, при чемъ однако мы удержали нѣкоторыя фонетическія особенности рукописнаго текста. Сличеніе рукописи съ извлеченіемъ Голикова указало намъ у послѣдняго нѣсколько любопытныхъ разнорѣчій, произшедшихъ, безъ сомнѣнія, отъ того, что Голиковъ пользовался другимъ спискомъ Записокъ. Эти разнорѣчія приведены нами въ примѣчаніяхъ; но такъ какъ Голиковъ сокращалъ подлинникъ и очевидно измѣнялъ мѣстами его слогъ, то мы и не сочли нужнымъ приводить всѣ разнорѣчія Голиковскаго извлеченія. Было высказано замѣчаніе, что языкъ Записокъ Неплюева у Свиньина, за исключеніемъ немногихъ Славянскихъ словъ и нѣкоторыхъ выраженій, мало напоминаетъ время, въ которое жилъ ихъ авторъ [1]). Въ настоящемъ изданіи устранены стилистическія поправки Свиньина (впрочемъ не слишкомъ многочисленныя), но и за всѣмъ тѣмъ, языкъ Записокъ не имѣетъ колорита Петровской эпохи: это потому, что Записки писаны большею частію уже во второй половинѣ XVIII вѣка.

Въ заключеніе, считаемъ долгомъ напомнить, что еще при жизни Неплюева было напечатано подробное извѣстіе объ административной дѣятельности его въ Оренбургскомъ краѣ до 1750 г. Мы разумѣемъ сочиненіе П. И. Рычкова „Оренбургская исторія“, изданное въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ Миллера, за 1759 годъ. Если мы не воспользовались этимъ любопытнымъ сочиненіемъ для примѣчаній къ той части Записокъ Неплюева, въ которой говорится о томъ же предметѣ, то лишь потому, что разсказъ Рычкова гораздо подробнѣе, чѣмъ повѣствованіе Неплюева.

Л. Майковъ.

Сентябрь 1870 года.

ЗАПИСКИ НЕПЛЮЕВА.

Родился я, Иванъ Неплюевъ въ 1693-мъ году, ноября 5-го числа, въ воскресенье по утру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадищѣ Наволокѣ.

По неудачномъ подъ Нарву приступѣ, отецъ мой Иванъ Никитичь, бывъ при ономъ случаѣ на службѣ и возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ которой болѣзни въ 1709-мъ іюля 10-го умеръ съ среду по утру на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по

[1]) Рукопись эта была обязательно сообщена намъ академикомъ А. А. Куникомъ, которому считаемъ долгомъ выразить нашу признательность.

[1]) Мнѣніе П. П. Пекарскаго въ его статьѣ «Русскіе мемуары XVIII вѣка», въ Современникѣ 1855 г., т. L, отд. II, стр. 65.

себѣ одного меня, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моей, 1711-го года сентября 9-го дня въ воскресенье, на племянницѣ родной Новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712-мъ году августа мѣсяца 19-го дня во вторникъ, родился мнѣ сынъ, Адріанъ, въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ [1]).

Въ 1713-мъ, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою беременну, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь.

Въ 1714-мъ году, іюля 14-го дня, въ четвертокъ родилась въ мое отсутствіе дочь Марья [2])

1715-го марта въ первыхъ числахъ возвратился я въ домъ свой и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ взятъ на службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики [3]).

Того жь года іюня въ 29-й день присланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбравъ 84 человѣка изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которой учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были оберъ-комендантъ Кирила Алексѣевичь Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичь Титовъ.

Въ томъ же 1715-мъ году, мая 4-го дня, во вторникъ умерла въ отсутствіе мое мать моя Марѳа Петровна, по отцѣ изъ фамиліи князей Мышецкихъ, отъ рожденія своего 43-хъ лѣтъ.

Того же года, октября 1-го дня, по присланному указу, перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ, которой школы былъ содержателемъ Французъ Баро; оная была подъ вѣдѣніемъ адмирала Ѳеодора Матвѣевича Апраксина и генералъ-маіора и оберстеръ-кригскомиссара Григорья Петровича Чернышева; потомъ она поручена была Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человѣкъ [1]).

1716-го, по указу царскаго величества велѣно выбрать изъ той шко-

---

[1]) Который отъ рожденія своего на 38-мъ году, будучи статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Константинополѣ, въ 1750-мъ году, ноября 8-го дня скончался. *Примѣчаніе Неплюева.*

[2]) Которая, бывъ въ замужствѣ за вицъ-адмираломъ Римскимъ Корсаковымъ, оставшись послѣ его вдовою, въ 1769-мъ году скончалась. *Прим. Неплюева.*

[3]) Въ той же партіи дворянскихъ дѣтей, высланныхъ для обученія, находился и Семенъ Ивановичь Мордвиновъ, въ послѣдствіи адмиралъ (1701—1777 гг); см. его „Записки, Спб. 1868 г., стр. 9. Начиная отсюда и до того времени, когда Неплюевъ, въ началѣ 1717 г., былъ отправленъ съ товарищами въ Венецію, а Мордвиновъ во Францію, Записки того и другаго описываютъ одни и тѣ же событія.

[1]) По сличеніи этихъ данныхъ съ извѣстіями о начальномъ образованіи морской академіи (нынѣшняго морскаго корпуса), обнаруживается несомнѣнно, что Неплюевъ говоритъ здѣсь не о частной школѣ Француза *Баро*, а именно объ академіи морской гвардіи, основанной по указу 1-го октября 1715 г., при чемъ директоромъ ея былъ назначенъ Французъ *баронъ* Сентъ-Илеръ, подававшій о томъ проектъ еще въ 1713 г. (см. Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса, сост. Ѳ. Веселаго. 1852 г., стр. 37 и слѣд.) Мордвиновъ, въ своихъ Запискахъ (стр. 9-10) именно говоритъ: „Въ октябрѣ того жь 1715 года именнымъ указомъ, взяты всѣ (ученики) въ С. Петербургъ, какъ изъ Нарвы, такъ и изъ Ревеля таковые жь, бывшіе тамъ, и опредѣлены въ академію съ прибавленіемъ нѣсколько изъ Москвы, съ Сухаревой башни. *И съ того времени въ С. Петербургѣ началася академія*". Новыя извѣстія о состояніи академіи въ первые года ея существованія см. у Соловьева, Исторія Россіи, т. XVI, стр. 308 и слѣд.

лы 20 человѣкъ [1]) и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей. А жена моя осталась беременною и 1-го числа родила сына Ивана.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны порусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяцъ по 2 рубли по 40 копѣекъ; порція жъ производилась намъ: сухарей по 2 пуда по 10-ти фунтовъ каждому, гороху по 15 фунтовъ кругъ по 15 фунтовъ, соли 2 фунта съ четвертью; муки ржаной на квасъ одинъ четверикъ, вина 25 чарокъ, уксусу полторы кружки, рыбы вялой по 6 фунтовъ, ветчины по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архангела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ Англичанинъ Рю, а со мною на томъ же кораблѣ были гардемарины: Василій Квашнинъ-Самаринъ, Василій Татищевъ [2]), Семенъ Дубровскій, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Мордвиновъ, Ѳеимъ Цымермановъ, Петръ Кашкинъ, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ и Алексѣй Арбузовъ. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу $16\frac{1}{2}$ футъ, матросовъ на немъ было 300, солдатъ 200 человѣкъ.

Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани.

Въ маѣ 19-го числа [1]) выступили въ походъ подъ командою капитана-командора Сиверса къ Копенгагену.

29-го числа того жъ мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена.

Іюня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцевъ съ указомъ, дабы флоту неотмѣнно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ, а въ сей эскадрѣ находились корабли слѣдующіе: *Ингермоландія*, *Екатерина*, *Полтава*, *Михаилъ*, *Гавріилъ*, *Рафаилъ*, *Фортуна*, *Арендель*, *Илія*, *Напедофъ*.

Іюля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь, и того жъ числа соизволилъ пріѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

19-го числа пріѣзжалъ къ намъ вторично и, сѣвъ на корабль *Ингермоландію*, поплылъ весь флотъ ближе къ Копенгагену, и стали на якорѣ противъ онаго, а тамъ же уже находилось 12 новыхъ нашихъ кораблей, пришедшихъ отъ города Архангельскаго, гдѣ оные прибытія нашей эскадры ожидали [2]). Въ то жъ время тутъ же на рейдѣ были 6 голандскихъ военныхъ кораблей при ихъ командирѣ и 15 англійскихъ при

[1]) У Голикова: „изъ насъ тридцать человѣкъ, да изъ Нарвской школы двадцать четыре человѣка.“ У Мордвинова также показано 30 человѣкъ („Записки“, стр. 10).

[2]) На основаніи этого упоминанія о *Василіи Татищевѣ*, Бантышъ-Каменскій, въ своемъ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“, 1847 г., III, стр. 401—403, предполагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ Василіи Никитичѣ Татищевѣ, извѣстномъ администраторѣ и писателѣ прошлаго вѣка. Предположеніе это вполнѣ убѣдительно опровергнуто г. Н. Поповымъ въ его книгѣ: „В. Н. Татищевъ“ (стр. 537). Упомянутый Неплюевымъ, Василій Татищевъ предназначался Петромъ къ морской службѣ, и дѣйствительно извѣстно о существованіи Записокъ *капитанъ-командора* Татищева, принадлежащихъ ко времени Анны Іоанновны („см. Русскій Музеумъ“ Свиньина, Спб. 1829, стр. 126).

[1]) У Мордвинова (стр. 10): апрѣля 23-го

[2]) *Гдѣ* относится къ „тамъ же“; т. е. суда ожидали въ Копенгагенѣ.

ихъ адмиралѣ и множество купеческихъ.

Августа 5-го дня его царское величество повелѣлъ на кораблѣ своемъ поднять императорскій штандартъ, при чемъ съ того жь корабля выпалено изъ 27 пушекъ; равные жь сему выстрѣлы и со всѣхъ нашихъ кораблей производились, чему послѣдовали какъ датскіе, такъ англинскіе и голанскіе военные корабли. И всѣ наши, какъ и иностранныхъ націй военные и купеческіе корабли выступили отъ Копенгагена въ походъ, подъ командою его царскаго величества. Доплывъ до Борнгольма, бросили якори, откуда голанскіе военные и торговые корабли отпущены въ Ревель.

Того жь Августа 14-го дня повелѣлъ его царское величество снять императорскій штандартъ и, выпаливъ притомъ изъ одной пушки, возвратился на кораблѣ *Ингермоландія* въ Копенгагенъ, а въ конвоѣ за нимъ отправились корабли *Фортуна* и *Арендель*; прочіе жь наши корабли перешли подъ шведскій берегъ и стояли при ономъ до 2-го числа Сентября, котораго прислано повелѣніе всѣмъ нашимъ кораблямъ приближаться къ Копенгагену.

28-го числа того жь мѣсяца его царское величество, будучи на кораблѣ *Ингермоландіи*, изволилъ смотрѣть всѣхъ насъ, гардемариновъ, и выбралъ для посылки въ Венецію (въ числѣ коихъ находился и я, Неплюевъ) 30 человѣкъ для обученія мореплаванія на галерахъ [1]), да во Францію для обученія мореплаванію на корабляхъ 20 человѣкъ, туда жь для обученія архитектуры 4 человѣка.

29-го числа перевезли всѣхъ насъ, выбранныхъ съ кораблей, въ Копенгагенъ, гдѣ его величество повелѣлъ послу своему, князю Василью Лукичу Долгорукому, выдать намъ на дорогу по 6-ти ефимковъ сверхъ прежняго жалованья и отправить въ Амстердамъ; а самъ изволилъ отбыть, и съ ея величествомъ государынею царицею, въ Голандію.

Августа [1]) въ послѣднихъ числахъ отшедшіе отъ нашего флота голандскіе корабли возвратились обратно изъ Ревеля, почему мы 2-го числа октября отправлены флота того къ командору, именуемому Граве, кототорый находился на военномъ кораблѣ *Бутлеръ*, а тотъ былъ о 64-хъ пушкахъ. Командоръ приказалъ насъ раздѣлить по всѣмъ своимъ кораблямъ; я достался на корабль 52-хъ пушечный *Браколъ*; капитанъ на томъ кораблѣ назывался Флознекъ, а всѣхъ людей было 270-ть человѣкъ, и съ офицерами.

14-го числа отплыли мы въ море 20 миль, а потомъ, за противнымъ вѣтромъ, стали на якорѣ, близь датскаго берега и противъ шведскаго города Готенбурга, гдѣ простоявъ трои сутки, принуждены были назадъ поворотиться къ Гельзенгеру (а между тѣмъ шведскій каперъ взялъ въ полонъ 3 купеческія голандскія судна), гдѣ мы простоявъ до 26-го числа и, не надѣясь получить способнаго вѣтра, послали отъ нашей компаніи Петра Салтыкова [2]) въ Копен-

---

[1]) У Голикова въ примѣчаніи названы „сіи 30 человѣкъ"; но этотъ перечень очевидно, не принадлежитъ Неплюеву, ибо въ немъ, въ числѣ посланныхъ въ Венецію, показаны и такіе (напримѣръ С. Мордвиновъ), которые были отосланы во Францію.

[1]) Въ рукописи: „октября". Исправлено согласно показанію подъ 5-го августа 1716-го года. Отсюда жь видно, что выраженіе „въ послѣднихъ числахъ" не совсѣмъ вѣрно.

[2]) Петръ Семеновичь, въ послѣдствіи фельдмаршалъ и побѣдитель Фридриха Великаго при Кунерсдорфѣ (род. 1700 г., ум. 1772 г.);

гагенъ просить отъ посла дозволенія ѣхать въ Голандію сухимъ путемъ, что̀ намъ было дозволено, съ тѣмъ, чтобъ ѣхали, буде желаемъ, на своемъ коштѣ. Будучи на голандскихъ корабляхъ платили мы за пищу каждый на недѣлю по полтора ефимка, а за порцію выдано намъ было деньгами.

27-го числа перебрались мы съ кораблей на берегъ и, получивъ пашпортъ, выѣхали изъ Копенгагена на почтѣ. На канунѣ жь нашего отъѣзда бѣжалъ отъ насъ одинъ изъ нашихъ товарищей, Кастюринъ, въ датскую службу, въ солдаты. На каждой почтовой фурѣ сидѣло насъ по 4 человѣка и, уговорясь съ датскимъ почтмейстеромъ, заплатили ему до Гамбурга по 15-ти рейхстареловъ съ каждаго, съ тѣмъ, чтобъ какъ довезти до онаго города, такъ и въ пути кормить въ сутки по однажды, а за постой и ни за какіе другіе расходы болѣе ничего не требовать. Путь нашъ былъ черезъ Гольтшинію.

Въ Гамбургъ прибыли мы 11-го числа того жь мѣсяца. Въ Гамбургѣ за квартиры платили мы на сутки каждый по двѣ гривны и, нанявъ тутъ подводы до Амстердама, съ каждаго человѣка по 12 ефимковъ, кромѣ пищи, выѣхали 15-го числа.

Въ Амстердамъ прибыли мы декабря 27-го числа и немедленно явились у его царскаго величества.

1717 года генваря съ 1-го числа соизволилъ онъ опредѣлить намъ на каждаго человѣка кормовыхъ денегъ по червонному на недѣлю, которыхъ денегъ намъ на пищу и довольно было, а за квартиру платили мы каждый на недѣлю по 20 алтынъ. При его величествѣ тогда въ Амстердамѣ были министры: Гаврила Ивановичь Головкинъ, Петръ Андреевичь Толстой, Петръ Павловичъ Шафировъ, посолъ князь Борисъ Ивановичь Куракинъ, генералъ-лейтенантъ и кавалеръ князь Василій Володиміровичь Долгорукій, генералъ-лейтенантъ же Иванъ Ивановичь Бутурлинъ, его царскаго величества кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ, да Московскаго денежнаго двора комисаръ Тимоѳей Тимоѳеевъ сынъ Левкинъ, а по простому прозванію Топоръ, а былъ онъ для продажи государевыхъ припасовъ.

Февраля 8-го числа послано насъ въ Венецію 27 человѣкъ, и двухъ изволилъ оставить въ Амстердамѣ, а третій, Иванъ Воробьевъ, въ Амстердамѣ умеръ. На дорогу дано намъ по 25 червонныхъ каждому, съ нами посланъ указъ къ агенту въ Венецію, за рукою Шафирова, и паспортъ, за рукою агента Фандебурга.

Въ Венецію прибыли мы 23-числа, издержавъ въ пути каждый на всѣ расходы и на пищу по 24 червонныхъ, — гдѣ явились у господина агента Петра Ивановича Беклемишеea [1]) А въ то же время въ Венеціи находился его царскаго величества тайный совѣтникъ Савва Владиславовичь Рагузинскій [2]).

см. статью *И. Г. Устрялова*: „О навигаторахъ и гардемаринахъ Петра Великаго“, въ „Торжеств. собраніи Имп. Академіи Наукъ 29-го Дек. 1765 г. стр. 68 и д.

[1]) Агентъ Беклемишевъ, изъ дворянъ, извѣстенъ переводомъ сочиненія Анастасія Наузензія „Ѳеатронъ или зерцало монарховъ“, напечатаннымъ въ 1710 г. въ Амстердамѣ. По догадкѣ г. Пекарскаго („Наука“ и литература при Петрѣ В.“ I, стр. 253), Беклемишевъ учился за границей; изъ словъ Неплюева (подъ 1719 г.) видно, что онъ былъ женатъ на иностранкѣ.

[2]) По случаю посылки навигаторовъ, Петръ писалъ къ нему слѣдующее: „Понеже рѣчь посполитая Венецкая обѣщала принять въ свою морскую службу нашихъ молодыхъ дворянъ, для того посылаемъ нынѣ въ Венецію 27 человѣкъ, которымъ исходатайствуй-

Мая 10 дня Венеціянская республика, по старанію его, агента, опредѣлила насъ въ свою службу, и данъ намъ былъ указъ въ опредѣленіи во флотъ генералъ-капитану, съ коимъ насъ къ оному и отправили [1]). На пищу въ пути далъ намъ агентъ 20 цехиновъ.

Мая 30 числа прибыли мы въ Корфу [2]), и тутъ на имя агента заняли у Грека Арсенія Квартана 80 цехиновъ.

Іюня 1-го дня подали мы отъ республики Венеціянской указъ генералъ-капитану, который по прочтеніи онаго объявилъ намъ, что онъ прикажетъ принять насъ на галеры по два человѣка, и чтобъ мы дали ему извѣстіе, кто съ кѣмъ на галерѣ быть желаетъ; почему я и опредѣленъ на галеру, именуемую *Жентела*, съ Васильемъ Татищевымъ, а изъ нашей компаніи три человѣка: Шипиловъ, Аничковъ и Абрютинъ, остались на галерахъ. Въ *Жентель* пушекъ было 21, веселъ 50, кондонадовъ [3]), скованныхъ для гребли, было 200; матросовъ 15 человѣкъ; на ней же одинъ писарь, который былъ вмѣсто комисара, лѣкарь одинъ, унтеръ-офицеровъ морскихъ 2, комитъ 1, паронъ 1, песта 1, подкомитъ, паронцинъ 1, капо-да-школя 1, который имѣлъ команду надъ кондавадами, солдатъ Италіянцевъ 64 человѣка, при нихъ капитанъ 1, подноручикъ 1, прапорщикъ 1, Славянъ 18 человѣкъ, при нихъ два прапорщика. Флотъ состоялъ изъ 19 галеръ венеціянскихъ, 9 галіотовъ, 6 фустъ, 4 бригантинъ; папежскихъ галеръ было 4, малтійскихъ 5, флорентинскихъ 2 галеры; малтійскій генералъ шелъ съ своими по правую сторону генералъ-капитана, а венеціянскія галеры по лѣвую. Сверхъ того, при нашемъ флотѣ было португальскихъ 7 кораблей, малтійскихъ 2, венеціянскій 1. О вояжѣ нашемъ, бывшемъ въ семъ походѣ, описано мною пространнѣе въ особомъ журналѣ.

1718-го Генваря 10 князь Михайла княжъ Андреевъ сынъ Прозоровской бѣжалъ отъ насъ съ іеромонахомъ Филиппомъ, монастыря святаго Павла, бывшимъ въ Корфу для собиранія милостыни, въ Аѳонскую гору. Черезъ нѣкоторое время вышедшій изъ турецкаго плѣна Россіянинъ Яковъ Ивановъ и бывшій въ той Аѳонской горѣ, отдалъ намъ отъ него, Прозоровскаго, письмо слѣдующаго содержанія:

«Мои государи, предражайшіе братія и други! Понуждающая мя ревность моя до васъ и не оставляетъ усердія сердца моего любви вашей и пріятности, сущія являемыя многія въ прешедшую довольную бытность мою завсегда съ вами конечномъ, удостойте забвенію сице нынѣ Господу моему тако Своими праведными судьбами изволившу устроити о моемъ недостоинствѣ; обаче отъ горячести любви моея къ вамъ понудихся при отшествіи моемъ отъ васъ и отлученіи сопребыванія васъ, моихъ предражайшихъ друговъ, сію малую хартію начертати, не яко да оскор-

---

не заранѣе указъ, чтобы ихъ употребили въ свою службу на галерахъ, а не на кораблях, и чтобы они раздѣлены были, какъ для ученія языка, такъ и для лучшей практики навигаціи, по разнымъ судамъ, а именно на каждое судно по одному человѣку, и чтобъ ихъ сперва производили отъ нижняго чину" (см. вышеуказанную статью г. *Устрялова*, стр 69).

[1]) У Голикова: „венеціянскую галерную службу, и посланы были отъ республики съ указомъ на галерѣ, къ генералъ-капитану Пизани, во флотъ, находившійся въ Корфу".

[2]) Тамъ же: „а тогда между республикою и Портою была война".

[3]) Condannado, *осужденный колодникъ*.

битеся о мнѣ, но любовь да познаете, юже имѣхъ къ вамъ; васъ же молю любезно и прошу Самимъ Господемъ моимъ, да устроите тако и исполните всѣ, яко же при семъ конечная и послѣдняя моя всепокорная просьба до васъ явилась. Егда Господу содѣйствующу и по воли Его Божеской благоволите получить нѣколикое число денегъ ко мнѣ отъ отца моего; пожалуйте сотворите знаменіе совершенныя любви вашея со мною и не токмо ради моея сея до васъ просьбы, яо за любовь Бога, всѣхъ заповѣдавшаго другъ друга преискреннѣе любити и обѣщавшаго Самому между оныхъ пребывати и любви Его совершенной быти въ насъ; аще ту заповѣдь Его и заочно соблюдаемъ ко другу, вѣмъ, яко угодное Ему въ томъ будемъ творити, за что оное мое слово повторяю и прошу: не точію меня ради самаго, но и требующа сотворити милость въ томъ святому монастырю преподобнаго отца Павла Аѳонскаго, котораго молитвами да даруетъ вамъ Господь всемилостивый во всемъ богатую Свою милость. А наипаче всѣхъ тебя прошу о томъ, мой государь и прелюбезный другъ Семенъ Леонтьевичь, изволь по своей ко мнѣ являемыя прежнія любви и сущія пріятности оныя мои деньги препроводити, улуча нѣкій благопріятный случай съ приключающимися нѣкоторыми корабельники, хотящими путь свой имѣть до нашихъ Святыя Аѳонскія горы, а наибольше согласясь о той посылкѣ съ Яковомъ, который вамъ сіе письмо мое вручитъ; а онъ, надѣюсь, въ томъ вашей милости учинитъ помощь совершенную во ономъ. О деньгахъ такъ же прошу все по росписи моей, которую я дамъ ему за деньги его; по той упомянутой все пожалуйте ради самаго Бога, не задержавъ ничего отъ того, соизволите отдать, въ чемъ на вашу милость и пріятность остаюсь во благой надеждѣ. О мнѣ жь всепокорно молю, да не возъимѣсте яковую скорбь, или сомнѣніе о мнѣ, понеже бо отлучихся отъ всѣхъ васъ безъ всякаго вашего о томъ совѣта, хотящему всѣмъ человѣкамъ спастися сицевымъ образомъ, и о мнѣ содѣявшу, да не вящше вамъ скорбь на скорбь очевиднымъ разлученіемъ съ вами и нѣкоторымъ сѣтованіемъ, но сугубо прошу и усердіемъ моего сердца молю купно всѣхъ моихъ предражайшихъ друговъ и прелюбезныхъ клевретъ. А аще кого въ чемъ оскорбилъ или прогнѣвалъ кого изъ васъ буйствомъ моимъ и невѣжествомъ во время моего пребыванія съ вами, да оставите ми весь оный долгъ мой за послушаніе и за исполненіе глаголющаго: «остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ». При всѣхъ сихъ препоручая васъ Богу, въ Троицѣ единому, изливающему благодать Свою изобильно на вся человѣки, Который есть всевидящее око; а еще провидя коегождо человѣка ревность и желаніе ко благу отъ младенства суще, устроеть по судьбамъ Своимъ праведнымъ, оное ко исполненію и совершенію во время Своея къ тому содѣйствительныя божественныя воли содѣвати, якоже и нынѣ и на мнѣ сотворивъ, не отринувъ прошенія моего и всегдашняго сердца моего желанія, не лишивъ мя, на Него же и во всемъ и во вѣки уповаю и благодарю Его симъ о мнѣ неизрѣченную отеческую благость, желаю вамъ всѣмъ, при окончаніи моего писанія сего, отъ Господа во многія лѣта во благосостоятельномъ здравіи пребывати, и дабы Царь царствующихъ и Господь господствую-

щихъ сподобилъ васъ коегождо во изрядномъ веселіи присныхъ своихъ родителей, по возвращеніи вашемъ въ отечество, лицемъ къ лицу видѣти, и въ радостномъ пребываніи завсегда быти, при которомъ моемъ до васъ желаніи сущемъ остаюся препокорнымъ къ вамъ, моимъ милостивымъ пріятелямъ и прелюбезнымъ друзьямъ, слугою князь Михайло Прозоровской, а Богу соизволившу во иноцѣхъ недостойный Сергій, должное мое поклоненіе купно всѣмъ вамъ пресмиренно отдаю».

О всемъ вышеписанномъ донесли мы господину агенту Беклемишеву.

17-го числа увидили мы изъ печатныхъ авизій [1]), что государь царевичь Алексѣй Петровичь поѣхалъ изъ Неаполя въ Петербургъ.

23-го Февраля фельдмаршалъ на галерѣ *Дунаь* поѣхалъ отъ Корфу въ Превезу.

Марта 4 числа на первомъ часу дня нашли мы на улицѣ россійскаго гардемарина Василья Өедоровича Квашнина-Самарина заколота шпагою, а кто его закололъ, того хотя никто и не видѣлъ, но явились многія прилики на нашемъ же гардемаринѣ Алексѣѣ Аөанасьевѣ сынѣ Арбузовѣ. И по тѣмъ приликамъ я, Иванъ Неплюевъ, со всѣми своими товарищали, его, Арбузова, отдали подъ караулъ и донесли о семъ генералъ-капитану; почему онъ приказалъ Арбузова отвезтѣ на галеру и, сковавъ въ желѣзо, держать подъ карауломъ, а нашъ словесный извѣтъ записать въ канцеляріи. Тѣло убитаго Самарина погребли мы въ тотъ же день при церкви Святаго Спиридона; а потомъ Арбузовъ былъ допрашиванъ и осматриванъ; а что въ допросахъ онъ и другіе показали, и въ коей силѣ, мы о семъ писали къ господину агенту, то значитъ ниже сего.

Копія съ письма нашего къ господину агенту Беклемишеву.

«Милостивый къ намъ государь Петръ Ивановичь! Доносимъ вашему благородію: сего марта 4-го числа, на первомъ часу дни пришолъ на квартиру къ Ивану Алексѣевичу солдатскій капралъ и сказалъ, что вашъ-де одинъ русскій дворянинъ лежитъ заколотъ на улицѣ, а кто его закололъ, того я не вѣдаю.» И по онымъ словамъ, Иванъ Алексѣевъ съ товарищи своими, Петромъ Пороховымъ и Алексѣемъ Бѣлосельскимъ, пошли на оное мѣсто, и пришедъ, увидѣли, что лежитъ заколотъ нашъ гардемаринъ Василій Өедоровъ сынъ Квашнинъ-Самаринъ, а снято у него только парукъ, шпага, шляпа, запонки и пряжка отъ башмаковъ,—о чемъ они объявили по другимъ нашимъ квартирамъ. И Иванъ Алексѣевъ въ другой разъ пришелъ съ Иваномъ Неплюевымъ къ тѣлу Василья Самарина; тутъ же былъ и Алексѣй Арбузовъ и нѣкоторые офицеры и солдаты, и тогда Иванъ Неплюевъ разодралъ на мертвомъ рубашку и, поднявъ его за голову для осмотрѣнія ранъ, увидѣлъ рану въ правомъ боку близь грудей, и въ той ранѣ его нашли шпажной конецъ клинка. Потомъ собрались и другіе наши товарищи, и Алексѣй Арбузовъ говорилъ всѣмъ, что «вечеръ-де онъ, Василій Самаринъ, былъ со мною въ редутѣ [1]) и вышли-де мы изъ редута вмѣстѣ въ 3 часу но-

[1]) Avviso—извѣстіе.

[1]) То есть, *игорный домъ*. Въ Запискахъ о путешествіи за границу П. А. Толстого въ 1697 г. есть подробное описаніе редутовъ въ Венеціи (см. журналъ *Атеней* 1859 г., № 7, стр. 338 и 339)

чи, и на дорогѣ съ нимъ разлучась, пошли на свои квартиры, а кто его Василья, закололъ, про то онъ Алексѣй не вѣдаетъ». И потомъ съ того мѣста тѣло метрвое перенесли на квартиру его, Васильеву, и доложили въ канцелярію; а изъ канцеляріи присланъ былъ подъячій для осмотру мертваго тѣла, и тогда осмотрѣли на немъ 7 ранъ шпажныхъ. И потомъ поговорили мы межъ собою всѣ, чтобъ намъ собраться въ одинъ домъ и показать другъ другу свои шпаги, для всякаго себѣ оправданія, что у всѣхъ-ли цѣлы клинки шпажные. И тогда Иванъ Павловъ сынъ Зиновьевъ сказалъ: «вечоръ-де, въ 3-мъ часу ночи, пришелъ на квартиру Алексѣй Арбузовъ и легъ съ нами спать» (понеже онъ, Иванъ, и братъ его, Петръ, Зиновьевы стояли тогда съ нимъ, Алексѣемъ, на одной квартирѣ). Онъ-же, Иванъ Зиновьевъ, сказалъ: «А сего-де утра Алексѣй Арбузовъ всталъ очень рано и замывалъ свой кафтанъ и полотенцомъ отиралъ руки и кафтанъ; и онъ, Иванъ, его, Алексѣя, спросилъ: «Чего ради ты, Алексѣй, замываешь свой кафтанъ?» И онъ, Алексѣй, сказалъ: «Вечоръ-де я былъ пьянъ и облилъ свой кафтанъ краснымъ виномъ.» И потомъ мы, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Ѳеимъ Цымермановъ, Семенъ Дубровской, Иванъ Алексѣевъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельскій, Тимоѳей Щербатой, Иванъ Кайсаровъ, Иванъ Кукаринъ, Артемій Толбухинъ, Яковъ Рославлевъ, Иванъ Зиновьевъ, Петръ Зиновьевъ и Алексѣй Арбузовъ, пошли на квартиру Ивана Алексѣева и показывали другъ другу свои шпаги. И какъ Алексѣй Арбузовъ вынялъ свою шпагу, тогда увидѣли всѣ, что у его шпаги клинка конецъ отломленъ и притачиванъ вновь, и тогда тотъ конецъ, который вынели изъ раны у Самарина примѣрили къ его, Алексѣевой, шпагѣ и къ ножнамъ, и означило, что тотъ конецъ отъ его шпаги. И онъ, Алексѣй, сказалъ тогда, будто у него, какъ сломана шпага и приточена, тому прошло дней 15. И потомъ осмотрѣли на кафтанѣ его, Алексѣя, напереди и на рубашкѣ назади у ворота кровь. Потомъ пошли изъ той квартиры вонъ, и тогда мы, нижеподписавшіеся, поговорили межъ собою, что явились на Алексѣѣ Арбузовѣ многія прилики; и, опасаясь гнѣва его царскаго величества, о семъ умолчать мы не смѣли. И того жь часу мы, нижеподписавшіеся, Алексѣя Арбузова взяли, отдали подъ караулъ у градскихъ воротъ и донесли на словахъ господину генералъ-капитану о Алексѣѣ Арбузовѣ, и какія на немъ явились прилики; и его превосходительство генералъ-капитанъ Алексѣя Арбузова приказалъ взять и отвести на галеру и сковать въ желѣза, гдѣ онъ Алексѣй и до нынѣ сидитъ; а нашъ словесный извѣтъ приказалъ записать въ канцелярію. И тогожь часа шпага Алексѣя Арбузова и конецъ шпажный, который вынятъ изъ мертваго тѣла, приняты въ канцелярію, а вышеписанныя наши извѣтныя слова записаны именемъ Ивана Неплюева. При оной запискѣ его, Ивана Неплюева, допрашивали: бывали-ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки, или какія похвальныя межъ ими слова; и онъ, Иванъ Неплюевъ, сказалъ, что «у нихъ напередъ сего ссоры и драки были въ Венеціи, въ Корфу сея зимы, и Алексѣй Арбузовъ послѣ драки въ Корфу говорилъ: «Ежели-де Василій Самаринъ напредки будетъ меня бить, то я его заколю, понеже я съ нимъ

драться не смогу.» И тогожъ 4-го числа въ 10 часу дня Алексѣй Арбузовъ противъ вышеписаннаго нашего словеснаго извѣту допрашиванъ и осматриванъ, а что онъ, Арбузовъ, въ допросѣ своемъ сказалъ, и что по осмотру на немъ явилось, то явствуетъ въ дѣлѣ. И тогоже числа, въ 10 часу дни, Иванъ Павловъ сынъ Зиновьевъ нашелъ на квартирѣ своей то полотенце, которымъ Алексѣй Арбузовъ отиралъ свои руки и кафтанъ того утра, а то полотенце было въ 6-ти мѣстахъ въ крови; и онъ, Иванъ, отдалъ то полотенцо Василью Татищеву при свидѣтеляхъ, и того жъ часа оное полотенце взято къ дѣлу въ канцелярію. Одинъ балбиръ [1]) Грекъ сказалъ Ивану Неплюеву, при свидѣтеляхъ, что: «сего числа на первомъ часу дни пришелъ ко мнѣ въ лавку одинъ вашъ русскій дворянинъ, въ зеленомъ кафтанѣ, и говорилъ мнѣ, чтобъ я ему заточилъ концъ шпаги, а я ему отвѣтствовалъ: «господинъ, весьма рано, не могу вамъ сего сдѣлать, для того, что не имѣю другаго человѣка, ктобъ вертѣлъ точило;» и онъ мнѣ сказалъ, что «я самъ буду вертѣть;» потомъ тотъ вашъ московскій дворянинъ вынялъ свою шпагу безъ конца и далъ мнѣ, а самъ вертѣлъ точило, и я ему концъ у шпаги приточилъ и взялъ съ него за работу двѣ шолты». Потомъ Иванъ Неплюевъ онаго балбира вышеписанныя слова записалъ въ канцеляріи. Вышеписанный балбиръ въ канцеляріи допрашиванъ и въ допросѣ своемъ не запирался. Потомъ Василій Татищевъ да Степанъ Коновницынъ допрашиваны были, по какимъ приликамъ взяли Алексѣя Арбузова и отдали подъ караулъ, и были-ль у Алексѣя Арбузова съ Васильемъ Самаринымъ напередъ сего какія ссоры и драки или какія похвальныя между ими слова; и они въ допросахъ своихъ сказали противъ вышеписаннаго. И о томъ-же допрашиваны Андрей Сухотинъ, да Ѳоимъ Цымермановъ, и они въ допросахъ своихъ сказали противъ тогожъ. 7-го числа въ томъ же допрашиванъ Семенъ Дубровскій и всѣ прочіе, и они въ допросахъ своихъ сказали то же. По всему вышепрописанному докладывали мы еще генералъ-капитану 18-числа сего мѣсяца, на что его превосходительство намъ отвѣчалъ, что «сіе дѣло еще не кончено, а когда окончится, тогда я прикажу вамъ дать знать». Апрѣля 1-го числа увѣдомились мы, что генералъ-капитанъ о семъ происхожденіи писалъ въ Венецію въ сенатъ. Остаемся вашего благородія всепокорные слуги, гардемарины: Иванъ Неплюевъ, Василій Татищевъ, Степанъ Коновницынъ, Семенъ Дубровской, Андрей Сухотинъ, Ѳоимъ Цымермановъ отъ Корфу, Апрѣля 2-го дня 1718 года.»

Выписка изъ экстракта по сему дѣлу.

«1-е. Въ допросѣ сидѣлецъ изъ трактира показалъ. Сего-де марта 3-го числа были въ трактирѣ двое московскихъ дворянъ, одинъ въ зеленомъ, а другой въ сѣромъ кафтанахъ; сидя за особымъ столомъ, двое играли въ карты, а въ какую игру, той онъ не знаетъ; денегъ у нихъ на столѣ не было, и крику между ими не происходило; а какъ пробило ночи 2 часа, то одинъ другому, махнувъ рукою, пошли вмѣстѣ, а куда, того онъ не вѣдаетъ».

«2-е. Жители у того мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло, показали: кто

[1]) Barbiere — *цирюльникъ*.

закололъ онаго московскаго дворянина, того они не видали и не знаютъ».

«3-е. Одинъ русскій человѣкъ, Дмитрій Ѳедоровъ, который находится въ венеціянской службѣ въ папежскомъ полку солдатомъ, показалъ: былъ-де онъ, Дмитрій, на галерѣ *Баштардѣ*, и ему, Дмитрію, Алексѣй Арбузовъ сказывалъ, что онъ закололъ Самарина».

«4-е По присланному изъ венеціянскаго сената указу, велѣно генералъ-капитану Алексѣя Арбузова допросить противъ вышеписаннаго; а въ допросѣ онъ показалъ: «Василья Самарина я, Алексѣй Арбузовъ, закололъ по сей причинѣ: пошли-де мы оба изъ трактира въ третьемъ часу ночи, и Самаринъ звалъ меня на свою квартиру табаку курить, а на дворѣ схватилъ онъ меня за уши и, ударивъ кулакомъ въ лобъ, повалилъ подъ себя и потомъ зажалъ ротъ, дабы не кричалъ; а какъ его, Васильевъ, перстъ попался мнѣ въ ротъ, то я его кусалъ изъ всей силы; а потомъ просилъ у Самарина, чтобъ меня пересталъ бить и давить, понеже онъ предъ нимъ ни въ чемъ не виновенъ, на что̀ ему Самаринъ отвѣтствовалъ: «Нѣтъ, я тебя не выпущу, а убью до смерти.» Почему я, Алексѣй, принужденъ былъ, лежа подъ нимъ, лѣвою рукою вынуть мою шпагу и, взявъ за клинокъ возлѣ конца, далъ ему три раны, а потомъ и четвертую; почему онъ, Самаринъ, съ меня свалился на сторону, отъ чего и шпага моя тогда переломилась; а я, вскоча и забывъ на томъ мѣстѣ парикъ и шляпу, побѣжалъ прочь, а потомъ для забранія сихъ вещей назадъ воротился и, увидѣвъ Самарина лежаща бездыханна, побѣжалъ на свою квартиру и, пришедъ на оную, кафтанъ мой замывалъ и назавтрѣе къ балбиру шпагу затачивать ходилъ. «И прибавилъ:» А прежде я въ томъ для того не винился, что не надѣялся, чтобъ меня здѣсь судить стали, а думалъ, что отошлютъ къ моему государю, предъ которымъ я бы ни въ чемъ не заперся. Когда же меня судить велѣно, то я во всемъ вышеписанномъ признаюсь и винюсь по сущей правдѣ.»

Копія съ письма къ матери покойнаго Самарина.

«Моя государыня Наталья Алексѣевна! Не можно умолчать, чтобъ вамъ не донести, хотя то и опечалитъ старость вашу, что̀ случилось здѣсь въ Корфу: сего марта 4-го числа, нынѣшняго года во вторникъ вторыя недѣли великаго поста, въ первомъ часу дни, сына вашего Василья Ѳедоровича нашли на улицѣ заколота, а кто его закололъ, того никто не вѣдаетъ; однакоже того-жъ числа явились многія прилики на Торопчанинѣ, дворянинѣ Алексѣѣ Арбузовѣ, по коимъ мы его, Арбузова, взяли и, отдавъ подъ караулъ, донесли о немъ господину генералъ-капитану, и его превосходительство приказалъ его, Арбузова, взять на галеру, гдѣ онъ и по нынѣ сидитъ скованъ; а нашъ извѣтъ записанъ въ канцеляріи моимъ именемъ; и онъ, Арбузовъ допрашиванъ, о чемъ здѣсь дѣло производится. Пространнѣе же сего дать вамъ знать не можно, понеже еще дѣло не кончилось; а чѣмъ оно вершено будетъ, о томъ до вашей милости писать не оставлю. Тѣло же сына вашего погребено у греческой церкви, въ коей лежатъ мощи святаго Спиридона Тримифунтскаго; денегъ по смерти сына вашего ничего не осталось, а что̀ было его скарбу, также кафтанъ и рубашки, то все продано за 10 червонныхъ, которые и роздалъ

я на поминовеніе души его по греческимъ церквамъ; въ прочемъ пребываю вашъ слуга Иванъ Неплюевъ.»

Прошедшаго марта 1-го дня состоялся указъ, чтобъ цехину быть по 31-му фунту, почему съ того числа давали намъ жалованье на мѣсяцъ по 2 цехина безъ фунта.

Въ ту нашу бытность въ Корфу, получили мы изъ Венеціи отъ господина агента Петра Ивановича Беклемишева, отъ 1-го числа Маія 1718 года, письмо слѣдующаго содержанія:

«Писаніе ваше, писанное ко мнѣ изъ Корфу, я здѣсь получилъ во всякой цѣлости, изъ котораго выразумѣлъ о приключившемся случаѣ, а именно чрезвычайномъ несчастіи умершаго господина Квашнина-Самарина, который былъ заколотъ и найденъ на улицѣ, и по суспекціи на Алексѣя Арбузова нѣкоторыхъ приликъ въ томъ приключеніи, оный г. Арбузовъ взятъ за арестъ по повелѣнію его превосходительства господина генералъ-капитана Пизани; и ваша милость о приключившемся случаѣ, здѣсь выше помянутомъ, въ своемъ извѣстіи, писанномъ ко мнѣ, съ нѣкоторою подробностію дали знать, о которомъ приключеніи происшедшемъ, при оказіи обыкновенной почты, по моей рабской повинной должности, доносилъ ко двору его царскаго величества, и какой указъ на то получу, объ томъ къ вамъ буду писать; а между тѣмъ ваша милость не извольте оставить меня безъ извѣстія, что́ будетъ впредь чиниться. По семъ извѣствую вамъ, что извольте всей своей компаніи объявить вообще, что по сіе время ни писемъ, ни векселей никому не получилъ, и какъ получу, не удержавъ ни моменту, къ вамъ отправлю. Симъ сокращая, остаюсь вашей милости готовымъ слугою Петръ Беклемишевъ».

Копія съ атестату, каковъ далъ мнѣ, Неплюеву, супракомито, Виценца Капелло.

«Господинъ Иванъ Неплюевъ, одинъ отъ дворянъ московскихъ, былъ на моей галерѣ въ общей компаніи прошедшей, и во всемъ показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ; таковъ усмотрѣлъ я его существенный куражъ, показанный отъ него въ случаѣ корабельной баталіи съ флотомъ турецкимъ бывшей, 19 іюля 1717 года, въ портѣ Поганія въ голфѣ Елеусъ, понеже тогда была куннона баталіи и армата *Сутиля,* и при взятіи фортецъ Превезы и Вонниціи, какъ были осаждены отъ Венеціянъ, такоже и при осадѣ города Дульцына [1]), нынѣшняго1718 года. И о показанныхъ его изрядныхъ дѣлахъ я усмотрѣлъ самъ во всѣхъ оныхъ случаяхъ и даю ему сіе на справедливости основанное свидѣтельство для доказательства о его службѣ и достоинствѣ. Данъ въ Корфу, генваря 1-го дня 1718 года, штиль новый, Маре Венето». Подписалъ оной *Жентелеи* своею рукою *Виценцо Капелло* супракомито, во увѣреніе.
(Въ Венеціи годъ начинается съ марта 1-го числа).

Копія съ атестату, какой далъ мнѣ венеціянскій генералъ Пансквалиго для большаго свидѣтельства сверхъ вышеписаннаго.

«Мы, Жорзій Пансквалиго, проведиторъ, генералъ морской, съ полномочіемъ генералъ-капитана, между молодыхъ московскихъ дворянъ, ко-

[1]) Паганія, Превеза, Воница и Дульциньо— города на турецкомъ берегу Адріатическаго и Іонійскаго морей.

торые по благодѣянію возвышеннаго сената были содержаны въ галерномъ венеціянскомъ флотѣ со удовольствіемъ всякимъ для наученія практики и обыкновенія военнаго; изъ нихъ господинъ Иванъ Неплюевъ обѣ прошедшія кампаніи былъ содержанъ на галерѣ дворянина Виценца Капелло супракомита съ онымъ былъ на баталіи съ Турками 19 числа іюля, штиль новый, 1717 году, въ заливѣ Елеусъ, въ портѣ Паганія, и при взятіи двухъ фортецъ, Превезы, Вонницы и при крѣпкой осадѣ фортецы Дульцина отъ Венеціянъ. А нынѣ оный господинъ Неплюевъ по указу отзывается во свое отечество; того ради даемъ ему для подтвержденія вышеписаннаго сіе наше свидѣтельство, которое ему во увѣреніе о себѣ объявить своему монарху. Данъ въ Корфу 1 числа февраля 1718 года. Маре Венето». У подлиннаго подписалъ своею рукою *Жорзій Пансквалиго*, проведиторъ, гералъ морской; у подлиннаго печать. Приписалъ *Цезаре Ваннаго*, секретарь. На сторонѣ приписалъ *Гаіо натъ Гистрато Волдиръ*, онъ же и вписалъ въ книгу.

1719-го года генваря 11-го дня получили мы отъ агента Беклемишева письмо изъ Венеціи, отъ 18-го числа ноября прошедшаго году; а въ томъ письмѣ онъ намъ пишетъ, чтобъ мы, получа оное письмо, по указу царскаго величества, ѣхали всѣ вмѣстѣ въ Венецію; а къ генералъ-капитану Андрею Пизани изъ сенату указъ посланъ, чтобъ насъ отпустить и дать бы намъ имбарко и прочее, что намъ принадлежитъ, до Венеціи.

Того жь генваря 14 числа проведиторъ генералъ Пасквалиго объявилъ намъ, что онъ таковой указъ имѣетъ, но приказалъ дожидать оказій въ Венецію. Того жь генваря 27 числа далъ намъ оный генералъ вышеписанные атестаты и жалованья намъ выдалъ впредь на проѣздъ, марта до 5 числа, и далъ намъ ордеръ, чтобъ ѣхать въ Венецію на военномъ кораблѣ *Сантъ-Гайтано* при генералѣ-проведиторѣ Деизолѣ и кавалерѣ Антоніѣ Лореданѣ и садиться бы намъ на тотъ корабль, когда прикажетъ.

9-го февраля генералъ-проведиторъ де-маре Пансквалиго объявилъ о рангѣ своемъ указъ, и на *Баштардѣ* галерѣ поставили три фонаря на кормѣ, и сего числа надѣлъ онъ, по обычаю ихъ, красное платье, и шляпу, и башмаки красные, и шелъ въ церковь свою съ церемоніею въ особой одеждѣ, и при немъ шли всѣ командиры, какъ морскіе, такъ и градскіе.

Февраля 3-го числа сѣли мы на корабль; оный въ 78 пушкахъ, капитанъ Итальянецъ Жорзій Фокинето, матросовъ 60 человѣкъ, солдатъ Славянъ и Италіянцевъ 200 человѣкъ. А Алексѣй Арбузовъ посланъ съ нами въ Венецію, подъ карауломъ въ желѣзахъ на томъ же караблѣ.

7-го числа въ вечеру генералъ приказалъ: на корабль.

8-го числа по утру, то есть, недѣля Сырная, пошли отъ Корфу и подняли на гротстенгѣ генеральный флагъ четвероугольный такъ, какъ адміралъ имѣетъ.

Прибыли въ Венецію 20-го числа и легли на якорь во 2-мъ часу, за 15 миль отъ Венеціи.

21-го числа по утру пришли 20 пехотъ, сирѣчь лодокъ, и взяли нашъ корабль на букширъ и ввели въ гавань, и легли въ гавани на якорь того жь числа въ 16 часу.

22-го числа генералъ Лореданъ поѣхалъ въ карантинъ, а когда онъ

ѣхалъ, тогда салютовали его съ того корабля изъ 7 пушекъ.

24-го числа февраля прислалъ къ намъ агентъ Льва Семенникова и съ нимъ прислалъ къ намъ 5 цехиновъ, а 26-го числа еще 4 цехина.

27-го числа свезли насъ съ корабля въ карантинъ и дали намъ каморы безденежно, а за барку заплатили мы два цехина. Карантинъ или контумація [1]) учреждена, дабы не спущать ни съ кѣмъ пріѣзжихъ, опасаясь морскаго повѣтрія.

28-го числа агентъ самъ былъ для развѣдыванія близь карантина нашего и переслалъ къ намъ 22 цехина.

Марта 3-го числа прислалъ еще къ намъ 6 цехиновъ.

Марта 12-го числа пріѣзжали къ намъ еще въ карантинъ Савва Владиславовичь Рагузинской да агентъ господинъ Беклемишевъ, и далъ намъ агентъ 12 цехиновъ.

18-го числа марта пріѣзжалъ отъ агента Левъ Семенниковъ и привезъ намъ 10 цехиновъ; и того получили отъ агента съ 24 числа февраля марта по 25 число 59 цехиновъ, изъ чего пришло намъ, 22 человѣкамъ, на всякій день по 2 фунта волдиръ, русскимъ счетомъ по двѣ гривны. А когда прибыли мы на контумацію, то перваго дни осматривали у насъ въ баулахъ весь багажъ.

24-го марта по утру пріѣхалъ къ намъ отъ агента Левъ Семенниковъ съ большей баркой и привезъ намъ денегъ 102 фунта и 18 шолтъ; изъ оныхъ денегъ заплатили мы гвардану [2]) за 27 дней по 44 шолты на день, итого 59 фунтовъ 18 шолтъ, да финту, который насъ свезъ съ корабля, 15 фунтовъ. Онъ же привезъ намъ ордеръ о выходѣ изъ карантина, за то ему дали 11 фунтовъ, да за ордеръ на канцелярскіе расходы 10 фунтовъ, что учинитъ 102 фунта 18 шолтъ; и тогожь часу съѣхали мы на оной баркѣ въ Венецію и стали въ одномъ мѣстѣ всѣ, въ локандѣ *дейре каруны* [1]). Господинъ агентъ платилъ за насъ государевыхъ денегъ за пищу, за каморы, за постели и за свѣчи на день за всякаго человѣка по 3 фунта съ половиною волдиръ, русскимъ счетомъ по 10 алтынъ и по 10 денегъ. По прибытіи нашемъ въ Венецію, по указу его царскаго величества, господинъ агентъ сдѣлалъ намъ мундиры: кафтаны темносѣрые, обшлага и отвороты красные, камзолы красные, штаны сѣрые жь и шляпы; а Татищеву, Дубровскому, Коновницыну, Щербатову и Алексѣеву мундировъ не дано, понеже въ письмѣ его царскаго величества, за его собственною рукою, къ агенту написано, чтобъ сдѣлать платье убогимъ, которые платья не имѣютъ. Жили мы въ Венеціи 12-ть дней.

4-го числа апрѣля господинъ агентъ объявилъ намъ его царскаго величества указъ, что насъ повелѣно отправить въ Гишпанію съ тѣмъ, чтобъ намъ быть въ службѣ гишпанскаго короля па галерахъ гардемаринами, и объявилъ намъ, что ѣхать надлежитъ чрезъ Ливорну, и порядилъ одного Флорентинца курьера, чтобъ довести насъ до Ливорны, а на проѣздъ отъ Венеціи до Кадикса, ишпанскаго порта, далъ намъ агентъ по 30 ефимковъ каждому, да мундиръ всякій сталъ по 21 ефимку, итого по 51

---

[1]) Contumacia значитъ собственно—*не явка въ судъ по позыву его*; отсюда выраженія: sentenza ottenuta in contumacia, *заочный приговоръ* и far la contumacia, *сидѣть въ карантинѣ*.

[2]) Guardiano, сторожъ въ карантинѣ.

[1]) Locanda dei re corona — *гостинница королевской короны*.

ефимку или рублю на человѣка; и въ тѣхъ деньгахъ нѣкоторые изъ насъ расписались, съ тѣмъ, что ежели государь укажетъ взять тѣ деньги изъ домовъ нашихъ, то мы ихъ платить обязуемся. Онъ же, агентъ, заплатилъ за насъ 80 цехиновъ, которые мы заняли у Арсенія Квартана въ Корфу, и въ тѣхъ деньгахъ дали все вексель. Изъ оныхъ 30 ефимковъ до Ливорны за провозъ и за каморы, и за постели, и за багажъ, и за пищу дали мы оному курьеру по 8 скудей флорентинскихъ, а всякая скуди по 11-ти фунтовъ венеціанскихъ съ половиною, итого по 4 цехина по 4 фунта съ человѣка, а ефимокъ считается 9 фунтовъ съ половиною. Господинъ агентъ далъ намъ письмо его превосходительства господина князя Куракина на Кадиксъ къ гишпанскому губернатору донъ Томазу Діакето; онъ же далъ намъ рекомендацію отъ гишпанскаго вице-адмирала, который былъ въ Венеціи, въ Ливорну, къ гишпанкому консулю.

Изъ Венеціи выѣхали мы 4-го числа въ ночи, то-есть, въ недѣлю Ѳомину, а ѣхали въ баркѣ моремъ, подлѣ стѣны ихъ. Отъ Венеціи 25 миль Кастель Гадо, въ 30 миляхъ Терраферма. Въ Террафермѣ ѣхали каналомъ на Оремуче и въѣхали въ рѣку Эчь, венеціянскаго владѣнія, отъ Венеціи 55 миль.

6-го числа проѣхали мы папежскій городъ Феррара, отъ Венеціи 85 миль.

7-го числа прибыли мы въ папежскій городъ Болонія, отъ Феррары 30-ть миль, а ѣхали въ баркахъ каналами бичевою, лошадьми. Того жь числа поѣхали мы изъ Болоніи по причинѣ горъ верхами, а багажъ везли на лошакахъ во вьюкахъ. Папежскаго владѣнія отъ Болоніи 25 миль, потомъ владѣніе флорентинское.

Прибыли мы во Флоренцію 9 числа, а разстоянія отъ Болоніи 55 миль, итого отъ Венеціи до Флоренціи 170 миль. Во Флоренціи были тогда Россіяне, обучающіеся живописному искусству: Иванъ да РоманъНикитины, съ товарищи. Въ Ливорнѣ, у гранъдука, галерія, въ которой разныя вещи отъ пиктуры и отъ скульптуры древней, отъ Рождества Христова и до нынѣ; онъ же, гранъ-дукъ, строитъ церковь, и въ серединѣ той стѣны отъ разнаго каменья, а строятъ оную церковь безпрестанно 50 человѣкъ 114-ть лѣтъ, а еще будетъ совершать 100 лѣтъ.

10-го числа въ вечеру поѣхали мы изъ Флоренціи въ баркѣ рѣкою Арно до города Пизы, 40 миль; тутъ верфь, гдѣ строятъ галеры. Отъ Пизы до Ливорны ѣхали каналами 16 миль и прибыли въ Ливорну 19-го числа, порядили за пищу и за квартиру, со всѣмъ принадлежащимъ, по три павла съ третью съ персоны на сутки, понеже въ папежскомъ владѣніи, флорентинскомъ и генуезскомъ цехинъ ходитъ по 26 павловъ. Ливорна—городъ флорентійскій, при морѣ, и портъ великій и крѣпость, солдатъ 2000 человѣкъ, около города и у порта баттарей. Въ Ливорнѣ агентскій шуринъ, Іоаннесъ Кревтъ, гамбургскій купецъ; по прибытіи нашемъ рекомендацію подали мы гишпанскому консулю Маркези, которую имѣли отъ ихъ вице-адмирала изъ Венеціи, и господинъ Маркези объявилъ намъ, чтобъ ѣхать въ Женеву [1]), понеже тутъ оказіи въ Кадиксъ нѣтъ, а хотя бъ и были ихъ корабли, то намъ

[1]) То-есть, Генуя, Genova.

ѣхать на нихъ не можно, понеже они съ Туркомъ дружбы не имѣютъ.

13-го числа въ вечеру поѣхали мы отъ Ливорны моремъ въ двухъ фелюкахъ; а за тѣ фелюки заплатилъ за насъ испанскій консуль 8 дуплей и далъ намъ письмо въ Женеву, къ нихъ маркизу инвіату [1]). Отъ Ливорны въ 60 миляхъ владѣніе генуежское, городъ Санто-Марія и Портъ-Венери; при томъ городѣ былъ испанскій крюсовой корабль осаженъ отъ аглинскихъ двухъ фрегатовъ.

Прибыли мы въ Женеву 15 числа по утру и осматривали у насъ въ баулахъ багажъ; стали мы въ локандѣ *аквиля де доро* [2]), и платили за квартиры и за пищу и за прочее по 4 павла на день съ человѣка. По прибытіи нашемъ письмо подали испанскому инвіату, и онъ велѣлъ намъ дожидать аказіи. При Женевѣ портъ, и около города отъ моря стѣна. Генуежская республика содержитъ 5 галеръ, и дворянъ 400 человѣкъ, а князь въ Женевѣ выбирается изъ дворянъ и перемѣняется черезъ 2 года; войска у нихъ въ Генуѣ съ 4000 солдатъ. А когда мы поѣхали изъ Венеціи, Арбузовъ остался подъ карауломъ въ желѣзахъ у Венеціянъ, понеже господинъ агентъ по нашъ отъѣздъ указу о немъ никакого не получилъ. Въ Генуѣ былъ намъ другъ одинъ генуежскій дворянинъ, Анжело Жова, который бывалъ отъ оной республики амбасадоромъ въ Царѣградѣ и зналъ довольно Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова.

25-го числа апрѣля инвіатъ испанскій отвѣтствовалъ намъ чрезъ своего консуля, что ему безъ указу своего монарха денегъ намъ дать на проѣздъ невозможно, а мы своихъ только имѣли въ остаткѣ по три цекина съ половиною; и того жь числа договорились мы съ французскимъ капитаномъ, который на кораблѣ въ Кадиксъ отправлялся; онъ требовалъ за перевозъ до Кадикса и за пищу по 11-ти цекиновъ съ персоны, а деньги чтобъ всѣ напередъ ему даны были.

26-го числа Семенъ Дубровскій, Василій Татищевъ, Иванъ Алексѣевъ, Тимоѳей Щербатовъ, Иванъ Кайсаровъ, Петръ Пороховъ, Алексѣй Бѣлосельской, Иванъ Неплюевъ, Степанъ Коновницынъ, Иванъ Кукаринъ, и того 10 человѣкъ, съ онымъ капитаномъ договорились и заплатили ему по 10 цекиновъ съ персоны, а по одинадцатому цекину заплатить ему обѣщали по прибытіи въ Кадиксѣ, и взяли съ капитана договорныхъ два письма, и подписали мы и онъ своими руками, и одно письмо взяли мы, а другое онъ взялъ, а письма по договору написаны съ такимъ изъясненіемъ, чтобъ намъ сѣсть на корабль мая 2 числа по утру и съ того числа кормить бы ему насъ съ собою за столомъ до Кадикса, и по прибытіи, въ Кадиксѣ, два дни со всякою выгодностію. Письмо его сіятельства князя Куракина и пашпортъ, который намъ данъ отъ господина агента, взяли мы съ собою, а другіе два пашпорты, которые были даны до Женевы, отдали нашимъ товарищамъ. Того жь 26 числа товарищи наши 12 человѣкъ предложили между собою такой совѣтъ, чтобъ имъ ѣхать въ Ливорну, и одному изъ нихъ ѣхать бы изъ Ливорны въ Венецію, къ господину агенту, и требовать бы отъ него себѣ на проѣздъ денегъ; понеже они въ Кадиксъ съ нами отправиться не могли, потому что денегъ не имѣ-

[1]) Inviato — *посланникъ*.
[2]) Вѣроятно, Locanda Aquila d'Oro, *гостинница Золотаго Орла*.

ли, и для того наняли они фелюку до Ливорны, дали три цекина съ половиною, и того жь 26-го числа поѣхали они въ Ливорну, а мы съ ними писали къ господину агенту съ прошеніемъ, чтобъ и всѣхъ насъ помощію не оставилъ.

Мая 1-го числа французскій консуль по приказу своего агента послалъ ордеръ къ оному капитану Винценцію Біанки, чтобъ насъ на корабль не бралъ и ни въ которую сторону не возилъ того ради, что мы ѣдемъ въ службу короля гишпанскаго, о чемъ имъ говорили цесарскій и англійскій посланники, чтобъ насъ не велѣли везти на ихъ кораблѣ.

Того жь мая 2-го числа говорили мы французскому агенту, чтобъ насъ уволилъ ѣхать на ихъ кораблѣ въ Кадиксъ, понеже мы ѣдемъ по указу его царскаго величества въ свое отечество, а не къ гишпанскому королю въ службу, а между нашихъ монарховъ никакой ссоры нѣтъ, то для чего насъ удерживать. Агентъ на наше представленіе склонился и приказалъ своему консулю, чтобъ тотъ капитанъ насъ по договору отвезъ до Кадикса, въ слѣдствіе чего сѣли мы на корабль и того числа отправили въ Амстердамъ къ его сіятельству князю Куракину 4 письма, въ которыхъ писали о вышеписанномъ происхожденіи и о всемъ партикулярно; изъ тѣхъ два письма послали чрезъ гишпанскаго консуля, а другія два чрезъ онаго дворянина Анзуля Жова; и того жь числа писалъ я въ въ Венецію къ господину агенту о случившемся въ отправленіи нашемъ препятствіи. Корабль, на которомъ мы были, назывался Санъ-Францешко, пропорціею въ 46 пушекъ; матросовъ и съ ундеръ-офицерами 30 человѣкъ.

5-го числа поутру пошли отъ Геновы. Того жь числа, за безвѣтріемъ, легли на якорь отъ Геновы въ 15-ти миляхъ.

Отъ того мѣста пошли въ путь 7-го числа.

9-го числа прошли княженіе дука де Монако, которое бывало Генуезской республики, а нынѣ подъ протекціею французскаго короля, отъ Геновы во 120 миляхъ. Того жь числа прошли мы два порта дуки савойскаго первый—Билля-франка, второй—Ница. Потомъ пошли возлѣ Французской земли, у острововъ Ересъ выходили два французскихъ крюсовыхъ капора; и какъ сошлись съ нами, тогда нашъ капитанъ спросилъ оныхъ позволенія; и салютовали съ нашего корабля капорному командиру, кричали «ура» 5 разъ; отъ него отвѣтствовали 3 раза; потомъ ему съ нашего корабля еще кричали «ура» трижды; по окончаніи сего нашъ капитанъ ѣздилъ къ нему на капоръ; и пріѣхавъ отъ него, — пошли въ путь. А на оныхъ капорахъ командиромъ морской капитанъ, солдатъ на капорахъ по 130 человѣкъ. Отъ Геновы курсъ мы имѣли между Понента и Горбина.

11-го числа прошли французскій городъ Тулонь.

12-го числа, за противнымъ вѣтромъ, пришли мы къ Тулону и легли на якорь. Тулонь отъ Геновы 250 миль.

13-го числа были мы въ Тулонѣ перво у губернатора. Нашихъ Русскихъ гардемаринъ, въ Тулонѣ было 7 человѣкъ: Андрей Ивановъ сынъ Полянской, Воинъ Яковлевъ сынъ Римскій-Корсаковъ, Михаилъ Андреевъ сынъ Римскій-Корсаковъ, князь Александра Дмитріевъ сынъ Волконскій, князь Борисъ Семеновъ сынъ Барятинскій, князь Борисъ Григорь-

евъ сынъ Юсуповъ, Александра Гавриловъ сынъ Жеребцовъ. Учатся они въ академіяхъ съ французскими гардемаринами, которыхъ въ той академіи 120 человѣкъ, навигаціи, инженерству, алтилеріи, рисовать мачтаповъ, какъ корабли строятся, боцманству (то есть, оснащивать корабли), артикулу солдатскому, танцовать, на шпагахъ биться, на лошадяхъ ѣздить, въ школу ходятъ дважды въ день; а учатъ ихъ всему безденежно королевскіе мастера; а жалованья отъ королевскаго величества дается имъ на мѣсяцъ по 3 ефимка; а ежели кто согрѣшитъ, въ штрафъ сажаютъ въ тюрьму, по разсмотрѣнію вины: за большую вину на полгода на одинъ хлѣбъ и воду, и никого въ тюрьму не пущаютъ. Въ Тулонѣ городѣ повіэновъ 50 человѣкъ отъ флагу адмиральскаго; они стоятъ у адмирала на караулѣ и числятся старшѣе гардемариновъ; жалованья имъ больше. При Тулонѣ строятъ корабли, и было въ гаванѣ кораблей десять военныхъ, стояли розснащены.

14-го числа пошли мы отъ Тулона.

15-го числа прибыли ко французскому жь городу Марсели и легли на якорь. Въ Марселіи галерная гавань, въ ней стояло 25 галеръ, на всякой галерѣ капитанъ одинъ, поручиковъ два, подпоручиковъ два, гардештандартовъ два, и прочіе ундеръофицеры деля цурма [1]) синифика, цурма каторжныя, въ компаніи; солдатъ бываетъ по компаніи на галерѣ, въ которой компаніи 50 человѣкъ солдатъ; при оной же гавани въ городѣ арсеналъ галерный, то-есть адмиралтейство; въ немъ строятъ галеры и прочіе галерные припасы, а галеры ихъ — малтійскимъ дѣломъ, безъ новязлей. Марсилія отъ Геновы 30 миль; въ Марсиліи жь школа, въ которой 30 человѣкъ изъ перваго шляхетства учатся математикѣ, артикулу, боцманству галерному и прочему, принадлежащему къ навигаціи, и танцовать; и они числятся выше гардемариновъ, а зовутся они гардештандартами, потому что на галерахъ флаги съ гербомъ королевскимъ, то-есть, штандарты; какъ и нашего монарха гербъ—орелъ, и у оныхъ гардештандартовъ капитаномъ королевское величество, и они же кромѣ короля, ни къ кому на караулъ не ходятъ; жалованья онымъ по три дупли съ половиною, изъ того числа на мундиръ у нихъ вычитаютъ по 10 франковъ на мѣсяцъ, которыхъ франковъ въ дуплѣ по 20, а нашихъ денегъ въ дуплѣ 4 рубля безъ четверти. Есть во оныхъ много малтійскихъ кавалеровъ; а жалуютъ гардештандартовъ въ подпоручики галерные, понеже всѣ галерные офицеры изъ гардештандартовъ происходятъ по чинамъ. Мундиръ на гардемаринахъ — кафтаны красные и чулки.

Въ бытность нашу при Марсиліи 18-го числа въ вечеру говорили мы корабельному капитану, что онъ насъ худо кормитъ, и онъ намъ отвѣтствовалъ, что «я-де вамъ въ портахъ неповиненъ стола давать, договоръ-де нашъ разумѣется отъ Геновы до Кадикса, и пища въ пути, а когда-де я пріиду въ какой портъ, тогда-де вы повинны свое ѣсть, съѣхавъ на берегъ, какъ и прочіе пассажиры всегда такъ дѣлаютъ.»

19-го числа мая били челомъ мы на капитана губернатору; оный губернаторъ послалъ насъ къ логотененту [1]) мусье Жеринъ, у котораго подъ вѣдѣніемъ всякія морскія дѣла,

[1]) То есть della turma. Turma—*отрядъ*.

[1]) Locotenente—лейтенантъ.

и онъ говорилъ капитану, что ему надлежитъ намъ давать пищу и въ портахъ до уреченнаго мѣста Кадикса по договорному нашему письму, для того что въ письмѣ о портахъ не упомянуто; въ чемъ капитанъ словесному его приказу не послѣдовалъ, приносилъ въ резонъ, будто онъ въ портѣ не повиненъ про насъ имѣть стола, и оный логотенентъ велѣлъ намъ подать суплику [1]), что̀ мы и учинили; и на той супликѣ оный логотенентъ помѣтилъ, чтобы капитана сыскать въ канцелярію и противъ нашего челобитья допросить; и оный капитанъ вмѣсто допросу далъ сказку, подписалъ подъ оной челобитной въ отвѣтствіе, что онъ столъ про насъ держитъ и впредь держать по своему договору во всякомъ до Кадикса мѣстѣ обязуется.

22-го числа судьи, слушавъ онаго дѣла, помѣтили, чтобъ оному капитану по договорному своему письму держать про насъ столъ во всякомъ мѣстѣ до Кадикса противъ договорнаго нашего письма, и противъ тоё помѣты дали намъ указъ, а когда дѣло слушали, докладывалъ по дѣлу дьякъ, а отвѣтствовалъ за капитана наемный стряпчій «адвокатъ,» да писарь его корабля, а отъ насъ былъ я, Иванъ Неплюевъ. Судьи во Франціи ходятъ въ черныхъ платьяхъ, также и дьяки; а дьяки называются прокураторы; всѣхъ дѣлъ канцеляріи и судьи въ одномъ домѣ по разнымъ каморамъ, которыя палаты называются «палацо де юстиція».

Отъ Марсиліи пошли мы мая 26-го числа.

Пришли къ Аликанту, ишпанскому городу, іюня 1-го числа и легли на якорь. При немъ порту нѣтъ; разстоянія отъ Марсиліи 400 миль, а отъ Женовы 700 миль, которыя въ градусѣ по 75. Оный Аликантъ въ прошедшую войну былъ взятъ отъ Агличанъ и отъ цесаря; потомъ возвратили Гишпаніи.

Отъ Аликанту 7-го числа пришли въ Карѳагену, гишпанскій же городъ, и легли въ портѣ на якорь 10-го числа. Разстоянія отъ Аликанта 60 миль; въ Карѳагенѣ зимуютъ галеры. Тогожъ числа капитанъ былъ у губернатора, который приказалъ ему объ насъ, чтобы мы были всѣ къ нему.

И по сему приказу 11-го числа пришли мы къ губернатору конте де Ровиръ. И онъ, посмотря нашего пашпорту, сказалъ намъ, что его царскаго величества 40 кораблей будетъ въ помощь къ ихъ королю, о чемъ отъ королевскаго величества указъ имѣетъ, чтобъ въ портахъ приготовляли провизію для того россійскаго флота. На что̀ обьявили мы губернатору, что и мы ѣдимъ въ службу ихъ короля, и просили совѣта, что можно ли намъ проѣхать моремъ въ Кадиксъ, понеже въ Перузѣ Гибралтарской крюсутъ аглинскіе корабли. На что̀ оный губернаторъ сказалъ: «лучше вамъ ѣхать до Малаги, ишпанскаго города, моремъ,» и въ Малагу къ губернатору далъ письмо, чтобъ насъ отъ Малаги отправить бы въ Кадиксъ сухимъ путемъ, и капитану о томъ приказалъ, чтобъ насъ ссадилъ въ Малагѣ, далъ письмо, чтобъ съ капитана обычайныхъ пошлинъ въ Малагѣ не брать, потому что онъ посланъ въ Малагу для насъ.

Пошли мы изъ Карѳагена 18-го числа.

---

[1]) Supplica—прошеніе.

23-го числа, за противнымъ вѣтромъ, легли на якорь при гишпанскомъ кастелѣ [1]) Ракето; тутъ же неподалеку городъ ихъ Армеліе [2]), отъ Карѳагены въ 100 миляхъ. У Кадегаго [3]) видѣли мы барбаретскіе крюсовые корабли, гдѣ всегда обычайно крюсуютъ.

Пошли отъ Ракета 24-го числа, въ вечеру. Сей день рождество святаго Іоанна Предтечи.

28-го числа прибыли къ Малагѣ и легли на якорь. Малага отъ Карѳагены 200 миль.

29-го числа, по рекомендаціи карѳагенскаго губернатора, просили исполненія у губернатора, и онъ намъ велѣлъ соидтить съ корабля и приказалъ насъ въ трактирѣ кормить на счетъ королевскій. Послѣдуя тому, съѣхали мы съ корабля, заплатя капитану достальныя 10 цехиновъ.

28-го числа прибыли въ Малагу наши товарищи 12 человѣкъ, которые остались въ Ливорнѣ, а изъ нихъ Кашкинъ ѣздилъ въ Венецію, и господинъ агентъ далъ имъ на проѣздъ по 18-ти цехиновъ на человѣка отъ Ливорны до Барцелоніи, а отъ Барцелоніи до Малаги дано было имъ же на проѣздъ отъ ишпанскихъ министровъ королевскихъ денегъ.

30-го числа, малажскій губернаторъ, по ордеру обрѣтающагося тутъ сухопутнаго генерала-капитана, далъ намъ лошадей и на пищу 100 пецъ, которыхъ въ цехинѣ 2½. Въ тѣхъ деньгахъ расписался я, Неплюевъ, да Петръ Зиновьевъ. Оныя деньги губернаторъ отдалъ комиссару, котораго послалъ съ нами и велѣлъ насъ кормить, въ прочемъ содержать до Кадикса.

[1]) Castello—замокъ.
[2]) Т. е. Альмерія.
[3]) Мысъ Capo de Gato.

Выѣхали мы изъ Малаги 30-го числа.

Іюля 2-го числа проѣхали ишпанскій городъ Ронда, 11 лехъ отъ Малаги, которыхъ лехъ въ градусѣ 17½.

3-го числа проѣхали деревню Борно, 20 лехъ отъ Малаги.

4-го числа проѣхали городъ Хересъ де Фронтера, 26 лехъ отъ Малаги.

5-го числа поѣхали въ баркѣ въ Кадиксъ, понеже тутъ моремъ 2 лехи. Того жь числа прибывъ въ Кадиксъ, письмо его сіятельства князя Куракина подали губернатору, а тотъ губернаторъ у себя такихъ дѣлъ не отправляетъ, понеже онъ сухопутный генералъ-поручикъ. Онъ отослалъ насъ ко интенданту де марина; тотъ интендантъ далъ намъ квартиры и платилъ за насъ изъ королевской казны за квартиру и за пищу по три реаля де плата съ персоны, которыхъ реаловъ въ пеціи по 8. И писали они объ насъ къ королевскому величеству, а намъ велѣли дожидаться указу, понеже объ насъ указу отъ короля своего никакого не имѣли.

20-го числа пришли авизіи [1]), что Гишпанцы имѣли баталіи съ цесарскимъ войскомъ въ Сициліи, на которой Гишпанцы выиграли, побили Тадешовъ [2]) 7000, и за оную викторію былъ фунціонъ по 3 дни, то есть, по отпускѣ молебна палили изъ пушекъ и по вечерамъ вездѣ въ домѣхъ ставили свѣчи. А достальное цесарское войско осталось въ осадѣ, въ горахъ, котораго еще будетъ около 12,000, а Гишпанцевъ 25,000. Кадиксъ на острову, на мысу, сухой путь къ крѣпости съ одной стороны, гарнизону въ немъ 4 полка, да около порту, по

[1]) Т. е. извѣстія.
[2]) т. е. Нѣмцовъ.

другимъ крѣпостямъ, три полка. Оной числится въ провинціи Андалузіи, въ которой губернаторъ въ портѣ Санта-Маріи; а губернаторъ у нихъ называется генералъ-капитанъ, а комендантъ зовется губернаторъ. Между теры-фермы и острова Кадикса портъ корабельный, который числится первый портъ въ Гишпаніи; около онаго многія цитадели. Обычай гишпанскій: когда прійдетъ въ портъ какой купеческій корабль иностранный, то оной, пришедъ въ бадью, салютуетъ изъ пушекъ, а съ города никакому кораблю не отвѣтствуютъ; часовой солдатъ ежели стоитъ съ фузеей на часахъ, и ежели мимо его идетъ офицеръ, которому по нашему надлежитъ ружье поставить, а у нихъ — подниметъ на плечо, вмѣсто караулу, а генераламъ ставится на караулъ; противъ нашего же, стоя на часахъ, держитъ всегда, не спущая, на рукѣ.

Августа 4-го числа отъ его королевскаго величества присланъ указъ ко интенданту де марина, аль донъ Францешко де-Варасъ, и къ поручику гардемаринскому, аль донъ Юзефѣ Маринъ, по которому повелѣно насъ опредѣлить во академію и содержать въ компаніи гардемаринской, какъ ихъ гардемарины содержатся; а жалованье на мѣсяцъ на человѣка по двѣ добли, и по двѣ пецы, и по пяти реалей де плата, и по пяти кварты, которое по русски сдѣлаетъ 10 ефимковъ; а мундиръ намъ не опредѣленъ. А ихъ гардемаринамъ жалованья дается по 8 и по 5 реалей и по 5 пецъ; по двѣ пецы вычитаютъ у нихъ на мундиръ. А окладъ гардемарину противъ прапорщика по 16 ефимковъ; на прочія деньги вычитаютъ у нихъ учителямъ, и на содержаніе академіи, и въ гошпиталь. Во время нашего пріѣзда въ кампанію въ ротѣ было гардемариновъ 240 человѣкъ, изъ того числа въ Сициліи на корабляхъ 60 человѣкъ, въ Америкѣ на корабляхъ 18-ть человѣкъ. Мундиръ на гардемаринахъ королевскій; кафтаны васильковые, обшлаги красные, пуговицы и петли золотомъ обшиты, камзолы и чулки красные, штаны васильковые, а которые служатъ на корабляхъ тѣмъ даются еще суртуки васильковые простые. А ежели гардемаринъ занеможетъ, то содержанъ бываетъ въ гошпиталѣ, какъ лѣкарствомъ, такъ и пищею, и прочимъ всѣмъ, сколько будетъ лежать, изъ его жалованья за мѣсяцъ вычитается по 5 пецъ, и прочія отдаются ему. А ежели котораго отпустятъ на время домой, и тогда ему жалованья дается безъ вычету. А въ гардемарины безъ имянного королевскаго указу никого не принимаютъ, понеже всѣ должны быть свидѣтельствованные дворяна, а нѣкоторые есть и офицерскія дѣти, записанныя особымъ имяннымъ королевскимъ указомъ за службу отцовъ ихъ. Гардемаринамъ жениться отнюдь не дозволяется, покуда не выйдетъ въ офицеры. Жалуютъ оныхъ въ поручики и въ подпоручики, а на фрегаты въ офицеры, а фрегатные у нихъ противъ сухопутныхъ; оные же жалуются въ артиллерійскіе офицеры такими же рангами; тако жь выпускаютъ ихъ въ драгунскіе и пѣхотные полки въ поручики и въ прапорщики; а ежели который можетъ у полковника купить роту, того жалуютъ и въ капитаны, потому что полковникъ вербуетъ солдатъ за свои деньги. Квартиры гардемаринамъ, ни офицерамъ въ Гишпаніи не дается; нанимаютъ за свои деньги изъ жалованья; а нѣкоторымъ гардемаринамъ даны квар-

тиры королевскія въ кастелѣ; а мы нанимали изъ жалованья. По ордеру королевскому долженъ всякій гардемаринъ во второмъ часу ночи быть на квартирѣ и никуды ночью съ квартиры не сходить, чего ходя по вечерамъ осматриваютъ брегадиры, а ежели который гардемаринъ явится въ какой винѣ, то поручикъ и прочіе офицеры штрафуютъ; первый штрафъ: скажутъ арестъ, чтобъ никуды съ квартиры не сходилъ; 2-ой: сажаютъ въ камору и замыкаютъ; 3-ій: по великой винѣ сажаютъ въ тюрьму и ѣсть, кромѣ хлѣба и воды, не даютъ. А на караулъ оные ни къ кому не ходятъ, кромѣ королевскаго величества, да во время ученія стоитъ на караулѣ одинъ.

Офицеры компаніи гардемаринской: капитанъ — его королевское величество. Команданте де компанія, который правитъ за капитана-поручика, — донъ Луисъ д'Ормей; рангъ его противъ генерала-маіора; который больше живетъ при дворѣ. Поручикъ, логотененте де компанія — донъ Юзефе Маринъ, рангъ его полковничій: жалованья ему по 30 доблей на мѣсяцъ; или рангъ его противъ капитана морскаго, понеже капитанъ морской равенъ полковнику, о чемъ ему и прочимъ офицерамъ даны отъ короля патенты. Подпоручикъ офицеръ де компаніи, — донъ Гуанъ Наваро; рангъ его подполковничій; жалованья ему по 25 доблей на мѣсяцъ; онъ же и жалованье принимаетъ отъ коммисарства на всю компанію и раздаетъ. Брегадировъ де компанія, сержантовъ 4 человѣка, которыхъ рангъ капитана сухопутнаго, жалованья онымъ по 12½ доблей на мѣсяцъ — донъ Августинъ Редонда, донъ Геронимо Буштоммете, который въ Сициліи на корабляхъ съ гардемаринами, донъ Юзефе Павестезъ, донъ Гашперъ де Евна, который учитъ артикулу солдатскому повсядневно. Мастеръ, который учитъ математикѣ всѣхъ повсядневно—донъ Францешко де Орье; жалованья ему по двѣ добли съ половиною на всякій день. Мастеръ, который учитъ артиллерному искусству, жалованья имѣетъ 15 доблей на мѣсяцъ. Во академіи жъ: фехмейстеръ одинъ, который учитъ на шпагахъ биться, жалованья ему 15 доблей на мѣсяцъ; танцмейстеръ одинъ, который учитъ танцовать; жалованья ему 15 доблей на мѣсяцъ.

О ученіи гардемариновъ. По утру соберутся всѣ въ церковь, въ указной часъ, и чередной брегадиръ, понеже по установленію должны къ обѣдни приходить на всякъ день, потомъ въ академіи учатся всѣ математикѣ два часа; а за вины ихъ штрафуетъ брегадиръ. Въ другой разъ сходятся гардемарины во академію послѣ обѣда въ 3 часа вседневно: 3 кварты учатся артиллерному искусству, двѣ кварты учатся солдатскому артикулу, одна кварта учатся на шпагахъ биться, одна жъ кварта учится танцовать; учатся симъ образомъ — перемѣняяся по вся дни по полтора часа.

6-го числа августа, штиль vejo *), расписали насъ въ шесть квартъ, а въ первую кварту изъ насъ никого не написали, и какъ гишпанскіе, такъ и мы ходили во академію всегда, кромѣ того, что мы къ обѣднѣ не ходили; а учились со оными солдатскому артикулу, танцовать и на шпагахъ биться; а къ математикѣ приходили, только безъ дѣла сидѣли, понеже учиться невозможно, для то-

*) Стараго стиля.

го что мы ихъ языку не знали. Въ тѣ жь числа просили мы многажды, чтобъ насъ, противъ рекомендацiи князя Куракина, послать служить на галеры его королевскаго величества. Оный намъ сказалъ, что его королевское величество содержитъ только 6 галеръ, и тѣ въ Сицилiи; «и опредѣлить-де васъ, кромѣ академiи, не куда; а жалованья вамъ не прибавятъ»; и на ихъ галерахъ гардемаринъ нѣтъ. И объ ономъ обо всемъ писали мы многажды въ Санктпетербургъ, къ адмиралу Өедору Матвѣевичу Апраксину, и въ Голландiю, къ послу князю Борису Ивановичу Куракину, и просили ихъ, чтобъ они доложили его царскаго величества, чтобъ насъ повелѣлъ опредѣлить въ службу и опредѣлилъ бы намъ свое государево денежное жалованье, чѣмъ бы мы могли содержаться, понеже гишпанскимъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, и въ житьѣ нашемъ пользы намъ никакой нѣтъ, понеже шпажное и танцовальное ученiе къ службѣ его величеству въ насъ годно быть не можетъ. А жалованья королевскаго въ руки намъ не давалъ поручикъ де компанiя, а платилъ за насъ за пищу и за квартиру по двѣ добли на мѣсяцъ съ персоны, отчего мы имѣли нужную пищу, а пили только воду; оный же за мытье рубашекъ и прочаго платилъ за насъ по полупесцы на мѣсяцъ, и по приказу его перемѣняли мы по три рубашки въ недѣлю и брали на мѣсяцъ по парѣ башмаковъ, за которые онъ платилъ за насъ по 9 реалей де плата за пару; онъ же платилъ за насъ балбиру по 4 реаля на мѣсяцъ, который брилъ намъ бороды по 2 раза въ недѣлю, а паруки намъ пудрилъ по трижды въ недѣлю; и за тѣмъ за всѣмъ осталось намъ по 4 реаля по 5 квартъ отъ мѣсяца; и оные платилъ за насъ портному мастеру за починку верхняго платья, или кто что́ возьметъ новое противъ жалованья.

13-го числа августа умеръ нашъ товарищъ, гардемаринъ, князь Алексѣй Андреевъ сынъ Бѣлосельскiй, за тѣмъ насъ осталось 21 человѣкъ.

19-го числа августа противъ письма князя Куракина послали мы къ королевскому величеству челобитную, и притомъ къ секретарю его величества, аль донъ Микель Фернандецу Рангъ де Епаро, писали письмо, въ которомъ просили его по супликѣ нашей доложить его королевскому величеству, чтобъ насъ его величество повелѣлъ послать въ службу на галеры, понеже намъ во академiи учиться невозможно того ради, что гишпанскому языку не знаемъ, и чтобъ его величество прибавилъ намъ жалованья, понеже вышепомянутымъ жалованьемъ намъ содержаться невозможно, а отъ царскаго величества нынѣ мы денежнаго жалованья не имѣемъ. И противъ того оный секретарь намъ отвѣтствовалъ письмомъ же, что его королевское величество повелѣлъ отписать къ намъ, чтобъ намъ быть во академiи и учиться языку и прочаго, а на галерахъ намъ быть невозможно, понеже галеры въ Сицилiи, а въ жалованьѣ намъ его величество излишнемъ противъ ихъ гардемариновъ опредѣлилъ отказать. По полученiи сего письма о всемъ писали мы въ Голландiю къ послу князь Борису Ивановичу Куракину.

12-го числа сентября вся компанiя, офицеры и гардемарины, собраны были въ кастель, и при насъ указомъ королевскимъ съ одного гардемарина офицеры велѣли снять королевскiй мундиръ и объявили намъ его за без-

дѣльника, чтобъ гардемарины съ нимъ компаніи не имѣли за то, что онъ женился безъ указу, — понеже имъ жениться не велѣно; и отказали оному отъ компаніи, а сверхъ того оный изъ королевской службы выкинутъ и отпущенъ на волю; а покуда объ немъ отписывались къ королю, потуда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, съ 25-го дня.

Октября 6-го числа, штиль vejo, товарищъ нашъ, гардемаринъ Иванъ Ивановъ сынъ Аничковъ, сошелъ съ ума, и отъ того числа содержался въ кастелѣ, никуда не выпущая,— понеже дѣлалъ всякіе непорядки и говорилъ вздоръ.

Октября 19-го числа получили мы отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, писанное изъ Гаги, сентября отъ 18-го числа, въ которомъ онъ намъ писалъ, что онъ письма наши изъ Кадикса получилъ, которыя мы къ нему писали, и по онымъ онъ ко двору его царскаго величества писалъ и во увѣреніе подлинное наше письмо послалъ, и какъ на то получитъ отъ государя указъ, обѣщалъ къ намъ отписать.

Октября 29-го числа собраны были въ кастель вся компанія, офицеры и гардемарины, и указомъ королевскимъ сняли съ одного гардемарина мундиръ, и выкинули его изъ гардемариновъ, и объявили его за противника королевскому величеству за то, что онъ чинилъ противности и непослушаніе поручику своему (разумѣется: противенъ командѣ—противенъ королю); и сидѣлъ оный въ тюрьмѣ 5 мѣсяцевъ на хлѣбѣ и на водѣ; и повелѣно его выкинуть изъ гардемаринъ, послать въ ссылку за карауломъ въ городъ Сеуту, что̀ и учинено. Сеута—городъ ишпанскій въ Африкѣ, между Медитерана и Осіана.

18-го число ноября, штиль vejo, по именному его королевскаго величества указу риформовали Гишпанцевъ гардемариновъ 20 человѣкъ за то, что они не имѣли прилежности къ наукѣ, а прочимъ сказали указъ, что которые имѣютъ прилежность и приняли науки, тѣ будутъ пожалованы по времени въ офицеры; а ежели которые прилежности къ наукѣ имѣть не будутъ, тѣ такожь выкинуты изъ академіи будутъ,—чего ради интендантъ пріѣзжалъ во академію.

20-го ноября росписали гардемаринъ на 6 квартъ.

Того жь ноября 18-го числа объявилъ намъ губернаторъ Томазо и Діакесъ, что онъ получилъ изъ Голландіи отъ князя Бориса Ивановича Куракина письмо, въ которомъ къ нему пишетъ, чтобъ насъ прислать въ Амстердамъ, на кораблѣ, а за имбарку и за пищу будутъ деньги заплачены государевы отъ князя Куракина. Однако оный губернаторъ безъ указу своего короля учинить того не можетъ, о чемъ того жь числа писалъ ко двору королевскаго величества.

14-го числа декабря получили мы отъ князя Куракина письмо, въ которомъ намъ пишетъ, что намъ по указу царскаго величества велѣно возвратиться въ отечество, и объ отправленіи нашемъ онъ писалъ къ губернатору кадикскому, чтобъ насъ отправилъ въ Голландію на голландскихъ корабляхъ, и отправляться бы намъ немедленно.

15-го числа декабря губернаторъ намъ объявилъ, что онъ отъ королевскаго величества объ отправленіи нашемъ по письму князя Куракина указъ получилъ, и велѣлъ намъ дожидать оказіи въ Голландію. Того жь числа получили мы отъ князя Ку-

ракина другое письмо о своемъ отправленіи противъ вышеписаннаго.

29-го декабря получили мы отъ князя Куракина еще третье письмо объ отправленіи нашемъ противъ вышеписаннаго жь, которое все писано его рукою; въономъ же онъ къ намъ пишетъ, что ежели мы имѣемъ въ деньгахъ нужду, чтобъ намъ занять и вексель дать на имя его.

1720-го года генваря 16-го дня генералъ и губернаторъ Кадикскій донъ Томазо и Діакезъ, по письму князя Бориса Ивановича Куракина, занялъ намъ денегъ у купца донъ Изанбеше въ Кадиксѣ 63 добли и далъ намъ всякому по 3 добли, а тому купцу далъ вексель за своею рукою въ томъ, что тѣ деньги будутъ заплачены отъ князя Куракина въ Амстердамѣ корреспонденту его, донъ Петро Тречао, конрезго маритимо [1]), по 18-ти на сто, и того всего на голландскія деньги 713 флориновъ гульденъ и 12 штиверовъ. Тогожь числа оный же губернаторъ договорился съ датскимъ капитаномъ Буй Нельшенъ, чтобъ ему насъ свести на своемъ кораблѣ, имянуемомъ *Соль*, въ Голландію и кормить съ собою, и ежели за противнымъ вѣтромъ или иного какого ради случаю зайдетъ въ какіе порты, непремѣнно вездѣ насъ въ пищѣ содержать до Голландіи; взять ему въ Амстердамѣ у князя Куракина по 31 пеціи, чего будетъ 1502 флориновъ. И о всемъ вышеписанномъ губернаторъ далъ письмо за своею рукою; а оные за 21 человѣка 651 взять оному корреспонденту, Петро Тречао. О семъ мы къ князю Куракину того жь числа писали.

Генваря 28-го числа получили мы письмо изъ Амстердама, отъ резидента господина Кристофора Бранта, въ коромъ къ намъ пишетъ, чтобъ намъ взять въ Кадиксѣ, у купца господина Лашкета по 50-ти ефимковъ на каждую персону для отправленія до Голландіи. И по оному письму взяли мы только по 19 ефимковъ на персону, а по 31 ефимку отъ персоны велѣли ему, Лашкетѣ, перевести въ Амстердамъ для платежу за насъ датскому капитану противъ вышеписаннаго договорнаго губернаторскаго письма. Того жь числа вышеозначенные заемные 63 добли купцу донъ Изанбеше заплатили и отъ него заемное губернаторское письмо взяли назадъ; и о всемъ вышеписанномъ того жь числа писали мы до его сіятельства князя Куракина, такожь и до резидента Бранта. И сверхъ того была объ насъ отъ резидента рекомендація, чтобъ намъ вездѣ въ Гишпаніи въ деньгахъ вѣрили, сколько понадобится на проѣздъ.

Февраля 6-го числа корабль нашъ былъ готовъ отходить въ путь, но воспрещено указомъ королевскимъ, чтобъ никакому купеческому кораблю изъ порту не выходить, покуда не выйдетъ шквадра королевскихъ кораблей.

12-го числа пошло въ Америку западную два корабля линейныхъ да фрегатъ, на которыхъ гардемариновъ 40 человѣкъ, при бригадирѣ донъ Юзефе Павестеръ. При нихъ же пошли купеческихъ 5 кораблей да одна тартана.

Февраля 17-го дня имбаркались мы на корабль вышеозначенный, имянуемый *Соль*, котораго пропорція 50 пушекъ; а было на немъ только 26 пушекъ, понеже нижній декъ безъ оконъ, по обычаю купеческому; капитанъ Буй Нельшенъ, патентъ имѣетъ военный;

людей на немъ 50 человѣкъ. И пошли мы въ путь того жь числа.

12-го марта звали мы къ себѣ аглицкой торговый корабль, палили изъ пушки, чтобъ онъ парусы отмѣнилъ и насъ дожидался, отъ котораго мы взяли свѣдѣнія, сколь далече мы отъ земли.

13-го числа, по обычаю морскому, мы, убавя парусы, дожидали гамбургской флейты.

14-го числа вошли въ каналъ и шли возлѣ Англіи.

16-го числа отъ полуночи сталъ вѣтеръ крѣпкій вѣять, которымъ мы вышли изъ каналу, между мелей. Тогожь числа отъ полудни сталъ вѣтеръ нордъ-вестъ съ великимъ штурмомъ, въ 6-мъ часу пополудни сталъ штурмъ, и большой парусъ фокъ разодрало; и гротъ-рей, и фокъ-рей опустили, и руль подвязали, и пустились на волю Божію, и понесло корабль на остъ, къ мели, къ Голландской землѣ, понеже были отъ земли только 20 миль; однако Богъ сохранилъ: къ полуночи вѣтеръ утихъ.

18-го числа пошли мы на остъ, понеже вѣтеръ противенъ, и въ Тексель идти не можно; и увидя лоцмановъ, звали ихъ пушечной стрѣльбой къ себѣ, перво просто, потомъ съ ядрами, и легли на якорь. За провозку корабля далъ капитанъ лоцманамъ 130 гульденовъ. Портъ зовется Фанъ Шлейссе; республичныхъ 20 кораблей стоятъ военныхъ въ портѣ, разснащены.

19-го числа поутру поѣхали мы съ корабля, салютовали насъ трижды, кричали ура и палили изъ трехъ пушекъ. Отъ Фанъ-Шлейсса ѣхали мы на фурахъ до Бриля одну легу отъ Бриля черезъ заливъ 2 леги, мѣстечко Маштенлянъ-Шлюссенъ, отъ того каналами Делфтъ 3 лиги [1]). Отъ Гарлема до Амстердама $2\frac{1}{2}$ леги. Путь все каналами.

Прибыли мы въ Амстердамъ 20 числа; отъ Фанъ-Шлейссе до Амстердама издержалъ намъ на пищу и на провозъ капитанъ своихъ 163 гульдена; и по прибытіи своемъ просили мы его царскаго величества резидента Кристофора Игнатьевича, чтобъ онъ за насъ заплатилъ капитану за провозъ до Голландіи по 31 ефимку съ персоны, такожь и оные 163 гульдена. И оный резидентъ капитану сказалъ, что ему деньги будутъ заплачены всѣ, а намъ далъ по 4 ефимка на персону и велѣлъ намъ дожидать его сіятельства князя Бориса Ивановича Куракина.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ прибылъ въ Амстердамъ 27 ч.

28-го ч. его сіятельство далъ намъ пашпорты и письмы къ адмиралу Ѳедору Матвѣевичу [2]) и опредѣлилъ намъ ѣхать до Гамбурга водою, отъ Гамбурга до Данцига на ланкугѣ, отъ Данцига до Кенигсберга водою, отъ Кенигсберга до Риги на ландкугѣ, а въ Ригу, къ губернатору Никитѣ Ивановичу Репнину, далъ намъ письмо, чтобъ его сіятельство отправилъ насъ отъ Риги на подводахъ въ Ревель, или гдѣ обрѣтается адмиралъ; а на проѣздъ отъ Амстердама до Риги приказалъ намъ выдатъ по 70 ефимковъ; а пашпорты и письма были намъ даны по компаніямъ по 4 и по 3 человѣка въ компаніи. Его же свѣтлость приказалъ намъ выдать кормовыхъ денегъ по 6 гульденовъ на

[1]) Здѣсь, повидимому, пропускъ, соотвѣтствующій пути между Дельфтомъ и Гарлемомъ; затѣмъ въ рукописи повторено нѣсколько словъ, уже сказанныхъ выше, и эта ошибка удержана въ Отеч. Запискахъ, у насъ же исправлена.

[2]) Апраксину.

недѣлю, а гульденъ содержитъ 4 гривны, и получили мы оныя деньги марта съ 20-го; и до отъѣзду его жь сіятельство далъ намъ рекомендацію въ Гамбургъ, къ купцу, чтобъ онъ намъ въ наемѣ чинилъ вспоможеніе. Мы жь его сіятельство просили, чтобъ онъ приказалъ намъ выдать на наши нужды оныя по 31 ефимку на персону, которые мы возвратили господину резиденту Бранту, и онъ совѣтовалъ господину резиденту, чтобъ онъ намъ тѣ деньги выдалъ, понеже по именному его царскаго величества указу адмиралъ Ѳедоръ Матвѣевичъ писалъ къ господину Брандту, чтобъ онъ перевелъ намъ въ Гишпанію по 50 ефимковъ на человѣка; и господинъ резидентъ взялъ резолюцію, чтобъ намъ оныя деньги выдать, понеже за нашъ проѣздъ отъ Кадикса капитану деньги заплачены отъ князя Бориса Ивановича. Ему жь дали мы сказку въ томъ, что которыя мы деньги заняли было въ Кадиксѣ, по 3 добли на персону, что мы, получа по 19 ефимковъ изъ Брантова векселя, оныя заплатили, и чтобъ по первой губернаторской ассигнаціи оныхъ не платить; а деньги мы кормовыя и подъемныя брали отъ Фонъ Левена, который бывалъ секретарь Соловьева.

30-го числа господинъ резидентъ выдалъ намъ по 31 ефимку на персону, да въ Кадиксѣ по его векселю взяли мы по 19, и того будетъ противъ письма адмиральскаго по 50 ефимковъ на человѣка, кромѣ тѣхъ, что̀ на проѣздъ далъ по 4 ефимка на человѣка, и велѣно намъ, дожидаться своего богажу, ѣхать, понеже богажъ нашъ остался на кораблѣ. А князю былъ указъ, чтобъ насъ отправить въ Петербургъ на голланскихъ корабляхъ, а онъ насъ отправилъ другимъ трактомъ, потому что оказіи вскорѣ къ Санктпетербургу моремъ не было, а хотя бъ и были, но опасно, чтобъ Шведы въ Балтикѣ не взяли въ полонъ. Въ бытность нашу въ Амстердамѣ были Андрей Ѳедоровъ сынъ Хрущовъ, да Иванъ Талызинъ, Алексѣй Вешняковъ, которые учились экипажеству и механикѣ, да царскаго величества деньщикъ Иванъ Андреевъ сынъ Толстой для покупки разныхъ птицъ; еще были человѣкъ съ 40 школьниковъ, которые учились всякимъ ремесламъ —мѣдному [1]), столярному и судовымъ строеніямъ; а приказаны оные были его величества агенту Фадербургу.

4-го числа апрѣля Василій Татищевъ поѣхалъ по богажъ въ Геншвлейсъ, да по приказу князя Бориса Ивановича Фонъ-Левенъ далъ ему шкипора и денегъ на проѣздъ и рекомендацію къ капитану.

8-го числа Василій Татищевъ прибылъ съ богажемъ и денегъ издержалъ себѣ и шкипору на проѣздъ и на провозъ богажа 51 гульденъ.

12-го числа апрѣля въ вечеру поѣхали мы отъ Амстердама на яхтѣ 14 человѣкъ, а 7 человѣкъ нашихъ товарищевъ поѣхали на тялкѣ (?) [2]). Дали мы на яхтѣ за провозъ и съ пивомъ, кромѣ пищи, по червонному съ персоны. Когда отъѣзжали, заплатили мы въ казну посажгелтъ по шеленгу съ персоны, а провизію для пути имѣли свою.

18-го числа взошли въ гамбургскую рѣку; на одной сторонѣ Голштинія, а на другой Линебургія. Тогожь числа легли мы на якорь возлѣ линебургскаго городка Штаде и платили по облигѣ по 8 штиверовъ съ баула.

---

[1]) У Голикова прибавлено: „слѣсарному.“

[2]) У Свиньина исправлено: „въ яликѣ“.

19-го числа пришли къ Гамбургу и ночевали за городомъ, въ ардинаріи [1]), понеже того дня не успѣли въ городъ. Отъ Амстердама до Гамбурга моремъ 60 миль нѣмецкихъ.

20-го числа прибыли въ Гамбургъ и по рекомендаціи были у Говерса, который отправляетъ за консуля государевы дѣла. Гамбургъ — республика, подъ протекціею цесарской.

21-го числа господинъ Питеръ Говерсъ далъ намъ совѣтъ, чтобъ ѣхать чрезъ Берлинъ на почтѣ, понеже ландсцуги не нашли, чтобъ прямо ѣхать въ Данцигъ. Товарищи наши при насъ въ Гамбургъ не пріѣхали. Того жь 21-го числа поѣхали изъ Гамбурга на ординарной почтѣ — на фурѣ 6 человѣкъ, да на экстраординарной почтѣ — на дву(хъ) фурахъ по 4 человѣка; платили на ординарной почтѣ по 6 штиверовъ съ персоны на милю, да на всякой перемѣнѣ почтарю постъ-гелтъ по 12 грошей съ персоны, а перемѣна отъ перемѣны по 3 и по 4 мили нѣмецкихъ; а на экстраординарной почтѣ платили на три лошади по 48 рейхсталеръ талеръ штиверовъ на милю съ 4 человѣкъ, понеже въ фурѣ сидитъ 4 человѣка, а имѣютъ три лошади; да на всякой перемѣнѣ за телѣгу по 4 штивера; а ѣхали и перемѣняли лошадей обѣ почты вмѣстѣ, и деньги платили вообще. Отъ Гамбурга ихъ владѣнія — 7 миль. Берлинъ — столица прусскаго короля; червонный ходитъ 130 штиверовъ или грошей. Издержали мы денегъ на пищу по червонному да на проѣздъ безъ мала 3 червонныхъ съ персоны; а пути отъ Гамбурга до Берлина 33 мили. Отъ Говерса имѣли мы письма въ Берлинъ къ послу, графу Александрѣ Гавриловичу Головкину. Прибыли мы въ Берлинъ 24-го числа по утру, и осматривали у насъ богажъ.

25-го поѣхали мы изъ Берлина на экстраординарной почтѣ на трехъ фурахъ. Платить до Данцига на 56 миль по ефимку на милю со всякой телѣги, да за телѣги по 4 штивера на всякой перемѣнѣ; всего до Данцига издержали отъ Берлина по 5 червонныхъ, и съ пищею. Господинъ посолъ Головкинъ далъ намъ подорожныя, чтобъ отъ Мемеля до Риги въ Курляндіи брать подводы безъ прогонъ. Владѣніе прусское до Гданска, а 7 миль владѣніе польское, понеже Данцигъ принадлежитъ республикѣ Польской; а дорогой городокъ отъ городка въ Пруссіи по 3 и по 4 мили.

Прибыли во Гданскъ 30-го числа и порядили до Кенигсберга яхту съ персоны по получервонному, безъ пищи. Агентъ государевъ во Гданскѣ — Ертманъ, примьеръ-аудиторъ, и агентъ его величества другой — иноземецъ Куріусъ.

Поѣхали отъ Гданска мая 2-го числа. Ѣхали рѣкою 7 миль, заливомъ 17 миль. Прибыли въ Кенигсбергъ 14-го числа, Королевецъ тожъ. Въ Кенигсбергѣ управляетъ государевы интересы консиліеръ королевскаго величества прусскаго, которому прозваніе Неглинъ. Наняли изъ Кенигсберга до Мемеля на 15 миль, дали по получервонному съ персоны, безъ пищи; ѣхали сухимъ путемъ три мили, заливомъ 12 миль.

Прибыли въ Мемель 7-го числа. Мемель—прусская крѣпость; и смотрѣли нашихъ пашпортовъ.

Поѣхали изъ Мемеля 8-го числа и наняли до курляндской почты на 8 миль, дали по рейхсталеру съ персоны.

[1]) Т. е. въ почтовомъ домѣ.

9-го числа по подорожной взяли на курляндской почтѣ подводы.

Прибыли въ Митаву 11-го числа. Митава — столица курляндская. Въ ней владѣтельница государыня царевна Анна Ивановна; при ней изъ Русскихъ генералъ кригсъ-коммиссаръ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, полкъ драгунскій каргопольскій. Пути отъ Мемеля 33 мили.

Поѣхали отъ Митавы 12-го числа.

Пріѣхали въ Ригу 13-го числа. Разстояніе 7 миль. Въ Ригѣ губернаторъ князь Никита Ивановичъ Репнинъ далъ намъ подорожную, чтобъ намъ до Санкпетербурга давали по подставамъ почтовыхъ — по подводѣ на человѣка, съ прогонами, а на прогоны намъ денегъ не далъ.

Выѣхали мы изъ Риги 15-го числа.

Прибыли въ Дерптъ 17-го числа.

18-го изъ Дерпта въ Нарву.

Въ Нарву прибыли 19-го числа.

Изъ Нарвы поѣхали 20-го числа.

Прибыли въ Санкпетербургъ 22-го числа. Разстояніе отъ Риги [1]) 202 версты, отъ Дерпта до Нарвы 141, отъ Нарвы 165, всего 510 верстъ [2]). Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына [3]).

На завтрѣ собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адміралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адміралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво распрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что̀ знаетъ, и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ [1]). За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами. Флагманъ Зміевичъ, человѣкъ въ морской наукѣ весьма искусный, любопытствовалъ [2]) у каждаго изъ насъ о нашемъ въ навигаціи знаніи, и сколько примѣтить можно, Кайсарова [3]) и моими отвѣтами былъ довольнѣе.

На завтрѣ пошли мы въ адміралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, что онъ объ насъ доложитъ, и когда при-

---

[1]) Безъ сомнѣнія, до Дерпта.

[2]) Счетъ не вѣренъ; должно быть: 508 верстъ.

[3]) У Голикова (Дѣянія, т. XXIX, стр. 322—326), упоминается объ этомъ капитанѣ Преображенскаго полка Спицынѣ, который былъ „у государя, а паче у ея величества, въ великой милости“.

[1]) У Голикова: „Всѣ приняли насъ съ отеческою ласкою; а Григорій Петровичъ Чернышевъ распрашивалъ подробно о вояжѣ и о службѣ нашей, а паче что̀ каждый выучилъ; далъ намъ милостивое наставленіе, чтобъ мы, когда будемъ представлены государю, говорили безъ робости и правду, кто въ чемъ успѣлъ“.

[2]) У Голикова: „распрашивалъ“.

[3]) Тамъ же: „Кукарина“.

казано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣ бъ шли по домамъ [1]).

26-го числа была асамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ.

И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣзжались [2]), изъ коихъ генералъ-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ: «Я васъ теперь государю представлю». А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ то же, что̀ и въ своемъ домѣ и ласковымъ и милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Наконецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ожидали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть [3]). Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ въ поясъ. Онъ, будучи или нѐмощенъ или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣ ль на галерахъ, или иные и на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: «Я хочу ихъ самъ увидѣть на пратикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами». Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень громко сказалъ его величеству: «Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ [1]) въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ [2]) и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ [3]), возвратясь по твоей же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли [4]). Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать: «Я ихъ награжу; пусть только одну компанію прослужатъ!»—«Но легко ль, государь, гардемаринами служить», сказалъ Григорій Петровичъ, «такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?» Государь спросилъ его: «Кто жь бы такіе были, кто бъ такъ достоинъ?» Онъ ни мало не мѣшкавъ: «Кайсаровъ [5]) и Неплюевъ». Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня замѣшало, что я уже послѣ примѣтилъ, что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ

---

[1]) Тамъ же: „домой и ожидали повелѣнія“.

[2]) У Голикова: „На другой день въ 5 часовъ утра мы пришли, и при насъ съѣзжались присутствующіе“.

[3]) Тамъ же: „Вмѣстѣ почти съ ними прибыть изволилъ и его величество, но не тѣмъ путемъ прошелъ въ коллегію, на которомъ мы его ожидали, почему и не имѣли счастія видѣть очей его“.

---

[1]) У Голикова: „и отъ отечества“.

[2]) Тамъ же: „всякія нужды“.

[3]) Тамъ же: „потомъ объѣхавъ многія государства“.

[4]) У Голикова дѣла: „ни столько не знаютъ“.

[5]) Въ рукописи не вѣрно: „Куракинъ“. У Голикова: „Кукаринъ“.

пристально осматривать и потомъ, помолчавъ не много, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ [1]) полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ онъ и самъ быть желаетъ [2]); а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что̀ я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства́, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, кто бъ ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человѣколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его смиренномудріе, и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю благодарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословитъ его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Во ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріуготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюня на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дожидались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ: «Здорово, ребята». Потомъ, чрезъ нѣкоторое время впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-амиралъ приказалъ Зміевичу напредь распрашивать порознь, что́ кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь (а я былъ, по условію между нами, изъ послѣднихъ), то государь изволилъ подойдти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ: «Всему ли ты научился, для чего былъ посланъ?» На что̀ я отвѣтствовалъ: «Всемилостивѣйшій государь, прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты». При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при томъ изволилъ молвить: [1]) «Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бъ подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству». Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и цѣловалъ оную многократно [2]), а онъ мнѣ сказалъ: «Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй; буде что̀ знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи». И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разспросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу: «Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ» [3]). И

---

[1]) У Голикова: „въ первой половинѣ будущаго мѣсяца“.

[2]) Тамъ же прибавлено: „Это дѣло иное, сказалъ на сіе великодушный Григорій Петровичъ“.

[1]) У Голикова прибавлено: „Трудиться надобно“.

[2]) Тамъ же: „осмѣлился взять самъ его царскую ручку и, многократно цѣлуя оную, пролилъ радостныя слезы“.

[3]) У Голикова: „И какъ разспросы сіи касались до навигаціи и отвѣтами моими былъ онъ доволенъ, то государь велѣлъ ему экзаме-

по окончаніи у всѣхъ распросовъ, тутъ же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другого — Кайсарова [1]), а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами [2]). Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися [3]) морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно [4]), и всякій разъ [5]) благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ [6]). И отъ флагмановъ Григорья Петровича Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что: «Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ». Они же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу и былъ бы исправенъ. «Тоде его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя бы что̀ и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что̀ солжешь». Ихъ слова и въ правду явились. Однажды я пришелъ на работу, а государь уже прежде пріѣхалъ. Я испужался презѣльно и хотѣлъ бѣжать домой больнымъ сказаться, но вспомянувъ тотъ отеческій моего благодѣтеля совѣтъ, бѣжать раздумалъ, а пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государь находился; онъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Я уже, мой другъ, здѣсь!» А я ему отвѣчалъ: «Виноватъ, государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся [1]) и оттого опоздалъ». Онъ, взявъ меня за плечо, пожалъ, а я вздрогнулся, думалъ, что прогнѣвался: «Спасибо, малый, что говоришь правду: Богъ проститъ! Кто бабѣ не внукъ [2])! А теперь поѣдемъ со мной на родины» [3]). Я поклонился и сталъ за его одноколкою. Пріѣхали мы къ плотнику [4]) моей команды и вошли въ избу. Государь пожаловалъ родильницѣ 5 гривенъ и съ нею поцѣловался; а я стоялъ у дверей; онъ мнѣ приказалъ тоже сдѣлать, а я далъ гривну. Государь спросилъ бабу-родительницу: «Что̀ далъ поручикъ?» Она гривну показала, и онъ засмѣялся и сказалъ: «Ей, братъ, я вижу ты даришь не позаморски».—«Не чѣмъ мнѣ, царь-государь, дарить много; дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда бы не ваше царское жалованье, то бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего». Государь спросилъ, что̀ за мною душъ, и гдѣ испомѣщенъ? Я все разсказалъ справедливо и безъ утайки. А потомъ хозяинъ поднесъ на деревянной тарелкѣ въ рюмкѣ горячаго вина; онъ изволилъ выкушать и заѣлъ пирогомъ съ морковью [5]). А потомъ и мнѣ поднесъ хозяинъ; но я отъ роду не пивалъ горячаго, не хо-

---

новать меня въ математикѣ, далеко ль я успѣлъ въ оной. Милостивое одобреніе, какое видѣлъ я въ очахъ монарха, сдѣлало меня неробкимъ; я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно".

[1]) Въ рукописи „Куракина"; у Гол. Кукарина.

[2]) У Голикова: „а всѣхъ другихъ мичманами".

[3]) У Голикова: „галерами и другими".

[4]) Тамъ же добавлено: „когда онъ не былъ въ отлучкѣ".

[5]) Тамъ же: „всякій пріѣздъ свой на работы".

[6]) Тамъ же: „о разныхъ матеріяхъ, паче же касательно до должности и званія моего".

[1]) У Голикова: „и долго меня позадержали". [2]) Тамъ же: „Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ"! [3]) Тамъ же: „По окончаніи работы государь сказалъ мнѣ: „Ты вчера былъ въ гостяхъ; а меня сегодня звали на родины; поѣдемъ со мною". [4]) Въ рукописи и у Свиньина ошибочно: „полковнику", у Голикова „плотнику".

[5]) У Голикова добавлено: „лежавшемъ на столѣ".

тѣлъ пить. Государь изволилъ сказать: «Откушай, сколько можешь; не обижай хозяина». Что я и сдѣлалъ. И изъ своихъ (рукъ) пожаловалъ мнѣ, отломя кусокъ пирога и сказалъ: «Заѣшь! Это родимая, а не италіянская пища». Потомъ изволилъ поѣхать, а я домой пошелъ обѣдать.

Былъ я также, по указу государеву, для переводу у чужестранныхъ министровъ, когда ихъ трактовали на новоспущенномъ кораблѣ, и когда государь изволилъ съѣзжать съ онаго, то пожаловалъ мимо идучи мнѣ поцѣловать руку.

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ [1]). Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени, изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ. Александра Гавриловичъ [2]) отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда. «Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?» Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ: «Вотъ онъ за тобою стоитъ».—«Да ихъ стоитъ за мною много», сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ: «Твой хвалёный, что у галернаго строенія». Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать: «Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему государю въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ [1]). Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку, говорилъ: «Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить». Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить: «кого жь я возьму на его мѣсто?» И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости [2]); а я не могъ ему промолвить ни слова.

25 генваря изъ коллегіи иностранной [3]) присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать во оную для посылки ре-

---

[1]) У Голикова дополнено: „Государь съ боярами сидѣлъ за однимъ столомъ, а офицеры въ другой комнатѣ за другимъ“.

[2]) У Голикова: „Господинъ Головкинъ“; это былъ второй сынъ государственнаго канцлера графа Гаврилы Ивановича (1660—1734 г.) ум. въ 1760 году.

[1]) У Голикова: „я упалъ къ ногамъ его величества и, схватя оныя, цѣловалъ, проливая слезы, называя его отцемъ“.

[2]) У Голикова: „обнялъ меня и съ искренностію сердца поцѣловалъ, поздравилъ съ новою моею должностью“.

[3]) У Голикова добавлено: „въ адмиралтейскую при сообщеніи“.

зидентомъ ко двору султана турскаго въ Константинополь.

26-го генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по три тысячи рублей; на подъемъ пожаловалъ государь тысячу рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово: «Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!» О разговорахъ при томъ бывшихъ, не описую, потому что запамятовалъ, съ единой стороны отъ того, что я обрадованъ былъ таковымъ милостивымъ мѣстомъ и отпускомъ; съ другой стороны, я совершенно былъ внѣ себя отъ печали и отъ слезъ съ нимъ, государемъ, прощаясь [1]). Потомъ былъ я для прощанія у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ [2]). Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералъ-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: «Дуракъ!» Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ тоже слово: «Дуракъ!» На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ помолчавъ сказалъ: «Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе [1]) по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?» Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня: «Потому-то ты и дуракъ! Да добро, помиримся и простимся съ тобою! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, то бъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду». Я доложилъ на сіе его сіятельству, что я жену намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. «Ну такъ вели ей ко мнѣ писать, сказалъ на то генералъ-адмиралъ; я всякую ей помощь сдѣлаю» [2]). Простясь я съ нимъ, для того жь пошелъ къ Григорью Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ

---

[1]) У Голикова: „Разговоровъ и отеческихъ наставленій его величества не могу припомнить, потому что находился тогда отъ печали, прощаясь съ государемъ, внѣ себя и какъ бы помѣшаннымъ“.

[2]) Тамъ же: „яко безопытнаго въ дѣлахъ министерскихъ“.

[1]) У Голикова добавлено: „по крайней мѣрѣ“.

[2]) У Голикова: „....прикажи же женѣ-то твоей, что буде ей въ чемъ нужда будетъ, за всѣмъ ко мнѣ присылать; я ея не оставлю“. „Я, государь, намѣренъ ее отправить въ деревнишку свою, ибо здѣсь содержать ей себя не можно“. „Фу, какая бѣда! Инъ — вели ей ко мнѣ писать, это все равно“, заключилъ графъ.

дѣло мое съ подлежащею вѣрностію [1]): «А прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по [2]) вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я-де за тебя его уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ, и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать». А сверхъ того и такое сдѣлалъ мнѣ благодѣяніе: изъ деревень его замосковныхъ Ерополецъ [3]) былъ отданъ въ рекруты во флотъ одинъ крестьянинъ, именемъ Аѳанасій, который по той причинѣ жилъ въ домѣ Григорья Петровича и всему былъ обученъ и весьма проворенъ; того онъ далъ мнѣ вмѣсто деньщика, а моего деньщика взялъ на то мѣсто, увѣривъ меня, что я на сего человѣка могу во всемъ положиться. Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученія, о чемъ я прежде по истинѣ и не думалъ.

Изъ Санкпетербурга выѣхалъ я, и при мнѣ сынъ мой Адріанъ, бывшій тогда по 9-му году, марта 9-го числа 1721 году, и заѣхалъ въ деревню мою въ сельцо Поддубье, и тутъ 2 дни пробывъ, оставивъ жену мою и сына моего Ивана и дочь Марью, самъ отправился въ путь, оставя жену мою беременну, которая и родила дочь Марѳу, коя умерла вскорѣ. Пріѣхавъ въ Москву, получилъ я пожалованныя деньги и закупилъ потребное; и тутъ я увидѣлъ, какимъ проворнымъ и усерднымъ человѣкомъ наградилъ меня Григорій Петровичъ.

[1]) У Голикова добавлено: «и усердіемъ».
[2]) Тамъ же: „министерскимъ“.
[3]) Ерополецъ, Ярополчь или Казанское, большое село Московской губерніи, по дорогѣ въ Зубцовъ, въ 115 в. отъ Москвы, на р. Ламѣ.

1721 года сентября 8-го числа прибылъ я въ Царьградъ и октября 17-го числа имѣлъ купно съ прежнимъ посланникомъ Даниловымъ аудіенцію у султана турецкаго Ахмета, на коей о себѣ подалъ вѣрющую грамоту, и прежде были на аудіенціи у визиря его Ибрагима.

Того-жъ году октября 22-го числа его царское величество Петръ Первый самодержецъ всероссійскій изволилъ воспріять императорскій титулъ и съ того времени начали писать во всѣхъ письмахъ императоромъ.

1722 года октября 31-го дня отправилъ я сына моего Адріана и при немъ дядькою вышеписаннаго Аѳанасья еропольскаго чрезъ Мальту и Францію въ Голландію для науки, а въ Голландію рекомендовалъ его послу князю Куракину.

Того же года его императорское величество Петръ Первый изволилъ ходить съ войсками въ Персію противъ персидскихъ бутонщиковъ Лезвовъ за учиненныя отъ нихъ убійства и убытки россійскимъ купцамъ въ Шамахѣ; тѣмъ походомъ взятъ городъ Дербентъ.

Въ началѣ 1723 году прислана ко мнѣ отъ его императорскаго величества полная мочь трактовать съ Портою о персидскихъ дѣлахъ подъ медіаціею французскаго посла марки де Бонака по причинѣ начатой его величествомъ войны въ Персіи, по случаю которой посланъ отъ Порты ко двору россійскому посланникъ Капиджи-Пашаникли-Мехметъ-Ага.

Того жъ года мѣсяца іюля умеръ сынъ мой Иванъ 7 лѣтъ отъ роду.

Въ семъ-же году взятъ персидскій городъ Баку.

Сентября 12-го числа того-жъ году его величество заключилъ трактатъ

съ персидскимъ шахомъ Тахмасебомъ. Въ слѣдствіе вышеписаннаго полномочія происходили съ турецкими министрами рейсъ-ефендіемъ Мегметомъ да Хаджи-Мустафою-ефендіемъ многія конференціи, и наконецъ 1724 году іюня 27-го дня заключилъ я, Неплюевъ, подъ медіаціею того посла марки де Бонака, о персидскихъ дѣлахъ трактатъ, а тѣми размѣнялся съ самимъ визиремъ Ибрагимъ-Пашею, при чемъ визирь подарилъ мнѣ шубу соболью, да лошадь съ уборомъ.

Съ онымъ трактатомъ послалъ я ко двору переводчика Мальцева, которому, по прибытіи въ Петербургъ, велѣлъ я оному и мою реляцію подать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ отправилъ письмо къ моему благодѣтелю Григорью Петровичу Чернышеву, также и къ Андрею Ивановичу Остерману слѣдующаго содержанія:

«Милостивый ко мнѣ государь Григорій Петровичь!»

«Ваше превосходительство первая причина моего благополучія, и я по милостивому вашему предстательству пожалованъ чиномъ и награжденъ мѣстомъ сверхъ моего достоинства; нынѣ же нахожусь, что отпуская сего курьера, и во ожиданіи—какъ мои дѣла приняты будутъ, въ безмѣрномъ страхѣ, и если оныя къ несчастью моему не угодны окажутся его императорскому величеству, то по истинѣ я жить болѣе не желаю, но вамъ до послѣдней минуты жизни съ совершеннымъ благодарнымъ высокопочитаніемъ пребуду».

«Милостивый государь Андрей Ивановичь!»

«При отъѣздѣ моемъ милостиво меня обнадежить изволили не оставлять меня вашею протекціею, а какъ нынѣ при полученіи сего курьера, вамъ, милостивый государь, къ тому есть пространный случай, то о показаніи вашея ко мнѣ милости и прошу покорно. Ей, ей, Богомъ свидѣтельствуюсь, что весь смыслъ мой употребилъ сдѣлать его императорскому величеству угодное; но какъ принято будетъ, и могъ ли я предусмотрѣть всѣ виды пользы, того не знаю, и сіе меня мучитъ смертельно, и доколѣ не возъимѣю на оное отвѣта, въ страданіи останусь; и потому васъ, милостивый государь, покорно прошу оказать ко мнѣ и ту милость—увѣдомить меня, не умедля, ибо коллежское отправленіе такъ быть не можетъ; а я за все то инымъ ничѣмъ воздать не имѣю, какъ славить вашу милость и до послѣдняго издыханія пребыть со искреннѣйшею благодарностію и высокопочитаніемъ».

Августа 25-го числа получилъ я отъ Андрея Ивановича Остермана письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой Иванъ Ивановичь!»

«Не имѣлъ я желаннаго случая оказать вамъ мои услуги по причинѣ присланной піесы вашей съ господиномъ Мальцевымъ, потому что пакетъ вашъ и письма всѣ партикулярныя распечатаны въ коллегіи того-жь дня въ присутствіи императора; я только предварительно васъ могу увѣдомить и поздравить, что его императорское величество не токмо въ томъ поступокъ вашъ апробовать, но и наградить васъ чиномъ, деревнями и для фамиліи вашей жалованьемъ соизволилъ. Позвольте жь мнѣ васъ со всѣмъ тѣмъ поздравить, а себѣ испросить у васъ время ко оказательству услугами моими самымъ дѣйствіемъ того почтенія, съ коимъ я есмь и пребуду навсегда при должномъ почтеніи».

Сіе письмо получилъ я, будучи на асамблеи у цесарскаго министра, и съ сего часа начало проходить мое уныніе, въ которомъ я былъ съ самаго дня заключенія трактата.

Августа 29-го числа получилъ я указъ, что его императорское величество, выслушавъ присланныя письма съ Мальцовымъ, апробовать мой поступокъ въ томъ изволилъ и меня пожаловалъ: 1-е) капитаномъ морскимъ 1-го ранга; 2-е) деревнями въ Устюжно-Желѣзопольскомъ уѣздѣ 400 душъ; 3-е) женѣ и дѣтямъ моимъ производить отъ адмиральтейской коллегіи жалованье полное по морскому моему чину; 4-е) сыну моему Адріану, находящемуся въ Голландіи, жалованья по 300 рублей на годъ съ повелѣніемъ обучаться ему математическимъ и протчимъ наукамъ. Съ ратификаціею на оной трактатъ къ Портѣ присланъ генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

1725 году въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ [1]), такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ; да иначе бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими [2]); научилъ узнавать, что и мы люди [3]); однимъ словомъ, на чтó въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтò бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ-вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными.

1727 году, ея императорское величество государыня императрица Екатерина Алексѣевна изволила жену мою повелѣть, по прошенію моему, отпустить въ Царьградъ и на дорогу пожаловала 500 руб. и въ провожатые съ нею повелѣла отпустить съ жалованьемъ флота лейтенанта Василья Ивановича Татищева, ея двоюроднаго брата, да прапорщика Наковальнина, и подводы до Кіева съ казенными прогонами; а того-жь году августа 15-го дня прибыла въ Царьградъ.

1728 году іюля 17-го числа, его императорское величество Петръ II-й пожаловалъ меня, Неплюева, въ галерной флотъ капитаномъ-командоромъ.

1730 году генваря 19-го числа, въ 3 часу по полудни, родилась въ Царьградѣ дочь моя Анна, которая въ замужствѣ коммерцъ-коллегіи за вице-президентомъ Лунинымъ.

Того жь году декабря 2-го числа, ея величество государыня императрица Анна Ивановна пожаловала меня, Неплюева, въ галерный флотъ шоубенахтомъ.

1731 году мая 12-го числа, въ 8 часу по полудни, въ Царѣградѣ, родился сынъ Николай, который нынѣ находится въ кадетскомъ корпусѣ сержантомъ. (А сіе о немъ и о дочери моей приписано 1750 году).

1732 году, отъ пріѣхавшаго изъ Аѳонскихъ горъ архимандрита былъ я зараженъ повѣтріемъ, почему, жалѣя жену мою и дѣтей, также и служителей, въ предмѣстіи у Царьграда, именуемомъ Буюкдере, заперся во особую комнату и получалъ пропитаніе въ окно, никого къ себѣ не до-

[1]) У Голикова добавлено: „и подданныхъ своихъ истинномъ отцѣ".

[2]) Тамъ-же: „съ лучшими державами."

[3]) Тамъ-же: „научилъ узнавать насъ свои дарованія и способности".

пуская; жена моя ежечасно у дверей о томъ со слезами просила меня; но при помощи Божіей, принимaніемъ хины съ водою, которая поносъ производила, отъ той язвы хотя и исцѣлился, но съ самаго того времени чувствую частые и тяжкіе припадки; а по вышеписанному обстоятельству, опасаясь быть причиною напрасной смерти жены моей и дѣтей, вознамѣрился я ихъ возвратить въ отечество, почему противъ воли жены моей, дѣтей моихъ, Анну и Николая изъ Царяграда марта 11 дня, отправилъ съ чрезвычайнымъ посланникомъ, княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ, къ Оттоманской Портѣ пріѣзжавшимъ [1]).

1734 году нашелся я столь отягченъ болѣзнію и отъ того пришелъ въ такую слабость, что медики отказались отъ пользованія, и по сей причинѣ принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться и на свое мѣсто именемъ ея величества акредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что̀ учинено 30-го декабря того-жь году, а ко двору о всемъ вышеписанномъ представилъ; почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію.

[1]) Князь Иванъ Андреевичъ Щербатовъ, извѣстный русскій дипломатъ первой половины XVIII в.; род. въ 1696 г., съ 1719 г., учился въ Лондонѣ и въ 1723 г. былъ оправленъ въ Испанію, чтобъ завязать торговыя сношенія съ тамошними купцами, въ 1726 г. въ туже страну былъ назначенъ посланникомъ; затѣмъ, какъ говоритъ Неплюевъ, пріѣзжалъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Царьградъ, потомъ былъ президентомъ юстицъ-коллегіи и наконецъ посланникомъ въ Лондонѣ; ум. въ 1761 г. Онъ въ 1720 г. перевелъ сочиненіе Джона Ло „Деньги и купечество", а въ 1724 г. написалъ „Вѣдѣніе о торговлѣ россійской". Свѣдѣнія о немъ въ письмахъ герцога де Лиріа („Осмнадцатый вѣкъ, кн. II и III) и въ изслѣдованіи *П. П. Пекарскаго* „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", т. I

Въ 1735 году прибылъ я въ С.-Петербургъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, съ тѣмъ, чтобъ присутствовать мнѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ 1737 году посланъ я съ двумя еще послами въ Немировъ, на конгрессъ, для трактованія [1]) съ Турками; но въ семъ не преуспѣли, за несогласіемъ съ другими послами; почему два нашихъ посла и возвращены ко двору, а мнѣ повелѣно въ ожиданіи, удобнѣйшаго къ тому случая ѣхать въ Кіевъ, а между тѣмъ быть губернаторомъ для заграничной корреспонденціи, во время войны съ Турками, по окончаніи которой употребленъ я полномочнымъ министромъ къ разграниченію земель, по трактату съ высочайшимъ государыни императрицы Анны Ивановны обнадеживаніемъ, что если я сіе исполню, то принятъ буду въ особую ея милость и награжденъ буду орденомъ святаго Александра и великими деревнями, которое въ 1740 году между рѣкъ Буга и Днѣпра мною и учинено [2]) и возвратился въ Кіевъ, во ожиданіи указа.

Тогожь году декабря 4-го числа преставилась въ Кіевѣ жена моя Ѳедосья Ѳедоровна и погребена надъ Ѳеодосіевыми пещерами, внутри церкви, стоящей у землянаго вала.

Въ томъ-же году присланнымъ указомъ повелѣно мнѣ быть въ Петербургъ, для вящшаго объясненія по моей комиссіи и для переговоровъ съ турецкимъ посломъ, въ Санктпетербургѣ находящимся; по пріѣздѣ мо-

[1]) У Голикова: прибавлено „о мирѣ"

[2]) Въ статьѣ: „Историческія бумаги XVIII вѣка", помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн. I, находится одно письмо И. И. Неплюева къ герцогу Бирону, отъ 4-го сентября 1740 г, изъ лагеря при р. Бугѣ.

емъ въ Петербургъ, отъ правительницы Анны, по силѣ обѣщанія императрицы Анны Ивановны, награжденъ орденомъ святаго Александра и немалыми въ Украйнѣ деревнями, а именно: волостью Ропскою и мѣстечкомъ Быковымъ со всѣми ко онымъ принадлежностьми, въ коихъ было болѣе 2000 дворовъ, и пожалованъ я надъ всею Малороссіею главнымъ командиромъ, почему я изъ Петербурга и отъѣхалъ.

Въ проѣздъ моей, въ Москвѣ женился на дѣвицѣ Аннѣ Ивановнѣ, дочери покойнаго генералъ-поручика Ивана Ивановича Панина, [1]) 1741 году октября 7 дня, и съ нею отправился къ управленію Малороссіею, въ Глуховъ. Въ исходѣ того года присланъ въ Глуховъ съ объявленіемъ о восшествіи на престолъ императорской дщери Петра Перваго, цесаревны Елисаветъ Петровны, Александра Борисовичъ Бутурлинъ, коему повелѣно меня, смѣня отъ всѣхъ должностей, отправить въ Петербургъ, а при томъ публиковать, такъ какъ и во всемъ государствѣ публиковано было, что всѣ указы, какого-бы званія ни были, данные въ бывшее правленіе, уничтожаются, и всѣ чины и достоинства отъемлются, и посему я увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ знатнаго поста, ордена и деревень; но какъ я во всю мою жизнь и всѣмъ бывшимъ на престолѣ службу отправлялъ по всей возможности силъ моихъ и ни въ какія придворныя дѣла никогда и нисколько не мѣшался, то, возложась на промыслъ Божій, выѣхалъ изъ Глухова немедленно и путь продолжалъ съ поспѣшностью, дабы узнать скорѣе мой жребій и успокоить страждующую жену мою, которая, самое малое время живъ со мною, ввергалась чрезъ меня, хотя и неповинно, чему самъ Богъ свидѣтель, въ такое бѣдственное и неизвѣстное состояніе. Пріѣхавъ въ Москву, узналъ отъ тещи моей, Аграфены Васильевны, что меня обвиняютъ дружбою съ графомъ Андреемъ Ивановичемъ Остерманомъ, и что онъ и другіе признаны достойными наказанія, и публично то надъ ними исполнилось; и хотя я ничего противнаго отечеству и самодержавной власти не только не дѣлалъ, но не слыхалъ, но ей-ей и никогда и не думалъ; со всѣмъ тѣмъ сія вѣдомость меня потревожила несказанно. Въ графѣ жь Андреѣ Ивановичѣ имѣлъ я всегда моего благодѣтеля, и за что онъ такъ осужденъ былъ, того также, по совѣсти, какъ предъ Бога явиться, не вѣдалъ; но, жалѣя бѣдную жену мою, старался ее ободривать; да и въ самомъ дѣлѣ возложился на Бога и на мою неповинность, и съ тѣми мыслями въ Петербургъ прибылъ, и явился у князя Алексѣя Михайловича [1]) и у князя Никиты Юрьевича [2]), кои мнѣ всегда были благодѣтели. Князь Никита Юрьевичъ сказалъ, чтобъ я ѣхалъ къ принцу Гессенъ-Гомбургскому и ему доложилъ о моемъ пріѣздѣ, что̀ я и сдѣлалъ. Отъ принца присланъ былъ ко мнѣ приказъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ моея у него бытности, чтобъ я никуды не съѣзжалъ съ двора, и потомъ увѣдалъ, что въ бывшей особоучрежденной Коммисіи въ 16-ти пунктахъ допрашивали графа Остермана: не вѣдалъ ли о семъ Неплю-

[1]) Отецъ гр. Никиты и Петра Ивановичей, род. 1673 г., ум. 1736 г. Въ Рос. род. книгѣ" Долгорукова, I, стр. 166, и у Лонгинова. (XVIII в., III, стр. 168) онъ названъ Иваномъ Васильевичемъ; но показаніе Неплюева едвали можно считать не вѣрнымъ.

[1]) Черкасскаго (род. 1680, ум. 1742 г.).

[2]) Трубецкаго (род. 1700 г., ум. 1768 г.).

евъ; а онъ давалъ отвѣты, какъ то и подлинно и было, что я ни о чемъ не былъ извѣстенъ; и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отперeться, что онъ былъ мой благотворитель и человѣкъ таковыхъ дарованій ко управленію дѣлами, каковыхъ мало было въ Европѣ [1]).

Въ началѣ 1742 года присланъ ко мнѣ отъ принца приказъ, чтобъ я у двора явился, что̀ я и исполнилъ, и при семъ случаѣ поставленъ я былъ на колѣни предъ церковью въ то время, когда императрица Елизаветъ Петровна проходила во оную; она изволила, остановясь, возложить на меня паки орденъ святаго Александра и пожаловать меня допустить къ рукѣ; я, увидѣвъ дщерь государя, мною обожаемаго, въ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и государя Петра Перваго, такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ опочивающаго родителя. Потомъ сдѣлалъ я визиты всѣмъ знатнымъ. Старый мой благодѣтель, Григорій Петровичъ, принялъ меня, какъ роднаго, и всѣ силы употреблялъ къ защищенію моей невинности, но не преуспѣлъ въ томъ. Чрезъ нѣсколько дней сдѣлана мнѣ отъ сената повѣстка, чтобъ я во оный явился, гдѣ мнѣ объявленъ ея величества именной указъ, чтобъ ѣхать въ Оренбургскую экспедицію командиромъ, которая экспедиція учреждена въ 1735 году для новоподдавшагося Киргизъ-Кайсацкаго кочующаго между морей Каспійскаго и Аральскаго народа, и для распространенія коммерціи, утвержденія отъ того степнаго народа границы; а въ какомъ состояніи я нашелъ тамошнія дѣла, что̀ преуспѣлъ, то ниже показано будетъ.

По содержанію того высочайшаго повелѣнія, отправился я съ покойнымъ по невинности моей духомъ; но въ несчастіе таковое приведенная жена моя, съ самого сего дня, повергглась во уныніе, и отъ того никакимъ совѣтомъ ее я извлечь не могъ, отъ чего и почувствовала тяжкіе болѣзненные припадки. Прибылъ я наконецъ съ нею и съ дѣтьми моими, Анною и Николаемъ, въ Самару, въ которомъ, на Волгѣ лежащемъ городѣ, всѣ командиры той экспедиціи имѣли свое пребываніе, а граница оставалась вся неукрѣпленною, кромѣ нѣкотораго малаго числа крѣпостей по Самарской и Яицкой линіямъ, и главнѣйшая изъ тѣхъ крѣпость, именуемая Оренбургъ, а послѣ мною переименованная Орскою, на рѣкѣ Яикѣ, была окружена заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ брустверомъ и снабженная малымъ числомъ гарнизона. Въ ту крѣпость Орскую по однажды въ годъ ѣзжали командиры со многочисленнымъ кон-

[1]) Порошинъ, въ своихъ „Запискахъ (стр. 75—76), приводитъ разсказъ Н. И. Панина, что по дѣлу Волынскаго„ дошло было и до князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, но что спасъ его въ то время Иванъ Ивановичъ Неплюевъ; какъ послѣ добрались до Остермана, и князь Никита Юрьевичъ былъ въ коммиссіи, то и Ивана Ивановича Неплюева также было выслуживаясь хотѣлъ управить какъ Остермана, говоря, что въ немъ душа Остерманская» — Приводимъ здѣсь кстати и другой разсказъ Панина о Неплюевѣ, относящійся ко временамъ императрицы Анны и также записанный Порошинымъ (стр. 151—152): «Иванъ Ивановичъ въ свое время человѣкъ былъ гораздо не глупый и дѣловой; особливо похвалялъ (Панинъ) сочиненный имъ во владѣніе императрицы Анны Іоанновны, по приказанію графа Остермана, указъ о выкупѣ и о закладѣ имѣній, называя указъ сей сочиненіемъ весьма благоразумнымъ и достойнымъ быть въ законахъ государства просвѣщеннаго. Сей указъ послѣ отмѣненъ, какъ Никита Ивановичъ изволилъ сказывать, по предложенію князя Никиты Юрьевича“.

воемъ, потому что по всей той линіи регулярныхъ командъ нигдѣ не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, названныхъ казаками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населенныхъ, а въ зиму и вовсе коммуникація съ Яицкою линіею пресѣкалась.

Увѣдавъ о всемъ томъ, первою должностію почелъ осмотрѣть всѣ мѣста и положенія той линіи; почему того-жь 1742 году по онымъ и ѣздилъ и, сдѣлавъ примѣчанія, опредѣлилъ заведенныя селенія и вновь мною на пустыхъ и удобныхъ мѣстахъ назначенныя, укрѣпить по правиламъ фортификаціоннымъ и отъ степнаго народа къ оборонѣ достаточными.... [1]) снабдя всѣ тѣ мѣста гварнизономъ изъ регулярныхъ, артиллеріею и пороховыми казнами, а прежде меня названную крѣпость Оренбургскую переименовалъ Орскою, по близости рѣки того названія, укрѣпить валомъ съ бастіонами. Къ переименованію жь имени сей крѣпости, и что я за главную къ торговлѣ ту не могъ назначить, были таковыя причины: 1-е, то мѣсто безлѣсно; 2-е, построена на поемномъ мѣстѣ и по сему къ житью не здорово; 3-е, для произведенія торговли по отдаленности и по опасности въ проѣздахъ купцамъ россійскимъ не способная; 4-е, въ проѣздъ къ той крѣпости по пустымъ мѣстамъ, всегда подвержены были купеческіе капиталы грабленію отъ Киргизцовъ, что̀ и ежегодно исполнялось. Для всѣхъ сихъ обстоятельствъ и болѣе для ближайшаго надзиранія надъ склоннымъ къ бунтамъ Башкирскимъ народомъ, внутри тѣхъ линій поселеннымъ, избралъ я мѣсто ниже по теченію рѣки Яика прежде означенной главной крѣпости 250 верстъ и основалъ тутъ крѣпость, которую и наименовалъ, слѣдуя первому названію, Оренбургомъ. О всемъ выше писанномъ донесъ я какъ въ сенатъ, такъ и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, отъ коихъ и получилъ во всемъ томъ апробацію. Возъимѣвъ тое̇, было мое стараніе привесть тотъ городъ въ порядокъ, какъ для безопасности жителей, назнача оный оградить рвомъ и валомъ съ каменною одеждою въ цирконференціи безъ мала 5 верстъ, и снабдить достаточнымъ гарнизономъ и поселянами, для коихъ, какъ и многія публичныя строенія, построилъ я изъ казны, приманивая купцовъ изъ Самары и изъ другихъ мѣстъ разными выгодами; а какъ во всякомъ случаѣ лучшій примѣръ къ снесенію труда можетъ подать командующій, то я самъ на томъ мѣстѣ жилъ въ палаткахъ до ноября мѣсяца, имѣя только для дочери моей кибитку, а для себя обыкновенную землянку, каковыя и у послѣдняго жителя были, и не прежде въ построенный командирскій домъ вошелъ, какъ и всѣ жители—въ ихъ домы, а гарнизонъ—въ казармы, и болѣе уже (по прежнему обычаю командировъ) въ Самару, то есть въ Русь, не возвращался. Сіе исполнивъ, обратилъ я мое вниманіе на приманиваніе къ торговлѣ купцовъ изъ Россіи, также и Азіятцевъ. О первыхъ писалъ я во всѣ магистраты, увѣряя, что польза собственная ихъ изъ словъ моихъ будетъ свидѣтелемъ; а для вторыхъ посылалъ я за границу грамоты, приглашая какъ Киргизцовъ, такъ Хивинцевъ, Ташкенцевъ, Кашкарцевъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ къ торговлѣ, обнадеживая и симъ ихъ пользою. Въ сію посылку употреблялъ я магометанъ, Татаръ слободы Сеи-

[1]) Въ рукописи пропускъ одного или нѣсколькихъ словъ.

товой [1]); и какъ сей народъ легко ослѣпленъ быть можетъ корыстію, то я сихъ Татаръ и наградилъ изобильно и обнадежилъ, по исполненіи ихъ комиссіи съ успѣхомъ, наградить еще болѣе, кои, получа первое и льстясь послѣднимъ, столь усердно по всѣмъ тѣмъ областямъ старались, что съ 1745-го году знатный торгъ въ Оренбургѣ возъимѣлъ начало, такъ что я уже въ состояніи былъ, вмѣсто получаемыхъ отъ начала той экспедиціи ежегодно до 30,000 р. изъ казны, содержать оную отъ доходовъ пошлинныхъ; а сверхъ того, ввезено торгомъ въ Россію вошедшаго въ объявленіи слишкомъ 5000 р. серебра, а болѣе того числа вошло, кое не было въ объявкѣ, и не мало золота, а пошлинный сборъ доходилъ до 50 тысячъ въ годъ. Прежде меня отъ бывшей коммерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило.

Въ 1743-мъ году ѣздилъ я выше той Орской крѣпости, вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую, которое разстояніе отъ заложеннаго мною Оренбурга слишкомъ 700 верстъ, на коемъ, кромѣ Верхояицкой крѣпости, по всей линіи никакого не было укрѣпленія и селенія. По удобнымъ мѣстамъ назначилъ я созидать крѣпости и редуты, и тѣ снабдилъ гарнизонами и всѣмъ потребнымъ; къ размноженію-жь торга за полезное призналъ и на Уйской линіи построить одну крѣпость познатнѣе, для того что къ той рѣкѣ прилегаютъ Киргизцы Средней Орды, коимъ въ Оренбургъ на торгъ ѣздить за отдаленностью не было удобно, а болѣе для обузданія Башкирцевъ Ногайской дороги. Все сіе мое учрежденіе получило апробацію; а я, видѣвъ дѣламъ моимъ успѣхъ въ пользу отечества, былъ совершенно доволенъ и спокоенъ, забывъ ту прискорбность, съ коею въ сію экспедицію прибылъ. На возвратномъ моемъ пути съ верхней линіи, превозмогла грусть жену мою, которая въ томъ-же году, въ Орской крѣпости, преставилась. Я спѣшилъ удалиться сего мѣста, что̀ и исполнилъ, отдавъ ей послѣдній долгъ пристойнымъ погребеніемъ.

Въ 1745 году представилъ я о переименованіи сей экспедиціи въ губернію и о приписаніи ко оной отъ Казанской Уфимской и отъ Сибирской Исецкой провинцій, что̀ также апробовано. Во многихъ мѣстахъ лежавшіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минералы стараніемъ моимъ сдѣлались открыты; а по сему и желающіе явились заводить разные заводы, коихъ польза̀ какъ общая, такъ и частная заводчиковъ, всѣмъ уже извѣстна, почему я и описывать то оставляю.

Въ 1750 году дозволено мнѣ было наконецъ у двора на время явиться, дабы трактовать со мною по представленіямъ моимъ о начатіи торга въ Индію; почему я въ Петербургъ и пріѣхалъ. И въ сію бытность, слѣдуя волѣ моей, женился сынъ мой Николай на дочери Санктпетербургскаго оберъ-коменданта, князя Ѳеодора Васильевича Мещерскаго, Татьянѣ, что̀ и исполнилось мая 30 числа 1751 года; а въ томъ же годѣ, въ день торжества восшествія на престолъ, пожалованъ я дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и от-

[1]) Слобода Сеитова, подъ Оренбургомъ на рѣкахъ Сакмарѣ и Каргалѣ (нынѣ посадъ Сеитовскій или Каргала) основана Неплюевымъ въ 1744 г, и первоначально была заселена зажиточными торговыми людьми изъ Казанскихъ Татаръ. Историческія свѣдѣнія объ этомъ поселеніи см. въ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ: „Городскія поселенія Россійской имперіи“, т. III, стр. 492—497.

правленъ обратно въ Оренбургъ, не возъимѣвъ къ огорченію моему успѣха о начатіи предпріятаго мною въ пользу Россіи торга съ Индіею [1]). Возвратясь въ Оренбургъ, пребывалъ тамо во исполненіи по всей возможности моего долгу спокойно.

Въ томъ же 1751 году сынъ мой Николай, бывшій сержантомъ, атестованъ и въ докладъ написанъ въ подпоручики кадетскаго корпуса, по прошенію моему выпущенъ въ поручики армейскихъ полковъ и опредѣленъ въ мою команду, почему и причисленъ мною въ должность генеральсъ-адъютанта.

Въ началѣ 1752 года, по имянному указу, пожалованъ капитаномъ сынъ мой и прибылъ съ женою и двумя его сыновьями, Иваномъ и Николаемъ, ко мнѣ въ Оренбургъ и употребленъ мною къ правленію дѣлъ, какъ по воинской командѣ и заграничной экспедиціи, такъ и къ сочиненію по всѣмъ тѣмъ и губернскимъ дѣламъ отъ меня въ сенатъ, въ коллегіи иностранную и военную представленій, а сверхъ того, будучи я уже дряхлъ, вмѣсто себя посылалъ его въ разныя мѣста дѣлать примѣчанія для безсомнительнаго и вѣрнѣйшаго моего познанія.

Въ 1754 году родился мнѣ третій внукъ, коего я наименовалъ Самсономъ по той причинѣ, что прадѣдъ мой былъ того имени, который, будучи выгнанъ отъ роднаго своего брата изъ наслѣднаго ему дома, дожилъ вѣкъ свой въ недостаткахъ терпѣливо, но Провидѣніе, награждающее смиренныхъ и наказующее злыхъ, не токмо тому праведному Самсону принадлежащую, но и брату, обидѣвшему его, части доставило отцу моему.

Въ 1755 году мая 13-го числа преставился внукъ мой Николай, всякаго портрета къ сыну моему лицемъ сходнѣйшій, а въ томъ же годѣ іюля 20-го дня скончала жизнь и невѣстка моя, Татьяна Ѳедоровна. Скорбь, сею утратою сыну моему причиненная, потому что они жили столь согласно, какъ рѣдко и примѣры бываютъ, меня сокрушила. Стараясь его удалить отъ предмета, имъ столь любимаго, примыслилъ о отправленіи его вверхъ по линіи осмотрѣть вмѣсто себя какъ оную, такъ и внутри живущихъ Башкирцевъ, нѣтъ ли имъ отъ кого обидъ, что я и почасту чрезъ него, сына моего, дѣлывалъ; и какъ только объявилъ о семъ пути, то въ ту жь ночь приключилась мнѣ прежестокая горячка, и хотя жаръ мой пущаніемъ крови и убавленъ, но, продолжаясь, умножалъ мою слабость, почему я и принужденъ нашелся отмѣнить отправленіе сына моего. На третій день послѣ сего получилъ я изъ Исецкой провинціи репортъ, что Башкирцы Нагайской дороги, убивъ всѣхъ присланныхъ отъ Кабинета для сысканія къ фарфоровому заводу глины и каменотесцевъ, всѣ взбунтовались по разсѣянному во всѣхъ мѣстахъ и почти въ одинъ часъ возмутительному письму, коего сочинитель былъ одинъ изъ ихъ духовныхъ, именуемый Батырша, который имѣлъ въ разсѣяніи того почти всѣхъ духовныхъ себѣ помощниками; причины въ томъ по ихъ суевѣрію показаны, что они состоятъ, правовѣрные, подъ игомъ безвѣрнаго христіанскаго народа, и чтобъ каждый вѣрящій въ Бога и послѣдующій праведному Магомету принялъ въ защищеніе зако-

[1]) Извѣстія объ этихъ предположеніяхъ Неплюева сообщены въ книгѣ П. П. Пекарскаго: „Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова“ (Спб. 1867), стр. 32.

на оружіе, хотя бъ и съ погибелью каждаго и всѣхъ въ разсужденіи могущей встрѣтиться превосходной силы, но за то несумнѣннымъ награжденіемъ обѣщанныхъ благъ въ Алкоранѣ; а въ самое жь то время посланы отъ него Батырши какъ въ Казанскую губернію къ Татарамъ, такъ и Киргизъ-Кайсацкому народу, кочующему за Яикомъ, таковыя жь письма, въ коихъ назначенъ былъ день и часъ къ началу сего возмущенія; почему вдругъ по предписанному времени весь Башкирскій народъ взбунтовался. Оный Башкирскій народъ съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ; а Киргизцы начали производить набѣги за границу, какъ для погубленія Россіянъ, такъ и для вспоможенія Башкирцевъ. Все сіе, какъ выше я сказалъ, приключилось во время тяжкой моей болѣзни, но къ счастію, оставившей мнѣ память къ принятію мѣръ потребныхъ, кои состояли въ томъ, что я послалъ ордеры:

1-е. Во всѣ по линіи крѣпости и редуты о наблюденіи къ защищенію должной предосторожности; въ случаѣ возможности о дѣланіи поисковъ надъ злодѣями.

2-е. О немедленной высылкѣ изъ Яицкаго войска тысячи человѣкъ козаковъ.

3-е. Къ находящимся команды моей армейскимъ тремъ драгунскимъ полкамъ Московскому, Троицкому и Ревельскому, чтобъ немедленно внутрь Башкиріи вступили и тамо дѣлали поиски, не щадя не токмо жилищъ, но самыхъ Башкирцевъ, женъ ихъ и дѣтей, для вкорененія страха къ недопущенію сему злу распространиться.

4-е. Въ Казанской же губерніи пребывающимъ четыремъ армейскимъ полкамъ писалъ я, что хотя они и не въ моей командѣ, но начинающееся зло есть такого рода, что каждый по должности и присягѣ обязанъ быть послушнымъ начальнику, какъ то мнѣ, въ губерніи, въ которой оное открылось, и потому я высочайшимъ ея императорскаго величества именемъ командирамъ тѣхъ полковъ опредѣляю поспѣшить приходомъ своимъ въ Оренбургскую губернію, а въ случаѣ паче чаянія ихъ ослушанія, подвергнутъ себя командиры тягчайшему по законамъ штрафу; по приближеніи жь каждаго полка найдетъ командиръ въ предписанныхъ мѣстахъ себѣ наставленіе, куда слѣдовать и что̀ дѣлать, каковыя наставленія отъ меня во всѣ мѣста, куда тѣмъ полкамъ по способности слѣдовать надлежало, съ нарочными офицерами, знающими внутренность положеній башкирскихъ жилищъ, и разосланы.

5-е. Намѣстнику Калмыцкаго ханства Дундукъ-Тайшѣ писалъ я, скрывъ однакожь отъ него башкирское возмущеніе, чтобъ онъ прислалъ тысячу человѣкъ Калмыкъ по причинѣ умножающихся отъ Киргизцевъ наглостей, которымъ Киргизцамъ тѣ Калмыки были, есть и будутъ, по ненависти врожденной въ нихъ, непріятелями.

6-е. На Донъ къ атаману писалъ я, чтобъ прислалъ немедленно тысячу человѣкъ козаковъ.

7-е. Оренбургскихъ тысяча человѣкъ козаковъ и 500 Ставропольскихъ крещенныхъ Калмыкъ отправилъ я по линіи въ тѣ мѣста, гдѣ болѣе киргизскихъ набѣговъ имѣлъ причину опасаться, куда и пришедшихъ Яицкихъ казаковъ подъ командою ландмилицкаго Шешминскаго полка ка-

питана Тимашева, человѣка мнѣ весьма надежнаго, и во многихъ случаяхъ о храбрости его, будучи въ полкахъ, и въ знаніи какъ съ сими непріятелями поступать извѣданнаго.

8-е. Съ самаго жь начала полученія о семъ извѣстія писалъ я къ киргизскому Нурали-Хану, чтобъ онъ народъ свой удерживалъ отъ вспоможенія бунтовщиковъ Бишкирцевъ, а какъ оный ханъ надъ своими народами не самовластенъ, то я при томъ же велѣлъ писать и ко всѣмъ знатнымъ старшинамъ моему сыну, со обнадеживаніемъ за послушаніе высочайшей ея величества милости, которой опытомъ предварительно подтвердилъ я нѣкоторыми имъ подарками, а въ случаѣ ихъ ослушанія пристращиваніемъ ихъ достойнаго наказанія, тому жь посланному въ Киргизскую Орду изъ Магометанъ толмачу были отъ меня даны секретно сдѣланные нарочно на татарскомъ языкѣ листы отъ имени пребывающаго въ Оренбургѣ магометанскаго, ими почитаемаго знатнаго духовнаго [1]), такого содержанія, что онъ подвигу своихъ одновѣрцовъ, хотя и радуется, но какъ Башкирскій народъ, о чемъ и имъ Киргизцамъ извѣстно, вѣроломный и непостоянный, то онъ опасается, чтобъ оный, возъимѣвъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи съ помощію ихъ Киргизъ потомъ первою жертвою себѣ назначитъ ихъ же, Киргизцовъ. Таковы листы посланный мой иногда нарочно обранивалъ, а иногда по дружбѣ и отдавалъ въ руки; хотя сіе средство, употребленное мною въ старшинахъ и въ ханѣ, и имѣло желаемое дѣйствіе, но вообще въ народѣ не произвело успѣха; ибо тотъ Киргизскій народъ, будучи кочевый и степной, ко всякому воровству и грабительству наклонный, не внималъ никакихъ увѣщаніямъ, а пользовался симъ случаемъ, чтобъ наживаться.

9-е. Съ полученія жь о томъ бунтѣ вѣдомости, разослалъ я во всю Башкирію грамоты, коими прощались всѣ бунтовщики, кромѣ зачинщиковъ, такъ что всѣ безъ малѣйшаго наказанія останутся и пребудутъ при прежнихъ своихъ вольностяхъ, если съ полученія сего принесутъ повинную, а кто помянутаго Батыршу поймавъ привезетъ въ Оренбургъ, тому обѣщано дать 1000 руб.; а буде изъ простыхъ, то старшинское достоинство съ награжденіемъ богато осыпанной каменьями сабли, лисьей шапки и кафтана, а буде кто изъ послѣдователей его, Батырши, 10 человѣкъ имянитыхъ его учениковъ поймавъ приведетъ, тому дано будетъ 500 руб.; буде-же и за симъ милосердымъ объявленіемъ оный Башкирскій народъ останется въ возмущеніи, то съ онымъ и съ женами ихъ поступлено будетъ какъ съ злодѣями, безъ пощады и малолѣтныхъ ихъ дѣтей. При сихъ грамотахъ разосланы такъ же въ Башкирію, отъ имени предъупомянутаго въ Оренбургѣ находящагося духовнаго, нарочно сочиненные мною листы, коими онъ увѣщевалъ къ усмиренію, а что извѣстный Абызъ-Батырша не что иное есть, какъ прелестникъ и нарушитель ихъ покоя, что таковое за законъ вступленіе безъ подтвержденія всего ихъ духовенства не можетъ быть согласно съ святою книгою Алкораномъ, а посему и конецъ сему будетъ только

[1]) Безъ сомнѣнія, объ этомъ же магометанскомъ духовномъ лицѣ, Ахунѣ Ибрагимѣ Абдрахмановѣ (ум. въ 1761 г.), какъ о человѣкѣ ученомъ, знатокѣ татарской исторіи, упоминаетъ П. И. Рычковъ въ письмахъ къ В. Н. Татищеву, см. вышеупомянутое сочиненіе П. П. Пекарскаго, стр. 12, 13 и др.

ихъ погибель; онъ, яко бы сострадая объ нихъ и по ихъ невѣжеству сіе имъ упущая, совѣтуетъ, а инако должность его требуетъ ихъ признать за противниковъ закона. По сему и по вышеписаннымъ въ Киргизскую орду посланнымъ письмамъ, дабы прикрыть и вѣроятнѣе показать мною сдѣланное, принужденъ былъ ласкать поминаемаго Оренбургскаго Ахуна и съ нимъ иногда нарочно въ присутствіи другихъ магометанъ о семъ возмущеніи совѣтовать; онъ, какъ то и подлинно, не глупъ, недалеко отходилъ своими разсужденіями отъ написаннаго мною отъ его имени, хотя онъ о томъ и ничего не вѣдалъ.

10-е. Живущимъ же въ Башкиріи народамъ Тевтерякамъ, Мещерякамъ, которыхъ Башкирцы до вступленія подъ Россійскую державу считали своими подданными, послалъ я тогда грамоты, поощряя ихъ противъ бунтовщиковъ Башкирцевъ къ вооруженію, какъ то по подданнической должности, такъ и для собственной своея безопасности; ибо ненависть и гордость противъ ихъ башкирская имъ довольно извѣстна, и что главнѣйшая причина ихъ возмущенія есть та, чтобъ обратить ихъ въ прежнее рабство, а къ поимкѣ извѣстнаго Батырши и его учениковъ, я на нихъ Мещеряковъ и Тевтеряковъ болѣе всѣхъ надѣюсь; желалъ-бы, чтобъ обѣщанное за то награжденіе изъ нихъ кому досталось.

О всемъ вышеписанномъ донесъ я ко двору съ курьеромъ, съ которымъ я и получилъ на все апробацію; но между тѣмъ, пока команды въ Башкирію доходили и отправленныя отъ меня нерегулярныя войска пришли въ назначенныя мѣста, многое убивство отъ тѣхъ злодѣевъ произошло, и съ такою свирѣпостію, что, убивая Россіянина, тѣло его въ куски рѣзали, и сожгли заводъ Александры Ивановича Шувалова. Не могу и сего пропустить молчаніемъ, что при толь къ возмущеніямъ неправильнымъ причинамъ, какъ отъ того Батырши, такъ и отъ всѣхъ его сообщниковъ въ разсѣянныхъ письмахъ, а по производившимся послѣ допросамъ — ни одного слова къ нареканію моему въ управленіи ими не написано и не сказано. Разосланныя въ Башкирію отъ меня грамоты имѣли тотъ успѣхъ, что многіе, отъ намѣреннаго зла отставъ, приходили съ повинными, почему отъ меня и даваны таковымъ за моею рукою охранительные указы. Тевтяри и Мещеряки съ такою ревностію противъ Башкирцевъ вступились, какой только желать возможно было, а знатнѣйшіе ихъ старшины отправили отъ себя для сысканія тѣхъ возмутителей такихъ людей, которые ихъ и въ лицо знали. Въ сей же поискъ поѣхалъ одинъ престарѣлый и мною всегда любимый старшина мещеряцкій, коему было болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

По приходѣ жь всѣхъ мною требованныхъ и ожидаемыхъ командъ въ Башкирію, не могли уже бунтовщики во оной остаться, а принуждены нашлись перебираться за Яикъ, по условію своему, къ Киргизъ-Кайсакомъ, и хотя отъ меня къ пресѣченію и того приняты надлежащія мѣры, но какъ линія продолжается съ лишкомъ на 1000 верстъ, то во всѣхъ мѣстахъ того отвратить было не возможно, почему Башкирцевъ съ женами и съ дѣтьми перебралось болѣе 50000 душъ. При перелазахъ за Яикъ многіе побиты, а лошадей и имѣніе ихъ, кое при нихъ было, велѣлъ я отдавать тѣмъ командамъ, которыя при дѣлѣ были; къ чему я употреблялъ болѣе некрещенныхъ

Калмыкъ и Донскихъ казаковъ. Башкирцы, увидя себѣ къ переходу къ Киргизцамъ препятствія, обращались въ домы и приносили повинную, почему таковые всѣ были прощаемы; но я симъ покореніемъ ихъ не успокоился, потому что сіе было сдѣлано отъ нихъ по нуждѣ, и что мнѣ толикаго войска содержать въ губерніи невсегда возможно; то по сему обратилъ я мое вниманіе на искорененіе той надежды, которую Башкирцы на Киргизцовъ имѣли, что̀ я и исполнилъ слѣдующимъ образомъ. Послалъ я грамоты отъ себя въ Киргизскую орду съ разными Татарами Сеитовой слободы, а въ тѣхъ было написано, что ея императорское величество, примѣчая непоколебимую вѣрность къ себѣ Киргизскаго народа, хотя нѣкоторые изъ молодыхъ людей, и то самая малая часть, попользнулись, будучи обмануты Башкирцами, дѣлать внутри границъ набѣги, но сихъ по ихъ преступленію наказать предоставляетъ Киргизскому хану, однако съ тѣмъ, чтобъ никто изъ нихъ не лишенъ былъ жизни; и сіе все писано было для того, ибо ханъ тамъ, какъ выше писано, не самовластенъ и никого не только жизни лишить, но и штрафовать не можетъ, но для лучшаго успѣха послѣдующихъ тоя грамоты строкъ; прочихъ же того народа милуетъ ея величество женами и дочерьми и имѣніемъ перебѣжавшихъ къ нимъ Башкирцовъ, но съ тѣмъ, чтобъ мужчины отвезены въ Россію или бы выгнаны были изъ ихъ кочевья, за исполненіе чего, сверхъ того, награжденіе получитъ каждый по мѣрѣ своея въ томъ услуги.

Не успѣли сіи грамоты привезены быть въ орду, какъ склонные къ плотскому паденію магометане, Киргизъ-Кайсаки, тѣмъ пожалованіемъ желали пользоваться. Башкирцы-жъ, мужья и отцы, увидѣвъ въ своихъ защитникахъ и обнадеживателяхъ такое надъ женами ихъ и надъ дочерьми насильство, принуждены нашлись защищать ихъ съ потеряніемъ жизни, и симъ способомъ погибло не мало Башкирцевъ и Киргизцовъ. Ушедшіе изъ орды выгнанные присуждены были возвращаться на прежнія жилища, потерявъ женъ и дѣтей и свое имѣніе. На границѣ жь отъ меня приказано было таковыхъ пропускать въ ихъ жилища, дабы слухомъ симъ огнять у всѣхъ Башкирцевъ ту надежду, которую они на Киргизцевъ имѣли. Многіе, потерявъ матерей, сестеръ, женъ своихъ и дочерей, пріѣзжали ко мнѣ просить дозволенія переѣхать имъ за Яикъ для отмщенія и воздаянія за обиду обманувшимъ ихъ Киргизцамъ; я въ нихъ болѣе старался влагать къ нимъ ненависти, но чтобъ дозволить имъ въ улусы ихъ ѣхать, того я безъ указу не могу, ибо довольно съ нихъ и тоя милости, что они за возмущеніе остаются не наказанными, для того что киргизскій поступокъ съ женами ихъ и дочерьми довольно для нихъ наказателенъ; желая жь еще болѣе вражду между сими народами вкоренить, велѣлъ я переводчикамъ, чтобъ они отъ себя имъ совѣтовали, что: «генералу-де ѣхать вамъ позволить нельзя, а буде вы и поѣдите и Киргизцовъ разобьете, такъ надѣемся де взыскивать на васъ не будутъ».

Они, обрадовавшись сему совѣту, многими партіями собрались и поѣхали за Яикъ противъ Киргизцовъ, которые, плавая въ новомъ сластолюбіи и вознадѣясь, что разоренные Башкирцы не осмѣлятся о женахъ и дѣтяхъ своихъ и помыслить, пребывали безпечно.

Между тѣмъ послалъ я по линіи къ командирамъ секретные ордеры, что если Башкирцы безъ семейства и по ихъ обычаю вооруженные будутъ за Яикъ перебираться, то бы они не воспрещали, а притворились бы такъ, будто того не примѣтили.

Озлобленные Башкирцы обратили всю свою ярость на ближайшіе киргизскіе улусы, многихъ побили и взяли ихъ женъ и дѣтей и весь скотъ. Ханъ не умедлилъ меня о семъ увѣдомить и требовалъ отмщенія,—которымъ [1]) я отписывать хотя и обѣщалъ, но велѣлъ сказать хану и отписалъ къ нему письмо, что если бы они [2]) тѣхъ злодѣевъ прежде не принимали, то бъ и сего произойти никогда не могло, и что, сколько мнѣ извѣстно, весь Башкирскій народъ только о томъ и мыслитъ, какъ погублять Киргизцовъ, и если бъ мною не были удерживаемы, то бъ Киргизцы скоро увидѣли истину словъ моихъ. Пока сей присланный отъ хана у меня былъ, то я получилъ репортъ съ линіи, что Киргизцы болѣе какъ въ 2000 человѣкъ покушались перейти чрезъ Яикъ; но, встрѣчены будучи некрещеными Калмыками и Донскими козаками, разбиты, а для вѣрности одинъ изъ тѣхъ Киргизцовъ, скованный, ко мнѣ присланъ. И какъ нѣкоторая часть Киргизцовъ, желая спастись бѣгствомъ послѣ того сраженія, попалась на наѣхавшихъ для отмщенія Башкирцевъ, и тѣми Киргизцы почти всѣ переколоты, а остальные гнаны были до ихъ улусовъ, въ которыхъ Башкирцы взяли множество лошадей и въ домы свои перебрались, я въ томъ письмѣ моемъ къ хану приписалъ и сіе обстоятельство, укоряя его, что если Башкирцы и безъ позволенія моего къ нимъ для воровства ѣздятъ, напротивъ чего плѣнный Киргизецъ показалъ, что о намѣреніи ихъ Киргизцевъ къ впаденію въ Башкирію онъ, ханъ, былъ извѣстенъ и то апробовалъ, чему однако жь я не вѣрю и того плѣннаго Киргизца по дружбѣ моей къ нему хану отпущаю, дабы онъ былъ извѣстителемъ, какъ то дѣло происходило; а при томъ совѣтую ему хану и всѣмъ старшинамъ, чтобъ они народъ свой увѣщевали, дабы впредь такихъ продерзостей дѣлать не отваживались, а инако я принужденъ буду, къ утвержденію вновь въ вѣрности, Башкирскій народъ обратить къ нападенію на ихъ улусы и подкрѣплять оный всѣми въ моей командѣ состоящими силами. Сіе происшествіе положило таковую вражду между тѣми народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна. Въ Башкирію послалъ я указы, чтобъ отнюдь никто не дерзалъ безъ дозволенія моего за Яикъ ѣздить, и что мнѣ непріятно было услышать жалобы отъ Киргизскаго хана, что нѣкоторые Башкирцы разорили его улусы, чему я однакожь не могу вѣрить; ежели жь кто изъ Башкирцевъ отнынѣ пойманъ будетъ ѣдущій на добычу въ орду, тотъ или тѣ, и съ женами и дѣтьми, отданы будутъ Киргизцамъ. Таковое воспрещеніе принужденъ я былъ для того сдѣлать, дабы отъ умноженія ихъ ссоръ не навесть новыхъ замѣшательствъ и затрудненій; Киргизцамъ же совѣтовалъ съ ихъ улусами, для убѣжанія отъ Башкирскихъ продерзостей, отъ границъ удаляться, что они и исполнили; внутри жь Башкиріи заложилъ я крѣпость на рѣкѣ Зелайрѣ, назвалъ оную Зелайрскою и снабдилъ

[1]) Т. е. Башкирцамъ.
[2]) Т. е. Киргизы.

ту немалымъ гарнизономъ и всѣми потребностьми, опредѣливъ въ оную комендантомъ надежнаго и исправнаго человѣка, снабдя его секретною инструкціею, что главная его должность состоитъ въ томъ, чтобъ надзирать надъ Башкирцами въ наблюденіи тишины и спокойствія. И какъ такимъ образомъ все устроено, то, по частымъ моимъ подтвержденіямъ въ орду и Башкирію, вышеписанный возмутитель сего бунта, Абызъ Батырша, уже не смѣя показаться въ жилищахъ, странствуя съ учениками своими въ лѣсахъ, тѣмъ престарѣлымъ мещеряцкимъ старшиною, о коемъ я выше упомянулъ, пойманъ и отданъ Зелайрской крѣпости коменданту, а тотъ его переслалъ ко мнѣ. Я отправилъ его въ Петербургъ; поймавшій его мещеряцкій старшина, ѣхавъ ко мнѣ въ Оренбургъ, на дорогѣ умеръ; но я, желая исполнить мое слово и наградить его за услугу, велѣлъ прислать старшаго изъ его дѣтей; почему сынъ его, 14 лѣтъ и будучи только одинъ у него, ко мнѣ и явился. Я, сдѣлавъ ему кафтанъ и шапку на свой коштъ и придавъ ему переводчика для большаго уваженія заслуги его отца, отправилъ ко Двору, представя и испрашивая, чтобъ все обѣщанное мною вмѣсто отца надъ нимъ было исполнено; почему онъ и пожалованъ по имянному указу старшиною на мѣсто отцово, а сверхъ того, дано ему въ награжденіе 1000 руб., сабля богатоубранная каменьями, съ надписью имени отца его, и что онъ за заслуги его симъ награждается, съ таковою же надписью серебрянный ковшъ съ позолотою въ полторы бутылки, кафтанъ и полукафтанье и кушакъ пребогатой парчи, шапка черныхъ лисицъ парчевая жь, а сверхъ того, имѣлъ счастье представленъ быть къ рукѣ ея величества. По полученіи о семъ извѣстія, не оставилъ я дать знать о семъ во всю Башкирію указами, также въ Киргизскую орду письмомъ, для показанія симъ народамъ, сколь щедро отъ ея величества заслуги награждаются не токмо надъ самыми тѣми, но и надъ дѣтьми ихъ.

Въ томъ же году осенью, всѣми вышеписанными средствами приведя я ввѣренную мнѣ губернію въ прежнюю тишину, отпустилъ я какъ регулярныя, такъ и нерегулярныя команды, кромѣ Яицкихъ козаковъ, коимъ опредѣлилъ я зимовать близко линіи и Ногайской дороги; а съ подробнымъ всего того описаніемъ и для объясненія на словахъ, въ началѣ декабря мѣсяца, отправилъ я ко Двору моего сына, по всѣмъ симъ дѣламъ особенно трудившагося и мнѣ дѣлающаго помощь; но просить оказать къ нему милость я не отважился, а предалъ то въ руки Божія, въ коихъ содержится, по слову Давидову, и сердце царево; которыхъ словъ и симъ случаемъ оказана истина: ибо ея величество и безъ моего прошенія его въ маіоры пожаловать изволила, и онъ возвратился ко мнѣ въ 1756 году въ августѣ мѣсяцѣ.

1757 году пожалованъ сынъ мой по старшинству въ подполковники, а во мнѣ съ самаго времени бунта умножились болѣзненные припадки, такъ что принужденъ былъ въ томъ же году отправить моего сына въ Петербургъ съ прошеніемъ о увольненіи меня изъ Оренбурга и отъ всѣхъ дѣлъ по той губерніи, на что̀ я въ 1758 году и получилъ повелѣніе быть въ Петербургъ, а на мое мѣсто пожалованъ губернаторомъ тайный совѣтникъ Давыдовъ, и я въ томъ же году прибылъ въ Петербургъ и былъ

празденъ до 760 году, въ коемъ пожалованъ я сенаторомъ и конференцъ-министромъ.

Того жь года въ началѣ, то есть генваря 28-го дня, сынъ мой женился на дочери Александра Львовича Нарышкина Аграфенѣ, и въ 1761 году родилась имъ дочь Елена, а потомъ Ѳедосья и Александра, кои всѣ въ младенцахъ скончалися; сынъ же ихъ Дмитрій, родившійся въ 1763 году 16-го декабря, остался только одинъ залогомъ ихъ брака.

Въ 1762 году купленный мною и пристроенный немалымъ капиталомъ домъ близь церкви Спаса, на Сѣнной, бывшимъ великимъ въ томъ году пожаромъ обращенъ въ пепелъ; я же возъимѣлъ случай купить въ Милліонной улицѣ домъ и дачу близь пороговъ на Невѣ у княгини Долгоруковой; а по сему недвижимому имѣнію послѣдній въ родѣ по отцѣ Склясевой просилъ ея величество на то дозволенія, что̀ имяннымъ указомъ, не въ образецъ другимъ, покупать у послѣднихъ въ родѣ и дозволено.

По причинѣ бытности моей въ сенатѣ былъ я почасту увѣдомляемъ о желаніяхъ великаго князя Петра Ѳедоровича, а какъ всѣ тѣ начало свое брали отъ людей, жаждущихъ только своей корысти, съ повреждeніемъ общей пользы и учрежденнаго закономъ порядка, то я тѣмъ присылаемымъ отъ него многократно давалъ по совѣсти отвѣты, съ желаніемъ несогласные, и чрезъ сына моего, къ коему онъ являлся милостивъ, по часту представлялъ, по чему то исполнить вредно; и хотя на то время сносилось сіе мое усердное представленіе терпѣливо, но въ 762 году, по восшествіи его на престолъ, генералъ-прокуроръ князь Яковъ Петровичь отставленъ, а и со мною являемый поступокъ нелучше подавалъ мнѣ надежду; сынъ же мой, послѣ всѣхъ отъ него прежнихъ обѣщаній, остался не токмо безъ награжденія, но и въ презрѣніи, почему я и разсудилъ чрезъ канцлера просить объ отставкѣ, но и въ томъ отказано было; внукъ же мой Иванъ опредѣленъ въ сіе время въ конной полкъ гвардіи капраломъ; чрезъ нѣсколько дней принцемъ Жоржіемъ пожалованъ въ каптенармусы по просьбѣ тетки его двоюродной, Анны Никитишны Нарышкиной. Въ отставкѣ моей получилъ я отказъ и находился въ невѣдѣніи и мученіи, чѣмъ опредѣлится жребій мой и сына моего кончится; бывалъ я ежедневно у моея должности, но нѣмымъ; ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ.

Въ семъ-то мучительномъ состояніи пребывалъ я до самаго того дня и часа, какъ Всевышнему благоугодно оказалось утѣшить опечаленную Россію восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины Алексѣевны, что̀ исполнилось 28-го іюня. При отшествіи ея величества въ Петергофъ съ частію гвардіи полковъ и артиллеріи, врученъ мнѣ былъ въ сохраненіе дражайшій залогъ отечества нашего, его высочество государь цесаревичь Павелъ Петровичь и столичный городъ Петербургъ, со всѣми воономъ находящимися воинскими командами, сынъ же мой взятъ при ея величествѣ слѣдовать. По благополучномъ ея величества изъ Петергофа возвращеніи, употреблялся я, по милостивой высочайшей довѣренности, во всѣ дѣла; внукъ мой Иванъ пожалованъ княземъ Михайлою Никитичемъ Волконскимъ вахмистромъ; а когда по принятому намѣренію ея величество изволила для коронованія и мγропомазанія на императорскій престолъ отъѣзжать въ Москву, то благоволи-

ла помазанница Божія меня въ Петербургѣ оставить, поручивъ мнѣ въ главную команду какъ сію столицу, такъ и всѣ оставшіяся воинскія команды, и въ конторѣ сенатской повелѣно мнѣ быть первымъ присутствующимъ, а на столъ пожаловано мнѣ въ мѣсяцъ по 500 руб., наградя меня при самомъ отъѣздѣ въ Селѣ Сарскомъ орденомъ святаго Андрея. Въ сіе отсутствіе былъ я счастливъ получать собственноручныя ея величества повелѣніи, кои всѣ и отданы отъ меня для сохраненія сей монаршей щедроты въ родъ моему сыну; онъ же, сынъ мой, посланъ былъ отъ меня въ Москву какъ для познанія его жребія, а болѣе для дѣлъ по данной мнѣ довѣренности.

1763 году апрѣля 11-го числа, по высочайшей милости, пожалованъ сынъ мой вице-президентомъ въ камеръ-коллегію и того жь года по исходѣ сюда прибылъ, а въ томъ же годѣ и всемилостивѣйшая наша матерь и государыня благополучнымъ возвращеніемъ въ Петербургъ всѣхъ обрадовала, и я ежедневные имѣлъ знаки ея величества ко мнѣ благоволенія и исправлялъ по всей возможности смысла моего всѣ довѣряемыя мнѣ коммисіи, о которыхъ подробно описывать не настоитъ моего намѣренія, ибо я только веду исторію о всемъ томъ, что ко мнѣ единственно принадлежитъ.

Въ 1764 году іюня 20-го числа, ея величеству угодно было отъѣхать въ Остзейскія провинціи, а мнѣ паки поручить въ главную команду Петербургъ и всѣ команды, а его высочество подъ смотрѣніемъ графа Никиты Ивановича Панина остался въ Селѣ Сарскомъ, и я по прежнему переѣхалъ жить во дворецъ. По причинѣ бывшей сыну моему лихорадки, разсуждаемо было медиками сдѣлать ему движеніе; почему онъ, будучи на 29 дней уволенъ, поѣхалъ въ Новогородскія деревни, я же въ теченіе ея величества отсутствія награждаемъ былъ по часту наполненными милосердія указами и пребывалъ въ желаемомъ спокойствіи и благополучіи.

20-го числа іюля мѣсяца, а въ оное по полуночи въ 2-мъ часу, былъ я разбуженъ по случаю присланнаго ко мнѣ изъ Сарскаго Села отъ Никиты Ивановича Панина бригадира Савина, черезъ котораго онъ на словахъ приказалъ мнѣ слѣдующее, что нѣкто изъ Малороссіянъ, именемъ Мировичь, дослужившись до офицерства и бывъ въ Слюссельбургской крѣпости на караулѣ, предпріялъ злодѣйскій умыселъ сдѣлать возмущеніе, при коемъ несчастно рожденный принцъ Іоаннъ лишился жизни, и хотя онъ Мировичь и его сообщники всѣ переловлены и содержатся подъ карауломъ, но потребно взять и въ столицѣ по сему случаю должную предосторожность и, сіе объявя, онъ Савинъ отъ меня обратно въ Сарское Село поѣхалъ, а я того жь моменту послалъ къ себѣ позвать правящаго генералъ-прокурорскую должность генералъ-маіора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, и пока онъ ко мнѣ не пріѣхалъ, отправилъ нарочнаго на почтѣ через Новгородъ къ моему сыну, чтобъ онъ по полученіи моего письма, тотъ бы часъ и не для чего не отлагая, всевозможно поспѣшилъ скорѣе ко мнѣ возвратиться. По пріѣздѣ онаго князя сдѣлали мы совѣтъ, что публикивать о семъ происхожденіи не было нужды, а за нужное признали увѣдомить всѣхъ командъ командировъ; а о томъ, что тотъ несчастно рожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде

и не вѣдали, почему и послалъ я къ себѣ звать князя Александра Михайловича Голицына, Өедора Ивановича Ушакова, Өедора Ивановича Вадковскаго, Семена Ивановича Мордвинова и Николая Ивановича Чичерина и, о семъ имъ сообща, рекомендовалъ, чтобъ каждый въ своей командѣ дѣлалъ примѣчанія о порядкѣ и о спокойствіи имѣлъ бы попеченіе.

Съ самой той минуты, какъ я Савинымъ разбуженъ былъ, находился я въ превеликомъ безпокойствіи, ибо самъ Богъ — сердца моего зритель, что я здравіе и благополучіе всемилостивѣйшей государыни моей въ тысячу кратъ дороже считалъ моей жизни, а о происхожденіи и намѣреніи сего злодѣянина я болѣе, какъ выше сказалъ, ничего не вѣдалъ; а происходило о томъ слѣдствіе отъ Никиты Ивановича чрезъ посланнаго отъ него въ Слюссельбургъ генералъ-поручика Веймарна. Отъ сего времени почувствовалъ я вдругъ ослабленіе глазъ, такъ что и я въ очкахъ уже худо сталъ видѣть и чрезъ короткое потомъ время лишился совершенно зрѣнія, о чемъ ниже будетъ писано. Сынъ мой возвратился изъ деревни, коего я ожидалъ съ великимъ нетерпѣніемъ.

Богу сохраняющу къ благополучію Россіи обладательницу нашу, соизволила ея величество возвратиться благополучно въ Санктпетербургъ іюля мѣсяца 25-го числа, а я переѣхалъ паки въ мой домъ и, исполняя по званію моему должность, наслаждался монаршею щедротою; а какъ зрѣніе мое и вовсе меня оставить приближилось, посему противъ желанія моего (ибо намѣреніе мое было служить до конца жизни) принужденнымъ нашелся просить о увольненіи меня отъ всѣхъ дѣлъ [1]). Милосердая матерь отечества, снизшедъ на мою просьбу, наградила меня 20,000 руб. и деревнями въ Малой Россіи, засвидѣтельствуя о службѣ моей милосердыми указами слѣдующаго содержанія:

Указъ нашему сенату.

Тайный дѣйствительный совѣтникъ и сенаторъ Неплюевъ, по долговременной предкамъ, намъ и отечеству службѣ, пришедъ въ глубокую старость, всеподданнѣйше просилъ по слабости своего здоровья увольненія отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ, такъ какъ и свободы окончать остатки жизни своея спокойно, гдѣ онъ пожелаетъ. Мы, не токмо совершенно вѣдая все прошедшее время похвальной его службы, но и сами довольные имѣя опыты отличной его вѣрности и усердія къ намъ и отечеству, всемилостивѣйше снисходя на его прошеніе, дозволяемъ ему сенатору Неплюеву по смерть его жить ему свободно отъ всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлъ тамъ, гдѣ онъ пожелаетъ, и сверхъ того, жалуемъ ему на оплату долговъ двадцать тысячь рублей.

Указъ нашему сенату.

Всемилостивѣйше пожаловали мы нашему тайному дѣйствительному совѣтнику сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву за долговремен-

[1]) Въ „Запискахъ“ Порошина (стр. 151) находится слѣдующее относящееся къ этому времени извѣстіе о Неплюевѣ: „Никита Ивановичь (Панинъ) изволилъ сказывать о Иванѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, что онъ въ глубокой своей старости положенье нынѣ сдѣлалъ, чтобъ ѣхать самому на Украйну, развести тамъ конскій заводъ и, побывъ тамъ года три, приведя все въ порядокъ, пріѣхать сюда и, здѣсь живучи, плодами отъ сего заведенія пользоваться“.

ную службу, а особливо за учиненное имъ въ бытности его въ Оренбургѣ знатное приращеніе государственныхъ доходовъ, малороссійскія волости Чеховскую и Ямпольскую, со всѣми принадлежашими къ нимъ хуторами, деревнями, селами и мѣстечками и принадлежностями, въ вѣчное и потомственное владѣніе. Ноября дня 1764 года.

На подлинномъ подписано высочайшею ея императорскою величества рукою тако:

Екатерина.

По отданіи моего за ту высочайшую милость ея величеству рабскаго благодаренія, вознамѣрился я въ надеждѣ воспользоваться теплѣйшимъ климатомъ отъѣхать въ Малую Россію, въ новопожалованныя мнѣ деревни, а прежде побывать на моей родинѣ, то есть, въ новогородскихъ деревняхъ, поклониться гробамъ моихъ родителей, до коихъ проводить меня испросилъ я быть отпущену моему сыну.

Въ новгородскихъ деревняхъ былъ я 11 дней и поѣхалъ чрезъ Москву въ Украйну. Въ Ямполь прибылъ я февраля 6-го дня 1765 году. О сихъ малороссійскихъ деревняхъ описывать не буду; къ счастію жъ моему, пребывалъ въ то время въ Глуховѣ командиръ всея Украйны графъ Петръ Александровичь Румянцевъ и съ графинею Катериною Михайловною, которые обращались со мною съ таковою снисходительностію и ласкою, каковая рѣдко и отъ родныхъ оказуема бываетъ; но сіе въ разсужденіи ихъ свойствъ и не удивительно, ибо онъ, будучи человѣкъ отмѣннаго разума, а она — житія добродѣтельнаго, воздавали мнѣ тѣмъ усердіемъ, каковымъ я всегда къ дому ихъ былъ наполненъ.

Того жь 1765 года въ исходѣ іюля мѣсяца сдѣлался мнѣ столь тяжкій болѣзненный припадокъ, что я съ великою нуждою и едва могъ начальныя литеры имени и фамиліи моей написать къ моему сыну, а уже и не надѣялся, хотя только того и желалъ на свѣтѣ, чтобъ его увидѣть и съ нимъ проститься; и то письмо, по благодѣянію графа Петра Александровича, съ нарочною штафетою въ Петербургъ отправлено, а я съ сего времени лишился совершенно зрѣнія, такъ что уже солнечнаго сіянія нимало видѣть не могъ.

23-го іюля прибылъ въ Ямполь сынъ мой и нашелъ меня при послѣднемъ уже издыханіи, потому что съ самаго начала сея болѣзни я былъ въ безпрерывномъ жару. Голосъ его и чрезвычайная моя радость, его осязая, какъ отъ сна меня возбудили, и сими-то двумя движеніями отворились гемороидальныя крови, и хотя отъ многаго теченія тѣхъ ослабъ, но жаръ весьма умалился, и чрезъ недѣлю я уже въ состояніи былъ вставать съ постели. По внушенію сыну моему всѣхъ потребныхъ свѣдѣній о Ямполѣ, и какъ сіи деревни совсѣмъ разоренныя, то чѣмъ ихъ хотя нѣсколько поправить, совѣтовалъ я сыну моему ѣхать посмотрѣть и другія пожалованныя деревни, въ Переяславскомъ полку лежащія, а онъ при томъ возжелалъ отдать долгъ на гробѣ своея матери въ Кіевѣ; поѣхалъ отъ меня въ началѣ сентября мѣсяца.

Въ исходѣ сего мѣсяца паки тѣмъ же припадкомъ я страдать началъ и дошелъ чрезъ двои сутки въ такое жъ состояніе, въ какомъ нашелъ меня прежде сынъ мой, почему я и принужденъ былъ его звать къ себѣ, а между тѣмъ графъ Петръ Александ-

ровичь и графиня прислали ко мнѣ доктора и о моемъ покоѣ и поправленіи здоровья столько старались, какъ бы были со мною единоутробные. Возвратный пріѣздъ моего сына вновь оживилъ меня, а какъ я пришелъ въ желаемое состояніе, то убѣждаемъ я былъ отъ него просьбою и слезами, чтобъ жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургѣ, на что́ я и согласился, но однакожь съ тѣмъ, чтобъ жить не въ городѣ, а на дачѣ; въ слѣдствіе чего я съ нимъ генваря 8-го числа 1766 году въ Петербургъ и пріѣхалъ и, пробывъ у него въ домѣ нѣсколько дней, переѣхалъ на дачу, гдѣ я и жилъ по сентябрь мѣсяцъ; а того 20-го числа поѣхалъ я въ новгородскія мои деревни, въ село Поддубье, куда и прибылъ благополучно.

Въ исходѣ декабря мѣсяца пріѣхалъ ко мнѣ сынъ мой для свиданія со мною на три недѣли, и съ нимъ господинъ ассессоръ Баролевской. Тутъ мы положили намѣреніе отправить внука моего Ивана для обученія въ чужія государства, почему онъ, по волѣ графа Никиты Ивановича, и посланъ въ Швецію, гдѣ и былъ слишкомъ 2 года. Утѣшивъ онъ меня въ старости, отъѣхалъ я 20-го числа генваря 1767 году, назнача прежде мѣста къ начатью каменной церкви во имя святаго пророка Предтечи Іоанна.

О всѣхъ мнѣ припадкахъ и домашнихъ мелкостяхъ описывать не разсуждаю, ибо всѣ деревни и всѣ имѣнія во употребленіи его моего сына, мнѣ жь потребныхъ какъ деньги, такъ и прочая провизія отъ него присылаются. Упражненіе жь мое было привесть сію новгородскую деревню въ такое состояніе хлѣбопашества, чтобъ оная довольствовать могла домъ петербургскій Николая Ивановича и дачу всякимъ хлѣбомъ. Сосѣди, каковы есть, всѣ ко мнѣ ласковы и ежедневно у меня изъ нихъ по нѣскольку бываетъ. Оставшееся за тѣмъ время провождаю я въ слушаніи книгъ, для чего и два чтеца при мнѣ содержатся, а ни о какихъ новостяхъ, ниже о газетахъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра.

Въ 1768 году, въ началѣ декабря мѣсяца, заѣхала ко мнѣ невѣстка моя и со внукомъ Дмитріемъ и, пробывъ у меня 10 дней, отправилась для богомолія въ Нилову пустыню. Я уже лишенъ былъ того удовольствія увидѣть черты лица моего внука, но и тѣмъ былъ несказанно обрадованъ, что могъ его осязать.

1769. Возвратился изъ Швеціи въ Петербургъ внукъ мой Иванъ, а я просилъ чрезъ письмо ея императорское величество о пожалованіи его въ гвардію офицеромъ и увольненіи его вояжировать въ чужія государства.

Того жь года въ октябрѣ мѣсяцѣ выпущенъ онъ по имянному указу въ армейскіе капитаны, съ дозволеніемъ ему вояжировать.

Въ исходѣ ноября мѣсяца прибылъ ко мнѣ внукъ мой Иванъ, и съ нимъ маіоръ Рейценштейнъ, съ которымъ, по условію моему съ сыномъ, имѣлъ онъ вояжировать.

1770 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, отъѣхалъ онъ съ тѣмъ маіоромъ изъ Петербурга, а чрезъ какія мѣста, гдѣ былъ, какъ принятъ и что́ примѣтилъ, о томъ журналъ руки его имѣется.

Въ семъ же году посѣтилъ меня и сынъ мой.

Тѣмъ же я обрадованъ отъ него и въ нынѣшнемъ 1771 году.

1772 года въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился внукъ мой Иванъ изъ чужихъ краевъ и по совѣту отца своего (на что̀ и я согласенъ), отправленъ въ

первую армію и имѣлъ съ собою рекомендательное письмо къ графу Петру Александровичу только отъ одного графа Захара Григорьевича и заѣзжалъ ко мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; я тутъ узналъ, что онъ единственно для моего удовольствія обучился во время путешествія италіянскому языку.

Въ семъ же году іюля 24-го числа освященъ построенный каменный храмъ Божій, въ которой по желанію сына моего перенесено тѣло покойной жены его Татьяны Ѳедоровны, а я и для себя во ономъ приготовилъ мѣсто.

1773 году въ исходѣ апрѣля мѣсяца получилъ я съ нарочнымъ отъ сына моего извѣстіе, что ея величество всемилостивѣйше изволила пожаловать его 21-го того жь апрѣля въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Я, какъ ни былъ болѣнъ, велѣлъ вести себя въ новую церковь и со всѣми у меня случившимися гостьми и домашними моими съ колѣнопреклоненіемъ отправляли благодарное молебствіе и за здравіе нашей милосердой матери и государыни.

Въ половинѣ іюля мѣсяца обрадовался вновь полученіемъ вѣдомости, что внукъ мой Иванъ пожалованъ въ секундъ-маіоры, за что и будетъ хвала всѣхъ благъ подающему Богу, и сіе тѣмъ наипаче, что получаемыя мною отъ него внука моего изъ арміи о военныхъ его подвигахъ (извѣстія) утверждали надежду мою, кою я всегда полагалъ на него, что увижу въ немъ усерднаго слугу отечества, жертвующаго ему жизнію.

Октября 4-го дня получилъ я отъ сына моего обрадовавшее меня даже до слезъ письмо, коимъ онъ меня извѣстилъ, что ея величество, пекущаяся неусыпно о устроеніи непоколебимаго благополучія отечества, сочетала брачнымъ союзомъ любезнѣйшаго своего сына, его императорское высочество, надежду Россійскую, съ ея императорскимъ высочествомъ великою княгинею Наталіею Алексѣевною, и что онъ сынъ мой всемилостивѣйше пожалованъ въ правительствующій сенатъ въ оберъ-прокуроры. Сколь я ни слабъ былъ, однако ту жь самую минуту велѣлъ себя вести въ домовую церковь и, собравъ всѣхъ моихъ служителей, принесли благодарное наше съ колѣнопреклоненіемъ молебное моленіе Господу Богу о здравіи всемилостивѣйшей нашей государыни и о ниспосланіи Его святаго благословенія на сочетавшихся ихъ высочествъ: да утвердитъ, милуя Россію, Богъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ. Сколь на усилились мои болѣзненные припадки и сколь я уже былъ ни безнадеженъ о моей жизни, однако таковыя извѣстія наполняли меня радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дождать сего въ старости моей.

Съ сего времени началъ я покойно пріуготовлять себя къ смерти; оставалось только мнѣ въ такомъ моемъ состояніи желать обнять въ послѣднее сына моего и на его рукахъ испустить духъ мой, почему я и писалъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія [1]):

«Мой любезный сынъ Николай Ивановичь! Святость пророческихъ словъ: дни лѣтъ нашихъ яко семьдесятъ, аще же въ силахъ — осемьдесятъ лѣтъ, какъ я и нынѣ себя чувствую, исполняется надо мною; се уже приближается вѣкъ мой и къ по-

---

[1]) Это письмо и слѣдующее за нимъ приведены у Голикова въ сокращеніи, и притомъ оба письма соединены въ одно. Приводимъ изъ Голикова только важнѣйшіе варіанты, такъ какъ остальные суть, по нашему мнѣнію, лишь стилистическія поправки самого составителя „Дѣяній Петра Великаго“.

слѣднему назначенному времени жизни человѣческой, а умножающаяся не токмо день отъ дня, но и часъ отъ часа слабость не только тѣла моего, но и памяти, предвѣщаетъ разрушеніе храмины [1]), въ чемъ я и предаюсь судьбамъ Всевышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, по колику человѣку возможно, спокойнымъ духомъ; но Онъ зритъ сердце мое и знаетъ, чего еще въ жизни моей желаю, а именно только того, чтобъ мнѣ еще прежде кончины обнять тебя въ послѣднее и на твоихъ рукахъ предать духъ мой, и чтобъ твои руки закрыли глаза мои; я знаю твою ко мнѣ горячность, увѣренъ о твоемъ всегдашнемъ послушаніи, а сіе уже будетъ и въ послѣднее: утѣшь меня, буде возможно. Командиръ твой и особенный благодѣтель князь Александръ Алексѣевичь [2]) въ томъ тебѣ помочь можетъ; буде же ты разсудишь, что по новости опредѣленія твоего къ мѣсту или за чѣмъ другимъ того сдѣлать не сходно, то и я предварительно въ томъ съ тобою и соглашаюсь, да и по настоящей совершенной распутицѣ какъ тебѣ ѣхать! И такъ да будетъ милость Божія надъ тобою! Октября 17-го числа 1773 году.»

Сіе письмо послано съ Лаврентіемъ Бархатовымъ; по возвращеніи того посланнаго и по полученіи съ нимъ отъ сына моего письма, узналъ я о совершенной непроѣздимости пути и о томъ по его основательнымъ причинамъ, что сыну моему ко мнѣ проситься было не сходно, почему, лишась я сей надежды, остаюсь во ожиданіи смерти. Но признаться должно, что малѣйшее движеніе въ моемъ покоѣ предвѣщаетъ мнѣ входъ Николая Ивановича; съ нимъ однимъ отдѣляюсь я отъ должнаго въ моемъ состояніи богомыслія, а прежде, нежели потеряю совершенную память, то желаю отписать къ нему еще и начинаю:

«Напрасно, мой любезный сынъ, надеждою себя ласкаешь увидѣть меня живаго; чувствую, что уже смерть моя приближается, къ чему не столько болѣзненные припадки, какъ и лѣта меня опредѣляютъ,—въ разсужденіи чего и печаль твоя должна быть умѣренна, въ чемъ я на твое благоразуміе и надѣюсь; да инако и волѣ Господней противно. Прежде, нежели душа моя отъ тѣла разлучится, въ должности нахожусь сказать тебѣ, Николай Ианович, въ послѣднее: Сохраняй святую вѣру [1]), вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй же по возможности заповѣди Господни. Онъ Всевышній есть источникъ всѣхъ благъ небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ ея величеству и къ учреждаемымъ отъ нея и чрезъ нея наслѣдникомъ; наблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что̀ тебѣ за то понесть случилось; вѣдай, что Богъ и ея величество правды твоея будутъ покровители: если не въ это время, то послѣ чрезъ нихъ тебѣ откроется. Люби свое отечество, отъ коего весь родъ твой облагодѣтельствованъ былъ и потомки будутъ, и въ защищеніи того пользы не щади не токмо благосостоянія, но и жизни. Я по всей возможности симъ шелъ путемъ, мой любезный сынъ, и ты всѣхъ лучше знаешь бывшія иногда мнѣ огорченія,

[1]) У Голикова дополнено: „тѣла моего“.
[2]) Вяземскій, генералъ-прокуроръ.

[1]) У Голикова: „Соблюдай святую вѣру во всей ея непорочности“.

сколь я ихъ сносилъ терпѣливо, и наконецъ, Богъ, владычествуяй всѣми, возвалъ меня въ такое состояніе, каковаго только человѣку при моихъ свойствахъ ожидать было возможно [1]). Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо здоровью твоему вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ; я знаю твое доброе сердце, знаю твои свойства, знаю жь и расположеніе души твоея и потому [2]) спокойнѣе умираю и скажу тебѣ еще въ послѣднее: прости, Николай Ивановичь!»

«Прошу тебя по смерти моей исполнить все по моему завѣщанію. Вамъ, Аграфена Александровна, искренне всѣхъ благъ желаю. Скажи пожалуй, Николай Ивановичь, при случаѣ, извѣстному господину, что я предъ нимъ никогда виноватъ не былъ, въ чемъ и умираю и клянуся; буде же онъ меня почитаетъ виноватымъ, то прошу его Бога ради простить меня, а я ему какъ прежде, такъ и нынѣ всѣхъ благъ истинно желаю. Дочери моей Аннѣ Ивановнѣ и дѣтямъ ея и дѣтямъ дочери моей Марьи Ивановны оставляю Божіе и мое благословеніе, а Михаилѣ Купріяновичу [*]) искренне всѣхъ благъ желаю. Заключая жь сіе, всѣмъ вамъ совокупно и дѣткамъ твоимъ, Ванюшкѣ и Митѣ, преподаю отеческое благословеніе, а къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю мою молитву: сохрани ихъ [1]) совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное въ вѣрности къ нашей государынѣ и въ пользу отечества. Еще прости, мой любезный сынъ Николай Ивановичь, мысленно тебя обнимаю, цѣлую; да будетъ благодать Господня надъ тобою [2]); когда любишь дѣтей своихъ такъ, какъ я тебя, представляя мое теперешнее состояніе, можешь себѣ и то представить, сколь горестна моя съ тобою разлука, Творцемъ велѣнная и Его милосердіемъ, и какъ мнѣ на судъ явиться должно. Я наполнилъ мои мысли [3]); но признаюсь и каюсь въ томъ, что ты меня столько же занимаешь; представленіе тебя предстоитъ неотлучно предо мною, а молитва моя о себѣ препровождается купно и о тебѣ; не могу больше писать. Боже всякаго милосердія, сохрани его [4]) такъ, какъ я желаю».

*

Сіе письмо какъ князь Андрей Ивановичь Мышецкой и Василій Васильевичь Татищевъ писали, диктовалъ его высокопревосходительство почти трои сутки — какъ по великой его слабости, такъ и потому, что онъ, сказывая оное, многократно плакалъ и уже инако двухъ литеръ имени своего и фамиліи приложить къ оному не могъ, какъ рукою его водилъ князь Андрей Ивановичь.

Сіе письмо отправлено съ нарочнымъ 29-го октября, а въ ту жь ночь жаръ усилился, такъ что не надѣялись, чтобъ могъ до свѣту продол-

[1]) У Голикова добавлено: „Подчиненнымъ твоимъ и паче крестьянамъ, будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе: „милости хощу, а не жертвы", и что они — такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами.

[2]) У Голикова добавлено: „зная, что послѣдуешь сему моему послѣднему наставленію".

[*]) Лунину.

[1]) У Голикова: „сохрани его, дѣтей его, и весь родъ мой и вразуми ихъ совершить...."

[2]) У Голикова добавлено: „дѣтьми твоими, Ванею и Митею, невѣсткою моею Аграфеною Александровною и всѣми моими дѣтьми и внуками".

[3]) У Голикова иначе: ...разлука. Я долженъ наполнять мои мысли Творцемъ вселенныя и Его правосудіемъ..."

[4]) У Голикова: „и всѣхъ моихъ".

житься; но къ утру полчаса заснулъ и пробудившись спросилъ: «Поѣхалъ ли посланный въ Петербургъ?»

3-го ноября сдѣлался жаръ поменѣе, и притомъ между прочимъ были его такія слова: «Кто стучитъ тамъ? Не пріѣхалъ ли Николай Ивановичъ? Но за чѣмъ ему ко мнѣ и ѣхать! Я съ нимъ уже простился, и все, что имѣлъ, сказалъ, и что бы теперь сказать ему могъ? Уже ничего не осталось!» И вздохнувши, помолчавъ, началъ еще говорить: «Если бы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себѣ, ничего не найдетъ; я знаю его нѣжное чувство; онъ, увидя меня въ такой уже слабости, поврежденіе своему здоровью сдѣлать можетъ, а меня присутствіемъ своимъ и болѣе отвлечь отъ моего долга».

При сказываніи сихъ словъ текли изобильныя слезы, и сквозь оныя, весьма томнымъ голосомъ сказалъ: «Ты, Боже, ниспосли ему Свою милость!» Потомъ приказалъ готовиться къ литургіи и, исповѣдавшись, пріобщился святыхъ таинъ, но при томъ головы, сколько ни старался, нисколько приподнять не могъ, и затѣмъ продолжался до 11-го числа ноября мѣсяца, котораго въ 6 часовъ по полуночи и за полчаса еще спросилъ: «будетъ ли сегодня обѣдня?» А на отвѣтъ, что будетъ, послѣднее его было слово: «Помолитесь о мнѣ грѣшномъ!» отъ сея временныя жизни преселился въ вѣчную.

20-го числа того жь мѣсяца погребено тѣло его въ назначенномъ отъ него самаго мѣстѣ, и на дскѣ по собственному жь его повелѣнію, прежде имъ къ Николаю Ивановичу посланному, сдѣлана слѣдующая надпись:

«Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство исчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло жь истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ, 80-ти лѣтъ и 6 дней, ноября 11-го дня 1773 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Воспоминаніе И. И. Голикова объ И. И. Неплюевѣ [1]).

Остатки достохвальной жизни своей сей питомецъ Петра Великаго препровелъ въ деревняхъ своихъ, въ богомысліи, въ приведеніи хлѣбопашества въ лучшее состояніе, въ устроеніи блага крестьянъ своихъ и въ наставленіяхъ сыну и внукамъ своимъ. Все окружавшее жилище его дворянство находило удовольствіе ежедневно наслаждаться его же наставленіями и разсужденіями за столомъ его.

Сей достопочтеннѣйшій мужъ имѣлъ разумъ твердый и тонкій, дѣятельность неусыпную, правосудіе строгое и никакими пристрастіями и интересами непоколебимое. Сіе между прочимъ и то одно доказать можетъ, что онъ никогда ни отъ кого, ни за какое дѣло, ничего не взялъ, и никто не смѣлъ къ нему показаться ни съ какими подарками; засвидѣтельствуютъ сіе всѣ бывшіе подъ его начальствованіемъ. Доступъ до него былъ всякому невозбранной; выслушивалъ отъ каждаго съ внимательнымъ терпѣніемъ; интересы отечества предпочиталъ онъ самой жизни и благосостоянію своему, и правило его было служить оному до послѣдняго изнеможенія силъ; а потому и

[1]) См. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. XVII, стр. 447—450.

несносны были ему всѣ, а паче въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу и выходящіе въ отставку; защищалъ всегда ревностно самодержавное, какъ наилучшее изъ всѣхъ другихъ, правленіе и исполнялъ съ благоговѣніемъ волю верховной власти; къ памяти Петра Великаго имѣлъ безпредѣльное почитаніе, и имя его не инако произносилъ, какъ священное, и почти всегда со слезами; вѣру и благочестіе соблюлъ до конца ненарушимо, и не выѣзжалъ никогда со двора, не отслушавъ святыя литургіи, которая въ домовой церкви его ежедневно отправлялась; былъ врагъ вольнодумства, суевѣрія, ласкательства и потаковщиковъ; всякія нещастія и прискорбности сносилъ съ благодареніемъ Богу, вѣруя несумнѣнно провидѣнію Его, управляющему жребіемъ смертныхъ; искренность сердца его изливалась и на языкъ его въ дѣлахъ тайности не подлежащихъ; сему послѣднему послужитъ доказательствомъ и одно слѣдущее. Когда лишился онъ зрѣнія, и силы его тѣлесныя ослабѣли, и слѣдовательно продолжать служенія болѣе не могъ, то, написавъ просительное къ императрицѣ письмо о увольненіи своемъ отъ службы, поѣхалъ съ онымъ въ день воскресный на куртагъ во дворецъ; его подвели къ ея величеству. Великая сія монархиня, почитавшая его добродѣтели, посадила его подлѣ себя, и старецъ заговорилъ, что онъ ослѣпъ и не можетъ исправлять должности службы.—«Я разумѣю тебя», сказала на сіе Великая Екатерина, «я разумѣю тебя, Иванъ Ивановичъ; ты конечно хочешь проситься въ отставку; но воля твоя, я прежде не отставлю тебя, пока не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ таковыми же достоинствами, съ каковыми и ты». Толь лестная монархини рѣчь тронула его даже до слезъ. Чтожъ онъ отвѣтствовалъ на оную? «Нѣтъ, государыня, мы Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако ведутъ себя и инако мыслятъ; и такъ я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться.» Сей добродѣтельный старецъ разсказывалъ самъ сіе мнѣ по пріѣздѣ изъ дворца, прибавя къ тому: «Тутъ всѣ были, но мнѣ что̀ за нужда? Я сказалъ, что̀ чувствовалъ».

Впрочемъ всѣ описанныя мною добродѣтели его извѣстны были мнѣ совершенно, и могу сказать, что всѣ движенія сердца его не могли отъ меня быть сокрытыми; ибо имѣлъ я щастіе быть имъ любимъ, и болѣе двадцати лѣтъ жилъ съ нимъ почти неразлучно, въ теченіе которыхъ почти ежедневно наслаждался утренними его съ собою разговорами и разсужденіями, открывавшими мнѣ всѣ чувствованія души его.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЖСКІЙ *).

РАЗСКАЗЪ КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫЖСКАГО О СБЛИЖЕНІИ ЕГО СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ.

1796.

Передъ вскрытіемъ Ладожскаго озера и проходомъ его льдинъ по Невѣ, производящемъ въ Петербургѣ рѣзкій холодъ (что̀ обыкновенно происходитъ въ концѣ Апрѣля) въ этой столицѣ выдаются ясные, солнечные дни, при холодѣ, не превышающемъ нѣсколькихъ градусовъ; и тогда набережныя переполнены гуляющими. Тутъ встрѣтишь все общество: дамъ въ тщательныхъ утреннихъ туалетахъ, точно такъ же и кавалеровъ.

Великій Князь Александръ часто гулялъ по набережнымъ, иногда одинъ, иногда съ Великою Княгинею, и это еще болѣе привлекало туда великосвѣтскую толпу. Мы съ братомъ также были въ числѣ гуляющихъ, и каждый разъ, какъ Великій Князь встрѣчалъ одного изъ насъ, онъ останавливался, вступалъ съ нами въ разговоры и оказывалъ намъ особое благоволеніе.

Эти утреннія встрѣчи нѣкоторымъ образомъ служили продолженіемъ придворныхъ вечеровъ, и наши сношенія съ Великимъ Княземъ съ каждымъ днемъ принимали характеръ болѣе близкаго знакомства. Дворъ по обыкновенію переѣзжалъ весною въ Таврическій дворецъ, гдѣ Императрица Екатерина жила менѣе открыто и допускала къ себѣ по вечерамъ лишь избранное общество, въ которое не включалась толпа придворныхъ чиновъ, развѣ по случаю концертовъ, на которые разсылались особыя приглашенія. Великій Князь еще не прекращалъ своихъ прогулокъ по набережной. Однажды, встрѣтясь со мной, онъ выразилъ сожалѣніе, что мы рѣдко видимся и пригласилъ меня посѣтить его въ Таврическомъ дворцѣ и прогуляться съ нимъ по садамъ, которые онъ хотѣлъ мнѣ показать. Онъ назначилъ мнѣ день и часъ.

Весна уже установилась и, какъ бываетъ въ этомъ климатѣ, природа наверстала упущенное время: ра-

---

(*) Извлечено и переведено изъ книги, вышедшей въ 1865 г. въ Парижѣ: „Alexandre 1-er et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations 1801—1823. Publées par le prince Ladislas Czartoryski, avec une introduction par Charles de Masade. 8⁰ XXXV и 368 стр. По важности содержанія, книга эта должна быть усвоена нашей исторіографіи. Желательно однако, чтобы князь Владиславъ Чарторыжскій передалъ куда либо въ общественное мѣсто самые подлинники этой переписки отца своего; иначе Русскіе читатели, къ несчастію слишкомъ знакомые съ пріемами Польской аристократіи, не перестанутъ подозрѣвать, что переписка обнародована не вполнѣ и, пожалуй, съ нужными Полякамъ искаженіями. — Мы уже имѣли случай говорить о князѣ Адамѣ (XVIII-й вѣкъ, IV, 151). Здѣсь прибавимъ, что этотъ старшій сынъ Маріи Изабеллы Сѣнявской (1743 — 1835), дочери Саксонскаго перваго министра Флемминга и супруги князя Адама Казимира Чарторыжскаго, столь извѣстнаго тѣмъ, что онъ безпрестанно продавалъ свою родину за получаемыя изъ Петербурга деньги, родился 14 Янв. 1770 г., слѣд. былъ съ небольшимъ на 6 лѣтъ старше императора Александра Павловича. Въ 1795 г. съ братомъ своимъ кн. Константиномъ онъ привезенъ былъ въ Петербургъ въ одно время съ красавицами княжнами Четвертинскими. Можно думать, что истинный отецъ его князь Н. В. Репнинъ (тогда Виленскій ген. губернаторъ) позаботился объ его положеніи въ столицѣ Русскаго царства. *П. Б.*

стительность быстро развилась въ нѣсколько дней; все зеленѣло и цвѣло.

Въ назначенный день и часъ, я не преминулъ явиться въ Таврическій дворецъ. Жалѣю, что не записалъ числа: этотъ день имѣлъ рѣшительное вліяніе на значительную часть моей жизни и на судьбы моего отечества. Съ этого дня и съ разговора, который я тотчасъ изложу, ведется моя преданность Великому Князю, могу сказать, наша дружба и рядъ событій, счастливыхъ и несчастныхъ, цѣпь коихъ еще длится и еще дастъ себя чувствовать въ теченіи долгихъ лѣтъ.

Какъ только я вошелъ, Великій Князь взялъ меня за руку и предложилъ мнѣ пойти въ садъ, что-бы я посудилъ, сказалъ онъ, объ искусствѣ Англійскаго садовника, съумѣвшаго придать саду много разнообразія и распорядиться такъ, что ни откуда не было видно предѣловъ весьма ограниченнаго его пространства. Мы исходили садъ во всѣхъ направленіяхъ во время трехъ часоваго, неумолкаемаго и оживленнаго разговора.

Великій Князь сказалъ мнѣ, что наше поведеніе (моего брата и мое) наша покорность судьбѣ, столь для насъ тягостной, спокойствіе и равнодушіе, съ коимъ мы все приняли, не придавая цѣны ничему и не отвергая милостей для насъ стѣснительныхъ, внушили ему къ намъ уваженіе и довѣріе; что онъ сочувствуетъ нашимъ побужденіямъ, что онъ угадываетъ ихъ и одобряетъ; что онъ ощутилъ потребность ознакомить насъ съ истиннымъ своимъ образомъ мыслей, что онъ не можетъ помириться съ мыслію, что-бы мы имѣли о немъ понятіе, не согласное съ дѣйствительностію. Онъ сказалъ мнѣ затѣмъ, что онъ нисколько не раздѣляетъ возрѣній и правилъ Кабинета и Двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки; что всѣ его желанія были за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе; Костюшко, въ его глазахъ, былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло правды и человѣчества*).

Онъ сознался мнѣ, что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за Французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ, г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что̀ въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что̀ онъ знаетъ; ему въ особенности онъ былъ обязанъ тѣми началами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ г. Лагарпъ.

Прохаживаясь вдоль и поперекъ по саду, мы нѣсколько разъ встрѣчали

(*) Бесѣды съ Чарторыжскимъ для 19 лѣтняго и ничѣмъ еще не занятаго Великаго Князя имѣли совершенно тоже значеніе, какъ для нашего поколѣнія запрещенныя сношенія съ Герценомъ. Проживи Екатерина еще нѣсколько недѣль, Александръ непремѣнно бы отрезвился. По свидѣтельству Саблукова (Р. Арх. 1869 стр. 1883) Екатерина готовила къ новому 1797 году манифестъ о назначеніи его Наслѣдникомъ Престола, и тогда безъ сомнѣнія ему предоставили бы опредѣленный кругъ государственныхъ занятій, къ коимъ невозможно было допустить Павла ради его характера. *П. Б.*

Великую Княгиню, прогуливавшуюся отдѣльно. Великій Князь сказалъ мнѣ, что его супруга — повѣренная всѣхъ его мыслей, что одна она знаетъ и раздѣляетъ его чувства, но что, за изъятіемъ ея, я первое и единственное лицо, съ которымъ, послѣ отъѣзда своего наставника, онъ рѣшился о нихъ говорить; что онъ не можетъ повѣрить ихъ рѣшительно никому, ибо никто въ Россіи еще не способенъ раздѣлять ихъ или даже понять; что поэтому я долженъ чувствовать, какъ для него впредь будетъ отрадно имѣть человѣка, съ которымъ онъ можетъ говорить откровенно и съ полнымъ довѣріемъ.

Этотъ разговоръ былъ пересыпанъ, какъ легко себѣ представить, изліяніями дружбы съ его стороны, съ моей выраженіями удивленія, благодарности и увѣреніями въ преданности. Онъ отпустилъ меня, сказавъ, что постарается видаться со мною какъ можно чаще и предписавъ мнѣ крайнюю осторожность и безусловную тайну, впрочемъ позволилъ мнѣ сообщить брату содержаніе нашего разговора.

Я оставилъ его, сознаюсь въ томъ, внѣ себя, глубоко взволнованный, не зная, сонъ-ли это, или дѣйствительность.

Какъ! Русскій Великій Ккнязь, наслѣдникъ Екатерины, ея любимый внукъ и воспитанникъ, тотъ, кого она, устранивъ сына, желала возвести послѣ себя на престолъ, тотъ, о которомъ говорили, что въ немъ возродится Екатерина — этотъ Великій Князь ненавидѣлъ правила своей бабки и отрекался отъ нихъ и отъ ненавистной политики Россіи! Онъ страстно любилъ свободу и правду, онъ жалѣлъ о Польшѣ и хотѣлъ-бы видѣть ее счастливою! Не чудомъ-ли въ этой атмосферѣ, въ этой обстановкѣ, могли развиться столь благородные помыслы, столь высокія добродѣтели?

Я былъ молодъ, исполненъ восторженныхъ мыслей и чувствъ; самыя необычайныя вещи меня не удивляли; я охотно вѣрилъ всему, что казалось мнѣ величіемъ и добродѣтелью. Я легко поддался понятному очарованію. Въ словахъ и въ поведеніи этого царственнаго юноши было столько искренности, чистоты, столько рѣшительности повидимому несокрушимой, столько самозабвенія и великодушія, что онъ показался мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины. Я возъимѣлъ къ нему безграничную привязанность, и чувство, внушенное имъ мнѣ въ эту первую минуту, пережило даже постепенное разрушеніе возбужденныхъ имъ надеждъ; позже оно устояло противъ всѣхъ ударовъ, нанесенныхъ ему самимъ Александромъ, и никогда не погасло, не смотря на всѣ причины, на всѣ печальныя разочарованія, которыя могли-бы его разрушить. Я сообщилъ моему брату о бывшемъ между нами разговорѣ и, изливши другъ передъ другомъ нашъ восторгъ и наше удивленіе, мы вмѣстѣ предались мечтамъ о свѣтломъ будущемъ, которое, казалось, раскрывалось передъ нами.

Слѣдуетъ припомнить, что въ то время такъ называемыя либеральныя воззрѣнія были гораздо менѣе распространены, чѣмъ теперь, что они еще не проникали во всѣ классы общества и въ кабинеты государей, и что все на нихъ похожее, напротивъ того, клеймилось и предавалось анаѳемѣ при Дворахъ и въ салонахъ большинства Европейскихъ столицъ, въ

особенности-же въ Россіи и въ Петербургѣ, гдѣ всѣ воззрѣнія стараго Французскаго строя, доведенныя до крайности, привились къ Русскому деспотизму и раболѣпству. Встрѣтить среди этихъ элементовъ человѣка, призваннаго царствовать надъ этимъ народомъ, оказать громадное вліяніе на Европу, съ мнѣніями столь рѣшительными, столь благородными, столь противоположными существующему порядку, не было ли то самая счастливая, самая знаменательная случайность?

Черезъ сорокъ лѣтъ, оглядывая событія, совершившіяся послѣ этого разговора, слишкомъ ясно видишь, сколь мало они соотвѣтствовали надеждамъ, которыя были ими въ насъ вызваны. Это потому, что тогда либеральныя идеи являлись для насъ съ сіяніи, которое съ тѣхъ поръ поблекло, и попытки ихъ приложенія къ дѣлу повели къ жестокимъ разочарованіямъ, слишкомъ часто повторявшимся. Французская республика, очнувшись отъ террора, казалось, шествовала непобѣдимымъ шагомъ къ дивной будущности, счастливой и славной. Въ 1796 и 1797 годахъ было лучшее ея время. Имперія еще не охладила и не сбила съ толку самыхъ горячихъ приверженцевъ революціи.

Пусть представятъ себѣ наши Польскія чувства, наши желанія, нашу неопытность, нашу вѣру въ конечный успѣхъ правды и свободы, и легко поймутъ, что въ то время мы съ восторгомъ предались самымъ заманчивымъ мечтамъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора, мы, въ теченіи нѣсколькихъ дней, не находили случая къ бесѣдамъ съ Великимъ Княземъ; но, при всякой встрѣчѣ, мы обмѣнивались дружескими словами, многозначительными взглядами.

Вскорѣ Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Обыкновенно всѣ придворные чины пріѣзжали туда въ праздники и воскресные дни, присутствовали у обѣдни, обѣдали, проводили вечеръ. Иные оставались ночевать и даже проводили по нѣскольку времени въ маленькихъ домикахъ, окружавшихъ дворъ насупротивъ дворца, и въ которыхъ жить было весьма неудобно, либо въ городѣ (гдѣ жить было столь-же неудобно, но нѣсколько свободнѣе) въ домахъ, въ коихъ кромѣ стѣнъ, дверей и оконъ, ничего не было.

Великій Князь сперва пригласилъ насъ пріѣзжать почаще въ Царское Село, потомъ и жить въ немъ, для того, говорилъ онъ, что-бы мы имѣли случай проводить болѣе времени вмѣстѣ. Онъ любилъ наше общество и искалъ его, ибо только съ нами могъ онъ говорить откровенно и высказывать всѣ свои мысли.

Мы имѣли право являться въ апартаменты дворца, когда Императрица выходила туда по вечерамъ, участвовать въ прогулкахъ и въ игрѣ въ бары, что̀ повторялось каждый разъ, какъ была хорошая погода, или присоединяться къ придворнымъ, собиравшимся подъ колонадою, въ той части дворца, которую Императрица предпочитала всѣмъ прочимъ и которая соприкасалась съ ея внутренними покоями. Въ обыкновенные дни, за столомъ Императрицы обѣдали лишь дежурные. Однажды мнѣ выпалъ этотъ случай. Я былъ помѣщенъ противъ Екатерины и ей прислуживалъ, что̀ исполнялъ довольно неловко.

Мы часто ѣзжали въ Царское Село и вскорѣ поселились въ немъ почти на все лѣто.

Наши сношенія съ Великимъ Княземъ были въ высшей степени завле-

кательны. Это было своего рода франъ-масонство, коему не оставалась чуждою и Великая Княгиня. Близость, возникшая при такихъ условіяхъ и причина коей была намъ столь дорога, вела къ разговорамъ, которые мы прерывали лишь нехотя, обѣщая другъ другу возобновлять ихъ. Политическія мнѣнія, которыя нынѣ показались-бы избитыми общими мѣстами, были тогда животрепещущими новостями; и тайна, которую мы должны были соблюдать, мысль, что это происходитъ передъ глазами Двора, погрязшаго въ предразсудкахъ абсолютизма, на зло всѣмъ этимъ министрамъ, столь убѣжденнымъ въ своей непогрѣшимости, придавала еще болѣе занимательности и соли этимъ сношеніямъ, которыя становились все болѣе частыми и близкими.

Императрица Екатерина взглянула благосклонно на близость, возникавшую между ея внукомъ и нами двумя; она одобряла это сближеніе, не угадывая, конечно, ни истиннаго его повода, ни послѣдствій. Полагаю, что по ея представленіямъ и по стариннымъ воззрѣніямъ на значеніе аристократіи, она сочла полезнымъ привязать къ своему внуку вліятельное семейство. Она не подозрѣвала, что эта дружба укрѣпитъ его въ мнѣніяхъ, внушавшихъ ей страхъ и ненависть и что она будетъ одною изъ тысячи причинъ успѣха либеральныхъ идей въ Европѣ, и появленія, увы! кратковременнаго на политической сценѣ Польши, которую она считала навсегда похороненною. Одобреніе, высказанное Императрицею явному благоволенію, которое оказывалъ намъ Великій Князь, заставило молчать всѣхъ порицателей и поощрило насъ въ нашихъ сношеніяхъ, и безъ того столь привлекательныхъ.

Великій Князь Константинъ, изъ подражанія и угодливости Императрицѣ, также возъимѣлъ дружбу къ моему брату, сталъ приглашать его къ себѣ, вводить его насильно въ свой семейный кругъ; но при этихъ сношеніяхъ о политикѣ и рѣчи не было. Судьба, въ этомъ отношеніи, не благопріятствовала моему брату; ни одинъ изъ поводовъ, сблизившихъ насъ съ Александромъ, не существовалъ относительно Константина; и его характеръ, капризный, вспыльчивый, не поддававшійся никакой сдержкѣ, кромѣ страха, внушалъ мало желанія съ нимъ сближаться. Великій Князь Александръ попросилъ моего брата не уклоняться отъ этого сближенія, но только скрывать наши тайные разговоры отъ Константина, къ которому впрочемъ онъ питалъ братскія чувства.

Великій Князь, въ началѣ этого лѣта, жилъ въ большомъ зданіи и еще не переселялся въ отдѣльный дворецъ, расположенный въ паркѣ, который велѣла для него выстроить Императрица и который только что былъ оконченъ. Въ теченіи нѣкотораго времени, посѣщеніе этого дворца служило намъ цѣлью въ нашихъ послѣобѣденныхъ прогулкахъ. Великій Князь наконецъ переселился туда, и тогда наши свиданія стали гораздо болѣе свободными. Онъ часто оставлялъ насъ обѣдать у себя, и рѣдко проходилъ день безъ того, что-бы одинъ изъ насъ не ходилъ къ нему ужинать, когда изъ большаго дворца разъѣзжались. По утрамъ мы прогуливались пѣшкомъ, иногда по нѣскольку верстъ. Великій Князь любилъ ходить пѣшкомъ, заходить въ окрестныя деревни и, тутъ въ особенности, предавался онъ любимымъ своимъ разговорамъ. Онъ находился

подъ обаяніемъ едва начинавшейся юности, создающей себѣ образы, утѣшающей себя ими, не останавливающейся на невозможностяхъ, строящей безконечные планы для будущности, коей предѣловъ оно не видитъ.

Мнѣнія его были мнѣніями школьника 89-го года, который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества. Хотя я самъ въ это время былъ очень восторженъ, хотя родился и былъ воспитанъ въ республикѣ, съ жаромъ принявшей всѣ начала Французской революціи, однако-же, въ нашихъ спорахъ, я держалъ сторону благоразумія и умѣрялъ крайнія мнѣнія Великаго Князя. Между прочимъ, онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая съумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію ею. Я представлялъ ему все то, что̀ можно сказать противъ этого мнѣнія, трудности и случайности избранія, все что̀ отъ нихъ претерпѣла Польша и сколь мало Россія была способна и подготовлена къ такому порядку вещей. Я присовокуплялъ, что на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, Россія отъ этого ничего не выиграла-бы, ибо она лишилась-бы того, кто всѣхъ достойнѣе верховной власти, чьи намѣренія самыя благодѣтельныя и самыя чистыя.

Объ этомъ пунктѣ у насъ шли нескончаемыя пренія. Иногда, во время нашихъ долгихъ прогулокъ, разговоръ обращался къ инымъ предметамъ. Дѣло шло уже не о политикѣ, а о природѣ: юный Великій Князь восторгался ея красотами. Нужна была большая склонность къ наслажденіямъ этого рода, что-бы находить ихъ въ мѣстности, по которой мы совершали свои прогулки; но такъ какъ все въ этомъ мірѣ относительно, то Великій Князь восхищался цвѣткомъ, зеленью дерева, нѣсколько открытымъ видомъ съ небольшаго пригорка, ибо нѣтъ ничего менѣе живописнаго, болѣе некрасиваго, какъ окрестности Петербурга. Александръ любилъ земледѣльцевъ и сельскую красоту крестьянокъ. Сельскія занятія, сельскіе труды, жизнь простая и тихая, на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и цвѣтущей: вотъ романъ, который ему хотѣлось осуществить и къ которому онъ постоянно со вздохомъ возвращался.

Я очень хорошо чувствовалъ, что такія мечты ему не пристали, что, при столь высокомъ призваніи и для того что-бы произвести въ общественномъ строю великія и счастливыя перемѣны, нужно было болѣе возвышенности, болѣе силы, болѣе вѣры въ себя, чѣмъ имѣлъ ихъ Великій Князь; что, въ своемъ положеніи онъ заслуживалъ порицанія за то, что желалъ бы сбросить съ себя громадное бремя, ему предназначенное, и вздыхаетъ о досугахъ спокойной жизни; что сознавать трудности своего положенія и страшиться ихъ недостаточно и что слѣдуетъ возгорѣть пламеннымъ желаньемъ преодолѣть ихъ.

Эти размышленія приходили мнѣ на умъ лишь по временамъ, да и тогда, когда истина ихъ всего болѣе меня поражала, они не уменьшали моего восторга и моей преданности къ Великому Князю. Его искренность, его прямота, легкость, съ которою онъ предавался прекраснымъ заблужденіямъ, имѣли неотразимую прелесть. При томъ, онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ пріобрѣсти то, чего ему не доставало; обстоятельства, не-

обходимость могли развить способности, не имѣвшія ни времени, ни случая обнаруживаться; но его воззрѣнія, его намѣренія оставались чистымъ золотомъ, и хотя онъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнился, однако до своей кончины сохранялъ нѣкоторые вкусы и мнѣнія своей юности.

Многія лица, въ особенности изъ моихъ соотечественниковъ, упрекали меня впослѣдствіи за то, что я слишкомъ поддался увѣреніямъ Александра; я часто отстаивалъ передъ его порицателями искренность и неподдѣльность его мнѣній. Впечатлѣніе, произведенное первыми годами нашего знакомства, не могло изгладиться. Нѣтъ сомнѣнія, что когда девятнадцатилѣтній Александръ изливалъ мнѣ, подъ величайшею тайною и съ беззавѣтностію, облегчавшею его душу, мнѣнія и чувства, скрываемыя имъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ эти чувства и потребность съ кѣмъ нибудь подѣлиться ими. Какое иное побужденіе могло тогда быть у него? Кого хотѣлъ-бы онъ обмануть? Онъ очевидно повиновался влеченію своего сердца и довѣрялъ мнѣ истинныя свои мысли. Буду имѣть случай вернуться къ этому предмету, говоря объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ характерѣ этого государя.

ПЕРЕПИСКА

(1801 — 1806)

I.

*Императоръ къ кн. Чарторыжскому**).

17 Марта 1801.

Вамъ уже извѣстно, любезный другъ, что кончина моего отца поставила меня во главу управленія. Умалчиваю о всѣхъ подробностяхъ, что-бы сообщить ихъ Вамъ изустно. Пишу Вамъ для того, что-бы Вы немедленно передали всѣ дѣла Вашей миссіи старшему по Васъ и что-бы Вы ѣхали въ Петербургъ. Мнѣ нѣтъ надобности говорить Вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я Васъ ожидаю. Надѣюсь, что Небо сохранитъ Васъ во время Вашего путешествія и приведетъ Васъ сюда въ совершенномъ здравіи. Прощайте, любезный другъ; болѣе писать не могу; прилагаю при семъ паспортъ для предъявленія на границѣ.

Александръ.

*) Въ Римъ, гдѣ онъ находился посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ Дворѣ. *П. Б.*

II.

Императоръ къ кн. Чарторыжскому.

Петербургъ, 12 Іюня 1801.

Не могу выразить Вамъ, любезный другъ, что̀ я испыталъ при полученіи Вашего письма и особенно при мысли, что я скоро Васъ увижу. Не могу понять, какъ могъ я ошибиться на счетъ Вашего чина *); прилагаю при семъ, по Вашему желанію, другой паспортъ. Прощайте, любезный другъ; не могу писать къ Вамъ болѣе.

Александръ **).

III.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

22 Марта 1806.

Не съ намѣреніемъ преувеличивать передъ В. И. В-вомъ опасности, угрожающія Вашей Имперіи, и напрасно тревожить Васъ на счетъ ея положенія, составилъ я записку, повергаемую много нынѣ на Ваше усмотрѣ-

*) Императоръ, по ошибкѣ, въ адресѣ письма, поставилъ передъ именемъ князя титулъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

**) Въ исходѣ 1802 года князь Чарторыжскій получилъ въ завѣдываніе министерство иностран. дѣлъ *П. Б.*

ніе. Она внушена мнѣ самымъ искреннимъ, самымъ обдуманнымъ усердіемъ.

Я счелъ необходимымъ указать В-у И. В-ву на нѣкоторые изъ подводныхъ камней, Васъ окружающихъ, но, повидимому, незамѣчаемыхъ Вами. Россія, по истинѣ, въ положеніи весьма критическомъ. Опасности, угрожающія ей, Вамъ самимъ, Государь, могутъ возрасти до степени, на которую я не могу взирать безъ страха. И такъ, я подумалъ, что не слѣдуетъ упускать ни минуты для того, что-бы предложить В. И. В-ву единственную мѣру, которая можетъ сдѣлать исполнимыми всѣ прочія, требуемыя обстоятельствами, мѣру, еще недостаточную для спасенія государства, но безъ которой это спасеніе стало-бы сомнительнымъ, что-бы не сказать невозможнымъ.

До начала войны, въ правительственной дѣятельности господствовало единство, ибо В. И. В-во удостоивали нѣкоторой доли довѣрія опредѣленное число лицъ, съ коими Вы совѣтывались и обыкновенно обсуждали дѣла прежде, чѣмъ ихъ рѣшать. Однако-же, даже тогда, необходимость придать болѣе единства всѣмъ отраслямъ управленія постоянно давала себя чувствовать, и это единство всегда казалось желательнымъ. Испытанныя нами бѣдствія отчасти должны быть приписаны тому, что единство это не было достаточно соблюдено, и что, позже, оно разрушилось вовсе, въ то время, какъ сохраненіе его стало болѣе необходимымъ, чѣмъ когда-либо.

Впрочемъ, какія-бъ ни были причины, не допустившія до сихъ поръ образованія комитета или тайнаго совѣта, который бы постоянно завѣдывалъ государственными дѣлами, какъ только оказался вредъ отсутствія подобнаго учрежденія, становится необходимымъ принять мѣры къ тому, особенно въ минуту, когда, по обстоятельствамъ, положеніе Имперіи стало не въ примѣръ затруднительнѣе, чѣмъ въ предъидущее время.

Позвольте мнѣ, Государь, сдѣлать замѣчаніе, которое тутъ не будетъ неумѣстно. Съ крайнимъ удивленіемъ замѣчалъ я постоянно, что В-е В-во, повидимому, поставили себѣ задачею взваливать на себя одного отвѣтственность не только за всякую мѣру, но даже за исполненіе ея во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ, между тѣмъ какъ по духу учрежденія о министерствахъ, Вамъ бы слѣдовало быть избавленнымъ отъ этой отвѣтственности и постоянно имѣть возможность взыскивать съ кого-либо за неудачи правительства, нынѣ всѣмъ своимъ бременемъ ложащіяся на Васъ, Государь, ибо В. В. все хотите дѣлать сами, какъ по военному, такъ и по гражданскому вѣдомству.

Среди обстоятельствъ самыхъ трудныхъ и когда дѣло идетъ о принятіи рѣшеній, отъ которыхъ зависитъ спасеніе или гибель государства, В. И. В-во, повидимому, приняли за правило слѣдовать лишь первой мысли, приходящей Вамъ на умъ, не обращаясь ни къ сужденію, ни къ опытности другихъ лицъ; однимъ словомъ, лишать себя всѣхъ способовъ и данныхъ для составленія себѣ разумнаго убѣжденія. Осмѣлюсь присовокупить, что такъ какъ значительная доля драгоцѣннаго времени В. И. В-ва поглощена занятіями второстепенной важности, Вы не можете удѣлить обсужденію мѣръ собственно государственныхъ и наблюденію за ихъ исполненіемъ той доли времени и послѣдовательнаго вниманія, коей онѣ требуютъ. Если это замѣчаніе, слышанное мною отъ

многихъ лицъ, не лишено основанія, то В. И. В-во не удивитесь, узнавши, что вообще господствуетъ весьма прискорбное безпокойство на счетъ хода правленія и правительственныхъ мѣропріятій и на счетъ событій, которыя готовитъ намъ будущее.

Въ случаѣ, если-бы В. И. В-во не согласились на предложенную мѣру, которая кажется мнѣ единственнымъ средствомъ для устраненія неудобствъ настоящаго положенія, и если дѣла будутъ идти по прежнему, при всемъ желаніи моемъ ошибиться, боюсь самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, какъ для Россіи, такъ и для Васъ, Государь. Предположимъ, что наше бездѣйствіе или нашъ слишкомъ страдательный образъ дѣйствій наконецъ приведутъ войну въ предѣлы Вашего государства: въ этомъ случаѣ, Государь (а его нельзя считать невозможнымъ) я не отвѣчалъ-бы за Поляковъ. Болѣе того, я опасался-бы за дѣйствіе, которое произвелъ-бы ихъ примѣръ на самихъ Русскихъ. Уже сіи послѣдніе выносятъ лишь съ трудомъ умаленіе государственной славы, униженіе народнаго самолюбія. Если оно будетъ оскорблено еще глубже, если границы будутъ нарушены, обвиненіе за то падетъ на В. И. В-во, и разнародные толки, происходящіе въ обѣихъ столицахъ, на этотъ счетъ не успокоительны. Мнѣ показалось, что совѣсть обязываетъ меня не скрывать этихъ подробностей отъ В. В-ва:

Такъ какъ убѣжденій навязывать нельзя, то весьма возможно, что В. В-во останетесь при своихъ и не придадите ни цѣны, ни вѣры тѣмъ, которыя я осмѣливаюсь Вамъ излагать. Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только удалиться, съ сознаніемъ, что мнѣ упрекать себя не въ чѣмъ, и молить Бога, что-бы мои предсказанія не исполнились.

Однако, В. В-во въ этомъ случаѣ найдете справедливымъ, что-бы я попросилъ Васъ тотчасъ-же уволить меня отъ службы, и я въ своей жизни слишкомъ часто удостоивался знаковъ Вашего благоволенія, для того, что-бы сомнѣваться въ томъ, что Вы въ этомъ случаѣ не захотите отказать мнѣ въ этомъ для меня самомъ чувствительномъ доказательствѣ Вашей благосклонности.

Не стану напоминать В. В-ву все то, что̀ происходило со времени моего сюда возвращенія и что̀ конечно не изгладилось изъ Вашей памяти: сколь мало Вы обратили вниманія на мнѣнія, мною изложенныя, на мои представленія, какъ о дѣлахъ, такъ и о выборѣ лицъ, назначаемыхъ на заграничные посты, выборѣ, вліяющемъ на ходъ дипломатическихъ дѣлъ столь существенно, что отъ него по большей части зависятъ ихъ успѣхъ или неудача.

Это обращеніе со мною, при должности мною занимаемой и при отвѣтственности, которую съ полнымъ правомъ соединяетъ съ нею публика, есть лишь послѣдствіе и продолженіе того по истинѣ тягостнаго положенія, въ коемъ я нахожусь. въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Вы, Государь, рѣшились отправиться въ армію.

Съ тѣхъ поръ, какъ В. И. В-во изволите совѣтоваться со мною о дѣлахъ, Вы имѣли случай узнать вполнѣ всѣ мои мнѣнія, и Вамъ извѣстно напередъ, какого рода тѣ мѣры, которыя я постоянно буду предлагать Вамъ. Если В. В-во заблагоразсудите отвергнуть ту изъ нихъ, которую я сегодня повергаю на Ваше усмотрѣніе (предварительно и какъ первую основу): то конечно не для того, что-

бы принять тѣ мѣры, которыя я могъ-бы предложить Вамъ въ послѣдствіи. Но даже, если-бы Вы удостоили ихъ своего одобренія, и какой-бы ни былъ Вашъ образъ дѣйствій, безъ предложенной мѣры исполненіе всегда будетъ неумѣстно по недостатку послѣдовательности и связи, что уже испытано нами прежде. В. И. В-во слишкомъ добры, чтобы еще возлагать на меня тяжкое, смѣю сказать, мучительное обязательство участвовать въ порядкѣ вещей и приводить въ исполненіе мѣры, которыя я считаю прямо противными благу Имперіи и Вашему собственному.

Какая Вамъ выгода, Государь, удерживать при себѣ министра, совѣты коего не уважены В.В-омъ, министра, не внушающаго Вамъ довѣрія, всегда Вамъ противодѣйствующаго, не соглашающагося исполнить Вашу волю, утратившаго всякую бодрость, не чувствующаго въ себѣ силъ и усердія на то, что-бы постигать и исполнять приказанія, противныя его убѣжденію, даже если-бы нравственный его характеръ позволялъ ему быть ихъ орудіемъ? В. И. В-во постоянно ободряли либеральный образъ мыслей. Вы не захотите придерживаться самого безусловнаго произвола, того, который требуетъ смѣлаго исполненія приказаній, противныхъ совѣсти исполнителя. Если В. И. В-во окончательно рѣшились вести дѣла такъ, какъ они идутъ теперь; если Вы начертали себѣ планъ дѣйствій, который Вы считаете приложимымъ къ труднымъ обстоятельствамъ настоящей минуты и отъ котораго Вы рѣшительно не хотите отступить: Вамъ нуженъ министръ, который-бы съумѣлъ понять этотъ планъ, сознательно имъ проникнуться, который-бы усердно сообразовался съ нимъ, съ надеждою на успѣхъ и съ свѣжими силами. В. В-у нуженъ человѣкъ внушающій Вамъ довѣріе, Русскій, который имѣлъ-бы болѣе вѣсу въ странѣ и менѣе подвергался-бы клеветѣ, чѣмъ я. Въ положеніи, его ожидающемъ, всѣ эти условія для него болѣе чѣмъ когда либо необходимы. Я не представляю ни одного изъ нихъ. И какъ можете желать В. В-во, чтобы я продолжалъ исполнять мою должность при настоящемъ положеніи дѣлъ, не имѣя возможности оправдаться ни передъ кѣмъ, кромѣ Васъ одного, Государь, при глубокомъ моемъ убѣжденіи, что настоящій ходъ дѣлъ, въ коемъ я буду казаться участникомъ, можетъ вести лишь къ гибели?

Кромѣ того, я обязанъ предвидѣть, что мои соотечественники, моя родина, легко могутъ быть впутаны въ готовящіяся событія, и тутъ-то непремѣнно стали-бы говорить здѣсь, что я нарочно повелъ дѣла къ этому результату.

Съ другой стороны, сознаюсь В. И. В-ву, что я не могу объяснить себѣ, по какому еще побужденію Вамъ могло-бы быть желательно удержать меня въ министерствѣ. В. В-во полагаете, что система, въ которую Вы были вовлечены Вашимъ министерствомъ, была источникомъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ нами. Я-же не могъ скрыть отъ Васъ, что я убѣжденъ, напротивъ того, въ томъ, что они произошли отъ недостаточно искренняго и рѣшительнаго приложенія этой системы, отъ того, что Вы уклонились отъ условленнаго плана и лишили своего довѣрія, во время исполненія, его составителей; такъ что во всемъ сдѣланномъ послѣ того не оказалось ни единства, ни послѣдовательности. Долженъ сознаться Вамъ, что, по моему мнѣнію, начала, руко-

водствовавшія до тѣхъ поръ дѣйствіями Русскаго Кабинета, должны руководить имъ и теперь; что это единственныя начала, коимъ ему прилично слѣдовать, и что лишь величайшая энергія и дѣятельность могутъ извлечь Россію изъ ея прискорбнаго положенія. В. И. В-во, повидимому, держитесь мнѣнія совершенно противуположнаго. Вы считаете начала, руководствовавшія нами, опасными и вредными и, какъ кажется, въ особенности отрекаетесь отъ всякой мѣры, которая была-бы дальнѣйшимъ ихъ приложеніемъ.

На какой-бы сторонѣ, при этихъ двухъ воззрѣніяхъ, ни были истина и разумность, но приличіе и необходимость требуютъ или, что-бы В. В-во дали мнѣ увольненіе или что-бы я о немъ просилъ Васъ. Дѣйствительно, если В. И. В-во убѣждены, что несчастныя событія прошлаго года произошли отъ легкомыслія и безпечности Вашего Кабинета въ то время, какъ я онымъ управлялъ, если Вы полагаете, что слѣдовать совѣтамъ, основаннымъ на тѣхъ-же началахъ, значитъ увеличить опасности Россіи; если Вы считаете нужнымъ съ особымъ тщаніемъ устранять всѣ мои предложенія, въ опасеніи быть завлеченну въ новые перевороты,—то я по истинѣ не понимаю, почему-бы В. В-ву колебаться на счетъ моего увольненія, почему-бы Вамъ не передать моей должности другому лицу, отъ котораго Вы могли-бы ожидать болѣе искусства и благоразумія. Къ тому-же, при слишкомъ рѣзкомъ различіи въ мнѣніяхъ и руководящихъ началахъ, невозможно понять другъ друга: является раздраженіе, всякій тянетъ въ свою сторону, невольно и постоянно сталкиваешься. Какое бы направленіе В-у В-ву ни было угодно придать дѣламъ, не этимъ путемъ можно обезпечить ихъ правильный ходъ.

Таковы поводы, заставляющіе меня умолять В. И. В-во уволить меня отъ должности. Они заимствуютъ новую силу отъ моихъ частныхъ обстоятельствъ. В. В-у извѣстны всѣ тѣ причины, которыя заставляютъ меня такъ сильно желать жизни тихой, удаленной отъ дѣлъ. Вы вспомните, что я далеко не желалъ занимаемаго мною нынѣ положенія; я даже долго отъ него отказывался, предвидя всѣ непріятности, ожидавшія меня, въ качествѣ Поляка. Съ тѣхъ поръ, и даже лишь вступая въ должность, я не переставалъ мечтать о минутѣ, когда, Государь, Вы мнѣ позволите сдать ее въ Ваши руки.

Я не разъ просилъ объ увольненіи, и за послѣднее время, причины, изложенныя въ этомъ письмѣ, заставляли меня повторять мою просьбу настоятельнѣе и чаще. В. И. В-во соблаговолили не разъ обѣщать мнѣ, что моя просьба будетъ исполнена, и Вы только требовали, что-бы я еще повременилъ немного.

Осмѣливаюсь, Государь, напомнить Вамъ Ваше обѣщаніе, на которое я имѣю право разсчитывать. Причина, до сихъ поръ удерживавшая В. В-во отъ его исполненія, болѣе не существуетъ. Вы достаточно показали, что Вы, Государь, не уступаете навязчивымъ толкамъ. Никто нынѣ въ томъ не сомнѣвается и, если Вы согласитесь уволить меня, никто и не подумаетъ объяснить это интригами, недостойными влiять на Ваши рѣшенія. Мое удаленіе, при томъ, порадуетъ многихъ, и большинство лицъ, составляющихъ обычное и близкое общество В. В-ва, будетъ имъ довольно. Доволенъ буду и я. Зачѣмъ же откладывать развязку, которая удовлетворитъ

всѣхъ, не огорчитъ никого, не исключая и В. И. В-ва. Вы, наконецъ, будете трудиться по моей части спокойно, безъ пререканій и въ томъ смыслѣ, въ какомъ Вы желаете.

Если-бы В. И. В-во одобрили мѣру, предлагаемую мною, и въ то-же время могли исполнить данное мнѣ обѣщаніе объ увольненіи, то я счелъ-бы себя вдвойнѣ счастливымъ: мои частныя желанія были бы удовлетворены, и въ то-же время мнѣ удалось бы оказать В. И. В-ву услугу, которую я считаю весьма существенною; ибо, Государь, каковъ-бы ни былъ Вашъ выборъ въ разсужденіи лицъ, способъ, предлагаемый мною, всегда останется единственнымъ для извлеченія пользы изъ талантовъ.— Остаюсь, и пр.

IV.

Кн. Чарторыжскій къ Императору.

Апрѣль 1806 г.

Ваше И. В-во соблаговолите оцѣнить побужденія, заставившія меня собрать всѣ факты, могущіе дать ясное понятіе объ образѣ дѣйствій Вашего Кабинета съ тѣхъ поръ, какъ я въ оный допущенъ, и служить матеріялами и данными къ особому отчету о моемъ управленіи, предназначенному для Васъ исключительно.

Вы не удивитесь тому, Государь, что наравнѣ со всѣми учавствовавшими въ дѣлахъ политическихъ и пользовавшимися Вашимъ довѣріемъ за послѣднее время, я такъ живо заинтересованъ тѣмъ, что-бы В. В-во имѣли передъ глазами все, что́ можетъ дать Вамъ средства составить себѣ объ этомъ предметѣ безпристрастное и благопріятное мнѣніе.

Желаніе такого рода естественно и законно во всякомъ изъ слугъ В. В-ва.

Другія побужденія, однако-же, еще болѣе законныя и настоятельныя (какъ могли замѣтить В. И. В-во при чтеніи приложенной при семъ записки) побужденія, вытекающія изъ усердія моего къ службѣ В. В-ва и изъ преданности къ Вашей особѣ, также руководствовали мною при этой работѣ и, увлекаемый ими, считаю священнѣйшимъ моимъ долгомъ присовокупить къ упомянутой запискѣ нѣсколько замѣчаній, обращенныхъ лишь къ Вамъ самимъ, Государь, при которыхъ ссылаюсь лишь на Ваше собственное свидѣтельство, — словомъ, дополнить передъ глазами В. В-ва картину прошлаго и его послѣдствій, въ томъ видѣ, какъ она мнѣ представляется, ни о чемъ не умалчивая, ничего не смягчая, и изложить Вамъ голую и цѣлую истину, по крайнему и глубокому моему убѣжденію.

Возвращаясь къ прошлымъ событіямъ приблизительно въ томъ-же порядкѣ, въ коемъ изложены они въ запискѣ, я долженъ предупредить В. В-во, что рѣчь будетъ идти преимущественно о Васъ самихъ.

Государи до того нераздѣльны съ государствомъ, что, говоря о его судьбахъ, нельзя избѣгнуть обсужденія ихъ личнаго образа дѣйствій: ибо отъ него, въ значительной мѣрѣ, зависятъ успѣхи и упадокъ самаго государства.

Изъ упрековъ, возведенныхъ на Петербургскій Кабинетъ, едва-ли не самый несправедливый заключается въ томъ, будто онъ увлекся преувеличенною ревностью о благѣ Европы, не помышляя о прямыхъ интересахъ Россіи, не стараясь доставить ей должныя выгоды.

Напирая на этотъ упрекъ, забывали, что отъ поддержки общаго благосостоянія зависѣла и честь, и самая безопасность Россіи. Сверхъ того, никому не были извѣстны разговоры, веденные съ В. В-вомъ и въ которыхъ, за послѣдніе два года, столь часто выдвигалась впередъ мысль о комбинаціяхъ, могущихъ принести пользу Россіи, каковы обладаніе Молдавіею и Валахіею, расширеніе границъ по Вислу, соединеніе Славянскихъ и Греческихъ народовъ, и т. д.; словомъ, о своевременности пріобрѣтеній для Россіи и обезпеченія ея торговыхъ путей.

Мысли эти постоянно отвергались В. И. В-вомъ, и притомъ столь рѣзко, что оставалось мало надежды помирить Васъ съ какою либо изъ нихъ. Слѣдовательно было бы трудно заняться, напримѣръ, раздѣломъ Европы съ Бонапартомъ, проэктомъ, о которомъ можно было думать лишь рѣшившись усилиться на счетъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей.

Событія, однако-же, уже указывали на то, что потребность расширить предѣлы и средства Имперіи можетъ сдѣлаться все болѣе и болѣе настоятельною, какъ въ видахъ удержанія Россіи на подобающемъ ей мѣстѣ, такъ для установленія въ Европѣ дѣйствительнаго и прочнаго покоя. По этому казалось, что слѣдовало избрать такой путь, при коемъ все было-бы основано на самыхъ чистыхъ и безкорыстныхъ побужденіяхъ. Оттуда слѣдовало исходить, тутъ искать главной пружины нашихъ дѣйствій; но, при развитіи мѣръ, которыя вызвало бы охраненіе общаго блага и общая защита, В. И. В-во, силою вещей и вовсе даже о томъ не помышляя, были-бы приведены къ тому, что-бы достигнуть и для самихъ себя значительныхъ выгодъ. Это конечно путь самый прекрасный и, быть можетъ, и самый вѣрный для достиженія ихъ, и въ двухъ послѣдовательныхъ случаяхъ, мы были столь близки къ такому достиженію, что стоило лишь настоять для того, чтобы успѣть.

Никто болѣе меня не сознавалъ необходимости обезпечить себѣ полное убѣжденіе и безусловное одобреніе В. В-ва въ пользу всякого дѣйствія, предпринимаемаго правительствомъ; безъ этого, можно-ли было надѣяться, что оно будетъ ведено съ послѣдовательностію и энергіею? Казалось, Государь, что лишь благородствомъ побужденій, величіемъ результатовъ, однимъ словомъ, благомъ человѣчества и славою Россіи, можно обезпечить за всякою системою, принятою Вашимъ Кабинетомъ, поддержку послѣдовательной и непоколебимой воли съ Вашей стороны.

Ссылаюсь на Васъ самихъ, Государь. Въ спорахъ, происходившихъ между нами, въ моихъ представленіяхъ за то время, не было-ли постояннымъ моимъ стараніемъ вызвать истинное убѣжденіе, самостоятельную и сознательную рѣшимость?

Признаюсь однакожь, что я увидѣлъ, слишкомъ быть можетъ поздно и съ глубокимъ прискорбіемъ, что В. В-во не составили себѣ глубокаго и рѣшительнаго убѣжденія на счетъ предметовъ, занимавшихъ Вашъ Кабинетъ.

Разобравши дѣло во всѣхъ подробностяхъ, условившись съ нами въ принципѣ, В. В-во, по прошествіи нѣкотораго времени, приходили въ колебаніе, предавались сожалѣніямъ тягостнымъ для Васъ, но еще болѣе для Вашего Кабинета. Въ то время, когда, по собственнымъ Вашимъ рѣшеніямъ, Государь, событія уже при-

нимали опредѣленное направленіе, намъ приходилось все передѣлывать сызнова, какъ-будто-бы ничего не было ни рѣшено, ни условлено. Мы никогда не были увѣрены въ своей исходной точкѣ, и лишь только мы пускались въ исполненіе данныхъ намъ приказаній, вновь возникали сомнѣнія, и всѣ основы нашей дѣятельности приходили въ колебаніе.

Конечно тогда, къ крайнему моему, но слишкомъ позднему, сожалѣнію, не бывало уже возможности выслушивать и разсѣевать сомнѣнія, столь опасныя для хода дѣлъ, и я находилъ себя вынужденнымъ представлять Вамъ, что, зашедши столь далеко, слѣдуетъ довести дѣло до конца.

Можно было видѣть по результатамъ, въ теченіи прошлаго года, когда именно существовало это столь желанное убѣжденіе, когда оно измѣнялось, слабѣло или вовсе оставлялось, и этотъ послѣдній поворотъ случился, какъ только возникли неожиданныя препятствія; но да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что какъ-бы ни былъ хорошо обдуманъ планъ, всегда слѣдуетъ готовиться къ неудачамъ, къ неблагопріятнымъ случайностямъ, и что если-бы мы преслѣдовали осуществленіе нашихъ намѣреній, лишь пока все устроивается по нашимъ желаніямъ, они-бы никогда не осуществлялись.

Боязнь неосторожно предупредить окончательную установку мнѣній В. И. В-ва и поступить несогласно съ Вашими убѣжденіями, прежде всего заставила Вашъ Кабинетъ дѣйствовать съ крайнею осмотрительностію, за которую въ то время не преминули его упрекнуть.

Когда было получено въ Петербургѣ извѣстіе о смерти герцога Энгіенскаго, то, не смотря на мое личное, весьма живое негодованіе по поводу этого преступленія, на мою готовность выставить во всей силѣ энергію и благородство чувствъ, руководившихъ нашимъ Дворомъ, я долженъ однакоже напомнить В. И. В-ву, что я не предлагалъ никакой мѣры подобной тѣмъ, которыя были приняты. Депеши, приготовленныя мною, содержали представленія весьма рѣзкія, но не гласныя, и въ этомъ случаѣ направленіе всему дѣлу было дано исключительно В. И. В-вомъ. Признаюсь, что порывъ этотъ нисколько меня не огорчилъ; напротивъ того онъ обрадовалъ и обнадежилъ меня; я счелъ бы преступнымъ останавливать и охлаждать его возраженіями, тогда какъ эта энергія, это негодованіе были необходимыми элементами системы, считавшейся единственною-приложимою, и тогда какъ этотъ порывъ, казалось, окончательно возбуждалъ въ Вашей душѣ то окончательное убѣжденіе, которое до тѣхъ поръ недостаточно опредѣлилось.

Я однако не скрылъ отъ себя послѣдствій этого шага, и съ этой минуты война, предвѣщаемая и безъ того столь многими признаками, показалась мнѣ неизбѣжною.

Въ этомъ смыслѣ и выражались о немъ постоянно передъ Вами всѣ лица, которымъ поручаемы были В. В-вомъ дѣла политическія.

Но къ несчастію Вы, въ глубинѣ души, не были убѣждены въ этой истинѣ. Лишь въ послѣдствіи могъ я заключить, что, по Вашимъ частнымъ соображеніямъ, Вы до послѣдней минуты предполагали, что войны не будетъ, что Австрія слишкомъ труслива, что-бы начать ее и что это послужитъ Россіи предлогомъ, что-бы устраниться также.

Отсюда возникло разногласіе между сообщеніями, которыя вынужденъ былъ дѣлать Кабинетъ по прямому приказанію В. В-ва, и разными мѣрами, которыя въ соотвѣтствіе онымъ должны были приниматься внутри Имперіи. В. И. В-во давали волю Вашему министерству, быть можетъ, полагая, что оно основывается на предположеніяхъ несбыточныхъ. Событіе доказало противное; а между тѣмъ, ни одна изъ прочихъ частей управленія не подвинула своихъ приготовленій сообразно шагамъ Кабинета.

В. В-во не сочли нужнымъ предписать въ 1804 году достаточнаго набора, о необходимости коего было Вамъ представлено.

Отправка приказаній полкамъ выступать въ походъ откладывалась со дня на день, не смотря на настоятельныя мои представленія по этому предмету каждый разъ, какъ о немъ доходили до меня свѣдѣнія.

Это неопредѣленное настроеніе, производящее лишь полумѣры (проявленія полуволи) есть условіе самое опасное и вредное для успѣшнаго хода дѣлъ.

Ваше В-во позволите мнѣ при этомъ случаѣ напомнить Вамъ то, что́ я уже высказывалъ Вамъ прежде, а именно, что были сдѣланы двѣ важныя ошибки. Первая состоитъ въ томъ, что Вы, Государь, съ самаго начала не двинули въ Грузію (какъ Вамъ это безпрестанно предлагали) значительныхъ силъ, для того что-бы поскорѣе покончить съ этою войною и избавиться отъ нея. Вторая состоитъ въ томъ, что всѣ полки, назначенные для защиты Австріи и противъ Пруссіи, не были двинуты во̀ время въ походъ.

Вашему В-ву извѣстно изрѣченіе Суворова, что одна минута рѣшаетъ исходъ битвы, одинъ часъ—успѣхъ кампаніи, одинъ день—судьбы имперій.

Этого изрѣченія никогда не слѣдовало-бы забывать тѣмъ, кто имѣетъ вліяніе на управленіе государствами.

Въ Европѣ одинъ Бонапартъ знаетъ цѣну времени, и этого достаточно, что-бы доставлять ему постоянный успѣхъ. Онъ умѣетъ предпринимать сегодня то, что̀ черезъ недѣлю будетъ невозможнымъ. Опираясь на успѣхи уже одержанные, онъ съ удвоенной силою борется противъ наступающихъ затрудненій.

Не съ 500 тысячами человѣкъ, которыми насъ пугали, пришлось намъ сражаться; нѣтъ, имѣя едва ли 140 тысячь, Бонапартъ справился съ Австріею, Россіею и Пруссіею, единственно потому, что, не заботясь о послѣдствіяхъ, онъ умѣетъ пользоваться настоящею минутою. Этотъ талантъ удвоиваетъ, утроиваетъ его силы; одно и то-же войско какъ бы размножается и, побѣдивъ на одномъ пунктѣ, быстро переносится на другой. Такъ дѣйствовали Кесарь и Фридрихъ.

Никогда эти истины (что̀ какъ мнѣ кажется доказано до очевидности въ моей запискѣ) не дали почувствовать себя сильнѣе, какъ во всемъ томъ что̀ происходило съ Пруссіею.

Рѣшеніе, которое хотѣли принять на ея счетъ, было вполнѣ одобрено самыми значительными лицами въ Европѣ. Оно заставило эрцгерцога Карла высказаться въ пользу войны; ибо, говорилъ онъ, это доказательство тому, что Россія хочетъ вести ее серьозно. Питтъ и Фоксъ также выразили свое одобреніе. «Если начнутся военныя дѣйствія противъ Пруссіи, присовокупилъ этотъ послѣдній, нужно вести ихъ съ энергіею и объ остальномъ не заботиться».

Правда, В. В-во объявили намъ впослѣдствіи, что Вы приняли это рѣшеніе и желали опредѣлить весь Вашъ образъ дѣйствій лишь на основаніи великой вѣроятности, почти увѣренности, что король, подъ сильнымъ давленіемъ, приметъ нашу сторону. Однакоже кто могъ въ этомъ поручиться?

Когда предлагаются двѣ альтернативы, то это потому, что предвидится два шанса, и принята рѣшимость подвергнуться каждому изъ нихъ. Кто могъ-бы подумать, что Россія, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, остановится въ нерѣшимости, что она вооружилась лишь въ убѣжденіи, что Пруссія уступитъ безъ малѣйшаго сопротивленія?

Планы обдумываются, выработываются лишь для того, что-бы исполнять ихъ безъ отступленій; но если, въ самый моментъ исполненія, отказываешься отъ пункта, на которомъ было основано все прочее, или разстраиваешь ту или другую существенную его часть, какъ надѣяться, что-бы прочія части плана, расчитанныя на то, что-бы составить стройное цѣлое, могли быть увѣнчаны успѣхомъ?

Если не было твердой рѣшимости исполнить планъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ, тогда конечно лучше было и не начинать, или составить планъ совсѣмъ иной.

Такъ какъ въ этомъ письмѣ я поставилъ себя цѣлью говорить о прошломъ искренно и безъ утайки, или точнѣе собрать и повторить письменно В. И. В-ву всѣ тѣ замѣчанія, которыя я часто осмѣливался предлагать Вамъ изустно, то Вы, Государь не откажете мнѣ въ прощеніи, если я постараюсь исполнить до конца задачу, которую я на себя возложилъ съ тою полною искренностію, которую можетъ внушить лишь глубочайшая преданность.

Прискорбный исходъ нашихъ дѣйствій прежде всего слѣдуетъ приписать Мемельскому свиданію. Считаю это свиданіе однимъ изъ несчастнѣйшихъ для Россіи событій, какъ по непосредственнымъ его послѣдствіямъ, такъ и по дальнѣйшимъ и будущимъ.

Близкая дружба, въ которую, послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, В. И. В-во вступили съ королемъ, произвела то, что вмѣсто политической силы Вы стали видѣть въ Пруссіи дорогое Вамъ лицо, относительно коего Вы возложили на себя особыя обязательства.

Эта личная связь, заключенная съ государемъ державы, интересы коей по большой части противуположны интересамъ Россіи, имѣла значительное вліяніе на дѣйствія нашего Кабинета, постоянно стѣсняла его и наконецъ воспрепятствовала обдуманному и рѣшительному исполненію энергическихъ мѣръ въ началѣ кампаніи. В. В-во полагали, что грѣшите противъ Вашихъ личныхъ чувствъ къ королю, соглашаясь на враждебные Пруссіи планы; Вы даже упрекали себя за средній путь, избранный Вами, между тѣмъ какъ, для разрѣшенія вопроса, слѣдовало только взвѣсить государственные интересы и отношенія, тѣмъ болѣе, что король явно доказывалъ свою неспособность оцѣнить подобныя чувства и на нихъ отвѣчать.

И такъ, вступленіе войскъ въ Пруссію было замедлено, хотя весь планъ былъ основанъ на томъ, чтобы дѣйствовать на эту державу понудительно.

Не слушая никакихъ представленій, В. И. В-во внезапно рѣшились отмѣнить свои приказанія по поводу нѣкоторыхъ выраженій въ депешахъ г. Алопеуса, выраженій, неимѣвшихъ

никакой важности, ибо наконецъ нельзя было надѣяться, чтобы Пруссія покорилась нашимъ требованіямъ, не попытавшись разжалобить насъ упреками или запугать насъ притворною твердостію.

Поведеніе этой державы относительно Бонапарта, послѣ нарушенія Анспахской территоріи и со времени Вѣнскаго трактата, достаточно доказываетъ, чего можно ожидать отъ нея, когда дѣйствуешь энергически и безъ колебаній. Не успѣли-бы мы и разъ побить Прусаковъ, какъ они вступили-бы въ переговоры. Слѣдовало спѣшить доведеніемъ Пруссіи до того положенія, въ которое привелъ Австрію Бонапартъ, и это стоило-бы намъ еще менѣе труда.

Эту-то отмѣну приказаній и отъѣздъ В. В-во въ армію считаю я главными причинами всѣхъ несчастій, приключившихся впослѣдствіи.

Я тогда-же представлялъ В. И В-ву о всѣхъ неудобствахъ, которыя проистекутъ отъ присутствія Вашего въ арміи и, къ сожалѣнію, всѣ мои предсказанія сбылись.

« Какъ только В. И. В-во прибудете въ армію (осмѣливался я говорить Вамъ) отвѣтственность съ генераловъ будетъ снята, и вся падетъ на Васъ. Съ той самой минуты генералы перестанутъ заниматься тщательно дѣлами, не станутъ брать ничего на себя, оставятъ попеченіе о всѣхъ возможныхъ способахъ для наилучшаго веденія кампаніи. Все будетъ стекаться и сосредоточиваться въ волѣ Вашего В-ва. Главнокомандованія больше не будетъ, ибо оно не будетъ принято формально Вашимъ В-вомъ, а на дѣлѣ будетъ снято съ генераловъ. Интриги Двора и партій перенесутся въ лагерь.» Я присовокуплялъ, что государь, пока опытъ не доказалъ ему, что онъ способенъ командовать, никогда не долженъ ставить себя въ положеніе, при которомъ необходимо принимать, въ извѣстныя минуты, рѣшенія немедленныя и окончательныя, среди обстоятельствъ самыхъ критическихъ. Я представлялъ о томъ, сколь гибельны были бы неудачи, постигающія лично В. И. В-во, и спрашивалъ, какія у Васъ запасныя средства и что̀ Вамъ осталось-бы сдѣлать, въ случаѣ, если бы цѣлости и чести Россіи угрожала какая либо опасность.

Представленія эти были уважены столь-же мало, какъ и всѣ прочія. Я такъ и не узналъ, какія побужденія могли въ умѣ В. В-ва побѣдить соображенія столь очевидныя и важныя, по которымъ Вамъ слѣдовало, если Вы хотѣли оставить столицу, сдѣлать это лишь для того, что-бы еще тщательнѣе слѣдить за ходомъ всего правительственнаго механизма, въ минуту, когда была необходима крайняя дѣятельность, а отнюдь не для того, что-бы подвергать Русскаго Государя личнымъ опасностямъ, личнымъ неудачамъ.

В. В-ву слѣдовало-бы отправиться въ армію лишь тогда, когда военныя дѣйствія приняли-бы оборотъ, рѣшительно благопріятный, и это было Вамъ предложено, но напрасно.

Вы поѣхали, Государь, и отмѣна прежнихъ приказаній предшествовала Вамъ въ арміяхъ. Она огорчила и генераловъ и солдатъ, горѣвшихъ желаніемъ помѣриться съ Прусаками, и привела въ отчаяніе Поляковъ, ожидавшихъ лишь знака, что-бы соединить всѣ свои усилія.

Распространился общій страхъ, общее уныніе, и они еще усилились, когда, по прибытіи Вашемъ, положеніе дѣлъ не измѣнилось. Всякій лишній

день, протекавшій безъ вступленія нашихъ войскъ въ Пруссію, былъ днемъ потеряннымъ для Россіи, для Европы и выиграннымъ для Бонапарта.

Онъ подвигался, а мы стояли на мѣстѣ. Сколько онъ выигралъ отъ этого промедленія, это доказали послѣдствія.

В. В-во конечно отдадите всѣмъ Васъ сопровождавшимъ ту справедливость, что не отъ нихъ зависѣло предупредить такое стеченіе обстоятельствъ. Когда рѣшеніе было уже принято, всѣ наши старанія должны были обратиться на то, что бы вызвать Пруссію на энергическое содѣйствіе и выиграть время.

Тутъ у мѣста напомнить В.И. В-ву что съ начала военныхъ дѣйствій и въ особенности со времени выѣзда В. В-ва изъ Пулавъ, Ваши мнѣнія и чувства подверглись явной перемѣнѣ, которая не могла остаться безъ вліянія на успѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій.

Съ этой минуты В. В-во удалили лицъ, до тѣхъ поръ пользовавшихся Вашимъ довѣріемъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ, и совокупность коихъ именно тогда могла быть для Васъ полезною.

Это обстоятельство съ удивленіемъ было замѣчено въ Берлинѣ. Оно ослабило наши силы и настолько-же усилило недовольныхъ, ибо изъ него заключили, что Вы, Государь, недовольны ходомъ, которому до тѣхъ поръ слѣдовали дѣла. Хотя я и сопутствовалъ Вашему В-ву въ Берлинъ, обращеніе Ваше со мною измѣнилось. Въ Вашемъ способѣ дѣйствій, въ Вашихъ рѣчахъ, Вы съ тѣхъ поръ стали выражать лишь неудовольствіе и сожалѣніе о всѣмъ томъ, что̀ было нами сдѣлано. Вы не разъ упрекали меня, говоря, что въ другой разъ Вы не поддадитесь, выказывая при всякомъ удобномъ случаѣ (отказомъ на всѣ мои предложенія въ смыслѣ начатаго нами дѣла и Вашими сужденіями о современныхъ событіяхъ) что въ сущности Вы совершенно измѣнили и образъ мыслей и систему дѣйствій, и что вы лишь противъ воли вынуждены преслѣдовать планъ, осуществленіе коего только что началось.

Предоставляю справедливости В. И. В-ва судить о томъ, могло-ли все это не стѣснить и не охладить самого горячаго усердія?

Ваши совѣщанія въ Козеницахъ съ генераломъ Калькрейтомъ, пріѣхавшимъ для согласованія немедленнаго движенія нашихъ войскъ, говорившаго лишь съ В. И. В.-вомъ и уѣхавшаго, ничего не устроивши, отсутствіе внимательности и настойчивости въ ускореніи похода черезъ Прусскія земли, все это служило предисловіемъ къ тому, что̀ случилось въ послѣдствіи.

Такъ какъ Вы ежедневно удостоивали новыя лица Вашего довѣрія относительно веденія политическихъ дѣлъ и совѣтовались съ ними преимущественно, то это еще болѣе придало намъ, смѣю такъ выразиться, видъ нерѣшимости и шаткости, который не ускользнулъ отъ Прусскаго министерства, внушилъ и сомнѣніе на счетъ истинныхъ Вашихъ намѣреній, воскрешая мнѣніе, столь вредное для дѣлъ, что В. И. В-во и Вашъ Кабинетъ не одно и то-же, и поощряя двуличность Кабинета Берлинскаго.

Безмѣрное пристрастіе, которое В. В-во сочли нужнымъ выказать Прусакамъ, уменьшеніе довѣрія и холодность, которую предполагали въ Васъ къ Вашему Кабинету, придали этому Двору, съ одной стороны беззаботно-

сти, съ другой боязни довѣряться намъ, усилили трудность переговоровъ: ибо нѣкотораго рода немилость, въ которой я находился, ослабляла вѣсъ, который должно-бы было имѣть каждое слово Вашего министра, и ухудшила постановленія несчастнаго Потсдамскаго трактата. Никогда не перестану сожалѣть о томъ, что стеченіе обстоятельствъ принудило меня подписать подъ нимъ мое имя.

Въ теченіи всего этого періода, я вообще имѣлъ мало случаевъ основательно говорить съ Вашимъ В-вомъ о дѣлахъ. Дорогой это было даже почти невозможно, развѣ наскоро, при остановкахъ, и В. В-во, не смотря на важность тогдашнихъ обстоятельствъ, сами не искали такихъ разговоровъ. По этому было трудно условиться напередъ на счетъ образа дѣйствій самаго приличнаго при различныхъ положеніяхъ, Вамъ предстоявшихъ.

Хотя обстоятельства съ каждымъ днемъ становились опаснѣе, ни въ чемъ уже болѣе не было согласнаго хода, ничто даже не обсуждалось.

Люди, по Вашему приказанію, Государь, составившіе планъ, не созывались болѣе для совѣщаній о лучшихъ путяхъ къ успѣшному его исполненію. Нашъ образъ дѣйствій принялъ характеръ безпорядочности и поспѣшности, не предвѣщавшій намъ успѣховъ. Совѣщались то съ тѣмъ, то съ другимъ, отрывочно и при случаѣ, не давая себѣ времени разобрать дѣло внимательно, размыслить о немъ на досугѣ, спокойно взвѣсить доводы.

По пріѣздѣ Вашемъ въ Ольмюцъ, Государь, можно было замѣтить, что между лицами, Вамъ близкими, господствовали два мнѣнія. Одни были не прочь бросить дѣло, не обнаживши меча; другіе, повидимому, желали поскорѣе драться лишь для того, что-бы потомъ отступить. Лишь въ немногихъ была замѣтна та обдуманная и непоколебимая воля, которая одна обезпечиваетъ успѣхъ, заставляетъ настаивать до конца, даже желать, что-бы опасности и труды продолжались, лишь бы только достигнуть счастливаго и почетнаго конца. Вслѣдствіе разногласныхъ донесеній, доходившихъ до В. И. В-ва, мы, въ теченіи одного и того-же утра, переходили отъ крайняго унынія къ крайней самонадѣянности. Въ это время, только и были слышны жалобы на голодъ и противъ Австрійцевъ. Было-бы политичнѣе и великодушнѣе поднять духъ этихъ послѣднихъ вниманіемъ и нѣкоторою похвалою, чѣмъ унижать и раздражать ихъ, давая имъ чувстовать наше превосходство и осыпая ихъ насмѣшками, слишкомъ гласными и повторяемыми слишкомъ часто для того, что-бы они до нихъ не доходили, такъ что офицеры двухъ союзныхъ войскъ вскорѣ стали ненавидѣть другъ друга болѣе, чѣмъ общаго врага — Французовъ. Эти послѣдніе, болѣе ловкіе, льстя самолюбію и самыхъ ничтожныхъ своихъ союзниковъ, одушевляютъ ихъ на бой и извлекаютъ изъ нихъ пользу.

Чтò касается до голода, то тотъже недостатокъ въ припасахъ выносился до тѣхъ поръ; войска бывали болѣе измучены и въ положеніяхъ болѣе затруднительныхъ, однако-же до В. И. В-ва не доносилось никакихъ жалобъ. Войска дрались, и дѣло шло своимъ порядкомъ, потому что вѣрили въ Ваше желаніе, во что-бы то ни стало, довести предпріятіе до счастливаго конца.

Какъ только В. В-во прибыли въ армію, жалобы во множествѣ дошли

до Вашего свѣдѣнія; генералы не увидѣли той рѣшимости всѣмъ жертвовать для успѣха, которая представлялась имъ издали; они стали склоняться къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя приписывали Вамъ, Государь; многія лица вообразили, что, распространяя и преувеличивая эти жалобы, они оказываютъ услугу Россіи. Напротивъ того, поощряя жалобы, мы лишь дѣлаемъ болѣе жгучимъ ощущеніе боли; слѣдовало, напротивъ, сдержать ихъ строгою твердостію.

Голодъ былъ однимъ изъ великихъ частныхъ золъ, которыя слѣдовало уврачевать, какъ и многія другія. Но какова-бы ни была нужда войскъ, лучше было перенести ее терпѣливо, чѣмъ погубить Европу и славу Русскаго оружія.

Было необходимо, что-бы В. И. В-во оставили Ольмюцъ и предоставили военныя дѣйствія естественному ихъ теченію; или, если уже Вамъ непремѣнно хотѣлось тамъ остаться, было желательно, что-бы Ваше время тамъ было занято болѣе выгоднымъ образомъ.

Мало было надобности въ томъ, Государь, что-бы Вы выказали личную храбрость на бою; но нужно было спасти Европу, сохранить славу Россіи, которая есть истинная честь ея Государя.

Вмѣсто того, что-бы безпрестанно выѣзжать на аванпосты или, позже, выставлять себя впереди колоннъ, гдѣ присутствіе В. В-ва (да будетъ мнѣ позволено выразиться правдиво) лишь смущало и сбивало съ толку генераловъ,—конечно было-бы лучше держаться подалѣе отъ войска, дать ему двинуться впередъ, не слѣдуя за его движеніями и употреблять все Ваше попеченіе, Государь, все Ваше время, всѣ Ваши способности на то, что-бы возстановить правильный ходъ въ совокупности дѣлъ, что-бы не дать ослабнуть ни одной изъ отраслей управленія въ Вашей имперіи; что-бы настоять на реорганизаціи Австріи, на что̀ и вызывали В. И. В-во. Но какъ могли-бы Вы заняться столькими трудными и важными предметами, когда всѣ Ваши дни были посвящены инымъ занятіямъ, мало полезнымъ и одинаково поглощавшимъ и Ваше время, и Ваши силы?

Наши совѣты давались въ виду успѣха начатаго предпріятія, а также того высшаго соображенія, что благо Россіи и судьбы Европы были связаны съ лицомъ В. И. В-ва; что, слѣдовательно, подвергать опасностямъ В. И. В-во значило не придавать должной цѣны тому, что̀ всего драгоцѣннѣе въ мірѣ; это значило ставить такъ сказать на карту судьбу странъ, вручившихъ Вамъ свое спасеніе, и милліоновъ, которымъ Вы принадлежите; это значило подвергать ихъ тѣмъ же опасностямъ и брать на себя, передъ ними, тяжкую вину.

Проникнутые силою столь могучихъ побужденій, чувствуя всю тяжесть столь великой отвѣтственности, мы истощили передъ В. В-вомъ всѣ представленія, всѣ мольбы въ этомъ смыслѣ. Но дѣйствіе ихъ на васъ становилось все болѣе ничтожнымъ и, наконецъ, Вы перестали даже позволять намъ разговоры о предметѣ, наиболѣе важномъ и рѣшительномъ изъ всѣхъ.

Предположу даже, что репутація личной храбрости В. И. В-ва пострадала-бы отъ уступки совѣтамъ, повторенымъ нами до пресыщенія: Вы имѣли-бы, Государь, полную возможность возстановить ее и выказаться, когда дѣла приняли бы счастливый оборотъ. Сципіонъ Африканскій, въ

первый разъ какъ онъ принялъ на себя главную команду надъ войскомъ при осадѣ Карѳагены, велѣлъ сопровождать себя двумъ воинамъ, постоянно прикрывавшимъ его своими щитами. Поставивъ себя выше опасенія, что его могутъ счесть трусомъ, онъ не позаботился о томъ, что его могутъ осудить, помышляя единственно о томъ, что отъ его цѣлости зависитъ успѣхъ предпріятія. Послѣ того какъ были пробиты стѣны, и заданный штурмъ обезпечилъ побѣду, Сципіонъ появился безъ прикрытія и вполнѣ успѣлъ доказать, что онъ не менѣе храбръ, чѣмъ каждый изъ солдатовъ, находившихся подъ его командою.

Если простой военачальникъ счелъ своимъ долгомъ поступить такимъ образомъ, какихъ предосторожностей не слѣдовало-бы принять Государю въ томъ положеніи, въ которомъ находились В. И. В-во! Хотя-бы Вы поберегли впечатлѣніе, которое должно было произвести Ваше появленіе, для крайнихъ случаевъ! Если-бы В. И. В-во не были при арміи, но лишь приблизились къ ней, и могли бы показаться войскамъ послѣ битвы, то Ваше прибытіе произвело бы то-же полезное и трогательное дѣйствіе, которое Вы съ удовольствіемъ замѣтили въ Ольмюцѣ. Войско пришло бы въ порядокъ и снова почувствовало бы себя готовымъ къ бою. Но, пріучая солдата къ своему присутствію тамъ, гдѣ оно вовсе не было нужно, В. В-во ослабили обаяніе, съ нимъ соединенное. Присутствіе Ваше не принесло никакой пользы при Аустерлицѣ. Именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Вы находились, пораженіе было всего быстрѣе и полнѣе. Въ Голицѣ, Вашъ отъѣздъ, Государь, бывшій лишь послѣдствіемъ Вашего пріѣзда (если смѣю такъ выразиться) плохо расчитаннаго по тогдашнимъ обстоятельствамъ, лишь усилилъ общій безпорядокъ и уныніе.

Общимъ чувствомъ арміи съ той минуты сдѣлалось не потребность отомстить за обиду, но желаніе уйти какъ можно скорѣе и покончить съ войною. Никто не долженъ былъ-бы посмѣть оставить свой постъ; но, считая себя оправданнымъ Вашимъ отъѣздомъ, всякій офицеръ, который могъ получить на это разрѣшеніе, поспѣшилъ воспользоваться этою возможностію и уѣхалъ какъ по данному знаку. Надобно отдать и генераламъ ту справедливость, что, до послѣдняго кризиса, чувствуя на сколько Ваше присутствіе связывало и затрудняло ихъ дѣйствія, они и съ своей стороны обращались къ Вамъ съ представленіями, не переставая настаивать на томъ, сперва, чтобы В. В-во удалились изъ арміи, а затѣмъ, чтобы Вы не подвергались ненужнымъ опасностямъ.

Ваше И. В-во, упорно отвергнувъ всѣ эти представленія, должны будете упрекать себя въ томъ, что Вы повиновались лишь побужденіямъ, совершенно личнымъ, не принявъ во вниманіе того, чего очевидно требовали благо Россіи и всей Европы.

Сознаю, что, говоря о предметахъ столь важныхъ и значительныхъ по ихъ послѣдствіямъ, я вовлекся въ длинноты, которыя и при самомъ благосклонномъ сужденіи Вашего В-ва объ этомъ письмѣ, покажутся Вамъ утомительными. Но соблаговолите, Государь, снисходительно прочесть до конца и позвольте мнѣ воспользоваться вольностію, которую я себѣ на этотъ разъ присвоилъ, и обязанностію, которую я на себя возложилъ, что-бы выразить Вамъ, Государь, всѣ мысли, внушаемыя мнѣ занимающимъ насъ предметомъ.

Государю никогда не слѣдовало бы смотрѣть на себя иначе, какъ на одно цѣлое съ государствомъ, коимъ онъ управляетъ. Мужество, приличествующее ему, не есть мужество частнаго лица; въ дѣлахъ политическихъ, онъ долженъ дѣйствовать лишь какъ лицо отвлеченное, отождественное съ государствомъ. Лишь исполнивши свой долгъ въ этомъ отношеніи, имѣетъ онъ право подумать о своихъ частныхъ требованіяхъ; свои личныя удобства, свое самолюбіе, все долженъ принести онъ въ жертву государственному благу.

И такъ не слѣдуетъ увлекаться желаніемъ во всемъ проводить собственныя идеи, все дѣлать самому, что-бы доказать, что никто нами не руководствуетъ и что мы одарены способностію ко всѣмъ должностямъ, которыя суть лишь истеченіе верховной власти, ибо интересъ государства отъ того неминуемо пострадаетъ. Это желаніе, впрочемъ, заставляетъ насъ попадать въ ту ловушку, которой мы хотѣли-бы избѣгнуть, и мы часто, изъ боязни подпасть подъ чужое вліяніе, именно ему то и подчиняемся.—Государь есть душа всего, центральная пружина, приводящая въ движеніе всѣ части; онъ обезпечиваетъ ихъ хорошимъ выборомъ и даруемымъ имъ довѣріемъ; онъ умѣетъ отличать истинныя заслуги, не допускать никого до унынія, поддерживать во всякомъ усердіе и преданность и обращаться со всякимъ по его заслугамъ.

Помѣщенный въ центрѣ, въ которомъ сходится столько разнородныхъ лучей, онъ, впрочемъ, занимается лишь главнымъ управленіемъ, лишь общими предначертаніями; если онъ исполнитъ эту задачу, въ коей никто не можетъ замѣнить его, онъ будетъ имѣть случай выказать много характера и онъ найдетъ себѣ достаточно дѣла, что-бы не имѣть лишняго времени.

Способности и силы человѣка ограничены, одно и то-же лицо не можетъ быть въ одно время и офицеромъ, и полковникомъ, и генераломъ, и секретаремъ, и министромъ, и—государемъ. Все въ жизни зависитъ отъ распредѣленія времени, отъ разумнаго выбора занятій. Если государь захочетъ все дѣлать, вездѣ выказываться, онъ по необходимости упуститъ изъ виду собственную свою задачу, самую существенную и трудную изъ всѣхъ, безъ исполненія которой не можетъ двигаться все остальное; онъ будетъ заниматься предметами второстепенными, по самой природѣ вещей болѣе сподручными другимъ, и отъ этого остановятся и прійдутъ въ упадокъ какъ цѣлое, такъ и отдѣльныя части.

Если-бы В. В-во соблаговолили послушаться совѣта, который безпрестанно Вамъ повторяли, если-бы Вы во первыхъ не отправились въ армію, а во вторыхъ не остались бы при ней, но вмѣсто того потребовали бы у короля Прусскаго свиданія для того, что-бы уговорить его (что̀ въ то время должно было быть болѣе главнѣйшею Вашею заботою) то можно сказать положительно, что Аустерлицкая битва не была-бы ни дана, ни проиграна, и что если-бы даже она была проиграна, она не имѣла-бы тѣхъ послѣдствій, которыя она повлекла за собою.—Если бы Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, то онъ конечно не далъ бы такой воли начальнику своего штаба, Вейротеру, и захотѣлъ бы самъ направлять войско, ему ввѣренное.—Его характеръ, по природѣ предусмотритель-

вый, заставилъ-бы его временить и избѣгать рѣшительнаго исхода, что въ то время (и пока не начиналось Прусское содѣйствіе) и было самымъ разумнымъ планомъ кампаніи. Тако во впрочемъ и было мнѣніе, выраженное Кутузовымъ. Бонапарту было необходимо не терять времени, намъ же время нужно было выиграть. Онъ имѣлъ всѣ поводы отважиться на рѣшительную битву, мы же всѣ поводы ея избѣгать. В. И В-во соблаговолите припомнить, что и я въ то время дѣлалъ о томъ неоднократныя представленія, какъ Вамъ, такъ и всѣмъ тѣмъ, которые хотѣли меня слушать. Нужно было утомить врага частными схватками, недопускать его до главнаго войска, добраться до Венгріи и вступить въ сношенія съ эрцгерцогомъ.

Если-бы однако-же битва была сочтена необходимою, можно ли предположить, чтобы Кутузовъ взялъ на себя отвѣтственность дать ее, не собравши Русскихъ и Австрійскихъ генераловъ, для того, чтобы сказать каждому, что ему слѣдуетъ дѣлать, сговориться, посовѣтоваться, ознакомиться съ мѣстностію, словомъ, принять всѣ предосторожности, необходимыя въ подобномъ случаѣ.

Наконецъ, если бы битва была проиграна, кто взялъ-бы на себя заключить окончательное перемиріе и предоставить Императора Австрійскаго собственнымъ его средствамъ? Ваши генералы, страшась отвѣтственности, сдѣлали бы все возможное, что-бы выпутаться изъ бѣды, для того чтобы уменьшить въ глазахъ В. В-ва ея гибельныя послѣдствія.

Вы сами, не находясь на мѣстѣ, могли бы принять Ваши рѣшенія спокойно, безъ спѣха. Ссылаюсь на В. И. В-во относительно того способа, коимъ были отданы Ваши приказанія въ Голицѣ; какъ могли они быть хорошо взвѣшены среди этой кутерьмы, когда Вы были окружены лицами, кричавшими объ измѣнѣ Австрійцевъ, о необходимости отомстить имъ и поскорѣе вернуться въ Россію, увѣряя, что армія рѣшительно не въ силахъ драться еще разъ?

Тягостное впечатлѣніе, вынесенное мною объ этой эпохѣ, возбуждаетъ во мнѣ представленіе о томъ, чѣмъ должно быть революціонное правительство въ минуту опасности. Среди этого возбужденія и этихъ разногласныхъ криковъ не было никакой возможности возвысить голосъ въ пользу Австріи, въ пользу интересовъ Европы.

Изрѣченіе, повторяемое всего чаще, гласило, что В. В-во довольно сдѣлали для другихъ, и что теперь Вамъ слѣдуетъ подумать о себѣ, какъ будто-бы Ваша слава, Государь, и самая Ваша безопасность не имѣли ничего общаго съ паденіемъ Австріи и прочихъ Вашихъ союзниковъ.

Тоже самое сочли нужнымъ отвѣчать мнѣ и В. В-во, когда я осмѣлился замолвить слово въ пользу короля Неаполитанскаго. Что же касается до Австріи, то такъ какъ я гораздо болѣе былъ одушевленъ желаніемъ не мѣшаться ни въ какія дѣла, чѣмъ еще выставляться на видъ, зная при томъ, что мое вмѣшательство не будетъ имѣть ни малѣйшаго вѣса, я рѣшился неоднократно вызывать Императора Франца на прямыя объясненія съ В. В-вомъ, надѣясь, что это будетъ лучшимъ средствомъ, чтобы получить отъ Васъ благопріятный отвѣтъ.

Однако же, уѣзжая, Вы объявили, Государь, этому монарху, что онъ не можетъ болѣе разсчитывать на Ваше войско.

Этотъ отвѣтъ, о которомъ я узналъ по отъѣздѣ В. В-ва, не оставлялъ никакихъ сомнѣній на счетъ Вашего настроенія и на счетъ исхода всего дѣла.

Убѣжденный, однако же, въ великихъ неудобствахъ такого полнаго отступничества отъ дѣла, за которое мы взялись, я взялъ на себя написать въ Берлинъ въ этомъ смыслѣ, не будучи на то уполномоченъ В. В-вомъ. Эти депеши, которыхъ Вы до сихъ поръ не одобрили, не могли имѣть ни малѣйшаго дѣйствія при Дворѣ, подобномъ Берлинскому. Впрочемъ для того, что-бы отнять у нихъ всякую силу, было достаточно того способа, коимъ В. И. В-во, при возвращеніи моемъ сюда, объяснились съ Прусскимъ министромъ, которому Вы сочли нужнымъ сказать, что Вы предоставляете Пруссіи полную свободу раздѣлаться съ Франціею.

Было очевидно, что совершенно отступиться отъ дѣла значило предоставить среднія державы на произволъ Франціи и, съ самого моего пріѣзда въ Петербургъ, я постарался склонить В. В-во на то, что-бы Вы предписали Вашимъ генераламъ замедлить свое отступленіе и дали-бы имъ условныя инструкціи на случай извѣстнаго образа дѣйствій Берлинскаго и Вѣнскаго кабинетовъ, такъ что-бы мы могли поддержать каждый изъ нихъ и запугать другой, смотря по обстоятельствамъ, и сохранить, по возможности голосъ въ переговорахъ.

Въ то-же время я настаивалъ на необходимости сохранить всѣ наши силы въ Средиземномъ морѣ и употребить часть изъ нихъ на защиту короля Неаполитанскаго.

Я долженъ также, на минуту, обратить вниманіе В. В-ва на обстоятельство предшествовавшее и напомнить вамъ, что хотя и былъ я убѣжденъ въ необходимости вести войну самымъ энергическимъ образомъ, но я постоянно, пока Вы были при арміи, держался того мнѣнія, что не слѣдуетъ раздражать и оскорблять Бонапарта, что напротивъ того съ нимъ слѣдуетъ обращаться весьма осторожно, даже подавать ему надежды и не прерывать съ нимъ вовсе переговоровъ. Весьма прискорбно, что при обстоятельствахъ, повидимому самыхъ благопріятныхъ для того, что-бы разъузнать его образъ мыслей, его намѣренія, что-бы вывѣдать, какія предложенія хотѣлъ-бы намъ сдѣлать этотъ необыкновенный человѣкъ, былъ упущенъ къ тому самый удобный случай, и что мы вернулись сюда не пріобрѣтши на этотъ счетъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній, такъ что въ истекшій съ тѣхъ поръ промежутокъ времени, и даже теперь, мы въ силахъ отвѣчать лишь предположеніями, правда, довольно вѣроятными, но не фактами, слишкомъ новыми, что-бы имѣть положительное значеніе, на вопросъ, повторяемый столь многими лицами: «Не было-ли возможности сговориться съ Бонапартомъ, заключить миръ выгодный, или по крайней мѣрѣ сносный?

Какъ скоро было рѣшено въ Голицѣ покинуть нашихъ несчастныхъ союзниковъ, мнѣ казалось желательнымъ, ради послѣдовательности, возбудить въ Бонапартѣ нѣкоторую надежду на примиреніе, завязать переговорами нѣкоторую нить, къ которой, въ силу взятаго рѣшенія, по необходимости пришлось-бы привязаться впослѣдствіи, и которая въ то время могла бы произвести немалое дѣйствіе, и по крайней мѣрѣ замедлить гибель нашихъ союзниковъ, предупреждая зло-

стныя намѣренія державъ, желавшихъ бы сговориться съ Франціею.

Остается мнѣ также, Государь, сказать словечко по поводу упрека, взведеннаго на Вашъ кабинетъ и на Вашихъ Вѣнскихъ агентовъ въ томъ, что они не сумѣли предъупредить Васъ о безсиліи Австрійскаго правительства и его арміи принести дѣйствительную помощь задуманному предпріятію.

Спрашиваю, не былъ ли-бы въ такомъ же правѣ Императоръ Австрійскій упрекнуть графа Стадіона, не предупредившаго его, что Русская армія одною неудачею будетъ лишена возможности дѣйствовать въ продолженіи цѣлой кампаніи, и что одна проигранная битва заставитъ Россію отказаться отъ игры?

Есть вещи, которыя въ голову не прійдетъ предусматривать, которыя суть послѣдствіе столь случайнаго стеченія обстоятельствъ, что онѣ не подлежатъ никакому расчету.

Хотя я и спѣшу окончить это и безъ того слишкомъ длинное письмо, не могу однако, въ заключеніе не повторить, что В. И. В-во, удостоивъ своего довѣрія, для составленія обширнаго плана, извѣстное число лицъ, перестали ихъ слушать, какъ только было приступлено къ его исполненію.

Никогда В. В-во не оказываете полнаго довѣрія, и вотъ, можетъ быть почему ничто не приходило къ желаемому концу; а когда событія, по изложеннымъ выше причинамъ, постепенно становились болѣе трудными, мы вовсе были лишены той мѣры довѣрія, которая одна могла дать намъ средство выпутаться изъ тогдашнихъ тяжкихъ обстоятельствъ.

Найдутся люди, которые быть можетъ, скажутъ, что лица, работавшія въ началѣ надъ созиданіемъ плана, не сдѣлали, при его осуществленіи, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, всего, чтò они могли-бы сдѣлать для предотвращенія гибельной развязки. Но, Государь, въ томъ виновны не мы, и позвольте мнѣ выразить Вамъ то, чтò я испытывалъ не разъ. Когда дѣла ведутся, и съ людьми обращаются такъ, какъ это было испытано нами, особенно подъ конецъ, то теряется желаніе, едва поворачивается языкъ предлагать совѣты, не хочется настаивать на ихъ принятіи, утрачивается всякая надежда на правильное ихъ исполненіе.

Государю также весьма нужно внушать довѣріе. В. И. В-ву, если смѣю такъ выразиться, слѣдовало ободрять, примирять, вызывать совѣты, разбирать ихъ съ участіемъ и обдуманностію. Дѣло въ томъ, что Вы не хотите ихъ принимать, не придавая имъ ни цѣны, ни довѣрія.

Смѣю однако утверждать, что если бы, Государь, Вы продолжали дѣйствовать по прежнему, дѣла, всеконечно, не приняли-бы столь дурнаго оборота.

Мундиръ не составляетъ солдата, и мы могли-бы дать хорошіе совѣты даже на счетъ военныхъ дѣйствій, если-бы В. В-во допускали насъ на совѣщанія по этому предмету. И по истинѣ лица, трудившіяся надъ планомъ и всего болѣе содѣйствовавшія его осуществленію въ началѣ, всѣхъ болѣе были заинтересованы въ его успѣхѣ и, быть можетъ, всѣхъ болѣе способны помочь В. И. В-ву съ честію выйдти изъ Вашего предпріятія.

Если я преступилъ, въ этомъ слишкомъ длинномъ письмѣ, предѣлы позволительной откровенности, если В. В-во удивитесь моему подчасъ дидактическому и рѣзкому тону и найдете его неумѣстнымъ, то прошу Васъ

принять въ соображенiе, что, находясь быть можетъ наканунѣ разлуки съ Вами, я счелъ долгомъ не сдерживать своего усердiя, подъ опасенiемъ даже Вашего неудовольствiя и высказать Вамъ истины, быть можетъ непрiятныя, но конечно полезныя.

Къ чему служилъ бы опытъ, если бы мы не старались обсуждать прошлыя событiя съ самою строгою правдивостiю и извлекать изъ нихъ уроки для настоящаго и для будущаго?

V.

Императоръ къ кн. А. Чарторыжскому *).

1806.

Я получилъ записку, которую Вы сочли нужнымъ мнѣ представить. Вы вызываете меня на прѣнiе, и я на оное согласенъ; но не могу не сказать Вамъ, что оно, по моему мнѣнiю, ни къ чему ни послужитъ, ибо основы, изъ коихъ мы исходимъ, столь дiаметрально противоположны. По изложенiи затруднительнаго положенiя, въ коемъ находится Россiя и по исчисленiи бѣдствiй, ей угрожающихъ, предлагаемыя Вами средства сводятся приблизительно лишь къ слѣдующему:

1°. Что-бы я объявилъ себя королемъ Польши.

2°. Что-бы я смѣнилъ лицъ, находящихся во главѣ министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Подробный разборъ перваго пункта завелъ-бы насъ слишкомъ далеко; но я готовъ высказать мой образъ мыслей и поводы, руководствующiе моимъ образомъ дѣйствiй; что касается до втораго, то объявляю Вамъ, что я доволенъ службою двухъ министерствъ, коимъ поручены двѣ вышеупомянутыя части. Сверхъ того, не вижу никого, кто-бы могъ ихъ замѣнить. Гдѣ этотъ примѣрный министръ, соединяющiй въ свою пользу всѣ голоса? Ужъ не генералъ ли Сухтеленъ? Смѣло скажу, что не считаю его одареннымъ качествами, необходимыми для военнаго министра, и что изъ двухъ, я не колеблясь отдаю предпочтенiе генералу Вязьмитинову. Изъ прочихъ, я даже не вижу, кто могъ-бы быть предложенъ. Точно также не вижу никого для министерства иностранныхъ дѣлъ. Ужъ не Панины-ли, не Марковы? Мнѣ нужно уважать тѣхъ, съ коими я работаю; лишь при этомъ условiи могу я имѣть къ нимъ довѣрiе. О ропотѣ я мало забочусь. Онъ обыкновенно есть лишь выраженiе духа партiй. Не служите-ли тому примѣромъ Вы сами, не подверглись ли Вы осужденiю, ненависти публики? Остается мнѣ сдѣлать замѣчанiе, отъ коего не могу воздержаться, а именно, что лучше было-бы *комитету* *) не поручать рукѣ посторонняго переписку на бѣло бумаги, подобной той, на которую я отвѣчаю. Прежде чѣмъ собраться, намъ-бы слѣдовало предварительно согласиться въ слѣдующемъ: что-бы, не смотря на все, что будетъ сказано въ этомъ комитетѣ, наши личныя отношенiя оставались ненарушенными, что-бы мы взяли примѣръ съ членовъ Англiйскаго парламента, которые, наговоривъ другъ другу самыхъ сильныхъ вещей въ пылу усердiя къ общему благу, расходятся и остаются наилучшими друзьями. Вашъ душой и сердцемъ

Александръ.

---

*) Писано карандашомъ.

*) Извѣстный неоффицiальный комитетъ, состоявшiй изъ Чарторыжскаго, Новосильцова, Строгонова и Кочубея.

VI.

Императоръ къ князю Адаму Чарторыжскому.

1806.

Я былъ далекъ отъ намѣренія Васъ огорчить. Разсуждая о дѣлахъ столь важныхъ, я не могъ говорить иначе, какъ по убѣжденію. Такъ я и сдѣлалъ. Въ концѣ Вашей записки, Вы изъявляете готовность представить мнѣ общій и подробный планъ тѣхъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, вслѣдъ за предлагаемыми Вами. Если хотите, мы могли бы собраться (разумѣется въ маломъ комитетѣ) завтра послѣ обѣда въ шесть часовъ, и мы бы составили вмѣстѣ этотъ планъ, а потомъ-бы его обсудили. Весь Вашъ сердцемъ и душою

Александръ.

VII.

Императоръ къ князю Адаму Чарторыжскому.

1806.

Вотъ Вамъ, любезный другъ, бумаги, присланныя Вами. Депеша Воронцова не мало меня смущаетъ. Неужто изъ-за одной личности прійдется устраниться отъ *дѣла человѣчества*? Пускай-же онъ остается. Почему бы Новосильцову не исполнить его порученія? Если Воронцовъ будетъ снабженъ опредѣленными приказаніями, онъ по неволѣ долженъ будетъ ихъ исполнить или оставить свое мѣсто.

Нота и гласная депеша одобрены, точно такъ-же, какъ депеша, касающаяся Кобенцеля. Относительно-же той, которая должна служить объясненіемъ, мнѣ приходится сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во первыхъ, Вы избаловали меня Вашимъ слогомъ, и слогъ г. Фат.... слишкомъ теряетъ отъ сравненія. Далѣе, мнѣ кажется, что къ первому N. B. можно было-бы присовокупить, вслѣдъ за условіемъ *sine qua non*, что мы могли-бы, въ возмездіе, согласиться на очищеніе Корфу, оставивъ тамъ лишь корпусъ подъ командою Назимова.—Второе N B. относится лишь къ личности графа Стакельберга. Знаемъ ли мы его достаточно, что-бы поручить ему столь важные переговоры, и не лучше ли послать человѣка болѣе вѣрнаго, на пр. Будберга?

Не могу одобрить изложенія третьяго N. B.; оно кажется мнѣ неприличнымъ. Какъ *находить неудовольствіе въ томъ, что́ составляетъ предметъ нашихъ желаній?* Не значитъ ли это, иными словами: *Постарайтесь разстроить дѣло такъ, что-бы это не казалось нашею виною*? Вотъ любезный другъ, замѣчанія, которыя я имѣю сдѣлать на эту депешу, впрочемъ на мой взглядъ не дурную Весь Вашъ.

Печатаю это письмо печатью графа Толстаго, такъ у меня нѣтъ съ собою своихъ.

Александръ.

РАЗГОВОРЫ

Князя А. Чарторыжскаго съ Императоромъ Александромъ.

I.

12 Ноября 1809.

Императоръ принялъ меня сегодня и слегка извинился въ томъ, что откладывалъ со дня на день призвать меня къ себѣ, согласно моей просьбѣ. Преже всего, я попросилъ у него извиненія въ томъ, что постоян-

но нахожусь вынужденнымъ быть навязчивымъ и говорить съ нимъ о лицахъ, пострадавшихъ или жалующихся, что̀ не составляетъ пріятнаго предмета занятій. Е. В-во спросилъ меня, въ чемъ дѣло. Тогда я заговорилъ объ имѣніяхъ, взятыхъ подъ секвестръ у Поляковъ, поступившихъ на службу въ герцогствѣ Варшавскомъ. Императоръ тотчасъ прервалъ меня, сказавъ, что обстоятельства вынудили его принять эти мѣры, что онъ рѣшился на оныя лишь по единогласному совѣту своихъ министровъ, и что впрочемъ поведеніе Поляковъ сдѣлало эту строгость необходимою; что онъ еще недавно получилъ отъ своего посла въ Парижѣ извѣстіе, что находящіеся тамъ Поляки, хотя подданные Россіи, производятъ разные маневры и ведутъ самыя странныя рѣчи, не могущія не навлечь на нихъ строгости правительства.

Я отвѣчалъ, что на этотъ разъ не намѣренъ возбуждать вопроса о томъ, какъ правительство сочтетъ нужнымъ поступать въ будущемъ; но я считаю себя въ правѣ замѣтить Его И. В-ву, что недавно изданный указъ не согласенъ со строгими правилами справедливости; что вопервыхъ существуетъ разрядъ смѣшанныхъ подданныхъ, и что между тѣми, которые, поступивъ на иностранную службу, за то подверглись конфискаціи имуществъ, есть люди, принадлежащіе къ этой категоріи, и что слѣдовательно нельзя винить ихъ за то, что, живя въ Галиціи или Польшѣ, они тамъ поступили на службу; что притомъ указу дано обратное дѣйствіе, ибо наказывались люди не предупрежденные въ томъ, что дѣйствія ихъ считаются незаконными. Прежде чѣмъ карать, нужно предупреждать и назначить срокъ, послѣ котораго виновные подпадаютъ наказанію, опредѣленному правительствомъ. Е. В-во отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно намѣренъ назначить срокъ для всѣхъ лицъ, поступавшихъ на службу до указа.— Тѣмъ не менѣе, я настаивалъ въ своихъ представленіяхъ Императору о насильственности и даже безполезности подобныхъ мѣръ, не производящихъ инаго дѣйствія, какъ раздраженіе. Я сказалъ, что всякому дворянину изъ Русскихъ подданныхъ предоставлено право поступать на иностранную службу, не подвергаясь конфискаціи имуществъ: ибо, если имѣешь несчастіе лишиться ихъ лично, они переходятъ къ наслѣдникамъ, и я спросилъ, почему одни Поляки составляютъ исключеніе.—Императоръ могъ отвѣчать только, что есть обстоятельства, при которыхъ безопасность государства требуетъ исключеній, что впрочемъ эта мѣра вызвана поведеніемъ Поляковъ, и что онъ лишь сообразовался съ единогласнымъ мнѣніемъ своихъ министровъ.—Я возразилъ, что нисколько не удивляюсь тому, что министры не приняли въ соображеніе страданій столькихъ семействъ, но что я надѣялся, что Императоръ взглянетъ на дѣло иначе и положитъ конецъ притѣсненіямъ; что впрочемъ, я не знаю, въ чемъ можно упрекать Поляковъ, которые желали принадлежать ему всѣ и постоянно встрѣчали отказъ.

Разговоръ на минуту принялъ другой оборотъ, и я постарался навести его на г. Новосильцова и на извѣстный доносъ, недавно сдѣланный на насъ обоихъ. Какъ только Императоръ замѣтилъ, къ чему я веду рѣчь, онъ прервалъ меня, сказавъ, что это дѣло поконченное, что я тутъ замѣшанъ лишь косвенно, ибо остался безучастнымъ въ то время, какъ г.

Новосильцовъ велъ самыя странныя рѣчи въ мѣстѣ столь публичномъ, какъ трактиръ. Дѣло шло объ обѣдѣ, на которомъ г. Новосильцовъ будто-бы разсуждалъ о письмѣ, недавно полученномъ Е. В-вомъ отъ Наполеона. Императоръ былъ весьма раздраженъ. Я защищалъ, какъ умѣлъ, г. Новосильцова, но все было напрасно.

Такъ какъ Императоръ, повидимому, не вполнѣ понялъ сказанное мною о различіи нашихъ взглядовъ, моего и г. Новосильцова, на письмо Наполеона, я объяснилъ ему, что г. Новосильцовъ взглянулъ на него, какъ Русскій и нашелъ его вполнѣ достаточнымъ, что-бы разсѣять всякое безпокойство, и весьма удовлетворительнымъ для настоящей минуты, между тѣмъ какъ я, по причинамъ совершенно противуположнымъ, и въ качествѣ Поляка, прочелъ это письмо съ огорченіемъ. Тутъ Императоръ спросилъ меня, знаю-ли я депешу г. де Шампаньи и присовокупилъ, что она гораздо сильнѣе письма.—Я отвѣчалъ, что, не читавъ ея, я объ ней слышалъ, и что могу лишь скорбѣть, узнавъ, что Императоръ теперь сдѣлался главнымъ врагомъ, первымъ гонителемъ націи и самого имени Польши; что лишь въ угоду ему Польша была покинута, обманута во всѣхъ своихъ надеждахъ, и что онъ простираетъ ожесточеніе до того, что хотѣлъ-бы вычеркнуть изъ исторіи и самое имя Польши.

Императоръ сперва защищался противъ этого упрека; онъ сказалъ мнѣ, что винить нужно не его, что его личныя чувства не измѣнились, что они извѣстны мнѣ съ давнихъ временъ, что онъ стѣсненъ обязанностями своего положенія и что Русскому Государю иначе дѣйствовать нельзя. —Я отвѣчалъ, что относительно этого пункта мнѣ невозможно раздѣлят два качества, соединенныя въ лиц Императора; что самъ онъ призналъ, что возстановленіе Польши можетъ совершиться не только безъ наруш нія интересовъ Россіи, но, напротив того, къ великой ея пользѣ черезъ соединеніе обѣихъ коронъ на глав Е. В-ва.—Императоръ отвѣчалъ, чт все это очень можетъ быть, но чт такъ какъ это неосуществимо, то не обходимо было избрать иной образ дѣйствій. — Я тотчасъ возразилъ, чт ничего не понимаю въ этомъ разсу жденіи; что когда считаешь предпрі тіе само по себѣ полезнымъ, то н хватаешься за мысль о немъ лишь для того, что-бы уготовать пути по возможности овладѣть направлен емъ событій; что я не стану упоми нать о томъ, что были на то благо пріятные случаи; что, упустивш ихъ, теперь слѣдуетъ выжидать ещ болѣе удобныхъ, лучше подготовлят будущее и дѣйствовать такъ, что-б ничто не было испорчено; что пер вымъ дѣломъ должно быть не обират націю, не уязвлять ее суровыми мѣ рами. — Императоръ, опустивъ глаз и не докончивъ фразы, сказалъ: «Есл бы по крайней мѣрѣ отъ Поляков можно было ожидать какой-либо взаим ности и быть увѣреннымъ, что он не будутъ дѣйствовать всегда одина ково».

Я отвѣчалъ, что я не вижу, чт было сдѣлано для того, что-бы пріо брѣсть привязанность Поляковъ, чт слѣдуетъ быть справедливымъ, чт ссылаюсь на самого Императора от носительно всего того, что выстрада ла эта страна. Что могло быть воз мутительнѣе поведенія трехъ держав относительно Польши? И удивлятьс ли тому, что мысль о возстановлені ихъ родины воспламеняетъ и соеди

няетъ всѣхъ Поляковъ? Теперь льстятъ себя надеждою, сказалъ я, что миръ ослабитъ этотъ энтузіазмъ. Я-же сужу о дѣлѣ иначе, и ликующій тонъ, съ которымъ провозглашали здѣсь, что всѣ надежды Поляковъ рушились, на мой взглядъ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ Наполеону, ибо обратитъ всю ненависть на Императора. Никто теперь не станетъ сомнѣваться въ томъ, что лишь по настояніямъ В. В-ва, и для того, чтобы избѣгнуть войны съ Россіею, Наполеонъ уступилъ въ дѣлѣ, отъ коего иначе онъ никогда-бы не отступился, которое остается постояннымъ предметомъ его заботъ, и такой взглядъ на вещи лишь болѣе ожесточитъ сердца Поляковъ. Строгости, коими ихъ преслѣдуютъ, довершатъ дѣло, ибо онѣ раздражаютъ, ихъ тѣмъ болѣе, что всѣ эти бѣдствія налагаются на нихъ именемъ государя, въ руки коего они согласились-бы предать свою судьбу. Наполеонъ, съ своей стороны, не останется въ бездѣйствіи. Между тѣмъ какъ здѣсь каждое слово дышетъ преслѣдованіемъ, онъ постарается всевозможными обѣщаніями и лестью разсѣять раздраженіе, которое на минуту могло противъ него возникнуть.

—Не слѣдуетъ думать, присовокупилъ я, что-бы онъ повсюду говорилъ однимъ языкомъ. Императору, лучшё чѣмъ кому-либо, извѣстно, что Наполеонъ умѣетъ искусно вести самыя противуположныя рѣчи. Болѣе чѣмъ когда-либо дѣлаетъ онъ это теперь, когда, какъ увѣряютъ, онъ посылаетъ Польскую армію въ Испанію. Если онъ двинетъ Поляковъ въ походъ, онъ съумѣетъ сказать имъ, что тутъ онъ требуетъ отъ нихъ послѣдней услуги, что это для нихъ способъ окончательно усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, что послѣ этого ничто болѣе не помѣшаетъ ему исполнить ихъ желанія, что до сихъ поръ связывала его одна необходимость, что тому причина эта Русская имперія, этотъ вѣчный врагъ. Такими рѣчами уничтожитъ онъ все дурное дѣйствіе своихъ поступковъ, и его словамъ повѣрятъ, потому что они польстятъ надеждамъ націи, потому что съ другой стороны, не только не дѣлается ничего, что-бы уравновѣсить это впечатлѣніе, но напротивъ того дѣлается все, что-бы придать ему силы.

Императоръ въ своемъ отвѣтѣ, началъ съ того, что сослался на меня самаго относительно чувствъ, которыя онъ выражалъ мнѣ на счетъ поведенія трехъ державъ касательно Польши; онъ сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію, оттуда берутъ свое начало всѣ бѣдствія, коимъ нынѣ подвергается Европа, но что этого уже поправить нельзя; что онъ не видитъ средства осуществить проэктъ прежде занимавшій его относительно Польши, что онъ считаетъ возможною лишь особую организацію для Польскихъ областей, нынѣ находящихся подъ его владычествомъ, но что и противъ этого можно сказать многое, и что этотъ планъ особенно здѣсь встрѣтитъ сильное сопротивленіе. — Я отвѣчалъ Императору, что я очень хорошо помню, какія чувства онъ выражалъ мнѣ относительно Польши, что либеральность его воззрѣній, какъ онъ можетъ припомнить, была первымъ поводомъ къ близости, коей онъ меня удостоилъ; что же касалось до затрудненій, только что имъ упомянутыхъ, то я о нихъ судить не могу; что я не знаю, была-ли когда-либо рѣчь объ этомъ проэктѣ между имъ и Наполеономъ.— Возможность сопротивленія со стороны

Наполеона—сказалъ я — есть единственное затрудненіе, которое я могъ-бы предположить, и мнѣ тѣмъ болѣе любопытно знать, была ли рѣчь объ этой матеріи въ многочисленныхъ разговорахъ, происходившихъ между Императоромъ и Наполеономъ. Лишь по отвѣту Наполеона можно было судить о мнѣніи Императора. — Императоръ отвѣчалъ мнѣ неопредѣленно, что о всемъ этомъ была рѣчь недавно, въ время Австрійской войны; но, тотчасъ прервавъ себя, онъ присовокупилъ, что никогда Наполеонъ не согласится на что либо подобное, потому что единственное его желаніе — сохранить постоянное вліяніе на Поляковъ, властвовать надъ ними и пользоваться ими для своихъ цѣлей.

— Что-же касается до того, что-бы дать областямъ, нынѣ принадлежащимъ Россіи, особое устройство и самостоятельность, присовокупилъ я, то я не слишкомъ знаю, что объ этомъ сказать. Дѣло, конечно, само по себѣ хорошее, но весьма естественно, что оно встрѣчаетъ здѣсь сопротивленіе, еще большее, чѣмъ идея о присоединеніи всей Польши. Что-же касается до меня, что-бы ни говорили, и въ какомъ-бы видѣ не представлялись нынѣ дѣла, остаюсь при моемъ мнѣніи. Полагаю, что и В. В-во когда нибудь припомните, что нужно будетъ прибѣгнуть къ этому средству; что въ немъ заключается спасеніе Россіи; но очень боюсь, что когда это поймутъ, будетъ поздно.—Императоръ отвѣчалъ только, что безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны съ Франціею, было-бы кстати ему объявить себя королемъ Польши, для того что-бы привлечь умы на свою сторону. — Я отвѣчалъ, что тогда будетъ поздно. и видя, что разговоръ уже затянулся слишкомъ долго, я не захотѣлъ его продолжать.

II.

26 Декабря 1809.

Я написалъ къ Императору, прося его о минутномъ разговорѣ и предъупреждая его именно, что хочу поговорить съ нимъ о продолженіи моего истекающаго отпуска. Нѣсколькими днями позже, послѣ обѣда у его матери, Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что-бы я зашелъ къ нему на другой день, что и ему нужно со мною поговорить. Я заключилъ изъ этого, что будетъ рѣчь о новыхъ измѣненіяхъ, предположенныхъ въ устройствѣ Совѣта, и о которыхъ толковали въ городѣ и при Дворѣ. Не зная, что задумываетъ Императоръ и что онъ хочетъ мнѣ предложить, я былъ въ нѣкоторомъ безпокойствѣ, ибо всегда непріятно выслушивать предложенія Государя, когда имѣешь всѣ причины, что-бы ихъ отклонять.

На другой день, я отправился во дворецъ и, послѣ довольно долгаго ожиданія, былъ введенъ къ Е. В-ву. Императоръ сперва спросилъ меня, чего я желаю. Я началъ съ того, что поговорилъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ, а затѣмъ попросилъ его продлить мой отпускъ.—Императоръ сказалъ мнѣ, что предполагалъ во мнѣ намѣреніе пробыть болѣе долгое время въ Петербургѣ, и въ этомъ предположеніи подумалъ, что я буду не прочь отъ болѣе дѣятельнаго занятія. Исходя отсюда, Императоръ сказалъ мнѣ, что Совѣтъ приметъ новую форму, съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности, и устройство, относительно котораго было взято за образецъ существующее въ иныхъ лучше управляемыхъ государствахъ, каковы Франція и Англія; что онъ раздѣлилъ Совѣтъ на четыре секціи— военную, внутреннихъ дѣлъ, финан-

совъ, юстиціи и законовъ, и что въ этой послѣдней онъ предназначилъ мнѣ мѣсто; что кромѣ того будетъ общее собраніе, въ коемъ дѣла, обработанныя въ секціяхъ, будутъ обсуждаться снова; но что для секцій въ особенности ему нужны работники.— Я отвѣчалъ Е. В-ву, что сознаю, сколь великую честь онъ оказываетъ мнѣ своимъ довѣріемъ, но что ему самому извѣстны причины, по которымъ я прошу объ отпускѣ: преклонныя лѣта моихъ родителей, съ коими я долго былъ разлученъ, заботы о моемъ здоровьи, коему вовсе непригоденъ Петербургскій климатъ, привычки и вкусы, развившіеся во мнѣ при продолжительномъ удаленіи отъ дѣлъ.— Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ и не думаетъ стѣснять меня въ моихъ планахъ, и присовокупилъ, что онъ предвидѣлъ мой отъѣздъ, но полагалъ, что я отсрочу его до лѣта.—Я отвѣчалъ, что, до наступленія лѣта, я намѣревался поѣхать на нѣкоторое время въ Вильну, гдѣ присутствіе мое было нужно для устройства дѣлъ Университета.—Императоръ сказалъ мнѣ, что до того времени новое устройство Совѣта будетъ обнародовано, и что я тогда увижу, какъ мнѣ лучше поступить; и такъ какъ я выражалъ опасеніе, что-бы мой отъѣздъ, при такихъ обстоятельствахъ, не показался неумѣстнымъ, Императоръ успокоилъ меня, сказавъ, что это не бѣда, что мнѣ всетаки можно будетъ взять отпускъ.

Его В-во объявилъ мнѣ затѣмъ, что всѣ мѣры строгости, принятыя относительно Поляковъ, будутъ отмѣнены, что это дѣло рѣшеное, но что это сдѣлается извѣстнымъ лишь черезъ нѣсколько недѣль; но что поводы къ этимъ мѣрамъ исчезли и что теперь онъ имѣетъ поводы быть спокойнымъ. — Я поблагодарилъ Е. В. и спросилъ его, какіе поводы онъ имѣетъ быть спокойнымъ на счетъ Польскихъ дѣлъ; единственно-ли мѣсто въ рѣчи г. Монталиве; или есть еще иной поводъ, напримѣръ обязательство не думать болѣе о возстановленіи Польши *). Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно изъ разговора, который я имѣлъ съ канцлеромъ, что объ этомъ шла рѣчь между двумя Кабинетами, и я замѣтилъ Императору, что въ такомъ случаѣ и онъ будетъ вынужденъ взять на себя такое-же обязательство, и что онъ этимъ свяжетъ себѣ руки. — Императоръ уклонился отъ отвѣта и сказалъ просто, что объ этомъ не было и рѣчи.

Какъ мнѣ показалось, Императоръ хотѣлъ скрыть отъ меня истину, оттого ли что думалъ, что она можетъ ему повредить, или потому, что въ дѣлѣ, въ которомъ онъ зналъ, что его интересы не сходятся съ моими, взяла верхъ его недовѣрчивость.

Произошло небольшое смущеніе, разговоръ на минуту коснулся снова переустройства Совѣта, лицъ, которыхъ слѣдуетъ выбрать; и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я замѣтилъ, на сколько Императоръ давалъ себя обманывать всѣми доне-

*) Мѣсто въ рѣчи г. Монталиве, на которое здѣсь указывается, есть извлеченіе изъ *Отчета о состояніи Имперіи*, представленнаго законодательному корпусу, 1-го Декабря 1809 г. Заключается оно въ слѣдующихъ словахъ „....Герцогство Варшавское увеличено частію Галиціи. Императору было бы легко присоединить къ этому государству всю Галицію; но онъ не захотѣлъ сдѣлать ничего, что могло-бы возбудить опасенія въ его союзникѣ, Императорѣ Россійскомъ. Галиція стариннаго раздѣла почти вся осталась во власти Австріи. Е. В-во никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. То, что̀ сдѣлалъ Императоръ для новой Галиціи, предписывалось ему болѣе честію, чѣмъ политикою. Онъ не могъ предоставить мести неумолимаго государя народовъ, которые съ такимъ жаромъ приняли сторону Франціи.

сеніями ему представляемыми, какъ не основательны были его мысли на счетъ лицъ, которыхъ ему приходилось употреблять. Легко было также замѣтить въ Его Величествѣ желаніе щадить, привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, потребность въ популярности, возбужденная недавнею поѣздкою въ Москву.

Императоръ сказалъ мнѣ смѣясь, что есть много людей, которые, не отдавая себѣ отчета въ значеніи словъ, воображаютъ, что будущее устройство Совѣта есть народное представительство, какъ будто можетъ быть народное представительство, избранное не страною и зависимое отъ короны. — Величайшее мое желаніе, продолжалъ Е. В-во, состоитъ въ томъ, чтобы сохранить внѣшнее спокойствіе и исключительно заняться внутренними дѣлами; то, что̀ теперь будетъ сдѣлано для Совѣта, есть лишь первый шагъ для того, что-бы дойти до другихъ измѣненій болѣе существенныхъ, относительно коихъ мнѣнія мои нисколько не измѣнились.—Я выразилъ опасенія на счетъ трудностей исполненія, и Е. В-во отвѣчалъ мнѣ, что, со временемъ и съ настойчивостію, можно уйти далеко. — Не знаю, хотѣлъ-ли Государь привлечь меня этими словами и внушить мнѣ охоту согласиться на его предложенія, показывая мнѣ, что онъ все еще держится старинныхъ мнѣній, о которыхъ мы такъ часто съ нимъ говорили; ибо съ Императоромъ часто случается, что иной цѣли въ его разговорѣ нѣтъ и что онъ, такъ сказать, подноситъ каждому то кушанье, которое по его мнѣнію можетъ нравиться его собесѣднику. За тѣмъ разговоръ, какъ-бы самъ собою, вернулся къ Польскимъ дѣламъ. Императоръ сталъ меня допрашивать.

— Событія, сказалъ я Е. В-ву, заставили умы вернуться къ настроенію, господствовавшему пятнадцать лѣтъ тому назадъ; было время, когда обстоятельства положили нѣкоторую повязку на раны нанесенныя Полякамъ и, быть можетъ, нѣсколько ослабили ихъ ощущеніе. Надежда на возстановленіе ихъ родины на минуту показалась имъ менѣе осуществимою, ихъ настоящее положеніе менѣе переходнымъ. Но теперь, полузажившая рана словно внезапно раскрылась. Здѣсь воображаютъ, что надежды Поляковъ могли ослабѣть вслѣдствіе послѣдняго мира съ Австріею, вслѣдствіе образа дѣйствій Франціи и нѣкоторыхъ писемъ и депешъ Наполеона, ходившихъ по рукамъ. Если-бы это и было справедливо (а противъ этого можно поспорить) нравственное состояніе тѣмъ не менѣе сдѣлалось такимъ-же, какимъ оно было пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Притомъ существованіе Варшавскаго герцогства, значительно увеличеннаго послѣднею войною, содѣйствуетъ тому, что-бы поддерживать патріотическія чувства. Это словно призракъ старой Польши, производящій неотразимое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ эту разрушенную страну истиннымъ своимъ отечествомъ. Это то-же самое, какъ если-бы послѣ утраты любимой особы, ея тѣнь посѣтила насъ и увѣряла, что скоро она сама будетъ намъ возвращена.

И такъ, продолжалъ я, В. В-во не должны удивляться тѣмъ чувствамъ, которыя Вы встрѣчаете во всякомъ Полякѣ. Говорю съ Вами не какъ съ Государемъ; прошу Васъ отрѣшиться на время отъ этого качества и сохранить лишь то, которое было первою причиною моей къ Вамъ привязанности. В. В-во конечно помните

тѣ чувства, которыя одушевляли меня, когда я прибылъ сюда. Вы тогда имѣли благосклонность ихъ одобрить; Вы могли судить о томъ, измѣнились-ли они съ тѣхъ поръ. Вернувшись изъ Италіи, я и не думалъ поступать на службу. В. В-во это припомните. Когда Вы захотѣли дать мнѣ должность, я долго отказывался, и главная причина тому заключалась въ томъ, что положеніе мое, въ качествѣ Поляка, могло сдѣлаться черезъ чуръ щекотливымъ и труднымъ. Я предчувствовалъ, что могутъ возникнуть обстоятельства, при которыхъ интересы моей страны будутъ противуположны интересамъ моей службы. В. В-во отвѣчали мнѣ, что въ настоящее время ничего подобнаго не предвидится и, что, если это случится, то оно будетъ видно заранѣе, и что тогда мнѣ можно будетъ поступать, какъ я сочту приличнымъ. Теперь не скрою отъ В. В-ва, что общее впечатлѣніе, произведенное на моихъ соотечественниковъ обстоятельствами и существованіемъ Варшавскаго герцогства, не могло не подѣйствовать и на меня. Я не могу воздержаться отъ живѣйшаго участія въ судьбахъ моего отечества.

«Въ моихъ глазахъ, присовокупилъ я, человѣкъ не привязанный къ своей родинѣ есть человѣкъ презрѣнный. Отрекаться отъ своей вѣры, отъ своихъ родныхъ, отъ своей страны, по моему мнѣнію, одинаково преступно. Таковы чувства мнѣ прирожденныя, укрѣпленныя во мнѣ воспитаніемъ и отъ которыхъ я никогда не отступлю. Къ тому-же, въ этой новой странѣ у меня есть братъ, сестра, цѣлое семейство, и признаюсь В. В-ву, что это одна изъ причинъ, по которымъ я не желалъ-бы вмѣшиваться ни въ какія здѣшнія дѣла; мнѣ недостаточно быть прямымъ, чистымъ и искреннимъ въ моихъ дѣйствіяхъ, хочу быть таковымъ и въ моихъ мысляхъ и чувствахъ. По этому я счастливъ, что мнѣ удалось поговорить съ Императоромъ совершенно свободно, и объясниться съ нимъ безъ всякихъ умолчаній. Первая моя цѣль заключается въ томъ, что-бы сохранить собственное свое уваженіе; вторая въ томъ, что-бы сохранить уваженіе людей, которыхъ я привыкъ любить и уважать. Охотно соглашаюсь, если дѣло до того дойдетъ, что-бы В. В-во велѣли конфисковать мои имущества и разстрѣлять меня. Я этому покорюсь, если только В. В-во, предписывая это, отдадите мнѣ ту справедливость, что я однако былъ честнымъ человѣкомъ, всегда говорившимъ Вамъ правду и никогда Васъ не обманывавшимъ».

Императоръ показался мнѣ удовлетвореннымъ; онъ сказалъ мнѣ, что всегда отдавалъ мнѣ справедливость, что онъ и сегодня умѣетъ цѣнить то, что я ему сказалъ, и что этотъ способъ объясняться съ нимъ дѣлаетъ мнѣ честь. Императоръ на минуту оставался погруженнымъ въ размышленіе; но, словно проснувшись внезапно, онъ произнесъ слѣдующія слова: «Нѣтъ иного средства все это уладить, какъ старинный нашъ планъ, какъ дарованіе отдѣльной конституціи и самостоятельности Польскому королевству, съ присоединеніемъ этого титула къ Русской коронѣ. Нужно подождать, продолжалъ Императоръ, что-бы Австрія сдѣлала глупость и вызвала новый разрывъ съ Франціею; тогда можно найти средство сговориться съ Наполеономъ и вознаградить короля Саксонскаго.» Императоръ присовокупилъ, что покуда было-бы умѣстно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ

областяхъ, нынѣ принадлежащихъ Имперіи, и принять титулъ великаго князя Литовскаго; но что, имѣя дѣло съ противникомъ столь искуснымъ, какъ Наполеонъ, онъ побоялся возбудить его подозрѣнія и внушить ему мысль противодѣйствовать Россіи тѣмъ-же способомъ; что, при искусствѣ этого человѣка, легко остаться позади его.

Разговоръ продолжался, и я спросилъ Е. В-во, не случалось-ли ему, въ многочисленныхъ его разговорахъ съ Наполеономъ, коснуться этой струны. Этотъ вопросъ я уже дѣлалъ не разъ для того, что-бы узнать степень основательности разныхъ слуховъ, переходившихъ изъ устъ въ уста. Императоръ постоянно отклонялся отъ опредѣлительнаго отвѣта. На этотъ разъ онъ сказалъ мнѣ положительно, что этотъ предметъ никогда не былъ обсуждаемъ между нимъ и Наполеономъ; что, въ Тильзитѣ, Наполеонъ выразился очень слегка о всемъ, касающемся до Польши и до Поляковъ, а что въ Эрфуртѣ было слишкомъ много дѣла, что-бы заняться этимъ вопросомъ. Я выразилъ Е. В-ву мое сожалѣніе о томъ, что онъ ни разу не воспользовался случаемъ разузнать мнѣнія Наполеона объ этомъ предметѣ. Я не могъ впрочемъ, сказалъ я, не удивляться искусству, съ которымъ Наполеонъ распространялъ самыя противуположныя догадки и мнѣнія и заставлялъ имъ вѣрить; ибо несомнѣнно то, что, ведя рѣчи подобныя приведеннымъ В. В-вомъ; заставляя писать депеши и произносить рѣчи, которыя должны привести Поляковъ въ негодованіе и въ отчаяніе, онъ тѣмъ не менѣе успѣлъ въ то-же время распространить между нами убѣжденіе, что не только онъ принимаетъ къ сердцу интересы Польши, но еще, что онъ питаетъ къ нашей націи особое чувство пріязни. Между тѣмъ, какъ его считаютъ лишеннымъ всякаго человѣколюбиваго чувства и доступнымъ только расчетамъ честолюбія, онъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ увѣрить Поляковъ, что онъ ихъ любитъ, что онъ желалъ-бы ихъ блага, что онъ лишь въ нихъ видитъ истинныхъ друзей.—Для того, что-бы возбудить энтузіазмъ, ему достаточно обнародовать газетную статью, послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ Поляковъ, который, принятый повсюду въ общества, повторяетъ какое-либо слово Наполеона или разсказываетъ какой нибудь анекдотъ, расшевеливающій патріотизмъ. Этимъ питаются въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а затѣмъ новый посланный пріѣзжаетъ возбуждать умы.—Е. В-во, какъ бы отъ полноты чувствъ, прервалъ меня словами: «Ахъ! что̀ вы говорите. Все это еще ничто, ибо мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что въ то самое время, какъ онъ заставлялъ Монталиве произносить свою рѣчь, онъ говорилъ совершенно противное вашимъ соотечественникамъ, и старался разрушить дурное впечатлѣніе, которое должно было произвести на ихъ умы извѣстное мѣсто въ этой рѣчи и оживить ихъ надежды разными объясненіями и обѣщаніями».

Его В-во присовокупилъ въ теченіи разговора, что это человѣкъ, для котораго всѣ средства хороши, только-бы они вели къ цѣли. Такъ какъ, съ нѣкотораго времени, я слышалъ, въ Петербургскомъ обществѣ, тысячу толковъ объ умственномъ разстройствѣ, угрожающемъ Наполеону, о припадкахъ падучей болѣзни, коимъ онъ подверженъ, то я спросилъ Императора, есть ли въ этомъ доля истины. Императоръ отвѣчалъ: «Никогда На-

полеонъ не сойдетъ съума; это вещь невозможная; и тѣ, которые этому вѣрятъ, его совсѣмъ не знаютъ. Это человѣкъ, который, среди самыхъ волнующихъ обстоятельствъ, остается спокойнымъ и хладнокровнымъ; всѣ его припадки гнѣва дѣлаются съ нимъ только для другихъ, и по большей части суть дѣйствіе расчета. Онъ не дѣлаетъ ничего, не предусмотрѣвши и не сообразивши всѣхъ послѣдствій. Тѣ изъ его дѣйствій, которыя кажутся самыми порывистыми и смѣлыми, расчитаны всего хладнокровнѣе. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отъискать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно было-бы справиться, если только придумаешь надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отъисканъ, остальное ничто; но что, съ другой стороны какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отъискавши къ тому надлежащаго метода, ибо иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата. Что́-же касается до его здоровья, то это сказки; никто не пользуется лучшимъ здоровьемъ: онъ никогда не бываетъ боленъ, и единственный недугъ, который за нимъ знаютъ, есть поршивое худосочіе, бросившееся внутрь и отъ котораго его лѣчили.... Никто лучше его не выноситъ труда и усталости; но ему нуженъ сонъ, хотя бы въ неопредѣленные часы, съ тѣмъ только, что-бы онъ могъ проспать восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ, ни на словахъ, ни въ письмѣ; онъ при мнѣ диктовалъ письма слогомъ отрывочнымъ, безсвязнымъ...» Его Величество говорилъ со мною о разводѣ и о дѣлахъ Испанскихъ; объ этихъ послѣднихъ, какъ о большой ошибкѣ, сдѣланной Наполеономъ, но изъ которой онъ наконецъ выпутается. О разводѣ онъ замѣтилъ, на сколько во Франціи обладаютъ искусствомъ придать каждому дѣлу форму ему свойственную и ходъ, самый приличный.

Размышляя объ всемъ этомъ разговорѣ, я пришелъ къ заключенію, что Императоръ все еще сохраняетъ ко мнѣ нѣкоторую благосклонность, но безъ особенно живаго желанія удержать меня при себѣ и безъ искренней откровенности на счетъ всего того, о чемъ я съ нимъ говорилъ. Онъ все еще кажется замкнутымъ; ему словно не по себѣ. Полагаю, что, кромѣ особыхъ обстоятельствъ, которыя могутъ приводить его въ смущеніе со мною, это сдѣлалось его нормальнымъ положеніемъ. Я сомнѣваюсь, что-бы отнынѣ онъ раскрылъ свое сердце для какого либо очень живаго чувства; впрочемъ таковое и не составляетъ для него природной потребности. Что̀ касается до Наполеона, то ясно, что онъ его знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, что онъ убѣжденъ, что на него нельзя положиться ни въ чемъ; и столь-же ясно, что Наполеонъ сохранилъ замѣтную власть надъ его умомъ и что онъ его очень боится. Императоръ пріучилъ всѣхъ окружающихъ его искать во всѣхъ его рѣшеніяхъ побужденій различныхъ отъ тѣхъ, которыя онъ выставляетъ на видъ. Не могу воздержаться отъ того же самого, относительно общихъ рѣшеній, объявленныхъ имъ мнѣ касательно Польши; ибо удивительно, что-бы, повидимому, такъ мало вслушавшись въ замѣчанія, предложенныя мною въ предъидущихъ нашихъ разговорахъ, онъ вдругъ измѣнилъ свое мнѣніе, тогда какъ прежде было столько-же поводовъ оказывать

великодушіе, какъ и теперь, и я излагалъ ему именно тѣ доводы, на которыя онъ теперь ссылается, какъ на свои. И такъ, я склоненъ думать, что онъ сталъ помышлять о мѣрахъ кротости вовсе не потому, что онъ имѣетъ поводъ быть совершенно спокойнымъ, но скорѣе потому, что онъ имѣетъ новые поводы къ безпокойству, отъ которыхъ онъ считалъ себя избавленнымъ послѣ Вѣнскаго мира. Слово, вырвавшееся у Государя на счетъ рѣчи г. Монталиве, кажется мнѣ въ этомъ отношеніи указаніемъ; но я сверхъ того узналъ впослѣдствіи, что Французскій посолъ, который до тѣхъ поръ выказывалъ крайнее равнодушіе относительно притѣсненій, испытываемыхъ лицами, поступившими на службу въ герцогствѣ, сталъ выражаться объ этомъ предметѣ съ большимъ участіемъ и жаромъ и долженъ былъ объясняться о томъ съ правительствомъ, что̀ конечно есть слѣдствіе новыхъ, полученныхъ имъ инструкцій. Возможно также, что пребываніе въ Москвѣ подѣйствовало на умъ Императора благопріятно для Польши, показавши ему, что общественное мнѣніе не столь противно ей, какъ онъ предполагалъ. Императоръ конечно былъ удивленъ дошедшими до него словами стараго канцлера и графа Моркова, особенно послѣдняго, который до сихъ поръ былъ мнѣнія совершенно противуположнаго.

Въ сущности, къ разговорамъ съ Императоромъ объ этомъ вопросѣ и о выгодности для Россіи устройства Польскихъ дѣлъ присовокупить ничего. Въ этомъ отношеніи убѣжденіе Е. В-ва установилось вполнѣ; но это не ведетъ ни къ чему, ибо (развѣ если обстоятельства все устроятъ сами, и здѣшнему правительству прійдется только дать свое согласіе) дѣло не подвинется ни на шагъ: при малѣйшемъ препятствіи, намѣреніе, повидимому самое твердое, будетъ оставлено. Оттого-то все здѣсь такъ и опасно и скользко, что такъ мало можно полагаться на того, кому пришлось-бы играть главную роль.

III.

5 Апрѣля 1810.

Недѣли три тому назадъ, Е. В-во, котораго я давно не видалъ, вдругъ призвалъ меня къ себѣ, и я напомнилъ ему нѣсколько частныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ данное мнѣ обѣщаніе даровать прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые въ Польскихъ областяхъ подверглись мѣрамъ строгости. Относительно дѣлъ, о которыхъ мнѣ пришлось говорить, Е. В-во оказался весьма сговорчивымъ; что̀ касается до прощенія, то онъ сказалъ, что онъ его дастъ, какъ обѣщалъ, и что ожидаются лишь нѣкоторые отвѣты изъ Парижа. Послѣ этихъ словъ, я безъ труда замѣтилъ, что Императоръ призвалъ меня съ намѣреніемъ, для того чтобы снова завести рѣчь о предметѣ, обсуждавшемся между нами уже часто, и всегда безъ всякаго результата. Е. В-во скоро повернулъ разговоръ на Польскія дѣла и сказалъ мнѣ, что даровать прощеніе значитъ однако-же привлечь въ страну людей, на которыхъ расчитывать нельзя; что его желаніемъ всегда было пріобрѣсти привязанность жителей, но что трудность состояла въ томъ, чтобы узнать, какъ этого достигнуть: ибо, что̀ бы ни было сдѣлано, легкомысліе ихъ таково, что ни на что̀ положиться нельзя.— Я отвѣчалъ, что въ этомъ можетъ быть доля истины, но что причина приведенная Императоромъ

не есть дѣйствительная, что не изъ легкомыслія Поляки, повидимому, столь мало расположены податься на встрѣчу Русскому правительству, а напротивъ того изъ постоянства въ своей привязанности къ отчизнѣ и въ желаніи видѣть всѣ ея части собранными воедино. — Императоръ послѣ этихъ словъ заговорилъ о проэктѣ соединенія подъ отдѣльнымъ управленіемъ осьми Польскихъ губерній и спросилъ, каково мое мнѣніе: думаю-ли я, что можно расчитывать на жителей этихъ областей? Я отвѣчалъ, что ничего положительнаго я сказать не могу, и что мнѣ нужно подумать. Я однакоже выразилъ удивленіе тому, что Е. В-во еще занятъ этими предметами, въ виду конвенціи, подготовляемой съ Франціею. Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что цѣлію этой конвенціи было разрушеніе всѣхъ надеждъ Поляковъ, и я думалъ, что Наполеонъ отказался ее утвердить. Е. В-во отвѣчалъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, что это не такъ, что не онъ, а г. Шампаньи хотѣлъ помѣстить въ трактатъ выраженія и статьи, доходящія до разрушенія самого имени Польши, но что онъ измѣнилъ эти статьи, и что конвенція, видоизмѣненная такимъ образомъ, была снова отправлена въ Парижъ.

Я очень хорошо видѣлъ, что Императоръ не хотѣлъ объясниться со мною объ этомъ пунктѣ. Онъ отпустилъ меня, спросивъ, когда можно будетъ мнѣ дать отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ. Это по истинѣ было не легко. Съ одной стороны, какія надежды можно было подать Императору на счетъ дѣйствительности средствъ, которыя пришлось-бы выбрать? Съ другой, сколько неудобствъ и опасностей для самого себя въ содѣйствіи какимъ либо планамъ? Это значило воздвигать алтарь противъ алтаря, рисковать въ своей странѣ междоусобною войною. Поддаваться лишь для вида на эти поздніл поползновенія Императора, значило идти на всѣ трудности, на всѣ препятствія, безъ малѣйшей надежды. Нужно было однакоже отвѣчать, какъ для соблюденія приличій, такъ и потому, что, въ виду все таки сомнительнаго будущаго, не слѣдовало совершенно обрывать нить, которая, при иныхъ обстоятельствахъ, могла еще оказаться драгоцѣнною.

И такъ, давъ пройти нѣсколькимъ недѣлямъ, я опять явился къ Императору и вручилъ ему записку, въ коей я обсуждалъ вопросъ по крайнему моему разумѣнію. Я не скрылъ отъ Е. В-ва, что меня крайне затрудняетъ мое незнаніе того, что происходитъ или готовится въ политическомъ мірѣ. Я сказалъ ему, что я не поспѣшилъ своимъ посѣщеніемъ, думая, что въ этотъ промежутокъ времени, быть можетъ, будутъ получены извѣстія изъ Парижа; что впрочемъ Императоръ столь часто измѣнялъ свое мнѣніе о Польскихъ дѣлахъ, смотря по обстоятельствамъ, въ особенности во время моего пріѣзда сюда, по заключеніи мира, что я вовсе не удивлюсь, если тоже самое произойдетъ и теперь.—Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что если онъ, повидимому измѣнялъ свое мнѣніе, то это единственно потому, что онъ постоянно примѣшиваетъ къ этимъ дѣламъ господствующую мысль, трудно осуществимую, и что это-то затрудненіе постоянно его останавливаетъ. Онъ не присовокупилъ ничего положительнаго о конвенціи, но сказалъ мнѣ, что только что получилъ ее, видоизмѣненную, изъ Парижа. Говоря это, Императоръ

развернулъ, съ видомъ разсѣянности, депешу, лежавшую на столѣ, какъ-бы не зная, долженъ-ли онъ мнѣ ее показать, и сознавая, въ то время, какъ онъ вмѣстѣ со мною пробѣгалъ ее глазами, что содержаніе ея, вовсе не относившееся къ нашему разговору, могло дать мнѣ лишь невыгодное понятіе о почтительности къ нему Императора Французовъ. Дѣло въ томъ, что то была депеша г. Шампаньи къ г. Коленкуру, въ коей министръ писалъ послу, что онъ передалъ своему государю поздравленія Русскаго Императора по случаю его бракосочетанія: Наполеонъ былъ благодаренъ за это вниманіе своего союзника и друга и извѣщалъ, что пришлетъ безъ замедленія офицера, что-бы извѣстить его объ этомъ событіи.

Императоръ, нѣсколько смущенный, не читалъ далѣе и сложилъ депешу, сказавъ, что это неважно; что онъ, впрочемъ, получилъ другія депеши отъ г. Шампаньи, который продолжаетъ, все въ томъ-же тонѣ, повторять свои увѣренія относительно Польши, но что извѣстно, какую вѣру можно дать этимъ фразамъ, и что это не помѣшаетъ ему проводить тѣ мысли, которыя онъ мнѣ довѣрилъ.— Затѣмъ, я принялся читать мою бумагу. Императоръ прервалъ меня въ самомъ началѣ, говоря, что не только на случай войны, но и вообще, для того что-бы пріобрѣсти привязанность Поляковъ, онъ желаетъ для нихъ что нибудь сдѣлать. За тѣмъ онъ выслушалъ чтеніе записки, не произнося ни слова, но съ большимъ вниманіемъ. Лишь при концѣ, онъ прервалъ меня на томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что самое благопріятное время для того, что-бы сдѣлать что-либо въ пользу Поляковъ, уже пропущено. «Вы конечно, когда писали это, думали о 1805 годѣ, сказалъ онъ, и о моемъ тогдашнемъ пребываніи въ Пулавахъ. Я самъ теперь вижу, что то была минута благопріятная, быть можетъ, единственная; тогда можно было сдѣлать легко то, что̀ теперь можно сдѣлать лишь съ большимъ трудомъ; но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣли-бы противъ себя всю Прусскую армію.» Признаніе сдѣланной тогда ошибки, не разъ повторенное Императоромъ въ теченіи этого разговора, не позволило мнѣ настаивать.

Я удовольствовался отвѣтомъ, что другой весьма благопріятный случай представлялся во время послѣдней войны съ Австріею, что тогда Россія легко могла-бы добиться возстановленія Польши. «Это значило-бы подготовить окончательную гибель Австріи», сказалъ Императоръ. «Однако-же несомнѣнно, присовокупилъ я, что какой образъ дѣйствій въ то время былъ самый неразумный; ибо онъ нисколько не спасъ Австріи, которая оттого бросилась въ объятія Франціи; онъ возбудилъ неудовольствіе Наполеона и не принесъ никакой существенной выгоды Россіи.»

Окончивъ чтеніе, я еще разъ извинился въ томъ, что могъ представить лишь безсвязныя мысли безъ заключенія. Я не могъ, въ настоящее время, высказаться опредѣлительнѣе, ибо не зналъ что̀ дѣлается, не имѣлъ свѣдѣній о настроеніи, господствующемъ въ Польскихъ областяхъ. Лишь тамъ, на мѣстѣ, можно было-бы судить о пріемѣ, который могло-бы встрѣтить всякое предложеніе Россіи, и о способѣ, которымъ слѣдуетъ бороться противъ всесильнаго вліянія Наполеона.—«О! сказалъ Императоръ, и не находясь на мѣстахъ, не трудно знать, что̀ думаютъ въ областяхъ и

въ герцогствѣ; это можно выразить въ немногихъ словахъ: Поляки пойдутъ за самимъ чортомъ, если чортъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отчизны. Впрочемъ, продолжалъ Императоръ, я доволенъ тѣмъ, что̀ Вы написали: это поможетъ моимъ размышленіямъ о предметѣ, такъ давно меня занимающемъ. Я придумывалъ разныя средства для осуществленія моихъ желаній и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго. Главное затрудненіе заключается въ томъ, какъ вознаградить Саксонскаго короля. Этого никакъ не сдѣлаешь, не обобравъ еще этого бѣднаго короля Прусскаго.»

Я замѣтилъ Е. В-ву, что главное затрудненіе заключается въ томъ, чтобы добиться согласія Франціи и что, по достиженіи этого пункта, все остальное сдѣлается легкимъ.—Императоръ сказалъ, что это всего труднѣе, потому что Наполеонъ, гораздо менѣе озабоченный благомъ Польши, чѣмъ возможностію пользоваться этою страною, какъ орудіемъ, въ случаѣ войны съ Россіею, заинтересованъ тѣмъ, что-бы настоящее положеніе дѣлъ не измѣнилось, для того что-бы имѣть подъ руками, въ случаѣ нужды, подготовленныя имъ средства. Что̀-же касалось до чувствъ жителей герцогства Варшавскаго, то Императоръ сознавался, впрочемъ, въ томъ, что, соображая обоюдныя силы двухъ державъ, таланты и опытность генераловъ и армій, и великія вѣроятности побѣды, имѣвшіяся во всякой войнѣ на сторонѣ Наполеона, Поляки не захотѣли-бы кинуться въ объятія Россіи, изъ опасенія лишиться плода усилій, производимыхъ ими съ столь долгихъ поръ. — Я выразилъ полное согласіе съ этимъ взглядомъ на вещи.— Тогда Императоръ изложилъ мнѣ подробно мысли, приходившія ему въ голову. Между прочими проэктами, онъ спросилъ меня, нельзя-ли завязать съ герцогствомъ мнимую войну, при которой, по взаимному соглашенію, Русскія войска могли-бы занять позиціи, въ коихъ, соединившись съ войсками Польскими, они могли-бы противустоять Французамъ; въ такомъ случаѣ, всѣ желанія Польши были-бы удовлетворены.—Трудности исполненія этого проэкта были слишкомъ очевидны, не говоря уже о его причудливости, и во всякомъ случаѣ, это опять таки была война съ Наполеономъ, при весьма ненадежныхъ вѣроятностяхъ.

Дѣлая обзоръ всѣхъ этихъ плановъ, Императоръ вдругъ спросилъ меня, нельзя-ли достичь желаннаго результата, допустивъ образованіе Польскаго королевства изъ герцогства и изъ Галиціи и позволивъ подданнымъ Польскихъ областей Россіи поступать тамъ на службу, какъ въ своей родинѣ. — Такъ какъ эта мысль меня удивила, то Императоръ присовокупилъ, что Поляки, такимъ образомъ удовлетворенные, не будутъ больше имѣть поводовъ враждовать съ Россіею и станутъ спокойнѣе; что Франція, когда не будетъ болѣе этого яблока раздора между нею и Россіею, лишится повода къ войнѣ противъ нея; что это, однимъ словомъ, значило-бы прибѣгнуть къ ампутаціи и пресѣчь зло, на мѣсто того, чтобы его замазывать. Тонъ Е. В-ва заставилъ меня предположить, что эта мысль могла быть ему внушена Французскимъ посломъ; что, словомъ, объ этомъ была рѣчь и что Императоръ, во избѣжаніе худшаго, былъ бы не прочь согласиться на это предположеніе, обстановивъ его приличными предлогами. Впрочемъ, это одно лишь предположеніе.

Императоръ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ мнѣ еще заняться этими мыслями и пригласилъ меня, съ своей стороны, искать нити, которая велабы къ цѣли.—Я отвѣчалъ, что я далекъ отъ желанія охладить добрыя намѣренія Е. В-ва, но что откровенно сознаюсь, я не знаю, какъ за это приняться; что по моему мнѣнію мѣры, предложенныя въ запискѣ, представленной мною Императору, суть единственныя, которыя могутъ быть приняты немедленно; что я смотрю на этотъ годъ, какъ на важную эпоху, что онъ не можетъ истечь не принесши съ собою событій важныхъ, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ всѣ видѣнныя нами до тѣхъ поръ. Императоръ прервалъ меня и сказалъ, тономъ глубокаго убѣжденія, что онъ не думаетъ, что-бы это было въ нынѣшнемъ году, ибо Наполеонъ слишкомъ занятъ своею женитьбою; но что онъ ожидаетъ кризиса на будущій годъ. «Теперь Апрѣль мѣсяцъ, сказалъ онъ; и такъ это будетъ черезъ девять мѣсяцовъ.» При этихъ словахъ, и вообще во время всего разговора, у Императора былъ взглядъ неподвижный и строгій, напомнившій мнѣ напряженное выраженіе его глазъ въ эпоху Аустерлица. Онъ имѣлъ видъ разочарованный и унылый. Я замѣтилъ въ немъ сильное безпокойство и желаніе, какъ-бы то ни было, уладить Польскія дѣла, сдѣлавъ для этого все возможное съ своей стороны. Онъ, не разъ, какъ бы признавалъ себя передо мною неправымъ, высказывая, безъ вызова съ моей стороны, что 1805 годъ былъ самымъ благопріятнымъ для осуществленія его плана. — Не знаю, было ли то его убѣжденіе или онъ выражался такъ, что-бы мнѣ польстить.

И такъ, я оставилъ Е. В-во, совершенно неувѣренный въ томъ, что̀ можетъ произойти.

ПЕРЕПИСКА.

VIII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

Вильна, 12 Янв. 1810.

Государь! Со времени пріѣзда моего въ Вильну, я не переставалъ заниматься Университетомъ и всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ повести къ усовершенствованію въ немъ преподаванія всѣхъ отраслей наукъ.

Вашему И. В-ву извѣстно, что Правленіе Училищъ выработало проэктъ, стремящійся опредѣлить окончательно управленіе фондами, присвоенными Университету и его округу. Проэктъ этотъ, представленный уже болѣе шести мѣсяцовъ тому назадъ, до сихъ поръ остается безъ дѣйствія: онъ былъ перенесенъ въ Совѣтъ и находится въ секціи финансовъ. Одно слово В. И. В-ва можетъ теперь дать этому дѣлу благопріятный исходъ.

Вы соблаговолите припомнить, Государь, что этотъ предметъ былъ признанъ однимъ изъ тѣхъ, которые могутъ произвести въ этой странѣ спасительное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь, я еще болѣе убѣдился въ своевременности этой мѣры и въ дурныхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли-бы, еслибы общія желанія и ожиданія по этому предмету были обмануты. Фонды, на которые содержатся Университетъ и школы этихъ областей, составились изъ давнишнихъ и недавнихъ пожертвованій здѣшняго дворянства. В. И.

В-во торжественно присвоили эти фонды тому-же общеполезному назначенію, и на основаніи этой гарантіи они и были увеличены новыми дарами. Однако-же, если-бы упомянутый проэктъ не былъ принятъ, благодѣтельныя намѣренія В. И. В-ва тѣмъ самымъ подверглись бы противорѣчію и не возъимѣли-бы дѣйствія, и дѣло народнаго образованія и его усовершенствованія въ этихъ областяхъ вскорѣ бы рушилось, вмѣстѣ съ полезными учрежденіями, съ нимъ связанными.

Я только что получилъ письмо отъ г. министра народнаго просвѣщенія, извѣщающее меня, что министръ финансовъ хочетъ предписать выдачу суммъ, слѣдующихъ Университету—ассигнаціями. Эта мѣра, если-бы она была проведена, была-бы истиннымъ бѣдствіемъ, разорила-бы всѣхъ профессоровъ и имѣла-бы для области гибельныя послѣдствія. Огромное количество кредитныхъ билетовъ, которое наводнило-бы Университетъ и городъ, заставило-бы пасть цѣнность билетовъ гораздо ниже, чѣмъ она стоитъ теперь. Остальныя деньги исчезли-бы изъ обращенія, которое нынѣ оживляется единственно звонкою монетою, издерживаемою Университетомъ. Конфирмаціонный актъ, подписанный В. В-вомъ, статуты, Вами утвержденные, обезпечиваютъ за всѣмъ личнымъ составомъ Университета жалованіе звонкою монетою. Контракты съ профессорами были заключены въ виду этого обстоятельства, и въ этой увѣренности приняли они на себя обязательство служить. Банковые билеты не имѣютъ здѣсь хода для удовлетворенія ежедневнымъ потребностямъ, и на рынкѣ нельзя ничего купить иначе, какъ на звонкую монету; курсъ этихъ билетовъ впрочемъ и трудно было-бы опредѣлить, ибо онъ вѣроятно будетъ падать при всякой выдачѣ жалованія, произведенной ассигнаціями; и такъ, потеря постепенно и постоянно будетъ становиться все значительнѣе, какъ для личностей, такъ и для области и для казны, не говоря о томъ, что Университетъ непремѣнно разстроится вслѣдствіе подобной мѣры.

Между тѣмъ какъ эту область хотятъ наводнить ассигнаціями, казна требуетъ, что-бы всѣ налоги въ ней вносились монетою. Откуда се взять? Могу удостовѣрить В. В-во въ томъ, что уже есть землевладѣльцы, продающіе свои земли, потому что они не могутъ справиться съ налогами, вдвое или втрое превышающими тѣ, которые взимаются во всей остальной Имперіи.

Многіе другіе землевладѣльцы подверглись секвестру имуществъ за недоимки въ налогахъ, и противъ нихъ поступаютъ съ крайнею строгостію.

Всѣ сборы, со включеніемъ косвенныхъ, каковы плата за пересылку писемъ, гербовая бумага, пріемъ рекрутовъ и т. д. взимаются деньгами не по курсу, а по номинальной цѣнѣ что̀ увеличиваетъ тягости приблизительно въ той-же пропорціи, какъ падаютъ ассигнаціи и какъ уменьшаются средства. Злоупотребленія, въ особенности при пріемѣ рекрутовъ, повидимому весьма тягостны; для того, что-бы могъ быть выбранъ одинъ человѣкъ, нужно приводить ихъ шесть, семь и до десяти, что̀ значительно увеличиваетъ издержки; ни одинъ не принимается безъ значительнаго вознагражденія чиновкамъ.

По всѣмъ даннымъ, сумма денегъ, обращающихся въ области, не равняется суммѣ наложеннаго сбора; вѣрно

то, что Литва находится въ плачевномъ положеніи, настоятельно требующемъ, что-бы В. В-во обратили на нее Ваше отеческое вниманіе.

Взиманіе податей находится въ томъ-же положеніи, какъ и въ остальной Имперіи. Чтò же касается до народнаго образованія, то Ваша поддержка, Государь, противъ рѣшенія министра финансовъ, которое обратило-бы въ ничто благодѣянія и привилегіи, Вами дарованныя, и утвержденіе проэкта представленнаго Правленіемъ Училищъ, вотъ о чемъ я нынѣ смѣю ходатайствовать передъ В. И. В-вомъ.

Соблаговолите, Государь, быть ходатаемъ за эту страну передъ собственнымъ Вашимъ правительствомъ, ибо никто, конечно, не приметъ въ ней участія; найдется, напротивъ того, много людей, желающихъ повредить ей и притѣснить ее, и однако-же, изъ какого-бы ни исходили начала, какимъ-бы ни предавались гаданіямъ на счетъ будущаго, не думаю, что-бы В. В-ву оказывали услугу, давая Вамъ совѣты, слѣдованіе коимъ могло-бы разорить значительную часть Вашего государства и отвратить отъ Васъ сердца его жителей.

Въ послѣднемъ разговорѣ, коимъ осчастливили меня В. И. В-во, я забылъ предложить на Ваше разсмотрѣніе, что, во время моего пребыванія въ Пулавахъ, мнѣ вѣроятно придется съѣздить въ Варшаву.

Соблаговолите, Государь, не оставлять меня своею прежнею милостію и вѣрить ненарушимой привязанности, столь давно питаемой мною къ особѣ В. И. В-ва, и моимъ непрестаннымъ молитвамъ о Вашемъ благополучіи.

IX.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

Пулавы. 15 (27) Ноября 1810.

Только что дошло до меня извѣстіе о коммиссіи, назначенной В. И. В-вомъ для Кременецкой гимназіи. Вы легко поймете, какъ глубоко я былъ ею огорченъ. Эта мѣра, повидимому, направлена противъ г. Чацкаго, какъ лица, попеченіями коего возникло и процвѣтало это заведеніе; но какъ мнѣ скрыть отъ себя, что, въ сущности, она настолько-же направлена и противъ меня, который, въ качествѣ попечителя, обязанъ наблюдать за всѣмъ и отвѣчать за все, чтò происходитъ въ округѣ, который постоянно содѣйствовалъ трудамъ г. Чацкаго, доставилъ имъ одобреніе В. И. В-ва и не переставалъ отдавать имъ передъ Вами должную справедливость. — Не знаю, кто тѣ лица, которыя въ своихъ доносахъ могли присвоить себѣ наименованіе Волынскаго дворянства; но во всякомъ случаѣ трудно предполагать въ нихъ намѣренія чистыя, любовь къ истинѣ и къ общему благу. Безукоризненность характера г. Чацкаго слишкомъ хорошо извѣстна, что-бы могли заподозрить его въ какомъ бы то ни было отношеніи. Его неутомимые труды были увѣнчаны удивительнымъ успѣхомъ. Добыть столь значительные фонды и создать училище, которое, по богатымъ коллекціямъ, коими оно владѣетъ, по профессорамъ, входящимъ въ его составъ, по различнымъ заведеніямъ, съ нимъ связаннымъ, по числу обучающихся въ немъ студентовъ, можетъ считаться одною изъ лучшихъ школъ, существующихъ въ какой бы то ни было странѣ; сдѣлать

все это въ столь короткое время — дѣйствительно отзывалось чудомъ, и лишь г. Чацкій былъ способенъ совершить это чудо своимъ терпѣніемъ, своею крайнею настойчивостію, своею совершенною преданностію этому единственному дѣлу, всеобщимъ довѣріемъ, внушаемымъ его характеромъ и его свѣдѣніями. В. И. В-во увидите, что Волынь не допуститъ, что-бы ея именемъ прикрывалась эта клевета, напротивъ того захочетъ смыть съ себя пятно, которое моглобы на ней остаться, и поспѣшитъ блистательно засвидѣтельствовать свое уваженіе къ согражданину, заслуги коего она еще недавно пожелала почтить медалью, которую В. В-во и позволили выбить съ этою цѣлью.

Я не сомнѣваюсь, что Чацкій дастъ побѣдоносный отвѣтъ на всѣ обвиненія, коими пытаются его осыпать. Факты очевидны и сами собою говорятъ въ его пользу. Но, Государь,— сердце В. В-ва создано для того, чтобы это почувствовать, — печально видѣть, что человѣкъ, не имѣвшій иныхъ помышленій, какъ благо своихъ ближнихъ, который посвятилъ оному свое существованіе въ такой мѣрѣ, что совершенно пренебрегъ собственными дѣлами, подвергается доносамъ, непріятностямъ и затрудненіямъ въ воздаяніе за дѣятельность, дающую ему столько правъ на уваженіе; что онъ вынужденъ отдавать отчеты передъ собраніемъ людей, совершенно чуждыхъ предмету, о коемъ судить имъ приходится, и предсѣдатель коего давно дурно расположенъ противъ него и постоянно старался ему противодѣйствовать.

Справедливость и намѣренія В. И. В-ва извѣстны мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо. Но повѣрьте, Государь, что на этотъ разъ они были обмануты, и что Вы поступили въ противность своимъ отеческимъ желаніямъ. — Волынская гимназія, помѣщенная въ Кременцѣ, была утверждена дипломомъ, подписаннымъ рукою В. И. В-ва; этимъ упразднился всякій вопросъ о мѣстѣ, гдѣ всего приличнѣе ее устроить. В. В-во сдѣлали невозможнымъ возбужденіе вновь этого вопроса дарованіемъ этой гимназіи Кременецкаго староства, съ предписаніемъ основать въ немъ со временемъ опытную ферму. Фонды, употребленные на обзаведеніе училища, уже существующаго въ Кременцѣ, зданія, съ великими издержками возведенныя и устроенныя, все это погибнетъ, если-бы гимназію пришлось перевести въ иное мѣсто. Гдѣ найти новые фонды для того, что-бы съ новою потерею времени начать съизнова то-же дѣло, и зачѣмъ начинать съизнова, когда оно уже сдѣлано, и все идетъ хорошо? Какимъ образомъ могутъ заведенія дойти до какой-либо степени совершенства, если имъ не даютъ времени окрѣпнуть и если измѣняютъ ихъ устройство, какъ только они начинаютъ процвѣтать?

В. В-во можете быть увѣрены, что какъ только Вы захотите перевести Кременецкую гимназію въ иное мѣсто, или отъимете у нея ея теперешняго начальника, это заведеніе упадетъ и не будетъ въ силахъ подняться. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, бо̀льшая часть жертвователей возмутъ назадъ свои фонды, присвоенные ими гимназіи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы она была устроена въ Кременцѣ и что-бы распоряженіе ея средствами было ввѣрено г. Чацкому, что̀ прямо и оговорено въ дипломѣ.

Что̀ касается до меня, то не могу скрыть отъ себя, что, безъ малѣйшаго участія попечителя, надъ главною

послѣ университета школою Виленскаго округа было наряжено слѣдствіе; что слѣдственной коммиссіи поручено разсмотрѣть уставъ Кременецкой гимназіи и способъ, коимъ онъ выполняется, что эта коммиссія должна судить о томъ, хорошо ли выбрано мѣсто школы, хорошо-ли въ ней устроено преподаваніе, распорядиться на счетъ полиціи, преподаванія, отчетности—предметовъ, непосредственно подлежащихъ распоряженію и надзору попечителя; предметовъ, которые всѣ были приведены имъ въ устройство, утверждены по его представленію и коими онъ занялся спеціально со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, коихъ они заслуживаютъ; что наконецъ, вслѣдствіе обзора сдѣланнаго мною недавно на мѣстахъ, я отдалъ самый удовлетворительный отчетъ о цвѣтущемъ состояніи этой школы; что этотъ отчетъ, о коемъ упоминали мѣстныя газеты, опровергается и объявляется лишеннымъ всякаго значенія относительно предполаемыхъ мѣръ.

Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, это первый примѣръ коммиссіи такого рода, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, назначенной для того, чтобы ревизовать и преобразовать учебное заведеніе. — Всѣ эти сближенія по необходимости заставляютъ заключить, что Виленскій попечитель имѣлъ несчастіе лишиться довѣрія правительства, и что даже хотѣли дать ему это почувствовать. Позвольте мнѣ, Государь, въ подтвержденіе этого убѣжденія, напомнить вамъ — отмѣну указа о Базиліанахъ и неуспѣхъ, коему подверглись, съ тѣхъ поръ, разные проэкты, относящіеся къ Виленскому округу, которые я осмѣлился представить и которые до сихъ поръ не имѣютъ ни малѣйшаго дѣйствія.

И такъ, при этихъ обстоятельствахъ, полагаю, что поступаю, какъ слѣдуетъ, умоляя В. И. В-во даровать мнѣ полную отставку отъ службы.

В. В-во, быть можетъ, найдете, что я придаю слишкомъ много важности предмету, который вообще считается лишь второстепеннымъ; но Вамъ не безъизвѣстно, что для меня онъ всегда былъ предметомъ первой важности; при томъ, по службѣ, это единственная возложенная на меня дѣятельная обязанность.

Сочетаніе многихъ причинъ, мое здоровье, которое, до сихъ поръ не можетъ поправиться, моя привязанность къ моей семьѣ, ея крайне разстроенныя дѣла, видъ политическихъ обстоятельствъ, коихъ затруднительность всегда меня страшила, давно заставляютъ меня желать удаленія отъ службы. Поступилъ я на нее лишь по личной моей преданности къ В. И. В-ву. Вамъ однимъ хотѣлъ я служить. Чувства, подвинувшія меня къ тому, никогда не измѣнятся. Льщу себя даже надеждою, что и В. И. В-во соблаговолите сохранить ко мнѣ, въ частныхъ сношеніяхъ, долю той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали. Но относительно общественной службы -- дѣло иное; я слишкомъ окончательно и глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ ней я не могу болѣе принести никакой пользы В. И. В-ву. По этому, я долженъ желать возвращенія къ положенію, изъ коего мнѣ никогда не слѣдовало-бы выходить, и Вы довершите, Государь, рядъ милостей, коими Вы меня осыпали, если, не лишая меня оныхъ, Вы соблаговолите даровать мнѣ отставку.

Простите мнѣ, Государь длинноту этого посланія и скуку, которую оно наведетъ на В. И. В-во. Въ те-

ченіи долгихъ лѣтъ, Вы не отказывались читать даже въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ моего сердца. Я не могъ воздержаться отъ того, что-бы не изобразить Вамъ здѣсь мои волненія и мои воззрѣнія со всею тою откровенностію, которая, по неизмѣннымъ моимъ къ Вамъ чувствамъ и долгой привычкѣ, сдѣлалась для меня и потребностію, и долгомъ.

Если, Государь, Вы будете столь милостивы, что снизойдете на мое прошеніе о полной отставкѣ, осмѣлюсь присовокупить къ нему просьбу относительно выбора лица, которое получитъ мѣсто попечителя въ Вильнѣ. Никто не былъ-бы къ тому способнѣе самаго г. Чацкаго. Если онъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, оправдается во взведенныхъ на него обвиненіяхъ, назначеніе его попечителемъ было-бы единственнымъ средствомъ исправить причиненное ему зло. Если-же однако г. Чацкій не удостоится мѣста, на которое онъ имѣетъ полное право въ силу заслугъ своихъ по округу, я-бы предложилъ г. Огинскаго, коимъ В. В-во, повидимому, довольны и къ коему Вы оказали благосклонность.

Уже три мѣсяца тому назадъ, я писалъ къ В. В-ву, умоляя Васъ даровать мнѣ продолженіе моего отпуска. Хотя, до сихъ поръ, я еще не получалъ на этотъ счетъ никакого отвѣта, однако, полагаясь на данное Вами мнѣ слово, я продлилъ мое здѣсь пребываніе и приготовился къ предполагаемому путешествію за границу, которое я хотѣлъ-бы предпринять немедленно. Если-бы В. И. В-во не захотѣли продлить моего отпуска, Вы-бы меня о томъ предупредили, зная, что Ваше обѣщаніе, въ минуту моего отъѣзда, должно было внушить мнѣ величайшую увѣренность въ продолженіи отпуска, и что я долженъ былъ считать оное несомнѣннымъ, прежде даже чѣмъ о томъ получилъ подлинное извѣстіе.

Соблаговолите, Государь, довести до моего свѣдѣнія Ваши рѣшенія, для того что-бы я не впалъ въ вину по незнанію. Снисходя на просьбу, нынѣ повергаемую мною къ стопамъ Вашимъ, В. В-во однимъ почеркомъ пера положите конецъ всѣмъ моимъ безпокойствамъ

Я былъ-бы въ отчаяніи, если-бы эта просьба возбудила неудовольствіе В. И. В-ва. Я, признаюсь въ томъ, былъ печально пораженъ Вашимъ рескриптомъ на счетъ Кременца. Вы сами осудили-бы меня, если-бы я былъ способенъ имъ не встревожиться. Но, Государь, въ эту минуту, соблаговолите не считать мою просьбу за дѣйствіе мгновенной досады, которой я не могъ-бы себѣ простить. Соблаговолите взвѣсить сочетаніе всѣхъ причинъ, изложенныхъ мною выше, и настояніе моихъ родителей о томъ, что-бы я женился, и мое одиночество въ Петербургѣ, и тысячу иныхъ причинъ, извѣстныхъ В. В-ву. Тогда Вы придадите моему шагу его истинную цѣну и увидите въ немъ послѣдствіе множества частныхъ обстоятельствъ, въ сочетаніи съ пріобрѣтеннымъ мною глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что я уже не нуженъ и что я не могу болѣе принести никакой пользы службѣ. Какъ только я буду извѣщенъ о рѣшеніяхъ В. В-ва, кои я предполагаю для меня благопріятными, я выѣду прямо отсюда, что-бы посѣтить Швейцарію и незнакомыя мнѣ части Италіи, и что-бы наконецъ воспользоваться водами и купаніями, въ коихъ я нуждаюсь и коими мнѣ не удалось воспользоваться въ теченіи трехъ лѣтъ. Вотъ уже приблизительно десять дней, какъ я вернулся изъ

Варшавы, гдѣ я провелъ три недѣли. Тамъ крайняя бѣдность какъ въ деньгахъ, такъ и вѣстяхъ. Будущность здѣсь совершенно темна, живутъ со дня на день, при большомъ недостаткѣ въ звонкой монетѣ и въ ожиданіи измѣненія къ лучшему: какого и откуда, никому не извѣстно.

Герцогъ Людовикъ Виртембергскій, весьма неосторожно и не слушая ничьихъ совѣтовъ, остановился въ Варшавѣ въ ожиданіи сына, который поѣхалъ провести недѣлю съ своею матерью въ Пулавахъ. Кредиторы герцога собрались, что-бы потребовать уплаты; правосудіе пошло своимъ путемъ и, не смотря на всѣ приложенныя старанія, герцогъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить городъ. Сынъ его уѣхалъ въ Штутгартъ и Дрезденъ, для того что-бы уладить это прискорбное и несчастное дѣло.

Въ заключеніе, не стану говорить съ В. И. В-вомъ о чувствахъ, привязывающихъ меня къ Вашей особѣ; этотъ предметъ завлекъ-бы меня слишкомъ далеко, если-бы я хотѣлъ выразиться о немъ такъ, какъ я чувствую, а это письмо уже слишкомъ длинно. Мои чувства остались тѣми-же, какими Вы ихъ знали съ первыхъ временъ, когда я имѣлъ счастіе къ Вамъ приблизиться, и эти чувства на всегда неизгладимы. Остаюсь, и т. д.

X.

Князь А. Чарторыжскій къ Императору.

1810.

Государь, Коммиссія, назначенная для обревизованія Кременецкой гимназіи, только что окончила свое слѣдствіе. Заключенія ея благопріятны для заведенія и почетны для г. Чацкаго. Проэктъ перенесенія гимназіи въ какое либо иное мѣсто, который коммиссія повидимому не хотѣла отвергнуть безусловно, однако-же ею самою признанъ неисполнимымъ. Таковъ онъ и въ самомъ дѣлѣ, и для того, что-бы его осуществить, нужно было-бы сдѣлаться врагомъ и истребителемъ всего, что до сихъ поръ было сдѣлано въ Польскихъ областяхъ на пользу народнаго образованія. Трудъ этотъ вѣроятно будетъ повергнутъ на усмотрѣніе В. И. В-ва. Соблаговолите, Государь, принимая его къ свѣдѣнію, дать свободную волю извѣстнымъ Вашимъ чувствамъ справедливости и благости. Соблаговолите, высказывая ихъ, упрочить превосходное учрежденіе, которое составитъ эпоху въ области, въ коей оно возникло, и вознаградите человѣка добродѣтельнаго, напрасно оклеветаннаго и заслуживающаго со стороны В. В-ва покровительства и поощренія.

Знакъ Вашей благосклонности, Государь, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный, былъ-бы еще драгоцѣннѣе нынѣ, какъ вознагражденіе за вредъ, который хотѣли причинить г. Чацкому въ Вашемъ мнѣніи, и какъ средство изгладить опасенія публики на счетъ заведенія, на которое она сдѣлала столько значительныхъ пожертвованій.

Знаю, до какой степени В. И. В-во обязаны быть бережливымъ на Ваши дары; однакоже, если–бы была возможность помочь г. Чацкому (который разорился, оттого что думалъ только о благѣ созданныхъ имъ заведеній и забывалъ о собственныхъ своихъ дѣлахъ) то теперь была-бы та минута, въ которую этотъ актъ справедливости и публичной благодарности могъ-бы быть совершенъ наибо-

лѣе кстати для правительства. Я говорю справедливости, ибо значительные убытки, понесенные имъ при секвестрѣ его имѣній и конфискаціи Острога, между тѣмъ какъ на немъ осталась тяжесть долговъ, лежащихъ на этомъ имѣніи, уполномочиваютъ меня къ этому выраженію.

Позвольте, Государь, что-бы я тутъ привелъ Вамъ на память дѣло объ едукаціонныхъ фондахъ, такъ давно залежавшееся въ Совѣтѣ. Особое управленіе надъ этими фондами необходимо для того, что-бы они были сохранены, увеличены и употреблены по назначенію. Я доказалъ, въ запискѣ, представленной по этому предмету, что, безъ этого особаго управленія, никогда не будетъ ни порядка, ни прочности въ управленіи этими фондами, ни возможности удовлетворять потребностямъ школъ и производить требуемыя улучшенія. Вся область объ этомъ ходатайствуетъ, Государь; она въ этомъ ищетъ мѣрки расположенія къ ней правительства; землевладѣльцы видятъ въ этомъ гарантію пожертвованій, какъ сдѣланныхъ ихъ предками, такъ и въ недавнее время, и тѣхъ, которыя они еще собираются принести на благо будущихъ поколѣній. Соблаговолите, Государь, уступить сочетанію стольких побужденій, въ коемъ сошлись общественная польза, благотворительность, справедливость и даже политика.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ это дѣло тянется и не приходитъ къ концу. Скоро будетъ годъ тому, какъ я изъ Вильны послалъ министру проэктъ особаго устава для университета, составленный на мѣстѣ, съ большимъ тщаніемъ и вниманіемъ. Другіе предметы, необходимые и полезные, каковы постройка библіотеки, устройство коллегіи для бѣдныхъ студентовъ въ Вильнѣ и въ Кременцѣ, также остаются безъ разрѣшенія.

Никогда не посмѣлъ-бы я утруждать В. В-во этими подробностями, если-бы не опасеніе, что мое отсутствіе повредитъ дѣламъ округа, коего я имѣю честь быть попечителемъ. Это опасеніе заставляетъ меня простирать смѣлость до того, что-бы просить В. В-во принять эти дѣла, если возможно, подъ особое Ваше покровительство, благодѣтельное дѣйствіе коего долго имѣлъ счастіе на себѣ испытывать Дерптскій университетъ.

XI.

Императоръ къ князю А. Чарторыжскому.

Петербургъ, 25 Декабря 1810.

Я получилъ Ваше письмо отъ 15 (27) Ноября, любезный другъ, и не скрою отъ Васъ, что оно очень меня огорчило. Вы хотите прервать единственную оффиціальную связь, существующую между нами, и послѣ пятнадцатилѣтней близости, которой не могли измѣнить никакія обстоятельства, мы сдѣлаемся другъ другу чуждыми, если не по чувствамъ, то по служебнымъ отношеніямъ. Вотъ мысль, къ которой мнѣ трудно привыкнуть, въ особенности въ моментъ, когда, какъ я думалъ, наша близость и наши отношенія примутъ размѣры, имъ подобающіе. Но не хочу смѣшивать предметовъ и предоставляю себѣ поговорить съ Вами объ этомъ ниже. Хочу сперва покончить съ этимъ несчастнымъ дѣломъ о гимназіи. Никогда не имѣлъ я ни малѣйшаго намѣренія причинить Вамъ огорченіе, и Вы взглянули на все дѣло съ точки

зрѣнія совершенно несогласной съ истиннымъ его смысломъ. Ваши соотечественники одни подали поводъ ко всему этому дѣлу, жалуясь на то, что мѣстность Кременца дурно выбрана для гимназіи, что близость Австрійской границы слишкомъ облегчаетъ студентамъ побѣги и другія шалости. Между этими лицами находились и предводители дворянства, и всѣ просили, что-бы пункты, на которые они жалуются, подверглись разсмотрѣнію. Лишь послѣ неоднократныхъ прошеній такого рода была назначена эта коммиссія.

Впрочемъ я былъ далекъ отъ мысли о какомъ-либо перемѣщеніи или измѣненіи въ организаціи гимназіи, и мое намѣреніе было, по полученіи донесенія комиссіи, не приступать ни къ чему, не посовѣтовавшись съ Вами. И такъ Вы видите, что все это дѣло не стоило того, что-бы Вы огорчились и приняли рѣшеніе, которое кажется мнѣ столь мало сообразнымъ съ обстоятельствами минуты. Вотъ мы и дошли до предмета, коего я коснулся выше.

Настоящія обстоятельства кажутся мнѣ весьма важными. Мнѣ кажется, что пришла минута доказать Полякамъ, что Россія не есть ихъ врагъ, но скорѣе ихъ истинный, естественный другъ; что, не смотря на то, что имъ представляютъ Россію, какъ единственное препятствіе, существующее къ возстановленію Польши, нѣтъ напротивъ невѣроятности въ томъ, чтобы именно она-то его не осуществила. То что я Вамъ говорю, быть можетъ, удивитъ Васъ; но повторяю, ничто не можетъ быть вѣроятнѣе, и обстоятельства кажутся мнѣ изъ самыхъ благопріятныхъ для развитія мысли, которая прежде была моею любимою мыслію, которую я два раза долженъ былъ отстрочить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но которая тѣмъ не менѣе запала мнѣ въ душу. Никогда не представлялось къ тому болѣе удобной минуты; но, прежде чѣмъ пойти далѣе, я хотѣлъ-бы, что-бы Вы отвѣчали мнѣ по пунктамъ, съ величайшею подробностью, на вопросы, которые считаю нужнымъ предложить Вамъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію моего плана.

1-е. Имѣете-ли Вы достаточно вѣрныя данныя на счетъ настроенія умовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и въ этомъ случаѣ,

2-е. Имѣете ли Вы основаніе думать, что Варшавцы схватятся съ жадностію за всякую *увѣренность* (говорю не *вѣроятность*, а увѣренность) своего возрожденія.

3-е. Схватятся-ли они за нее, откуда-бы она ни пришла и присоединятся-ли они ко всякой державѣ, безъ разбора, которая захотѣла-бы войти въ ихъ интересы съ искреннимъ сочувствіемъ? Само собою разумѣется, что провозглашеніе ихъ возстановленія будетъ предшествовать ихъ соединенію и докажетъ искренность принятаго относительно ихъ образа дѣйствій, или

4-е. Имѣете-ли Вы скорѣе поводъ предполагать, что существуютъ разныя партія, и что, поэтому

5-е. Нельзя расчитывать на соединеніе всѣхъ воль для того, что-бы поспѣшно схватиться за первый случай, который имъ представится къ возстановленію Польши?

6-е. Каковы эти партіи? Равно-ли онѣ значительны, и кто лица, которыхъ можно считать ихъ главами?

7-е. Эти партіи существуютъ-ли также въ арміи, или сію послѣднюю слѣдуетъ считать болѣе единою по мнѣніямъ и по чувствамъ?

8-е. Какое лицо, между военными, имѣетъ наибольшее вліяніе на мнѣнія въ арміи?

Таковы важнѣйшіе изъ вопросовъ, которые считаю нужнымъ предложить Вамъ въ эту минуту. Какъ только я получу Ваши отвѣты, я еще болѣе откроюсь передъ Вами.

Что̀ касается до этого письма, то если Вы подумаете, что оно написано для того, что-бы вліять на умы, и быть распространеннымъ подъ рукою, то Вы совершенно не достигнете цѣли, которую я себѣ поставилъ, и на счетъ его содержанія должна быть соблюдена ненарушимая тайна. Полагаю, что достаточно знаю Ваши ко мнѣ чувства, что-бы съ довѣріемъ положиться на Вашу осторожность. Впрочемъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ долженъ интересовать Васъ, для того что-бы я не былъ увѣренъ въ стараніи, которое Вы приложите къ тому, что-бы не испортить дѣла, которому Ваша родина будетъ обязана своимъ возрожденіемъ, Европа своимъ избавленіемъ, а Вы лично славою и наслажденіемъ, которыя принесетъ Вамъ содѣйствіе оному, чѣмъ Вы докажете, что все Ваше личное поведеніе было послѣдовательно, и что тѣ изъ Вашихъ, которые разсчитывали на Васъ въ прежнее время, не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Если Вы мнѣ поможете, и если свѣдѣнія, которыя Вы сообщите мнѣ, будутъ такого свойства, что подадутъ мнѣ надежду на единодушное содѣйствіе Варшавцевъ, въ особенности арміи, къ возстановленію ихъ родины, отъ куда-бы ни пришла помощь, въ такомъ случаѣ успѣхъ, съ Божіею помощью, не подлежитъ сомнѣнію: ибо онъ основанъ не на надеждѣ найти противовѣсъ талантамъ Наполеона, но единственно на недостаткѣ силъ, коимъ онъ будетъ страдать, въ сочетаніи со всеобщимъ ожесточеніемъ умовъ противъ него во всей Германіи. Прилагаю тутъ небольшой списокъ вспомогательныхъ силъ, коими будутъ располагать обѣ стороны.

Вотъ, что̀ я имѣлъ Вамъ сказать. Обдумайте хладнокровно всю важность моихъ сообщеній. Подобная минута не повторяется; всякая другая комбинація приведетъ лишь къ безконечной борьбѣ, на жизнь и смерть, между Россіею и Франціею, борьбѣ, поприщемъ коей будетъ Ваша несчастная родина. И такъ какъ поддержка, на которую начнутъ разсчитывать Поляки, связана лишь съ личностію Наполеона, который однако не вѣченъ, то въ случаѣ перемѣны личности произошли-бы гибельныя для Польши послѣдствія, между тѣмъ какъ существованіе Вашей родины будетъ упрочено немедленно, когда сочетаніемъ Россіи съ державами, которыя неминуемо къ ней присоединятся, нравственная сила Франціи будетъ опрокинута, и Европа освобождена отъ ея ига. Въ настоящее время прошу Васъ только о слѣдующемъ:

1-е. О подробномъ и быстромъ отвѣтѣ на содержаніе моего письма.

2-е. Если мои мысли кажутся Вамъ заслуживающими вниманія, то быть можетъ Вы могли-бы *вступить въ разговоръ* съ тѣми изъ вліятельныхъ лицъ, съ коими Вы близки и въ коихъ вы признаете истинную привязанность къ родинѣ, *стоящую выше* всякихъ чужеземныхъ вліяній.

Непремѣнно *дѣлать это* лишь съ тѣми лицами, въ содѣйствіи коихъ есть *настоятельная нужда*.

Съ этою цѣлію, Вы могли-бы

1-е. Сказать, безъ особеннаго ударенія, что Вы получили изъ Россіи неограниченный отпускъ, для того что-

бы путешествовать и поправить Ваше здоровье.

2-е. Что это путешествіе Вы совершите лѣтомъ.

3-е Что для необходимыхъ приготовленій Вы ѣдете въ Варшаву. Тамъ Вы лучше можете судить о томъ, на сколько Вы можете направить мнѣніе вліятельныхъ лицъ, принадлежащихъ къ Вашему управленію.

То что я тутъ сообщаю Вамъ, будетъ поважнѣе гимназіи и отставки, которой Вы у меня просите. Вотъ минута, въ которую Вы въ первый разъ можете сослужить Вашей родинѣ дѣйствительную службу. Ожидаю Вашего отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Для того что-бы не возбуждать толковъ, Вы можете послать его въ Пулавы, черезъ нарочнаго въ Брестъ, адресуя его къ Гродненскому губернатору Ланскому, который получитъ приказаніе позаботиться о пересылкѣ всего, что отъ Васъ прибудетъ; или же всякимъ инымъ путемъ, который Вы сочтете наиболѣе вѣрнымъ. Весь Вашъ сердцемъ и душою.

Тысячу привѣтовъ, прошу Васъ, Вашимъ родителямъ и сестрамъ, а также Вашему брату.

Александръ.

Списокъ силъ, которыя могутъ быть въ дѣлѣ.

Съ одной стороны.

100,000 Русскихъ.
50,000 Поляковъ.
50,000 Прусаковъ.
30,000 Датчанъ.

Всего 230 человѣкъ, которые могутъ быть усилены тотчасъ еще 100 тысячами Русскихъ.

Съ другой:

60,000 Французовъ (въ Германіи считаютъ лишь 46,000, но я прикладываю то, что можно извлечь изъ Голландіи и изъ внутренности Франціи.)
30,000 Саксонцевъ
30,000 Баварцевъ
20,000 Виртемберцевъ
15,000 Вестфальцевъ и иныхъ Нѣмецкихъ войскъ.

Всего 155,000 человѣкъ.

Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что примѣру, поданному Поляками, послѣдуютъ Нѣмцы, и тогда останется лишь 60,000 Французовъ. И если Австрія, въ виду выгодъ, которыя ей предложатъ, также обратится противъ Франціи, то это будутъ еще 200,000 человѣкъ лишнихъ противъ Наполеона.

XII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Императору.

18(30) Января 1811.

Государь.

В. И. В-во легко можете себѣ представить, съ какимъ вниманіемъ и съ какимъ живымъ интересомъ я читалъ и перечитывалъ письмо, которое Вы соблаговолили написать мнѣ отъ 25 Декабря и которое дошло до меня безъ всякаго замедленія.

Способъ, коимъ В. И. В-во изволите говорить со мною о Кременецкой гимназіи, закрываетъ мнѣ уста на этотъ счетъ, и я могу себѣ позволить раскрыть ихъ, Государь, лишь для того, что-бы выразить Вамъ, сколь я глубоко тронутъ драгоцѣнными для меня чувствами, кои Вы ко мнѣ выказываете. Мнѣ отрадно, мнѣ сладко думать, что, каковы-бы ни были обстоятельства, въ какомъ-бы я ни находился положеніи, мнѣ не будетъ лучшаго исхода, какъ полагаться всецѣло на Вашу справедливость и Вашу ко мнѣ милость. Но спѣшу перейти къ главному предмету письма В. В-ва.

Позвольте, Государь, что-бы я прежде всего повергъ къ стопамъ Вашимъ глубочайшую мою благодарность за благодѣтельныя Ваши намѣренія относительно моей родины, за благосклонное вниманіе, сохраненное къ ней Вами въ общемъ планѣ Вашихъ политическихъ соображеній и за особый знакъ довѣрія, коего Вы благоволили удостоить меня при этомъ случаѣ. Постараюсь заслужить его, исполняя приказанія В. И. В-ва со всѣмъ усердіемъ, со всею осмотрительностію, на которыя я способенъ, и столь хорошо, какъ то позволятъ обстоятельства. Сознаю, Государь, всю важность настоящей минуты и сознаю въ особенности, что проэкты, по видимому, занимающіе В. В-во, если они осуществятся, будутъ имѣть для Россіи, для всей Европы, величайшія и рѣшительныя послѣдствія, еще болѣе важныя для несчастной моей родины, для всѣхъ ея жителей вообще и для каждаго въ частности. В. И. В-во въ письмѣ своемъ, столь-же хорошо написанномъ, какъ и придуманномъ, уже столь мудро разобрали общій вопросъ, насъ занимающій, что считаю безполезнымъ къ нему возвращаться и, что-бы не терять времени, я тотчасъ приступлю къ отвѣтамъ на отдѣльные вопросы, предложенные мнѣ В. В-вомъ, которые постановлены съ замѣчательною ясностію и предусмотрительностію. Отвѣтъ мой, какъ основательно предвидѣли В. В-во, можетъ въ настоящую минуту быть лишь предварительнымъ.

По наблюденіямъ, которыя я могъ произвести въ здѣшней мѣстности надъ общественнымъ настроеніемъ, я заключаю, что въ арміи и между жителями герцогства Варшавскаго господствуетъ единодушіе въ намѣреніяхъ и въ цѣляхъ. Единственное ихъ желаніе, единственная ихъ цѣль есть возстановленіе Польши, соединеніе всѣхъ ея частей воедино, подъ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ. Разности въ мнѣніяхъ относительно степени довѣрія, которую можно возложить на того или другаго генерала, на то или другое выдающееся лицо, относительно степени его талантовъ и патріотизма, не могутъ носить имени партій, и эти оттѣнки изгладились-бы или имѣли вліяніе лишь весьма второстепенное, если-бы дѣло пошло о важныхъ отечественныхъ интересахъ. — И такъ, единодушіе есть; но задача состоитъ въ томъ, что-бы убѣдить всѣхъ, что спасеніе страны, что осуществленіе выгодъ болѣе значительныхъ, болѣе прочныхъ, болѣе обезпеченныхъ, требуютъ совершеннаго измѣненія въ образѣ дѣйствій и отказа отъ единственной поддержки, которую до сихъ поръ имѣло герцогство.

За увѣренность въ возстановленіи Польши, какъ мнѣ кажется, схватились-бы съ благодарностію, откуда-бы она ни пришла, только-бы эта увѣренность была дѣйствительная: хочу сказать, только-бы способъ, коимъ она была-бы предложена и подготовлена, осуществилъ надежды болѣе обширныя, внушилъ болѣе довѣрія и обезпеченій въ успѣхѣ, чѣмъ представляетъ ихъ (по крайней мѣрѣ во мнѣніи жителей герцогства) ихъ связь съ Франціею. — Считаю прежде всего долгомъ упомянуть о затрудненіяхъ, которыя я усматриваю въ исполненіи плана В. И. В-ва, въ быстромъ возбужденіи въ средѣ правительства, арміи и жителей того полнаго убѣжденія, о которомъ я упомянулъ; ибо мнѣ кажется, что въ этомъ заключается узелъ вопроса.

Какъ-бы ни были справедливы жалобы, которыя могутъ формулировать противъ Наполеона Поляки, онъ однакоже успѣлъ увѣрить, что лишь безусловная невозможность, а не недостатокъ въ доброй волѣ, помѣшала ему повести далѣе дѣло ихъ возрожденія, что гласныя и дипломатическія заявленія, противныя ихъ надеждамъ, были сдѣланы имъ лишь для того, что-бы лучше скрыть свою игру, но что при первомъ разрывѣ съ Россіею, Польша неминуемо возродится. Къ этой увѣренности присоединяется чувство благодарности за то, что̀ Наполеонъ сдѣлалъ до сихъ поръ; за ту долю самостоятельности, которую онъ создалъ, которая хотя и непрочна, если ничѣмъ не будетъ дополнена, однако считается первымъ и весьма важнымъ шагомъ. И такъ, нужно ожидать, что, по чувствамъ чести и благодарности, люди, быть можетъ и самые благомыслящіе и честные, усумнятся обратить противъ Наполеона средства, имъ-же дарованныя, и покинуть его въ ту минуту, когда онъ всего болѣе будетъ расчитывать на содѣйствіе Варшавскаго герцогства. Присовокупимъ къ этому братство по оружію, установившееся между Французскими и Польскими войсками (между ними находится много лицъ всѣхъ чиновъ, бывавшихъ вмѣстѣ на войнѣ); далѣе, мысль, что Французы суть друзья Поляковъ, и что Русскіе напротивъ того суть злѣйшіе ихъ враги, какъ по политикѣ, такъ и по личной ненависти, —мысль, слишкомъ укоренившуюся, слишкомъ распространенную, что-бы не произвести въ арміи подобныя чувства, которыя могли быть лишь усилены событіями послѣдней войны и тѣми, которыя совершились съ тѣхъ поръ.

Мнѣ приходитъ въ голову другое затрудненіе: это гвардія и 20, 000 человѣкъ Польскаго войска въ Испаніи, гдѣ каждый имѣетъ или родственниковъ, или друзей, которыхъ побоятся принести въ жертву гнѣву Наполеона. Постоянно ожидая войны съ Россіею, много лицъ, даже изъ первыхъ семействъ, рѣшились послать своихъ дѣтей въ Парижъ, для того что-бы они воспитывались въ мѣстѣ, почитающемся самымъ безопаснымъ въ Европѣ, и въ которомъ воспитаніе молодаго человѣка всего менѣе можетъ подвергаться перерывамъ. Все это—заложники въ рукахъ Наполеона. Наконецъ послѣднее и самое сильное затрудненіе заключается въ высокихъ талантахъ Наполеона и въ томъ понятіи, которое о нихъ составилось. Такъ какъ онъ до сихъ поръ постоянно находилъ въ своемъ геніи средства для того, что-бы побѣдоносно выпутываться изо всѣхъ ложныхъ положеній, въ которыя онъ себя ставилъ, то всѣ убѣждены, что такъ будетъ и всегда, и что какъ-бы ни казались несчастны обстоятельства, но онъ все таки кончитъ тѣмъ, что возметъ надъ ними верхъ.

Вотъ главныя затрудненія, которыя, какъ мнѣ кажется, должно встрѣтить осуществленіе плана В. В-ва. Эти затрудненія, Государь, произошли не отъ какого-либо пристрастія, отъ коего свободна масса населенія, но скорѣе были слѣдствіемъ чувствъ чести и самосохраненія, которыя Ваше В-во (даже если эти чувства окажутся въ противорѣчіи съ Вашими видами) признаете уважительными и благоразумными. Для того, что-бы побѣдить подобныя трудности, нужно было-бы привести въ дѣйствіе весьма сильныя побужденія и средства. Перейду къ быстрому обзору тѣхъ изъ нихъ, которыя представляются моему уму.

Простое сохраненіе тѣхъ преимуществъ, коими уже пользуется герцогство, по всему сказанному, было-бы недостаточно для того, что-бы подвинуть правительство и начальство арміи (за которыми послѣдовали-бы жители и войскà), къ оставленію теперешняго ихъ союзника и покровителя, коему они обязаны существованіемъ и который одинъ до сихъ поръ протянулъ имъ руку и воскресилъ ихъ изъ гроба. Для того, что-бы они могли счесть себя оправдаңными, передъ самими собою и передъ своего родиною, отъ упрека въ легкомысліи и непослѣдовательности, въ вѣроломствѣ и въ неблагодарности, нужно было-бы, повидимому, что-бы государственная необходимость заговорила весьма громко, что-бы благо родины предстало передъ ними непосредственно и несомнѣнно. Конституція, законы и правительство независимые, всѣ должностныя лица изъ туземцевъ и національное войско кажутся мнѣ по этому необходимыми предварительными условіями, ибо все это суть преимущества, коими уже пользуется герцогство, и наиболѣе дорожитъ вся нація. Мысль объ иностранномъ управленіи, которое не имѣетъ ни привязанности, ни доброжелательства къ управляемымъ, всегда обращается съ ними, какъ побѣдитель съ побѣжденными, которое по необходимости надменно и привязчиво, эта мысль изъ всѣхъ самая несносная для Поляковъ, какъ и для всякого другого народа.

И такъ, если-бы желали сверхъ того посулить значительное увеличеніе благосостоянія, которое было-бы признано таковымъ, и правительствомъ и арміею, и всею націею, то мнѣ кажется, что три слѣдующіе пункта были-бы всего способнѣе произвести желаемое дѣйствіе: — 1) Конституція 3-го Мая 1791 года запечатлѣна неизгладимыми чертами въ сердцахъ всѣхъ Поляковъ. Провозгласивъ ее, можно было-бы ожидать объединенія всѣхъ воль, всѣхъ желаній. 2) Соединеніе всего что есть Польша подъ однимъ скипетромъ, для того что-бы положить конецъ тому печальному положенію вещей, при которомъ родственники, братья, люди, которые не могутъ не считать себя согражданами, одно и то-же лицо, когда оно имѣетъ помѣстья въ разныхъ владѣніяхъ, отчуждаются другъ отъ друга и отъ самихъ себя, будучи вынуждены повиноваться разнымъ государямъ, исполнять противорѣчивыя обязанности и, принадлежа къ одному народу, къ одному семейству, однако разлучены болѣе жестоко, чѣмъ если-бы ихъ раздѣляли моря или горы. Повѣрьте, Государь, что подать Полякамъ другихъ странъ надежду на возсоединеніе и на общее обезпеченіе ихъ участи есть средство наиболѣе способное подѣйствовать на настроеніе Поляковъ въ герцогствѣ. 3) Открыть и обезпечить пути для торговли, безъ которой эта страна, при теперешнемъ ея истощеніи, никогда не сможетъ подняться.

Не стану входить въ дальнѣйшія подробности относительно этихъ отдѣльныхъ пунктовъ. Въ настоящую минуту достаточно того, что я указалъ ихъ В. И. В-ву. Когда хочешь результатовъ, надо хотѣть и средствъ, и эти средства могутъ быть дѣйствительны, лишь когда они указаны знаніемъ цѣли, къ коей должны они вести. Тѣ, которые хотятъ извлечь изъ Поляковъ возможную пользу, должны удовлетворить единодушному желанію, которое не перестаетъ одушевлять эту націю и сдѣлалось еще пламеннѣе

отъ ея прошлыхъ несчастій и нѣкоторыхъ недавнихъ успѣховъ. Съ этою націею слѣдуетъ обращаться великодушно и честно; ибо Поляки, при несомнѣнныхъ недостаткахъ, одарены всѣми великими качествами, зависящими отъ сердца и воображенія. Они способны цѣнить и заслуживать самый великодушный образъ дѣйствія. Чѣмъ больше имъ будетъ оказано довѣрія, тѣмъ болѣе можно будетъ на нихъ положиться. Чѣмъ болѣе имъ сдѣлано будетъ добра, тѣмъ способнѣе будутъ они на самопожертвованіе въ пользу своего благодѣтеля. Для того, что-бы привязать къ себѣ Поляковъ, слѣдовало-бы обращаться съ ними, какъ съ націею, отъ которой ожидаешь великихъ, немедленныхъ услугъ и которой въ будущемъ имѣетъ быть ввѣрена защита передовой пограничной линіи Имперіи.

Однимъ словомъ, это дѣло нелегкое. Не полумѣрами, не полупризнаніями можно надѣяться превратить вдругъ, какъ-бы мановеніемъ волшебнаго жезла, недовѣріе и ненависть въ энтузіазмъ и привязанность.

Для того, что-бы достичь результата, столь противуположнаго нынѣшнему положенію вещей, столь противорѣчащему общепринятымъ мнѣніямъ и чувствамъ, вошедшимъ въ привычку, что-бы побѣдить зарѣнія совѣсти, вѣру въ обѣщанія и въ счастіе Наполеона, страхъ передъ его могуществомъ, нужно было-бы вдругъ привести въ дѣйствіе все, что можетъ убѣдить разумъ, тронуть сердце, возбудить воображеніе.

Второй разрядъ побужденій, который могъ-бы увлечь общественное мнѣніе въ герцогствѣ Варшавскомъ, относится къ вѣроятностямъ успѣха. В-у И. В-ву слѣдовало-бы еще дополнить, если возможно, Ваши объясненія на счетъ силъ, которыя могутъ быть приводимы въ дѣйствіе съ обѣихъ сторонъ, на счетъ времени исполненія плана, сообразно съ болѣе точными свѣдѣніями, которыя быть можетъ дойдутъ до Васъ, о расположеніяхъ Европейскихъ націй и кабинетовъ. Если-бы на этотъ счетъ оказался недостатокъ въ свѣдѣніяхъ точныхъ и достовѣрныхъ, то тѣмъ болѣе было-бы нужно, что-бы предложенныя выгоды были достаточно очевидны для покоренія всѣхъ убѣжденій. Лишь великое довѣріе къ искренности В. В-ва, къ Вашимъ намѣреніямъ, обнаруженнымъ Вашими воззваніями и поведеніемъ Вашихъ войскъ, могло-бы уравновѣсить глубокое впечатлѣніе, оставленное событіями и развязкою всѣхъ прошлыхъ войнъ. Не знаю, ошибаюсь-ли я; но мнѣ кажется, что, по странному стеченію обстоятельствъ, рѣшеніе, принятое правительствомъ и арміею герцогства, можетъ сильно повлять на успѣхъ всего предпріятія и значительно измѣнить все положеніе дѣлъ, чѣмъ-бы подтверждалась важность пріобрѣтенія этой союзной силы и умѣстность приложенія необходимыхъ къ тому средствъ.

Ваше В-во были правы, сказавъ, что примѣръ, поданный Поляками въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, можетъ быть рѣшительнымъ, и что ихъ образъ дѣйствій, смотря по направленію, въ коемъ онъ обнаружится, повлечетъ за собою цѣлый рядъ послѣдствій, совершенно различныхъ, и которыя могутъ сдѣлаться весьма затруднительными или весьма благопріятными. Естли-бы увидѣли, что эта нація, которая одна въ Европѣ считается и можетъ быть приверженною къ Наполеону, одна оказывала ему добровольно услуги, налагаемыя имъ

на своихъ данниковъ, наконецъ покидаетъ его какъ человѣка, губящаго самого себя, не исполняющаго своихъ обѣщаній и, изъ чувства самосохраненія, присоединяется къ остальной Европѣ и становится подъ знамя союзниковъ, то это не преминуло-бы произвести глубочайшее впечатлѣніе и въ Германіи и повсюду.

Соблаговолите, кромѣ того, замѣтить, Государь, что въ маленькой таблицѣ обоюдныхъ силъ, приложенной къ Вашему письму, 50, 000 Поляковъ, составляющіе дѣйствительную силу герцогства, именно и даютъ нашей сторонѣ перевѣсъ. Если Вы съ одной стороны отъимете эти 50, 000 человѣкъ и приложите ихъ къ другой, то у союзниковъ въ началѣ будетъ лишь 180, 000 человѣкъ, а у Французовъ ихъ будетъ 205, 000.—Замѣтимъ, сверхъ того, что Силезскія крѣпости заняты Польскими полками.

Такъ какъ надлежитъ коснуться также общей вѣроятности успѣха того плана, который Вы имѣете въ виду, то я на этотъ счетъ, Государь, предложу на Ваше усмотрѣніе слѣдующіе вопросы. — Совершенно-ли увѣрены В. И. В-во, что-бы приближеніе столь важнаго поворота въ Вашемъ образѣ дѣйствій совершенно ускользнуло отъ вниманія г. Коленкура? Такъ какъ онъ имѣетъ всѣ способы видѣть ежедневно В. В-во и окружающія Васъ лица и имѣетъ возможность, такъ сказать, со сцены, на которой онъ дѣйствуетъ, постоянно заглядывать за кулисы, то нужны весьма искусныя предосторожности для того, что-бы скрыть отъ него подобную тайну, тѣмъ болѣе, что военныя приготовленія и движенія войскъ должны ее передъ нимъ обнаружить. Самъ Наполеонъ не находится-ли, быть можетъ, въ такомъ положеніи, что ему желателенъ разрывъ на материкѣ Европы, какъ предлогъ, что-бы вывести свои войска изъ Испаніи и наэлектризовать ихъ надеждою на болѣе легкіе успѣхи? Не притаился-ли онъ, для того что-бы вызвать одинъ изъ такихъ разрывовъ, какіе до сихъ поръ постоянно обращались ему въ пользу?

Высказываю эту мысль на угадъ, не придавая ей опредѣленнаго вѣса: ибо я на этотъ счетъ лишенъ всякихъ данныхъ. Но, признаюсь, мнѣ трудно повѣрить, что, если въ сѣверной Германіи есть 16, 000 Французовъ, изо всей Франціи, со включеніемъ Голландіи, можно бы было ихъ вывести лишь 15, 000. На этотъ счетъ, В. И. В-ву нельзя довольно стараться о пріобрѣтеніи вѣрныхъ свѣдѣній, и если Вы имѣете оныя лишь черезъ Берлинскій кабинетъ, то мой совѣтъ былъ-бы провѣрить ихъ путемъ болѣе надежнымъ; ибо Вамъ извѣстно, Государь, изъ неоднократнаго опыта, что Прусскія извѣстія не всегда очень точны, и что Французы иногда скрываютъ свои силы. Куда дѣлись 115, 000 рекрутовъ недавняго набора? В. В-ву не безъизвѣстно, насколько Франція обладаетъ искусствомъ организовать, почти мгновенно, новыя войска.

По тому понятію, которое я составилъ себѣ о планѣ В. И. В-ва, я представляю себѣ, что, если все пойдетъ хорошо въ началѣ, союзники будутъ имѣть возможность перейти черезъ Одеръ, не обнаживши меча, и даже дойти до Эльбы. Въ этомъ пройдетъ два мѣсяца; но, въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцовъ, Наполеонъ, пробужденный изъ летаргіи, въ которую онъ, повидимому, погруженъ, успѣетъ собрать войско, вывести изъ

Испаніи бо́льшую часть своихъ силъ, и, обычнымъ своимъ способомъ, онъ прибудетъ форсированнымъ маршемъ, съ арміею, которая тогда будетъ равна арміи союзниковъ, на пунктъ имъ выбранный. Эту-то минуту въ особенности нужно предвидѣть и къ ней готовиться, ибо эта минута можетъ все разрушить, какъ это и случалось до сихъ поръ. Я заключаю отсюда, что содѣйствіе Австріи имѣетъ величайшую важность и что, судя по естественному теченію дѣлъ, ея-то содѣйствіе, въ теченіи этихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, рѣшитъ, упрочитъ перевѣсъ дѣйствительный, не мнимый.— Если-же Австрія, по привычкѣ, принятой державами, покидать другъ друга, не выскажется во́ время въ пользу союзниковъ, то это весьма-бы ослабило вѣроятность окончательнаго успѣха. Соблаговолите, Государь, если возможно, установить мои мысли на этотъ счетъ.

Совершенно-ли увѣрены В. В–во въ томъ, что въ Вашемъ распоряженіи съ самаго начала будетъ 100, 000 войска? Я такъ часто видалъ въ Россіи 100, 000 человѣкъ записанныхъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности составлявшихъ, по общимъ отзывамъ, лишь 60, 000! — Совершенно-ли увѣрены В. В-во въ томъ, что, немедленно затѣмъ, можете выставить еще 100, 000 человѣкъ? Въ точности-ли исчислено время переходовъ, возможность отвлечь войска отъ мѣстъ угрожаемыхъ, доставить ихъ во́ время въ назначенныя мѣста? В. И. В-во будетъ имѣть дѣло съ человѣкомъ, въ борьбѣ съ которымъ нельзя ошибиться безнаказанно.—Но что́ еще важнѣе, если этотъ планъ осуществится, будутъ-ли рѣшенія В. В-ва неизмѣнными? Останутся-ли они непоколебимыми, какъ относительно общаго предпріятія, такъ и относительно честнаго, великодушнаго и благосклоннаго обращенія съ цѣлымъ народомъ, который долженъ для Васъ пожертвовать собою?

Простите, Государь, если я увлекся разнообразными заботами, меня волнующими. Я, быть можетъ, удалился отъ главнаго предмета, о коемъ надлежитъ мнѣ вести рѣчь, и я къ нему возвращаюсь. Полагаю, что я отвѣчалъ на главный вопросъ Вашего письма столь удовлетворительно, какъ это мнѣ въ настоящую минуту возможно.—В. В-во еще спрашиваете меня, кто между военными лицо самое выдающееся, то, которое всего болѣе руководствуетъ мнѣніемъ арміи. Это, безъ всякого сомнѣнія, князь Понятовскій. Онъ соединяетъ въ себѣ званія главнокомандующаго арміями и военнаго министра. Сверхъ того, его личный характеръ обезпечиваетъ за нимъ такое вліяніе на его подчиненныхъ, съ коимъ не можетъ поспорить ни одинъ изъ прочихъ военныхъ начальниковъ.

Теперь остается мнѣ отдать В. В-ву отчетъ въ томъ, что́ я намѣренъ дѣлать. Вотъ шесть дней, какъ пріѣхалъ мой секретарь; нужно мнѣ еще пропустить дней пять-шесть, что-бы не возбудить подозрѣній. Тогда я отправлюсь въ Варшаву и, лишь поживши тамъ, получу возможность говорить съ В. В-вомъ съ бо́льшею увѣренностію.—В. В-во изволили разрѣшить мнѣ вступать въ разговоръ обо всемъ этомъ съ лицами, которыя я сочту вліятельными и съ коими имѣю дружескія связи. Мнѣ слишкомъ извѣстна важность тайны, я притомъ слишкомъ заинтересованъ въ ея сохраненіи опасностію, грозящею мнѣ лично и могущею обрушиться и на мое семейство, для

того, что-бы не быть чрезвычайно разборчивымъ въ моемъ выборѣ, чтобы не ограничивать его строго-безусловною необходимостію и что-бы не принимать всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Однакоже мнѣ необходимо прерывать молчаніе, ибо, если я все буду держать про себя, мнѣ нельзя будетъ присовокупить ничего къ гадательнымъ разсужденіямъ моего нынѣшняго письма.

Вотъ все, что̀ я могу сказать въ настоящую минуту; лишь побывавши на мѣстѣ и попытавъ почву, можно будетъ мнѣ шагнуть далѣе. Не скрою того отъ В. В-ва: мнѣ очень жаль, что Вы не сообщили мнѣ съ бо̀льшею полнотою подробностей Вашего плана, хочу сказать, тѣхъ выгодъ, на которыя могутъ расчитывать Поляки, того способа, которымъ осуществится дѣло; ибо въ виду болѣе положительныхъ данныхъ я могъ-бы и отвѣтить Вамъ съ бо̀льшею увѣренностію. Есть комбинаціи, которыя Вы могли предположить, Государь, и относительно коихъ я могъ-бы предъупредить Васъ, что ихъ и предлагать нечего; потому что напередъ можно сказать навѣрное, что предложеніе не будетъ принято. В. В-во, между прочимъ, говорите неопредѣленно о какой-либо державѣ, которая предложитъ Польшѣ ея возстановленіе, не высказывая положительно, что эта держава — Россія. Соблаговолите, Государь, объясниться на этотъ счетъ; но соблаговолите вспомнить, что соединеніе всѣхъ частей Польши есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для покоренія общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ, въ свое время, вспомнить и объ остальной Галиціи. Соблаговолите также, Государь, если найдете это умѣстнымъ, сообщить мнѣ всѣ данныя, могущія увеличить вѣроятность успѣха. Не изъ нескромнаго любопытства желаю я этихъ дальнѣйшихъ разъясненій и прошу В. В-во сообщить ихъ мнѣ какъ можно скорѣе. Быть можетъ, лишь эти подробности могли-бы снабдить меня непобѣдимыми доводами для убѣжденія тѣхъ, которымъ прійдется выбирать между согласіемъ и отказомъ. Во всякомъ случаѣ, лишь ясно выраженныя и обезпеченныя условія могли-бы разсѣять сомнѣнія и быстро привести къ окончательному отвѣту.

Что-бы это дѣло пришло къ счастливому концу, желательно, что-бы все было предвидѣно заранѣе, условлено и обезпечено, что-бы Польша знала положительно, чего можетъ она ждать отъ В. И. В-ва, и что-бы В. В-во, съ Вашей стороны, знали, чего можете Вы требовать отъ Поляковъ, такъ что-бы, во всемъ этомъ, не было ни обмана, ни разочарованія съ той или другой стороны.

Я еще не упоминалъ о королѣ Саксонскомъ. Этого государя уважаютъ и могли-бы его любить, если-бы онъ принималъ болѣе участія въ странѣ и въ ея судьбахъ, и если-бы не были убѣждены въ томъ, что герцогство ввѣрено ему лишь на время. Однако-же и онъ составляетъ препятствіе по тѣмъ обязательствамъ, которыя приняты передъ нимъ. Если-бы представилась возможность предложить ему желательное вознагражденіе и если-бы это предложеніе было сдѣлано съ вѣдома Варшавскаго правительства, или даже при его посредствѣ, то это затрудненіе значительно-бы уменьшилось.

Вообще, для того что бы привлечь умы, слѣдовало-бы придать дѣлу форму самую искреннюю. — Что̀ касается

до меня лично, то, если благодѣтельныя намѣренія В. И. В-ва относительно Польши не смогутъ осуществиться, и если Ваша политика потребуетъ, что-бы Вы отнеслись къ этой странѣ съ суровостію врага, то Вы легко поймете, сколь мало, при этомъ жестокомъ предположеніи, я могу быть Вамъ полезнымъ, и какъ долженъ буду я желать удаленія отъ службы странѣ, даже невольно довершающей гибель моей родины. — Съ другой стороны, если планъ В. В-ва удастся, то мнѣ кажется, что я сослужу лучшую службу общему дѣлу въ качествѣ Поляка, чѣмъ въ качествѣ лица, состоящаго на Русской службѣ.— Такъ какъ В. В-ву извѣстны мои чувства и мое положеніе, а также извѣстно лучше чѣмъ кому либо, какія предстоятъ событія, то умоляю Васъ принять въ соображеніе эти двѣ возможности. — Я забылъ спросить, не намѣрены ли В. В-во, передъ осуществленіемъ Вашего плана, сдѣлать попытку въ пользу общаго мира и убѣдиться, нельзя-ли достигнуть Вашихъ цѣлей безъ войны.

Не могу выразить Вамъ, Государь, что во мнѣ происходитъ, сколько надеждъ и опасеній безпрестанно волнуютъ меня. Какое счастіе было-бы трудиться разомъ для избавленія стольκихъ страждущихъ народовъ, для счастія моей родины и для славы В. В-ва! — Какое счастіе увидѣть сліяніе столь различныхъ интересовъ, которыя судьба, повидимому, хотѣла противопоставить одинъ другому навсегда! Но часто все это кажется мнѣ слишкомъ счастливымъ, слишкомъ прекраснымъ, что-бы быть достижимымъ, и мнѣ сдается, что духъ зла, повидимому, всегда готовый разрушать комбинаціи, слишкомъ счастливыя для человѣчества, разстроитъ и эту,

Посылаю мое письмо, согласно Вашимъ приказаніямъ, къ г. Ланскому. Если мои разсужденія побудятъ В. В-во дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ, то льщу себя надеждою, что Вы соблаговолите сообщить мнѣ вскорѣ Ваши дальнѣйшія приказанія. Я, въ свою очередь, буду ожидать ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. — Въ Брестѣ, надзоръ слишкомъ бдителенъ. В. В-во соблаговолите приказать, что-бы курьеръ, коему будетъ поручено Ваше письмо, доѣхалъ до заставы Рупъ, насупротивъ Влодавы, города въ горцогствѣ, въ десяти миляхъ отъ Бреста вверхъ по Бугу, и что-бы, позвавши г. Завадскаго, судью въ этомъ городѣ, принадлежащемъ моимъ родственникамъ, онъ передалъ ему письмо, адресованное на мое имя. Кромѣ этого пути, предлагаю другой, столь-же вѣрный, ибо хорошо имѣть выборъ и располагать разными средствами: пусть курьеръ доѣдетъ до Устьлуга, и скажетъ цольнеру таможни, Грознову, что-бы онъ послалъ въ Порыцкъ за г. Голембіовскимъ, которому онъ и отдастъ письмо. — Завадскій и Голембіовскій люди вѣрные, и каждый изъ нихъ будетъ предупрежденъ, что-бы онъ препроводилъ пакетъ, путемъ самымъ быстрымъ и самымъ вѣрнымъ, въ Пулавы. Курьеръ не долженъ говорить, что письмо — отъ В. В-ва. Лучше ему быть въ партикулярномъ платьѣ, и нужно, что-бы онъ избѣгалъ всякаго шума. Остаюсь и т. д. *P. S.* Люди, только что пріѣхавшіе изъ Варшавы, сей часъ сказали мнѣ, что тамъ много говорятъ о войнѣ; и что, по извѣстіямъ изъ Россіи, тамъ устраиваются склады; что войска внутри страны приходятъ въ движеніе, и что это здѣсь возбуждаетъ безпокойство.

XIII.

Императоръ къ князю Чарторыжскому.

Петербургъ, 31 Января 1811.

Третьяго дни вечеромъ получилъ я, любезный другъ, ваше интересное письмо отъ 18 (30) Января и спѣшу тотчасъ отвѣчать Вамъ.

Трудности, представляемыя Вами, весьма значительны, сознаюсь въ томъ; но такъ какъ я ихъ по большей части предвидѣлъ, и имѣются въ виду столь важные результаты, то остановиться на полъ-пути было-бы всего хуже.

Вдумываясь старательно въ Ваши письма, я счелъ себя въ правѣ вывести изъ сего относительно Вашихъ воззрѣній слѣдующія главныя заключенія.

1-е. Неувѣренность съ Вашей стороны на счетъ той державы, которою должно совершиться возстановленіе Польши.

2-е. Такая-же неувѣренность въ самомъ свойствѣ этого возрожденія и боязнь, что-бы не воспротивились сліянію воедино всего того, что̀ прежде составляло Польшу.

3-е. Необходимость предложить Полякамъ, для того, что-бы привлечь ихъ на свою сторону, увѣренность въ положеніи вещей лучшемъ, чѣмъ настоящее.

4-е. Боязнь съ Вашей стороны, что-бы силы, которыя хотятъ выставить противъ Наполеона, не оказались недостаточными.

Все это пункты, на которые считаю нужнымъ отвѣчать прежде всего, предоставляя себѣ коснуться остальныхъ въ продолженіи этого письма.

1-е. Держава, о которой я говорилъ, которая хочетъ взять на себя возрожденіе Польши, есть *Россія.*

2-е. Подъ этимъ возрожденіемъ разумѣю соединеніе всего того, что̀ прежде составляло Польшу со включеніемъ Русскихъ областей, за изъятіемъ Бѣлоруссіи, такъ что-бы границами были Двина, Березина и Днѣпръ.

3-е. Чиновники правительства, власти гражданскія, также какъ и армія, должны быть національно-польскіе.

4-е. Не помню хорошо конституціи 3-го Мая; не могу рѣшить ничего, не видавши ея и прошу Васъ ее мнѣ прислать. Во всякомъ случаѣ, предлагается конституція либеральная, которая могла-бы удовлетворить желаніямъ жителей.

5-е. Что-бы доказать искренность моихъ предложеній, всему должно предшествовать провозглашеніе возстановленія Польши, и этимъ дѣломъ должно начаться осуществленіе плана.

6-е. Но эти результаты я предлагаю подъ слѣдующими условіями sine qua non:

1-е. Что-бы Польское королевство навсегда было присоединено къ Россіи, императоръ коей впередъ будетъ носить титулъ императора Россіи и короля Польши.

2-е. Формальное и положительное удостовѣреніе въ единодушіи жителей герцогства относительно достиженія этого результата, которое должно быть скрѣплено подписью лицъ наиболѣе вліятельныхъ.—Теперь я постараюсь ослабить Ваши опасенія касательно недостаточности военныхъ средствъ, которыя могутъ быть пущены въ дѣло.

Армія, которая должна служить опорою Полякамъ и сражаться съ ними, уже совсѣмъ устроена и состоитъ

изъ осьми дивизій пѣхоты, состоящихъ каждая изъ 10,000 человѣкъ, совершенно полныхъ. Это дивизіи №№ 2, 3, 4, 5, 14, 17, 23 и одна гренадерская дивизія. Четыре дивизіи кавалеріи, имѣющія каждая 4000 лошадей. Это дивизіи №№ 1, 2, 3, и 2-ая кирасирская дивизія, что въ цѣломъ составляетъ 96,000 человѣкъ. Сверхъ того, пятнадцать казачьихъ полковъ, состоящихъ изъ 7,500 всадниковъ; всего 106, 500.

Все, что неспособно къ бою, изъ этого счета исключено.

Эта армія будетъ подкрѣплена другою, составленною изъ одиннадцати дивизій пѣхоты, №№ 1, 7, 9, 11, 12, 15, 18, 24, 26, одной дивизіи гренадеровъ и гвардейской дивизіи, и изъ четырехъ дивизій кавалеріи, а именно №№ 4, 5, 1-ой кирасирской и гвардейской кавалерійской.

Сверхъ того, семнадцать казачьихъ полковъ. Всего 134,000 человѣкъ.

Наконецъ, третья армія, составленная изъ резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, состоитъ изъ 45,000 воиновъ, подкрѣпленныхъ 80,000 рекрутовъ, всѣхъ обмундированныхъ и находящихся уже нѣсколько мѣсяцевъ въ ученіи.

Молдавская армія, въ случаѣ нужды, также можетъ отдѣлить нѣсколько дивизій, не лишаясь возможности вести оборонительныя дѣйствія; арміи-же Финляндская и Грузинская, также какъ Крымскій корпусъ, останутся совершенно неприкосновенными.

При этомъ прежде всего представляются два затрудненія:

1-е. Одно затрудненіе представляетъ Галиція относительно Австріи. Необходимо ее щадить и ни въ чемъ съ нею не сталкиваться. Въ этихъ видахъ я рѣшился предложить ей Валахію и Молдавію до Серета, въ обмѣнъ Галиціи. Но необходимо было-бы отсрочить присоединеніе Галиціи до полученія согласія отъ Австріи, что-бы доказать ей, что противъ нея не имѣется враждебныхъ видовъ.

Слѣдственно, Польское королевство будетъ составлено, въ началѣ, изъ герцогства Варшавскаго и изъ Русскихъ областей.

2-е. Вознагражденіе короля Саксонскаго представляетъ второе затрудненіе, съ коимъ мнѣ справиться труднѣе. Впрочемъ, почитаю себя обязаннымъ вознаградить его лишь въ томъ случаѣ, если онъ приметъ мою сторону.

Установивъ эти факты, перехожу къ обсужденію моего предмета.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ старается вызвать Россію на разрывъ, въ надеждѣ, что я сдѣлаю промахъ и на него нападу. Это было бы ошибкою при настоящихъ обстоятельствахъ, и я рѣшился въ нее не впадать. — Но если Поляки захотятъ ко мнѣ присоединиться, все приметъ иной оборотъ. Подкрѣпленный 50 тысячами человѣкъ, которыми я былъ-бы имъ обязанъ, и 50,000 Прусаковъ которые тогда, безъ риску, также могутъ къ намъ присоединиться, и нравственнымъ переворотомъ, который неминуемо отъ того произойдетъ въ Европѣ, я могу достигнуть Одера, не обнаживъ меча.

Согласно съ Вами, полагаю, что тутъ будетъ у мѣста предложеніе мира.—Даже если оно не будетъ принято, и если война должна произойти неминуемо, разсмотримъ внимательно и безпристрастно оба случая и выгоды, проистекающія изъ нихъ для Поляковъ.

Первый случай, въ коемъ я предполагаю Поляковъ приверженными къ Франціи и содѣйствующими ей.

Онъ подраздѣляется на два.

1-е. Такъ какъ Россія рѣшилась не быть нападающею стороною, то очень можетъ быть, что Наполеонъ не захочетъ начинать, по крайней мѣрѣ пока онъ будетъ занятъ дѣлами въ Испаніи, и тамъ будетъ находиться значительная доля его силъ. Тогда дѣла останутся на томъ основаніи, на которомъ они стоятъ теперь, и возрожденіе Польши слѣдовательно будетъ отсрочено на отдаленное и весьма неопредѣленное время.

2-е. Если-же Наполеонъ, напротивъ того, нападетъ на Россію и въ то-же время провозгласитъ возрожденіе Польши, то эта Польша обниметъ лишь герцогство Варшавское: ибо нужно будетъ оторвать отъ насъ Русскія области силою оружія. Между тѣмъ, герцогство Варшавское и Польскія области сдѣлаются поприщемъ войны и всевозможныхъ опустошеній. Такимъ образомъ можно утверждать положительно, что, послѣ подобной войны, каковъ-бы ни былъ ея результатъ, эта Польша будетъ лишь обширною пустынею, а ея жители несчастнѣйшими жертвами послѣдствій этой войны.

Таковъ вѣроятный результатъ возстановленія Польши Франціею.

Второй случай, въ коемъ предполагаю, что Поляки соединены съ Россіею и содѣйствуютъ ей.

Неминуемыя послѣдствія того были-бы слѣдующія:

1-е. Возрожденіе Польши, вмѣсто того, что-бы быть отсроченнымъ, будетъ предшествовать всякому другому событію.

2-е. Возрожденіе это распространится и на Варшавское герцогство, и на присоединенныя къ нему Русскія области, при надеждѣ, довольно положительной, на присоединеніе къ нимъ и Галиціи.

3-е. Театръ войны, вмѣсто того, чтобы находиться въ сердцѣ Польши, будетъ перенесенъ на Одеръ.

Таковы послѣдствія *неминуемыя*, а вотъ послѣдствія вѣроятныя:

1-е. Совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы.

2-е. Весьма замѣтное уменьшеніе въ силахъ Наполеона, и черезъ то, вѣроятность успѣха, ибо Наполеону будетъ весьма трудно вывести свои силы изъ Испаніи, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, ожесточеннымъ противъ него, имѣющимъ болѣе 300,000 сражающихся и который не удовольствуется его отступленіемъ, но проникнетъ во Францію, пользуясь новою войною, которая будетъ на рукахъ у Наполеона.

3-е. Избавленіе отъ ига, подъ которымъ томится Европа.

4-е. Польша, сдѣлавшаяся вновь королевствомъ, государствомъ, связаннымъ съ сильною Имперіею, силы коей, въ собственномъ ея интересѣ, всегда будутъ готовы къ защитѣ Польши.

5-е. Возстановленіе торговли, уничтоженіе нищеты, либеральная конституція, налоги сообразные съ нуждами страны, а не такъ какъ теперь, вымучиваемые единственно для содержанія слишкомъ многочисленнаго войска, вынужденнаго служить честолюбивымъ планамъ Наполеона.

6-е. Наконецъ, даже страхъ, высказываемый Вами относительно 20,000 людей, находящихся на службѣ у Наполеона, не кажется мнѣ основательнымъ, ибо худшее, что могло-бы съ ними случиться, было-бы, что они на время считались бы военноплѣнными. Ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ не въ правѣ-ли мы присовокупить еще, что такъ какъ успѣхи Франціи связаны единственно съ личностію

Наполеона, то если бы его не стало, участіе Франціи къ Польшѣ исчезло-бы вмѣстѣ съ нимъ? Съ другой-же стороны, войны съ Россіею, вслѣдствіе возстановленія Польши Франціею, не имѣли-бы конца и, по смерти Наполеона, лишь повторились-бы съ новою силою. Какой источникъ золъ для несчастнаго человѣчества, для потомства!

Такова картина нашего положенія, въ томъ видѣ, въ какомъ она мнѣ представляется. Вотъ, вкратцѣ, главныя ея черты:

1-е. Пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи Поляковъ, я рѣшился не начинать войны съ Франціею.

2-е. Если этому содѣйствію Поляковъ Россіи суждено осуществиться, нужно, что-бы я получилъ тому *несомнѣнныя* удостовѣренія и доказательства: лишь тогда могу я дѣйствовать вышеизложеннымъ способомъ. И, въ этомъ случаѣ, нужно, что-бы Вы прислали мнѣ всѣ бумаги, для этой цѣли нужныя, каковы прокламаціи, конституція и прочіе необходимые акты. Они могутъ быть изготовлены лишь въ герцогствѣ Варшавскомъ, ибо должны заключать въ себѣ множество подробностей, здѣсь неизвѣстныхъ. Остается мнѣ только сказать о возбужденномъ Вами опасеніи, что-бы Коленкуръ не догадался о тайнѣ, о которой идетъ рѣчь.—Догадаться невозможно, ибо даже канцлеръ ничего не знаетъ о нашей перепискѣ. Вопросъ этотъ не разъ обсуждался между нами; но я не хотѣлъ, что-бы кто нибудь зналъ, что я уже занятъ этими мѣрами. Что касается до военныхъ приготовленій, то я придалъ имъ характеръ оборонительный и вовсе не тайный. Сама Франція подала мнѣ къ тому предлогъ постепеннымъ усиленіемъ своей сѣверной арміи. Я открыто говорилъ объ этомъ съ Коленкуромъ, и Чернышевъ отвезъ въ Парижъ письмо, въ которомъ я даже говорю Императору, что осуществленіе моихъ плановъ требуетъ мѣръ предосторожности, но что я твердо рѣшился держаться своей системы и ни въ какомъ случаѣ не нападать.— Но вотъ въ чемъ я не могу не сознаться. Мнѣніе, что мнѣ слѣдовало-бы принять титулъ короля Польскаго, распространяется въ Петербургѣ. Если, съ одной стороны, это даетъ мнѣ увѣренность, что эта мѣра будетъ принята съ одобреніемъ, то, съ другой, въ настоящую минуту, эти толки болѣе вредны, чѣмъ полезны, и я стараюсь по возможности положить имъ конецъ, утверждая, что дѣло это невозможно и несбыточно.

Я долженъ предъупредить Васъ также, что мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что за вами надзираетъ Парижскій министръ полиціи; и такъ удвойте осторожность и бдительность, даже относительно Вашего окруженія. Назначеніе Биньона на мѣсто Серры есть новое затрудненіе; говорятъ, что онъ очень расторопенъ.

Буду пользоваться, для нашей переписки, путями, указанными Вами, и прилагаю при семъ два подписанныхъ бланка для въѣзда въ наши границы, на случай, если Вамъ понадобится послать мнѣ нарочнаго.

Буду ждать съ величайшимъ нетерпѣніемъ Вашего отвѣта. Весь вашъ сердцемъ и душою, на жизнь.

Тысячу привѣтовъ, прошу Васъ, отъ меня, Вашимъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ.

XIV.

Императоръ къ кн. Чарторыжскому.

С. Петербургъ, 1 Апрѣля 1812.

Не знаю, любезный другъ, догадались-ли Вы о причинѣ моего молчанія.

Ваши предъидущія письма оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ, для того что-бы я могъ дѣйствовать, на что̀ я могъ-бы разумно рѣшиться лишь при нѣкоторой вѣроятности успѣха. И такъ мнѣ по необходимости пришлось выжидать событій и не вызывать моими дѣйствіями борьбы, всю важность и опасности коей я оцѣняю, не думая впрочемъ по этому, что я ея избѣгну.

Къ этому присоединилась еще одна причина: я узналъ, изъ вѣрнаго источника, что слѣдятъ за каждымъ Вашимъ шагомъ, и что вокругъ Васъ устроено самое искусное шпіонство. И такъ, я не хотѣлъ подвергнуть Васъ ни малѣйшей опасности и подумалъ, что, отъ совершеннаго прекращенія сношеній между нами на довольно значительное время, подозрѣнія, питаемыя противъ Васъ, утихнутъ, и что тогда, при еще большей, противъ прежняго осторожности и осмотрительности, намъ можно будетъ возобновить нашу переписку безъ опасности для Васъ.

Дѣло въ томъ, что проэкты, насъ занимавшіе, по вѣроятности-ли своей, которая не могла ускользнуть ни отъ одного мыслящаго человѣка, или по нескромности нѣкоторыхъ изъ Вашихъ соотечественниковъ, съ добрымъ намѣреніемъ разгласившихъ собственныя свои предположенія, что эти проэкты пріобрѣли гласность, весьма невыгодную для ихъ осуществленія, такъ что о нихъ заговорили даже въ Дрезденѣ и въ Парижѣ. Всѣ эти соображенія заставили меня хранить это долгое молчаніе; но ни участіе къ идеямъ, насъ занимавшимъ, ни рѣшимость приложить ихъ къ дѣлу, какъ только позволятъ обтоятельства, не покидали меня ни на минуту. Прилагаемыя при семъ бумаги убѣдятъ Васъ въ этомъ лучше, чѣмъ все, что̀ я могъ-бы Вамъ сказать.

Разрывъ съ Франціею, повидимому, неизбѣженъ. Цѣль Наполеона состоитъ въ томъ, что-бы уничтожить, или по крайней мѣрѣ унизить, послѣднюю державу, остающуюся въ Европѣ на ногахъ и, желая достигнуть этого, онъ заявляетъ требованія недопустимыя и несогласимыя съ честію Россіи.

1-е. Онъ хочетъ, что-бы всякая торговля съ нейтральными государствами была прекращена. Это значило-бы лишить насъ единственной торговли, которая у насъ осталась.

2-е. Въ то-же время онъ требуетъ, что-бы лишенные всякаго средства вывозить собственные наши продукты, мы бы не полагали никакаго препятствія ввозу Французскихъ предметовъ роскоши, который запрещенъ нами, ибо мы не имѣемъ болѣе средствъ за нихъ платить.

Такъ какъ я никогда не рѣшусь согласиться на подобныя предложенія, то изъ этого вѣроятно воспослѣдуетъ война, несмотря на все то, что̀ сдѣлала Россія, что-бы ея избѣгнуть. Эта война прольетъ потоки крови, и бѣдное человѣчество еще разъ будетъ принесено въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, созданнаго, повидимому, для его несчастія. Вы слишкомъ ясно смотрите на вещи, что-бы не видѣть, сколь мало либеральныя идеи относительно Вашей родины имѣютъ вліяніе на его образъ дѣйствій. Наполеонъ имѣлъ на этотъ счетъ конфиденціяльные разговоры съ посланниками Австрійскимъ и Прусскимъ, и тонъ, которымъ онъ объяснялся съ ними, прекрасно выражаетъ и его характеръ, и малую его привязанность къ Вашимъ соотечественникамъ, на которыхъ онъ

смотритъ лишь какъ на орудія своей ненависти противъ Россіи.

Эта война, отъ которой, какъ мнѣ кажется, я не могу болѣе уклониться, совершенно развязываетъ мнѣ руки относительно Франціи и предоставляетъ мнѣ свободу трудиться надъ любимыми моими планами возрожденія Вашего отечества.

И такъ, теперь дѣло идетъ только о томъ, что-бы опредѣлить образъ дѣйствій самый выгодный для обезпеченія успѣха нашихъ плановъ; и для того, что-бы Вы имѣли болѣе данныхъ для составленія себѣ мнѣнія, считаю полезнымъ сообщить Вамъ нѣсколько указаній о военныхъ дѣйствіяхъ.

Хотя нѣтъ невозможности, что-бы мы могли довести наши войска до Вислы, даже переправить ихъ, и занять Варшаву, однако осторожнѣе было-бы не основывать нашихъ расчетовъ на столь выгодныхъ предположеніяхъ; отсюда вытекаетъ необходимость распорядиться нашими дѣйствіями такъ, что-бы не было надобности расчитывать на средства и на вліяніе, которое доставило-бы намъ обладаніе Варшавою. И такъ центръ дѣйствій нужно будетъ создать въ нашихъ областяхъ.

Изъ этого проистекаетъ нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе коихъ весьма важно.

Какой моментъ всего удобнѣе для того, что-бы провозгласить возрожденіе Польши?

Самый-ли это моментъ разрыва?

Или выгоднѣе подождать, что-бы наши военныя дѣйствія увѣнчались какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ?

Если мы предпочтемъ второе, будетъ-ли полезно, для успѣха нашихъ плановъ, устроить великое княжество Литовское, въ видѣ предварительной мѣры, и дать ему одну изъ двухъ приготовленныхъ конституцій?

Относительно этихъ двухъ существенныхъ вопросовъ прошу я Васъ откровенно высказать Ваше мнѣніе; желаю также, что-бы вы высказались о двухъ приложенныхъ при семъ бумагахъ*) и сказали мнѣ, которую изъ нихъ Вы считаете предпочтительною. Быть можетъ, Вы найдете болѣе полезнымъ слить посылаемые мною два проэкта съ третьимъ, при чемъ прошу Васъ руководствоваться собственнымъ убѣжденіемъ.

Я не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ. Мнѣ кажется, что я уже истощилъ этотъ предметъ въ предъидущихъ моихъ письмахъ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою Русскія войска для того, что-бы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будетъ подвергаться Наполеонъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противуположность тому, коего Вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того, его силу признаютъ, и считаютъ неудачи весьма возможными; но, не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь Имперіи.

Какое-бы дѣйствіе произвело при этихъ обстоятельствахъ присоединеніе Поляковъ! Оно было-бы громадно, и

---

*) Всѣхъ приложеній этихъ не имѣется. *П. Б.*

эта масса Нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно послѣдовала бы ихъ примѣру. Неуже-ли невозможно достигнуть этого великаго результата?

Швеція заключила съ нами оборонительный и наступательный союзъ. Королевскій принцъ горитъ желаніемъ помѣриться съ Наполеономъ, противъ котораго онъ питаетъ старую личную вражду и, слѣдуя примѣру Густава Адольфа, онъ только и желаетъ послужить дѣлу, которое есть дѣло угнетенной Европы.

Вы, который всегда были столь усердны къ этому дѣлу, Вы, не сомнѣваюсь въ томъ, сознаете всѣ громадныя выгоды, которыя принесетъ Европѣ и человѣчеству вообще его успѣхъ и, въ качествѣ Поляка, Вы не можете быть ослѣплены относительна всѣхъ несчастій, коимъ подверглась-бы Ваша родина, если-бы, ставъ подъ знаменемъ Франціи, она дала Россіи право отомстить за все зло, которое бы ей причинила Польша.

Я желаю, что-бы Вы сообщили мнѣ списокъ лицъ, на которыхъ мы могли-бы расчитывать для осуществленія нашихъ плановъ. Было-бы весьма выгодно, если-бы въ ихъ числѣ нашлись военные изъ арміи герцогства.

Сообразуясь съ Вашими совѣтами, я до сихъ поръ поступалъ съ крайнею умѣренностію относительно тѣхъ изъ Вашихъ соотечественниковъ въ нашихъ областяхъ, которые извѣстны своимъ нерасположеніемъ къ Россіи, въ надеждѣ, что эта умѣренность будетъ оцѣнена.

Однако же, она породила мысль, что насъ заставляетъ лицемѣрить передъ ними какой-то страхъ. Было-бы весьма важно опредѣлить образъ дѣйствій, коего слѣдуетъ держаться относительно ихъ, когда начнется война. Отъ этого зависитъ общая безопасность, и я очень желаю, что-бы Вы сообщили мнѣ Ваши мысли на этотъ счетъ.

Прошу Васъ любезный другъ, отправить Вашъ отвѣтъ въ Вильну, черезъ г. Ланскаго, Гродненскаго губернатора или всякимъ инымъ способомъ, который покажется Вамъ наиболѣе вѣрнымъ и быстрымъ. Это письмо доставитъ Вамъ г. Ключинскій.

Замѣчаю, что я не отвѣчалъ на postscriptum Вашего послѣдняго письма отъ 25 Января *): замыселъ привести Наполеона къ тому, что-бы онъ безъ принужденія возстановилъ Польшу и поставилъ ее подъ владычество короля — Императора Россіи, совершенно мечтателенъ. Никогда не согласится онъ на исходъ, столь выгодный для Россіи, въ особенности въ минуту, когда онъ занятъ лишь разрушительными планами, направленными противъ нея. Онъ никогда не сочтетъ услугою со стороны Россіи невозможность, въ коей она находилась, помѣшать ему вторгнуться въ Пруссію, невозможность, происшедшую отъ совершеннаго отсутствія энергіи въ королѣ Прусскомъ, который видѣлъ въ Берлинѣ и въ своемъ дворцѣ всю свою монархію.

Прощайте, любезный другъ. Единому Провидѣнію извѣстенъ исходъ великихъ событій, которыя подготовляются. Мнѣ было-бы весьма отрадно видѣть Васъ въ Вильнѣ (куда я ѣду черезъ три дня) хотя бы на короткое время, въ этотъ столь важный моментъ; но не смѣю предложить Вамъ это, сознавая всю опасность, коей Вы подверглись-бы этою поѣздкою. Руководствуйтесь во всемъ этомъ лишь Вашею осторожностію и вѣрьте, что я остаюсь на жизнь весь Вашъ, сердцемъ и душою.

---

*) Письма этого, какъ и упомянутыхъ на стр. 831-й, въ книгѣ нѣтъ. *П. Б.*

Тысячу привѣтовъ отъ меня всему Вашему семейству, къ коему я питаю искреннюю привязанность.

XV.

Князь Чарторыжскій къ Императору

4 Іюля (22 Іюня) 1812. *)

Съ первой минуты, когда я имѣлъ счастіе приблизиться къ В. И. В-ву, Вамъ стала извѣстна безъ утайки глубокая моя привязанность къ моей родинѣ и, въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, неизмѣнныя мои чувства въ этомъ отношеніи всегда были открыты передъ Вами и даже во многихъ случаяхъ развивались на Вашихъ глазахъ.

Рожденный Полякомъ, воспитанный въ правилахъ самаго чистаго патріотизма, свидѣтель того счастія, которое, въ теченіи слишкомъ краткихъ мгновеній, повидимому улыбнулось моей несчастной родинѣ, я раздѣлилъ восторгъ, въ то время воспламенявшій всѣ сердца, и я сражался, защищая ее въ дѣлѣ на столько же справедливомъ, на сколько оно оказалось несчастнымъ.

Эти впечатлѣнія моей молодости запечатлѣли въ душѣ моей неизгладимыми чертами тѣ обязанности, которыя всякій человѣкъ при рожденіи беретъ на себя относительно своей родины.

Когда В. И. В-во пожелали, что-бы я принялъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ, то я прежде всего просилъ Васъ уволить меня отъ этого, напоминая Вамъ, что, при возможныхъ случайностяхъ будущаго, надежды Польши и всѣмъ извѣстныя мои чувства на этотъ счетъ могутъ стать въ противорѣчіе съ благомъ Вашей службы, и что я долженъ избѣгать столь щекотливаго сплетенія обязанностей.

Когда-же наконецъ я подчинился Вашей волѣ, то эти-же соображенія, эти первостепенныя обязанности были признаны Вами за ограниченіе моихъ служебныхъ обязанностей. Желая слить воедино эти соображенія съ тѣмъ долгомъ, который возложили на меня моя привязанность къ особѣ В. И. В-ва и довѣріе, коимъ Вы меня удостоили, я предложилъ Вамъ, семь лѣтъ тому назадъ, сдѣлать починъ по Польскимъ дѣламъ и обезпечить за собою навсегда сочувствіе и содѣйствіе моихъ соотечественниковъ, связавъ ихъ интересы съ интересами Вашей славы.—Было-бы излишнимъ распространяться тутъ о выгодахъ, которыя принесло-бы принятіе Вами въ то время этого плана. Не стану распространяться о причинахъ, не допустившихъ его осуществленія. Позднѣе было много случаевъ, благопріятныхъ для его исполненія; но имъ дали ускользнуть, не воспользовавшись ими, и съ каждымъ упущеннымъ случаемъ возрастали трудности дѣла.

В. И. В-во имѣли благосклонность снизойти на мои просьбы, и уже лѣтомъ 1806 года позволили мнѣ сложить ту должность, которую Вы соблаговолили поручить мнѣ въ министерствѣ. То что̀ въ началѣ моей служебной карьеры въ Россіи было

*) Для лучшаго пониманія этого письма, надо вспомнить, что вслѣдъ за вторженіемъ Наполеона въ Русскіе предѣлы, Поляки совсѣмъ забыли о томъ, какъ жестоко обольщалъ онъ ихъ. 26 Іюня въ Варшавѣ собрался сеймъ подъ предсѣдательствомъ кн. Адама Казиміра (такъ называемаго отца нашего князя Чарторыжскаго). превозглашено возстановленіе Польскаго королевства и предписано общее ополченіе. Князь Чарторыжскій однако не поѣхалъ въ Варшаву. См. его письмо о томъ къ Матусевичу изъ Сѣнявы отъ 10 Іюня 1812 г. въ въ Р. Арх. 1863 г. *П. Б.*

лишь неопредѣленнымъ безпокойствомъ, становилось основательнымъ опасеніемъ. Оно усиливалось съ каждымъ днемъ слѣдовавшими поочередно событіями, указывавшими на то, чего еще слѣдуетъ ожидать: возникновеніемъ Варшавскаго герцогства, которое всѣми Поляками было признано за ядро ихъ отечества, войною 1809 года, въ которую мои соотечественники двухъ владѣній соединились и выказали безграничную преданность своей общей родинѣ и которая включила въ герцогство всѣхъ лицъ моего семейства и его резиденцію.

Тогда я почувствовалъ, что, во многихъ обстоятельствахъ, я болѣе не имѣю возможности согласовать обязанности, сталкивающіяся между собою, и я предвидѣлъ ту минуту, когда онѣ станутъ между собою въ прямое противорѣчіе.

В. И. В-во часто были свидѣтелемъ моего безпокойства. Ненавидя всякій двусмысленный образъ дѣйствій, неспособный его поддерживать, я искалъ удаленія отъ Петербурга. Я даже ходатайствовалъ, тому скоро два года, о совершенной отставкѣ и имѣлъ смѣлость, Государь, напоминать Вамъ о моей просьбѣ въ двухъ послѣдовательныхъ письмахъ. — В. И. В-во, отказывая мнѣ въ отставкѣ, соблаговолили позволить, что-бы я продолжалъ пребывать въ нѣдрахъ моего семейства, единственномъ убѣжищѣ, которое могло мнѣ приличествовать и оградить меня на время отъ столкновеній, коихъ я опасался.

Событія, непосредственно предшествовавшія настоящему кризису, побудили меня въ послѣднихъ моихъ письмахъ отъ 22 Мая (4 Іюня) и 1 (13) Іюня, повторить мою просьбу о полной отставкѣ, съ настоятельностію, соотвѣтствующею возрастающей затруднительности моего положенія.

Наступила, Государь, минута, когда мои разнообразныя обязанности согласовать стало невозможно. Какъ я ни привязанъ къ моей родинѣ, какъ пламенно я ни желаю ей счастія, но выражаю это убѣжденіе В. И. В-ву со смущеніемъ и съ тяжелымъ сердцемъ.

Какой нибудь выборъ становится необходимымъ. Глубоко чувствую, насколько въ моемъ положеніи такой выборъ тягостенъ и щекотливъ. Однако-же, если уже онъ необходимъ, можетъ-ли онъ быть сомнительнымъ передъ строжайшимъ изъ судилищъ, передъ судилищемъ совѣсти, взвѣшивающимъ и сравнивающимъ всѣ обязанности, и всѣ приговоры коего конечно оцѣнитъ и признаетъ великая душа В. И. В-ва?

Польша торжественно провозглашена генеральною конфедераціею, во главѣ которой стоитъ мой отецъ.— Имя Польши въ его устахъ, однажды произнесенное, для меня рѣшительно. Суровыя мѣры, къ сожалѣнію уже вступившія въ дѣйствіе, бѣдствія, всякаго рода, гибельнаго потока коихъ (боюсь) не остановить даже Вашему великодушію, доведутъ до крайности застарѣлую ненависть между двумя націями, которымъ слѣдовало-бы почитаться сестрами. Кровавая война упрочитъ существованіе моей родины, или наполнитъ ее плачемъ, превратитъ ее въ пустыню, довершитъ ея бѣдствія. Какая бы участь ея ни ожидала, эту участь я долженъ раздѣлить. Уже мое семейство, мои друзья, съ отцомъ моимъ во главѣ, послѣдовали ея призыву. Я одинъ его не послушался. Проникнутый обязанностями, возлагаемыми на меня честью и постоянными милостями В. В-ва, я даже теперь удаляюсь отъ

того поприща, на которомъ должна рѣшиться судьба всего, что̀ привязываетъ меня къ жизни. Отправляюсь для поправленія моего здоровья, на Венгерскія и Богемскія воды. — Но, уѣзжая, я долженъ повторить мои настоятельныя просьбы и еще разъ повергнуть къ стопамъ В. И. В. формальное прошеніе объ отставкѣ. Въ силу 6-ой статьи конфедераціоннаго акта, всѣ Поляки, занимающіе въ Россіи военныя или гражданскія должности, обязаны оставить службу этой державы.

Полагаю, Государь, что я доказалъ Вамъ мою преданность; лучшіе мои годы были посвящены Вамъ. — Пока я былъ въ должности, я служилъ В. В-ву съ самымъ пламеннымъ усердіемъ. Вопрошаемый Вами въ послѣдствіи, я постоянно говорилъ по совѣсти, я не переставалъ говорить полную истину въ такой даже мѣрѣ, что не разъ навлекалъ на себя Ваше неудовольствіе. — Мнѣ нельзя сдѣлать ни одного упрека; ни одно несчастіе, общественное или частное, не будетъ возложено на мою отвѣтственность. Пока было мнѣ возможно, я исполнялъ съ усердіемъ и преданностію мой долгъ, не только относительно особы В. И. В-ва, но также относительно Вашей имперіи. При всякомъ случаѣ, единственнымъ моимъ желаніемъ было исполнять мой долгъ; нынѣ онъ предписываетъ мнѣ развязать узы, связывающія меня съ Россіею.

Повинуясь этому долгу и умоляя В. И. В-во не отказать мнѣ въ полной отставкѣ, мое сердце болѣе чѣмъ когда-либо преисполнено чувствами, привязывающими меня къ Вамъ. Но я не былъ бы способенъ на эти неизмѣнныя чувства, мой образъ дѣйствій до сихъ поръ не былъ-бы безупречнымъ, если-бы теперь я былъ способенъ молчать и забыть мои первѣйшія обязанности.

Соблаговолите, Государь, поставить себя на минуту въ мое положеніе; посудите о томъ, что̀ происходитъ въ моей душѣ, и соблаговолите извѣстить меня о Вашихъ рѣшеніяхъ.

Если мое поведеніе раздражитъ В. И. В-во, то не прошу у Васъ никакого снисхожденія какъ у Государя, коимъ должны руководить одни государственныя соображенія. Прошу Васъ единственно помнить извѣстный Вамъ всегдашній мой образъ мыслей и тѣ побужденія, которыя постоянно мною руководили, и не лишать меня того личнаго расположенія, коимъ я дорожу болѣе всего.

Милости, коими осыпали меня В. В. В-во, никогда не изгладятся изъ моихъ мыслей. — Соблаговолите принять выраженіе преданности, коей положить предѣлы могъ одинъ долгъ.

XVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Карльсбадъ 4 (16) Августа 1812.

Лишенный отвѣта на послѣднее письмо мое отъ прошлаго 4-го Іюля, которое я осмѣлился отправить къ В. В-ву, умоляя Васъ даровать мнѣ полную отставку, о которой я уже просилъ Васъ въ предъидущихъ письмахъ, я нахожу себя вынужденнымъ представить В. В-ву о безусловной необходимости, въ коей я себя увижу (теряя надежду на отвѣтъ) не откладывать далѣе извѣстнаго срока моего приступленія къ Польской конфедераціи.

Этимъ приступленіемъ я объявлю себя Полякомъ и заявлю, что я не отдѣляюсь отъ единодушнаго порыва

всей націи. Это заявленіе, отъ котораго я не могу уклониться.

Будущность до сихъ поръ весьма сомнительна; но что̀ бы ни случилось, единственная надежда націй заключается въ ихъ единодушіи, и что̀ сталось-бы съ личностію, которая, при этихъ обстоятельствахъ, отдѣлилась-бы отъ своей націи и отрѣшилась-бы отъ всякаго отечества?

Вотъ уже третій разъ, въ теченіи довольно краткаго времени, я противлюсь повторяемымъ и съ каждымъ разомъ болѣе настоятельнымъ требованіямъ на этотъ счетъ. Ожидаю, что вскорѣ они еще усилятся. Нѣтъ путешествія, нѣтъ разстоянія, которое могло-бы разъединить меня съ моею родиною. Пытаюсь-ли я отдѣлить особу В. В-ва отъ Русскаго правительства, или вижу себя вынужденнымъ сливать ихъ во едино, мнѣ представляются доводы и побужденія, не могущія не производить на меня глубокаго впечатлѣнія, такъ что отнимается у меня всякая возможность увернуться.

Ни одинъ Полякъ конечно не обязанъ, и съ его стороны было-бы неизвинительнымъ, жертвовать собою для правительства Россіи, которая была главною причиною бѣдствій и разрушенія его родины, и которая (оставленіемъ большей части Польскихъ областей и суровостями, оказанными войсками при ихъ отступленіи) разрѣшила эти области отъ временныхъ узъ, которыя и первоначально были на нихъ несправедливо наложены *). Когда причина этого рода прекращается, тотчасъ прекращается и ея дѣйствіе, и лица пріобрѣтаютъ свободу, какъ только освобождаются области. Всякій свободный человѣкъ, какъ только онъ подалъ въ отставку, считается получившимъ ее. Упорствовать въ ожиданіи формальной отставки, которой Русское правительство быть можетъ никогда не захочетъ дать, это лишь предлогъ для того, что-бы обезпечить себя на случай неудачи и что-бы затѣмъ насладиться безопасно результатами, добытыми усиліями и опасностями всей націи.

Что̀ касается до привязанности, до благодарности, то если эти чувства громко даютъ о себѣ знать съ одной стороны, они не менѣе громко предъявлены и съ другой, когда на нихъ ссылаются столько старинныхъ друзей, глубоко уважаемые родители, нѣжно любимое семейство. Впрочемъ всѣми признано, что личныя чувства, какъ-бы ни были они почтенны, всегда и повсюду должны уступать тѣмъ, которыхъ требуетъ родина.

Вотъ что̀ мнѣ говорятъ и повторяютъ и на что̀ я не знаю, какъ отвѣчать.—Къ этому присовокупляютъ иные доводы, хотя и второстепенные, но имѣющіе свою важность, и о которыхъ я не упомяну, ибо, при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, они бы меня не поколебали.

Вѣрно то, что первыя наши обязанности суть обязанности относительно нашей родины, и что величайшее несчастіе-подвергнуться неуваженію отъ своихъ соотечественниковъ и не имѣть возможности показаться съ открытымъ лицомъ у собственнаго своего очага. Признаюсь, что самая мысль о такомъ несчастіи для меня невыносима и что я не могъ бы взять на себя и роль эмигранта, не имѣющую въ настоящее время ни смысла, ни пользы. И такъ я буду вынужденъ высказаться. Это предписываетъ голосъ самыхъ сильныхъ связей, еще болѣе сильный голосъ долга, и самая

*) Чарторыжскій конечно лучше другихъ зналъ всю лживость такого рода утвержденій. *П. Б.*

строгая необходимость ставитъ мнѣ это въ законъ.

Я льстилъ себя надеждою, что В. И. В-во, зная мое положеніе и мой образъ мыслей, и вслѣдствіе своихъ прежнихъ милостей, удостоите меня нѣсколькихъ словъ отвѣта, прежде чѣмъ я буду доведенъ до этой крайности. Какъ-бы то ни было, я долженъ счесть согласіемъ сіе совершенное молчаніе, и объ этомъ я хотѣлъ представить напередъ В. И В-ву. Какое могу я имѣть иное желаніе, какъ не упускать ничего изъ того, чего требуютъ долгъ и приличіе въ печальномъ положеніи, въ коемъ я нахожусь, и что̀ можетъ даже теперь доказать Вамъ, Государь, тѣ чувства, коими я проникнутъ!

XVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору

Вѣна, 9 Октября 1812.

Такъ какъ я поручилъ лицамъ весьма вѣрнымъ два письма, написанныя мною одно за другимъ къ В. И. В-ву, отъ 22 Іюня (4 Іюля) и 4 (16) Августа сего года, то не могу сомнѣваться въ томъ, что они оба давно до Васъ дошли.—Въ первомъ я умолялъ Васъ, Государь, даровать мнѣ полную отставку, о коей я уже ходатайствовалъ прежде, и я принималъ смѣлость излагать причины, вынуждающія меня повторить лично эту просьбу; во второмъ, я осмѣливался представить В. В-ву, что, при неожиданныхъ обстоятельствахъ минуты и при отсутствіи отвѣта, Ваше молчаніе, Государь, наконецъ сравнится съ согласіемъ. Но я утѣшалъ себя надеждою, что прежде, чѣмъ я буду вынужденъ взглянуть на мое положеніе съ этой точки зрѣнія, Вы соблаговолите извѣстить меня о благопріятномъ рѣшеніи. Я до сихъ поръ не получилъ никакого отвѣта.

Понимаю, что у Вашего В—ва столько заботъ, и Вамъ не до отвѣта. Однако, если Вы не вовсе лишили меня той милости, коей Вы въ прежнее время меня удостоивали, если Вы еще принимаете нѣкоторое во мнѣ участіе, соблаговолите принять въ соображеніе, что вернуться на родину, соединиться съ моимъ семействомъ (не говоря о долгѣ, меня къ тому обязывающемъ) есть единственное счастіе, которое могла-бы представить мнѣ жизнь. Оно было-бы жестоко отравлено, если-бы я могъ насладиться имъ лишь противъ воли В. В-ва или, подвергаясь Вашему гнѣву, былъ вынужденъ удовольствоваться предполагаемымъ и молчаливымъ согласіемъ. Мое желаніе, въ настоящую минуту, заключается въ томъ, чтобы жить спокойно, но уже болѣе не разставаться съ моими. Каковы бы ни были событія, которыя готовитъ намъ будущее, отчего-бы В. В-ву не согласиться на просьбу, которую я снова повергаю на Ваше усмотрѣніе съ живѣйшею и почтительнѣйшею настоятельностію?

Слишкомъ-ли я разсчитывалъ на Вашу великодушную благость, обращаясь къ Вамъ съ этою просьбою? Было ли то притязаніемъ на милость, на которую я не имѣлъ никакого права и которая была-бы слишкомъ большимъ исключеніемъ изъ общихъ правилъ, принятыхъ правительствомъ? Даже въ этомъ случаѣ, я могъ бы привести доводы въ свою пользу и въ пользу соизволенія не въ примѣръ другимъ и придалъ-бы оному невыразимую цѣну по чувствамъ, питаемымъ мною въ теченіи столькихъ лѣтъ.

Съ другой стороны, безусловный отказъ въ столь давно просимомъ увольненіи, отнимая всякую надежду на его полученіе, не даетъ-ли тѣмъ самымъ право считать себя уволеннымъ? Меня увѣряли, что такой отказъ заключается въ письмѣ В. И. В-ва, адресованномъ ко мнѣ. Однако это письмо ко мнѣ не доходило *), и если оно дѣйствительно существуетъ, я ничего не знаю о его содержаніи. Какъ-бы то ни было, если еще пройдетъ шесть недѣль безъ всякого отвѣта отъ В. И. В-ва, чѣмъ могу я объяснить себѣ это продолжительное молчаніе, если не тѣмъ, что В. В-во обо мнѣ забыли, что Вы отнынѣ совершенно равнодушны къ ожидающей меня судьбѣ и что, предавъ меня забвенію, Вы предоставляете мнѣ свободу избрать тотъ образъ дѣйствій, который предпишутъ мнѣ обстоятельства и вытекающія изъ нихъ обязанности? Впрочемъ, даже по истеченіи этого срока, который я продлю на сколько то позволятъ эти обязанности, отвѣтъ отъ Васъ, Государь, будетъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній; благопріятный, онъ будетъ драгоцѣннѣйшимъ изъ Вашихъ благодѣяній: отрицательный, онъ будетъ однимъ изъ несчастій моей жизни.

Когда, лишенный всякихъ средствъ отсрочить шагъ необходимый, я увижу себя вынужденнымъ приступить къ Польской конфедераціи, я стану лишь повторять моимъ соотечественникамъ то что всегда было извѣстно В. И. В-ву о моихъ чувствахъ, то что я поспѣшилъ изложить въ двухъ письмахъ, которыя я осмѣлился написать на Ваше имя. Актъ приступленія, коимъ я признаю себя за Поляка, въ нихъ заключается уже.—Я подумалъ, что прежде всего мнѣ слѣдуетъ вручить его Вамъ, полагаясь на Вашъ справедливый судъ и подвергаясь послѣдствіямъ, могущимъ проистечь изъ этого шага въ минуту, когда вѣроятности военныхъ успѣховъ были крайне шатки.

Мнѣ, въ сущности, нечего было прибавить къ этимъ двумъ письмамъ; но, такъ какъ представился случай написать въ Россію, я не хотѣлъ преминуть напомнить объ ихъ содержаніи В. И. В-ву, и переслать Вамъ эти строки, начертанныя мною съ печалью и безпокойствомъ: таково постоянное мое настроеніе въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. Непрестанный мой страхъ за Вашу особу, Государь, за Вашу безопасность, составляетъ значительную долю всевозможныхъ тревогъ, меня терзающихъ. Поставленный, къ несчастію, между столькими противуположными соображеніями и обязанностями, въ то время, когда одни изъ нихъ по необходимости должны уступить, другія одержать верхъ и, покоряясь послѣднимъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ чувствъ и опасеній, внушаемыхъ мнѣ первыми?

P. S.— Если-бы, Государь, Вамъ пришлось подумать о мирѣ и если-бы Вамъ пришлось покупать его великими жертвами, то не облегчилось-ли бы дѣло (прочнымъ и блестящимъ образомъ) возведеніемъ на Польскій престолъ младшаго изъ Великихъ Князей; не было-бы ли то средствомъ сдѣлать миръ болѣе легкимъ и почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ онъ покажется на первый взглядъ? Полагаю также, что въ эту минуту будетъ легче заключить общій миръ, чѣмъ миръ частный. Въ силу общаго мира, благодѣянія коего, даже если-

*) Полно, такъ ли? Играть въ эту игру слишкомъ выгодно. *П. Б.*

бы онъ былъ кратковременен, былибы неисчислимы для материка Европы, затрудненіе закрытія портовъ упразднилось-бы само собою, а это затрудненіе кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ значительныхъ.

Въ случаѣ, если В. И. В-во соблаговолите удостоить меня отвѣтомъ, умоляю Васъ отправить Ваше письмо г. Беньковскому въ Меджибожь съ приказаніемъ доставить мнѣ его вѣрнымъ путемъ, или же, если есть надежныя сообщенія между Россіею и Вѣною, адресовать его въ этотъ городъ на имя моей тетки, княгини Любомирской, также поручивъ ей доставить мнѣ его черезъ вѣрнаго посредника.

XVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

6 Декабря 1812.

Побѣда, повидимому, рѣшительно увѣнчиваетъ усилія В. И. В-ва. Если Вы вступите побѣдителемъ въ Польшу, вернетесь-ли Вы, Государь, къ Вашимъ стариннымъ планамъ относительно этой страны? Покоряя ее, захочете-ли Вы въ то-же время покорить сердца? Пожелаете-ли Вы также сдѣлать узы, связующія обѣ націи неразрывными, содѣлавъ ихъ произвольными, и установить порядокъ вещей, котораго не могли бы разрушить никакія превратности, потому что онъ осуществитъ желанія и благополучіе покоренной націи?—Если В. В-во не измѣнили Вашихъ намѣреній, соблаговолите извѣстить меня о томъ и сообщить мнѣ Ваши мысли. Присланныя мнѣ бумаги могутъ сдѣлаться полезными, какъ первое основаніе.—Мы, быть можетъ, достигаемъ минуты, когда Ваши воинскіе успѣхи наконецъ позволятъ Вамъ приступить къ осуществленію этого дѣла.—Въ этомъ случаѣ, осмѣлюсь умолять В. В-во извѣстить меня о томъ безъ промедленія. Боюсь, что-бы Австрія и Пруссія, своими внушеніями, не захотѣли отклонить Васъ отъ Вашей мысли.—Между тѣмъ, Вы не обязаны ни къ какимъ уступкамъ передъ этими державами, и тѣ-же соображенія политики, славы, человѣколюбія, которыя заставили Васъ принять этотъ планъ, только и могутъ побудить Васъ привести его въ исполненіе, какъ только Вы къ тому увидите возможность. Обратиться нужно къ генеральной конфедераціи и съ нею условиться.—Это единственный и истинный путь, что-бы прійти прямо къ цѣли, что-бы возвести прочное зданіе, что-бы соединить всѣ умы и всѣ воли. Повторяю, Государь, смотря по событіямъ, которыя проистекутъ изъ военныхъ дѣйствій, сообщите мнѣ Ваши намѣренія на этотъ счетъ, чего Вы желаете, что Вы хотите сдѣлать; ибо, въ этомъ случаѣ я вижу передъ собою возможность послужить моей родинѣ, послужить и Вамъ.

Это не мѣшаетъ мнѣ повторить настоятельно еще разъ мою нижайшую просьбу о полной отставкѣ, съ которою я уже три раза обращался къ В. И. В-ву. Соблаговолите извинить, Государь, форму этого письма; арміи находятся въ такомъ другъ къ другу положеніи, что не смѣю его подписать.

XIX.

Князь Чарторыжскій къ Императору

15 (27) Декабря 1812.

Я отправилъ, 6-го сего мѣсяца, къ В. И. В-ву письмо безъ подписи, ко-

торое вѣроятно до Васъ дошло и копію съ коего я однако здѣсь прилагаю.

Военныя событія приняли оборотъ, повидимому, рѣшительный, и я боюсь, что никто не захочетъ теперь ходатайствовать передъ В. И. В-вомъ объ интересахъ моей родины. Поэтому я рѣшился отправить г. К. съ приложенными при семъ бумагами. Дай Богъ, что-бы онѣ содѣйствовали къ тому, чтобы убѣдить Васъ, Государь!

Опасаюсь, съ одной стороны, внушеній континентальныхъ державъ: онѣ захотятъ отклонить Васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются и которая слишкомъ прекрасна, для того что-бы ее поняли ихъ Кабинеты. Успокоиваетъ меня то, что Англія, въ силу истинныхъ своихъ интересовъ и судя по образу мыслей принца-регента, не можетъ ея не одобрить.— Съ другой стороны, опасаюсь совѣтовъ лицъ, Васъ окружающихъ и которыя, по разнымъ соображеніямъ, быть можетъ отнесутся къ этому плану враждебно, или, ослѣпленныя Вашимъ успѣхомъ, забудутъ, что это —самое выгодное и славное средство его упрочить.

Въ сущности, вся моя надежда возлагается на собственныя Ваши чувства, Государь. Вы болѣе, чѣмъ кто-либо, знакомы съ предметомъ. — И такъ было-бы излишне вступать въ дальнѣйшія подробности и предъусматривать возраженія, что-бы на нихъ отвѣчать.

Не могу себѣ представить, что-бы В. И. В-во, желавши, когда Вы не могли, не желали теперь, когда Вы можете все, чего хотите. Это такія минуты, которыя въ жизни не повторяются.

Если В. И. В-во, въ ту минуту, когда Польская нація ждетъ мести завоевателя, протянете ей руку и предложите ей добровольно то, что̀ для нея было цѣлію борьбы, то это произведетъ дѣйствіе волшебное, ручаюсь Вамъ въ томъ, Государь; оно превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете удивлены и тронуты.

Если-бы Вы разсудили за благо послѣдовать мысли о Великомъ Князѣ Михаилѣ, я-бы взялъ на себя все подписать безъ замедленія и отвѣчалъ-бы за то, что все требуемое Вами будетъ исполнено.

Считаю долгомъ не скрыть отъ В. И. В-ва, что постоянный поводъ къ безпокойству и страху составляетъ для Поляковъ Великій Князь Константинъ, наслѣдникъ Вашего престола. Вотъ почему они предпочли-бы другую вѣтвь Вашего семейства. Дѣйствительно, король Польскій, у котораго будетъ въ распоряженіи 300,000 Русскихъ, какъ только онъ захочетъ не соблюдать законовъ, не исполнять обѣщаній, разрушить то, что̀ было установлено его предшественникомъ, всегда будетъ властенъ это сдѣлать. Такая будущность заставитъ Поляковъ настаивать на правильно устроенной конституціи, хотя, въ сущности, и самыя тщательныя предосторожности этого рода не могутъ оградить ихъ отъ рѣшительнаго насилія, ни даже отъ измѣненій системы и взглядовъ со стороны одного изъ будущихъ государей Россіи.

Каково-бы впрочемъ ни было, Государь, устройство, избранное Вами, на основаніи предложенныхъ мною данныхъ, не думаю, что-бы я ошибся, утверждая, что оно можетъ осуществиться къ полному Вашему удовольствію.

Теперь дѣло В. И. В-ва дать первый толчокъ, объяснить Ваши жела-

нія, указать на средство сговориться; словомъ, кончить дѣло. Полагаю, что я, въ качествѣ Поляка, сдѣлалъ все возможное, что-бы оное подготовить.

Что̀ касается до меня въ особенности, то я, Государь, въ ожиданіи отвѣта съ Вашей стороны, до сихъ поръ отказывался посылать актъ моего формальнаго приступленія къ конфедераціи; однакоже я по чувству присоединился къ ней, приступилъ къ ней всѣми моими желаніями за свою родину, какъ о томъ свидѣтельствуютъ три мои письма на имя В. И. В-ва. Конечно, не въ ту минуту, когда мои соотечественники опасаются, что-бы ихъ прямодушныя намѣренія, ихъ героическія жертвы, ихъ чувствительныя потери не повели къ еще бо̀льшимъ бѣдствіямъ — не тогда, говорю я, когда всѣ надежды моей родины, повидимому, затмѣваются, стану я отступаться и отрѣкаться передъ В. В-вомъ отъ дѣла, священнаго для всякаго Поляка и которое останется таковымъ и справедливымъ, даже если оно не перестанетъ быть несчастнымъ. Если Вы протянете намъ руку, Госадарь, хочу испытать вполнѣ восторгъ моихъ соотечесгвенниковъ; если Вы насъ отвергнете, я раздѣлю ихъ горе и ихъ отчаяніе.

Умоляю снова В. И. В-во даровать мнѣ безусловную отставку, о которой я просилъ гораздо раньше войны, по причинамъ частнымъ; сочетаніе всякаго рода причинъ заставляетъ меня ходатайствовать о ней нынѣ. У В. И. В-ва не можетъ быть поводовъ къ отказу, какой-бы оборотъ Вы ни желали придать дѣламъ.

Однако-же, если нужно что-бы я явился передъ вами, Государь, для защиты интересовъ моей родины, если Вы думаете, что мое присутствіе для нея полезно, то я готовъ предпринять это путешествіе.

В. И. В-во не приблизитесь-ли къ театру событій, что-бы удобнѣе управлять ими? Хотите-ли, Государь, что-бы я открылъ переговоры съ конфедераціею и съ Варшавскимъ правительствомъ, или хотите Вы поручить это кому-либо другому? — Не нашли-бы Вы удобнымъ, что-бы мнѣ поручили они устройство дѣла? Въ такомъ случаѣ, я поспѣшу послать имъ мое приступленіе къ конфедераціи и, снискавъ ихъ довѣріе, я вскорѣ доставлю имъ и Ваше.

Если Ваши намѣренія благопріятны, Государь, соблаговолите сообщить ихъ мнѣ немедленно; но, главное и прежде всего, отдайте Вашимъ генераламъ сообразныя съ тѣмъ приказанія.

Мой совѣтъ состоялъ бы въ томъ, что-бы В. И. В-во тотчасъ дали вашей арміи инструкціи подобныя изложеннымъ въ приложеніи А *), и что-бы въ то-же время доставили мнѣ предварительные пункты, которые, Государь, вы сочтете допустимыми, подписанные Вашею рукою. —Другіе пункты, требующіе дальнѣйшаго обсужденія, могли-бы быть улажены вслѣдъ за этимъ первымъ шагомъ.

Весьма далекій во всѣхъ возможныхъ случаяхъ отъ желанія брать на себя то, чего я не могу исполнить, полагаю, что въ этомъ случаѣ никто лучше меня не съумѣлъ бы сладить дѣло и окончить его быстро, сообразно съ желаніями обѣихъ сторонъ. Соблаговолите только сообщить мнѣ Ваши.— Если В. В-во призовете подателя этого пакета, онъ способенъ отвѣчать на Ваши вопросы и дать объясненія относительно многихъ пунктовъ.

*) Въ книгѣ не имѣется. *И. Б.*

XX.

Императоръ къ князю Чарторыжскому.

Лейпуны, 13-го Января 1813.

Два дня тому назадъ, я получилъ Ваше интересное письмо отъ 15 Декабря 1812 года и копію письма отъ 6-го, со всѣми приложеніями. Г. Ключевскій вручилъ ихъ мнѣ въ Мезельшѣ. Но оригиналъ письма отъ 6-го до сихъ поръ до меня не дошелъ.

Сегодня я получилъ черезъ корпусъ Чичагова бумагу, за подписью *министра внутреннихъ дѣлъ Мостовскаго*, въ конвертѣ, ко мнѣ адресованномъ. Прилагаю съ нея копію. *)

Не теряю ни минуты, что-бы отвѣчать Вамъ, и это письмо послужитъ въ то-же время отвѣтомъ на бумагу г. Мостовскаго.

Предложенія, заключающіяся во всѣхъ этихъ бумагахъ и личныя чувства ко мнѣ, въ нихъ выраженныя, глубоко меня тронули. Успѣхи, коими Провидѣнію угодно было благословить мои усилія и мою настойчивость, нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній относительно Польши. И такъ, пусть опасенія Вашихъ соотечественниковъ успокоятся.—Месть есть чувство, котораго я не знаю, и величайшее для меня наслажденіе—платить добромъ за зло. — Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и обращаться съ Поляками, какъ съ друзьями и братьями.

Хочу говорить съ Вами совершенно откровенно. Для того, что-бы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи, мнѣ придется побѣдить нѣкоторыя трудности, не смотря на блескъ моего теперешняго положенія.

*) Этой копіи тоже нѣтъ. *П. Б.*

Сперва объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. Способъ, которымъ вела себя у насъ Польская армія, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили старинную ненависть.

Во вторыхъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши окончательно бросило-бы Австрію и Пруссію въ объятія Франціи: результатъ, коему воспрепятствовать было-бы весьма важно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже выказываютъ ко мнѣ наилучшее расположеніе.

Эти затрудненія, при осторожности и благоразуміи, будутъ побѣждены. Но что-бы мы этого достигли, нужно, что-бы Вы и Ваши соотечественники мнѣ содѣйствовали. Нужно, что-бы Вы сами помогли мнѣ примирить Русскихъ съ моими планами, и что-бы Вы оправдали всѣмъ извѣстное мое пристрастіе къ Полякамъ и ко всему, что̀ относится къ ихъ любимымъ идеямъ.—Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ. къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды Ваши не будутъ обмануты. По мѣрѣ того, какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, Вы будете убѣждаться, сколь до̀роги мнѣ интересы Вашей родины и на сколько я вѣренъ моимъ стариннымъ идеямъ.—Что̀ касается до формъ, то Вамъ извѣстно, что я всегда предпочиталъ формы либеральныя.

Я долженъ предупредить Васъ однакожъ, и это самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями Русскими, и что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, что-бы онѣ могли быть подъ

владычествомъ иного государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ. Что касается до названія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ ея составъ, то эту трудность побѣдить легко. И такъ, я прошу Васъ, съ своей стороны, сообщить изъ этого письма то, что Вы сочтете приличнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы найдете необходимымъ. Пригласите Вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ Русскимъ добрыя чувства, для того что-бы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мою работу.

Я съ своей стороны, что-бы доказать Полякамъ искренность моихъ намѣреній относительно ихъ, отдалъ своимъ войскамъ приказаніе не занимать Варшавы; но для этого нужно было-бы, что-бы тамъ не осталось никакого иностраннаго войска, и по возможности мало Вашего, и что-бы мы не должны были безпокоиться о лагерѣ, оставленномъ за нами. Пригласите моимъ именемъ членовъ конфедераціи и правительства оставаться спокойно въ Варшавѣ, обѣщая имъ, что они въ этомъ не раскаятся.

Вотъ теперь то, что касается военныхъ операцій. Кромѣ армій, нынѣ находящихся въ походѣ, каждый полкъ во всей арміи уже сформировалъ позади себя 1000 человѣкъ на всякій полкъ инфантеріи и два эскадрона на всякій полкъ кавалеріи, совершенно вооруженные, снабженные лошадьми и резервными артиллерійскими батальонами, которые весною вступятъ въ строй дѣйствующихъ войскъ.—Независимо отъ этой массы резервовъ, наборъ въ 180.000 человѣкъ оканчивается въ эту минуту и послужитъ къ возобновленію резервовъ, какъ только эти послѣдніе войдутъ въ составъ дѣйствующей арміи. Кромѣ того, всѣ ополченія, какъ пѣшія, такъ и конныя и артиллерійскія, различныхъ губерній, будутъ на ногахъ; 75.000 человѣкъ изъ нихъ выступили подъ начальствомъ графа Петра Толстаго, что-бы образовать обсерваціонный корпусъ въ Волыни. Энергія націи превыше всѣхъ похвалъ, и я рѣшился продолжать войну не только въ теченіи нынѣшней зимы, но до общаго мира, такого мира, какого требуетъ безопасность Россіи и Европы.

Что касается до Васъ лично, то я-бы безъ замедленія исполнилъ Вашу просьбу объ отставкѣ, но меня удерживаютъ два соображенія. Одно заключается въ опасеніи, что-бы у Васъ, въ глазахъ толпы, которой нельзя разъяснить истиннаго значенія этого шага, онъ не показался признакомъ того, что мои намѣренія относительно Польши измѣнились; другое въ томъ, что-бы, отрѣшившись отъ Вашихъ отношеній ко мнѣ, Вы бы не приняли личныхъ рѣшеній, которыя произвели-бы самое дурное впечатлѣніе въ Россіи и помѣшали-бы той громадной пользѣ, которую Вы можете принести успѣху моихъ плановъ относительно Вашей родины. Я безусловно раздѣляю Ваше мнѣніе, что Ваше присутствіе тамъ, гдѣ Вы находитесь, несравненно полезнѣе чѣмъ былъ-бы Вашъ пріѣздъ ко мнѣ, несмотря на крайнее мое нетерпѣніе свидѣться съ Вами, въ особенности при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

И такъ вотъ, въ общемъ выводѣ, результаты, которые я могу Вамъ сообщить. Польшѣ и Полякамъ нечего опасаться отъ меня какой-бы то ни было мести. — Мои намѣренія по отношенію къ нимъ все-тѣ же.

Въ доказательство этого, всѣ власти въ герцогствѣ сохранены. Кон-

федерація и правительство приглашаются къ спокойному пребыванію къ Варшавѣ.

Этотъ городъ не будетъ занятъ моими войсками, если только изъ него выступятъ всѣ иностранныя войска, и количество остающихся въ немъ Польскихъ войскъ по возможности будетъ уменьшено.

Всѣ Русскіе генералы получили предписаніе обращаться съ Поляками какъ съ друзьями и братьями.

По мѣрѣ того, какъ успѣхи Русскихъ армій станутъ значительнѣе и полнѣе, станетъ вѣрнѣе и осуществленіе моихъ намѣреній и плановъ относительно Польши. — Воспрепятствовать же ему могутъ лишь военныя неудачи.

И такъ все, что̀ Поляки сдѣлаютъ, что-бы содѣйствовать этимъ успѣхамъ, въ тоже время будетъ содѣйствовать осуществленію ихъ надеждъ.

Но что̀ всего болѣе могло-бы упрочить неразрывную связь между Поляками и мною, это было-бы заключеніе союзнаго трактата, по занятіи страны, между правительствомъ герцогства и мною.—Тогда я сочту себя уполномоченнымъ отъ Россійской имперіи принять на себя священное обязательство не складывать оружія, пока надежды Польши не будутъ осуществлены: ибо этимъ Поляки доказали-бы передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили все свое довѣріе на меня; а моей честности никогда никто не довѣрялся напрасно.

Наконецъ, Вы во всѣхъ отношеніяхъ тотъ посредникъ, который мнѣ всего болѣе по сердцу, вслѣдствіе полнаго моего къ Вамъ довѣрія; моя привязанность принадлежитъ Вамъ безвозвратно.

Александръ.

Краснополь, 3 Января 1813. *)

P. S. — Писаніе этого письма заняло у меня два дня, ибо дѣла арміи и иныя поглотили все мое время.

Такъ какъ мое письмо носитъ на себѣ нѣкоторый оффиціальный характеръ, то не могу отправить его, любезный другъ, не присовокупивъ къ нему этого дружескаго къ Вамъ словечка. Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей относительно Вашей родины, ни моихъ общихъ убѣжденій, и Вы всегда найдете меня таковымъ, какимъ Вы меня знали. Передайте привѣтствія мои Вашимъ родителямъ и Вашимъ любезнымъ сестрамъ.

Если, по исходѣ всѣхъ этихъ событій, я могъ-бы на минуту очутиться въ нѣдрахъ Вашего семейства, это принесло-бы мнѣ безумную радость. Весь Вашъ, сердцемъ и душою.

XXI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

27 Марта (8 Апр.) 1813. Калишъ.

Я только что узналъ о сдачѣ Ченстохова и осмѣливаюсь еще разъ замѣтить В. И. В-ву, что если Вы не отдадите приказаній, что-бы остановили дѣйствія противъ Польскаго корпуса, то дѣла насильственно пріймутъ такой оборотъ, что посылка, которую собираются устроить въ Краковъ и соглашеніе, долженствующее быть ея слѣдствіемъ, либо запоздаютъ, либо сдѣлаются совершенно напрасными. Будетъ казаться, что хотѣли обмануть, что не дѣйствовали съ честными и искренними намѣреніями. Я исхожу отъ предположенія, что В. И. В-во лишь отложили исполненіе Вашихъ намѣреній, которыя неизмѣнны, и что слѣдовательно покуда Вы

*) Стараго стиля? *П. Б.*

желаете избѣгнуть всякой катастрофы, всякого несчастія, всякаго излишняго пролитія крови, и что, лишь не желая встревожить сосѣднія державы, Вы хотите дѣйствовать такъ, что-бы внушить Полякамъ довѣріе, привязанность и дать имъ угадать и предвидѣть счастливую участь, которую Вы имъ готовите. Таковымъ кажется мнѣ Вашъ путь. В. И. В-во совершенно уклонитесь отъ него, если съ одной стороны станутъ усиленно нападать на Поляковъ, между тѣмъ какъ съ другой имъ говорятъ, что съ ними хотятъ покончить полюбовно. Какъ при этомъ могло-бы возникнуть довѣріе? Между словомъ и дѣйствіемъ было-бы столь сильное противорѣчіе!—Разрушеніе Польскаго корпуса доставитъ весьма малыя военныя выгоды; но я счелъ-бы его весьма значительною ошибкою и великимъ политическимъ зломъ.

Невозможность имѣть лошадей еще задерживаетъ меня здѣсь.

P. S. Такъ какъ В. И. В-во не сказали мнѣ ничего о запискѣ, которую я написалъ къ Вамъ наканунѣ Вашего отъѣзда изъ Калиша, то полагаю, что исполняю Ваши намѣренія, подавая княгини Р. надежды на то, что имѣнія ея сына не будутъ конфискованы, и г-жѣ П., что ея племяннику будетъ позволено вернуться къ своему семейству.

XXII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава. 22 Апрѣля (4 Мая) 1813.

Государь.

Здѣсь распространились тревожные слухи о революціи, которая будто-бы должна была вспыхнуть на дняхъ во всей Польшѣ и въ особенности въ Варшавѣ. Предполагаю, что В. И. В-во имѣли объ этомъ свѣдѣнія. Мы всѣ здѣсь увѣряли г. Ланскаго*) въ ложности этихъ слуховъ. Въ мѣрахъ предосторожности, имъ принятыхъ, онъ выказалъ крайнюю умѣренность и кротость, коей, для блага Вашей службы, слѣдовало-бы подражать повсюду. При этомъ случаѣ, какъ и при многихъ другихъ, я не могъ не оцѣнить настоятельной необходимости рѣшительно прекратить положеніе, которое, если оно продлится, останется источникомъ постоянно возрождающихся тревогъ. Поводъ къ нимъ слишкомъ глубоко запечатлѣнъ въ сердцахъ Поляковъ и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Если бы даже онъ могъ быть заглушенъ на время, то принципы, нынѣ проповѣдуемые Нѣмцамъ и во имя коихъ они вооружаются, не могутъ не придать ему новую силу.

Возвращаясь изъ Калиша, я встрѣтилъ въ Неборовѣ князя Антона Радзивила. Я узналъ отъ него подробности, которыя не худо знать В. И. В-ву. Король Прусскій нисколько не противъ существованія Польши. Онъ чувствуетъ необходимость удовлетворить желаніямъ этой націи, которыя онъ признаетъ справедливыми и разумными. Онъ былъ удивленъ тѣмъ, что В. И. В-во еще не сдѣлали ничего окончательнаго для Поляковъ; онъ жаловался на то, что каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ коснуться этого предмета, Вы имѣли видъ смущенный и перемѣняли разговоръ. Онъ уговорилъ князя Антона поѣхать

*) Василія Сергѣевича, временно управлявшаго занятымъ Русскими войсками Варшавскимъ герцогствомъ. Сличи замѣчательное письмо его къ императору Александру Павловичу о Полякахъ въ Р. Архивѣ 1863, стр. 830. *П. Б.*

къ Варшаву, что-бы тамъ разузнать общественное мнѣніе и войти въ сношенія со мною. Наконецъ, Государь, по этимъ даннымъ кажется, что король Прусскій согласится на всякую мѣру, которую В. И. В-во найдете умѣстною въ этомѣ смыслѣ.

Не могли-бы ли оба государя, съ общаго согласія, издать прокламацію къ Полякамъ, какъ они уже издали прокламацію къ Нѣмцамъ? Подпись короля Прусскаго заставила бы замолчать всѣхъ Вашихъ генераловъ и весь Петербургъ. — Эта прокламація еще могла-бы быть изложена въ выраженіяхъ достаточно неопредѣленныхъ, что-бы оставить всѣмъ заинтересованныхъ партіямъ, какія-бы онѣ ни были, всѣмъ воображеніямъ, возможность найти въ ней то, что̀ они захотятъ въ ней искать. Она отняла-бы у наименѣе спокойныхъ умовъ въ Польшѣ возможность къ дѣйствію и, смотря по своему содержанію, могла-бы даже подвинуть армію къ тому, что-бы принять ту или другую сторону. Эти результаты достаточно выгодны, что-бы перевѣсить многія другія соображенія. Для того, что-бы вѣрнѣе ихъ достигнуть, слѣдовало-бы предупредить минуту, когда Наполеонъ можетъ одержать нѣкоторый успѣхъ. Безпокойство объ исходѣ войны именно и есть побужденіе, заставляющее короля Прусскаго сознавать важность мѣры, которая привлекала-бы Поляковъ къ участію въ общей защитѣ.

Вообще, мнѣ кажется, что В. И. В-во преувеличиваете себѣ затрудненія предпріятія со стороны короля Прусскаго; они не существуютъ: напротивъ того, этотъ государь много будетъ содѣйствовать тому, что-бы облегчить затрудненія со стороны Русской арміи, мнѣніе коей всегда будетъ имѣть вліяніе на мнѣніе Петербурга; такимъ образомъ мнѣ кажется, что препятствія сглаживаются. Знаю, что Русскіе офицеры, находящіеся здѣсь, по большей части выражаются въ этомъ смыслѣ по убѣжденію, или что-бы польстить жителей. Князь Антонъ сказалъ мнѣ, что генералъ Витгенштейнъ выразился весьма сильно и не давалъ ему покоя настояніями, что-бы онъ отправился въ главную квартиру ковать желѣзо, ибо теперь минута, когда В. И. В-ву приходится высказаться. Что̀ касается до Австріи, позволила-же она Наполеону создать Польшу и, если-бы В. И. В-во и король Прусскій издали теперь прокламацію къ Полякамъ, то легко было-бы объяснить Австріи, что это дѣлается для того, что-бы успокоить множество возбужденныхъ умовъ въ минуту, когда, со всѣми Вашими силами, Вы удаляетесь отъ Вашихъ границъ. Въ этихъ объясненіяхъ можно дать угадать, что это лишь временная мѣра, и что, оставаясь въ обладаніи страною, три государя могутъ согласиться впослѣдствіи на счетъ того, что̀ съ нею слѣдуетъ дѣлать.

Нѣсколько дней по прибытіи моемъ сюда, были разосланы циркулярныя письма, созывающія депутатовъ въ департаменты. Прежде чѣмъ эти письма дойдутъ по назначенію и чѣмъ депутаты успѣютъ здѣсь собраться, пройдутъ недѣли двѣ. Я весьма огорченъ этою медленностію, впрочемъ неизбѣжною, которою отсрочивается также посылка депутаціи въ главную квартиру и армію. В. И. В-во соблаговолите войти въ причины этого замедленія и не гнѣваться за то на Поляковъ или ходатаевъ за нихъ и за націю.

Необходимость поддерживать общественное мнѣніе въ настроеніи, благопріятномъ В. И. В-ву, не только здѣсь, но также въ Литвѣ и въ Украйнѣ, заставила меня подумать о томъ, не слѣдовало-ли бы также собрать въ Вильнѣ наслѣдственныхъ маршаловъ всякой губерніи, что-бы разузнать о ея нуждахъ, о лежащихъ на ней тягостяхъ и о способахъ ихъ облегчить. Это собраніе, соотвѣтствующее собранію въ герцогствѣ, приняло-бы всякое направленіе, которое захотѣли-бы ему дать, и служило-бы Вашимъ планамъ по мѣрѣ ихъ развитія; покуда, оно поддерживало-бы въ умахъ надежды, которыя отвлекали-бы ихъ отъ всякихъ другихъ мыслей. Все то, что̀ произошло до войны, обѣщанія Поляковъ, побывавшихъ въ Петербургѣ, образъ дѣйствія г. Чичагова—подали столько надеждъ относительно Вашихъ намѣреній, что почти несомнѣннымъ казалось, что Вами будетъ издана прокламація, сперва въ Минскѣ, потомъ въ Вильвѣ. Когда-же обманулись въ этомъ ожиданіи, то разочарованіе и недовѣрчивое уныніе замѣнили эти мечты, и было-бы весьма кстати въ этихъ мѣстностяхъ оживить надежды, тѣмъ болѣе, что жители ихъ подвергаются разнымъ злоупотребленіямъ, самымъ чувствительнымъ притѣсненіямъ, и что губернаторы, вмѣсто того что-бы сообразоваться съ Вашими намѣреніями (что-бы слѣдовать примѣру тѣхъ, которыхъ Вы назначили сюда) напротивъ того, усвоили себѣ пріемы самые жесткіе и оскорбительные и нашли умѣстнымъ выказывать преувеличенную и ненужную строгость. Восемь старинныхъ губерній, въ этомъ отношеніи, далеко не пользуются тѣмъ благодѣяніемъ, коимъ Вы осчастливили Варшавское герцогство; положеніе ихъ достойно сожалѣнія и должно было-бы привлечь Ваше вниманіе.

Что касается до мысли, мною предложенной, то если она не осуществима теперь, она можетъ сдѣлаться такавою впослѣдствіи и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ того, чтобы ее приняли во вниманіе. Я сожалѣю, что въ массѣ предметовъ, коими я Вамъ докучалъ, я забылъ о ней упомянуть.—Я также упустилъ попросить Вашихъ приказаній на случай, если-бы я могъ вернуться въ главную квартиру и привезти Вамъ важныя извѣстія, которыя могли-бы вызвать рѣшенія или соображенія и планы, требующіе серьезнаго обсужденія. — Долго-ли еще долженъ продлиться интердиктъ, наложенный на меня В. В-вомъ?

Въ отношеніи физическомъ и нравственномъ, единственная моя потребность есть покой; но я такъ проникнутъ справедливостію дѣла моей родины и его важностію для человѣчества, что совѣсть не позволяетъ мнѣ упустить что̀-бы то ни было изъ могущаго послужить ему въ пользу. Соблаговолите, Государь, просвѣтить меня и сказать мнѣ, что̀ долженъ я дѣлать, и дозволить мнѣ попытку, когда Вы увидите, что мнѣ возможно успѣть и принести нѣкоторую пользу.

Я съ огорченіемъ узналъ, что въ главной квартирѣ издано приказаніе конфисковать имѣнія всѣхъ тѣхъ, которые служили въ Польской арміи. Приказаніе это кажется мнѣ безцѣльнымъ и несправедливымъ: нельзя наказывать людей за то, что они служили своей родинѣ и повиновались велѣніямъ своихъ правителей, признанныхъ таковыми В. В-вомъ. Центральный административый совѣтъ постарался смягчить это приказаніе

въ исполненіи, и я думаю, что г. Ланской донесъ объ этомъ кн. Кутузову. Опасаясь, что-бы маршалъ не рѣшилъ этого дѣла, не представивъ его В. И. В-ву, осмѣливаюсь предупредить Васъ объ этомъ и умоляю Васъ потребовать эти бумаги для пересмотра.

Сознаюсь, что я глубоко огорчаюсь, видя эти противорѣчія тому великодушно-справедливому образу дѣйствій, который до сихъ поръ былъ Вашимъ, лучше коего нельзя было-бы избрать, даже въ видахъ выгоды, и который было-бы столь достоино В. В-ва выдерживать во всей его чистотѣ. Вы убѣдитесь, что въ ту минуту, когда собирается здѣсь нѣкотораго рода представительство, чтобы поднести Вамъ выраженія благодарности и благоговѣнія всей страны, эта мѣра произвела-бы рѣзкій и весьма прискорбный диссонансъ.

Позвольте, Государь, напомнить Вамъ сказанное мною о смѣшанныхъ подданныхъ, которыхъ слѣдовало-бы изъять отъ предписанныхъ Вами мѣръ строгости, ибо имъ было дозволено и никогда не было запрещено служить въ герцогствѣ, въ коемъ имѣли они жительство. Осмѣливаюсь также возобновить мои ходатайства о военноплѣнныхъ; напрасно не различаютъ между вѣтренниками, злонамѣренными и еще худшими людьми, и тѣми, которые ведутъ себя прилично и разумно. Осмѣливаюсь приложить тутъ проэктъ приказа на этотъ счетъ, сообразный съ мѣрами, предложенными мною въ Калишѣ, и который лучше разъяснитъ мои мысли. Этимъ уменьшатся затрудненія, издержки на перевозку и содержаніе, и увеличится число людей и семействъ, которыя благословятъ Ваше человѣколюбіе, и черезъ это не произойдетъ никакого безпокойства или опасности.

Напомню также В. И. В-ву о кн. Лудвигѣ Радзивиллѣ и о г. Альфредѣ Потоцкомъ. В. В-во подали первому надежду на то, что его имѣнія не будутъ конфискованы; второму, на возвращеніе въ нѣдра его семейства.

XXIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 27 Апрѣля 1813.

По отправленіи письма, которое, нѣсколько дней тому назадъ, я имѣлъ счастіе написать къ В. И. В-ву, я получилъ прямыя извѣстія изъ Литвы, между прочимъ отъ г. Васоржецкаго; то, что̀ онъ пишетъ и что̀ подтверждается свидѣтельствомъ лицъ достойныхъ, налагаетъ на меня обязанность распространиться подробнѣе о пунктахъ, коихъ я лишь коснулся въ предъидущемъ моемъ письмѣ.

Тотъ, кто близко знаетъ В. И. В-во, не можетъ допустить ни малѣйшаго подозрѣнія относительно искренности Вашихъ чувствъ, не можетъ питать ни единой минуты опасенія, что-бы, подавъ Полякамъ надежду на болѣе счастливое будущее, Вы не имѣли намѣренія ея осуществить. Но каковы-бы ни были на этотъ счетъ Ваши мысли, проникнуть кои не можетъ публика, очевидно и несомнѣнно, что, въ эту минуту, Ваше намѣреніе состоитъ въ томъ, что-бы льстить Польскую націю, что-бы привлечь ее, не только справедливостію Вашего способа правленія, но знаками великодушія и милосердія, и даже подать ей надежды, что желанія, съ коими она къ Вамъ обращается, могутъ быть исполнены. Въ Вашемъ поло-

женіи государь, руководствующійся лишь политикою и лишенный всякихъ нравственныхъ качествъ, дѣйствовалъ-бы точно такъ же; такова, Государь, принятая Вами система, такова выраженная Вами воля; однако эта столь разумная воля не производитъ дѣйствія; она теряется въ совершенно ошибочномъ, злонамѣренномъ исполненіи; тѣ, которые должны-бы были ее исполнять, противорѣчатъ ей самымъ вопіющимъ образомъ.

Пять губерній Литовскихъ, на мѣсто благодѣяній, коими Вы хотѣли ихъ осыпать, стонутъ подъ управленіемъ жесткимъ, несправедливымъ, произвольнымъ въ степени, еще никогда не бывалой. Никто тамъ, такъ сказать, не увѣренъ въ своей жизни, въ своемъ состояніи, въ своей чести. Первый негодяй, а въ нихъ нигдѣ нѣтъ недостатка, всякій Жидъ, всякій человѣкъ, руководящійся желаніемъ мести или прибыли, можетъ содѣлать несчастіе самаго невиннаго гражданина и его семейства. Система доносовъ тамъ въ полной силѣ; эта система, приводимая какъ одинъ изъ главныхъ источниковъ величайшихъ несчастій Рима, при самыхъ тиранническихъ его императорахъ, можно-ли повѣрить, что-бы она могла существовать въ царствованіе В. И. В-ва? Жадное и слѣпое ожесточеніе, коего не берутъ на себя труда скрывать, оскорбительное презрѣніе, приправленное самою горькою ироніею, составляютъ сущность поведенія Русскихъ чиновниковъ; они усиливаются, всякаго рода придирками увеличить число конфискацій. Словомъ, правительство и всѣ власти, вмѣсто того, что-бы ограждать, защищать жителей, порученныхъ ихъ попеченію, воображаютъ себя назначенными для того, что-бы ихъ мучить, унижать, что-бы ставить имъ ловушки, что-бы обирать ихъ и губить.

Вы не имѣете понятія, Государь, о злѣ, которое дѣлается Вашимъ именемъ: иначе Вы положили-бы ему конецъ. Если мародёры, слѣдовавшіе за Французскою арміею, своимъ поведеніемъ, успѣли лишь помочь В. И. В-ву, то Русскія власти въ Литвѣ, если онѣ будутъ продолжать то-же самое, и если имъ не будетъ положено предѣла, наконецъ принесутъ Вамъ вредъ. Силамъ и покорности тамъ приходитъ конецъ; смертельное отчаяніе овладѣло всѣми жителями, и между тѣмъ какъ до сихъ поръ въ этой странѣ не было никакихъ признаковъ движенія, теперь очень возможно, что дѣло дойдетъ до возмущенія, не по убѣжденію или въ надеждѣ на успѣхъ, но единственно отъ избытка отчаянія и изъ предпочтенія гибели настоящему порядку вещей. Я-бы даже не удивился, если-бы Русскіе чиновники имѣли въ виду эту цѣль, и конечно бо̀льшая часть изъ нихъ порадуется такому гибельному результату, въ надеждѣ, что-бы частные безпорядки усилили несчастіе всей страны и что-бы В. В-во устали защищать ее противъ ихъ притѣсненій и отказались отъ Вашихъ благодѣтельныхъ плановъ.

Впрочемъ, если это страшное дѣйствіе жестокости и произвола должно осуществиться, тому не воспрепятствуетъ никакая строгость, ибо эта послѣдняя уже доведена до крайности. Нужно предупредить зло управленіемъ разумнымъ, справедливымъ, кроткимъ, успокоительнымъ, которое дало бы вздохнуть и ожить.—Русскія войска, проникнутыя тѣмъ-же духомъ, позволяютъ себѣ жестокости и крайности, строго запрещенныя В. И. В-вомъ; усиливаютъ безпорядокъ и

раздраженіе и становятся умѣреннѣе лишь переступивши границу. Все это факты, требующіе самаго серьезнаго вниманія и быстраго врачеванія. Въ В. В-вѣ я, если смѣю такъ выразиться, нахожу лишь одну вину: ту, что Вы не всегда хорошо выбираете людей, и что Вашъ выборъ часто падаетъ на лица, недостатки и неспособность коихъ Вамъ уже извѣстны.

Одна изъ первыхъ причинъ того зла, на которые я указалъ В. И. В-ву, есть г. Эртель. Этотъ человѣкъ, въ коемъ нѣтъ ни души ни здраваго смысла, который какой-то фанатикъ, безъ всякаго понятія о томъ, что̀ справедливо, прилично, необходимо,—въ настоящую минуту властенъ надъ жизнію, надъ благосостояніемъ, надъ добрымъ именемъ всякаго несчастнаго Поляка; злополучна нація, преданная въ такія руки! Онъ властенъ схватить всякое лицо, отослать его куда ему заблагоразсудится, безъ процесса, безъ допроса; ибо что̀ такое допросъ, произведенный г. Эртелемъ? Граждане исчезаютъ изъ нѣдръ своего семейства, и никому неизвѣстно, что̀ съ ними сталось, чѣмъ они провинились; г. Эртель имѣетъ у себя на службѣ множество офицеровъ, разъѣзжающихъ по странѣ, что-бы приводить къ нему жертвъ, и В. И. В-во легко поймете, что для того, что-бы придать себѣ важности и что-бы угодить своему начальнику, они не стѣсняются въ доносахъ, въ арестахъ, въ ударахъ, которые они раздаютъ, что-бы добиться признанія въ преступленіи. Если-бы на счетъ г. Эртеля были собраны голоса, то это былъ бы одинъ изъ пунктовъ, на счетъ которыхъ между Русскими и Поляками оказалось-бы единогласіе: всѣ бы единодушно подали голосъ противъ него и подтвердили бы начертанное мною изображеніе. Вездѣ, гдѣ онъ былъ въ должности, онъ дѣлалъ лишь зло, и больше, по своей природѣ, онъ ничего и дѣлать не умѣетъ. Такой слуга не достоинъ В. В-ва.

Другая причина плачевнаго состоянія Литвы, о коей не могу умолчать передъ В. И. В-вомъ, это выборъ г. Ловинскаго, губернатора извѣстнаго своею рѣшительною ненавистью къ Полякамъ, которой онъ имѣетъ всѣ случаи и средства удовлетворить. Къ чему В. В-ву употреблять лицъ, которыя дѣлаютъ лишь противное тому, что̀ Вы желаете, извращаютъ, портятъ всякій добрый Вашъ замыселъ, и которые, вмѣсто того, что-бы проникнуться Вашимъ характеромъ и Вашими качествами, уничтожаютъ все ихъ дѣйствіе, либо своими недостатками, либо своею злонамѣренностію?

Князь Корсаковъ, у котораго тысяча хорошихъ качествъ, увлеченъ на тотъ-же путь: онъ не вѣдаетъ, что по нему идти не слѣдуетъ. В. И. В-во не нашли-ли бы умѣстнымъ внушить ему, также какъ и прочимъ генералъ-губернаторомъ, что имъ слѣдуетъ принять образъ дѣйствій примиряющій, справедливый, умѣренный, способный успокоить и привлечь умы, строго подавлять безпорядки, производимые войсками, словомъ, снабдить ихъ инструкціями, подобными тѣмъ, коими В. В-во снабдили г. Ланскаго и генераловъ, командующихъ въ герцогствѣ? Если-бы Литовскіе губернаторы или г. Эртель былъ въ Варшавѣ, то со всѣмъ тѣмъ шумомъ, слухами, доносами, которые смѣнялись здѣсь въ теченіи послѣднихъ дней и которые не имѣли никакого основанія, мы бы увидѣли экзекуціи и волненія, вызванныя преувеличен-

ною и вредною строгостію. Повелите, Государь, что-бы не обращали вниманія на доносы безъ серьезныхъ уликъ, безъ нелицепріятнаго разбора. Никто и не вздумаетъ осуждать наказанія бунтовщика или преступника; но пусть онъ будетъ судимъ честно и гласно. Заставьте засѣдать въ этомъ судилищѣ гражданъ: они первые осудятъ того, кто захотѣлъ-бы нарушить общественное спокойствіе и раздражить доброе сердце В. И. В-ва; но съ другой стороны, нужно, что-бы доносчикъ, которому ни по чемъ слезы и гибель невиннаго, былъ-бы наказанъ съ столь-же примѣрною строгостію. Все что̀ предшествовало амнистіи и что̀ она задернула своимъ покровомъ не можетъ болѣе подать повода ни къ какому розыску или преслѣдованію, ибо амнистія все изгладила.

Права супруговъ и кредиторовъ на имѣнія, находящіяся подъ секвестромъ, о коихъ я говорилъ съ В. И. В-вомъ, и которыя князь Кутузовъ призналъ въ моемъ присутствіи, должны были-бы быть поручены разсмотрѣнію безпристрастной коммиссіи, составленной изъ уважаемыхъ гражданъ. — Такъ какъ всѣ чиновники, по руководствующей ими ненависти, могутъ сдѣлать лишь много зла, и такъ какъ они нетолько себя въ этомъ не упрекаютъ, но еще считаютъ это позволительнымъ и ставятъ себѣ это въ заслугу: то нельзя принять противъ нихъ довольно предосторожностей, если желаешь обезпечить побѣду справедливости; безпрестанно нужно воздвигать преграду противъ ненависти и жадности.

Я узналъ, что В. И. В-во возстановили центральный Виленскій комитетъ для распредѣленія должностей; для того, что-бы онъ принесъ ту пользу, которую онъ можетъ принести, нужно было-бы, что-бы всякая изъ пяти губерній, несущихъ тоже бремя, посылала туда кого-нибудь. Этотъ комитетъ, если-бы ему придали значеніе, если-бы расширили его права, могъ-бы соотвѣтствовать идеѣ, о которой я упомянулъ В. И. В-ву въ предъидущемъ моемъ письмѣ. — Три южныя губерніи находятся въ положеніи, менѣе жалкомъ, потому что судьба избавила ихъ отъ ужаснѣйшихъ бѣдствій войны; но со стороны правителей, и поскольку они могутъ дать себѣ волю, онѣ также сильно страдаютъ. — Комитетъ, подобный Виленскому, былъ-бы для нихъ необходимъ; оба комитета слились-бы въ одинъ въ ту минуту, когда это сочтено будетъ умѣстнымъ.

Напомню В. И. В-у то, что̀ я сказалъ Вамъ о г. Комбурлеѣ, и полагаю, что В. И. В-ву не выгодно поручать управленіе своими народами людямъ, ненавидящимъ и ненавистнымъ во всемъ значеніи этого слова.— Дальнѣйшія подробности были бы излишни въ этомъ письмѣ, уже слишкомъ длинномъ. Дошедшія до меня свѣдѣнія не оставляютъ мнѣ никакого сомнѣнія на счетъ истины фактовъ, предложенныхъ мною на усмотрѣніе В. И. В-ва. Приложенный при семъ въ переводѣ отрывокъ изъ письма г. Васоржецкаго, послужитъ подтвержденіемъ моихъ показаній. — Повелите ему, Государь, составить Вамъ подробное, правдивое донесеніе о состояніи области. Пусть Литовскій комитетъ, пусть тотъ, который Вы, быть можетъ, устроите на Волыни, получитъ порученіе представить Вамъ свои соображенія и просьбы. Повторяю, совершенно необходимо, что-бы В. И. В-во убѣдились въ дѣйствительности столькихъ бѣдствій, и что-бы Вы ока-

зали имъ быстрое противодѣйствіе. Очень боюсь, что-бы такія-же бѣдствія не грозили и Варшавскому герцогству: зло уже начинаетъ распространяться.

Если В. И. В-во желаете остановить его, поспѣшите приказать, что-бы центральный комитетъ былъ единственнымъ дѣятелемъ по мѣстной полиціи, какъ и по доставкѣ провіанта; лица, изъ коихъ В. И. В-во составили этотъ совѣтъ, заслуживаютъ Вашего довѣрія. Учрежденіе это не принесетъ никакой пользы, если другія лица, другія власти станутъ вмѣшиваться въ кругъ его дѣятельности и, по собственному произволу, будутъ вкривь и вкось распоряжаться въ странѣ. — Благоволите вспомнить, Государь, что въ Вашей Имперіи, между лицами, имѣющими вліяніе на правительственныя мѣры, В. И. В-во единственное лицо сколько нибудь благопріятствующее Полякамъ. Ваша мысль, Государь, Ваше слово измѣняется въ своемъ смыслѣ и дѣйствіи по мѣрѣ того, какъ оно удаляется отъ Васъ и превращается въ дѣйствіе. Отсюда крайняя безсвязность и безпрестанныя противорѣчія, замѣчаемыя въ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно Поляковъ. Между тѣмъ какъ В. И. В-во, повидимому, хотите ихъ успокоить, ихъ польстить, ихъ привлечь, большинство губернаторовъ силится раздражить, оттолкнуть, вывести ихъ изъ терпѣнія. Нельзя-ли было-бы имѣть постоянно при главной квартирѣ какого-либо Поляка, который былъ-бы, такъ сказать, заступникомъ, представителемъ націи и которому были-бы поручены дѣла, касающіяся его страны? Я думалъ о томъ, что-бы занять это мѣсто; но всякій депутатъ, посланный изъ Вильны, всякій, кого было-бы угодно назначить В. В-ву, былъ бы столь-же хорошъ на этомъ мѣстѣ; только-бы понравилась Вамъ эта мысль, Государь, а выборъ не будетъ затруднителенъ.

Девять милліоновъ людей заслуживали-бы особеннаго вниманія *). Въ настоящую минуту нѣтъ никого, кто-бы заступался за насъ, кто-бы отвѣчалъ на тысячу обвиненій и неопредѣленныхъ предположеній, которыя часто заставляютъ прибѣгать къ несвоевременнымъ мѣрамъ; никого, кто-бы зналъ страну и лица, кто могъ-бы сообщить достовѣрныя справки, кто могъ-бы предложить мысль основанную на знаніи мѣстности; ни одного лица, присутствіе коего при В. И. В-вѣ внушало-бы націи довѣріе и надежду, Все, что̀ окружаетъ В. И. В-во, или ничего не знаетъ о Польскихъ дѣлахъ, или равнодушно, или враждебно къ нимъ.

Выводъ изъ всего того, что̀ я осмѣлился представить В. И. В-ву, заключается въ томъ, что настоящая минута требуетъ, что-бы Вы рѣшились на какую-либо мѣру, на какое-либо дѣйствіе, благопріятное для Поляковъ, которое положило бы конецъ, принесло-бы врачеванія всѣмъ бѣдствіямъ, на насъ обратившимся.

Духъ и мнѣнія общества измѣняются и не могутъ поддерживаться, когда имъ не оказываютъ вниманія, и когда все, что̀ дѣлается, способно только ихъ раздражать. Если В. И. В-во еще не можете объявить Вашихъ намѣреній, то сдѣлайте по крайней мѣрѣ что нибудь другое, для того,

*) Если бы императоръ Александръ зналъ, что изъ этихъ такъ называемыхъ девяти милліоновъ лишь немногія тысячи пановъ терпѣли невзгоду, которой въ тайнѣ радовалось остальное народонаселеніе, какъ воздаянію за интриги и неслыханныя угнетенія! *П. Б.*

что-бы ободрить умы, что-бы снова привязать ихъ къ себѣ. Содержаніе предъидущаго моего письма и настоящаго указываетъ Вамъ къ тому средства.

Я сей-часъ перечиталъ то, что̀ я написалъ и боюсь, что отъ излишняго желанія убѣдить В. И. В-во, я подвергъ себя Вашему гнѣву; однако-же все написанное мною есть правда, и хорошо, что-бы В. И. В-во это знали; такъ какъ уже оно написано, посылаю это письмо безъ измѣненій.—Пока В. И. В-во позволите мнѣ переписываться съ Вами, буду говорить Вамъ то, что̀ внушатъ мнѣ моя совѣсть и мое сердце, не руководствуясь никакими иными соображеніями. Если-бы я и не былъ Полякомъ, я все таки постарался-бы, изъ человѣколюбія, изъ любви къ правдѣ, привлечь Ваше вниманіе, заинтересовать Вашу справедливость, Вашу чувствительность, страданіями цѣлой страны, которыя отъ Васъ зависитъ прекратить или значительно смягчить. — Умоляю В. В-во не оставить безъ вниманія всего того, что̀ я сказалъ Вамъ изъ привязанности и отъ избытка усердія и искренности. Если Вы не обратите на это никакого вниманія, то настоящее мучительное положеніе, постоянно ухудшающееся, будетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія для страны, для жителей и для пользы службы В. И. В-ва.

Генералъ Эртель только что, весьма неожиданно, совершилъ въѣздъ въ городъ, съ многочисленною свитою и со всею обстановкою великаго инквизитора. — С. Петербургская герольдія прислала сюда толпу чиновниковъ всѣхъ возможныхъ разрядовъ. — Для нихъ собираются нарочно создать мѣста, въ разныхъ вѣдомствахъ правительства и въ департаментахъ. В. И. В-во угадаете, какое дѣйствіе производятъ въ публикѣ эти пріѣзды и эти мѣры, и насколько надежда на будущее счастіе должна слабѣть и теряться. — Генералъ Зайончекъ, семидесятилѣтній старикъ, не владѣющій ногами; генералъ Дзѣвановскій, почти тѣхъ же лѣтъ, и совершенно разстроеннаго здоровья, оба люди честные, перевезены изъ Вильны во внутренность Россіи. — Что могли предпринять эти два старика-инвалида, и зачѣмъ подвергать ихъ этому путешествію? Множество плѣнныхъ, изрубленные и неспособные къ дальнѣйшей службѣ, находящіеся во внутренности Имперіи, предлагающіе честное слово и поручительство уважаемыхъ родственниковъ, должны-бы быть отпущены съ позволеніемъ возвратиться въ свои семейства. За нихъ говорятъ побужденія человѣколюбія и экономіи.

XXIII.

Императоръ къ князю Чарторыжскому *).

Вѣна, 13(25) Мая 1815.

Въ то время, которое Вы провели близь меня, Вы имѣли случай озна-

*) Читатели видѣли, какъ Чарторыжскій, пользуясь неосторожною откровенностью молодаго Александра Павловича, полнымъ въ то время невѣдѣніемъ Польскаго внутренняго быта, а потомъ политическою запутанностью и нашими отношеніями къ Наполеону, успѣлъ обвить прекрасную душу благороднѣйшаго, человѣколюбивѣйшаго изъ монарховъ. Къ этому исчадію іезуитства вполнѣ примѣнимы извѣстные стихи:

И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ, и жалитъ.
Змѣя! Змѣя!....

Въ Петербургѣ это обольщеніе еще представляло неудобства; въ трехлѣтнее же пребываніе Александра за границею, Чарторыжскій такъ сказать не выпускалъ его изъ

комиться съ моими намѣреніями относительно учрежденій, которыя я хочу установить въ Польшѣ и улучшеній, которыя я желаю ввести въ этой странѣ. Вы постараетесь никогда не терять ихъ изъ виду, при совѣщаніяхъ Совѣта, и обращать на нихъ все вниманіе Вашихъ товарищей, для того что-бы ходъ правительства и реформы, которыя ему поручено произвести, были согласны съ моими возврѣніями. Вы не упустите, если въ томъ представится нужда, принять на себя инициативу для ускоренія результатовъ и представлять проэкты, сообразные съ принятою системою.

Такъ какъ Вамъ не менѣе извѣстенъ мой взглядъ на духъ, въ коемъ долженъ производиться выборъ разныхъ чиновниковъ, то Вы не преминете смотрѣть за тѣмъ, что-бы онъ былъ направленъ въ этомъ смыслѣ. Въ странѣ, столь давно колеблемой всякими безпорядками и переворотами, въ высшей степени важно дѣйствовать послѣдовательно и обдуманно. Вотъ что я хотѣлъ еще разъ напомнить Вамъ этими строками, которыя я позволяю Вамъ даже показывать, для того что-бы придать болѣе вѣсу тому, что Вамъ придется говорить для исполненія моихъ намѣреній.

Александръ.

XXIV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

1815

Такъ какъ основы конституціи включаютъ военное министерство въ число отраслей управленія, которыя, соединенныя подъ однимъ общимъ надзоромъ, составляютъ цѣлое правительство, то мы считаемъ своею обязанностію вызвать по этому предмету Высочайшія рѣшенія Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Присутствіе Великаго Князя въ этой странѣ и особыя полномочія, коими В. В-во снабдили Его Высочество, преградили временному правительству всякія сношенія съ военнымъ управленіемъ, исключительно порученнымъ особому комитету. — Это полное раздѣленіе между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ страны влечетъ за собою самыя важныя неудобства.

Оно лишило правительство возможности представить В. В-ву общій отчетъ о положеніи и о будущихъ нуждахъ государства, въ коихъ армія составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ.—Пока самая значительная и убыточная отрасль управленія остается совершенно независимою и одинокою, она не можетъ быть подчинена никакому контролю, и издержки страны не могутъ быть приведены въ уровень съ ея средствами.

Правительство, постоянно останавливаемое во всякомъ дѣйствіи, имѣющемъ какую либо связь съ военною частію, часто видитъ себя вынужденнымъ отказываться отъ полезныхъ мѣръ, осуществленіе коихъ возможно лишь при усердномъ и точномъ содѣйствіи военнаго управленія.

Бережливость, которую силились ввести во всѣ издержки страны, и въ особенности въ гражданское управленіе, уменьшая до крайности число чиновниковъ и количество ихъ жалованія, не произведетъ никакого дѣйствія, и ее даже поддержать будетъ невозможно, если тотъ же духъ

сѣтей своихъ, къ пагубѣ Россіи, и отнюдь не ко благу Польши, большинство населенія коей не переставало стонать подъ шляхетскимъ игомъ. — 13 (25) Мая 15 года состоялось Царство Польское, и Чарторыжскій сдѣланъ членомъ временнаго Варшавскаго правительства. *П. Б.*

строгой бережливости не будетъ руководствовать управленіемъ арміи и если не будетъ установлено нѣкотораго соотвѣтствія между жалованіемъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

Впрочемъ управленіе арміи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, соприкасается въ столькихъ точкахъ съ гражданскимъ управленіемъ страны, что то и другое не можетъ быть ни устроено, ни руководимо иначе, какъ по общему плану.

Эти причины, увѣренность, что Польская армія въ скоромъ времени перейдетъ на иждивеніе страны, и то рѣшающее соображеніе, что въ такомъ случаѣ, средствъ государства не хватило-бы на нынѣшнее управленіе арміи, заставляютъ временное правительство сдѣлать В. И. и Ц. В-ву представленіе о томъ, не угодно-ли будетъ Вамъ предписать учрежденіе военнаго министерства, которое замѣнило-бы военный комитетъ и было-бы основано на тѣхъ-же началахъ и отношеніяхъ къ правительству, какъ два уже существующія министерства.

Первымъ дѣломъ этого министерства было-бы представить проэктъ своего внутренняго устройства; а правительство, если получитъ на то разрѣшеніе отъ В. И. и Ц. В-ства, предоставляетъ себѣ за тѣмъ повергнуть на Ваше усмотрѣніе, Государь, свои замѣчанія на трудъ, представленный военнымъ комитетомъ и касательно сбереженій, которыя могутъ быть произведены по штату арміи.

XXV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, Іюнь 1815.

День 21 Іюня *) можетъ считаться между тѣми, память о коихъ становится, для великодушнаго сердца В. И. В-ва, наградою за Ваши труды, Государь, на благо человѣчества.

Церемоніи, гражданская и военная, прошли одинаково хорошо. Разные отчеты, которые везетъ графъ Ожаровскій, и тотъ, который онъ представитъ изъустно В. И. и Ц. В-ву, дадутъ Вамъ возможность судить о томъ, что̀ происходило.

Ограничусь замѣчаніемъ, что общее впечатлѣніе было таковымъ, какимъ только можно было его желать: безграничная благодарность за столькія благодѣянія, на которыя уже перестали надѣяться, и чувства преданности, запечатлѣвающія обѣтъ вѣрности въ сердцахъ Вашихъ новыхъ подданныхъ.

Основы конституціи въ особенности увлекли всѣ сердца; но онѣ были необходимы, что-бы произвести это дѣйствіе послѣ долгаго ожиданія часто обманутыхъ надеждъ и образа дѣйствій Великаго Князя.

Пожалѣли объ орлѣ въ той формѣ, которую онъ имѣлъ до сихъ поръ; новая форма герба и участіе Русскихъ въ правительствѣ возбудили неудовольствіе, но основы конституціи заставили о всемъ позабыть.

Тѣ, которые въ этой странѣ присутствовали при столь многихъ прежнихъ церемоніяхъ, замѣтили, что эта имѣла совсѣмъ иной характеръ, нѣчто спокойное и искреннее, ничего театральнаго и поддѣльнаго. Словно эта нація, послѣ столькихъ страданій, не имѣла болѣе силъ предаться безумной радости; глубокое умиленіе и разумное убѣжденіе выражались на всѣхъ лицахъ и составляли разительную характеристику этого дня.....

*) День провозглашенія Царства Польскаго.

XXVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1 Іюля 1815.

Правительство начинаетъ устроиваться; въ первыя минуты, пока не всякій на своемъ мѣстѣ и не знаетъ, что̀ ему дѣлать, ходъ машины сопряженъ съ нѣкоторыми затрудненіями; затрудненія эти постепенно устраняются; главное наше стараніе направлено на то, что-бы ничто не останавливалось.

Льщу себя надеждою, что когда будутъ побѣждены эти первыя трудности, управленіе усовершенствуется во всѣхъ своихъ отрасляхъ, сообразуясь съ основами конституціи.— Эта страна будетъ обязана В. И. В-ву управленіемъ и формою правительства, которыя постепенно будутъ приближаться къ совершенству.

Общественный духъ хорошъ и съ каждымъ днемъ становится лучше.— Русская и Польская гвардіи угощали другъ друга; между ними господствуетъ полное согласіе. Великій Князь упрочиваетъ его своею любезностію; войска, повидимому, довольны Е. И. В-вомъ.

Такъ какъ время еще не дозволило совершить обрядъ присяги во всѣхъ департаментахъ, то это обстоятельство замедлило депутацію, которую страна желаетъ послать своему Государю и благодѣтелю, что-бы поднести ему выраженіе своей признательности и преданности.

Одинъ изъ самыхъ существенныхъ и затруднительныхъ предметовъ, это Варшава. Настоящее ея управленіе дѣлаетъ невозможнымъ всякій контроль, всякій порядокъ.—Связь, долженствующая существовать между правительствомъ и военнымъ управленіемъ, не существуетъ вовсе, и установить ее при Русскомъ Великомъ Князѣ будетъ весьма трудно. И дѣйствительно, до сихъ поръ, эта связь, которую Е. И. Высочеству поручено установить указомъ отъ...., вовсе не существуетъ.

Говорятъ, что гвардія уже дошла до Вильны. Если В. И. В-во придерживаетесь прежняго Вашего рѣшенія, что-бы Великій Князь выступилъ къ Рейну во главѣ своего корпуса, то В. И. В-во конечно прикажете, кому передать командованіе и какъ его устроить. Минута для его организаціи будетъ выгодная.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить, будутъ-ли Польскія войска подъ начальствомъ Русскаго генерала. Великій Князь, вѣроятно, выразилъ о томъ свое мнѣніе.

Мнѣ кажется, что Польскій главнокомандующій могъ-бы во всемъ совѣщаться съ генераломъ Мюллеромъ.

Когда здѣсь будетъ генералъ Костюшко, поручите-ли ему В. И. В-во командованіе арміею?

XXVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава 17 (29) Іюля 1815.

Организація министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, такъ же какъ и судебныхъ мѣстъ, вскорѣ будетъ окончена и будетъ имѣть результатомъ сбереженіе, довольно значительное. — Первымъ нашимъ дѣломъ было не останавливать хода правительства; вторымъ, ввести безъ замедленія порядокъ и бережливость, возможныя въ началѣ.

Послѣдующія реформы и учрежденія, кои постепенно должны создаться на основахъ конституціи, тот-

часъ затѣмъ сдѣлаются предметомъ усидчивыхъ трудовъ правительства. Стараемся внести въ эти труды всю дѣятельность и всю настойчивость, на кои мы способны; лица, вновь призванныя къ правительственнымъ должностямъ, одушевлены тѣмъ-же усердіемъ, и я-бы не сомнѣвался, благодаря благодѣтельному направленію, данному В. И. В-вомъ, въ самыхъ удовлетворительныхъ результатахъ, если-бы одно обстоятельство не разстроивало операцій, наилучше обдуманныхъ: это существованіе независимой военной власти, съ коей правительство не въ силахъ бороться. Никогда не посмѣлъ-бы я коснуться этой нѣжной струны, если-бы къ тому меня не вынуждала сила обстоятельствъ; и такъ, подъ страхомъ возбудить гнѣвъ В. И. В-ва, буду говорить: ибо успѣхъ Вашего дѣла относительно Польши кажется мнѣ столь-же важнымъ для Вашей славы, Государь, какъ и для счастія этой страны.

Великій Князь опять совершенно измѣнился послѣ отъѣзда Ожаровскаго. —Никакое усердіе, никакая покорность не могутъ его смягчить *). Онъ, повидимому, возненавидѣлъ эту страну и все, что въ ней происходитъ, и ненависть эта возрастаетъ съ пугающею быстротою. Это предметъ его ежедневныхъ разговоровъ со всѣми. — Армія, нація, частныя лица, ничто не находитъ милости въ его глазахъ. — Конституція, въ особенности, подаетъ ему поводъ къ безпрестаннымъ насмѣшкамъ; все что есть правило, форма, законъ, подвергается глумленію и брани и, къ несчастію, дѣйствія уже послѣдовали за словами. Великій Князь не держится даже военныхъ законовъ, которые онъ самъ утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести тѣлесныя наказанія и вчера приказалъ пустить ихъ въ ходъ, не смотря на единогласныя представленія комитета. Дезертирство, уже теперь значительное, сдѣлается всеобщимъ; въ Сентябрѣ большинство офицеровъ попроситъ увольненія.

Словно составленъ планъ, для того что-бы противодѣйствовать видамъ В. В-ва, что-бы сдѣлать Ваши благодѣянія мнимыми, что-бы въ самомъ началѣ предотвратить успѣхъ Вашего предпріятія. Его И. Высочество въ такомъ случаѣ былъ-бы, самъ того не вѣдая, слѣпымъ орудіемъ этого пагубнаго замысла, первымъ дѣйствіемъ коего было-бы ожесточить въ равной степени и Русскихъ, и Поляковъ и отнять всякую силу у самыхъ торжественныхъ изрѣченій В. В-ва.—По видимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣкоторые приближенные Великаго Князя, какъ явные, такъ и тайные, много содѣйствуютъ поддержанію его мрачнаго и гнѣвнаго настроенія.

Чего-бы не далъ я для того, чтобы здѣсь успѣли угодить Великому Князю и исполнить въ этомъ отношеніи желанія В. В-ва! Но это рѣшительно невозможно, и если онъ здѣсь останется, я предвижу, напротивъ того, самыя печальныя послѣдствія. Уже, въ предъидущихъ моихъ письмахъ, я осмѣлился представлять В.

*) В. С. Ланской писалъ къ Государю изъ Варшавы 4 Мая 1815 г.: „Объявленіе титула короля принимается не за милость, а за опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы.... Благосердіе твое и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ и вообще войско Польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны нашимъ правиламъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда излить на насъ ядъ свой“. Р. Арх. 1863, стр. 831 и 832. *П. Б.*

В-ву о необходимости ввести порядокъ и бережливость въ управленіе арміею, какъ и въ прочія отрасли правительства. Теперь, мое убѣжденіе на этотъ счетъ сдѣлалось еще положительнѣе.

Призывъ въ главную квартиру В. Князя, который не перестаетъ горько жаловаться на то, что его здѣсь покинули, и громко требуетъ освобожденія отъ этого наказанія, наложеннаго на него, какъ онъ говоритъ, В. И. В-вомъ, учрежденіе военнаго министерства на мѣсто комитета и назначеніе генерала Витгенштейна главнокомандующимъ въ Царствѣ,— таковы мѣры, которыя представляются мнѣ наиболѣе легко исполнимыми, приличными и настоятельно необходимыми.

Государь, время не терпитъ, и каждый часъ можетъ принести съ собою столкновеніе, катастрофу, при мысли о коей я содрогаюсь.

Великій Князь, повидимому, не хочетъ соблюдать никакой осторожности, словно онъ желаетъ довести дѣло до разрыва. Никакой врагъ не могъ-бы повредить болѣе В. И. В-ву.— Вы найдете при семъ проэктъ декрета, составленный на основаніи вышеизложенныхъ идей, и списокъ лицъ, для назначенія въ военное министерство.— Если даже В.И. В-во сочтете необходимымъ присутствіе здѣсь Великаго Князя, то пусть онъ вернется сюда единственно въ качествѣ главнокомандующаго войсками, а не правителя и судьи.

Въ другомъ письмѣ, я изложилъ нѣсколько фактовъ, которые, по мнѣнію моихъ товарищей, должны были-бы составить предметъ донесенія отъ правительства; здѣсь я осмѣлился сказать больше.— Если я поступилъ дурно, то буду въ отчаяніи; но мнѣ будетъ не въ чемъ упрекать себя, и В. И. В-ву будетъ извѣстна истина.

Соблаговолите, Государь, сжалиться надъ Крюковецкимъ: вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ подъ арестомъ; для суда надъ нимъ не было собрано военнаго совѣта, и это теперь было-бы излишнимъ, потому что онъ достаточно наказанъ столь долгимъ заключеніемъ. — Онъ только и проситъ о томъ, что-бы его освободили и что-бы дѣло его съ Сокольмскимъ было судимо по законамъ, бывшимъ въ силѣ въ то время, какъ былъ совершенъ проступокъ и какъ онъ дѣлалъ свои представленія. Очень боюсь, что-бы правосудіе въ этомъ случаѣ не оказалось несостоятельнымъ, ибо Великій Князь полагаетъ, что правосудіе должно подчиняться субординаціи, и что можно предписать приговоръ.

Проэктъ декрета, предложенный Е. И. Величеству.

Такъ какъ Великій Князь Константинъ оставляетъ командованіе арміею, что-бы стать во главѣ нашей гвардіи, то мы, по его представленію, повелѣваемъ слѣдующее.

Командова́ніе арміею остается предварительно порученнымъ старшему генералу въ военномъ комитетѣ.

Предсѣдатель военнаго комитета условится съ генераломъ Мюллеромъ на счетъ движенія войскъ и дисциплины въ арміи.

Комитетъ вступитъ въ прямыя сношенія съ нашими намѣстниками(?) для учрежденія военнаго министерства, входящаго въ составъ правительства, сообразно съ основами конституціи.

Если они не согласятся, мнѣ будетъ представленъ на этотъ счетъ окончательный проэктъ въ теченіи шести недѣль.

XXVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

31 Іюля 1815.

Государь.

Положеніе правительства В. И. В-ва въ этой странѣ сдѣлалось, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, съ нѣкотораго времени, несказанно тяжкимъ и труднымъ.—Что-бы оградить его отвѣтственность, нахожу себя вынужденнымъ довести до Вашего свѣдѣнія, Государь, подробности, о коихъ я желалъ-бы никогда не говорить.

Значительное количество военныхъ всякаго чина, испросивъ себѣ полную отставку въ формѣ безсрочнаго отпуска, сочли себя возращенными въ разрядъ обыкновенныхъ гражданъ, съ тѣмъ бо̀льшимъ основаніемъ, что они не сохранили ни жалованія, ни военныхъ обязанностей, ни даже надеждъ на дальнѣйшую, карьеру. Однакоже Е. И. В-во Великій Князь, во многихъ случаяхъ, выражался и дѣйствовалъ относительно лицъ этого рода, какъ если-бы они еще находились на военной службѣ. А именно Е. И. Высочество велѣлъ явиться передъ военнымъ совѣтомъ безсрочно-отпускному капитану Стамировскому, и такъ какъ военный совѣтъ двоекратно объявлялъ неподсуднымъ себѣ человѣка, который уже болѣе не военный, Великій Князь приговорилъ его безъ суда къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости Замостьѣ.—Обязанное покровительствовать гражданамъ и исполнять предписанія В. И. В-ва, что̀ должно въ такихъ случаяхъ дѣлать Ваше правительство, для того что-бы оставаться свободнымъ отъ всякаго упрека? Соблаговолите, Государь, сообщить ему Ваше высочайшее рѣшеніе: должны-ли бывшіе военные, состоящіе въ безсрочномъ отпуску и самимъ Великимъ Княземъ признанные за уволенныхъ, зависѣть впредь отъ военныхъ властей?

Великій Князь уже нѣсколько разъ предписывалъ правительству вызывать къ нему на судъ гражданскихъ чиновниковъ, подъ-префектовъ, старостъ, и. т. д. Недавно Великій Князь подвергъ аресту предсѣдателя города Варшавы.

Нѣсколько дней тому назадъ, вслѣдствіе, вѣроятно, дѣла Стамировскаго, былъ обнародованъ приказъ безъ предварительнаго обсужденія этого законодательнаго акта въ военномъ комитетѣ. — На основаніи этого приказа, Великій Князь былъ-бы властенъ подвергнуть суду военнаго совѣта любое лицо, и судъ долженъ былъ-бы происходить, какъ только онъ повелитъ.

Каково-бы ни было уваженіе временнаго правительства къ Е. И. Высочеству, какъ ему не признать, что подобные пріемы и распоряженія противны правиламъ, установленнымъ во всѣхъ странахъ для поддержанія общественнаго порядка и безопасности, и что въ особенности они противорѣчатъ какъ старинымъ полицейскимъ распоряженіямъ, такъ и основамъ конституціи, дарованной странѣ В. И. В-вомъ? Прискорбныя послѣдствія, которыя неминуемо должны вытечь изъ столь явнаго противорѣчія между только что произнесенными, священными словами В. В-ва и фактами, непосредственно за ними послѣдовавшими, не могли не поразить и не встревожить временнаго правительства.

Поставленные между нашими обязанностями относительно В. И. В-ва и нашимъ уваженіемъ къ Вашему августѣйшему брату, мы не имѣемъ

иного средства удовлетворить столькимъ соображеніямъ, какъ довести все это до Вашего свѣдѣнія и умолять Васъ, Государь, дать Вашему правительству средства къ проведенію Вашей Высочайшей воли.

Всѣ члены правительства единодушны въ этомъ мнѣніи и уполномочили меня довести его до свѣдѣнія В. И. В-ва. Однако-же они побоялись, чтобы оффиціяльное донесеніе не было въ такомъ дѣлѣ неумѣстнымъ, и я взялъ на себя тягостную обязанность замѣнить таковое донесеніе настоящимъ письмомъ. — Да соблаговолитъ В. И. В-во поспѣшить уврачеваніемъ порядка вещей, неудобства коего все усиливаются, и который каждый день можетъ повлечь за собою послѣдствія еще болѣе важныя, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни предупредить.

XXIX.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 14 Октября 1815.

Временное правительство отдаетъ В. И. В-ву отчетъ о степени, коей достигла организація Царства.

Почтенный особымъ довѣріемъ В. И. В-ва и особымъ порученіемъ осуществлять Ваши благодѣтельныя намѣренія въ Царствѣ Польскомъ, считаю моимъ долгомъ отдать Вамъ краткій отчетъ о причинахъ, замедлившихъ эту организацію и задерживающихъ ее въ настоящую минуту.

1) Недостатокъ довѣрія къ правительству. Довѣріе, питаемое націею къ особѣ В. И. В-ва, не могло перенестись на здѣшнее Ваше правительство, ибо дѣйствія его не соотвѣтствуютъ Вашей волѣ. Присутствіе Русскихъ войскъ и чиновниковъ подаетъ поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ; оно до сихъ поръ не допустило никакой иллюзіи національности.

2) Присутствіе Великаго Князя, образъ дѣйствій коего отнимаетъ всякую надежду относительно будущей судьбы страны, сдѣлало неисполнимыми многія реформы и улучшенія, коихъ желало правительство, но предпринять не дерзнуло.

3) Бѣдность частныхъ лицъ, которыя, разоренныя, запуганныя и разогнанныя, не охотно оставляютъ свои деревни и лишь съ трудомъ рѣшаются пріѣхать въ городъ, откуда они вырываются при первомъ удобномъ случаѣ.

4) Бѣдность правительства, не смѣющаго предлагать значительнаго вознагражденія для удержанія людей, которые были ему нужны, и находящаго себя вынужденнымъ обременять одно и то-же лицо множествомъ различныхъ порученій, что̀ конечно уменьшаетъ расходъ, но очень вредитъ быстротѣ, и въ особенности достоинству работы.

5) Раздѣленіе власти, коей поручена организація, между пятью лицами, облеченными одинаковыми правами и по большей части двигаемыми разными побужденіями, началами и чувствами. Это препятствіе до того постоянно и важно, что оно вовсе не дастъ дѣлу двигаться съ мѣста.

6) Затрудненія, которыя влечетъ за собою продовольствованіе и безпрестанное передвиженіе войскъ, такъ же какъ многочисленныя работы и издержки, обусловленныя исполненіемъ Вѣнскаго трактата, умножая хлопоты, не перестаютъ поглощать всѣ минуты, которыя правительство желало-бы посвятить трудамъ надъ организаціею страны. Не смотря на ежедневныя, весьма продолжительныя за-

сѣданія, правительство едва успѣваетъ справляться съ текущими дѣлами, ему подлежащими. Не слѣдуетъ забывать, что, независимо отъ всѣхъ сихъ препятствій, работа надъ реформою, во всѣхъ отросляхъ общественнаго управленія, требуетъ долгихъ размышленій, частыхъ совѣщаній и значительнаго числа усердныхъ и искусныхъ дѣятелей.—Нельзя приступить къ этому дѣлу, не начертивъ себѣ хорошо обдуманной системы поступательнаго движенія, и одна эта подготовительная работа потребовала нѣсколькихъ недѣль, прежде чѣмъ она могла достигнуть надлежащей степени зрѣлости.

Наконецъ нація, столь давно привыкшая видѣть эту столь существенную часть связанною съ цѣлымъ центральнаго управленія и придающая этой связи особую важность, видитъ съ великимъ прискорбіемъ раздѣленіе сихъ двухъ составныхъ частей государсвта (военной и гражданской) и охотно склоняетъ слухъ ко всѣмъ злымъ толкамъ, къ коимъ такое положеніе вещей подаетъ лишь слишкомъ много поводовъ.

XXX.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава. 1815.

Правительство отдаетъ В. И. и Ц. В-ву отчетъ въ побужденіяхъ, заставившихъ его отправить графа Льва Потоцкаго въ Парижъ.—Мы имѣемъ право требовать отъ Франціи весьма значительныхъ суммъ, и мы тѣмъ болѣе заинтересованы тѣмъ, что-бы получить въ этомъ отношеніи обезпеченіе, что между капиталами, которые должна намъ Франція, находятся Байонскіе, часть коихъ мы должны выплатить Пруссіи.

Вѣнскій трактатъ обременилъ насъ долгами. Наши финансы въ самомъ печальномъ положеніи. Правительство старается по возможности уменьшить издержки по гражданскому управленію; но его бережливость ни къ чему не поведетъ, если порядокъ и экономія не будутъ введены въ управленіе арміею. Ввести-же ихъ въ военную администрацію можетъ лишь министерство, входящее въ составъ правительства; объ этомъ я уже осмѣливался представлять В. И. В-ву.—Беру на себя смѣлость сегодня повторять мои представленія, потому, что, если В. И-ву угодно, что-бы народное войско состояло на иждивеніи страны, то это невозможно при нынѣшнемъ его устройствѣ и управленіи, далеко превышающемъ наши средства.

Большая часть Русскихъ чиновниковъ, по приказанію В. И. В-ва, уже получили предписаніе уѣхать въ Россію и подъемныя деньги. Однако-же ихъ оставлено количество достаточное, для того что-бы ихъ жалованіе, гораздо болѣе значительное чѣмъ жалованіе здѣшнихъ чиновниковъ, производило чувствительное обремененіе государственнаго бюджета. — Хотя безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи многіе Русскіе чиновники могутъ найти мѣста въ странѣ, однако въ настоящую минуту не могу скрыть отъ В. И. и Ц. В-ва, что вся страна ожидаетъ и нетерпѣливо желаетъ того дня, когда, сообразно съ основами конституціи, всѣ безъ изъятія Русскіе чиновники покинутъ страну. Лишь съ этого дня страна будетъ считать дѣйствительное свое существованіе; пока ихъ видятъ здѣсь, не считаютъ себя избавленными отъ ферулы, которая все таки даетъ себя чувствовать.—Г. Ланской и г. Новосильцовъ, полагаю я,

отдали В. И. В-ву отчетъ въ побужденіяхъ, заставившихъ ихъ пока удержать здѣсь своихъ чиновниковъ. Побужденія эти съ каждымъ днемъ утрачиваютъ долю своего вѣса, по мѣрѣ того какъ въ Европѣ возстановляется спокойствіе.

Этотъ предметъ и вопросъ объ управленіи арміею подаютъ мнѣ поводъ упомянуть о квартирной повинности, относительно коей господствуютъ величайшія злоупотребленія, въ такой степени, что, не смотря на уменьшеніе войска и на отсутствіе фельдмаршала, городъ болѣе обремененъ, чѣмъ когда-либо, и никто не можетъ найти себѣ въ немъ помѣщенія. Необходимо, что-бы точныя приказанія В. И. В–ва Великому Князю, относительно квартированія фельдмаршала и войскъ, снова были введены въ силу и строго исполнялись военными властями, какъ Русскими, такъ и Польскими.

Дѣла здѣсь не подвигаются съ тою дѣятельностію, которая была-бы желательна. Не хочу утруждать сегодня В. И. В-во изложеніемъ причинъ, коимъ это можетъ быть приписано.

Многія изъ нихъ уже извѣстны В. И. В-ву, и я не премину изложить Вамъ и остальныя; ибо боюсь, что ко времени Вашего пребыванія здѣсь, въ особенности, если, въ силу обстоятельствъ, оно будетъ весьма кратко, работа не подвинулась слишкомъ мало, для того что-бы Ваше прибытіе сюда стало истинною эпохою для благоденствія страны.

Коммиссары для опредѣленія тарифа, посланные г. Гурьевымъ, прибыли сюда.—Проэктъ инструкціи, коими они снабжены, уже былъ повергнутъ на усмотрѣніе В. И. и Ц. В-ва.—Мы заняты составленіемъ инструкцій Польскихъ коммиссаровъ, для немедленнаго представленія ихъ на утвержденіе В. В-ва.—Такъ какъ начала, утвержденныя Вѣнскимъ трактатомъ для торговли Польскихъ странъ, расходятся съ тѣми, которыя приняты для внутренности Россіи, то не найдете-ли В. И. и Ц. В-во удобнымъ установить таможенную или контрольную линію въ полосѣ, которую Ваша Высочайшая воля опредѣлитъ границею между Россіею и Польшею?

Во всякомъ случаѣ, торговыя постановленія Вѣнскаго трактата безъ этого исполнены быть не могутъ, и нѣкоторый контроль надъ ввозомъ и вывозомъ товаровъ, быть можетъ и надъ полиціею, будетъ необходимъ на границахъ собственно такъ называемой Россіи.

XXXI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1815.

То, чего всего болѣе опасались, случилось. Со времени моего послѣдняго письма, совершились новыя событія. Великій Князь подсмотрѣлъ Польскихъ солдатъ, воровавшихъ картофель въ саду. Онъ велѣлъ ихъ арестовать и наказать Русскимъ солдатамъ, которые были призваны для этой экзекуціи. Въ тотъ-же день, на парадѣ, генералъ Корнатовскій и командиръ полка, изъ котораго были виновные, подверглись самымъ жестокимъ и унизительнымъ упрекамъ. Эти господа сказались больными. Армія все еще надѣется на отозваніе Великаго Князя. Лишь въ этой надеждѣ и отъ боязни, что-бы ихъ побужденія не были представлены В. В-ву въ ложномъ свѣтѣ, они еще остаются на службѣ.

Я недавно узналъ достовѣрно, что въ Петербургѣ составилось, по большей части изъ военныхъ, общество, главная цѣль коего состоитъ въ томъ, что-бы противодѣйствовать благодѣтельнымъ намѣреніямъ В. И. и Ц. В-ва относительно Польши.— Общество это выслало сюда своихъ представителей и, повидимому, Великій Князь дѣйствовалъ и дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, при чемъ имъ главнымъ образомъ руководствуетъ желаніе популярности.

Это общество уже приготовило увѣщаніе относительно Польши, которое собирались послать В. И. В-ву. Война, возникшая между тѣмъ и занявшая этихъ крамольниковъ, и совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали исполненію этого намѣренія.

XXXII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава 16 (28) Января 1816.

Государь.

Полагая, что по донесеніямъ генерала Зайончека и г Новосильцова. В. И. и К. Величеству извѣстно все, что въ странѣ заслуживаетъ Вашего вниманія, я не хотѣлъ утруждать Васъ моими письмами. Однакоже я намѣревался, при первомъ случаѣ, отдать передъ Вами нынѣшнему правительству свидѣтельство, которое, съ моей стороны, могло быть пріятно В. В-ву.

Я желалъ донести Вамъ, Государь, что генералъ Зайончекъ приступилъ къ своему управленію способомъ, обѣщающимъ для будущаго много добраго; что чувства, имъ обнаруживаемыя, мнѣнія, имъ высказываемыя, благоразумны и благородны, и что, не смотря на довольно распространенныя опасенія и предубѣжденія, послѣдствія вскорѣ докажутъ, что В. В-во въ Вашемъ выборѣ были правы. Подобное заключеніе еще теперь было-бы умѣстно, если-бы дѣла шли своимъ предвидѣннымъ и естественнымъ ходомъ. Къ несчастію, предметъ настоящаго моего письма настолько-же удаляется отъ моихъ желаній, какъ и отъ первоначальнаго моего ожиданія.

Въ эту минуту готовятся три нарушенія конституціонной хартіи. Первое есть устройство, предлагаемое Русскими комиссарами для таможенъ между Имперіею и Царствомъ. Вамъ будетъ представлено, Государь, оффиціяльное донесеніе объ этомъ предметѣ.

Свидѣтельство о второмъ нарушеніи уже находится въ Вашихъ рукахъ. Это проэктъ организаціи военной коммиссіи, присланный къ Вамъ прямо отъ Е. И. Высочества, безъ предварительнаго внесенія въ государственный совѣтъ, безъ обсужденій, предписанныхъ хартіею. Этотъ проэктъ, задуманный отдѣльно, не можетъ не грѣшить упущеніями и статьями, которыя будутъ несогласны съ прочими распоряженіями правительства. Пусть Ваша воля, Государь, возвратитъ дѣло къ надлежащему порядку: пусть этотъ проэктъ, какъ слѣдуетъ, будетъ отосланъ въ государственный совѣтъ и вернется къ Вамъ по предписанномъ разсмотрѣніи въономъ. Одно такое дѣйствіе со стороны В. В-ва докажетъ тѣмъ, кто въ томъ сомнѣвается, что Вы дали конституцію, для того что-бы съ нею сообразовались.

Третье нарушеніе также касается военнаго министерства. Предметъ этотъ обсуждается въ особой запискѣ, въ коей предлагается пріемъ, согласую-

щій главнокомандованіе Великаго Князя, съ тѣмъ, чего требуетъ конституціонный статутъ. Демаркаціонную линію тутъ провести тѣмъ легче, что лица, нынѣ занимающія должности намѣстника и военнаго министра, не только во всемъ согласятся съ Великимъ Княземъ, но еще безъ сомнѣнія будутъ стараться по возможности предупреждать его желанія.

В. И. В-во одни способны поддержать Ваше дѣло; оно рушилось-бы прежде, чѣмъ было-бы окончено, если-бы Вы попустили, Государь, столь разительныя и существенныя неправильности въ его исполненіи. Какой авторитетъ имѣла-бы конституція, дарованная столь торжественно и тотчасъ затѣмъ нарушенная въ существеннѣйшихъ пунктахъ? Только бы намъ добиться этой поддержки, о коей мы въ правѣ умолять В. И. и Ц. В-во, и все въ странѣ пойдетъ хорошо. Я съ радостію замѣтилъ, что мы уже достигли того вождѣленнаго положенія, гдѣ на первый планъ выступаютъ дѣла, а не люди и сосредоточиваютъ на себѣ все вниманіе. Наши учрежденія, хотя еще не окрѣпшія и не вышедшія изъ хаоса общей перестройки, достаточны, для того что-бы уже теперь приводить въ движеніе машину. Со времени назначенія временнаго правительства, между всѣми его членами господствуетъ полное согласіе. Всякій только и думаетъ о томъ, что-бы заслужить оказанное ему Вами довѣріе. Всѣ оживлены однимъ и тѣмъ-же духомъ, и духъ этотъ таковъ, какого только можетъ желать В. В-во, духъ благоразумія, усердія, настойчивости. Г-ъ намѣстникъ также проникнутъ этимъ духомъ; но не могу скрыть отъ Васъ, Государь, что добрыя его намѣренія останутся связанными въ степени, которая кажется мнѣ страшною, если В. В-во не окажете намъ быстрой помощи.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ совѣтъ управленія убѣдился, что генералъ Зайончекъ, при просвѣщенномъ и честномъ образѣ мыслей, однакоже лишенъ мнѣнія, воли, какъ-бы совѣсти, какъ только дѣло идетъ о Великомъ Князѣ. Потому-ли, что онъ считаетъ себя созданіемъ Великаго Князя и изъ этого заключаетъ, что его благодарности къ нему не должно быть границъ, или въ предположеніи, что воля Великаго Князя, во всѣхъ случаяхъ, есть воля В. В-ва, но вѣрно то, что генералъ Зайончекъ, если дать ему волю, доведетъ до рабства свою покорность приказаніямъ и мнѣніямъ Е. И. Высочества.

Благо страны и службы для него побужденія недостаточныя, что-бы подвинуть его къ малѣйшей оппозиціи; онъ готовъ каждый день нарушать конституцію, если только того пожелаетъ Великій Князь; таковы чувства, которыя генералъ наконецъ громко выразилъ въ Совѣтѣ и которыя съ тѣхъ поръ онъ съ настойчивостію выражаетъ каждый разъ, какъ къ тому представляется случай. Онъ даже въ вопросахъ, въ коихъ примѣшанъ Великій Князь, избѣгаетъ посредничества г. Новосильцова. Угодливость, доведенная до этой крайности со стороны перваго должностнаго лица, намѣстника В. В-ва, можетъ заглушить всякій зародышъ добродѣтели, всякое понятіе о правдѣ, всякую возможность добра и превратить Вашу конституцію въ тягостную и безполезную комедію.

Намѣстникъ не понялъ обязанностей своей должности, онъ не постигъ Вашихъ намѣреній, Государь. Ничто

не можетъ быть необходимѣе и ничто не можетъ быть легче, какъ разъяснить ихъ ему въ точности. Пусть онъ знаетъ, что Вы сами, Вы уважаете свое дѣло и требуете къ нему уваженія, что первая его обязанность состоитъ въ томъ, что-бы, въ этомъ отношеніи, осуществлять Ваши намѣренія, что его долгъ къ своему Государю, къ своей странѣ, къ своей присягѣ, прекрасно могутъ согласоваться съ его обязательствами относительно Великаго Князя, но никакъ не могутъ быть имъ подчинены.—Нѣсколькихъ словъ, даже косвенныхъ, будетъ достаточно.

Генералъ Зайончекъ, призванный къ порядку и предупрежденный на счетъ истинной Вашей воли, будетъ исполнять ее въ совершенствѣ. При этомъ условіи, я убѣжденъ, что генералъ этотъ совершенно на своемъ мѣстѣ, что онъ будетъ на немъ полезенъ, и что во всѣхъ отношеніяхъ пригодно удержать его на ономъ.

Съ другой стороны условіе это столь существенно, что если В. И. В-ву не было-бы угодно исправить воззрѣній Вашего намѣстника, я счелъ бы общественное дѣло потрясеннымъ, что-бы не сказать погибшимъ.

В. В-во можете мнѣ повѣрить. Слѣдуя Вашимъ внушеніямъ, я постоянно проповѣдовалъ довѣріе и надежду; никогда не перестану я это дѣлать, пока у меня на̀ то будетъ возможность. Однако-же теперь, когда достигнуто то, на что̀ мы надѣялись, когда дѣло идетъ только о его сохраненіи, если, погруженные въ иныя заботы, Вы не соблаговолите, особенно въ началѣ, даровать намъ поддержку и непрерывное покровительство, если разъ начнутъ сомнѣваться въ святости, въ дѣйствительности конституціоннаго порядка, отчаяніе и уныніе могутъ сдѣлаться всеобщими и непобѣдимыми.

Единственная наша надежда основывается на твердой Вашей волѣ, Государь, осчастливить эту страну, не только на время долгаго царствованія, но и на дальнѣйшее будущее.

Пусть эта воля будетъ непоколебима, и мы спасены; иначе, мы не избѣгнемъ участи, еще намъ грозящей. Вы, Государь—наша судьба; ясно, что всѣ наши силы, всѣ наши надежды сосредоточиваются въ В. В-вѣ, и что Вы одни можете придать долголѣтнюю прочность созданнымъ Вами учрежденіямъ.

Я сказалъ, безъ утаекъ, точную истину; позвольте, Государь, что-бы, оканчивая это письмо, я еще представилъ Вамъ о безусловной и настоятельной необходимости:

1) Оставляя значительную свободу дѣйствій Е. И. Высочеству, однако опредѣлить его власть и ограничить ее сообразно съ конституціонною хартіею.

2) Принять мѣры, которыя возвратили-бы намѣстника въ предѣлы его обязанностей.

3) Собственными Вашими распоряженіями подавать примѣръ строгаго уваженія къ законамъ и учрежденіямъ, исходящимъ отъ В. В-ва.

4) Въ случаѣ, если-бы, Государь, у Васъ на этотъ счетъ возникли сомнѣнія, отложить всякое рѣшеніе до пріѣзда г. Соболевскаго, который выѣзжаетъ отсюда въ самомъ непродолжительномъ времени.

Письмо мое будетъ отвезено въ Петербургъ камеръ-юнкеромъ Матушевичемъ, служащимъ при государственномъ секретарствѣ, котораго г. Со-

болевскій посылаетъ впередъ вмѣстѣ съ г. Тымовскимъ, также камеръ-юнкеромъ и вторымъ чиновникомъ того-же вѣдомства.

XXXIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 6 Февр. 1816.

Написавъ, недавно, къ В. Им. К. В-ву письмо, уже слишкомъ длинное, остерегусь впасть въ ту-же ошибку, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ г. Соболевскаго устраняетъ къ тому поводъ. Ограничусь, Государь, тѣмъ, что представлю Вамъ нѣкоторые выводы изъ моихъ наблюденій.

Прежде всего, да будетъ мнѣ позволено напомнить еще разъ о необходимости свято держаться конституціи и дать по этому предмету самыя точныя инструкціи намѣстнику.

Эти два замѣчанія включаютъ въ себѣ всѣ прочія. Пусть жители Царства видятъ и чувствуютъ, что они Поляки, что они у себя хозяева, что имъ предоставлена свобода мирно трудиться надъ улучшеніемъ своего внутренняго быта; при этомъ условіи они будутъ счастливы и довольны. Правительство предано Вамъ, Государь; нація Васъ любитъ; но этого мало: при вышесказанныхъ условіяхъ, она ненарушимо привяжется къ своему союзу съ Россіею, только-бы это была связь націи съ націею, только былъ-бы сохраненъ и фактъ и призракъ истинной, конституціонной Польши.

Это страстное желаніе національной отдѣльности есть единственный источникъ зависти, борьбы, притязаній, который можетъ существовать между обоими народами. Наступательное въ этомъ отношеніи положеніе Русскихъ, оборонительное Поляковъ, еще произведутъ столкновенія, горечь, опасенія, мечтательныя подозрѣнія, прискорбныя недоразумѣнія, которыя успокоить и устранить можетъ лишь мудрость В. И. В-ва.

Г. Новосильцовъ сильно желаетъ переселиться въ Петербургъ: здѣсь онъ празденъ, а тамъ онъ чувствуетъ, что могъ бы быть Вамъ гораздо полезнѣе. Сверхъ того, онъ тутъ не получаетъ жалованія и вынужденъ жить на собственныя средства.

Когда я припоминаю разговоры, кои я имѣлъ счастіе вести съ В. И. и Ц. В-вомъ, прекрасныя слова, слышанныя мною отъ Васъ, и тѣ, которыя Вы здѣсь сказали Вашимъ министрамъ, то я чувствую себя исполненнымъ надеждъ. Но признаюсь, что противъ моей воли, надъ надеждою часто беретъ верхъ страхъ. Какъ есть несчастныя лица, такъ есть несчастныя націи. Напрасно мы, въ лицѣ В. В-ва, имѣемъ лучшаго изъ Государей. Вы отъ насъ удалены. Вы отвлечены важными заботами. Какъ надѣяться, что-бы убѣжденія, характеръ, привычки Великаго Князя когда-либо могли измѣниться въ такой степени, что-бы онъ сталъ желать нашего настоящаго и будущаго благосостоянія? Преобладающее, прямое и постоянное вліяніе, уже оказанное имъ на судьбы страны и въ будущемъ долженствующее еще усилиться, заставляетъ меня опасаться, что злой рокъ, уже столько столѣтій преслѣдующій мою несчастную родину, еще не истощилъ своихъ ударовъ.

Мои опасенія, быть можетъ, преувеличены: выражаю ихъ такъ, какъ я ихъ ощущаю.

XXXIV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

24 Марта (5 Апрѣля) 1816.

Г. Новосильцовъ сегодня пишетъ къ В. И. В-ву, ссылаясь на мое письмо отъ 17 (29) Іюля, дупликатъ коего я-бы здѣсь приложилъ, если-бы я не былъ увѣренъ, что оно до Васъ уже дошло. Г. Новосильцовъ подтверждаетъ сказанное мною, и его свидѣтельство можетъ имѣть болѣе вѣса, чѣмъ мое.

Если В. И. В-во еще имѣете сомнѣніе на счетъ фактовъ, приведенныхъ нами, и если-бы Вы не хотѣли помочь злу средствомъ самымъ простымъ, то наилучшимъ путемъ для узнанія истиннаго положенія вещей былъ-бы вызовъ самого г. Новосильцова въ главную квартиру.

Каждый день, какая либо новая сцена распространяетъ здѣсь страхъ и горе. Третьяго дни, Великій Князь велѣлъ схватить въ его домѣ мѣщанина, обвиненнаго въ томъ, что онъ далъ убѣжище мальчику, обокравшему генерала Куруту. Великій Князь, безъ дальнѣйшихъ околичностей, велѣлъ, во дворцѣ, дать этому человѣку пять сотъ палокъ и выбрить ему голову и брови.

Я счелъ-бы себя виновнымъ, еслибы скрылъ отъ В. И. В-ва подобные факты, уничтожающіе всякую общественную безопасность и обезсиливающіе всѣ Ваши благодѣянія[1]).

Впрочемъ, вліяютъ-ли на поступки Великаго Князя ближайшія или болѣе отдаленныя причины, ясно то, что онъ думаетъ и дѣйствуетъ въ смыслѣ совершенно противуположномъ воззрѣніямъ В. И. В-ва. Это быть можетъ минутная мода, но она поддерживается людьми, которые пользуются довѣріемъ Е. И. Высочества и увѣряютъ его, что онъ дѣйствуетъ въ духѣ истыхъ, старыхъ Русскихъ. Кто знаетъ, не поджигаются ли эти чувства перепискою съ Петербургомъ?

Повѣрьте, Государь, что преданный Вамъ слуга не можетъ дать Вамъ лучшаго совѣта, какъ удалить отсюда Великаго Князя. Жаловаться на это онъ не станетъ, ибо онъ постоянно и громко повторяетъ, что это его единственное желаніе. Это воскреситъ страну, сдѣлаетъ въ ней возможными порядокъ и законность; этимъ потушится цѣлый очагъ критики и оппозиціи.

Не знаю, не вызоветъ-ли моя смѣлость осужденіе со стороны В. И. В-ва. Если я подвергаю себя опасности, разоблачая то, что́ я вижу, то пусть послужатъ мнѣ защитою мои побужденія; а впрочемъ, пусть узелъ будетъ разсѣченъ Вашею мудростію.

Г. Бенингсенъ говоритъ, что онъ не видитъ неудобства въ соединеніи Русскихъ и Польскихъ войскъ на Днѣстрѣ и, повидимому, даже желаетъ соединить ихъ подъ своимъ командованіемъ.

XXXV.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

17 Апрѣля 1816.

Въ послѣднее время, между Польскими военными людьми стали очень часто повторяться самоубійства. Приложенное при семъ въ копіи и въ переводѣ письмо, оригиналъ коего находится въ рукахъ Великаго Князя, указываетъ на главную причину этого печальнаго явленія и на впечатлѣ-

[1]) Изъ писемъ къ маркизѣ Де Кюбьеръ (Р. Арх. 1870) читатели уже знакомы съ образомъ мыслей В. К. Константина Павловича. Весьма естественно, что природная вспыльчивость его возмущалась наглыми происками Поляковъ и доводила его иногда до мѣръ крутыхъ, впрочемъ довольно обыкновенныхъ вездѣ при военной диктатурѣ. *П. Б.*

ніе, которое оно должно производить въ публикѣ. — Г. Вильчекъ, адъютантъ генерала Красинскаго, написавшій это письмо передъ тѣмъ, какъ лишить себя жизни, былъ молодой человѣкъ, всѣми любимый и отличный военный.

Говорятъ также о письмѣ, написанномъ въ томъ-же духѣ г. Безекирскимъ, другимъ офицеромъ изъ числа тѣхъ, которые лишили себя жизни. — Этому примѣру послѣдовалъ одинъ ундеръ-офицеръ, и не преминули сказать, что онъ лишилъ себя жизни, что-бы не пережить стыда наказаній и оскорбленій, коимъ подвергся его полкъ.

В. И. В-во, быть можетъ, найдете это движеніе предосудительнымъ, но Вы оцѣните благородный источникъ, изъ коего оно беретъ свое начало.

Дай Богъ, что-бы эти печальныя событія произвели на Е. И. Высочество желанное впечатлѣніе и на минуту, Государь, привлекли Ваше вниманіе.

Армія настоятельно нуждается въ опредѣленномъ уставѣ и въ сводѣ узаконеній; настоящее ея управленіе не подчинено никакимъ правиламъ. Не строгость желательно устранить, но произволъ и оскорбленія.

Тысячу разъ я уже опасался, для Великаго Князя, какой-либо сцены или катастрофы, отъ которой оградить его было-бы трудно, ибо она можетъ возникнуть лишь отъ раздраженія человѣка, доведеннаго до отчаянія. Я очень радъ тому, что имѣлъ смѣлость признаться въ этомъ безпокойствѣ (какъ-бы ни было оно неопредѣленно) В. В-ву; это одною тяжестію меньше на моемъ сердцѣ. Ваша мудрость объ этомъ разсудитъ.

Вообще здѣсь съ нѣкотораго времени господствуетъ не волненіе, а великое уныніе. Это нравственная болѣзнь, весьма прилипчивая, коей подвержены въ особенности честные люди. Они боятся, что-бы наше правительство, постоянно оскорбляемое здѣсь, постоянно угрожаемое клеветою въ Петербургѣ, стѣсненное въ свободѣ обсужденія и дѣйствія, съ весьма малыми средствами, что-бы дѣлать добро и еще меньшими, что-бы его поддерживать, не утратило бодрости и авторитета и наконецъ самоуваженія.

Очень хорошо знаю, что не таково желаніе В. И. В-ва; но, не смотря на Вашу волю, дѣйствующую слишкомъ издалека, дѣла, повидимому, принимаютъ оборотъ, неблагопріятный для страны.

Всѣ, безъ сомнѣнія, спѣшатъ доводить до свѣдѣнія В. И. В-ва все хорошее; я подумалъ, что не слѣдуетъ скрывать отъ Васъ и дурнаго, и что это единственный способъ, коимъ я еще могу принести нѣкоторую пользу общему дѣлу. Эта печальная должность весьма тягостна и скучна; не знаю, не навлекаю-ли я на себя неудовольствіе В. И. -Вва и позволено-ли мнѣ еще выражать такимъ образомъ, безъ утайки, мои мысли.

Это и заставляетъ меня ожидать, съ тѣмъ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ той минуты, когда, благодаря Вашимъ милостямъ, Государь, мнѣ можно будетъ дышать деревенскимъ воздухомъ, и я не буду болѣе вынужденъ утруждать В. В-во разсужденіями о предметахъ, быть можетъ, представляющихся мнѣ въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ.

Письмо г. Вильчека, адъютанта генерала Красинскаго, къ его сестрѣ,

Милая сестра.

Сплинъ, въ коемъ Вы такъ часто упрекали меня, скоро прекратится.—

Вотъ послѣднее его дѣйствіе. — Не смотря на любовь мою къ родинѣ и преданность ей, противная судьба не позволила мнѣ умереть смертію моихъ братьевъ, слава коихъ распространилась на насъ.—Настоящее мое положеніе лишило меня всякаго покоя. Я вижу моихъ собратьевъ по оружію и согражданъ униженными, славу нашихъ отцовъ попранную ногами, законы лучшаго изъ Государей ежедневно нарушаемыми. Словомъ, оставляю мою несчастную страну беззащитно преданную прихотямъ одного человѣка.

Сколько разъ я едва не дѣлался убійцею!—Какой-бы ударъ это былъ для васъ, любезная сестра! Да, я хотѣлъ пожертвовать собою, что-бы избавить насъ отъ этихъ постыдныхъ цѣпей, наложенныхъ на насъ противъ воли лучшаго изъ Государей.

Однакоже, сообразивъ, что дѣйствіе быть можетъ не исполнитъ моихъ надеждъ, я предпочитаю лишить себя существованія, которое могло-бы сдѣлаться гибельнымъ для моей страны: моимъ единственнымъ желаніемъ было посвятить себя ея счастію.

Знаю, что мой поступокъ навлечетъ на меня упрекъ въ малодушіи. Я совершилъ бы оный при самомъ прибытіи *его* сюда, если-бы наша святая вѣра и моя привязанность къ Вамъ не удержали меня.

Теперь, убѣдившись, что я не могу болѣе быть полезнымъ моей родинѣ, я, со многими изъ моихъ друзей, сговорился оставить этотъ міръ.

Оставляю его съ презрѣніемъ, а васъ, милая сестра, и васъ, мои родители, съ сожалѣніемъ.

Передайте мою саблю моему сыну; пусть онъ носитъ ее, какъ я, за родину и за друзей. *В.*

XXXVI.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 1 (13) Мая 1816.

Прежде, чѣмъ оставить Варшаву, пользуясь отпускомъ, который соблаговолили даровать мнѣ В. И. и Ц. В-во, и за который повергаю къ стопамъ Вашимъ живѣйшую мою благодарность, полагаю, что я обязанъ передать Вамъ нѣкоторыя подробности о томъ, что̀ здѣсь происходитъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что пренія, съ нѣкотораго времени происходящія въ средѣ правительства, были представлены В. В-ву, какъ весьма шумныя и какъ доказательство нашего безпокойнаго духа и несогласія, господствующаго между нами.

Когда происходятъ въ совѣтѣ совѣщанія, каждый выражаетъ свое мнѣніе съ усердіемъ и поддерживаетъ его по совѣсти. Какъ можно требовать, что-бы въ собраніи, состоящемъ изъ почти двадцати лицъ, никогда не было различія мнѣній? Оно необходимо, для того что-бы происходили пренія. Безъ преній, какую пользу принесъ-бы совѣтъ?

Этого-то не съумѣлъ понять намѣстникъ, между тѣмъ какъ, имѣя власть рѣшать или переносить дѣла на Ваше Высочайшее усмотрѣніе, онъ долженъ былъ-бы уважать свободу мнѣній и видѣть въ преніяхъ средство для разъясненія вопросовъ.

Дѣло въ томъ, что г. генералъ Зайончекъ, относительно существенныхъ пунктовъ законодательства и управленія, держится началъ или предубѣжденій совершенно противуположныхъ мнѣніямъ всѣхъ прочихъ лицъ, входящихъ въ составъ правительства; что, проведши свою жизнь внѣ родины и въ военной службѣ, онъ

29*

мало смыслитъ въ вопросахъ управленія и организаціи; что, слѣдовательно, ему часто приходилось отстаивать одному свое мнѣніе. Онъ приписываетъ это обстоятельство духу партій и мнимому къ нему нерасположенію, котораго вовсе не существуетъ. Къ несчастію, это мнѣніе раздѣляетъ Великій Князь.

Въ началѣ, все давало поводъ надѣяться, что между намѣстникомъ и членами правительства установятся согласіе и взаимное довѣріе; ни что не могло казаться болѣе естественнымъ; однакоже въ ту минуту, когда я пишу эти строки, положеніе вещей въ этомъ отношеніи нисколько не улучшилось. Г. намѣстникъ, повидимому, поддался вліянію дурныхъ совѣтовъ; оскорбленный весьма невинною оппозиціею, которую онъ навлекъ на себя, онъ сталъ въ отношенія холодныя, недовѣрчивыя, даже непріязненныя къ прочимъ членамъ правительства. Ничто его не удовлетворяетъ. Онъ находитъ, что все идетъ плохо и медленно; всякое предложеніе возбуждаетъ въ немъ подозрѣнія; онъ жалуется Е. И. Высочеству, который и безъ того слишкомъ нерасположенъ къ штатскимъ; онъ старается найти опору въ г. Новосильцовѣ. — Все это, вмѣстѣ взятое, ведетъ къ маленькимъ доносамъ и придиркамъ, весьма вреднымъ для дѣла, но въ особенности тягостнымъ для тѣхъ, кто становится ихъ жертвою.

Нѣкоторая степень согласія въ началахъ и въ стремленіяхъ между членами управленія весьма желательна; два средства, какъ мнѣ кажется, могутъ повести къ оному. Первое состоитъ въ томъ, что-бы В. В-во написали собственноручно намѣстнику и засвидѣтельствовали ему, что Вы довольны Вашими министрами и что по вопросамъ, ему мало знакомымъ, онъ долженъ болѣе руководствоваться ихъ мнѣніемъ и мнѣніемъ совѣта. За исключеніемъ этого средства, второе состоитъ въ томъ, чтобы смѣнить тѣхъ изъ министровъ, коими В. В-во недостаточно довольны, и назначить на ихъ мѣсто такихъ, которые могли-бы поладить съ намѣстникомъ.

Организація правительственныхъ коммиссій весьма некстати пріостановила труды государственнаго совѣта, которые подвинулись-бы гораздо болѣе, если-бы въ этомъ дѣлѣ придержались смысла и духа хартіи.— Какъ-бы ни было угодно В. В-ву рѣшить это дѣло, я не предвижу болѣе подобнаго затрудненія въ работахъ правительства, которыя, впредь, потекутъ своимъ чередомъ. Умоляю В. В-во приказать, что-бы Вамъ было представлено поданное мною мнѣніе о коллегіальности министерствъ. Быть можетъ, Государь, Вы найдете въ немъ нѣсколько замѣчаній, которыя помогутъ Вамъ установить Ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Впрочемъ дѣла, въ сущности, идутъ далеко не дурно; много прекрасныхъ вещей сдѣлано, многимъ другимъ положено начало. — Между мѣрами правительства, нельзя указать ни на одну дурную: все идетъ къ улучшенію и къ порядку, по мѣрѣ оставленныхъ намъ средствъ.—Однакоже общественный духъ падаетъ, и господствуетъ замѣтное уныніе. Я хотѣлъ доискаться причины этого настроенія, не оправданнаго положительными событіями, и мнѣ кажется, что я нашелъ ихъ въ противорѣчіяхъ, повидимому, представляемыхъ нынѣшними обстоятельствами, противорѣчіяхъ, не позволяющихъ вѣрить и наслаждаться спокойно.—Все, что̀ исходитъ

отъ В. В-ва, дышетъ лишь благостію, великодушіемъ, либеральностію; слова-же и дѣйствія Е. И. Высочества направлены въ смыслѣ, совершенно противуположномъ.—Намѣстникъ, съ своей стороны, не перестаетъ повторять, что конституція есть уставъ безначалія и что слѣдуетъ ее измѣнить; даже Новосильцовъ сбиваетъ съ толку и смущаетъ общественное мнѣніе. Его считаютъ надзирателемъ за правительствомъ, и должность его состоитъ будто въ томъ, что-бы не позволять ему спокойно пользоваться правами, дарованными ему В. И. В-вомъ.—Словомъ, со всѣхъ сторонъ встрѣчаются обстоятельства, которыя заглушаютъ въ публикѣ всякое движеніе радости и потрясаютъ два самые драгоцѣнные элементы счастія—спокойствіе и надежду.

Къ великой моей радости, Новосильцова пригласили присутствовать при засѣданіяхъ административнаго совѣта, всякій разъ, какъ онъ того пожелаетъ; полагаю, что это единственное средство для избѣжанія многихъ недоразумѣній и подозрѣній, столь же тягостныхъ, какъ и безосновательныхъ.

Прошу В. И. В-во не думать, что-бы я не отдавалъ справедливости качествамъ Великаго Князя и не сознавалъ, что касательно его соображенія общія и болѣе важныя должны имѣть перевѣсъ надъ тѣми, которыя мы пожелали бы положить на вѣсы.

Все что́ смѣю я утверждать, заключается въ томъ, что постоянное присутствіе и окончательное водвореніе Великаго Князя въ Польшѣ есть одно изъ величайшихъ препятствій къ преуспѣянію въ ней начинаній В. В-ва. — Генералъ Зайончекъ, который, въ отсутствіи Великаго Князя, могъ бы съ пользою исполнять свою должность, гораздо менѣе къ тому способенъ въ его присутствіи; но такъ какъ, однакоже, на этомъ мѣстѣ не усидѣла-бы никакая другая личность, то вышесказанный путь, для возстановленія бо̀льшаго согласія между намѣстникомъ и правительствомъ, кажется мнѣ единственнымъ облегченіемъ, которое можно придумать въ настоящихъ неудобствахъ.

Но единственнымъ кореннымъ врачеваніемъ было-бы прибытіе сюда В. И. В-ва. Ваше присутствіе желаемо всѣми. Да повторяются здѣсь Ваши пребыванія: въ этомъ вся надежда націи. Глубокое благоговѣніе, полная преданность къ Вашей особѣ, крайнее довѣріе къ Вашему характеру, суть чувства, непоколебимыя въ сердцахъ Поляковъ; когда рѣшенія будутъ исходить отъ Васъ, Государь, они всегда будутъ покорны и довольны.

Прежде чѣмъ кончить, отважусь на нѣкоторыя замѣчанія о военной части, подъ страхомъ навлечь на себя моимъ усердіемъ Ваше неудовольствіе.—Соблаговолите, Государь, извинить меня, принявъ во вниманіе мое доброе намѣреніе, и вспомнить, что когда можешь все, нужно все выслушивать и все знать, что-бы не впасть въ ошибку.

Нынѣшнее управленіе арміею ведетъ къ тому, что-бы развить въ ней лишь одну пружину дѣятельности, а именно страхъ.

Если эта система поддержится, то всѣ прочія побужденія, которыя также должны имѣть власть надъ душою истиннаго военнаго, каковы честь, долгъ, любовь къ родинѣ, постепенно ослабѣютъ и при случаѣ окажутся недѣйствительными. Они будутъ замѣнены исключительно страхомъ и корыстью, которыя не могутъ нако-

нецъ не привести къ послѣдствіямъ гибельнымъ и постыднымъ.

Сомнѣваюсь, что-бы внимательный наблюдатель нашелъ нынѣшній духъ арміи таковымъ, какимъ желали-бы его видѣть В. В-во. Занятія военными науками не поощряются и не процвѣтаютъ. Страхъ держитъ всѣхъ на сторожѣ; нѣтъ истиннаго усердія. Люди служащіе не изъ-за насущнаго хлѣба сказываются больными и оставляютъ или желаютъ оставить службу. Спасительное впечатлѣніе, произведенное самоубійствами, повидимому совершенно забыто. Вотъ оборотъ медали; лицовая сторона достаточно была расписана передъ В. И. В-вомъ, и я не отрицаю, что есть чѣмъ наполнить и ее.

Что̀ касается до меня, Государь, то кромѣ моего здоровья и дѣлъ, заставляющихъ меня желать свободы и спокойствія, я очень радъ удалиться отсюда по причинѣ постоянно повторяемой поговорки, что есть партіи, запутывающія и затрудняющія дѣла. Всякій случай, могущій содѣйствовать тому, чтобы разрушить это несчастное предубѣжденіе и доказать его несостоятельность и ложность, приноситъ пользу, перевѣшивающую всѣ прочія соображенія.—Желаю страстно блага моей родины, но мнѣ кажется, что я буду вдвойнѣ счастливъ, когда надъ нимъ будутъ трудиться другіе.—Въ настоящее время, задача не легка. По истеченіи перваго періода конституціоннаго правленія и по изготовленіи наиважнѣйшихъ организаціонныхъ работъ, нахожу себя въ Варшавѣ еще менѣе полезнымъ, чѣмъ въ началѣ. — Такъ какъ я въ жизни моей еще не занимался пристально и усердно собственными моими дѣлами и тѣмъ, что̀ относится до личной моей будущности, то чувствую, что объ этомъ теперь мнѣ слѣдуетъ подумать, и что въ этомъ отношеніи мнѣ терять времени не слѣдуетъ. Единственное мое желаніе—устроить себѣ спокойное существованіе; я даже желалъ-бы наконецъ жениться, если на то представится разумная возможность.

Всегда готовый повиноваться, согласно моему долгу, Вашимъ приказаніямъ, Государь, сознаюсь, что самыми отрадными и благотворными для меня были-бы такія, которыя позволили-бы мнѣ свободно воспользоваться моимъ досугомъ.

Соблаговолите извинить меня, если я говорю о предметахъ, касающихся лишь меня; это относится не къ Государю, а къ тому, кто въ теченіи столькихъ лѣтъ дозволялъ, что-бы я не скрывалъ отъ него ни единой моей мысли и смѣлъ всегда разсчитывать на драгоцѣнную дружбу, коей онъ удостоилъ меня въ ранней своей юности.

XXXVII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Вильна 12 (24) Іюля 1817.

Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что В. И. Ц. и В-во соблаговолили не только позволить, но и одобрить возведеніе, на одной изъ Варшавскихъ площадей, памятника въ честь покойнаго князя Понятовскаго [1]), на этотъ предметъ были произведены многочисленныя подписки.—Собранныя суммы уже доходятъ до 270, 861 флориновъ и еще увеличатся. — Лица, коимъ поручено исполненіе этого предпріятія (а къ числу оныхъ принадлежу и я) уже собирались представить В. В-ву рисунки конныхъ ста-

[1]) Стóитъ вспомнить, что въ это самое время приготовлялся къ открытію памятникъ Минину и кн. Пожарскому въ Москвѣ. *П. Б.*

туй и проэкты на счетъ помѣщенія памятника, когда ихъ смутили слухи о томъ, будто-бы В. В-во измѣнили Ваши взгляды на это дѣло и намѣрены взять назадъ милостивое разрѣшеніе, данное Вами родственникамъ и сослуживцамъ покойнаго князя.

Они писали ко мнѣ на этотъ счетъ, и я спѣшу повергнуть къ престолу В. В-ва ихъ опасенія и ихъ просьбы. Да не поколеблется никогда, Государь, Ваше великодушіе. — Надежда оказать торжественную почесть памяти князя Понятовскаго была столь отрадна для всей страны, что необходимость отказаться отъ нея была-бы сочтена однимъ изъ прискорбнѣйшихъ признаковъ уменьшенія Вашего отеческаго благорасположенія.

XXXVIII.

Князь Чарторыжскій къ Императору.

Варшава, 9 (21) Октября 1817

Я представилъ намѣстнику В. И. и Ц. В-ва прошеніе, которое онъ повергнетъ къ стопамъ Вашимъ, имѣющее предметомъ испросить мнѣ позволеніе путешествовать.

Плохое состояніе здоровья моего брата, желающаго меня видѣть, ставитъ мнѣ это въ обязанность. Онъ настаиваетъ на томъ, что-бы я къ нему пріѣхалъ. Я съ нѣкотораго времени женатъ, о чемъ уже имѣлъ честь написать В. И. В-ву.—Выборъ мой самый счастливый, и эти новыя отношенія усиливаютъ мое желаніе предпринять путешествіе за границу.— Разныя странныя обстоятельства, приключившіяся со мною въ послѣднее время и о коихъ В. В-во конечно имѣете свѣдѣнія, присовокупляются къ этимъ побужденіямъ и внушаютъ мнѣ живѣйшее желаніе заняться моимъ здоровьемъ и насладиться покоемъ въ болѣе легкомъ климатѣ.

Умоляю В. В-во не отказать мнѣ въ милости, о коей я ходатайствую. Я тѣмъ не менѣе буду готовъ, каждый разъ какъ В. В-во соблаговолите счесть меня на что либо полезнымъ, исполнять обязанности, которыя Вы на меня возложите и доказать Вамъ мое ненарушимое усердіе и преданность.

XXXIX.

4 (16) Мая 1818.

Такъ какъ ужъ сегодня мнѣ суждено утруждать В. И. и Ц. В-во, то да будетъ мнѣ дозволено попросить Васъ, чтобы Вы велѣли представить себѣ мнѣнія обѣихъ палатъ о донесеніи государственнаго совѣта и прошенія палаты.

Ваше В-во найдете тутъ много основательныхъ жалобъ и дѣльныхъ взглядовъ — изложеніе мнѣній націи и ея желаній.

Между частными вопросами, есть одинъ, котораго я не могу пройти молчаніемъ; говорю о національныхъ имуществахъ и о судьбѣ поселенныхъ на нихъ крестьянъ. Возмутительно, Государь, что правительство ею не занимается. Нужно устроить и улучшить бытъ крестьянъ національныхъ имуществъ и отдать крупныя фермы (фольварки) въ постоянныя аренды, которыя переоцѣнивались бы каждыя двадцать пять лѣтъ. — Эта операція (обсужденіе сихъ подробностей не подлежитъ веденію сейма) принесла-бы несказанныя выгоды, нравственныя и финансовыя. — Слишкомъ много людей заинтересованы въ ея замедленіи и предотвращеніи, для того что-бы я не счелъ долгомъ обратить на нее все вниманіе В. В-ва.

XL.

Сѣнява, 2 (14) Августа 1819

Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ вижу я себя вынужденнымъ удалиться отсюда въ ту минуту, когда обѣщаютъ намъ, въ теченіи осени, пріѣздъ В. И. В-ва.—Здоровье моей жены не оставляетъ мнѣ выбора. — Медики торопятъ нашъ отъѣздъ; она еще нынѣшнимъ лѣтомъ должна воспользоваться Баденскими водами; упустивъ конецъ нынѣшняго сезона, она можетъ подвергнуться опаснымъ послѣдствіямъ. Я принужденъ сопутствовать ей. И такъ, на этотъ разъ, я долженъ отказаться отъ счастія (теперь столь рѣдкаго и быстро преходящаго) лично повергнуть къ стопамъ Вашимъ, Государь, выраженіе моей давнишней привязанности.

Я оставилъ Варшаву въ мрачной печали. Печаль эта сдѣлась всеобщею, какъ только узнали, что страна навлекла на себя Ваше неудовольствіе.

Вы велѣли написать, что Вы остановите потокъ обѣщанныхъ благодѣяній и даже можете взять назадъ уже дарованныя. Ахъ, Государь! Да будетъ мнѣ позволено спросить Васъ, какъ могутъ Ваши учрежденія и начатое Вами дѣло пріобрѣсти тотъ характеръ дѣйствительности и ненарушимости, который составляетъ ихъ достоинство и ихъ охрану, если Вы сами объявляете, что они могутъ быть разрушены?—Угроза столь страшная для поколѣній настоящихъ и будущихъ была произнесена, что-бы наказать минутный проступокъ двухъ или трехъ личностей! — Справедливо ли возлагать на цѣлую націю отвѣтственность за неосторожность нѣсколькихъ молодыхъ людей? — По ихъ ли словамъ или по рѣчамъ нѣкоторыхъ вѣтренныхъ женщинъ слѣдуетъ судить о духѣ населенія, который столь далекъ отъ строптивости, что, напротивъ, грѣшитъ излишнимъ уныніемъ?

Эти самые молодые люди, вѣтренность коихъ принесла столько вреда, не имѣли преступныхъ намѣреній. Они были введены въ заблужденіе увѣренностію, конечно весьма основательною, но ложно понятою, что В. В-во желаете поддержать и укрѣпить конституцію, Вами дарованную и что, напоминая о ней правительству каждый разъ, какъ оно отъ нея отступало, они дѣйствуютъ въ Вашемъ смыслѣ.

Да, Государь, при малѣйшемъ злѣ, которое ощущается, первая мысль, приходящая на умъ всѣмъ и каждому, состоитъ въ томъ, что-бы обратиться къ Монарху, отъ коего ожидаютъ лишь благости и исправленія злоупотребленій.—Развѣ это общее мнѣніе такъ предосудительно?—Нельзя отрицать, что существуетъ замѣтное различіе между образомъ дѣйствій В. И. В-ва и правительства, коимъ Вы представлены.—Все что̀ исходитъ отъ В. И. и Ц. В-ва, Ваши приказанія, Ваши наказы, Ваши замѣчанія, постоянно носятъ отпечатокъ уваженія къ установленнымъ законамъ и желанія освятить конституцію, показывая своимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ уважать ея формы. Но этою умѣренностію, этою законностію, этою мудростью не всегда отличаются дѣйствія мѣстнаго правительства.

Когда Ваши приказанія строги, исполненіе ихъ быстро и безпощадно; но когда они благопріятны конституціонному порядку, всегда отъискиваются предлоги, что-бы оставить ихъ безъ дѣйствія или затруднить ихъ прило еніе.

Благоволите, Государь, не черпать исключительно изъ одного источника

Ваши данныя о состояніи страны, о духѣ, въ ней господствующемъ, о ходѣ управленія и о его результатахъ. —Слишкомъ ограничивая свои бесѣды и свои сношенія, В. В-во подвергаете себѣ опасности не знать истины.—Если мое желаніе довести ее до нашего свѣдѣнія излишне, В. И. и Ц. В-во по крайней мѣрѣ увидите въ немъ доказательство моей преданности къ Вашей особѣ, моего усердія къ Вашей славѣ и къ благу моей родины.

XLI.

Генуя, 10 Авг. 1820.

Я надѣялся имѣть счастіе представиться В. И. В-ву, во время Вашего нынѣшняго пребыванія въ Польшѣ. Здоровье моей жены, еще нисколько не возстановившееся, отнимаетъ у меня къ тому возможность, и я вижу себя вынужденнымъ просить прощенія у В. И. и Ц. В-ва, на случай, если я не буду имѣть возможности прибыть на сеймъ, который въ скоромъ времени долженъ открыться.

Крайне сожалѣю объ этомъ, припоминая, какъ давно я уже лишенъ счастія видѣть В. В-во и размышляя о важныхъ предметахъ, долженствующихъ обсуждаться на этомъ сеймѣ.

Въ подобныхъ случаяхъ, каждый, имѣетъ-ли онъ на то основанія или нѣтъ, льститъ сѣбя мыслію, что онъ можетъ принести нѣкоторую пользу. Когда наше убѣжденіе искренно и глубоко, мы склонны придавать ему болѣе значенія, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Подъ страхомъ впасть въ эту ошибку, да будетъ мнѣ позволено, Государь, выразить письменно и по возможности кратко нѣкоторыя мысли, которыя мнѣ не суждено изложить Вамъ изустно и болѣе подробно.

Первый трудъ, предстоящій В. В-ву, будетъ устраненіе дефицита.

Полагаю, что слѣдуетъ всегда остерегаться отъ сложныхъ и постоянно невѣрныхъ операцій, каковы займы, выпуски бумажныхъ денегъ и т. д.—Причины зла очевидны; не менѣе очевидны и средства, могущія ему помочь. — Они состоятъ въ томъ, что-бы привести государственные расходы въ соотвѣтствіе со средствами страны, и увеличить эти средства, не истощая ихъ, покровительствомъ торговлѣ и облегченіемъ сбыта. Мнѣ кажется, что съ нѣкотораго времени дѣлали совершенно противное распространеніемъ тарифа на Царство и послѣдними мѣрами, принятыми относительно военныхъ силъ Варшавы.

Какъ бы то ни было, я убѣжденъ, что уменьшеніе въ расходахъ можетъ быть произведено съ выгодою и безъ затрудненій. Въ нашемъ государствнномъ совѣтѣ и въ нашихъ министерскихъ канцеляріяхъ такое сбереженіе весьма возможно. Они значительно усилились въ составѣ со времени учрежденія конституціоннаго правительства, и между тѣмъ, по прошествіи шести лѣтъ, должно оставаться меньше работы, чѣмъ ея было въ минуту, когда предстояло сдѣлать все.

Можно добиться въ палатѣ экономій быть можетъ болѣе значительныхъ и еще съ меньшимъ трудомъ; слѣдуетъ только воспользоваться примѣромъ Польскихъ областей, до сихъ поръ включенныхъ во внутренніе предѣлы Имперіи. Тамъ, собственно такъ называемое управленіе въ уѣздахъ и въ губерніяхъ почти ничего не стоитъ казнѣ. Эти учрежденія, приспособленныя къ порядкам Царства, и въ немъ оказались полезными.

Затрудненія, въ коихъ находится казна, доказываютъ, сколь неумѣстно было-бы введеніе конституціонныхъ формъ въ финансовыя дѣла.

Это ведетъ меня ко второму пункту, который привлечетъ особое вниманіе В. В-ва. Говорю о нарушеніяхъ, произведенныхъ съ разныхъ сторонъ въ конституціи.

Мѣстное правительство безъ особаго размышленія и по большей части съ наилучшими намѣреніями издало множество распоряженій, превышающихъ его власть.—Лишь бдительная отеческая мудрость В. В-ва можетъ положить конецъ путаницѣ, печальныя послѣдствія коей уже даютъ себя чувствовать.

Если Богъ, черезъ великодушную волю В. В-ва, позволилъ-бы намъ когда-нибудь насладиться истинно-конституціоннымъ правленіемъ, которое Вы хотѣли намъ даровать, то мѣстное правительство вскорѣ-бы замѣтило, сколько оно выигрываетъ отъ постоянно-правильнаго хода дѣлъ.

Были распущены слухи, что этотъ сеймъ будетъ весьма безпокойный: я этого не думаю.

XLII.

Парижъ, 9 (21) Ноября 1820.

В. И. В-во соблаговолили возвести Кременецкую гимназію на степень лицея и повелѣли, что-бы попечителю Виленскаго университета было поручено представить проэктъ устава для этого заведенія.—Это и было исполнено мною до отъѣзда моего изъ Польши.—Вынужденный прожить за границею долѣе, чѣмъ я того ожидалъ и желалъ, я узналъ, что мой трудъ долженъ подвергнуться измѣненіямъ, по моему мнѣнію уменьшающимъ его полезность. Да будетъ мнѣ дозволено умолять В. В-во отсрочить Ваше Высочайшее утвержденіе устава Кременецкаго лицея до весны, когда, вернувшись на родину, я буду имѣть возможность доставить министерству народнаго просвѣщенія объясненіе на счетъ статей, которыя оно пожелаетъ измѣнить, и постараться о томъ, что-бы производящіяся въ уставѣ измѣненія были по возможности полезны и благотворны для заведенія.

XLIII.

Сѣнява, 21 Августа 1821.

Вернувшись къ моему очагу, считаю своимъ долгомъ представить В. И. и Ц. В-ву нѣсколько наблюденій, произведенныхъ мною въ теченіи немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Варшавѣ. Я рѣдко утруждаю Васъ моими письмами; да будетъ мнѣ позволено сегодня выразиться подробнѣе обыкновеннаго; не откажите этимъ строкамъ въ минутѣ вниманія. Я обозначилъ на поляхъ то, о чемъ идетъ рѣчь въ каждомъ параграфѣ, для того, что-бы В. В-во могли прочитать лишь тѣ, которые покажутся Вамъ достойными Вашего вниманія.

Состояніе умовъ.—Я засталъ умы въ Польшѣ въ состояніи удивительнаго колебанія и крайняго унынія. Все подвергается сомнѣнію. Нѣтъ учрежденія, которое считали-бы прочнымъ; нѣтъ тѣхъ печальныхъ перемѣнъ, которыхъ не пророчили-бы странѣ. Этотъ способъ существованія гибеленъ. Побужденія низкія и личныя берутъ верхъ; благородныя чувства заглушаются; люди слабые и мало совѣстные изъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ, считая общественное дѣло потеряннымъ, увѣряютъ себя, что имъ позволительно помышлять лишь о собственномъ интересѣ.

Сообщенія графа Соболевскаго. — Когда я освѣдомился о причинахъ столь разительнаго измѣненія, мнѣ указали прежде всего на послѣднія сообщенія, сдѣланныя отъ имени В. В-ва г. Соболевскимъ. Я постарался узнать ихъ содержаніе, и мнѣ показалось, что возбужденныя ими опасенія весьма преувеличены. Нельзя принять иначе, какъ съ благоговѣніемъ приказанія В. В-ва и мудрые совѣты, которые Вы благоволите давать Полякамъ. Но, Государь, почему обратилась Ваша строгость на націю (которая страдаетъ въ бездѣйствіи) вмѣсто того что-бы пасть на правительство, которое въ этомъ случаѣ виновно и дѣятельно? — Первый сеймъ предсказалъ неизбѣжныя затрудненія казны; второй сеймъ выразился еще положительнѣе; представленія, нынѣ удостоившіяся одобренія Государя,— отца своихъ народовъ, передъ тѣмъ были дурно приняты лицами, находящимися во главѣ управленія.

Тревожные слухи. Однако-же нынѣшнія тревоги въ особенности питались фразами, вырвавшимися, какъ говорятъ, у тѣхъ самыхъ лицъ, которыя считаются довѣренными истолкователями Вашей воли. Каждое слово изъ ихъ устъ, вслѣдствіе того, разбирается со страхомъ, какъ мрачное предсказаніе ожидающей насъ участи. Слова ихъ понимаются то такъ, что конституція неисполнима, не нужна, слишкомъ дорого обходится; то, что должна прекратиться независимость судовъ, или что общественное образованіе будетъ переработано и стѣснено, или что сеймы суть препятствіе, которое слѣдуетъ устранить, и что Царствомъ можно управлять, какъ и прочими областями, и тысяча другихъ подобныхъ слуховъ, поражающихъ въ самое сердце людей благомыслящихъ, привязанныхъ къ своему государю и къ своей родинѣ.

Чувства Вашего Величества. Не знаю что̀ можетъ быть истиннаго или воображаемаго въ слухахъ столь огорчительныхъ. Однакоже, увѣряютъ, что источника ихъ слѣдуетъ искать въ самыхъ мысляхъ В. И. В-ва; что, съ нѣкотораго времени, Ваши мнѣнія, Ваши чувства, совершенно измѣнились и сдѣлались противуположными тѣмъ, которыя Вы прежде питали. Что̀ касается до меня, не могу этому повѣрить. Обстоятельства необыкновенныя и минутныя конечно могутъ, Государь, вызвать оттѣнки въ Вашемъ способѣ дѣйствовать и судить о вещахъ. Но есть начала, есть черты характера, которыя превыше всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ и къ коимъ я всегда буду взывать съ непоколебимымъ довѣріемъ. Это я и дѣлаю, защищая передъ В. В-вомъ мою страну и ея конституцію отъ тѣхъ, кто хотѣлъ-бы имъ повредить.

Издержки по арміи. — Было-бы несправедливо наказывать націю за зло, отъ коего она безвинно страдаетъ. Соображенія, взвѣшенныя Вашею мудростію и силу коихъ оспоривать я и не думаю, побудили Васъ, Государь, рѣшить, что издержки по Польской арміи не должны быть уменьшены. Несомнѣнно однако-же, что издержки эти не по силамъ Царству въ настоящемъ его объемѣ, и что онѣ относительно-значительнѣе, чѣмъ издержки на тотъ же предметъ во многихъ независимыхъ государствахъ, каковы Швеція, Саксонія, Виртембергъ и Пьемонтъ, гдѣ, при бо̀льшихъ средствахъ, военная система обходится менѣе дорого. Я не касаюсь мудрости, необходимости рѣшеній В. В-ва; но можноли безъ неспра-

ведливости упрекать націю въ обѣдненіи, отсюда проистекающемъ?

Малость Царства. — Когда рѣшилась судьба этой страны, В. В-во припомните, что Поляки, увлеченные своею благодарностію, выразили единодушное желаніе принадлежать Вамъ и что кромѣ этого неудержимаго чувства, ихъ покорило также Ваше великодушное обѣщаніе соединить подъ Вашимъ славнымъ скипетромъ и національнымъ правительствомъ всѣ Польскія области. В. В-во сами считали возрожденіе Польши достойнымъ Вашихъ заботъ лишь при размѣрахъ болѣе широкихъ. Нынѣшнее Царство на треть менѣе обширное, чѣмъ Герцогство, которое оно замѣняетъ, было въ Вашихъ глазахъ лишь основнымъ камнемъ зданія. Нельзя, Государь, порицать осторожности, которая побудила В. В-во отложить осуществленіе Вашихъ Высочайшихъ обѣщаній; но не было-бы ли крайнею несправедливостію наказывать Царство за малые размѣры, насильно ему приданные, тогда какъ нація готова принести величайшія жертвы, только-бы Богу и В. В-ву было угодно расширить эти размѣры?

О конституціи. — Перехожу къ упрекамъ, направленнымъ противъ формы правленія, коею мы обязаны, Государь, Вашему великодушію. Ясно, что въ излишнихъ или дурно направленныхъ издержкахъ администраціи виновна не конституція; онѣ, напротивъ того, произошли отъ того, что конституціи недостаточно повиновались, что ея строго не исполняли. Я не понимаю, какія препятствія хотятъ видѣть въ этой конституціи. Армія болѣе чѣмъ значительна, подати взимаются съ крайнею строгостію; правосудіе дѣйствуетъ, и остается только оградить судилища отъ всякихъ вліяній, кромѣ вліянія законовъ. Полицейскій надзоръ доведенъ до такой степени, что, можно сказать, онъ подчасъ становится инквизиторскимъ и притѣснительнымъ. Конституція не препятствуетъ ничему изъ того, что̀ нужно; но, дѣйствительно, она недостаточно препятствуетъ излишнему и вредному.

Достиженіе этого втораго результата совершенно зависитъ отъ воли В. И. В-ва. Не слѣдуетъ упрекать сеймовъ въ томъ, что они затрудняютъ измѣненія и нововведенія; напротивъ того, въ томъ-то и заключается одна изъ выгодъ этой формы правленія, что она ведетъ къ прочности учрежденій; отвергнутый законъ оставляетъ вещи въ прежнемъ ихъ положеніи. Новымъ учрежденіямъ нужно дать время созрѣть. Не излишне иногда подвергать ихъ обсужденію на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сеймахъ.

Общая подозрительность. Во многихъ умахъ носится представленіе, будто существуетъ невысказанное стремленіе отталкивать, одного за другимъ, всѣхъ людей съ талантомъ и съ характеромъ и вводить въ правительство честолюбивыхъ, лишенныхъ добраго имени выскочекъ. Такимъ образомъ, говорятъ, все еще болѣе замедлится и запутается; самыя благодѣтельныя реформы извратятся; будетъ много предписаній, много порядка на бумагѣ; но исполненія будетъ мало, мало добрыхъ послѣдствій. Правительство, составленное такимъ образомъ, все болѣе и болѣе будетъ утрачивать довѣріе В. В-ва и уваженіе націи; оно такимъ образомъ сдѣлается орудіемъ собственнаго разрушенія, которое оно, пожалуй, наконецъ само предложитъ. В. В. и Ц. В-во найдете, что это пока-

занія неопредѣленныя, опасенія преувеличенныя и причудливыя. Однакоже упоминаю о нихъ, для того чтобы Васъ предъупредить и что-бы Вы были осторожны въ Вашихъ выборахъ.

Бережливость. В. И. В-во были правы, предписавъ строгую бережливость. Страна можетъ много выиграть отъ нея, если сбереженія будутъ распредѣлены, какъ слѣдуетъ, и если не будетъ отступленія отъ предписаннаго Вами правила, подъ предлогомъ, что дѣла идутъ не такъ дурно, какъ предполагали. Вы, Государь, мудро предписали уменьшить количество чиновниковъ, состоящихъ на жалованьи, и Вы, по этому поводу, взываете къ Польскому патріотизму: сомнѣваюсь, что-бы правительство отозвалось на этотъ призывъ въ той мѣрѣ, какъ это было-бы нужно, и что-бы оно воспользовалось имъ относительно жителей. Конституціонный бюджетъ, приходы и расходы, точно опредѣленные закономъ, одни могутъ впредь спасти финансы отъ новаго дефицита.

Надежды и желанія. — Каковы-бы ни были наши теперешнія испытанія, я убѣжденъ, что дѣло моей родины и ея свободы не погибло, пока оно находится въ рукахъ В. В-ва.— Оживите, Государь, нѣсколькими утѣшительными словами эту страждущую и унывающую страну. Одного Вашего слова будетъ достаточно, чтобы возвратить ей ускользающую отъ нея надежду на прочную и счастливую будущность. Націею руководить легко; она воспріимчива ко всѣмъ улучшеніямъ; она заключаетъ въ себѣ людей способныхъ, честныхъ, преданныхъ. Наши желанія заключаются единственно въ томъ, что-бы не случилось ничего такого, чего-бы не пожелали Вы сами; что-бы лица, Васъ замѣняющія, имѣли съ Вами одни цѣли, одни намѣренія, что-бы они усвоили себѣ Ваши формы. Тогда они покорили бы сердца вмѣсто того, что-бы ихъ отталкивать. Мѣстное правительство сдѣлалось-бы строгимъ къ самому себѣ и доброжелательнымъ къ управляемымъ; дружба, довѣріе, патріотизмъ руководили-бы его сношеніями съ націею и ея представителями, и эти послѣдніе спѣшили-бы идти на встрѣчу всякому разумному и полезному предложенію. Это было-бы средствомъ сдѣлать ненавистными личныя нападки, если-бы еще стали себѣ позволять таковыя и сдѣлать смѣшнымъ всякое передразниваніе Французскихъ ораторовъ, которое кажется мнѣ и неловкимъ, и предосудительнымъ.

Иностранное вліяніе.—Смѣю умолять В. И. В-во, что-бы Вы крайне остерегались внушеній и вліяній иностранныхъ кабинетовъ. Какъ не имѣть имъ заднихъ мыслей? Они только и думаютъ объ томъ, чтобы привить къ Вамъ всѣ свои воззрѣнія, что-бы увлечь Васъ по своему пути, для того что-бы низвести Васъ къ уровню прочихъ государей, надъ коимъ до сихъ поръ господствовала Ваша звѣзда. Первая ихъ цѣль, величайшій ихъ интересъ, заключается въ томъ, что-бы унизить Васъ во мнѣніи Европы и лишить Васъ любви и благоговѣнія народовъ, ибо они весьма сознаютъ, Государь, что это значило-бы лишить Васъ значительной доли Вашей власти.

Я пробылъ въ Варшавѣ лишь короткое время. Лѣта и немощи моего отца принудили меня тотчасъ отправиться въ деревню, въ которой онъ живетъ. Поставленный внѣ всякихъ дѣлъ, я не желаю измѣнять своего

положенія; съ каждымъ годомъ, сердце мое становится Вамъ болѣе благодарнымъ, Государь, за то, что Вы избавили меня отъ всякой правительственной должности. Однако-же, старинная моя преданность не можетъ, до сихъ поръ, согласиться на совершенное бездѣйствіе, и мнѣ представляется, что я еще приношу Вамъ пользу, Государь, извѣщая Васъ отъ времени до времени о томъ, что̀ происходитъ и что̀ едва-ли дойдетъ до Васъ иными путями.—Я бы желалъ, и я былъ бы счастливъ узнать, что усердіе мое Вамъ не въ тягость и что я и впредь не обязанъ его сдерживать.

Да сохранитъ Господь В. В-во для блага народовъ, ввѣреныхъ Имъ Вамъ. Да смягчитъ Онъ Ваше сердце въ пользу несчастной націи, для которой Вы единственная надежда. Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, да будутъ другіе исполнителями Его кары, и да будетъ Вамъ дано быть всегда орудіемъ Его благодѣяній.

XLIV.

1823.

Способъ, коимъ г. Новосильцовъ во время послѣдняго своего пребыванія въ Вильнѣ, выразился на счетъ Университета и подвѣдомственныхъ оному школъ, заставляетъ меня опасаться, что-бы, въ своемъ донесеніи о событіяхъ въ Гимназіи, онъ не помѣстилъ тяжкихъ обвиненій и самыхъ невыгодныхъ заключеній о народномъ образованіи въ Польскихъ областяхъ и объ учрежденіяхъ, завѣдующихъ онымъ.

Я не намѣренъ оправдывать фактовъ предосудительныхъ, ни защищать виновныхъ; однако-же, такъ какъ эти заведенія двадцать лѣтъ состояли подъ моимъ управленіемъ, то покорнѣйше умоляю В. И. В-во не произносить на ихъ счетъ Вашего Высочайшаго рѣшенія, не выслушавъ меня и не позволивъ мнѣ отвѣчать на обвиненія, которыя могутъ заключаться въ донесеніи г. Новосильцова.

Не разъ, въ теченіи моей жизни, имѣлъ я счастіе доказать мою привязанность къ Августѣйшей особѣ В. И. В-ва и удостоиться отъ Васъ свидѣтельствъ довѣрія и милости, лишиться коихъ я не заслужилъ, и которыя запечатлѣли въ сердцѣ моемъ глубочайшую благодарность.

Эти драгоцѣнныя воспоминанія подаютъ мнѣ утѣшительную надежду, что В. И. В-во соизволите принять просьбу, съ коею осмѣливаюсь къ Вамъ обращаться и которая не имѣетъ иной цѣли какъ представить Вамъ истину со всѣхъ ея сторонъ

Не смѣя утруждать В. И. В-во въ Брестѣ, гдѣ всѣ Ваши минуты будутъ слишкомъ заняты, я буду ожидать въ Меджибожѣ въ Подоліи приказаній, которыя Вамъ угодно будетъ мнѣ передать.

XLV.

Волосовцы, 18 (30) Октября 1823.

Пользуясь разрѣшеніемъ В. И. В-ва, осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ просьбу о дарованіи мнѣ полной отставки.

Если когда-либо В. И. В-во еще сочтете меня способнымъ принести Вамъ какую-либо пользу, я всегда буду готовъ и счастливъ повиноваться Вашимъ Высочайшимъ велѣніямъ.

Моя преданность, мои горячія молитвы о сохраненіи дней В. И. В. и о долгомъ благополучіи Вашего царствованія прекратятся лишь съ моею жизнію.

XLVI.

1823

Кн. Голицынъ обязательно извѣстилъ меня, что В. И. В-ву угодно даровать мнѣ отставку лишь по окончаніи Виленскаго дѣла.

Знаю, сколь обязанъ я повиноваться всему, что будетъ угодно В. В-ву мнѣ предписывать; однако, да будетъ мнѣ дозволено представить Вамъ, что слѣдствія, предпринятыя въ Вильнѣ, могутъ еще протянуться весьма долго и что я по этому дѣлу не могу принести никакой пользы службѣ В. В-ва. Вотъ уже скоро годъ, какъ я разлученъ съ больною женою и съ сыномъ; состояніе ея здоровья не позволяетъ ей ускорить свой отъѣздъ. И такъ, я осмѣливаюсь сослаться на милостивыя увѣренія В. И. В-ва и снова представить Вамъ мою просьбу, чтобы Вы соблаговолили даровать мнѣ полную отставку отъ службы и дозволить мнѣ отправиться къ женѣ за границу. Простите мнѣ, Государь, мое почтительное ходатайство и соблаговолите снизойти на него.

XLVII.

1823.

Ревнуя о добромъ мнѣніи В. И. В-ва, столь для меня драгоцѣнномъ, осмѣливаюсь, въ ту минуту какъ получаю я отставку, умолять, что-бы мнѣ было дозволено сказать Вамъ нѣсколько словъ о себѣ самомъ. Не имѣя на малѣйшаго притязанія сохранить мою должность, стремлюсь только къ тому, что-бы оставить въ памяти В. И. В-ва благопріятное впечатлѣніе.

Хочу говорить лишь о моей службѣ въ должности попечителя, которая одна, повидимому, подвергается различнымъ толкованіямъ.

В. И. В-во соизволили возложить на меня эту должность въ 1803 году. Мои обязанности по коллегіи иностранныхъ дѣлъ и постоянное мое (за изъятіемъ нѣсколькихъ мѣсяцовъ, проведенныхъ съ родителями) пребываніе въ Петербургѣ не позволяли мнѣ заняться исключительно дѣлами Виленскаго округа. Этотъ предметъ, при всей его важности, казался тогда второстепеннымъ на ряду съ прочими моими занятіями.

Событія 1805, 1806 и 1807-го годовъ не могли не отвлечь меня отъ всякого иного предмета.

Я оставилъ Петербургъ въ 1810 году. Съ тѣхъ поръ, событія эпохи удерживали меня за границею. Путешествія мои и занятія въ теченіи 1814 и 1815-го годовъ извѣстны В. И. В-ву.

Я снова вступилъ въ должность попечителя лишь въ 1816 году. В. И. В-во позволили мнѣ, однакоже, остаться въ Варшавѣ, что-бы тамъ исполнять обязанности, которыя Вы соблаговолили ввѣрить мнѣ относительно Царства. Покончивъ съ ними, я посѣтилъ въ 1817 году Университетъ и многія изъ школъ округа.

Время, истекшее съ 1803 года, когда были составлены первые уставы, уже развило въ школахъ новыя потребности и дало почувствовать недостаточность старыхъ правилъ. Неудобства оныхъ, однако-же, могли быть замѣчены и вполнѣ оцѣнены лишь по мѣрѣ того, какъ ихъ обнаруживали обстоятельства. Сообразно съ этимъ, если сдѣлаютъ обзоръ моей служебной дѣятельности, то найдутъ, что важный этотъ предметъ постоянно занималъ мои мысли и что, начиная съ 1817 года, я вводилъ или

предлагалъ, почти ежегодно, мѣры къ улучшенію порядка въ школахъ (ибо здѣсь я намѣренъ говорить лишь объ одномъ этомъ предметѣ). Въ 1817 году я предписалъ студентамъ не носить иного платья, кромѣ присвоеннаго имъ мундира и совершенно запретилъ имъ посѣщать театры и прочія публичныя сборища. — Въ 1818 году я учредилъ въ самомъ Университетѣ спеціальный комитетъ, коему исключительно поручался надзоръ надъ школами и надъ элементарными книгами. Въ 1819 г. старыя правила относительно поведенія студентовъ и пріема ихъ въ Университетъ были передѣланы, и были опредѣлены обязанности гувернеровъ, надзирающихъ за ежедневнымъ поведеніемъ воспитанниковъ въ школахъ.

Конечно, эти мѣры нынѣ могутъ показаться недостаточными и слабыми; но слѣдуетъ судить о нихъ по времени и по обстоятельствамъ, для коихъ были онѣ расчитаны.

Около этого времени получилъ я отъ В. И. В-ва разрѣшеніе поѣхать за границу, гдѣ здоровье моей жены заставило меня прожить два года.

Во время всѣхъ сихъ моихъ отлучекъ, Университетъ и Виленскій округъ оставались въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, при чемъ система преподаванія не подвергалась ни малѣйшему измѣненію, ни малѣйшему порицанію.

До тѣхъ поръ и во всѣ періоды моей службы, управленіе школами и развитіе просвѣщенія конечно были предметомъ крайне важнымъ; но труды и надзоръ, коего онъ требовалъ, могли быть ведены исподоволь и безъ настоятельной поспѣшности.

При возвращеніи моемъ подъ конецъ 1821 года, я засталъ вещи въ положеніи гораздо болѣе трудномъ и опасномъ.

Дѣла школъ совершенно измѣнили свой видъ и свой характеръ. Буйный духъ, пробудившійся въ разныхъ Германскихъ университетахъ, пагубное повѣтріе тайныхъ обществъ между студентами этихъ университетовъ возбудили вниманіе правительствъ. Зараза легко могла распространиться и на наши школы. Вскорѣ по моемъ возвращеніи, я написалъ, еще въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, къ тогдашнему ректору оффиціяльную бумагу, въ коей предписывалась ему крайняя бдительность и строго воспрещались тайныя общества.

Это распоряженіе, внушенное мнѣ неопредѣленными опасеніями, не осталось безъ нѣкотораго дѣйствія. Позволительно, по крайней мѣрѣ, льстить себя этою мыслію, при сближеніи времени, когда оно дано, съ эпохою, когда, даже по послѣднимъ Виленскимъ слѣдствіямъ, извѣстные тайные происки и первые зачатки обществъ были прерваны и разсѣяны.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1822 года, я предпринялъ общую ревизію Университета, котораго я не видалъ три года, и пребываніе мое въ Вильнѣ продлилось до Іюня мѣсяца.

Знакомый съ состояніемъ воспитательныхъ заведеній въ Европѣ, съ измѣненіемъ ихъ духа и съ видами правительства, со времени этого посѣщенія, приложилъ я все мое усердіе и всѣ мои усилія къ тому, что-бы исполнить намѣренія В. В-ва, и чтобы спасти Виленскій округъ отъ несчастій, грозившихъ послѣдовательно всѣмъ Европейскимъ университетамъ.

Первою моею заботою должно было быть отъисканіе, для управленія Университетомъ, усерднаго и способ-

наго помощника, какъ орудія, на которое могъ-бы я расчитывать.

Замедленіе, коему я подвергся прежде, чѣмъ добился увольненія бывшаго ректора и утвержденія новаго, замедленіе, заставившее меня потерять шесть мѣсяцовъ, было причиною тому, что, за послѣднее это время, нѣкоторыя реформы, уже подготовленныя, не могли быть немедленно осуществлены, что̀ я и считаю одною изъ первыхъ причинъ тѣхъ несчастій, которыя обрушились на Университетъ.

Не будь этого замедленія, Виленская гимназія была-бы преобразована, и событіе 3 (15) Мая быть можетъ не совершилось-бы или приняло-бы оборотъ, гораздо болѣе естественный.

Однако-же съ того времени, какъ сдѣлался ректоромъ г. Твардовскій, было предпринято много улучшеній, въ особенности по части администраціи и полиціи, на которыя я обратилъ особливое его вниманіе оффиціальною бумагою отъ Ноября 1822 года, гдѣ школьной полиціи давалось новое развитіе. Все принялось процвѣтать, все подавало надежду, что эти заведенія заслужатъ вновь прежнее покровительство и столь драгоцѣнную благосклонность В. В-ва.

Но въ ту самую минуту, какъ новый ректоръ начиналъ развивать свою дѣятельность, его посадили подъ арестъ. Этимъ арестомъ, а за тѣмъ Виленскимъ слѣдствіемъ у насъ была отнята возможность дѣйствовать; — такъ что, выключивъ всѣ эти перерывы и бросивъ взглядъ на работы, занимавшія меня со времени вступленія въ должность новаго ректора, всякій будетъ вынужденъ сознаться, что обыкновеннаго усердія не хватало бы на то, что-бы совершить такъ много въ столь краткое время.

Я долженъ присовокупить еще одно обстоятельство, которое не преминетъ подѣйствовать на сердце В. И. В-ва и окончательно оправдаетъ меня въ Вашихъ глазахъ, если дѣятельность моя показалась Вамъ несоотвѣтствующею трудности обстоятельствъ. Среди этихъ-то затрудненій, этихъ непріятностей подвергся я въ моемъ семействѣ самымъ тяжкимъ несчастіямъ, такъ что я считаю этотъ послѣдній годъ моей службы однимъ изъ годовъ моей жизни, въ которые я испыталъ наиболѣе горя.

Какъ бы то ни было, я оставляю мою должность съ убѣжденіемъ, что я служилъ В. В-ву всѣми моими силами, съ усердіемъ искреннимъ и разумнымъ, въ убѣжденіи, что реформы и улучшенія, предположенныя или предпринятыя въ столь краткое время, произведутъ результаты достаточно-удовлетворительные, что-бы не оставить въ умѣ В. В-ва никакого сомнѣнія на счетъ Виленскаго округа и что польза будетъ принесена безъ шума, безъ крика, безъ возбужденія неудовольствія въ странѣ. — Отчетъ, который я представлю министерству, на свидѣтельство коего я въ правѣ сослаться, докажетъ подробнѣе и относительно всѣхъ прочихъ отраслей моего управленія истину того, что̀ я тутъ осмѣливаюсь высказать въ немногихъ словахъ.

Мнѣ остается только поручить заведенія зарождающіяся и упрочившіяся, всѣхъ лицъ, добросовѣстно и усердно исполняющихъ свои обязанности, многочисленное юношество Виленскаго округа, благотворному покровительству В. И. В-ва. — Буду постоянно молить Бога о томъ, что-бы они не лишились единственной этой защиты, безъ коей заведенія, и поддерживающіе ихъ фонды, и вся польза, коей можно отъ

нихъ ожидать въ настоящемъ и будущемъ, едва-ли избѣгнутъ гибели.

Царствованіе В. В-ва началось столь блистательно по покровительству, оказанному Вами просвѣщенію, что одна эта мысль должна успокоить всякую боязнь и внушить нѣкоторое довѣріе.

XLVIII.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ Императору.

Варшава 14 Мая 1823.

Имѣю честь представить В. В-ву два донесенія, доставленныя мнѣ военнымъ губернаторомъ, генераломъ отъ инфантеріи Римскимъ-Корсаковымъ, отъ 11 Мая, по поводу волненій въ Виленскомъ Университетѣ, вызванныхъ политическими надписями, сдѣланными воспитанниками на фасадѣ Доминиканскаго монастыря, и копію съ моихъ инструкцій генералу, командующему въ Литвѣ.

Честь имѣю просить В. И. В-во изъявить мнѣ Вашу волю на счетъ дальнѣйшихъ приказаній. Я-бы посовѣтовалъ В. В-ву употребить мѣры строгости и послать коноводовъ, Платера, Кулаковскаго, Косцолковскаго, въ отдаленные Сибирскіе гарнизоны, въ качествѣ рядовыхъ. Мнѣніе мое на этотъ счетъ основано на вѣрныхъ данныхъ, ибо духъ воспитанниковъ Виленскаго Университета всегда былъ мятеженъ, безпокоенъ и противенъ установленному порядку. Университетскія власти, вмѣсто того что-бы его сдерживать, сочувствуютъ и мирволятъ ему, какъ это оказалось въ настоящемъ случаѣ. Необходимъ примѣръ, и нужно принять мѣры серьозныя и строгія, что-бы искоренить на всегда это застарѣлое зло.

Я велѣлъ моему адъютанту полковнику графу Нессельроду отправиться въ Вильну и тамъ переговорить съ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ, что-бы вполнѣ ознакомиться съ состояніемъ умовъ и съ подпольными происками въ Университетѣ. Когда у меня будутъ эти свѣдѣнія, поспѣшу передать ихъ В. В-ву.

XLIX.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ князю А. Чарторыжскому.

Я получилъ актъ объ учрежденіи Виленскаго университета и донесеніе вашей свѣтлости отъ 18(30) Мая, въ коемъ сказано, что на фасадѣ Доминиканскаго монастыря были прибиты воспитанниками Университета тайныя и непозволительныя писанія. Манёвры эти весьма важны, и надлежитъ принять строгія мѣры для пресѣченія зла въ его корнѣ. В. свѣтлости не безъизвѣстно, что послѣ многократныхъ нашихъ вчерашнихъ совѣщаній объ этомъ дѣлѣ, я уже отдалъ предварительныя приказанія, вслѣдствіе донесенія генерала отъ инфантеріи Римскаго-Корсакова. Честь имѣю послать в. свѣтлости копію съ моего донесенія Е. В-ву, отъ 14 Мая, объ этомъ предметѣ и о мѣрахъ принятыхъ мною въ ожиданіи его приказаній. Я послалъ моего адъютанта полковника графа Нессельрода въ Вильну и приглашаю в. свѣтлость дождаться его возвращенія, для того что-бы принять, по соглашенію со мною, мѣры дѣйствительныя и приспособленныя къ обстоятельствамъ. Для окончательнаго-же разрѣшенія этого важнаго вопроса, слѣдуетъ дождаться отвѣта на депешу, которую я имѣлъ честь отправить къ Е. И. В-ву.

L.

Великій Князь Константинъ Павловичь къ кн. А. Чарторыжскому.

Варшава, 28 Іюня 1823

Я имѣлъ честь дать знать в. свѣтлости, отъ 19 Мая 1823 г., что, для принятія совокупныхъ мѣръ относительно мятежныхъ попытокъ воспитанниковъ Виленскаго Университета я желалъ, что-бы в. свѣтлость остались въ моей резиденціи. Но, такъ какъ первое слѣдствіе, хотя и разъясняетъ нѣкоторыя стороны дѣла, но оставляетъ другія во мракѣ, и необходимо находиться на мѣстахъ, чтобы лучше съ нимъ ознакомиться, то я, въ силу власти, данной мнѣ Е. В-вомъ, предписалъ г. тайному совѣтнику сенатору Новосильцову отправиться въ Вильну, и уполномочилъ его дѣйствовать тамъ по своему усмотрѣнію. Если къ тому представится случай, онъ посовѣтуется съ в. свѣтлостію. Облекая этою властію г. Новосильцова, честь имѣю извѣстить о томъ в. свѣтлость.

LI.

Кн. А Чарторыжскій къ Великому Князю Константину Павловичу.

18(30) Мая 1823.

Ректоръ Виленскаго университета извѣстилъ меня, что онъ сообщилъ всѣ подробности событія происшедшаго въ Вильнѣ 3(5) Мая г. Литовскому генералъ-губернатору и что этотъ послѣдній уже донесъ объ оныхъ В. И. Высочеству. Не смѣю, поэтому, утруждать В. И В-во новымъ разсказомъ того-же событія; но считаю долгомъ довести до Вашего свѣдѣнія обстоятельства приключившіяся вслѣдъ за тѣмъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ протоколъ слѣдствія, составленный преподавателями Гимназіи, былъ посланъ г. генералъ-губернатору въ оригиналѣ, согласно съ его требованіемъ, Университетскому начальству были доставлены новые документы, касающіеся этого дѣла и, разсмотрѣвши исподоволь и эти бумаги, и самый протоколъ, оно рѣшило, по предложенію ректора, что первое слѣдствіе было недостаточно, что должно быть произведено новое изслѣдованіе и что нужно поручить его профессорамъ, избраннымъ въ самой средѣ Университета и пригласить гражданскія власти принять участіе въ слѣдствіи. Это постановленіе было сдѣлано университетскимъ правленіемъ въ засѣданіи 11 (23) Мая. Осмѣливаюсь приложить при семъ извлеченіе изъ протокола сказаннаго засѣданія.

Ректоръ Университета сообщилъ мнѣ это постановленіе, и я заключилъ изъ его донесенія, что событіе 3 (15) Мая приняло оборотъ гораздо болѣе серьезный, чѣмъ можно было предположить въ началѣ. По этому я подумалъ, что обязанности моей должности предписываютъ мнѣ тотчасъ отправиться въ Вильну, что-бы самому заняться веденіемъ этого дѣла и наказаніемъ виновныхъ.

Принявъ однако-же въ соображеніе что В. И. Высочество, главнокомандующій въ этихъ областяхъ, уже извѣщены объ этомъ дѣлѣ, я счелъ долгомъ прежде всего обратиться за приказаніями къ В. И. В-ву, что-бы затѣмъ руководствоваться оными.

LII.

Кн. А. Чарторыжскій къ Великому Князю Константину Павловичу.

Я имѣлъ честь получить приказанія, коими, въ отвѣтъ на мое донесе-

ніе отъ 18(30) Мая предписывается мнѣ ожидать здѣсь возвращенія графа Нессельрода изъ Вильны. Благодарю В. И. В-во за то, что Вы имѣли благосклонность сообщить мнѣ Ваше донесеніе Государю Императору и инструкціи, данныя Вами г. Литовскому генералъ-губернатору.

Прочитавши эти двѣ бумаги со всѣмъ вниманіемъ, какое предписываютъ мнѣ обязанности моей должности, важность обстоятельствъ, и довѣріе, оказанное мнѣ В. И. В-вомъ, вижу себя вынужденнымъ совѣстію представить В. И. В-ву слѣдующее.

Хотя я не имѣю свѣдѣній о донесеніяхъ, полученныхъ В. И. В-вомъ отъ г. Литовскаго ген.-губернатора, я долженъ однако-же заключить, изъ смысла отданныхъ приказаній, что этотъ генералъ, д. быть самъ введенный въ заблужденіе, основалъ сіи донесенія на свѣдѣніяхъ неточныхъ.

1°. Онъ смѣшалъ Гимназію съ Университетомъ, возлагая прямо на послѣдній отвѣтственность за безпорядки, происшедшіе въ первой.

2°. Онъ обвинилъ Университетъ въ незаконномъ веденіи слѣдствія.

3°. Онъ обвинилъ также Университетъ въ томъ, что онъ произнесъ приговоръ слишкомъ снисходительный и поспѣшилъ исполнить его, не предупредивъ г. генералъ-губернатора.

4°. Наконецъ его превосходительство словно обличаетъ Университетъ и въ особенности ректора въ томъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ слабо и безъ усердія.

Поэтому я вижу, что проницательность и справедливость В. И. В-ва были обойдены донесеніями, совершенно неточными, которыя по необходимости должны были зародить въ Вашемъ умѣ самое невыгодное сужденіе объ Университетѣ.

Полагаясь однако-же на ту-же проницательность и справедливость, льщу себя надеждою, что В. И. В-во соблаговолите извинить меня, если, для того, что-бы доказать неосновательность обвинительныхъ пунктовъ г. генералъ-губернатора, я войду въ нѣкоторыя подробности, которыя быть можетъ покажутся скучными, но заключаются единственно въ фактахъ, очевидность коихъ вытекаетъ изъ самыхъ тѣхъ донесеній, которыя были представлены В. И. В-ву.

Первый пунктъ. Г. Генералъ-губернаторъ не могъ не знать, что *правленіе* Гимназіи совершенно отдѣльно отъ правленія Университета. Это послѣднее занято общею администраціею всѣхъ школъ Виленскаго округа и не можетъ подробно слѣдить за каждою школою въ отдѣльности. Подробное это вѣдѣніе поручено въ Гимназіи особому начальнику и его помощнику, которые отвѣчаютъ за все то, что̀ въ ней происходитъ и о чемъ они не извѣщаютъ своевременно ректора Университета.

Нельзя также смѣшивать студентовъ Университета съ воспитанниками Гимназіи. Различіе въ лѣтахъ, въ степени знаній, въ образѣ занятій раздѣляетъ ихъ весьма рѣзкою чертою. Тѣ, коимъ близко знакомы школы, очень хорошо знаютъ, что студенты Университета не составляютъ одного общества съ воспитанниками Гимназіи и не смѣшиваются съ ними, почитая ихъ слишкомъ ниже себя.

Молодые люди, поступающіе въ Университетъ, уже прошли гимназическій курсъ, продолжающійся обыкновенно шесть лѣтъ; они, слѣдовательно, уже болѣе развиты образованіемъ, полученнымъ ими въ это время, между тѣмъ какъ воспитанники, поступающіе въ Гимназію, напротивъ то.

го, по большей части суть дѣти, прямо вышедшія изъ дома родительскаго и часто приносящія съ собою оттуда дурныя провычки и правила, которыя удается искоренить въ школахъ лишь по прошествіи многихъ лѣтъ и при самыхъ внимательныхъ усиліяхъ. Присовокуплю наконецъ, что воспитанники гимназій обыкновенно столь юны, что трудно предполагать въ нихъ предумышленность и дурныя намѣренія.

Вторый обвинительный пунктъ. — Дѣйствительно-ли первое слѣдствіе было произведено способомъ незаконнымъ и несогласнымъ съ предписанными формами?

1°. Ректоръ, какъ только до его свѣдѣнія дошло то, что̀ произошло въ пятомъ классѣ Гимназіи, тотчасъ предписалъ начальству этого заведенія произвести слѣдствіе по порядку, постоянно соблюдаемому въ школахъ. Для произведенія этого слѣдствія были назначены лица, которыя первыя дали знать о самомъ событіи.

По близкому знакомству съ характеромъ, съ недостатками, съ привычками каждаго воспитанника, по знанію отношеній воспитанниковъ между собою, преподаватели Гимназіи казались прежде всего способными раскрыть истину.

2°. Администрація имѣла право поручить слѣдствіе членамъ Университета, лишь убѣдившись, что сами преподаватели Гимназіи замѣшаны въ дѣло. Мы увидимъ ниже, что она такъ и поступила.

3°. Университетскіе уставы предписываютъ, что-бы въ случаѣ, если строгое слѣдствіе обнаружитъ, что проступокъ имѣетъ характеръ уголовный, виновный былъ преданъ общимъ судилищамъ, но все-таки по окончаніи предварительнаго слѣдствія.... Но такъ какъ въ дѣлѣ, о коемъ идетъ рѣчь, слѣдствіе лишь начато (какъ будетъ доказано ниже) то еще не могли передать виновныхъ той власти, коей они подсудны.

4°. Далѣе, въ случаѣ, когда въ проступокъ окажутся замѣшанными постороннія лица, законъ хочетъ, что-бы слѣдствіе было произведено полицейскимъ чиновникомъ совмѣстно съ властями вѣдомства народнаго просвѣщенія. Эта формальность также была исполнена.

И такъ, думаю, что, на основаніи этого изложенія относительно законности, нельзя упрекнуть ни въ чемъ университетское начальство за ходъ, данный имъ этому дѣлу.

Третій упрекъ, повидимому взведенный на Университетъ, заключается въ томъ, что «онъ произнесъ приговоръ слишкомъ снисходительный и поспѣшилъ привести его въ исполненіе, не предупредивъ г. генералъ-губернатора». На это я отвѣчаю:

Университетъ, это правда, основалъ первыя свои рѣшенія на слѣдствіи, произведенномъ въ Гимназіи; но слѣдуетъ принять въ соображеніе:

1) Что надписи, усмотрѣнныя полиціею на стѣнахъ Доминиканскаго монастыря и другія отягчающія обстоятельства, еще не совершились, или оставались неизвѣстными.

2) Университетъ былъ вынужденъ настояніемъ генералъ-губернатора поспѣшить всѣми своими рѣшеніями.

3) Онъ еще не получалъ бумагъ, доказывающихъ недостаточность перваго слѣдствія, каковы объясненія гимназическихъ чиновниковъ и письмо г. Платера.

4) Университетъ полагалъ также, что въ началѣ умѣстно избѣгать всякой огласки, всякого подобія преслѣдованія или тревоги, что-бы не воз-

будить въ юношествѣ общаго интереса, чего слѣдовало остерегаться, что-бы не затруднить еще болѣе узнаніе истины. Однако, въ случаѣ этаго рода, онъ считалъ приличнымъ дѣйствовать прежде всего осторожно, безъ шума, предоставляя правительству затѣмъ дать этому дѣлу тотъ ходъ, какой оно сочтетъ нужнымъ.

5) Однако, не по одному отдѣльному обстоятельству можно судить объ администраціи Университета, но по совокупности его дѣйствій по этому дѣлу. Университетъ, какъ только получилъ онъ вышеупомянутыя бумаги, доказавшія ему недостаточность перваго слѣдствія, поспѣшилъ отмѣнить первыя свои рѣшенія. Онъ тотчасъ приступилъ къ новому слѣдствію, поручилъ его тремъ профессорамъ Университета, попросилъ г. генералъ-губернатора прикомандировать къ нимъ, по закону, полицейскаго чиновника и временно отрѣшилъ отъ должности директора Гимназіи и его помощника, какъ о томъ свидѣтельствуетъ протоколъ Университетскаго правленія, который я имѣлъ честь представить В. И. В-ву при донесеніи моемъ отъ 18 (30) Мая. Всѣ эти мѣры были приняты, какъ только успѣли очнуться. Университетъ принялъ ихъ по собственному побужденію, безъ всякаго вызова; ибо генералъ-губернаторъ, хотя и извѣщенный 9 Мая о первомъ рѣшеніи Университета, однако-же не выразилъ ему тогда своего неодобренія.

Чтò касается до упрека, «что первый приговоръ былъ слишкомъ снисходителенъ, и что поспѣшили привести его въ исполненіе, не предупредивши г. генералъ-губернатора», то дѣйствительно, въ постановленіи, состоявшемся послѣ перваго слѣдствія, Университетъ не выказалъ достаточной строгости. Я уже указалъ на причины этого обстоятельства и обязанъ только напомнить здѣсь В. И. В-ву, что начальство Университета, въ особенности-же начальство подчиненныхъ ему школъ, имѣя дѣло лишь съ дѣтьми, имѣя случай судить лишь проступки, коимъ, въ разсужденіи возраста виновныхъ и необдуманности, свойственной юности, самые законы придаютъ менѣе важности, что эти начальства, говорю, облечены лишь властью налагать легкія наказанія, изъ коихъ самыя тяжкія суть арестъ и исключенія.

Чтò-же касается до приведенія приговора въ исполненіе, безъ предупрежденія г. генералъ-губернатора, то я долженъ сперва повторить мимоходомъ, что г. генералъ-губернаторъ былъ извѣщенъ о первомъ постановленіи, какъ только оно состоялось, а именно 9 Мая.

Но совершенно опровергается это заявленіе слѣдующими словами:.... «какъ только было предписано новое слѣдствіе, постановленіе сдѣланное 8 Мая вслѣдствіе перваго не могло, по самой этой причинѣ, быть приведено въ исполненіе»—и дѣйствительно, къ исполненію его не было и приступлено ибо приговоренные воспитанники подверглись заключенію лишь по полученіи приказанія генералъ-губернатора отъ 11-го Мая.

Въ итогѣ, я, какъ мнѣ кажется, доказалъ фактами и послѣдовательностію обстоятельствъ этого дѣла, что Университетъ не заслужилъ обвиненій, взведенныхъ на него г. генералъ-губернаторомъ. Его превосходительство постоянно извѣщали обо всемъ, чтò происходило и обо всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Университетомъ. Этотъ послѣдній сдѣлалъ все,

что̀ отъ него зависѣло, что-бы обезпечить раскрытіе истины, нарядивъ новое слѣдствіе, попросивъ генералъ-губернатора прикомандировать къ нему, по закону, гражданскихъ чиновниковъ; всякое исполненіе перваго приговора было пріостановлено, и гимназическіе начальники, виновные въ небрежности, на время были отрѣшены отъ должности. Наконецъ, съ тѣхъ поръ не происходило ни малѣйшаго безпорядка, ни малѣйшаго шума, и всѣ съ совершенною покорностію ожидали рѣшенія, которое будетъ угодно постановить В. В—ву.

Остается мнѣ отвѣчать на обвиненія, взведенныя передъ В. И. В-вомъ на ректора Твардовскаго. Чиновникъ этотъ, какъ мнѣ кажется, уже оправданъ всѣмъ сказаннымъ выше.

Его упрекаютъ въ томъ, что онъ, тотчасъ по полученіи слѣдствія, произведеннаго въ Гимназіи, не придалъ мѣропріятіямъ своимъ достаточной быстроты. Но ректоръ уставомъ обязанъ сообразоваться съ рѣшеніями правленія, состоящаго изъ декановъ, собирающихся подъ его предсѣдательствомъ. Дѣятельность его, слѣдовательно, замедляется коллегіальными формами, и онъ не можетъ вести дѣлъ съ тою-же быстротою, какъ чиновникъ дѣйствующій личною властію.

Чѣмъ ближе разсмотримъ мы ходъ этого дѣла, тѣмъ болѣе убѣдимся мы, что ректоръ въ немъ дѣйствовалъ съ совершеннымъ усердіемъ и искренностію. Тому служатъ очевиднымъ доказательствомъ быстрота и аккуратность, съ коими онъ извѣщалъ о всемъ, что дѣлалъ, г. ген.-губернатора, не только частыми изъустными сообщеніями, но и письменными донесеніями, а именно отъ 9—11 Мая.

Если-бы ректоръ отнесся къ дѣлу легко, какъ повидимому даетъ понимать г. генералъ-губернаторъ, то онъ не вытребовалъ бы у служащихъ въ Гимназіи объясненій по окончаніи перваго слѣдствія и препровожденіи его къ е. превосходительству.

Если-бы у него были заднія мысли, если-бы онъ захотѣлъ что-либо скрыть, онъ не сообщилъ-бы г. генералъ-губернатору, 10 Мая, этихъ объясненій въ коихъ именно и заключалось доказательство недостаточности перваго слѣдствія.

Кромѣ этихъ фактовъ, вполнѣ оправдывающихъ образъ дѣйствія ректора; въ настоящемъ случаѣ да будетъ мнѣ дозволено представить В. И. В-ву еще нѣсколько общихъ заключеній, говорящихъ въ его пользу.

Совершившееся событіе, во всякомъ случаѣ, можно разсматривать лишь какъ послѣдствіе прежнихъ злоупотребленій. Невозможно винить въ немъ нынѣшняго ректора, который, недавно призванный къ этой должности и утвержденный лишь нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, не могъ, въ столь короткое время, вполнѣ искоренить прежніе безпорядки и злоупотребленія, хотя я и содѣйствовалъ ему изо всѣхъ силъ, на сколько то позволяли мнѣ размѣры моей власти.

Безпорядки, происшедшіе въ Виленской гимназіи, главную причину свою имѣютъ въ плохомъ составѣ начальства этой школы; но выборъ его былъ произведенъ гораздо прежде назначенія г. Твардовскаго въ ректоры. Уже давно собирались произвести перемѣны въ личномъ составѣ, такъ-же какъ и другія реформы, безусловно необходимыя; но желаніе сдѣлать выборъ хорошій, трудность удаленія старинныхъ наставниковъ и краткость времени еще не позволили намъ произвести всѣ предлагаемыя преобразованія.

Каковы-бы ни были подозрѣнія, которыя хотѣли внушить В. И. В-ву противъ прочихъ членовъ Университета, на новаго ректора они пасть не могутъ. Онъ былъ избранъ внѣ Университета. Онъ никогда не былъ профессоромъ. Осѣдлый гражданинъ, имѣющій независимое состояніе, онъ исполнялъ многія гражданскія должности, даже предводительскую, къ удовольствію правительства, и онъ постоянно выказывалъ неутомимое усердіе и величайшую преданность службѣ. Эти факты доказываютъ несомнѣнно, что ректоръ Твардовскій былъ несправедливо обвиненъ передъ В. И. В-вомъ.

Близкое мое знакомство съ его характеромъ, съ его поведеніемъ, съ его образомъ мыслей, съ его преданностію правительству, не позволяютъ мнѣ въ томъ сомнѣваться и въ настоящемъ случаѣ возлагаютъ на меня обязанность громко свидѣтельствовать о его достоинствахъ и невинности.

Я не долженъ скрыть отъ В. И. В-ва послѣдняго, чрезвычайно важнаго соображенія; дѣло въ томъ, что черезъ арестованіе ректора, Университетъ и подвѣдомствованныя оному школы остаются безъ главы что̀ можетъ подать поводъ къ прискорбнымъ замѣшательствамъ, повести къ возобновленію злоупотребленій и растратъ и остановить ходъ народнаго образованія въ семи губерніяхъ.

Всѣ эти побудительныя причины въ совокупности налагаютъ на меня обязанность представить Вамъ о настоятельной необходимости для самой пользы службы освобожденія главы Университета и школъ, по непосредственному приказанію В. И. В-ва. Это вмѣстѣ съ тѣмъ было-бы возстановленіемъ справедливости относительно г. Твардовскаго. Да, онъ этого заслуживаетъ, ручаюсь въ томъ честію и чувствами привязанности и преданности, одушевляющими меня къ священной особѣ Государя Императора, чувствами, столь давно извѣстными. Эта-то преданность, ненарушимо сохраненная мною среди всѣхъ треволненій моей жизни, заставила меня ощутить глубочайшее огорченіе при чтеніи донесенія, посланнаго В. И. В-вомъ Государю Императору, въ коемъ Вы выразились такъ сильно о вредномъ духѣ, который долженъ господствовать въ Виленскомъ Университетѣ. Управляя, въ теченіи двадцати лѣтъ этимъ учрежденіемъ, близко знакомый съ каждымъ изъ лицъ входящихъ въ составъ его, я имѣю возможность представить многочисленныя доказательства его пользы и обличить тѣхъ, которые напрасно взвели на него передъ В. И. В-вомъ столь тяжкія обвиненія.

Конечно, нѣкоторыхъ изъ его членовъ можно было упрекнуть въ недостаткѣ усердія, въ равнодушіи, въ небрежности, въ разныхъ злоупотребленіяхъ; студенты также могли провиниться противъ дисциплины; есть-ли человѣческое учрежденіе, въ которое не вкрадывались-бы иногда злоупотребленія? Но обвинять его передъ В. И. В-вомъ въ предательскихъ намѣреніяхъ, въ преступныхъ проискахъ, въ вѣроломствѣ и неблагодарности къ Государю, осыпавшему его своими благодѣяніями, подобный извѣтъ могъ быть лишь дѣломъ враговъ спокойствія страны, людей ожесточенныхъ противъ народнаго образованія и противъ лицъ, коимъ оно поручено, тѣхъ наконецъ, которые, оскорбленные улучшеніями, предпринятыми въ Университетѣ, хотятъ отомстить за нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ.

Но, такъ какъ В. И. В-во послали въ Вильну должностное лицо, просвѣщенное и удостоенное Вашего довѣрія, то мнѣ не пристало въ настоящее время входить въ подробную защиту Университета, и я долженъ ожидать возвращенія г. полковника Нессельрода, который, если только онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы выслушать всѣ заинтересованныя лица, съумѣетъ, я въ томъ убѣжденъ, распознать истину и поможетъ мнѣ доказать, на сколько ненавистныя обвиненія взведенныя на Университетъ передъ В. И. В-вомъ, несправедливы и лишены основанія.

*

Замѣчательно, что на послѣднія докучливыя письма Чарторыжскаго мы не находимъ отвѣтовъ императора Александра Павловича. Не было ли вовсе этихъ отвѣтовъ, или сынъ Чарторыжскаго не нашелъ удобнымъ напечатать ихъ, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и тутъ разочарованіе было горькимъ удѣломъ великодушнаго Государя. Современники и ближайшее потомство винили его въ образованіи Царства Польскаго; но мы увѣрены, что потомство болѣе отдаленное, болѣе безпристрастное, по справедливости оцѣнитъ высокія его побужденія, коими злоупотребили Польскіе паны во вредъ себѣ и Россіи. Благодѣтельствуя Полякамъ, Александръ Павловичъ желалъ привязать ихъ къ Россіи и чрезъ то отнять у Западной Европы лишнее орудіе противъ насъ; онъ желалъ (по позднѣйшему выраженію Жуковскаго) „на небѣ простертомъ надъ двумя подвластными ему народами поставить свѣтлую радугу союза“.... Его благородныя усилія дали намъ возможность яснѣе сознать, что наша нравственная правда по отношенію къ Польшѣ есть наша сила. — Прибавимъ въ заключеніе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ связь между Россіею и Польшею, подобная той, какая выразилась въ образованіи Царства Польскаго, была предначертана еще Екатериною въ Гродненскомъ союзномъ трактатѣ 5 Октября 1793 г, осуществленію котораго помѣшала революція Костюшки (См. Иловайскаго, Гродненскій Сеймъ, стр. 223 и 264). *П. Б.*

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Спб. Сентября 10 (1831)

Насилу могъ я управиться съ своею книгою и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ. Одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій съ сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные—тѣмъ, кому вы по усмотренію своему опредѣлите. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур. комитетъ, изъ цензур. комитета въ типографію, и наконецъ теперь только перевелъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ, за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту. Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносной кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С. и съ ними бы далъ тягу на край свѣта;— или какой нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узналъ на дняхъ только? что э... но вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣ-

ромъ; что всему этому виною никто другой, какъ врагъ честнаго креста церквей господнихъ и всего огражденнаго святымъ знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ Проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го Августа. И къ вечеру того же дня, стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ

Окна мѣломъ
Забѣлены, хозяйки нѣтъ;
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Осталось воспоминаніе—и еще много кой-чего что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-Руской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣже самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ! Да поклонятся потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?... Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ чаще и чаще ударять священныя струны; а я, вашъ вѣрный богомолецъ, буду возсылать Ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный

Гоголь.

Моя квартира въ II Адмир. ч., въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Брунста.

2.

Полтава. Іюля 15-го 1835.

Человѣкъ, страшно соскучившій безъ васъ, шлетъ вамъ поклонъ изъ дальняго угла Руси, съ желаніемъ здоровья, вдохновенья и всѣхъ благъ. Можетъ быть вы и не догадаетесь, что этотъ человѣкъ есть Гоголь, къ которому вы бывали всегда такъ благосклонны и благодѣтельны. Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ, туда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ. Впрочемъ, здоровье, кажется, ужъ отъ однѣхъ переѣздовъ поправилось. Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что еслибъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду самъ звонить колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради. А теперь докучаю вамъ прозьбою;

вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ произшествіи, что мѣсто мое въ Пат. Ин. долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ–то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная, и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. За чѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ Августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась? Она добра и вѣрно не согласится меня обидѣть. Впрочемъ, что̀ то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все что̀ ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо. Дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было. Желая вамъ всего, всего что̀ есть для насъ лучшаго, обнимая васъ, цѣлуя и оставаясь съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью, всегда вашъ

Гоголь.

3.

Гамбургъ $^{28}/_{16}$ Іюня (1836)

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что-то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе, видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли.—Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношеской возрастъ.—Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ

по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго.— Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось я отпрыгивалъ выше, по-крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. - Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великой переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренной составъ мой, будетъ удаленъ отъ нея.

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей, могу какъ нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петерб., я едва только вывезъ двѣ тысячи, но можетъ быть съ ними я протяну какъ нибудь до Октября, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ. Съ Петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность.—Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо къ Копу отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ. Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурнаго и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ Мус. Пушкинъ, умеръ.—Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Копа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ князю Вяземскому и благодарите его отъ меня за его участіе и письмо.—Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ Нѣмецкой жизни.— Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вамъ какъ можно лучше, веселѣе проводить время и прося васъ думать иногда о томъ, который думать о васъ почитаетъ праздникомъ и приготовляетъ только на закуску послѣ трудовъ, остаюсь навсегда вашъ

Н. Гоголь.

4.

12 Ноября. (1836. Парижъ)

Я давно не писалъ къ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому жъ у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собою. Я къ вамъ писалъ, кажется, въ самомъ началѣ моего путешествія. Прошатавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ, для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы. Тамъ принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтера Скота. Читалъ я до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлалось такъ холодно, что пропала вся охота къ чтенію. Женевскіе холода и вѣтры выгнали меня въ Веве; никого не было въ Веве; одинъ только Блашне выходилъ ежедневно въ 3 часа къ пристани встрѣчать пароходъ. Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ,колотя палкою бѣгавшихъ по стѣнамъ ящерицъ, нацарапалъ даже свое имя Рускими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ, не посмѣлъ подписать его подъ двумя славными именами творца и переводчика Шиль. Узн.; впрочемъ, даже не было и мѣста. Подъ ними росписался какой-то Бурнашевъ, внизу послѣдней колоны, которая въ тѣни. Когда нибудь Руской путешественникъ разберетъ мое птичье имя, если не сядитъ на него Англичанинъ. Недоставало только мнѣ завладѣть комнатой въ вашемъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Великая Кн. Анна Ѳедоровна. Осень въ Веве наконецъ настала прекрасная, почти лѣто; у меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за Мертвыхъ Душъ, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись.— Швейцарія сдѣлалася мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальной сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день. Но наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно, комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе тогда представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои Мертвыя Души, я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ гемороидъ, и совѣтывалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтывалъ перемѣнить мѣсто. Мое намѣреніе до того было про-

вести зиму въ Италіи, но въ Италіи бушевала холера страшнымъ образомъ; карантины покрыли ее какъ саранча. Я встрѣчалъ только бѣжавшихъ оттуда Итальянцевъ, которые отъ страху, въ маскахъ, проѣзжали свою землю. Не надѣясь развлечься въ Италіи, я отправился въ Парижъ, куда вовсе не располагалъ было ѣхать. Здѣсь встрѣтилъ я своего двоюроднаго брата, съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Это лучшій изъ выпущенныхъ вмѣстѣ со мною изъ Нѣжина. Жаль, что вы не знаете его стиховъ, которые подъ величайшимъ страхомъ, показалъ онъ только одному мнѣ, и то не прежде какъ затворивши всѣ двери, чтобы и Французы не услышали. Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и что всего лучше для меня: мѣстъ для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что̀ для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую. Снова веселъ; Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу Мертвыхъ Душъ въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу коечто изъ него.. божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души. Огромно велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто-то Незримой пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ.—Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни.—Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что̀ есть для васъ дорогаго на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ; если вы не исполните моей просьбы, то.. но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миньятюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, которой закажу налитографировать только въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его.—Напишите что нибудь ко мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если-бъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки!—Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ Февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и Души потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse №12.

Не представится ли вамъ какихъ нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше

воображенiе вѣрно увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось либо и онъ найдетъ что нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но не смотря на то, вы все еще можете мнѣ сказать много новаго, ибо что̀ голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ Мервыхъ Душъ. Названiе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать настоящее дѣло. Прилагаемое письмо прошу васъ покорнѣйше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранитъ васъ Богъ отъ почечуевъ и отъ встрѣчъ съ тѣми физiогномiями, на которыя нужно плевать, и да бѣгутъ они отъ васъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.

Прощайте! до слѣдующаго письма.

5.

Октября 30. Римъ. 1837.

Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможенiе. Благодарность сильна въ груди моей, но излiянiе ея не достигнетъ къ Его Престолу. Какъ нѣкiй богъ, Онъ сыплетъ полною рукою благодѣянiя и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но можетъ быть слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и прибавитъ умиленную черту къ Его нравственнымъ доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленiй на землѣ. Вексель съ извѣстiемъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарiю и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италiю! Она моя! Никто въ мiрѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь.—Россiя, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этаго сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанiя въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. — Еще одно безвозвратное..... О Пушкинъ! Пушкинъ! Какой прекрасной сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденiе! Чтобы за жизнь моя была послѣ этаго въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италiи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу какъ изступленный на нее и не нагляжусь до сихъ поръ. Вы говорили мнѣ о Швейцарiи, о Германiи и всегда вспоминали о нихъ съ восторгомъ. Моя душа также ихъ приняла живо, и я восхищался ими, даже можетъ съ большей живостью, нежели какъ я въѣхалъ въ первой разъ въ Италiю. Но теперь, когда я побывалъ въ нихъ послѣ Италiи , низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто бы я былъ въ Олонецкой гу-

берніи и слышалъ медвѣжье дыханье сѣвернаго океана.—И неужели вы не побываете здѣсь, и не поглядите на нее? И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи, своими пронзительными очами. — Я веселъ; душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни!—Я ничего еще не сдѣлалъ, что бы было достойно вашего трогательнаго расположенія.—Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. Покрайней мѣрѣ мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Вашъ Гоголь.

Мой адресъ: Strada felice № 126. Ultimo piano.

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому. Прошу васъ покорнѣйше отдать эти письма Алекс. Осип. Смирновой и Андрею Карамзину.

6.

Римъ. Февраль (1839)

Вотъ уже недѣля какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру; т. е. разинувъ ротъ, глупо глядя вслѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дни рѣшительно не зналъ за что приняться. Еслибы хотя была въ это время гадкая дождливая погода, но какъ на бѣду дни были чудные, какихъ при васъ еще не было, теплые, потопленные въ солнцѣ. Я отправился въ Колисей, на Форумъ Rom. и такъ странно глядѣлъ на все это, какъ еще никогда не глядѣлъ. Я возвратился въ городъ смутно, а къ вечеру мнѣ сдѣлалось просто скучно. Подлецъ Л. не прислалъ мнѣ даже вашего бюста, который онъ просилъ удержать на двѣ минуты и котораго я до сихъ поръ не могу у него добиться. Какъ я терпѣть не могу этого человѣка, и странно, что это чувство раздѣляютъ всѣ видящіе его въ первый разъ. Моя комната была бы тогда полнѣе, и лучше, успокоительнѣй; а теперь мнѣ все кажется, что изъ ней кто-то сію минуту выѣхалъ или выѣзжаетъ, что половину уложенный чемоданъ стоитъ по серединѣ, по всѣмъ угламъ клоки оберточной бумаги, веревочекъ, стараго бѣлья.... Гдѣ вы теперь въ эту самую минуту, когда пишу? Къ какому мѣсту подъѣзжаете? Слишите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть вы бы не захотѣли тогда выѣхать изъ Рима. Чудное время! Я бы былъ счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства, какое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячь, веселые крики. Все видитъ онъ и не

хочетъ оторваться отъ своего зрѣлища, потирая кулакомъ и рукавомъ свою упрямо-кислую рожу и не спуская глазъ съ опускающагося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель съ красками готова; съ сегодняшняго дня отправлюсь рисовать на весь день. Я думаю въ Колисей. Обѣдъ возьму въ карманъ. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовалъ рисовать. Краски ложатся сами собою, такъ что потомъ дивишься, какъ удалось подмѣтить и составить такой-то колоритъ и оттѣнокъ. Если бы вы остались здѣсь еще недѣлю, вы бы уже не принялись за карандашъ. Колоритъ потеплѣлъ необыкновенно; всякая развалина, колонна, кустъ, ободранный мальчишка, кажется, воютъ къ вамъ и просятъ красокъ. Какъ чудно! Въ другихъ мѣстахъ весна дѣйствуетъ только на природу: вы видите, оживаетъ трава, дерево, ручей. Здѣсь же она дѣйствуетъ на все: оживаетъ развалина, оживаетъ плисъ на курткѣ бирбачона, оживаетъ высеребренная солнцемъ стѣна простаго дома; оживаютъ лохмотья нищаго, оживаетъ ряса капуцина съ висящими назади капучіо; даже этотъ продуктъ, котораго мы находили цѣлыя плантаціи разведенныя трудолюбивыми Римлянами подъ всѣми почти стѣнами и оградами, принялъ какой-то весьма пріятный для глазъ коричневый цвѣтъ; а сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно какъ дома; — и въ такомъ количествѣ, что рады или не рады, а къ вамъ который нибудь непремѣнно попадетъ въ первый планъ. Бывало, помните, мы гонялись за натурою, т. е. движещеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то Албанка, то аббатъ, то наконецъ такого страннаго рода существа, которыхъ опредѣлить трудно. Вчера на примѣръ, когда я рисовалъ, сталъ прямо противъ меня мальчишка, у котораго были такого рода странные штаны, какихъ безъ сомнѣнія ни одинъ портной не шилъ. Я потомъ уже догадался, что они передѣланы изъ отцевской разодранной куртки; но только дѣло въ томъ, что они не перешиты, а просто ноги вдѣты въ рукава, и на брюхѣ подвязано веревкой; входъ къ заду совершенно свободенъ, такъ что онъ можетъ по примѣру отцовскому разводить коричневыя плантаціи подъ стѣнами развалинъ. Въ Колисеѣ явились проповѣди, и толпы народа, и монахи съ бѣлыми бородами, и одѣтые всѣ съ низу до верху въ бѣлое, какъ древніе жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата mezzo-художника; одинъ взмахъ кисти, и монахъ готовъ. Вчера солнце освѣтило мнѣ одного изъ нихъ, тогда какъ всѣ прочіе были обняты тѣнью. Это было прелесть какъ эфектно и какъ легко рисовать. Вчерашній день кончились празденства по случаю избранія двухъ кардиналовъ большимъ фейерверкомъ на Monte Citorio, гдѣ пушки между прочимъ составили какой-то музыкальный концертъ. Всѣ три дни Римъ былъ иллюминованъ, такъ какъ теперь не иллюминуютъ въ другихъ городахъ. Цѣлыя пылающія стѣны домовъ, смоляныя бочки по всѣмъ улицамъ. Я взглянулъ съ Monte-Pincio — прелесть! Вообразите смоляныхъ бочекъ не видно, а только стѣны въ огнѣ, такъ что кажется весь городъ грѣется у очага. Вотъ вамъ новость старыхъ временъ: на два дни ѣзды изъ Рима вырытъ на прошлой недѣли амфитеатръ почти равный величиной съ Teatro Marcello. Весь этажъ цѣлъ, много обломковъ отъ колонъ, и статуи думаютъ

на днѣ найти цѣлыя. Первымъ временемъ установившейся весны воспользуюсь и поѣду поглядѣть. Теперь жаль на минуту оставить Рима: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованья. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда рисуя, я позабывшись вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ и оборотившись вижу и какъ будто слышу пустоту, покрайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты. Даже болвана Антонія не встрѣтили мои глаза, по крайней мѣрѣ я бы тогда обрадовался его присутствію. Какъ странно, когда встрѣтишь вдругъ среди улицы слугу, котораго мы знали въ услуженіи близкимъ и дорогимъ нашему сердцу и который теперь служитъ другимъ; съ перваго разу вдругъ подойдешь къ чему съ живостью; мысль о господахъ его не отрѣшилась еще отъ него въ глазахъ нашихъ. Даже спросишь: какъ, что̀ твои господа? И потомъ вдругъ остановишься, вспомнивши, что господа его чужіе. Вотъ настоящая мефистофелевская насмѣшка надъ человѣкомъ. Здѣсь только въ первый разъ видишь поэзію крѣпостнаго человѣка. — Я бы очень желалъ знать, какъ вашъ теперь маршрутъ, гдѣ и сколько дней, и не знаю, какъ бы это сдѣлать. Вамъ объ этомъ некогда меня увѣдомить. Поручите кому нибудь маленькія два слова, только главное, нѣтъ ли т. е. главныхъ измѣненій въ вашемъ маршрутѣ, чтобъ я зналъ, куда писать къ вамъ. Можетъ быть вамъ некогда читать мои письма. Но теперь это моя потребность: мнѣ кажется, я сталъ веселѣе, написавши къ вамъ письмо.

На оборотѣ:

Vienne (en Autriche)

Его превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому

Recomandée aux soins obligeants de la légation Impériale de Russie.

7.

Римъ. Апрѣль 18/6 (1839)

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею прозьбою. Вы одни въ мірѣ, которaго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то что̀ только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что̀ мнѣ тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копѣйки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатой, большой трудъ, которой писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна;—а между тѣмъ, я начинаю вѣрить тому, что̀ прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голода. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ, около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ Акаде-

міи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ. — Поди я въ актеры — я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10000 т. и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. — Но я писатель — и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другаго. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться; но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны, также справедливы. — Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь, до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько нибудь изъ того что̀ мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ Государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое Онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите! Если же оно написано не такъ какъ слѣдуетъ, то—Онъ милостивъ, Онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, незнающій какъ писать къ Его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ Нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только Русской подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить Его прозьбою, что зналъ, что мы всѣ Ему дороги какъ дѣти.—Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ, вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы!—Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливой комплиментъ.—Если бы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ Академіи Художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле. — Найдите случай и средство указать какъ нибудь Государю на мои повѣсти: *Старосвѣтскіе помѣщики* и *Тарасъ Бульба.* Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми они изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибъ ихъ прочелъ Государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота чувствъ и что̀ пишется прямо отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что Онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія.—Но будь все то, что̀ угодно Богу. На Его и васъ моя надежда.—Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу, онъ можетъ быть ко мнѣ напишетъ.—Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему что̀ должно утѣшать и восхищать душу.—Можетъ быть это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты (*),

(*) Кончина молодаго графа Іосифа Михайловича Вельегорскаго. *П. Б.*

которую мы понесли, и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ Гоголь.

8.

Варшава. Сентября 12 (1839)

До меня только дошли слухи, что вы писали ко мнѣ. Я два раза получилъ письмо отъ Вьельгорскаго; всякой разъ онъ меня у́вѣдомлялъ, что отъ васъ получалъ письмо и ко мнѣ маленькую приписочку, но что онъ мнѣ пришлетъ ее послѣ, и что, по разсѣянности, не помнитъ куда ее положилъ. Какъ досадно! Мнѣ нужно было получить ваши строки; клянусь, мнѣ они тогда были очень нужны.—Мои прожекты и старанія уладить мой неотъѣздъ въ Петербургъ не удались.—Выпускъ моихъ сестеръ требуетъ непремѣннаго и личнаго моего присутствія. Не выпускъ, но устроеніе будущей судьбы ихъ, которое, благодаря Бога, какимъ-то верховнымъ наитіемъ мнѣ внушено. Онѣ, надѣюсь, будутъ счастливы, я не безпокоюсь о нихъ. Одно меня тревожитъ теперь. Я не знаю, какъ мнѣ быть и раздѣлаться съ самимъ ихъ выпускомъ изъ института.—Мнѣ нужно на ихъ окипировку, на заплату за музыку учителямъ во все время ихъ пребыванія тамъ и пр. и пр., около 5000 рублей, и признаюсь, это на меня навело совершенный столбнякъ. Объ участи своей я не забочусь; мнѣ нуженъ воздухъ, да небо, да Римъ. Но эта строка и пунктъ..... Я еще принужденъ просить васъ. Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, Государыня, на щетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще Ту, Которая уже такъ много удручила мое сердце безсиліемъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя здѣсь и не можетъ быть успѣха, все по крайней мѣрѣ на душѣ моей будетъ легче при мысли, что я употреблялъ же и пытался на средства, и что сколько нибудь выполнилъ обязанность брата. Еслибы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это небольше какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали миліоны, и эти миліоны помножали еще на миліоны, и потомъ удесятерили эти миліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода.—Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на седми холмахъ со всѣми его чудесами, исполинами-развалинами и тѣми соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ... О! Я ѣду за вами и вашимъ даннымъ вами словомъ, какъ Велзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу.—Есть одно, которое изъ Петербурга для меня дѣлаетъ Римъ на нѣсколько дней: это восторгъ обнять васъ. Но къ чему слова? Сердечныхъ и глубокихъ явленій, какой пошлый переводъ въ силахъ передать!

Вѣчно вашъ Гоголь.

Адресуйте ваше письмо въ Москву по слѣдующему адресу: Его высок.

Михаилу Петровичу Погодину, профессору Московскаго Университ. на Дѣвичьемъ полѣ, въ собств. домѣ, для передачи Гоголю. Я проживу у него мѣсяцъ, затворясь отъ всѣхъ и отъ всего. Мнѣ нужно окончить мою нѣкоторую работу. Прощайте! Будьте вѣчно веселы душой!

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому.

Въ Зимнемъ дворцѣ. Въ С. Петербургъ.

9.

(1839. Москва)

Даже не помню, благодарилъ ли васъ за Петербугскій пріютъ и любовь вашу. Боже! какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! и какое странное мое существованіе въ Россіи! какой тяжелой сонъ! о, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла.—Мнѣ отдали сію минуту ваше письмо; вы заботились, вы хлопотали обо мнѣ, и мнѣ ту же минуту представились живые глаза ваши, и въ нихъ выраженное ко мнѣ участіе.... Чѣмъ благодарить васъ? Клянусь, я былъ утѣшенъ имъ въ нынѣшнемъ моемъ горькомъ положеніи въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ жидовскимъ предложеніемъ Смирдина. Но поговоримъ о предложеніи Смирдина. Я вамъ говорилъ, что нѣтъ никакой выгоды издавать теперь всѣ мои сочиненія вмѣстѣ; что хотя разошлись экземпляры Ревизора и Миргорода, но еще довольно и Арабесокъ и особенно Вечеровъ на Хуторѣ, и что кромѣ Ревизора они вовсе не требуются такъ жадно, чтобы можно было предпринимать изданіе; а доказательствомъ, что это правда, служитъ бездѣльная сумма, предлагаемая Смирдинымъ. Но такая моя участь. Книгопродавцы всегда пользовались критическимъ моимъ положеніемъ и стѣсненными обстоятельствами.—Обожди я годъ, покамѣстъ выйдетъ мой новый романъ и обратитъ на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочиненія, нынѣ забытыя; а между тѣмъ переждутся нынѣшніе тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившіе число покупателей. Книгопродавцы говорятъ гласно, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ и что тѣ, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку разстроенныхъ неурожаемъ имѣній. Нужно же, какъ нарочно, чтобы мнѣ именно случилась надобность въ то время, когда меня болѣе всего можно притѣснить и сдѣлать изъ меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда такъ тяжелыхъ моихъ обстоятельствъ. Все идетъ плохо. Бѣдный клочекъ земли нашъ, пристанище моей матери, продаютъ съ молотка, и гдѣ ей придется преклонить голову, я не знаю; предположеніе мое пристроить сестеръ такъ, какъ я думалъ, тоже рушилось; я самъ нахожусь въ ужасно-безчувственномъ, окаменѣвшемъ состояніи, въ какомъ никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцамъ употребить въ свою пользу мое горе?.. Я Смирдина не охуждаю безусловно; онъ поступалъ съ другими хорошо, но со мною всегда Жидовскимъ образомъ; и послѣ всего того, что̀ онъ со мною дѣлалъ, я

долженъ опять передъ нимъ унизиться. Я, признаюсь, думалъ, что вы сдѣлаете предложеніе другому книгопродавцу; мнѣ кажется, я вамъ говорилъ, что съ Смирдинымъ я не хочу имѣть сношеній. Но можетъ быть вамъ неизвѣстно, въ чемъ можетъ быть здѣсь жидовство Смирдина. Вотъ въ чемъ: мнѣ даютъ за одну третью часть, то есть за піесы назначенныя вами въ первый томъ собранія, какъ то: Ревизоръ, Женидьба и отрывки изъ неоконченной комедіи, *6 тысячъ*. И признаюсь, я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: Женихи (sic) и неоконченная комедія, являлись въ свѣтъ. Но нужда заставила на все рѣшиться. Я уже было предался минуты на двѣ отдохновенію, даже веселилъ себя мыслію, что наконецъ раздѣлаюсь какъ-нибудь съ моими тяжелыми обязанностями и, свѣтлый, съ оживленною душою, отправлюсь въ мой обѣтованный рай, въ мой Римъ, гдѣ вновь проснусь и окончу трудъ мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись *Женихи*, я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать. Пропала ли она гдѣ нибудь на дорогѣ, или выбросили ее таможенные, рывшіеся въ моемъ чемоданѣ, или лежитъ она въ Римѣ на моей квартирѣ въ моемъ сундукѣ — ничего не знаю. — Знаю только, что я теперь погрузился опять въ мое ужасно-безчувственное состояніе. Рушилась послѣдняя возможность; и если бы даже принужденъ былъ принять предложеніе Смирдина, то и его условій не могу теперь исполнить Но согласитесь сами, что мнѣ нужно быть рѣшительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собранія даютъ уже 6 тысячъ, то вѣрно за другія двѣ хоть три дадутъ. Вотъ ужъ 9 т. Но я теряю много, издавая ихъ теперь; это мнѣ говорятъ и книгопродавцы, и литераторы, имѣющіе частыя сдѣлки, и наконецъ тяжелое и голодное время, угрожающее также и въ нынѣшнемъ году, если даже не болѣе. Ширяевъ мнѣ даетъ за эти же самыя сочиненія, съ условіемъ только, если я выдамъ впередъ романъ, 16 т., а можетъ быть даже, говоритъ, и болѣе, а теперь не даетъ ничего, потому что малой суммы не хочетъ мнѣ предлагать, чтобы не сказали, что онъ меня обманулъ и воспользовался моимъ незнаніемъ;—а Смирдинъ не посовѣстился. Притомъ развѣ вы не видите, въ какіе я попадаюсь когти къ Смирдину, принявши его условія? Замѣтьте, какое малое число экземпляровъ онъ печатаетъ, для того чтобы счетъ за экземпляры не былъ великъ. А кто поручится, что онъ напечатаетъ только полторы, а не три, или четыре тысячи,—вѣдь этого на лицѣ Смирдина не увидишь, а мнѣ же не нанимать шпіона, смотрѣть, что̀ у него дѣлается дома и въ типографіи.— И что мнѣ изъ того, что право на два года, тогда какъ онъ обезпечитъ себя экземплярами на 20 лѣтъ. Если бы это были новыя сочиненія, то конечно выгодно продать на два года, зная, что въ эти два года экземпляры разойдутся всѣ, и можно предпринять новое изданіе; а тутъ все ужъ кончено—ужъ другаго изданія при жизни мнѣ не видать.—Это послѣдній ресурсъ, и я не могу теперь такъ

рискнуть. Тогда я былъ одинъ, теперь у меня разоренное семейство.

И такъ — рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать всѣхъ средствъ если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ нибудь на годъ, уѣхать скорѣе какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму, а весну приняться горячо за работу и, если можно, кончить романъ въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средствъ и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ. Черезъ годъ я даю вамъ слово, если только не обманутъ мои силы и я не умру, выплатить вамъ ее съ процентами. Это мнѣ дастъ средство какъ нибудь и сколько нибудь выгрузиться изъ моихъ обстоятельствъ и возвратитъ на сколько нибудь меня мнѣ.—Дайте вашъ отвѣтъ, и ради Бога скорѣе.—Я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Вѣчно вашъ

Гоголь.

10.

(1839. Москва)

Что я могу написать къ вамъ! Благодарить только васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе. Богъ мнѣ даетъ вкушать наслажденіе даже въ минуты самыхъ тяжкихъ, сердечныхъ болей. — Что жъ дѣлать мнѣ теперь! О Римъ мой, о мой Римъ! — Ничего я не въ силахъ сказать.... Но если бы меня туды перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя! — Но какъ, гдѣ найти средствъ! Думаю и ничего не могу придумать! Иногда мнѣ приходило на мысль, неужели мнѣ совершенно не дадутъ средствъ быть на свѣтѣ? Неужели мнѣ не могутъ дать какого нибудь офиціальнаго порученія? Неужели меня не могутъ приклеить и защитать въ какую нибудь должность? — Вѣдь все же таки въ Римѣ можно чѣмъ нибудь быть полезнымъ. Какъ бы то ни было, вѣдь все же тутъ огромная, великая часть, искусство, которое должно бы войти сколько нибудь въ дѣловой кругъ нашъ, и я бы тутъ могъ быть полезнымъ въ отношеніи художества; — но потомъ все это отъ меня уходило скоро, какъ мечта, и вспоминалъ, что кому обо мнѣ заводить дѣло, и притомъ это можно устроить только имѣя въ родствѣ какого нибудь важнаго дядюшку или тетушку.

Пріѣхавши въ Римъ, я непремѣнно соберу все, что̀ есть у меня и пришлю; но какъ я доѣду до Рима, это Богъ одинъ только знаетъ. — Письмо мое передастъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда братъ..... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы упрекъ, хоть бы что нибудь похожее на печаль показалось у него. Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этаго человѣка!! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ наравнѣ съ именами первыхъ столбовъ науки. Но прощайте! Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ нибудь изъ людей должностныхъ и

Каковы-бы ни были подозрѣнія, которыя хотѣли внушить В. И. В-ву противъ прочихъ членовъ Университета, на новаго ректора они пасть не могутъ. Онъ былъ избранъ внѣ Университета. Онъ никогда не былъ профессоромъ. Осѣдлый гражданинъ, имѣющій независимое состояніе, онъ исполнялъ многія гражданскія должности, даже предводительскую, къ удовольствію правительства, и онъ постоянно выказывалъ неутомимое усердіе и величайшую преданность службѣ. Эти факты доказываютъ несомнѣнно, что ректоръ Твардовскій былъ несправедливо обвиненъ передъ В.И. В-вомъ.

Близкое мое знакомство съ его характеромъ, съ его поведеніемъ, съ его образомъ мыслей, съ его преданностію правительству, не позволяютъ мнѣ въ томъ сомнѣваться и въ настоящемъ случаѣ возлагаютъ на меня обязанность громко свидѣтельствовать о его достоинствахъ и невинности.

Я не долженъ скрыть отъ В. И. В-ва послѣдняго, чрезвычайно важнаго соображенія; дѣло въ томъ, что черезъ арестованіе ректора, Университетъ и подвѣдомствованныя оному школы остаются безъ главы что̀ можетъ подать поводъ къ прискорбнымъ замѣшательствамъ, повести къ возобновленію злоупотребленій и растратъ и остановить ходъ народнаго образованія въ семи губерніяхъ.

Всѣ эти побудительныя причины въ совокупности налагаютъ на меня обязанность представить Вамъ о настоятельной необходимости для самой пользы службы освобожденія главы Университета и школъ, по непосредственному приказанію В. И. В-ва. Это вмѣстѣ съ тѣмъ было-бы возстановленіемъ справедливости относительно г. Твардовскаго. Да, онъ этого заслуживаетъ, ручаюсь въ томъ честію и чувствами привязанности и преданности, одушевляющими меня къ священной особѣ Государя Императора, чувствами, столь давно извѣстными. Эта-то преданность, ненарушимо сохраненная мною среди всѣхъ треволненій моей жизни, заставила меня ощутить глубочайшее огорченіе при чтеніи донесенія, посланнаго В. И. В-вомъ Государю Императору, въ коемъ Вы выразились такъ сильно о вредномъ духѣ, который долженъ господствовать въ Виленскомъ Университетѣ. Управляя, въ теченіи двадцати лѣтъ этимъ учрежденіемъ, близко знакомый съ каждымъ изъ лицъ входящихъ въ составъ его, я имѣю возможность представить многочисленныя доказательства его пользы и обличить тѣхъ, которые напрасно взвели на него передъ В. И. В-вомъ столь тяжкія обвиненія.

Конечно, нѣкоторыхъ изъ его членовъ можно было упрекнуть въ недостаткѣ усердія, въ равнодушіи, въ небрежности, въ разныхъ злоупотребленіяхъ; студенты также могли провиниться противъ дисциплины; есть-ли человѣческое учрежденіе, въ которое не вкрадывались-бы иногда злоупотребленія? Но обвинять его передъ В. И. В-вомъ въ предательскихъ намѣреніяхъ, въ преступныхъ происках, въ вѣроломствѣ и неблагодарности къ Государю, осыпавшему его своими благодѣяніями, подобный извѣтъ могъ быть лишь дѣломъ враговъ спокойствія страны, людей ожесточенныхъ противъ народнаго образованія и противъ лицъ, коимъ оно поручено, тѣхъ наконецъ, которые, оскорбленные улучшеніями, предпринятыми въ Университетѣ, хотятъ отомстить за нарушеніе своихъ личныхъ интересовъ.

Но, такъ какъ В. И. В-во послали въ Вильну должностное лицо, просвѣщенное и удостоенное Вашего довѣрія, то мнѣ не пристало въ настоящее время входить въ подробную защиту Университета, и я долженъ ожидать возвращенія г. полковника Нессельрода, который, если только онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы выслушать всѣ заинтересованныя лица, съумѣетъ, я въ томъ убѣжденъ, распознать истину и поможетъ мнѣ доказать, на сколько ненавистныя обвиненія взведенныя на Университетъ передъ В. И. В-вомъ, несправедливы и лишены основанія.

*

Замѣчательно, что на послѣднія докучливыя письма Чарторыжскаго мы не находимъ отвѣтовъ императора Александра Павловича. Не было ли вовсе этихъ отвѣтовъ, или сынъ Чарторыжскаго не нашелъ удобнымъ напечатать ихъ, — во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и тутъ разочарованіе было горькимъ удѣломъ великодушнаго Государя. Современники и ближайшее потомство винили его въ образованіи Царства Польскаго; но мы увѣрены, что потомство болѣе отдаленное, болѣе безпристрастное, по справедливости оцѣнитъ высокія его побужденія, коими злоупотребили Польскіе паны во вредъ себѣ и Россіи. Благодѣтельствуя Полякамъ, Александръ Павловичъ желалъ привязать ихъ къ Россіи и чрезъ то отнять у Западной Европы лишнее орудіе противъ насъ; онъ желалъ (по позднѣйшему выраженію Жуковскаго) „на небѣ простертомъ надъ двумя подвластными ему народами поставить свѣтлую радугу союза“.... Его благородныя усилія дали намъ возможность яснѣе сознать, что наша нравственная правда по отношенію къ Польшѣ есть наша сила. — Прибавимъ въ заключеніе, что по новѣйшимъ изслѣдованіямъ связь между Россіею и Польшею, подобная той, какая выразилась въ образованіи Царства Польскаго, была предначертана еще Екатериною въ Гродненскомъ союзномъ трактатѣ 5 Октября 1793 г., осуществленію котораго помѣшала революція Костюшки (См. Иловайскаго, Гродненскій Сеймъ, стр. 223 и 264). *П. Б.*

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

1.

Спб. Сентября 10 (1831)

Насилу могъ я управиться съ своею книгою и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ. Одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій съ сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные—тѣмъ, кому вы по усмотренію своему опредѣлите. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур. комитетъ, изъ цензур. комитета въ типографію, и наконецъ теперь только перевелъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ, за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту. Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносной кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Цар. С. и съ ними бы далъ тягу на край свѣта;— или какой нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли что я узналъ на дняхъ только? что э... но вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣ-

ромъ; что всему этому виною никто другой, какъ врагъ честнаго креста церквей господнихъ и всего огражденнаго святымъ знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ Проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣпившемуся по низменному тротуару, подъ высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го Августа. И къ вечеру того же дня, стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ

Окна мѣломъ
Забѣлены, хозяйки нѣтъ;
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!

Осталось воспоминаніе—и еще много кой-чего что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая, которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-Руской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣже самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполъ, на славу вѣкамъ! Да поклонятся потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда-то пріобщусь я этой божественной сказки?... Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ чаще и чаще ударять священныя струны; а я, вашъ вѣрный богомолецъ, буду возсылать Ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный

Гоголь.

Моя квартира въ II Адмир. ч., въ Офицерской улицѣ, въ домѣ Брунста.

2.

Полтава. Іюля 15-го 1835.

Человѣкъ, страшно соскучившій безъ васъ, шлетъ вамъ поклонъ изъ дальняго угла Руси, съ желаніемъ здоровья, вдохновенья и всѣхъ благъ. Можетъ быть вы и не догадаетесь, что этотъ человѣкъ есть Гоголь, къ которому вы бывали всегда такъ благосклонны и благодѣтельны. Все почти мною извѣдано и узнано, только на Кавказѣ не былъ, туда именно хотѣлъ направить путь. Проклятыхъ денегъ не стало и на половину вояжа. Былъ только въ Крыму, гдѣ пачкался въ минеральныхъ грязяхъ. Впрочемъ, здоровье, кажется, ужъ отъ однѣхъ переѣздовъ поправилось. Сюжетовъ и плановъ нагромоздилось во время ѣзды ужасное множество, такъ что еслибъ не жаркое лѣто, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьевъ; но жаръ вдыхаетъ страшную лѣнь, и только десятая доля положена на бумагу и жаждетъ быть прочтенною вамъ. Черезъ мѣсяцъ я буду самъ звонить колокольчикъ у вашихъ дверей, крехтя отъ дюжей тетради. А теперь докучаю вамъ прозьбою;

вчера я получилъ извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ произшествіи, что мѣсто мое въ Пат. Ин. долженствуетъ замѣститься другимъ господиномъ. Это для меня крайне прискорбно, потому что, какъ бы то ни было, это мѣсто доставляло мнѣ хлѣбъ, и притомъ мнѣ было очень пріятно заниматься, я привыкъ считать чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Мнѣ странно, потому что не имѣетъ права сдѣлать это Лонгиновъ, и вотъ почему: когда я просился на Кавказъ для поправленія здоровья, онъ мнѣ сказалъ, что причина моя законная, и никакого препятствія нѣтъ на мой отъѣздъ. Зачѣмъ же онъ мнѣ тогда не сказалъ, что поѣзжайте, но помните, что вы чрезъ это лишитесь своего мѣста; тогда другое дѣло,—и можетъ быть я бы и не поѣхалъ. Впрочемъ Плетневъ мнѣ пишетъ, что еще о новомъ учителѣ будетъ представленіе въ Августѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ, и что если Императрица не согласится, чтобы мое мѣсто отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибѣгаю къ вамъ, нельзя ли такъ сдѣлать, чтобы Императрица не согласилась? Она добра и вѣрно не согласится меня обидѣть. Впрочемъ, что̀ то будетъ, то будетъ, а вѣрно будетъ такъ, какъ лучше. Все что̀ ни случалось доброе и злое, было для меня хорошо. Дай Богъ, чтобъ и впередъ такъ было. Желая вамъ всего, всего что̀ есть для насъ лучшаго, обнимая васъ, цѣлуя и оставаясь съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокой преданностью, всегда вашъ

Гоголь.

3.

Гамбургъ 28/16 Іюня (1836)

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что-то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе, видѣлъ я въ глазахъ вашихъ! Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что-то выше, что-то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли.—Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношеской возрастъ.—Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой нетерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ

по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго.— Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что-то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось я отпрыгивалъ выше, покрайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. - Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это великой переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бренной составъ мой, будетъ удаленъ отъ нея.

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ Императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей, могу какъ нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петерб., я едва только вывезъ двѣ тысячи, но можетъ быть съ ними я протяну какъ нибудь до Октября, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ вручить тысячу слишкомъ. Съ Петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность.—Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо къ Копу отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ. Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурнаго и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ Мус. Пушкинъ, умеръ.—Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Копа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ князю Вяземскому и благодарите его отъ меня за его участіе и письмо.—Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала я приготовлю коечто, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ Нѣмецкой жизни.— Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена, и что я очень сильно жму его руку. Желая вамъ какъ можно лучше, веселѣе проводить время и прося васъ думать иногда о томъ, который думать о васъ почитаетъ праздникомъ и приготовляетъ только на закуску послѣ трудовъ, остаюсь навсегда вашъ

Н. Гоголь.

4.

12 Ноября. (1836. Парижъ)

Я давно не писалъ къ вамъ; я ждалъ, чтобы минуло лѣто, потому что въ это время обыкновенно какъ-то мало вспоминается объ отсутствующихъ. Къ тому жъ у меня не было ничего достойнаго писать къ вамъ. Но я знаю, что вы меня любите и что съ наступленіемъ осени вы вспомните обо мнѣ, обо мнѣ, который каждую минуту васъ видитъ передъ собою. Я къ вамъ писалъ, кажется, въ самомъ началѣ моего путешествія. Прошатавшись лѣто на водахъ, я перебрался на осень въ Швейцарію. Я хотѣлъ скорѣе усѣсться на мѣстѣ и заняться дѣломъ, для этого поселился въ загородномъ домѣ близъ Женевы. Тамъ принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтера Скота. Читалъ я до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлалось такъ холодно, что пропала вся охота къ чтенію. Женевскіе холода и вѣтры выгнали меня въ Веве; никого не было въ Веве; одинъ только Блашне выходилъ ежедневно въ 3 часа къ пристани встрѣчать пароходъ. Сначала было мнѣ нѣсколько скучно, потомъ я привыкъ и сдѣлался совершенно вашимъ наслѣдникомъ: завладѣлъ мѣстами вашихъ прогулокъ, мѣрилъ разстояніе по назначеннымъ вами верстамъ, колотя палкою бѣгавшихъ по стѣнамъ ящерицъ, нацарапалъ даже свое имя Рускими буквами въ Шильонскомъ подземельѣ, не посмѣлъ подписать его подъ двумя славными именами творца и переводчика Шиль. Узн.; впрочемъ, даже не было и мѣста. Подъ ними росписался какой-то Бурнашевъ, внизу послѣдней колоны, которая въ тѣни. Когда нибудь Руской путешественникъ разберетъ мое птичье имя, если не сядитъ на него Англичанинъ. Недоставало только мнѣ завладѣть комнатой въ вашемъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Великая Кн. Анна Ѳедоровна. Осень въ Веве наконецъ настала прекрасная, почти лѣто; у меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за Мертвыхъ Душъ, которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись.— Швейцарія сдѣлалася мнѣ съ тѣхъ поръ лучше; сѣро-лилово-голубо-сине-розовыя ея горы легче и воздушнѣе. Если совершу это твореніе, такъ какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальной сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день. Но наконецъ и въ Веве сдѣлалось холодно, комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не могъ найти. Мнѣ тогда представился Петербургъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе тогда представились вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня приходившаго къ вамъ и брали меня за руку, и были рады моему приходу... И мнѣ сдѣлалось страшно скучно. Меня не веселили мои Мертвыя Души, я даже не имѣлъ въ запасѣ столько веселости, чтобы продолжать ихъ. Докторъ мой отыскалъ во мнѣ признаки ипохондріи, происходившей отъ гемороидъ, и совѣтывалъ мнѣ развлекать себя; увидѣвши же, что я не въ состояніи былъ этого сдѣлать, совѣтывалъ перемѣнить мѣсто. Мое намѣреніе до того было про-

вести зиму въ Италіи, но въ Италіи бушевала холера страшнымъ образомъ; карантины покрыли ее какъ саранча. Я встрѣчалъ только бѣжавшихъ оттуда Итальянцевъ, которые отъ страху, въ маскахъ, проѣзжали свою землю. Не надѣясь развлечься въ Италіи, я отправился въ Парижъ, куда вовсе не располагалъ было ѣхать. Здѣсь встрѣтилъ я своего двоюроднаго брата, съ которымъ выѣхалъ изъ Петербурга. Это лучшій изъ выпущенныхъ вмѣстѣ со мною изъ Нѣжина. Жаль, что вы не знаете его стиховъ, которые подъ величайшимъ страхомъ, показалъ онъ только одному мнѣ, и то не прежде какъ затворивши всѣ двери, чтобы и Французы не услышали. Парижъ не такъ дуренъ, какъ я воображалъ, и что всего лучше для меня: мѣстъ для гулянья множество; одного сада Тюльери и Елисейскихъ полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно дѣлаю препорядочный моціонъ, что̀ для меня теперь необходимо. Богъ простеръ здѣсь надо мною Свое покровительство и сдѣлалъ чудо: указалъ мнѣ теплую квартиру, на солнцѣ, съ печкой, и я блаженствую. Снова веселъ; Мертвыя текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу Мертвыхъ Душъ въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу коечто изъ него.. божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ Мертвыя Души. Огромно велико мое творенiе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но чтожъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто-то Незримой пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ.—Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ-же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни.—Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что̀ есть для васъ дорогаго на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ; если вы не исполните моей просьбы, то.. но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миньятюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, которой закажу налитографировать только въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его.—Напишите что нибудь ко мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если-бъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки!—Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ Февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и Души потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse №12.

Не представится ли вамъ какихъ нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше

воображеніе вѣрно увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось либо и онъ найдетъ что нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но не смотря на то, вы все еще можете мнѣ сказать много новаго, ибо что̀ голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ Мертвыхъ Душъ. Названіе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать настоящее дѣло. Прилагаемое письмо прошу васъ покорнѣйше вручить Плетневу немедленно; оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранитъ васъ Богъ отъ почечуевъ и отъ встрѣчъ съ тѣми физіогноміями, на которыя нужно плевать, и да бѣгутъ они отъ васъ, какъ ночь бѣжитъ отъ дня.

Прощайте! до слѣдующаго письма.

5.

Октября 30. Римъ. 1837.

Я получилъ данное мнѣ великодушнымъ нашимъ Государемъ вспоможеніе. Благодарность сильна въ груди моей, но изліяніе ея не достигнетъ къ Его Престолу. Какъ нѣкій богъ, Онъ сыплетъ полною рукою благодѣянія и не желаетъ слышать нашихъ благодарностей; но можетъ быть слово бѣднаго при жизни поэта дойдетъ до потомства и прибавитъ умиленную черту къ Его нравственнымъ доблестямъ. Но до васъ можетъ досягнуть моя благодарность. Вы, все вы! Вашъ исполненный любви взоръ бодрствуетъ надо мною! Какъ будто нарочно дала мнѣ судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я былъ свидѣтелемъ прекраснѣйшихъ явленій на землѣ. Вексель съ извѣстіемъ еще въ Августѣ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ въ Римъ, но я долго не могъ возвратиться туда по причинѣ холеры. Наконецъ я вырвался. Еслибъ вы знали, съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь.—Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ, — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ и пожалѣлъ только, что поэтическая часть этаго сна—вы, да три-четыре оставившихъ вѣчную радость воспоминанія въ душѣ моей, не перешли въ дѣйствительность. — Еще одно безвозвратное..... О Пушкинъ! Пушкинъ! Какой прекрасной сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе! Чтобы за жизнь моя была послѣ этаго въ Петербургѣ; но какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Промысла бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все. Гляжу какъ изступленный на нее и не нагляжусь до сихъ поръ. Вы говорили мнѣ о Швейцаріи, о Германіи и всегда вспоминали о нихъ съ восторгомъ. Моя душа также ихъ приняла живо, и я восхищался ими, даже можетъ съ большей живостью, нежели какъ я въѣхалъ въ первой разъ въ Италію. Но теперь, когда я побывалъ въ нихъ послѣ Италіи , низкими, пошлыми, гадкими, сѣрыми, холодными показались мнѣ они со всѣми ихъ горами и видами, и мнѣ кажется, какъ будто бы я былъ въ Олонецкой гу-

берніи и слышалъ медвѣжье дыханье сѣвернаго океана.—И неужели вы не побываете здѣсь, и не поглядите на нее? И не отдадите тотъ поклонъ, которымъ долженъ красавицѣ-природѣ всякъ кадящій прекрасному? Здѣсь престолъ ея. Въ другихъ мѣстахъ мелькаетъ одно только воскраіе ея ризы, а здѣсь она вся глядитъ прямо въ очи, своими пронзительными очами. — Я веселъ; душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой. Жизни! Жизни! Еще бы жизни!—Я ничего еще не сдѣлалъ, что̀ бы было достойно вашего трогательнаго расположенія.—Но можетъ быть это, которое пишу нынѣ, будетъ достойно его. Покрайней мѣрѣ мысль о томъ, что вы будете читать его нѣкогда, была одна изъ первыхъ оживлявшихъ меня во время бдѣнія надъ нимъ. Храни Богъ долго, долго прекрасную жизнь вашу!

Вашъ Гоголь.

Мой адресъ: Strada felice № 126. Ultimo piano.

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому. Прошу васъ покорнѣйше отдать эти письма Алекс. Осип. Смирновой и Андрею Карамзину.

6.

Римъ. Февраль (1839)

Вотъ уже недѣля какъ васъ нѣтъ въ Римѣ, а я все еще нахожусь въ такомъ состояніи, какъ будто бы вы уѣхали только сегодня по утру; т. е. разинувъ ротъ, глупо глядя вслѣдъ уѣзжающей вашей каретѣ и не зная потомъ, куда направить шаги свои. Два первые дни рѣшительно не зналъ за что приняться. Еслибы хотя была въ это время гадкая дождливая погода, но какъ на бѣду дни были чудные, какихъ при васъ еще не было, теплые, потопленные въ солнцѣ. Я отправился въ Колисей, на Форумъ Rom. и такъ странно глядѣлъ на все это, какъ еще никогда не глядѣлъ. Я возвратился въ городъ смутно, а къ вечеру мнѣ сдѣлалось просто скучно. Подлецъ Л. не прислалъ мнѣ даже вашего бюста, который онъ просилъ удержать на двѣ минуты и котораго я до сихъ поръ не могу у него добиться. Какъ я терпѣть не могу этого человѣка, и странно, что это чувство раздѣляютъ всѣ видящіе его въ первый разъ. Моя комната была бы тогда полнѣе, и лучше, успокоительнѣй; а теперь мнѣ все кажется, что изъ ней кто-то сію минуту выѣхалъ или выѣзжаетъ, что половину уложенный чемоданъ стоитъ по серединѣ, по всѣмъ угламъ клоки оберточной бумаги, веревочекъ, стараго бѣлья.... Гдѣ вы теперь въ эту самую минуту, когда пишу? Къ какому мѣсту подъѣзжаете? Слишите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны. Какъ я ихъ люблю! Боже, если бы вы встрѣтили ихъ еще здѣсь; но кто знаетъ, можетъ быть вы бы не захотѣли тогда выѣхать изъ Рима. Чудное время! Я бы былъ счастливъ совершенно, если бы въ мое наслажденіе не вмѣшалось нѣсколько изъ того томительнаго чувства, какое чувствуетъ школьникъ, когда учитель его отправится гулять за городъ съ его товарищами, а его оставитъ за лѣность одного въ маленькомъ школьномъ садикѣ, и онъ видитъ пропадающій вечеръ и видитъ сквозь него, глазами воображенія, вдали лугъ, на немъ свѣтъ солнца, кучу товарищей, летящій вверхъ мячь, веселые крики. Все видитъ онъ и не

хочетъ оторваться отъ своего зрѣлища, потирая кулакомъ и рукавомъ свою упрямо-кислую рожу и не спуская глазъ съ опускающагося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель съ красками готова; съ сегодняшняго дня отправлюсь рисовать на весь день. Я думаю въ Колисей. Обѣдъ возьму въ карманъ. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовалъ рисовать. Краски ложатся сами собою, такъ что потомъ дивишься, какъ удалось подмѣтить и составить такой-то колоритъ и оттѣнокъ. Если бы вы остались здѣсь еще недѣлю, вы бы уже не принялись за карандашъ. Колоритъ потеплѣлъ необыкновенно; всякая развалина, колонна, кустъ, ободранный мальчишка, кажется, воютъ къ вамъ и просятъ красокъ. Какъ чудно! Въ другихъ мѣстахъ весна дѣйствуетъ только на природу: вы видите, оживаетъ трава, дерево, ручей. Здѣсь же она дѣйствуетъ на все: оживаетъ развалина, оживаетъ плисъ на курткѣ бирбачона, оживаетъ высеребренная солнцемъ стѣна простаго дома; оживаютъ лохмотья нищаго, оживаетъ ряса капуцина съ висящими назади капучіо; даже этотъ продуктъ, котораго мы находили цѣлыя плантаціи разведенныя трудолюбивыми Римлянами подъ всѣми почти стѣнами и оградами, принялъ какой-то весьма пріятный для глазъ коричневый цвѣтъ; а сами производители его теперь попадаются несравненно чаще и совершенно какъ дома; — и въ такомъ количествѣ, что рады или не рады, а къ вамъ который нибудь непремѣнно попадетъ въ первый планъ. Бывало, помните, мы гонялись за натурою, т. е. движещеюся, а теперь она сама лѣзетъ въ глаза: то оселъ, то Албанка, то аббатъ, то наконецъ такого страннаго рода существа, которыхъ опредѣлить трудно. Вчера на примѣръ, когда я рисовалъ, сталъ прямо противъ меня мальчишка, у котораго были такого рода странные штаны, какихъ безъ сомнѣнія ни одинъ портной не шилъ. Я потомъ уже догадался, что они передѣланы изъ отцевской разодранной куртки; но только дѣло въ томъ, что они не перешиты, а просто ноги вдѣты въ рукава, и на брюхѣ подвязано веревкой; входъ къ заду совершенно свободенъ, такъ что онъ можетъ по примѣру отцовскому разводить коричневыя плантаціи подъ стѣнами развалинъ. Въ Колисеѣ явились проповѣди, и толпы народа, и монахи съ бѣлыми бородами, и одѣтые всѣ съ низу до верху въ бѣлое, какъ древніе жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата mezzo-художника; одинъ взмахъ кисти, и монахъ готовъ. Вчера солнце освѣтило мнѣ одного изъ нихъ, тогда какъ всѣ прочіе были обняты тѣнью. Это было прелесть какъ эфектно и какъ легко рисовать. Вчерашній день кончились празденства по случаю избранія двухъ кардиналовъ большимъ фейерверкомъ на Monte Citorio, гдѣ пушки между прочимъ составили какой-то музыкальный концертъ. Всѣ три дни Римъ былъ иллюминованъ, такъ какъ теперь не иллюминуютъ въ другихъ городахъ. Цѣлыя пылающія стѣны домовъ, смоляныя бочки по всѣмъ улицамъ. Я взглянулъ съ Monte-Pincio — прелесть! Вообразите смоляныхъ бочекъ не видно, а только стѣны въ огнѣ, такъ что кажется весь городъ грѣется у очага. Вотъ вамъ новость старыхъ временъ: на два дни ѣзды изъ Рима вырытъ на прошлой недѣли амфитеатръ почти равный величиной съ Teatro Marcello. Весь этажъ цѣлъ, много обломковъ отъ колонъ, и статуи думаютъ

на днѣ найти цѣлыя. Первымъ временемъ установившейся весны воспользуюсь и поѣду поглядѣть. Теперь жаль на минуту оставить Рима: такъ онъ хорошъ и такая бездна предметовъ для рисованья. Доживу ли я до того времени, когда мы вновь сядемъ вмѣстѣ, оба съ кистями? Вѣрите ли, что иногда рисуя, я позабывшись вдругъ оборачиваюсь, чтобъ сказать слово вамъ и оборотившись вижу и какъ будто слышу пустоту, покрайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, въ землѣ, гдѣ всякое мѣсто наполнено и гдѣ нѣтъ пустоты. Даже болвана Антонія не встрѣтили мои глаза, по крайней мѣрѣ я бы тогда обрадовался его присутствію. Какъ странно, когда встрѣтишь вдругъ среди улицы слугу, котораго мы знали въ услуженіи близкимъ и дорогимъ нашему сердцу и который теперь служитъ другимъ; съ перваго разу вдругъ подойдешь къ чему съ живостью; мысль о господахъ его не отрѣшилась еще отъ него въ глазахъ нашихъ. Даже спросишь: какъ, что̀ твои господа? И потомъ вдругъ остановишься, вспомнивши, что господа его чужіе. Вотъ настоящая мефистофелевская насмѣшка надъ человѣкомъ. Здѣсь только въ первый разъ видишь поэзію крѣпостнаго человѣка. — Я бы очень желалъ знать, какъ вашъ теперь маршрутъ, гдѣ и сколько дней, и не знаю, какъ бы это сдѣлать. Вамъ объ этомъ некогда меня увѣдомить. Поручите кому нибудь маленькія два слова, только главное, нѣтъ ли т. е. главныхъ измѣненій въ вашемъ маршрутѣ, чтобъ я зналъ, куда писать къ вамъ. Можетъ быть вамъ некогда читать мои письма. Но теперь это моя потребность: мнѣ кажется, я сталъ веселѣе, написавши къ вамъ письмо.

На оборотѣ:

Vienne (en Autriche)

Его превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому

Recomandée aux soins obligeants de la légation Impériale de Russie.

7.

Римъ. Апрѣль 18/6 (1839)

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею прозьбою. Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то что̀ только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что̀ мнѣ тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копѣйки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голоду. Я долженъ продолжать мною начатой, большой трудъ, которой писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна;—а между тѣмъ, я начинаю вѣрить тому, что̀ прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голода. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ, около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ Акаде-

міи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ. — Поди я въ актеры — я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10000 т. и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. — Но я писатель — и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другаго. Доктора больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться; но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны, также справедливы. — Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ нибудь постороннимъ, и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что̀ я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь, до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько нибудь изъ того что̀ мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ Государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое Онъ оказалъ къ моему Ревизору. Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите! Если же оно написано не такъ какъ слѣдуетъ, то—Онъ милостивъ, Онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, незнающій какъ писать къ Его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ Нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только Русской подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить Его прозьбою, что зналъ, что мы всѣ Ему дороги какъ дѣти.—Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ, вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы!—Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливой комплиментъ.—Если бы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ Академіи Художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле. — Найдите случай и средство указать какъ нибудь Государю на мои повѣсти: *Старосвѣтскіе помѣщики* и *Тарасъ Бульба*. Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и всѣмъ различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми они изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибъ ихъ прочелъ Государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота чувствъ и что̀ пишется прямо отъ души. О, меня что-то увѣряетъ, что Онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія.—Но будь все то, что̀ угодно Богу. На Его и васъ моя надежда.—Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу, онъ можетъ быть ко мнѣ напишетъ.—Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему что̀ должно утѣшать и восхищать душу.—Можетъ быть это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты (*),

(*) Кончина молодаго графа Іосифа Михайловича Вельегорскаго. *П. Б.*

которую мы понесли, и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ Гоголь.

8.

Варшава. Сентября 12 (1839)

До меня только дошли слухи, что вы писали ко мнѣ. Я два раза получилъ письмо отъ Вьельгорскаго; всякой разъ онъ меня у́вѣдомлялъ, что отъ васъ получалъ письмо и ко мнѣ маленькую приписочку, но что онъ мнѣ пришлетъ ее послѣ, и что, по разсѣянности, не помнитъ куда ее положилъ. Какъ досадно! Мнѣ нужно было получить ваши строки; клянусь, мнѣ они тогда были очень нужны.—Мои прожекты и старанія уладить мой неотъѣздъ въ Петербургъ не удались.—Выпускъ моихъ сестеръ требуетъ непремѣннаго и личнаго моего присутствія. Не выпускъ, но устроеніе будущей судьбы ихъ, которое, благодаря Бога, какимъ-то верховнымъ наитіемъ мнѣ внушено. Онѣ, надѣюсь, будутъ счастливы, я не безпокоюсь о ихъ. Одно меня тревожитъ теперь. Я не знаю, какъ мнѣ быть и раздѣлаться съ самимъ ихъ выпускомъ изъ института.—Мнѣ нужно на ихъ окипировку, на заплату за музыку учителямъ во все время ихъ пребыванія тамъ и пр. и пр., около 5000 рублей, и признаюсь, это на меня навело совершенный столбнякъ. Объ участи своей я не забочусь; мнѣ нуженъ воздухъ, да небо, да Римъ. Но эта строка и пунктъ..... Я еще принужденъ просить васъ. Можетъ быть, какимъ нибудь образомъ, Государыня, на щетъ которой они воспитывались, что нибудь стряхнетъ на нихъ отъ благодѣтельной руки своей. Что же дѣлать мнѣ? Знаю, безстыдно и безсовѣстно съ моей стороны просить еще Ту, Которая уже такъ много удручила мое сердце безсиліемъ выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средствъ... и чувствую, что меня грызла бы совѣсть за то, что я не былъ безсовѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, хотя здѣсь и не можетъ быть успѣха, все по крайней мѣрѣ на душѣ моей будетъ легче при мысли, что я употреблялъ же и пытался на средства, и что сколько нибудь выполнилъ обязанность брата. Еслибы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это небольше какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, еслибъ мнѣ предлагали миліоны, и эти миліоны помножали еще на миліоны, и потомъ удесятерили эти миліоны, я бы не взялъ ихъ, еслибъ это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода.—Но вы меня понимаете; вы знаете его, этотъ прекрасный рай, вознесшійся на седми холмахъ со всѣми его чудесами, исполинами-развалинами и тѣми соснами куполообразными, тѣми кипарисами, которые мы рисовали на этомъ божественномъ воздухѣ... О! Я ѣду за вами и вашимъ даннымъ вами словомъ, какъ Велзевулъ, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слѣжу васъ и не выпущу.—Есть одно, которое изъ Петербурга для меня дѣлаетъ Римъ на нѣсколько дней: это восторгъ обнять васъ. Но къ чему слова? Сердечныхъ и глубокихъ явленій, какой пошлый переводъ въ силахъ передать!

Вѣчно вашъ Гоголь.

Адресуйте ваше письмо въ Москву по слѣдующему адресу: Его высок.

Михаилу Петровичу Погодину, профессору Московскаго Университ. на Дѣвичьемъ полѣ, въ собств. домѣ, для передачи Гоголю. Я проживу у него мѣсяцъ, затворясь отъ всѣхъ и отъ всего. Мнѣ нужно окончить мою нѣкоторую работу. Прощайте! Будьте вѣчно веселы душой!

Его превосходительству Василью Андреевичу Жуковскому.

Въ Зимнемъ дворцѣ. Въ С. Петербургъ.

9.

(1839. Москва)

Даже не помню, благодарилъ ли васъ за Петербугскій пріютъ и любовь вашу. Боже! какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! и какое странное мое существованіе въ Россіи! какой тяжелой сонъ! о, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько разъ брался за перо писать къ вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось какъ будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла.—Мнѣ отдали сію минуту ваше письмо; вы заботились, вы хлопотали обо мнѣ, и мнѣ ту же минуту представились живые глаза ваши, и въ нихъ выраженное ко мнѣ участіе.... Чѣмъ благодарить васъ? Клянусь, я былъ утѣшенъ имъ въ нынѣшнемъ моемъ горькомъ положеніи въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ жидовскимъ предложеніемъ Смирдина. Но поговоримъ о предложеніи Смирдина. Я вамъ говорилъ, что нѣтъ никакой выгоды издавать теперь всѣ мои сочиненія вмѣстѣ; что хотя разошлись экземпляры Ревизора и Миргорода, но еще довольно и Арабесокъ и особенно Вечеровъ на Хуторѣ, и что кромѣ Ревизора они вовсе не требуются такъ жадно, чтобы можно было предпринимать изданіе; а доказательствомъ, что это правда, служитъ бездѣльная сумма, предлагаемая Смирдинымъ. Но такая моя участь. Книгопродавцы всегда пользовались критическимъ моимъ положеніемъ и стѣсненными обстоятельствами.—Обожди я годъ, покамѣстъ выйдетъ мой новый романъ и обратитъ на себя четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочиненія, нынѣ забытыя; а между тѣмъ переждутся нынѣшніе тяжелые, голодные, неурожайные годы, уменьшившіе число покупателей. Книгопродавцы говорятъ гласно, что у нихъ теперь нѣтъ денегъ и что тѣ, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку разстроенныхъ неурожаемъ имѣній. Нужно же, какъ нарочно, чтобы мнѣ именно случилась надобность въ то время, когда меня болѣе всего можно притѣснить и сдѣлать изъ меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда такъ тяжелыхъ моихъ обстоятельствъ. Все идетъ плохо. Бѣдный клочекъ земли нашъ, пристанище моей матери, продаютъ съ молотка, и гдѣ ей придется преклонить голову, я не знаю; предположеніе мое пристроить сестеръ такъ, какъ я думалъ, тоже рушилось; я самъ нахожусь въ ужасно-безчувственномъ, окаменѣвшемъ состояніи, въ какомъ никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцамъ употребить въ свою пользу мое горе?.. Я Смирдина не охуждаю безусловно; онъ поступалъ съ другими хорошо, но со мною всегда Жидовскимъ образомъ; и послѣ всего того, что̀ онъ со мною дѣлалъ, я

долженъ опять передъ нимъ унизиться. Я, признаюсь, думалъ, что вы сдѣлаете предложеніе другому книгопродавцу; мнѣ кажется, я вамъ говорилъ, что съ Смирдинымъ я не хочу имѣть сношеній. Но можетъ быть вамъ неизвѣстно, въ чемъ можетъ быть здѣсь жидовство Смирдина. Вотъ въ чемъ: мнѣ даютъ за одну третью часть, то есть за піесы назначенныя вами въ первый томъ собранія, какъ то: Ревизоръ, Женидьба и отрывки изъ неоконченной комедіи, *6 тысячъ*. И признаюсь, я ужъ готовъ былъ согласиться, не смотря на то, что смерть не хотѣлось, чтобы мои незрѣлыя творенія, какъ-то: Женихи (sic) и неоконченная комедія, являлись въ свѣтъ. Но нужда заставила на все рѣшиться. Я уже было предался минуты на двѣ отдохновенію, даже веселилъ себя мыслію, что наконецъ раздѣлаюсь какъ-нибудь съ моими тяжелыми обязанностями и, свѣтлый, съ оживленною душою, отправлюсь въ мой обѣтованный рай, въ мой Римъ, гдѣ вновь проснусь и окончу трудъ мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскалъ изъ недоконченной комедіи только два отрывка, она вся осталась въ Римѣ. А гдѣ дѣлись *Женихи*, я до сихъ поръ не могу постигнуть. Мнѣ кажется, какъ будто я взялъ ее изъ Рима съ собою, но сколько ни рылся въ бумагахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ, нигдѣ не могъ отыскать. Пропала ли она гдѣ нибудь на дорогѣ, или выбросили ее таможенные, рывшіеся въ моемъ чемоданѣ, или лежитъ она въ Римѣ на моей квартирѣ въ моемъ сундукѣ — ничего не знаю. — Знаю только, что я теперь погрузился опять въ мое ужасно-безчувственное состояніе. Рушилась послѣдняя возможность; и если бы даже принужденъ былъ принять предложеніе Смирдина, то и его условій не могу теперь исполнить Но согласитесь сами, что мнѣ нужно быть рѣшительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собранія даютъ уже 6 тысячъ, то вѣрно за другія двѣ хоть три дадутъ. Вотъ ужъ 9 т. Но я теряю много, издавая ихъ теперь; это мнѣ говорятъ и книгопродавцы, и литераторы, имѣющіе частыя сдѣлки, и наконецъ тяжелое и голодное время, угрожающее также и въ нынѣшнемъ году, если даже не болѣе. Ширяевъ мнѣ даетъ за эти же самыя сочиненія, съ условіемъ только, если я выдамъ впередъ романъ, 16 т., а можетъ быть даже, говоритъ, и болѣе, а теперь не даетъ ничего, потому что малой суммы не хочетъ мнѣ предлагать, чтобы не сказали, что онъ меня обманулъ и воспользовался моимъ незнаніемъ;—а Смирдинъ не посовѣстился. Притомъ развѣ вы не видите, въ какіе я попадаюсь когти къ Смирдину, принявши его условія? Замѣтьте, какое малое число экземпляровъ онъ печатаетъ, для того чтобы счетъ за экземпляры не былъ великъ. А кто поручится, что онъ напечатаетъ только полторы, а не три, или четыре тысячи,—вѣдь этого на лицѣ Смирдина не увидишь, а мнѣ же не нанимать шпіона, смотрѣть, что̀ у него дѣлается дома и въ типографіи.— И что мнѣ изъ того, что право на два года, тогда какъ онъ обезпечитъ себя экземплярами на 20 лѣтъ. Если бы это были новыя сочиненія, то конечно выгодно продать на два года, зная, что въ эти два года экземпляры разойдутся всѣ, и можно предпринять новое изданіе; а тутъ все ужъ кончено—ужъ другаго изданія при жизни мнѣ не видать.—Это послѣдній ресурсъ, и я не могу теперь такъ

рискнуть. Тогда я былъ одинъ, теперь у меня разоренное семейство.

И такъ — рѣшился не продавать моихъ сочиненій, но употребить и поискать всѣхъ средствъ если не отразить, то хоть отсрочить несчастное теченіе моихъ трудныхъ обстоятельствъ. Какъ нибудь на годъ, уѣхать скорѣе какъ можно въ Римъ, гдѣ убитая душа моя воскреснетъ вновь, какъ воскресла прошлую зиму, а весну приняться горячо за работу и, если можно, кончить романъ въ одинъ годъ. Но какъ достать на это средствъ и денегъ? Я придумалъ вотъ что: сдѣлайте складку, сложитесь всѣ тѣ, которые питаютъ ко мнѣ истинное участіе; составьте сумму въ 4000 р. и дайте мнѣ въ займы на годъ. Черезъ годъ я даю вамъ слово, если только не обманутъ мои силы и я не умру, выплатить вамъ ее съ процентами. Это мнѣ дастъ средство какъ нибудь и сколько нибудь выгрузиться изъ моихъ обстоятельствъ и возвратитъ на сколько нибудь меня мнѣ.—Дайте вашъ отвѣтъ, и ради Бога скорѣе.—Я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Вѣчно вашъ

Гоголь.

10.

(1839. Москва)

Что я могу написать къ вамъ! Благодарить только васъ за ваши заботы, за ваше рѣдкое участіе. Богъ мнѣ даетъ вкушать наслажденіе даже въ минуты самыхъ тяжкихъ, сердечныхъ болей. — Что жъ дѣлать мнѣ теперь! О Римъ мой, о мой Римъ! — Ничего я не въ силахъ сказать.... Но если бы меня туды перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя! — Но какъ, гдѣ найти средствъ! Думаю и ничего не могу придумать! Иногда мнѣ приходило на мысль, неужели мнѣ совершенно не дадутъ средствъ быть на свѣтѣ? Неужели мнѣ не могутъ дать какого нибудь офиціальнаго порученія? Неужели меня не могутъ приклеить и защитать въ какую нибудь должность? — Вѣдь все же таки въ Римѣ можно чѣмъ нибудь быть полезнымъ. Какъ бы то ни было, вѣдь все же тутъ огромная, великая часть, искусство, которое должно бы войти сколько нибудь въ дѣловой кругъ нашъ, и я бы тутъ могъ быть полезнымъ въ отношеніи художества; — но потомъ все это отъ меня уходило скоро, какъ мечта, и вспоминалъ, что кому обо мнѣ заводить дѣло, и притомъ это можно устроить только имѣя въ родствѣ какого нибудь важнаго дядюшку или тетушку.

Пріѣхавши въ Римъ, я непремѣнно соберу все, что̀ есть у меня и пришлю; но какъ я доѣду до Рима, это Богъ одинъ только знаетъ. — Письмо мое передастъ Погодинъ. Бѣдный мой Погодинъ! Добрая душа! Сколько онъ хлопоталъ и старался обо мнѣ! Никогда братъ..... О, если бы ему все удалось въ жизни! Но этому человѣку много борьбы было и будетъ. Онъ потерялъ теперь все состояніе свое, весь капиталъ, который замошенничали у него подлѣйшимъ образомъ. И хоть бы упрекъ, хоть бы что нибудь похожее на печаль показалось у него. Онъ опять занялся своей Исторіей и позабылъ все. И какой величественный, какой удивительный его трудъ теперь! Клянусь, міръ не знаетъ этаго человѣка!! Но будетъ время, когда имя его вознесутъ наравнѣ съ именами первыхъ столбовъ науки. Но прощайте! Благодарю васъ за все, за любовь вашу ко мнѣ. Подумайте обо мнѣ съ кѣмъ нибудь изъ людей должностныхъ и

государственныхъ. Не придумается ли какое средство? А впрочемъ, какъ Богу угодно. Будьте здоровы и увѣдомьте меня хоть двумя словами, какъ вашъ маршрутъ. Можетъ быть, мнѣ доведется опять гдѣ нибудь съ вами встрѣтиться.

11.

Берлинъ.

Я еще, какъ вы видите, до сихъ поръ не въ Россіи, и пишу къ вамъ теперь изъ Берлина. Пишу объ Ивановѣ, по дѣлу, о которомъ мы уже съ вами говорили. Я посылаю къ вамъ письмо, которое я написалъ вчернѣ для него къ Великому Князю. Копію съ него я послалъ уже къ нему; недѣли черезъ двѣ или три послѣ сего письма, вы получите отъ него письмо. Ему нужно помочь, иначе грѣхъ будетъ на душѣ. Помочь таланту значитъ помочь не одному ближнему, а двадцати ближнимъ вдругъ. Препровождая письмо его къ Наслѣднику, я думаю вамъ достаточно будетъ сказать только то, что Ивановъ, умоляя васъ о ходатайствѣ и о доставленіи письма, представилъ много по всей справедливости убѣдительныхъ причинъ на разрѣшеніе и продолженіе пансіона еще на 3 года, и что вы съ своей стороны можете засвидѣтельствовать: что Ивановъ дни и ночи сидитъ надъ картиной, что отказался отъ всякихъ работъ и заказовъ, чтобы ускорить ея окончаніе, что не ищетъ ничего, никакихъ другихъ наградъ, кромѣ средствъ и возможности ее окончить; что со всѣхъ сторонъ слышны самые благопріятные отзывы о его картинѣ, что картина Овербекова, вдвое меньше по величинѣ холста, заняла однакоже труда на 10 лѣтъ слишкомъ, и что наконецъ жаркою любовью къ искусству, простирающеюся до самоотверженія, мудрою скромностью и смиреніемъ украшенъ художникъ, вполнѣ заслуживающій всякаго вниманія и покровительства. Нельзя, чтобы слова сіи не произвели дѣйствія, ибо они чистая правда. — Прощайте, цѣлую васъ заочно. Пошли вамъ Богъ всякаго добра, а съ тѣмъ вмѣстѣ и высшее всѣхъ благъ, вдохновеніе.

Гоголь.

A Son Excellence
Monsieur
Monsieur de Joukoffsky
à Dusseldorf.
(1842)

12.

Письмо это вручитъ вамъ Алек. Тар. Марковъ, котораго вы уже знаете. Онъ стоитъ покровительства и по таланту своему, и по душевной добротѣ своей. Окажите ему ваше, подъ часъ, заступничество, гдѣ будетъ нужно. Я увѣренъ, что онъ много сдѣлаетъ хорошаго, если только ему будутъ задавать предметы сообразные съ его образомъ мыслей и направленіемъ его художества. Нельзя вдвинуть въ человѣка того, чего элементовъ въ немъ нѣтъ, и нельзя отнять, или затемнить, или передѣлать въ немъ то, для чего существуютъ въ немъ элементы. — Религіозное значеніе живописи — не Маркова дѣло. Физическая и моральная борьба человѣка сильнаго съ близкой опасностью, — его дѣло. Тутъ у него сильный, отважный размахъ; доказательство въ его картинѣ, которую онъ покажетъ вамъ. — Что вы дѣлаете? Здоровы ли вы, веселы ли, думаете ли о мнѣ? — Я ничего не знаю и не слышу о васъ — это грустно. Я не скажу, что я здоровъ; нѣтъ, здоровье можетъ быть еще хуже, но я болѣе

нежели здоровъ. Я слышу часто чудныя минуты, чудной жизнью живу, внутренней, огромной, заключенной во мнѣ самомъ, и никакого блага и здоровья не взялъ бы. Вся жизнь моя отнынѣ — одинъ благодарный гимнъ. — Не пѣняйте, что я до сихъ поръ не уплачиваю вамъ взятыхъ у васъ денегъ. Все будетъ заплочено, можетъ быть нынѣшней же зимою. Наконецъ не съ потупленными очами я предстану къ вамъ, а теперь я живу и дивлюсь самъ какъ живу, во всѣхъ отношеніяхъ ничѣмъ, и не забочусь о жизни и не стыжусь быть нищимъ.

Я васъ увижу и обниму; прощайте!

ПОСЛАНІЕ А. Ѳ. ВОЕЙКОВА КЪ Н. Н. РАЕВСКОМУ (СТАРШЕМУ) (*)

Раевскій, къ смѣлымъ знаменамъ
Своимъ побѣду приковавшій,
Уроки славные друзьямъ
И недругамъ въ сраженьяхъ давшій!
Ты хочешь, чтобъ поэтъ, тобой
Обвороженный, удивленный,
На брегъ Днѣпра переселенный,
Простился съ пышною Двиной—
И онъ готовъ повиноваться!
Съ табачнымъ дымомъ распрощаться;
Огнистыхъ париковъ съ толпой,
Всегда носимыхъ на болванахъ,
Иль на ученыхъ шарлатанахъ,
Которые намъ умъ чужой
Печатной продаютъ за свой;
Съ политикою, съ колбасами
И Нѣмцовъ съ красными носами.
Оставить Нѣмокъ въ завиткахъ,
Спѣшащихъ съ миною голодной
Изъ кухни чистой, но холодной,
Казать видъ сытый при гостяхъ.
Но прежде чѣмъ за подорожной
Пойдетъ, ему съ тобою должно
Сказать два-три словца за свой.....
Позволь, вѣдь кротость, какъ геройство,
Души твоей высокой свойство.
Щастливъ, кто можетъ обитать
Съ тобой въ стѣнахъ святова града,
И зря тебя воображать
Въ той славной битвѣ Россовъ рать,
Гдѣ ты, Отечества ограда!
Велъ, новый Авраамъ, сыновъ
На произвольное закланье:
Жестокое любви къ отчизнѣ испытанье!
Щастливъ любитель острыхъ словъ:
Онъ тамъ съ Давыдовымъ [1]) въ бесѣдѣ;
Иль у монаховъ на обѣдѣ
Пьетъ, споритъ, ѣстъ за четверыхъ,
Какъ древле кушивалъ Горацій.
Щастливъ, кто липъ въ тѣни густыхъ
Подсматриваетъ Польскихъ Грацій;
Иль съ Волковымъ [2]) въ веселый часъ
Велерѣчивѣйшій разсказъ
Директора [3]) смиренно внемлетъ,
И за него закравшись дремлетъ;
Но это-межъ четырехъ глазъ:
Хранить почтенье къ предкамъ должно!
Тамъ надъ Орловскимъ пошутить
Въ бесѣдѣ дамъ безгрѣшно можно,
На мѣсто фанта сочинить
Задавъ письмо педанта слогомъ;
Онѣ божиться станутъ Богомъ,
Что легче имъ статуей быть,
Чай (*sic*) поцѣлуевъ разносить
Вокругъ героямъ крестоноснымъ,
Чѣмъ слогомъ сочинять несносным
И портить розовый свой слогъ.

(*) Стихотвореніе это написано въ 1817 году, когда Воейковъ, будучи Дерптскимъ профессоромъ, путешествовалъ по Россіи и былъ между прочимъ въ Кіевѣ, гдѣ командовалъ однимъ изъ корпусовъ нашей арміи славный Н. Н. Раевскій. Извѣстно, что Воейковъ, въ большинствѣ произведеній своихъ, имѣлъ цѣли неисключительно литературные и отличался страстью къ злымъ намекамъ на современныя лица и событія.—Примѣчанія принадлежатъ самому Воейкову. *П. Б.*

[1]) Денисъ Васильевичъ.

[2]) Полковникъ, начальникъ штаба, добрый и любезный человѣкъ.

[3]) Директора гимназіи, 77 лѣтъ отъ роду; родился въ 1739 году; сошелъ съ ума въ 1780, въ разсужденіи чего и опредѣленъ къ нынѣшней своей должности. Онъ говоритъ славянско-руско-польско-малоросійскою смѣсью!

Я былъ бы тутъ какъ Сиверсъ[4]) строгъ,
Взыскателенъ какъ Аракчеевъ [5])
Но между игръ, притворствъ, затѣевъ
Подсказывалъ бы имъ тишкомъ:
(Какъ Менщикову оправданья
Петръ-другъ передъ Петромъ-царемъ!)
„Отвѣтствую вамъ на писанье:
„Я не заимствуюсь въ свой домъ
„Журналовъ полученьемъ;
„А вожделѣя оныхъ чтеньемъ
„Изъ Академіи всегда
„Заимствуюся ими."
Конецъ!... читаютъ... и тогда
Межь старыми и молодыми
Вдругъ раздается страшный крикъ;
Уста смѣются, плещутъ руки;
Заснувшій въ уголкѣ старикъ
Отъ страшной съ умными быть скуки,
Которому весь вѣкъ аза
Прочесть никакъ не удавалось,
Дивится выпуча глаза,
Чему такъ общество смѣялось.
О, я готовъ, готовъ сей часъ,
Брега Двины! оставить васъ.
Не страшны мнѣ почталіоны,
Которые и такъ и сякъ
Умѣютъ вдвое брать прогоны.
Не страшенъ Яншинъ [6]) мнѣ чудакъ,
Пугалище Пропойска:
Ахиллова душа геройска
Въ немъ обитаетъ въ мирны дни,
И лжётъ объ ранахъ небывалыхъ.
Я не боюсь коней усталыхъ:
Пусть тянутъ по пескамъ они
Столь тихо, съ тою же снаровкой,
Съ какой читаетъ разстановкой
Нашъ Тёрнеръ [7]), лекторъ за грѣхи,
Въ слухъ Ломоносова стихи.
Я даже не боюсь промѣна
И храбро на Жидовъ гляжу....
Но что? Какая вдругъ премѣна?
Какъ отъ испуга весь дрожу....
Себя принудить не умѣю!
Герой! Когда открыть посмѣю
Я опасеніе мое,
Великодушіе твое
Меня отъ Кіева избавитъ:
Не вздорныхъ страховъ, признаюсь,
Я неизбѣжнаго боюсь:
Боюсь, Полиція ограбитъ!

(Сообщено въ подлинникѣ княземъ П. А. Вяземскимъ)

[4]) Сенаторъ, знаменитый своимъ безкорыстіемъ и строгостію.

[5]) Преобразитель артилеріи, человѣкъ безпримѣрно-вѣрный, безкорыстный, неутомимый и требующій въ другихъ такой же неутомимой дѣятельности.

[6]) Яншинъ, Бѣлорусскій лжецъ-дворянинъ, имѣетъ за собою 12,000 душъ крестьянъ; женатъ на публичной дѣвкѣ, которую похитилъ торжественно изъ Мѣщанской, тогда какъ никто не стерегъ ея и ускакалъ опрометью, тогда какъ никто за нимъ не гнался.

[7]) Учитель Россійскаго языка въ Дерптѣ; изъ числа тѣхъ Нѣмцовъ, которые, объѣхавъ Россію на козлахъ, сочиняютъ Россійскія статистики и географіи и обучаютъ юношество Россійской литтературѣ по правиламъ грамматики.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. НОРОВА НА КОНЧИНУ ПУШКИНА.

Погасъ лучь Неба, свѣтлый геній,
Умолкъ сей Бардъ полночныхъ странъ,
Чья слава въ сонмѣ поколѣній
Пройдетъ со славой Россіянъ!
Найдутъ въ исторіи далекой,
Средь лавровъ царскаго вѣнца,
Вплетенный миртъ тому, чье око
Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
Кто, озаботясь, имъ какъ сыномъ,
Отходный далъ ему совѣтъ:
Безъ скорби перейти въ тотъ свѣтъ
И умереть Христіаниномъ!

(Сообщено Н. Е. Панинымъ.)

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. Д. ДАВЫДОВА.

I.

27 Іюня 1856 года, передъ самою коронаціею Государя Александра II-го, мнѣ пришлось выѣхать изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ, съ нѣсколькими знакомыми и въ томъ числѣ съ княземъ Сергіемъ Григорьевичемъ Голицынымъ,

нынѣ умершимъ, котораго всѣ называли Ѳирсомъ [1]). Это былъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ своего времени; Русскій образованный баринъ въ полномъ смыслѣ слова и одинъ изъ такихъ разкащиковъ, какихъ весьма рѣдко можно слышать. Въ то время всѣ умы были заняты только что конченною войною; толковали объ ея неудачахъ, ея причинахъ. Одни взваливали вину на однаго, другіе на другаго; такъ было и съ нами сидѣвшими въ одномъ вагонѣ, но разрозненными какъ мыслями, такъ и чувствами. Разговоръ нашъ принялъ къ концу такое серьезное направленіе, разсказы были до того занимательны, что по пріѣздѣ моемъ въ Москву я немедленно записалъ ихъ, спустя нѣсколько времени провѣрилъ ихъ съ дѣйствующими лицами, измѣнилъ нѣкоторыя выраженія по ихъ замѣчаніямъ и нынѣ, по истеченіи 15 лѣтъ, рѣшаюсь предложить на страницы Русскаго Архива эти изустныя преданія, могущія служить и на будущее время мѣриломъ характеровъ и взглядовъ лицъ, игравшихъ въ эту тяжкую годину судьбами человѣческими. Послѣ полнаго осужденія съ нашей стороны дипломатовъ и начальниковъ, мой вагонный ареопагъ коснулся наконецъ дѣятельности бывшаго нашего посланника въ Парижѣ Николая Дмитріевича Киселева и общимъ хоромъ осуждалъ его за недальновидность и преступное самообольщеніе, въ коемъ онъ якобы обрѣтался, не смотря на то, что долженъ былъ знать какъ Францію, такъ и главнаго виновника войны Императора Наполеона, занимая столько лѣтъ постъ посланника. Долго оспоривалъ насъ общими мѣстами князь Сергѣй Голицынъ и наконецъ рѣшился разсказать намъ слѣдующее. Этотъ разсказъ, какъ я уже говорилъ, записанъ былъ мною почти въ вагонѣ и былъ провѣренъ какъ княземъ Голицынымъ, такъ и покойнымъ нынѣ Киселевымъ.

[1]) Род. 28 Іюля 1806, ум. въ Ноябрѣ 1868. —Прозвище Ѳирсъ, сколько намъ извѣстно, находилось въ какой-то связи съ 14-мъ Декабря, днемъ памяти св. мученика Ѳирса. *П. Б.*

Въ началѣ 1853 г., когда уже совсѣмъ состоялся разрывъ между Россіею, Франціею и Англіею, я пріѣхалъ въ Брюссель проѣздомъ въ Парижъ. Я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы взять мое семейство и вывезти его изъ Франціи по случаю выѣзда всѣхъ Русскихъ. Въ Брюсселѣ я видѣлъ каждый день нашего посланника гр. Хребтовича, который, будучи въ ежедневной, чтобы не сказать, ежечасной перепискѣ съ Киселевымъ и зная нашу съ нимъ дружбу, далъ ему знать объ моемъ пріѣздѣ въ Брюссель и объ моихъ намѣреніяхъ ѣхать въ Парижъ. На это извѣщеніе Киселевъ отвѣчалъ Хребтовичу, что онъ проситъ его посовѣтовать мнѣ не ѣхать прежде его пріѣзда: онъ-де имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное. Но и для меня было важно ѣхать, и я, не дождавшись его, все таки поѣхалъ и дорогой разъѣхался съ Киселевымъ. Эта поѣздка заключаетъ въ себѣ два замѣчательные эпизода, и потому я передамъ вамъ ихъ по порядку. По пріѣздѣ моемъ въ Парижѣ я отправился въ Rue Lafitte, въ Hôtel Ротшильда для предъявленія въ его конторѣ моего кредитива отъ дома Штиглица. Подходя къ дому, я увидѣлъ у подъѣзда конторы щегольской кабріолетъ съ прекрасно одѣтымъ грумомъ и въ ту минуту какъ я, разсматривая экипажъ, сбирался спросить грумма, кто его владѣлецъ, я очутился сзади въ объятіяхъ кого-то прижимающаго меня къ сердцу и кричащаго: cher Firs, depuis quand à Paris et d'où?
Любезный Ѳирсъ, давно ли въ Парижѣ и откудова?

Освободившись, я узналъ барона Зеебаха (нынѣ графа), Саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, женатаго на граф. Нессельроде.

—Depuis le matin et de Pétersbourg, отвѣчалъ я.
Съ нынѣшняго утра и изъ Петербурга.

—Non, je ne vous lâche plus; ma femme est dans une inquiétude terrible: son père ne lui écrit pas, personne ne nous fait

rien savoir, la guerre est declarée, enfin vous seul pouvez nous éclairer sur ce qui se passe à S. Pétersbourg.

Нѣтъ я васъ не выпущу, жена моя въ ужасномъ безпокойствѣ; отецъ ея не пишетъ ей, никто насъ ни объ чемъ не извѣщаетъ, война объявлена, вы одни можете насъ просвѣтить на счетъ того чтó дѣлается въ Петербургѣ.

Все это Зеебахъ сказалъ мнѣ съ чувствомъ; видно было, что эта неизвѣстность произшествій мучила его серьезно.

—Mon cher Baron, j'aurais ete charmé de courir sur le champ chez la Baronne, mais j'ai affaire ici et puis, je n'ai presque pas encore vu ma femme; demain je suis à vos ordres, ainsi qu'à votre disposition, сказалъ я ему.

Любезнѣйшій баронъ, я былъ бы счастливъ немедленно отправиться къ баронессѣ, но у меня здѣсь дѣло; къ тому же я почти не видалъ еще жены; завтра я къ вашимъ услугамъ и подчинюсь вашимъ велѣніямъ.

—Non, non, cela est impossible; il faut que vous voyez ma femme; voyons, dites moi franchement qu'avez vous à faire ici?

Нѣтъ, нѣтъ это невозможно; необходимо, чтобы вы видѣли мою жену; скажите мнѣ откровенно, чтó вы здѣсь будете дѣлать.

—Mais ni plus, ni moins que de toucher d'argent d'après une lettre de change de Stiglitz sur la maison Rotchild.

Ни больше, ни меньше какъ получить деньги по векселю Штиглица на домъ Ротшильда.

—Alors, allons le voir lui-même, отвѣчалъ Зеебахъ.

Въ такомъ случаѣ пойдемте къ нему самому.

—Mais je ne le connais pas, je n'ai eu jamais affaire à lui.

Я его не знаю, и никогда съ нимъ дѣла не имѣлъ.

—C'est égal; par le temps qui court c'est lui qui est intérressant, mais pas sa banque qui ne croullera certès pas, malgré tout le tremblement de la terre.

Все равно, въ теперешнее время онъ любопытенъ, но не его контора, которая навѣрное не провалится, не смотря ни на какія сотрясенія земныя.

—Ma foi, cela m'est égal, allons le voir et présentez moi à ce faiseur et défaiseur de fortunes.

Мнѣ все равно, пойдемте къ нему и представьте меня этому дѣлителю и раздѣлителю благосостояній.

Мы отправились. Поднявшись на лѣстницу и пройдя нѣсколько комнатъ, мы нашли банкира Ротшильда въ большой залѣ, къ которой примыкало нѣсколько дверей. Въ ней находилось человѣкъ сорокъ людей разнаго званія, стоявшихъ полукругомъ около пюпитра, за которымъ работалъ Ротшильдъ. Двери ведущія въ залу безпрестанно то отпирались, то запирались, пропуская то одного, то другаго агента съ извѣстіями объ фондахъ. Смотря по важности донесенія, онъ самъ указывалъ то на одни, то на другія двери и продолжалъ съ видимымъ равнодушіемъ говорить съ окружавшею его толпою. Бар. Зеебахъ подвелъ и представилъ меня. Ротшильдъ поклонился мнѣ и очень вѣжливо спросилъ:

—Depuis quand à Paris, mon Prince.

Давно ли вы въ Парижѣ, князь.

—Depuis le matin, M-r le Baron.

Съ нынѣшняго утра, баронъ.

—Et qu'est ce qu'il y a à vos ordres?

А что къ вашимъ услугамъ?

—J'ai une lettre de credit sur votre maison, monsieur, et j'aurais voulu vous la présenter en tirant sur elle une petite somme. Je vous demande pardon de vous deranger personnellement pour une pareille bagatelle, et de ne pas vous présenter mon passeport, c'est la faute du B. Seebach qui a voulu me faire l'honneur de me faire aboucher avec vous. J'ai toujours eu affaire à votre secretaire (un tel) qui me connait beaucoup.

У меня вексель на вашъ домъ, и я желалъ бы получить по немъ маленькую сумму. Я прошу у васъ извиненія, что безпокою васъ лично такою бездѣлицею, не представляя вамъ моего паспорта, но это вина барона Зеебаха, который желалъ доставить мнѣ честь лично имѣть съ вами дѣло. Я всегда обращался къ вашему секретарю, онъ меня хорошо знаетъ.

Ротшильдъ прервалъ мою рѣчь.

—Oui, nous connaissons cela maintenant: les affaires s'embrouillent, vous voulez voir, si je puis faire honneur à ma signature. Voyons votre lettre?

Да знаю, дѣла запутываются, и вы желаете убѣдиться, до какой степени вѣрна еще моя подпись. Дайте мнѣ вашъ вексель.

—La preuve qui j'y crois, сказалъ я ему, подавая ему кредитивъ, c'est que c'est moi

qui a prié Mr Stiglitz de passer mes fonds sur votre maison.

Доказательствомъ тому, что я ей вѣрю, это то, что я самъ просилъ Штиглица перевести мои фонды на вашъ домъ.

Но онъ мнѣ не далъ кончить, плутовски взглянулъ на меня и, разсматривая вексель, сказалъ мнѣ: Oh, une lettre de crédit illimité, et vous arrivez de S.Pétersbourg! Vous allez voir, mon Prince, comment agit maison Rotchild. Appelez monsieur un tel. Явился какой-то господинъ. Quand le Pr Galitzin voudra bien s'adresser à vous, pour quelque fusse la somme, jusqu'à 2 millions, vous remettrez immediatement la somme au Prince et vous mettrez par mon ordre.

О! о! вексель на неограниченный кредитъ, и вы изъ Петербурга! Вы увидите, князь, какъ поступаетъ домъ Ротшильда. Позовите такого то. Когда князь Голицынъ пожелаетъ обратиться къ вамъ для какой бы то суммы ни было, до двухъ милліоновъ, вы немедленно выплатите ему эту сумму и напишите по моему приказанію.

— C'est trop d'honneur, M.le Baron, возразилъ я; la somme indiquée par vous est beaucoup trop forte; je n'ai besoin dans le moment que de deux mille francs.

Слишкомъ много чести, баронъ; сумма вами указанная слишкомъ велика, мнѣ въ эту минуту нужно всего двѣ тысячи франковъ.

Онъ снова лукаво взглянулъ на меня и принужденно поклонившись отвѣчалъ: Je maintiens mon ordre, mon Prince.

Я стоекъ въ моемъ приказаніи, князь.

Увидивши, что всѣ находящіяся въ залѣ лица обратили на меня вниманіе и обступили меня, Ротшильдъ, по неизвѣстнымъ для меня причинамъ, вдругъ сѣлъ, сложилъ руки на колѣни и нахально-насмѣшливо спросилъ меня: Vous voulez donc nous faire la guerre? Voyons, comment nous la ferez vous.

И такъ вы хотите вести съ нами войну? Ну ка, какъ вы ее поведете?

Этотъ вопросъ былъ такъ неумѣстенъ, такъ странно сдѣланъ; онъ былъ такъ похожъ на вызовъ, для удовлетворенія любопытства присутствующей публики, что, видя наконецъ насмѣшливыя лица слушавшихъ Французовъ сгрупировавшихся около меня, я рѣшился поднять перчатку, брошенную мнѣ Ротшильдомъ. Я хладнокровно подошелъ къ стулу, взялъ его, поставилъ противъ пюпитра, сѣлъ, нарочно посмотрѣлъ внимательно какая нога у него на какой ногѣ, сдѣлалъ также и, скрестивши руки на колѣни какъ и онъ, отвѣчалъ ему: Pardon, M. le Baron, de m'offrir une siège quand vous ne me l'offrez pas; maintenant je suis mieux placé pour pouvoir repondre à votre question. Que me faisiez vous l'honneur de me dire?

Простите, баронъ, что я самъ себѣ далъ сидѣнье, котораго вы мнѣ не предлагаете: въ этомъ положеніи мнѣ гораздо удобнѣе теперь отвѣчать на вашъ вопросъ. Вы сдѣлали мнѣ честь спросить что-то у меня?

— Que vous voulez nous faire la guerre; voyons, comment nous la ferez vous sans papa-Rotchild.

Что вы хотите начать съ нами войну; ну скажите, какъ вы ее предпримите безъ батюшки-Ротшильда?

—Mais comme nous l'avons fait en 1812, M. le Baron.

Какъ мы ее вели въ 1812 году, баронъ.

—Oui, mais vous aviez alors l'Angleterre qui vous donnait des subsides, et maintenant je ne crois pas qu'elle y consente, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Да, но у васъ тогда была Англія, которая вамъ давала деньги въ помощь, а нынѣ я не думаю, чтобы она на это согласилась.

—M. le Baron, n'étant pas versé dans la grave question de finances, je ne saurais la debattre avec vous, mais tout ce que je puis vous repondre, c'est que s'il le faut nous nous suffirons de nouveau à nous même comme alors.

Баронъ, не будучи опытенъ въ важныхъ финансовыхъ вопросахъ, я не чувствую себя въ силахъ обсуждать ихъ съ вами; все что я могу сказать это то, что если будетъ нужно, мы сами сумѣемъ управиться, какъ и тогда.

— Comment cela?

Какъ такъ?

—Mais comme en 1812: chacun de nous, toute la Russie, apportera son dernier sou, le denier de la veuve y passera, et nous tiendrons tête autant que nous pourrons.

Какъ въ 1812 году, всякой изъ насъ, вся Россія принесетъ свой послѣдній грошъ, послѣдняя лепта вдовицы будетъ дана, и мы будемъ держаться сколько можемъ.

— Mais tout cela est très bien; mais comment vous payerez vous? сказалъ онъ.

Все это очень хорошо; но какъ вы себя уплотите?

— Avant de vous repondre, M. le Baron, je vous dirais comment la chose s'est passée alors. Vous savez que pendant cette mémorable campagne la plupart des nobles comme le reste des classes fut à peu près complètement ruiné; la perte de Moscou que vous avez brulé....

Прежде чемъ вамъ отвѣчать, баронъ, я долженъ вамъ разсказать, какъ дѣло это совершилось тогда. Вы знаете, что въ эту достопамятную войну, большая часть дворянства, такъ же какъ и остальные классы, были окончательно разорены; потеря Москвы, которую вы сожгли.....

— Ce n'est pas nous: c'est vous qui l'avez brulé, перебилъ онъ.

Это не мы, а вы ее сожгли.

— Merci, M. le Baron; c'est vous qui l'avez dit; je n'ai pas voulu me vanter. Et bien, après que nous avons brulé Moscou, beaucoup de monde fut sur le pavé. Cet état de choses durait jusqu'à 1815, quand L'Empereur Alexandre revint de Paris que ni vous, ni nous n'avons brulé (remarquez bien cela, Baron) pour subvenir autant que possible aux besoins des indigents, il fit circuler dans les arrondissements plusieurs registres pour qu'on y puisse inscrire en vue des secours les demandes au gouvernement, en revanche des pertes essayées; et bien, mr le Baron, cette feuille revint vierge à l'Empereur après deux ans d'invocations infructueuses: voilà comment nous nous payons, M. le Baron.

Благодарю васъ, баронъ, это ваши слова, а не мои, я не хотѣлъ хвастаться. И такъ послѣ того что мы сожгли Москву, много народу осталось въ нищенствѣ. Это безотрадное положенiе продолжалось до 1815 года. Когда Государь Александръ I вернулся изъ Парижа, котораго ни вы, ни мы не жгли, (замѣтьте это, баронъ) чтобы помочь чѣмъ нибудь несчастнымъ, Государь приказалъ разослать по губернiямъ листы, на которыхъ каждый могъ записаться для полученiя помощи отъ правительства въ замѣнъ потеряннаго; эти листы два года гуляли по Россiи и вернулись безъ подписей. Г. баронъ, вотъ какъ мы себя уплачиваемъ.

Не могу вамъ передать, какой эфектъ произвели мои слова; браво! раздалось кругомъ меня. Зеебахъ, не смотря на свое дипломатическое положенiе, бросился ко мнѣ и, пожимая мнѣ руку, сказалъ: Merci, merci, mon cher Prince, au nom de la noblesse Russe dont vous êtes le noble representant; ce n'est pas parceque je suis marié à une Russe, que je le fais, mais parceque j'aime votre pays, vous tous, comme si j'étais Russe.

Благодарю, благодарю, любезный князь, отъ имени Русскаго дворянства, котораго вы благороднѣйшiй представитель. Это я говорю не отъ того, что женатъ на Русской, но я люблю ваше отечество, васъ, всѣхъ, какъ будто я самъ Русскiй.

— Vraiment, отвѣчалъ ему съ усмѣшкою сконфуженный Ротшильдъ: voilà des sentiments qui devront beaucoup plaire à votre gouvernement.

Право, вотъ чувство, которое вѣроятно очень понравится вашему правительству.

Зеебахъ увидѣлъ, что онъ увлекся и отвѣчалъ: Je puis aimer la Russie, mais ne jamais oublier les intérêts de mon pays.

Я могу любить Россiю, не забывая интересовъ моего отечества.

— De quel pays veut donc parler monsieur? сказалъ дерзко и нахально Ротшильдъ.

Про какое государство говорите вы?

— Je suis Saxon, mr le Baron, je m'en honore et je m'en flatte.

Я Саксонецъ, баронъ, и этимъ горжусь.

— La Saxe, qu'est ce que c'est cela? отвѣчалъ Ротшильдъ съ сильнымъ презрительнымъ тономъ.

— Саксонiя, это что такое?

Разговоръ могъ принять весьма серьезное направленiе, и я поспѣшилъ встать и раскланяться надменному банкиру и уходя сказалъ сконфуженному Зеебаху: Vous venez, n'est ce pas? Vous savez que j'ai affaire chez votre femme.

Вы, надѣюсь, пойдете: вы знаете, что у меня дѣло до вашей жены.

*

Въ Парижѣ я видѣлъ поѣздъ Императора въ Сенатъ для объявленiя войны и былъ свидѣтелемъ холоднаго привѣта народа на улицахъ, вопреки разсказамъ журналовъ, увѣрявшихъ, что клики радости раздавались во всю дорогу. Возвратившись въ Брюссель, я засталъ тамъ Киселева недавно прiѣхавшаго. Я остановился съ нимъ въ одномъ

отелѣ (Hôtel de Bellevue) и, бывши съ нимъ друженъ съ самаго дѣтства, каждый день, чтобы не сказать каждый часъ, говорилъ объ политическихъ произшествіяхъ, занимавшихъ всѣ умы. Киселевъ спросилъ меня что̀ объ немъ говорятъ въ Петербургѣ. Я признался ему чистосердечно, что его упрекаютъ въ неумѣніи замять начинавшееся разногласіе между двумя Дворами и въ недостаточной проницательности характера Наполеона.—Ну слушай же, отвѣчалъ мнѣ на это Киселевъ. Это въ порядкѣ вещей. Тамъ сдѣлали ошибку, сознаться въ ней не хотятъ, жертва нужна, и жертвой выбранъ я. Теперь политическая моя жизнь кончилась, терять нечего. Я знаю, что ты любимъ и уважаемъ въ обществѣ. Я тебѣ разскажу все какъ было; пусть въ вашемъ мнѣніи я не буду слыть за такого дурака, какъ они вѣроятно хотятъ меня представить. Ну слушай.

Уже послѣ Саторинскаго смотра и Дижонской рѣчи, я писалъ къ графу Нессельроду, прося у него инструкціи, какъ мнѣ поступить въ случаѣ провозглашенія Имперіи, которая быстрыми шагами выдвигалась впередъ. Мнѣ отвѣчали, что это случится не такъ еще скоро, что многія обстоятельства могутъ еще помѣшать этому дѣлу, что время еще терпитъ, и что всегда успѣютъ въ пору меня увѣдомить, какъ тогда поступить; однимъ словомъ, разный вздоръ, въ которомъ однако была видна враждебность, соединенная съ нерѣшительностью. Наконецъ президентъ былъ провозглашенъ Императоромъ. Всѣ Дворы наперерывъ спѣшили признать его; я одинъ не получалъ ни слова. Въ этихъ случаяхъ подагра якорь спасенія. Я надѣлъ бархатные сапоги и намѣренно велѣлъ разглашать объ моей болѣзни. Такъ прошло нѣсколько дней; вдругъ получаю отъ гофмаршала Двора графа Баччіоки приглашеніе на балъ въ Тюльери. Это меня крайне удивило, я терялся въ предположеніяхъ на счетъ этого зова и, зная, что новый императоръ ничего не дѣлаетъ не обдумавши всякаго шага, рѣшился ѣхать. Я бросилъ мои бархатные сапоги, съ ними мою подагру и отправился во дворецъ. Всѣ дипломаты были уже тамъ, когда я пріѣхалъ; всѣ глядѣли на меня съ любопытствомъ, зная, что я не акредитованъ; положеніе мое было весьма затруднительно. Черезъ нѣкоторое время huissier провозгласилъ L'Empereur, и всѣ эти подлецы, наканунѣ еще республиканцы, всѣ замерли отъ подобострастія, когда Императоръ сталъ подходить къ дипломатическому корпусу. Я, какъ не акредитованный и чтобы еще болѣе обратить его вниманіе, вышелъ изъ среды моихъ собратій и сталъ къ сторонкѣ. Поговоря съ каждымъ изъ дипломатовъ, онъ какъ будто нечаянно наткнулся на меня и сказалъ мнѣ: Bonjour, mr de Kisseleff, comment va votre goutte?

Здравствуйте, г. Киселевъ, какъ ваша подагра?

— Je l'ai fait taire, sire, pour avoir le bonheur de présenter mes hommages à Votre Majesté.

Я ее заставилъ замолчать, дабы имѣть счастіе засвидѣтельствовать мое нижайшее почтеніе Вашему Величеству.

— Je crois que de nous tous vous n'étes pas le moins etonné, m. Kisseleff, de vous voir à ce bal, mais j'ai à vous parler; rendez vous vers l'embrasure de cette fenêtre; dans quelque temps je viendrai y vous trouver.

Я думаю, что изъ насъ всѣхъ вы всего болѣе удивлены, г. Киселевъ, быть на этомъ балѣ, но мнѣ нужно съ вами переговорить; отойдите въ углубленіе этого окна; черезъ нѣкоторое время я подойду къ вамъ.

Я отправился по указанію Наполеона, въ весьма неспокойномъ расположеніи духа и стараясь приготовить весьма затруднительные отвѣты. Императоръ не заставилъ себя долго ждать. Je vous ai fait engager, monsieur, началъ онъ, pour ne pas vous prier de venir chez moi: votre visite aurait pu être interprété de toutes les facons, non par mes journaux, car j'y aurais mis ordre, mais par les journaux anglais et autres; ainsi c'est ici que je vous parlerai franchement. Voyons, mr Kisseleff, je ne suis pas reconnu par votre

gouvernement, au moment où toutes les autres Cours s'empressent de le faire. Voyons, je ne le suis pas?

Я васъ пригласилъ на балъ, милостивый государь, чтобы не приглашать васъ пожаловать ко мнѣ: ваше посѣщеніе могло быть перетолковано на разные лады, не моими журналами, я бы сумѣлъ съ ними принять мѣры, но журналами Англійскими и другими; здѣсь я хочу съ вами переговорить откровенно. Скажите мнѣ, г. Киселевъ, я не признанъ вашимъ правительствомъ въ то время, какъ остальные Дворы наперерывъ спѣшатъ это исполнить. Скажите откровенно, я еще не признанъ?

— Sire, je n'ai encore reçu aucune instruction.

Ваше Величество, я еще не получалъ никакихъ инструкцій.

— Repondez moi en gentilhomme et non en diplomate. Vous n'avez encore rien reçu?

Отвѣчайте мнѣ какъ благородный человѣкъ, а не какъ дипломатъ: вы еще ничего не получали?

— Rien, sire, je vous le jure sur l'honneur.

Ничего еще, Ваше Величество; клянусь Вамъ честью.

— Eh bien, j'aime mieux cela, j'aime mieux un silence complet, que des transiversations offensantes pour ma dignité. Je vous parlerai franchement, je suis Empereur par la grace de Dieu, du peuple et beaucoup par ma volonté; je le suis donc, monsieur, parceque je suis ambitieux et je le suis très fort; maintenant, en montant sur le trone, j'ai du involontairement me faire un plan de conduite, me prendre une règne quelconque comme base et m'y conformer. Le plus naturel aurait été de rester fidèle aux vues de mon oncle, mais non seulement que les temps sons changés, ce règne renferme trop de fautes, suite inévitable du système. Savez vous qui j'ai pris pous héros? Votre Empereur. Oui, monsieur, voilà un souverain, qui est le type d'un Empereur de nos jours: digne, fort, loyal arbitre par la force morale des destinées de l'Europe. Voilà celui que je tacherai d'imiter. Je vous dirai plus: de tout temps j'avais un sentiment d'admiration et d'affection, ou plutôt une irresistible attraction vers le souverain qui maintenant répugne de prendre ma main roturière que je lui offre non seulement comme frère, mais comme au héros que je prends pour modèle. Vous voyez, je ne vous parle pas comme Empereur, je vous dévoile mes sentiments d'homme, ce n'est pour vous que je le fais, m. Kisseleff, je tiens à jouer carte sur table avec votre souverain. Je suis assailli par l'Angleterre d' offres d'alliance, elle a besoin de moi, mais une alliance avec l'Angleterre me répugne. Si je dois le contracter, je verrai partout l'ombre de mon oncle me la reprocher, et personne ne pourra m'y forcer que votre souverain. Je lui offre loyalement, sincérement une alliance de coeur et de politique; le monde est à nous alors; l'Angleterre aura existé. Mais il faut que cette alliance soit à la vie et à la mort, qu'il me tende la main en frère, et alors la face du monde peut changer. Mais si je ne la trouve pas en lui, alors, comme il m'en faut une, je me jetterai dans les bras de l'Angleterre le coeur serré, mais c'est lui qui l'aura voulu. Redites bien mes paroles, m. Kisseleff, qu'on en pese bien la portée et quand vous aurez une reponse bonne à me donner, présentez vous chez moi même au milieu de la nuit: vous serez reçu avec joie. Maintenant separons nous, vous voyez que nous sommes déjà le point de mire de tous les regards. L'ambassadeur d'Angleterre croit se douter de notre conversation, car il nous devore des yeux. Adieu ou plutôt j'espère encore au revoir et bientôt.

Я лучше люблю полное молчаніе, чѣмъ обидное для моего достоинства колебаніе. Я вамъ буду говорить откровенно: я Императоръ по волѣ Бога, народа, но и по моей волѣ. Я Императоръ, потому что я честолюбивъ, и очень честлюбивъ; нынѣ, вступивъ на престолъ, я долженъ былъ выбрать какое либо царствованіе въ образецъ, и дѣйствоватъ согласно съ этимъ даннымъ. Всего свойственнѣе было бы мнѣ соображаться съ взглядами моего дяди, но не только времена уже не тѣ, царствованіе это заключаетъ въ себѣ такую гибель ошибокъ, неминуемое слѣдствіе системы. Знаете ли вы, кого я избралъ себѣ героемъ? Вашего Государя; да, г. Киселевъ: вотъ это типъ Государя Императора нашихъ временъ. Честный, сильный, благородный властитель по нравственной силѣ судебъ Европы; вотъ кого я выбралъ образцомъ и которому желаю подражать; скажу вамъ, что и прежде я всегда находился подъ вліяніемъ восхищенія и сочувствія неопреодолимаго, даже влеченія къ монарху, который нынѣ съ отвращеніемъ отталкиваетъ мою плебейскую руку и которому я ее предлагаю не только какъ брату, но

какъ герою взятому мною за образецъ [1]).—Вы видите, я съ вами говорю не какъ Императоръ, но раскрываю мои личныя чувства; это я дѣлаю не для васъ, г. Киселевъ, а для того чтобы откровенно передать мои мысли и чувства вашему Государю. Я заваленъ предложеніями Англіи объ союзѣ, онъ ей нуженъ, но союзъ съ Англіею мнѣ отвратителенъ; если мнѣ придется его заключить, я увижу повсюду упрекающую тѣнь моего дяди, и никто меня къ этому не можетъ вынудить какъ вашъ Государь. Я ему предлагаю честно и откровенно союзъ сердца и политики, миръ тогда нашъ. Англіи не будетъ; но для этого мнѣ нужно, чтобъ этотъ союзъ былъ на жизнь и смерть; я желаю, чтобы онъ по братски протянулъ мнѣ руку, и тогда судьбы вселенной могутъ быть иныя; но если я не найду союза съ нимъ, а мнѣ необходимъ союзъ, я кинусь въ объятія Англіи, съ стѣсненнымъ сердцемъ, но по его винѣ. Передайте хорошенько мои слова, г. Киселевъ, пусть серьезно взвѣсятъ ихъ значеніе, и когда вы получите отвѣтъ удовлетворительный, явитесь ко мнѣ, даже ночью, вы будете мною приняты съ радостью. Теперь растанемтесь; вы видите, что мы обращаемъ на себя всеобщее вниманіе. Англійскій посланникъ думаетъ предугадать нашъ разговоръ и поглощаетъ насъ глазами; прощайте или лучше сказать надѣюсь до скораго свиданія.

Ошеломленный этими замѣчательными, и въ эту минуту быть можетъ искренними словами, я поспѣшилъ домой, дабы немедленно послать курьера съ подробнымъ донесеніемъ, и нашелъ у себя только что пріѣхавшаго Балабина съ депешами. Съ трепещущимъ сердцемъ открылъ я ихъ; въ нихъ было предписаніе немедленно ѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Друенъ де Люи, и объявить ему, что государь Николай признаетъ Лудовика Наполеона Императоромъ, Наполеона II, а не III, и въ добавокъ присовокупляетъ, что не рѣшается писать ему какъ новому брату (mon frère) по той причинѣ, что Наполеонъ, вступая только въ эту священную семью, не обнаружилъ еще своей политики, и нашъ Государь, какъ старѣйшій и могущественнѣйшій въ родѣ, нѣкоторое время будетъ ему писать mon cher ami (любезный другъ). Послѣ моего разговора съ Наполеономъ, я не рѣшился исполнить это предписаніе. Прописавши всю ночь, я отправилъ Балабина обратно въ Петербургъ, чтобы онъ могъ лично объяснить графу Нессельроду всю важность настоящей минуты. Съ лихорадочнымъ трепетомъ ждалъ я отвѣта; онъ послѣ долгихъ дней явился слѣдующій: Государь Императоръ весьма недоволенъ вашими дѣйствіями и предписываетъ вамъ немедленно отправиться къ Друенъ де Люи и объявить ему содержаніе депеши, полученной вами такого-то числа. Я это получилъ вечеромъ и немедленно отправился въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Видно, мое лицо выражало мои чувства; при входѣ моемъ министръ сказалъ мнѣ: Mauvaises nouvelles, m. Kisseleff.

Дурныя вѣсти, г. Киселевъ.

Я передалъ ему содержаніе депеши. C'est malheureux, отвѣчалъ онъ, nous ne pouvons pas vous en vouloir à vous personnellement; c'est une obstination de votre gouvernement d'autant plus malheureuse qu'elle peut lui être fatale. Je vais chez l'Empereur sur le champ.

Это очень грустно; мы за это не можемъ пенять на васъ лично, но это упрямство вашего правительства тѣмъ печальнѣе, что можетъ быть для него роковымъ. Сейчасъ отправляюсь къ Императору.

Дальнѣйшія произшествія открыли намъ глаза; но было поздно: союзъ съ Англіею былъ заключенъ на нашу погибель [1]).

II.

Вотъ что я слышалъ отъ графа Арсенія Андреевича Закревскаго, 12 Ноября 1861 года. Онъ уже не былъ тогда

[1]) Третій Наполеонъ, какъ и первый, желалъ поступить въ Русскую службу. Существуетъ о томъ письмо его матери Гортензіи къ княгинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Мещерской, сестрѣ военнаго министра князя Чернышева. Николай Павловичъ читалъ это письмо, но не выразилъ желанія имѣть въ Русской службѣ революціоннаго агитатора. *П. Б.*

[1]) Читатели сличатъ нынѣ столь оправданный событіями отзывъ покойнаго Государя о Людовикѣ Наполеонѣ въ Русскомъ Архивѣ 1870, стр. 1256 и 1947. *П. Б.*

генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, а жилъ частнымъ человѣкомъ въ собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ бывшаго Николая Аполлоновича Волкова. Я привезъ ему однажды прочесть письмо Погодина къ бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія Головнину. Послѣ чтенія зашелъ разговоръ объ прежней его службѣ и объ характерѣ покойнаго Государя Александра Павловича, и какъ-то рѣчь коснулась Сперанскаго, и по этому случаю графъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Это было въ 1821 году. Жилъ я въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ въ то время также жили Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и Каподистрія и, по возвращеніи изъ Сибири, Сперанскій. До пріѣзда его, мы трое имѣли обыкновеніе, передъ вечернимъ чаемъ, гулять по парку и почти каждый день встрѣчали Императора, который милостиво удостоивалъ каждаго изъ насъ словомъ. По возвращеніи Сперанскаго, онъ, прежде гордый и надменный, сталъ сильно заискивать въ людяхъ, близкихъ къ Императору и потому прикомандировался къ намъ для вечернихъ прогулокъ. Въ то время Государь бывалъ къ нему необычайно милостивъ, и намъ казалось, что прежнія ихъ отношенія могутъ снова возобновиться. Въ одинъ изъ вечеровъ, мы отправились въ паркъ прогуливаться, и съ нами пошелъ Сперанскій. Подходя уже къ нашему дому, мы встрѣтили Государя, который, поклонившись намъ очень милостиво, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ нѣсколько секундъ. По возвращеніи ко мнѣ, мы только что успѣли сѣсть около большаго чайнаго стола, какъ вошла къ намъ фрейлина Саблукова, впослѣдствіи княгиня Мадатова. Она въ то время не скрывала, что ей очень нравится Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, почти каждый вечеръ навѣщала насъ, и потому появленіе ея нисколько насъ не удивило; однако она обратила наше вниманіе своимъ встревоженнымъ и озабоченнымъ видомъ и, послѣ обычныхъ поклоновъ, сказала мнѣ: „Арсеній Андреевичъ, мнѣ нужно съ вами поговорить на единѣ“. Мы пошли. „Что къ вашимъ услугамъ?“ — „Вы сейчасъ встрѣтили Государя?“—„Да“—„Онъ вамъ ничего не говорилъ лично?“—„Сказалъ нѣсколько словъ.“—„Я сейчасъ шедши къ вамъ встрѣтилась съ Государемъ, который меня спросилъ, куда я иду и когда узналъ, что къ вамъ, то сказалъ мнѣ: „Скажите отъ меня Закревскому, что я „не желалъ бы, чтобъ онъ и друзья его „гуляли съ Сперанскимъ, даже чтобъ они „очень сходились. Я сейчасъ объ этомъ „говорилъ съ Императрицей“. Съ этихъ поръ мы сами перестали гулять и старались менѣе видѣться съ Сперанскимъ.

Однажды Государь, разговаривая съ графомъ Закревскимъ, сказалъ ему: „Сперанскій никогда не былъ измѣнникомъ „отечества, но вина его относилась лич„но ко мнѣ“.

Заявленіе Издателей Полярной Звѣзды.

Издатели Полярной Звѣзды просятъ всѣхъ собирателей такъ-называемыхъ новостей литературы, образцовыхъ сочиненій и прочихъ словесныхъ мозаиковъ, пощадить ихъ изданіе и не перепечатывать изъ онаго самовольно ни прозы, ни стиховъ. Въ противномъ случаѣ, если кто либо вздумаетъ впредь воспользоваться Варварійскимъ правомъ корсаровъ, то мы взамѣнъ не упустимъ употребить Европейское право эмбарго.

Побудительною причиною къ сему объявленію есть уваженіе къ Публикѣ, которой неприлично надоѣдать пьесами, нѣсколько разъ перепечатанными.

Александръ Бестужевъ.
Кондратій Рылѣевъ.

(Съ подлинника, писаннаго рукою Рылѣева)

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки обладаетъ наилучшими статистическими описаніями своей территоріи. Описанія эти составлены спеціалистами и могутъ служить, во всѣхъ отношеніяхъ, точнымъ и надежнымъ руководствомъ какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ, желающихъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о каждой мѣстности, о ея населеніи, естественныхъ свойствахъ и принадлежностяхъ. Послѣднее описаніе сего рода, только что изданное въ Бостонѣ, относится къ новой территоріи пріобрѣтенной отъ Россіи и составлено *Даллемъ*, директоромъ ученаго корпуса телеграфной экспедиціи (Alaska and its Resources. By Will. Dall, Director of the scientific Corps of the late Western-Union-Telegraph-Expedition. Boston, 1870.) Первая часть этой книги—этнографическая и содержитъ въ себѣ описаніе нравовъ, быта и промысловъ туземнаго населенія. Говорятъ, что это описаніе составлено весьма добросовѣстно и очень занимательно изложено. Сравнивая туземное племя, которое называетъ Иннуитами или Эскимосами, авторъ отдаетъ имъ въ нравственномъ отношеніи рѣшительное предпочтеніе передъ краснокожими. Съ особливою подробностью изслѣдованы звѣриные и мѣховые промыслы края.

*

По случаю предпринятаго Американскою Компаніею проведенія телеграфической линіи черезъ Русскія сѣвероамериканскія владѣнія и Беринговъ проливъ до устьевъ Амура, посланы были въ Камчатку четыре агента съ техниками. Они прибыли въ Петропавловской портъ въ Августѣ 1865 г. и въ ожиданіи пока двинется предпринятое дѣло (которое, какъ извѣстно, не состоялось) совершили путешествіе по дикимъ и малоизвѣстнымъ мѣстамъ, проѣхавъ со всевозможными приключеніями и опасностями до 6000 миль въ теченіи 20 мѣсяцевъ. Они изъѣздили весь Камчатскій полуостровъ, прибрежный край Охотскаго моря и, добравшись черезъ снѣжныя пустыни до Анадырскаго залива, направились оттуда черезъ всю Сибирь, въ Москву. Одинъ изъ участниковъ этого путешествія *Джорджъ Кеннанъ*, издалъ его описаніе, наполненное множествомъ интересныхъ и новыхъ для Англійской публики подробностей о природѣ края и о племенахъ его населяющихъ. Книга называется такъ: ***Походная жизнь путешественника въ Сибири и приключенія у Коряковъ и прочихъ племенъ въ Камчаткѣ и Сѣверной Азіи.*** (Tent-Life in Siberia, and Adventures among the Koraks and other Tribes in Kamtchatka and Northern Asia. By George Kennan. London, 1870. Low and C°).

*

Русскіе въ Средней Азіи, соч. Гелльвальда (Die Russen in Centralasien. Eine geographisch-historische Studie, mit einer Uebersichtskarte v. Friedrich v. Hellwald, Mitglied der Geographischen Gesellschaften zu Wien, Mexico, Paris, Genf u. s. w. Wien, 1869.) Это сочиненіе извѣстнаго въ географической наукѣ автора посвящено описанію Средней Азіи и въ особенности вновь пріобрѣтенныхъ Русскихъ владѣній. Авторъ близко знакомъ съ обширною литературою своего предмета, но географическая часть его труда основана преимущественно на изслѣдованіи Русскихъ путешественниковъ, Ханыкова, Семенова, Венюкова, Сѣверцова; описаніе края отличается полнотою и подробностью, равно какъ и разсказъ о Русскихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Туркестанѣ. Англійскіе критики упрекаютъ Гельвальда въ излишнемъ довѣріи къ Русской политикѣ и въ предубѣжденіи противъ Англійской.

*

Въ 1870 г. Диксонъ издалъ книгу *Свободная Россія* (Free Russia by W. Hepworth Dixon. London. 1870. Hurst and Blacket), нынѣ напечатанную уже третьимъ изданіемъ. Содержаніе и характеръ книги довольно извѣстны Русскимъ читателемъ изъ статей объ ней, появившихся въ Русскихъ журналахъ и изъ полемики, возникшей по поводу этой книги между авторомъ и проф. Капустинымъ [1]). Впрочемъ вотъ полное ея оглавленіе. На сѣверѣ. Замерзлое море. Двина. Архангельскъ. Религіозная жизнь. Богомольцы. Отецъ Іоаннъ. Владыка. Судно съ богомольцами. Святые острова. Мѣстные святые. Монастырское хозяйство. День богомольца. Молитва и трудъ. Черное духовенство. Чудеса. Великое чудо. Монастырское привидѣніе. Исторія о великомъ князѣ. Тюрьмы. Николай Ильинъ. Адріанъ Пушкинъ. Расколъ. Новыя секты. Народная церковь. Старовѣрцы. Преображенское кладбище. Рогожская. Политика раскола. Примиреніе. Дороги. Крестьянинъ-поэтъ. Лѣсныя картины. Патріархальный бытъ. Сельскія республики. Коммунизмъ. Города. Кіевъ. Всеславянство. Ссылка. Сибиряки. Св. Георгій. Великій Новгородъ. — Крѣпостное право. Татарскій дворъ. Св. Филиппъ. Крѣпостные. Освобожденіе. Свобода. Цехъ и артель. Господа и люди. Библія. Приходское духовенство. Консервативная революція. Тайная Полиція. Губернскіе правители. Гласные суды. Исламъ. Волга. Восточная степь. Донскіе Козаки. Подъ ружьемъ. Александръ.

Еще прошлою весною объявлено было изданіе Русскаго перевода книги Диксона, но еще не появлялось въ печати.

*

[1]) По лично сообщенному намъ отзыву секретаря Американскаго въ Россіи посольства Е. Е. Скайлера, М. Н. Капустинъ не только не принималъ никакого участія въ составѣ книги Диксона, но, поправляя въ корректурахъ по его просьбѣ ошибки въ написаніи именъ собственныхъ, предостерегалъ автора отъ сообщенія публикѣ небылицъ. *И. Б.*

Гербертъ Барри, бывшій главноуправляющій Выксинскими заводами Баташевыхъ, издалъ книгу о горнозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи (Russian Metallurgical Works, Iron, Copper and Gold, concisely described by Herbert Barry. London. Effingham Wilson. 1870). Сочиненіе это содержитъ въ себѣ краткую исторію горнозаводскаго дѣла въ Россіи, описаніе нынѣшняго состоянія желѣзнаго и мѣднаго производствъ и золотопромышленнаго дѣла; съ особеннымъ стараніемъ изложена исторія Баташевскихъ и Демидовскихъ заводовъ и дѣятельности первыхъ основателей оныхъ; авторъ излагаетъ причины упадка и нынѣшняго жалкаго состоянія какъ этихъ, такъ и другихъ частныхъ и казенныхъ заводовъ въ Россіи и описываетъ состояніе рабочихъ, о которыхъ отзывается съ похвалою.

*

Сочиненія объ исторіи и отношеніяхъ къ Россіи Прибалтійскихъ губерній.

1. **Бинеманъ**. Изъ Балтійскаго прошлаго; шесть лекцій изъ исторіи Эстолатышскаго края (Aus baltischer Vorzeit, v. Bienemann. Leipz. 1870). Авторъ, уроженецъ Риги, бывшій слушатель Ширрена, излагаетъ, съ точки зрѣнія своего учителя, въ шести публичныхъ лекціяхъ, исторію Эстляндіи и Лифляндіи до присоединенія къ Россіи.

2. **Бокъ**. *Лифляндскіе вклады* (Livl. Beiträge). Въ вышедшихъ 2 первыхъ тетрадяхъ третьяго тома, Бокъ продолжаетъ свои полемическія изслѣдованія о Русской внутренней политикѣ, особливо по отношенію къ Балтійскому поморью. Онъ распространяется объ отношеніяхъ Русской православной церкви къ католичеству и, по своему обычаю, обличаетъ со страстью усматриваемыя имъ повсюду стремленія православной церкви къ политической и религіозной пропагандѣ. Это даетъ ему поводъ къ выходкамъ противъ Овербека и даже про-

тивъ *Януса*, который по мнѣнію автора, дѣйствуетъ въ соглашеніи и за одно съ Овербекомъ!

3. **Тотъ же Бокъ** издалъ книгу: Нѣмецко-русское столкновеніе на Балтійскомъ поморьѣ: взгляды въ будущее при свѣтѣ прошедшаго и настоящаго (Der Deutsch-russische Konflikt an der Ostsee. Zukünftiges geschaut im Bilde der Vergangenheit und der Gegenwart. Leipzig. 1869). Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ статей. Послѣдняя содержитъ въ себѣ изслѣдованіе о Русской сельской общинѣ, критику общиннаго владѣнія и управленія по крестьянскому положенію 1861 г.; въ противоположность ему указываются общественныя и хозяйственныя улучшенія быта поселянъ въ Прибалтійскомъ краѣ, котораго не коснулась общая реформа.

4. Въ Лейпцигѣ вышла вторымъ изданіемъ извѣстная книга Гарлесса: *Историческіе очерки лютеранской церкви въ Лифляндіи съ 1845 г.* (Harless, Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands. Leipzig. 1869). Авторъ, занимающій важный церковный постъ въ Баваріи, горячій ревнитель лютеранства, описываетъ въ этой книгѣ, разумѣется съ своей пристрастной точки зрѣнія, борьбу лютеранства съ такъ-называемымъ фанатизмомъ православной пропаганды.

5. *Изъ прошедшаго Россіи.* Очерки изъ исторіи общественнаго развитія, соч. *Пирсона* (Dr. Will. Pierson. Aus Russland Vergangenheit. Kulturgeschichtliche Skizzen. Leipz. 1870. Dunker.) Книга эта, по всей вѣроятности, вышла изъ враждебнаго Русской національности лагеря поборниковъ Остзейскаго германизма, ибо въ концѣ ея, въ видѣ приложенія, находится статья: *Лифляндія въ лучшіе дни.* Вообще же сочиненіе Пирсона представляетъ рядъ очерковъ Русской исторіи и Русскаго быта съ начала Руси до 17 столѣтія прекрасно писанныхъ, но выражающихъ одну общую мысль—поставить Русскую національность и Русское развитіе внѣ общеевропейской цивилизаціи. Исторіей Россіи онъ хочетъ доказать, что Русскій народъ не имѣетъ права считать себя народомъ духовной культуры, подобно Германскому или Романскому племени.

6. Состояніе сельскаго населенія въ Россіи со времени отмѣны крѣпостнаго права, изд. *Эккарта* (Russland's ländliche Zustände seit Aufhebung der Leibeigenschaft. Drei russische Urtheile übersetzt und commentirt v. Julius Eckardt. Leipz. 1870). Книга эта содержитъ въ себѣ переводъ трехъ Русскихъ сочиненій: 1. Земля и воля; 2. статьи Кошелева о настоящемъ положеніи Русскихъ крестьянъ; и 3. письмà изъ деревни, помѣщеннаго въ Московск. Вѣдомостяхъ. Въ своихъ комментаріяхъ издатель относится критически къ освобожденію крестьянъ съ землей и къ его послѣдствіямъ.

7. *О финансовомъ самоуправленіи вообще и о преобразованіи Русской податной системы*, соч. Валькера (Walcker. Die Selbstverwaltung des Steuerwesens im Allgemeinen und die Russische Steuerreform. Berlin. 1869) Первая часть этой книги содержитъ въ себѣ общія начала предлагаемой авторомъ системы. Во второй части изложены начала Русской податной системы съ обстоятельнымъ ея разборомъ, по матеріаламъ и указаніямъ, содержащимся въ изданныхъ 16 томахъ „Трудовъ Русской Податной Коммиссіи“.

8. Г. Эккартъ распространяетъ свои взгляды на Россію и въ Англійской литературѣ. Одна изъ статей помѣщенныхъ въ этой книгѣ (Земля и воля) вмѣстѣ съ другими статьями того же автора собраны въ одну книгу, изданную на Англійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Современная Россія“ (Modern Russia, by Dr. Julius Eckardt. Lond. 1869. Smith, Elder et C°). Первую половину книги занимаетъ большая статья: *Россія при Александрѣ II*, составленная изъ прежнихъ сочиненій автора, напечатанныхъ въ журналѣ: Preussische Jahrbücher. Далѣе слѣдуютъ статьи: Русскій Комму-

низмъ, Православная церковь съ своими сектами, и—Балтійскія провинціи, выбранныя изъ прошлогодней книги Эккарта: Baltische und Russische Culturstudien.—По имени автора можно судить, въ какомъ духѣ всѣ эти статьи писаны; здравая критика въ самой Англіи не довѣряетъ безпристрастію отзывовъ и сужденій автора, особенно по крестьянскому дѣлу, которое именно съ прошлаго года возбуждаетъ особливый интересъ въ Англіи, по поводу горячаго вопроса объ устройствѣ поземельныхъ отношеній въ Ирландіи. Литература спѣшитъ, сколько можно, удовлетворить возбужденный интересъ. Въ началѣ нынѣшняго года Кобденовскій клубъ издалъ собраніе статей разныхъ авторовъ, пользующихся извѣстностью, подъ общимъ заглавіемъ: Системы земельнаго владѣнія въ разныхъ странахъ (Systems of Land-Tenure in various Countries. Essays published under the Sanction of the Cobden. Club. Lond. Macmillan.) Здѣсь помѣщена между прочимъ серіозная, безпристрастная и обстоятельная статья доктора Юлія Фошера о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Россіи по случаю освобожденія (On Russian Agrarean-legislation of 1861, by Dr. Julius Faucher). Авторъ—родомъ Прусакъ сочувственно относится къ закону 1861 года и съ похвалами говоритъ объ общихъ положеніяхъ крестьянской реформы, но подвергаетъ критическому разбору организацію сельской общины въ Россіи.

*

Переписка Вил. Уикгема, начиная съ 1794. (The Correspondence of the Right Honorable William Wickham from the year 1794, edited, with notes, by his Grondson, W. Wickham. 2 v. bl. London 1870. Bentley). Уикгемъ, извѣстный Англійскій дипломатъ, посланъ былъ въ 1794 г. Британскимъ правительствомъ въ Швейцарію, съ секретнымъ политическимъ порученіемъ, коего подлинная цѣль донынѣ остается въ неизвѣстности за истребленіемъ всѣхъ оффиціальныхъ бумагъ по этому дѣлу. Проживая въ Швейцаріи, въ качествѣ Британскаго уполномоченнаго министра, онъ вступилъ въ сношеніе съ Французскими роялистами, дѣйствовалъ усиленно противъ республиканскаго правительства во Франціи, возбуждалъ и поддерживалъ главныхъ вождей Вандейскаго возстанія и т. под. Изданная нынѣ переписка его интересна для Русскихъ читателей разсказами о знаменитомъ Суворовѣ, съ которымъ Уикгемъ имѣлъ довольно частыя сношенія во время Итальянской кампаніи. Иностранца конечно всего болѣе поражали въ Суворовѣ его странности; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ такъ описываетъ обѣдъ у Суворова. „Сегодня я обѣдалъ у Фельдмаршала въ 8 часовъ утра; хотя я и слыхалъ прежде объ его странностяхъ, но поведеніе его въ это утро такъ меня поразило, что я конечно принялъ бы его за сумашедшаго человѣка совсѣмъ безъ разсудка, когда бъ не зналъ по личному опыту, какой умъ у этаго человѣка. Колѣна у него совсѣмъ были согнуты, точно у дряхлаго старика,—а я еще наканунѣ вечеромъ былъ свидѣтелемъ его подвижной дѣятельности. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ точно идіотъ, повѣсивъ голову, спустивъ руки, обращался ко всякому и говорилъ сущій вздоръ, выбрасывая по временамъ ѣдкія слова и острыя замѣчанія, особливо объ Австріи и объ Вѣнскомъ кабинетѣ. Обѣдъ, вся сервировка и особливо прислуга — все было до такой степени грязно и отвратительно, что генералъ Еллашичь, самъ Кроатъ, не могъ себя принудить съѣсть что нибудь, чѣмъ Фельдмаршалъ повидимому былъ весьма недоволенъ. Обѣдъ продолжался цѣлыхъ три часа; тотчасъ послѣ обѣда онъ ушелъ спать, легъ въ постель и не вставалъ до четырехъ часовъ, а до пяти никого не пускалъ къ себѣ. И такимъ-то образомъ каждый день пропадаетъ у него самое лучшее время.“—Письмо содержитъ въ себѣ довольно подробностей о бывшихъ при Суворовѣ пле-

мянникахъ его, двухъ князьяхъ Горчаковыхъ. По словамъ Уикгема, оба они, особливо старшій [1]), до того завладѣли Суворовымъ, что мимо ихъ никто не можетъ его видѣть, и всѣ объясненія происходятъ въ ихъ присутствіи. Самъ Уикгемъ два раза безъ успѣха пытался добиться аудіенціи у Суворова, чтобы передать ему важное порученіе отъ своего правительства; наконецъ, не вытерпѣвъ, написалъ къ нему письмо и отдалъ кн. Горчакову для передачи, предупредивъ, что письмо это требуетъ соблюденія самой строгой тайны. Но черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ случайно, какъ Горчаковъ въ другой комнатѣ самъ распечаталъ это письмо, сталъ читать его и разсказывать его содержаніе бывшимъ тутъ Русскимъ офицерамъ.

[1]) Кн. Алексѣй Ивановичъ, позднѣе военный министръ.

*

Дипломатическій Кодексъ Тавро-лигурской Колоніи подъ управленіемъ Банка святаго Георгія съ 1453 по 1475 годъ (Codice diplomatico delle colonie Tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio, ordinato ed illustrato dal P. Amedeo Vigna. Tom I. Fasc. 1. 1868. 2. 1869. 3. 1870. Genova).

Это изданіе представляетъ много новыхъ, любопытныхъ матеріаловъ для исторіи Генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Матеріалы эти извлечены изъ богатаго архива Банка св. Георгія, имѣвшаго въ старинной Генуэзской республикѣ важное политическое значеніе, подобное значенію Остъ-индской Компаніи для Англійскихъ колоній. Банкъ этотъ составлялъ принадлежность громадной торговой компаніи, завѣдывавшей финансами въ Генуэзской республикѣ, ибо всѣ ея государственные доходы были въ залогѣ у Банка. Въ концѣ своего политическаго существованія, республика, не имѣя возможности удержать за собой свои иностранныя владѣнія, передала ихъ въ управленіе Компаніи Банка. Такимъ образомъ этотъ Банкъ, вслѣдъ за взятіемъ Константинополя Турками, принялъ въ неограниченное владѣніе свое всѣ Генуэзскія колоніи на Черноморскомъ берегу и управлялъ ими 22 года, до окончательнаго завоеванія ихъ Турками. Весь механизмъ этого управленія открывается изъ обнародованныхъ нынѣ документовъ. Центромъ управленія служила Кафа (Ѳеодосія), а кругъ его простирался въ одну сторону по прибрежью Азовскаго моря и Кавказскому прибрежью, а въ другую сторону по южному берегу Крыма черезъ нынѣшній Судакъ (Солдайя) до Балаклавы (Цембало). Изъ нынѣшнихъ документовъ открывается, что у самыхъ устьевъ Днѣпра существовало укрѣпленное владѣніе Генуэзскаго знатнаго рода, Сенавега. На южномъ берегу Крыма утвердился въ особенности Греческій элементъ, и нѣкоторые изъ владѣльцевъ стали мало по малу въ полную независимость отъ республики, владѣя на свое имя землями отхваченными у республики. Таково было владѣніе фамиліи Теодоро въ Инкерманѣ; изъ документовъ видно, что эта фамилія устроила для себя новую гавань въ Каламитѣ (близь Севастополя) и вела въ ней обширныя торговыя операціи въ подрывъ интересамъ республики.

*

Во Франціи изданы Воспоминанія знаменитой живописицы Вижѐ Ле-брёнъ (Souvenirs de Madame Vigée Le Brun. Paris. Charpentier. 1869. 2 vols.). Эта книга содержитъ въ себѣ разсказъ о поѣздкахъ автора ко Дворамъ разныхъ Европейскихъ государствъ.

Въ Россіи она прожила нѣсколько лѣтъ, и описываетъ съ подробностями Императрицу Екатерину II (скончавшуюся во время пребыванія г-жи Лебрёнъ въ Петербургѣ) и Русскій Дворъ того времени. Къ книгѣ приложенъ подробный

каталогъ всѣхъ портретовъ (числомъ до 700) писанныхъ г-жею Лебрёнъ.

*

Извѣстный историкъ Ранке сообщилъ въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи, а потомъ издалъ особо, отъисканную имъ въ государственныхъ архивахъ гор. Гаги переписку Фридриха Великаго съ принцемъ Вильгельмомъ IV Оранскимъ и съ супругою его Анною, дочерью Англійскаго короля Георга II (Berlin. 1869. Briefwechsel Friedrich des Grossen mit dem Prinzen Wilhelm IV etc.). Письма эти обнимаютъ періодъ времени съ 1735 по 1758 годъ и составляютъ любопытный матеріалъ для исторіи Семилѣтней войны и отношеній Пруссіи къ сосѣднимъ державамъ. Принцесса Анна, имѣвъ случай получать прямымъ путемъ извѣстія отъ Русскаго Двора, извѣщала Фридриха о видахъ въ отношеніи къ нему Русской политики, предупреждая его объ опасностяхъ, которыя угрожали ему съ этой стороны и которымъ король не хотѣлъ вѣрить.

*

Жизнеописаніе покойной Императрицы Александры Ѳеодоровны, сочиненное Гриммомъ, переведено на Англійскій языкъ леди Уеллесъ и издано въ 2 томахъ въ Эдинбургѣ (Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. By Th. von Grimm. Translated by Lady Wallace. Edinburgh. 1870).

*

Изданное въ Лейпцигѣ сочиненіе Пфлейдерера о жизни и дѣятельности Лейбница (Leibnitz als Patriot, Staattmann und Bildungsträger. Leipzig. 1870) содержитъ въ себѣ между прочимъ любопытныя изысканія объ участіи Лейбница въ политической борьбѣ партій за Польскую корону 1668 года и объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ и къ Германіи того времени.

*

Въ Лейпцигѣ издана книга: Государственный переворотъ 2 Декабря 1851 г. (Der Staatsstreich vom 2 December 1851 und seine Rückwirkung auf Europa), содержащая въ себѣ дипломатическую переписку между Французскимъ и прочими Европейскими правительствами по поводу событій 2 Декабря. Въ томъ числѣ помѣщено, кромѣ письма Императора Николая, нѣсколько важныхъ депешъ барона Брунова, гр. Нессельрода и Киселева.

*

Нѣкто Розенталь, ревностный католикъ, предпринялъ изданіе біографій всѣхъ значительныхъ лицъ, обратившихся въ католичество въ 19 столѣтіи и разсказовъ объ ихъ обращеніи. Это сочиненіе выходитъ отдѣльными частями подъ заглавіемъ: Convertirtenbilder aus dem 19 Jahrhundert. Schaffhausen. Вышедшее въ 1870 году 2 отдѣленіе 3 тома этого изданія содержитъ въ себѣ 785 страницъ, изъ числа коихъ 250 посвящены обращеніямъ въ католичество Русскихъ людей, съ біографическими подробностями объ нихъ. Первымъ въ ряду этихъ портретовъ выставленъ кн. Августинъ Голицынъ. Введеніе къ этому тому содержитъ въ себѣ общій очеркъ положенія и отношеній католической церкви въ Россіи къ правительству, наполненный обычными обвиненіями и жалобами на преслѣдованія.

*

Военныя силы Россіи, новыя преобразованія въ нихъ и политическое ихъ значеніе (Die Heeresmacht Russlands, ihre Neugestaltung und politische Bedeutung. Berlin. Dunker. 1870). Подъ этимъ заглавіемъ неизвѣстный авторъ описы-

ваетъ обстоятельно и безпристрастно, въ духѣ болѣе благопріятномъ нежели враждебномъ, нынѣшнее состояніе Русской арміи, новѣйшія улучшенія и существующіе недостатки.

*

Устная литература у Славянъ, какъ источникъ миѳологіи (Krek, Ueber die Wichtigkeit der Slavischen traditionellen Literatur als Quelle der Mythologie. Wien. 1869). Авторъ, г. Крекъ, самъ Славянинъ, дѣлаетъ въ этомъ сочиненіи остроумные выводы изъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ, преданій и обычаевъ разныхъ Славянскихъ племенъ, для сравнительной миѳологіи.

*

Wagner. Die Abschaffung des privaten Grundeigenthums. Leipz. 1870. Сочиненіе это, политическаго свойства, появилось въ опроверженіе разсужденій бывшихъ въ 1869 г. на Базельскомъ международномъ съѣздѣ рабочихъ о вредѣ частной поземельной собственности. Авторъ, являясь рѣшительнымъ ея защитникомъ, посвящаетъ третью главу своего сочиненія критикѣ общиннаго землевладѣнія въ Россіи (das Gemeineigenthum am Grund und Boden nach russischen Erfahrungen) и выставляетъ въ черномъ свѣтѣ хозяйственныя и общественныя его невыгоды, обнаружившіяся по показаніямъ противниковъ нашей общины, послѣ освобожденія крестьянъ въ Россіи.

*

Вышедшій въ Гамбургѣ 12 томъ дневника (Tagebücher) Фарнгагена фонъ Энзе заключаетъ въ себѣ замѣтки и разсужденія по поводу Восточной войны въ 1855 и 1856 г.—разсужденія, большею частью враждебныя Россіи.

*

Нѣкто фонъ-Фалль написалъ на Нѣмецкомъ языкѣ романъ въ 2 частяхъ изъ Русской жизни, подъ названіемъ: *Бояринъ* (Ein Bojar. Bilder aus dem russischen Leben. Von. A. V. Fall. Leipz. 1870. 2 Bände). Нѣмецкіе читатели хвалятъ живость описаній и занимательность интриги въ этомъ романѣ, отличающемся множествомъ дѣйствующихъ лицъ.

Статьи въ журналахъ.

Въ 1 книжкѣ историческаго журнала (Historische Zeitschrift) Зибеля, самого издателя: *Паденіе Польши* и *Революціонная война.* Бернгардта, статья *Объ освобожденіи Крестьянъ въ Россіи.*

Въ Англійскомъ журналѣ Temple-Bar-Magazine, біографическая статья о Герценѣ, соч. Ральстона. (Апрѣль 1870) Этотъ почтенный знатокъ и любитель Русской литературы не пропускаетъ случая, гдѣ можно, вступиться за нее противъ невѣжественныхъ отзывовъ другихъ писателей. Такъ въ изданной недавно книгѣ г. Фаррара: „Семейныя группы нарѣчій“ (Families of Languages), Ральстонъ положительно обидѣлся бѣглымъ замѣчаніемъ, что изъ числа Славянскихъ нарѣчій только Польскій языкъ да Сербскій представляютъ интересъ литературы, и напечаталъ въ журналѣ Athenaeum (1870, 26 Марта) статейку, въ которой цифрами взятыми изъ Указателя Межова доказываетъ, что есть Русская литература, и не только есть, но по всѣмъ отдѣламъ предоставляетъ замѣчательныя произведенія. Въ заключеніе онъ совѣтуетъ автору измѣнить свой отзывъ въ новомъ изданіи, чтобы не подвергнуться новымъ нападкамъ отъ „оскорбленнаго чувства“ Ральстона. Любопытно самое заглавіе этой статейки: Жалоба Славянофила (A Slavophile's appeal)

Въ ежемѣсячномъ журналѣ *Belgravia* (April 1870) есть статья нѣкоего Стиганда, подъ заглавіемъ: *Россія* и *Николай* 1 (Russia and Nicholas I. A biographical paper).

Въ концѣ прошлаго года появился новый Итальянскій литературный журналъ подъ назв. *Европейское Обозрѣніе* (Rivista Europea). Въ одной изъ первыхъ книжекъ этого изданія помѣщена статья Русской писательницы, Татьяны Свѣтовой: О правахъ женщины передъ закономъ (La Posizione Legale della Donna). Въ этой статьѣ, писанной по поводу извѣстнаго сочиненія Милля о подчиненіи женщины, авторъ доказываетъ, что по Русскому закону женщинѣ издавна предоставлены права равныя съ мужчиной. Въ 8 книжкѣ того же журнала помѣщена статья той-же писательницы о Диккенсѣ и Теккереѣ; а въ 9-й статьѣ Александра Герцена-сына объ Оуенѣ и Нью-Ланаркѣ.

Статьи о Россіи, довольно часто появляющіяся въ Нѣмецкихъ журналахъ, отличаются въ послѣднее время особенно враждебнымъ тономъ. Такова статья Гербеля въ Unsere Zeit (6 тетрадь 1870 года): Der Moskovitismus. Zur Characteristik der jetzigen russischen Zustände. Того же Гербеля статья подъ назв: „Жизнь въ Петербугскихъ салонахъ“ появилась въ журналѣ: Das Ausland, N. 10.

Въ журналѣ *Сѣверное Британское Обозрѣніе* (North British Review) за Апрѣль помѣщена статья „О партіяхъ и о политикѣ въ новой Россіи“ (Parties and Politics of Modern Russia), а за Октябрь — статья о Русской церкви и Русскомъ духовенствѣ (Russian church and clergy). Въ Эдинбурскомъ Обозрѣніи, за Октябрь, есть статья по поводу извѣстныхъ записокъ барона Розена: Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen. —Въ Лондонскомъ Двухнедѣльномъ Обозрѣніи (Fortnightly Review) за Сентябрь помѣщена статья за подписью г. Маркса: *Россія при Александрѣ II* (Russia under Alexander II), содержащая въ себѣ довольно жидкій очеркъ крестьянской реформы и послѣдующихъ событій на основаніи книги Эккарта и свѣдѣній собранныхъ Митчелемъ для Парламента. Въ *Art-Journal* за Нонбрь есть статья о художественныхъ классахъ въ Москвѣ.

Извѣстно, что Французскій король Людовикъ XV имѣлъ обычай вести секретныя дипломатическія сношенія непосредственно и независимо отъ оффиціальныхъ сношеній, чрезъ особо-довѣренныя лица, въ глубокой тайнѣ отъ своихъ министровъ и оффиціальныхъ представителей. Въ статьяхъ герцога Альберта де Броли, помѣщенныхъ въ Revue de deux Monde 15 Мая и 15 Іюля 1870 г. разсказанъ любопытный эпизодъ этой тайной дипломатики, имѣющій отношеніе къ Россіи и Польшѣ. Это—исторія тайныхъ сношеній Людовика XV съ Польшей чрезъ одного изъ предковъ автора, графа Шарля Франсуа де Броли, —имѣвшихъ цѣлію противодѣйствовать вліянію Русской партіи въ Варшавѣ и содѣйствовать выбору на Польскій престолъ принца де Конти (1754 г.).

Въ третьей статьѣ (тамъ же, 15 Іюля) описывается посылка де Броли въ Варшаву (въ Мартѣ 1757 г.) въ качествѣ Французскаго посланника, и усилія его при дворѣ короля Августа для противодѣйствія Русскому вліянію и Русской политикѣ. Авторъ останавливается на личности Станислава Понятовскаго, бывшаго въ то время представителемъ Польши при Рускомъ дворѣ. Де Броли не былъ поддержанъ своимъ дворомъ въ энергическихъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, и Французская партія въ Польшѣ потерпѣла уронъ, вслѣдствіе неуспѣховъ Французскаго оружія въ Семилѣтней войнѣ,—и Броли въ досадѣ на недостатокъ поддержки выходитъ въ отставку.

Въ Извѣстіяхъ Берлинской Академіи Наукъ помѣщено и потомъ издано особо изслѣдованіе Шотта о Татарскихъ нарѣчіяхъ въ Сибири (W. Schott. Altaische Studien oder Untersuchungen auf den Gebiete der tatarischen (turanischen) Sprachen. Berlin. Dümmler).

Во второй книжкѣ Историческаго Журнала Зибеля (Historische Zeitschrift) за 1870 годъ помѣщена депеша Лаудона Австрійскому правительству, писанная въ пору битвы подъ Кунерсдорфомъ и

объясняющая неудовольствіе и пререканія между Русскими и Австрійскими военачальниками во время Семилѣтней войны. Въ той же книжкѣ статья Викельмана о положеніи Прибалтійскихъ губерній и объ отношеніи ихъ къ Рускому правительству и къ общественному мнѣнію въ Россіи. Статья эта составлена на основаніи враждебныхъ Россіи сочиненій Эккарта, Ширрена, Гарлесса и Бока. Въ томъ же духѣ пристрастномъ противъ Россіи написана и статья помѣщенная въ Іюльской книгѣ Эдинбургскаго Обозрѣнія: *The Baltic Provinces of Russia.*

Существующее въ Парижѣ общество Польской исторіи и литературы (Société d'Histoire et de literature polonaise) издаетъ труды свои ежегодными выпусками. Въ послѣднемъ, 4-мъ, ежегодникѣ помѣщено историческое изслѣдованіе о причинахъ разстройства и слабости Польскаго правительства въ 17 и 18 столѣтіяхъ и о сношеніяхъ Польши съ Оттоманскою Портой въ царствованіе Станислава Августа.

Въ засѣданіи Лондонскаго Азіятскаго общества, одинъ изъ членовъ, г. Томасъ, представилъ записку: „О монетахъ недавно найденныхъ въ Пермской губерніи“, написанную по приглашенію г. Тизенгаузена, секретаря Археологическаго общества въ Петербургѣ. По изслѣдованіи этихъ монетъ въ доставленныхъ снимкахъ, г. Томасъ придаетъ имъ великую важность, полагая, что ими открывается совершенно новое поле для историческихъ изысканій о невѣдомой доселѣ Индо-Пароянской династіи, властвовавшей по всей вѣроятности не въ далекѣ отъ области р. Инда.

—Въ засѣданіи Лондонскаго антропологическаго общества 15 Марта 1870 года читана была записка „О странныхъ свойствахъ Русской религіозной секты скопцовъ“ (On the Stronge Peculiarities obserwed by a religions Sect of Moscovites, called Scoptsi). Записка эта составлена членомъ общества докторомъ Бернардомъ Дéвисомъ по матеріаламъ и свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ доктора Коперницкаго изъ Букарешта. Для изъясненія записки былъ выставленъ нарочно устроенный анатомической препаратъ.

Въ Маѣ 1870 г. г. Рольстонъ предпринялъ въ Лондонѣ два публичныя чтенія о Русскихъ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ (Russian Folk-lore). Изъ журнальныхъ отзывовъ видно, что эти чтенія имѣли большой успѣхъ и въ высшей степени интересовали публику.

Съ 1870 года учреждена въ Оксфордскомъ университетѣ каѳедра Славянскихъ нарѣчій и исторіи Славянскихъ литературъ. На каѳедру эту избранъ мистеръ Морфилль (Morfill), который славится знатокомъ предмета. Замѣчательно, что каѳедра эта поддерживается процентами съ капитала, принесеннаго Университету въ даръ лордомъ Ильчестеромъ, именно для основанія Славянской каѳедры.

Переводы Русскихъ сочиненій.

Самарина, Окраины Россіи, переводъ съ предисловіемъ и комментаріями Юлія Эккарта. (Juri Samarin's Anklage gegen die Ostseeprovinzen Russlands, übersetzt aus dem russischen. Eingeleitet und commentirt v. J. Eckardt. Leipz. 1869.)

Въ Копенгагенѣ, профессоромъ Смитомъ изданъ въ 1869 г. Датскій переводъ лѣтописи Нестора, съ комментаріями издателя, которымъ ученая критика придаетъ значительную цѣну и для исторіи и для филологіи.

Въ періодическомъ изданіи „Viden Skabernes Selskab“ за 1869 годъ помѣщена статья проф. Гольма: Политика Даніи во время войны Россіи со Швеціей 1788—1790.

Изъ сочиненій Тургенева появились во Французскомъ переводѣ *Странная исторія* Etrange histoire. Revue de d.Mondes, Mars. 1870. Въ Англійскомъ: *Собачка* (The Dog. Temple-Bar-Magazine. March. 1870) Въ томъ же журналѣ (May 1870) помѣщена *Странная исторія*, подъ названіемъ; *Idiot*, въ прекрасномъ переводѣ г. *Роль*

стона. О Тургеневѣ и его сочиненіяхъ пишетъ съ восторженною похвалою извѣстный Нѣмецкій критикъ Юліанъ Шмидтъ въ собраніи критическихъ статей, появившемся въ 1870 г. подъ названіемъ: *Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit.* Въ Нѣмецкомъ журналѣ Buch der Welt за 1870 годъ напечатанъ переводъ повѣсти *Накануньь* (Am Vorabend).

Въ Галле напечатано и издано собраніе Эстонскихъ народныхъ сказокъ (числомъ 24) въ Нѣмецкомъ переводѣ Лёве, съ предисловіемъ академика Шифнера, и съ примѣчаніями Веймарскаго книгопродавца Кёлера.

Русскій проживающій въ Парижѣ, г. Скрипицынъ, собралъ въ одну книжку статьи своей помѣщенныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Union Chretienne, Le Nord) съ 1862 по 1869 годъ, по вопросамъ религіознымъ, церковнымъ и политическимъ. Книжка издана въ Парижѣ подъ заглавіемъ. Mélanges politiques et réligieux. 1869.

Сынъ извѣстнаго Русскаго писателя Герцена, Александръ Герценъ, проживающій во Флоренціи, издалъ тамъ на Итальянскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Физіологическій анализъ свободной воли у человѣка* (Analisi fisiologica del libero arbitrio umana).

При нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ журналахъ 1870 года разослано было объявленіе книгопродавца Бера въ Лейпцигѣ о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ изданія, подъ заглавіемъ: *Библіотека Спиритуализма* (Eine Bibl. des Spiritualismus), предпринятаго съ цѣлію познакомить Германскую публику и представителей науки съ фактами и началами, добытыми спиритуализмомъ въ Америкѣ и въ Англіи. Упоминаемъ объ этомъ изданіи потому, что въ числѣ двухъ издателей поименованъ нѣкто г. Александръ Аксаковъ, надворный совѣтникъ въ Петербургѣ. Первый выпускъ этого изданія, содержащій въ себѣ переводъ книги г. Девиса: Die Principien der Natur, содержитъ въ себѣ предисловіе, написанное г. Аксаковымъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.			Напечатано:	Читай:
196	св.	15	архіепискомъ	архіепископомъ
218	сн.	5	Платонотъ	Платономъ
—	—	4	пископъ	пископомъ
—	—	3	Мильхиседека	Мельхиседека
220	св.	23	горадо	гораздо
226	сн.	12	вѣстіепосвящая	вѣстіе посвящаю
235	сн.	11	надо	но до
260	сн.	14	тахъ	товъ
266	сн.	1	корпуская	корпусная
278	св.	6	Кисилевъ	Киселевъ
8	—	8	учиницъ	учениць
38	—	16	съѣдить	съѣздить
46	—	18	кажныя	важныя
52	—	17	рилигіей	религіей
160	сн.	18	увидить	увидѣть
162	—	21	ни могъ	не могъ
177	св.		V	XIV
012	сн.	5	нужна	нужно
035	св.	13	Московской	Владимірской
037	сн.	8	Корсаковъ	Корсакова
040	св.	1	губератора	губернатора
041	сн.	13	положенія	положеніе
044	—	17	Мишалевичъ	Милашевичъ
0103	—	19	запыльчивостію	запальчивостію
0104	св.	14	прижались	принижались
0115	сн.	9	татарскомъ	татарскимъ
0118	—	16	это	этого
0135	—	2	ими	имъ
0137	св.	8	эта	это
0156	—	6	totius	totus
0188	сн.	8	тоща	таща
328	св.	15	протирѣчія	противорѣчія
333	сн.	17	убидить автора	убѣдить автора
			Записакъ	Записокъ
336	св.	20	доблястяхъ	доблестяхъ
339	—	34	непечатаніе	напечатаніе
370	сн.	6	удивитъ	удивляетъ
372	св.	17	нужны	нужды
391	сн.	5	командуютъ	командуетъ
392	—	13	посьмо	письмо
423	св.	12	рую	рою
484	—	17	ведѣнія	веденія
490	—	21	народъ	на родъ
513	—	7	ризумѣется	разумѣется
522	—	3	тоже	таже
529	сн.	9	имя	ими
537	—	17	вреиенное	временное
539	—	17	Делегацію	Делегаціею
544	—	20	Зоболоцкаго	Заболоцкаго
710	—	7	много	мною
750	—	2	преже	прежде
—	—	14	такъ	такъ какъ
774	—	23	какой	такой

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Өеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Өеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ө. де-Пуле,* написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й,* или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова,* съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго, *выходящихъ по мѣрѣ отпечатанія*, составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — **1** р. **50** к., для Франціи — **2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива. **Петръ Бартеневъ.**